


STRATUM plus

ВАШ — археологический журнал

# От Балкан до Гималаев: Время цивилизаций

- **КЛЛК — "...классический образец неолита в древнем мире..."**
- **Происхождение спиральных орнаментов трипольской керамики**
- **Карпато-Днестровский регион: особенности культурного развития**
- **Моделирование лица по черепу в катакомбной культуре**
- **Древние цивилизации Востока и степные племена**
- **Раскопки гробницы Зардчахалифа на Верхнем Зеравшане**
- **Интерпретация погребений с дисковидными псалиями**
- **Керамика степного облика в бронзе Туркменистана**
- **Радиоуглеродная хронология цивилизаций бронзового века**
- **Новые открытия в Северном Пакистане**
- **"Прагматика типологии" братьев Адамсов**

**Санкт-Петербург • Кишинёв • Одесса**

**1999 № 2**

# STRATUM *plus*

- **STRATUM *plus*** — международный археологический журнал. Издается университетом “Высшая антропологическая школа” в Кишиневе, Республика Молдова.
- Журнал выходит шесть раз в год на русском языке в виде тематических номеров, каждый из которых посвящается либо отдельной археологической эпохе, либо отдельной достаточно актуальной проблеме археологической науки.
- Тематика статей журнала не ограниченна ни регионально, ни хронологически.
- Все статьи содержат резюме на английском языке.

Журнал распространяется в розницу и по почте. Заказы, рукописи и вопросы направлять по адресу:

**MD 2024. Республика Молдова, Кишинев, ул.Зимбрулуй 10 а,**
**Высшая антропологическая школа,**
**журнал STRATUM plus.**
**Тел./факс (3732) 438-342;**
**e-mail: root@rm.moldova.su; HAS@HAS.mldnet.com**

## РЕДКОЛЛЕГИЯ:

**И.А.Борзияк** — канд.ист.наук (Институт археологии и этнографии АН, Кишинев, Молдова)
**И.В.Бруяко** — канд.ист.наук (Археологический музей, Одесса, Украина)
**П.П.Бырня** — докт.ист.наук (Высшая антропологическая школа, Кишинев, Молдова)
**Л.Б.Вишняцкий** — канд.ист.наук (Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия)
**А.П.Городенко** — канд. ист. наук (Институт археологии и этнографии АН, Кишинев, Молдова)
**Е.Ю.Гиря** — канд.ист.наук (Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия)
**В.А.Дергачев** — докт.ист.наук (Высшая антропологическая школа, Институт археологии и этнографии АН, Кишинев, Молдова)
**А.О.Добролюбский** — докт.ист.наук (Южноукраинский педагогический университет, Одесса, Украина)
**В.Ю.Зуев** — канд.ист.наук (Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия)
**С.И.Коваленко** — канд.ист.наук (Институт археологии и этнографии АН, Кишинев, Молдова)
**И.В.Манзура** — канд.ист.наук (Высшая антропологическая школа, Кишинев, Молдова)
**К.К.Марченко** — докт.ист.наук (Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия)
**Р.А.Рабинович** — канд.ист.наук (Высшая антропологическая школа, Кишинев, Молдова)
**Н.Д.Руссев** — канд.ист.наук (Высшая антропологическая школа, Кишинев, Молдова)
**М.Е.Ткачук** — канд.ист.наук (Высшая антропологическая школа, Кишинев, Молдова)
**О.В.Шаров** — канд.ист.наук (Издательство “Фарн”, Санкт-Петербург, Россия)
**О.А.Щеглова** — канд.ист.наук (Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия)
**М.Б.Щукин** — докт.ист.наук (Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия)
**П.В.Шувалов** — канд.ист.наук (Санкт-Петербургский государственный университет, Россия)

**Ответственный секретарь — Л.А. Мосионжник** (Высшая антропологическая школа, Кишинев, Молдова)




**Редактор номера — Игорь В. Манзура**
**Заместитель редактора – Юрий Г. Кутимов**
**Ответственный секретарь – Леонид А. Мосионжник**

**Редколлегия выпуска:**
**В.А.Дергачев**
**С.И.Коваленко**
**Р.А.Рабинович**

**При участии: Ю.В.Гончаровой и А.А.Липатова.**

**Санкт-Петербург • Кишинёв • Одесса**

ISBN 9975-9559-1-6

Все права защищены!
© Высшая антропологическая школа
© Оригинал-макет: Л.А.Мосионжник
© Оформление обложки: Д.А.Топал, Л.А.Мосионжник

# “От Балкан до Гималаев: Время цивилизаций”



**70-летию**
**Вадима Михайловича Массона**
**посвящается**

## С О Д Е Р Ж А Н И Е

**Патриарху Евразийской археологии — Вадиму Михайловичу Массону — 70 лет. Взгляд из Молдовы ..... 7**

## МОНОГРАФИЯ В ЖУРНАЛЕ

**Ларина О.В.** *(Кишинев, Молдова)***. Культура линейно-ленточной керамики Пруто-Днестровского региона ..... 10**

Введение ..... 10
Глава I. Проблематика культуры линейно-ленточной керамики Карпато- Поднестровья 12
1. История изучения памятников культуры линейно-ленточной керамики Карпато-Поднестровья ..... 12
2. О понятии культуры КЛЛК ..... 20
3. Вопросы периодизации ..... 22
Глава II. Природные условия региона ..... 24
Глава III. Памятники культуры линейно-ленточной керамики на территории Молдовы ... 27
1. Источники ..... 27
2. Поселения ..... 28
3. Жилища и хозяйственные объекты ..... 34
Глава IV. Материальная культура ..... 46
1. Орудия труда ..... 47
2. Керамика ..... 58
3. Предметы культа, украшения и пр. ..... 87
Глава V. Система хозяйства ..... 88
1. Земледелие ..... 88
2. Животноводство, охота, собирательство ..... 92
3. Домашние промыслы ..... 95
Глава VI. Памятники культуры линейно-ленточной керамики Пруто-Днестровского междуречья в системе КЛЛК и среди других культур региона ..... 97
1. Проблема происхождения. Локальные различия ..... 98
2. Место Пруто-Днестровских памятников в системе КЛЛК и среди других культур региона ..... 100
Заключение ..... 104
Приложения ..... 113

## ИССЛЕДОВАНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

**Коваленко С., Бодян С.** *(Кишинев, Молдова)***. Цариград II — поселение раннего неолита на р. Реут в Молдове ..... 141**

**Палагута И.В.** *(Москва, Россия)***. Проблемы изучения спиральных орнаментов трипольской керамики ..... 148**

**Гаврилов А.В.** *(Симферополь, Украина)***, Тощев Г.Н.** *(Запорожье, Украина)***. Курган у села Желябовка в Крыму ..... 160**

**Ляшко С.Н.** *(Киев, Украина)***. О находке в р. Днепр деревянного колеса эпохи бронзы ..... 167**

## МИГРАЦИИ В АРХЕОЛОГИИ

**Дергачев В.А.** *(Кишинев, Молдова)***. Особенности культурно-исторического развития Карпато-Поднестровья. К проблеме взаимодействия древних обществ Средней, Юго-Восточной и Восточной Европы ..... 169**

## ЭКО-СОЦИАЛЬНЫЕ РЕКОНСТРУКЦИИ

**Пустовалов С.Ж.** *(Киев, Украина)*. **Моделирование лица по черепу у населения ингульской катакомбной культуры ..... 222**

**Секерская Е.П.** *(Одесса, Украина)*. **Скотоводческо-охотничья деятельность населения эпохи поздней бронзы на территории юга Украины ..... 256**

## ИНДО-ИРАНСКАЯ ПРОБЛЕМА И АРХЕОЛОГИЯ БРОНЗОВОГО ВЕКА ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ

**Массон В.М.** *(Санкт-Петербург, Россия)*. **Древние цивилизации Востока и степные племена в свете данных археологии ..... 265**

**Пьянкова Л.Т.** *(Душанбе, Таджикистан)*. **Степные компоненты в комплексах бронзового века юго-западного Таджикистана ..... 286**

**Бехтер А.В.** *(Санкт-Петербург, Россия)*. **Сейминское и андроновское клинковое оружие: к проблеме взаимодействия традиций ..... 298**

**Бобомуллоев С.** *(Душанбе, Таджикистан)*. **Раскопки гробницы бронзового века на верхнем Зеравшане ..... 307**

**Кутимов Ю.Г.** *(Санкт-Петербург, Россия)*. **Культурная атрибуция керамики степного облика эпохи поздней бронзы южных районов Средней Азии (Туркменистана) ..... 314**

**Щетенко А.Я.** *(Санкт-Петербург, Россия)*. **О контактах культур степной бронзы с земледельцами Южного Туркменистана в эпоху поздней бронзы (по материалам поселений Теккем-депе и Намазга-депе) ..... 323**

**Гончарова Ю.В.** *(Санкт-Петербург, Россия)*. **Некоторые аспекты интерпретации погребений с дисковидными псалиями в степной и лесостепной зонах Евразии ..... 336**

**Кирчо Л.Б., Попов С.Г.** *(Санкт-Петербург, Россия)*. **К вопросу о радиоуглеродной хронологии древнейших цивилизаций Средней Азии ..... 350**

**Ахмад Хасан Дани** *(Исламабад, Пакистан)*. **Новые окрытия в Северном Пакистане и проблема происхождения дардской культуры ..... 362**

## РЕЦЕНЗИИ

**Клейн Л.С.** *(Санкт-Петербург, Россия)*. **Философия классификации и археологическая практика в книге Адамсов ..... 368**

**СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ ..... 373**

**CONTENTS ..... 374**

# ПАТРИАРХУ ЕВРАЗИЙСКОЙ АРХЕОЛОГИИ — ВАДИМУ МИХАЙЛОВИЧУ МАССОНУ — 70 ЛЕТ. ВЗГЛЯД ИЗ МОЛДОВЫ

Не случайно выход в свет второго, «неолитическо-бронзового» выпуска журнала «Stratum Plus» — «Время Цивилизаций» — приурочен к славному юбилею — семидесятому дню рождения Вадима Михайловича Массона.

Исследовательская и научно-организаторская деятельность В.М.Массона получила мировое признание и принесла ему заслуженную славу. В настоящее время он возглавляет сектор Средней Азии и Кавказа Института Истории материальной культуры Российской Академии наук, является членом Российской Академии естественных наук, Академии наук Туркменистана, Королевской Академии науки и литературы Дании, почетным членом различных институтов и обществ в Великобритании, Германии, Италии, и т.д. Многие ученые (среди них и выдающиеся востоковеды) справедливо считают В.М.Массона одним из наиболее значительных российских археологов и историков нашего времени, всемирно известным ученым.

Молодой человек, уже в 19 лет закончивший Среднеазиатский государственный университет, обучаясь на Кафедре среднеазиатской археологии, направляемый своим отцом — академиком М.Е.Массоном, прошедший в 1950-1953 гг. аспирантуру в Ленинградском Отделении Института археологии АН СССР под руководством известного археолога и востоковеда М.М.Дьяконова, защитивший в 25 лет кандидатскую диссертацию и получивший в 33 года степень доктора исторических наук, В.М.Массон стал, без сомнения, выдающимся ученым. Многочисленные и разнообразные работы Вадима Михайловича, опубликованные в различных изданиях России, СНГ и Запада, подтверждают это. Он написал более 32 монографий и более 500 статей. Работы В.М.Массона опубликованы в США, Англии, Германии, Японии, Франции, Италии и т.д.

Отмечая славные даты, невольно вспоминаешь о прошлом. Впервые я встретился с Вадимом Михайловичем, еще будучи студентом исторического факультета Ленинградского госуниверситета. В то время Массон был уже молодым доктором исторических наук и читал курс под названием «Средняя Азия и Древний Восток». Его лицо излучало неиссякаемую энергию, свойственную интеллектуалу с энциклопедическими знаниями, с великолепным знанием предмета, который, надо ли об этом говорить, преподавался нам в остроумной форме. Лекторский талант в Вадиме Михайловиче великолепно сочетался с прекрасным умением полевого исследователя, которое нельзя было не заметить в сезоне 1955 г., во время проведения Каракумской экспедиции под его руководством. Раскопки велись в самом древнем центрально-азиатском центре протоурбанистической цивилизации эпохи бронзы – Алтын-депе. Каждый раз, когда В.М.Массон приезжал из экспедиции в Ашхабад, тихая мирная жизнь местных археологов немедленно прекращалась. Вихри, производимые Массоном, немедленно вовлекали всех в активную работу.

Экспедиция показала замечательную научную интуицию Вадима Михайловича. Бегая по всей территории поселения и размышляя, он настойчиво искал наиболее продуктивные места для новых раскопов. Ему это всегда удавалось. Сооружения, давшие очень ценную научную информацию и богатый материал, были выявлены на каждом из выбранных мест для раскопов. Достаточно вспомнить его ранние исследования на древнем земледельческом поселении VI тысячелетия до н.э. – знаменитом Джейтуне, которые приобрели всемирную известность благодаря уникальным находкам, ярко повествующим о первых земледельцах и скотоводах. В.М.Массон первый выделил Джейтунскую культуру как существенный феномен в системе земледельческих общин Древнего мира. Следуя за Г.Чайлдом, он разрабатывал проблему «неолитической революции» на основе нового конкретного материала, что привело к публикации всем известной монографии «Поселение Джейтун. Становление производящей экономики», вышедшей в Ленинграде в 1971 году. Книга была переведена на венгерский язык, и сам Джейтун, как образцовый памятник, вошел во все справочники и важные обобщающие труды по исследованию примитивных культур.

© Дергачев В.А., 1999.

Можно также вспомнить об открытии протоурбанистической цивилизации Алтын-депе в Каракумской пустыне, которая датировалась концом III — началом II тысячелетия до н.э. Там был раскопан комплекс монументального храма, найдено принадлежащее социальной верхушке имущество. В погребальном комплексе были обнаружены золотые головы волка и быка, инкрустированные бирюзовыми вставками. В заключительной, посвященной исследованиям этого памятника, монографии Алтын-депе был включен в систему ранних восточных цивилизаций. Книга вышла в 1981 г. и затем была полностью переведена в США. За эти работы В.М.Массон был удостоен Государственной премии Республики Туркменистан. Он продолжал изучение феномена древних цивилизаций, и в 1989 г. в Ленинграде опубликовал монографию под названием «Первые цивилизации». В этой книге были последовательно рассмотрены древние цивилизации Среднего Востока, Индии, Китая, Перу и Америки. Трудно переоценить значение этой книги. Я могу привести мнение выдающегося ученого, академика А.Бабаева, который писал: «Даже поверхностное знакомство с книгой «Первые цивилизации» позволяет заключить, что они носили глобальный характер..., показывает ее неоценимый вклад в мировую археологию».

Область исследований Вадима Михайловича не ограничилась только «кабинетными» обобщающими работами. Он начал свои полевые исследования с изучения среднеазиатских памятников, предшествовавших завоеванию этих провинций Ахеменидами. Так, Массон раскопал Яз-депе – цитадель-резиденцию правителя доахеменидской эпохи. Раскопки Яз-депе и особенно комплексы Яз I, II и III служат образцом среднеазиатской археологии.

В соответствии с археологической периодизацией Яз-депе относится к эпохе раннего железа. Вместе с тем он охватывает спектр исследовательских интересов многих эпох, начиная с палеолита.

Касаясь анализа нумизматических и письменных источников, В.М.Массон уделял много внимания истории доарабского Востока, что, конечно, нашло отражение в двухтомнике «История Афганистана». Он был написан в соавторстве с востоковедом В.А.Ромодиным и опубликован в 1964-1965 гг. Древние памятники Средней Азии были включены в систему мировой археологии благодаря книге «Средняя Азия и Древний Восток» (Москва, 1964). Большое внимание уделил Вадим Михайлович и изучению кушанской культуры I-IV вв. до н.э. Вопросы, связанные с древней историей Средней Азии, особенно динамика урбанизации, были рассмотрены в его книге «Земля тысячи городов» (Москва, 1966). В 1969 г. эта книга, переведенная на японский, была опубликована в Токио, а в 1982 ее рецензированное и дополненное издание вышло в Германии.

Часть работ В.М.Массона посвящена теоретическим и методологическим вопросам археологии и исторических наук в целом. Он даже предлагает назвать «социологической археологией» работы по социальным и экономическим интерпретациям археологических данных. Этим проблемам посвящена его книга «Экономика и социальный строй древних обществ» (Ленинград, 1986). Особое внимание уделено в ней раннеземледельческим обществам Средней Азии и Балкан. Как бы продолжая эту тему, Вадим Михайлович, со свойственной ему энергией, организовал большое количество симпозиумов и семинаров как в Ленинграде, так и в других центрах — на Украине, в Армении, Туркменистане, в Молдове.

В последнее время деятельность этого ученого связана с рассмотрением проблем культурогенеза. Оба исследовательских направления — антропологическое и социологическое — были реализованы В.М.Массоном в книге «Исторические реконструкции в археологии», впервые опубликованной в 1990 г. во Фрунзе, а затем в новом измененном варианте в Самаре в 1996. Новые исследовательские аспекты и направления его деятельности свидетельствуют о его интересах в различных исследовательских областях. Достаточно вспомнить концепцию взаимодействия традиций и инноваций, типы культурной трансформации, проблемы культурной интеграции. Недавно на письменном столе археолога появилась новая книга Вадима Михайловича «Палеолит Восточной Европы», посвященная проблемам палеоэкономики, культуро- и социогенеза. Она демонстрирует исследовательское отношение к образованию древних обществ, вопросам конкретного исторического плюрализма, окружающей среды и систем социокультурной адаптации, динамики экономики и заселения в палеолитическую эпоху, исследует палеолитические общества как исторический феномен, экологический стресс голоцена и ритмы культурогенеза.

С 1982 года и вплоть до недавнего времени Вадим Михайлович Массон возглавлял Институт Истории материальной культуры Российской Академии наук (ИИМК РАН). Он играл и по-прежнему играет важную роль в международном сотрудничестве ученых стран СНГ и стран Запада, организуя совместные программы и симпозиумы в Дании, Польше, Белоруссии, Таджикистане, Украине и других странах. Благодаря своему таланту ученого и организатора науки, соединенному с талантом великолепного профессора, В.М.Массон создал целую школу выдающихся археологов, чьи представители работают в России, Туркменистане, Узбекистане, Таджикистане, Кыргызстане, Молдове, Армении, Казахстане, Вьетнаме, Корее и т.д.

Массон и Молдова – это своя отдельная

тема, которая, может быть, не менее любопытна, чем тема среднеазиатская. Вадим Михайлович не вел раскопок в наших краях, но именно ему удалось «раскопать» у нас целую плеяду молодых исследователей. В пору директорства В.М.Массона в ИИМК защитили диссертации, закончили аспирантуру и прошли стажировку около 30 археологов из Молдовы. Влияние школы ИИМК было столь велико, что теперь можно уверенно утверждать: нынешняя молдавская археология является одним из продолжателей традиций ленинградско-петербургской археологической школы, а В.М.Массон в известном смысле стал ее основоположником у нас. Теперь эта традиция, конечно же, вступает в противоречие с некоторыми другими «свежеиспеченными» приоритетами и стандартами в понимании задач археологической науки в Молдове. Но петербургская «закваска» дает себя знать. Большинство наших («питерских») археологов трудно уличить в каких-либо национальных симпатиях либо антипатиях. Мы остаемся пристрастными только в одном – в верности своим учителям и тому главному, чему научил нас ИИМК, – в верности археологическим источникам.

***Валентин А. Дергачев,***
*директор Института Археологии и этнографии АН РМ,*
*зав. кафедрой Преистории Высшей Антропологической Школы,*
*доктор исторических наук.*

## МОНОГРАФИЯ В ЖУРНАЛЕ

*Ларина О.В.*

# КУЛЬТУРА ЛИНЕЙНО-ЛЕНТОЧНОЙ КЕРАМИКИ ПРУТО-ДНЕСТРОВСКОГО РЕГИОНА

*«Эта... культура Центральной Европы является, пожалуй, самым классическим образцом неолита во всем древнем мире».*
*В.Гордон Чайлд. «У истоков европейской цивилизации».*

**Larina O.V. The Linear Pottery Culture of the area between rivers Prut and Dniester.**

The monographs presented for the readers' attention gives the first generalizing research on the topic in this region. Nevertheless the discoveries by V.I.Markevich, works by T.S.Passek relate to the middle of this century, the main points of the total cultural structure has been remaining incomplete and unclear in many aspects. Disbalance of knowledge was reflected more evidently through the comparison with the works made for Central and Western Europe (J.Pavuk, B.Soudsky, I.Pavlu, M.Zapotocka, I.Luning, P.I.R.Modderman).

The main goal of the author was to work out the problems on the level of systematization of the materials and of possible social and economic corrections with the emphasis on some criteria of general importance. The application of these criteria allows to single out general and particular features in the development of LPC from the rivers Seine and Rhine to the very east boarders on the banks of Prut and Dniester. There the tendency for creation of some "local" association was reflected fully – Moldavian group of monuments. The time of its appearance goes with the time of cultural flourishing (middle stages of the younger), development occurs parallel with Djeliz and Sharka groups (according to J.Pavuk), with interaction and in contact with Danube cultures: Dudeshti, Bojan, Vincha, Precucuteni I and the East Bug-Dniester Culture. In symbiosis with these cultures bearers of Linear Pottery Culture of the area between rivers Prut and Dniester appeared to be a part of a new cultural phenomenon of the Eneolithic Cucuteni-Tripolie.

## Введение

Территория Пруто-Днестровского междуречья в позднем неолите была занята крупнейшей среднеевропейской культурой линейно-ленточной керамики (КЛЛК), которая просуществовала здесь, в центральной части Молдовы, незначительный промежуток времени на рубеже VI-V тыс. до н.э., пройдя в своем развитии ряд этапов.

Неолитическая общность Молдовы представляет собой только маленький лоскуток большого археологического полотна, охватившего во 2-ой пол. VI тыс. до н.э. пространства от Парижа до Волыни и Подолии на Украине, и от Балтийского моря до Нижнего Дуная в Румынии.

Крайняя восточная периферия культуры представляет собой относительно самостоятельный изолированный регион Карпато-Побужья, охватывающего западные области Украины, Восточную Румынию и Молдову, будучи органически связанным с основной «исходной» территорией Центральной Европы только через памятники Польши (Рис.1).

Географически этот район очерчивается по дуге (24-25° вост. долг.) восточной оконечности Карпат и простирается в глубину от 200 до 300 км (28-30° в.д.). Очень четко проступают северные и южные пределы — это граница лесостепи и лесной зоны на севере, и лесостепи со степью на юге.

Следует признать, что КЛЛК не относится в Карпато-Днестровском регионе к хорошо изученным. Яркие нео-энеолитические культуры Кукутень-Триполье, Гумельница, Хаманжия затмили «бедные» находками памятники неолита, которые, к тому же, чаще всего (особенно на начальных этапах) привлекли внимание исследователей в контексте решения вопроса становления и генезиса первых. В действительности, по степени самобытности, мобильности, роли в культурогенезе, КЛЛК выступает наравне с такими феноменами неолита как Старчево-Криш-Кёреш и Винча. Именно через земли Молдовы, как сейчас хорошо известно, реализовывались

© Ларина О.В., 1999.

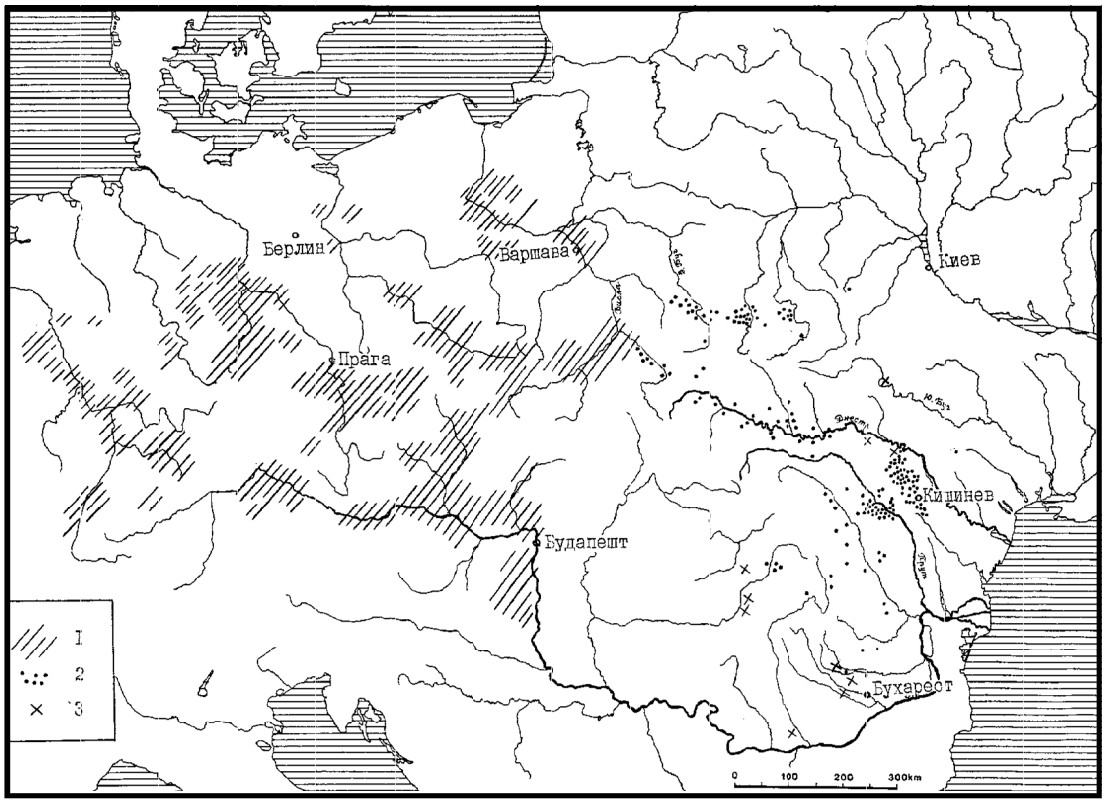



*Рис. 1. Распространение культуры линейно-ленточной керамики в Западной Европе (1) и ее восточная периферия (2). Материалы КЛЛК в инокультурной среде (3).*

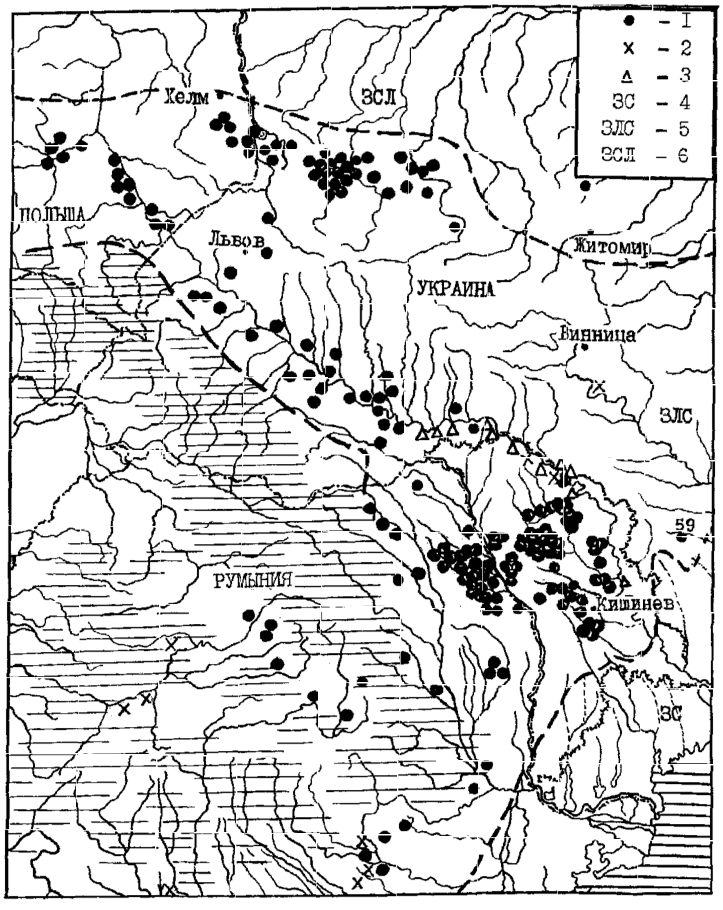



*Рис. 2. Восточная периферия КЛЛК и границы природных зон: 1 — местонахождения КЛЛК; 2 — материалы КЛЛК в инокультурной среде; 3 — пункты Буго-Днестровской культуры; 4 — зона степи; 5 — зона лесостепи; 6 — зона смешанных лесов.*

в эпоху неолита основные влияния балканского фактора. Отчасти самостоятельно, отчасти во взаимодействии с закавказскими или более отдаленными — закаспийскими культурными импульсами они содействовали распространению и окончательному утверждению ранних форм земледелия и животноводства на всем протяжении лесостепной, а чуть позже и степной зон Восточноевропейской равнины.

Без понимания общих проблем происхождения КЛЛК к востоку от Карпат, ее внутренней систематизации, периодизации и выяснения исторической судьбы, картина европейского неолита и «неолитизации» Юго-Восточной Европы будет неполной.

Решению этих проблем посвящена настоящая работа, основанная на материалах наиболее полно изученных поселений Молдовы, рассматриваемых на более широком фоне в пределах Карпато-Поднестровья.

Автор выражает искреннюю благодарность коллегам по Институту археологии и древней истории АН Республики Молдовы, представившим сведения, материалы и поддержку в работе над темой: В.И.Маркевичу, В.А.Дергачеву, З.В.Янушевич, Н.Н.Кузьминовой, В.М.Бикбаеву, И.С.Тентюку, А.И.Левинскому, П.П.Бырне, а также д.и.н. Д.Я.Телегину (Киев).

Основные положения книги были отработаны в 1987-1988 гг. в лаборатории функционального анализа ИИМК Санкт-Петербурга (Россия) под руководством д.и.н. Г.Ф.Коробковой при важной и чуткой поддержке д.и.н. профессора В.М.Массона.

## Г Л А В А I. ПРОБЛЕМАТИКА КУЛЬТУРЫ ЛИНЕЙНО-ЛЕНТОЧНОЙ КЕРАМИКИ КАРПАТО-ПОДНЕСТРОВЬЯ

**1. История изучения памятников культуры линейно-ленточной керамики Карпато-Поднестровья.** Историография исследований культуры в Молдове органически связана с изучением ее на сопредельных территориях Украины и Румынии. Любопытно отметить, что этапы обнаружения и изучения памятников КЛЛК в Карпато-Поднестровье соответствуют этапам освоения их носителями этой территории:

Западная Украина → верхний и средний Днепр → Трансильвания
Румынская Молдова ↗↘ → Республика Молдова Мунтения

Начало было положено в 20-е годы XX в. и связано в основном с территорией Западной Украины, которая активно исследовалась польскими археологами В.Деметрикевичем, Л.Козловским, Ф.Фитцке, поскольку Волынь и Галиция входили тогда в состав Польши. В.Антоневич первый определил культурную принадлежность выявленных им полуземлянок у с.Торское (Antonewicz 1921: 40; 1928: 5), чуть позже в 20-30-е годы стали известны днестровские поселения у сс.Колодница, Бучач и ставшие уже классическими — Незвиско (Kozłowski 1930: 97; 1939: 22). Конец 30-х годов ознаменовался находками на Волыни двух пунктов в предместьях Гнидава и Вокзал у г.Луцка (Fitzke 1937: 97). Г.В.Охрименко они теперь трактуются как остатки одного большого поселения (Охрименко 1984: 103). Тогда же, в конце 30-х гг., Л.Козловский ввел в научный оборот разрушенное погребение у с.Баев (Kozłowski 1939: 10).

Находки были интерпретированы как относящиеся к культуре линейно-ленточной керамики. К этому времени она была уже достаточно хорошо известна в Центральной Европе как Bandkeramik (Klopfleisch 1884: 92), волютова (volutova) (Palliardi 1914: 5 и след.; Stocky 1919: 17 и след.), а Г.Чайлдом названа Дунайской (Childe 1929, p.25). В.Антоневич, опираясь на труды чешских ученых, указал на пришлый характер культуры и обрисовал возможный путь движения носителей из области Среднего Дуная вдоль Моравы в Чехию и через Моравию в Польшу (Краков, Келец, Сандомир), а оттуда, вдоль Вислы и Куявы, на восток, далее с р.Сан на верхний Днестр (Antonewicz 1921: 79-91).

Простые вопросы: «Что было в начале?» и соответственно «Что в конце?» — в 30-40-е годы в советской науке решались преимущественно исходя из идеи автохтонизма. Е.Ю.Кричевский включил территорию Западной Украины в ареал происхождения КЛЛК. По его мнению, она оставлена автохтонным населением и оформилась в тех местах, где ее находили (Кричевский 1933: 9; 1940а: 3-13; 1949: 398). Вслед за ним, до конца 40-х годов, подобной точки зрения придерживалась и Т.С.Пассек, предполагавшая, что КЛЛК возникла в результате перехода автохтонного ранненеолитического населения от охоты и рыбной ловли к земледелию и скотоводству (Пассек 1946: 165; 1949: 30). Тогда же был предложен ответ и на второй вопрос: «Трипольская культура в своей значительной части есть лишь результат дальнейшего развития «Дунайской» (Кричевский 1940: 50). Этот тезис представлялся Т.С.Пассек наиболее вероятным (Пассек 1946: 175; 1949: 30), как и Г.Чайлду: «Образование Триполья есть результат распространения на восток Дунайской культуры» (Чайлд 1952: 206).

С.Н.Бибиков одним из первых поставил под сомнение категоричность этого положения. Опираясь на результаты раскопок 1945-1950 гг. раннетрипольского поселения Лука-Врублевецкая, он отметил, что уже нельзя придерживаться устаревшего взгляда на выделение Триполья из КЛЛК. Автор предположил их одновременное существование как двух различных по своему

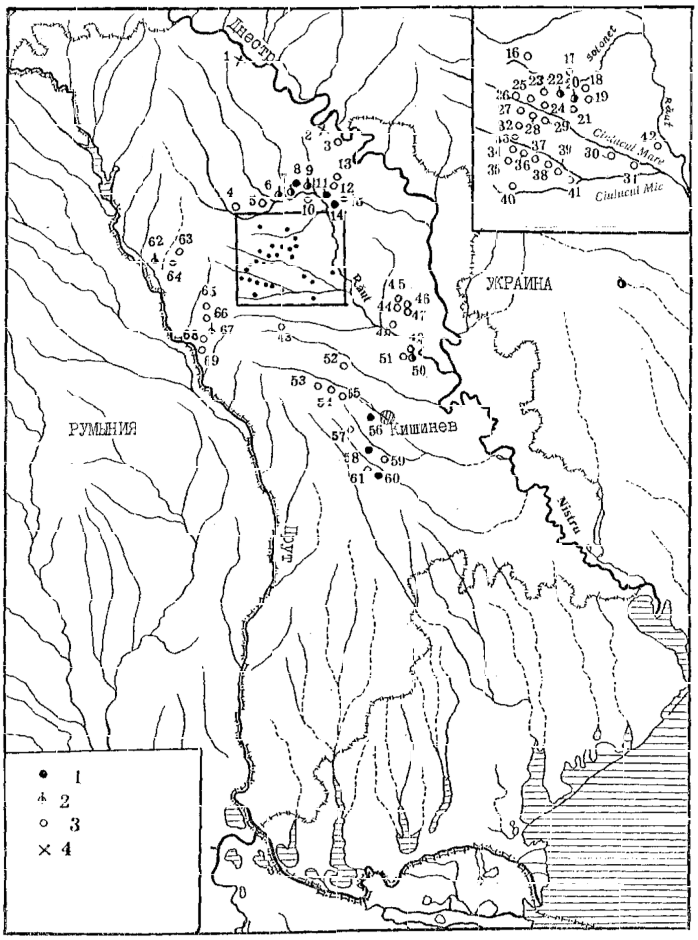



*Рис. 3. Памятники КЛЛК в Пруто-Днестровском междуречье: 1 — раскопы, 2 — шурфы, 3 — местонахождения КЛЛК, 4 — материалы КЛЛК на памятниках БДК.*

уровню хозяйственных укладов: южного трипольского (более передового) и северного, связанного с областью распространения линейно-ленточной орнаментации, более отсталого (Бибиков 1951: 138-139).

Следует сразу же оговорить, что тезис об участии КЛЛК в сложении Триполья был плодотворен. Однако это участие настолько отдалено во времени и осложнено дополнительными факторами, что о них еще не могли знать участники дискуссии.

Довоенные данные по памятникам Западной Украины были использованы В.Милойчичем при определении границ расселения КЛЛК и времени этого события для Восточной Европы. Галиция была включена в ареал КЛЛК, и впервые было обращено внимание исследователей на желизовецкие черты орнаментации керамики с поселения у Луцка (Milojcic 1951: 111-116).

Итогом 30-летнего периода (20-40 гг.) в исследовании КЛЛК на Украине стала большая статья И.К.Свешникова, посвященная памятникам Верхнего Поднестровья и Западной Волыни. Автор обратился к проблеме происхождения КЛЛК, решая ее несколько двойственно: «КЛЛК верхнего Днестра — местные племена», но и допускал возможность постепенного распространения более южных племен на соседнюю территорию, занятую родственными племенами (Свешников 1954: 125). Совершенно правильно была отмечена существовавшая в неолите общность между культурами Повисленья, Поднестровья и Волыни, принадлежавшая племенам, связанным общим происхождением и поддерживающим между собой культурные связи. Видимо, вслед за С.Н.Бибиковым, он отказался от гипотезы о генетической связи КЛЛК и Триполья и предположил их синхронность (Свешников 1954: 127) на основании сходства Триполья А и КЛЛК с угловым орнаментом, который (орнамент) И.К.Свешников считал более поздним явлением. Положение о более молодом возрасте керамики с угловым орнаментом дожило до наших дней, хотя высказано оно априори, без каких-либо доказательств. Отказавшись от положения о генетической связи Триполья и КЛЛК с угловым орнаментом, он предположил эту связь с КЛЛК с волютовым орнаментом (Свешников 1954: 127), который должен быть, по его выкладкам, более старшим и ранним. В этой же работе была сделана попытка разделить памятники Украины на две хронологические группы: днестровскую (Торское, Незвиско, Колодница, Котоване) и волынскую. Однако, выделяя волынскую, хронологически более позднюю группу памятников, на основе слу-

чайных сборов, он смешал материал разных культур (Свешников 1954: 129). От этого членения исследователь позднее отказался (Свешников 1958: 9).

Пятидесятые годы следует признать наиболее плодотворными в изучении КЛЛК, что было связано с широко развернувшимися археологическими работами по всей территории бывшего Советского Союза. На Украине были открыты новые пункты в Ровенской (Дитиничи, Дикив), Хмельницкой (Ольшаница), Тернопольской (Поповцы — теперь Кошиловцы) областях. На поселении Звенячин (Черновицкая обл.) производились в 1953-1955 гг. спасательные работы Ю.Н.Захаруком, выявившие одну полуземлянку и хозяйственные ямы (Захарук 1953; 1954; 1971: 97; 1985: 124-135). Результаты работ остались неопубликованными, кроме суммарного описания вкупе с другими материалами в обобщающих томах «Археология Украины» (Захарук 1971: 97; Захарук, Телегин 1985: 124-135) и рисунков орудий труда, переиздающихся теперь в других работах.

Более известными стали работы Е.К.Черныш на п.Незвиско (Ивано-Франковская обл.). В течение пяти полевых сезонов (1953-1957 гг.) была вскрыта площадь в 900 кв.м (слой КЛЛК вскрыт лишь на 200 кв.м), обнаружены два наземных жилища (исследовано одно), одно углубленное, и погребение с трупосожжением, содержавшее обильный инвентарь (Черныш 1955; 1956; 1959; 1961; Пассек, Черныш 1963: 14-20). Тогда же автор отметила локальный характер группы памятников этого района, которые, по ее мнению, ближе всего стоят к поселениям, расположенным на территории Польши. К особенностям этой группы было отнесено: наземные жилища столбовой конструкции с глинобитными площадочками, преобладание посуды с угловым орнаментом, погребения с трупосожжением (Черныш 1961: 94). Была окончательно отброшена мысль об автохтонном происхождении КЛЛК на верхнем Днестре. Основываясь на стратиграфии поселения (слой КЛЛК перекрыл среднетрипольское поселение этапа В1), были оставлены в силе выводы С.Н.Бибикова и И.К.Свешникова о синхронности раннего Триполья и КЛЛК с угловым орнаментом. Также было высказано предположение о вытеснении трипольцами на среднем этапе развития общностей КЛЛК со среднего Днестра на запад (Черныш 1956; 1959: 86). Этой точки зрения придерживалась и Т.С.Пассек, говоря о существовании позднейших энеолитических вариантов КЛЛК с ранним Трипольем, граничащих по Среднему Днестру (Пассек 1960: 51;1961: 80; Tchernych 1962: 3-7; Пассек, Черныш 1963: 9).

Важнейшим для 50-х годов в изучении КЛЛК стало открытие и изучение памятников этой культуры в Молдове, в Днестровско-Прутском междуречье. Разведками В.И.Маркевича в середине и второй половине 50-х годов во Флорештском районе была открыта целая группа поселений: Флорешть I, II, Цыра II, Гура-Каменчий VI (бывшая Каменка) и Слобозея-Воронково в Сорокском районе. Эти открытия совпали по времени с широко развернувшимися на тер-

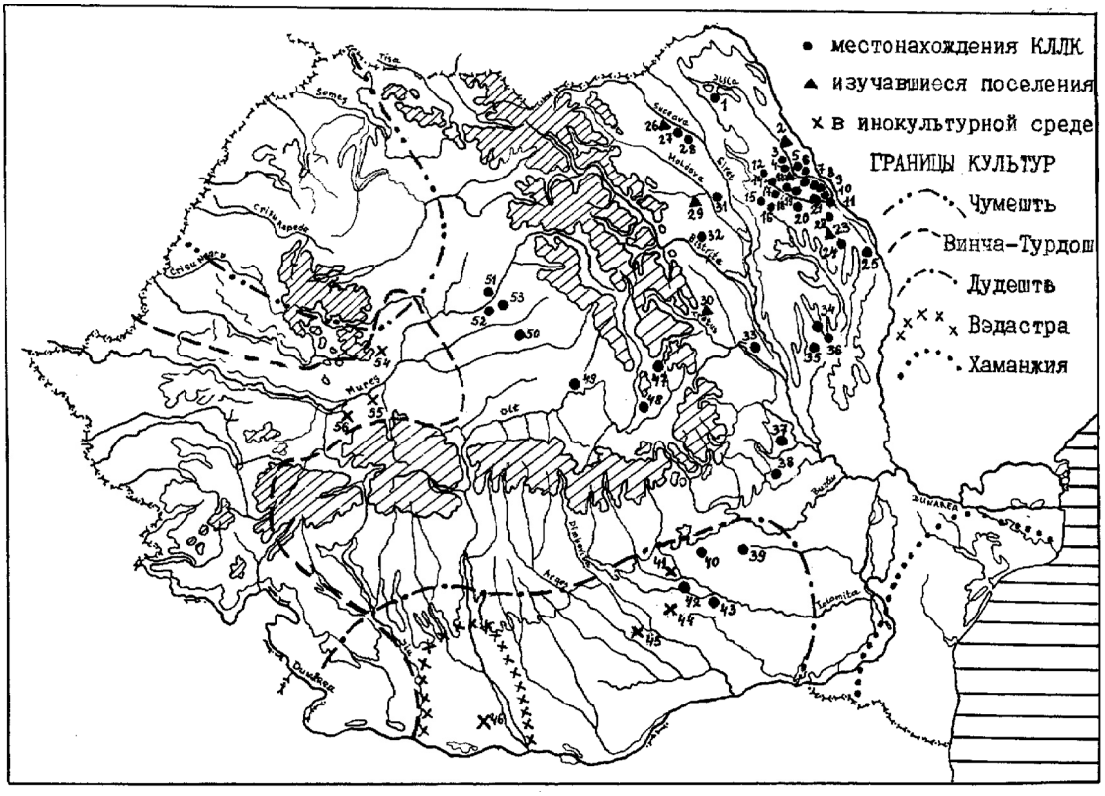



*Рис. 4. Памятники КЛЛК Румынии.*

ритории Молдовы работами Молдавской (Трипольской) археологической экспедиции АН СССР и ее молдавского филиала (МФ АН СССР), действовавшей под руководством Т.С.Пассек. Одной из основных задач экспедиции в те годы было решение проблемы становления Трипольской культуры. Культуры, хронологически предшествующие Триполью, незамедлительно привлекли внимание Т.С.Пассек Уже с 1956 г. начинаются систематические раскопки на поселении Флорешть I, показавшие многослойный характер этого памятника. Древнейший трипольский слой (тип Дарга-Жижия — Прекукутень II) залегал на слое с материалами КЛЛК (Пассек 1957; 1958; 1959). Таким образом, впервые была установлена относительная периодизация этих культур, а Флорешть I стали terminus ante quem для позднейших КЛЛК Карпато-Поднестровья (Пассек 1959: 329-331). Важность данного факта обусловила дальнейшее исследование поселения вплоть до начала 60-х годов. Одновременно с изучением Флорешть I велись шурфовки в Путинешть, Маркулешть, Цыре II. Е.К.Черныш одновременно проводила работы на Украине, в 1959-1960 гг., изучая Торское (Черныш 1962: 83-86).

Совместные публикации исследовательниц в 50-начале 60-х годов позволили дополнить характеристику основных черт материальной и духовной культуры рассматриваемых племен. В результате раскопок была получена и описана богатая коллекция керамики, каменных и костяных изделий, исследованы жилищно-хозяйственные сооружения. Все накопленные к началу 60-х годов данные по 25 местонахождениям КЛЛК Украины и Молдовы были обобщены в монографическом издании Свода (Пассек, Черныш 1963). Быстрый выход в свет этой работы сделал результаты исследований достоянием широкой научной общественности, самым цитируемым трудом по КЛЛК Украины и Молдовы.

Проблематика культуры рассматривалась практически во всех аспектах. Была закреплена идея об ее пришлом характере в Карпато-Поднестровье, куда она переместилась из Средней Европы (Пассек, Черныш 1963: 35). Основываясь на материалах Румынии, авторы определили место КЛЛК в относительной периодизации, согласно которой культура следует за культурой Криш, предшествует культуре Боян и сосуществует с Буго-Днестровской (БДК) на поздних этапах ее развития (Пассек, Черныш 1963: 38). Освоение территории шло с вытеснением местного населения. Последний тезис был подтвержден находками импорта КЛЛК на поселениях Буго-Днестровской культуры самчинской фазы (Пассек, Черныш 1963: 13). Исходя из сказанного, КЛЛК «не может рассматриваться как культура, из которой произошла трипольская, развившаяся на территории от Сирета до Днепра» (Пассек, Черныш 1963: 38). Однако тезис о вполне допустимом сосуществовании племен раннего Триполья и КЛЛК на других территориях был оставлен в силе. В качестве доказательств авторы привлекли наличие некоторого сходства в приемах сооружения площадочек и очагов в жилищах обеих культур, которые могли быть заимствованы КЛЛК из Триполья; общие мотивы в орнаментации; сходство в орудиях труда (Пассек, Черныш 1963: 38).

Проанализировав материальную культуру КЛЛК Украины и Молдовы, Т.С.Пассек и Е.К.Черныш выделили две хронологически различающиеся группы памятников: более поздние украинские (Незвиско, Торское, Луцк) и более ранние, в основном, молдавские (Флорешть I, Цыра II) и погребение у с.Баев Украины, на Волыни. Основой для подобного рода членения послужила керамика. Для поздних памятников, по сравнению с ранними, были определены следующие новые элементы: в кухонной посуде появление конических мисок, сосудов с широким горлом и выраженной шейкой, украшенные орнаментом в виде валика с ямками на нем. Главным же признаком служит преобладание углового орнамента на столовой посуде и наибольшее его разнообразие (Пассек, Черныш 1963: 35). К числу новых фактов авторы отнесли появление неорнаментированных сосудов. Свидетельством разновременности, по их мнению, служит также наличие на поздних памятниках наземных жилих сооружений, погребений с трупосожжением. Напомним, что к тому времени было раскопано только одно наземное сооружение и одно погребение на площади раскопа в 200 кв.м. И как следствие выделения поздних украинских памятников был сделан вывод об их сосуществовании с раннетрипольскими на Среднем Днестре.

По абсолютному датированию памятники КЛЛК были отнесены ко времени начала IV тыс. до н.э.

В докладе, представленном в 1962 г. на VI Международном конгрессе историков в Москве, Т.С.Пассек вписала КЛЛК Карпато-Поднестровья в широкий фон нео-энеолитических культур Карпато-Поднепровья. Период ее существования на обоих берегах Прута определился рамками: культура Дудешть до фазы Болинтиняну культуры Боян. Хронологически увязан с культурой Винча А (рубеж V-IV тыс. до н.э.) и одновременен самчинской фазе БДК. Поздняя савранская фаза БДК сопоставлялась с ранними энеолитическими слоями Флорешть I (верхний горизонт), Извоаре 1, сл.1, Турдаш, при соответствии их фазе Джулешть культуры Боян (Passek 1962: 15. Tabl.).При этом предполагалась особая роль культур Даюубши (Криш-Кереш, КЛЛК) в процессах неолитизации Днестро-Днепровского междуречья (Passek 1962: 14-16).

В 60-е годы работы по выявлению памятников продолжались как на Украине (Усичи, Зосив I, II, Жорнов, Бовшив, Стрильче), так и в Молдове, где было выявлено 10 местонахождений

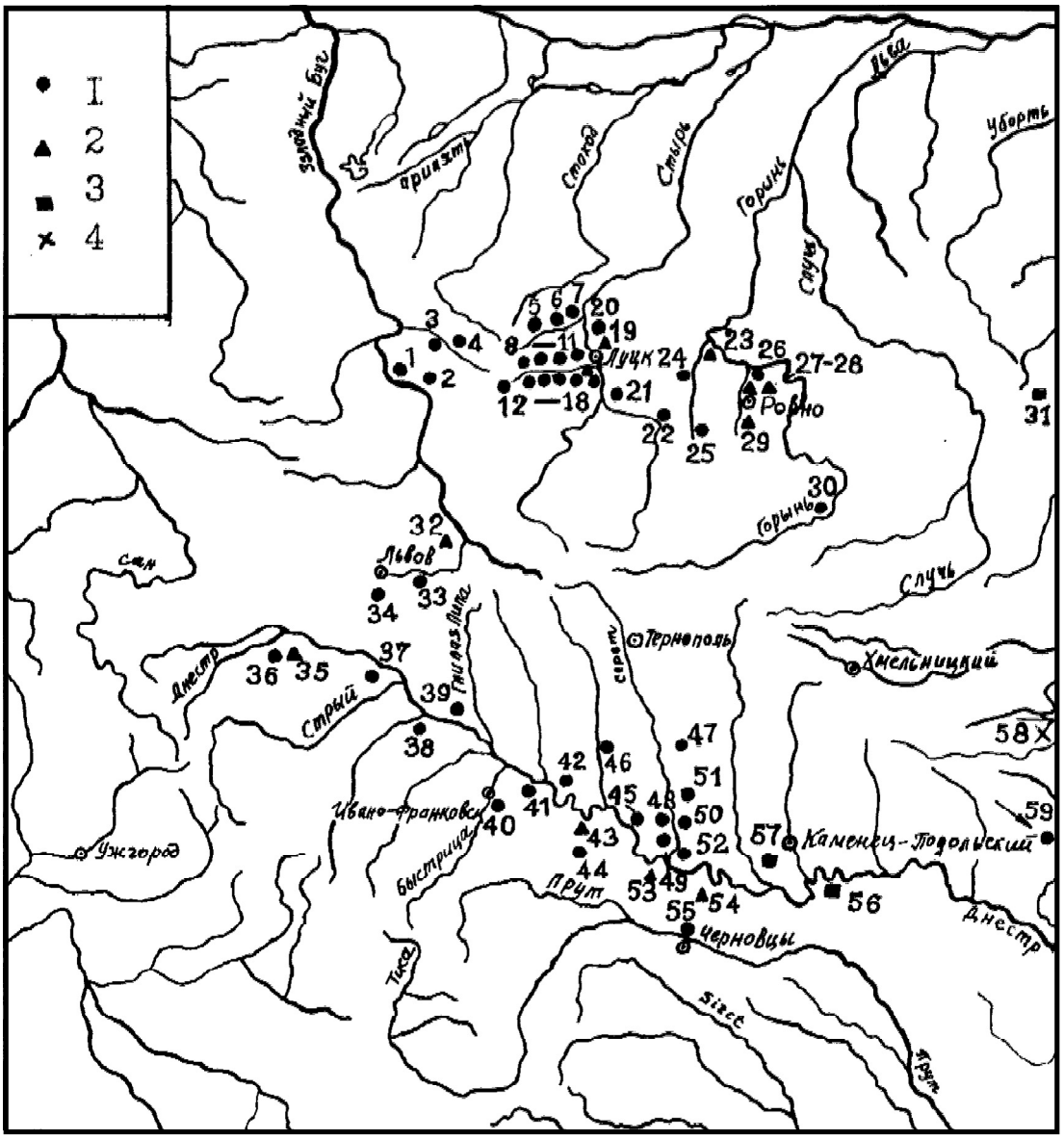



*Рис. 5. Памятники КЛЛК Украины: 1 — местонахождения КЛЛК; 2 — раскопы; 3 — случайные находки; 4 — материалы КЛЛК на памятнике БДК.*

(Варваровка, Пэнэшешть, Дэнчень I, Русешть I и II). На отдельных поселениях производились небольшие раскопки. В.И.Маркевич изучал Русештий Ной I, И.К.Свешников исследовал в 1960-64 гг. Городок, Зосив I, Зосив II Ровненской области и в 1973 г. Стрильче Ивано-Франковской. Однако исследователей интересовали не неолитические, а слои, лежащие сверху. Результаты работ остались неопубликованными, а изучение культуры велось, главным образом, в плане осмысления материалов, добытых в 50-60-е годы (Пассек 1965: 3-9; Пассек, Черныш 1970: 117-122; Захарук 1971: 96-104).

В свете новых исследований по нео-энеолиту Центральной и Юго-Восточной Европы, Т.С.Пассек и Е.К.Черныш удревнили памятники КЛЛК Карпато-Поднестровья, определив их рамки концом V — началом IV тыс. до н.э. В этой же работе прозвучал и новый вариант «пути». «Одна группа населения продвинулась через Трансильванию в низовья Сирета и дошла до среднего Днестра, другая — с берегов Вислы переместилась на верхний Днестр. Таким образом, эти племена расселились по современной территории Украины и Молдавии» (Пассек, Черныш 1970: 117). Этот вывод, видимо, логично подтверждал и хронологическое членение памятников. При этом не было учтено, что подобные отсутствуют в Западной Румынии и Восточной Венгрии, а немногочисленные пункты в Восточной Трансильвании оставлены носителями КЛЛК, проникшими сюда через карпатские перевалы из румынской Молдовы. Впоследствии мысль о «западном пути» отозвалась у Н.А.Пелещишина (Пелешищин 1974: 97-104) и Г.В.Охрименко (Охріменко 1994: 13), дожив до 90-х годов.

Сведения о КЛЛК Молдовы, стремительно накопленные за период с середины 50-х до начала 70-х годов, были сконцентрированы в издании Археологической карты Молдавии (Маркевич 1973: 27-57). 24 пункта местонахождений позволили наметить ареал культуры, который охватил центральную лесостепную зону от берегов широтного участка Реута (Флорешть I, Гура Каменчий VI) на севере, до пограничья степи и лесостепи ниже г. Кишинева (Русештий Ной I, II, Дэнчень I). Место памятников Флорешть I и Цыра II Всеволод Иванович определил в системе разработок Т.С.Пассек и Е.К.Черныш как наиболее ранние. Аргументом служило наличие фрагментов керамики с орнаментом в «винчанском стиле»: наколы в лентах (Маркевич 1973: 31-33).

Позже, в начале 90-х годов, эта же орнаментация будет «свидетелем» «непосредственных контактов и заимствований КЛЛК у носителей нижнедонской или азово-днепровской культур мариупольской этнокультурной области» (Безусько, Котова 1997: 149). Авторы посчитали наколы оттисками гребенчатого штампа. Подобный орнамент в КЛЛК связывают с влиянием культуры Винча на этапе В1-В2, он выступает в основном с материалами, типичными для поздней (III фазы) младшей КЛЛК и группы Желиз (Pavuk 1969: 273; Grygiel 1978: 75-90), что соответствует положению наших памятников.

При характеристике материалов Гура-Каменчий VI В.И.Маркевич интуитивно отнес их к «позднейшему времени существования культуры в Днестровско-Прутском районе» (Маркевич 1973: 32). При этом он не смог превозмочь давление авторитета Т.С.Пассек, хотя керамика Гура-Каменчий VI и Флорешть I имеет много общего.

Нужен был памятник-антипод, раскопанный масштабно, чтобы высветить все индивидуальные особенности уникального материала Флорешть I. Им стало поселение Дэнчень I, спасение которого от разрушения в 1978 и 1980 гг. предопределило большую площадь исследования (более 3 тыс. кв.м) и соответственно сравнимую с флорештской коллекцию керамики (более 10 тыс.) (Ларина, Рафалович 1979: 472; Ларина 1982: 97-111; Дергачев, Ларина, Постикэ 1983: 112-136). На материалах Дэнчень I была отработана методика изучения керамики с выделением значимых критериев (Ларина 1983: 88-110). По ним впоследствии были оценены материалы всех памятников Молдовы (Ларина 1988).

Работы 70-90 гг. увеличили количество памятников на Украине и в Молдове почти втрое.

Чрезвычайно важны открытия Б.А.Тимощука в верховьях Прута Черновицкой области Украины поселений Васильев и Новоселки (Тимощук 1970: 11), фиксирующие направление заселения румынской Молдовы: Средний Днестр ⇨ Прут ⇨ верховье Сирета. Н.А.Пелешищин в 1977-79 гг. почти полностью раскопал поселение Тадани Львовской области. Было изучено более 10 жилищно-хозяйственных комплексов на площади около 2 тыс. кв.м. Однако развернутой публикации издано не было (Пелещишин 1979: 383-384; 1980: 321-322; 1980а: 35-36; 1987: 99-109).

Данные на конец 70-х годов по Украине суммировал в небольшой, но важной статье Д.Я.Телегин. Он не только подтвердил необоснованность хронологического членения памятников на ранние молдавские и поздние украинские, как это сделал ранее Ю.Н.Захарук (Захарук 1971: 103), но и обратил внимание на периодизационную схему КЛЛК Словакии, выполненную Ю.Павуком (Pavuk 1969; 1970), что открыло возможность более четкого определения их места в системе КЛЛК Центральной Европы (Телегин 1979: 234). Положения были подтверждены и закреплены в новом переиздании двухтомной «Археологии УССР» (1985: 124-132). Авторами главы выступили Ю.Н.Захарук и Д.Я.Телегин. Появление памятников КЛЛК на Украине они объясняют продвижением их носителей из Центральной Европы через Польшу, датируют средним этапом младшей фазы восточного ареала и относят к последней четверти V тыс. до н.э. (Захарук, Телегин 1985: 124-132).

В 1976 г. С.А.Дворянинов обнаружил первое и пока единственное поселение Майнова Балка к востоку от Днестра у г. Ананьев Одесской области (Дворянинов 1982: 93-95). В 1989 г. его прошурфовали, выявив часть полуземляночного жилища. Общий облик керамического материала близок материалам поселения Флорешть I. Авторы отмечают также наличие черепков савранской фазы Буго-Днестровской культуры (Петренко, Дворянинов 1991: 14-15; Петренко, Сапожников 1993: 92-93).

Наиболее динамично развивались представления о КЛЛК на Волыни. Трудами Г.В. Охрименко и В.К.Пясецкого было открыто около 20 местонахождений, наиболее важным из которых является первый в Карпато-Поднестровье памятник древнейшей «старшей» КЛЛК у г.Ровно. В 1983-1985 гг. В.К.Пясецкий вскрыл 180 кв.м площади с остатками трех наземных жилых сооружений и обильным материалом (Пясецкий, Охрименко 1990: 69-72; Охріменко 1994).

По периодизационной схеме Ю.Павука для Словакии и А.Кульчицкой-Лецеевичевой для Польши, памятник синхронизирован с гниховицкой фазой старшей КЛЛК Польши, а время возникновения определено серединой V тыс. до н.э. (без калибра).

На протяжении 80-х годов изучены также поселение Гнидава у г. Луцк (Гнидава — Вокзал — Церковная горка — асфальтовый завод) и у сел Голышев, Клевань, Гирка-Полонка, что позволило Г.В.Охрименко разработать внутреннюю их периодизацию: эталонами трех периодов — ранний, средний, поздний — служат Ровно, Голошев, Гнидава.

Первый и последний памятники представля-

ют собой классические образы древнейшей «старшей» и позднейшей «младшей» КЛЛК.

В Пруто-Днестровье наибольший вклад в фонд накопления источников внес В.М.Бикбаев. Его разведками в Сынжерейском районе определены «кусты» памятников, располагающиеся по течению рек Большой, Малый и Средний Чулук (Бикбаев 1981: 191-200). Им же обнаружены поселения в Фалештском (Молдованка I и II), Унгенском (Резина I, II, III) районах.

Работами В.И.Маркевича, В.А.Дергачева, Л.Н.Макаровой, А.Н.Левинского обнаружены новые пункты в Яловенском, Страшенском, Теленештском, Сынжерейском районах.

На отдельных поселениях в 1973-1975 гг. проводила небольшие раскопки Л.Н.Макарова: 1973 — Рогожень II; 1974 — Гура-Каменчий VI (Макарова 1974: 40-46; 1975: 35).

Изучение культуры велось, главным образом, в систематизации материалов ранее исследованных памятников (Ларина 1983; 1987: 57-68; Larina, Kuzminova, 1994), отработке проблем их внутренней и внешней периодизации, уточнению места в системе КЛЛК Центральной Европы, появлению и исчезновению (Ларина 1988; Larina 1994: 51-63; Larina 1994a).

Основным археологическим фоном, на котором развивалась КЛЛК к востоку от Прута, служили материалы БДК. Контакты были зафиксированы единичными взаимными находками керамики (импорты) в Молдове на поселении КЛЛК Русештий Ной I, и в срезе БДК — Сороки V (Маркевич 1973: 28; 1974); на Украине — Базьков остров (Даниленко 1969, рис.16,19). Совместное залегание керамических материалов отмечено также раскопками 1977 г. на Днестре местонахождения БДК — Тэтэрэука Ноуэ XV.[1)]

В настоящее время на территории Молдовы зафиксировано 69 пунктов с материалами КЛЛК. 62 из них — поселения, 7 — единичные находки, иногда присутствующие в инокультурных материалах (подробные сведения о местонахождениях см. в Приложении, «Свод памятников КЛЛК Молдовы»). Чуть меньше их на Украине — 65. Из них 41 достоверно определены как поселения, на 19 производились раскопки, 16 характеризуются единичными находками, 1 импорт в инокультурной среде, 2 погребения (См. Список памятников КЛЛК Украины).

В дополнение к вышеизложенному надо отметить, что исследования велись с применением методов естественных наук и при участии специалистов этих наук. Большая работа по определению фаунистических остатков с поселений Незвиско, Флорешть I, Цыра II была проделана В.И.Цалкиным (Цалкин 1970), Рогожэнь II, Дэнчень I — А.И.Давидом (Давид 1982), Ровно, Гирка Полонка, Гнидава — Журавлевым О.П. (Журавльов, Охріменко 1994: 144-155; Охріменко 1994: 38). Это позволило выяснить удельный вес животноводства и охоты в хозяйстве неолитических обитателей, определить состав стада и список охотничье-промысловых животных. Благодаря работам З.В.Янушевич, Н.Н.Кузьминовой, Г.Н.Пашкевич получены важные данные о природном окружении, наборе культурных растений и технологии их возделывания (Янушевич 1976; 1982; 1991).

Данные палеоботаники дополняет палинологический анализ К.В.Кременецкого (Кременецкий 1987; 1991). Трасологическое исследование орудий труда и комплексное изучение хозяйства поселений Флорешть I, Цыра II (Коробкова 1981; 1987), Дэнчень I Г.Ф.Коробковой, а также опыты экспериментального моделирования трудовых процессов в древности дали возможность не только определить функциональное назначение многих орудий и их эффективность, но и попытаться реконструировать хозяйственную систему (Коробкова 1975; 1978; 1981; 1987). Именно эти работы позволяют наполнить жизнью сухой археологический материал.

**Изучение КЛЛК в Румынии.** Параллельно с неолитическими древностями Украины и Молдовы аналогичные памятники изучались и в Румынии. Е.Комша насчитывает для нео-энеолитической эпохи (период с VIII по начало IV тыс. до н.э.) 24 культуры, объясняя такую концентрацию локальными географическими особенностями региона (Comşa 1982: 19-22). Значительное место в культурогенезе неолита отводится КЛЛК.

В настоящее время известно более 50 пунктов с такими находками. Они расположены в основном в Молдове, Юго-Восточной и Центральной Трансильвании и Юго-Западной Мунтении и Олтении. Раскопки проводились на десяти памятниках и в основном в 50-70-е годы. В Молдове исследовались в 1949-1950 гг. поселение Глэвэнештий Векь (Nestor 1950; 1951; 1951a); в 1944, 1955 гг. Периень (Petrescu-Dîmboviţa 1950; 1957). На протяжении 50-х годов с небольшим перерывом изучались поселения у Траяна: Траян Дялул-Вией и Траян Дялул-Фынтынилор (H.Dumitrescu 1954; 1959; V.Dumitrescu 1967). Незначительные раскопки производились в Ларга-Жижия (Alexandrescu 1952), Дэнешть (Petrescu-Dîmboviţa, Zaharia 1962: 49-51), Миховень (Ursulescu, Batariuc 1979: 271-284).

Принципиально существенны работы С.Маринеску-Былку на многослойном поселении Тырпешть, исследование которого велось с 1959 г. с перерывами вплоть до 1968 г. В результате была вскрыта площадь в 3200 кв.м. К КЛЛК же относились немногочисленные находки: одна землянка, 9 хозяйственных ям и 2 скопления материала, которые исследовательница охарактеризова-

[1)] Памятник исследуется Молдово-Германской (В.А.Дергачев, К.-П.Вехлер) экспедицией по изучению БДК, организованной в 1996 г. Институтом археологии АН Молдовы и Семинаром по древнейшей и древней истории Свободного Университета Берлина (Ларина, Вехлер, Дергачев, Коваленко, Бикбаев 1997: 62-110; Vechler, Dergacev, Larina 1998: 152-166).

ла как остатки легких, наземных, шалашевидных сооружений (Marinescu-Bîlcu 1968: 396-401; 1971: 4-36; 1981: 3-16). Результаты работ на этом поселении способствовали в значительной степени формированию современного взгляда на эту культуру в румынской историографии (Comşa 1987: 38-39).

В Мунтении стационарно исследовано два поселения: Судиц (Teodorescu 1966: 223-232) и Ваду Сорешть (Dîmboceanu 1980: 16-17), в Трансильвании одно — Хэрман (Alexandrescu 1971: 17-4).

Фонд источников в последующее время накапливался в основном за счет разведок и шурфовок, но не крупных стационарных раскопок. А материалы 50-70-х годов служат и сейчас основным источником для современных построений.

Большое значение для понимания места и роли КЛЛК не только в неолите Румынии, но и всего Карпато-Поднестровья, имеют исследования культур Дудешть (Comşa 1959; 1969; 1971; 1973), Боян (Zaharia 1967; Comşa 1974), Прекукутень (Dumitrescu H, Dumitrescu V. 1967; Marinescu-Bîlcu 1971; 1972; 1974; 1974a; 1982).

Начало изучения КЛЛК связано с именем профессора И.Нестора, который в статьях 1950-1951 гг. впервые осуществил обобщение имевшегося с 30-х годов материала (Nestor 1950; 1951; 1951a). Он наметил северный путь проникновения КЛЛК в румынскую Молдову из областей Западной Украины и предположил, что культура Криш на этой территории древнее КЛЛК, а последняя, в свою очередь, древнее Кукутень-Триполье (Nestor 1951a: 17-26).

На основании стратиграфических наблюдений в Периень (слой КЛЛК перекрыл яму культуры Криш) М.Петреску-Дымбовица подтвердил вывод И.Нестора о соотношении Криш и КЛЛК (Petrescu-Dîmboviţa 1957: 65, 79, 82).

Материалы Юго-Восточной Трансильвании — Ципеу I,II, Морешть были обобщены Н.Власcой. Он вычленил фрагмент желизовецкого сосуда среди материалов Турдаша из собрания С.Тормы (Roşka 1941: I, CXIII, 17), предположил возможность западного пути проникновения в Трансильванию из областей Среднего Дуная (Vlassa 1959). Поддержала эту точку зрения лишь Е.Захария (Zaharia 1967: 25). В Ципеу I было обнаружено неолитическое погребение (Vlassa 1959: 240-242), по вопросу интерпретации которого до сих пор нет единого мнения. В заполнении ямы были встречены многочисленные фрагменты керамики Криш и единичные КЛЛК. На основании того, что Криш древнее КЛЛК, Е.Комша отнес это погребение к последней (Comşa 1960: 223; 1974a: 120). Однако исследователи памятника считают его кришским (Vlassa 1959: 242; Russu 1962: 679-682).

В румынской историографии прочно утвердилась мысль о северном пути проникновения в румынскую Молдову и о генетической связи памятников Украины, Молдовы и Румынии. Именно так рассматриваются проблемы культуры Е.Комшей в статьях конца 50-х годов (Comşa 1959; 1960: 217-244). На основании периодизации, выполненной Е.Неуступным для западных районов Чехии, памятники Румынии были отнесены к концу III — началу V этапов (Neustupny 1956: 386-407, 461-462; Comşa 1960: 234-235). Кроме того, Е.Комша расчленил материалы поселений на группы. К первой, наиболее ранней, исследователь отнес отдельные черепки с поселений Глэвэнештий-Векь (III-IV фазы по Е.Неуступному). Наиболее поздние черты увидел в материале Периень и Траян (фазы IV и V). К тому же от провел синхронистические параллели с культурой Винча II и Вэдастра I (Neustupny 1956: 227) и определил место КЛЛК Румынии между культурой Криш и фазой Ларга Жижия культуры Прекукутень (Neustupny 1956: 240).

К этому времени сложилось четкое мнение об участии КЛЛК в сложении культуры Боян (Nestor 1951a: 24). А на основании раскопок в Траян-Дялул Вией Г.Думитреску отметила роль КЛЛК в образовании новой культуры, названной ею цивилизацией Зенешть, представляющей собой синтез КЛЛК и Боян (Dumitrescu H. 1954: 51). Чуть позже она стала рассматривать культуру Зенешть как первую фазу культуры Прекукутень, в генезисе которой большую роль сыграла КЛЛК (Dumetrescu H. 1957: 63). Именно так выглядит культурогенетическая цепочка на участие в сложении культуры Кукутень-Триполье КЛЛК. Эта точка зрения нашла отражение в работах В.Думитреску (Dumitrescu V. 1967: 45) и получила подтверждение в материалах Тырпешть, где был выделен наиболее поздний пласт КЛЛК, который рассматривается автором раскопок как возможный компонент образования культуры Прекукутень (Marinescu-Bîlcu 1968; 1972; 1974).

Находки в Судицах (Северо-Западная Мунтения) керамики с чертами КЛЛК и каннелюрами оживили дискуссию о роли этой культуры в сложении Прекукутень и времени этого процесса. В.Теодореску трактовал артефакты как свидетельство контакта между КЛЛК и Дудешть и считал последние основой формирования культуры Боян (Teodorescu 1966: 231), сложившейся, по его мнению, раньше фазы Болинтиняну. Е.Комша на основании находок 1963 г. в Дудешть (фаза Фундень и Черника) керамики с нотным орнаментом (Comşa 1969: 571-572) отнес комплекс Судиц к финальному этапу КЛЛК, распространенной в Северо-Западной Мунтении или испытавшей влияние культуры Дудешть. Памятники этого типа, по его мнению, не участвовали в формировании фазы Болинтиняну (Comşa 1971: 242, 247; 1973: 19), так как последняя образовалась в Центральной части Мунтении как следствие прямого контакта КЛЛК и Дудешть. С.Маринеску-Былку и А.Александреску полагают, что комплекс Судиц синхронен фазе Болинтиняну, образовавшейся в результате вза-

имодействия КЛЛК с первой фазой культуры Боян. Именно в нем они видят тот генетический компонент, который участвовал в сложении фазы Джулешть (Alexandrescu 1972: 11-24; Marinescu-Bîlcu 1974: 111-119).

Н.Урсулеску, с одной стороны, солидарен в этом вопросе с Е.Комшей. Он рассматривает материалы Судиц как результат контакта КЛЛК с Дудешть II фазы развития. С другой стороны, автор отводит им определенную роль в сложении фазы Болинтиняну (Ursulescu 1982: 485).

В данном вопросе трудно отдать кому-либо предпочтение, поскольку для сравнения берутся отдельные черепки из разновременных памятников — Харман, Черника, Тырпешть, а не комплексы в целом. По-видимому, обе точки зрения имеют право на существование, поскольку в КЛЛК Молдовы, Мунтении, Олтении, Трансильвании не выделены какие-либо особенности, и положения выводов постулируются.

Следующей, этапной в изучении КЛЛК в Румынии стала статья Е.Комши 1972 года. В основу разработок был положен принцип членения памятников 1960 г. Новым явились соображения автора о взаимоотношениях носителей первой ранней фазы КЛЛК в Румынии и племен Буго-Днестровской культуры. Так, по его мнению, первые вытеснили при проникновении в Молдову (румынскую) Буго-Днестровскую культуру к востоку от Прута и Криш из Молдовы (Comşa 1972: 173-178, 77). (К сожалению, у нас нет пока свидетельств существования БДК на берегах Прута). Названная группа достигла Северо-Западной Мунтении и вошла в контакт с Дудешть. На второй фазе племена КЛЛК расселились вдоль Муреша и Тырнавы вплоть до Центральной Трансильвании, но пребывание их в этом районе было кратковременным (Comşa 1972).

Е.Комша уделил внимание также и Пруто-Днестровью, отнеся памятники Молдовы (на основании треугольных «нот») к поздней 2-й фазе (Comşa 1972).

С.Маринеску-Былку в монографии, посвященной характеристике материалов, полученных с многослойного поселения Тырпешть, также обратилась к проблеме КЛЛК Румынии (Marinescu-Bîlcu 1981: 5-76; 1983: 116-128). Ею было выделено три группы памятников, соответствующие трем фазам развития. Первая , наиболее ранняя фаза отражена в отдельных элементах материалов Траян Дялул-Фынтынилор, Глэвэнешть Векь, Периень, Гигоешть, Ларга-Жижия, Банку. Этим элементам отводится роль начального заселения Молдовы и Юго-Запада Трансильвании, которое произошло в то время, когда там еще существовала культура Криш. В кришской керамике из Грумэзешть автор видит следы влияний КЛЛК (Marinescu-Bîlcu 1975: 486-507; 1983: 122).

Вторая группа памятников включает отдельные материалы из Глэвэнешть-Векь, Траян Деалул-Фынтынилор, Чипеу, Харман, Судиц, фиксирующие следующий этап проникновения КЛЛК в Молдову из вторичных центров. На этом хронологическом отрезке прослежена связь с культурой Винча, Желиз-Желизовце, Шарка.

К наиболее позднему третьему этапу отнесено только поселение Тырпешть. В материале этого памятника исследовательница отмечает сходство с Боян-Джулешть фазы Гряка, им заполняется хронологический промежуток между КЛЛК и культурой Прекукутень. Наиболее близко Тырпештам, по мнению автора, украинское Незвиско (Marinescu-Bîlcu 1981: 76).

В значительной степени, предложенного С.Маринеску-Былку деления памятников на этапы, придерживается в последних работах и Е.Комша (Comşa 1982: 29; 1987: 38-39) и Н.Урсулеску (Ursulescu 1990: 13-47).

Воздействие КЛЛК на культуры Юго-Восточной Румынии не ограничилось ее участием в сложении ранних фаз культур Боян и Прекукутень. Процесс взаимодействия отмечен и в Добрудже с культурой Хаманжия. Первая ее фаза Головица синхронна фазе Балинтиняну культуры Боян и несет четкий отпечаток контактов с носителями КЛЛК (Dumitrescu 1970: 196-197; Berciu 1987: fig.10/1.4; 18/2; 24/2).

В последних работах С.Маринеску-Былку оставляет без внимания выработанную ею в 80-е годы концепцию существования КЛЛК в Румынии. Для нас представляет определенный интерес дополнение списков памятников по фазам — украинскими и молдавскими. Торское и Бовшив иллюстрируют первый этап проникновения, второй — украинские Незвиско, Торское, Луцк и поселения Молдовы — Флорешть I, Цыра II. Для третьего этапа остается в силе наибольшая схожесть Тырпешть с Незвиско (Marinescu-Bîlcu 1991; 1993).

На протяжении многих десятилетий изучение КЛЛК в Румынии находилось под постоянным и пристальным вниманием исследователей. Была выработана достаточно четкая и ясная схема развития культуры, которая на сегодняшний день является наиболее оправданной. Однако следует отметить, что культура интересует их только в плане возможного взаимодействия и в связи с другими культурами, при этом феномен памятников выявлен весьма слабо.

**2. О понятии «Культура линейно-ленточной керамики».** Примерно сто лет на археологической карте Европы существуют культурные феномены под названием Ленточная керамика и Линейно-ленточная керамика. Аморфность и неконкретность понятий послужила причиной неконкретности вкладывавшихся в них смыслов, что затрудняет работу с литературой по тематике.

К наиболее ранним исторически известным культурным группам относятся памятники с ленточной керамикой (Bandkeramik — BK), которая получила свое название по характерному орнаменту уже в 1884 году от Ф.Клопфляйша

(Klopfleisch 1884: 92). Под этим грифом позднее было объединено множество неолитических и более поздних культур с орнаментацией сосудов узором в виде лент. В.Бутлер подчеркивал позднее, что это «несчастливое» название, поскольку является слишком простым для столь дифференцированных, широко распространенных групп (Buttler 1935: 3).

Само понятие линейно-ленточная керамика было сформулировано в начале XX в. А.Шлицем в процессе изучения орнаментации керамики из раскопок в Гросгатахе (Schliz 1910: 105 и след.). Он увидел в ленточной керамике два культурных течения, характеризующихся двумя орнаментальными системами, включающими ленты из наколов, а также ленты из линий. Керамика с подобным орнаментом была названа им Накольчато-Ленточная (Stichbandkeramik — SBK) и Линейно-ленточная (Linienbandkeramik — LBK). Последний термин стали употреблять позднее как равноценный Ленточной керамике (BK). При этом было смешано общее название для многих культурных групп и культур Центральной Европы (BK) с названием одной определенной культуры (LBK), которая характеризуется на поздних этапах особым «нотным» орнаментом.

Примерно в то же время Г.Вильке, наоборот, вычленил в системе орнаментации (LBK) «спирально-меандровый» (Spiralmäanderkeramik) аспект (Wilcke 1911: 24), а Е.Бёллау проследил развитие спиралей (Böhlau 1928: 54 и след.). И в обиход вошли новые названия: культура спирально-меандрового орнамента, волютовая (volutova), (spiralband), которые закрепились за носителями КЛЛК (LBK) в чешской и словацкой археологической литературе.

В 20-х годах для групп Bandkeramik введен термин «Дунайские культуры», отражающий географическую зону возникновения большинства этих групп — Средний Дунай (Childe 1929: 68 и след.). Непосредственно КЛЛК получила у Г.Чайльда порядковый номер — «Дунайская культура первого периода», предпочтение, как он писал, «неточным названиям «культура ленточной керамики» или «культура спирально-меандрового орнамента» (Чайльд 1952: 145).

Применение термина по географическому признаку «Дунайская» и стилю орнамента «Bandkeramik» привело к тому, что к 50-м годам под ними понимались ряд культур, которые были расположены вдоль Дуная и характеризовались, главным образом, двумя проявлениями — спиральным орнаментом и орудиями в форме башмачной колодки (Schuhleistenkeil). На этой основе было установлено родство между множеством разнородных и разновременных культур (Tompa 1929; 1937). Линейная керамика Богемии выступала своего рода «зародышевой клеткой», откуда шло влияние на соседние области и происходил процесс «линейнокерамизации». Поэтому В.Милойчич был вынужден подчеркнуть, что объединение разнородных культур и установление их родственности на основании линейной орнаментации не соответствует ни историческому, ни культурно-историческому значению (Milojcič 1951: 110-111).

В 70-е годы терминологическая путаница яснее всего проявилась в литературе Венгрии и Словакии, косвенно отразившись на работах украинских коллег, занимающихся неолитом Закарпатья. Связано это с выкристализовыванием понятия «Альфёльдская линейная керамика — АЛК», которая также известна как культура «восточной линейной керамики» или «восточно-словацкой спирально-ленточной керамики» (Hajek 1957). Яркий пример аллюзии понятия КЛЛК представляет монография «Die Linienband-Keramik in der Grossen Ungarischen Tiefebene», где представлена АЛК и многочисленные культуры и группы, но где собственно полностью отсутствует заявленная LBK (Kalicy, Makkay 1977). «Несчастливые» линейная...-ленточная... явились причиной объединения КЛЛ и АЛК и по смыслу (Cahen, Gilot 1983).

Ю.Павук отмечал, что «неправильно связывать линейную керамику из области Тисса с собственно КЛЛК с нотным орнаментом, поскольку речь идет о двух диаметрально-противоположных культурно-исторических объединениях с собственным генезисом, развитием и исторической судьбой» (Pavuk 1981: 223).

Вольное обращение с терминами перешло от венгерских археологов к их украинским коллегам. Так, в работе «Археологічні пам'ятки Прикарпаття и Волині кам'яного віку» закарпатские потисские неолитические памятники, генетически связанные с подобными на территории Венгрии и Словакии, были терминологически отнесены в КЛЛК, хотя в тексте отмечено, что они относятся к Потисской культуре (Археологічні... 1981: 148). Эта же ошибка перекочевала в работу Н.А.Пелещишина 1987 г.; закарпатские потисские неолитические памятники получили наименование КЛЛК (Пелещишин 1987: 100, рис.35). Терминологическая путаница влечет ошибки, переходящие из издания в издание. Так, Д.Я.Телегин внес в карту памятников КЛЛК поселение у Снячева Сторожинецкого района (Телегин 1979: 231), определенное Б.А.Тимощуком как относящееся к культуре линейно-ленточной керамики, существовавшей в Потисье во II тыс. до н.э. (Тимощук 1976). Вызывает полнейшее недоумение наименование верхнеднестровских памятников КЛЛК Украины культурой накольчато-ленточной керамики, правда, с оговоркой — нотная фаза (Косько 1994: 17). Данный факт и послужил в значительной степени причиной написания этих заметок. В работах последнего времени отмечается стремление заменить название КЛЛК на другое — «Культура нотных головок» (Notenkopf Pottery Culture). С одной стороны, этот термин как бы устраняет путающую всех двусмысленность, но с другой, он не может удовлетворять исследователя КЛЛК, так как только частично отражает особенность этого

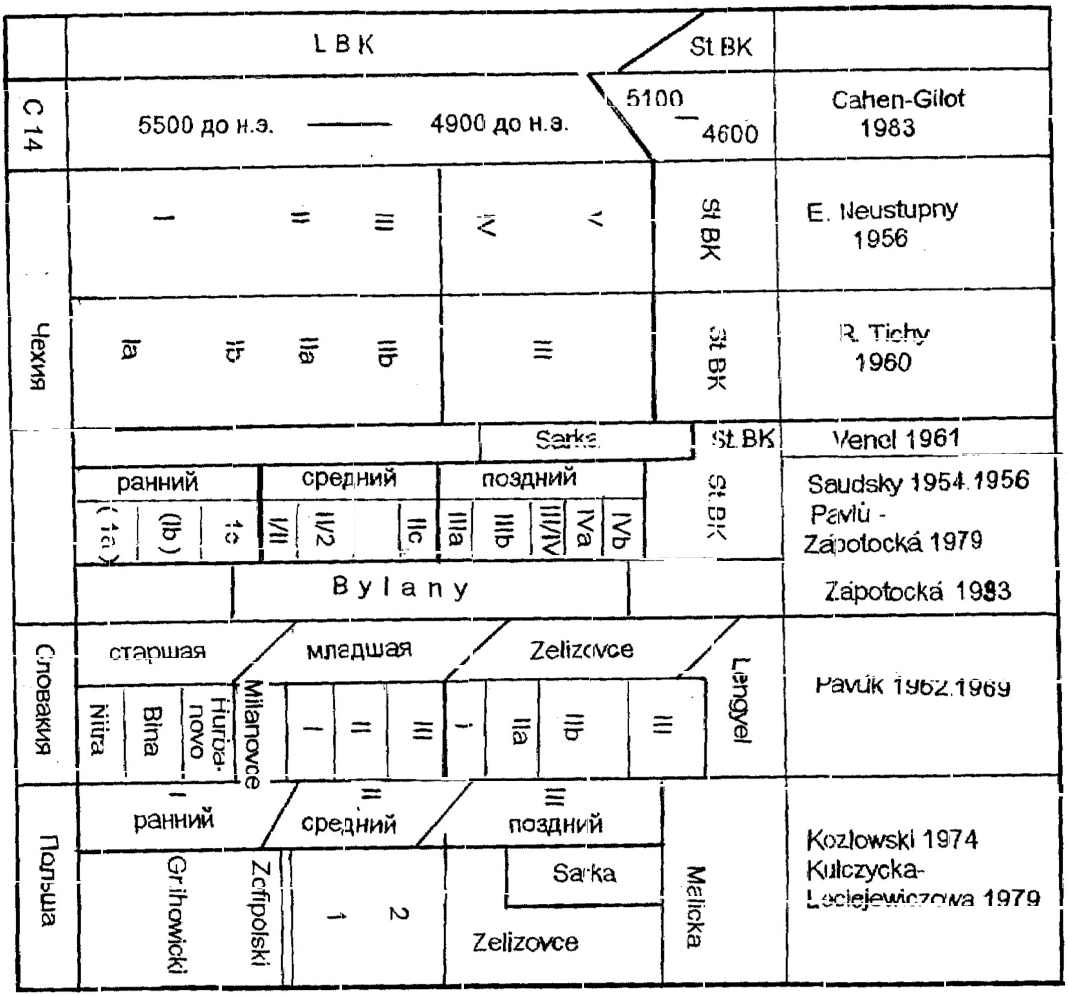



*Рис. 6. Таблица соотношения периодизационных схем КЛЛК Центральной Европы.*

культурного явления, отсекая моменты как его формирования (ältere = старшая = древняя фаза), так и трансформацию в группу Желиз.

В продолжение последних 30 лет при настойчивой позиции венгерских археологов продолжаются попытки объединения всех культур и групп с линейной керамикой в единый конгломерат, но с определением их особенностей в территориальном членении. Наиболее четко представлено в работе Я.Рульфа (Rulf 1997: 11). Часто употребляется деление, например, на восточную и западную Линейную керамику (LnK). Восточная охватывает Восточную Венгрию, Восточную Словакию, запад Семиградья, юго-западную часть украинского Закарпатья. Эта область характеризуется преобладанием керамики с геометрически прочерченными мотивами. Иногда Альфёльдскую линейную керамику рассматривают как группу восточной LnK, отделившуюся от западной LnK (Kalicz, Makkay 1997).

Западная линейная керамика характеризуется преобладанием криволинейных орнаментов с распространением в Германии, Голландии, Бельгии, Франции, Австрии, Богемии, Польше, Западной Венгрии, Моравии, а также Юго-Западной Словакии с влиянием на Украину и Молдавию. Западную линейную керамику членят дальше: на 1) собственно классическую КЛЛК с нотным орнаментом (Моравия, Юго-Западная Словакия, Юго-Восточная Польша, Западная Украина и Молдова, Румыния); 2) область с различными вариантами заполнения ленточных орнаментов (Рейн, Эльба). Граница между этими двумя группами предполагается по рекам Морава и Одер (Pavuk 1994); 3) Район Богемии выступает как область смешения традиций этих двух областей. В общем контексте современных разработок, памятники КЛЛК крайней восточной периферии будут соответствовать Западной LnK с классической «нотной» орнаментацией.

**3. Вопросы периодизации.** На протяжении длительного периода существования культуры ее облик претерпевал изменения. Готовые периодизационные схемы позволяют проследить внутреннюю логику этих изменений, а следовательно и логику развития культуры.

Со времени выделения древностей типа КЛЛК, были предприняты первые попытки их классификации, предпринятые еще в начале-первой половине XX в. для Германии (Schliz

1910; Wilcke 1911; Böhlau 1928; Butskow 1935; Butter 1938), Чехословакии (Palliardi 1914; Eisner 1936), Венгрии (Tompa 1929; 1934-1935). Предложенные на ограниченном материале для отдельных территорий, они не могли быть приспособлены для всей обширной области культуры, но стали подосновой более поздних разработок 50-60-х годов. С ростом источниковедческой базы в распоряжении исследователей оказались материалы, характеризующие весь (надеюсь) эволюционный ряд культуры. Они приурочены к Наддунавью (Средний Дунай), областям Богемии, Моравии, Юго-Западной Словакии, где как раз и отмечается та самая «зародышевая клетка» (Ф.Томпа), от которой есть и пошла культура с «нотным» орнаментом.

В середине 50-х годов почти одновременно были выдвинуты две периодизационные схемы КЛЛК (волютовой керамики) Б.Соудским и Е.Неуступным (Рис.6). На основании раскопок поселений у Постополаны, Биланы, Мотовице и др. Соудский поделил на три, а затем на четыре периода КЛЛК Чехии (Soudsky 1954: 75-105; 1956: 408-413). Основываясь на тех же материалах, Е.Неуступный выделил по сумме более мелких признаков пять ступеней, уделив особое внимание, помимо орнамента, характеристике глиняной массы, формам сосудов (Neustupny 1956: 392-406). Оба автора определили истоки КЛЛК в культуре Криш-Старчево. Кроме того, Е.Неуступный отметил также влияние культуры Винча (Neustupny 1956: 400,406). Обе эти схемы, разработанные для небольшого региона на основании анализа узколокального керамического материала, были перенесены на КЛЛК соседних территорий. На их основе были сделаны первые хронологические членения КЛЛК Польши (Kozłowski 1974). Ею воспользовались румынские (Comşa 1960; 1972) и советские археологи (Черныш 1961; Пассек, Черныш 1963).

Схемы Е.Неуступного, Р.Тихого, Б.Соудского работают до сих пор. Предпринятые глобальные раскопки поселения Биляны в Богемии (1965-1967 гг.) на площади более 6 га позволили детально отработать этапы функционирования поселения (Soudsky 1966; Zapotocka 1989: 187-194; Zapotocka 1989a: 295-298; Pavlu 1989: 59-64). Схема Б.Соудского была уточнена в пределах обычных этапов: ранний, средний, поздний до 12 ступеней, а этапы функционирования поселения установлены в пределах 17-25 лет (Рис.6).

Многие выводы и принципы периодизаций предшественников были использованы при построении региональной схемы Ю.Павуком, опиравшимся в основном на материалы Юго-Западной Словакии. Но на самом деле учитывался весь среднедунайский регион, включающий также венгерское Задунавье, Австрийский Бургенланд и Карпато-Днестровское междуречье (Pavuk 1962: 5-20; 1969: 269-367; 1970: 20-64). Ю.Павук подразделил КЛЛК на три ступени-этапа: старшую (древнюю — ältere LBK), младшую (позднюю — jüngere LBK) и группу типа Želiezovce. Для старшей было выделено четыре опорных памятника: Нитра, Бина, Хурбаново и Милановце, выстроенные по степени изживания кришских исходных элементов. Вторая ступень характеризуется наличием керамики с господствующим орнаментом типа нотных головок и углубленных линий, распространенной в большей части Европы в период среднего неолита. При переходе от младшей к Желизовце в КЛЛК произошли некоторые изменения (в технике изготовления и мотивах орнаментации), позволившие расчленить памятники этого времени на две большие группы. Одна из них — восточная, охватывает часть Юго-Западной Словакии и Венгрии (Задунавье), Восточной Австрии и Моравии (среднее течение Дуная), Польши и Украины, Молдовы и Румынии (Pavuk 1969: 269-270). Западная группа развивается в Германии, Нидерландах, Франции, Бельгии, большей части Чехии, Моравии и Западной Польше (культура накольчато-ленточной керамики — Stichbandkeramik) (Pavuk 1969: 269). Наметившиеся различия значительно увеличились ко времени возникновения группы Желиз, которая полностью занимает область культуры КЛЛК восточного ареала.

Оппоненты отмечают отсутствие стратиграфического подтверждения членения. Однако, для восточного ареала культуры это наиболее ясная и справедливая схема, где нашли место тополого-хронологические и территориальные отличия. Д.Я.Телегин первый привязал памятники Украины, соответственно и Молдовы, к периодизационной схеме Ю.Павука, отнеся их к среднему этапу младшей КЛЛК восточного ареала (Телегин 1979; Захарук, Телегин 1985: 127). Эта схема является определяющей и для нас, причем, выяснение места памятников КЛЛК Пруто-Днестровского междуречья в схеме Ю.Павука и всей Центральной Европы возможно только при решении сложных вопросов взаимодействия и существования культур собственно на стыке КЛЛК и группы Желиз.

Проблемам культур с Линейной керамикой и КЛЛК Центральной Европы были посвящены три конференции в Секешфехерваре, Венгрия (Fitz-Makkay 1972), Возорани, Словакия (Pavuk 1982) и Либлице, Чехия (Rulf 1989). Исследования последних лет в основном сфокусировались на углубленном изучении отдельных проблем памятников, регионов. Работы П.Моддермана (Modderman 1988), И.Люнинга (Lüning 1991) практически закрывают на ближайшее время тему для Центральной Европы.

На этом фоне крайняя восточная периферия предстает в общих чертах известным, но расплывчатым изображением. Культура настоятельно требует систематизации и организации как на уровне материалов, так и памятников.

## Г Л А В А II. ПРИРОДНЫЕ УСЛОВИЯ РЕГИОНА

Различные стороны жизнедеятельности человеческих обществ определены в значительной степени природными условиями территории их расселения. Особенно прямой выступает зависимость человека от природного окружения на начальных этапах его истории. Изучение конкретного естественно-географического фона позволяет наглядно представить пути приспособления человеческих коллективов к этим условиям, особенно при исследовании миграционных процессов. Обычно древние мигранты стремились сохранить традиционную форму хозяйства и устремлялись в районы, которые в ландшафтно-климатическом отношении соответствовали их традиционному хозяйству и быту. Каковы же природные особенности Пруто-Днестровского региона, где оседавшие в ходе миграции переселенцы КЛЛК нашли подходящие условия обитания?

При оценке этих условий современные географы выделяют несколько параметров, главные среди которых: рельеф, растительность, климат, водоснабжение. Для земледельческого использования (в свете современных знаний общая земледельческо-скотоводческая направленность хозяйства КЛЛК не вызывает сомнения) эта оценка начинается с самой Земли — Locus standi, ее свойств, и в первую очередь, плодородия.

Территория современной Молдовы занимает юго-западную часть Русской (Восточно-Европейской) равнины и рассматривается в составе Волыно-Подольской возвышенности и Причерноморской низменности. Поверхность представляет собой холмистую равнину, и хотя преобладающие высоты не большие, благодаря сильной вертикальной расчлененности, рельеф отдельных частей напоминает предгорный. На его формирование повлияло большое разнообразие поверхностных пород и периодические трансгрессии и регрессии морей, неравномерное повышение и понижение разных участков этой территории.

В неолите рельеф Пруто-Днестровского междуречья оставался в основном таким же, каким мы видим его в наши дни, хотя незначительные изменения локального характера, естественно, проходили.

Географы выявляют морфологическую сложность рельефа междуречья Прута и Днестра, его дифференцированность. Наиболее контрастно выделяются Приднестровская, Кодринская и Нижнепрутская (Тигечская) возвышенности. Кодринская возвышенность к северу переходит (границей служит р.Кулф) в Чулукско-Солонецкое плато (Чулукская степь), которое отделяется р.Реутом от Нижнекуболтинского плато (Бельцкая степь). Северо-Запад относится к Северо-Молдавскому плато.

Самый возвышенный участок рельефа (Кодры) окружен с трех сторон низменностями — Среднепрутской, Быковской и Ялпугской. Последние две отделены Лунгским и Ботнянским локальными поперечными поднятиями рельефа от расположенной на юго-востоке Причерноморской низменности (Билинкис и др. 1978: 6-8; Рымбу 1980; Краткая энциклопедия... 1982). Максимальные абсолютные высоты фиксируются в северо-восточных и центральных частях Молдовы, в Кодрах — 200-300 м (холм Бэлэбэнешть — 429 м), а минимальные в нижнем течении Днестра и Прута — 110-15 м. В целом выделяются три яруса рельефа. Верхний с высотами от 200 до 429 м образует самую высокую гипсометрическую ступень рельефа и охватывает Приднестровскую, Кодринскую, Нижнепрутскую возвышенности и Чулукско-Солонецкое, Нижнекуболтинское и Северо-Молдавское плато. Средний ярус с высотами 160-220 м представлен в трех разобщенных геоморфологических районах — Ялпугской, Быковской, Среднепрутской низменностях и имеет более широкое распространение. Нижний ярус развит в долине р.Днестр к югу от Ваду-луй-Водской излучины и южнее с.Вулкэнешть с высотами до 160 м. В качестве высотного рубежа возвышенность-низменность выступает изогипса — 180 м.

Молдова пересечена довольно густой сетью речных долин, балок и оврагов. Большинство местных рек и ручьев впадает в реки Днестр и Прут. Лишь территория южной и юго-восточной Молдовы дренируется реками, стекающими в лиманы бассейна Черного моря. По данным И.А.Крупенникова, в Молдове насчитывается 1085 постоянных и временных пересыхающих водотоков, в том числе 246 длиной более 10 км, а восемь рек — Днестр, Прут, Реут, Икель, Бык, Ботна, Ялпуг, Когылник имеют протяженность долин более 100 км.

Наиболее крупная транзитная река Днестр охватывает своими притоками большую часть водосборной площади междуречья. Речная сеть бассейна р.Днестр развита неравномерно. Более распространены и протяженны правые притоки, что объясняется значительной обводненностью песчано-глинистых отложений среднего сармата (Крупенников 1970; Билинкис и др. 1978). Многочисленные родники дают начало большинству притоков Днестра — Черная, Реут, Икель, Бык, Ботна.

Река Прут, ограничивающая с запада обозреваемый нами регион, принимает многочисленные короткие левые притоки.

Следует отметить особо, что русла большинства рек и ручьев в результате активной хозяйственной деятельности последних десятилетий претерпели значительные изменения при спрямлении, углублении отдельных из участков и за-

регулированности стоков в озера и пруды.

Климат Пруто-Днестровского междуречья умеренно-континентальный и в целом носит переходный характер между морским Западной Европы и континентальным Восточной, отличаясь обилием солнца, тепла и мягкой зимой. Среднегодовая температура воздуха составляет 7,5-10º, что определяет неустойчивую и малоснежную зиму с продолжительностью около трех месяцев. Среднеянварская температура 3-5º, а июльская составляет соответственно 19,5-20 и 22º (Лассе 1978). Среднегодовое количество осадков составляет 400-550 мм. Наибольшее количество 500-550 мм выпадает на севере и северо-западе, в Бельцкой и Чулукской степях — 400-450 мм. В Центральной Молдове, Кодрах, в связи с повышением местности, опять наблюдается некоторое увеличение осадков вплоть до 500 мм, но затем, к югу отсюда, в степях количество выпадающей влаги быстро убывает до 350-300 мм.

Основным богатством края является его земля. В сложном и разнообразном почвенном покрове края выделяются три большие по площади и неоднородные группы: I — черноземы и близкие к ним почвы; 2 — собственно лесные почвы двух видов — серые и бурые; 3 — пойменные.

Молдавские черноземы, занимающие более 80% территории, уникальны. Они образовались на различных горных породах под злаково-разнотравными луговыми степями и обладают высоким естественным плодородием. По количеству гумуса в пахотном слое почти все черноземы относятся к малогумусным (4-6%), а по мощности горизонтов А+В — мощным, реже среднемощным. Характеризуются большим разнообразием и представлены следующими подтипами: типичные, выщелоченные, сподзоленные, обыкновенные, карбонатные, южные, ксерофито-лесные и слитные. Перечисленные подтипы далеко не одинаковы по плодородию. Лучшими из них являются типичные и выщелоченные. В них содержание гумуса в верхних горизонтах не ниже 4-9%. Это лучшие почвы для выращивания большинства сельскохозяйственных культур. Типичные черноземы распространены главным образом в северной части Молдовы: на Бельцкой и Чулукской степях (чаще обе степи объединены одним общим названием — Бельцкая), Северо-Молдавском плато, пониженных окраинах Приднестровской возвышенности и значительной части левобережья Днестра. Выщелоченные черноземы имеют весьма широкий ареал распространения и практически встречаются почти по всей территории. Обыкновенные и карбонатные также занимают значительные пространства в пределах республики. Они приурочены к пониженным водораздельным плато и примыкающим склонам и террасам. Эти черноземы, особенно карбонатные, обладают более низким естественным плодородием, количество гумуса в верхнем пахотном слое превышает 3-4%. Распространены они в южных и центральных районах и на левобережье Днестра. По мнению одного из самых компетентных специалистов-почвоведов Молдовы Н.И.Крупенникова, «...актуальный возраст черноземов составляет... на Украине и в Молдове 8-9 тысяч лет. При этом изменения классификационного положения почв на протяжении 8-9 тысяч лет достигали ранга пограничных родов и подтипов, и, следовательно, почвы все это время оставались черноземами, быть может, за исключением самой ранней фазы их формирования, когда они носили примитивный характер» (Крупенников 1992: 70).

Лесные почвы распространены на возвышенностях, превышающих 250-300 м. Они представлены двумя типами: серыми и бурыми и занимают 11,5% площади.

Пойменных площадей около 8,5%. Среди них выделяются пойменно-луговые слоистые, пойменно-луговые слабосолончаковые, пойменно-иловато-болотные. Пойменные почвы, по мнению специалистов, относятся к одним из наименее подверженных процессам деградации типам земель Молдовы (Ропот и др. 1990: 65). Формирование современных пойменных отложений в долинах рек приурочено к начальному периоду голоцена.

Молдова расположена в двух природных и геоботанических зонах: лесостепной и степной, и в ее пределах проходит граница четырех ботанико-географических областей — Восточно-Европейской широколиственно-лесной, Европейской широколиственно-лесной, Средиземноморской лесной и Евразийской степной. Неолитические памятники приурочены к лесостепной зоне. В ней выделяется две природные провинции: Северо-Молдавская лесостепная и Центрально-Молдавская (Кодринская) лесная. Территория первой включает в себя также районы современной степи — Бельцкой. В лесной природной провинции выделяется два района: северные и южные Кодры.

Флора Молдовы насчитывает более 1,5 тысяч видов, среди которых много западноевропейских и редких средиземноморских (17%). Здесь находят свои ареалы такие виды, как: бук, черный тополь, грабинник, пушистый дуб, дикий виноград, лихолистая груша, которые восточнее в пределах Русской равнины не встречаются.

Площадь лесов занимает сейчас не более 8% территории, преимущественно в северной и центральной Молдове. Они располагаются в основном на водораздельных плато и склонах. Состоят из широколиственных пород, среди которых насчитывают 76 видов деревьев и кустарников, а преобладают дуб черешчатый и скальный с примесью береста, граба, ясеня и др.

Развитие неолита Пруто-Днестровья (вторая половина VI — конец V тыс. до н.э.) укладыва-

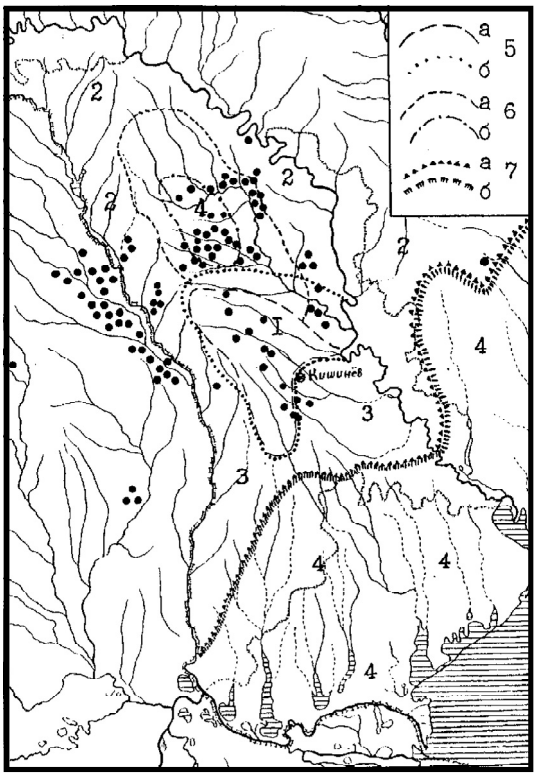



*Рис. 7. Схема реконструкции растительного покрова Днестровско-Бугского междуречья по К.В.Кременецкому (Кременецкий 1991: рис. 28):*
*1 — широколиственные леса Кодр (грабово-вязовые с участием дуба, липы, вяза);*
*2 — лесостепь (луговые степи и вязово-липовые леса с участием дуба, грабника);*
*3 — гырнецовая лесостепь с дубовыми и липовыми лесами;*
*4 — злаково-разнотравные степи;*
*5 — граница лесов Кодр:* а — *современная,* б — *реконструируемая;*
*6 — граница Бельцкой степи:* а — *современная,* б — *реконструируемая;*
*7 — граница гырнецовой лесостепи:* а — *современная,* б — *реконструируемая.*

ется в рамки атлантического периода голоцена, характеризуемого как климатический оптимум. Для атлантического периода характерно значительное расширение площадей, занятых широколиственными лесами, мезофотизация травяного покрова открытых участков и сокращение степной зоны в условиях снижения континентальности климата. Климат был более теплым и влажным (Долуханов 1984: 15; Кременецкий 1991: 151-153). Конкретнее факты выглядят так: среднеянварская температура была выше современной примерно на 1°, а общая увлажненность территории несколько выше современной (примерно на 100 мм) за счет некоторого увеличения количества выпадающих осадков или/и снижения среднеиюльских температур (Кременецкий 1991: 153-155). Палинологическими исследованиями этого автора была охвачена практически вся зона Центральной Молдовы, где сосредоточены памятники КЛЛК: Флорешть I (Бельцкая степь), Оргеевское озеро, южная оконечность Кодр — Данчены I, Новые Русешты I, II. Если в современном геоботаническом отношении район Флорешт расположен в округе Бельцкой разнотравнозлаковой степи, то спорово-пыльцевые диаграммы указывают на то, что в период существования поселения, в этом районе была лесостепь и широколиственные леса преимущественно из липы, вяза с дубом, грабом, грабинником, калиной и лещиной в подлеске. В травостое была высока доля сложноцветных, главным образом астровых. Сравнение данных Флорешт I и Оргеевского палеоозера позволили автору утверждать, что во время атлантического периода голоцена площадь Бельцкой степи значительно сокращалась и происходило наступление на нее лесных и лесостепных формаций. Это указывает на существенное отличие природных условий к северу от Кодр от современных, тогда как для поселений к югу от Кодр — Данчены I, Новые Русешты I, II — результаты несколько иные. Эти памятники расположены в пределах южно-молдавской лесостепи, на границе со степью. В период их существования здесь господствовала лугово-степная растительность, характеризующаяся господством двудольного разнотравья и значительной долей участия сложноцветных в травостое. Большую роль играли представители семейства астровых и полыни, вдоль рек росла ольха. На юго-восточной окраине Кодр леса сохранялись на водоразделах и состояли из вяза, дуба, граба, лещины и грабинника в подлеске, а в долинах рек распространялась степная растительность. В период существования этих поселений положение южной границы лесов Кодр заметно не менялось, что указывает на то, что происходившие изменения климата были недостаточны для того, чтобы привести к существенным сдвигам ландшафтных зон.

В Припрутской и Приднестровской лесостепях леса состояли из тех же пород, что и северо-Молдавская: дуб, граб, липа, вяз. Произрастали также берест, ясень, дикий виноград. Наряду с лесами сохранялись участки злаково-разнотравной лугово-степной растительности. Схема реконструкции растительного покрова Днестровско-Прутского междуречья представлена на схеме (Рис.7).

Палинологические реконструкции подтверждают и дополняют палеоботанические исследования З.В.Янушевич и Н.Н.Кузьминовой. На свободных от леса участках произрастали дикорастущие виды злаков — эгилопс, овсяница луговая, полевица белая, пырей, костер безостый, канареечник, мятлик, рейграс, бескильница, сетария. Леса представлены дубом, терном, кизилом, лещиной, алычой, виноградом (Янушевич 1976; 1986; Larina, Kuzvminova 1994).

Отметим также, что луговая лесостепь с ле-

сами из дуба, липы, ильмовых и других широколиственных пород, с мезофитным травяным покровом была в атлантическом периоде распространена и на междуречье Днестра и Южного Буга (Безусько и др. 1988: 125-135).

Косвенным указанием устойчивости ландшафтных зон Молдовы служат данные определений среднеголоценовой фауны неолитических поселений, которые представляют как лесные, лесостепные, так и степные виды: парнокопытные (свинья дикая, косуля, благородный олень, лось, зубр, тур); непарнокопытные (лошадь, дикий осел); хищники (волк, лисица, медведь бурый, степной и лесной хорьки, куница, барсук, выдра, кошка дикая лесная, рысь); грызуны (сурок степной, суслики, бобр речной, слепыш, хомяк, водяная крыса, подземная полевка); зайцеобразные (заяц-русак) и т.д.

Естественно, этот состав отражает в основном охотничье-промысловую териофауну неолита, но, по мнению А.И.Давида, довольно точно представляет виды лесостепной зоны Молдовы (Давид 1982: 139-140).

Для полноты картины дополним этот список видами определенных птиц — дикие гуси, утки, дрофы; составом ихтиофауны — осетры, сомы, вырезубы, окуни, плотва, язи — Днестра (Маркевич 1974: 146, 150).

Разъединив на составляющие прекрасный комплекс под названием Природа Молдовы, я, как думаю, смогла представить его особенности и достоинства, которые и были оценены носителями КЛЛК: благоприятное сочетание солнечной радиации, влаги, плодородие почвы, разнообразный растительный и животный мир, а также разветвленные речные пути как естественное условие для развития транспортных коммуникаций. К тому же огромное значение имеет и общая дифференцированность природной среды, способствовавшая развитию земледелия и созданию кормовой базы скотоводства, а леса — занятию охотой.

## Г Л А В А III. ПАМЯТНИКИ КУЛЬТУРЫ ЛИНЕЙНО-ЛЕНТОЧНОЙ КЕРАМИКИ НА ТЕРРИТОРИИ МОЛДОВЫ

***1. Источники.*** Памятники культуры линейно-ленточной керамики распространены в Молдове на площади в 15 тыс. кв. км. В настоящее время, благодаря исследованиям различных авторов, зафиксировано 69 пунктов местонахождений, из которых 62 определены как поселения, а 7 — случайные находки, иногда присутствующие в инокультурном материале.

Они занимают всю центральную лесостепную часть от Днестра (Слободзея-Воронково) до Прута (Навырнец, Молдовянка I, II, Резина I, II, III), смыкаясь с такими же на правобережье Прута. На севере границу фиксируют Слободзея-Воронково на Днестре и левобережные реутские поселения — Бэлць I, Куболта, Флорешть I, II и т.д. Южная проходила в пограничье степени и лесостепи по р.Ботна — Русештий Ной I, II, Яловень I (Рис.3).

Украинскими исследователями выявлено поселение у г.Ананьева Одесской области (Майнова Балка), свидетельствующее о том, что носители КЛЛК перешагнули через Днестр и начали осваивать Буго-Днестровское междуречье. Территория между Бугом и Днестром еще слабо изучена археологически, а территория за пределами распространения молдавских памятников КЛЛК исследована достаточно хорошо (Дергачев 1980: 174, рис.1). Учитывая это обстоятельство, видимо, можно предположить, что выявленные границы КЛЛК в Пруто-Днестровье являются полными и сколько-нибудь серьезных изменений по этому вопросу в будущем не ожидается.

Сейчас известно более 160 местонахождений КЛЛК к востоку от Карпат: румынские исследователи называют 56 пунктов (Рис.4), а украинские для Западной Украины — 59 (Рис.5). Здесь также зафиксированы два погребения, обнаруженные в 30-х и 50-х годах (трупоположение в Баеые и трупосожжение на поселении в Незвиско).

Картографирование этих пунктов (Рис.5) определяет зоны концентрации памятников у Луцка и Ровно на Волыни, по течению верхнего Днестра и на его притоках. Поселения КЛЛК выявлены и на верховьях Прута (Новоселки). Отсюда носители КЛЛК проникают на верховья Сирета и осваивают практически всю центральную часть румынской Молдовы. Через нижние карпатские перевалы была заселена юго-восточная Трансильвания, а в обход южной оконечности Карпатских гор — Северо-Восточная Мунтения. С другой стороны, через Прут в средней его части (современные Глодянский, Фалештский, Унгенский и Ниспоренский районы) носители КЛЛК проникают на восток, в Пруто-Днестровское междуречье.

При учете географического размещения региональных групп памятников Средней Европы была отмечена их взаимосвязь с бассейнами больших рек: группы на Дунае, Эльбе, Рейне, Сене, Висле. Водным путям придается особое значение как естественным коммуникациям связи групп памятников (областей их концентрации) друг с другом.

Региональная тенденция размещения групп памятников КЛЛК сполна реализовалась на юго-восточной периферии. Наиболее четко выступают концентрации на Волыни (Волынская группа), верхнем и среднем Днестре (Верхнеднестровская группа), в Румынии и Молдове (Молдавская группа). При этом р. Днестр служит коммуникативным целям поддержания связей с исходной территорией и групп друг с другом.

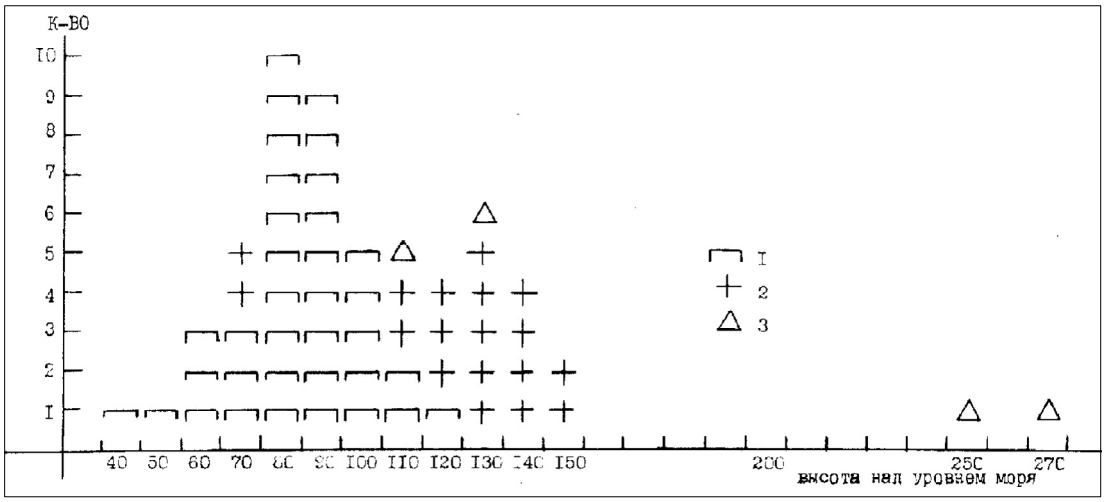



*Рис. 8. Размещение памятников КЛЛК относительно высоты над уровнем моря и источников воды: на берегах рек (1), на берегах ручьев (2), вдали от текучей воды (3).*

Памятники, известные в Молдове, изучены археологически неравномерно. Лишь на семи поселениях произведены раскопки разной степени интенсивности: Дэнчень I — изучена площадь в 3 тыс. кв.м.; Флорешть I — 2 тыс. кв.м.; от 200 до 500 кв.м исследована территория в Цыра II, Рогожень II, Гура-Каменчий VI, Дурлешть I и Русештий Ной I. Ни одно поселение не исследовано полностью. Большие поверхностные сборы происходят с поселений Мындрешть, Навырнец, Сынжерей I, V, XXI. На Сынжерей XI заложен разведывательный шурф. Материалы названных памятников являются нашими основными источниками и служат основой при характеристике культуры. К тому же, расположенные в разных районах Пруто-Днестровья, они, вероятно, частично отражают особенности этой культуры в ареале.

При общем обзоре месторасположений памятников Молдовы использовались карты масштаба 1:50000, изредка 1:00000, что позволяет провести детальный топографический анализ. Тем более, что большинство пунктов нанесены на карту авторами открытий[2)] с достоверностью ±50-100 м. В ряде случаев положение поселений уточнялось по Карте Бессарабии 1886 года издания. При обзоре почв учитывались данные почвенной карты МССР 1961 года издания, а также отдельные порайонные карты.

Только для трех пунктов — Рэдоайя, Куболта, Бранешты XIII отсутствуют абсолютно точные данные, в силу чего эти пункты исключены при учете ряда параметров.

***2. Поселения.*** На территории Пруто-Днестровского междуречья известно сейчас 62 поселения, которые, при учете геоморфологических особенностей, занимают всю центральную часть, ее пять орографических единиц: южную часть Нижнекуболтинского плато (Бельцкая степь) — 6 памятников; Приднестровскую возвышенность — 7; Чулукско-Солонецкое плато (Чулукская степь) — 23; Кодринскую возвышенность — 15 и Среднепрутскую низменность — 3 (Рис.3). Размещение поселений (96,3%) приурочено к средним и нижним ярусам рельефа с абсолютными отметками высот от 40 до 150 м над уровнем моря, вписываясь в понятие «низменность». Только два пункта в Унгенском районе Рэдений Векь I и II являются исключением, располагаясь на плато и склоне плато Западных Кодр с отметками в 150 и 270 м. Тринадцать поселений района Кодр зафиксированы на абсолютной высоте от 70 до 130 м, на снижающихся по высоте гипсометрических ступенях рельефа, в долинах рек, соответствуя тем самым по данному признаку всем известным на сегодня поселениям Пруто-Днестровья (Рис.8).

При нанесении местонахождений на карту растительности резко выступает их особая концентрация в зоне Бельцко-Чулукской степи = Бельцкой степи. Сорок поселений (72,7%) этой зоны составляют основной массив культуры в междуречье (Рис.7).

Одним из главных определяющих при выборе мест под заселение являлось наличие воды, причем воды проточной. Только в четырех случаях (7,5%) поселенцы предпочли использовать воду источников, которые сейчас имеют вид колодцев, удалившись на 2-8 км от близлежащих водотоков (Мындрештий Ной, Рэдений Векь I, II, Яловень I) (Рис.10).

Поселения привязаны в основном к долинам средних и малых рек. Большинство их расположено на правобережных притоках нижнего Днестра — Икеле, Быке, Ботне, Реуте и на питающих их многочисленных ручейках и речушках. 76% всех поселений относится к бассейну реки Реут. Протяженность ее 286 км. Врезаясь в своем течении на глубину до 180 м, она сформиро-

[2)] Приношу глубокую благодарность В.И.Маркевичу, В.М.Бикбаеву, А.Г.Левинскому, В.А.Дергачеву.

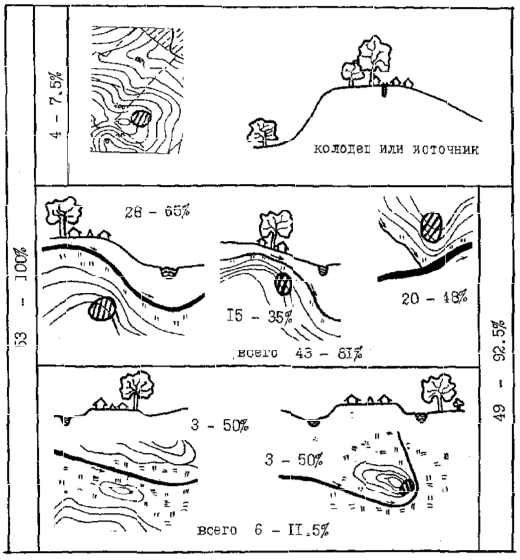



*Рис. 9. Таблица учета размещения поселений в соответствии с источниками воды.*

вала хорошо развитую долину, в которой насчитывается до 7 надпойменных террас, с многочисленными притоками. Наиболее крупные их них Куболта, Солонец, Большой Чулук (вместе со Средним и Малым Чулуком), Кула.

Реутские памятники очень ярко демонстрируют зависимость расположения от геоморфологии района. Непосредственно на Реуте обнаружено семь поселений, шесть из которых сконцентрированы на его широтном участке от г.Бельцы до с.Гура-Каменчий. Ширина поймы здесь до 9 км, поперечный профиль долины асимметричный; правый склон крутой, короткий, почти полностью поражен крупными фронтальными оползнями; левый — отлогий, с хорошо развитой балочной сетью. Подобное строение, видимо, предопределило заселение только левого берега (Бэлць I, Путинешть I, Мэркулешть I, Флорешть I, II).

При изменении русла реки у с.Гура-Каменчий на субмеридиональное — юго-восточное, долина ее приобретает вид каньона, отчего и поселения удаляются от реки, располагаясь на впадающих справа и слева небольших речках и ручейках: р.Воздулуй (Гура-Каменчий VI, VII, X) (Рис.11), р.Шерка (Рогожень II), р.Илигач (Брынзений Векь), р.Мотца (Бранешть I, XIII). Только у с.Цыра, где обрыв берега сглажен, на поверхности террасы, в 100 м от воды находится Цыра II.

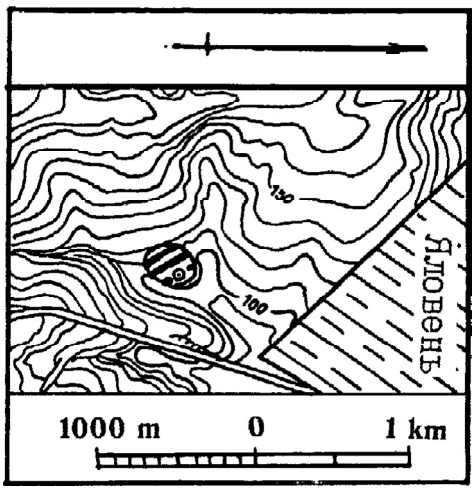



*Рис. 10. Топосхема размещения поселения Яловень I.*

При этом весьма плотно оказались освоены берега правосторонних притоков Реута, формирующих долины Чулукско-Солонецкого геоморфологического района: на реке Большой Чулук 11 поселений (Биличений Ной I, Сынжерей I, VIII, XI, XVI, XIX и т.д.) (Рис.12); на Среднем Чулуке — 8 (Кишкэрень V, IX, XIV; Езарений Векь VII, VIII, IX и т.д.) (Рис.13); на Малом Чулуке — 2 (Кошкодень, Мындрешть); на Куле — Рэдень. Все эти реки имеют хорошо развитые долины с двумя, редко тремя надпойменными террасами, что и предопределило их освоение.

Места под поселения на речках кодринской зоны выбраны также там, где хорошо разработаны и выражены поймы: р.Бык (Пэнэшешть I, Стрэшень X, XI), на его притоке Ишновец (Скорень I, Дэнчень I) (Рис.14); Ботне (Русештий Ной I, II).

Преимущество малых рек перед большими очевидно при обзоре памятников бассейна р.Прут. Непосредственно на берегах Прута нет ни одного неолитического памятника. Они занимают берега маленьких ручейков и речушек: Малый Шовец (Нэвырнец), безымянные ручьи (Молдовянка I, II, Резина I, II).

Лишь как исключение зафиксировано поселение в пойме р.Днестр (Слобозея-Воронково), там, где в нее впадает приток и развиты надпойменные террасы.

Следует подчеркнуть особо, что, в отличие от современного положения, только шесть поселений были организованы в древности на берегах естественного расширения рек, имевших вид прудов: р.Ишновец (Скорень I, Дэнчень I), р.Реут (Мэркулешть), р.Средний Чулук (Кишкэрень IX, X, XIV). (Уточнено по карте 1886 г.).

Разумеется, положение каждого памятника зависит от рельефа каждого конкретного района. Однако, в многообразии конкретного расселения на местности выявляется всего несколько закономерностей, определенный «стандарт» (Рис.9).

Более 90% (92,5) организовано у проточной воды.

Реже всего использовались небольшие возвышенности в поймах рек — 6 поселений (11,5% от общего числа), которые имеют высоту над поймой от 0,5 (Русештий Ной I) до 3,5-5 м (Русештий Ной II, Пэнэшешть I, Греблешть, Мындрешть и Мэркулешть). Размеры таких останцов от 100 х 200 (Пэнэшешть), 160 х 300 (Мэркулешть) и 300 х 500 (Греблешть). Однако сами поселки занимают незначительные восточные

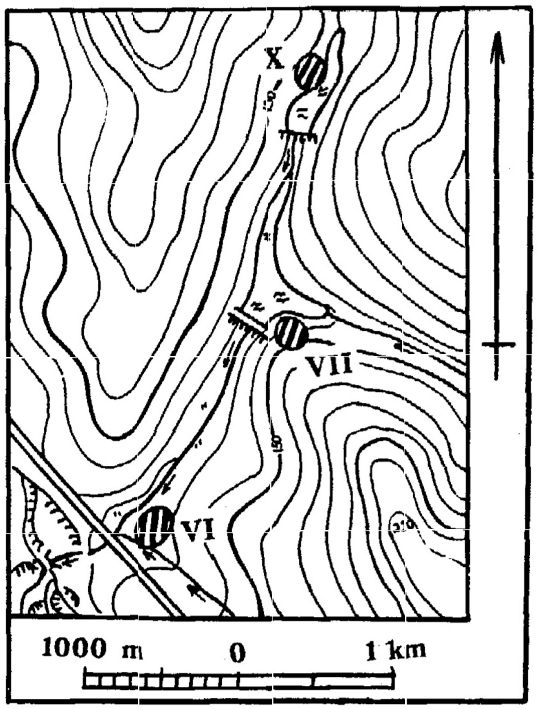



*Рис. 11. Топосхема размещения поселений Гура-Каменчий VI, VII, X.*

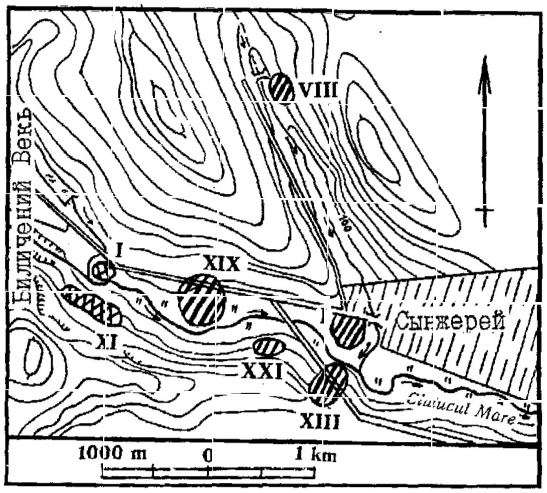



*Рис. 12. Топосхема размещения поселений на реке Большой Чулук: Сынжерей I, VIII, XIII, XIX, XXI; Биличений Векь I, XI.*

или юго-восточные оконечности этих возвышенностей, располагаясь непосредственно у воды или не более чем в 300 м от нее.

Половина поселений этого типа (3) была основана в местах, где река делает петлю, изгиб, омывая с трех сторон останец-возвышенность (Мэркулешть, Греблешть, Мындрешть).

Эти пункты располагаются на абсолютной высоте от 60 до 100 м над уровнем моря.

Чаше всего, в 43 случаях (81% от всех) осваивались мысоообразно выступающие припойменные террасы и склоны берегов рек, речушек и ручьев. Из них более половины (28) организованы на берегах более или менее крупных рек и речушек, что принуждало поселенцев удаляться от воды чаще на 100-300 м, реже — на 300-700 м (Бэлць I, Флорешть I, II) и подниматься над водой чаще на 2-5 м (Кошкодень I, Беличений Векь I, Молдованка I, II, Кишкэрень IX, X), реже на 6-20 м (Стрэшень X, XI, Флорешть I, II, Цыра II, Езарений Векь VII). В абсолютном измерении это высоты от 40 до 110 м, с преобладанием на 80—100 м над уровнем моря.

В 15 случаях из 43 (28,5%) этой же закономерности поселения зафиксированы на склонах небольших ручьев в значительном удалении от основных долин на 1,5-6 км. Тогда поселки лежат в непосредственной близости от воды ручьев — 50-100 м и незначительно возвышаются над тальвегом (Сынжерей VIII, XI; Кирилень I, IV; Гура-Каменчий VI, VII, X; Николаевка I, Рогожень II, Киперчень I). Удаляясь от долин рек, они расположились на склонах водоразделов, что в абсолютных высотах выражается от 110-150 м, с преобладанием на 120-140 м, только Молдовянка I и II лежит достаточно низко — 70 м над уровнем моря, но это уже район Среднепрутской низменности.

Приблизительно половина поселений (20 из 43) расположены не просто на мысообразных выступах террас, а непосредственно на мысах, образованных слиянием двух речек (Брынзений Векь I), двух ручьев (Гура-Каменчий VI, VII, Кирилень IV, Молдовянка I, II) или слиянием ручьев и речек (Рэдень, Дэнчень I, Дурлешть I, Фло-

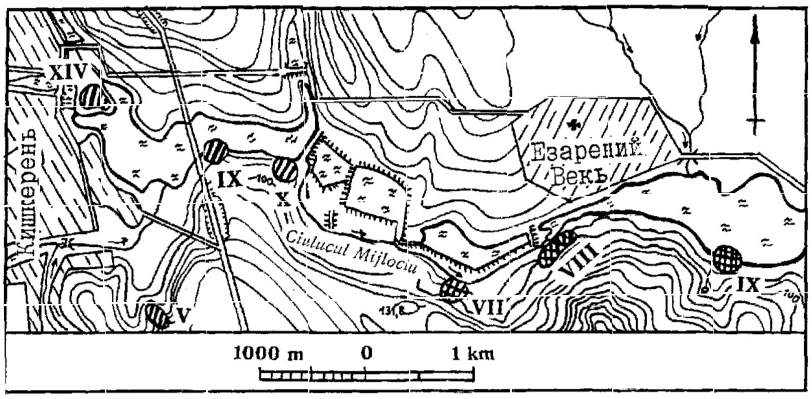



*Рис. 13. Тополлан размещения поселений на реке Средний Чулук: Кишкэрень V, IX, X, XIV и Езарений Векь VII, VIII, IX.*

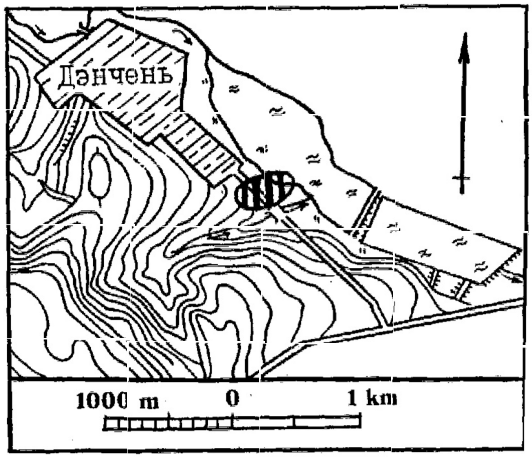



*Рис. 14. Топоплан размещения поселения Дэнчень I.*

решть I, II, Биличений Векь I). Тогда поселения могут занимать либо центральную часть мыса (Кошкодень I, Флорешть I), либо его края, ближе к реке (Биличений Векь I), либо к ручью (Дэнчень I, Рэдень).

Как явствует из приведенных данных, при выборе места учитывалась опасность паводковых вод. Разрушение многих памятников по берегам рек произошло, видимо, уже позже и связано как с сведением обширных лесов, которые воздействовали регулирующе на сток рек (Слобозея-Воронкэу, Цыра II), так и с мелиоративными работами по созданию каскадных прудов на реках Средний Чулук (Кишкэрень XIV, IX, X; Езарений Векь VIII, IX), Малый Чулук (Мындрешть), Ишновец (Дэнчень I), спрямлению русла р.Ботна (Русештий Ной I, II).

Чаще всего поселения занимали северо-западные, северо-восточные, восточные, юго-восточные и южные склоны мысов, экспонированные от 0 до 100° и от 330 до 360°, что обеспечивало максимальную их освещенность. С другой стороны, сами площадки, выбранные поселенцами, имеют максимальные углы наклона в 2-6° (исключая Кишкарень V и Рэдений Векь II) и хорошо освещаются и прогреваются весь световой день (Рис.15 ).

При картографировании памятников с учетом почвенных особенностей явственно выступает их тяготение к определенным местам. В силу того, что поселки приурочены к берегам рек, в сферу их деятельности входили почвы нескольких видов. Как правило, это чаще всего черноземы типичные (48,1%) и выщелоченные (20,5%), реже обыкновенные (11,6%) и карбонатные (17,3%), которые сочетаются преимущественно с пойменно-луговыми слабосолончаковыми (15%), реже — с лугово-черноземными (5,5%). Памятники, расположенные в поймах, занимают пойменно-луговые слоистые.

Избирательность в почвах объясняет и такую большую концентрацию поселений в отдельных микрорайонах. Они расположены «гнездами». Особенно это хорошо видно на реках Большой и Средний Чулук, на Реуте (Бельцкая степь). Так, на 14 км среднего течения р.Средний Чулук расположено 8 поселений (Кишкэрень V, IX, X, XIV, Езарений Векь VII, VIII, IX), т.е. на каждый памятник приходится менее 2 км поймы, а фактически расстояние между ними от 0,2 до 1,5 км. Такую же картину наблюдаем и у г.Флорешть — на 18 км реки расположено 7 поселений (Путинешть I, Мэркулешть, Флорешть I, II, Гура-Каменчий VI, VII, X) (Рис.3).

Приблизительно сходную картину выявил Г.В.Охрименко для местонахождений, расположенных на р.Черногузке (Волынь, Украина). На 10 км по обоим берегам этой реки расположено более 10 поселений: Голышев I, II и III отстоят друг от друга на расстоянии 0,5, 2 км; Новостав I, II и III соответственно 2, 1,5, 0,5 км (Охрименко 1981: 106) (Рис.5).

Археологические разведки последних лет практически не выявляют памятников КЛЛК в новых зонах, а только дополняют картину новыми точками в уже известных местах («старые» памятники как бы обрастают «новыми», увеличивая плотность заселения в неолитическую эпоху).

Отдельные особенности наших памятников находят хорошую параллель с размещением поселений у Чешски Брод в долине р.Эльба. Отмечаются два типа положения: на краях террас главной долины и на мелких ручейках. Удаление от воды в промежутке от 200 до 400 м, источники никакого значения не имели. 43% поселений размещены на второй террасе долин, склоны экспонированы на северо-восток и восток (30-70°). 87% всех памятников размещаются на лессовом субстрате (чернозем и каштановые), в окружности одного километра имеются почвы другого типа, преимущественно луговые (30%).

Отметим и отличия: большая высота над долиной освоенных террас, более половины на

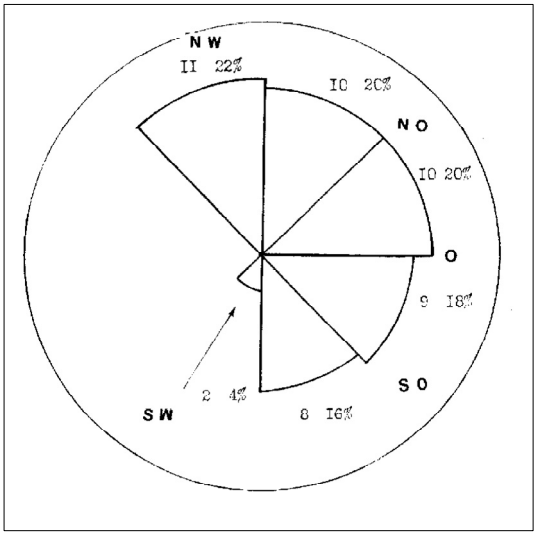



*Рис. 15. Экспозиция поселений КЛЛК.*

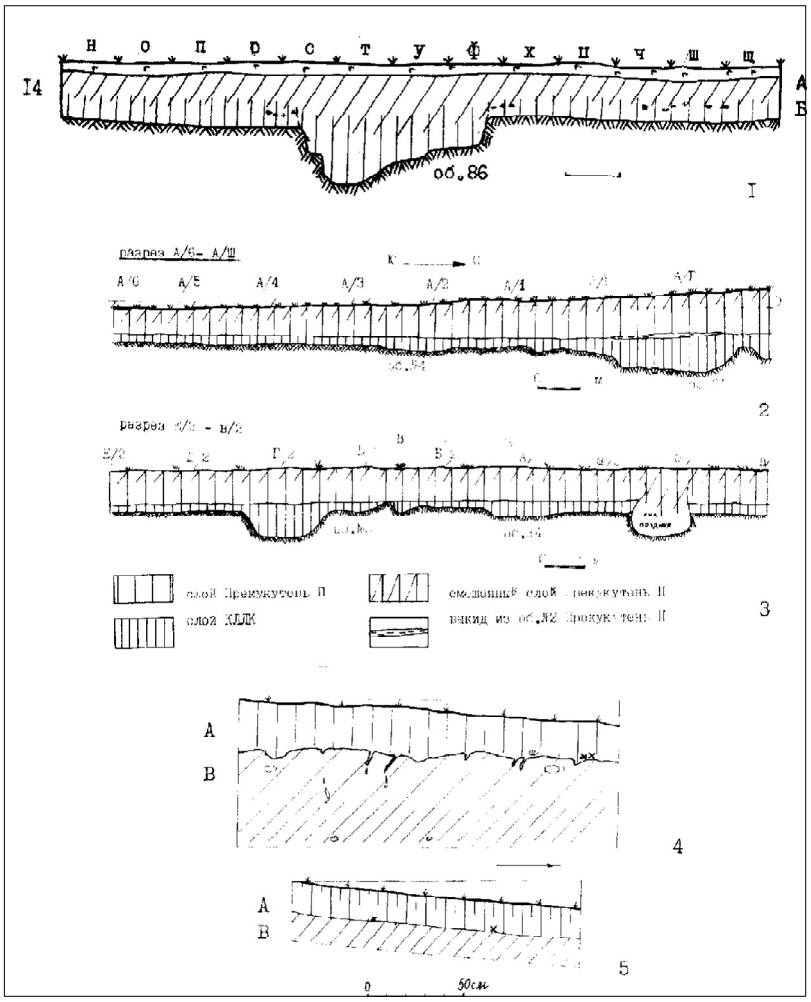



*Рис. 16. Стратиграфические профили поселений Дэнчень I (1); Флорешть I (2—3); Сынжерей XIII (4); Кишкэрень V (5).*

высоте 10 м, прочие на 50 м. При этом и относительно уровня моря памятники отмечаются двумя сгущениями на 200-210 м и 250-260 м (Rulf 1981; 1983). В.Шир, при сравнении условий заселения южной долины Майна (Maindreieck) с памятниками долины Дуная, Средней Германии, пришел к выводу, что каждая конкретная область заселяется в связи с природной обстановкой, топографией, экологией. Общие критерии выбора места остаются надрациональными (Schier 1990: 168).

Выбранные первыми земледельцами почвы оказались излюбленными и для носителей более поздних земледельческих культур. На территории, занятой рассматриваемыми памятниками (более половины из них), в последующее время разместились поселки раннетрипольских, позднетрипольских, черняховских, раннеславянских, позднемолдавских земледельцев.

Многослойность поселений, связанная с напластованиями разных культур, а также поверхностное обследование их в ходе разведки, затрудняет возможность установления четкой стратиграфии и размеров памятников в неолитический период их обитания.

Площадь поселений колеблется значительно. Так, почти полностью исследованное поселение Тадани на Украине занимало площадь около 0,8 га (Пелещишин 1987: 101). Близка к этому площадь поселения Кишкэрень XIV — 1 га (100 х 100 м) (Бикбаев 1981: 194). На 1,5 га разместилось Флорешть I — 120 х 120 м (Пассек 1963: 23). Значительно отличается от них Езарений Векь VIII (400 х 100 м) (Бикбаев 1981: 194) и Дэнчень I (300 х 150 м). Сравнительный анализ выявленных в Дэнчень I материалов жилищно-хозяйственных комплексов позволяет предположить, что не все они были обитаемы в одно и то же время.

Для памятников Украины и Румынии данные примеры сходные — от 0,5 до 3 га: Миховень — 0,4 га, Тырпешть — 0,5 га, Траян-Дялул Фынтынилор — 1,5 га, Глэвэнештий Векь — 2 га, Периень — 3 га, Гнидава — 2 га, Гирка Полонка до 3 га. Завышенной нам кажется площадь поселения старшей КЛЛК Ровно (200 х 120 м) (Охріменко 1994).

Культурный слой на поселениях тонок, зафиксирован толщиной в 5 см на глубине 0,3-0,4 м в Рогожень II; 0,25-0,3 м на поселениях Дэнчень I, Русештий Ной I, Флорешть I, Гура-Каменчий VI. Залегал он на глубине 0,3-0,7 м в

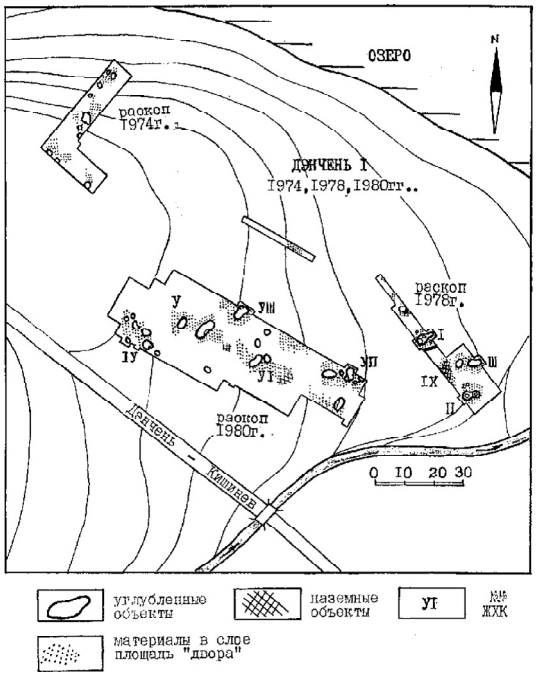



*Рис. 17. Общий план поселения Дэнчень I.*

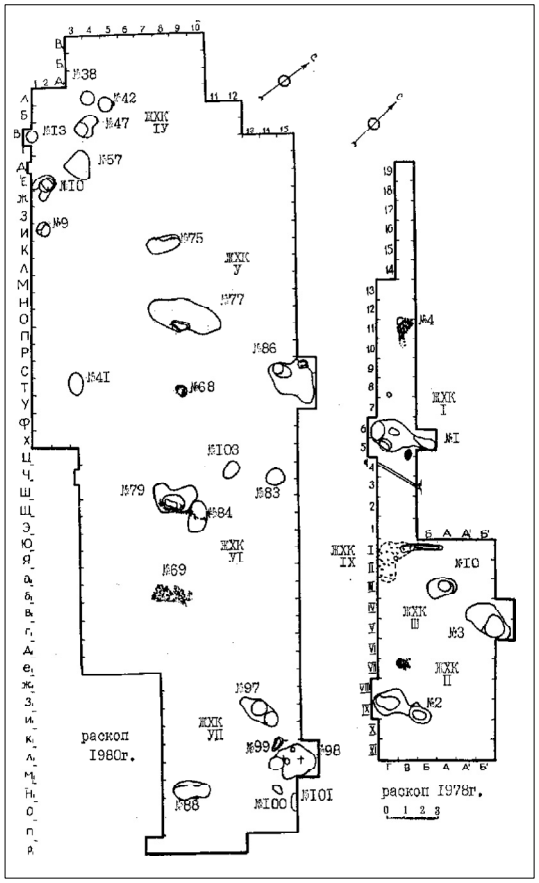



*Рис. 18. Дэнчень I. План расположения объектов в раскопах 1978 и 1980 гг.*

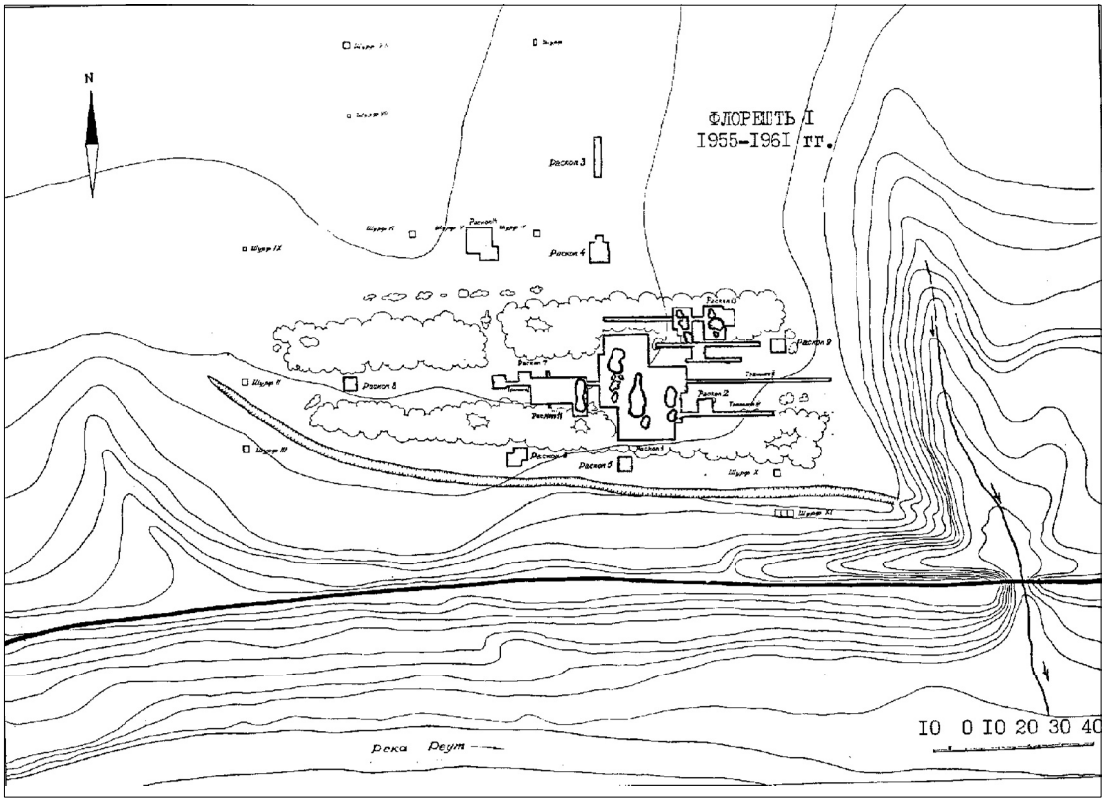



*Рис. 19. Флорешть I. Общий план раскопов и объекты КЛЛК (по Т.С.Пассек).*

Гура-Каменчий VI, 0,8-1,0 м в Русештий Ной I и во Флорешть I. В Дэнчень I обнаружен на глубине 0,5 м (верх склона) и 1 м (основание).

Приблизительно такую же картину дают и памятники Украины. На глубине 0,4-0,6 м залегали слои в Ровно, Гирка Полонка, Клевань, Котоване, Торском; до 1 м в Тадани, на 2,15-2,55 м в Незвиско. Мощность культурного слоя также незначительна и соответствует подошве черноземного слоя и лесоподобного суглинка.

Слой, содержащий остатки КЛЛК, приходится на границу слоев почв А и В (Рис.16: 1-5).

Памятники КЛЛК вообще находками не богаты: керамика, орудия и отбросы производства, кости животных приурочены к местам, соответствующим остаткам хозяйственных и жилых сооружений.

***3. Жилища и хозяйственные объекты.*** Всего в Пруто-Днестровье на поселениях выявлено в настоящее время более 60 жилых и хозяйственных сооружений. Наибольшее их число обнаружено в Дэнчень I — 40 (Рис.17; 18), Флорешть I — 15 (Рис.19; 20), Дурлешть I — 4 (Рис.21), одиночные в Гура-Каменчий VI, Рогожень II (Рис.22), Русештий Ной I, Цыра II. Они двух типов: углубленные и наземные, причем последних не более 5%. Вместе эти типы поселений встречены в Дэнчень I, наземные имеются в Гура-Каменчий VI и Рогожень II, на всех остальных только углубленные. Последние подразделяются на жилые и хозяйственные. Деление это весьма условно, поскольку из-за нерасчлененности сфер деятельности неолитического населения жилые сооружения включали в себя место производства и хранения запасов.

При отнесении сооружения к жилому в первую очередь мы руководствовались наличием отопительного устройства (очаг, печь, место костра) и минимальной площадью объекта в 10-15 кв.м. Исходя из этого в Дэнчень I были определены как жилые 9 сооружений (Рис.18), во Флорешть I — 6 (Рис.20), в Дурлешть — 4 (Рис.21), в Русештий Ной I и Цыра II — по одному. По форме углубленные жилища очень разнообразны. Однако встречены и схожие между собой объекты (Рис.23).

Первые представляют собой вытянутые овальные (Дэнчень I № 77, Флорешть I № 18, Русештий Ной I), котлованы или котлованы удлиненно-овальной формы с зауженным концом (Дэнчень I — № 1,2; Флорешть I — № 3; Дурлешть I — № 15,21) (Рис.24-25). Размеры их представлены в Приложении, Табл.4,5. Площадь колеблется от 15-16 (Дэнчень I) до 45 кв.м (Флорешть I № 3). Дно таких жилых сооружений

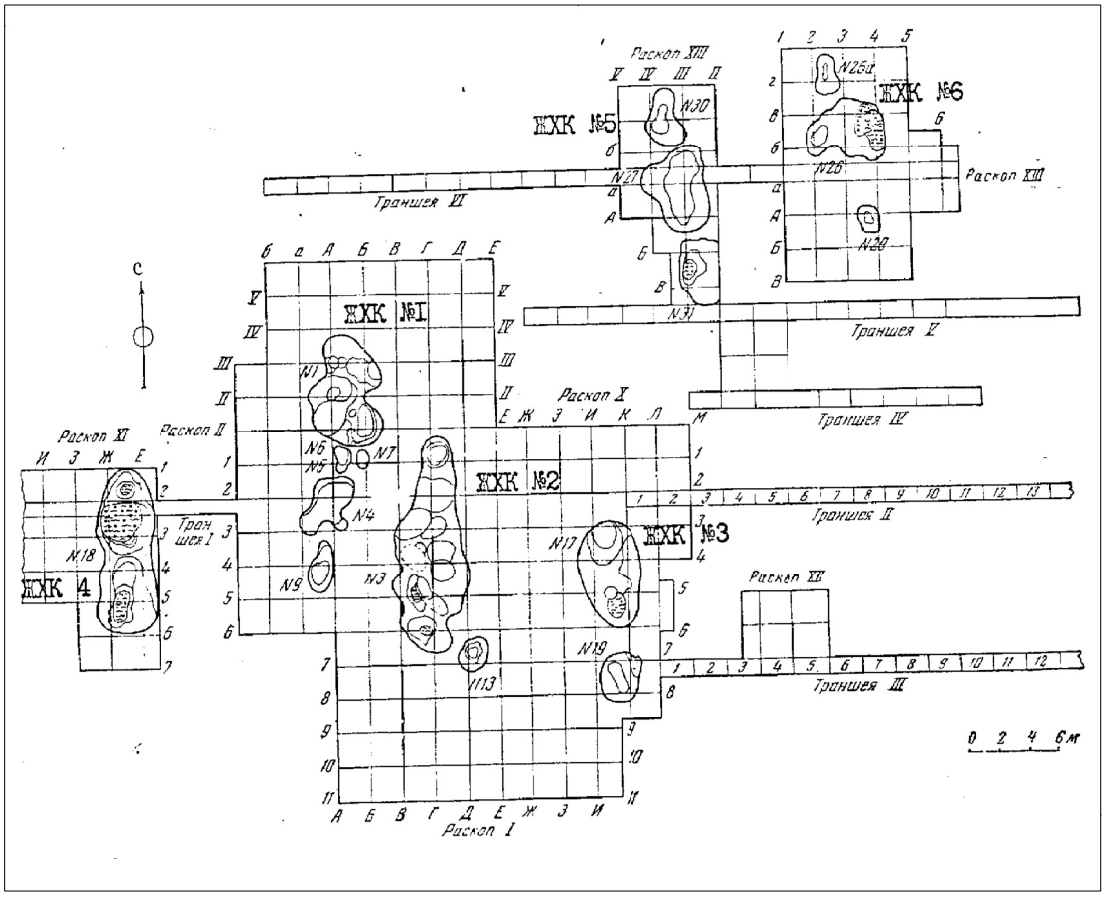



*Рис. 20. Флорешть I. План расположения объектов КЛЛК и их организация в ЖКХ.*

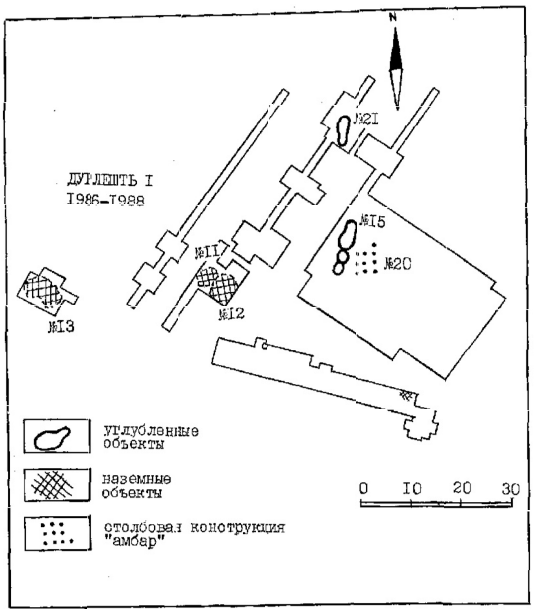



*Рис. 21. Дурлешть I. План раскопов и объектов (по И.С.Тентюк).*

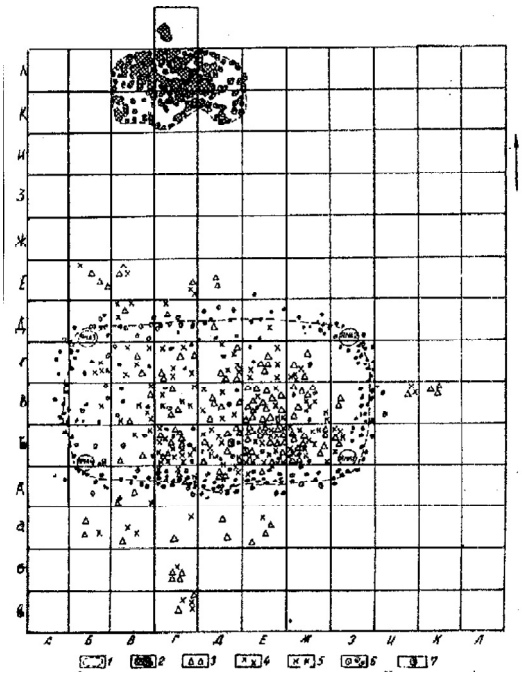


*Рис. 22. План раскопа поселения Рогожень II (по Л.Н.Макаровой).*

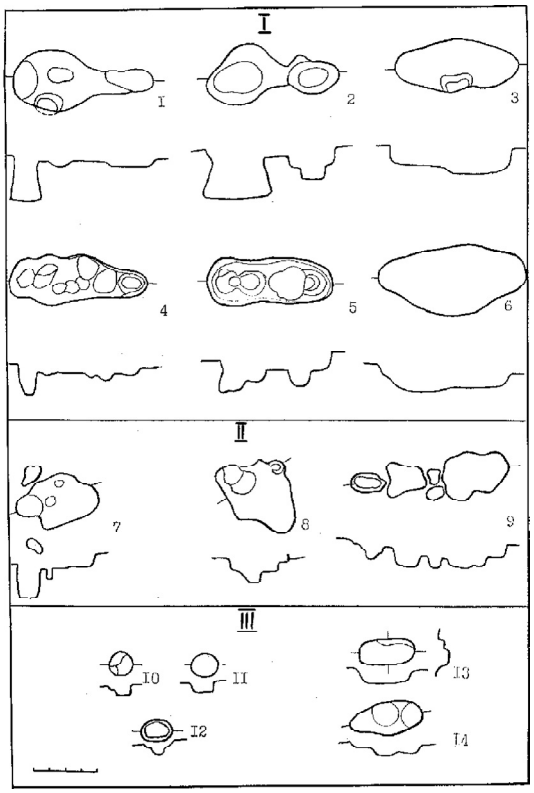



*Рис. 23. Типы углубленных жилых (I, II) и хозяйственных (III) объектов.*

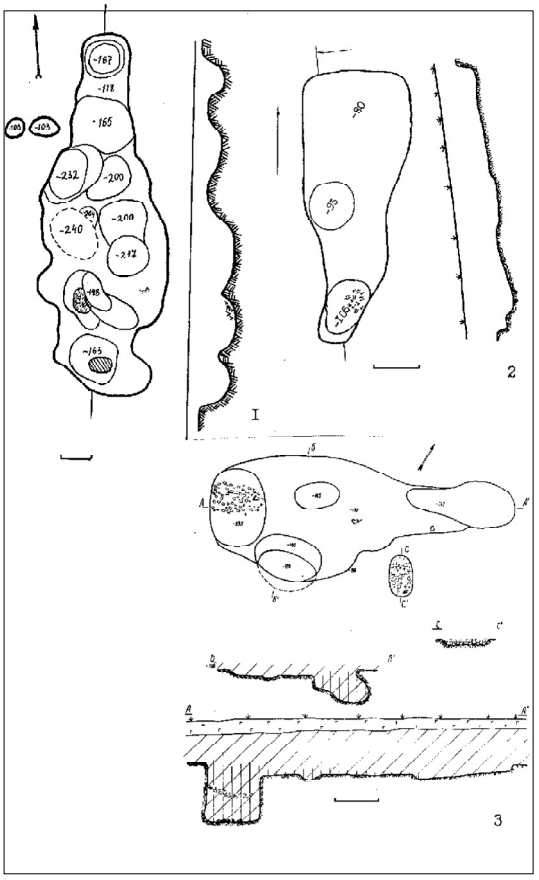



*Рис. 24. Жилые объекты с поселений Флорешть I (1), Дурлешть I (2), Дэнчень I (3). Тип 1—1—4.*

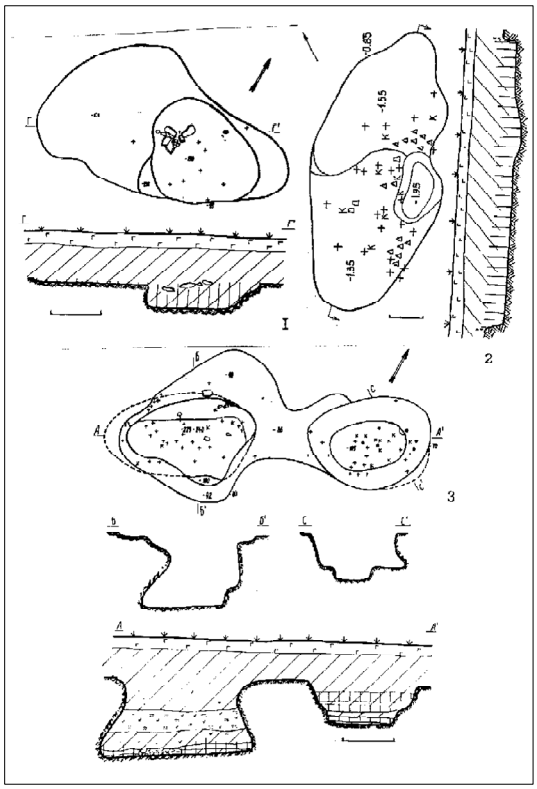


*Рис. 25. Дэнчень I. Жилые объекты типа 1—2 (3); 1—3, 6 (1—2).*

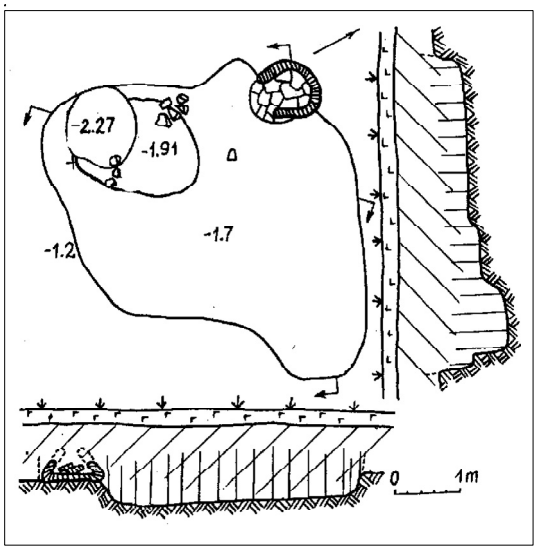



*Рис. 26. Дэнчень I. Жилой объект типа II-8.*

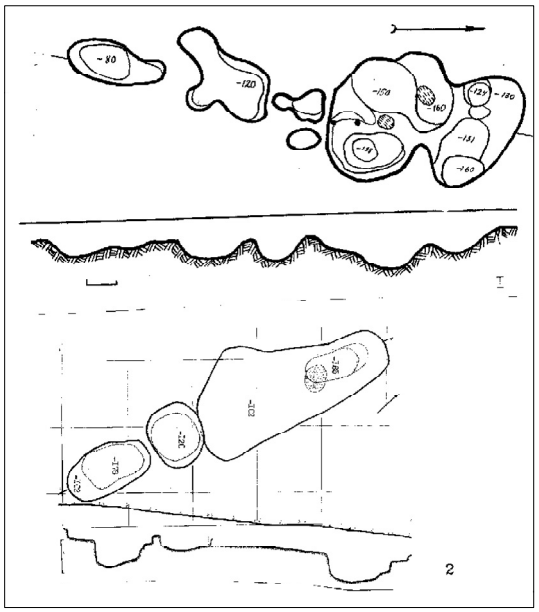


*Рис. 27. Жилые объекты типа II-9 из Флорешть I (1) и Дурлешть I (2).*

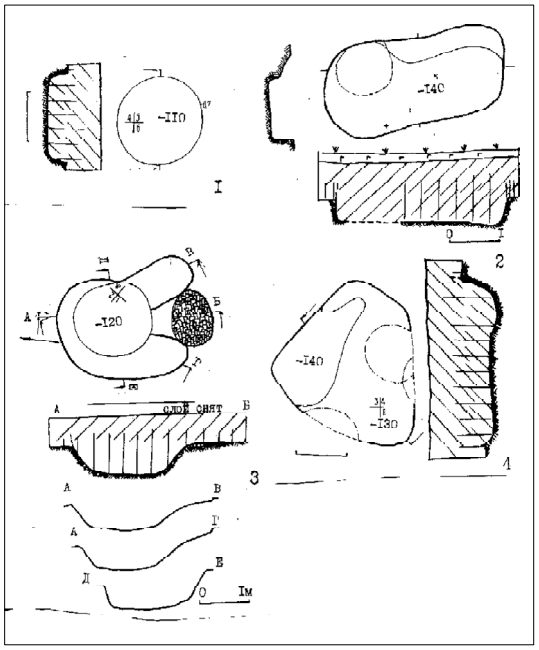


*Рис. 28. Дэнчень I. Типы углубленных хозяйственных объектов: яма (1), ямы-амбары (2, 4), яма-«землянка» №10 с очагом (3).*

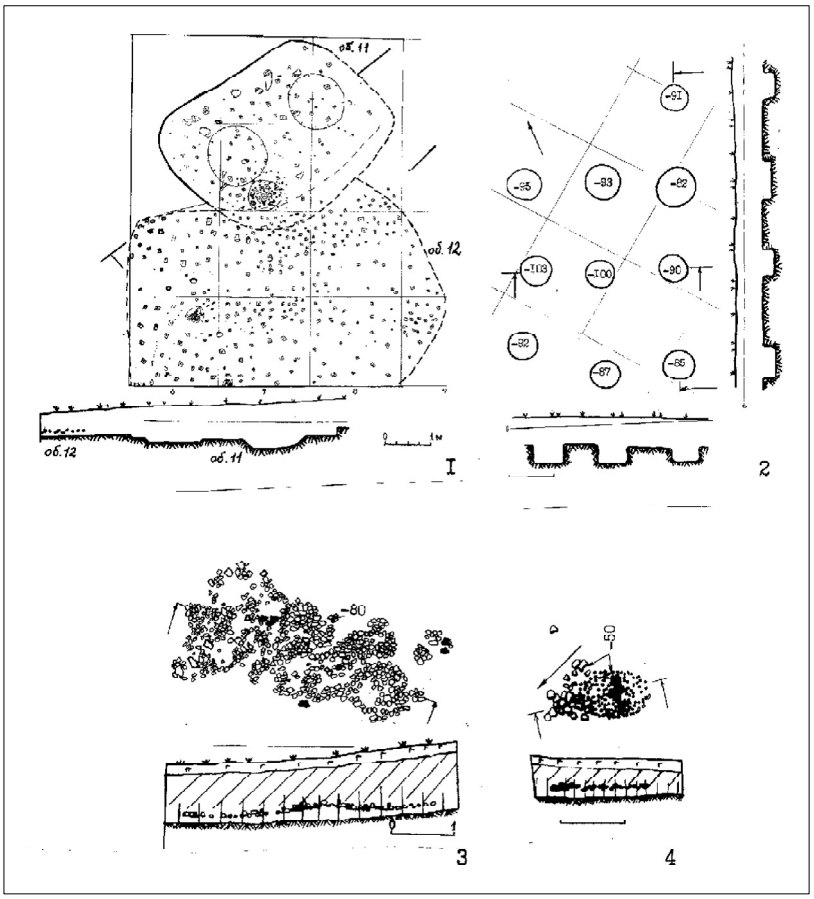



*Рис. 29. Наземные жилые (1), хозяйственные (2—4) объекты: столбовой амбар (2), наземный амбар (3), площадка-столик (4). Дурлешть I (1, 2), Дэнчень I (3, 4).*

неровное, изрыто дополнительными ямами. Поэтому при учете «полезной» площади эта цифра не будет превышать 10-15 кв.м. Идентичной формы жилища выявлены в Котоване — землянки 1,2 (Свешников 1954: рис.2,3) и в Ровно (Охріменко 1994: 66).

Второй тип жилищ (Рис.23) представляет также углубленные в землю котлованы неправильно-округлой, фасолевидной формы площадью от 10 до 30 кв.м (Дэнчень I — № 3,79,86,98 (Рис.26); Флорешть I — № 1,17-19,26 (Рис.27:1); Дурлешть I — № 15 (Рис.27:2)). Эти сооружения очень часто дополняются свитой ям, расположенных вблизи них. Последние не объединены общим контуром, но расположены рядом друг с другом по одной оси с жилищем. Так, к землянке 1 во Флорешть I примыкают ямы № 4,6,7,9, а к землянке 32 ямы № 27,30, что позволило и Т.С.Пассек счесть эти ямы частью жилых сооружений. В Дэнчень I такой же единый жилой комплекс образуют сооружения № 3 и 10; 97,101. Общие для этих комплексов площади не выходят за рамки, определенные для одинарных сооружений. В Дэнчень I — 15-17 кв.м (№ 3 и 10), 24 кв.м (№ 79 и 84); во Флорешть I — 23 кв.м (№ 17 и 19), 17 кв.м. (№ 26, 26а, 29), 29 кв.м (№ 27,30,31(?)). Следовательно, по площади они не отличаются от описанных выше сооружений — от 30 до 50 кв.м (Табл.4,5).

Очаги находятся внутри жилых сооружений, как правило, в самых глубоких ямах, преимущественно в южной или юго-восточной частях. Прослеживаются как отдельные зольные пятна. Обожженность грунта или же в виде округлых или овальных глиняных вымосток, хорошо прокаленных, дополненных камнями. Редко в жилищах находился один очаг (№ 2,77,79 — Дэнчень I; № 1,26 — Флорешть I). Сохранилась печь в полуземлянке № 86 в Дэнчень I. Она была сооружена на материковом останце, выходящем за углубленные контуры жилища. Устьем была обращена к землянке, со стороны которой к ней и осуществлялся подход. В плане подковообразная, размерами 1,16 х 0,9 м, под и стенки обмазаны глиной толщиной 0,1-0,15 м и хорошо прокалены. Стенки высотой до 0,45 м стоят чуть наклонно внутрь (Рис.26)

В отдельных маленьких неглубоких подовальных ямках, заполненных золой, углем и находками обожженных костей и редких изделий, зафиксированы выносные очаги, относящиеся к жилым сооружениям (Рис.24:3). Расположенные рядом с жилищами, они, видимо, в древности перекрывались общей крышей (Дэнчень I, Русештий Ной I).

Прочие углубленные сооружения в виде округлых, овальных ям относятся к хозяйственным сооружениям (Рис.23:III). Они не имеют отопи-

тельных устройств, содержат минимум находок: преимущественно кухонную керамику и единичные кости животных. В Дэнчень их 20, на прочих памятниках единицы. Ямы делятся на два вида: 1) округлые, размером 1,3 х 1,8 м до 2 х 1,5 м, глубиной 1,0-1,5 м (Рис.28:1); 2) более крупные, размерами 3,6 х 1,8 м, 4,35 х 2 м при глубине до 1 м, подпрямоугольной формы со скругленными углами (№ 47,75,88,57,97 — Дэнчень I) (Рис.28: 2,4). Они подчиняются общей ориентации жилых сооружений на поселении. Дно чаще ровное, иногда имеются небольшие уступы, которые можно трактовать как порожки или лавочки. Большая часть ям первого вида, видимо, использовалась для хранения зерна или силоса (Zapotocka 1989: 188). Выделенные для Дэнчень I подпрямоугольные сооружения представляют своего рода амбары, также связанные с хранением сельскохозяйственной продукции.

Наземные сооружения, как уже отмечалось, встречаются редко. Они выявлены в Дурлешть I, Рогожень II, Гура-Каменчий VI, Дэнчень I в основном по скоплению материалов, иногда вместе с большим количеством фрагментов обожженной глины, вальков от стен с отпечатками плах и жердей. Среди них выделены сооружения как жилого (Дурлешть I № 11,12,13 (Рис.29: 1); Дэнчень I),

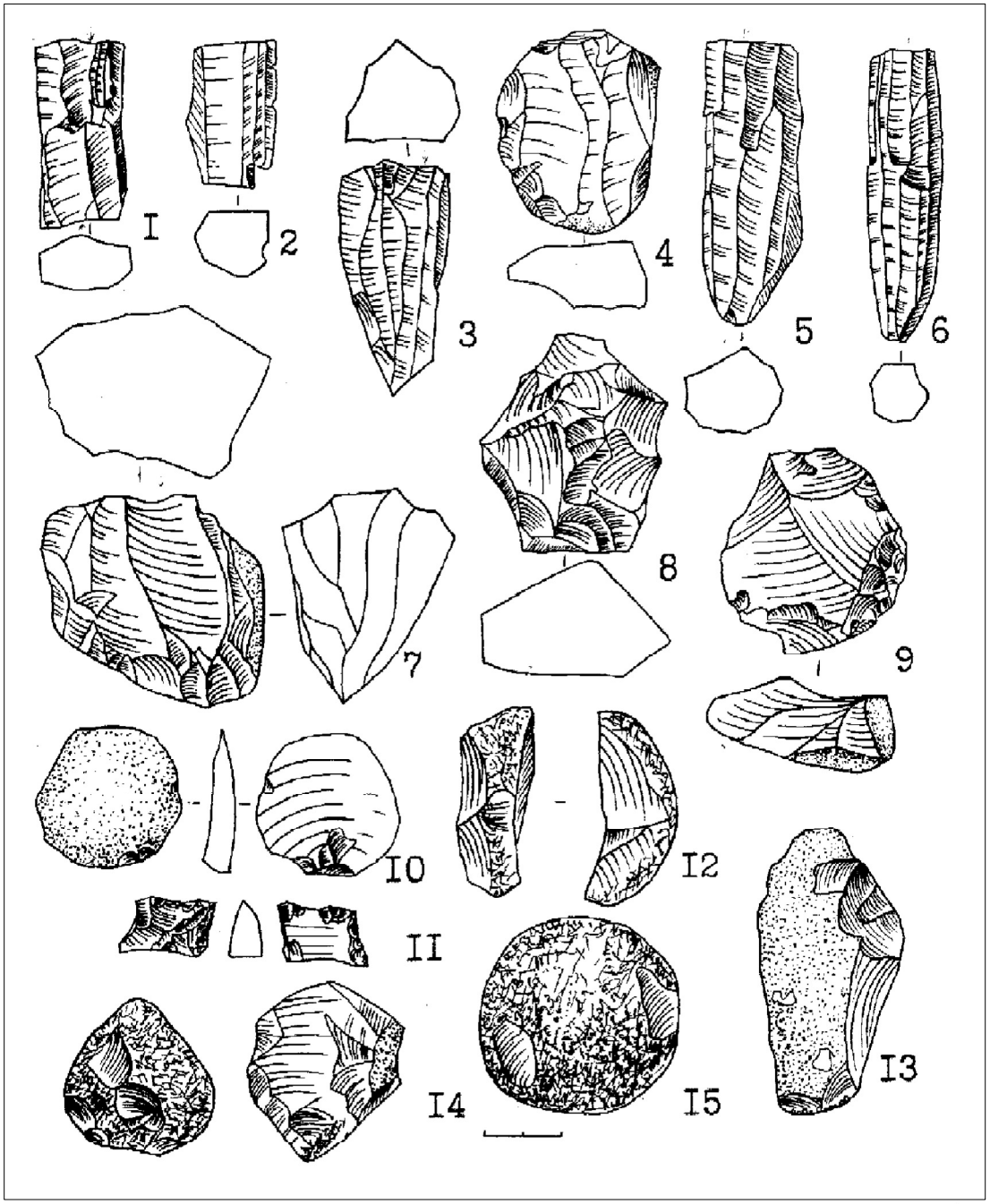



*Рис. 30. Дэнчень I. Кремневые изделия: 1—9 — нуклеусы, 10—13 — ретушеры и отжимники, 14—15 — отбойники.*

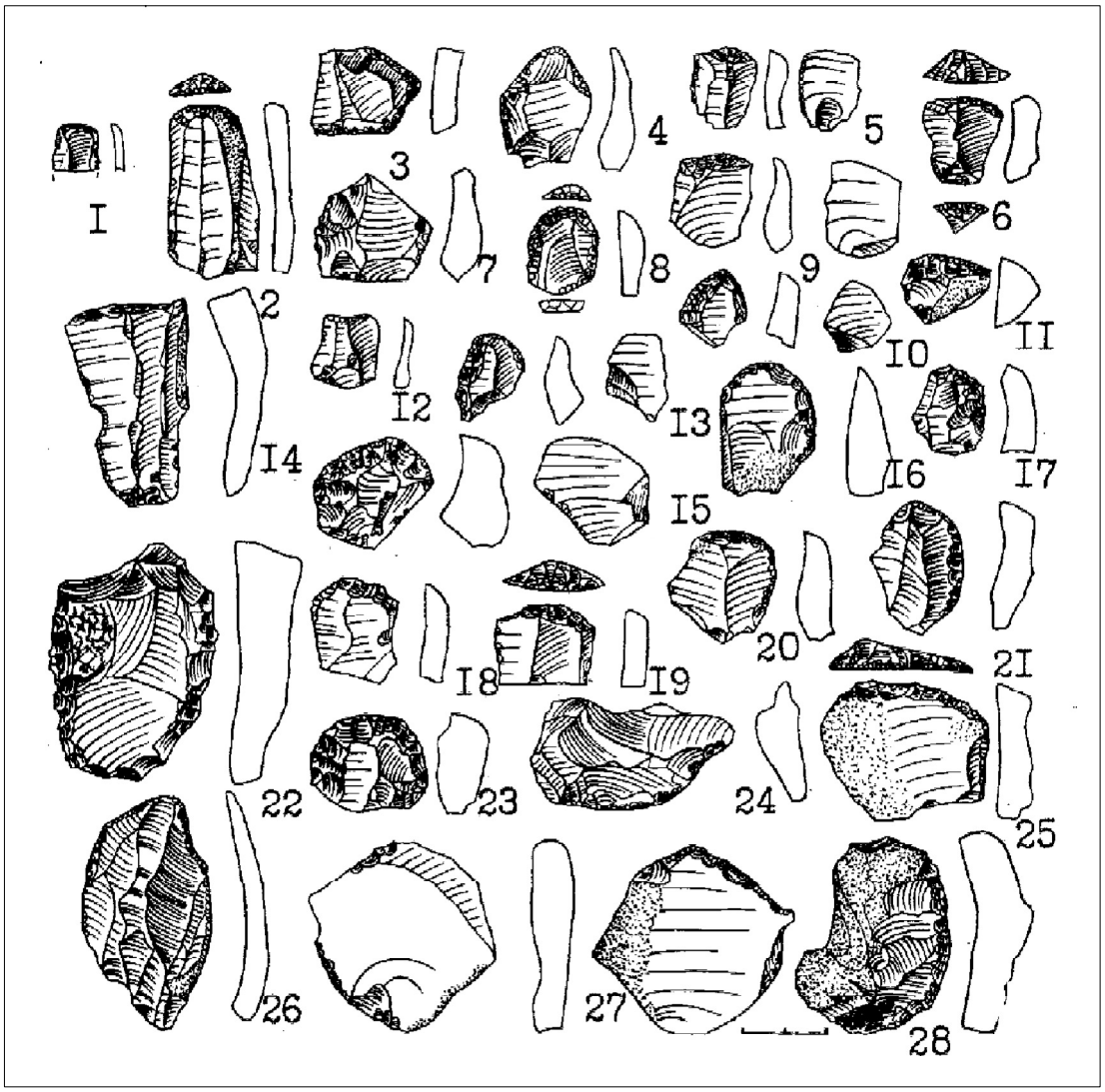



*Рис. 31. Дэнчень I. Кремневые изделия: 1—26, 28—29 — скребки, 27 — скребло.*

так и хозяйственного назначения. Наземное строение № 69 в Дэнчень представляло собой развал массивных кусков обожженной глины подпрямоугольной формы размером 5,15 х 1,6 м площадью до 8,5 кв.м. Столбовые ямы не прослежены. Инвентарь представлен остатками двух зерновиков объемом более 20 л. По форме и размерам сооружение близко хозяйственным ямам второго вида типа амбара (Рис.29: 3).

Впервые в Карпато-Поднестровье в Дурлешть I было обнаружено наземное хозяйственное сооружение столбового типа (№ 20) (Рис.29: 2). 10 столбовых ям (d 0,5-0,75 м) размещались примерно на равном расстоянии друг от друга (1,0-1,75 м) в три ряда, образуя подпрямоугольную конструкцию 4,24 х 5,22 м, вытянутую с СВ на ЮЗ. Представляет собой классический образец амбаров поселения Кельн-Линденталь.

Среди хозяйственных сооружений наземного типа выделяются также глинобитные площадочки — вымостки (1,0 х 0,9; 0,5 х 0,7 м) (Дэнчень I, № 4,13,68) (Рис.29: 4).

В Дэнчень было частично раскопано наземное жилое сооружение (наземный дом), представленное остатками обожженной глины. Небольшая изученная часть объекта дала весьма обильный и разнообразный хозяйственный инвентарь: 556 фрагментов керамики, 12 орудий труда из кремня и кости: скребок, нож, вкладыш серпа, костяной орнаментир, что позволило отнести его к жилым сооружениям наземного типа (Рис.18).

Л.Н.Макарова изучила наземные жилые сооружения из Рогожень II и Гура-Каменчий VI. Наземное сооружение в Рогожень II размером 14 х 8 м, площадью 100 кв.м представляло собой подпрямоугольник, ограниченный столбовыми ямками по углам (Макарова 1974: 41, рис.22).

Сложнее обстоит дело с определениями двух наземных домов в Гура-Каменчий VI. Размеры их 150 и 216 кв.м практически совпадают с площадью распространения находок в раскопе и, видимо, соответствуют «двору», а не непосредственно жилым сооружениям. К тому же, кремневый

инвентарь поселения имеет смешанный характер: неолитическое поселение заходит на позднепалеолитическую стоянку (Кетрару 1973: 119), что создавало обманчивую картину мощных скоплений. То, что здесь были наземные сооружения, подтверждают фрагменты обожженной глины с отпечатками жердей и продольно расколотой древесины. Однако конкретно выделить в пределах скопления жилую часть и судить о его конструктивных особенностях не представляется возможным.

Все известные на нашей территории углубленные и наземные сооружения (кроме зерновых ям, площадок) относятся к типу каркасно-столбовых. Они не были землянками в полном смысле этого слова. Основная площадь их углублена от древнего уровня на 0,5 м, следовательно, все они должны были иметь наземную часть в виде столбов, на которые опирались крыша, стены, плетень, обмазанный глиной. Куски глины с отпечатками жердей, плах найдены практически в каждом жилом сооружении, там, где рядом горел огонь. Столбовые ямы прослежены спорадически лишь в сооружении № 1 во Флорешть I, наземном доме в Дэнчень I, в Рогожень II.

При анализе взаиморасположения сооружений и распределению находок по площади поселений Флорешть I, Дэнчень I, Дурлешть I удалось проследить связь между отдельными жи-

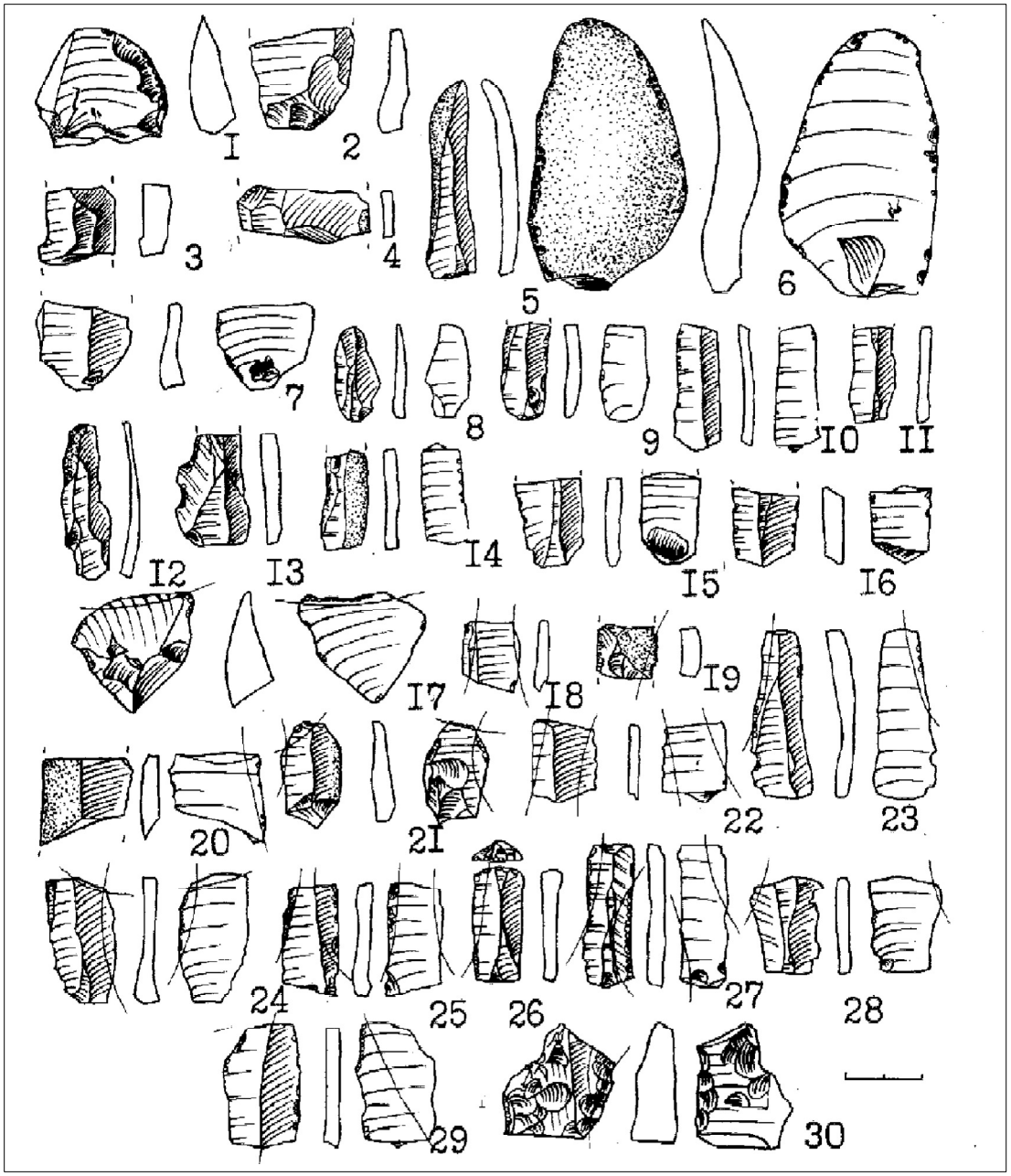



*Рис. 32. Дэнчень I. Кремневые изделия: 1—7 — ножи, 8—16 — вкладыши ножей, 17—30 — вкладыши серпов.*

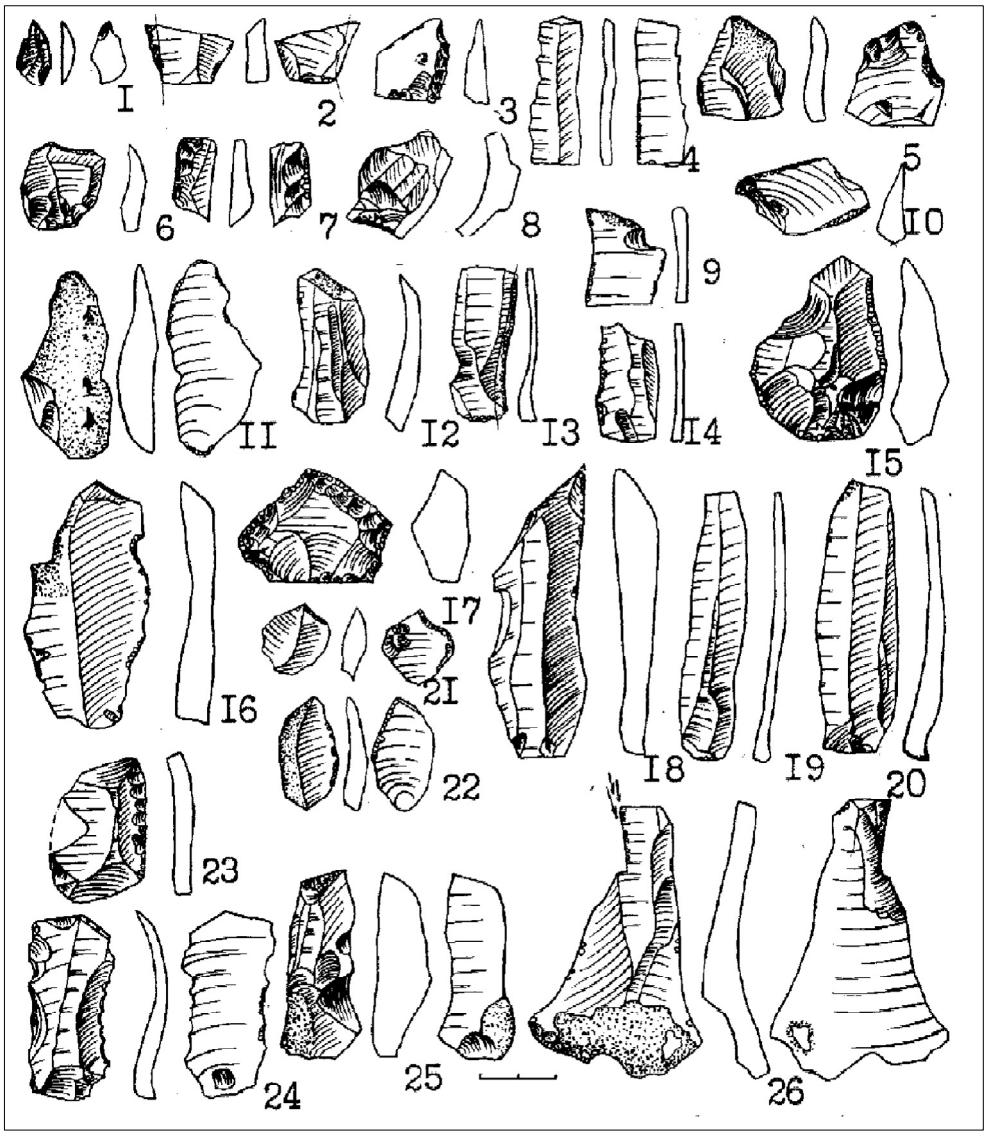



*Рис. 33. Дэнчень I. Изделия из кремня для работы по дереву: 1—4 — резчики, 5—8 — долота, 9—10, 14—15 — скобели, 11—13, 16—17 — строгальные ножи, 18 — сверло, 19—20 — пилки. Для работы по кости и рогу: 21—22 — резчики, 23 — пилки, 24 — скобель, 25—26 — резцы.*

лыми и хозяйственными объектами. В результате этого было выделено в Дэнчень I — 9, а во Флорешть I — 6 жилищно-хозяйственных комплексов (ЖХК). Каждый ЖХК объединяет жилое сооружение и какого-либо вида (яма, амбар) хозяйственное (одно или несколько). Наиболее четко ЖХК выделяются в Дэнчень I (Рис.17; 18).

ЖХК № 1 объединяет жилое сооружение первого типа площадью 18 кв.м и выносной очаг. В 2-3 м к юго-востоку от котлована прослежена идущая параллельно сооружению канавка шириной 15-20 см. В ее разрезе четко видны ямки от кольев с заостренными концами, имеющие вид перевернутой буквы М. С северо-западной стороны от жилища, на расстоянии 2,40 м прослежена крупная столбовая яма диаметром 0,5 м с сужающимися ко дну стенками глубиной 1,55 м. В это пространство, ограниченное столбовой ямой и канавой (плетень?), вошли котлован жилища № 1 с очажной ямой и все находки, обнаруженные здесь. Территория была определена как жилищно-хозяйственный комплекс № 1 площадью 55-64 кв.м.

ЖХК № 2 образовало жилище первого типа (№ 2) площадью 15-18 кв.м и площадочка к северо-западу от него. Между ними концентрировались находки на площади в 75 кв.м.

ЖХК № 3 состоит из двух ям (№ 3 и 10), имевших в прошлом, видимо, общую крышу (тип жилища № II). Очаг располагался в яме № 10. Общая площадь углублений 17 кв.м, а находки располагались вокруг на 71,5 кв.м.

ЖХК № 4 расположен в пределах раскопа 1980 г. Сюда вошло жилое сооружение № 10 площадью 6,5 кв.м с крупным очагом-печью, а также целая свита ям хозяйственного назначения: круглые хозяйственные ямы первого типа (№ 9,13,38,42) и две второго (№ 47 и 57). В пре-

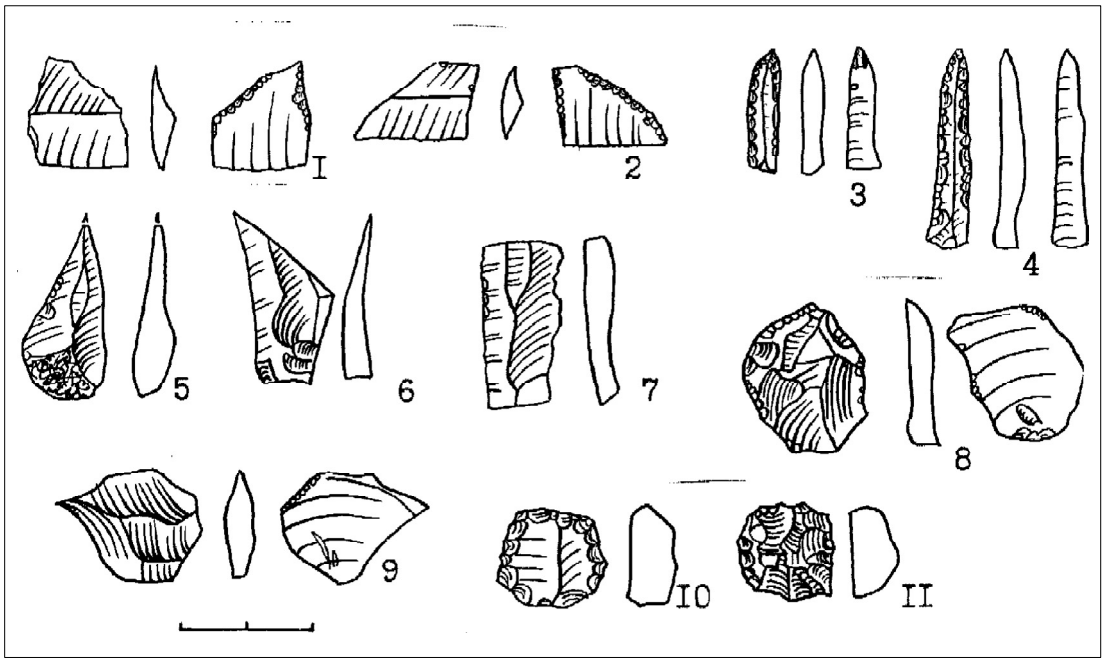



*Рис. 34. Дэнчень I. Кремневые изделия. 1—2 — трапеции = вкладыши ножа, 3—4 — сверла, 5—7 — проколки, 8 — пилка для раковин, 9 — стамеска и резчик для шкур, 10—11 — микроскребки.*

делах этого ЖХК возле ям находилась зернотерка (57 х 30 х 12 см) с двуручным курантом. Возможно, представленные хозяйственные постройки служили для хранения припасов сельскохозяйственной продукции. Здесь и происходил размол зерна, предварительно просушенного на очаге объекта № 10 (Рис.28: 3). Площадь распространения находок 70-80 кв.м.

Следующий, ЖХК № 5 образован жилым сооружением № 77 (площадь 40 кв.м) и хозяйственным № 75, которое было в 5-6 м к северо-западу от жилого. Находки сооружения № 75 хозяйственного назначения: обломок двуручного куранта, пест для дробления зерна и крупный зерновик емкостью до 20 л (диаметр венчика 20 см, высота 22 см). Эти два сооружения связываются между собой распространением находок по территории площадью 100 кв.м.

ЖХК № 6 образуют два сооружения (№ 79 и 84), которые почти вплотную подходят друг к другу. Общая их углубленная площадь 24 кв.м. В 6-8 м к юго-востоку от них располагалось наземное хозяйственное сооружение № 69 (амбар?). По взаиморасположению находок в культурном слое они связаны друг с другом на площади около 100 кв.м.

Следующий ЖХК № 7 состоит из жилого сооружения № 86 площадью 25-27 кв.м. Сооружение примыкает к краю раскопа, и комплекс раскрыт лишь частично. Территория «двора», по находкам вокруг жилища, определяется в 80 кв.м.

ЖХК № 8 изучен частично: жилое сооружение № 98 площадью 16-18 кв.м и два выносных очага в ямах с южной стороны жилища (№ 99, 100) и хозяйственное второго типа (№ 97). Территория вокруг была насыщена находками на площади около 100 кв.м.

ЖХК № 9 образовало частично раскопанное в 1978 г. наземное сооружение.

С выделением ЖХК можно уже довольно обоснованно говорить о внутренней планировке поселения Дэнчень I.

Жилища ориентированы примерно с СВ на ЮЗ. Расстояние между ними составляет от 7,5 до 15 м, между «дворами» еще меньше — от 2 до 10 м. И располагались они на поселении по окружности, повторяя форму мыса, причем не хаотично,а строго выдержанными рядами. Между ними оставалось еще достаточно свободной территории. На площади в 3600 кв.м (раскоп 1980 г.) разместилось 7 ЖХК. В среднем на каждый ЖХК приходится около 514 кв.м территории. То есть норма распределения земли на одно хозяйство где-то близка к современной — 500 кв.м на один «двор». При простом подсчете выходит, что на площади поселения в 5 га (Дэнчень I) могло разместиться около 100 ЖХК. Однако сравнение материала различных ЖХК позволяет придти к выводу, что не все они были обитаемы в одно и то же время. На функционирование столь примитивно устроенных жилищ разными исследователями отводится время от 7 до 25 лет (редко 40). Следовательно, по мере разрушения одних обитатели строили другие, занимая земли рядом. Задача исследователя здесь отследить стратиграфию горизонтальную, а не вертикальную.

Во Флорешть I выделяется 6 ЖХК (Табл.5; Рис.19; 20). ЖХК № 1 включает землянку 1 площадью 15-20 кв.м и свиту ям, расположенных рядом. Общая площадь углублений 36-40 кв.м.

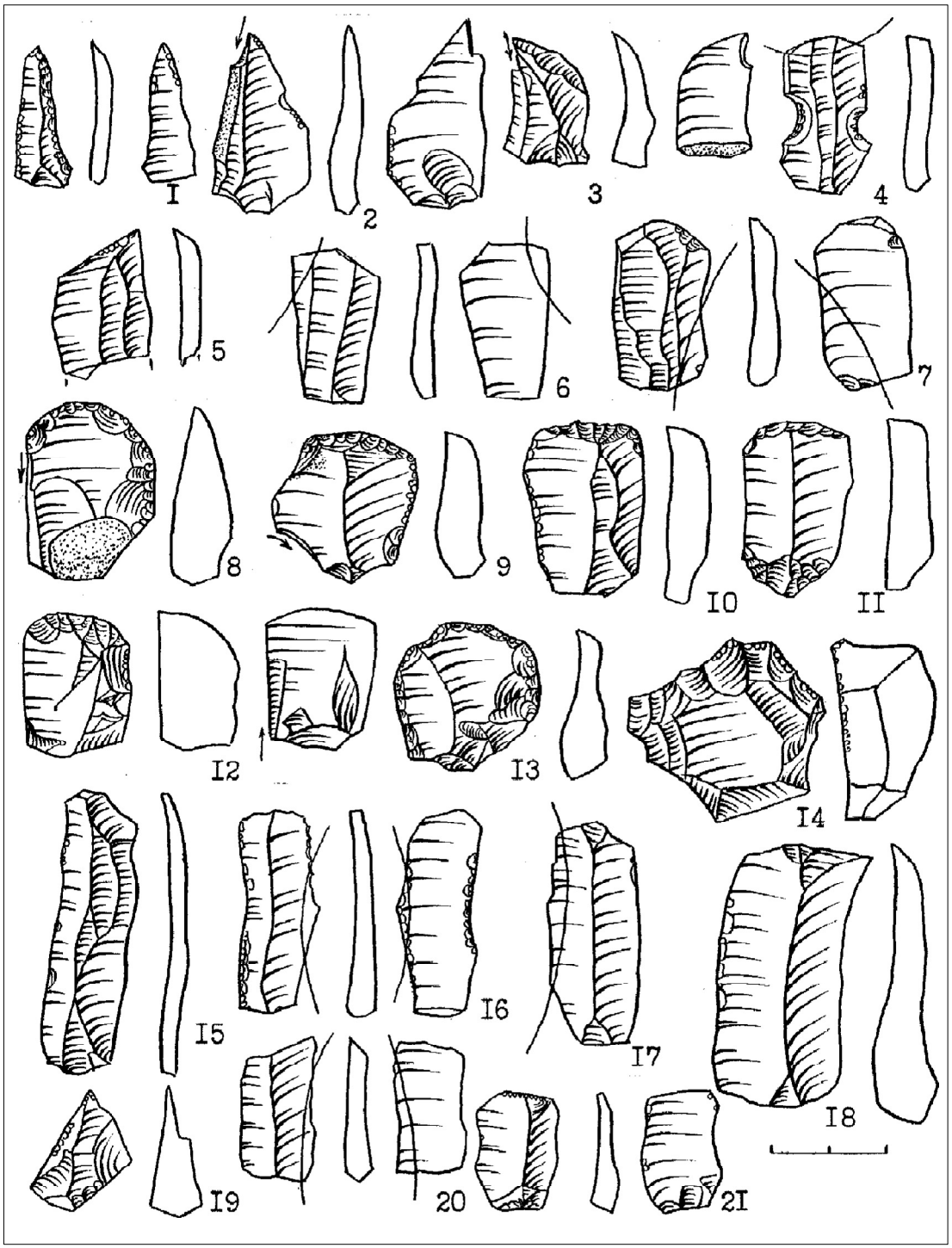



*Рис. 35. Изделия из кремня. 1—11 — Рогожень II, 12—16, 19, 21 — Навырнец, 17 — Езарений Векь IX, 18 — Яловень I, 20 — Кишкэрень X.*

ЖХК № 2 образуют жилое сооружение № 3 площадью 30 кв.м и примыкающая к ней с юга яма № 13. Общая площадь углублений 34 кв.м. К ЖХК № 3 отнесены сооружения № 17 и 19, общей площадью 23 кв.м. ЖХК № 4,5,6 примыкают к краям раскопов, поэтому уяснить ситуацию полностью невозможно. Жилая площадь ЖХК № 4 (сооружение 18) составляет 45 кв.м.

При сравнении жилых площадей ЖХК в Дэнчень I и Флорешть I очевиден их большой размер на последнем. Видимо, ямы в пределах жилых сооружений во Флорешть I выполняли роль хозяйственных, поскольку таковые отсутствуют в пределах поселения.

Сооружения во Флорешть I были ориентированы с севера на юг, располагаясь довольно правильными рядами на расстоянии 6-8 м друг от друга. На площади в 1728 кв.м разместилось

4 ЖХК. На каждый «двор» ЖХК отмерено приблизительно 432 кв.м площади. Следовательно, для Флорешть I и Дэнчень I количество земли, занимаемое одним домохозяйством, равно 4-5 соткам. Т.С.Пассек определила площадь неолитического поселка Флорешть I в 1,5 га (120 х 120 м). Исходя из расчета, что каждый ЖХК занимал территорию в 432 кв.м, можно предположить,что поселок состоял из 30 хозяйств.

В Дурлешть I выделено четыре ЖХК. Наиболее четко выступает ЖХК № 1, состоящий из жилого (№ 15) и хозяйственного (№ 20) сооружений. Остальные выявлены лишь частично (Рис.21).

Подведем некоторые итоги этому разделу. На территории Пруто-Днестровья практиковалось строительство как углубленных, так и наземных сооружений. Количественно преобладал первый вид. Нельзя утверждать, что были поселки, состоявшие только из углубленных или только наземных сооружений. В пределах поселений жилые и хозяйственные объекты были организованы в отдельные домохозяйства — жилищно-хозяйственные комплексы, каждый из которых занимал территорию в 400-500 кв.м; в их пределах «двору» было отведено от 60 до 100 кв.м.

Поселения представляли собой относительно хорошо спланированные поселки, где дома

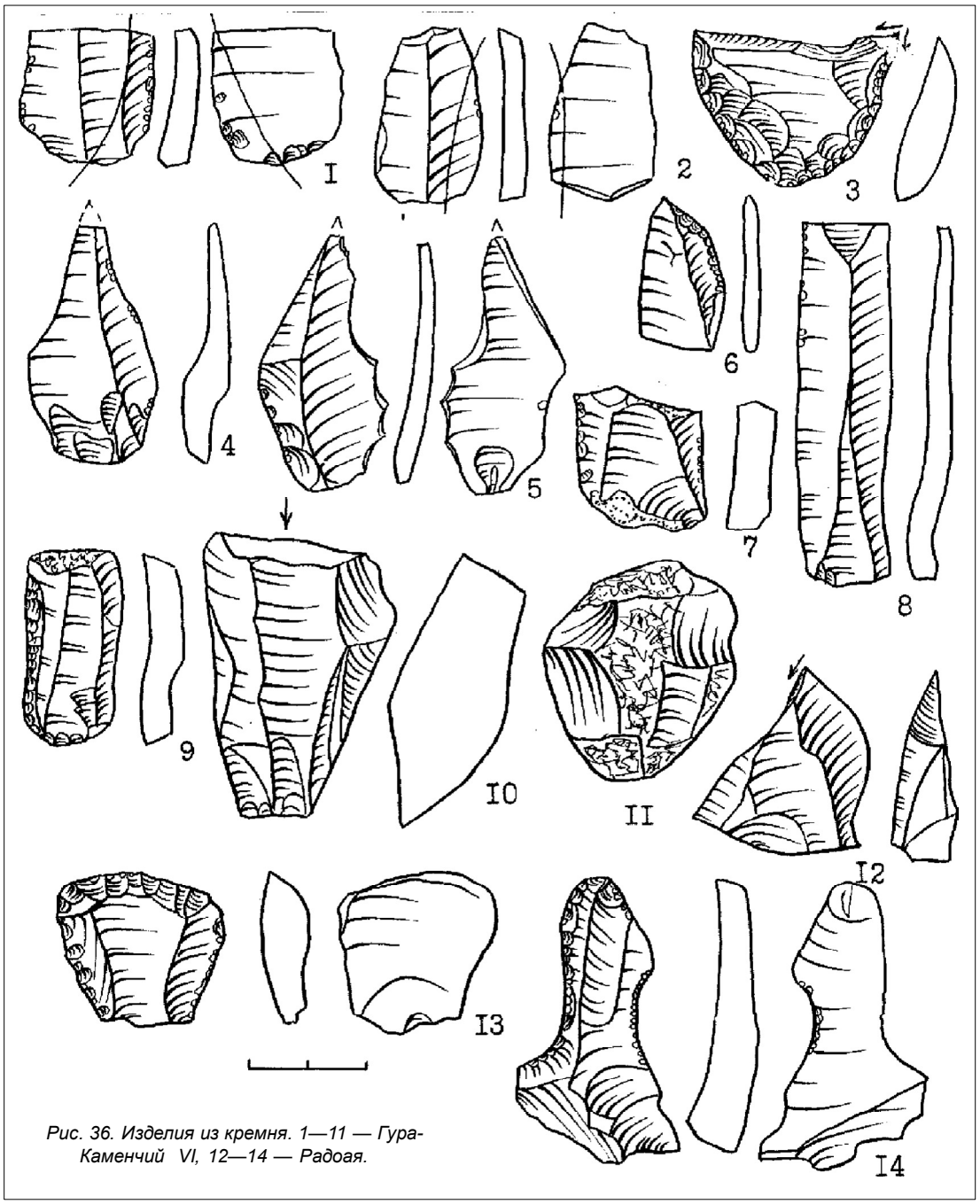



*Рис. 36. Изделия из кремня. 1—11 — Гура-Каменчий VI, 12—14 — Радоая.*

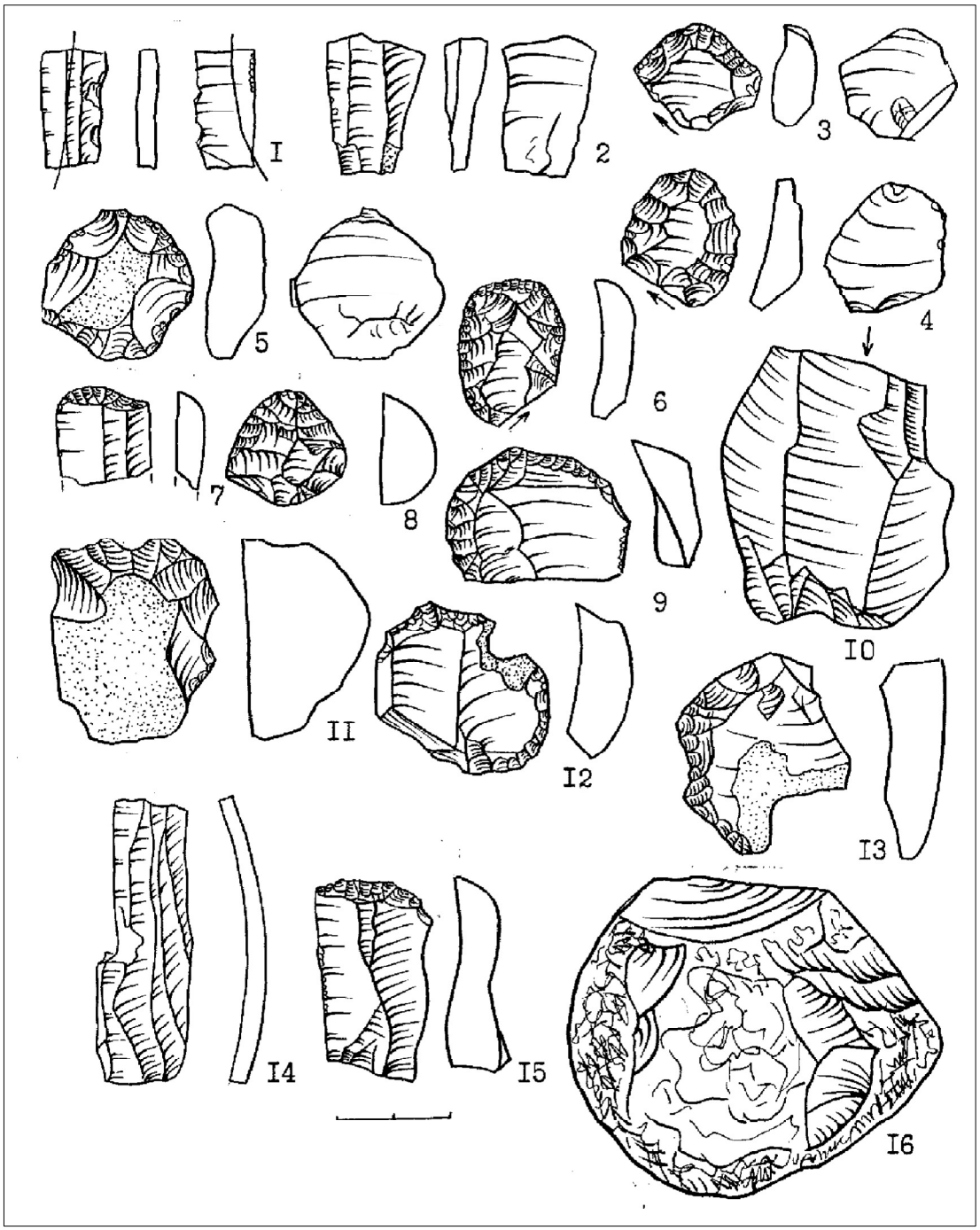



*Рис. 37. Изделия из кремня с поселений: 1—7 — Куболта, 8—13 — Брэнешть I, 14—16 — Бэлц I.*

располагались правильными рядами, часто, видимо, повторяя форму мыса или террасы. Для КЛЛК Центральной Европы характерны два типа поселений: компактные крупные поселки и хутора с незначительным числом домохозяйств. Состояние изученности памятников Пруто-Днестровья не позволяет нам сделать выводы по этому вопросу.

## Г Л А В А IV. МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

В ходе исследования памятников КЛЛК собран обильный бытовой и производственный инвентарь из кремня, сланца, камня твердых пород, кости и рога, глины. Самой многочисленной категорией является керамика, коллекция которой составляет около 14 тыс. единиц. Изделий из кремня, камня, кости, глины найдено около 1,5 тысяч. Из них преобладают кремневые — 1268 экз. (87,1%), меньше из камня (сланец, песчаник, гальки) — 115 экз. (7,9 %), кости — 62 экз. (4,3%), глины — 10 экз. (0,7%). Наиболее значительными коллекциями представлены памятники Флорешть I (664 изделия), Дэнчень I (375), Гура-Каменчий IV (125), Цыра II (81), Сынжерей I (74); на остальных обнаружено небольшое число предметов.

Материалы Флорешть I, Цыра II, Дэнчень I изучены Г.Ф.Коробковой методом трасологического анализа, что позволило установить функциональное назначение каждого предмета, уточнить технологию их изготовления и в ряде случаев способы их применения.

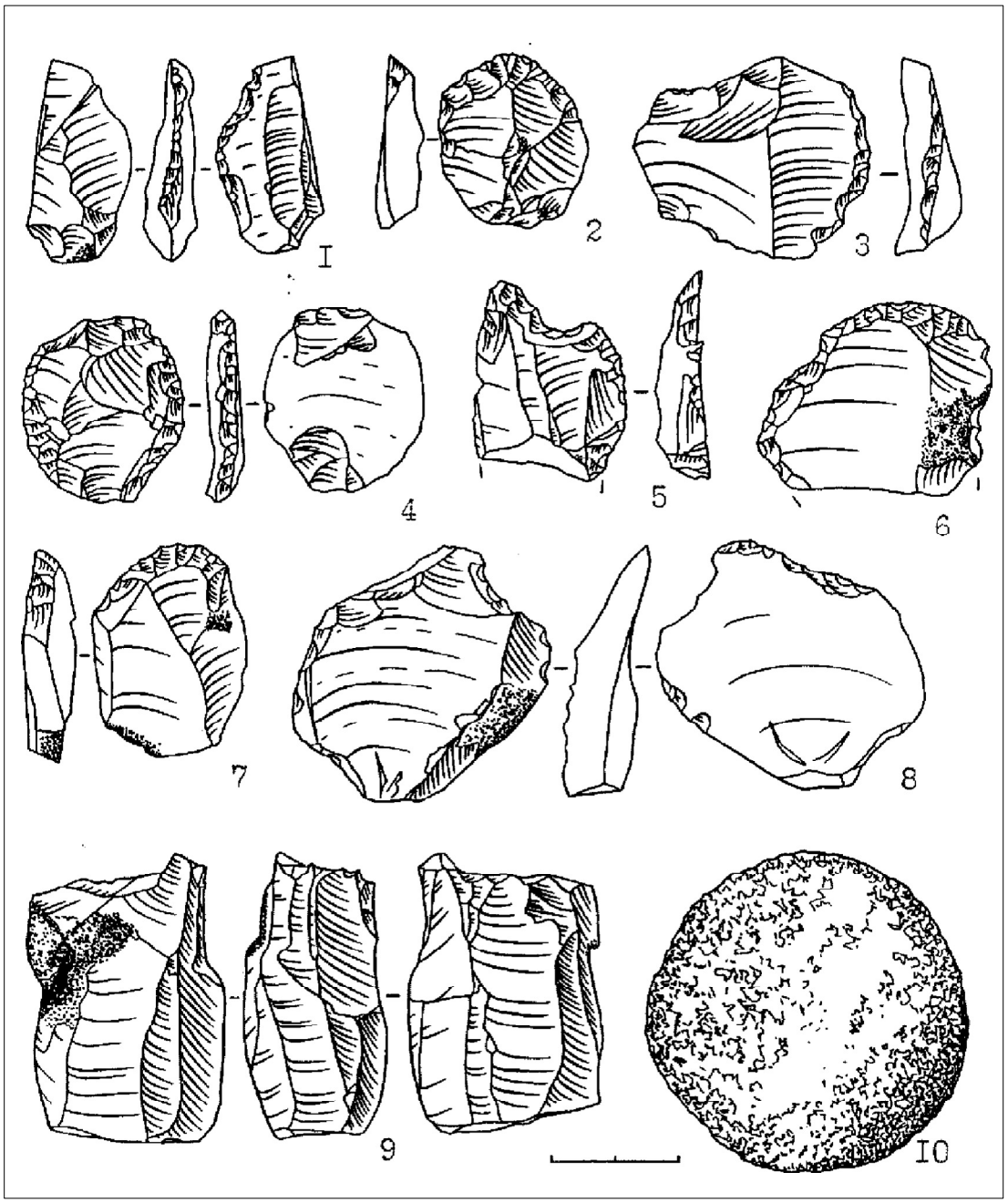



*Рис. 38. Кремневые изделия КЛЛК и культуры Криш поселения Сынжерей XIX.*

***1. Орудия труда.*** Кремневые изделия составляют 76-93% от производственного инвентаря в материалах поселений Флорешть I (617 экз.), Дэнчень I (283), Гура-Каменчий VI (124), Цыра II (80), Рогожень II (43).[3)]

К сожалению, материалы Флорешть оказались недоступными для обработки. Относительно крупные коллекции кремня происходят из сборов и шурфов многослойных памятников Сынжерей XIII, Кишкэрень V, где подстилает мезолит (Ларина, Вехлер, Дергачев, Коваленко, Бикбаев 1997: 77, 82-83). Расчленить материал конкретно, чтобы не ввести в заблуждение читателя, невозможно. Поэтому он приведен в иллюстрациях, а не в анализе (Рис.39). Ситуация аналогична с кремниевыми изделиями из Сынжерей XIX (Рис.38). Они иллюстрируют сразу две культуры неолита — Криш и КЛЛК (Ларина и др. 1997: 80). В работе использован опыт технико-морфологического анализа кремня. Учитывались следующие метрические параметры заготовок. Для пластин: макропластины — ширина свыше 2,5 см, крупные — 1,5-2,5; средние — 0,7-1,5; мелкие — не свыше 0,7 см. Для отщепов: чешуйка диаметром до 1 см, мелкие 1-3, средние 3-5, крупные 5-7, очень крупные больше 7 см (Коробкова 1987: 15-16).

В качестве сырья[4)] чаще всего (84%) использовался меловый (сеноманский) кремень: непрозрачный, светло-серый, серо-черный, часто с белыми или черными вкраплениями, изредко желтовато-коричневый. Встречается в большом количестве на реках Днестр, Прут, им выстлано ложе Реута. В центральной зоне Молдовы его можно найти в обнажениях берегов рек, стенках оврагов. Экспериментальные работы показали хорошее качество этого типа сырья, что выражается в легкости расщепления и получении заранее заданных заготовок.[5)].

Гораздо реже (15%) использовался галечный более темных тонов: темно-серый или черный, без пятен. При его расщеплении получаются просвечивающиеся правильные тонкие пластинки с острыми режущими краями. Выходы подобного кремня отмечаются в верховьях Прута у сел Лопатник и Ширеуцы, встречаются на Днестре. Половина всех орудий в Дэнчень I изготовлена из него, встречена в Нэвырнец, изредка на памятниках Сынжерейского микрорайона (Сынжерей I, XI, Мындрешть). В коллекции имеется только один нуклеус такого кремня (Дэнчень I), все прочие находки относятся к готовым изделиям.

Пять предметов из обсидиана (Дэнчень I, Флорешть I) характеризуют связи носителей КЛЛК с Карпатским регионом.

Первичная обработка и, возможно, изготовление нуклеусов производилось на стороне, у мест его добычи. Производство же орудий связано с поселениями, на которых встречены отходы кремнеобработки — сколы, обломки, отщепы. Следует отметить высокую степень утилизации кремня в Дэнчень I: лишь 11% изделий является отходами производства, не имеют следов обработки и использования. На поселениях Флорешть I и Цыре II отходов около 50%, что, вероятно, связано с обилием кремневого сырья в их окрестностях.

Прежде всего — нуклеусы. Вместе с орудиями вторичного употребления (отбойники, отжимники-ретушеры на нуклеусах, их обломки) в коллекции их более 200. Размеры колеблются в пределах от 3 до 8 см, преобладают же от 4,5 до 6 см. Выделяются три основные типа: призматические, конусовидные и аморфные (Табл.6-9).

Призматические (от 30 до 50% по памятникам). Для них характерна односторонняя огранка и две противолежащие ударные площадки (прямые и косые), смежные встречаются реже (Рис.30: 1,2).

К этой же группе отнесены единичные односторонние уплощенные и плоские нуклеусы с одной или двумя площадками. Этот тип преобладает во всех коллекциях: Дэнчень I — 31,5%, Гура-Каменчий VI — 36,4%, Сынжерей I — 50% (Рис.30: 4,7; 36: 10; 37: 10).

Конусовидных в коллекции до 30%, они одноплощадочные. Единичные близки к карандашевидным, имеют правильную круговую огранку с негативами мелких пластин. По памятникам их чуть больше четверти: Дэнчень I — 26,3%, Гура-Каменчий VI — 27,2% (Рис.30: 3,5-6).

Аморфных до 20% в коллекции (Рис.30: 8,9).

Более четверти всех нуклеусов (особенно конусовидные) переиспользованы в качестве отбойников-ретушеров.

Отбойники (79 экз.) шаровидные, округлые или уплощенно-округлые кремневые конкреции (D от 4 до 6 см) (Рис.30: 14-15; 36: 11; 37: 16). Шарообразные с сильно отбитой поверхностью, специально подготовлены для удобства держания в руке. Ими насекались также рабочие поверхности зернотерок для усиления их абразивных свойств.

Отжимники-ретушеры (18 экз.) редки в коллекциях памятников. Обычно ими служили массивные отщепы, осколки нуклеусов, сработанные призматические, чаще конические нуклеусы (Рис.30: 10-13) или поломанные сланцевые долота и кости животных.

Пластины — наиболее распространенная ка-

---

[3)] Для поселений Гура-Каменчий VI и Рогожень II автор раскопок называет соответственно 496 и 400 экз. Кремневых изделий (Макарова 1982: 6, 10; 1974: 42). Однако, поселения частично перекрывают позднепалеолитическую и мезолитическую стоянки (Кетрару 1973: 119). Осмотр материалов Н.Н.Скакун подтвердил их смешанный характер. Для Гура-Каменчий VI определено бесспорно 124, а для Рогожень 43 неолитических предметов.

[4)] Определения доктора геологических наук Ф.С.Переса.

[5)] Сообщение доктора исторических наук Г.Ф.Коробковой.

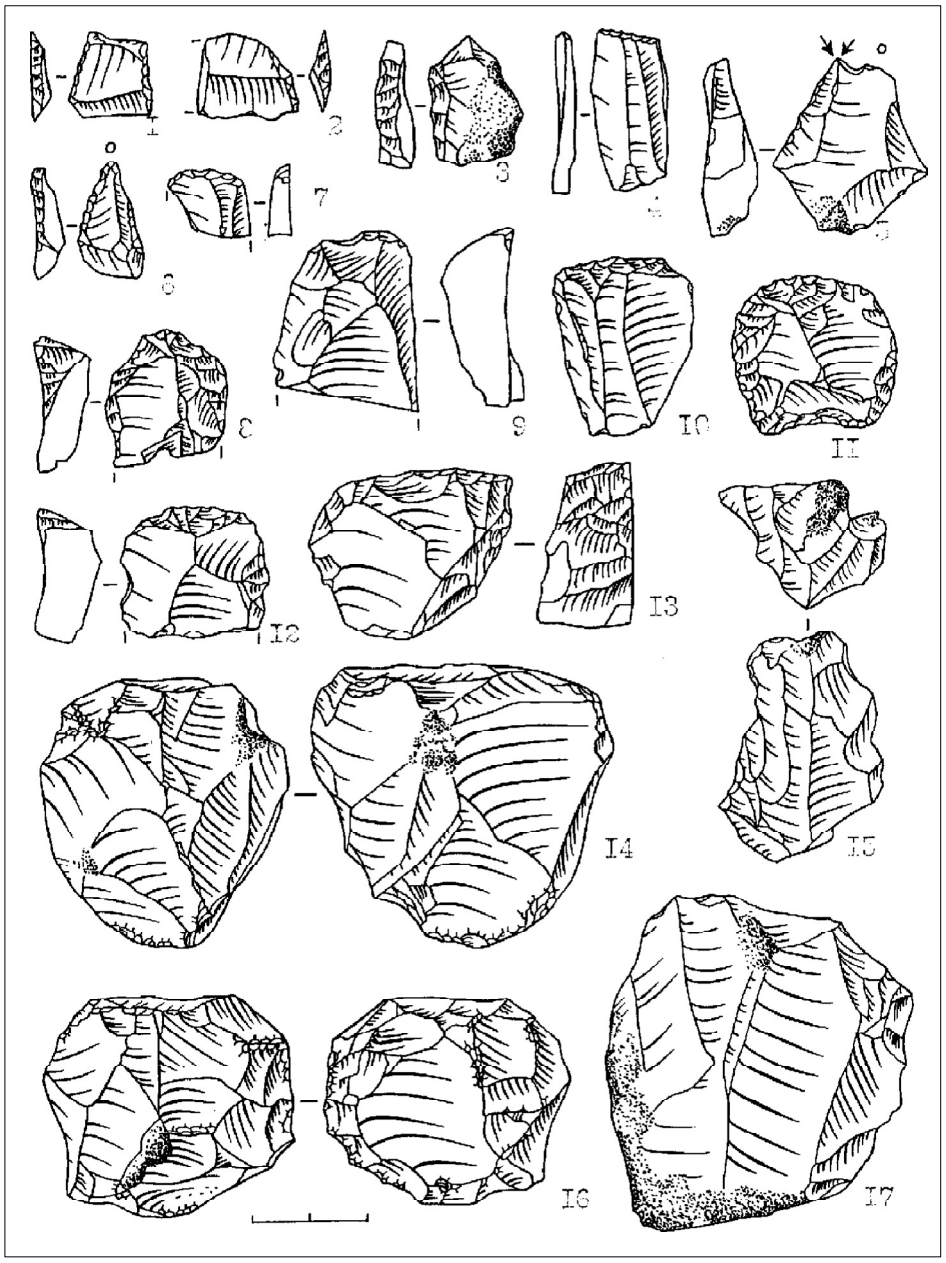


*Рис. 39. Кремневые изделия из слоев позднего мезолита и КЛЛК поселения Кишкэрень V.*

тегория кремневого инвентаря (около 50%). В Гура-Каменчий VI пластин 50,5%, отщепов 36,8% (Табл.7), в Дэнчень I разница между этими группами не такая явная — пластин 44,2%, отщепов 41,9% (Табл.6). При подсчете пластин и отщепов, несущих следы обработки и использования, и соответственно тех, что без следов, соотношение в пользу пластин как основного вида заготовки для орудий труда резко возрастает. В Дэнчень I орудий труда на пластинах 58,6%, отщепах 33,3%, в Гура-Каменчий VI, соответственно, 74,3% и 25,7%. Основные типы в заготовках и отходах представлены пластинами правильной формы, двух-четырехгранные в сечении с изогнутым профилем (66% Дэнчень I; 87,5% Гура-Каменчий VI). Среди них преобладают пластины средних и крупных размеров (ширина от 0,7 до 2,4 см). Существенную роль в индустрии Дэнчень I играли макропластины (ширина более 2,5 см) — 12,3%, в Гура-Каменчий VI их всего 6,3%, однако здесь отсутствуют мелкие (шириной до 0,6 см).

Отщепы в Дэнчень I в основном мелкие и средние (29,5%). В Гура-Каменчий VI преобладают крупные и средние (51,4%). В технике ретуширования выделены две главные группы — ретушь затупливающая и заостряющая (Табл.10-13). Преобладает затупливающая — в среднем 67,7%. По памятникам ее: в Дэнчень I — 71,4%, Гура-Каменчий VI 62,5%. Заостряющей соответственно: Дэнчень I 28,6%, Гура-Каменчий VI 37,5%.

Основным типом вторичной обработки в Дэнчень I следует признать затупливающую ретушь, нанесенную на 1 конец со спинки — 28,3%, а также на одном конце и двух боковых краях со

спинки — 20%. В Гура-Каменчий VI резко преобладает затупливающая на 1 конце и одном боковом крае со спинки, а также на одном конце и двух боковых краях со спинки. В группе заостряющей, для Дэнчень I ведущее положение занимает ретушь, расположенная на одном конце со спинки — 29,2%, а в Гура-Каменчий VI, расположенная с одного бокового края с брюшка — 60%.

Анализ кремневого инвентаря Рогожень II показывает, что по технике вторичной обработки он наиболее близок дэнченскому. Однако материалов слишком мало для обоснованных выводов.

Формально-типологически было выделено 8 типов изделий, среди которых основную роль играют пластины и скребки.

Скребки — наиболее многочисленная группа изделий (122 экз. — 30,2%): Гура-Каменчий VI 25% (Рис.39: 9), Сынжерей I — 30,5%, Сынжерей XI 40,7%, Дэнчень I 32,5% (Рис.31: 1-26, 28,29), Рогожень II 46,7% (Рис.35: 8-11). Среди них различаем скребки на пластинах и отщепах, последние лидируют: в Дэнчень I — 70%, Рогожень II — 65%, Гура-Каменчий VI — 57%. В качестве заготовки обычно использовался средний или мелкий отщеп овальной формы, обработанный затупливающей ретушью со спинки.

Среди скребков на отщепах выделено несколько подтипов: а) скребки округлые, овальные, ногтевидные (43,4% среди скребков на отщепах), ретушированные по всей или почти по всей поверхности (Рис.31: 8,10,13,15,21,23; 35: 8, 13; 37: 3-6,8); б) концевые (33,7%). Преобладают в Сынжерей I, XI, Дэнчень I, Рогожень II, несколько меньше их в Гура-Каменчий VI. Имеют правильный дуговидный или прямой рабочий край, обработанный крутой затупливающей ретушью, часто заходящей и на боковые края (Рис.31: 5-6,9,12,18-19; 35: 11,12); в) группа боковых скребков на крупных пластинчатых отщепах (12,1%). Они наиболее крупные среди скребков. Ретушь нанесена на дуговидный боковой край отщепа (Рис.31:22,24,27-28; 37:13,23); г) концево-боковые или остроконечные скребки на отщепах с подпрямоугольным краем (10,8%) (Рис.31: 10,12).

Скребков на пластинах 32% или 5,5% от всех орудий. Использованы заготовки длиной 4 см и шириной 1,2-2,4 см, реже шириной 1 см (Рис.31: 1-2,14; 36:9). У скребков концевого типа полукруглый рабочий край оформлен крутой ретушью. У некоторых ретушь нанесена также на один или оба продольных края.

Пластинки составляют ведущую категорию в кремневом комплексе. В подавляющем большинстве они не подвергались вторичной обработке. Около четверти их имеет мелкую приостряющую ретушь частично со стороны спинки или брюшка (Рис.32: 9,14), реже ретушью бывает покрыт весь край (Рис.33: 13). Изредка она наносилась на оба края (Рис.32: 27).

Типологически было выделены ножевидные пластинки (42,6%), пластинки с пильчатым краем (Рис.32: 9-14; 33: 18-20,24) (12,5%), вкладыши серпов (8,7%). Последних в Дэнчень I 13,6%, Сынжерей XI — 11,1%, Гура-Каменчий VI — 6,7% (Рис.32: 17-30; 35: 6-7,16-17,20; 36: 1-2; 37: 1). Изготовлены на крупных пластинах правильной формы и прямым или чуть изогнутым профилем: длина от 2,5 до 4,5 см, ширина 1,2 до 2,4 см. Отдельные экземпляры имеют заполировку на двух краях (Рис.32: 22,24,27). Видимо, при утрате рабочих качеств пластинку вставляли в оправу другой стороной. Изредка вкладышами служили концевые скребки на пластинах. Большинство вкладышей серпов в Дэнчень I изготовлено из мелового полупрозрачного (прутского) кремня (80%).

Выделенная типологически группа резцов и резчиков незначительна — 20 экз. (5%). Имеются резцы на крупных пластинчатых сколах с четко выраженными резцовыми сколами (Рис.33: 26; 36: 12). Резчики изготовлялись как на отщепах, так и на пластинах (Рис.31: 1).

Немного в коллекции проколок и сверл (23 экз. — 5,7%) (Рис.34: 3-6,9; 35: 1,5,19; 36: 3-6).

К редким находкам относятся геометрические изделия. Трапеции, обнаруженные в Дэнчень I, ретушированы с брюшка и служили лезвиями ножей (Рис.34: 1-2), изделия из Гура-Каменчий VI — проколкой.

Функциональные определения позволили более точно установить виды заготовок для орудий труда (Табл.14). Так, почти все вкладыши ножей и ножи, строгальные ножи, вкладыши серпов, пилки изготовлены на пластинах, только единичные — на отщепах и осколках нуклеусов. Поровну распределяются на пластинах и отщепах резцы и резчики — по 10 экз. Только на отщепах и осколках нуклеусов изготовлены долота, ретушеры. Ведущую роль среди орудий на отщепах играют скребки — 68,9%, а среди них лидируют концево-боковые и концевые. В группе скребков на пластинах и отщепах — концевых 40%, концево-боковых 29%. Сравнение данных Дэнчень I, Флорешть I и Цыра II позволяют выявить особенности хозяйства жителей этих поселений (Табл.15-18). На всех памятниках ведущую роль играли скребки, которых в коллекции Флорешть I и Цыра II большинство, а в Дэнчень I — 23,7%. Охотничьи виды орудий труда — наконечники копий и дротиков — имеются только в Цыра II. На этом же поселении очень много скобелей — 30,88%, тогда как во Флорешть I и Дэнчень I их всего 7,9 и 8,6%.

Необходимо специально отметить, что в кремневом инвентаре Дэнчень I велика роль вкладышей серпов — 11,3%, а в Цыре II и Флорешть I их всего 3,8 и 4,4%.

Для КЛЛК Карпато-Днестровского региона столь подробный анализ кремневого инвентаря никогда не производился. Имеются формально-типологические определения только для по-

селений Румынии Глэвэнештий-Векь и Траян Дялул-Фынтынилор, проведенные А.Пэунеску (Păunescu 1970: 38, 155-157). Кремень памятников имеет как общие черты с молдавскими материалами, так и особые. Нуклеусы здесь также трех видов с преобладанием призматических и пирамидальных (конусовидных). Среди заготовок ведущее место принадлежит пластинам, а среди орудий труда — скребкам (68,33% в Глэвэнештий-Векь и 45,12% в Траян). Незначительным числом орудий представлены вкладыши серпов, соответственно, 3,34% и 4,88%. Совсем мало проколок, сверл — около 1%. Полностью отсутствуют резцы и резчики. А изделий геометрической формы на этих памятниках гораздо больше, чем на молдавских — 2,77% в Глэвэнештий-Векь и 14.63% в Траян. Последнее обстоятельство исследователь объясняет доживанием архаических тарденуазских черт (Păunescu 1970: 38-39).

Многие исследователи отмечают деградацию кремневого инвентаря КЛЛК по сравнению с культурой Криш и отсутствие между ними родства по этому признаку. Скорость, с какой осваивалась территория, свидетельствует о включении местных мезолитических популяций в ее среду (Kaczanowska 1989: 125). Этим можно объяснить наличие карандашевидных и аморфных нуклеусов в инвентаре КЛЛК Пруто-Днестровья.

Количественные данные по кремню для украинских памятников отсутствуют. Однако, выделенные нами основные типы и виды орудий труда для Молдовы представлены там полностью.

Изделий из камня 115 экз. (7,8% среди орудий труда). Ведущую роль в этой группе играют сланцевые шлифованные инструменты (тесла и долота) — 73 экз. (63,5%). Из песчаника изготовлено 37 шт. (32,3%): зернотерки, краскотерки и куранты (32 экз.), абразивы для изготовления сланцевых и костяных изделий (4 экз.), топор и тесло. В небольшом количестве встречены гальки, употреблявшиеся как лощила для кожи — 4 экз. (3,5%). При изготовлении каменных изделий применялось два вида техники. Первоначально изделию придавалась форма с помощью пикетажа, а затем оно зашлифовывалось на абразивах. Последних в коллекции 4.

Шлифованные изделия численно представлены в Дэнчень I — 30 экз., Флорешть I — 12 экз., Гура-Каменчий VI — 11 экз. На других памятниках их немного — по 4 экз. В Нэвырнец и Сынжерей XI и т.д.

Основным материалом[6)] служил кремнистый сланец (90,6%) серовато-белого, желтоватого, изредка темно-серого, почти черного цвета. Выходы кремнистого сланца известны на р.Прут, выше г. Унгень и на р.Днестр у г. Сорока. Сланец поступал из районов среднего течения р.Прут. Изделия из других материалов единичны (9,4%). Только в Дэнчень I найдено одно (1,4%) орудие из опоки, три (4%) из кварцитового песчаника (Прут, Днестр). В Дэнчень I и Гура-Каменчий VI найдено по одному орудию из розового туфа, район происхождения которого — Тушнад (румынские Карпаты). Карпатским по своему происхождению признан специалистами зеленочерный амфиболит, из которого изготовлено орудие с поселения Нэвырнец. Основной район поступления сырья находится на западе: р.Прут и Карпаты. Из заготовок орудий имеется сланцевая пластинка из Дэнчень I, все остальные являются готовыми изделиями, дошедшими до нас в обломках. Многие из них носят следы ремонта: обломанный обушок подправлялся и зашлифовывался, при этом орудие становилось короче (Рис.42: 3); изделие плоско-выпуклого поперечного сечения с отбитой лицевой рабочей частью после вторичной зашлифовки становится плоским с подпрямоугольным сечением (Рис.43: 17).

Шлифованные орудия, сохранившие рабочие лезвия, в профиле асимметричны, что позволяет их отнести (согласно традиционной морфологической классификации) (Семенов 1968: 90-94; Кънчев 1972; Comşa 1972: 252-262) к группе теслообразных, которая включает тесла, долота, мотыги (последних у нас нет). Удлиненный профиль, незначительная ширина и сравнительно большая толщина — характерные черты долот. Для работы с теслом значение имеет не длина, а ширина лезвия и его угол заточки.

По форме сечения было выделено 2 типа орудий (Рис.40): 1 — плосковыпуклый и 2 — подпрямоугольный. Превалирующее число теслообразных орудий относится к 1 типу — 91,5%. Все эти изделия имеют асимметричный профиль, заточенное с тыльной стороны под углом от 45 до 70° лезвие и сходящее на нет под небольшим углом лезвие с лицевой стороны (Рис.42). За основу в выделении возможных вариантов в 1 типе было взято соотношение ширины к высоте (толщине) изделия. График, составленный по показаниям индекса соотношения ширины к высоте, позволил выделить 3 подтипа в 1 типе орудий (Рис.41а).

Наибольший по количеству подтип А образовали долота высокой формы с индексом 0,7-1,2 (33 экз. — 50%). Это классические, так называемые Schuhleistenkeil. Долота 1А в плане имеют параллельные боковые грани, переходящие в закругленное лезвие. Поверхности обуха, как правило, закруглены и в профиле долото как бы сужается кверху, имеет выпуклую центральную часть или утолщается книзу, плавно закругляясь к рабочему краю (Рис.42: 1-15). Такое утолщение прослежено на двух долотах из Гура-Каменчий VI (Рис.42:12). Поперечные сечения долот А имеют несколько видов: a, b, c, d

[6)] Определения сделаны по результатам рентгендифрантометрического анализа докторами геолого-минералогических наук Ф.С.Пересом и Н.К.Бургеля.

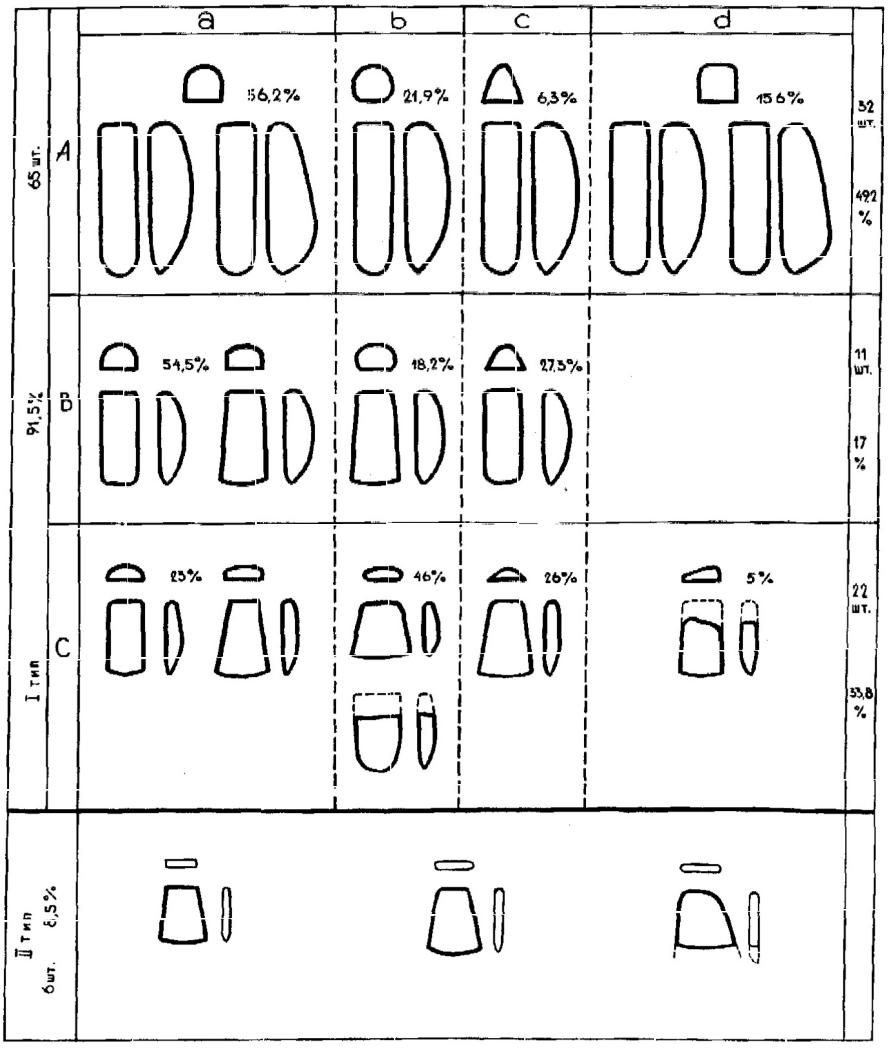



*Рис. 40. Классификация каменных шлифованных орудий труда с территории Пруто-Днестровья.*

(Рис.40). Наиболее распространено сечение вида А а (56,2%). Долота с таким сечением найдены в Гура-Каменчий VI и Флорешть I (Рис.42: 5,12). Размеры изделия подтипа А сильно варьируют: от очень маленьких (длина 3,5 см, ширина и высота по 1 см) до длиной 20 см с шириной и высотой до 4 см (Рис.42: 5-8).

Долота высокой формы, теряя в высоте и длине, органично переходят в тесла подтипа В с индексом от 1,3 до 1,9. Их 11 экземпляров — 16,7% (Рис.42: 16-25). На графике тесла этого вида образовали две вершины (В1 и В2) с пиками на 1,5 и 1,8 (Рис.41а). В отличие от подтипа А эти изделия более низкие, широкие и короткие. У половины наблюдается небольшое расширение плана к рабочему лезвию (Рис.42: 24-25). Толщина их от 1,6 до 3 см, ширина варьирует больше: от 1,6 до 5 см. Целые экземпляры приблизительно одной длины — от 6 до 8 см. Поперечные сечения в своей основе повторяют первые три вида сечений долот А (a, b, c).

Третий подтип С по количеству экземпляров стоит на втором месте в 1 типе — 22 экз. (33,3%) с индексом от 2,2 до 3,2 (Рис.43: 1-11). На графике он представляет довольно компактную серию с несколькими пиками на 2,3; 2,5; 2,7. Эти тесла широкие и короткие. Ширина укладывается в длину около 2 раз, несколько из них почти подквадратные в плане. Размеры тесел С: ширина от 2,8 до 6 см, толщина от 1,1 до 2,3 см. Длина целых экземпляров от 4,7 до 8 см, преобладающая 7 см. Практически все тесла трапециевидной формы, симметрично расширяются от сравнительно узкого прямого (чаще скругленного) обуха к дугообразному лезвию. Поперечные сечения их такого же вида, что и в подтипе В (Рис.40: a, b, c).

Во II подтип выделено 6 экземпляров плоских с асимметричным лезвием тесел подпрямоугольного сечения (8,5%) (Рис.43: 12-17). Они сравнительно небольшого размера — длина 4,5 до 10 см при ширине от 3 до 6 см, при этом довольно невысокие от 0,7 до 1,6 см. В плане тесла этого типа трапециевидные, боковые грани поперечных сечений прямые или округлые (Рис.40).

Ни один экземпляр плоских тесел не имеет следов переиспользования, тогда как часть изделий первого типа употреблялась вторично в виде отбойников, ретушеров, о чем свидетель-




*Рис. 41. Графики показаний индексов соотношения ширины и высоты: а — в I типе орудий плоско-выпуклого поперечного сечения с территории Прутo-Днестровья; б — в I типе из могильника в Нитре (Словакия).*

ствуют многочисленные выбоины-выщерблинки.

Интересна находка трех изделий из сланца гранитной породы с подовальным сечением (Киперчень I, II, Дэнчень I). Лезвия у них прошлифованы асимметрично (Рис.43: 18-19). Подобные редко встречаются на памятниках КЛЛК других территорий. Отмечены нами в Ольшанице Польши (S.Milisauskas 1976: fig.26 и след.), и в материалах Дудешть (Comşa 1959: 92, fig.2: 1-2).

На всей поселениях превалируют орудия 1 типа, плоско-выпуклого сечения. Наибольшие отличия наблюдаются в распределении подтипов этого памятника. Учитывая только материал с раскопанных памятников (Дэнчень I, Флорешть I и Гура-Каменчий VI), констатируем преобладание колодковидных долот высокой формы (подтип А) на поселениях Гура-Каменчий VI (81,8%) и Флорешть I (66,6%). В дэнченском

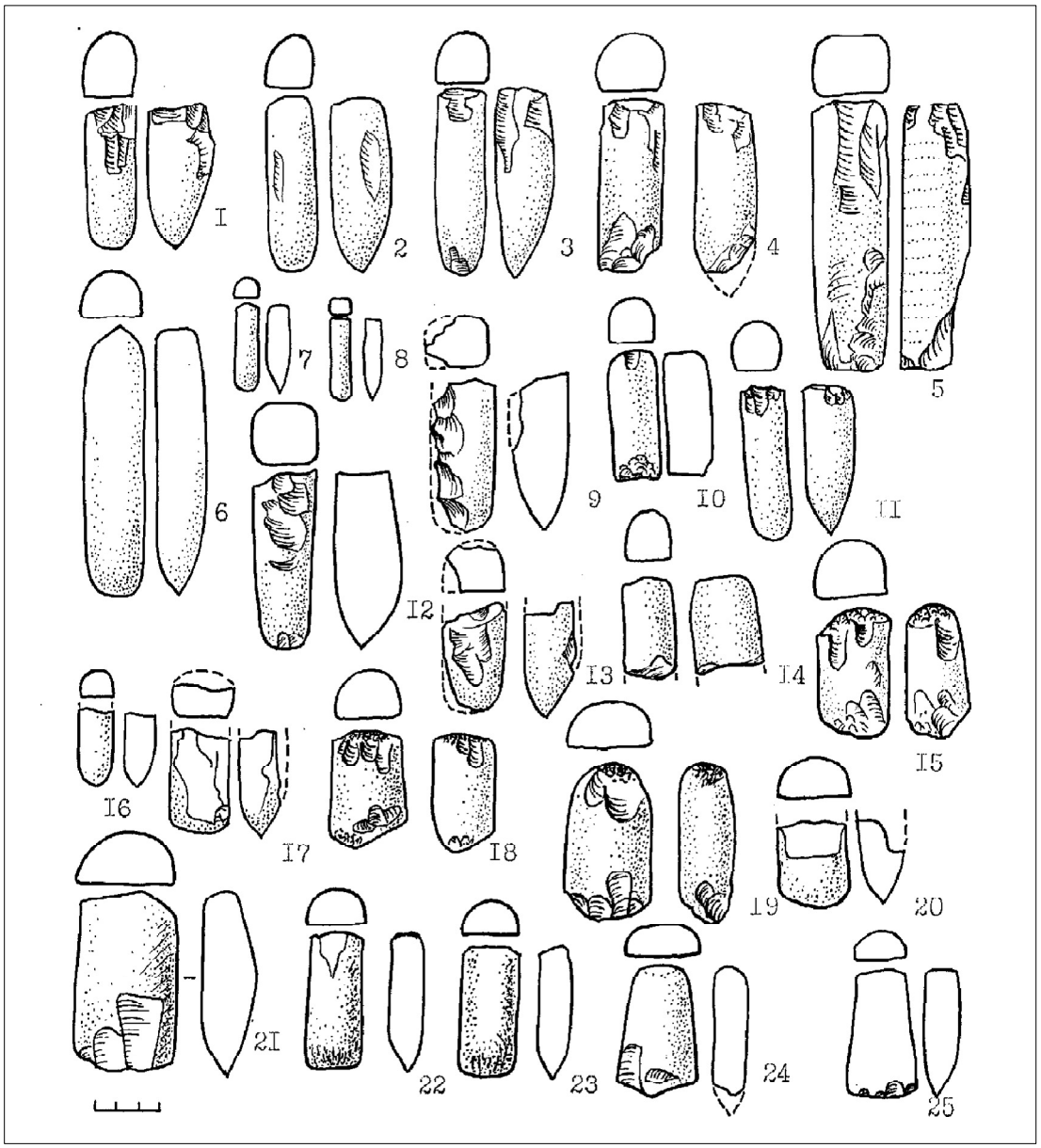



*Рис. 42. Долота подтипа А (1—15) и подтипа В (16—25) I типа, теслообразные.*

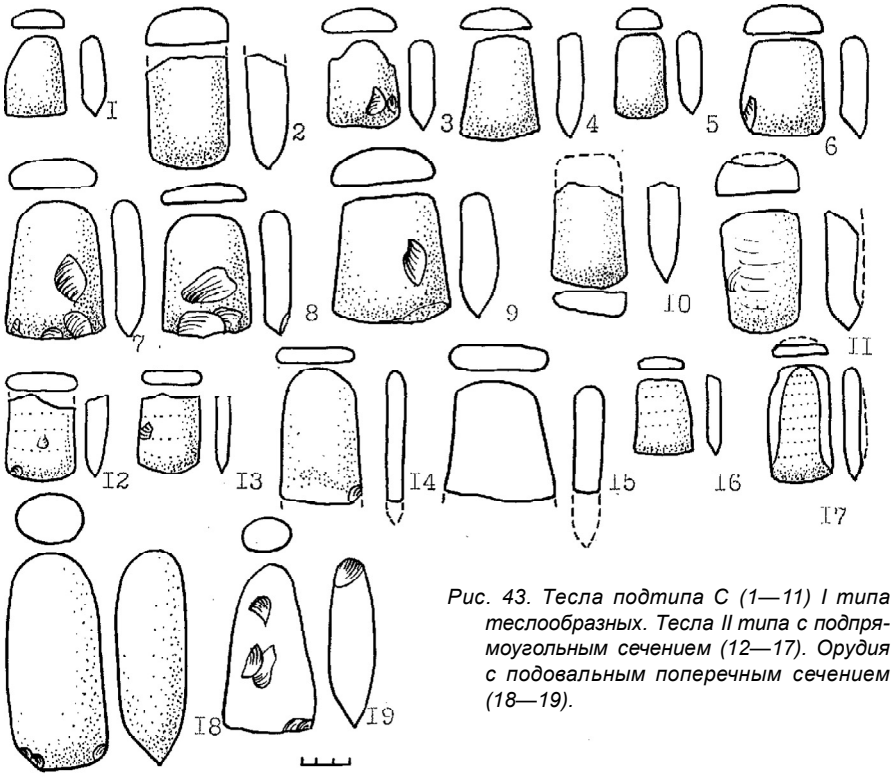



*Рис. 43. Тесла подтипа С (1—11) I типа теслообразных. Тесла II типа с подпрямоугольным сечением (12—17). Орудия с подовальным поперечным сечением (18—19).*

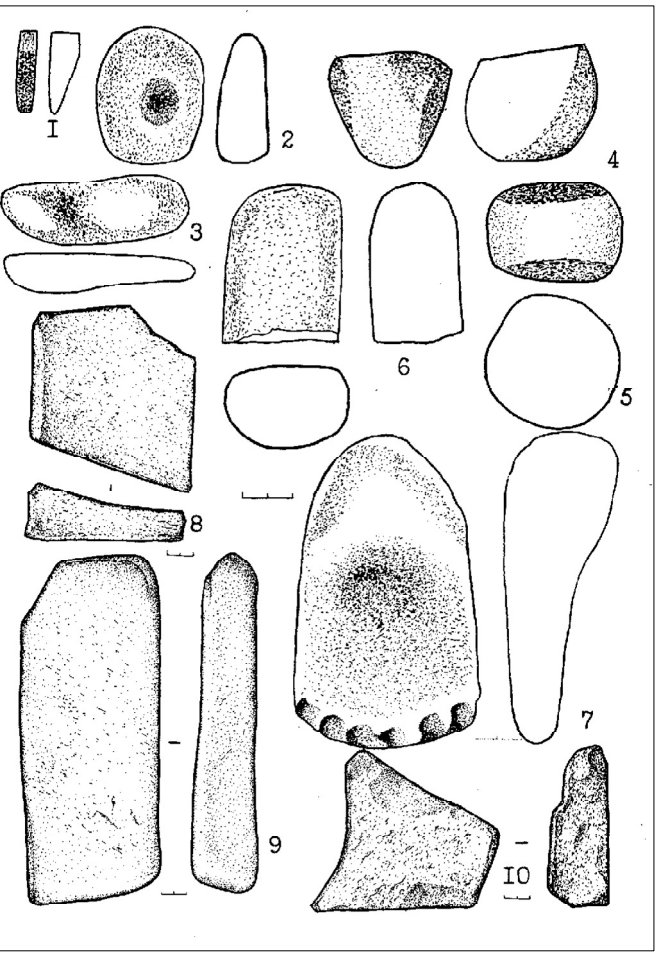



*Рис. 44. Изделия из камня: 1—3 — лощила для кожи, 4—5 — абразивы активные, 6 — пест на обломке долота, 7 — топор, 8—10 — обломки зернотерок. 1—3 — галька, 6 — амфиболит, 4 — 10 — песчаник.*

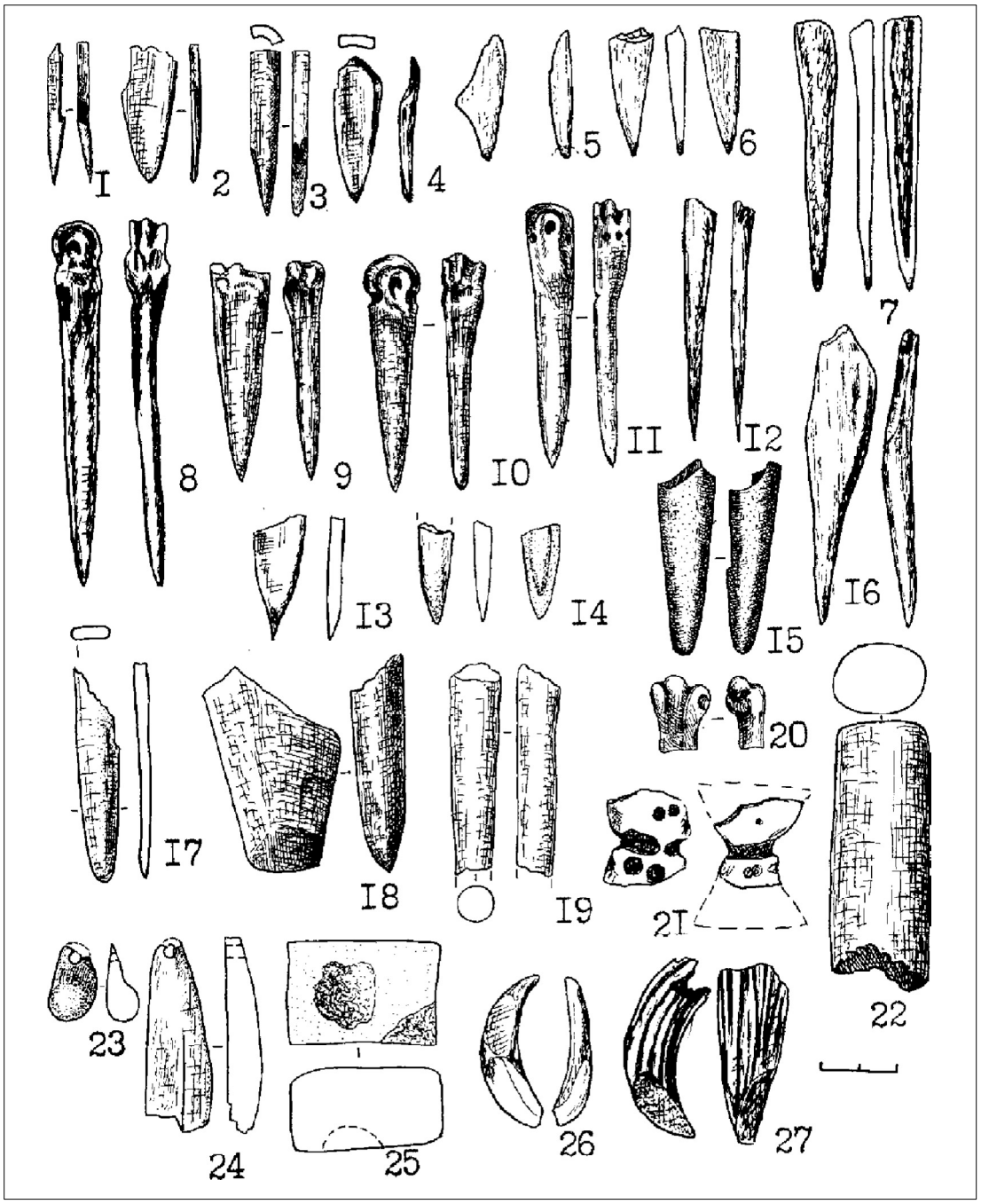



*Рис. 45. Изделия из кости: 1 — игла, 2 — кочедык, 3—6 — орнаментиры, 7—14, 16 — проколки-шилья, 15 — наконечник землекопалки, 17 — лощило для кожи, 18 — долото, 19 — ретушер, 20—22 — рукояти, 23—24 — подвески, 25 — бабки для игры, 26—27 — заготовки со следами заполировки (26) и спила (27). Кости благородного оленя 19, 22—23, 25; птичьи 1, 20; мелкого рогатого скота 7—11, 21; домашней свиньи 24, 26—27.*

материале преобладают плоско-выпуклые тесла подтипа С — 43%, тогда как на вышеприведенных памятниках этот тип малочисленен — менее 20%. Только в материале памятников Гура-Каменчий VI и Флорешть I имеются колоколовидные долота с подквадратным сечением. Расширение, утолщение долота книзу и подквадратное сечение объясняются, возможно, поисками более совершенных и надежных форм долот, могущих выдержать наибольшее сопротивление при работе. Специалисты отмечают, что каменные долота с четырехугольным поперечным сечением — самые близкие к современным, а поэтому их следует считать наиболее совершенными (Кънчев 1972: 19).

Для территории Украины собраны сведения о более 20 каменных шлифованных орудиях. Речь идет о теслах и долотах, и чаще всего ого-

вариваются колодковидные, которые явно преобладают. Для равноценного разбора было использовано чуть более 10 предметов, относительно хорошо представленных в иллюстрациях: Звенячин, Незвиско, Луцк, Торское, Марковцы. Они дают те же два типа изделий: I — плоско-выпуклого и II — подпрямоугольного сечения. При учете индекса соотношения ширины и высоты в I типе представлены три подтипа: А — 7 экз., В — 2 экз., С — 2 экз. Последние еще шире и приземистее, чем имеющиеся в Молдове.

Е.Комша привел прекрасную подборку теслообразных орудий из Глэвэнештий Векь — 26 экз. Прослежены все стадии их обработки в одном из жилищ. Сырьем служил в основном вулканический туф с Восточных Карпат и темно-зеленый вулканический камень (амфиболит?) (Comşa 1959: 77). Основная часть этих предметов — 24 экз. (92%) относится к I типу, с преобладанием долот высокой формы подтипа А — 16 экз. (66%), В представлен 6 экз. (25,5%), С — 2 экз. (4,5%). Прослежено все разнообразие сечений. Обращает на себя внимание асимметричное клинообразное орудие размерами 22 х 2 х 2 см (Comşa 1959: fig.12: 4), аналогии которому мы не знаем.

По основным же типам шлифованных орудий материалы Молдовы, Украины и Румынии не различаются.

Функционально в коллекции Дэнчень I определен один топор, изготовленный на обломке двуручного куранта, выполненного на ладьевидной с закраинами песчаной плитке. Топор был сначала оббит точечной техникой, затем полностью заточен на абразиве, уплощающем массивное лезвие, которое оббито с двух сторон крутыми сколами от работы (Рис.44: 7). Топоры относятся к редким находкам на памятниках КЛЛК восточного ареала. Кънчев также отмечает для Болгарии преобладание теслообразных орудий в нео-энеолитическую эпоху (Кънчев 1972: 20). Е.Комша проследил увеличение значения долот к позднему неолиту Румынии (Comşa 1972a: 251, fig.19).

Зернотерок в коллекции около 30 шт. Большая часть их дошла до нас в обломках (Рис.44: 8-10). Две трети из них продолговатой ладье-

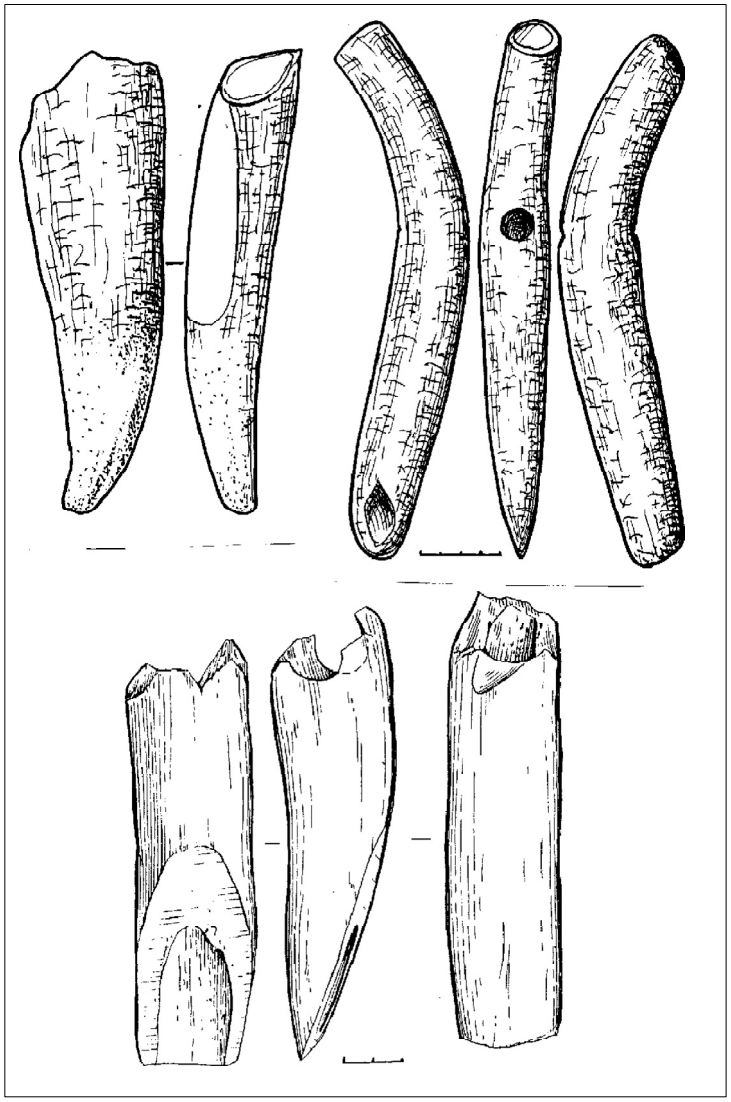


*Рис. 46. Земледельческие орудия труда: мотыги из Дэнчень I (1), Гура-Каменчий VI (2), Флорешть I (3).*

видной формы, овальные с узких сторон и подпараллельные с длинных, размерами 33 х 14 см (преобладают); 40 х 28 см; 50 х 30 х 6 см (Дэнчень I, Сынжерей I, XI, XIII, Гура-Каменчий VI, Флорешть I), толщина от 4 до 12 см. Небольшая часть этих изделий ромбовидной и подквадратной формы, и они меньше размерами — 18 х 16 см, 22 х 19 см (Сынжерей I, Дэнчень I). Зернотерки имеют плавно скругленные или неровные оббитые края, неровно-бугристую поверхность основания. От употребления они оказались плавно стертыми к середине до глубины 2-6 см. Верхние камни (куранты) встречаются реже — по форме они напоминают уплощенную заготовку зернотерки, но меньших размеров. Их рабочая поверхность могла свободно перемещаться по зернотерочной плите, схватывая полностью всю ее ширину. Двуручные куранты целые и в обломках найдены только в Дэнчень, размером 25 х 14 см, 45 х 20 см.

Для переработки зерна в крупу, размельчения твердых минеральных красок употреблялись песты, изготовленные из крупных галек (Флорешть I — 2 экз.) или вышедших из употребления каменных долот (Дэнчень I — 1 экз. (Рис.44: 6)).

Краскотерка из Флорешть I по форме напоминает подквадратную небольшую зернотерку с обработанной на абразиве поверхностью.

Из песчаника изготовлены активные абразивы подокруглой формы (Рис.44: 4-5).

Природные гальки употреблялись при лощении кожи (овально-вытянутой формы 5,5 х 2,2 см; 7,6 х 2,6 см) и для разглаживания швов в одежде (уплощенной в профиле и подтреугольной в плане формы размером 3,4 х 1 см) (Дэнчень I, Флорешть I) (Рис.44: 1-3).

Этим, в принципе, исчерпывается список орудий труда из различных пород камня, употреблявшихся носителями КЛЛК в Молдове.

***Орудия труда из кости*** представлены в коллекции незначительным числом — 63 экз. (4,3%) и найдены, в основном, в Дэнчень I и Флорешть I (соответственно 35 и 25 экз.) (Рис.45; 46). Они использовались человеком почти во всех сферах деятельности: земледелии (мотыги, наконечники землекопалок), домашних промыслах: изготовлении орудий труда (ретушеры), обработке дерева (долота), шкур и кож (лощила), изготовлении одежды (шилья-проколки, иглы), керамики (шпатели, орнаментиры), в плетении сетей (кочедыки). На их изготовление шли кости, главным образом, мелкого и крупного рогатого скота, изредка птичьи, благородного оленя[7]. Из рогов оленя и крупных трубчатых костей делали наконечники землекопалок. Большая часть этих орудий найдена в обломках. Прекрасно сохранилась мотыга, обнаруженная в Гура-Каменчий VI. Она изготовлена из отростка рога оленя длиной 25 см. Верхушка рога отпилена, а место среза заполировано. Косым срезом оформлено клинообразное лезвие, расположенное параллельно по отношению к древку. Сквозное отверстие для рукояти усеченно-конической формы. Вся поверхность орудия тщательно выскоблена (Рис.46: 2). Подобные орудия в обломках найдены и во Флорешть I и Дэнчень I. Столь важные в хозяйстве инструменты представлены среди костяных изделий — 20% (Рис.45: 15; 46: 1-2).

Наиболее многочисленная группа костяных орудий — шилья-проколки, иглы (32,2%), изготовленные преимущественно из метаподий мелкого рогатого скота. Длина этих орудий колеблется от 4 до 13 см. Практически все заострены продольным сколом, рабочий конец заточен и интенсивно заполирован. Заполировка чуть слабее у диафизов (Рис.45: 7-14,16). Несколько проколок выполнено на осколках трубчатых костей, пяточка у них закруглена. Одним экземпляром представлена игла на осколке птичьей кости из Дэнчень I. От нее сохранился хорошо заостренный рабочий конец длиной 3,6 см (Рис.45: 1). По одному экземпляру во Флорешть I, Дэнчень I, Цыре II найдены долота на продольно расчленных отрезках трубчатых костей с пришлифованным с двух сторон лезвием (Рис.45:18). На концевых отростках рогов благородного оленя изготовлены ретушеры с обработанной на абразиве поверхностью (Дэнчень I) (Рис.45: 19). Как лощила для кожи использовали продольно расчлененные и уплощенные трубчатые кости или ребра, заточенные со всех сторон на абразиве — 3 экз. (Рис.45: 17). Из продольно расчлененных ребер изготовлены кочедыки. У них слегка заостренный и приподнятый рабочий конец пришлифован со всех сторон (Рис.45: 2). Редки находки лопаточек-шпатул (Флорешть I).

Весьма значительная группа костяных изделий использовалась в изготовлении керамики — 14 экз., 25,5%: шпатели (Флорешть I, Дэнчень I) и орнаментиры (Дэнчень I). Как шпатели использовались уплощенные тщательно обработанные со всех сторон кости, обломки челюстей животных. Все орнаментиры изготовлены на острых осколках трубчатых костей с подтесанным заостренным кончиком. Следы работы прослежены только на самом кончике на высоту 2-3 см (Рис.45: 3-6), а отпечатки соответствуют ямочкам-«ноткам» на столовой керамике. Упомянем изделия, которые служили, видимо, рукоятками для составных орудий. Они выполнены из костей мелкого рогатого скота, птичьих (Рис.45: 20-21), рогов оленя (Рис.45: 22). Имеются рукояти для составных орудий. Однако главным поделочным материалом для этих целей служило, видимо, дерево, которое не сохранилось.

В небольшом количестве обнаружены заготовки и подвески из зубов животных, предметы для игры, о которых речь пойдет ниже.

[7] Определения доктора биологических наук А.И.Давида.

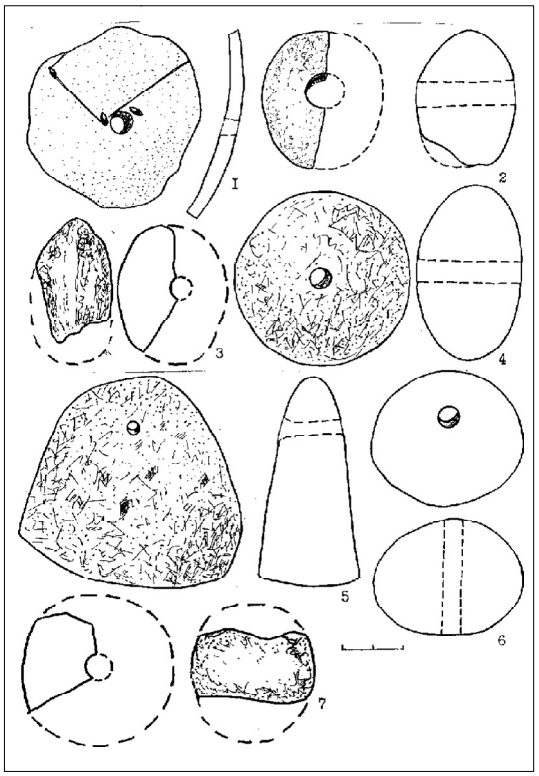


*Рис. 47. Изделия из глины: 1 — подставка под катушку; 2—4, 6—7 — напрясла; 5 — грузило.*

***Орудия труда из глины*** относятся к редким находкам на поселениях — 9 экз. (0,7%) и представлены, в основном, напряслами для веретен (Дэнчень I, Брэнешть XIII), грузилами ткацкого станка (Сынжерей XI), подставкой для катушки (Дэнчень I) (Рис.47: 1).

Напрясла для веретен округлые, несколько сплюснутые у полюсов диаметром от 4,5 до 5 см, высотой 3-4 см изготовлены из чистой глины или с небольшой примесью растительности (10 шт.) (Рис.47: 2-4, 6-7). Девятью предметами представлены грузила. Скопление грузил (8 шт.) найдено в Сынжерей XI (Макарова 1982: 13), одно изделие в Сынжерей I (неправильно-конической формы с уплощением в профиле — 7 х 3-7,5 х 2-3,4 см) (Рис.47: 5). В Деванья-Рехейи в Венгрии (группа Сакалхат) найдено скопление из 12 грузил подобного размера и формы (Kalicz, Makkay 1977; Титов 1982:166-167, рис.92). Эти предметы интерпретируют как грузики для ткацких станков или рыболовных сетей (Черныш 1962: 22, рис.14; 19; Пассек, Черныш 1963: 15).

Стенку столового сосуда с отверстием в центре (Ø 5-6 см) Г.Ф.Коробкова определила как подставку для катушки, стержнем которой служила палочка (Дэнчень I). Из глины были изготовлены небольшие шарики с отверстиями и без них, диски и пр.

Суммируя результаты анализа орудий труда КЛЛК Молдовы, следует отметить их разнообразие. Представлены практически все области хозяйственной деятельности обитателей поселений.

Кремневая индустрия характеризуется пластинчатой техникой расщепления, в основе которой лежит получение средних (Дэнчень I, Рогожень II), средних и крупных (Гура-Каменчий VI) правильных призматических пластин, преимущественно изогнутого профиля, а также средних отщепов подтреугольной и подчетырехугольной формы. В наборе типов изделий для всех поселений ведущими категориями являются скребки концевого типа и пластины со вторичной обработкой.

Отметим преобладание в инструментарии шлифованных тесловидных орудий труда, а среди них подтипа А колодковидные. На дэнченском поселении этот подтип занимает второе место среди орудий этого вида, тогда как во Флорешть I и Гура-Каменчий VI резко превалируют (соответственно 66,6% и 81,8%).

Костяных и глиняных орудий в инструментарии очень мало. Потребность в такого рода предметах частично могла восполняться изделиями из дерева.

Проведенная Г.Ф.Коробковой функциональная классификация орудий труда с поселений Цыра II, Флорешть I (Коробкова 1987: табл.42, 43: 259-260), Дэнчень I позволяет конкретно подойти к определению хозяйственной деятельности оставившего их населения, особенностям поселений.

Функциональная классификация орудий труда включает 10 групп для Дэнчень I (Табл.16), Флорешть I (Табл.17) и всего 5 для Цыра II (Табл.18), что связано с размерами этой коллекции. Группы распадаются на 35 типов орудий и объединены в два класса: А) связанные с основными направлениями хозяйства (земледелие, скотоводство и охота), и Б) объединяющие орудия, занятые в домашних производствах. Орудия класса А представлены на памятниках от 9 до 21% (21% Дэнчень I, 15% Флорешть I, 8,6% Цыра II). На двух последних памятниках в этом классе преобладают орудия, связанные со скотоводством и охотой. Их больше, чем земледельческих почти в 2 раза. В Дэнчень I этих орудий равное количество, однако процент земледельческих здесь гораздо выше (10%), чем во Флорешть I и Цыра II (соответственно 4,2 и 2,5%). К тому же в Дэнчень I не выделены такие типы охотничьих орудий, как вкладыши кинжалов, наконечники копий или дротиков, которые есть во Флорешть I и Цыра II (Табл.16—18).

На всех памятниках преобладают орудия (от 70 до 90%), связанные с домашними промыслами (класс Б). Сюда входят такие группы, как изготовление орудий труда, обработка дерева, кости и рога, обработка шкур и выделка кож, изготовление одежды и бытовых предметов, а также украшений, керамики, краски, плетения циновок.

В наборе орудий в группах класса Б по памятникам выявляются различия. Так, на посе-

лении Флорешть I наибольшая группа орудий труда связана с обработкой шкур и выделкой кож — 37%, близка к ней группа, предназначенная для изготовления орудий труда — 33%. Тогда как в поселениях Дэнчень I всего 25%, и преобладают связанные с обработкой дерева, кости и рога — 30% (причем обработка дерева занимала ведущее положение — 77,14%, а кости и рога всего 22,86%). На прочих поселениях эта группа орудий незначительна — 6% во Флорешть I и 11% в Цыра II. Следует отметить, что в Дэнчень I мало орудий, связанных с обработкой шкур и выделкой кож — всего 14%. Подобная ситуация и в Цыра II. Относительно высока в Дэнчень I доля орудий, использованных в изготовлении одежды и бытовых предметов — 5,9%, причем ассортимент (типы) их гораздо шире, чем во Флорешть I (1,7%). Орудий, связанных с изготовлением керамики в Дэнчень I выделено 2,36%, во Флорешть I — 0,92%. Все прочие группы орудий на поселениях представлены менее 1%, что возможно говорит о их незначительной роли в производстве: изготовление украшений, краски, плетение циновок.

***2. Керамика.*** Керамика — самая многочисленная категория находок с памятников КЛЛК. Ее важность как источника информации заключена и в самом названии культуры. Исследователи КЛЛК в Карпато-Поднестровье подробно описывали эту категорию инвентаря. При кажущемся однообразии форм, она рассматривалась суммарно, при этом акцентировались лишь особенности стилистики орнаментации, учитывались наиболее яркие образцы и совершенно не брались во внимание количественные показатели, варианты форм, да иногда и сами формы и прочее, что негативно сказывается на современном состоянии изучения этой культуры.

Всего с территории Молдовы нами обработано более 13 тыс. фрагментов: 10 тыс. из Дэнчень I, более 2 тыс. ед. из Флорешть I, 652 экз. из Гура-Каменчий VI, 313 — Рогожень II, большие сборы с Сынжерей I, Сынжерей XI, Мындрешть, Резина I и др.

Анализ керамики основан на рассмотрении трех основных ее признаков: техники и технологии изготовления, дающих представление о составе глиняной массы, качестве обжига, обработке поверхности сосудов; морфологических — характеризующих формы; стилистических.

Выделение форм сосудов производилось на основании качественных и метрических показателей. Так как материал сильно фрагментирован, то для каждого признака привлекалось разное его количество. В каждом конкретном случае методика исследования формы сосуда будет оговариваться особо. При изучении орнаментации учитывались как отдельные элементы, так и их композиционные сочетания.

По технико-технологическим признакам исследованная керамика подразделяется на две большие группы, традиционно называемые кухонной и столовой. В среднем раскопанные поселения дают 40% столовой и 60% кухонной посуды.

Общей технико-технологической особенностью кухонной керамики являются грубые примеси в тесте, в основном растительного происхождения. 80-90% всей кухонной посуды содержит такую примесь, причем ее качество и количество (крупная, мелкая, шелуха от вымолота злаковых трав) варьирует на разных поселениях. Так, на дэнченском поселении чуть больше половины фрагментов имеют значительную примесь крупной растительности, само тесто плохо промешано, черепок легко крошится, а другая часть (меньше половины) содержит примесь относительно мелкой половы, черепок плотный. На флорештском поселении наблюдается обратная картина — 70% кухонной керамики имеет примесь измельченной растительности, шелухи от обмолота злаковых трав; тесто хорошо промешано, черепок плотный. Только 10% от очень крупных, диаметром до 30-40 см сосудов оранжевого цвета с грубой обильной примесью травы. Примерно 20% кухонной керамики во Флорешть I содержит примесь или шамота или дресвы, но абсолютно преобладает эта примесь в сочетании с тщательно измельченной растительностью, которая порой и не видна. Совсем редко кухонные сосуды вылеплены из чистой глины. На дэнченском поселении примеси дресвы нет совсем, шамот встречается редко (в основном с половой) — 10,6%, незначительный процент фрагментов имеет примесь песка — 0,4% (возможно, естественную). Подобная картина складывается и на поселении Рогожень II, где 70% фрагментов с примесью крупной и средней половы. В Мындрешть крупная и средняя полова встречена в 80% керамики, а фрагменты с шамотом единичны.

Близкую к Флорешть I картину состава глиняной массы дает керамика поселения Гура-Каменчий VI: 15% фрагментов содержат примесь либо шамота, либо дресвы, песка (чаще всего в сочетании с травой). Чистые, без примесей, фрагменты очень редки. Полова присутствует в 80% посуды, но явно превалирует примесь шелухи от обмолота злаковых. Еще ближе к Флорешть I стоят два поселения сынжерейского микрорайона — Сынжерей I и XI, где 18% фрагментов кухонной керамики сочетают примесь шамота с тщательно измельченной травой.

Поверхность кухонной посуды обработана небрежно. В Дэнчень I наружная сторона изделия чаще всего заглажена, на ней видны многочисленные ячейки от сгоревшей растительной примеси — 75%. Сосуды с небольшим количеством мелкой растительности изредка залощены у венчика — 4%, остальная керамика — 21% имеет грубую шероховатую поверхность. Во Флорешть I больший процент (более 90%) посуды имеет сглаженную поверхность. Подло-

щенность небольших сосудов также редка.

На поселениях Дэнчень I, Рогожень II, Мындрешть преобладают изделия с неполным обжигом — 70%. Цвет их поверхности серо-бежевый, серо-оранжевый. Серо-черный — 73%. Остальная керамика в основном оранжевого цвета, полного обжига. Следует отметить, что незначительное количество фрагментов на поселении Дэнчень I (11,6%) было покрыто чистым ангобом или ангобом с небольшим количеством измельченной половы, тогда как в тесте присутствовала примесь крупной. Последнее обстоятельство не прослежено на материалах других поселений.

Обжиг кухонной посуды во Флорешть I, Гура-Каменчий VI, Сынжерей I и Сынжерей XI, Резина I явно проведен более тщательно. Более чем для половины кухонной посуды характерен полный обжиг. Цвет фрагментов более стабилен — серый, серо-бежевый, серо-черный, палевый. Около 10% фрагментов оранжевого цвета.

Технико-технологические признаки столовой керамики резко отличаются от кухонной. Всего обработано 6533 столовых фрагмента. Отличительной чертой этой группы является чистое, без видимых примесей, хорошо промешанное тесто — 80% Дэнчень I, 98% Флорешть I, Резина I. Незначительное место занимает керамика, в тесте которой прослежено небольшое количество шелухи от обмолота трав — 12% в Дэнчень I и 1% во Флорешть I (причем это, как правило, фрагменты от небольших сосудов с пластическим орнаментом). Около 3% фрагментов в Дэнчень I имеют примесь песка, а 4,5% мелкотолченного шамота. Он также обнаружен на 5,3% фр. столовой керамики в Рогожень II. Примесь шамота во Флорешть I, Сынжерей XI, Гура-Каменчий VI редка – менее 1%.

На всех поселениях прослежено незначительное количество черепков с примесью органического вещества (извести?), от сгорания которого образовались миниатюрные пустоты.

В Дэнчень I поверхность сосудов тщательно сглажена — 66% или залощена — 32%. Обжиг ее полный — 92%. Цвет поверхности обычно серый с оттенками — палевым, бежевым, желтым, оранжевым, черным — 80,7%, реже черный — 10%. Сосуды иных цветов единичны. Около 10% фрагментов столовой посуды покрыто ангобом, чаще всего черным или серым. К дэнченской столовой посуде по обработке поверхности примыкает керамика с поселения Рогожень II — 60% заглажено, 40% с лощением, Сынжерей XI — 30% лощеной, 70% хорошо заглаженной. В Рогожень II преобладает серый с оттенками цвет поверхности столовой керамики — 86%, остальные 17% приходятся на черепки оранжевого, коричневого, палевого цвета.

Следует отметить малое количество лощеной керамики в Гура-Каменчий VI (15%). Столь низкий процент объясняется, видимо, условиями сохранности керамики, верхний слой на черепках разрушен. Во Флорешть I лощеной керамики 47%, Резина I — 100%. Во Флорешть I и Гура-Каменчий VI выделяется присущая только им небольшая часть фрагментов неполного обжига черно-коричневого цвета (соответственно 3,7 и 3%). Черепки трехслойны, коричневого цвета с тонкими наружными поверхностями черного цвета, легко крошатся.

Для определения форм (морфологический признак) из общей массы было использовано 767 кухонных и 803 столовых фрагментов сосудов, в основном венчиков, сохранившихся до уровня наибольшего диаметра. Как известно, КЛЛК дает небольшое разнообразие форм. Нами выделено 8 явно наблюдаемых типов форм, большая часть которых едина для кухонной и столовой посуды (Рис.48; 53). В пределах типов форм были выделены варианты (или подтипы), основанные на учете различных метрических показателей.

Ведущим типом формы сосудов на всех поселениях КЛЛК Молдовы являются сосуды подшаровидной формы — I тип. Венчик его не выделен, тулово плавно закругляется от наибольшего диаметра к устью. Стенки незаметно переходят в почти невыраженное дно. Сосудов данного типа на поселениях от 60 до 70% (Рис.48: I; 53: I).

Другой, наиболее распространенной формой сосудов на поселениях являются миски (тип VI и VII). На разных поселениях их количество варьирует от 10 до 20%. Миски были подразделены на 2 типа: конические (VI) и с округлым туловом (VII). В процентном отношении явно преобладают вторые (в среднем 15%, а конические до 3,5%). Следует отметить, что форма мисок VII типа органично вытекает из формы сосудов I типа (подшаровидных) — стенки сосудов все более отгибаются наружу с уменьшением общей высоты изделия.

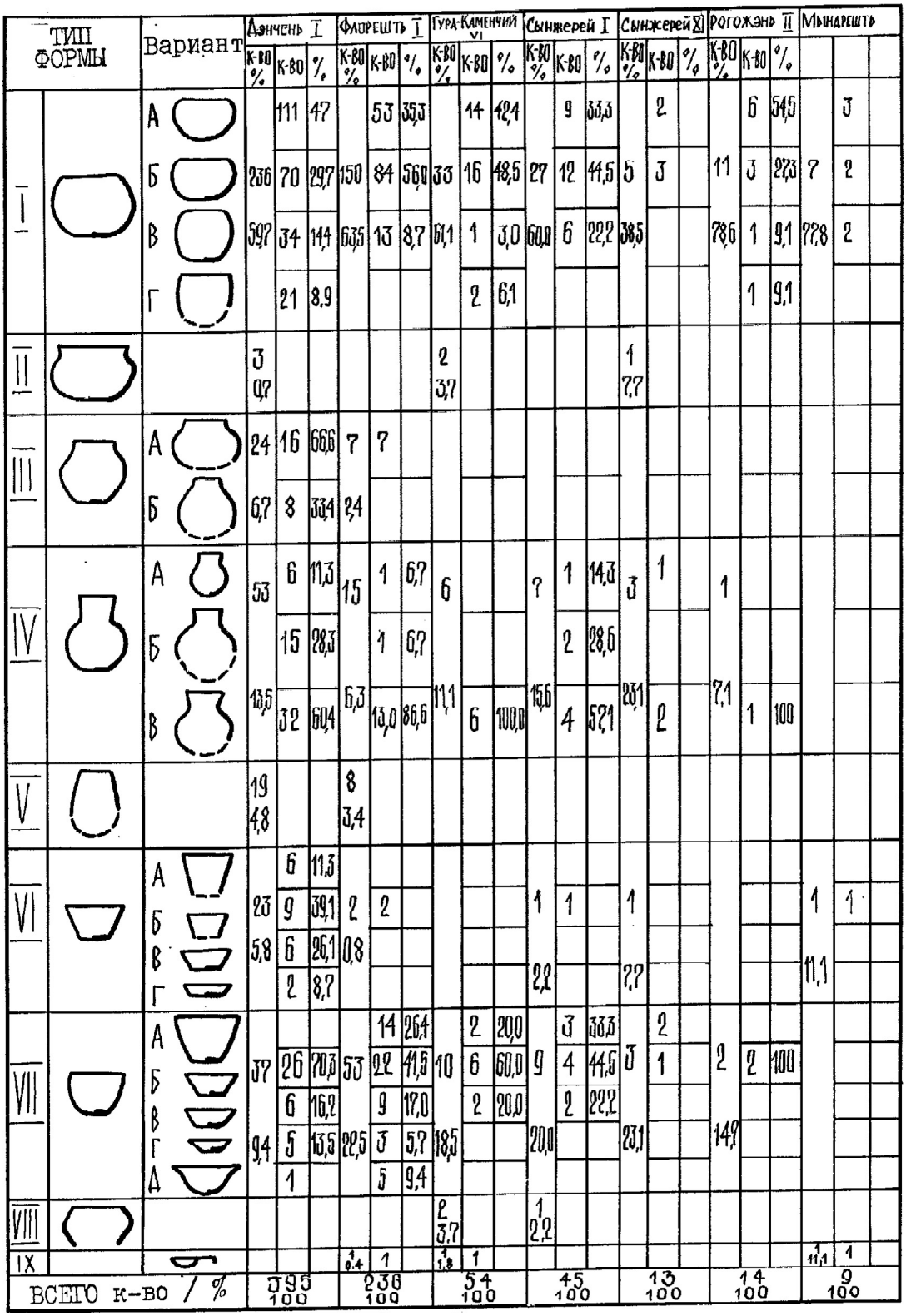
Уступает им по количеству IV тип сосудов (амфоровидные?) с четко выраженной прямой или конической горловиной и округлым туловом (от 4% в столовой до 11% в кухонной) (Рис.48: IV).

Незначительным числом 5% на поселениях представлена группа так называемых «бомбовидных» сосудов III типа. Тулово их по пропорциям идентично сосудам первого типа, но отличается от них слегка подчеркнутой горловиной и прямым или чуть наклоненным внутрь венчиком (Рис.48: III).

Только в кухонной посуде отдельных поселений выделяются две небольшие группы, которые мы отнесли с типам II и V.

Второй тип характеризуется сосудами подшаровидной формы приземистых пропорций и профилированным отогнутым наружу краем венчика (Рис.28: II). Несколько таких сосудов имеется в Дэнчень I, Гура-Каменчий VI, Сынжерей XI.

Выделенная первоначально для Дэнчень группа «бочонковидных» сосудов, V тип (Лари-



| ТИП ФОРМЫ | Вариант | Дэнчень I | | | Флорешть I | | | Гура-Каменчий VI | | | Сынжерей I | | | Сынжерей II | | | Рогожэнь II | | | Мындрешть | | |
|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|
| | | К-во | К-во | % | К-во | К-во | % | К-во | К-во | % | К-во | К-во | % | К-во | К-во | % | К-во | К-во | % | | | |
| I | А | | 111 | 47 | | 53 | 35,3 | | 14 | 42,4 | | 9 | 33,3 | | 2 | | | 6 | 54,5 | | 3 | |
| | Б | 236 | 70 | 29,7 | 150 | 84 | 56,0 | 33 | 16 | 48,5 | 27 | 12 | 44,5 | 5 | 3 | | 11 | 3 | 27,3 | 7 | 2 | |
| | В | 59,7 | 34 | 14,4 | 63,5 | 13 | 8,7 | 61,1 | 1 | 3,0 | 60,0 | 6 | 22,2 | 38,5 | | | 78,6 | 1 | 9,1 | 77,8 | 2 | |
| | Г | | 21 | 8,9 | | | | | 2 | 6,1 | | | | | | | | 1 | 9,1 | | | |
| II | | 3<br>0,7 | | | | | | 2<br>3,7 | | | | | | 1<br>7,7 | | | | | | | | |
| III | А | 24 | 16 | 66,6 | 7 | 7 | | | | | | | | | | | | | | | | |
| | Б | 6,7 | 8 | 33,4 | 2,4 | | | | | | | | | | | | | | | | | |
| IV | А | 53 | 6 | 11,3 | 15 | 1 | 6,7 | 6 | | | ? | 1 | 14,3 | 3 | 1 | | 1 | | | | | |
| | Б | | 15 | 28,3 | | 1 | 6,7 | | | | | 2 | 28,6 | | | | | | | | | |
| | В | 13,5 | 32 | 60,4 | 6,3 | 13,0 | 86,6 | 11,1 | 6 | 100,0 | 15,6 | 4 | 57,1 | 23,1 | 2 | | 7,1 | 1 | 100 | | | |
| V | | 19<br>4,8 | | | 8<br>3,4 | | | | | | | | | | | | | | | | | |
| VI | А | | 6 | 11,3 | | | | | | | | | | | | | | | | | | |
| | Б | 23 | 9 | 39,1 | 2 | 2 | | | | | 1 | 1 | | 1 | | | | | | 1 | 1 | |
| | В | 5,8 | 6 | 26,1 | 0,8 | | | | | | | | | | | | | | | | | |
| | Г | | 2 | 8,7 | | | | | | | 2,2 | | | 7,7 | | | | | | 11,1 | | |
| VII | А | | | | | 14 | 26,4 | | 2 | 20,0 | | 3 | 33,3 | | 2 | | | | | | | |
| | Б | 37 | 26 | 70,3 | 53 | 22 | 41,5 | 10 | 6 | 60,0 | 9 | 4 | 44,5 | 3 | 1 | | 2 | 2 | 100 | | | |
| | В | | 6 | 16,2 | | 9 | 17,0 | | 2 | 20,0 | | 2 | 22,2 | | | | | | | | | |
| | Г | 9,4 | 5 | 13,5 | 22,5 | 3 | 5,7 | 18,5 | | | 20,0 | | | 23,1 | | | 14,2 | | | | | |
| | Д | | 1 | | | 5 | 9,4 | | | | | | | | | | | | | | | |
| VIII | | | | | | | | 2<br>3,7 | | | 1<br>2,2 | | | | | | | | | | | |
| IX | | | | | 1<br>0,4 | 1 | | 1<br>1,8 | 1 | | | | | | | | | | | 1<br>11,1 | 1 | |
| ВСЕГО к-во / % | | 395<br>100 | | | 236<br>100 | | | 54<br>100 | | | 45<br>100 | | | 13<br>100 | | | 14<br>100 | | | 9<br>100 | | |

*Рис. 48. Типы форм кухонной посуды.*

на 1983: 93), подтвердился небольшим количеством подобных сосудов во Флорешть I и Гура-Каменчий VI. Однако до сих пор нет целых форм, так как все фрагменты принадлежат очень крупным зерновикам для хранения припасов (в среднем 3,4%).

Единицами на поселениях представлены биконические сосуды — VIII тип (в среднем 1,3%). Эта форма характерна для столовой керамики, исключением являются 2 кухонных сосуда из Гура-Каменчий VI и один из Сынжерей I.

В коллекции КЛЛК Молдовы имеется неболь-

шое количество сосудов специфических форм: мисочки на поддонах и ножках, гутасы, черпачки (в среднем их не больше 1%).

Перейдем к подробному рассмотрению типов и вариантов типов сосудов по их количественному и качественному выражению на отдельных поселениях Молдовы.

***Кухонная керамика КЛЛК***. Среди посуды этой категории превалирует I тип: сосуды подшаровидной формы с венчиком, плавно закругляющимся от наибольшего диаметра к устью. Стенки незаметно переходят в почти невыраженное дно. Эта форма является ведущей на всех поселениях: 59,7% Дэнчень I; 60% Гура-Каменчий VI; 63,5% Сынжерей I; 78,6% Флорешть I; 78% Рогожень II (Рис.48).

Подавляющее большинство сосудов этого типа имеют диаметр устья от 10 до 20-24 см. Незначительные группы составляют сосуды с диаметром от 24,1 до 40 см. Судя по целым экземплярам, диаметр соотносится с высотой 1:1. В зависимости от размеров сосудов толщина стенок колеблется от 0,5 до 1,5 см (это положение остается в силе и для последующих типов).

Вся эта масса сосудов отличается друг от друга только степенью загнутости стенок к устью. В пределах I типа выделение возможных вариантов проводилось путем расчета коэффициента соотношения высоты прямой линии, опущенной от края венчика до линии наибольшего диаметра к длине последней. Значения коэффициентов, наложенные на векторное поле, позволили выделить четыре варианта этого типа для Дэнчень I (Рис.54б). Определенные границы оказались значимыми и для материалов других памятников.

Первый (А) вариант — сосуды наиболее закрытой формы. Их коэффициент составляет от 1,2 до 2,4 см. Этот вариант является ведущим на поселениях Дэнчень I — 47%, Рогожень II — 54,5%, Мындрешть — 43%. Доля Флорешть I, Гура-Каменчий VI, Сынжерей I, Сынжерей XI объединяет менее 40% сосудов в этом типе.

Второй (Б) вариант включает сосуды с коэффициентом от 2,5 до 3,2. Этот вариант преобладает во Флорешть I — 56%, Гура-Каменчий VI — 48,4%, Сынжерей I — 44,5%, Сынжерей XI — 60%. В Дэнчень I, Рогожень II, Мындрешть он занимает второе место в типе (менее 30%).

У третьего (В) варианта загнутость венчика приближается к прямому углу. Коэффициент колеблется в пределах от 3,3 до 4,4. Вариант представлен малым количеством сосудов на всех поселениях.

Интерес представляет четвертый вариант (Г) первого типа. На поселении Дэнчень I была выделена небольшая группа (около 9%) сосудов с коэффициентом 4,5-5 наиболее открытого вида. Высота их немного больше диаметра. Несколько таких сосудов обнаружено в Рогожень II и Гура-Каменчий VI. На остальных памятниках их нет. Сосуды подобной формы напоминают высокие «яйцевидные» кубки группы Сакалхат Венгрии (Титов 1980: 165; Kalicz, Makkay 1978: fig.154: 6).

Во II тип кухонной керамики выделено несколько сосудов из Дэнчень I, Гура-Каменчий VI и Сынжерей XI. Это изделия подшаровидной формы приземистых пропорций. В отличие от первого типа, венчик у них утолщен, верхний край немного скошен внутрь сосуда, а наружный оттянут и заострен (Рис.48: II).

III тип «бомбовидных» — в кухонной керамикие представлен слабо. На многих поселениях в кухонной керамике они отсутствуют. Тулово этих сосудов по пропорциям идентично сосудам первого типа, но отличается от них слегка подчеркнутой горловиной. Варианты типа выделялись на основании тех же метрических измерений, что и варианты первого типа, однако дополнительно учитывалась высота венчика до места его изгиба в тулово. Соотношение учтенных признаков позволило выделить два варианта (оба варианта представлены только в Дэнчень I).

В первый (А) вариант вошли сосуды со значением коэффициента от 1 до 3 и высотой венчика от 0,5 до 1,5 см. Подобные сосуды имеются на поселении Дэнчень I (16 фр.), Флорешть I (17 фр.).

Второй вариант (Б) имеется только в Дэнчень I (8 фр. — 33,4%). Это сосуды более вытянутых, менее округлых пропорций с коэффициентом от 3,1 до 3,6 и высотой венчика 1,6-4 см (Рис.48: 3Б).

«Бомбовидные» сосуды, выйдя органично из форм первого типа, сами как бы открывают новую форму: амфоровидные, IV типа — с четко выраженной горловиной и округлым туловом. Они имеются практически на всех поселениях. В пределах этого типа по виду венчика (степень его отогнутости, высота) определено 3 варианта.

Первый (А) представлен небольшими сосудами типа «амфорок» с невысоким (2-4 см) прямым или слабо отклоненным венчиком, плавно переходящим в округлое тулово. Сосуды этого варианта имеются в Дэнчень I (6-11,3%); по одному во Флорешть I, Сынжерей I, Сынжерей XI (Рис.48: IV А).

Второй вариант (Б) образовали сосуды с прямым, высотой 5-10 см венчиком, крутыми плечиками, переходящими в округлое тулово. Таких найдено 15 (28,3%) в Дэнчень I; единичные в Сынжерей I, Флорешть I (Рис.48: IV Б).

Самый многочисленный, представленный на всех поселениях третий (В) вариант четвертого типа. Это сосуды с высоким (6-8см) отогнутым наружу (угол отгиба от 11° и больше) венчиком. На всех памятниках этих сосудов более 50%: 32 (60,4%) в Дэнчень I; 13 (86%) Флорешть I; 4 (57%) — Сынжерей I; 2 (66%) — Сынжерей XI. Флорештские сосуды этого варианта очень аккуратны, тонкостенны, серого цвета и небольшого диаметра (14-16 см). На остальных памят-

никах это остатки крупных зерновиков оранжевого цвета (Рис.48: IV В).

Среди «бочонковидных» горшков типа преобладают сосуды с диаметром венчика от 16 до 30 см, высота тулова их всегда больше диаметра. Венчик оформлен по-разному: округлый, прямо срезан, наружный край оттянут и т.д. Этот тип несколько гипотетичен, поскольку не подтвержден целыми формами. Больше всего этих горшков в Дэнчень I — 19 шт. (4,8%), немного во Флорешть I — 8 шт. (3,4%) (Рис.48: V).

К мискам отнесены сосуды, максимальный диаметр которых соответствует устью и соотносится с высотой приблизительно 1:1, или 1:2, 1:3, 1:4. Миски были подразделены на 2 типа: с округлым туловом и конические. Последние выделены в VI тип по общей схеме. Для выделения вариантов использовалось соотношение диаметра венчика к высоте сосуда, а также угол отклонения стенок. По этим показателям было выделено 4 варианта, которые представлены полностью только в Дэнчень I (Рис.48: VI).

В вариант А вошли изделия, высота которых чуть меньше диаметра венчика. Учитывая пропорции, их можно рассматривать скорее как чаши. Вариант представлен небольшим количеством в Дэнчень I — 6 фр. (11,3%).

Относительно многочислен второй вариант Б, для которого характерно соотношение диаметра и высоты как 1:2, угол отклонения венчика колеблется от 40 до 49°. Вариант представлен 9 фр. (39,1 %) в Дэнчень I, единицами во Флорешть I, Сынжерей I и XI, Мындрешть.

В последующие 2 варианта выделены миски, представленные только на поселении Дэнчень I. В варианте В диаметр и высота мисок соотносятся как 1:3, а угол отклонения колеблется от 50 до 54° (26,1%). Четвертый Г вариант включает обломки очень мелких мисок диаметром 20-34 см, соотношение диаметра и высоты их равно 1:4 (8,7%) (Рис.48: VI).

Самые многочисленные округлобокие миски VII типа. Их около 10% в Дэнчень I, 14,2 в Рогожень II, 22,5 — во Флорешть I, 18,5 в Гура-Каменчий VI, 20% в Сынжерей I и 23,1 в Сынжерей XI. В VII типе по тем же показателям, что и для конических мисок было выделено 5 вариантов (Рис.48: VII).

К первому отнесены сосуды открытой формы (вариант А), которые имеют соотношение диаметра и высоты приблизительно как 1:1 или D > H. Такие сосуды имеются во Флорешть I — 26,4% (14 экз.), в Гура-Каменчий VI, Сынжерей I и Сынжерей XI.

Второй вариант наиболее многочислен. У этих сосудов диаметр соотносится с высотой как 1:2, угол отклонения венчика составляет 19-21°. Миски этого варианта преобладают на всех памятниках: 70,3% в Дэнчень I; 60% в Гура-Каменчий VI; 45% Флорешть I; 44% Сынжерей I.

Третий В вариант, к которому относятся неглубокие миски с соотношением диаметра к высоте как 1:3 и углом отклонения 36-49°, представлен в среднем от 16 до 20% в Дэнчень I, Флорешть I, Гура-Каменчий VI, Сынжерей I.

К четвертому Г варианту относятся единичные экземпляры из Дэнчень I — 13,5%, Флорешть I — 5,7%. Это мелкие миски, с соотношением диаметра к высоте как 1:4 и отгибом стенок в 50-68° (Рис.48: VII).

На поселении Флорешть I имеется небольшая группа мисок с несколько подэсовидным профилем. По основным своим пропорциям (соотношение диаметра к высоте равно приблизительно 1:2) они относятся ко второму Б варианту седьмого типа. Их можно было бы рассматривать как одну из особенностей этого варианта, но поскольку имеются подобные и в столовой посуде на отдельных поселениях, то решено выделить их в самостоятельный пятый Д вариант этого типа (Рис.48: VII).

В кухонной посуде Гура-Каменчий VI и Сынжерей I были найдены фрагменты стенок с явным перегибом в центре, видимо, биконической формы. Перегиб подчеркнут еле выступающими валиками. По общей схеме эта форма отнесена в VIII тип (Рис.48: VIII).

Обнаруженные в большом количестве фрагменты днищ сосудов, как правило, трудно связать определенно с каким-либо типом. Подавляющее большинство принадлежит, видимо, сосудам первого типа: стенки плавно переходят в невыраженное дно. Но в коллекции также имеются фрагменты с четким углом и закраинами, подтверждая существование конических форм.

Орнаментация кухонной керамики в целом относительно однообразна и встречается лишь менее чем на 10% изделий. Анализ орнаментации заключается, как уже отмечалось, в выявлении элементов и их сочетаемости. По исполнению в кухонной керамике выделяется два варианта: пластический (всевозможные налепы) (Рис.49) и углубленный (пальцево-ногтевые углубления и другие отпечатки) (Рис.50). Наиболее распространен первый тип орнамента — более 50%: это подцилиндрические налепы, одинарные или парные, с плоской вершиной или вмятинами (Рис.49: 1,2). На нескольких фрагментах из Флорешть I и Гура-Каменчий VI в центре плоских подцилиндрических налепов сделаны маленькие наколы (Рис.49: 9). Цилиндрические упоры из Дэнчень I, Рогожень II, Мындрешть I, Флорешть I, Сынжерей XI разделены посередине насечкой (Рис.49: 3,6).

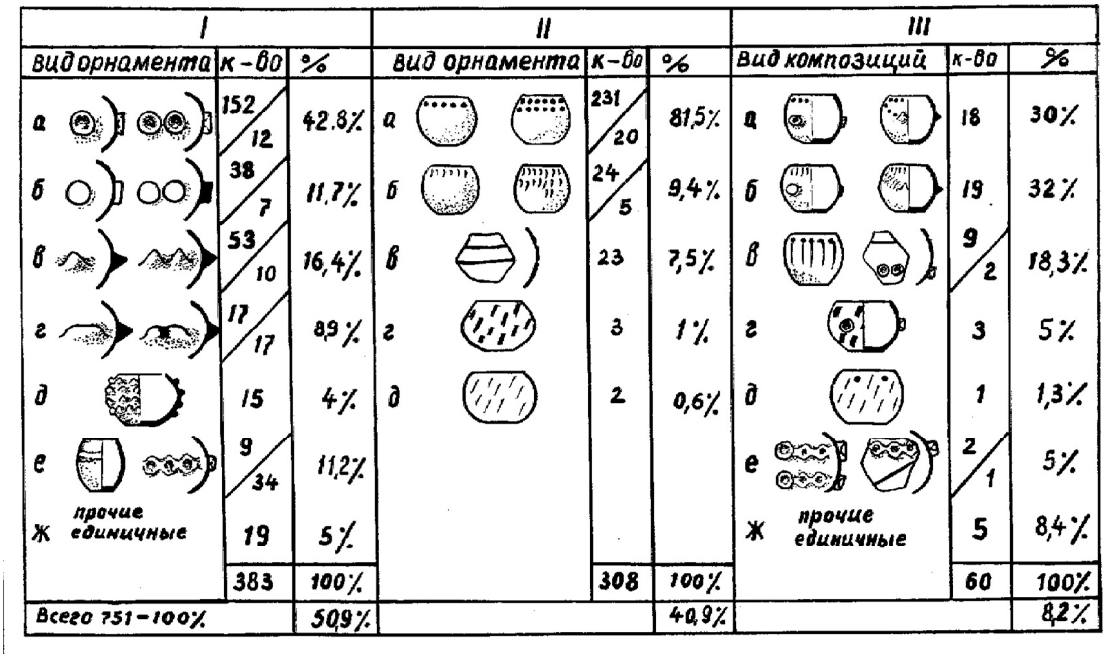
Имеется небольшая группа овальных налепов во Флорешть I, Гура-Каменчий VI, которые по центру разделены вмятиной на два бугорка по вертикали или горизонтали (Рис.49: 10). Разнообразны конические упоры — одинарные или парные (Рис.49: 4), конические в профиле, но вытянутые в плане по вертикали или горизонтали (Рис.49: 5), иногда с ложбиной в центре или пальцевыми вмятинами на боках (Рис.49: 3). Конические упоры с двумя или тремя вершина-

| Вид / Памятник | I | 2 | 3 | 4 | 5 | 6 | 7 | 8 | 9 | I0 | II | I2 | I3 | I4 | I5 |
|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|
| |  |  |  |  |  |  |  |  |  |  |  |  |  | СКОЛЫ | ВСЕГО |
| ДЭНЧЕНЬ I | I52<br>I2 | 38<br>7 | I<br>I | 53<br>II | I7 | I8 | I5 | 9<br>34 | | | | | | I6 | 323 |
| РОТОЖЕНЬ II | 5<br>2 | I | I | I | | | | | | | | | | 2 | I2 |
| МАНДРЕШТЬ | 3 | | I | | | I | | | | | | | | I | 6 |
| НАВЫРНЕЦ | 2<br>I | 2<br>I | | | | | | | | | | | | | 6 |
| СНЕЖЕРЕЙ I | 6 | | | | I | | | I | | | | | | 4 | I2 |
| ФЛОРЕШТЬ I | 33<br>3 | I6<br>2 | 2<br>4 | 27<br>5 | 5<br>I | I<br>I | I<br>4 | 9 | 3<br>I | 4<br>3 | 2 | I<br>3 | I<br>I | 20 | I57 |
| Г.КАМЕНЧИЙ, УЛ | 9<br>I | 2 | | 6 | 5 | | I<br>I | 8 | 2 | 4<br>I | | | | 2 | 43 |
| СНЕЖЕРЕЙ XI | 2 | | | | | 3 | I | | | | | | | | 6 |
| ВСЕГО кол.<br>% | 23I<br>36,9 | 69<br>II,0 | 9<br>I,4 | I03<br>I6,5 | 29<br>4,6 | 24<br>3,8 | 22<br>3,5 | 62<br>9,9 | 6<br>0,9 | I2<br>I,9 | 4<br>0,6 | 4<br>0,6 | 2<br>0,3 | 45 | 625<br>I00,0 |

*Рис. 49. Пластический вид орнаментации кухонной посуды.*

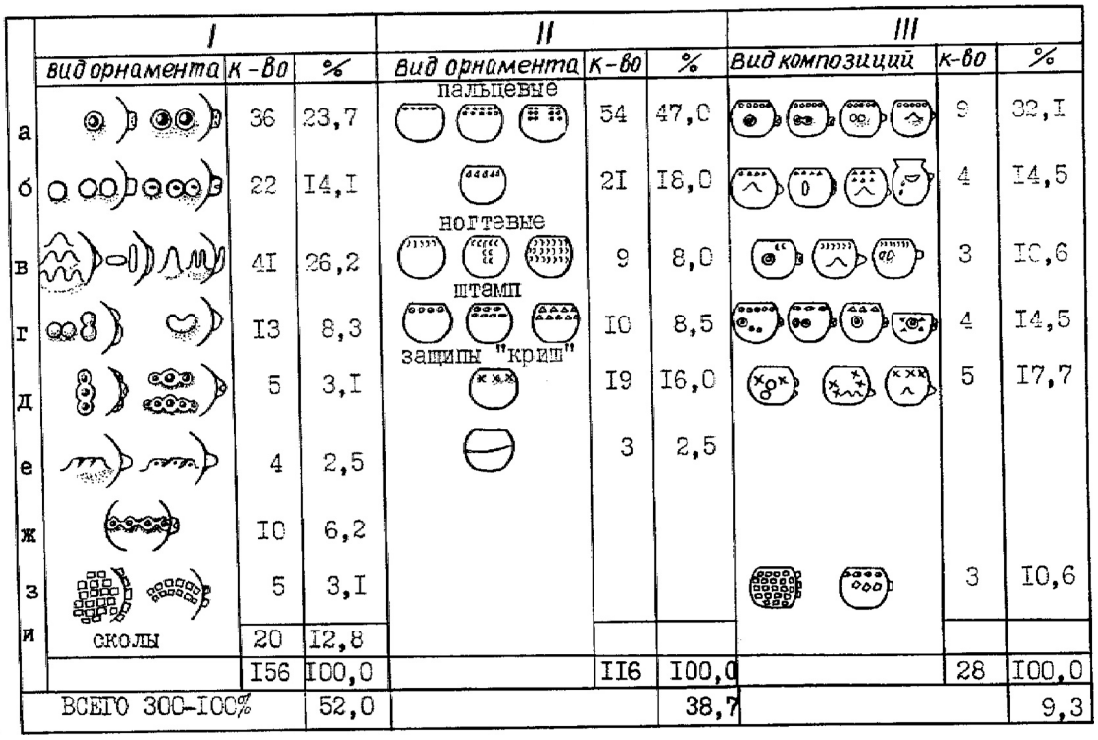
| Вид / Памятник | 1 | 2 | 3 | 4 | 5 | 6 | 7 | 8 | 9 | 10 | 11 | 12 | 13 | 14 | Всего на памятнике |
|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|
| | Пальцевые | | | Ногтевые | | | Врезные | | | Наколы-штампы | | | | "Крипп" | |
| Денчень I | 231 | 20 | | 24 | 5 | | 23 | 3 | 2 | 2 | | | | | 308 |
| Рогожень II | 6 | | | | | | | | | | 1 | | | | 7 |
| Мынрепть | 3 | 1 | | | | | | | | 1 | | | | | 5 |
| Сынкерей I | 5 | | | 1 | | | 1 | | | 1 | | | | 7 | 15 |
| Флорешть I | 63 | 6 | 1 | 6 | 2 | 1 | 3 | | | 6 | 1 | 3 | | 19 | 116 |
| Г. Каменчии ут | 33 | | | 1 | | | 1 | | | | | 1 | 1 | 4 | 41 |
| Сынкерей XI | 4 | | | 1 | | | 1 | | | 2 | | | | 2 | 10 |
| Всего экз. | 350 | 27 | 1 | 33 | 7 | 1 | 29 | 3 | 2 | 12 | 2 | 4 | 1 | 32 | 504 |
| % | 69,4 | 5,4 | 0,2 | 6,5 | 1,4 | 0,2 | 5,8 | 0,6 | 0,4 | 2,4 | 0,4 | 0,8 | 0,2 | 6,3 | 100,0 |
| | 378 - 75,0 | | | 41 - 8,1 | | | 34 - 6,4 | | | 19 - 3,6 | | | | - | |

*Рис. 50. Углубленный вид орнаментации кухонной посуды.*



| I | | | II | | | III | | |
|---|---|---|---|---|---|---|---|---|
| Вид орнамента | к-во | % | Вид орнамента | к-во | % | Вид композиций | к-во | % |
| а | 152/12 | 42,8% | а | 231/20 | 81,5% | а | 18 | 30% |
| б | 38/7 | 11,7% | б | 24/5 | 9,4% | б | 19 | 32% |
| в | 53/10 | 16,4% | в | 23 | 7,5% | в | 9/2 | 18,3% |
| г | 17/17 | 8,9% | г | 3 | 1% | г | 3 | 5% |
| д | 15 | 4% | д | 2 | 0,6% | д | 1 | 1,3% |
| е | 9/34 | 11,2% | | | | е | 2/1 | 5% |
| ж прочие единичные | 19 | 5% | | | | ж прочие единичные | 5 | 8,4% |
| | 383 | 100% | | 308 | 100% | | 60 | 100% |
| Всего 751–100% | | 50,9% | | | 40,9% | | | 8,2% |

*Рис. 51. Типы элементов (I, II) и композиций (III) орнаментации кухонной посуды Дэнчень I.*



| | I | | | II | | | III | | |
|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|
| | Вид орнамента | к-во | % | Вид орнамента | к-во | % | Вид композиций | к-во | % |
| а | | 36 | 23,7 | пальцевые | 54 | 47,0 | | 9 | 32,1 |
| б | | 22 | 14,1 | | 21 | 18,0 | | 4 | 14,5 |
| в | | 41 | 26,2 | ногтевые | 9 | 8,0 | | 3 | 10,6 |
| г | | 13 | 8,3 | штамп | 10 | 8,5 | | 4 | 14,5 |
| д | | 5 | 3,1 | защипы "криш" | 19 | 16,0 | | 5 | 17,7 |
| е | | 4 | 2,5 | | 3 | 2,5 | | | |
| ж | | 10 | 6,2 | | | | | | |
| з | | 5 | 3,1 | | | | | 3 | 10,6 |
| и | сколы | 20 | 12,8 | | | | | | |
| | | 156 | 100,0 | | 116 | 100,0 | | 28 | 100,0 |
| ВСЕГО 300–100% | | | 52,0 | | | 38,7 | | | 9,3 |

*Рис. 52. Типы элементов (I, II) и композиций (III) орнаментации кухонной посуды Флорешть I.*

| ТИП ФОРМЫ | Вариант | Дэнчень I | | | Флорешть I | | | Гура-Каменчий VI | | | Сынжерей I | | | Сынжерей XI | | | Рогожень II | | | Мындрешть | | |
|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|
| | | К-во % | К-во | % | К-во % | К-во | % | К-во % | К-во | % | К-во % | К-во | % | К-во % | К-во | % | К-во % | К-во | % | К-во % | К-во | % |
| I | А | | 120 | 44,9 | | 82 | 41,2 | | 21 | 27,3 | | 10 | 58,8 | | 9 | 33,3 | | 7 | 38,9 | | 2 | |
| | Б | 267 | 90 | 33,7 | 199 | 104 | 52,3 | 77 | 43 | 55,8 | 17 | 6 | 35,3 | 27 | 15 | 55,5 | 18 | 5 | 27,8 | 2 | | |
| | В | 67,4 | 41 | 15,4 | 70,0 | 13 | 6,5 | 62,6 | 13 | 16,9 | 77,4 | 1 | 5,9 | 54,0 | 3 | 11,2 | 58,0 | 4 | 22,2 | 50,0 | | |
| | Г | | 16 | 6 | | | | | | | | | | | | | | 2 | 11,1 | | | |
| III | | 48 | 36 | 75 | 21 | 19 | 90,4 | 5 | 4 | 80 | 3 | 3 | 100,0 | 4 | 4 | 100,0 | 3 | 3 | 100,0 | 1 | | |
| | | 12,1 | 12 | 25 | 7,4 | 2 | 9,6 | 4,1 | 1 | 20 | 13,6 | | | 8,0 | | | 9,8 | | | 25,0 | 1 | |
| IV | | 22 | 15 | 68,8 | 9 | 3 | 33,3 | 1 | 1 | | 1 | 1 | | 3 | 2 | 66,6 | | | | | | |
| | | | | | | 1 | 11,1 | | | | | | | | 1 | 33,4 | | | | | | |
| | | 5,5 | 7 | 31,2 | 3,2 | 5 | 55,5 | 0,8 | | | 4,5 | | | 6,0 | | | | | | | | |
| VI | | 5 | 3 | 60 | 1 | | | 7 | 2 | 28,6 | | | | 2 | | | 1 | | | | | |
| | | | 2 | 40 | | 1 | | | 4 | 57,1 | | | | | 2 | | | 1 | | | | |
| | | 1,3 | | | 0,3 | | | 5,7 | 1 | 14,3 | | | | 4,0 | | | 3,2 | | | | | |
| VII | | | 8 | 20,6 | | 13 | 29,0 | | 11 | 35,5 | | | | | 4 | 33,3 | | 2 | 22,2 | | | |
| | | 39 | 21 | 53,8 | 45 | 23 | 51,1 | 31 | 14 | 45,2 | | | | 12 | 5 | 41,7 | 9 | 7 | 77,8 | 1 | 1 | |
| | | | 5 | 12,8 | | 6 | 13,3 | | 4 | 12,2 | | | | | 1 | 8,3 | | | | | | |
| | | 9,8 | 5 | 12,8 | 15,9 | 3 | 6,6 | 25,2 | | | | | | 24,0 | | | 29,0 | | | 25,0 | | |
| | | | | | | | | | 1 | 3,2 | | | | | 2 | 16,7 | | | | | | |
| | | | | | | | | | 1 | 3,2 | | | | | | | | | | | | |
| VIII | | 8 | | | 5 | | | 2 | | | 1 | | | 1 | | | | | | | | |
| | | 2 | | | 1,8 | | | 1,6 | | | 4,5 | | | 2,0 | | | | | | | | |
| IX | | | | | | 3 | 75,0 | | | | | | | | 1 | | | | | | | |
| | | 7 | 2 | 28,6 | 4 | | | | | | | | | 1 | | | | | | | | |
| | | 1,8 | 2 | 28,6 | 1,4 | | | | | | | | | 2,0 | | | | | | | | |
| | | | 3 | 42,6 | | 1 | 2,5 | | | | | | | | | | | | | | | |
| ВСЕГО к-во / % | | 396 100 | | | 284 100 | | | 123 100 | | | 22 100 | | | 50 100 | | | 31 100 | | | 4 100 | | |

*Рис. 53. Типы форм столовой керамики.*

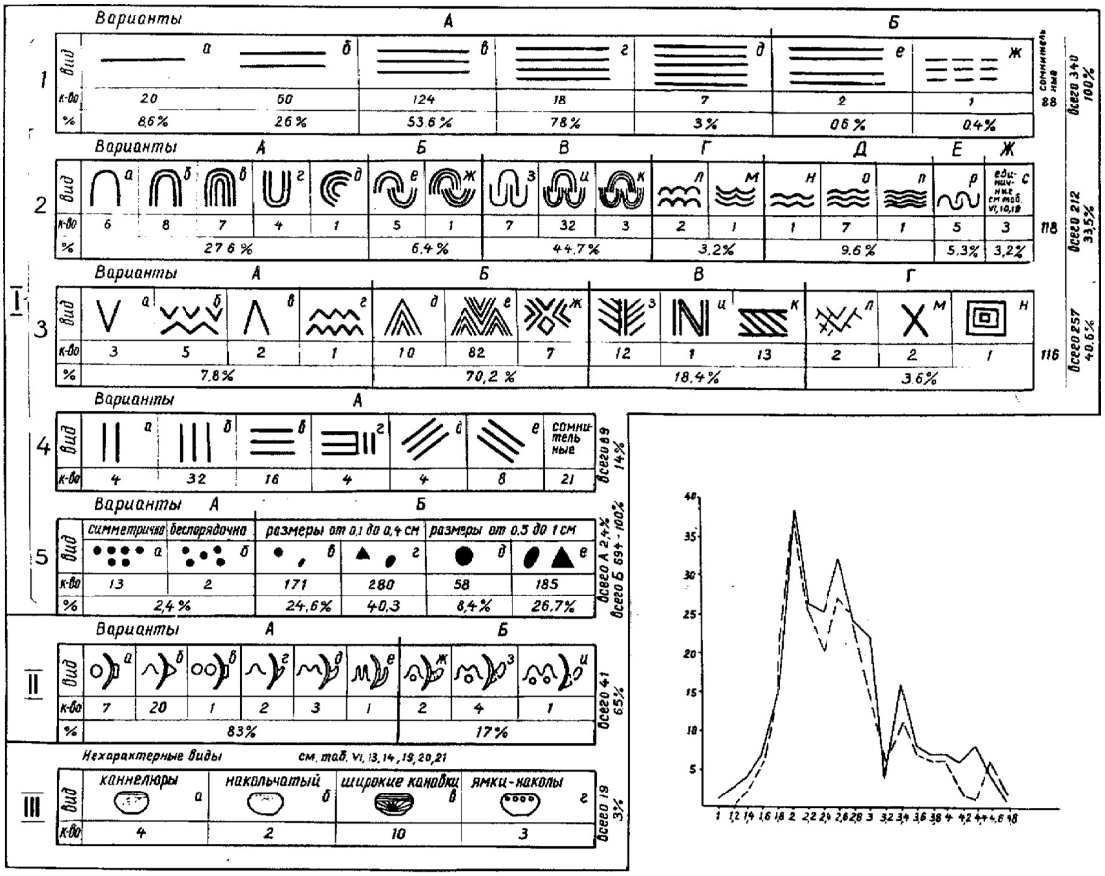



*Рис. 54. Дэнчень I: а) таблица элементов орнаментации столовой посуды; б) граф выделения вариантов в I типе сосудов поселения.*

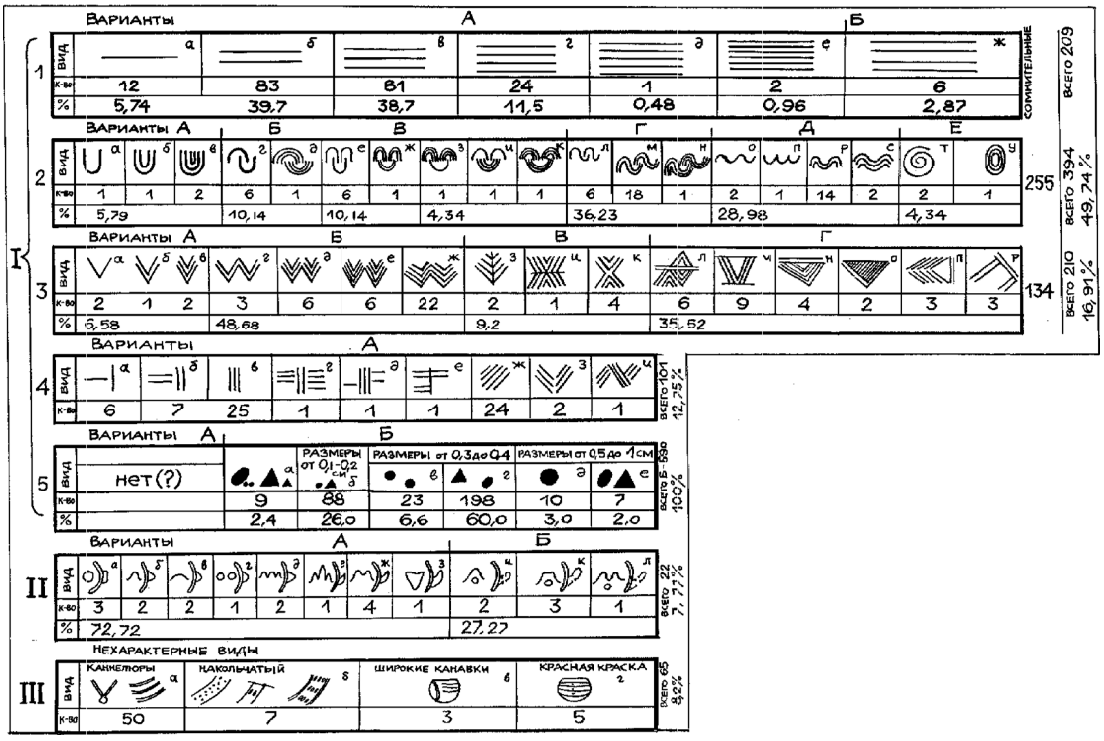



*Рис. 55. Флорешть I. Элементы орнаментации столовой посуды.*

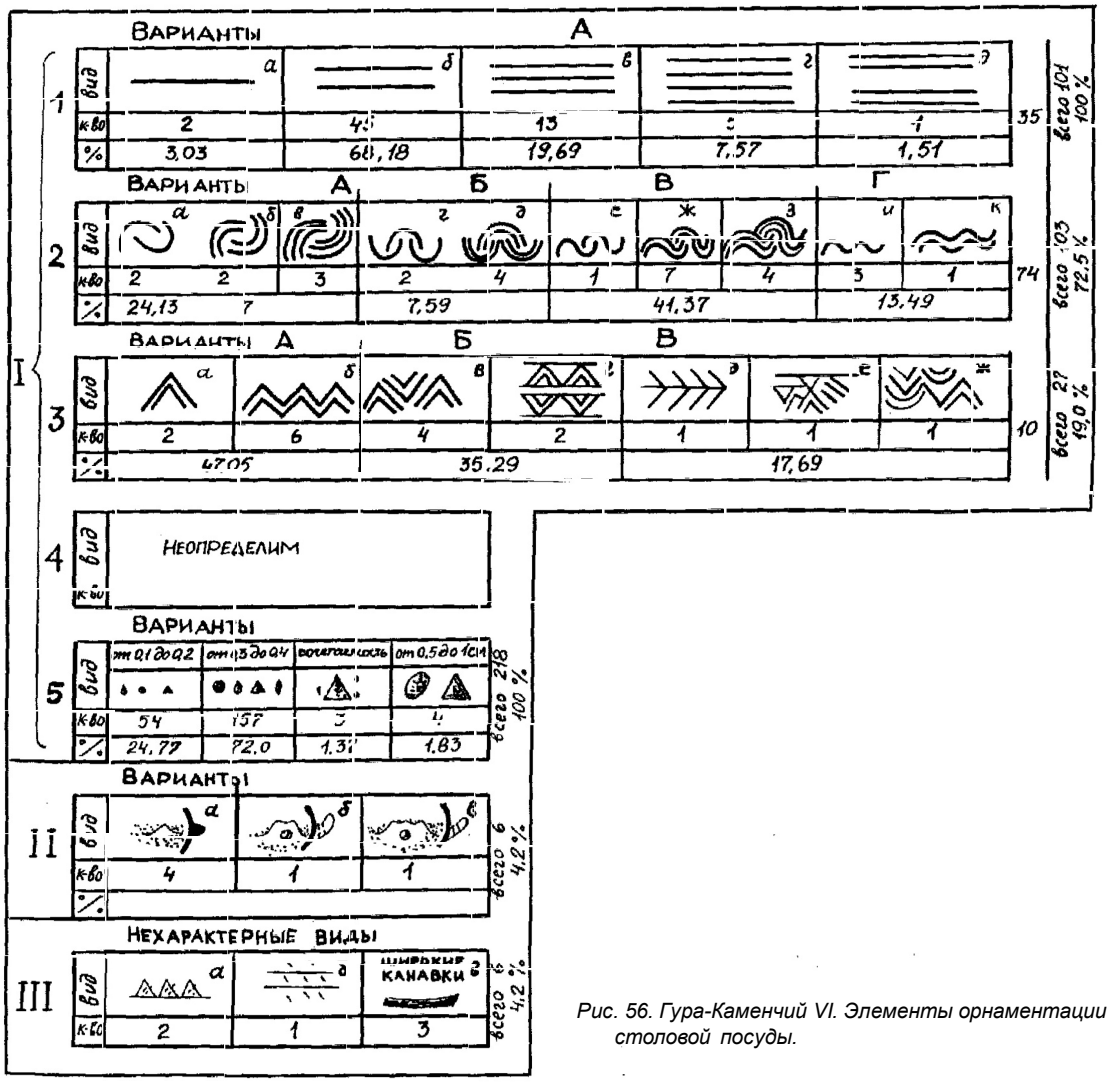



*Рис. 56. Гура-Каменчий VI. Элементы орнаментации столовой посуды.*

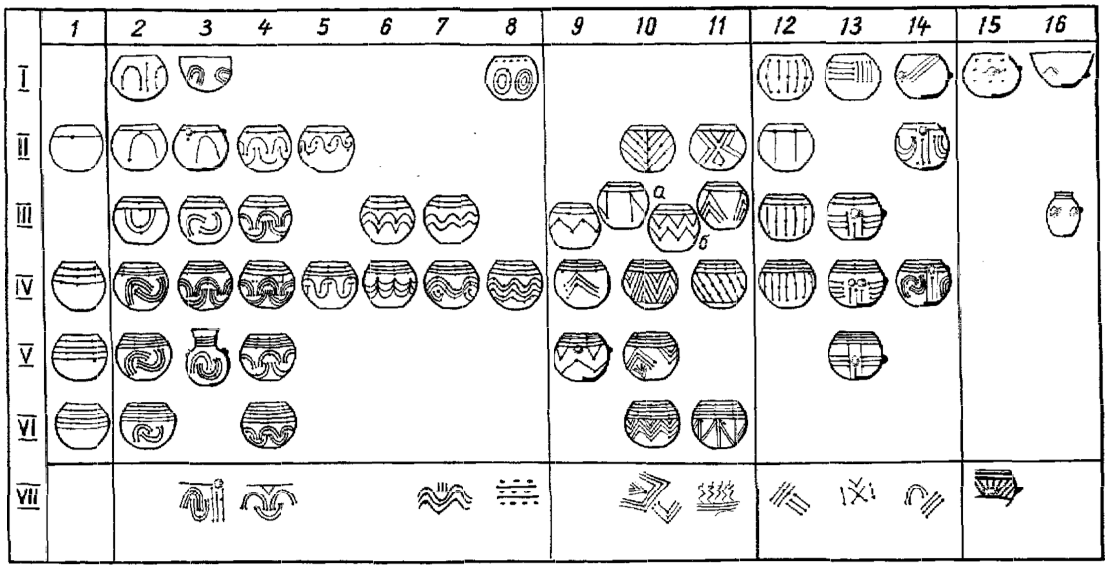



*Рис. 57. Дэнчень I. Композиции орнамента столовой посуды.*

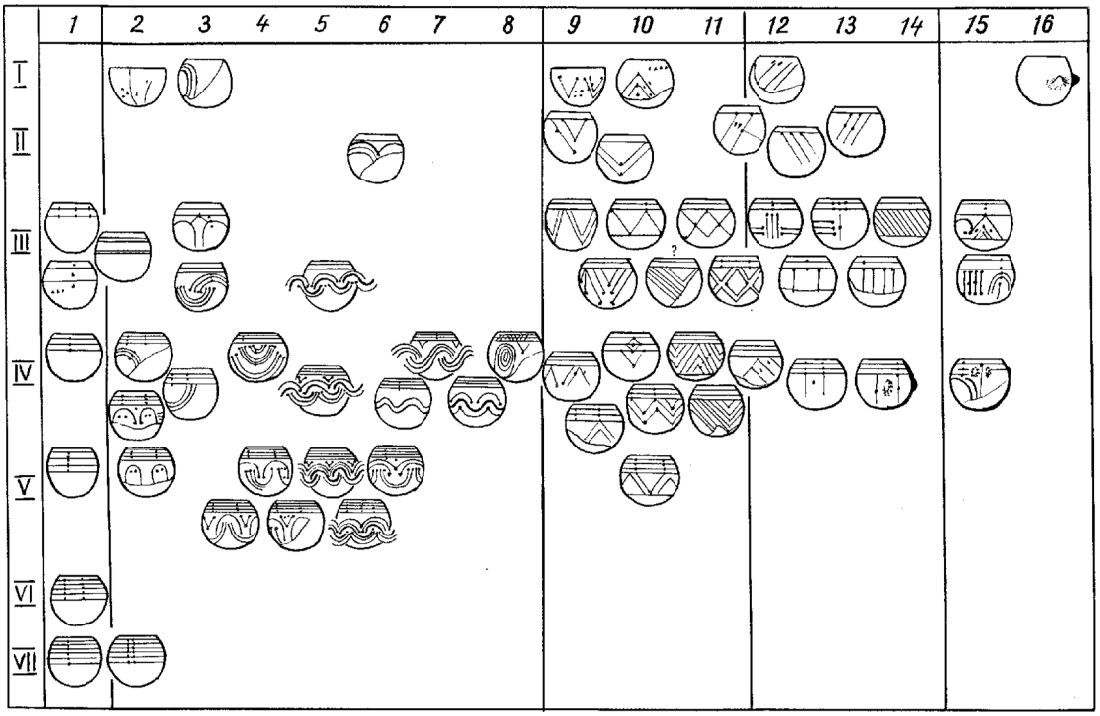



*Рис. 58. Флорешть I. Композиции орнамента столовой посуды.*

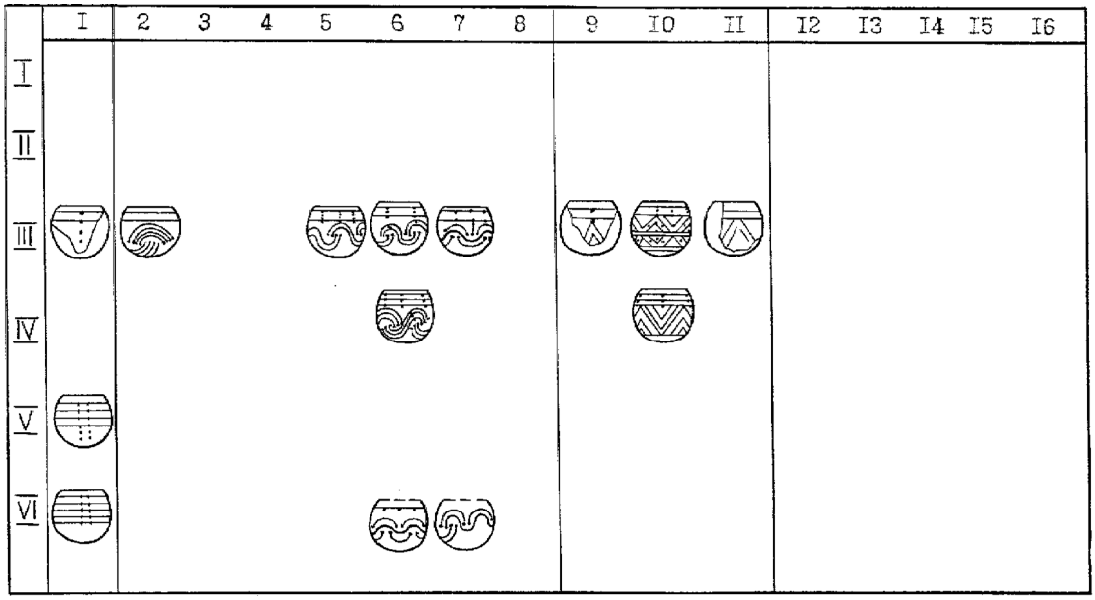



*Рис. 59. Гура-Каменчий VI. Композиции орнамента столовой посуды.*

ми (Рис.49: 13).

Особым является орнамент в виде конических или подцилиндрических шишечек («ёжик»), покрывавших все тело сосудов из Дэнчень I, Флорешть I, Гура-Каменчий VI (Рис.49: 7; 51: 1д; 52: 1 з). На двух последних памятниках имеются квадратные в плане и профиле шишечки, сделанные грубо с отпечатками ногтей, как бы смоделированные из стенки сосуда защипами (Рис.49: 7; 52: 1 з).

Небольшую группу изделий (9,9%) представляют черепки, украшенные налепными валиками с простой сглаженной поверхностью (Дэнчень I) или расчлененной пальцевыми отпечатками (Дэнчень I, Флорешть I, Гура-Каменчий VI, Сынжерей XI) (Рис.49: 8; 51: 1 е; 52: 1 ж). Во Флорешть I и Гура-Каменчий VI эти валики очень аккуратные, невысокие, с еле заметными отпечатками, сделанными кончиками пальцев. На этих же памятниках имеются фрагменты ручек-налепов подпрямоугольной формы с нарезками по верху (Рис.49: 12), овальные с 3-5 паль-

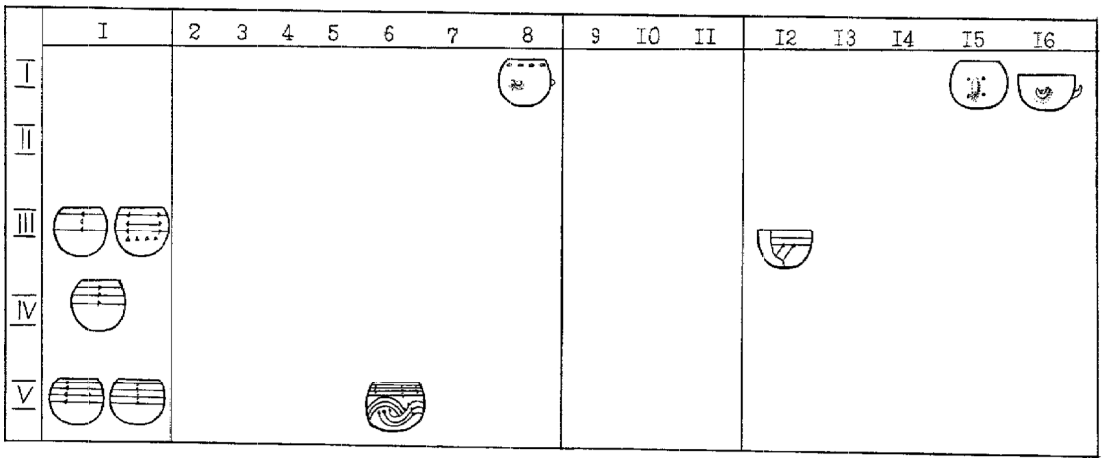



*Рис. 60. Сынжерей XI. Композиции орнамента столовой посуды.*

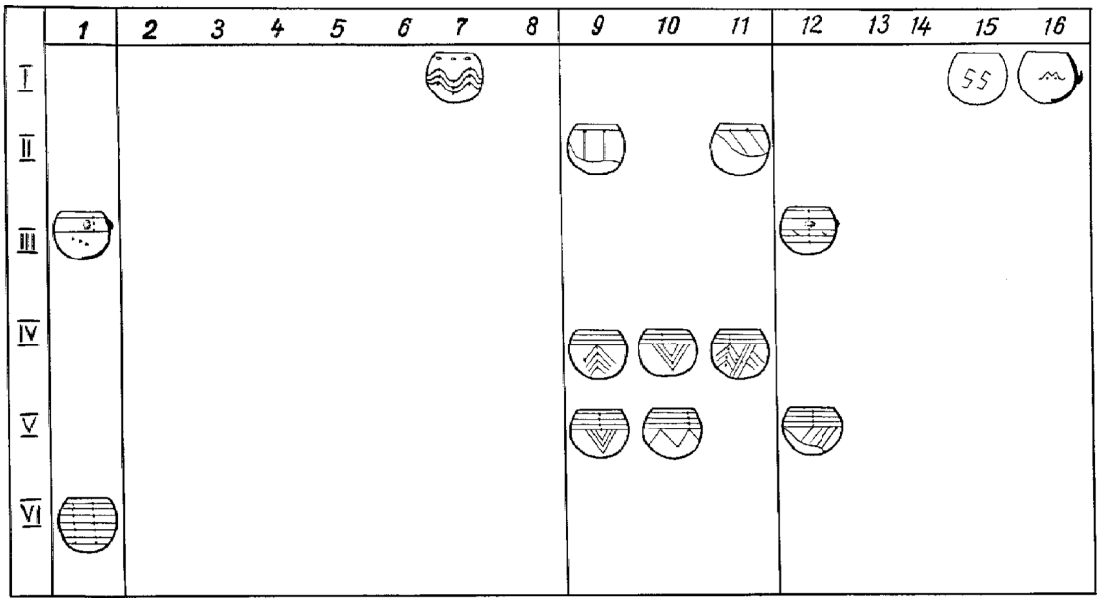



*Рис. 61. Сынжерей I. Композиции орнамента столовой посуды.*

цевыми отпечатками, расположенные на стенках вертикально или горизонтально (Рис.49: 11; 52: 1 д). Поверхность сосуда из Флорешть была покрыта двумя дуговидными рядами маленьких цилиндрических плоских шишечек с ямками-наколами в центре (Рис.49: 13).

Указанные выше способы украшения изделий — наиболее многочисленный способ орнаментации.

Для второго углубленного вида орнамента характерны пальцевые (5%) или ногтевые (8,1%) вдавления, которые встречаются в виде одного или нескольких горизонтальных рядов (Рис.50: 1-6). Особую группу составляет орнамент в виде пальцево-ногтевых защипов (6,3%), напоминающий кришский колосковый защип. Встречен он только на керамике поселений Флорешть I, Гура-Каменчий VI, Сынжерей I, XI. Защипы покрывают в виде горизонтальных или косых в 1-2 ряда венчик или тулово сосуда (Рис.50: 14).

Прочерченные врезные линии на кухонной керамике редки (6,4%), их больше всего в Дэнчень I.Только в Дэнчень I встречен и орнамент в виде косых широких или узких насечек, покрывающих все тело сосуда (Рис.51: II, г, д; 50: 7-9).

Следует отметить немногочисленные изделия с ямками, сделанными круглым штампиком 38% (Рис.50: 10). Во Флорешть I, Гура-Каменчий VI применялся штамп треугольной, овальной и квадратной формы. Ямочки располагаются в 1 или 2 ряда (Рис.50: 10-13; 52: IIг).

Небольшую группу образуют фрагменты керамики с композиционным орнаментом (7,4% от всей орнаментированной). Чаще всего встречается сочетание шишек-налепов с пальцевыми

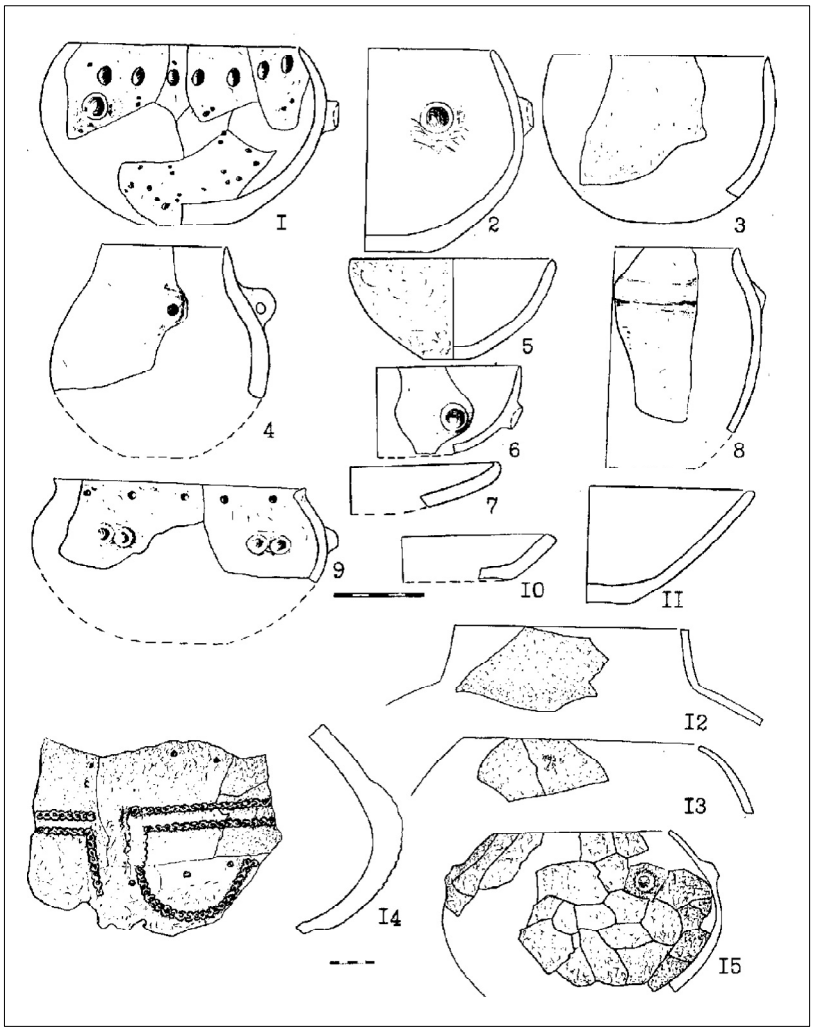



*Рис. 62. Дэнчень I. Кухонная посуда.*

или ногтевыми отпечатками (63%), изредка подобные налепы, но в комбинации с ямками-наколами (8%), изредка налепные валики комбинируются с налепами или с прочерченными линиями (только в Дэнчень I). (Рис.51: 52). Только в Дэнчень I налепы сочетаются с широкими процарапанными насечками, или узкие насечки с пальцевыми ямками (Рис.51: III, г-д).

Во Флорешть I и Гура-Каменчий VI, характерный только для них защипковый «кришский» узор сочетается со всевозможными налепами (Рис.52: III д). Квадратные шишечки из Флорешть сочетаются с пальцевыми ямками (Рис.52: III д).

На всех поселениях найдены единичные фрагменты кухонной посуды с характерным для столовой керамики орнаментом. В некоторых случаях скомбинированы кухонные и столовые орнаменты (Флорешть I, Дэнчень I).

Изучение орнамента с точки зрения его соотношения с типами форм сосудов указывает, что он чаще всего встречается на формах I, II типа, на отдельных вариантах III, IV, VII типов. Иногда орнаментированы конические миски. Чем многочисленнее тип сосуда в керамическом комплексе памятника, тем разнообразнее его орнаментация.

Сосуды первого типа орнаментированы чаще всего пальцевыми или ногтевыми углублениями в 1-2, реже 3 ряда под венчиком. Реже на них имеется 3 или 4 налепа, одинарные или парные, располагающиеся на тулове сосуда (Рис.62: 1-2,15; 63: 9; 65: 1-6). На сосудах этого типа встречен орнамент в виде «ежика». На первые два варианта приходится большая часть защипкового «кришского» узора в 1-2 ряда по венчику и тулову сосуда, иногда в сочетании с упорчиками различной формы (Флорешть I, Сынжерей I, Гура-Каменчий VI) (Рис.67: 2,4; 68: 6; 73: 5-8). На эти же варианты падает и основная часть штампованного орнамента: круглые, треугольные, квадратные ямки (Рис.66: 5; 68: 1; 73: 1-4). Изредка встречаются сочетания налепов на тулове с наколами под венчиком (Флорешть I) (Рис.52: III г) или сочетании пальцевых отпечатков под венчиком с прочерченными от них вниз углубленными линиями — своего рода имитация нотного (только в Дэнчень I) (Рис.51: III в).

Сосуды второго типа орнаментированы однообразно: одинарные или парные цилиндрические упоры, иногда в сочетании с ямками-наколами (круглые) под венчиком (Рис.62: 9; 69: 6).

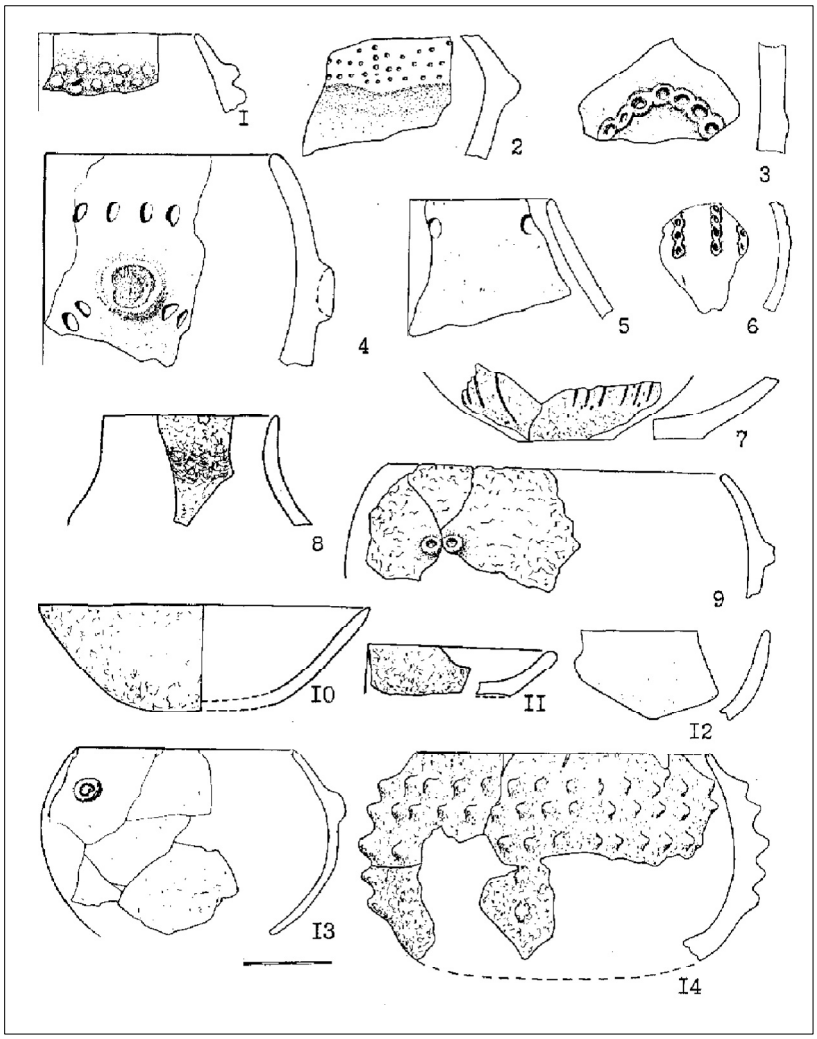



*Рис. 63. Дэнчень I. Кухонная посуда.*

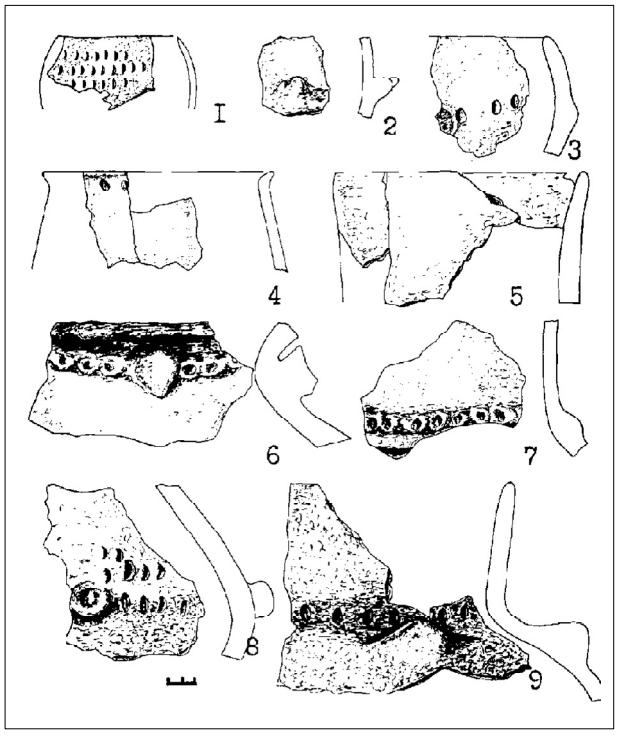



*Рис. 64. Дэнчень I. Кухонная посуда.*

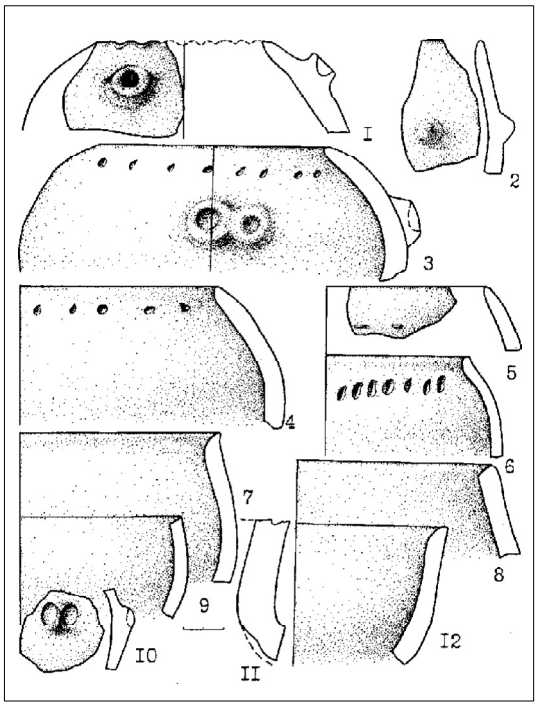



*Рис. 65. Рогожень II. Кухонная посуда.*

Для керамики третьего типа преобладающим является второй вид орнамента — пальцевые отпечатки под венчиком, а также их сочетания с прочерченными линиями (вариант Б, только в Дэнчень I).

В IV типе керамики поселения Дэнчень (последние два варианта) также преобладают пальцевые отпечатки, нанесенные на верхний край венчика. На шейке располагается либо налепной валик, расчлененный пальцевыми отпечатками, либо просто ряд пальцевых отпечатков. Орнамент третьего вида (композиции) встречается только на единичных фрагментах этой формы. Обращает на себя внимание орнаментация верхней части крупного сосуда из Дэнчень I. На его горловине в три ряда располагаются пальцевые отпечатки, на плечике конический упор, а на тулове в несколько рядов прочерчены дуги (Рис.64: 9; 74: 3).

На сосудах четвертого типа из Флорешть I, Гура-Каменчий VI, Сынжерей I орнаментация преобладает на формах третьего В варианта. Это налепные валики с пальцевыми отпечатками, опоясывающие низ шейки сосуда, иногда от этого валика свисают вниз подобные же. Низ горла сосудов украшен «кришскими» защипами (Рис.69: 3,9).

Как уже отмечалось, миски практически лишены орнамента. У единичных экземпляров встречаются либо ряды пальцевых отпечатков под венчиком, либо налепы-упоры. Изредка они скомбинированы (Рис.62: 6; 67: 10; 69: 1; 72: 6).

Бочонковидные сосуды V типа орнаментированы чаще всего пальцевыми отпечатками под венчиком или гладкими валиками. На нескольких имеются налепы-упоры (Рис.62: 8; 72: 4).

Шлемовидные мисочки варианта VII Д орнаментированы пальцевыми ямочками под венчиком или защипами «криш».

Из редких форм следует подробно описать черпак с антропоморфной ручкой из Мындрешть. Он оранжево-желтого цвета с серыми пятнами, поверхность сглажена, в тесте присутствует примесь довольно мелкой травки, обжиг неполный. Наибольший интерес представляет оформление ручки: длина 4,5 см, ширина 3 х 2,5 см. На столбообразном нижнем конце ее на длинной шее смоделировано подтреугольное лицо, нос передан слабым защипом. Глаза и нос были дополнительно наколоты. На теле черпака, на шее, три отпечатка зерновок проса (Рис.79: 5).

***Столовая керамика КЛЛК.*** Технико-технологическая характеристика столовой посуды приведена выше. Анализ ее форм производился по тем же принципам и методическим приемам, что и кухонной. Всего было привлечено 803 наиболее выразительных фрагмента. Подавляющее большинство сосудов столовой керамики, как показало исследование, представляет те же типы и варианты форм, что и в кухонной (Рис.53). Исключением являются II и V типы, которые отсутствуют в столовой (порядок нумерации типов сохранен единый).

Среди форм столовой посуды количественно преобладают сосуды I типа — подшаровидной формы с плавно закругляющимися к устью стенками. В процентром отношении этот тип в столовой представлен даже обильнее, чем в кухонной — 75% — 608 фр. Они отличаются от кухонной более мелкими размерами. Диаметр венчиков колеблется от 5 до 20 см, большинство же имеет диаметр от 8 до 14 см. Толщина черепка, в зависимости от размеров сосуда и

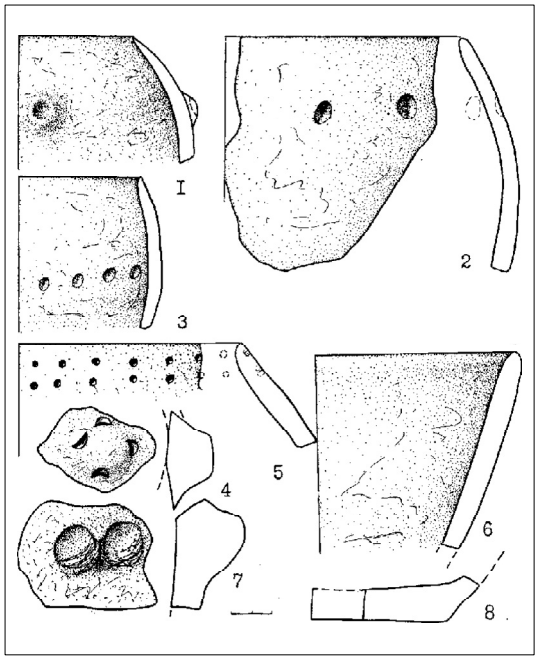



*Рис. 66. Мындрешть. Кухонная посуда.*

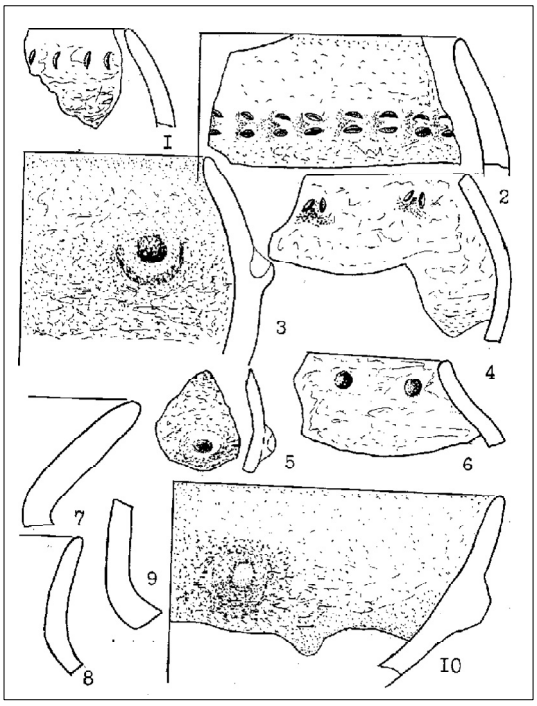



*Рис. 67. Сынжерей I. Кухонная посуда.*

места излома, обычно составляет 0,3-1 см. Сосуды первого типа по своим метрическим показателям дают те же варианты, что и кухонная керамика. Причем для каждого варианта совпадает и коэффициент соотношения (Рис.54б). Однако, следует сказать, что на разных поселениях количество в вариантах различно. Так, в Дэнчень I, Мындрешть, Сынжерей I, Рогожень II преобладает вариант А, тогда как во Флорешть I, Гура-Каменчий VI, Сынжерей XI на первом месте стоит вариант Б — более 50% (коэффициент 2,5 до 3,2). Третий вариант В с коэффициентом 3,3 до 4,3 представлен незначительным числом фрагментов, от 4% — Сынжерей I до 16% на поселении Гура-Каменчий VI. Четвертый вариант Г с коэффициентом от 4,3 до 5 редок на поселениях Молдовы — всего 6% в Дэнчень I, 11% в Рогожень II.

В III типе «бомбовидных», как и в кухонной керамике, выделяется два варианта. Количественно этот тип преобладает в Дэнчень I, Сынжерей I — более 10%; на других поселениях таких сосудов менее 10%. Вариант А третьего типа образовали сосуды с коэффициентом от 1,5 до 3 и высотой венчика от 0,5 до 1,5 см. Количественно вариант преобладает на всех поселениях. Вариант Б представлен значительно только в Дэнчень I (25%), а во Флорешть I, Гура-Каменчий VI, Мындрешть к нему относятся лишь единичные сосуды (коэффициент 3-3,6 и высота венчика 2-4 см). Сосуды варианта А на всех поселениях лучше и тщательнее обработаны. Среди них преобладают изделия с диаметром от 8 до 14 см. У сосудов варианта Б поверхность чаще просто сглажена, а сами сосуды более крупные, диаметром от 12 до 24 см.

IV тип форм столовой посуды делится на три (А, Б, В) варианта, причем все три представлены только на поселении Флорешть I. На остальных поселениях по два или одному (например, А и В в Дэнчень I, А и В — Сынжерей XI, Б — Гура-Каменчий VI и А — Сынжерей I).

Сосудов варианта А в Дэнчень I насчитывается 68,8%, во Флорешть I — 33,3%, Сынжерей XI — 66%, в Сынжерей I и Гура-Каменчий VI единицы. Они имеют невысокий (2-4 см), прямой или слабо отклоненный венчик, плавно переходящий в округлое тулово.

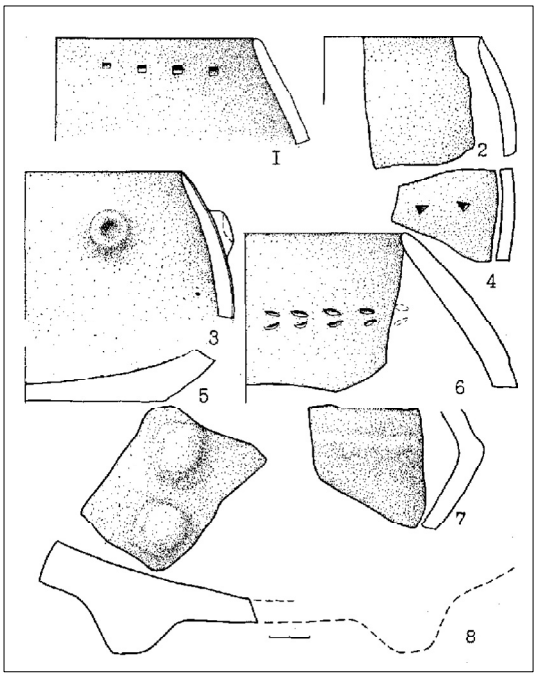



*Рис. 68. Гура-Каменчий VI. Кухонная посуда.*

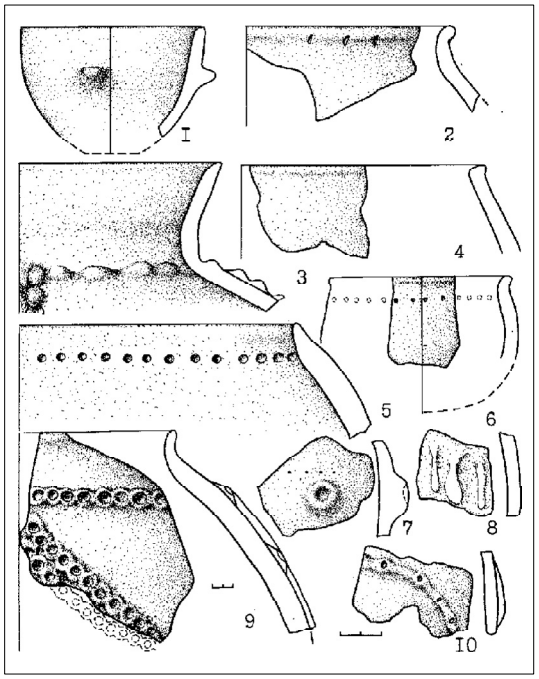



*Рис. 69. Гура-Каменчий VI. Кухонная посуда.*

Второй вариант Б малочислен. Для варианта В характерен венчик высотой 5-7 см с отгибом наружу. Подобные имеются только во Флорештах — 55% и в Дэнчень I — 31,7%.

Столовые миски подразделяются на два типа: конические — тип VI и округлобокие — тип VII. Следует отметить, что первые (тип VI) малочисленны и подразделяются на три варианта (А,Б,В), которые имеют те же параметры, что и соответствующие варианты кухонной. Три варианта встречены только в керамике поселения Гура-Каменчий VI, два (А и Б) в Дэнчень I. Единичные экземпляры варианта Б имеются во Флорешть I, Рогожень II, Сынжерей XI.

Для столовой керамики наиболее характерны округлобокие миски VII типа (в среднем 17,5%). В этом типе выделено 6 вариантов. К первому А относятся глубокие миски, которые имеются в материале Дэнчень I (20,6%), во Флорешть I (29%), Гура-Каменчий VI (35,5%), Сынжерей XI (33,3%). Вариант Б самый многочисленный, составляет в среднем 62% от всех типов мисок. Преобладает на всех памятниках: от 41,7% в Сынжерей XI до 77,8% в Рогожень II.

Вариант В, характеризующийся соотношением диаметра к высоте как 1:3, малочисленен — в среднем около 10% в Дэнчень I, Флорешть I, Гура-Каменчий VI, Сынжерей XI. Четвертый вариант Г VII типа — неглубокие мисочки-тарелочки диаметром от 10 до 20 см, представлены 12,8% в Дэнчень I, 6,6% во Флорешть I. Следует отметить небольшую серию «шлемовидных» мисок с эсовидным профилем (VI Д). Подобные миски найдены в кухонной керамике Флорешть I. В столовой они имеются только в Гура-Каменчий VI и в Сынжерей XI (Рис.87:1). Одна миска из Гура-Каменчий VI с кольцевым поддоном отнесена к типу VII У (Рис.53; 87: 2).

В столовой керамике выделена небольшая группа (до 2%) биконических сосудов, составивших VIII тип. Тип характеризуется четким ребром в средней части сосуда (Рис.87: 12; 89: 5).

Сосудов редких форм в коллекции единицы. Во Флорешть I и Сынжерей XI найдены горшочки с прямым чуть заостренным венчиком, который переходит в чуть округлое тулово. Из Дэнчень I происходят мисочки на конических поддонах (Рис.78: 1-4). Здесь также были найдены два миниатюрных «гутуса» высотой 3-4 см (Рис.78: 5-6) и три обломка ложек-черпачков (Рис.79: 1-2, 4). Обломки ручки от черпака и ножки от сосуда обнаружены во Флорешть I (Пассек, Черныш 1963: табл.15,7).

***Орнаментация столовой керамики.*** Орнаментация столовой керамики КЛЛК столь своеобразна, что на ее основе построено большинство теоретических обобщений. Изучение орнаментации этой категории керамики (даже в большей степени, чем кухонной) осложнено сильной фрагментарностью материала. В коллекции столовой керамики орнамент имеется на 41% фрагментов (на 2683 из 6533 фр.). Для разработки классификации привлечено около 30% материала. По многочисленности ведущим является углубленный орнамент (97%). Он характеризуется различной формы линиями и многочисленными ямками-углублениями «нотами». Небольшую группу образует пластинчатый вид орнамента (около 3%), для которого свойственны всевозможные налепы и ручки-упоры (Рис.54а-56).

В углубленном орнаменте было выделено около 5 видов элементов. Первые четыре характеризуются линейно-геометрическим исполнением, к пятому относятся ямки-углубления, которые в сочетании с первыми четырьмя видами элементов образуют так называемый «нотный».

К первому типу отнесен узор из сплошных или прерывистых горизонтальных линий, опоясывающих венчик и тулово сосудов. Выделено семь вариантов в Дэнчень I и Флорешть I; пять в Гура-Каменчий VI. Для первых вариантов (А,Б,В,Г,Д) характерно от одной до пяти параллельных, расположенных почти на одинаковом расстоянии друг от друга, линий; к шестому варианту относятся единичные образцы из Флорешть I, где сосуд опоясывают от 6 и больше линий; следующий вариант характеризуется четырьмя попарно расположенными линиями (Рис.54). Как исключение, в Дэнчень I один сосуд под венчиком имеет три ряда параллельных коротких насечек (вариант Ж). Весь орнамент первого вида встречается, как правило, на верхней части сосуда, он расположен чаще всего под венчиком, реже покрывает все тело сосуда. Данный вид встречен на 80% от всего количества учтенных сосудов. Среди вариантов наиболее распространенными являются орнаментальные пояса из двух и трех параллельных линий (Б и В). На разных поселениях их количество варьирует. Так, в Дэнчень I, Рогожень II, Мындрешть преобладает третий вариант (три параллельные линии под венчиком), соответственно 53,6%; 58,4%; 75%. Во Флорешть I варианты Б и В почти равны 39,7% и 38,7% (с небольшим преобладанием Б), а в Гура-Каменчий VI и Сынжерей XI явно преобладает вариант Б (две параллельные линии) — 60,6%; 43%. Все прочие варианты единичны, но следует подчеркнуть относительно большее количество (около 3%) варианта Ж во Флорешть I (опоясывание венчика попарно расположенными линиями).

Второй вид, так называемый «волютовый» орнамент, состоит из различного рода дуговидных линий (Рис.54-56). Этот вид явно преобладает (более половины от других видов на тулове) на поселениях Флорешть I — 59%, Сынжерей XI — 46,6%, Гура-Каменчий VI — 75%; составляет приблизительно 1/3 в Дэнчень I — 37,6%, в Рогожень II — 38% и Сынжерей I — 20% (от учтенных видов орнамента на тулове сосудов).

Этот вид был подразделен на 18 более или менее сложных вариантов. К первому (А) отно-

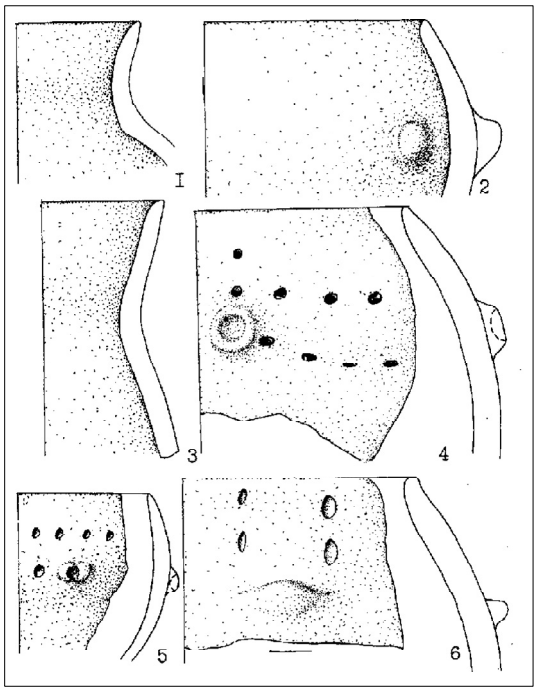


*Рис. 70. Флорешть I. Кухонная посуда.*

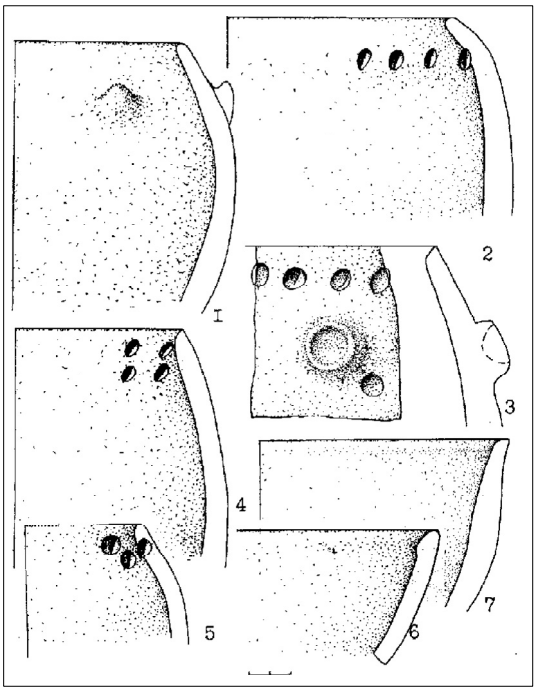


*Рис. 71. Флорешть I. Кухонная посуда.*

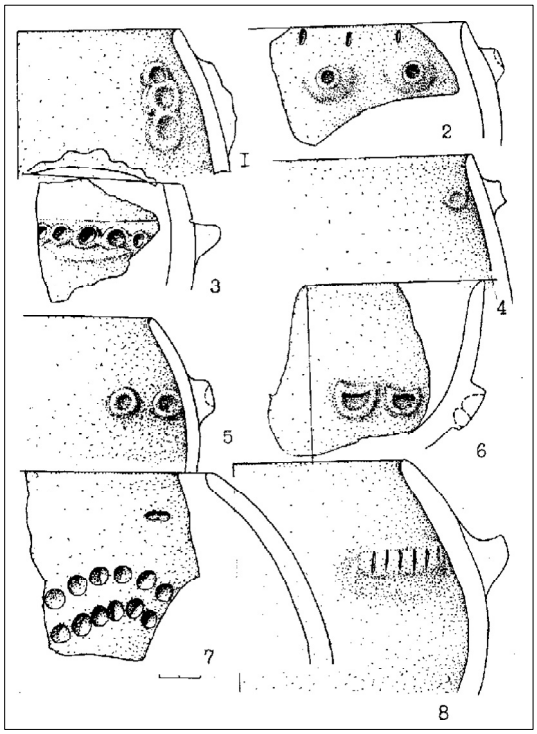


*Рис. 72. Флорешть I. Кухонная посуда.*

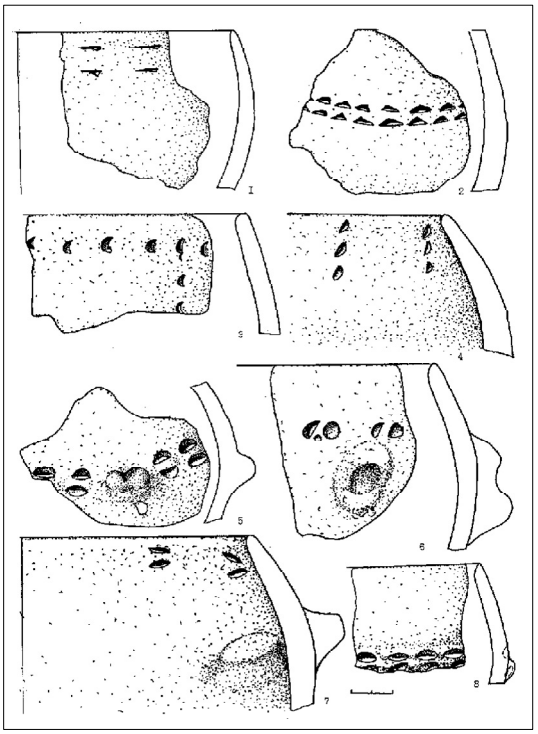


*Рис. 73. Флорешть I. Кухонная посуда.*

сятся элементы из одной, двух, трех, четырех параллельных дуговидных линий, обращенных дугой вверх, вниз или косо (А,Б,В,Г,Д). Этот вид от прочего «волютового» составляет в Дэнчень I — 27,6%, Рогожень II — 43% и всего 5,6% во Флорешть I. Другой вид представлен такими же дуговидными линиями (по 1,2,3,4), заходящими концами друг в друга. Его на поселениях отмечено примерно равное количество: в Дэнчень I — 6,4%, Гура-Каменчий VI — 8%, Флорешть I — 10%, Рогожень II — 14%. Самый многочисленный в Дэнчень I (44,7%) и Рогожень II (43%) вид состоит из дуг (одна, две, три, четыре), заходящих концами друг в друга и образующих непрерывный орнаментальный пояс. Во Флорешть I, Гура-Каменчий VI, Сынжерей I его вполовину меньше (соответственно 15%, 12%, 25%).

Незначительным числом фрагментов на по-

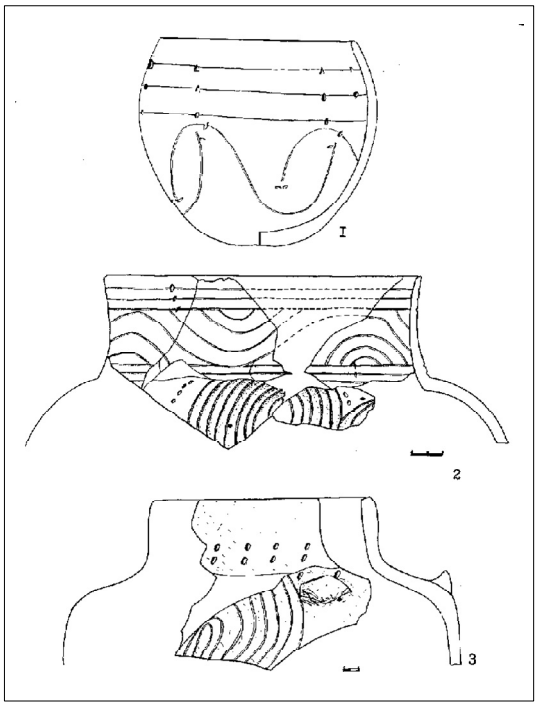


*Рис. 74. Дэнчень I. Столовые (1—2) и кухонный (3) сосуды.*

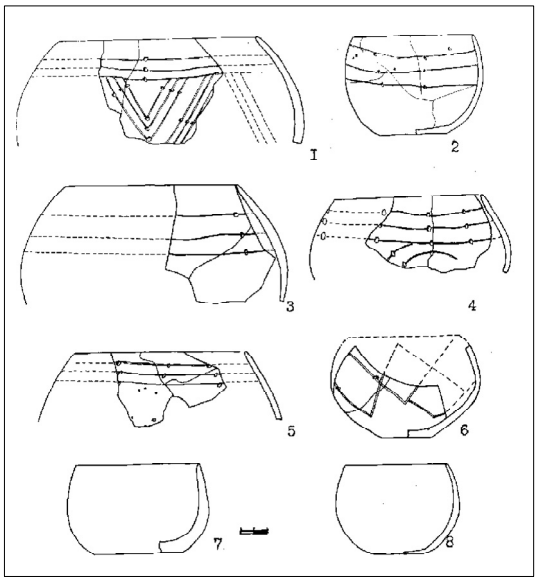


*Рис. 75. Дэнчень I. Столовая посуда.*

селениях представлен вид из соединяющихся под острым углом дуг в 1,2,3 ряда.

Следующий вид — это волнистые горизонтальные линии и расположенные параллельно друг другу в 1,2,3 и 4 ряда. Относительно небольшое количество фрагментов с подобным орнаментом встречено в Дэнчень I — 9%, но почти в два раза больше во Флорешть I, Гура-Каменчий VI, Сынжерей I — более 20%. Следует отметить, что во Флорешть I, Гура-Каменчий VI — этот вид орнамента чаще всего осложнен добавлением простых дуг в 1-2 ряда, непрерывным рядом дуг, соединяющихся под острым углом, эсовидными дугами, углами, иногда этими элементами в комбинации.

Преобладающим для поселений Флорешть I, Гура-Каменчий VI является орнамент из лежащих 1,2,3 эсовидных дуг (соответственно 36,2 и 41,4%). В Дэнчень I он редок — 5,3%. Большая часть этого вида во Флорешть I и Гура-Каменчий VI осложнена дополнением элементов в виде простых дуг в 1-2 ряда, непрерывных дуг, соединяющихся под острым углом, углами и сочетаниями всех этих видов. Ведущий элемент,

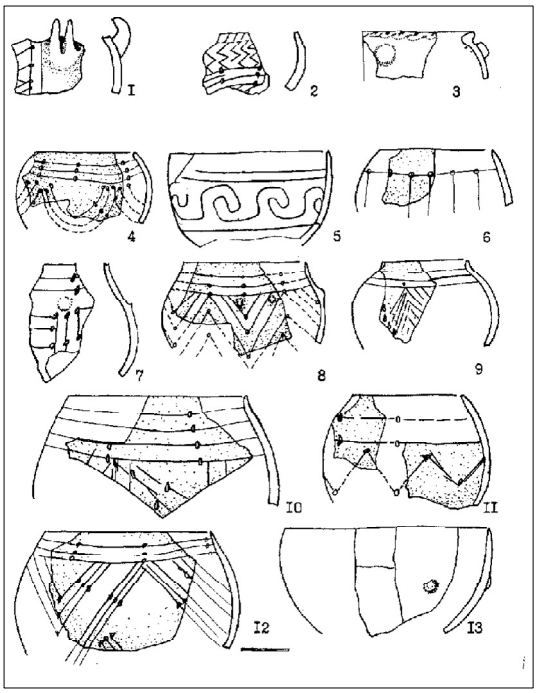


*Рис. 76. Дэнчень I. Столовая и кухонная (3) посуда.*

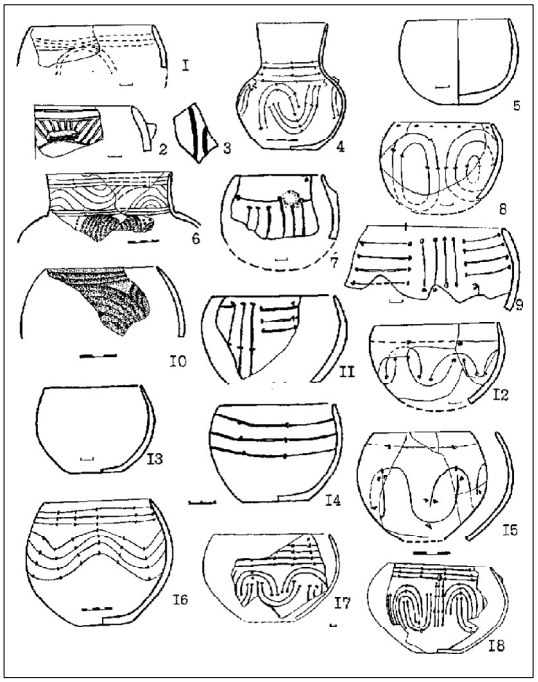


*Рис. 77. Дэнчень I. Столовая посуда.*

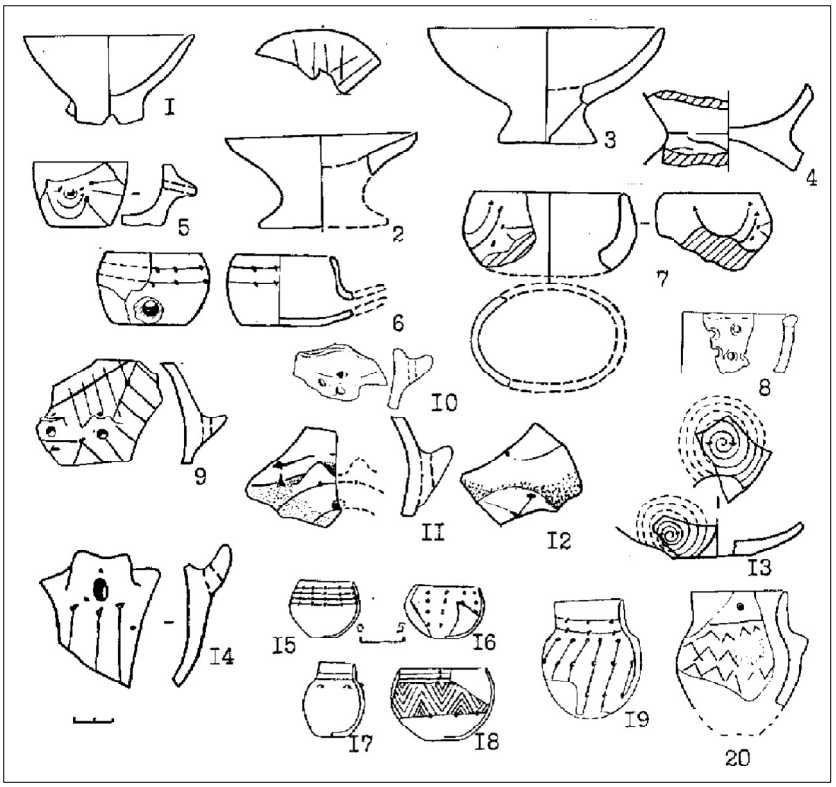



*Рис. 78. Дэнчень I. Столовая посуда. 1—4 — миски на поддонах, 5—6 — гутусы.*

эсовидная спираль, просто теряется в этих дополнениях. Кроме перечисленных, в единичных случаях в Дэнчень I и Флорешть I встречены элементы в виде спирали, концентрических овалов, бегущей волны и прочих, не всегда поддающихся определению видов. Небольшую группу во Флорешть I и Гура-Каменчий VI образуют фрагменты с волютовой орнаментацией, которая переходит в угловую.

В этом виде орнамента на всех поселениях преобладают волюты, выполненные из двух линий (более 60%), гораздо меньше волют из 3, 1 и, совсем редко, из 4,5 линий.

Ведущим для поселений Дэнчень I, Рогожень II, Сынжерей I является третий вид, объединяющий угловой орнамент и его сочетания (соответственно 40,6%; 38,2%; 48%). На остальных поселениях — Флорешть I, Гура-Каменчий VI, Сынжерей XI, Мындрешть этот вид занимает по количеству второе место (от 17 до 20%). Он поделен на варианты (от 7 в Гура-Каменчий VI до 16 во Флорешть I). Вариант А объединяет элементы в виде простых одинарных или сгруппированных в разных сочетаниях углов. На всех поселениях этот вариант малочислен. Нужно отметить, что во Флорешть I, Гура-Каменчий VI часть углов не соединена, линии близко подходят друг к другу под углом, но не смыкаются. На всех поселениях преобладает вариант Б (от 50 до 70%). Он представляет собой непрерывные пояса из простых углов (от 1 до 6), соединяющихся вершинами или вписанными друг в друга. Часть узора подобного вида (меньшая в Дэнчень I, большая во Флорешть I) отграничена снизу горизонтальной чертой. Во Флорешть I и Гура-Каменчий VI небольшая часть фрагментов с угловым орнаментом имеют по тулову как бы две ленты, заполненные треугольниками-углами, которые в совокупности образуют ромбы.

Небольшую группу составляет орнамент варианта В: сходящиеся вершинами углы образуют ромбы; узор «елочек»; панелей, заполненных косой сеткой; косые кресты.

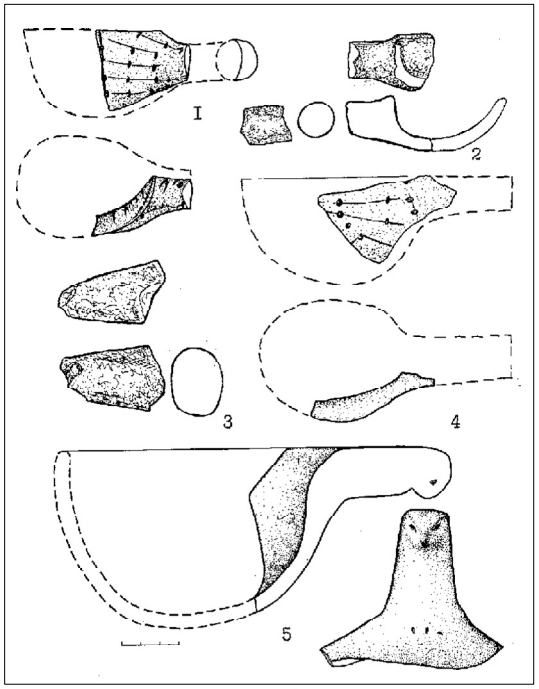



*Рис. 79. Ложки и черпаки с поселений: 1—2, 4 — Дэнчень I; 3 — Гура-Каменчий VI; 5 — Мындрешть. 1—2, 4 — столовые, 3—5 — кухонные.*

В Дэнчень I и особенно во Флорешть I встречен орнамент варианта Г: одна или две вертикальные линии дополнены под углом косыми. Встречаются также комбинации парных параллельных линий, расположенных под углом. Следует отметить наличие во Флорешть I серии фрагментов (10%), где линии, образующие углы, расположены очень часто и близко, а также углы, выполненные из более широких и глубоких линий, дополненных заштриховкой внутри из тонких и аккуратных линий (Рис.55). В рассматриваемом виде орнамента в единичных случаях встречены также элементы из кажущихся беспорядочных углов и прямых линий, косой сетки, меандров и пр.

Для орнамента этого вида на поселении Флорешть I следует отметить одну особенность: в некоторых случаях происходит нарушение симметрии — то появляется лишний угол, а рядом его нет, то прямая линия перечеркивает угол, или вместо угла появляется прямая линия.

Небольшую группу в керамики КЛЛК Молдовы образует орнамент четвертого вида из прямых коротких линий (вертикальные, горизонтальные, косые полоски от 1 до 4). Они покрывали через равномерные промежутки все тело сосуда. Во Флорешть I, Сынжерей XI такого орнамента немного — от 2 до 5%, а в Дэнчень I, Рогожень II количество этого вида увеличивается от 15 до 20%, причем только на этих памятниках встречены короткие параллельные полоски от одной до четырех.

Следует отметить, что флорештские прямые линии органично примыкают к угловому рисунку. Комбинируясь горизонтально, вертикально, наискось, они создают ощущение углов.

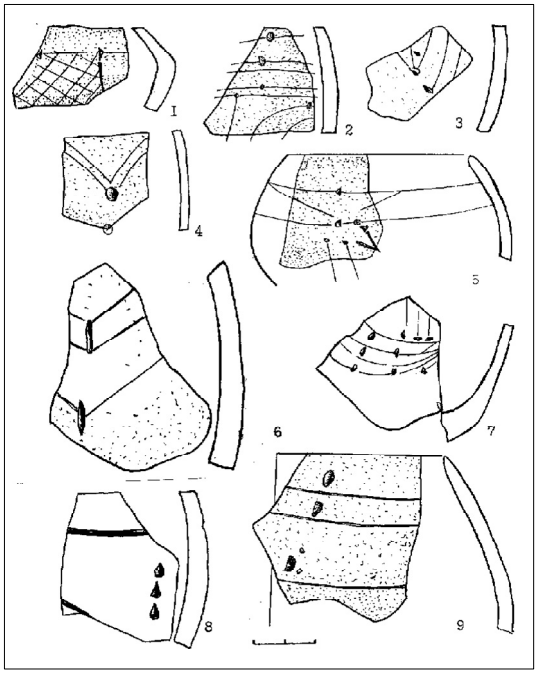


*Рис. 80. Дэнчень I. Фрагменты столовых сосудов с элементами поздней орнаментации.*

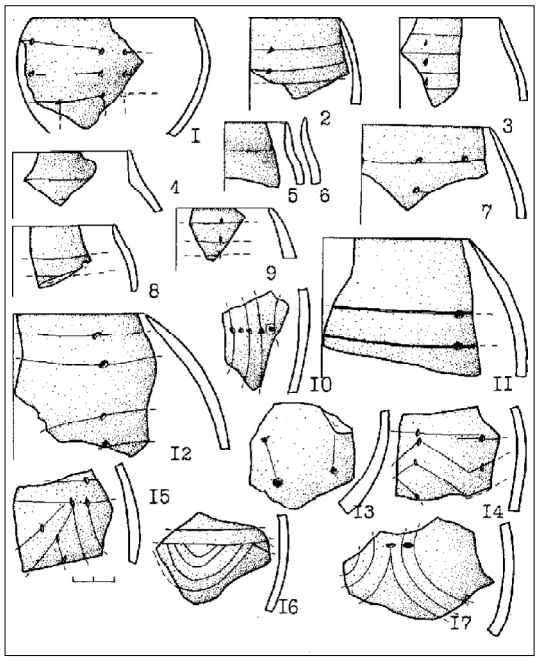


*Рис. 81. Рогожень II. Столовая посуда.*

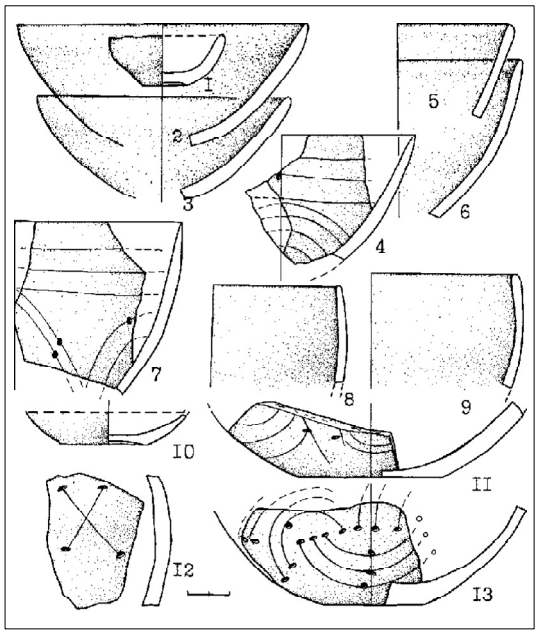


*Рис. 82. Рогожень II. Столовая посуда.*

Как отмечалось выше, своеобразной чертой линейно-геометрического орнамента столовой посуды является его сочетание с элементами в виде ямок-углублений, выделенных в пятый вид. Для всех поселений констатируем преобладание ямок, маленьких по размерам — до 0,4 см (от 60% до 90%) (Рис.54-56). Среди них выделяются ямки-наколы размером 0,1-0,2 см, которых в Гура-Каменчий VI, Флорешть I, Сынжерей I, Сынжерей XI от 25 до 31%, а в Дэнчень I и Рогожень II всего около 10%. По форме преобладают ямки овальные (просяное зерно) и треугольные. Они часто сочетаются на одном фрагменте. Почти на всех поселениях встречено незначительное количество фрагментов, на которых

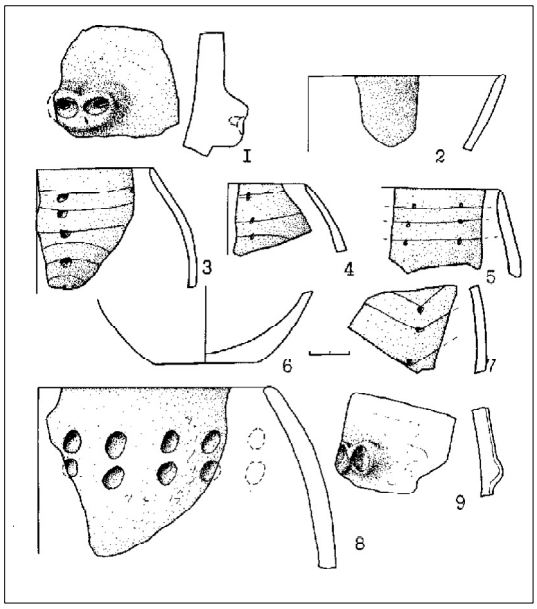


*Рис. 83. Мындрешть. Кухонная (1, 8—9) и столовая (2—7) посуда.*

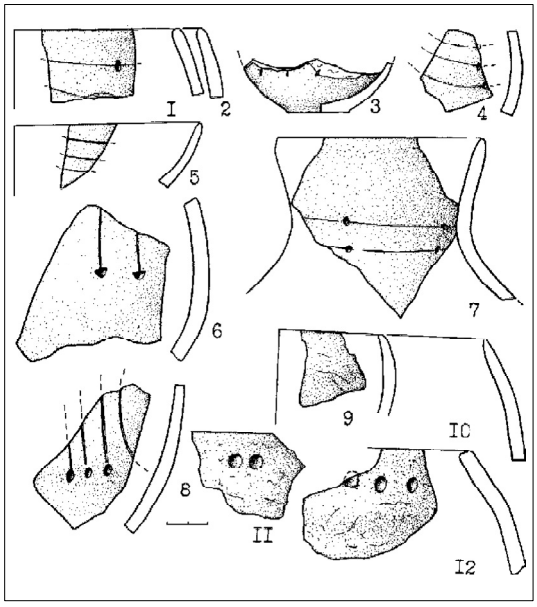


*Рис. 84. Радоая. Столовая (1—7) и кухонная (8—11) посуда.*

сочетаются ямки больших и малых размеров (от 1 до 3). В Дэнчень I выделена небольшая серия сосудов (2,4%), орнамент которых состоял исключительно из ямок, неглубоких, чаще симметрично и изредка беспорядочно покрывавших тело сосудов. Для остальных поселений нет достоверно существовавших сосудов с подробным видом орнамента, хотя есть стенки с рядом ямок, но нет доказательств существования их сепаратно без сочетания с другими видами орнамента.

Небольшую группу образует пластический орнамент (в среднем от 4 до 8% от всего орнамента). Он представлен чаще всего элементами в виде конических, овальных или седловидных налепов-упоров, цилиндрических (одинарных, изредка парных). 17-27% овальных или седловидных ручек-упоров имеют одно или два вертикальных отверстия (Рис.54: II; 55: II; 56: II). В единичных случаях встречаются упоры в виде зооморфных парных рожек, подтреугольные упорчики (об их зооморфности свидетельствуют наколы-глазки) (Рис.76: 1; 78: 11; 81: 1).

Приступая к анализу орнаментальных ком-

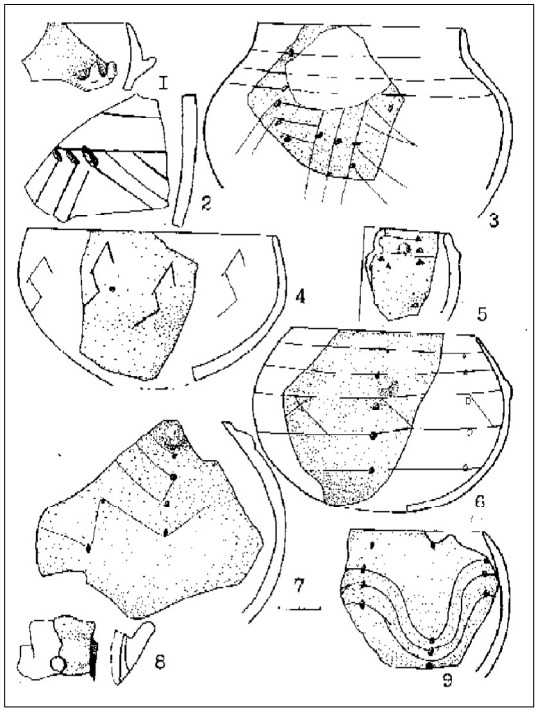


*Рис. 85. Сынжерей I. Столовая посуда.*

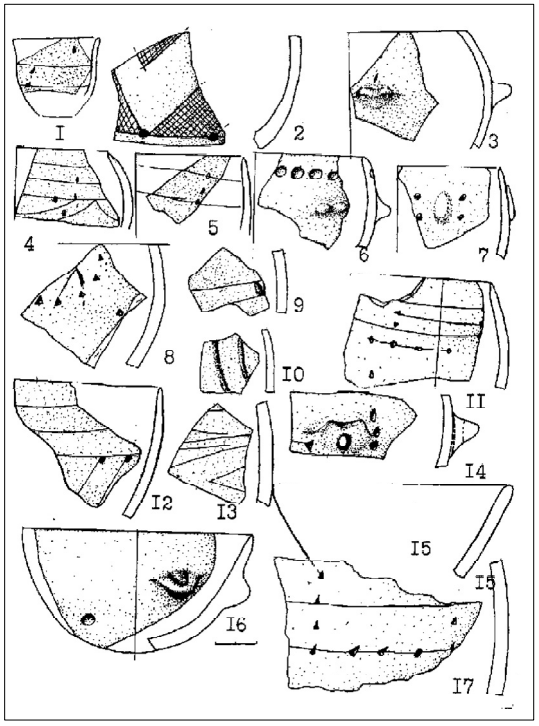


*Рис. 86. Сынжерей I. Столовая посуда.*

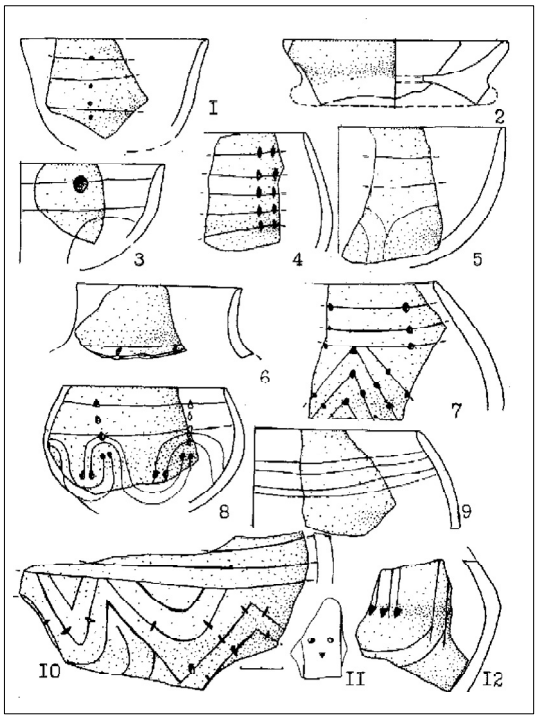



*Рис. 87. Гура-Каменчий VI. Столовая посуда.*

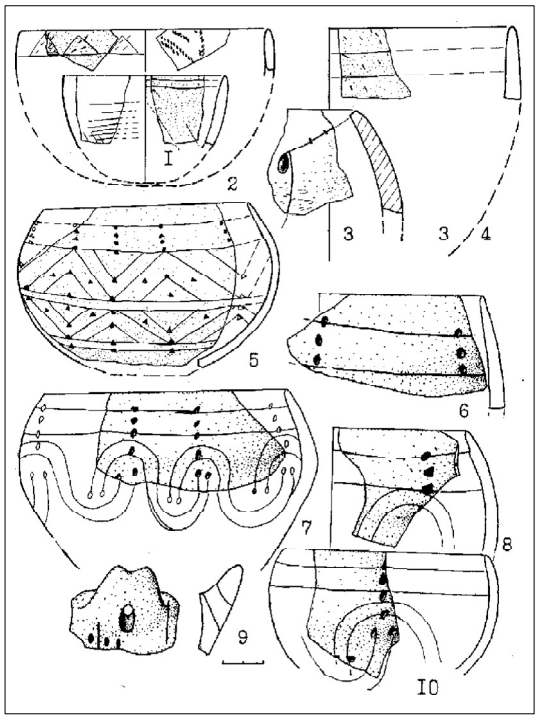



*Рис. 88. Гура-Каменчий VI. Столовая посуда.*

позиций столовой керамики, следует отметить, что их сложность, а также сильная фрагментарность материала не позволяет учесть всевозможные варианты. Нами рассматриваются наиболее характерные сочетания (Рис.57-61).

Как известно, свое название КЛЛК с «нотным» орнаментом получила от своеобразного, характерного для нее орнамента — ямки-«ноты» в сочетании с прочерченными линиями. В расположении ямок в системе линейного орнамента на керамике Молдовы наблюдаются различия, которые проявляются в материалах различных поселений. Чаще всего (90% в Дэнчень I и Рогожень II; 100% в Мындрешть и Нэвырнец) ямки расположены непосредственно на линиях, в местах их пересечений, на изгибах и концах. Ямки, идущие параллельными рядами на равном расстоянии друг от друга, сидят непосредственно на линиях, членят верхний орнаментальный пояс — горизонтальные линии по венчику, а также орнамент на тулове. На поселениях Флорешть I, Гура-Каменчий VI, Сынжерей I, Сынжерей XI мы наблюдаем другую картину расположения ямок и линий. Во-первых, на верхнем горизонтальном поясе ямки расположены как непосредственно на линиях, также между ними, причем там помещаются иногда по 2-3 ямки в ряд, и иногда выходят за верхнюю и нижнюю линии (Рис.87: 1-8; 88: 6-10; 89: 3-4,6,8; 90: 2-3, 8-9,11). С одной стороны, расстояние между линиями стало шире, особенно когда их две и между ними помещается несколько ямочек (Рис.88: 5), а в других случаях линии расположены близко друг от друга, так что сидящие на них друг над другом ямочки почти сливаются в непрерывный ряд (Рис.90: 4). Во-вторых, подобная картина расположения ямок характерна и для нижнего орнаментального пояса, образованного элементами орнамента второго, третьего и четвертого вида. Ямки перемещаются в пространство между линиями, одна ямка может связывать сразу две линии или наоборот, одна линия имеет сразу две-три ямки (Рис.90: 5-8, 11). Если в Дэнчень I, Рогожень II завершение углов имеет одну ямку, то во Флорешть I встречены углы с двумя ямками, расходящимися «усиками» (Рис.90: 10).

Подобное соотношение ямок и линий наблюдается на 20% орнаментированной столовой керамики в Сынжерей I, 30% Гура-Каменчий VI, 36% Сынжерей XI и 40% во Флорешть I. Отдельные комплексы поселения Дэнчень I имеют единичные материалы подобного вида. Они встречены в ЖХК 1,2 и наземном доме, отмечены и в Рогожень II (Рис.80: 2-9; 81: 3,10,17).

На всех поселениях встречено небольшое число экземпляров, чаще всего с угловым и линейным орнаментом, вообще лишенных ямок (Рис.91: 8). Относительно много такой керамики во Флорешть I — до 10%.

Небольшая часть сосудов на поселениях Флорешть I, Гура-Каменчий VI, Сынжерей I, XI, Дэнчень I имеют орнамент только первого вида — горизонтальные параллельные ряды из двух до восьми линий опоясывают сосуд. Во Флорешть I, Гура-Каменчий VI, Сынжерей I, XI на отдельных сосудах с подобным видом орнамента под линиями на тулове имеется продолжение ряда ямок, но уже без линий (Рис.86: 14).

Ведущими и наиболее часто встречаемыми

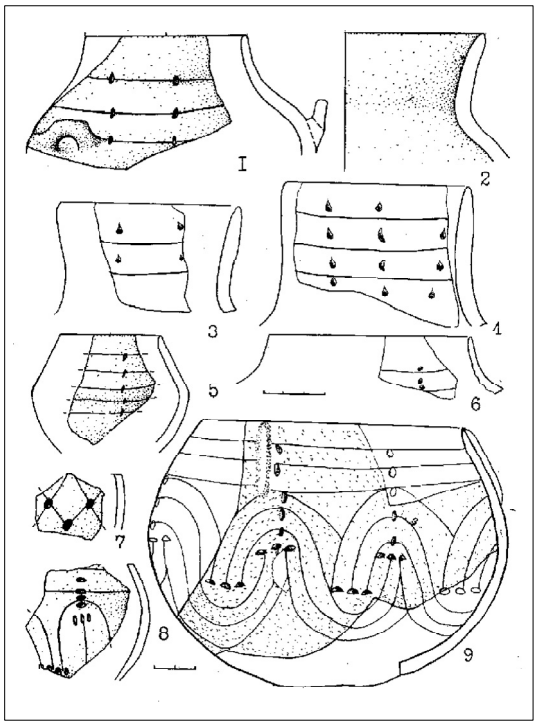


*Рис. 89. Флорешть I. Столовая посуда.*

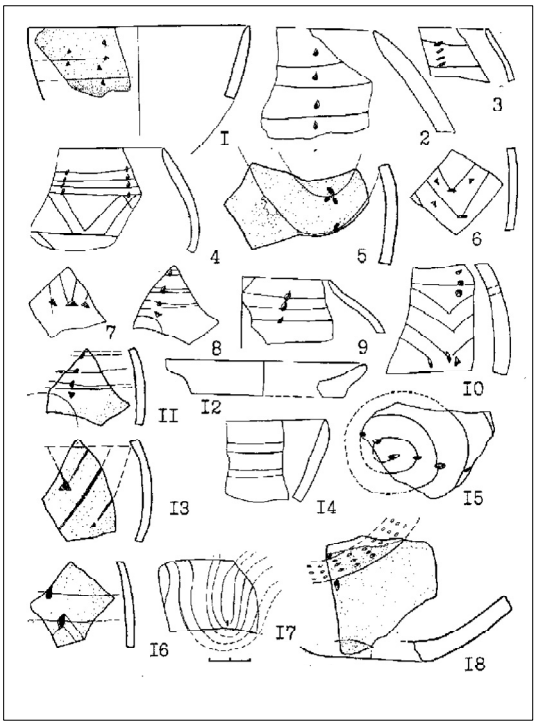


*Рис. 90. Флорешть I. Столовая посуда.*

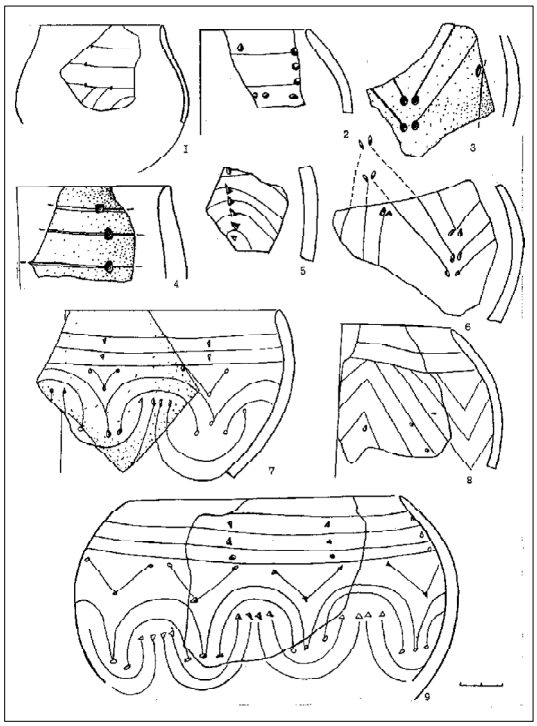


*Рис. 91. Флорешть I. Столовая посуда.*

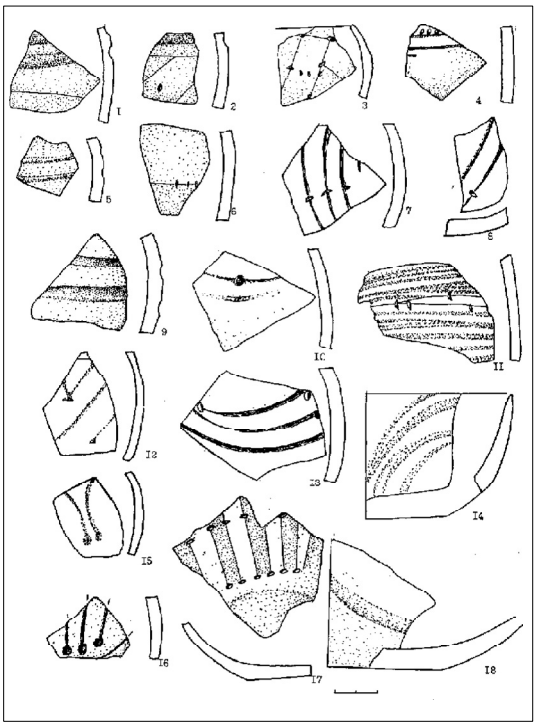


*Рис. 92. Флорешть I. Столовая посуда.*

являются композиции из сочетаний верхнего и нижнего поясов. Наиболее распространены композиции прямых линий под венчиком с волютовым орнаментом на тулове, причем для них характерно определенное соответствие простых и сложных элементов: верхний орнаментальный пояс, состоящий из одной линии, обычно сочетается с элементами, выполненными из одинарных линий и их комбинаций. Аналогичны сочетания и для орнамента из двух и трех линий. Сравнивая между собой сосуды с ведущей волютовой орнаментацией из различных поселений Молдовы, отметим большую сложность композиций с поселений Флорешть I, Гура-Каменчий VI, Сынжерей I, XI. Ведущие элементы орнамента из непрерывных волнистых линий, эсовидных из 1,2,3 дуг, заходящих концами друг в друга, запрятаны в обрамление простых дуг,

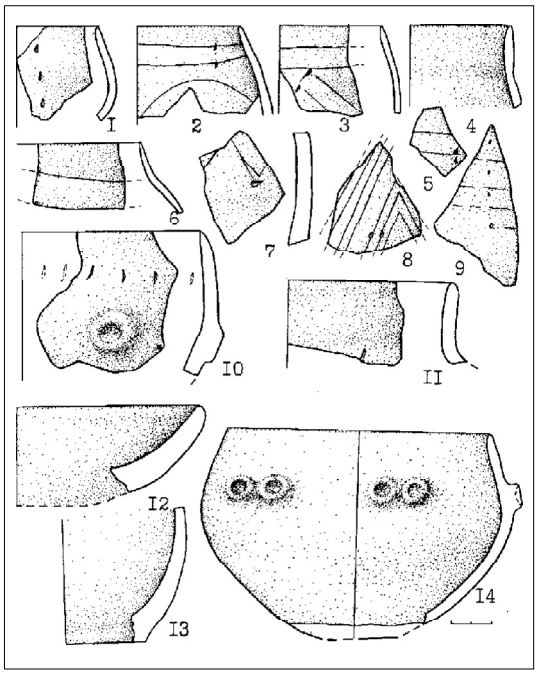



*Рис. 93. Резина III. Столовая (1—9) и кухонная (10—14) посуда.*

дополнены углами, прямыми линиями, отдельно стоящими ямками, венчик обегают две, три, четыре линии (Рис.89: 9; 91: 7,9). В Дэнчень I, Мындрешть, Рогожень II подобное сочетание разнородного вида элементов на одном сосуде встречается редко. Чаще всего горизонтальные линии под венчиком сосудов на этих памятниках сопряжены с простыми дугами, с дугами из двух, трех, четырех линий, заходящими концами друг в друга (Рис.72:1-5; 74:1; 76:4,6,11).

При разборе композиций с ведущим угловым орнаментом на тулове констатируем их похожесть на различных памятниках. Мы имеем в виду орнамент, состоящий из одной до пяти параллельных линий под венчиком со всеми видами углов: одинарные, двойные, образующие непрерывные пояса, непрерывные зигзаги, вписанные друг в друга. Однако следует отметить большую сложность и разнообразие угловых композиций во Флорешть I, Гура-Каменчий VI и на поселениях у Сынжерей (Рис.58-59). Небольшие отличия наблюдаются в месторасположении ямок на угловом орнаменте в Дэнчень I, Рогожень II, Мындрешть, Нэвырнец, с одной стороны, и во Флорешть I, Гура-Каменчий VI, Сынжерей I и XI, Резина I, с другой. Практически, все углы на сосудах первых памятников в местах соединений и прикреплений к верхнему орнаментальному поясу имеют ямки, идущие параллельными рядами по верхнему орнаментальному поясу и продолжающиеся на угловом орнаменте на тулове (Рис.75: 1; 76:8,12). Часть сосудов памятников второй группы имеет ямки спорадически, не имеет вовсе или дополнена ямками между линиями (Рис.58; 59; 90:4,6,10).

Остановимся на редких и нехарактерных для КЛЛК Молдовы орнаментах, обнаруженных на памятниках. В Дэнчень I найден сосуд IV типа, тулово которого покрыто слабовыраженными концентрическими каннелюрами (плиссе) в сочетании с ямками (4 глубоких накола идут в ряд вертикально, а три округлых сделаны как бы подушечкой пальца и расположены треугольником). Верх и низ горловины опоясывают по три непрерывные горизонтальные линии, пересеченные ямками-насечками. Между этими лентами располагаются волнистые линии без ямок (Рис.74:2). Каннелюрами-плиссе покрыт сосуд I А типа из ЖХК 2: на тулове они идут концентрическими дугами, а под венчиком расположены горизонтальными линиями (Рис.77:10). На двух фрагментах этого же ЖХК каннелюры представляют собой широкие овальные в профиле канавки. Они как бы повторяют дуговидный прочерченный орнамент, но в ином исполнении (Рис.77: 2-3). Во Флорешть I была выделена целая серия столовых черепков похожего исполнения орнамента. Первоначально был нанесен угловой или волютовый узор в обычной технике прочерченных линий с ямками, а затем глина аккуратно выбрана, канавка и ямки залощены, так что образовалась овальная в разрезе каннелюра и ямка с кое-где еле заметными следами первоначальной прочерченной линии или углубления. Так орнаментированных фрагментов во Флорешть I около 20% (Рис.92:7-8,10,12-13,15-16), немного их имеется в Сынжерей XI (Рис.86: 10).

К интересным находкам относится также миска из Дэнчень I, орнаментированная моти-

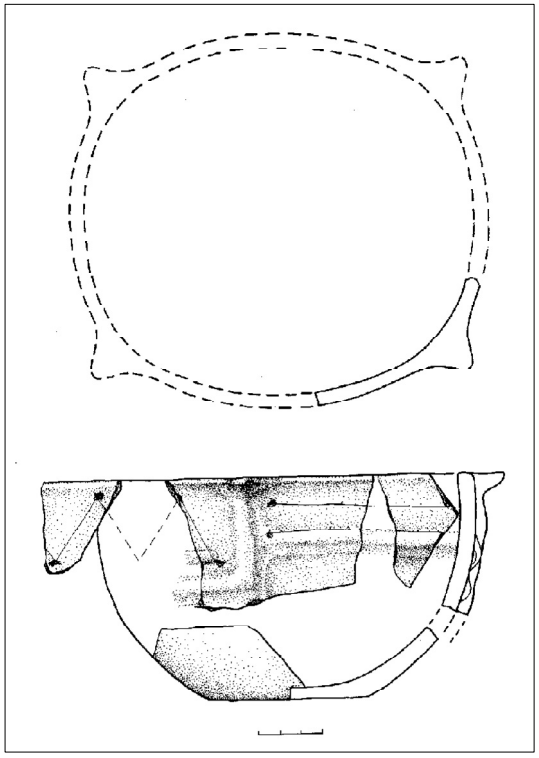


*Рис. 94. Резина III. Столовый сосуд.*

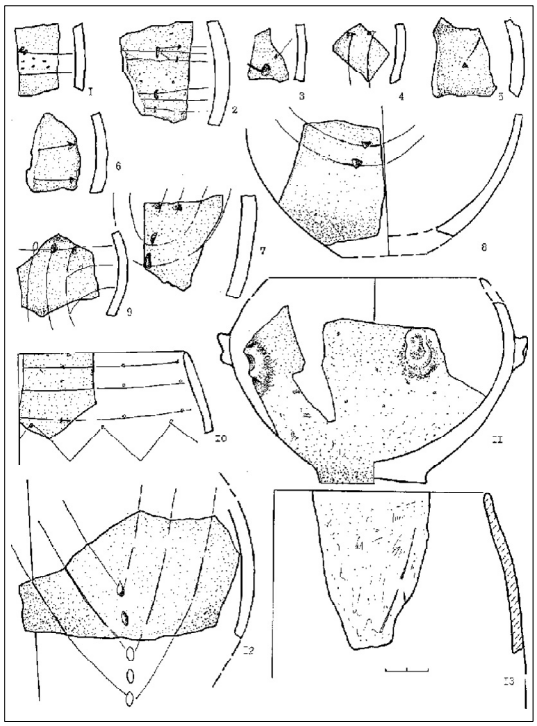


*Рис. 95. Майнова Балка. Столовая (1—10, 12) и кухонная (11) посуда. Фрагмент сосуда БДК (13).*

вом «бегущая волна», и фрагменты с близко и часто расположенными тонкими дуговидными линиями, напоминающими фрагменты культуры Бюкк (Рис.76:5). В наземном доме был обнаружен фрагмент сосуда, орнаментированный в стиле группы Шарка (Рис.77:1). Впервые на территории Карпато-Дунайского междуречья найдена керамика группы Желиз (Рис.80: 6; 86:9; 90:16), фрагмент миски с процарапанным эсовидными знаками (Рис.85:4). Интересны фрагменты с наколами из Флорешть I. Наколы в одних случаях скомбинированы с широкими 0,3 см канавками, а в других с прочерченным угловым и дуговидными линиями. Форма и манера нанесения подобных наколов отличается от обычных для КЛЛК ямок-«нот» и характерна для верхнего Прекукутенского слоя этого памятника (Рис.92:2-4).

Не менее важно присутствие в коллекции Флорешть I фрагментов сосудов, раскрашенных изнутри и снаружи красной краской (4 фр.). На венчике сосуда типа I А с параллельными врезными линиями ямки, расположенные между линиями, были заполнены красной краской (№ п/о 545, Рис.90:2). Отмечен и особый тип орнаментации: чередование пролощенных и матовых полей (Рис.92:17), также бороздчатое лощение, отчего поверхность становится слабоплиссированной (Рис.92:11,14,18), или лощение вообще затирает рисунок — линии прерываются, истончаются, от ямок остаются только донные наколы (Рис.92:8,9,12,15). Иногда разнородные орнаменты, типичные для столовой и кухонной посуды, встречаются на одном сосуде.

Затирание и залащивание орнамента характерная черта столовой посуды памятника Резина I (Рис.93:1-9). Отсюда же происходит обломок миски подовальной формы, с примесью мелкой половы в тесте, серо-коричневый, хорошего обжига, который был украшен комбинированным узором, валики горизонтальные и вертикальный, выступ-упор по краю венчика и врезной «нотный» с нарушением симметрии (Рис.94).

Проведенный анализ керамики позволил полностью охарактеризовать эту важную часть материальной культуры носителей КЛЛК и выявить ее особенности. При анализе этой категории четко выделилось две группы памятников. Первая из них образована поселениями Дэнчень I, Мындрешть, Нэвырнец, Рогожень II. Во вторую вошли Гура-Каменчий VI, Флорешть I, Сынжерей XI, Резина I. Различия между группами проявляются практически по всем основным признакам.

Для первой группы памятников характерно наличие более грубых примесей в тесте кухонной керамики, менее тщательно обработана поверхность, хуже проведенный обжиг. В кухонной посуде второй группы памятников имеется примесь дресвы, полностью отсутствующая в первой. В типах форм посуды различия между двумя группами выступают на уровне вариантов. В I типе керамики на памятниках дэнченской группы количественно преобладают сосуды варианта А (более 50%), тогда как во второй группе — варианта Б. Отличия между группами

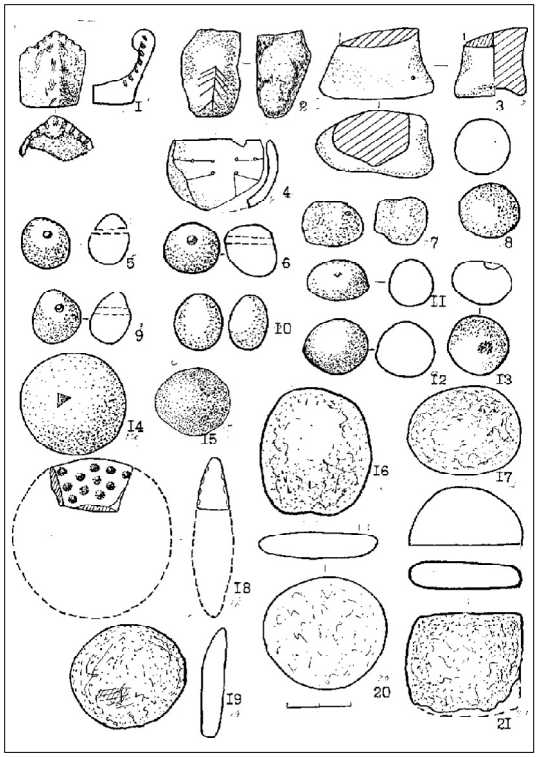


*Рис. 96. Изделия из глины с поселений Дэнчень I (1—14, 16, 28, 20—21); Гура-Каменчий VI (17); Русештий Ной I (19).*

прослеживаются и в орнаментации кухонной керамики. На памятниках второй группы пластический и углубленный декор более разнообразен.

Яркие различия между керамическими комплексами наблюдаются при учете орнаментальных элементов и композиций в столовой посуде. Для первой группы памятников характерен узор под венчиком из трех параллельных линий, а на тулове «углового», ямки-«ноты» располагаются на линиях, концах и изгибах их. В орнаментации керамики второй группы преобладает узор из двух параллельных линий под венчиком, а на тулове «волютовый». Ямок-«нот» по размеру больше маленьких (0,1-0,2 см) и располагаются они часто между линиями, иногда по 2-3, за линиями (до 30-40%), а нередко вообще отсутствуют в композиции (10% во Флорешть). Орнаментальные композиции второй группы памятников более сложны, представляя собой сочетание множества элементов.

Материал поселения Сынжерей I, сочетающий в себе черты как первой, так и второй групп памятников, занимает среднее положение между ними. Отдельные черты керамики памятников II группы прослежены в материале ЖХК №1, 2, 9 (наземный дом) поселения Дэнчень I. Большая часть кухонной керамики с примесью шамота в тесте обнаружена именно здесь. Небольшая часть фрагментов столовой керамики (5%) имеет характерные черты II керамической группы, особенно в расположении ямок.

Выделенная промежуточная группа по материалам Сынжерей I и отдельным комплексам Дэнчень I пока еще очень гипотетична, так как не подтверждена на раскопанном памятнике. Цепочка эволюции материалов от одного полюса (Дэнчень I) до крайнего (Флорешть I) выглядит так: Дэнчень I — Мындрешть, Русештий Ной, Дурлешть I, Рогожень II, Дэнчень I ЖХК 1,2.9, Сынжерей I, Сынжерей XI, Гура-Каменчий VI, Флорешть I.Напомним, что для определенных двух групп памятников раньше были прослежены различия в видах и численности отдельных орудий труда.

Рассмотрим в общих чертах особенности керамического материала памятников сопредельных территорий.

В керамике КЛЛК Румынии, в дополнение к традиционным кухонной (grosierr) и столовой (fină) посуде выделяется промежуточная группа (semifină), которая вторична по отношению к основным категориям. Е.К.Черныш с этих позиций изучала материалы Незвиско (Черныш 1962: 22), а Г.В.Охрименко сосуд из Луцка (Гнидава) (Охріменко 1994: 46). Подобная керамика в наших разработках соответствует либо кухонной (растительная примесь), либо столовой (неорнаментированная).

По основным своим технико-технологическим особенностям кухонная и столовая посуда Румынии находит соответствие в материалах молдавских памятников. Для некоторых из них отмечается примесь мельчайшего песка в столовой — Миховень (Ursulescu 1979: 277); песка, мелкой дресвы и шамота в Хэрман (Alexandrescu, Pop, Marcu 1973: 242). Ангобированы поверхности в Траян (Dumitrescu 1957: 1213, fig.4: 8) и Тырпешть (Marinescu-Bîlcu 1981).

В кухонной посуде, при ведущей роли органических примесей, отмечено наличие дресвы в Дэнешть, Миховень, Траян и шамота в Траян и Тырпешть. Основными формами представлены на всех памятниках сосуды полусферические (тип I), мелкие бомбовидные (тип III) (Дэнешть, Траян), имеются амфоровидные всех вариантов (тип IV) — Глэвэнештий Векь, Миховец, Тырпешть; редки овальные (тип VI) (Траян), конические миски (тип VII) (Периерь, Тырпешть) и биконических форм (тип VIII). Из единичных форм отметим наличие сосудов с носиками (Тырпешть) (Marinescu-Bîlcu 1981: pl.29: 3). Особенностью орнаментации кухонных сосудов (по сравнению с молдавскими) являются нерасчлененные валики и отсутствие ногтевых защипов «колос». В Молдове и на Украине последний — характерная черта поздних памятников.

В столовой безусловного внимания заслуживает выемчатый «шахматный» или «волчьи зубы» узор, синхронизирующий материалы Тырпешть и первую фазу культуры Боян (Marinescu-Bîlcu 1974: 119; 1981: fig.27:3). Из Тырпешть происходит фрагмент с широко заглаженными линиями, наполняющими каннелюру.

Сочетание каннелюр и врезных линий на сосудах из Судиц сигнализируют о непосредственном контакте КЛЛК и Дудешть III (Teodorescu 1971: 42-52).

Материалы Украины демонстрируют более сложный состав формовочной массы. Столовая посуда изготавливалась преимущественно из тонкоотмученной чистой глины (Тазани, Голышев, Котоване, Звенятин), часто с примесью тонконамытого песка (Ровно, Клевень, Луцк-Гнидава, Незвиско, Торское, Кошиловцы), который может быть естественным компонентом глины. Очень редко встречается примесь органики (Ровно, Гирка Полонка). В кухонной набор отощителей более широк. Органика присуща материалам всех памятников, причем только в Тазани и Голышеве растительности не сопутствовали другие компоненты. Наиболее часто она сочеталась с песком (Ровно, Клевань, Гирка Полонка), слюдой (Ровно) или кварцем (Торское), шамотом (Незвиско, Кошиловцы, Звенягин). Наиболее сложен состав массы в материалах Луцка и Котоване: растительность, песок, кварц, шамот, дресва.

Формы находят соответствие в типах и вариантах Пруто-Днестровья. Выделяются материалы Ровно с ведущей ролью мискообразных (Охрименко 1994: 68) и Тазани со сферическими (Пелещишин 1984: рис.36).

Среди редких форм отметим сосуд на нож-

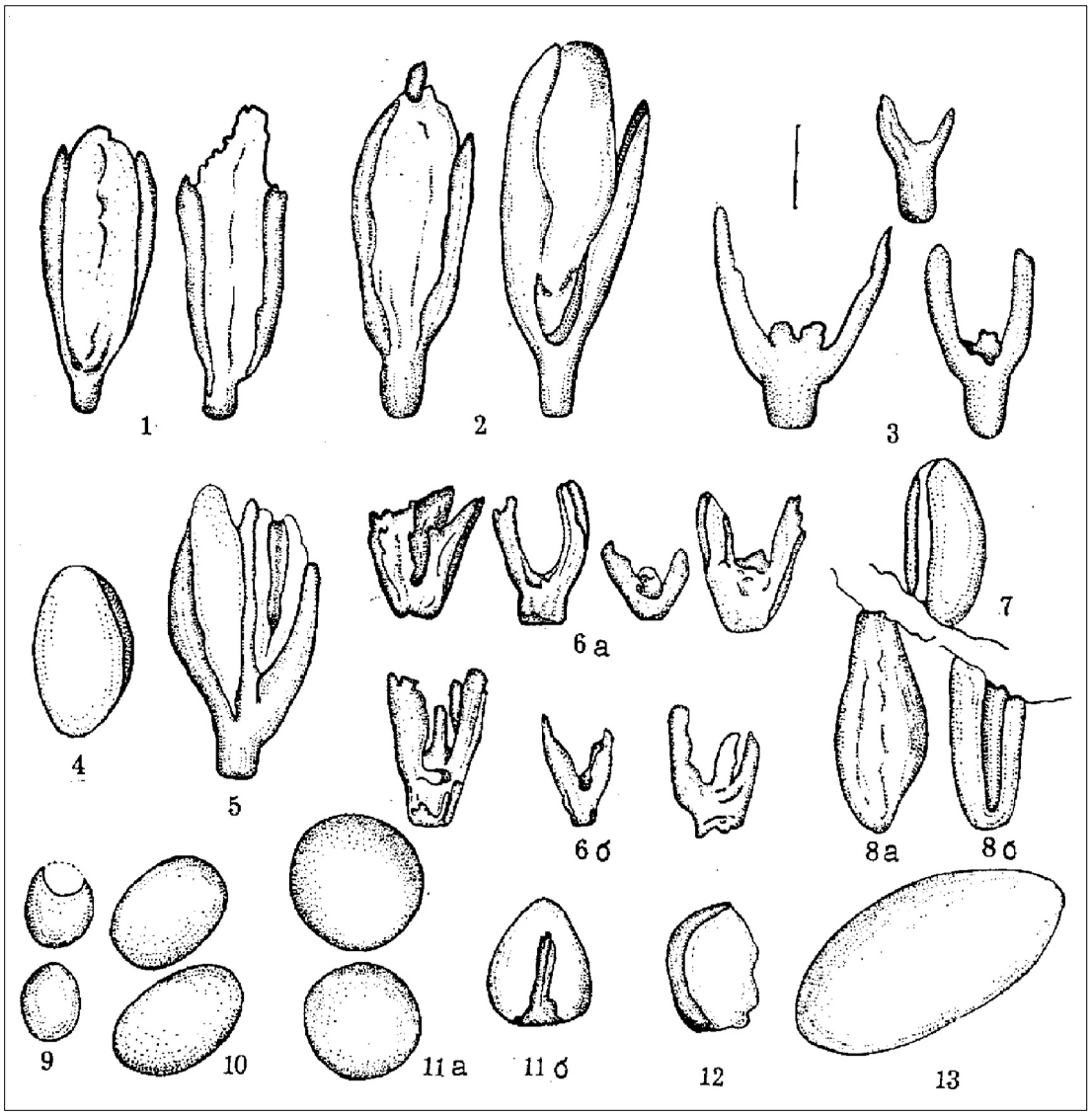



*Рис. 97. Прорисовка отпечатков растений на стенках сосудов (по Н.Н.Кузьминовой).*

ках из Незвичко (Черныш 1962: рис.13,8), фрагмент сосуда с подтреугольным дном, углы которого подчеркнуты выступами со сквозными вертикальными отверстиями; обилие черепков с наколами в лентах из Горка Полонка (Охріменко 1994: 92, рис.3 и др.). Имеются находки фрагментов КЛЛК среди материалов самчинской фазы БДК на Базьковом острове (Даниленко 1969: рис.16; 19), в Сорока V (Маркевич 1974: 116) и, наоборот, керамики БДК в срезе КЛЛК в Русештий Ной I (Маркевич 1974: 117). Контакты двух культур отмечены и на памятнике Майнова Балка (Дворянинов 1982; Петренко, Дворянинов 1991; Петренко, Сапожников 1993). Это пока что единственное поселение КЛЛК Украины в междуречье Днестра и Южного Буга. Размещаясь примерно в 90 км к востоку от ближайших реутских памятников Молдавии, оно как бы очерчивает крайне восточную периферию массива носителей КЛЛК Карпато-Поднестровья. С любезного разрешения коллег нами был проанализирован 81 фр. сосудов из сборов и шурфа 1989 г. Особенностью материала является значительный процент неорганических примесей как в кухонной (15,4% — песок мелкий, кварц, 3,8% шамота), так и в столовой (20% — песок мелкий и кварц, 17,7% — минеральная известь?) посуде. Особая жесткость почти половины фрагментов двух категорий, использование слюды в декоративных целях. Отмечено заглаживание внутренней поверхности черепка гребенкой.

При этих особенностях типологически просматриваются наиболее близкие параллели с материалами поздней группы памятников Молдовы: преобладание «волютовых» элементов, мелких подтреугольных нот и наколов (от 0,1 до 0,4 см) 31%, комбинации крупных и мелких «нот», перемещение их в межленточное пространство, наличие фрагмента с наколами в ленте «винчанского» стиля, а также частичное затирание линий и ямок при лощении сосудов. В ансамбле обнаружен фрагмент банковидно-

го горшка БДК. Поверхность сглажена, бугристая, черно-коричневого с красноватыми пятнами цвета, жесткая. Тесто с обильной примесью тонкотертой травы и песка. Обжиг почти полный. Толщина стенок при таком значительном объеме всего 0,6-0,7 см (обычный стандарт БДК).

Материалы памятника указывают направление развития поздней КЛЛК на ее восточной периферии.

***3. Предметы культа, украшения и прочие изделия.*** Эти изделия чрезвычайно малочисленны на памятниках Молдовы и относятся к редким находкам. В основном они изготовлялись из глины — шарики с отверстиями и без, диски, пинтадеры, зоо- и антропоморфные изделия и мотивы на керамических сосудах. Еще меньше в коллекции изделий из кости — подвески из зубов животных, изделия для игры (бабки).

Среди глиняных изделий наиболее многочисленны шарики округлой формы и неправильно-округлой формы — 10 экз. (девять найдены в Дэнчень I и один во Флорешть I) (Пассек, Черныш 1963: 27). Один шар большого размера 3 х 3,5 см, без сквозного отверстия с маленькой вмятиной сбоку (Рис.96:14), остальные миниатюрные, приблизительно одного размера 2 х 2 см, 2 х 1,5 см (Рис.96:5-13). Четыре из них со сквозными отверстиями (Рис.96:5-6,9), остальные целые, но у трех имеется небольшая вмятина (Рис.96:11,13,15). Вылеплены из чистой глины, серо-желтого цвета, полного обжига. Будь все эти шарики с отверстиями, то без сомнения были бы отнесены к подвескам-бусинам, как это сделала Т.С.Пассек (Пассек, Черныш 1963: 27). Во Флорешть I, Дэнчень I, Русештий Ной I обнаружены (4 экз.) керамические диски, округлые в плане, уплощенные в профиле, диаметром от 3,5 до 5 см, толщиной 0,3-1,2 см. Поверхность одного из них ярко-оранжевого цвета с двух сторон была покрыта неглубокими округлыми ямочками диаметром 0,3 см (Рис.96:18). Т.С.Пассек упоминает находку пинтадеры во Флорешть I (Пассек, Черныш 1963: 26).

Важнейшие находки, которые мы можем определенно связывать с культом и украшениями — это зоо- и антропоморфные изображения. Последних буквально единицы в коллекции, поэтому остановимся на каждом предмете подробно.

В Дэнчень I в сооружении № 10 (ЖХК 4) была обнаружена антропоморфная фигурка (?) аморфных очертаний с нанесенным на ней рисунком елочкой. Вылеплена из чистой глины, серо-бежевого цвета, хорошо сглажена, полного обжига, длиной 3 см, шириной 1,5 см. Представляет собой неправильный цилиндрик с суживающимся концом, который символизирует слитые ноги (?). В профиле у статуэтки плоская спина и выступающий толстый живот. От живота вниз нанесен тонкими процарапанными линиями рисунок елочки с симметрично расположенными ветками. Верх статуэтки обломан (Рис.96:2). Изображения растений на статуэтках встречаются во многих нео-энеолитических культурах: в старшей КЛЛК (Pavuk 1981: fig.33-34), в культуре Криш (Титов 1980: рис.50), особого расцвета достигнет в энеолите (Черныш 1982: табл.VI; Массон 1981: табл.XI, 1,5,6; XII,7).

В ЖХК вместе со статуэткой был найден сосуд с каннелюрами-плиссе, описанный выше. Сосуду имеется аналогия в культуре Дудешть (Comşa 1971: fig.22,3). Появление в Дэнчень I статуэтки и сосуда этого типа — свидетельство наличия контактов с иной культурной традицией. Статуэтка из Тырпешть (?) напоминает дэнченскую: цилиндрической формы с суживающимся низом. На условном животе также нанесен узор елочки, ветки, который украшены ямочками «нотами», слева вертикально нанесена волна соединяющихся под углом волют, осложненных ямками и дугами.

Бесспорно, повторяет иконографию культуры Винча (Bacihi 1936: 32-33) и лик на ручке кухонного черепка из Мындрешть. Подобное лицевое изображение имеется и в материале поселения КЛЛК Румынии — Тырпешть (Marinescu-Bîlcu 1981: fig.27, 4 и, может быть, 5). Очень близка к находке из Мындрешть фигурка культуры Дудешть фазы Черника (Comşa 1971: fig.31). На груди статуэтки имеются три отпечатка, так же как и в Мындрешть. Видимо, для этого времени следует признать влияние культуры Винча на КЛЛК Молдовы, но не напрямую, а опосредованно — через культуру Дудешть.

В Дэнчень I был найден предмет в виде модельки ноги человека, обломанной у щиколотки. Поверхность темно-серая, хорошо сглажена, тесто чистое, полный обжиг. Размеры изделия: длина 3,5-3,7 см, ширина спереди 2 см, к пятке сужается. Подобные изделия представлены почти во всех неолитических культурах Центральной Европы. Берут свое начало в раннем неолите, культуре Криш, имеются в Винче и в круге наддунайских линейных культур (Kalicz, Makkay 1977: Taf.185, 32,35; Bacuh 1936: Taf.III).

Возможно, лицевые изображения (?) имеются и на отдельных столовых фрагментах, где рисунок создается комбинацией разных по форме ямок (Рис.87:11).

Зооморфные изображения в КЛЛК Молдовы представлены только налепами на сосудах, весьма схематически передающих головки животных (Рис.64:6; 76:1; 82:1; 85:1). В этой же череде находится и сосуд из Незвиско с рядом парных налепов-рожек (Черныш 1962: рис.13: 8). Заключая описание глиняных изделий, отметим находку необычного предмета из Дэнчен I. Возможно, это обломок четырехугольного сосудика с разновысокими стенками либо креслица (?), что, однако, не характерно для КЛЛК, ибо появляется гораздо позже. Угловое ребро сверху закругляется вовнутрь изделия. По плавно сбли-

жавшимся краям нанесен ряд ямочек-насечек. Поверхность изделия желто-серого цвета, чистое тесто, обжиг неполный, высота 2-2,6 см (Рис.96:1).

Предметы из кости, отнесенные к категории украшений, также малочисленны. В Дэнчень I найдены три подвески и 1 заготовка из корневой части зубов домашней свиньи или кабана (Рис.45:23-24). Единственным экземпляром представлена бабка для игры, выточенная из кости оленя. Причем на поселении она найдена вместе с гутусами (Рис.45:25). К особым изделиям относятся костяные лопаточки из Флорешть I, на других памятниках их нет.

Завершая разбор этой категории инвентаря, отметим, что ни антропо-, ни зооморфные изображения не являются характерной особенностью КЛЛК и встречаются весьма редко. Однако они, наряду с украшениями, керамикой и орнаментом относятся к так называемым этнизирующим признакам культуры. Рассмотрение этой категории материальных источников дает возможность проследить связи между локальными общностями людей (Антонова 1977: 10).

## Г Л А В А V. СИСТЕМА ХОЗЯЙСТВА

Культура линейно-ленточной керамики с самого начала предстает как довольно развитая земледельческо-скотоводческая, у которой роль охоты и собирательства в хозяйстве была невелика. Разработки последних лет позволили конкретнее подойти к характеристике хозяйства этих племен.

***1. Земледелие.*** Основная задача этой главы состоит в характеристике и выявлении особенностей земледельческого уклада в хозяйственной системе КЛЛК. Однако, предлагаемые данные интересны сами по себе для всего ареала древнеземледельческих культур. Благодаря усилиям специалистов смежных дисциплин, проблему эту можно рассматривать комплексно. Данные по палеогеографии включают палеоклиматические реконструкции на основе палинологии (К.В.Кременецкий, С.И.Медник). Палеоботанические изыскания характеризуют культивируемые растения (З.В.Янушевич, Н.Н.Кузьминова, Г.О.Пашкевич). Результаты трасологического изучения орудий из Дэнчень I, Флорешть I, Цыра II позволяют отчасти оценить долю отрасли в производстве, так же как и реконструировать основные производственные процессы (Г.Ф.Коробкова, С.А.Семенов).

Район Пруто-Днестровского междуречья относится к древнейшим земледельческим центром Юго-Восточной Европы. Он не является частью и не примыкает непосредственно к переднеазиатскому очагу (по Н.И.Вавилову), но опосредованно, через Балкано-Подунавье, стал зоной его влияния. Конкретно оно реализовалось в раннем неолите в середине VI тыс. до н.э. появлением в междуречье носителей общности Старчево-Кёреш-Криш. В настоящее время здесь известно чуть более 10 местонахождений, которые находятся в тех же местах, что и поселения КЛЛК. Эталонным выступает поселение Сакаровка I района Сынжерей Молдовы, исследованное на площади более 5 тыс. кв.м. в течение 1979 (В.И.Маркевич), 1989-1991,1995-1998 гг. (В.А.Дергачев, О.В.Ларина) (Маркевич 1987; Dergacev, Sherratt, Larina 1991: 1-19; Larina 1994: 47-51; Larina 1994a).

Палеопедологические и палинологические исследования поселения времени обитания констатируют наличие и освоение черноземья: культурный слой приурочен к подошве почвы А и кровле почвы В1, что соответствует, по современной номенклатуре, черноземы типичному (А.В.Моток). Палинологические данные в палеоспектрах культурного слоя свидетельствуют доминирование пыльцы трав и кустарников 59,8-65,2%. Пыльца деревьев и кустарников 33,5-39,3%, споры 0,9-1,3%. Тип растительности — лесостепь. Лесные участки из широколиственных пород, чередовались с лугово-степными участками. Леса состояли из граба, бука, дуба, вяза, липы, ясеня с лещиной в подлеске. По берегам водоемов росли ольха, ива, мезофильное разнотравье (злаки, астровые, зонтичные, лютиковые).

Содержание пыльцы сорных растений значительно и представлено видами семейств *Brassicaceae, Asteraceae, Convolvulaceae*. Рудеральные растения представлены *Urtica*, некоторыми видами маревых и полыни. Обнаружены единичные пыльцовые зерна культурных злаков — *Cerealia* и сопутствующих *Centauria*.

Значительное участие сорных растений является показателем того, что территория возделывалась и участки степей и лугов были заняты, по-видимому, культурными растениями (С.И.Медник).

Палеоботанические исследования карбонизированного материала, отпечатков на керамике и обмазке, проведенные З.В.Янушевич (1986: 1-10) и Н.Н.Кузьминовой (Кузьминова, Дергачев, Ларина 1998: 168-182) дополняют и расширяют этот список. Обитателям Сакаровки I был известен вкус алычи, терна, кизила, садовых: сливы, яблоки/груши, вишни/черешни и винограда.

Полевые и огородные культуры представлены 799 отпечатками из общего числа 878. При преобладающей роли пшениц — 508 от 61% — значительна доля ячменя 143 — 20%, просо представлено 97 — 13% отпечатков, овес 17 — 2,0%. Из огородных зафиксирован горох 34 — 4,0%. Основой земледелия являлись пленчатые пшеницы; двузернянка зафиксирована 145 отпечатками и обугленными зернами 145 — 43% (среди пшениц), однозернянка — 93 отпечатках

— 27,5%, спельт 59 — 17,8%, и мягкая/карликовая, выявленная в 40 случаях — 12,4% (Янушевич 1986: 4-10, Кузьминова, Дергачев, Ларина 1998: 166-182). Не могу отказать себе в удовольствии представить сводный список определенных растительных остатков с поселений культуры Криш (Таб.24). На этом фоне бледной копией, но копией в общих чертах верной, выглядит набор культурных растений БДК с памятников Сорока I, слой 1 б; Сорока III (Янушевич 1976: табл.6; 1986: 82-83, табл.20), появившихся у них в результате непосредственного контакта двух культур.

Так что носители КЛЛК, осваивавшие территорию в конце VI тыс. до н.э., не открывали эру земледелия, а лишь упрочивали ее.

Палеоботанические определения проведены по отпечаткам растений на сосудах с поселений Русештий Ной I, II, Брэнешть XIII, Гура-Каменчий VI (Янушевич 1976: табл.6), а также из Дэнчень I, Флорешть I, Рогожень II, Дурлешть I З.В.Янушевич и Н.Н.Кузьминовой. Всего было просмотрено 700 фрагментов с 8 памятников, давших около 240 отпечатков (Табл.23).

У нас есть бесспорные данные о возделывании жителями поселений КЛЛК пшеницы всех пяти видов: однозернянка (*Tr. monoccocum*), двузернянка (*Tr. dicoccum*), спельты (*Tr. spelta*), карликовой/мягкой (*Tr. compactum/aestivum*). Весь этот набор выявлен полностью только для Дэнчень I и, видимо, находится в прямой связи с количеством проанализированных фрагментов — 637. Имеются четкие свидетельства возделывания ячменя (*Hordeum*) голозерного (*H. vulg. vulg. naked*) в Рогожень II и пленчатого в Дэнчень I (*H. vulg. vulg. hulled*). Очень большой серией на последнем поселении представлены отпечатки проса (*Panicum miliceum*). Обычно на памятниках КЛЛК оно встречается в небольшом количестве (Титов 1980: 273). В Русештий Ной II имеются отпечатки овса (*Avena sp.*). Бесспорно, населением возделывался горох (Pisum sativum). Найдены отпечатки чинны (*Lathyrus sativum sp.*) и вики (*Vicia sp.*), последние могли быть объектом специального собирательства или, возможно, засорителями посевов гороха.

Определены также плодовые растения: во Флорешть I и Дэнчень I имеются отпечатки косточек плодов алычи (*Prunus divaricata*), во Флорешть I отпечатки черешни (*Cerasus mill. Sp.*), в Дэнчень I определен кизил (*Cornus mas L.*). Последний, по всей вероятности, служил объектом собирательства в местных лесах. В Дэнчень I найдены семена конопли (*Cannabis sp.*) (Larina, Kuzminova 1994).

В инструментарии КЛЛК Пруто-Днестровья выявлен целый комплекс земледельческих орудий: для первичной обработки земли роговые наконечники землекопалок, для вторичной — мотыги, для сбора урожая — вкладыши серпов; для обработки зерна — каменные зернотерки, куранты и песты. Все эти орудия характерны для зернового и зернобобового земледелия (История первобытного общества 1976: 324). На памятниках количество земледельческих орудий различно. Больше всего их выявлнено в Дэнчень I — более 10%, на остальных поселениях вполовину меньше: Гура-Каменчий VI — 5,3%, Флорешть I — 4%, Цыра II — 2,5%.

Важнейшим земледельческим орудием выступают мотыги. Они в обломках обнаружены практически на всех памятниках (Дэнчень I, Флорешть I, Гура-Каменчий VI). Экспериментальное изучение показало довольно высокую эффективность и производительность роговых мотыг с перпендикулярной постановкой лезвия относительно оси отверстия для рукояти. Они были эффективными при всех видах земляных работ. Мотыги же с диагональной и продольной постановкой лезвия совсем не годились для вскапывания, давая эффект лишь при разрыхлении вскопанной земли и рытье ям (Коробкова 1974: 420,421; 1975: 439-440; 1975а: 37-38). Мотыга с перпендикулярной постановкой лезвия относительно оси отверстия рукоятки найдена во Флорешть I. Остальные относятся к типу орудий с продольным лезвием, т.е. не годились для вскапывания земли. Видимо, этим целям служили деревянные не сохранившиеся орудия. Среди таких орудий, известных многим первобытным народам, указываются деревянные палки для копания, палки с подножкой для упора, ручные орудия для проведения борозд и т.д. (Краснов 1971: 22-34). Эти орудия могли иметь костяные или роговые наконечники, которые Г.Ф.Коробкова выделила в коллекции Дэнчень I. Обнаруженные на поселениях мотыги могли выполнять вспомогательную роль, используясь для разбивания комьев земли при рыхлении, прополке, и других работах. О палке-копалке как главном орудии труда говорит Н.Н.Миклухо-Маклай, описывая земледельческие работы новогвинейских папуасов (Миклухо-Маклай 1951: 73-74). Заделка семян или колосьев (полба высевается только колосками) в почву производилась вручную. Однако, можно предположить использование скота при этих операциях. В.А.Шнирельман отмечает, что «важнейшая функция скота при этих операциях в земледелии состояла в разрыхлении почвы и втаптывании семян в землю. Кроме того, выгон скота на сжатом поле повышал плодородие почвы» (Шнирельман 1980: 228).

Вторая важная группа земледельческих орудий труда связана с уборкой урожая: вкладыши серпов. Среди земледельческих орудий на поселениях они наиболее многочисленны; во Флорешть I их 2,5% от всех орудий труда, в Цыре II, 1,23% (Коробкова 1987: 259-260, Табл.42,43), в Дэнчень I намного больше — 6,2%. При выделении их формально-типологическим методом % распределяются так: Дэнчень I — 13,8%, Сынжерей XI — 11,1%, Гура-Каменчий VI — 6,7%, Флорешть I — 4,4%, Цыра II — 3,8%. Это пра-

вильной формы пластинки с параллельными краями и прямым или чуть изогнутым профилем. Их длина колеблется от 2,5 до 4,5 см, ширина от 1,2 до 4,4 см, большая часть изготовлена на крупных пластинах. Они относятся к карановскому типу. Оправы их могли быть деревянными, так как костяных ни на одном из памятников не найдено. Реконструкции, выполненные Прошеком (Prosek 1946), С.Н.Бибиковым для раннетрипольских серпов (Бибиков 1962: 3-6, Рис.3), представляют орудие из 5-7 вкладышей, вставленных под углом в деревянную или костяную оправу. Следует отметить находку в Дэнчень I, в ЖХК № 2 — 12 вкладышей, которые являются остатками практически от двух серпов. В.И.Маркевич отмечал, что серпы служили для уборки соломы, заготовки травы (сена), камыша, а также другой болотной растительности (Маркевич 1974: 174). Однако экспериментальные работы Г.Ф.Коробковой с такими орудиями позволили сузить сферу их применения — линейные следы на серпах образуются только при срезании злаков (Коробкова 1970: 350-351). Следовательно, серпы служили в основном для уборки урожая. К сожалению, мы не можем судить о способах обмолота и провеивания зерна. Скорее всего, эти трудовые операции производились на поселении или в непосредственной близости от него.

Для реконструкции системы земледелия важную роль играет вопрос о хранении зерна. Обмолачивалась, видимо, только часть собранного урожая и хранилась в ямах, а часть должна была сохраняться в виде невымолоченных снопов или отделенных от соломы колосков. В первую очередь это относится к двузернянке-полбе, посев которой может быть произведен только в виде колосков. К тому же обмолот ее настолько сложен, что обычно практиковалось постепенное обрушивание зерен по мере необходимости (Янушевич 1986: 76). Для хранения урожая в таком виде, видимо, служили обнаруженные в Дэнчень I амбары — полууглубленные в землю или наземные правильной формы вытянутые сооружения, амбар столбовой конструкции из Дурлешть I. Обнаруженные на поселениях округлые или овальные ямы диаметром 1,3-2,0 см при глубине 1,0-1,5, трактуются, по многочисленным этнографическим сведениям, приводить которые не имеет смысла, как предназначавшиеся для семенного зерна. Такие ямы могли вмещать от 50 до 100 кг зерна. Больше всего их обнаружено в Дэнчень I. Во Флорешть I роль зерновых ям могли выполнять углубления-ямы внутри жилищ. На это указывает большая площадь котлованов жилых углублений, дно которых изрыто дополнительными ямами. За пределами жилищ этого памятника ямы не выявлены.

Особо крупные сосуды также, возможно, использовались для хранения зерна. Объем их от 10 и более литров. Среди кухонной керамики в Дэнчень I выделено около 20% такой посуды. К ним в первую очередь относятся сосуды с диаметром венчика 24-40 см в первом типе подтипа А и Б, тип IV Б и В с диаметром от 20 до 40 см (их 12% от всех кухонных сосудов) и тип V А и Б диаметром 16-20 см — 4,8%. Для других памятников сосуды этих типов также наиболее крупные в коллекции. Следует напомнить, что сосуды емкостью более 20 л по 1-2 найдены в «амбарах» ЖХК № 5 соор.75 и ЖХК № 6 соор.69 в Русештий Ной I.

После тепловой обработки зерна (просушивание) на очагах или печах (Дэнчень I об.86) оно перерабатывалось в муку с помощью зернотерок. Они, часто разбитые, обнаружены на всех поселениях — 30 шт. По памятниках их менее 1% во Флорешть I, чуть больше 1% от всех орудий в Цыре II (Коробкова 1987: табл.42,43: 259-260), более 2% в Дэнчень I, есть в Сынжерей I, XI, XIII. Две трети всех зернотерок КЛЛК продолговатой ладьевидной формы. Размеры их 33 х 14 (преобладают) и 40 х 28, 50 х 30 при толщине от 4 до 12 см. Только несколько из них подквадратной формы 22 х 19 см.

В Дэнчень I найдены двуручные куранты размерами 25 х 14, 45 х 20 см. Крупные квадратные зернотерки есть в Незвиско 48 х 48; 38 х 32 см (Пассек, Черныш 1963: 19).

Определить производительность зернотерок можно только в сравнении с подобными орудиями, распространенными в других культурах. Н.А.Пономарев, собравший сводку по зернотеркам, констатировал, что они являлись основным и единственным орудием переработки зерна в муку с момента появления земледелия и вплоть до появления ручных жерновов. Двуручным зернотеркам больших размеров предшествовали одноручные. Максимальные размеры зависят от кинематики движения, длина нижней плиты не должна превышать 50 см, а ширина 20 см (Пономарев 1965: 9).

Часть наших зернотерок относится именно к этому типу двуручных. Зернотерки раннего Триполья едва превышали длиной 20 см, при ширине 15 см. Находку И.Н.Скакун другой зернотерки на поселении Александровка специально оговаривает Е.К.Черныш в «Энеолите СССР» (Археология СССР 1982: 234).

Я думаю, что не зря задержались на столь прозаическом предмете. В ряде случаев наличие двуручных зернотерок позволяет авторам ставить вопрос о наличии пашенного земледелия (Сидоров 1986: 64). В пределах поселений, а это особенно хорошо прослежено для Дэнчень I, они как бы вынесены в хозяйственные зоны. Прекрасной сохранности двуручная зернотерка (57 х 30 х 12) с курантом обнаружена у комплекса хозяйственных ям в ЖХК № 4, словно указывая на назначение самих ям. Зернотерки найдены у амбаров.

Наряду с зернотерками для вторичной обработки зерна, обрушивания полб в крупу слу-

жили песты и ступки. Первых в коллекции единицы (в Дэнчень I, Флорешть I). Иногда в этой роли выступали поломанные долота типа Schutleisteinkeil. Ступки неизвестны, но о них свидетельствует наличие пестов. Более того, обрушивание пленчатых пшениц могло производиться только с помощью деревянных ступок и пестов. Поэтому логично предположить, что подобные орудия могли использоваться у носителей КЛЛК.

Суммируя вышеизложенное, можно сделать предварительные выводы о характере земледелия носителей КЛЛК Пруто-Днестровского междуречья.

Очевиден поликультурный характер их земледелия, включавший полевые (злаки), огородные (бобовые) и, возможно, плодовые культуры. О наличии свободных земель под огороды вокруг жилых и хозяйственных построек свидетельствует планировка поселений Флорешть I и Дэнчень I. Из занимаемых каждым домохозяйством 400-500 кв.м, 100 кв.м уходило под постройки (территория двора), следовательно, около 300-400 кв.м оставалось свободной территории, где могли выращиваться бобовые: горох, виеп, чина, а также плодовые культуры — алыча, слива, черешня. Однако эти «огороды» не могли обеспечить основные потребности населения в питании, урожай с них служил лишь подсобным целям. Видимо, основную сельскохозяйственную продукцию получали с более крупных полей, где выращивались основные зерновые культуры — пшеница, ячмень, просо. Ведущими культурами являлись однозернянка и двузернянка. Их отпечатки выявлены практически на всех памятниках и представлены приблизительно равным количеством. Прочие виды пшениц культивировались в незначительном числе, во всяком случае, их отпечатков не так много. Следует обратить внимание на относительно большое количество отпечатков мягкой/карликовой пшеницы на поселении Дэнчень I. В первобытный период она сопутствовала полбе (Янушевич 1976: 94). Ячмень не играл существенной роли. Зато количество отпечатков проса превышает даже пшеницу. Столь богатый набор выращиваемых культур в Дэнчень I объясняет и наличие разного типа хранилищ (ямы, амбары) в пределах поселения. Подсчет объемов хозяйственных сооружений — ям и амбаров на поселении Дэнчень I для отдельных ЖХК дает весьма значительную цифру заготовлявшейся сельскохозяйственной продукции. Легче всего подсчитать и получить оптимальную цифру объемов для ям, поскольку они не имели наземной части и устье закрывалось на уровне древнего горизонта. Так, комплекс ям ЖХК 4 составляет примерный объем 30 куб.м. Объем хозяйственных сооружений типа амбаров считать сложнее. В грунт они углублены примерно на 0,9-1,2 м, можно предположить существование надземной части метровой высоты, тогда общая высота будет приблизительно равна 2 м. Напомним, что для Джейтуна В.М.Массон устанавливает высоту стен в 2,5 м (Массон 1976: 107). Объем наших сооружений составляет: ЖХК 5 (соор.75) — 13 куб.м; соор.88 (частично раскопанный ЖХК в раскопе 1980 г.) — 13 куб.м; ЖХК 8 (соор.97) — 17 куб.м. Предположим высоту наземного амбара ЖХК 6 (соор.69) также 2 м, тогда объем его 16,5 куб.м. Амбар столбовой конструкции представляет сооружение объемом примерно в 20 куб.м (Дурлешть I).

Следовательно, амбары на поселении дают примерно равный объем — от 13 до 17-20 куб.м. Дополнительно, видимо, в каждом жилом сооружении имелось место для хранения запасов. Следовательно, для Дэнчень I можно говорить о существовании рентабельного полифункционального сельского хозяйства, являвшегося основным занятием населения.

Интересные дополнительные данные о системе земледелия КЛЛК Молдавии дают палинологические анализы с поселений Флорешть I, Дэнчень I, Русештий Ной I (Кременецкий 1987: 7-9). На уровне слоя КЛЛК во Флорешть I спорово-пыльцевой анализ показывает резкое уменьшение суммы пыльцы древесных и возрастание (пик) пыльцы лещины. Изменения эти произошли так быстро, что позволили автору сделать вывод о частичном сведении лесов в окрестностях поселения. А увеличение доли лежины, возможно, указывает на путь, которым это было сделано: подсечно-огневой (Зеликсон 1977: 110-112). В слоях поселений Дэнчень I и Русештий Ной I подобного не наблюдалось. По данным палинологии, эти поселения располагались в поймах со злаково-разнотравной лугово-степной растительностью (Кременецкий 1987: 9), и населению не надо было сводить леса под пашни.

Мы можем характеризовать земледелие КЛЛК Пруто-Днестровского междуречья как тип палочно-мотыжных земледельцев, с подсечно-огневой (по мере надобности) системами полифункционального земледелия, орнаментированного преимущественно на выращивание зерновых и зернобобовых.

Материалы Украины для реконструкции земледельческого уклада носителей КЛЛК, пока что малочисленны. Палеоботанические определения проведены для памятников Волыни — Ровно, Гирка Полонка, Луцк Г.О.Пашкевич, для Незвиско М.М.Якубцинером, Майновой Балки З.В.Янушевич и Г.О.Пашкевич (Дворянинов 1982: 95; Пашкевич 1989: 172) (Табл.24). Однако их следует признать очень важными, поскольку выстраивается эволюционный ряд от древнейшего Ровно до позднейшего Луцка на Волыни; поздних Незвиско Поднестровья и Майновой Балки междуречья Днестра и Южного Буга.

Значительны результаты определений для Ровно. Полевые представлены ячменем голозерным и пленчатым, пшеницей двузернянкой,

просом; огородные — горохом. Набор ведущих культур: ячмень голозерный и пшеница двузернянка переходят на следующие этапы культуры (Гирка Полонка, Луцк). Несмотря на то, что виды представлены единичными отпечатками зерновых и колосков, они все же, видимо, отражают конкретную (а не случайную) ситуацию хозяйства Волыни, где предпочтение на всем отрезке существования культуры отдавалось ячменю (Охріменко 1994: 54). В противовес региону Пруто-Побужья, где предпочитали пшеницу и просо. Последние зафиксированы в Майновой Балке и подтверждены Н.Н.Кузьминовой определением отпечатка щетинника, который сопутствует и засоряет просо.

Для КЛЛК Центральной Европы, основываясь на наличии нескольких фаз развития отдельных поселений, а также на идее о быстром истощении лессовых почв, была выдвинута теория «кочевого земледелия». Суть ее в том, что существовали периодические циклы, через которые проходило каждое поселение: от возникновения поселения и возделывания пашни до ее истощения: затем устройство новых полей, уход на новое место и возврат. На отдельных поселениях насчитывают до 6-7 фаз. В пределах поселений Дэнчень I и Флорешть I выделяются отдельные жилищно-хозяйственные комплексы, анализ инвентаря которых (особенно керамики) позволяет говорить об их неодновременности. Несколько более поздний облик в Дэнчень I имеют ЖХК 1,2,9. Однако мы не вправе говорить об уходе и возврате населения. Видимо, в процессе существования поселений и разрушении несовершенных жилищ (по ранним подсчетам на существование подобных построек отводится от 7 до 40 лет) обитатели строили новые дома. В планировочной структуре поселения не наблюдается нарушений. Мы можем говорить о некотором горизонтальном смещении поселений в пределах прежнего места, но не об уходе и возврате населения. Так как земли, занимаемые КЛЛК в прошлом и сейчас самые плодородные в Пруто-Днестровском междуречье. Возможно, вопрос о «кочевом земледелии» можно будет решить более конкретно в будущем при изучении сынжерейского микрорайона, где поселения расположены компактно на расстоянии 0,5-2-4 км друг от друга. Являются ли они одновременными или представляют собой фазы существования одного поселка, сказать можно будет только после из изучения.

***2. Животноводство, охота, собирательство.*** О важной роли скотоводства и охоты в экономике КЛЛК свидетельствует фаунистический материал. Палеозоологические определения имеются только для отдельных поселений: Флорешть I, Цыра II (Цалкин 1970: 206, Табл.42), Рогожень II (Макарова 1974: 44-46), Дэнчень I (определения А.И.Давида), которые отражают конкретную ситуацию на каждом поселении.

В Дэнчень I домашние животные составляют 96% костей, или 84,4% особей от всех обнаруженных костей и соответственно всего 4% — 15,6% принадлежит диким видам. Объектом охоты служили в основном благородный олень и дикий кабан, единичны на поселении кости собаки, лошади и птиц. Животноводство базировалось на разведении крупного рогатого скота — 44% (38% особей), мелкого рогатого скота — 41% (34% особей); третье место занимала свинья, чаще всего представленная молодыми особями — 13% костей (26% особей). Кости собаки и лошади редки — всего 2%.

Иная картина наблюдается на поселении Флорешть I. Домашние особи составляли 62,2%, дикие — 37,8%. Объектом охоты были, как и в Дэнчень I, благородный олень, кабан, косуля, бобр. Первые два вида были главной охотничьей добычей, соответственно 36,4 и 45,5% всех особей (Цалкин 1970: 218, Табл.45). Имелось значительное количество собак (около 10%). Скотоводство базировалось, так же как и в Дэнчень I, на разведении крупного рогатого скота (52,9% от числа домашних животных). А вот на втором месте, в отличие от Дэнчень I, по количеству особей стоит свинья (29,4%). Овцы и козы, мелкий рогатый скот, представлены в стаде всего 16,2% (Цалкин 1970: 230, Табл.47).

Данные на поселении Цыра II, с одной стороны, очень близки данным Флорешть I: по количеству диких и домашних животных, соответственно 40 и 60%, а с другой стороны, видовой состав стада Цыра II близок материалу Дэнчень I. Крупный и мелкий рогатый скот представлены поровну — 33,4 и 33,3% (Цалкин 1970: табл. 42; 230, табл.47).

На поселении Рогожень II все обнаруженные костные остатки принадлежали диким животным. Главным промысловым объектом здесь был благородный олень, далее зубр (тур), а количество костей косули, дикой свиньи и лошади представлено поровну. Исследовательница объясняет такое положение, с одной стороны, малой площадью раскопа, а с другой, возможно, особой функцией выявленного сооружения (Макарова 1974: 46).

По определению И.Г.Пидопличко, кости из раскопок в Незвиско принадлежали преимущественно домашним животным, среди которых были бык, свинья, козы или овцы, собаки. Кроме того, называются конь и благородный олень. Судя по этому, костный материал Незвиско возможно близок поселению Дэнчень I (Пассек, Черныш 1963: 20).

Изучая материал неолитических памятников, В.И.Цалкин пришел к выводу, что по строению и размерам домашний бык близок своему дикому предку туру. Поэтому, по его мнению, из 62,2% особей домашних животных во Флорешть I около 20% принадлежит дикому туру (Цалкин 1970:

207). Следовательно, количество домашних и диких животных во Флорешть I и Цыре II приблизительно распределяется поровну. Тогда как в Дэнчень I домашние резко преобладают — 80-90%. В стаде всех поселений присутствует неолитическая «триада»: крупный рогатый скот, мелкий рогатый скот и свинья. Крупный рогатый скот занимает ведущее место, а два последних вида меняются местами, отражая конкретную ситуацию каждого поселения.

На всех памятниках ведущее место принадлежит крупному рогатому скоту — около 50%. Известно, что для выпаса его необходимы сочные луговые травы, которых тут было в избытке. Вероятно, крупный рогатый скот разводили также ради получения мясо-молочной продукции. Однако доказаны низкие надои первобытного стада (Максимов 1927: 11. Цит. по: Массон 1976: 35), и доля молочной продукции должна быть невелика. Косвенным путем это подтверждается наличием всего 5 фрагментов стенок дуршлагов во всей 14 тыс. коллекции керамики, которые к тому же необязательно связаны с молоком. Многие из них могли использоваться для отделения меда от сот (в Ровно авторы упоминают находку комка воска в об. № 2 — Журавльов, Охріменко 1994: 147), или даже для отцеживания ядовитых веществ (Шнирельман 1980: 222). Возможно, в это время в работе стали использовать силу животных, как это зафиксировано в одновременной КЛЛК культуре Вэдастра (Румыния) (Dumitrescu, Bolomei, Mogoşanu 1983: 62). Здесь были обнаружены кости крупного рогатого скота с сильной деформацией от больших нагрузок в молодом возрасте (Ghetie, Mateesco 1973: 454-461; Mateesco 1975: 13-15). Также на поселениях КЛЛК на территории ФРГ зафиксировано появление костей вола (Титов 1980: 280), что предполагает их использование как тягловой силы.

Мелкий рогатый скот представлен в среднем около 30% особей в Дэнчень I и Цыра II; совсем незначительное число во Флорешть I. Этих животных, возможно, разводили также и ради шерсти. Подтверждением такого предположения служат прясла, обнаруженные в Дэнчень I, Сынжерей XI, Бранешть XII. Во Флорешть I они отсутствуют. Здесь второе место занимала домашняя свинья (около 30%), которых было легче откармливать в окрестных лесах. Кости домашней свиньи на всех поселениях принадлежат преимущественно молодым особям.

Исключение составляют лишь материалы Волыни, где, например, в Голошеве, Гирка Полонка, количество особей мелкого рогатого скота превышало количество особей крупного рогатого — соответственно 34% и 37,5%, при значительной роли второго — 24% и 12,5%. В Ровно и Луцке эти два вида представлены поровну при значительной роли свиньи (Охріменко 1994: 38; Журавльов, Охріменко 1994: 144-167).

Тем не менее, не следует преувеличивать хозяйственное значение свиньи и мелкого рогатого скота, поскольку основное количество мяса давал крупный рогатый скот, что очень хорошо видно в системе относительного сравнения, разработанную Ш.Бёкёни: 1 особь коровы равна 7 особям мелкого рогатого скота и, в свою очередь, соответствует 4,5 (4-5) особям свиньи (Bökönyi 1981: 30).

Почти на всех памятниках — Дэнчень I, Флорешть I, Незвиско, Майнова Балка, Голышев и Гирка Полонка на Волыни определены кости лошади, однако достоверных свидетельств их одомашнивания нет. Даже в самых крупных коллекциях они представлены 1-2 особями, что исключает возможность из разведения.

В своих выводах по Голошеву и Гирка Полонка, нам кажется, не уверен и сам автор О.П.Журавлев. Кости лошади фигурируют то как представители дикой фауны, то домашней (Журавльов, Охріменко 1994: 146, 148; Охріменко 1994: 38).

Для территории Румынии данные очень скудные. В Траян зафиксировано 55% домашних и 45% диких животных. Среди домашних выделяют быка (крупный рогатый скот), свинью и мелкий рогатый скот (Necrasov, Haimovici 1962: 261-262).

Количество собак на поселениях также, видимо, находится в соответствии с балансом домашние-дикие животные. Во Флорешть I их 10% и они, вероятно, принимали участие в охоте и выпасе стада. В Дэнчень I и Незвиско, наоборот, при преобладании домашних животных, собака представлена единичными особями.

Увеличение доли охоты во Флорешть I, Цыпа II, Рогожень II может быть объяснено только лесным ландшафтом окрестностей этих поселений в противоположность Дэнчень I, находящейся в пограничном со степью районе. Главной охотничьей добычей носителей КЛЛК являлись благородный олень и кабан, реже охотились на тура и косулю. Совсем редко встречаются кости лошади. Данный набор диких животных полностью совпадает и соответствует промысловым видам в КЛЛК Центральной Европы (Титов 1980: 281; Hänsel 1974: 26; Comşa 1987: 38). На поселении Биланы прослежены остатки сооружения, которое могло играть роль общественного загона для скота (Soudsky, Pavlu 1972: 319-324). На молдавских памятниках подобных сооружений пока нет. Однако, занятие земледелием в сочетании с одновременным содержанием относительно крупных стад скота, позволяет предположить наличие таких сооружений и на молдавских памятниках.

Кроме названных выше основных отраслей хозяйства (земледелие, скотоводство, охота) назовем также и вспомогательные — собирательство. В пищу, видимо, шли дикорастущие злаки, остатки обмолота которых домешивались в керамическое тесто (определение З.В.Янушевич). По палеоботаническим отпечаткам опре-

делены плодовые из местных лесов — кизил, алыча, черешня. Однако, в предыдущих культурах, особенно Криш (Сакаровка I) для этой территории засвидетельствовано наличие сливы, винограда, вишни/черешни, терна, гордовины, лесной яблони/груши, кизила, боярышника, лещины, клекачки, калины и др. видов (Маркевич 1974: 145; Янушевич 1976; 1986: 13; Larina, Kuzminova 1974; Кузминова, Дергачев, Ларина 1998: 166-182). Все они, наряду с медом, желудями, ягодами, кореньями и шишками могли служить важным дополнением в пищевом рационе неолитических племен. Рыболовство и сбор моллюсков находками на поселениях не документированы, однако исключить их совсем нельзя.

Важно отметить, что выделенные по керамическому инвентарю две группы памятников в КЛЛК Молдовы проявляют различия по основным направлениям своего хозяйственного развития.

Особенно это явственно при сравнении укладов производящих отраслей. У нас есть все основания говорить о наличии рентабельного земледелия в Дэнчень I, что подтверждается прямыми и косвенными фактами: наличие большой серии палеоботанических отпечатков культурных растений, выделение в планировочной структуре поселения специальных ям, амбаров для хранения сельскохозяйственной продукции, наличием в инструментарии более 10% земледельческих орудий. Процент этот достаточно высок, если учесть, что сфера применения большей их части находится за пределами поселения. Вероятно, эти выводы можно экстраполировать на поселения южной зоны: Русештий Ной I (очень крупные размеры кухонных сосудов), Дурлешть I (амбар столовой конструкции).

Развитие сельского хозяйства, дававшего много кормов, предопределило и превалирование скотоводства над охотой в экономике поселения. Хозяйство обитателей Дэнчень I находит наибольшее соответствие в хозяйстве КЛЛК Центральной Европы, причем на ее завершающем этапе (Титов 1980: 310-311). На поселениях группы Желиз Венгрии, по определению Бёкёни, от 70% до 90% костей принадлежит домашним животным (Bökönyi 1974: 346, 386, 393; 1959: 50-52). Соответствие наблюдается и в составе стада: ведущее место принадлежит крупному рогатому скоту, на второй позиции — мелкий рогатый скот и лишь на третьей — свинья (там же). Материалы поселения Хотебудице (Чехия) дают такую же картину: крупный рогатый скот 54,5%, мелкий рогатый скот 23,1%, свинья 11,2%, собака 0,8% (от всех костей). Биланы же, при явном преобладании крупного рогатого скота — 75,5%, содержат свиньи 8,9%, мелкий рогатый скот всего 4,3% (от всех костей) (Peske 1989: табл.1,2: 266).

Наиболее близко к поселению Дэнчень I по хозяйственным занятиям обитателей стоит Незвиско. Хозяйство можно охарактеризовать как производящее, многоукладное, с ведущей ролью земледелия и скотоводства.

Противоположная картина складывается при рассмотрении доли хозяйственных укладов населения Флорешть I. Незначительное число орудий труда, связанных с земледелием — всего 4,3%, отсутствие специально выделенных зерновых хранилищ, позволяет говорить о незначительной доле земледельческого уклада на этом поселении. Комплексное изучение хозяйства поселений Флорешть I и Цыра II с учетом палеозоологических, ботанических определений и трасологическое исследование орудий труда, позволили Е.Ф.Коробковой охарактеризовать хозяйство их обитателей как производящее, многоукладное, в котором ведущее положение занимало животноводство при вспомогательной роли земледелия и большом значении охоты и собирательства (Коробкова 1987: 165-168). Странным образом хозяйство обитателей нижнего слоя поселения Флорешть I находит наибольшее соответствие не в однокультурном комплексе поселения Дэнчень I, а в хозяйстве более позднего раннетрипольского верхнего слоя поселения Флорешть I (Цалкин 1970: табл.42-47). Здесь примерно такой же баланс в численности домашних и диких животных. В стаде на первом месте стоит бык — 62,3%, затем свинья 27,2% и лишь 10,5% — мелкий рогатый скот (Цалкин 1970: 171). Следовательно, высокий процент диких животных на поселении КЛЛК Флорешть I ни в коей мере не является признаком архаизма. А есть лишь отражение конкретно-исторической картины, свидетельство приспособления к окружающей природной среде.

С другой стороны, хотелось бы отметить любопытную тенденцию увеличения доли охоты, незначительную в поздней КЛЛК и усиливающуюся к раннему энеолиту. Очень наглядно процесс представлен при сравнении слоев трех культур — LnK, StK, LgK из Roztoky (Чехия) (Peske 1989: табл.3).

Является ли такое положение с различным соотношением хозяйственных укладов свидетельством хронологического расхождения между этими памятниками? Мы можем поставить такой вопрос, тем более, что эти различия выявлены в прочих материалах (камень, керамика). Однако отвечать утвердительно, видимо, еще рано, так как мобильное многоотраслевое хозяйство неолитических племен было способно быстро менять количественное соотношение и производственную значимость своих укладов в зависимости от конкретной обстановки (свидетельство чего, обнаруженные в Рогожень II кости только диких животных, а также равное количество костей крупного и мелкого рогатого скота на поселении Цыра II). Процесс этот называется принципом оптимизации (Массон 1981: 123). Суть его может быть понята так: первобытный коллектив в любом случае стремит-

ся выбрать такую хозяйственную стратегию, которая обеспечивает ему выживание с минимальным риском (Долуханов 1984: 8-9). Этим, видимо, объясняется сложность хозяйства в рамках единой культурной общности КЛЛК в Пруто-Днестровском междуречье.

Таким образом, мы видим, что хозяйственная деятельность племен могла удовлетворять потребности населения в пище и некоторых видах сырья, необходимых для изготовления бытовых предметов.

***3. Домашние промыслы.*** Важнейшей сферой человеческой деятельности на всех поселениях является производство орудий труда, изготовлявшихся из кремня, различных пород камня, рога и дерева. Основное число орудий изготовлено из мелкого сырья: мелового кремня, песчаника. Однако следует отметить, что 50% орудий труда в Дэнчень I изготовлено из привозного прутского кремня, причем эти изделия уже поступали в виде полуфабриката (на поселениях практически отсутствуют отходы производства из этого кремня). Нет на этой территории сланца, туфа, амфиболита, из которых изготовлены шлифованные долота и тесла, обнаруженные, практически, на всех памятниках. Частично они могли поступать в виде готовых изделий, а небольшая часть изготавливаться на месте, подтверждением чему служит сланцевая заготовка-плитка с поселения Дэнчень I и абразивы, выделенные в инструментарии поселения. Свидетельством органического сырьевого запаса кремня на дэнченском поселении (центральная зона Молдовы) может служить его утилизация — отходы составляют лишь 10-11%, тогда как на поселениях Цыра II, Флорешть I их около 50% (от кремневых изделий). Кремень в окрестностях этих поселений встречался в изобилии, им выстлано ложе р.Реут.

Скотоводство и охота поставляли сырье для обработки кож. Эта отрасль является ведущей среди домашних промыслов во Флорешть I (37%). В Дэнчень I ее роль была невелика (всего 14%), видимо, частично потребность в такого рода изделиях восполнялась вещами, изготовленными из овечьей шерсти. На наличие прядения указывают находки прясел, подставок для катушек (Дэнчень I, Бранешть XIII, Сынжерей I), а также значительная роль в стаде дэнченского поселения мелкого рогатого скота. Ведущей отраслью в Дэнчень I была деревообработка (24% орудий). Разумеется, деревянных изделий не сохранилось, однако, судя по набору орудий для работы по дереву, в который входят скобели, долота, строгальные ножи, пилки, резцы и резчики из кремня, долота из кости, шлифованные тесла и долота из разных пород камня, продукция этой отрасли должна быть обильна и разнообразна. Видов косторезных орудий труда в инструментарии поселений гораздо меньше (скобели, строгальные ножи, резчики и резцы, сверла). Наибольшее число их в Дэнчень I — 6,6%. Судя по костяным изделиям: мотыги, шилья и иголки, лощила для кожи, шпатели и орнаментиры для керамики, украшения (подвески) и изделия для игры (бабка), лопаточки-шпатели, были освоены такие операции, как резанье, расщепление, строгание, шлифовка. В связи с с этим можно предположить зачатки специализации в работе с этим материалом.

Широко распространенным производством на каждом поселении было керамическое. Единообразие керамики на огромной территории Центральной Европы отражает тщательное соблюдение выработанной технологии, передачу ее от поколения к поколению, своего рода консервативность в формах и особенно орнаментации, что, естественно, не исключало восприятия инноваций и выработки новых традиций. Все это определяет важность керамики как особого этнизирующего признака материальной культуры. В силу специфики данного производства набор употреблявшихся орудий труда невелик. Это костяные шпатели для формовки сосудов (Дэнчень I, Флорешть I) орнаментиры (Дэнчень I). Предполагавшееся их существование теперь доказано трасологическими определениями. Вероятно, часть этих орудий могла быть сделана из дерева. Единообразие форм и орнаментации, о которых говорилось выше, тем более интересны, что производство керамики было децентрализовано. Каждая «семейная» единица изготовляла себе посуду; орудия для ее изготовления обнаружены в четырех ЖХК Дэнчень I. Можно, однако, предположить, что всю керамику жители поселения делали в какое-то определенное время все сообща. Возможно, после завершения уборки злаков и дикорастущих злаковых трав (июль-август), остатки обмолота которых (сенная труха, обломки чешуй, листьев, стеблей, части колосков) добавлены в тесто сосудов как отощающая примесь. Эти остатки нельзя было использовать на корм скоту. Примесь в тесте особо крупных сосудов целых стеблей травы также указывает на середину лета, на это время приходится ее созревание (определение З.В.Янушевич). В пределах раскопанных поселений не обнаружено мест изготовления керамики, так же как и возможного брака при производстве.

Судя по археологическим данным, на поселениях КЛЛК Молдовы занимались ткачеством, используя ткацкие станки. Плетение засвидетельствовано незначительным количеством костяных кочедыков. Сырьем для изготовления циновок, рогожек, сетей могла служить конопля, отпечатки семян которой определены З.В.Янушевич в Дэнчень I (Yanuschevic 1986, Tabl.2).

В керамическом производстве отдельных поселений (Флорешть I, Дэнчень I) засвидетельствовано применение минеральной краски — охры. Поверхность незначительного числа кухонной посуды (Дэнчень I) и столовых (Фло-

решть I) покрыта красной краской. Среди орудий труда по ее переработке имеются краскотерка во Флорешть I и кремневый скребок в Дэнчень I. О применении краски в других сферах (украшения, одежда, ритуал) ничего не известно. Об изготовлении украшений свидетельствуют сами изделия — это подвески из зубов оленя и свиньи. Здесь же трасологически в инструментарии выделена кремневая пилка для работы с раковинами. Однако самих изделий из раковин, излюбленных украшений в КЛЛК, не обнаружено.

Проанализировав размещение орудий труда в пределах поселений, можно предположительно определить территориальное расположение самих производств. Как известно, причины той или иной локализации могут быть как социологические, так и технологические. Такой анализ возможен лишь для поселения Дэнчень I (Табл.23-26). Каждый выделенный в пределах этого поселения ЖХК характеризуется определенным набором изделий. На каждом имеются орудия, связанные с хозяйственной деятельностью обитателей: скотоводство-охота, земледелие. Процент таких изделий колеблется от менее 5% (ЖХК № 8) до более 30% (ЖХК №№ 2,4), причем в ЖХК № 8 нет совсем орудий, связанных с земледелием. А в ЖХК № 2 и 4 их больше, чем на всех остальных: соответственно 17,4% и 27%. На прочих ЖХК земледельческие орудия представлены 5% (ЖХК № 1) до 10% (ЖХК № 3). Ножи и вкладыши ножей (сфера сктоводческая и охоты) имеются на всех ЖХК — их от 4 до 15% (Табл.23-26). Безусловно, на всех ЖХК преобладают орудия, занятые в домашних производствах: от более 60% (ЖХК № 4) до более 90% (ЖХК № 8). Сюда входят предметы для изготовления орудий труда, обработки дерева, кости, рога, шкур и выделки кож; изготовления одежды и бытовых предметов; изготовления керамики; редкие орудия для производства украшений и изготовления краски. В распределении орудий, занятых в домашних производствах, по ЖХК наблюдаются особенности, которые мы хотим отметить. Так, только на двух ЖХК (№ 3 и 8) наблюдается явное преобладание орудий, связанных с изготовлением орудий труда (нуклеусы, отбойники, ретушеры и отходы производства), соответственно 50% и 42,8%, на всех прочих ЖХК этот процент едва превышает четверть — от 9% (ЖХК № 4) до 30% (ЖХК № 6). Значительны в хозяйстве и имеются во всех ЖХК орудия, связанные с обработкой дерева, кости и рога. Причем процент этих изделий для всех ЖХК колеблется примерно от 21% до 40%. Среди этих орудий на всех объектах численно преобладают орудия для обработки дерева. Только три ЖХК (№№ 2,7,8) имеют значительное число орудий, предназначенных для обработки кости и рога. Так, ЖХК 2 содержал более 52% орудий (среди этой группы), служивших для изготовления костяных и роговых предметов. Следует подчеркнуть, что именно здесь собрана самая большая коллекция костяных орудий со всего памятника. В ЖХК № 7 и № 8 соответственно имеется 37,5% и 18,75% таких орудий.

Обработка шкур и выделка кож на дэнченском поселении была, видимо, развита слабо. В ЖХК № 4 орудия для этого вида работ отсутствуют совсем, на прочих ЖХК представлены незначительным числом. Только в ЖХК № 1 таких орудий около 25%.

Орудия для производства одежды и бытовых предметов встречены буквально единицами. Только ЖХК №2 содержал наиболее разнообразный набор этих изделий — напрясла, шилья, игла, ножевидная пластина с 2 лезвиями для кожи (7%). В остальных ЖХК такие орудия единичны. ЖХК № 3 и № 8 вообще их лишены.

Только ЖХК № 2 и № 7 имеют инструменты для изготовления украшений. Орудия для производства керамики обнаружены в ЖХК №№ 1, 2, 5; кочедыки для плетения циновок в ЖХК № 2.

Проведя планиграфический анализ по распределению инвентаря по ЖХК, следует отметить предпочтение их обитателей в выборе занятий. Так в ЖХК №№ 3 и 8 преимущественно изготовляли орудия труда; в ЖХК № 4 сохраняли и перерабатывали зерно, в ЖХК № 2 изготовляли костяные и бытовые предметы.

Однако в распределении инвентаря в пределах поселения заложены не только, и видимо, не столько технологические особенности, сколько социальные. Как отмечал В.И.Массон, «главным фактором в жилище всегда остается социальная доминанта в полном соответствии с его основной функцией» (Массон 1976: 100). Судя по площади жилых объектов на поселениях КЛЛК Молдовы от 15 до 45 кв.м, каждый ЖХК занимала, видимо, одна семья. Эта площадь не противоречит размерам жилых сооружений, определяемых для других поселений, как КЛЛК, так и прочих. На поселении Биланы Б.Соудский сооружения площадью 36-48 кв.м. отнес к домам малой семьи; на Джейтуне площадь односемейных домов определяется в 15-30 кв.м (Массон 1970: 103-104). Существует несколько гипотез при подсчете числа обитателей таких домов: от 8 (Modderman 1970: 205); 5,5 (цит.по: Pavlu 1979: 61); 4,11 (Neustupny 1983: 108). Е.Неуступный на основе анализа антропологического материала двух могильников КЛЛК Восточной Германии — Зондерсхаузена и Брухштедта дает любопытные выкладки по палеодемографии (Neustupny 1983: 95-109,144-145). Размеры семей определены в 3,2—4,1 особи, что исключает существование больших семейств, состоящих из трех поколений. Средняя продолжительность жизни для носителей КЛЛК составляет от 23 до 28 лет. По материалам могильника в Нитре (Словакия) продолжительность жизни составляла для женщин 33 года, для мужчин 41 год (Pavuk 1972: 125-126). По выкладкам, в

зрелом возрасте наблюдается недостаток женщин. Может быть этим объясняется наличие в Дэнчень I ЖХК с типично «мужским» набором инвентаря — №№ 3, 4, 8. А пять ЖХК №№1, 2, 5, 6, 7 представляют «полную семью» — орудия всех видов в разных соотношениях представлены здесь. Некоторые ЖХК содержат инвентарь, который может быть трактован как детские игрушки: миниатюрные сосудики (ЖХК 1), обточенная бабка оленя (ЖХК 6), гутусы для вскармливания младенцев.

В ЖХК входят сооружения хозяйственного назначения. Подсчет их объема дает приблизительно близкую цифру: от 13 до 17-20 куб.м. Можно предположить и близкое количество припасов каждого хозяйства, хранившихся там. Наряду с этим, хозяйственные ямы в ЖХК 4 превышают по объему хозяйственные сооружения прочих ЖХК почти в два раза. Здесь могло храниться зерно всего коллектива, а наличие крупной зернотерки, остатки очага печи для обжаривания зерна позволяет трактовать этот ЖХК как своего рода место хранения и переработки зерна.

Сопоставление данных археологии и палеодемографии представляются чрезвычайно перспективными и интересными, однако следует учитывать, что в Пруто-Днестровье нет ни одного полностью раскопанного поселения, также как и отсутствуют пока исследованные могильники.

Для младшей КЛЛК известны в основном трупоположения, однако на поздних этапах существования культуры появляется и новый обряд — трупосожжение. Единичные погребения обоих видов известны на Украине: трупоположение у Баева и трупосожжение в Незвиско. Возможно, в какой-то мере отсутствие погребений может быть объяснено наблюдение Р.Роддена, которое приводит В.Титов, что в период хозяйственной «неолитической революции» люди уделяли гораздо больше внимания культу плодородия, чем культу мертвых (Титов 1980: 104). Конкретные проявления культа плодородия, направленные в конечном итоге на обеспечение щедрого урожая, приплода скота, освещены для нео-энеолитической эпохи набольшом фактическом материале в работах С.Н.Бибикова (Бибиков 1953: 175), Б.А.Рыбакова (Рыбаков 1965; 1966; 1981). Непосредственно для КЛЛК — Ю.В.Кричевским (Кричевский 1949), И.Павлю (Pavlu 1966), О.Хохман (Hochmann 1972). Вопросы интерпретации и реконструкции культов, идеологических представлений чрезвычайно трудны. В нашем распоряжении есть лишь небольшое число антропо- и зооморфных изображений, некоторые элементы орнаментации сосудов, которые были рассмотрены выше — ручка черпака из Мындрешть, статуэтка из Дэнчень I, Тырпешть I; фигурка из Незвиско. На черпачке с ликом из Мындрешть имелись отпечатки зерновок проса (определение З.В.Янушевич). Как справедливо отмечал С.Н.Бибиков, все это должно было служить только одной идее — культу плодородия, изобилию пищи. Для последующего времени добавление зерен в глину, из которой изготавливались статуэтки, станет обычным культовым (Бибиков 1953: 258-260; Збенович 1974: 151).

В работах, посвященных вопросам культа и идеологических представлений в неолитических культурах Центральной Европы, исследователи отмечают два мощных очага взаимодействия. На ранних этапах КЛЛК испытывала влияние культуры Криш, на поздних — культуры Винча (Hochmann 1972: 200). Странным образом почти все «идолы» в Юго-Восточной и Центральной Европе похожи, что, видимо, объясняется определенной степенью развития племен и религиозным единством их идей и обрядов.

## Г Л А В А VI. ПАМЯТНИКИ КУЛЬТУРЫ ЛИНЕЙНО-ЛЕНТОЧНОЙ КЕРАМИКИ ПРУТО-ДНЕСТРОВСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ В СИСТЕМЕ КЛЛК И СРЕДИ ДРУГИХ КУЛЬТУР РЕГИОНА

Зарождение производящего хозяйства в Европе связано с крайними южными районами Балканского полуострова, где под влиянием передовых ближневосточных цивилизаций первые навыки земледелия и животноводства появляются еще в период докерамического неолита (Miloycic 1949; Титов 1969: 99). Процесс этот включал несколько этапов, на протяжении которых производящие формы хозяйства распространились с юга на север, охватив сначала области Юго-Восточной Европы, а затем и южные области Средней Европы, и сопровождался возникновением еще в пору неолита нескольких крупных этнокультурных общностей (Титов 1966; 1984; Demoulen 1993: 1-17). Наиболее значительными были общности, объединяющие культурные комплексы Пресескло—Старчево—Криш—Караново I-II—Кремиковцы I и общность культуры линейно-ленточной керамики. Первая и древнейшая из них сложилась во второй половине-конце VII тыс. до н.э. и занимала огромную территорию, включающую Фессалию, Македонию, современную Югославию, Венгрию, Болгарию, Румынию, отчасти Закарпатье Украины и Республику Молдова. С этой общностью связано становление специфического в условиях аллювиальных равнин и сухих предгорий Балканского полуострова и Карпато-Подунавья хозяйственно-культурного типа мотыжных земледельцев (Решетов 1980: 40). Общность культуры линейно-ленточной керамики сформировалась приблизительно к середине VI тыс. до н.э. С этой общностью связывается зарождение хозяйственно-культурного типа мотыжных земледельцев специфического для условий умеренной полосы Средней Европы (Решетов 1980: 40-

41; Семенов 1974: 98; Титов 1980: 277).

Культура Старчево-Криш на территории Запрутской Молдовы известна давно и исследована достаточно полно. Различные аспекты этой культуры освещены в серии обобщающих работ (Comşa 1959; 1987; Ursulescu 1984: 23). Хуже обстояло дело с изучением ее на территории Молдовы. Проникновение и расселение носителей культуры Старчево-Криш в Карпато-Поднестровье помимо установления здесь ранних форм производящего хозяйства повлекло также и возникновение Буго-Днестровской культуры (Даниленко 1969: 46-47; 1985: 118-126; Маркевич 1974; Пассек, Черныш 1970: 122-130). Последняя занимала междуречье среднего течения Южного Буга и Днестра. По мнению В.И.Маркевича, в западной части своего ареала эта культура распространялась на всю лесостепную Молдову до реки Прут (Маркевич 1974: 14) (Рис.1; с.164-165). Однако, новые исследования не подтверждают эту точку зрения. Вероятнее всего, ареал Буго-Днестровской культуры включал здесь лишь районы бассейна Среднего Днестра.

С носителями древнейшей этнокультурной общности Старчево-Криш-Кёреш с элементами группы Сатмар связан бесспорный этап неолитизации региона во второй четверти-середине VI тыс. до н.э. Именно с ними связано происхождение памятников центральной лесостепной Молдовы. Появление их здесь вызвало встречный приток местного населения БДК, а влияние вышло за пределы Днестра и отмечено на Южном Буге.

Памятников культуры Криш на территории Пруто-Днестровского междуречья известно более 10, они расположены в лесостепной зоне Центральной Молдовы. Небольшие раскопки производились на поселении Селиште Орхейского района (Григорьева 1969; Маркевич 1973: 22), Виишоара района Глодень (Борзияк, Дергачев 1980: 36-37), масштабные работы на поселении Сакаровка I района Сынжерей, начатые в 1979 г. В.И.Маркевичем (Маркевич 1980: 487), и продолженные В.А.Дергачевым и О.В.Лариной (1989-1991, 1998). Анализ материалов свидетельствует о смешении культурных традиций (соответственно и самих носителей этих традиций), пришельцев с запада и местного населения при ведущей роли «кришского» элемента. Это и вызвало к жизни появление синкретического явления группы Сакаровка (Larina 1994: 47-51). Для эпонимного поселения есть определения абсолютного возраста: Bln 2425-6650±50 BP — 5480-5440 cal. BC. Вообще, это время распада когда-то единой Старчево-Криш-Кёреш сопровождался по всему ареалу сходными процессами; переработки и трансформации достижений общности и возникновении множества более дробных культурных явлений. Для Юго-Восточной Европы этот период ознаменовался началом перехода от раннего к среднему неолиту и увязывается с культурами=группами: Чумешть—Ришколоц—Альфёльдская линейная керамика — Винча А—Дудешть I—Караново III (Racky 1989: 233-235)... и Сакаровка I.

Примерно с этим временем связано формирование КЛЛК в её древнейшем «ältere» варианте (Pavuk 1994: 136-141) в Среднем Подунавье.

***1. Проблема происхождения. Локальные различия.*** Приблизительно в середине VI тыс. до н.э. (5500 г. до н.э.) в Среднем Подунавье начался процесс формирования культуры линейно-ленточной керамики, носители которой, пройдя ряд этапов старшей фазы развития начинают расселяться, с одной стороны, на запад и северо-запад, а с другой, на северо-восток и восток (Pavuk 1962; 1970: 21; 1980: 77; Quitta 1960; 1962; Титов 1980: 260). В северо-восточном направлении племена этой культуры распространяются на значительную часть Польши (Kulczycka-Leciejewiczowa 1964: 47-64; 1979: 48 и след.; 1987: 293-348; Kozłowski J. 1974: 5-8; Godłowska 1982: 45-58) и далее на северо-восток и юг — в Карпато-Поднестровье. В настоящее время на этой территории известно более 200 пунктов с находками КЛЛК. Достаточно четко определяются пути проникновения этих племен в Карпато-Поднестровье из районов Юго-Восточной Польши: с верховьев реки Сан (Жешувское воеводство) на верховья реки Днестр и из междуречья верховьев р.Вепш и Западного Буга (Люблинское воеводство) на Волынь (памятники КЛЛК в Волынской и Ровенской областях).

Именно этот микрорайон, ограничиваемый р.Вепш на западе и р.Горынь на востоке, представляет все этапы непрерывной эволюции культуры от старшей до младшей и группы Желиз. Материалы поселений Градск Надбужанский (Польша) и Ровно (Украина) (Пясецький, Охріменко 1990; Охріменко 1994) соответствуют по своим типичным формам и орнаменту посуды финальной фазе «старшей» линейной керамики в Средней Европе (Pavuk 1994: 136). Следующий этап эволюции на Западном Буге отмечен в материалах Тадани (Пелещишин 1987), формально-типологически соотносимый с первой фазой формирующейся младшей КЛЛК с «нотным орнаментом» (по Ю.Павуку).

Основная масса памятников Волыни связана уже с существованием культуры на средних (Голышев, Гирка Полонка) и поздних фазах (Луцк, Гнидава, Клевень) младшей КЛЛК и Желиз (Охріменко 1990).

К этому же времени относятся все известные памятники КЛЛК верхнего и среднего Днестра, Румынии и Молдовы.

Освоение территории шло все время как бы вдоль восточных склонов Карпат: с верховьев Днестра, занимая его притоки, до среднего Днестра, а отсюда (не пересекая нигде северной границы Республики Молдова) на верховья Прута и Сирета. При этом была плотно освоена тер-

ритория румынской Молдовы и Молдавии. Памятники образуют на карте единый конгломерат. С территории румынской Молдовы шла колонизация через нижние карпатские перевалы Юго-Восточной Трансильвании. В обход южной оконечности Карпат носители КЛЛК проникли и в северо-восточную Мунтению (Berciu 1966: 76; Dumitrescu, Bolomey, Mogoşanu 1983: 66,95; Comşa 1987: 38).

Естественным объяснением подобного пути заселения Пруто-Днестровья с запада, а не с севера, является существование здесь, на Среднем Днестре, памятников Буго-Днестровской культуры (Рис.2), что очень хорошо видно при картографировании — это пункты Перебыковицы, Гордиевцы Хотинского района, Комаров Кельменецкого, Ломачинцы I и II Сокирянского (Археологічні пам'ятки 1981: 165). На территории Молдовы носители КЛЛК заняли практически всю центральную часть. Самыми северными выступают памятники Куболта Сынжерейского района и Флорешть I Флорештского, южными — Русештий Ной I и II, расположенные на границе лесостепи и степи. На востоке естественной границей служила река Днестр, долина которой в это время, видимо, была занята носителями Буго-Днестровской культуры. На позднем этапе развития культуры поселения появились и в междуречье Днестра и Южного Буга (Майнова Балка). Контакт двух культур зафиксирован керамическим «импортом» КЛЛК в самчинском слое БДК на Базьковом острове верховьев Южного Буга (Даниленко 1969: 68) и на памятнике Тэтэрэука Ноуэ XV, расположенном на правом берегу р.Днестр Северной Молдовы. «Импорт» мог происходить из среды носителей КЛЛК Среднего Днестра, а не с территории Пруто-Днестровского междуречья. По мнению румынских археологов, к моменту проникновения носителей КЛЛК в Карпато-Поднестровье, оно еще было заселено племенами культуры Криш (Comşa 1987: 31; Marinescu-Bîlcu 1983: 122; 1985: 486-507). Пришельцы, по их мнению, частично ассимилируют, частично вытесняют последних. В кришской керамике из Грумэзэшть С.Маринеску-Былку видит влияние КЛЛК (Marinescu-Bîlcu 1983: 122). Влиянием культуры Криш объясняет Н.Урсулеску преобладание, по сравнению с центрально-европейскими памятниками, кухонной керамики на поселениях КЛЛК (Ursulescu 1984: 40).

В Пруто-Днестровье, ко времени появления первых носителей КЛЛК типа Дэнчень, продолжалась, вероятно, эволюция памятников типа Сакаровка (Криш), но пока в неизвестных нам формах. О чем косвенно, может быть, свидетельствует фрагмент сосуда из Русештий Ной I. При явно выраженных технико-технологических чертах культуры Криш он орнаментирован в традициях двух культур: Криш и БДК. На отдельных памятниках КЛЛК (Флорешть I, Гура-Каменчий VI, Сынжерей I,XI) встречена орнаментация кухонной керамики парными защипами «колос», которая считается типично «кришской». Однако, по нашему мнению, этот вид орнамента пришел в КЛЛК не прямо из ареала культуры Криш, а опосредованно, через культуру Винча-Турдаш, поскольку встречен на самых поздних памятниках данного региона.

О времени проникновения носителей КЛЛК к востоку от Карпат существует несколько точек зрения. Так, украинские исследователи определили это время средним этапом существования младшей КЛЛК восточного ареала по Ю.Павуку (Телегин 1979: 234; Захарук, Телегин 1985: 133). Пассек и Черныш также относили это событие к средним этапам развития культуры, по периодизации Е.Неуступного (Пассек, Черныш 1963: 35; 1970: 122). Румынские археологи Е.Комша, С.Маринеску-Былку, выделив в развитии румынских памятников КЛЛК три этапа, заполнили практически все 3 фазы развития младшей КЛЛК. Следовательно, определили время этого проникновения в Запрутскую Молдову, начиная с первой фазы младшей КЛЛК (по Ю.Павуку) или III (по Е.Неуступному) (Comşa, 1960: 240-244; Marinescu-Bîlcu 1981: 14-16).

Чтобы четко определить время проникновения племен КЛЛК на территорию Пруто-Днестровского междуречья и место наших памятников в системе древностей этой культуры, суммируем результаты анализа материальной культуры, изложенные выше.

При разборе орудий труда, определении направленности хозяйственного развития и особенно анализе керамики, выделились две группы памятников. Первая из них представлена поселениями Дэнчень I, Рогожень II, Мындрешть, Нэвырнец, эталоном для нее служат материалы Дэнчень I (дэнченская группа). Эталоном для второй группы выступают материалы Флорешть I. В эту группу входят также Гура-Каменчий VI, Сынжерей XI, Цыра II. Ввиду многослойности поселения Флорешть I, целесообразно назвать ее «гуракаменской». Керамические материалы Сынжерей I и ЖХК 1,2,9 поселения Дэнчень I занимают как бы промежуточное положение между выделенными группами и не подтверждены коллекциями отдельно раскопанных памятников в Пруто-Днестровье.

О различиях между выделенными группами в сфере хозяйственной деятельности приходится говорить очень осторожно, поскольку палеоботанические, палеозоологические определения имеются для малого числа памятников. Однако, мы вправе сделать вывод о земледельческо-скотоводческом характере хозяйства обитателей Дэнчень I при ведущей роли земледелия (наличие относительно большой серии земледельческих орудий труда — 10%, выделение специальных зерновых ям и хранилищ-амбаров, малое число костей диких животных). Для поселения Флорешть I (дэнченского антипода) земледельческие орудия труда представлены незначитель-

ным числом (4,3%), примерно равна численность диких и домашних видов животных, отсутствуют в планировочной структуре поселения специальные хранилища для сельхозпродукции. Справедлива для него хозяйственная характеристика, указывающая на наличие производящей и многоукладной экономики с ведущей ролью животноводства, охоты и вспомогательного земледелия (Коробкова 1987: 168-169).

***2. Место Пруто-Днестровских памятников в системе КЛЛК и среди других культур региона.*** Первая группа Дэнчень находит свое формально-типологическое соответствие во второй фазе младшей КЛЛК Центральной Европы (по Ю.Павук) (Pavuk 1969, 1970). Для Пруто-Днестровья она самая ранняя и определяет первый этап освоения территории. По немногочисленным находкам фрагментов инородных сосудов можно наметить пунктир взаимоотношений с другими культурами: позднекришский фрагмент среди материалов Русештий Ной I, сочетающий орнаментацию широкими проглаженными линиями и серповидных отпечатков; сосуд из заполнения объекта 10 (полуземлянка) ЖХК № 4 поселения Дэнчень I. Последний устанавливает синхронизм с культурой Дудешть (Мунтения). Эквивалент этому сосуду происходит с эпонимного поселения Дудешть (Comşa 1969: 567-573) и фиксирует встречу двух культур на этапе Дудешть III (Черника) (Comşa 1971: 228, fig.22:3). К этому же комплексу относится статуэтка. К дудештским влияниям следует, видимо, отнести и наличие фрагментов кухонной керамики в Дэнчень I (11,6%), поверхность которых была покрыта ангобом с небольшим количеством мелкой растительности, тогда как в тесте примесь была значительна.

Последующий контакт двух культур Дудешть и КЛЛК зафиксирован в Мунтении образованием синкретического явления — памятников типа Судиц. Они легли в основу формирования нового культурного явления «первой фазы Болинтиняну» культуры Боян (Teodorescu 1971: 42-51. О дискуссии см.: Ursulescu 1982: 479-486; Comşa 1985: 412-418).

К этому времени вероятно относятся поздние комплексы Дэнчень I — ЖХК № 1,2,9 второй группы, содержавшие находки сосудов со слабоканнелированной «плиссе» поверхностью (Рис.77:10). Для этих комплексов отмечаются лишь начальные следы трансформации материальных черт: увеличение значения неорганических примесей в кухонных сосудах — шамот 10%; разложение орнаментальных композиций. Материалы Сынжерей I демонстрируют момент более углубленных изменений. Это поселение ближе по своему облику к третьей группе памятников Молдовы — гуракаменчийской, что и определяет общее промежуточное положение материалов этого типа среди древностей групп Дэнчень и Гура-Каменчий.

Наибольшее соответствие памятники Сынжерей I, ЖХК № 1,2,9 Дэнчень I находят в материалах поселения Незвиско Украины (Черныш 1962: 285; Пассек, Черныш 1963: табл.1-8). Черты, которые ее роднят с группой Дэнчень, выражены сильно при имеющихся различиях. Развитый набор типов форм керамики совпадает с дэнченским, в тесте кухонной керамики имеется незначительная примесь шамота (но нет дресвы), совпадают виды орнаментальных элементов и композиций на кухонной и столовой керамике. В Незвиско, судя по публикациям, численно преобладает орнаментация столовой посуды тремя параллельными линиями, расположенными в верхней части сосуда — 45,8%, двумя линиями орнаментировано 16,2%, четырьмя — 12,5%, прочие единичные, а на тулове преобладают простые угловые композиции. К тому же количественно элементы орнамента в Незвиско располагаются так: угловой рисунок — 55,1%, волютовый — 26,45%, прямые линии — 4,1%. Некоторые сосуды украшены только ямками (10,2%), на отдельных из них прослежена тенденция перемещения ямок в межленточное пространство. С.Маринеску-Былку при анализе тырпештской керамики отмечала наибольшую близость этого поселения с незвиским, а не флорештским (Marinescu-Bîlcu 1981: 14). Судя по публикациям (Marinescu-Bîlcu 1981: fig.27-30), орнаментация столовой керамики на поселении Тырпешть представлена так: углы — 42,3%, волюты — 26,9%, прямые линии — 11,5%, ямки — 15,4%. С другой стороны, в материалах Незвиско и Тырпешть прослежено разложение орнаментальных композиций, характерное для второй группы памятников типа Гура-Каменчий: заглаживание-пролащивание линий, размещение ямок между линиями, или одна соединяет две линии.

Для Тыпрешть исследовательница отмечает влияния, идущие из области групп Желиз, Шарка (Marinescu-Bîlcu 1981: 14-16; Dumitrescu 1981: 233-240).

Такому положению соответствуют находки с поселения Сынжерей I. ЖХК № 1,2,9 Дэнчень I. Желизовецкая керамика найдена в Дэнчень I, Сынжерей I (Рис.77:1; 80:6). Сосуд типа Шарка (?) — в Дэнчень I (ЖХК 9). Аналогии ему известны в Могельнпице (ЧССР) (Tichy 1974: fig.4,2-3). Влияниям, идущим с северо-запада, соответствует орнаментация мисочки мотивом «бегущей волны» и фрагмент с множеством близко расположенных тонких прочерченных дуговидных линий (культура Бюкк-?) (Рис.76:5).

С.Маринеску-Былку отнесла поселение Тырпешть к самому позднему этапу существования КЛЛК на территории Румынии. При этом отметила, что отдельные черепки имеют выемчатый узор в виде прямоугольников «шахматной доски», «волчьих зубов», обычных для культуры Боян. На основании данных признаков автор определила доживание КЛЛК в Молдове до появ-

ления памятников культуры Боян фазы Джулешты (этап Гряка) (Marinescu-Bîlcu 1972: 165-169; 1981: 15-16). На основании материалов Тырпешть, она заполнила лакуну между памятниками культуры Боян и Прекукутень I. Поселениям типа Тырпешть была отведена роль компонента в сложении последней. К этому же времени отнесено поселение Незвиско. Молдавские памятники, в основном Флорешть I, определялись исследовательницей как достаточно поздние, но моложе Тырпешть (Marinescu-Bîlcu 1972; 1981). Этого же мнения придерживается в своих работах Е.Комша (Comşa 1985: 417; 1987: 33-37).

Для определения позиции второй группы памятников Молдавии (Гура-Каменчий VI, Флорешть I, Сынжерей XI) обратимся к работам Ю.Павука, разработавшего периодизацию КЛЛК и группы Желиз восточного ареала (Pavuk 1969; 1970; 1981). Основываясь на немногочисленных материалах Словакии, в основном из объекта Стурово 222/66 и сосудов из погребений 3/64, 6/64, 17/65 в могильнике Нитра (Pavuk 1972: Abb. 24,11; 28,11; 29, 7,11), он выделил следующие главные, по его мнению, признаки третьей фазы младшей КЛЛК: расположение ямок группами, друг над другом, между линиями (как первый показатель появляющейся группы Желиз), господство дугообразного рисунка, появление дополнительных элементов — чередование залощенных и матовых лент в орнаментации, заполнение процарапанных линий изредка красной краской. Им отмечена также общая усложненность орнаментальных композиций, сочетание волют, углов и пр. (Pavuk 1969: 273 и след.). Эта фаза наиболее гипотетична в схеме Ю.Павука, поскольку, как он отмечал сам, в Словакии пока нет достаточного числа «чистых» объектов (Pavuk 1969: 275). Это же подтверждают материалы поселения Луцк (Гнидава) на Волыни (Miloiycic 1951: fig.1; Пассек, Черныш 1963: табл.I): два стиля орнаментации — нотная и группы Желиз первой фазы — встречены вместе (см., например, Geslerowa 1985).

Как нам представляется, выделенная вторая группа памятников на территории Молдовы, как нельзя лучше соответствует признакам третьей фазы младшей КЛЛК восточного ареала. Наиболее поздний характер этой группы подтверждают многие черты в материальной культуре, в том числе в керамике, свидетельствующие о сохранении собственной этнической традиции в то время, когда на основной территории уже существовала и развивалась группа Желиз. К наиболее поздним чертам этой группы памятников относятся следующие.

Увеличение в кухонной керамике значения неорганических примесей, таких как шамот и дресва. Последняя встречается только в материалах самых последних памятников с железовецкими чертами, например, в Луцке на Волыни (обработано автором). Сосуды — и столовые, и кухонные — обработаны и обожжены гораздо лучше, чем раньше. Становится меньше сосудов полушаровидной формы с сильно стянутым устьем, также исчезают высокие кубки VII типа. Наиболее разнообразным становится набор мисок: «шлемовидные» и с выделенным поддоном. К характерным чертам этой группы относится орнаментация столовой посуды двумя линиями под венчиком, а на тулове волютовым усложненным рисунком (Pavuk 1969: 276, Abb.6-7,10,25). Ямки располагаются по иному, чем это было принято в первой группе. Расположение ямок друг над другом, между линиями, уменьшение их в размере, заполнение красной краской, частый отказ от них при орнаментации сосудов, все это свидетельствует об изживании одной из характернейших черт КЛЛК. Появление в орнаментации кухонной керамики новых мотивов — круглые, квадратные, треугольные наколы штампом, элементы «кришского» орнамента — защипы. Подобный орнамент есть в Луцке (Miloycic 1951: 112, Abb.1,8; Пассек, Черныш 1963: табл.I), в материалах группы Желиз в Венгрии (Титов 1980: 301, Рис.180, 3-4,6, 177, 9). Необходимо напомнить, что орнаментация кухонной керамики в кришских традициях станет обычной для следующих за КЛЛК культур в данном регионе — Прекукутень II, III (Збенович 1980: 10-19; Marinescu-Bîlcu 1974: fig.52; 4). Как считает Г.Думитреску, кришские черты возникли в керамике формирующейся культуры Прекукутень под воздействием Винча-Турдош, генетически связанной с культурой Криш (Думитреску 1960: 38-41). Начало этих связей, видимо, следует отнести ко времени конца развития КЛЛК, которое демонстрирует нам материалы второй группы. Об этой же направленности связей группы Гура-Каменчий с юго-западом свидетельствует керамика из Флорешть I, Цыра II, орнаментированная наколами в лентах. Р.Григель, выяснявший время появления подобной орнаментации в Малопольше (Grigel 1978), привлек также и находки с нашей территории. Появление его в Малопольше он объясняет, вслед за Е.Неуступным, влиянием культуры Винча на этапе B1-B2. В Словакии этот орнамент выступает с материалами, типичными для поздней фазы младшей КЛЛК и группы Желиз (Pavuk 1969: 273).

Наиболее ярко связи через орнаменты отразились именно на памятниках поздней КЛЛК: «кришский» колосковый защип, наколы в лентах — индикаторы винчанского воздействия на позднюю КЛЛК и Желиз, но не напрямую, через Карпатские перевалы из Трансильвании, а снова опосредованно «северным» путем через Словакию, Польшу и Верхний Днестр. Памятники Луцк (Гнидава), Гирка Полонка для Волыни (Охріменко 1994: 92-93; 108, рис.3,6; 110, рис.6; 111, рис.4,7-8; 113, рис.3), Торское на Днестре (Пассек, Черныш 1963: Табл.XI:8; XIII:18-19), Миховень в северной Молдове (Румыния) (Ursulescu 1990: Pl.7:24); Цыра II, Флорешть I в Молдове (Пассек, Черныш 1963: Табл.XV:6;

XVIII:1; XX:13), Майнова Балка в междуречье Днестра и Южного Буга (Рис.95:1) маркируют это влияние.

Отметим, что наколы в лентах появляются в культуре Боян на этапе Алдень (Comşa 1974: fig.15-14).

Наличие во Флорешть I фрагментов с каннелюрами, дополнительными отпечатками маленького штампика и появление совершенно новой техники — превращение прочерченных линий в широкие глубокие овальные в разрезе бороздки, что-то среднее между каннелюрами и выемками, указывает на контакт с культурами, украшавшими сосуды каннелюрами (Боян, Прекукутень). О том, что контакты с юго-западом были двусторонние, свидетельствуют материалы культуры Боян фазы Болинтиняну и Джулешть, особенно на последнем этапе (Алдень) (Comşa 1974: fig.3;8; pl.14; 13/16). Это расходящиеся усиками ямки на боянских, прекукутенских черепках, спираль и дуги, комбинация широких и узких прочерченных линий, наколы полой трубочкой (Comşa 1974: табл.10, 18,15), угловые композиции (Marinescu-Bîlcu 1974: pl.35/8,9; Comşa 1974: pl.15/4-6,9).

Появление такого орнамента было объяснено влиянием КЛЛК и даже ее участием в сложении как культуры Боян, так и Прекукутень (Comşa 1974: 223-229; 1983: 415; Marinescu-Bîlcu 1974: 114 и след.). В настоящее время имеются и памятники КЛЛК с такими же элементами в орнаментации. Имеющиеся в обеих культурах черты, свойственные друг другу, видимо, свидетельствуют о взаимных контактах и трансформации материальных черт в результате диффузии, что в дальнейшем послужит основанием для безболезненного слияния и образования нового культурного явления — культуры Прекукутень. Фактически подтверждением того, что развитие материальной культуры КЛЛК на территории Молдовы идет своим путем, отличным от основной ее территории, служит не только появление новых приемов орнаментации, но и отмирание старых. Особенно это хорошо видно на примере изменения ямочек, одного из главных этнизирующих признаков в культуре КЛЛК керамики с «нотным» орнаментом. Ямочки уменьшаются в размерах до наколов — 0,2-0,1 см, перемещаются с обычных для них линий, исчезают вообще, т.е. являют нам пример своей дегрaдации. Тогда как в основной зоне своего развития, там, где КЛЛК сменяет Желиз, из расположения ямок между линиями, по две-три, а то и больше, появляется удлиненная общая насечка Желиза (Pavuk 1970: 250 и след.).

Типологическое положение памятников Молдовы как наиболее позднее периферийное явление в системе КЛЛК довольно хорошо подтверждается импортами групп Желиз и Шарка. В центральной Европе они уже знаменуют собой переход к энеолиту (Pavuk 1970: 43-64). В работе, посвященной желизовецкой группе, автор отнес памятники восточнее Карпат к поздней фазе младшей КЛЛК. Основанием для этого послужило главным образом его наблюдение о полном отсутствии эсовидных в профиле грушевидных сосудов в Словакии и во всем Карпатском бассейне и наличие их в Моравии, Чехии, Германии, Украине, Румынии. Наличие таких сосудов, по его мнению, указывает на тесный хронологический горизонт Желиз-Шарка. Ко времени их появления КЛЛК на Среднем Дунае уже не существовала (Pavuk 1969: 277 и след.). Наличие относительно большого процента сосудов такой формы в материале памятников Молдовы КЛЛК вроде бы подтверждает этот вывод.

С другой стороны, и анализ каменных теслообразных орудий позволяет точнее установить место памятников. Нами была проанализирована партия шлифованных орудий из могильника в Нитре (Словакия) (Pavuk 1972: Abb.24-29). Двенадцать изделий подразделились на два типа: плосковыпуклого сечения и подпрямоугольного. Построив график соотношения ширины и толщины в I типе, получили любопытную картину совпадения группировок тесел из Нитры с теслами Пруто-Днестровья (Рис.41б). Ю.Павук датировал время существования могильника в Нитре средней и поздней фазой младшей КЛЛК восточного ареала (Pavuk 1972: 83).

Для предшествующих и последующих за КЛЛК культур Центральной Европы также характерно наличие шлифованных каменных орудий труда. Напомним, что на памятниках КЛЛК Молдовы количество орудий II типа (низкой трапециевидной формы и уплощенно-прямоугольного сечения) минимально — 8,5%. В Нитре их 8,3%. Преобладание таких орудий характерно для ранненеолитических культур: Старчево-Кёреш-Криш, Альфёльдской линейной керамики (Tringham 1968: 45-70; Kalicz, Makkay 1977; Ursulescu 1983: 22-41; Титов 1980: 90,148). Подобный же молдавскому набор каменных шлифованных орудий труда характерен для культур конца среднего и позднего неолита — ранние этапы культуры Бюкк, Боян, Прекукутень I (Lichardus 1974: Abb.7, 5-8: 41; Comşa 1974: fig.22, 1-12; Marinescu-Bîlcu 1974: Abb.12).

С.Венцель, рассмотревший каменные орудия первых земледельцев, отмечал индикаторную роль долот типа Schuhleistenkeil. По его мнению, появляются они впервые в течение средней ступени КЛЛК в Богемии, переходят затем на ступень Шарка и существуют позднее (в желизовецкой группе), причем развитие идет от низких форм к высоким (Vencl 1960). Преобладание колодкообразных долот в группе Желиз Венгрии отмечает В.С.Титов: «каменный шлифованный колодкообразный топор продолжает оставаться одной из самых частых находок среди в общем-то довольно редко встречающихся каменных орудий труда на поселениях группы Желиз» (Титов 1980: 308). Эту же тен-

денцию отмечает Я.Рульф для Билани (Rulf 1989: 144).

При сопоставлении каменных шлифованных орудий труда и керамики с поселений Молдовы, четко прослеживается взаимосвязь: керамика — камень. Так, с одной стороны, преобладающее число колодковидных долот высокой формы типа IA в материале поселений Гура-Каменчий VI и Флорешть I (соответственно 81,8% и 66,6%), появление в их инвентаре утолщающих книзу долот с подквадратным сечением говорит о принадлежности этих памятников к поздней фазе существования младшей КЛЛК с нотным орнаментом. С другой стороны, это положение подтверждает анализ керамики. Здесь имеется значительный процент орнаментальных композиций, выделенных Ю.Павуком для завершающей фазы развития младшей КЛЛК (Pavuk 1969: 269-367). Процент такой керамики на поселении Дэнчень I минимален и связан с памятниками промежуточной группы, колодковидные высокой формы долота подтипа A в I типе занимают только второе место по численности (28,6%), акцент здесь перенесен на тесла подтипа C (42,7%). Следовательно, общий облик памятника Дэнчень I более ранний, чем приведенных выше поселений.

Обзор древностей КЛЛК Карпато-Поднестровья и сравнение с материалами памятников Пруто-Поднестровья позволяет наметить следующие соответствия их друг другу.

Группе Дэнчень I, самым ранним памятникам Пруто-Днестровья, соответствуют видимо материалы поселений румынской Молдовы: Ларга Жижия, Дэнешть.

Наибольшее количество памятников КЛЛК Румынии соотносится с переходной группой Молдовы (Сынжерей I ЖХК № 1,2,9 Дэнчень I): Глэвэнештий Векь, Судиц, Хэрман, Траян. Замыкает их Тырпешть как наиболее позднее явление КЛЛК в Карпато-Попрутье. Целесообразно эту группу памятников наименовать тип Тырпешть.

В Пруто-Днестровском междуречье эволюция КЛЛК продолжается в ее третьей группе памятников типа Гура-Каменчий.

Выделенные румынскими исследователями группы памятников КЛЛК на территории Карпато-Попрутья соответствовали этапам освоения этой территории и характеризовались особыми отношениями с местными племенами. В результате контакта носителей КЛЛК второй фазы (Comşa 1985: 414) с культурой Дудешть (этап Черника) в Центральной Мунтении, сформировалась культура Боян. А с носителями 3 фазы КЛЛК (памятник Тырпешть) и Боян второй фазы (Джулешть) образовалась культура Прекукутень I. Комша определяет территорию этого взаимодействия югом Молдовы (Comşa 1974: 244). Маринеску-Былку считает, что подобные культурно-этнические контакты происходили на юго-востоке Трансильвании, а также в западной и центральной частях Молдовы (Marinescu-Bîlcu 1974: 127-128). Поскольку, по их мнению, памятники Пруто-Днестровья старше Тырпешть и соответствуют второй фазе КЛЛК, то к моменту развития культуры Прекукутень I последних на этой территории уже не было. А это, в свою очередь, позволило носителям Прекукутень второго этапа быстро освоить территорию Пруто-Днестровья (Збенович 1980: 163; 1985: 20). Однако теперь, с выделением второй, более поздней группы памятников на территории Молдовы, вопросы взаимодействия Боян, КЛЛК и Прекукутень следует видимо пересмотреть, точнее определить участников и время этих процессов. На территории Молдовы не найдены памятники культуры Боян, Прекукутень I, и Пруто-Днестровье как бы выпадает из зоны главных событий формирования культур конца неолита — энеолита. Первые, наиболее ранние памятники на этой территории типа Дэнчень указывают на активные контакты с культурами Центральной Европы (северо-западом) и лишь редкие с юго-западом. Время этих памятников определяется последней фазой культуры Дудешть (Черника). Для этого времени можно говорить и о контактах с БДК, отмеченных в Сорока V не только керамическим «импортом» КЛЛК в среде БДК, но и явным заимствованием. Округлобокий сосуд с невысоким прямым венчиком изготовлен по образцам столовых сосудов КЛЛК.

Поселение Сорока V связывают обычно с раннесавранским этапом существования БДК, что может косвенно свидетельствовать о контактах с ранними для Пруто-Днестровья памятниками КЛЛК типа Дэнчень. Только отдельные комплексы Дэнчень I (ДХК 1,2,9), поселение Сынжерей I, Незвиско, Тырпешть указывают на их сосуществование с Желиз, Шарка. В этих материалах явственны новые черты, которые станут характерными для последующей фазы развития КЛЛК этой территории — поселения Гура-Каменчий VI, Флорешть I, Сынжерей XI, Цыра II. На прочих территориях этому времени соответствуют только памятники Луцк на Волыни, Торское, Котоване на Украине. Хронологически они синхронны культурам Винча B1B2, а также Боян фазы Джулешть и возможно первого этапа культуры Прекукутень I. Для этого этапа отмечено усиление и углубление контактов КЛЛК и БДК, которое выразилось в смешении керамических традиций двух культур на поселении Майнова Балка, расположенном в междуречье Днестра и Южного Буга. Продолжаются контакты на уровне «импорта». Фрагмент венчика с орнаментацией в стиле «Шарка» (ряды подтреугольных наколов, «посаженных» на тонкие линии-бороздки) и техникой КЛЛК выделил В.Г.Збенович в коллекции поселения Саврань поздней БДК (Збенович 1989: 176). Правда, в его работе к этому времени КЛЛК с Днестра уже исчезла (Збенович 1989: 175).

Обратный, восточный «импульс» в матери-

алах КЛЛК зафиксирован подъемным материалом с поселения Гура-Каменчий VI двух фрагментов округлобоких мисок КЛЛК, орнаментированных внутри и снаружи. В одном случае прочерченными линиями и мелкозубчатыми косорасположенными отпечатками створкой раковины (Рис.88:1-2). Во втором, под краем венчика прочерчены треугольники вершинами вверх, заполненные косыми насечками. Внутри прослежены слабые отпечатки мелкозубчатой кочалки (?) или шнура (?). Подобная орнаментация, вероятно, имеет исходным источником области Сурско-Днепровской культуры и определяет более дальнюю перспективу контактов КЛЛК в восточном направлении. Материалы КЛЛК поздней фазы типа Гура-Каменчий в среде Сурско-Днепровской культуры известны уже давно (Даниленко 1969: 188, рис.39: 1,4,6-7). Все развитие КЛЛК на территории Молдовы умещается в промежуток времени, соответствующий последней фазе культуры Дудешть и до Прекукутень II. Подтверждением служит стратиграфия Флорешть I: позднейшая КЛЛК перекрыта флорештской фазой (Прекукутень II) раннего Триполья (Пассек 1958; 1959; 1960; Збенович 1985: 22-23).

По абсолютному датированию все развитие КЛЛК в Европе с ее двумя этапами, многочисленными фазами и группой Желиз укладывается в 700-600 лет от 5500 до 4900 cal.BC (Qutta 1970: 426; Whittle 1985: 38; Cahen, Gilot 1983: 21-40). Для памятников КЛЛК Пруто-Днестровского междуречья нет определений абсолютного возраста. Однако имеются две даты для поселения Тырпешть в Румынии — (Bln 800)-4220±100 BC и (Bln 801) 4295±100 BC (Marinescu-Bîlcu 1974: 140), что при калибровке составило 5100-5000 (Horvarth, Hertelendi 1994: 118) и находится в полном соответствии с определенным типологически для наших памятников положением. Они соответствуют концу среднего (тип Тырпешть) и началу позднего (тип Гура-Каменчий) этапов КЛЛК Карпато-Поднестровья. При этом, вероятно, поздний тип памятников Гура-Каменчий продолжал свое существование и в начале V тыс. до н.э., что подтверждает дата для поселения культуры Прекукутень II Подурь Дялул (Румыния) (Bln 2804) 5820±50 (3879 uncal. BC), соотносимая с верхним слоем Флорешть I (Monah 1987: 78).

При уточнении позиции ранних памятников типа Дэнчень, мы можем, в какой-то мере, опереться на дату С14 для поселения БДК Сорока V (Bln 585) 4545±100 = 5280-5200 cal BC (Маркевич 1974: 38), которая уводит нас в последнюю четверть VI тыс. до н.э. Общий промежуток времени составит для КЛЛК Пруто-Днестровья не более 300 лет.

Основные различия, наблюдаемые между памятниками выделенных этапов, заключаются в том, что черты, унаследованные носителями КЛЛК на среднем этапе развития культуры в Центральной Европе, выражены достаточно сильно. Комплексы финального этапа демонстрируют пример дальнейшего развития и видоизменения основных черт культуры и появление новых, в которых отражен процесс ее исчезновения вообще.

## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Носители культуры линейно-ленточной керамики освоили территорию Пруто-Днестровского междуречья в последней четверти VI-начале V тыс. до н.э. В поиске плодородных земель при быстро растущих коллективах происходит заселение благоприятных для обитания районов Карпато-Поднестровья. Концентрации выявленных здесь пунктов представляют собой особую Молдавскую группу памятников. Она вычленяется как географически, так и исторически из общей линии развития восточной ветви КЛЛК специфической исторической судьбой, которая была предопределена сильным южным влиянием, контактом и взаимодействием с культурами Дудешть-Боян-Прекукутень на юге и БДК на востоке.

В своей работе мы представили подробно лишь восточную часть этого явления. Время проникновения приходится на период расцвета и усиления культуры; средняя фаза младшей КЛЛК. Освоение территории шло с запада из Запрутской Молдовы. Прямой путь по Среднему Днестру оказался закрыт носителями БДК. Возможно и природные условия Северомолдавского плато не устраивали переселенцев. Основной зоной заселения стала центральная часть Пруто-Днестровья с лучшими черноземными и пойменными почвами, пригодными для земледелия.

Поселения представляют собой достаточно крупные от 1 до 5 га объекты, на которых прослеживается горизонтальное смешение жилых и хозяйственных сооружений, свидетельствующие о долговременности их существования с изменениями в материальной культуре, особенно керамике.

Жилищно-хозяйственные комплексы поселений образуют отдельные домохозяйства, каждое из которых занимало территорию в 400-500 кв.м. В этой структуре вычленяется «двор» 60-100 кв.м и жилые объекты от 15 до 45 кв.м. интерпретируемые как дом для одной семьи. Жилищами чаще всего служили углубленные в землю полуземлянки, реже встречаются наземные сооружения (Дэнчень I, Гура-Каменчий VI, Дурлешть I).

Для всей восточной периферии КЛЛК землянки и полуземлянки являются основным видом жилья. На отдельных поселениях прослежены хозяйственные ямы, а также полууглублен-

ные наземные и столбовой конструкции амбары. Последние имеются только на памятниках, общий облик материальной культуры которых свидетельствует о наличии рентабельного земледелия (Дэнчень I, Дурлешть I) и их практически нет там, где в хозяйстве ведущую роль играет скотоводство (Флорешть I).

Очевиден поликультурный характер земледелия носителей КЛЛК в Пруто-Днестровском междуречье, на нашей территории, поскольку наряду с зерновыми (все пять видов пшеницы, два видя ячменя, просо) и огородными (бобовые) культурами могли возделываться и плодовые (черешня, алыча). В инструментарии обитателей поселений выявлен соответствующий характеру земледелия набор орудий труда: для первичной обработки земли — роговые наконечники землекопалок, мотыги; для уборки урожая — вкладыши серпов; для обработки зерна каменные зернотерки, куранты, песты. В домашнем стаде присутствует «неолитическая триада»: крупный рогатый скот, мелкий рогатый скот и свиньи. На всех памятниках первый вид является ведущим, а два последних меняются местами, отражая конкретную ситуацию каждого поселения. Немаловажную роль в хозяйстве обитателей поселения играло, видимо, собирательство, а рыболовство совсем не документировано находками. На отдельных памятниках прослежено увеличение доли скотоводства и охоты в хозяйстве их обитателей (Флорешть I, Цыра II, Рогожень II). Сложность хозяйства в рамках единой общности КЛЛК Пруто-Днестровского междуречья объясняется, видимо, принципом оптимизации: выживание в конкретных эколого-социальных условиях с минимальным риском.

Важнейшей сферой деятельности на всех поселениях является производство орудий труда, изготовлявшихся из кремня, различных пород камня, кости, рога и дерева. Часть орудий изготовлена из привозного прутского кремня (около 50% в Дэнчень I). Так же с запада могла поступать часть каменных шлифованных орудий труда из амфиболита и туфа. Основное же число орудий изготовлялось из местного сырья: меловой кремень, песчаник. Производство орудий труда было децентрализовано, так же как и сами производственные процессы. Однако имеются отдельные свидетельства о возможных зачатках специализации как в производстве орудий труда, так и в косторезном деле.

Различие в материальной культуре трех фаз молдавской группы памятников достаточно четко выявлено и в «поведении» теслообразных каменных шлифованных орудий труда. На поздних резко преобладают долота высокой формы, классические колодковидные, тогда как на ранних — тесла.

Широко распространенным производством на каждом поселении было керамическое. Судя по орнаментации керамики, формам и технологическим способам ее изготовления, обитатели поселений продолжали употреблять и развивать основные приемы, характерные для КЛЛК «материнской» основной территории — Центра Европы. Однако унаследованные черты материальной и духовной культуры по мере развития племен на поздних фазах начинают перерабатываться и видоизменяться, что и позволило нам рассматривать КЛЛК на территории Карпато-Поднестровья как особую молдавскую группу памятников. Кроме уже отмеченных различий в сфере хозяйственной и производственной деятельности обитателей, наиболее ярко новое проявляется в производстве керамической посуды. Такими индикаторами поздней фазы являются: новая отощающая примесь в кухонной керамике — дресва; разнообразие пластического и углубленного орнамента — защипковый «кришский», наколы-штампы. Яркие отличия наблюдаются в орнаментации столовой керамики: наряду с угловым шире применяется волютовый, эти два вида комбинируются между собой, создавая более сложные и разнообразные орнаментальные композиции. Ямочки, наиболее характерная черта «нотного» орнамента, становятся меньше размерами, покидают свои места на линиях, располагаясь между ними по несколько в ряд или вообще отсутствуют. Прочерченные линии превращаются в канелюры-желобки, пока еще сохраняя углово-волютовые мотивы КЛЛК. Но это уже иная техника, сигнализирующая не только о контактах с иными культурами, употребляющими такую технику, сколько о готовности самой КЛЛК видоизмениться, о начале такого видоизменения.

Материалы ранних памятников типа Дэнчень позволяют согласиться с предположением С.Маринеску-Былку о доживании позднекришских традиций к моменту появления в междуречье носителей КЛЛК. Возможно, включением этого населения в среду культуры объясняется столь быстрое и плотное заселение Пруто-Днестровья носителями КЛЛК.

Процесс отразился в материалах поздних памятников типа Гура-Каменчий увеличением кришских традиций орнаментации как кухонной керамики (защипы, барботина, разнообразие налепов и наколов), так и столовой (биконические с перегибом, подчеркнутым валиками или упорами).

Безусловно, для ранних памятников устанавливается контакт на уровне «импортов» с культурой Дудешть, а для памятников Румынии он был непосредственным.

Группа памятников типа Дэнчень и ЖХК №№1, 2, 9 Дэнчень I, Сынжерей I относятся к концу среднего и началу позднего этапа младшей КЛЛК восточного ареала распространения, что хорошо подтверждается материалом группы Шарка и Желиз в Дэнчень I и Сынжерей I. Общий облик материальной культуры, свойственный для средней фазы младшей КЛЛК,

можно объяснить только запаздыванием развития в условиях дальней периферии. Наибольшее соответствие группа находит с поселениями Тырпешть (в Румынии) и Незвиско (на Украине), которые, в свою очередь, являются наиболее поздними для своих территорий.

Выделенная специфическая для молдавской группы памятников поздняя фаза, представленная поселениями Флорешть I, Гура-Каменчий VI, Сынжерей XI, представляют собой последний завершающий этап развития КЛЛК Центральной Европы в чистом виде, поскольку в основной зоне своего существования (Средний Дунай, Центральная Европа) в материалах этого этапа постоянно присутствуют элементы группы Желиз. Наличие поздних памятников в пределах Молдавской группы со следами четких изменений в материальной культуре, объясняется и проникновением сюда новой волны переселенцев из материального очага и саморазвитием культуры на месте.

Связь памятников типа Тырпешть (переходные) с основной исходной территорией явственно видна во влияниях — Желиз, Шарка, Бюкк, Сакалхата. Кроме того, прослеживаются взаимоотношения и с юго-западными культурами, существовавшими на территории Румынии — Боян на этапе Болинтиняну и Джулешть. На поздних этапах существования КЛЛК группы Гура-Каменчий VI связь с северо-западными культурами и группами Центральной Европы ослабевает. В материальной культуре явственно отражается контакт с юго-западом — культура Винча-Турдош (?), Криш, культура Боян на этапе Джулешть (фаза Алдень). Скорее всего, поздние памятники Пруто-Днестровского междуречья КЛЛК существуют параллельно с Прекукутень I, чему служат подтверждением отдельные черты в керамическом материале. Отмеченные видоизменения в орнаментации керамики поздних памятников, видимо, частично содержит ответ на вопрос: «Куда исчезла КЛЛК?». Потерять ее очень легко: теряешь «ноту» — исчезает культура. Для Пруто-Днестровья фиксируется процесс взаимодействия КЛЛК и ее восточных соседей на протяжении долгого времени: начальный в самчинскую и последующий в савранскую фазы БДК. С поздним этапом существования БДК и КЛЛК связаны материалы поселения Майнова Балка, Гура-Каменчий VI. Они указывают на сложную культурно-этническую ситуацию региона Прут-Днестр в переходный неоэнеолитический период. При этом можно говорить о сложности процессов, происходивших в это время в среде самой КЛЛК. Основная масса ее носителей к западу от Днестра была втянута в процесс трансформации и возникновения нового культурного явления Прекукутень — раннее Триполье. При этом можно предположить отток части носителей КЛЛК за Днестр и включение их в культуры Днестровско-Днепровского региона. Импорты и отмеченный культурный синкретизм указывает на это направление развития связей.

Вопрос о роли носителей КЛЛК в этногенетическом и культурном процессах становления и развития племен культуры Прекукутень — раннее Триполье в настоящее время в основном решен. Румынскими археологами определен компонент КЛЛК в сложении культуры Боян наряду с культурой Дудешть, а затем ее же с культурой Боян в образовании Прекукутень, в результате чего была создана яркая и мощная Кукутень-Триполье. Крайняя восточная периферия КЛЛК Пруто-Днестровья становится трамплином для последующего энеолитического периода расцвета производящего хозяйства Юго-Восточной Европы.

Первостепенным представляется изучение молдавской группы памятников КЛЛК по обоим берегам Прута в их единстве, каким они были в конце VI тыс. до н.э. Конечно, при условии, что все составляющие будут иметь отработанную систему для сравнения друг с другом.

ЛИТЕРАТУРА


Антонова Е.В. 1977. Антропоморфная скульптура древних земледельцев Передней и Средней Азии. Москва.

Археологічні пам'ятки Прикарпаття і Волині кам'яного віку. 1981. Київ, Наукова думка, с.147-269.

Безусько Л.Г., Климанов В.А., Шелег И.А., Сосенко Ю.Р. Климатические условия Украины в позднеледниковье и голоцене // Палеоклиматы голоцена Европейской территории СССР. Москва, с.125-135.

Безусько Л.Г., Котова И.С. 1997. Культура линейно-ленточной керамики на Украине и ее природное окружение // Археология и этнология Восточной Европы. Материалы и исследования. Одесса, с.140-152.

Бибиков С.Н. 1951. Культовые женские изображения племен Юго-Восточной Европы. // СА, XV, с.122-139.

Бибиков С.Н. 1953. Раннетрипольское поселение Лука-Врублевецкая на Днестре // МИА № 38. М., с.1-408.

Бибиков С.Н. 1962. Из истории каменных серпов на Юго-Востоке Европы // СА № 3, с.3-24.

Бибилкис Г.М., Друмя А.В., Дубиновский В.Р., Покатилов Б.Н. 1978. Геоморфология Молдавии. Кишинев, Штиинца, 165 с.

Бобринский А.А. 1978. Гончарство Восточной Европы. М, Наука.

Бикбаев В.М. Памятники позднего палеолита - раннего Триполья в Лазовском районе // Археологические исследования в Молдавии. 1974-1976 гг. Кишинев, Штиинца, с.191-200.

Бикбаев В.М. 1986. Отчет трипольской экспедиции о работе на археологическом памятнике Бологаны I в 1985 г. Кишинев, Архив МАЭ АН МССР.

Борзияк И.А., Дергачев В.А. 1989. Новый тип неолитических памятников в Молдавии // Археологические исследования на Украине в 1976-1979 гг. Тез.

докл. Днепропетровск, с.36-37.
Бучинский И.Е. 1957. О климате прошлого Русской равнины. Ленинград.
Бырня П.П. 1985. Отчет о работе Требуженской археологической экспедиции на поселении Скок в 1985 г. Кишинев, Архив МАЭ АН МССР.
Василенко Б.А. 1971. Отчет о работе в 1971 г. Киев. № 1971/38, ИА АН УССР.
Васић М. 1936. Преисториска Винча III. Бластика. Београд.
Возникновение и развитие земледелия. 1967. М., Наука, с.3-231.
Геология СССР. 1969. Молдавская ССР. Т.45. М, Недра.
Давид А.И., Маркевич В.И. 1970. Хозяйство и фауна неолитических поселений Среднего Поднестровья // Фауна кайнозоя Молдавии. РИСО АН МССР. Кишинев, с.53-74.
Давид А.И. 1982. Формирование териофауны Молдавии в антропогене. Кишинев, Штиинца, с.150.
Давид А.И. 1997. Фауна млекопитающих мезолитических и неолитических поселений Республики Молдова // Vestigii arheologice din Moldova, p.111-121.
Давня історіа Украіни. 1997. Київ, том 1, 557 с.
Даниленко В.Н. 1969. Неолит Украины. Киев, Наукова Думка, 258 с.
Даниленко В.Н. 1985. Буго-Днестровская культура // Археология Украинской ССР. Т.1. Киев, Наукова Думка, с.118-126.
Дворянинов С.О. 1982. Поселение культуры лінійно-стрічкової керамикі Майноыв Балка на Одесщині // Археологіа. Т.38. Київ, Наукова Думка, с.93-96.
Дергачев В.А. 1966. Археологические разведки в долине р.Ишновец // Сборник работ молодых ученых. Кишинев, Штиинца, с.244-246.
Дергачев В.А. 1980. Памятники позднего Триполья. Кишинев, Штиинца, с.3-205.
Дергачев В.А., Ларина О.В., Постикэ Г.И. 1981. Отчет о работе Данченской археологической экспедиции в 1980 г. Фонды МАЭ АН МССР. Кишинев.
Дергачев В.А., Ларина О.В., Постикэ Г.И. 1983. Раскопки 1980 г. на многослойном поселении Данчены I // АИМ в 1979-1980 гг. Кишинев. С.112-136.
Долуханов П.М. 1984. Развитие природной среды и хозяйство первобытного населения Восточной Европы и Передней Азии в позднем плейстоцене. Автореф. дисс. на соиск. уч. степени доктора географич. наук. М. С.1-54.
Думитреску Г. 1960. К проблеме происхождения докукутенской культуры // МИА ЮЗ СССР и РНР. Кишинев, Картя Молдовенякэ, с.33-47.
Журавльов О., Охріменко Г. 1994. Палеозоологічні дані пам'яток КЛЛК Волині // Археологічні пам'ятки та історіа стародавнього населения Украіни, № 1, Луцк, Вежа, с.144-167.
Захарук Ю.Н. 1953. Звіт про работу Дністрянскоі экспедиціі 1953 р. Архив Отдела археологіи ИОН. Львів.
Захарук Ю.Н. 1959. О так называемой волынской группе культуры линейно-ленточной керамики // СА, XXIX-XXX, с.114-118.
Захарук Ю.Н. 1971. Пам'яткі культури лінійно-стрічкової керамикі // Археологія УРСР. Т.1. Київ, Наукова Думка, с.96-104.
Захарук Ю.Н., Телегин Д.Я. 1985. Культура линейно-ленточной керамики // Археология УССР. Т.1, Наукова Думка, с.126-133.
Збенович В.Г. 1980. Поселение Бернашевка на Днестре. Киев, Наукова Думка, с.1-177.
Збенович В.Г. 1985. Раннетрипольские племена на территории Украины. Автореф. на соиск. уч. степени докт.ист.наук. Киев, с.3-35.
Зеликсон Э.М. 1977. О палеогеографической интерпретации споропыльцовых спектров с большим содержанием пыльцы орешника // Изв. АН СССР. Серия географическая. № 2, с.102-112.
История Молдавской ССР. Т.1. Кишинев, Карта Молдовеняскэ, 1987, с.5-414.
История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины. 1986. М., Наука, с.1-572.
Кабо В.Р. 1980. У истоков производящей экономики // Ранние земледельцы. М., Наука, с.59-85.
Кетрару Н.А. Памятники эпох палеолита и мезолита // АКМ. Вып.1. Кишинев, Штиинца, с.5-177.
Козак Д.Н., Козак Н.С. 1974. Работы в с.Подберезцы // АО 1973 года. М., с.284-285.
Коробкова Г.Ф. 1970. Работы экспериментальной группы молдавской археологической экспедиции // АО 1969 г. М., с.350-351.
Коробкова Г.Ф. 1974. Экспериментальное изучение орудий труда трипольской культуры // АО 1973 года. М., с.420-421.
Коробкова Г.Ф. 1975. Культуры и локальные варианты мезолита и неолита Средней Азии (по материалам каменной индустрии) // СА № 3, с.8-27.
Коробкова Г.Ф. 1975а. Экспериментально-трасологическое изучение производств трипольского общества // АО 1974 г. М., Наука, с.439-440.
Коробкова Г.Ф. 1975б. Трипольские мотыги и проблема трипольского земледелия // 150 лет Одесскому археологическому музею АН УССР. Тез. докл. юбил. конф. Киев, с.37-38.
Коробкова Г.Ф. 1969. Орудия труда и хозяйство неолитических племен Средней Азии // МИА № 158. М., с.5-198.
Коробкова Г.Ф. 1981. Хозяйственные комплексы ранних земледельческо-скотоводческих обществ Юга СССР. Автореф. дисс. на соиск. уч. степени доктора ист.наук. М., с.1-40.
Коробкова Г.Ф. 1987. Хозяйственные комплексы ранних земледельческо-скотоводческих обществ Юга СССР. Ленинград, Наука, с.1-319.
Косько А. 1994. О роли днестровского пути в контактах раннеземледельческих культурных обществ в бассейне Балтийского и Черного морей // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья V тыс. до н.э. - V в. н.э. Тирасполь, с.17-18.
Краснов Ю.А. 1971. Раннее земледелие и скотоводство в лесной полосе Восточной Европы // МИА № 174, Наука, с.3-166.
Кременецкий К.В. 1987. Природные условия неолитических поселений Причерноморья. Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. канд. географ. наук. М., с.3-20.
Кременецкий К.В. 1991. Палеоэкология древнейших земледельцев и скотоводов Русской равнины. М., 193 с.
Крижевская Л.Я. 1992. Начало неолита в степях Северного Причерноморья. С.-Петербург, 177 с
Кричевский Е.Ю. 1940. Из истории Дунайского понизовья в неолитическую эпоху // КСИИМК, вып.VIII, с.49-62.
Кричевский Е.Ю. 1940а. Древнее население Западной Украины в эпоху неолита и ранней бронзы // КСИИМК, вып.III, с.3-13.
Кричевский Е.Ю. 1949. Ранній неоліт і походження трипільскоі культури // Палеоліт і неоліт Україні. Т.1, вип.VII, Київ, с.323-401.

Кричевский Е.Ю. 1949а. Орнаментация глиняных сосудов у земледельческих племен неолитической Европы // Ученые записки ЛГУ, № 85. Серия исторические науки. Вып.13, с.54-110.

Кънчев К. 1972. За накои способи за определяне на функционалното предназначение на каменните оръдия // Археология, № 1. София, с.14-21.

Крупенников И.А. 1992. Почвенный покров Молдовы. Прошлое, настоящее управление, прогноз. Кишинев.

Кузьминова Н.Н., Дергачев В.А., Ларина О.В. 1998. Палеоэтноботанические исследования на поселении Сакаровка I // Revista Arheologica, № 2, p.166-182.

Ларина О.В., Рафалович И.А. 1979. Раскопки на многослойном поселении Данчены I // АО 1978 г. М., Наука, с.486-487.

Ларина О.В. 1981. Исследование многослойного поселения Данчены I // АО 1980 г. М., Наука, с.390.

Ларина О.В. 1982. Поселение культуры линейно-ленточной керамики Данчены I // АИМ 1977-78 гг. Кишинев, Штиинца, с.97-111.

Ларина О.В. 1983. Керамика линейно-ленточной керамики поселения Данчены I // Первобытные древности Молдавии. Кишинев, Штиинца, с.88-110.

Ларина О.В. 1987. Каменные шлифованные орудия труда культуры линейно-ленточной керамики (КЛЛК) на территории Молдавии // Известия АН МССР. Серия общественных наук. № 2. Кишинев, Штиинца, с.57-67.

Ларина О.В. 1988. Культура линейно-ленточной керамики Юго-Запада СССР (молдавская группа). Автореф. дисс. Ленинград, 21 с.

Ларина и др. 1997 — Ларина О.В., Вехлер К.-П., Дергачев В.А., Коваленко С.И., Бикбаев В.М. 1997. Новые полевые исследования памятников мезолита и неолита Молдовы // Vestigii arheologice din Moldova. Chisinau, p.62-110.

Лассе Г.Ф. 1978. Климат Молдавской ССР. Ленинград.

Макарова Л.Н. 1974. Раскопки поселения культуры линейно-ленточной керамики у с.Рогожаны // АИМ 1973 г. Кишинев, Штиинца, с.40-46.

Макарова Л.Н. 1975. Исследование культуры линейно-ленточной керамики в Молдавии // АО за 1974 г. М., Наука, с.440-441.

Макарова Л.Н. 1982. Отчет отряда Молдавской экспедиции по изучению культуры линейно-ленточной керамики в 1974 г. Кишинев. Фонды МАЭ АН МССР, с.4-14.

Максимов А.Н. 1927. Скотоводство малокультурных народов // Ученые записки Института истории. М., т.II. Цит. по: Массон В.М. 1976. Экономика и социальный строй древних обществ. Ленинград, Наука, с.1-190.

Маркевич В.И. 1964. Материалы к карте неолитических памятников Пруто-Днестровья // КСОГАМ (за 1962 г.). Одесса, с.86-87.

Маркевич В.И. 1970. Многослойное поселение Новые Русешты I // КСИА, вып.123, с.56-68.

Маркевич В.И. 1973. Памятники эпох неолита и энеолита // АКМ. Вып.2. Кишинев, с.1-160.

Маркевич В.И. 1974. Буго-Днестровская культура. Кишинев, Штиинца, 174 с.

Маркевич В.И. 1979. Исследования Молдавской неолитической экспедиции // АО 1978 г. М., Наука, с.487.

Массон В.М. 1971. Поселение Джейтун (проблема становления производящей экономики). Ленинград, Наука, с.5-205.

Массон В.М. 1976. Экономика и социальный строй древних обществ (в свете данных археологии). Ленинград, Наука, 1-190.

Массон В.М. 1981. Алтын-Депе. Ленинград, Наука, с.1-175.

Матвіейко М.В. 1970. Отчет. Исследования КЛЛК Гнідавського берегово хребта, зокрема Церковної Гірки 1968-70 рр. Київ. Архив ИА АН УССР, ф-е 5931.

Миклухо-Маклай Н.Н. Собрание сочинений. Т.III. Ч.I. М.-Л., изд. АН СССР. с. 7-558.

Мовша Р.Г. Отчет о раскопках на поселении Жванец в 1970 г. Киев. Архив ИА АН УССР.

Монин С.И., Шишков Ю.А. 1979. История климата. М., Наука, с.5-400.

Охрименко Г.В. Разведки на Волыни // АО 1979 г. М., Наука, с.320.

Охрименко Г.В. 1982. Раскопки жилищ каменного века на Волыни // АО 1981 г. М., Наука, с.303.

Охрименко Г.В. 1984. Поселения культуры линейно-ленточной керамики в бассейне рек Стырь и Западный Буг // Материалы каменного века на территории Украины. Киев, Наукова Думка, с.104-107.

Охрименко Г.В. 1984а. Раскопки в окрестностях г.Луцк // АО 1983 г. М., Наука, с.337.

Охрименко Г.В., Гупало В.Д. 1984 б. Исследования на Волыни // АО 1983 г. М., Наука, с.338-339.

Охрименко Г.В., Середюк А.И. 1989. Новые памятники Дунайской и Лендельской культур на Волыни // Проблеми історії та археології давнього населення УРСР. Київ, 1989, с.164-165.

Охріменко Г.В. 1994. Неоліт Волині. Луцьк «Де Мари», 119 с.

Пассек Т.С. 1946. Четвертая научная конференция ИА АН УССР // КСИИМК. Вып.XII. М., с.162-178.

Пассек Т.С. 1949. Периодизация трипольских поселений // МИА № 10. М.. Наука, с.5-239.

Пассек Е.С. 1957. Некоторые итоги раскопок в Молдавии в 1955 г. // КСИИМК. Вып.70, с.78-99.

Пассек Т.С. 1958. Новые открытия на территории СССР и вопросы ранненеолитических культур Дунайско-Днестровского междуречья // СА № 1, с.28-46.

Пассек Т.С. 1959. Семинар по вопросам первобытной археологии Молдавии, Румынии и прилегающих районов Украины // СА № 1. М.

Пассек Т.С. 1960. Результаты археологических раскопок у с.Флорешты в Молдавии в 1957 г. // МИА ЮЗ СССР и РНР. Кишинев, Картя Молдовеняскэ, с.49-58.

Пассек Т.С., Черныш Е.К. 1963. Памятники культуры линейно-ленточной керамики на территории СССР // САИ, вып.Б I-II. М., Изд-во АН СССР, с.1-42.

Пассек Т.С. История племен в V-III тыс. до н.э. на территории Молдавии // КСИА. Вып.105. М., с.3-20.

Пассек Т.С., Черныш Е.К. 1970. Каменный век на территории СССР // Неолит Северного Причерноморья. Культура линейно-ленточной керамики. Буго-Днестровская культура // МИА № 166. М., Наука, с.117-130.

Пашкевич Г.О. 1989. Реконструкция асортименту культурних рослин епохи неоліту-бронзи на територіі Україні // Проблеми історії та археології давнього населення УРСР. Київ, с.172-173.

Пелещишин М.А. 1961. Нові матеріали до археологічної карти Волині // МДАПВ. Вып.3. Київ, с.138-148.

Пелещишин М.А. 1974. Племена культури лінійно-стрічкової кераміки // Стародавне населення Прикарпаття і Волині. Київ, с.97-104.

Пелещишин Н.А. 1979. Исследования у с.Тадани на Буге // АО 1978 г. М., с.383-384.
Пелещишин Н.А. 1980. Разведки и раскопки в Львовской области // АО 1979 г. М., Наука, с.321-322.
Пелещишин Н.А. 1980а. Неолитическое поселение на Западном Буге // Археологические исследования на Украине в 1978-1979 гг. // Тезисы. Днепропетровск, с.35-36.
Пелещишин Н.А. 1987. Племена культуры линейно-ленточной керамики // Археология Прикарпатья, Волыни и Закарпатья (каменный век). Киев, Наукова Думка, с.99-109.
Петренко В.Г., Дворянинов С.А. 1991. Новые данные о неолитическом поселении Майнова Балка // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья. Киев, с.14-15.
Петренко В.Г., Сапожников І.В. 1993. Дослідження поселення Майнова Балка // Археологічні дослідження в Україні 1991 року. Луцьк, с.92-93.
Пономарев Н.А. 1955. История техники мукомольного и крупяного производства. Ч.1. М.
Пясецкий В.К., Охрименко Г.В. 1988. Исследования поселения Ровно // АО 1987. М., с.329-330.
Пясецький В.К., Охріменко Г.В. 1990. Дослідження пам'яток культури лінійно-стрічкової кераміки на Волині // Археологія № 4. 1990. Київ, с.69-81.
Рафалович И.А., Бейлекчи В.С. 1974. Отчет о работе на многослойном поселении Данчены I. Фонд МАЭ АН МССР.
Решетов А.М. 1980. Основные хозяйственно-культурные типы раних земледельцев // Ранние земледельцы. Л.: Наука, 1980, с. 34-42.
Ропот В.И., Ропот Б.М., Постолаке Г.Г., Санду М.А. 1990. Почвы, гидрохимия и растительность бассейна реки Бык // Известия АН МССР №3. Биологич. и химич. науки. Кишинев, с.57-65.
Рыбаков Б.А. 1965. Космогония и мифология земледельцев энеолита // СА №1, с.24-47; №2, с.13-33.
Рыбаков Б.А. 1981. Язычество древних славян. М.
Рымбу Н.Л. 1980. Физическая география Молдавской ССР. Кишинёв: Штиинца.
Свешников И.К. 1954. Культура линейно-ленточной керамики на территории Верхнего Поднестровья и Западной Волыни // СА XX, с.100-130.
Свешников И.К. 1960. Отчет о разведках в Станиславской и Ровенской областях в 1960 г. Киев, Архив ИА АН УССР, ф-е, №1960/34.
Свешников И.К. 1963. Звіт з роботи Ровеньскоі археологічноі экспедиции в 1963 р. Архив ИА АН УССР, ф-е, № 1963/39. Киев.
Свешников И.К., Мацкевой Л.Г. 1974. Исследования Среднеднестровской экспедиции // АО 1973 г. М., Наука, с.341-342.
Свешніков Т.К. 1976. Довідник з археології України. Львівська область. Київ, Наукова Думка, с.3-94.
Свешніков І.К., Нікольченко Ю.М. 1982. Довідник з археології України. Ровеньска область. Київ, Наукова Думка, с.3-116.
Семенов С.А. 1968. Развитие техники в каменном веке. Л.
Семенов С.А. 1974. Происхождение земледелия. Л., Наука, 318 с.
Сталио Б. 1968. Населье и стан неолитического периода // Неолит централного Балкан. Београд, с.77-106.
Телегин Д.Я. 1979. Новые памятники культуры линейно-ленточной керамики на Украине // СА № 2. М., с.229-234.
Тимощук Б.О. 1970. Археологічні пам'ятки Чернівецькоі области. Чернівці.
Тимощук Б.О. 1876. Археологічні пам'ятки Снячева. «Радяньска Україна».
Титов В.С. 1966. Древнейшие земледельцы в Европе // Археология Старого и Нового Света. М.
Титов В.С. 1974. Проблема хронологии неолита и энеолита Юго-Восточной Европы // СА, № 4.
Титов В.С. 1980. Ранний и средний неолит Восточной Венгрии. Ранний и средний неолит Дунантула // Каменный век Венгрии. М., Наука, с.73-327.
Титов В.С. 1980а. Некоторые проблемы возникновения и распространения производящего хозяйства в Юго-Восточной Европе и на юге Средней Азии // КСИА № 180. Проблемы зарубежной археологии. М., с.71-79.
Титов В.С. 1984. Некоторые проблемы возникновения и распространения производящего хозяйства в Юго-Восточной Европе и на юге Средней Азии // КСИА № 180, с.71-79.
Товкайло Н.Т. 1990. О восточных связях Буго-Днестровской культуры // Каменный век на территории Украины. Киев, с.47-54.
Цалкин В.И. 1970. Древнейшие домашние животные Восточной Европы // МИА № 161, с.3-278.
Чайлд Г. 1952. У истоков европейской цивилизации. М., с.3-460.
Черныш Е.К. 1955. Раскопки в с.Незвиско Станиславской области // КСИА АН УССР. Вып.4. Киев, с.142-144.
Черныш Е.К. 1956. Многослойное поселение у с.Незвиско на Днестре // КСИИМК. Вып.63. М., с.48-56.
Черныш Е.К. 1961. К истории населения энеолитического времени в Среднем Приднестровье // МИА № 102. М., с.5-85.
Черныш Е.К. 1962. Неолитическое поселение у с.Торское на Днестре // КСИА, вып.92. М., с.83-86.
Черныш О.П. 1974. Отчет «Звіт про роботу Дністрянськоі экспедиціі у 1974 р.». Архив ИОН УРСР. Львов.
Шнирельман В.А. 1980. Происхождение скотоводства. М., Наука, с.3-332.
Янушевич З.В., Маркевич В.И. 1970. Археологические находки культурных злаков на первобытных поселениях Прутско-Днестровского междуречья // Интродукция культурных растений. Кишинев, Штиинца, с.20-28.
Янушевич З.В. 1976. Культурные растения Юго-Запада СССР по палеоботаническим исследованиям. Кишинёв, Штиинца, с.4-114.
Янушевич З.В. 1986. Культурные растения Северного Причерноморья. Палеоэтноботанические исследования. Кишинёв, Штиинца, с.1-90.
Alexandrescu A. 1952. Sondagiile de la Larga Jijia // SCIV II, p.40-62.
Alexandrescu A. 1971. Ceramica Liniara de la Harman // Capidava, V, p.11-23.
Antonewicz W. 1921. Z badań archeologicznych w gornem dorzeszu Dnistru // Wiadomości archeologiczne. Tom VI, Warszawa, s.49-91.
Antonewicz W. 1928. Archeologia Polski. Warszawa, s.3-150.
Axamit I. 1924. Tetin. Praha.
Bökönyi S. 1959. Die frühalluviale Wirbeltierfaune Ungarns (vom Neolithikum bis zur La Téne-Zeit) // Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest. Tom XI, s.39-102.
Bökönyi S. 1974. History of Domestic mannals in Central and Eastern Europe. Budapest, p.5-508.
Bökönyi S. 1981. Early neolithic vertebrate fauna from

Lanyesok-Egettmalom // AAH ą 33 (1-4), p.21-75.
Buttler W., Habery H. 1936. Die bandkeramische Ansiedlung Köln-Lindenthal // Romisch-Germanisch Forschungen. Walter de Gruyter & Co. Berlin, Leipzig. Bd.XI, s.1-99.
Buttler W. 1938. Der Donauländische und westliche Kultur-Kreis der jüngeren Steinzeit // Handbuch der Urgeschichte Deutschlands. 2. Walter de Gruyter & Co., Berlin-Leipzig, s.1-108.
Bylany 1989. Seminar 1987. Collected Papers. Praha. 347.
Cahen D.-Gilot. 1983. Chronologie radiocarbone du Néolithique danubien // Progrés recent dans l'étude du Néolithigue ancien. Brugge, c.21-40.
Childe G. 1929. The Danube in Prehistory. Oxford. The Clarendon Press, p.1-144.
Comşa E. 1959. Betrachtungen über die Linearbandkeramik auf dem Gebiet der Romänischen Volksrepublik und der angrenzenden Gebiete // Dacia. N.S. Bd.3, s.50-74.
Comşa E. 1960. Consideraţii cu privire la cultura cu ceramica Liniară de pe teritoriul R.P.R. şi din regiunile vecine // SCIV. An.XI. N.2, p.217-244.
Comşa E. 1969. Date noi cu privire la relaţiile dintre cultura Dudeşti şi cultura ceramicii liniare // SCIV, 20, N 4, p.567-573.
Comşa E. 1971. Données sur la civilisation de Dudeşti // RZ, 46, 2, p.145-250.
Comşa E. 1972. Quelques nouvelles données sur la culture (céramique rubanée en territoire Roumain // Alba Regia. XII, Szekesfehervar, p.173-178.
Comşa E. 1972a. Date despre uneltele de piatră şlefuită din epoca neolitică şi din epoca bronzului de pe teritoriul României // SCIV. Tom 23. N 2, p.245-262.
Comşa E. 1974. Istoria comunităţilor culturii Boian. Ed. ARSR. Bucureşti, p.5-207.
Comşa E. 1974a. Die Bestättungssiten im rumänischen Neolithikum // Jahressrift für mitteldeutsche Vorgeschichte. Bd.58. Halle/Saale, s.113-156.
Comşa E. 1982. Neoliticul din România. Colecţia «Ştiinţa pentru toţi». Editura Ştiinţifică şi enciclopedică. Bucureşti, p.5-111.
Comşa E. 1985. Relaţiile dintre comunităţile culturii ceramicii liniare din estul României şi cele ale culturilor vecine // Memoria Antiquitatis. IX-X (1977-1979). Piatra Neamţ, p.411-418.
Comşa E. 1987. Neoliticul pe teritoriul României. Consideraţii. Biblioteca de arheologie. XLVIII. Bucureşti, p.1-198.
Comşa E. 1996. Les rapports entre les cultures Vincă-Dudeşti-Boian // The Vinca culture, p.213-217.
Demoulen J.-P. 1993. Anatolie et Balkans: la loyque évolutive du Néolithique Egéen // 1-17, Anatolica XIX.
Dergacev V., Sherratt A., Larina O. 1991. Recent Results of Neolithic Research in Moldavia (USSR) // Oxford Journal of Archaeology. V.10, N 1, p.1-16.
Dumetrescu H. 1954. Şantierul arheologic Traian (r.Buhuşi, reg.Bacău) // SCIV, tom V, N 1-2, p.35-65.
Dumitrescu H. 1957. Contribuţii la problema originii culturii Precucuteni // SCIV, tom 8, N 1-4, p.63.
Dumitrescu H. 1959. Şantierul arheologic Traian // Materiale. Vol.V, p.189-202.
Dumitrescu H., Dumitrescu V. 1962. Activitatea şantierului arheologic Traian // Materiale. Vol.VIII, p.245-260.
Dumitrescu V. 1967. Quelques et la station de Traian Dealul-Viei // Dacia. N.S. XI, p.45.
Dumitrescu V. 1981. În legătură cu două fragmente cu decor de tip Şarca (?) descoperite la Rast // SCIV, 32, N.2, p.233-240.
Dumitrescu V., Bolomey A., Mogoşanu F. 1983. Esquisse d'une préhistoire de la Roumanie. Bucarest. Ed. Ştiinţifică şi Enciclopedică, p.1-219.
Eisner J. 1936. Über die bemalte slovakische Volutenkeramik (Želiezovce-Typus). Proceedings of the First International Congress of Prehistoric and Protohistoric sciences (London, 1932). London, p.215-217.
Fitz J., Makkay J. 1972 (eds.). Die aktuelle Fragen der Bandkeramik. Szekesfehervar.
Fitzke J. 1937. Adkricie ziemianek starszej ciramiki wstegowej w Lucku // Sprawozdania Polskiej Akademju Umiejetnosci. Tom XLII, Kraków.
Fitzke J. 1937a. Nowe wykopaliska wotyn // Z otchlani wiekow. N 11-12. Poznań, p.165-166.
Fitzke J. 1938. Stanowiska kultury ceramiki wstegowej na Wolyniu // Sprowozdania Polskiej Academju Umiecetnosci. Tom XLIII. N. 1, Poznań, s.26.
Geslerowa K. 1985. Sidliste kultury s linearni keramilou v Holubicich // AR, XXVII-4, Praha, s.368-376.
Ghetie B., Mateesco C.N. 1973. L`utilisations des bovins à la traction dans le Néolithique moyen // Actes du VIII Congres International des sciences préhistoriques et protohistoriques. Tom II, Beograd, p.454-461.
Godłowska M. 1982. Frühneolithische siedlungen im Gebiet von Krakow-Nowa Huta // Siedlungen der Kultur mit Linearkeramik in Europa. Nitra, p.45-58.
Gryegel K. 1978. Z problematyki oddzialywań Zakarpackich we wozeznum neolicie Polski. Pochodzenia i chronologia ornamentu wsteg wypelninanych nakklucianu w kulturze ceramiki wstengowej rytei na Kujawach // AAC, tom XVIII, s.75-99.
Héjek L. 1957. Nowa skupina pàskove keramiky na Vychodunim Slovensku // AR, v.9, N 1, s.3-9.
Hensel W. 1974. Ur- und Frühgeschichte Polens. Berlin, s.5-210.
Hochmann O. 1972. Andeutung zu Religion und Kultus in der Bandkeramischen Kultur // Alba Regia. XII, Szekesfeherwar, s.187-201.
Horvath F., Hertelendi E. 1994. Contribution to the 14C based absolute chronology of the Early and Middle Neolithic Tisza region // Josa Andras museum.111-133.
Kaczanowska M. 1989. Feuersteinindustrie der Linearbandkeramik-Kultur: Ursprungsprobleme // Bylany, s.121-130.
Janushevich Z.V. 1986. Recent Advances in the Understanding of Plant Domestication and Early Agriculture // The World Archaeological Congress 1-7 september, 1986, Sauthampton and London, p.397-401.
Kalicz N., Makkay J. 1977. Die Linienbandkeramik in der Grossen Ungarische Tiefebene. Budapest, s.1-350.
Kalicz N. 1992. Die erste frühneolithische Fundstelle in Budapest. Siedlungsgeschichtliche Probleme // Balcanica, 23, s.47-76.
Klopfleich F. 1884. Vorgeschichtliche Alterthumer der Provinz Sachsen und angrenzender Gebiete. II, Halle, s.69-99.
Kozlowski J. 1961. Kilka uwag o chronologii kultury ceramiki wstegowej rytei // Prace Archeologiczne. III. S.10-12.
Kozłowski J. 1974. Über die Untersuchungen der ostlichen Peripherien der Linien-bandkeramik-Kultur // AAC, tom XIV, Kraków, s.5-56.
Kozłowski L. 1930. Budowle kultury ceramiki malowanei w świetle badań przepzdvadyonych u Koczylowcach, Niezwiskach, Buczaczu. Lwów, s.12-16.
Kozłowski L. 1939. Lsiega pamiątkowa zarys pradziejów Polski Poludniowo-wschodniej. Lwów, s.97-103.

Kozłowski L. 1939a. Zarys pradziejów Polski Potudniowowschodniej. Lwów, s.22.
Kulczycka-Leciejewiezowa A. 1964. Uwaga o chronologii kultury starszej ceramiki Wstęgowej w gornym dorzeczu Wisły // Studia i materialy do badan nad neolitem malopolski. Wrocław-Kraków, s.47-64.
Kulczycka-Leciejenvicrowa A. 1979. Pierwsze spoleczeństwa rolnicze na ziemiach Polskich Kultury kręgu Naddunajskiego. S.7-94.
Larina O. 1994. Neoliticul pe teritoriul Republicii Moldova // Thraco-Dacica. XV. 1-2, Bucureşti, p.51-68.
Larina O. 1994a. Culturi din epoca neolitică. Chişinău, Ştiinţa, 36 p.
Larina O., Kuzminova N. 1994. Thew Late Neolithic Farming on the Teritory of the Prut-Dnestr Interfluve // Prehistoire Europeene, v.7, p.225-240.
Luning J. 1991. Frühe Bauern in Mitteleuropa im G. und 5. Jahrtausend v.Cr. Jahrbuch des Romisch-Germanischen Zentralmuseums, 35, s.27-93.
Makkay J., Starnini E., Tulok M. 1996. Excavations at Bicske-galagonyas (Part III). The Natenkorf and Sopot-Bicske Cultural Phases. Societa oer la preistoria della Regione Friuli-Venezia Giulia. Ed. Svevo Trieste. 308 p.
Marinescu-Bîlcu S. 1968. Unele probleme ale neoliticului moldovenesc in lumina săpăturilor de la Tîrpeşti // SCIV, 19, N 3, p.396-401.
Marinescu-Bîlcu S. 1971. Aspects tardifs de la civilisation a ceramique rubanée et sa contribution a la génese de la civilisation Precucuteni // PZ, 46, N 1, p.4-36.
Marinescu-Bîlcu S. 1972. Quelques aspects du problème de l'apport de la ceramique rubanée à la formation de la civilisation Précucuteni. // Alba Regia, XII, Szekesfehervar, p.162-170.
Marinescu-Bîlcu S. 1974. Cultura Precucuteni pe teritoriul României. Edit. Acad. RSR. Bucureşti, p.5-271.
Marinescu-Bîlcu S. 1974a. Contributions au probleme de la genese de la culture Précucuteni // Studii şi comunicări, vol.18. Sibiu, p.9-30.
Marinescu-Bîlcu S. 1975. Asupra unor probleme ale culturii Criş // SCIVA, 26, N 4.
Marinescu-Bîlcu S. 1981. Tîrpesti. - From Prehistoire to History in Eastern Romania // BAR. N 107. Oxford, p.5-76.
Marinescu-Bîlcu S. 1983. Zu legătură cu cîteva opinii privind originea şi evoluţia neoliticului şi eneoliticului pe teritoriul Moldovei // SCIV, 34, N 2, p.116-128.
Marinescu-Bîlcu S. 1991. Sur quelques problemes du néolitique et du enéolitigue a l'Est des Carpates Orientales // Dacia, XXXV, p.5-60.
Marinescu-Bîlcu S. 1993. Les Carpates Orientales et la Moldavie // Atlas, p.191-242.
Mateescu C.N. 1975. Remarks on cattle breending and agriculture in the Middle and late Neolithic on the Lower Danube // Dacia, N.S., t.XIX. Bucarest.
Milisauskas S. 1973. The linear (Linienbandkeramik) Culture site of Olszanica, Poland // Actes du VIII Congrès International des sciences Préhistoriques et Protohistoriques. Beograd, 1971, s.281-284.
Milisauskas S. 1975. The Linear culture soite of Olszanica B1 in Poland // Archaeologia Polona. XVI. Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk, p.155-178.
Milisauskas S. 1976. Archaeological Investigations on the Linear Culture Village of Olszanica. Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk, p.1-84.
Milojčič V. 1949. Chronologie der jüngeren Steinzeit Mittel- und Sudosteuropas. Berlin,s.3-111.
Milojčič V.1951. Die Siedlungsgrenzen und Zeitstellung der Bandkeramik in Osten und Südosten Europas // 33 Bericht der Romisch-Germanischen Lommission. 1943-1950. Berlin. Walter de Gruyter Co, p.110-124.
Moddermann P.J.R. 1970. Linienbandkeramik aus Elsvo und Stein // Analecta Praehistorica Leidensia, III. Leiden University Press, s.99-215.
Moddermann P.J.R. 1988. The Linear Pottery Kulture: Diversity in Uniformity. Berichten van de Rijksdient voor het Oudheidkundig Bodemonderzoek. 38, s.65-139.
Monah D. 1987. La datation par C14 du complexe culturel Cucuteni-Tripolie // La civilisation de Cucuteni en contexte Europeen. 1987, Iaşi.
Nestor I. 1950. Activitatea şantierului de săpături arheologice Iaşi-Botoşani-Dorohoi // SCIV, I, N 1, p.27-32.
Nestor I. 1951. Săpăturile de pe şantierul Valea Jijiei (Iaşi-Botoşani-Dorohoi) in anul 1959 // SCIV, II, N 1, p.51-76.
Nestor I. 1951a. Cultura ceramicii Liniare în Moldova (pe baza săpăturilor arheologice de la Glăvăneştii Vechi, Iaşi) // SCIV, II, 2, p.17-26.
Neustupny E. 1956. K relativni chronologii volutove keramiky // AR, VIII, s.392-406.
Neustupny E. 1983. Degrafie pravekych Pohrebist. Praha, s.1-171.
Nosek S. 1947. Przyczynki do znajomosci kulltur z cyklu wsgagowuch w Polsce Poludniowej. // Przegląd archeologiczny, tom VII, zesz.2. Poznań.
Ozdogan M., Miyake Y., Dede N.O. 1991. An Internim Report on Excavations atYarimburgas and Poptepe in Eastern Thrace // Anatolica XVII, p.59-121.
Palliardi J. 1917. Die relative Chronologie der jüngeren Steinzeit in Mähren // Wiener prähistorische Zeitschift. I. Wien, s.256-277.
Passek N. 1962. Relations entre L'Europe occidentale et L'Europe Orientale a l'époque Néolithique // VI congrès international des sciences Préhistoriques et protohistoriques. Moscou, p.1-25.
Păunescu A. 1970. Evoluţia uneltelor şi armelor de piatră cioplită descoperite pe teritoriul României. Biblioteca de arheologie, XV, Bucureşti, p.3-358.
Pavlu J. 1966. Soudsky B. Interpretation historique de l'ornement Lineaire // PA 57, s.91-138.
Pavlu J., Zapotocka M. 1979. Současny stav a úkoly studia neolitu v Čechach // Pamatky arheologicke (Praha), c.281-318.
Pavlu J., Zapotocka M., Soudsky O. 1985. Bylany. Katalog sckce A (1953-1967). Praha, 385 p.
Pavlu J., Zapotocka M., Soudsky O. 1987. Bylany. Katalog sckce B,F (1953-1967). Praha, 314 p.
Pavlu J. 1989. Keramische Chronologye der siedlung in Bylana // Bylany. Seminar, 1987. Praha, s.59-64.
Pavuk J. 1962. Gliederung der Volutenkeramik in der Slowakei // SZ AUSAV, 1962, s.5-20.
Pavuk J. 1964. Grab des Želiezovce Typus in Dvory nad Zitavou // SLA, XII, s.5-68.
Pavuk J.1969. Chronologie der Želiezovce Gruppe // SLA, XVII-2, s.269-367.
Pavuk J. 1970. Kultury starsieho a stredneho neolitu na zapadnow Slovenscu // Slovensko v mladsej dobe kamenej. Bratislava, s.20-64.
Pavuk J. 1972. Neolitisches Gräberfeld in Nitra // SLA, XX-I, s.5-105.
Pavuk J., Siska S. 1981. Neolit a eneolit // SLA, XXVIII-I, s.137-149.
Pavuk J. 1981a. Umene a zivot doby kamenney. Davnoveke umenia Slovenska Ars slovaca antiqua. Tatran, p.3-109.
Pavuk J. 1982 (eds.). Siedlungen der Kultur mit Linearkeramik in Europe. Nitra.

Pavuk J. 1987. Linearkeramische Hausgrundnisse von Šturovo und Bylany. Ein Vergleich // Bylany, s.195-197.
Pavuk J. 1994. Zur relativen Chronologie der älteren Linearkeramik // Jósa Andras Museum, s.136-141.
Pavuk J. 1994a. Šturovo. Ein siedlungsplate der Kultur mit Linearkeramik und der Želiezovce-Gruppe. Nitra.
Pavuk J. 1996. Zur Frage der verbreitung des Neolithikums auf dem Zentralbalkan und in Mitteleuropa // The Vinca Culture, s.23-40.
Petrescu-Dîmboviţa M. 1950. Raport asupra săpăturilor arheologice din judeţele Covurlui şi Tatova // SCIV, I, 1.
Petrescu-Dîmboviţa M. 1957. Sondajul stratigrafic de la Perieni // Materiale, III.
Petrescu-Dîmboviţa M., Zaharia E. 1962. Sondajul de la Dănesti // Materiale, III.
Peske L. 1989. Animal Bones from Bylany, s.265-271 // Bylany Seminar.
Praehistoria ziem Polskich. 1979. Tom II. Neolit. Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk, s.1-94.
Progress in Old Palaeoethnobotany. Van Ziest, Wasylikowa Behre (eds.): 1991. Balkema, Rotterdam.
Prosek F. 1946. Spry mladsi doby kamienne // Obsor prehistoricky. Tom 13, Praha.
Quitta H. 1960. Zur Frage der ältesten Bandkeramik in Mitteleuropa // PZ, Bd.XXXVIII, Berlin, s.158-188.
Quitta H., Kohl G. 1969. Neue radiocarbondaten zum Neolithikum und zur frühen Bronzezeit Südosteuropas und der Sowjetunion // ZFA, Bd.3.
Quitta H. 1970. Radiokarbondaten der Bandkeranik und des Südosteuropäischen Neolithikums. Praga, s.426-428.
Raczky D. 1989. Chronological Framework of the Early and Middle Neolithic in the Tisza Region // Varia Archaeologica. Hungarica II. Budapest. 233-251.
Roska M. 1941. Die Sammlung Zsofia von Torma in der Numismatisch-Archäologischen Abteilung des Siebenburgischen Maxionalmuseums. Cluj.
Rulf J. 1982. Die Linienbandkeramik in Böhmen und die geographische Umwelt // Siedlungen der Kultur mit Linearkeramik in Europa. Inter.kall. Nove Vozakany, s.247-259.
Rulf J. 1983. Prirodni prostrewdi o kultury česceh neolitu a eneolitu // PA, 74, s.135-95.
Rulf J. 1989. Polished stone Industry from Bylany // Bylany, s.141-142.
Rulf J. 1997. Die Elbe-Provina der Linearbandkeramik // PA. Supplem. 9, 3483.
Russu J.R. 1962. Scoban R., Vlassa A., Galanb V., Motioc N. Contributions a l“acpect antropologique de l`homme de la culture Criş (Transilvanie) // VII Congrès International des sciences Anthropologiques et Ethnologiques. I, Paris, s.679-692.
Schier W. 1990. Vorgeschichtliche Besiedlung südliches Maindreieck. Bayerisches Landcsamt für Denkmalpflege. B.60, Teil.I,II.
Schliz A. 1910. Die Systeme der Stichverzierung und des Linienornaments innerhald der bandkeramik // PZ, 2, s.105-143.
Soudsky B. 1954. K metodice trideni volutove Keramiky // PA, roc.XLV, s-75-102.
Soudsky B. 1956. K relativne chronologii volutoye keramiky // AR, roc.VIII, s.408-413.
Soudsky B., Pavlu J. 1972. The linear pottery culture settlement patterns of Central Europe // Mann. Settlements of Central Europe and Urbanism. London, p.317-328.
Soudsky B. 1966. Bylana, osada nejstarsich zemedelcu v mladsi dobe kamenne. Praha.
Stocky A. 1926. Pravek zeme Ceske- I- Praha, s.17.
Stocky A. 1929. La Bohéme préhistorique. L`age de la pierre. Prague, p.17-150.
Tchernych E. 1962. Territoire orientale des tribus de la céramique Linéaire // VI congrès international des sciences Préhistoriques et protohistoriques. Moscou, p.1-7.
Tichy R. 1960. K nejstarsi volutove keramice na Morave // PA, LI, p.415-441.
Tichy R. 1962. Osidleni s volutovou keramikou na Morave // PA, vol.53, 2, p.245-304.
Tichy R. 1974. Zum Chronologie des Želiezovce-Gruppe // SLA, XXI-I, s.33-37.
Tompa F. 1929. Die bandkeramik in Ungarn. Budapest.
Tompa F. 1936. 25 Jahre Urgeschichtsforschung in Ungarn // 24-25 Bericht der Romisch-Germanischen Kommission. Berlin, s.24-115.
Tringham R. 1968. A preliminariy of the early neolithic and latest mezolithic blade industries in South-East and Central Europe // Studies in Ancient Europe. Leicester, p.45-70.
Tringham R. 1971. Hunters, Fishers and farmers of Eastern Europe. 6000-3000 B.C. Rutchinson University Library. London, p.1-240.
Ursulescu N. 1982. Aspect sau fenomen de tip Sudiţi // Suceava. Anuarul muzeului Judeţean. IX, p.479-486.
Ursulescu N. 1984. Evoluţia culturii Starcevo-Criş pe teritoriul Moldovei. Muzeul Judeţean Suceava, p.1-87.
Ursulescu N. 1990. Contribuţii privind evoluţia culturii ceramicii liniare pe teritoriul Moldovei // AM, XIII, 1990.
Vechler K.-P., Dergacev V., Larina O. 1998. Neue Forschugen zum Neolithikum Osteuropas. Ergebnisse der Moldawisch-deutschen Gelanderarbeiten 1996 und 1997 // Prähistorische Zeitschrift. B.73, H.2, Berlin, s.131-166.
Vlassa N. 1959. Cultura ceramicii liniare in Transilvania // SCIV, X, 2, p.240-242.
Vencl S. 1960. Kamenne nastroje prvnich zemedelcu ve stredni Europe // Sbornik narodniho Musea a Praze, vol.14, p.1-91.
Vencl S. 1961. Studie o sareckem typu // Sbornik Narodniho musea v Praze. A/XV-3, p.93-140.
Whittle A. 1985. Neolithic Europe: A Survey. Cambridge, p.1-363.
Zaharia E. 1967. Angaben über die Boian-Giuleşti-Kultur. Die Siedlung von Let // Dacia, 25, XI, p.5-.38.
Zapotocka M. 1989. Zur Funktion archäologischer Befunde aus der neolithischen Siedlung in Bylany, s.187,193 // Bylany.
Zapotocka M. 1989a. Die Besiedlung des Bylaner Areals im jüngeren Neolithikum // Bylany. Seminar-Praha, s.295-298.
Zapotocka M. 1993. Atlas du Néolithique Européen. L“Europe orientale. Vol. Liège, 1993, p.373-393.

**Таблица 1.**
**Справочный указатель памятников КЛЛК Молдовы**

| № п/п | № на карте | Местонахождение памятника | Вид | Исследователи. Время исследования | Литература |
|---|---|---|---|---|---|
| 1 | 2 | 3 | 4 | 5 | 6 |
| 1 | 28 | Биличений Векь I, р-н Сынжерей | п | п.м. Бикбаев 1973-79. В.М.Бикбаев | Бикбаев 1981: 145 |
| 2 | 29 | Биличений Векь XI | п | - „ - | Бикбаев 1981: 195; Ларина и др. 1997: 73 |
| 3 | 48 | Болохань I, р-н Орхей | ед.нах. | Р.1985.В.М.Бикбаев | - |
| 4 | 50 | Брэнешть I, р-н Орхей | п | п.м.1959. И.А.Рафалович Р.1985. Л.В.Субботин | Маркевич 1973: 35 |
| 5 | 51 | Брэнешть XIII, р-н Орхей | п. | п.м.1966. В.И.Маркевич | Маркевич 1976: 35 |
| 6 | 42 | Брынзений Векь I, р-н Теленешть | п. | п.м. И.А.Рафалович | - |
| 7 | 4 | Бэлць I, г.Бэлць | п. | п.м.1983, В.М.Бикбаев | - |
| 8 | 31 | Бэнешть, р.н Теленешть | п. | п.м. 1991, В.М.Бикбаев | Бикбаев, 1981 |
| 9 | 10 | Вэрвэрэука VIII, р-н Флорешть | ед.нах. | п.м. Г.Ф.Загний | Маркевич 1973: 32, № 7 |
| 10 | 52 | Греблешть, р.н Стрэшень | п. | п.м. 1976, И.Г.Власенко обсл. О.В.Ларина | |
| 11 | 11 | Гура-Каменчий VI, р-н Флорешть | п. | п.м. 1960, В.И.Маркевич обсл.1961 Т.С.Пассек. Р.1974 Л.Н.Макарова | Пассек,Черныш 1963; Маркевич 1973; Макарова1975; 1981 |
| 12 | 12 | Гура-Каменчий VII - „ - | п. | п.м.1960. В.И.Маркевич | Маркевич 1973: 33 |
| 13 | 13 | Гура-Каменчий X - „ - | п. | - „ - | - „ - |
| 14 | 56 | Дурлешть I, г.Кишинев | п. | п.м.1984. В.И.Маркевич Р.1986-1988. И.С.Тентюк. | - „ - |
| 15 | 58 | Дэнчень I, р-н Яловень | п. | п.м.1966, В.А.Дергачев. Р.1974, В.С.Бейлекчи. 1978,1980. О.В.Ларина. | Дергачев 1966. Маркевич,1973. Ларина,1982,1994 |
| 16 | 37 | Езарений Векь VII, р-н Сынжерей | п. | п.м.1973.76, В.М.Бикбаев | Бикбаев 1981: 194 |
| 17 | 38 | Езарений Векь VIII - „ - | п. | - „ - | - „ - |
| 18 | 39 | Езарений Векь IX | п. | - „ - ш.1982, Ларина О.В. | - „ - |
| 19 | 47 | Извоаре, р.н Орхей | п. | ? | Маркевич 1973: 34 |
| 20 | 44 | Киперчень I - „ - | п. | сведения 1970 г. Н.И.Шатравка п.м.1974, Ларина О.В., Бикбаев В.М. | Маркевич 1973: 34 Ларина 1987: 58 |
| 21 | 45 | Киперчень II - „ - | п. | свед.50-х г. П.Мидриган | Маркевич 1973: 34 Ларина 1987: 58 |
| 22 | 46 | Киперчень III - „ - | ед.нах. | школьный музей с.Киперчень | |
| 23 | 20 | Кирилень I р.н Сынжерей | п. | п.м. 1979 В.М.Бикбаев | |
| 24 | 21 | Кирилень IV - „ - | п. | п.м.1979 В.М.Бикбаев обсл. 1996 | Ларина и др. 1970: 70 |

| 1 | 2 | 3 | 4 | 5 | 6 |
|---|---|---|---|---|---|
| 25 | 33 | Кишкэрень V<br>- „ - | п. | п.м. 1978 В.М.Бикбаев | Бикбаев 1981: 193; Ларина и др. 1997: 82-83 |
| 26 | 34 | Кишкэрень IX | п. | п.м. 1973-76, В.М.Бикбаев | Бикбаев 1981: 193 |
| 27 | 35 | Кишкэрень X | п. | п.м. 1973-76, В.М.Бикбаев | Бикбаев 1981: 193 |
| 28 | 36 | Кишкэрень XIV | п. | - „ - | Бикбаев 1981: 194 |
| 29 | 40 | Кошкодень I | п. | п.м. 1973-76,В.М.Бикбаев | Бикбаев 1981: 193 |
| 30 | 5 | Куболта | п. | п.м. 1973, Л.Н.Макарова | |
| 31 | 62 | Молдовянка I<br>р-н Фэлешть | п. | п.м. 1979, В.М.Бикбаев, Г.И.Милилук | |
| 32 | 63 | Молдовянка II<br>- „ - | п. | п.м. 1979, В.М.Бикбаев | |
| 33 | 41 | Мындрешть<br>р-н Теленешть | п. | п.м. 1970, В.А.Дергачев | |
| 34 | 16 | Мындрештий Ной<br>р-н Сынжерей | п. | п.м. 1979, В.М.Бикбаев | |
| 35 | 7 | Мэркулешть<br>г.Флорешть | п. | п.м. 1958, В.И.Маркевич; Ш.-1959, Т.С.Пассек | Пассек, Черныш 1963: 22-23; Маркевич 1973: 29-30 |
| 36 | 32 | Николаевка<br>р-н Сынжерей | п. | п.м. 1973, В.М.Бикбаев | Бикбаев 1981: 194 |
| 37 | 64 | Нэвырнец<br>р-н Фэлешть | п. | п.м. 1974, Л.Н.Макарова | |
| 38 | 30 | Препелицэ III<br>р-н Сынжерей | п. | п.м. 1973-76, В.М.Бикбаев | Бикбаев 1981:199 |
| 39 | 6 | Путинешть I<br>р-н Флорешть | п. | п.м. 1959, В.И.Маркевич; Обсл. 1958, Т.С.Пассек | Пассек, Черныш 1963: 22; Маркевич 1973: 28-29 |
| 40 | 53 | Пэнэшешть I<br>р-н Стрэшень | п. | п.м. 1968, В.И.Маркевич | Маркевич 1973: 35 |
| 41 | 67 | Резина I<br>р-н Унгень | п. | п.м. ш. 1995, В.М.Бикбаев | |
| 42 | 68 | Резина II | п. | п.м. 1995, В.М.Бикбаев | |
| 43 | 69 | Резина III | п. | п.м. 1995, В.М.Бикбаев | |
| 44 | 15 | Рогожень II<br>р-н Шолдэнешть | п. | п.м. 1960, В.И.Маркевич; Обсл. 1961, Т.С.Пассек; Р. 1973, Л.Н.Макарова | Пассек,Черныш 1963: 30; Маркевич 1973:33; Макарова 1974: 40-44; Давид 1982: 27 |
| 45 | 60 | Русештий Ной I<br>р-н Яловень | п. | п.м. 1959, Л.Л.Полевой; Р. 1962-64, В.И.Маркевич | Маркевич 1973: 35 |
| 46 | 61 | Русештий Ной II | п. | п.м. 1962, В.И.Маркевич | Маркевич 1973: 36 |
| 47 | 41 | Рэдень<br>р-н Кэлэраш | п. | п.м. 60-е г., В.И.Маркевич | |
| 48 | 63 | Рэдений Векь<br>р-н Унгень | ед.нах. | п.м. 1988, В.И.Маркевич | |
| 49 | 64 | Рэдений Векь II | п. | п.м. 1988, В.И.Маркевич | |
| 50 | 17 | Рэдоая<br>р-н Сынжерей | п. | п.м. 1974, Л.Н.Макарова | |
| 51 | 18 | Сакаровка V | п. | п.м. 1996, В.А.Дергачев | Ларина и др. 1997: 69 |
| 52 | 19 | Сакаровка VI | п. | - „ - | Там же: 70 |
| 53 | 49 | Скок, с.Требужень<br>р-н Орхей | ед.нах. | Р. 1985, Н.П.Тельнов | |
| 54 | 57 | Скорень I<br>р-н Стрэшень | п. | п.м. 1985, А.Н.Левинский | |

| 1 | 2 | 3 | 4 | 5 | 6 |
|---|---|---|---|---|---|
| 55 | 3 | Слобозия-Воронково<br>р-н Сорока | п. | п.м. 1958, В.И.Маркевич | Пассек, Черныш 1963: 22;<br>Маркевич 1973: 23 |
| 56 | 2 | Сорока V<br>р-н Сорока | ед.нах. | п.м. 1966, В.И.Маркевич | Маркевич,Цепкин, 1969; Маркевич, 1973: 19,28; 1974: 116 |
| 57 | 54 | Стрэшень X<br>г.Стрэшень | п. | п.м. 1973-76, В.М.Бикбаев | |
| 58 | 55 | Стрэшень XI | п. | п.м. 1973-76, В.М.Бикбаев | |
| 59 | 22 | Сынжерей I | п. | п.м. 1973, В.М.Бикбаев; Ш. 1974, Л.Н.Макарова | Бикбаев 1981: 197 |
| 60 | 23 | Сынжерей VIII | п. | п.м. 1974, В.М.Бикбаев | Бикбаев 1981: 197 |
| 61 | 24 | Сынжерей XI | п. | п.м. 1973, В.М.Бикбаев; Ш. 1974, Л.Н.Макарова | Бикбаев 1981: 197 |
| 62 | 25 | Сынжерей XIII | п. | п.м. 1965, В.М.Бикбаев;<br>Обсл. 1996 НЭ | Бикбаев 1981: 197; Ларина и др. 1997: 77-80. |
| 63 | 26 | Сынжерей XIX | п. | п.м. 1973, В.М.Бикбаев | Бикбаев 1981: 198; Ларина и др. 1997: 80., |
| 64 | 27 | Сынжерей XXI | п. | п.м. 1973-76, В.М.Бикбаев | Бикбаев 1981: 198 |
| 65 | 1 | Тэтэрэука Ноуэ XV<br>р-н Дондушень | ед.нах. | п.м. 1996, В.А.Дергачев, К.-П.Вехлер; Р. - 1977 НЭ | Ларина и др. 1997: 107-108 |
| 66 | 8 | Флорешть I<br>г.Флорешть | п. | п.м. 1954, В.И.Маркевич;<br>Р.-1955-1961, Т.С.Пассек | Пассек,Черныш, 1963: 23-29; 1970: 117-122; Маркевич 1973: 30-32 |
| 67 | 9 | Флорешть II | п. | п.м. 1958, В.И.Маркевич;<br>Обсл. 1959, Т.С.Пассек | Пассек,Черныш 1963: 29; Маркевич 1973: 32 |
| 68 | 14 | Цыра II<br>р-н Флорешть | п. | п.м. 1958, Маркевич;<br>Р.-1959-60, Т.С.Пассек | Пассек,Черныш 1963: 29-30;<br>Маркевич 1973: 32 |
| 69 | 59 | Яловень I<br>р-н Яловень | п. | п.м. 1983, В.М.Бикбаев | |

**Таблица 2**
**Порайонный указатель памятников**

| | | | |
|---|---|---|---|
| Кишинев | Дурлешть I | | Стрэшень XI |
| Бэлць | Бэлць 1 | Сынжерей | Биличений Векь I |
| Дондушень | Тэтэрэука Ноуэ XV | | Биличений Векь XI |
| Кэлэраш | Рэдень | | Езарений Векь VII |
| Орхей | Болохань I | | Езарений Векь VIII |
| | Брэнешть I | | Езарений Векь IX |
| | Брэнешть XIII | | Кирилень I |
| | Киперчень I | | Кирилень IV |
| | Киперчень II | | Кмшкэрень V |
| | Киперчень III | | Кишкэрень IX |
| | Извоаре | | Кишкэрень X |
| | Скок | | Кишкэрень XIV |
| Сорока | Слобозия-Воронково | | Кошкодень I |
| | Сорока V | | Куболта I |
| Стрэшень | Греблешть | | Мындрештий Ной |
| | Пэнэшешть | | Николаевка V |
| | Скорень | | Препелица III |
| | Стрэшень X | | Рэдоая |

| | | | |
|---|---|---|---|
| | Сакаровка V | Фэлешть | Молдовянка I |
| | Сакаровка VI | | Молдовянка II |
| | Сынжерей I | | Навырнец |
| | Сынжерей VIII | Флорешть | Флорешть I |
| | Сынжерей XI | | Флорешть II |
| | Сынжерей XIII | | Вэрвэреука VIII |
| | Сынжерей XIX | | Гура-Каменчий VI |
| | Сынжерей XXI | | Гура-Каменчий VII |
| Теленешть | Брынзений Векь I | | Гура-Каменчий X |
| | Бэнешть | | Мэркулешть II |
| | Мындрешть | | Путинешть I |
| Унгень | Резина I | | Цыра II |
| | Резина II | Шолдэнешть | Рогожень II |
| | Резина III | Яловень | Дэнчень I |
| | Рэдений Векь I | | Русештий Ной I |
| | Рэдений Векь II | | Русештий Ной II |
| | | | Яловень I |

**Таблица 3.**
**Справочный указатель памятников КЛЛК Украины.**
**№№ 1-30 — Волынская группа памятников; №№ 31-60 — памятники бассейна реки Днестр**

| № п/п | № на карте | Местонахождение памятника | Вид | Исследователи. Время исследования | Литература |
|---|---|---|---|---|---|
| 1 | 2 | 3 | 4 | 5 | 6 |
| 1 | 8 | Баев, Луцкий р-н, Волынская обл. | погр. | 1939 | Свешников 1954: 107-108 |
| 2 | 9 | Баев, - „ - | погр. | п.м. 1979, Г.В.Охрименко | Охріменко 1980: 1984 |
| 3 | 13 | Гирка Полонка, Луцкий р-н, Волынская обл. | п. | п.м. 1979, Г.В.Охрименко | Охріменко 1980: 320; 1984: 103; 1984:337; 1984в:338 |
| 4 | 11 | Голышев, Луцкий р-н, Волынская обл. | п. | п.м. 1979, Г.В.Охрименко | Охріменко 1984: 106 |
| 5 | 26 | Городок, Ровненский р-н, Ровненская обл. | п. | п.м. 1936, Л.Савицкий, Древко Р.1960, 1964, И.К.Свешников | Свешников 1954: 108; 1960: 79; 1982: 93 |
| 6 | 24 | Дикив, Ровненский р-н, Ровненская обл. | п. | п.м., 1959, Ю.Н.Захарук | Пелещишин 1961:142 |
| 7 | 22 | Дитиниш, Дубновский р-н, Ровненская обл. | ед.нах. | п.м., 1959, И.К.Свешников | Свешников 1960:12 |
| 8 | 25 | Жорнив, Дубнинский р-н, Ровненская обл. | п. | п.м., 1963, М.К.Свешников | Свешников 1963:27 |
| 9 | 3 | Зимно, Иваниченский р-н, Волынская обл. | ? | ? | Охріменко 1994:12 |
| 10 | 27 | Зозив I, Ровненский р-н, Ровненская обл. | п. | Р. 1964, И.К.Свешников | Археол.пам'ятки 1981: 164 |
| 11 | 28 | Зосив II, - „ - | п. | Р. 1961-1963, И.К.Свешников | Свешников 1962: 8-9 |
| 12 | 23 | Клевань, Дубнинский р.н, Ровненская обл. | п. | п.м. 1981, К.В.Пясецкий; Р. 1988, Г.В.Охрименко, А.Н.Середюк | Пясецкий, Охріменко 1990: 78-80; Охріменко, 1994. |
| 13 | 14 | Коршивец I, Луцкий р-н, Волынская обл. | п. | п..м. 1979, Г.В.Охрименко | Охріменко 1980: 320; 1984:106 |
| 14 | 15 | Коршивец II, - „ - | п. | - „ - | Охріменко 1984:106 |
| 15 | 1 | Литовск, Иваниченский р-н, Волынская обл. | ед.нах. | п.м. Бучковский | Охрименко 1984:106 |

| 1 | 2 | 3 | 4 | 5 | 6 |
|---|---|---|---|---|---|
| 16 | 19 | Луцк/Гнидава, Вокзал, Церкивка Горка | п. | Р. 1937, Фитцке 1968, 1979, М.П.Кучера, М.В.Матвиенко; 1981, Охрименко | Fitzke, 1937; Свешников, 1954; Охрименко, 1982, 1984, 1994 |
| 17 | 20 | Луцк/Красное, - „ - | п. | п.м. 70-х г., Г.В.Охрименко | Охрименко, 1984: 103 |
| 18 | 4 | Мария Воля, Иваниченский р-н, Волынская обл. | ? | ? | Охріменко 1994: 12 |
| 19 | 21 | Метиречье, Млиновский р-н, Ровенская обл. | п. | Р. - И.К.Свешников, Конопля, Кучиенко | Свешников 1979: 401-402 |
| 20 | 2 | Мовники, Иваниченский р-н, Волынская обл. | ? | ? | Охріменко 1994:12 |
| 21 | 16 | Новостав I, Луцкий р-н, Волынская обл. | п. | п.м. 1978-79, Г.В.Охрименко | Охрименко 1984:106 |
| 22 | 17 | Новостав II, - „ - | п. | - „ - | - „ - |
| 23 | 18 | Новостав III - „ - | п. | - „ - | - „ - |
| 24 | 30 | Ольшаница, Белгородский р-н, Каменец-Подольская обл. | п. | п.м., А.И.Тереножкин | Пассек, Черныш 1963: 13 |
| 25 | 10 | Полонка, Луцкий р-н, Волынская обл. | ед.нах. | п.м. 1979 | Охріменко 1980:320 |
| 26 | 29 | Ровно, Ровненская обл. | п. | п.м. 1983, К.В.Пясецкий | Пясецкий, Охріменко 1990; Охріменко 1994 |
| 27 | 7 | Рокини, Луцкий р-н, Волынская обл. | ? | ? | Охріменко 1994:12 |
| 28 | 19 | Ролынив, Луцкий р-н, Волынская обл. | ед.нах. | п.м. 1979 | Охріменко, 1980 |
| 29 | 5 | Торчин, Луцкий р-н, Волынская обл. | ? | ? | Охріменко 1994:12 |
| 30 | 6 | Усичи, Луцкий р-н, Волынская обл. | п. | п.м., 1965 | Пелещишин, 1966 |
| 31 | 58 | Базьков остров, с.Скибинцы, Тростянецкий р-н, Винницкая обл. | п. | Р. 1959, В.И.Даниленко | Даниленко, 1962; Пассек, Черныш 1963, № 2 |
| 32 | 51 | Бильче-Злоте, Борщевский р-н, Тернопольская обл. | ед.нах. | Р. 1959, В.И.Даниленко | Даниленко 1962; Пассек, Черныш 1963, № 2 |
| 33 | 39 | Бовшив, Галицкий р-н, Ивано-Франковская обл. | п. | п.м. М.Ю.Смишко; Р. 1961-62, Л.И.Крушельницкая | Пассек, Черныш 1963, № 7 |
| 34 | 41 | Букивка, Бучачский р-н, Ивано-Франковская обл. | ед.нах. | п.м. до 1941 г. | Свешников 1954:111; Пассек, Черныш 1963: 14 |
| 35 | 46 | Бучач, Бучачский р-н, Тернопольская обл. | ед.нах. | п.м. 1960-е гг. | Захарук 1971:103 |
| 36 | 54 | Васильев, Заставнянский р-н, Черновицкая обл. | п. | п.м. 1970, Б.О.Тимощук | Тимощук 1970:10-11 |
| 37 | 44 | Голосков (ур. Хащ) Коломийский р-н, Ивано-Франковская обл. | п. | п.м. 1950-е г.; Обсл. 1959, И.К.Свешников | Пассек, Черныш 1963: 14 |
| 38 | 34 | Гончары, Пустомытовский р-н, Львовская обл. | п. | Р. 1983, Пелещишин | Пелещишин 1984: -339-340 |
| 39 | 57 | Жванец, Каменец-Подольский р-н, Хмельницкая обл. | ед.нах. | Р. 1970, Т.Г.Мовша | Телегин 1974: 230 |
| 40 | 50 | Залещики, Залещинский р-н, Тернопольская обл. | ед.нах. | Р. 1970, Ю.Н.Малеев | Телегин 1979: 231 |

| 1 | 2 | 3 | 4 | 5 | 6 |
|---|---|---|---|---|---|
| 41 | 53 | Звенячин, Заставницкий р-н, Черновицкая обл. | п. | Р. 1953-54, Ю.Н.Захарук | Пассек, Черныш 1963: 20-21 |
| 42 | 37 | Колодница, Стрийский р-н, Львовская обл. | ед.нах. | п.м., кол. 20-х г. | Свешников 1954:111 |
| 43 | 56 | Кормань, Сокирянский р-н, Черновицкая обл. | ед.нах. | п.м. 1974, О.П.Черныш | Археологічні пам'ятки... 1981:101 |
| 44 | 38 | Корчивка, Жадичевский р-н, Львовская обл. | ед.нах. | п.м. 1970-е г. | Свешников 1976:52 |
| 45 | 35 | Котоване I (ур. Дубина), Дорогобычский р-н, Львовская обл. | п. | п.м. 1942 гг. | Свешников 1954:113 |
| 46 | 36 | Котоване II (ур. Запуст) | п. | п.м. 1942 г. | Свешников 1954: 112-119; Пассек, Черныш 1963: 13 |
| 47 | 48 | Кошиловцы (б. Поповцы), Залещицкий р-н, Тернопольская обл. | п. | п.м. 1953, Ю.Н.Захарук | Пассек, Черныш 1963:22 |
| 48 | 42 | Лука VII, Городенковский р-н, Ивано-Франковская обл. | п. | п.м. 1973, И.К.Свешников | Свешников 1974: 341-342 |
| 49 | 59 | Майнова Балка, г.Ананьев, Одесская обл. | п. | п.м. 1976, С.А.Дворянинов | Дворянинов 1982: 93-95 |
| 50 | 40 | Марковцы, Ивано-Франковская обл. | п. | Р. 1971, Б.А.Василенко | |
| 51 | 43 | Незвиско, Городенковский р-н, Ивано-Франковская обл. | п. погр. | Р. 1926 г., Козловский Л, Хетчинсон, Пристенс: 1953-56 Е.К.Черныш | Koziowski 1930; Черныш 1962; Пассек, Черныш 1963: 14-20 |
| 52 | 55 | Новосёлки, Кицманский р-н, Черновицкая обл. | п. | п.м. Б.О.Тимощук | Тимощук 1970: 11 |
| 53 | 33 | Подберезцы, Пустолитовский р-н, Львовская обл. | п. | п.м. 1973, Д.Н.Козак, Н.С.Козак | Козак 1974: 284-285 |
| 54 | 52 | Синьков, Монастырский р-н, Тернопольская обл. | п. | п.м. до 1941 г. | Свешников 1954:109 |
| 55 | 45 | Стрильче, Городенковский р-н Ивано-Франковская обл. | п. | п.м. 1960, И.К.Свешников; Р. 1973, Свешников | Свешников 1960: 4; 1974: 15 |
| 56 | 32 | Тадани, Камено-Бузский р-н, Львовская обл. | п. | Р. 1977-79,Н.А.Пелещишин | Пелещишин 1979: 384; 1980: 321-322; 1980а: 35-36; 1987 |
| 57 | 49 | Торской, Залещицкий р-н, Тернопольская обл. | п. | Р. 1921,В.Антоневич, 1959-60, Е.К.Черныш | Antoniewicz, 1921; Черныш 1962; Пассек, Черныш 1963: 21 |
| 58 | 31 | Фасовая, Володар-Волынский р-н, Житомирская обл. | ед.нах. | п.м. 1972, В.К.Пясецкий | Телегин 1979: 232 |
| 59 | 47 | Яблонев (б. Сухостав), Гусятинский р-н, Тернопольская обл. | п. | п.м. 1952, И.К.Свешников | Свешников 1954:123 |
| 60 | 60 | Случайные находки из окрестностей г.Каменец-Подольска Schuhleistenkeil (Музей г.Камецец-Пололь ск) | | | |
| 61-62 | н.а. | Пелещишин упоминает пункты Хорив и Могиляны р. Горынь на Волыни (1987: 101). | | | |

**Таблица 4.**
**Размеры, площадь и ориентировка жилищно-хозяйственных комплексов (ЖХК) поселения Дэнчень I**

| № ЖХК | № сооружения по плану | Размеры: длина х ширина | Площадь сооруж. (кв. м) | Площадь объектов в ЖХК ($м^2$) | Площадь ЖХК (кв. м) | Ориентировка сооруж. |
|---|---|---|---|---|---|---|
| 1 | 1 (Ж)<br>очаг (Х) | 6,8х2,85-1,06 | 18 | 20 | 50-64 | СВ-ЮЗ |
| 2 | 2 (Ж)<br>площадка (Х) | 6,1х3-1,9 | 15-18 | 18 | 75 | СВ-ЮЗ |
| 3 | 3 (Ж)<br>10/78г. (Ж-Х-?) | 5х3-1,75<br>2,5х2 | 10-12<br>5 | 15-17 | 71 | СВ-ЮЗ |
| 4 | 10/80г. (Ж-Х-?)<br>9 (Х)<br>13 (Х)<br>38 (Х)<br>42 (Х)<br>47 (Х)<br>57 (Ж-Х-?) | 3,1х2,1<br>1,6х1,4<br>1,4х1,4<br>1,7х1,5<br>1,8х1,8<br>2,7х1,2<br>3х1,5 | 6,5<br>2,2<br>2,8<br>2,6<br>3,24<br>3,2<br>4,5 | 21 | 76 | С-Ю |
| 5 | 77 (Ж)<br>75 (Х) | 8,5х3,9<br>3,6х1,8 | 40<br>6,48 | 47 | 60-70 | СВ-ЮЗ |
| 6 | 79 (Ж)<br>84 (Ж-Х-?)<br>69 (Х) | 4,8х4<br>3,8х1,3<br>5,15х1,6 | 19<br>5<br>8,5 | 32,5 | 50-60 | СВ-ЮЗ |
| 7 | 86 (Ж) | 6,2х4,4 | 25-27 | | 80 | СВ-ЮЗ |
| 8 | 98 (Ж)<br>97 (Х)<br>99 (Х)<br>100 (Х)<br>101 (Х) | 4,9х2,4<br>4,4х2,2<br>1,5х0,8<br>1,2х0,8<br>(раскопана часть) | 10-12<br>9<br>1,2<br>1 | 25 | 60-70 | СВ-ЮЗ |
| 9 | наземный дом | (раскопана часть) | | | | |

**Таблица 5.**
**Размеры, площадь и ориентировка жилищно-хозяйственных комплексов (ЖХК) поселения Флорешть I**

| № ЖХК | № сооружения по плану | Размеры: длина х ширина | Площадь сооружения (кв. м) | Площадь объектов в ЖХК (кв. м) | Площадь ЖХК (кв. м) | Ориенти-ровка |
|---|---|---|---|---|---|---|
| 1 | 1 (Ж)<br>4 (Х)<br>9 (Х)<br>6 (Х)<br>7 (Х) | 6х3<br>3х3<br>2х2<br>0,5х0,5<br>0,4х0,4 | 15-20<br>9<br>4<br>2,5<br>0,8 | 36-40 | ? | С-Ю<br>С-Ю<br>С-Ю |
| 2 | 3 (Ж)<br>13 (Х) | 12,5х4<br>2х2 | 30<br>4 | 34 | ? | С-Ю |
| 3 | 17 (Ж-?)<br>19 (Ж-?) | 6х3<br>2,5х2,5 | 18<br>5 | 23 | 48 | С-Ю |
| 4 | 18 (Ж) | 11,25х4 | 45 | 45 | | С-Ю |
| 5 | 26 (Ж)<br>26а (Х)<br>29 (Х) | 4х3<br>2х2<br>1х1 | 12<br>4<br>1 | 17 | 48 | СЗ-ЮВ |
| 6 | 27 (Ж-Х-?)<br>30 (Ж-Х-?)<br>31 (раскопана часть) | 4х4<br>2,5х2 | 16<br>5 | | | |
| Примечание: Ж — жилое сооружение, Х — хозяйственное сооружение. | | | | | | |

**Таблица 6.**
**Техника расщепления на поселении Дэнчень I**

| | | | Наименование категорий, групп, типов | Общее число издел. | От общего числа % | От категории % | От группы % |
|---|---|---|---|---|---|---|---|
| 1 | 2 | 3 | 4 | 5 | 6 | 7 | 8 |
| А | | | ЯДРИЩА | 19 | 5,1 | 100 | - |
| | I | | Призматические с подправленными площадками и снятыми карнизами | 6 | 1,6 | 31,5 | 100 |
| | | 1 | двуплощадочные (прямо и косо) с встречным скалыванием крупных и средних пластин | 2 | 0,5 | 10,5 | 33,3 |
| | | 2 | то же с односторонним вертикальным встречным скалыванием крупных и средних пластин | 1 | 0,2 | 5,3 | 16,7 |
| | | 3 | то же уплощенные двуплощадочные с односторонней плоскостью скалывания для получения пластин | 1 | 0,2 | 5,3 | 16,7 |
| | | 4 | Призматические со смежными противолежащими ударными площадками одностороннего встречного скалывания отщепов. Противоположная плоскости скалывания сторона снята одним сколом | 2 | 0,5 | 10,5 | 33,3 |
| | II | | Конусовидные | 5 | 1,4 | 26,3 | 100 |
| | | 5 | с двумя противолежащими площадками для скалывания пластин и отщепов | 3 | 0,8 | 15,8 | 60,0 |
| | | 6 | то же, одноплощадочный с круговым скалыванием средних пластин с горизонтально подправленной площадкой | 1 | 0,2 | 5,3 | 20,0 |
| | | 7 | карандашевидный с правильной круговой огранкой для скалывания узких и длинных пластин | 1 | 0,2 | 5,3 | 20,0 |
| | III | | Аморфные | 4 | 1,0 | 12,1 | 100 |
| | | 8 | без специально подготовленной площадки с бессистемным скалыванием отщепов | 4 | 1,0 | 21,0 | 100 |
| | IV | 9 | Кремневые гальки с начальными следами скалывания | 4 | 1,0 | 21,0 | 100 |

*Таблица 6 (продолжение)*

| 1 | 2 | 3 | 4 | 5 | 6 | 7 | 8 |
|---|---|---|---|---|---|---|---|
| Б | ЗАГОТОВКИ И ОТХОДЫ | | | 267 | 72,4 | 100 | |
| | V | ПЛАСТИНЫ | | 118 | 31,9 | 44,2 | 100 |
| | | | пластины с изогнутым профилем | 78 | 21,1 | 29,2 | 66,1 |
| | | | пластины с прямым профилем | 40 | 10,8 | 15,0 | 33,9 |
| | | 10 | макропластины (ширина более 2,5 см) | 15 | 4,1 | 5,6 | 12,7 |
| | | | из них с изогнутым профилем | 10 | 2,7 | 3,7 | 8,5 |
| | | | из них с прямым профилем | 5 | 1,4 | 1,9 | 4,2 |
| | | 11 | крупные (ширина от 1,5 до 2,4 см) | 45 | 12,2 | 16,9 | 38,1 |
| | | | из них с изогнутым профилем | 29 | 7,8 | 10,9 | 24,6 |
| | | | из них с прямым профилем | 16 | 4,3 | 6,0 | 13,6 |
| | | 12 | средние (ширина от 0,7 до 1,4 см) | 52 | 14,1 | 19,5 | 44,1 |
| | | | из них с изогнутым профилем | 33 | 8,9 | 12,4 | 28,0 |
| | | | из них с прямым профилем | 19 | 5,1 | 7,1 | 16,1 |
| | | 13 | мелкие (ширина до 0,6 см) | 3 | 0,8 | 1,1 | 3,8 |
| | | 14 | сечения | 3 | 0,8 | 1,1 | 3,8 |
| | VI | ОТЩЕПЫ | | 112 | 30,3 | 41,9 | 100 |
| | | 15 | крупные (диаметром более 5 см) | 3 | 0,8 | 1,1 | 2,7 |
| | | 16 | средние (от 3 до 4,9 см) | 33 | 8,9 | 12,4 | 29,5 |
| | | 17 | мелкие (от 1 до 2,9 см) | 69 | 18,6 | 25,8 | 61,6 |
| | | 18 | мельчайшие (до 0,9 см) | 7 | 1,9 | 2,6 | 6,2 |
| | VII | ОСКОЛКИ КРЕМНЯ | | 37 | 10,0 | 13,8 | 100 |
| | | 19 | мелкие неопределенных очертаний | 37 | 10,0 | 13,8 | 100 |
| В | VIII | Гальки и изделия из мелкозернистых пород камня | | 48 | 13,0 | 100 | 100 |
| | | 20 | гальки | 4 | 1,1 | | 8,3 |
| | | 21 | песчаник | 10 | 2,7 | | 20,8 |
| | | 22 | сланец | 33 | 8,9 | | 68,7 |
| | | 23 | другие породы | 1 | 0,2 | | 2,2 |
| Г | IX | КОСТИ ЖИВОТНЫХ | | 35 | 9,5 | | 100 |
| ИТОГО: | | | | 370 | 100 | | |

**Таблица 7.**
**Техника расщепления на поселении Гура-Каменчий VI**

| | | | Наименование категорий, групп, типов | Общее число издел. | От общего числа % | От категории % | От группы % |
|---|---|---|---|---|---|---|---|
| 1 | 2 | 3 | 4 | 5 | 6 | 7 | 8 |
| А | | | ЯДРИЩА | 11 | 8,9 | 100 | - |
| | I | | Призматические с подправленными площадками и снятыми карнизами | 4 | 3,2 | 36,4 | 100 |
| | | 1 | двуплощадочные (прямо и косо) с встречным скалыванием крупных и средних пластин | 4 | 3,2 | 36,4 | 100 |
| | | 2 | то же с односторонним вертикальным встречным скалыванием крупных и средних пластин | | | | |
| | | 3 | то же уплощенные двуплощадочные с односторонней плоскостью скалывания для получения пластин | | | | |
| | | 4 | Призматические со смежными противолежащими ударными площадками одностороннего встречного скалывания отщепов. Противоположная плоскости скалывания сторона снята одним сколом | | | | |
| | II | | Конусовидные | 3 | 2,4 | 27,2 | 100 |
| | | 5 | с двумя противолежащими площадками для скалывания пластин и отщепов | 1 | 0,8 | 9,1 | 33,3 |
| | | 6 | то же, одноплощадочный с круговым скалыванием средних пластин с горизонтально подправленной площадкой | 1 | 0,8 | 9,1 | 33,3 |
| | | 7 | карандашевидный с правильной круговой огранкой для скалывания узких и длинных пластин | 1 | 0,8 | 9,1 | 33,3 |
| | III | | Аморфные | 4 | 3,2 | 36,2 | 100 |
| | | 8 | без специально подготовленной площадки с бессистемным скалыванием отщепов | | | | |
| | IV | 9 | Кремневые гальки с начальными следами скалывания | | | | |

*Таблица 7 (продолжение)*

| 1 | 2 | 3 | 4 | 5 | 6 | 7 | 8 |
|---|---|---|---|---|---|---|---|
| Б | ЗАГОТОВКИ И ОТХОДЫ | | | 95 | 76,7 | 100 | |
| | V | ПЛАСТИНЫ | | 48 | 38,7 | 50,5 | 100 |
| | | | пластины с изогнутым профилем | 42 | 33,9 | 44,2 | 87,5 |
| | | | пластины с прямым профилем | 6 | 4,8 | 6,3 | 12,5 |
| | | 10 | макропластины (ширина более 2,5 см) | 3 | 2,4 | 3,2 | 6,3 |
| | | | из них с изогнутым профилем | 3 | 2,4 | 3,2 | 6,3 |
| | | | из них с прямым профилем | | | | |
| | | 11 | крупные (ширина от 1,5 до 2,4 см) | 20 | 16,1 | 21,1 | 41,7 |
| | | | из них с изогнутым профилем | 19 | 15,3 | 20 | 39,6 |
| | | | из них с прямым профилем | 1 | 0,8 | 1,1 | 2,1 |
| | | 12 | средние (ширина от 0,7 до 1,4 см) | 25 | 20,2 | 26,3 | 52,1 |
| | | | из них с изогнутым профилем | 20 | 16,1 | 21,1 | 41,7 |
| | | | из них с прямым профилем | 5 | 4 | 5,3 | 10,4 |
| | | 13 | мелкие (ширина до 0,6 см) | | | | |
| | | 14 | сечения | | | | |
| | VI | ОТЩЕПЫ | | 35 | 28,2 | 36,8 | 100 |
| | | 15 | крупные (диаметром более 5 см) | 5 | 4 | 5,21 | 14,3 |
| | | 16 | средние (от 3 до 4,9 см) | 13 | 10,5 | 13,7 | 37,1 |
| | | 17 | мелкие (от 1 до 2,9 см) | 17 | 13,7 | 17,9 | 48,6 |
| | | 18 | мельчайшие (до 0,9 см) | | | | |
| | VII | ОСКОЛКИ КРЕМНЯ | | 12 | 9,7 | 12,6 | 100 |
| | | 19 | мелкие неопределенных очертаний | 12 | 9,7 | 12,6 | 100 |
| В | VIII | Гальки и изделия из мелкозернистых пород камня | | 17 | 13,7 | | 100 |
| | | 20 | гальки | | | | |
| | | 21 | песчаник | 6 | 4,8 | | 35,3 |
| | | 22 | сланец | 11 | 8,9 | | 64,7 |
| | | 23 | другие породы | | | | |
| Г | IX | КОСТИ ЖИВОТНЫХ | | 1 | 0,8 | | 100 |
| ИТОГО: | | | | 124 | | | |

**Таблица 8.**
**Техника расщепления на поселении Рогожень I**

| | | | Наименование категорий, групп, типов | Общее число издел. | От общего числа % | От категории % | От группы % |
|---|---|---|---|---|---|---|---|
| Б | ЗАГОТОВКИ И ОТХОДЫ | | | 28 | 73,7 | 100 | |
| | V | ПЛАСТИНЫ | | 23 | 60,5 | 82,1 | 100 |
| | | | пластины с изогнутым профилем | 13 | 34,2 | 46,4 | 56,5 |
| | | | пластины с прямым профилем | 10 | 26,3 | 35,7 | 43,5 |
| | | 10 | макропластины (ширина более 2,5 см) | | | | |
| | | | из них с изогнутым профилем | | | | |
| | | | из них с прямым профилем | | | | |
| | | 11 | крупные (ширина от 1,5 до 2,4 см) | 15 | 39,5 | 53,6 | 65,2 |
| | | | из них с изогнутым профилем | 9 | 23,7 | 32,1 | 39,1 |
| | | | из них с прямым профилем | 6 | 15,8 | 21,4 | 26,1 |
| | | 12 | средние (ширина то 0,7 до 1,4 см) | 8 | 21,1 | 28,6 | 34,8 |
| | | | из них с изогнутым профилем | 4 | 10,5 | 14,3 | 17,4 |
| | | | из них с прямым профилем | 4 | 10,5 | 14,3 | 17,4 |
| | | 13 | мелкие (ширина до 0,6 см) | | | | |
| | | 14 | сечения | | | | |
| | VI | ОТЩЕПЫ | | 5 | 13,2 | 17,9 | 100 |
| | | 15 | крупные (диаметром более 5 см) | | | | |
| | | 16 | средние (от 3 до 4,9 см) | | | | |
| | | 17 | мелкие (от 1 до 2,9 см) | 5 | 13,2 | 17,9 | 100 |
| | | 18 | мельчайшие (до 0,9 см) | | | | |
| | VII | ОСКОЛКИ КРЕМНЯ | | | | | |
| | | 19 | мелкие неопределенных очертаний | | | | |
| В | VIII | Гальки и изделия из мелкозернистых пород камня | | | | | |
| | | 20 | гальки | | | | |
| | | 21 | песчаник | | | | |
| | | 22 | сланец | | | | |
| | | 23 | другие породы | | | | |
| Г | IX | КОСТИ ЖИВОТНЫХ | | | | | |
| ИТОГО: | | | | 38 | | | |

**Таблица 9.**
**Техника расщепления на поселении Сынжерей I**

| | | | Наименование категорий, групп, типов | Общее число издел. | От общего числа % | От категории % | От группы % |
|---|---|---|---|---|---|---|---|
| 1 | 2 | 3 | 4 | 5 | 6 | 7 | 8 |
| А | ЯДРИЩА | | | 4 | 5,5 | 100 | - |
| | I | | Призматические с подправленными площадками и снятыми карнизами | 2 | 2,7 | 50,0 | 100 |
| | | 1 | двуплощадочные (прямо и косо) с встречным скалыванием крупных и средних пластин | | | | |
| | | 2 | то же с односторонним вертикальным встречным скалыванием крупных и средних пластин | | | | |
| | | 3 | то же уплощенные двуплощадочные с односторонней плоскостью скалывания для получения пластин | | | | |
| | | 4 | Подпризматические со смежными противолежащими ударными площадками одностороннего и встречного скалывания отщепов. Противоположная плоскости скалывания сторона снята одним сколом | 2 | 2,7 | 50,0 | 100 |
| | II | | Конусовидные | | | | |
| | | 5 | с двумя противолежащими площадками для скалывания пластин и отщепов | | | | |
| | | 6 | то же, одноплощадочный с круговым скалыванием средних пластин с горизонтально подправленной площадкой | | | | |
| | | 7 | карандашевидный с правильной круговой огранкой для скалывания узких и длинных пластин | | | | |
| | III | | Аморфные | 2 | 2,7 | 50,0 | 100 |
| | | 8 | без специально подготовленной площадки с бессистемным скалыванием отщепов | 2 | 2,7 | | 100 |
| | IV | 9 | Кремневые гальки с начальными следами скалывания | | | | |

*Таблица 9 (продолжение)*

| 1 | 2 | 3 | 4 | 5 | 6 | 7 | 8 |
|---|---|---|---|---|---|---|---|
| Б | ЗАГОТОВКИ И ОТХОДЫ | | | 63 | 86,3 | 100 | |
| | V | ПЛАСТИНЫ | | 14 | 19,2 | 22,2 | 100 |
| | | | пластины с изогнутым профилем | 10 | 13,7 | 15,9 | 71,4 |
| | | | пластины с прямым профилем | | 5,4 | 6,3 | 28,6 |
| | | 10 | макропластины (ширина более 2,5 см) | | | | |
| | | | из них с изогнутым профилем | | | | |
| | | | из них с прямым профилем | | | | |
| | | 11 | крупные (ширина от 1,5 до 2,4 см) | | | | |
| | | | из них с изогнутым профилем | | | | |
| | | | из них с прямым профилем | | | | |
| | | 12 | средние (ширина от 0,7 до 1,4 см) | 14 | 19,2 | 22,2 | 100 |
| | | | из них с изогнутым профилем | 10 | 13,7 | 15,9 | 71,4 |
| | | | из них с прямым профилем | 4 | 5,4 | 6,3 | 28,6 |
| | | 13 | мелкие (ширина до 0,6 см) | | | | |
| | | 14 | сечения | | | | |
| | VI | ОТЩЕПЫ | | 43 | 58,9 | 68,3 | 100 |
| | | 15 | крупные (диаметром более 5 см) | 1 | 1,4 | 1,6 | 2,3 |
| | | 16 | средние (от 3 до 4,9 см) | 6 | 8,2 | 9,5 | 13,9 |
| | | 17 | мелкие (от 1 до 2,9 см) | 36 | 49,3 | 57,1 | 83,7 |
| | | 18 | мельчайшие (до 0,9 см) | | | | |
| | VII | ОСКОЛКИ КРЕМНЯ | | 6 | 8,2 | 9,5 | 100 |
| | | 19 | мелкие неопределенных очертаний | 6 | 8,2 | 9,5 | 100 |
| В | VIII | Гальки и изделия из мелкозернистых пород камня | | 6 | 8,2 | | 100 |
| | | 20 | гальки | | | | |
| | | 21 | песчаник | 2 | 2,7 | | 33,3 |
| | | 22 | сланец | 4 | 5,5 | | 66,7 |
| | | 23 | другие породы | | | | |
| Г | IX | КОСТИ ЖИВОТНЫХ | | | | | |
| ИТОГО: | | | | 73 | | | |

**Таблица 10.**
**Техника вторичной обработки на поселении Дэнчень I**

| | | | Наименование категорий, групп, типов | Общее число обраб. издел. | От общего числа издел. % | От общего числа обраб. издел. % | От категорий % | От группы % |
|---|---|---|---|---|---|---|---|---|
| А | Техника ретуширования | | | 84 | 22,7 | 50,6 | 100,0 | |
| | I | Затупливающая ретушь: | | 60 | 16,6 | 36,1 | 71,4 | 100,0 |
| | | 1 | на 1 конце со спинки | 17 | 4,6 | 10,2 | 20,2 | 28,3 |
| | | 2 | на 2 конце со спинки | 3 | 0,8 | 1,8 | 3,5 | 5,0 |
| | | 3 | на 1 конце и 1 боковом крае со спинки | 11 | 3,0 | 6,6 | 13,1 | 18,4 |
| | | 4 | на 1 конце и 2 боковых краях со спинки | 12 | 3,2 | 7,2 | 14,3 | 20,0 |
| | | 5 | на 1 боковом крае со спинки | 5 | 1,4 | 3,0 | 1,2 | 8,3 |
| | | 6 | на 2 боковом крае со спинки | 3 | 0.8 | 1,8 | 3,6 | 5,9 |
| | | 7 | на 1 боковом крае с брюшка | 6 | 1,6 | 3,6 | 7,1 | 10,0 |
| | | 8 | противолежащая на 1 крае | 3 | 0,8 | 1,8 | 3,6 | 5,9 |
| | II | Заостряющая ретушь: | | 24 | 6,5 | 14,5 | 28,6 | 100,0 |
| | | 9 | на 1 конце со спинки | 7 | 1,9 | 4,2 | 8,3 | 29,2 |
| | | 10 | с 1 бокового края со спинки | 4 | 1,1 | 2,4 | 4,8 | 16,7 |
| | | 11 | с 2 бокового края со спинки | 1 | 0,3 | 0,6 | 1,2 | 4,1 |
| | | 12 | с 1 бокового края с брюшка | 2 | 0,5 | 1,2 | 2,4 | 8,3 |
| | | 13 | с 2 бокового края с брюшка | 4 | 1,1 | 2,4 | 4,8 | 16,7 |
| | | 14 | противолежащая на 1 крае | 6 | 1,6 | 3,6 | 7,1 | 25,0 |
| Б | Точечная техника | | | 10 | 2,7 | 6,0 | 100,0 | |
| | III | 15 | Обработка орудий | 10 | 2,7 | 6,0 | | 100,0 |
| В | Абразивная техника | | | 72 | 19,5 | 43,4 | 100,0 | |
| | | 16 | Обработка орудий | 69 | 18,6 | 41,6 | | 95,8 |
| | | 17 | Обработка украшений, изделий для игры | 3 | 0,8 | 1,8 | | 4,2 |
| ИТОГО: | | | | 166 | 370 | | | |

**Таблица 11.**
**Техника вторичной обработки в Гура-Каменчий VI**

| | | | Наименование категорий, групп, типов | Общее число обраб. издел. | От общего числа издел. % | От общего числа обраб. издел. % | От категорий % | От группы % |
|---|---|---|---|---|---|---|---|---|
| А | Техника ретуширования | | | 16 | 12,9 | 47,0 | 100 | |
| | I | Затупливающая ретушь: | | 10 | 8,1 | 29,4 | 62,5 | 100 |
| | | 1 | на 1 конце со спинки | | | | | |
| | | 2 | на 2 конце со спинки | | | | | |
| | | 3 | на 1 конце и 1 боковом крае со спинки | 5 | 14,7 | 31,1 | 31,3 | 50,0 |
| | | 4 | на 1 конце и 2 боковых краях со спинки | 2 | 1,6 | 5,9 | 12,5 | 25,0 |
| | | 5 | на 1 боковом крае со спинки | 1 | 0,8 | 2,9 | 6,3 | 8,5 |
| | | 6 | на 2 боковом крае со спинки | 1 | 0,8 | 2,9 | 6,3 | 8,5 |
| | | 7 | на 1 боковом крае с брюшка | | | | | |
| | | 8 | противолежащая на 1 крае | 1 | 0,8 | 2,9 | 6,3 | 8,0 |
| | II | Заостряющая ретушь: | | 6 | 4,8 | 17,6 | 37,5 | 100 |
| | | 9 | на 1 конце со спинки | | | | | |
| | | 10 | с 1 бокового края со спинки | 1 | 0,8 | 2,9 | 6,3 | 20 |
| | | 11 | с 2 бокового края со спинки | 1 | 0,8 | 2,9 | 6,3 | 20 |
| | | 12 | с 1 бокового края с брюшка | 3 | 2,4 | 8,8 | 18,8 | 60 |
| | | 13 | с 2 бокового края с брюшка | | | | | |
| | | 14 | противолежащая на 1 крае | 1 | 0,8 | 2,9 | 6,3 | 8,0 |
| Б | Точечная техника | | | 6 | 4,8 | 17,6 | 100 | 100 |
| | III | 15 | Обработка орудий | 6 | 4,8 | 17,6 | 100 | 100 |
| В | Абразивная техника | | | 12 | 9,7 | 35,4 | 100 | |
| | IV | 16 | Обработка орудий | 12 | 9,7 | 35,4 | | 100 |
| | | 17 | Обработка украшений, изделий для игры | | | | | |
| ИТОГО: | | | | 34 | 124 | | | |

**Таблица 12.**
**Техника вторичной обработки на поселении Сынжерей I**

| | | | Наименование категорий, групп, типов | Общее число обраб. издел. | От общего числа издел. % | От общего числа обраб. издел. % | От категорий % | От группы % |
|---|---|---|---|---|---|---|---|---|
| А | Техника ретуширования | | | 9 | 12,3 | 60,0 | | |
| | I | Затупливающая ретушь: | | 9 | 12,3 | 60,0 | 100,0 | 100,0 |
| | | 1 | на одном конце со спинки | 1 | 1,4 | 6,6 | 11,1 | 11,1 |
| | | 2 | на 2 конце со спинки | | | | | |
| | | 3 | на 1 конце и 1 боковом крае со спинки | | | | | |
| | | 4 | на 1 конце и 2 боковых краях со спинки | 6 | 8,2 | 40,0 | 66,7 | 66,7 |
| | | 5 | на 1 боковом крае со спинки | 2 | 2,7 | 13,3 | 22,2 | 22,2 |
| | | 6 | на 2 боковом крае со спинки | | | | | |
| | | 7 | на 1 боковом крае с брюшка | | | | | |
| | | 8 | противолежащая на 1 крае | | | | | |
| | II | Заостряющая ретушь: | | | | | | |
| | | 9 | на 1 конце со спинки | | | | | |
| | | 10 | с 1 бокового края со спинки | | | | | |
| | | 11 | с 2 бокового края со спинки | | | | | |
| | | 12 | с 1 бокового края с брюшка | | | | | |
| | | 13 | с 2 бокового края с брюшка | | | | | |
| | | 14 | противолежащая на 1 крае | | | | | |
| Б | Точечная техника | | | 2 | 2,7 | 13,3 | 100 | 100 |
| | III | 15 | Обработка орудий | 2 | 2,7 | 13,3 | | 100 |
| В | Абразивная техника | | | 4 | 5,5 | 26,7 | 100 | |
| | IV | 16 | Обработка орудий | 4 | 5,5 | 26,7 | | 100 |
| | | 17 | Обработка украшений, изделий для игры | | | | | |
| | | | ИТОГО: | 15 | 73 | | | |

**Таблица 13.**
**Техника вторичной обработки на поселении Рогожень II**

| | | | Наименование категорий, групп, типов | Общее число обраб. издел. | От общего числа издел. % | От общего числа обраб. издел. % | От категорий (группы) % |
|---|---|---|---|---|---|---|---|
| А | Техника ретуширования | | | 10 | 23,3 | 23,3 | |
| | I | Затупливающая ретушь: | | 7 | 2,3 | 70,0 | |
| | | 1 | на одном конце со спинки | 2 | 4,6 | 20,0 | 28,6 |
| | | 2 | на 2 конце со спинки | 2 | 4,6 | 20,0 | 28,6 |
| | | 3 | на 1 конце и 1 боковом крае со спинки | 1 | 2,3 | 10,0 | 14,2 |
| | | 4 | на 1 конце и 2 боковых краях со спинки | | | | |
| | | 5 | на 1 боковом крае со спинки | 2 | 4,6 | 20,0 | 28,6 |
| | | 6 | на 2 боковом крае со спинки | | | | |
| | | 7 | на 1 боковом крае с брюшка | | | | |
| | | 8 | противолежащая на 1 крае | | | | |
| | II | Заостряющая ретушь: | | 3 | 7,0 | 30,0 | |
| | | 9 | на 1 конце со спинки | 2 | 4,6 | 20,0 | 66,7 |
| | | 10 | с 1 бокового края со спинки | | | | |
| | | 11 | с 2 бокового края со спинки | 1 | 2,3 | 10,0 | 33,3 |
| | | 12 | с 1 бокового края с брюшка | | | | |
| | | 13 | с 2 бокового края с брюшка | | | | |
| | | 14 | противолежащая на 1 крае | | | | |
| Б | Точечная техника | | | | | | |
| | III | 15 | Обработка орудий | | | | |
| В | Абразивная техника | | | | | | |
| | IV | 16 | Обработка орудий | | | | |
| | | 17 | Обработка украшений, изделий для игры | | | | |
| ИТОГО: | | | | 10 | 43 | | |

**Таблица 14.**
**Функциональные типы кремневых орудий труда и их распределение по типам заготовок (на пластинах, отщепах, осколках нуклеусов) из Дэнчень I**

| №№ пп. | Наименование орудий | На пластинах | | Отщепах | | Осколках | | Нуклеусов | | Всего | |
|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|
| | | кол. | % | кол. | % | кол. | % | кол. | % | кол. | % |
| 1 | Вкладыши ножей | 21 | 11,3 | 1 | 0,5 | - | | | | 22 | 11,8 |
| 2 | Ножи | 15 | 8,1 | 2 | 1,1 | 2 | | | 1,1 | 19 | 10,3 |
| 3 | Строгальные ножи | 10 | 5,4 | 1 | 0,5 | 1 | | | 0,5 | 12 | 6,5 |
| 4 | Скобели | 9 | 4,8 | 5 | 2,7 | 2 | | | 1,1 | 16 | 8,6 |
| 5 | Вкладыши серпов | 19 | 10,2 | 1 | 0,5 | 1 | | | 0,5 | 21 | 11,3 |
| 6 | Долота | | | 6 | 3,2 | 1 | | | 0,5 | 7 | 3,8 |
| 7 | Сверла | 3 | 1,6 | | | | | | | 3 | 1,6 |
| 8 | Проколки | 1 | 0,5 | 2 | 1,1 | | | | | 3 | 1,6 |
| 9 | Резцы и резчики | 10 | 5,4 | 10 | 5,4 | | | | | 20 | 10,7 |
| 10 | Пилки | 13 | 7,0 | | | | | | | 13 | 7,0 |
| 11 | Стамеска для шкуры | | | 1 | 0,5 | | | | | 1 | 0,5 |
| 12 | Концевые скребки | 5 | 2,7 | 11 | 5,9 | 2 | | | 1.1 | 18 | 9,7 |
| 13 | Концевые боковые скребки | 1 | 0,5 | 12 | 6,5 | | | | | 13 | 7,0 |
| 14 | Боковые скребки | | | 2 | 1,1 | 3 | | | 1,6 | 5 | 2,7 |
| 15 | Двусторонние скребки | 2 | 1,1 | 1 | 0,5 | | | | | 3 | 1,6 |
| 16 | Округлые скребки | | | 4 | 2,2 | 1 | | | 0,5 | 5 | 2,7 |
| 17 | Скребло | | | 1 | 0,5 | | | | | 1 | 0,5 |
| 18 | Ретушеры | | | 2 | 1,1 | 2 | | | 1,1 | 4 | 2,1 |
| | ИТОГО | 109 | 58,6 | 62 | 33,3 | 15 | | | 8,1 | 186 | 100 |

**Таблица 15.**
**Функциональные типы кремневых орудий труда из Дэнчень I, Флорешть I, Цыра II***

| | Наименование орудий | Дэнчень I | | Флорешть I | | Цыра II | |
|---|---|---|---|---|---|---|---|
| | | кол. | % | кол. | % | кол. | % |
| 1 | Вкладыши ножей и ножи | 41 | 22,1 | 70 | 19,2 | 5 | 19,2 |
| 2 | Строгальные ножи | 12 | 6,5 | - | - | - | - |
| 3 | Скобели | 16 | 8,6 | 29 | 7,9 | 8 | 30,8 |
| 4 | Вкладыши серпов | 21 | 11,3 | 16 | 4,4 | 1 | 3,8 |
| 5 | Долота | 7 | 3,8 | - | - | - | - |
| 6 | Сверла | 3 | 1,6 | 5 | 1,4 | - | - |
| 7 | Проколки | 3 | 1,6 | - | - | - | - |
| 8 | Резцы и резчики | 20 | 10,7 | 2 | 0,5 | - | - |
| 9 | Пилки | 13 | 7,0 | - | - | - | - |
| 10 | Стамеска | 1 | 0,5 | - | - | - | - |
| 11 | Скребки | 44 | 23,7 | 242 | 66.3 | 12 | 46.2 |
| 12 | Скребло | 1 | 0,5 | 1 | 0,3 | - | - |
| 13 | Ретушеры на отщепах и осколках нуклеусов | 4 | 2,1 | - | - | - | - |
| ИТОГО | | 186 | 100,0 | 365 | 100,0 | 26 | 100,0 |

* Для поселений Флорешть I, Цыра II таблица составлена на основании данных: Коробкова 1987: 259, табл. 42.

**Таблица 16.**
**Функциональная классификация орудий труда из Дэнчень I**

| | | | Наименование классов, групп, типов | Общее число орудий % | От об щего числа орудий | От класса | От группы |
|---|---|---|---|---|---|---|---|
| 1 | 2 | 3 | 4 | 5 | 6 | 7 | 8 |
| А | Орудия, связанные с хозяйством | | | 76 | 21,84 | 100 | - |
| | I | С земледелием: | | 35 | 10,06 | 46,05 | 100 |
| | | 1 | Роговые мотыги | 6 | 1,72 | 7,89 | 17,14 |
| | | 2 | Вкладыши серпов | 21 | 6,04 | 27,63 | 60,0 |
| | | 3 | Зернотерки | 7 | 2,01 | 9,21 | 20,0 |
| | | 4 | Песты | 1 | 0.29 | 1,32 | 2,86 |
| | II | Со скотоводством и охотой: | | 41 | 11,78 | 53,95 | 100 |
| | | 5 | Вкладыши ножей | 22 | 6,32 | 28,95 | 53,66 |
| | | 6 | Ножи | 19 | 5,46 | 25,0 | 46,34 |
| Б | Орудия, занятые в домашних производствах: | | | 272 | 78,16 | 100 | - |
| | III | 7 | Нуклеусы | 42 | 12,07 | 15,44 | 50,0 |
| | | 8 | Отбойники | 25 | 7,19 | 9,19 | 29,76 |
| | | 9 | Ретушеры | 10 | 2,87 | 3,68 | 11,9 |
| | | 10 | Абразивы | 7 | 2,01 | 2,57 | 8,34 |
| | IV | В обработке дерева, кости, рога: | | 104 | 29,89 | 38,24 | 100 |
| | | 11 | Скобели для дерева | 10 | 2,87 | 3,68 | 9,62 |
| | | 12 | Скобели для кости и рога | 6 | 1,72 | 2,21 | 5,77 |
| | | 13 | Долота костяные для дерева | 1 | 0,29 | 0,37 | 0,96 |
| | | 14 | Долота кремневые для дерева | 6 | 1,72 | 2,21 | 5,77 |
| | | 15 | Резцы и резчики для дерева | 7 | 2,01 | 2,57 | 6,73 |
| | | 16 | Резцы и резчики для кости и рога | 13 | 3.74 | 4.78 | 12,5 |
| | | 17 | Пилки для дерева | 13 | 3.74 | 4.78 | 12,5 |
| | | 18 | Строгальные ножи для дерева | 8 | 2,30 | 2,94 | 7,69 |
| | | 19 | Строгальные ножи для кости и рога | 4 | 1,15 | 1,47 | 3,85 |
| | | 20 | Долота и тесла каменные для дерева | 35 | 10,06 | 12,07 | 33,65 |
| | | 21 | Топор для дерева каменный | 1 | 0,29 | 0,36 | 0,96 |

*Таблица 16 (продолжение)*

| 1 | 2 | 3 | 4 | 5 | 6 | 7 | 8 |
|---|---|---|---|---|---|---|---|
| Б | V | В обработке шкур и выделке кож: | | 9 | 14,08 | 18,01 | 100 |
| | | 22 | Скребки | 4 | 12,64 | 16,17 | 89,80 |
| | | 23 | Скребла | 1 | 0,29 | 0,37 | 2,04 |
| | | 24 | Стамеска для шкур | 1 | 0,29 | 0,37 | 2,04 |
| | | 25 | Лощила костяные | 1 | 0,29 | 0,37 | 2,04 |
| | | 26 | Лощила каменные | 2 | 0,57 | 0,73 | 4,08 |
| | VI | В изготовлении одежды и бытовых предметов: | | 20 | 5,75 | 7,35 | 100 |
| | | 27 | Шилья костяные | 8 | 2,29 | 2,94 | 40,0 |
| | | 28 | Иглы костяные | 1 | 0,29 | 0,37 | 5,0 |
| | | 29 | Проколки кремневые | 3 | 0,86 | 1,1 | 15,0 |
| | | 30 | Ножи для кожи | 1 | 0,29 | 0,37 | 5,0 |
| | | 31 | Галька для разглаживания швов | 1 | 0,29 | 0,37 | 5,0 |
| | | 32 | Прясла | 5 | 1,44 | 1,83 | 25,0 |
| | | 33 | Резчик для шкур | 1 | 0,29 | 0,37 | 5,0 |
| | VII | В изготовлении украшений: | | 4 | 1,15 | 1,47 | 100 |
| | | 34 | Сверла | 3 | 0,86 | 1,1 | 75,0 |
| | | 35 | Пилка для раковин | 1 | 0,29 | 0,37 | 25,0 |
| | VIII | В изготовлении краски: | | 1 | 0,29 | 0,37 | 100 |
| | | 36 | Скребок для охры | 1 | 0,29 | 0,37 | 100 |
| | IX | В изготовлении керамики: | | 8 | 2,29 | 1,94 | 100 |
| | | 37 | Шпатели костяные | 1 | 0,29 | 0,37 | 12,5 |
| | | 38 | Орнаментиры костяные | 7 | 2,0 | 2,57 | 87,5 |
| | X | В плетении циновок: | | 2 | 0,57 | 0,74 | 100 |
| | | 39 | Кочедыки | 2 | 0,57 | 0,74 | 100 |
| ИТОГО: | | | | 348 | 100,0 | - | - |

**Таблица 17.**
**Функциональная классификация орудий труда из Флорешть I**

| Наименование классов, групп и типов | | | | Общее число орудий | От общ. числа орудий % | От класса % | От группы % |
|---|---|---|---|---|---|---|---|
| А | | | Орудия, связанные с хозяйством | 98 | 14,76 | 100 | - |
| | I | | *С земледелием:* | 28 | 4,22 | 28,57 | 100 |
| | | 1 | Роговые мотыги | 4 | 0,6 | 4,08 | 14,29 |
| | | 2 | Вкладыши серпов | 16 | 2,41 | 16,33 | 57,14 |
| | | 3 | Зернотерки | 6 | 0,9 | 6,12 | 21,43 |
| | | 4 | Песты | 2 | 0,3 | 2,04 | 7,14 |
| | II | | *Со скотоводством и охотой:* | 70 | 10,54 | 71,43 | 100 |
| | | 5 | Вкладыши ножей и кинжалов | 70 | 10,54 | 71,43 | 100 |
| Б | | | Орудия, занятые в домашних производствах | 568 | 85,24 | 100 | - |
| | III | | *В изготовлении орудий труда:* | 253 | 35,39 | 44,55 | 100 |
| | | 6 | Нуклеусы | 204 | 30,72 | 35,92 | 80,63 |
| | | 7 | Отбойники | 38 | 5,72 | 6,69 | 15,02 |
| | | 8 | Ретушеры | 10 | 1,51 | 1,76 | 3,95 |
| | | 9 | Абразивы | 1 | 0,15 | 0,18 | 0,4 |
| | IV | | *В обработке дерева, кости, рога* | 44 | 6,63 | 7,75 | 100 |
| | | 10 | Скобели | 29 | 4,37 | 5,11 | 65,91 |
| | | 11 | Долота костяные | 1 | 0,15 | 0,18 | 2,27 |
| | | 12 | Резцы | 2 | 0,3 | 0,35 | 5,55 |
| | | 13 | Тесла и долота каменные | 12 | 1,81 | 2,11 | 27,27 |
| | V | | *В обработке шкур и выделке кож:* | 245 | 36,90 | 43,14 | 100 |
| | | 14 | Скребки | 242 | 36,45 | 42,61 | 98,78 |
| | | 15 | Скребла | 1 | 0,15 | 0,18 | 0,40 |
| | | 16 | Лощила костяные | 2 | 0,3 | 0,35 | 0,82 |
| | VI | | *В изготовлении одежды и бытовых предметов:* | 11 | 1,66 | 1,94 | 100 |
| | | 17 | Шилья | 8 | 1,2 | 1,41 | 72,73 |
| | | 18 | Проколки | 3 | 0,45 | 0,53 | 27,27 |
| | VII | | *В изготовлении украшений:* | 5 | 0,75 | 0,88 | 100 |
| | | 19 | Сверла | 5 | 0,75 | 0,88 | 100 |
| | VIII | | *В изготовлении краски:* | 1 | 0,15 | 0,18 | 100 |
| | | 20 | Краскотерки | 1 | 0,15 | 0,18 | 100 |
| | IX | | *В изготовлении керамики* | 6 | 0,9 | 1,06 | 100 |
| | | 21 | Шпатели костяные | 6 | 0,9 | 1,06 | 100 |
| | X | | *В плетении циновок* | 1 | 0,15 | 0,18 | 100 |
| | | 22 | Кочедыки | 1 | 0,15 | 0,18 | 100 |
| ИТОГО | | | | 669 | 100 | - | - |

**Таблица 18.**
**Функциональная классификация орудий труда из Цыра II**

| Наименование классов, групп и типов | | | | Общее число орудий | От общего числа орудий, % | От класса, % | От группы, % |
|---|---|---|---|---|---|---|---|
| 1 | 2 | 3 | 4 | 5 | 6 | 7 | 8 |
| А | | | Орудия, связанные с хозяйством | 7 | 8,64 | 100 | - |
| | I | | *С земледелием:* | 2 | 2,47 | 28,57 | 100 |
| | | 1 | Вкладыши серпов | 1 | 1,23 | 14,29 | 50,0 |
| | | 2 | Зернотерки | 1 | 1,23 | 14,29 | 50,0 |
| | II | | *Со скотоводством и охотой:* | 5 | 6,17 | 71,43 | 100 |
| | | 3 | Вкладыши ножей и кинжалов | 4 | 4,94 | 57,14 | 80,0 |
| | | 4 | Наконечники копий или дротиков | 1 | 1,23 | 14,29 | 20,0 |
| Б | | | Орудия, занятые в домашних производствах | 74 | 91,36 | 100 | - |
| | III | | *В изготовлении орудий труда:* | 53 | 64,43 | 71,62 | 100 |
| | | 5 | Нуклеусы | 48 | 59,26 | 64,86 | 90,57 |
| | | 6 | Отбойники | 5 | 6,17 | 6,76 | 9,43 |
| | IV | | *В обработке дерева, кости, рога* | 9 | 11,11 | 12,16 | 100 |
| | | 7 | Скобели | 8 | 9,88 | 10,81 | 88,89 |
| | | 8 | Долота костяные | 1 | 1,23 | 1,35 | 11,11 |
| | V | | *В обработке шкур и выделке кож:* | 12 | 14,81 | 16,21 | 100 |
| | | 9 | Скребки | 12 | 14,81 | 16,21 | 100 |
| ИТОГО | | | | 81 | 100 | - | - |

**Таблица 19.**
**Функциональная классификация орудий труда из Дэнчень I, их распределение по жилищно-хозяйственным комплексам №1, №2**

| Наименование классов, групп и типов | | | | ЖХК I | | ЖХК II | |
|---|---|---|---|---|---|---|---|
| | | | | к-во орудий | % от к-ва орудий | к-во орудий | % от к-ва орудий |
| А | ОРУДИЯ, СВЯЗАННЫЕ С ХОЗЯЙСТВОМ | | | 6 | 16,21 | 30 | 30,61 |
| | I | С земледелием: | | 2 | 5,40 | 17 | 17,34 |
| | | 1 | Роговые мотыги | 1 | 2,70 | 2 | 2,04 |
| | | 2 | Вкладыши серпов | 1 | 2,70 | 12 | 12,24 |
| | | 3 | Зернотерки | | | 3 | 3,10 |
| | | 4 | Песты | | | | |
| | II | Со скотоводством и охотой | | 4 | 10,81 | 13 | 13,26 |
| | | 5 | Вкладыши ножей и ножи | 4 | 10,81 | 13 | 13,26 |
| Б | ОРУДИЯ, ЗАНЯТЫЕ В ДОМАШНИХ ПРОИЗ-ВОДСТВАХ | | | 31 | 83,78 | 68 | 69,38 |
| | III | В изготовлении орудий труда: | | 4 | 10,81 | 18 | 18,36 |
| | | 6 | Нуклеусы | 1 | 2,70 | 5 | 5,10 |
| | | 7 | Отбойники | 1 | 2,70 | 4 | 4,08 |
| | | 8 | Ретушеры | 2 | 5,40 | 4 | 4,08 |
| | | 9 | Абразивы | | | 5 | 5,10 |
| | IV | В обработке дерева, кости, рога: | | 15 | 40,54 | 21 | 21,42 |
| | | 10 | Скобели | 1 | 2,70 | 5 | 5,10 |
| | | 11 | Долота | | | 2 | 2,04 |
| | | 12 | Резцы и резчики | 2 | 5,40 | 9 | 9,18 |
| | | 13 | Пилки | 3 | 8,10 | 1 | 1,02 |
| | | 14 | Строгальные ножи | 2 | 5,40 | 2 | 2,04 |
| | | 15 | Долота, тесла каменные | 7 | 18,91 | 2 | 2,04 |
| | | 16 | Топор каменный | | | | |
| | V | В обработке шкур и выделке кож : | | 9 | 24,32 | 14 | 14,28 |
| | | 17 | Скребки | 7 | 18,91 | 12 | 12,24 |
| | | 18 | Скребла | | | 1 | 1,02 |
| | | 19 | Лощила костяные | 1 | 2,70 | | |
| | | 20 | Стамеска для шкур | | | | |
| | | 21 | Лощило-галька | 1 | 2,70 | 1 | 1,02 |
| | VI | В изготовлении одежды и бытовых предметов: | | 2 | 5,40 | 7 | 7,14 |
| | | 22 | Шилья | | | 4 | 4,08 |
| | | 23 | Иглы | | | 1 | 1,02 |
| | | 24 | Проколки кремневые | | | | |
| | | 25 | Ножи для кожи | | | 1 | 1,02 |
| | | 26 | Резчик для шкур | | | | |
| | | 27 | Прясла | 2 | 5,40 | 1 | 1,02 |
| | VII | В изготовлении украшений: | | | | 1 | 1,02 |
| | | 28 | Сверла | | | | |
| | | 29 | Пилка для раковин | | | 1 | 1,02 |
| | VIII | В изготовлении краски: | | | | | |
| | IX | В изготовлении керамики: | | 1 | 2,70 | 5 | 5,10 |
| | | 30 | Шпатели костяные | | | 1 | 1,02 |
| | | 31 | Орнаментиры костяные | 1 | 2,70 | 4 | 4,08 |
| | X | В плетении циновок | | | | 2 | 2,04 |
| | | 32 | Кочедыки | | | 2 | 2,04 |
| ИТОГО: | | | | 37 | 100 | 98 | 100 |

**Таблица 20.**
**Функциональная классификация орудий труда из Дэнчень I, их распределение по жилищно-хозяйственным комплексам №3 и №4**

| Наименование классов, групп и типов | | | | ЖХК III | | ЖХК IV | |
|---|---|---|---|---|---|---|---|
| | | | | к-во орудий | % от к-ва орудий | к-во орудий | % от к-ва орудий |
| А | ОРУДИЯ, СВЯЗАННЫЕ С ХОЗЯЙСТВОМ | | | 7 | 23,33 | 4 | 36,36 |
| | I | С земледелием: | | 3 | 10 | 3 | 27,27 |
| | | 1 | Роговые мотыги | 1 | 3,33 | 1 | 9,09 |
| | | 2 | Вкладыши серпов | 3 | 10 | | |
| | | 3 | Зернотерки | | | 2 | 18,18 |
| | | 4 | Песты | | | | |
| | II | Со скотоводством и охотой | | 4 | 13,33 | 1 | 9,09 |
| | | 5 | Вкладыши ножей и ножи | 4 | 13,33 | 1 | 9,09 |
| Б | ОРУДИЯ, ЗАНЯТЫЕ В ДОМАШНИХ ПРОИЗВОДСТВАХ | | | 23 | 76,66 | 7 | 63,63 |
| | III | В изготовлении орудий труда: | | 15 | 50 | 1 | 9,09 |
| | | 6 | Нуклеусы | 10 | 33,33 | | |
| | | 7 | Отбойники | 5 | 16,66 | 1 | 9,09 |
| | | 8 | Ретушеры | | | | |
| | | 9 | Абразивы | | | | |
| | IV | В обработке дерева, кости, рога: | | 7 | 23,33 | 5 | 45,45 |
| | | 10 | Скобели | 1 | 3,33 | 2 | 18,18 |
| | | 11 | Долота | | | | |
| | | 12 | Резцы и резчики | 2 | 6,66 | | |
| | | 13 | Пилки | 1 | 3,33 | | |
| | | 14 | Строгальные ножи | | | | |
| | | 15 | Долота, тесла каменные | 3 | 10 | 3 | 27,27 |
| | | 16 | Топор каменный | | | | |
| | V | В обработке шкур и выделке кож : | | | | | |
| | | 17 | Скребки | | | | |
| | | 18 | Скребла | | | | |
| | | 19 | Лощила костяные | | | | |
| | | 20 | Стамеска для шкур | | | | |
| | | 21 | Лощило-галька | | | | |
| | VI | В изготовлении одежды и бытовых предметов: | | | | 1 | 9,09 |
| | | 22 | Шилья | | | | |
| | | 23 | Иглы | | | | |
| | | 24 | Проколки кремневые | | | | |
| | | 25 | Ножи для кожи | | | | |
| | | 26 | Резчик для шкур | | | | |
| | | 27 | Прясла | | | 1 | 9,09 |
| | VII | В изготовлении украшений: | | | | | |
| | | 28 | Сверла | | | | |
| | | 29 | Пилка для раковин | | | | |
| | VIII | В изготовлении краски: | | | | | |
| | IX | | В изготовлении керамики: | | | | |
| | | 30 | Шпатели костяные | | | | |
| | | 31 | Орнаментиры костяные | | | | |
| | X | В плетении циновок | | | | | |
| | | 32 | Кочедыки | | | | |
| ИТОГО: | | | | 30 | 100 | 11 | 100 |

**Таблица 21.**
**Функциональная классификация орудий труда из Дэнчень I, их распределение по жилищно-хозяйственным комплексам №5 и №6**

| Наименование классов, групп и типов | | | | ЖХК5 | | ЖХК 6 | |
|---|---|---|---|---|---|---|---|
| | | | | к-во орудий | % от к-ва орудий | к-во орудий | % от к-ва орудий |
| А | ОРУДИЯ, СВЯЗАННЫЕ С ХОЗЯЙСТВОМ | | | 10 | 20,0 | 3 | 11,53 |
| | I | С земледелием: | | 4 | 8,0 | 2 | 7,69 |
| | | 1 | Роговые мотыги | 1 | 2,0 | | |
| | | 2 | Вкладыши серпов | 1 | 2,0 | 2 | 7,69 |
| | | 3 | Зернотерки | 1 | 2,0 | | |
| | | 4 | Песты | 1 | 2,0 | | |
| | II | Со скотоводством и охотой: | | 6 | 12,0 | 1 | 3,84 |
| | | 5 | Вкладыши ножей и ножи | 6 | 12,0 | 1 | 3,84 |
| Б | ОРУДИЯ, ЗАНЯТЫЕ В ДОМАШНИХ ПРОИЗВОДСТВАХ | | | 40 | 80,0 | 23 | 88,46 |
| | III | В изготовлении орудий труда: | | 13 | 26,0 | 8 | 30,76 |
| | | 6 | Нуклеусы | 6 | 12,0 | 4 | 15,38 |
| | | 7 | Отбойники | 3 | 6,0 | 3 | 11,53 |
| | | 8 | Ретушеры | 3 | 6,0 | 1 | 3,84 |
| | | 9 | Абразивы | 1 | 2,0 | | |
| | IV | В обработке дерева, кости, рога: | | 15 | 30,0 | 7 | 26,92 |
| | | 10 | Скобели | 3 | 6,0 | 1 | 3,84 |
| | | 11 | Долота | 1 | 2,0 | 2 | 7,69 |
| | | 12 | Резцы и резчики | 2 | 4,0 | 1 | 3,84 |
| | | 13 | Пилки | 1 | 2,0 | | |
| | | 14 | Строгальные ножи | | | | |
| | | 15 | Долота, тесла каменные | 6 | 12,0 | 3 | 11,53 |
| | | 16 | Топор каменный | 1 | 2,0 | | |
| | V | В обработке шкур и выделке кож : | | 8 | 16,0 | 4 | 15,38 |
| | | 17 | Скребки | 8 | 16,0 | 3 | 11,53 |
| | | 18 | Скребла | | | | |
| | | 19 | Лощила костяные | | | | |
| | | 20 | Стамеска для шкур | | | 1 | 3,84 |
| | | 21 | Лощило-галька | | | | |
| | VI | В изготовлении одежды и бытовых предметов: | | 3 | 6,0 | 4 | 15,38 |
| | | 22 | Шилья | 3 | 6,0 | | |
| | | 23 | Иглы | | | | |
| | | 24 | Проколки кремневые | | | 3 | 11,53 |
| | | 25 | Ножи для кожи | | | | |
| | | 26 | Резчик для шкур | | | 1 | 3,84 |
| | | 27 | Прясла | | | | |
| | VII | В изготовлении украшений: | | | | | |
| | | 28 | Сверла | | | | |
| | | 29 | Пилка для раковин | | | | |
| | VIII | В изготовлении краски: | | | | | |
| | IX | В изготовлении керамики: | | 1 | 2,0 | | |
| | | 30 | Шпатели костяные | | | | |
| | | 31 | Орнаментиры костяные | 1 | 2,0 | | |
| | X | В плетении циновок | | | | | |
| | | 32 | Кочедыки | | | | |
| ИТОГО: | | | | 50 | 100 | 26 | 100 |

**Таблица 22.**
**Функциональная классификация орудий труда из Дэнчень I, их распределение по жилищно-хозяйственным комплексам №7, №8 и №9**

| Наименование классов, групп и типов | | | | ЖХК7 | | ЖХК 8 | | ЖХК 9 | |
|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|
| | | | | к-во орудий | % от к-ва орудий | к-во орудий | % от к-ва орудий | к-во орудий | % от к-ва орудий |
| 1 | 2 | 3 | 4 | 5 | 6 | 7 | 8 | 9 | 10 |
| А | ОРУДИЯ, СВЯЗАННЫЕ С ХОЗЯЙСТВОМ | | | 8 | 24,24 | 2 | 4,76 | 2 | 16,66 |
| | I | С земледелием: | | 3 | 9,09 | | | 1 | 8,33 |
| | | 1 | Роговые мотыги | 1 | 3,03 | | | | |
| | | 2 | Вкладыши серпов | 1 | 3,03 | | | 1 | 8,33 |
| | | 3 | Зернотерки | 1 | 3,03 | | | | |
| | | 4 | Песты | | | | | | |
| | II | Со скотоводством и охотой: | | 5 | 15,15 | 2 | 4,76 | 1 | 8,33 |
| | | 5 | Вкладыши ножей и ножи | 5 | 15,15 | 2 | 4,76 | 1 | 8,33 |
| Б | ОРУДИЯ, ЗАНЯТЫЕ В ДОМАШНИХ ПРОИЗВОДСТВАХ | | | 25 | 75,75 | 40 | 95,23 | 10 | 83,33 |
| | III | В изготовлении орудий труда: | | 4 | 12,12 | 18 | 42,85 | 3 | 25 |
| | | 6 | Нуклеусы | 2 | 6,06 | 13 | 30,45 | | |
| | | 7 | Отбойники | 2 | 6,06 | 5 | 11,90 | 1 | 8,33 |
| | | 8 | Ретушеры | | | | | | |
| | | 9 | Абразивы | | | | | | |
| | IV | В обработке дерева, кости, рога: | | 12 | 36,36 | 16 | 38,09 | 5 | 41,66 |
| | | 10 | Скобели | 1 | 3,03 | 2 | 4,76 | | |
| | | 11 | Долота | 1 | 3,03 | 1 | 2,38 | | |
| | | 12 | Резцы и резчики | 2 | 6,06 | 2 | 4,76 | 1 | 8,33 |
| | | 13 | Пилки | 1 | 3,03 | 3 | 7,14 | 2 | 16,66 |
| | | 14 | Строгальные ножи | 3 | 9,09 | 4 | 9,52 | | |
| | | 15 | Долота, тесла каменные | 4 | 12,12 | 3 | 7,14 | 2 | 16,66 |
| | | 16 | Топор каменный | | | | | | |
| | V | В обработке шкур и выделки кож : | | 6 | 18,18 | | | 2 | 16,66 |
| | | 17 | Скребки | 6 | 18,18 | | | 2 | 16,66 |
| | | 18 | Скребла | | | | | | |
| | | 19 | Лощила костяные | | | | | | |
| | | 20 | Стамеска для шкур | | | | | | |
| | | 21 | Лощило-галька | | | | | | |
| | VI | В изготовлении одежды и бытовых предметов: | | 1 | 0,3 | | | | |
| | | 22 | Шилья | | | | | | |
| | | 23 | Иглы | | | | | | |
| | | 24 | Проколки кремневые | | | | | | |
| | | 25 | Ножи для кожи | | | | | | |
| | | 26 | Резчик для шкур | | | | | | |
| | | 27 | Прясла | 1 | 0,3 | | | | |

*Таблица 22 (продолжение)*

| 1 | 2 | 3 | 4 | 5 | 6 | 7 | 8 | 9 | 10 |
|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|
| Б | VII | В изготовлении украшений: | | 2 | 6,06 | | | | |
| | | 28 | Сверла | 2 | 6,06 | | | | |
| | | 29 | Пилка для раковин | | | | | | |
| | VIII | В изготовлении краски: | | | | | | | |
| | IX | | В изготовлении керамики: | | | | | 1 | 8,33 |
| | | 30 | Шпатели костяные | | | | | | |
| | | 31 | Орнаментиры костяные | | | | | 1 | 8,33 |
| | X | В плетении циновок | | | | | | | |
| | | 32 | Кочедыки | | | | | | |
| ИТОГО: | | | | 33 | 100 | 42 | 100 | 12 | 100 |

**Табл. 23.**
**Видовой состав и численность отпечатков с памятников КЛЛК Молдовы**

| Вид | | Памятники | | | | | |
|---|---|---|---|---|---|---|---|
| | | Дэнчень I | Флорешть I | Рогожень II | Дурлешть I | Русештиий Н. I; Русештий Н. II ; Брэнешть XIII; Г.- Каменчий VI | Всего |
| 1 | Пшеницы | | | | | | |
| | Однозернянка | 20 | 7 | + | | 1 | 28 |
| | Двузернянка | 19 | | + | 1 | 6 | 26 |
| | Спельта | 1 | | + | | 6 | 7 |
| | Карлик/мягкая | 12 | | | | | 12 |
| 2 | Ячмень | | | | | | |
| | Пленчетый | 7 | | | 1? | | 8 |
| | Голозерный | | | + | | | + |
| 3 | Овес | 1 | | | | 1 | 2 |
| 4 | Просо | 60 | | | 1 | 1 | 62 |
| 5 | Горох | 10 | | | | | 10 |
| 6 | Вика | 6 | | | | | 6 |
| 7 | Чина | 5 | | | | | 5 |
| 8 | Конопля | 9 | | | | | 9 |
| 9 | Плодовые | | | | | | |
| | Черешня | | 1 | | | | 1 |
| | Алыча | 1 | 1 | | | | 2 |
| | Кизил | 2 | 1 | | 1 | | 4 |
| 10 | Чешуй хлебных злаков | 38 | 2 | 1 | | 22 | 63 |
| Кол-во проанализированных фр. | | 637 | 20 | 3 | 14 | 33 | 707 |

**Таблица 24.**
**Сводный список определенных растительных остатков с поселений культур Криш, КЛЛК Молдовы и Украины**

| Вид | Молдова | | Украина |
|---|---|---|---|
| | Криш | КЛЛК | КЛЛК |
| **Пшеницы Triticum** | | | |
| Однозернянка Tr. monococcum | ++ | ++ | + |
| Двузернянка Tr.dicoccon | ++ | ++ | + |
| Карликовая/мягкая Tr. aestivum/compactum | + | + | + |
| Спельта Tr.spelta | + | + | + |
| Твердая Tr. cf. durum | - | - | + |
| **Ячмень Hordeum** | | | |
| Пленчатый H. vulg. vulg. hulled | ++ | + | + |
| Голозерный H. vulg. vulg. naked | ++ | + | + |
| Овес Avena sp. | + | + | |
| Просо Panicum miliceum | ++ | ++ | + |
| Щетинник Setaria viridis/ glansa | + | + | - |
| Гречишные Polygonoceae | + | + | - |
| Подмаренник Calium sp. | + | - | - |
| Горец Polygonum sp. | + | - | - |
| Бурачок Alissum sp. | + | - | - |
| Куколь Agrostema sp. | + | - | - |
| Щетинник Setaria sp. | + | - | - |
| Горох Pisum sativum | + | + | + |
| Чина Lathyrus sativum sp. | - | + | - |
| ВикаVicia sp. | - | + | - |
| Конопля Canabis sp. | - | + | - |
| Слива Prunus sp. | + | - | - |
| Алыча Prunus cerasifera | + | + | - |
| Терн Prunus spinosa | + | - | - |
| Слива домашняя Prunus domestica | + | - | - |
| Яблоня / груша Malus / pyrus | + | - | - |
| Вишня / черешня Cerasus Mill. spec. | + | + | - |
| Кизил Cornus mas. | + | + | - |
| Виноград Vitis sylvestris | + | - | - |
| Дуб (желуди) Quercus spec. | + | - | - |
| Лещина Coryllus avellana | + | - | - |

## ИССЛЕДОВАНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

*Коваленко С., Бодян С.*

# ЦАРИГРАД II — ПОСЕЛЕНИЕ РАННЕГО НЕОЛИТА НА Р. РЕУТ В МОЛДОВЕ

**Covalenco S., Bodean S. Tsarigrad II – settlement of the Early Neolithic Age on the river Reut in Moldova.**
The settlement of the Early Neolithic Age Tsarigrad II was discovered on the North of Moldavia , in a water-meadow valley of the river Reut. Its weak culture layer was studied on a small area. It was possible to collect there more than 2 thousand flint pieces (cone-shaped cores, micropoints and backed bladelets, trapezes, microburins, circular and lateral scrapers, bout-shaped retoucher), as well as some fragments of ceramics with plant elements. According to the main features of flint stock the settlement Tsarigrad II can be refered to monuments of transitional type and could be dated as the earliest stage of Neolithic Age.

Совместная молдавско-германская экспедиция, проводившая обследование стоянок каменного века Молдове в 1996 году, установила серию памятников с микролитическим кремневым инвентарем, вначале соотносимым с мезо-неолитическим временем. Детальный анализ собранных на поверхности и в шурфах материалов, данные стратиграфии и геоморфологического расположения поселений позволили конкретизировать возраст многих из них (Ларина и др. 1997).

Составление общей схемы развития микролитоидных индустрий, определение грани между мезолитом и эпохой неолита, вызвало новый интерес к ряду памятников переходного типа, одним из которых является Цариград II. Обладая отдельными чертами сближающими его с ранненеолитическими комплексами нашего региона, он, по мнению О.В.Лариной, ещё не приобрел в должной степени культурной свецифики памятников раннего типа. Собранные за последние два года новые оригинальные материалы, удвоившие объём коллекции Цариграда II, позволяют вновь вернуться к анализу его кремневого инвентаря.

Поселение Цариград II обнаружено С.Бодян в 1995 г. в верхнем течении р.Реут, в 3 км к югозападу от с.Цариград Дрокиевского района. Оно располагается в непосредственной близости от ранее известного позднетрипольского поселения. Масса мелких кремневых находок локализуется по левому краю низкого пойменного берега у излучины реки, напротив крутого правобережья, изрезанного несколькими оврагами с ранее постоянными водотоками.

Изучение стратиграфии отложений на поселении возможно по одной из стенок контрольной траншеи, заложенной в 1996 г. :

I. Почва черноземная, рыхлая, осветленная в нижней части. Мощность до 40 см;

II. Суглинок светло-бурый и буроватый, верхняя часть с остатками культурного слоя, нарушенного плантажной вспашкой. Мощность до 30 см;

III. Суглинок жёлто-коричневый, насыщенный мелкими известковистыми и меловыми включениями. Мощность не менее 30 см.

Кремневые патинизированные находки из черноземной почвы и с поверхности, очевидно, происходят из потревоженного глубокой пропашкой культурного слоя. Его остатки в кровле буроватого суглинка фиксируются по отдельным кремням без патины. Всего в траншее собрано 219 предметов. Редкие обломки костей животных, створки раковин и кусочки керамики (за исключением одного), к сожалению, выявлены лишь в черноземе.

Общее количество обнаруженных на поселении кремневых находок составляет 2.164 экземпляра. В качестве сырья для их изготовления использованы обычные желваки из меловых отложений, размываемых по склонам долины. Размеры таких желваков могли превышать 7 см. Речные гальки, несколько меньших размеров, употреблялись реже. В единичных экземплярах встречаются находки из окремневшего известняка. Цветовой спектр кремневого сырья варьирует от серого до светло-коричневого. Часть предметов покрыта серо-голубой или беловатой пятнистой патиной.

Разнообразие кремневого инвентаря по показателям техники расщепления отражено в табл.1.

Доминирующее положение занимает призматическая техника скола с односторонних нуклеусов. Её дополняет система снятия заготовок по всему или большей части периметра мелких конусовидных и двуплощадочных призматических ядрищ. Типологически нуклеусы подразделяются на:

© Коваленко С., Бодян С., 1999.

**Таблица 1.**

| Группа изделий | Всего | % |
|---|---|---|
| Гальки | 6 | 0,3 |
| Пренуклеусы | 2 | 0,1 |
| Нуклеусы | 90 | 4,2 |
| Нуклевидные обломки | 12 | 0,6 |
| Крупные обломки | 9 | 0,4 |
| Мелкие обломки | 10 | 0,5 |
| Крупные отщепы | 40 | 1,9 |
| Средние отщепы | 275 | 12,7 |
| Мелкие отщепы | 849 | 39,2 |
| Чешуйки | 52 | 2,4 |
| Крупные пластины | 16 | 0,7 |
| Пластины | 352 | 16,3 |
| Пластинки | 218 | 10,1 |
| Микропластины | 26 | 1,2 |
| Краевые сколы | 117 | 5,4 |
| Ребристые сколы | 31 | 1,4 |
| Сколы оживления нуклеусов | 55 | 2,5 |
| Резцовые сколы | 4 | 0,2 |
| И Т О Г О | 2.164 | |

- подпризматические (19) и призматические (11) одноплощадочные, оставленные на рабочей стадии расщепления, три из которых имеет исключительно правильную огранку (рис.1:3);
- подпризматические двуплощадочные со скалыванием в одной (5) или разных плоскостях (6), средних размеров;
- призматические одно- (5) и двуплощадочные (4), почти полностью сработанные. Двуплощадочные формы - укороченных пропорций, со встречным скалыванием (рис.1:7);
- призматические двуплощадочные с негативами снятия пластинок по большей части периметра. Правильная огранка достигалась при использовании ручного отжима;
- плоские (2) одноплощадочные с правильным огранением. Представляют один из вариантов сильно сработанных призматических форм (рис.1:8,10);
- конусовидные с круговой системой снятия пластинок (13). Обычно с вогнутыми отбивными площадками, неоднократно подновляемыми (рис.1:1,2);
- конусовидные с системой снятия пластинок по большей части периметра (9; рис.1:4,5,9). Имеются экземпляры укороченных пропорций;
- вторичные на отщепах (8), с единичными сколами, в ряде случаев близких резцовым;
- дисковидный двусторонний аморфный, имеющий в диаметре более 10 см.

В группе технологических сколов заметен высокий процент сколов оживления ударных площадок нуклеусов, что характерно для индустрий, связанных с ручным отжимом.

Среди скалываемых заготовок велика роль мелких отщепов, хотя для орудий преимущественно отбирались отщепы средних размеров и пластины. Соотношение отщепов (1.164 экз.) и пластинчатых сколов (612) представлено как 1,9 к 1, а по числу реально используемых заготовок пластины занимают ведущие позиции.

Учитывая важность пластинчатых заготовок в производстве орудий было произведено их разделение как по метрическим показателям, так и характеру фрагментации (табл.2).

В результате удалось выяснить предпочтительность выбора в качестве исходной заготовки медиальных и дистальных частей пластин, при высоком значении их целых форм, в отличии от неровных проксимальных остатков. С другой стороны, показательно процентное соотношение пластинчатых заготовок и орудий на них. Среди пластин средних размеров наблюдается преобладание орудий над неиспользованными заготовками и обратная картина в группе пластинок. Последнее обстоятельство однозначно противопоставляет индустрию Цариграда известным позднемезолитическим комплексам типа Гребеников или Фрумушики (Григорьева 1960; Черниш 1975: 100-105).

При обследовании медиальных частей пластин оказалось, что процент изделий с преднамеренно обломанными концами сравнительно мал и в отличии от памятников предшествующего времени отсутствует предпочтение в ис-

**Таблица 2**

(в числителе – число изделий без вторичной обработки, в знаменателе – количество орудий на данном типе заготовки)

| **Пластинчатые заготовки** | **Ширина, в см** | | | | **Всего** | **%** |
|---|---|---|---|---|---|---|
| | **до 0,7** | **0,7-1,2** | **1,2-2,5** | **более 2,5** | | |
| Целые | 6/1 | 32/4 | 55/13 | 3/1 | 96/19 | 18/21 |
| Проксимальные концы | 5/3 | 70/6 | 115/8 | 3/0 | 193/17 | 37/19 |
| Медиальные части | 1/3 | 39/4 | 60/20 | 5/0 | 105/27 | 20/22 |
| Дистальные концы | 6/1 | 58/5 | 64/17 | 1/3 | 129/26 | 25/28 |
| И Т О Г О | 18/8 | 199/19 | 294/58 | 12/4 | 523/89 | |
| % | 3/9 | 38/21 | 56/65 | 2/4 | | |

пользовании коротких сечений над длинными (табл. 3).

В инвентаре Цариграда II насчитывается 189 изделий со вторичной обработкой (табл. 4) или 8,7 % от общего числа находок.

Самая представительная группа орудий - скребки - включает следующие разновидности:

- концевые на крупных пластинчатых отщепах (2), на краевых сколах (3), на средних отщепах (18) с выпуклым, спрямленным, скошенным или смещенным к углу лезвием (рис.2: 13,21,24);
- концевые на мелких отщепах (8), иногда укороченных пропорций (рис.2:6);
- концевые со слабо моделированным «носиком» (2) или «плечиком» (1) (рис. 2: 22,23);
- концевые высокой формы на средних отщепах (2);
- подокруглые (5) и округлый (1) на средних отщепах (рис.2:17,18,20,25);
- подокруглые на мелких отщепах (3; рис. 2: 7,11,12);
- боковые (7) и конце-боковые (5) на средних отщепах (рис.2:14-16,19);
- конце-боковые на укороченных мелких отщепах (3; рис. 2: 8,9);
- концевой на цельной пластине (рис. 2:10);
- концевые на укороченных пластинах (17; рис. 2:1-5), три из которых крупные.

В группе резцов выявлены срединные скошенные (6; рис. 3: 30,36, 37), обычно на пластинах, боковые (2; рис. 3: 29) косо- и выпуклоретушные на обломках пластин, двойные вогнуторетушные типа стамесок на удлиненных сколах (2; рис. 3: 38), на углу сломанных пластин (3; рис. 3: 28), поперечный и тройной срединно-угловой на отщепах.

Найдены три уплощенных микрорезца на пластинках (рис.3:18-20). Первоначально лишь одна находка микрорезца, в сочетании с треугольным микролитом, была интерпретирована Клаусом Вехлером, как свидетельство мезолитического возраста памятника. Нам представляется, что для нашего региона эти редкие формы изделий пока не могут выступать в качестве хронологического индикатора. К тому же, треугольный микролит (рис. 3: 2) вполне соотносится с обычными микроострияами, в данном случае с притупляющей подработкой по двум сходящимся краям и кососрезанному концу.

**Таблица 3**

| Сечения с предна-меренным изломом | Ширина, в см | | | | Всего |
|---|---|---|---|---|---|
| | до 0,7 | 0,7-1,2 | 1,2-2,5 | более 2,5 | |
| Длинные | 2 | 9 | 17 | - | 28 |
| Короткие | - | 8 | 18 | 1 | 27 |
| ИТОГО | 2 | 17 | 35 | 1 | 55 |

**Таблица 4**

| Вид заготовки / Наименование изделий | Отщепы средние | Отщепы мелкие | Пластины | Пластинки | Микропластины | Краевые сколы | Прочие | Всего | % |
|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|
| Скребла | 1 | - | - | - | - | 2 | 2 | 5 | 3 |
| Скребки | 39 | 14 | 18 | - | - | 5 | 2 | 78 | 41 |
| Скребки-резцы | - | 1 | 1 | - | - | - | - | 2 | 1 |
| Резцы | 5 | 1 | 7 | 1 | - | 1 | - | 15 | 8 |
| Микрорезцы | - | - | - | 3 | - | - | - | 3 | 2 |
| Острия | - | - | 4 | - | - | - | - | 4 | 2 |
| Микроострия | - | - | - | 5 | 2 | - | - | 7 | 4 |
| Пластинки с притупленным краем | - | - | - | 5 | 6 | - | - | 11 | 6 |
| Пластины с притупленным краем | - | - | 3 | - | - | - | - | 3 | 2 |
| Трапеции | - | - | 3 | - | - | - | - | 3 | 2 |
| Пластинки с усеченным концом | - | - | 1 | 2 | - | - | - | 3 | 2 |
| Скобели | 3 | - | - | - | - | - | 1 | 4 | 2 |
| Пластины с мелкими выемками | - | - | 5 | - | - | - | - | 5 | 3 |
| Изделия с мелкой краевой ретушью | 6 | 6 | 18 | 3 | - | 1 | - | 34 | 17 |
| Ретушеры-отжимники | - | - | 1 | - | - | - | 4 | 5 | 3 |
| Отбойники | - | - | - | - | - | - | 3 | 3 | 2 |
| Единичные формы | 1 | - | 1 | - | - | - | 2 | 4 | 2 |
| И Т О Г О | 55 | 22 | 62 | 19 | 8 | 9 | 14 | 189 | |
| % | 29 | 17 | 33 | 10 | 4 | 5 | 7 | | |

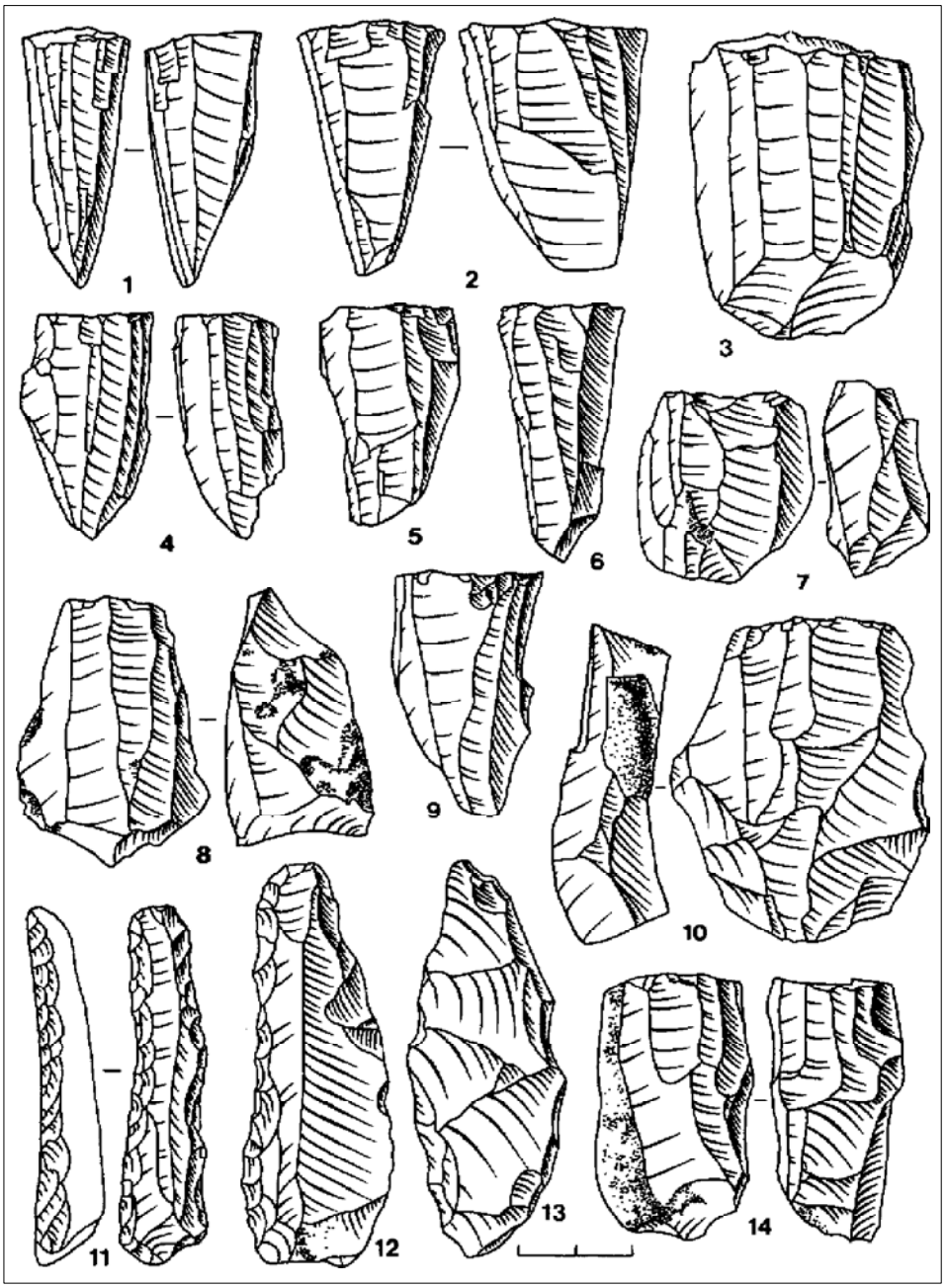



*Рис.1. Цариград II. Нуклеусы (1-10,14) и ретушеры-отжимники (11-13).*

Для оставшихся шести микроострий (рис. 3: 3-6) свойственна та же притупляющая ретушь, срезающая заготовку почти на всю её толщину. Помимо обычных прямоусеченных форм граветтоидного облика, обнаружено двойное игловидное изделие (рис. 3: 1) и микроострие со скошенным в виде неглубокой выемки концом (рис. 3: 7).

Практически все микропластинки и пластинки с притупленным краем (рис. 3: 8-14) найдены в обломках. Характерен прямой срез одного края на всю толщину заготовки. У трех экземпляров отмечена встречная ретушь по выпуклой или слегка вогнутой стороне. Частичная подработка противоположной стороны имеется у двух пластинок с ретушированным основанием.

Аналогичная обработка прослежена у пластин с притупленным краем (рис. 3: 21,27). Взамен вертикальной ретуши на одной из пластин использована крутая чередующаяся (рис. 3: 22).

Геометрические микролиты представлены тремя недавно найденными трапециями (рис. 3: 17,23,24). Целый экземпляр малых размеров, соотносимый со средневысокими формами, также как и остальные изделия, имеет симметричные пропорции. Две частично фрагментированные трапеции определены как крупные удлиненные формы. По технике оформления к ним близка пластина с усеченным ретушью концом (рис. 3: 16).

Острия разделяются на косые со слегка вы-

деленным жалом (рис. 3: 25) и симметричные с двумя притупленными краями до середины заготовки (рис. 3: 33). Специфично острие-сверло на сечении пластины, вторично использованной в качестве ножа (рис. 3: 31).

Скобели с широкой слабо проработанной выемкой подготовлены на отщепах. Из пластин с мелкими выемками по краям представляют интерес пластина-анкош (рис. 3: 34) и изделие с двумя небольшими симметрично расположенными выемками у основания.

Скребла на крупных заготовках (рис. 3: 39) имеют прямое или выпуклое продольное лезвие, одно из них комбинировано с долотом. Собственно долотовидное изделие с одним лезвием найдено в единственном экземпляре (рис. 3: 35).

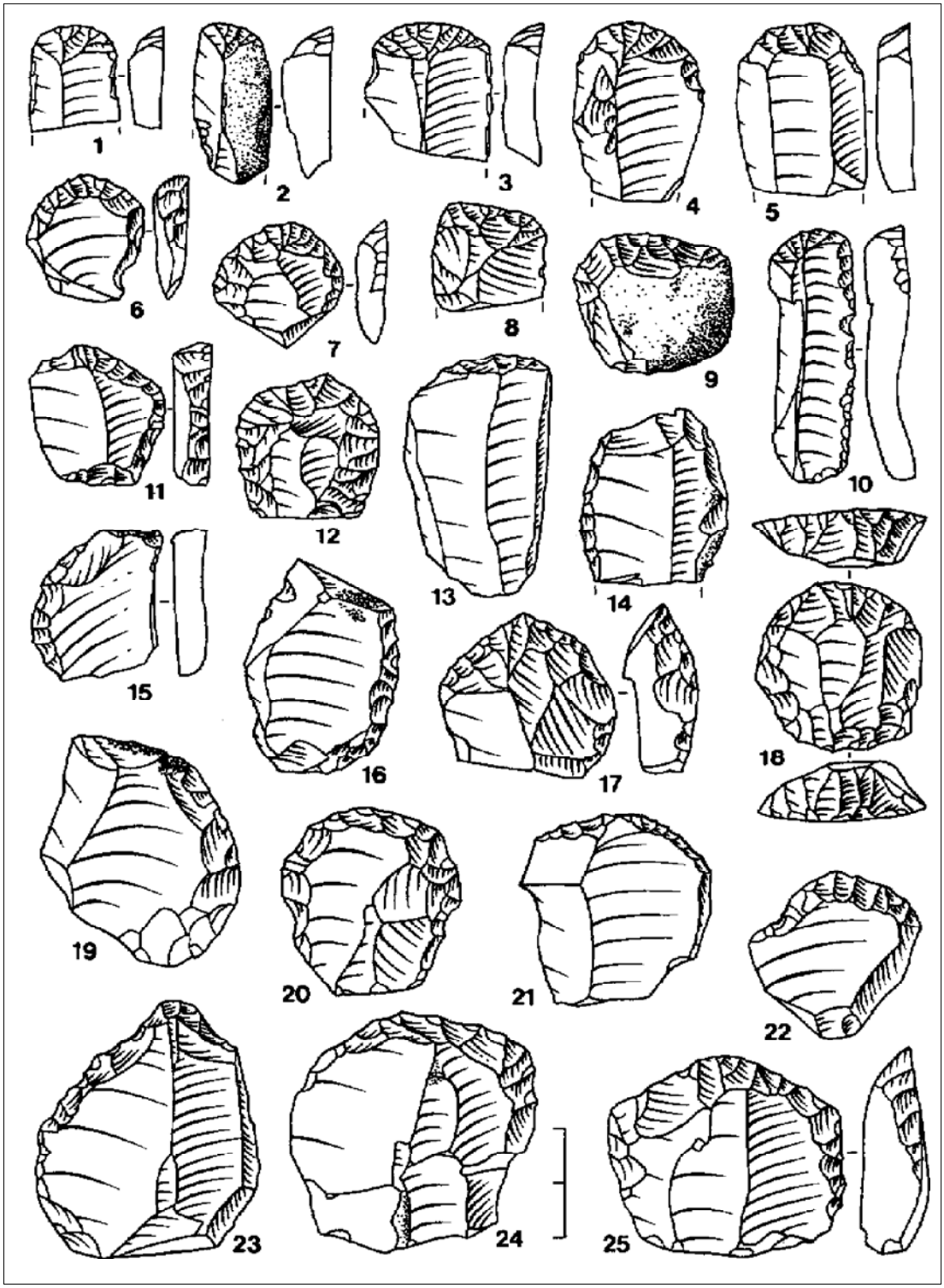



*Рис.2. Цариград II. Скребки.*

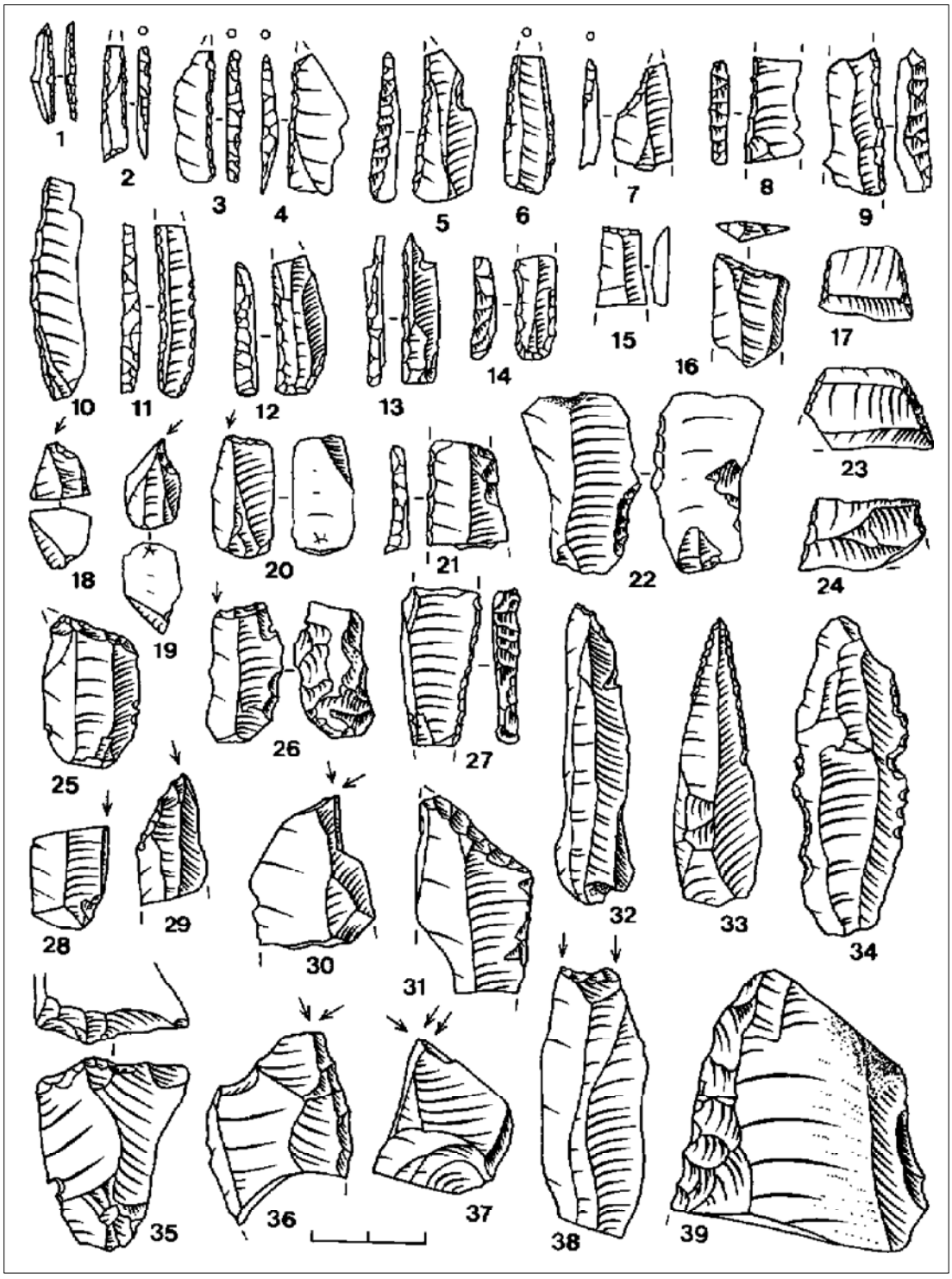


*Рис.3. Цариград II. Изделия со вторичной обработкой.*

Ретушеры-отжимники, с характерной заглаженностью граней и рабочего конца, подготовлены на удлиненных заготовках с предварительной чешуйчатой обработкой обоих краев (рис. 1: 11,12). Именно эта интенсивная краевая отделка придает ретушерам-отжимникам вытянутые пропорции и оригинальный облик. Своеобразен и нуклевидный экземпляр, трехгранный в сечении, ладьевидной формы (рис. 1: 13).

Среди изделий с мелкой краевой ретушью многочисленны ножевидные пластины, как правило, их обломки и сечения. Заслуживают внимания сечения пластин с ретушью на углу, у места преднамеренного излома. На одной из находок заметна краевая заполировка, характерная для вкладышей жатвенных ножей.

К редким формам орудий, помимо долотовидного изделия, относятся два скребка-резца

(комбинация концевого скребка - косоретушного резца на отщепах). Кроме того, выявлен резчик на крупном отщепе, обломок крупного остроконечного бифаса со сплошной обработкой (Ларина и др., 1997: 88, рис.20, 9) и усеченная пластинка с плоской чешуйчатой подтёской брюшка (рис.3:26). Последнее изделие имеет плоский микрорезцовый скол и примыкает к кукрекским вкладышам.

Рассмотренные материалы позволяют обозначить своеобразие кремневого комплекса Цариграда II. Прежде всего, подчеркнем серийность конусовидных нуклеусов с круговой системой скалывания и двуплощадочных призматических форм с негативами снятия пластинок по большей части периметра. Карандашевидные нуклеусы отсутствуют, уплощенных найдено всего два. Наличие элементов отжимного скалывания практически не сказалось на соотношении получаемых заготовок. Ведущие позиции занимает пластина и отщеп средних размеров. Доля пластинок сравнительно мала. Микропластинки единичны. Техника преднамеренного усечения пластин развита слабо, преимущество отдавалось удлиненным сечениям.

В орудийном наборе доминируют скребки на средних отщепах и укороченных пластинах, присутствуют подокруглые, боковые и конце-боковые их разновидности. Относительно много резцов, в первую очередь срединных скошенных. Встречаются косые и симметричные острия на пластинах. Среди широко распространенных микроострий и пластинок с притупленным краем выделяются треугольное острие и пластинки с подработанным основанием. Определяющее значение имеют три симметричные трапеции, мелкая средневысокая и крупные удлиненные, а также три микрорезца. Специфичны ретушеры-отжимники на ребристых сколах с интенсивной подработкой краев и нуклевидный образец ладьевидной формы. Заслуживает внимания обломок бифаса, пластина-анкош и пластинка с кукрекской подтёской.

В целом, типологический облик инвентаря допускает противопоставление Цариграда II позднемезолитическим памятникам типа Гребеников и Фрумушики. При этом нельзя забывать и о находках на поселении 6 фрагментов лепной керамики с растительной примесью, что не исключает версию о хронологической близости памятников переходного типа (Цариград II) и финальномезолитических (Саратены, Старые Биличены XII), на которых также найдены остатки керамики во взвешенном состоянии.

ЛИТЕРАТУРА

Григорьева Г.В. 1960. Новые данные о тарденуазской стоянке Гребеники в Нижнем Поднестровье // Записки Одесского археологического общества, Т.1. С.226-230.

Ларина О.В., Вехлер К.-Л., Дергачев В.А., Коваленко С.И., Бикбаев В.М. 1997. Новые полевые исследования мезолита и неолита Молдовы // Vestigii arheologice din Moldova. Кишинев. С.62-110.

Черниш О.П. 1975. Стародавне населення Подністров'я в добу мезоліту. Київ.

*Палагута И.В.*

# ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ СПИРАЛЬНЫХ ОРНАМЕНТОВ ТРИПОЛЬСКОЙ КЕРАМИКИ

**Palaguta I.V. Problems of studying spiral ornaments of the Tripolye ceramics.**

The article is devoted to the research of spiral ornaments of the Cucuteni-Tripolye culture.

The pointed lines of the ornaments development allow to confirm that ornamental schemes of the Tripolye ceramics develop on the basis of initial composition which consists of snakes' images. Beginning with the Tripolye BI – Cucuteni A period significant changes occur in the main scheme which gradually loses its initial meaning. Changes in the design technology have taken the important part of it.

"Reading" of those ornaments could be hardly done because of the decorating art. Various levels of stylization and repetition, rhythm of the ornamental motives initially open possibilities to interpret the pictures in a rather free way.

The typological research of the design is the most perspective as it opens wide possibilities to study relative chronology and local peculiarities of the Cucuteni-Tripolye monuments.

Обращение к данной теме, не раз поднимавшейся исследователями трипольской культуры, обусловлено значительным накоплением источников, особенно в последние десятилетия. Вариабельность декора керамических изделий открывает широкие возможности для сопоставления материалов различных памятников при изучении процесса формирования и развития как трипольской культуры в целом, так и отдельных ее локальных групп. Помимо техники исполнения и стилистики орнамента (под которой обычно подразумевается цветовое оформление поля и орнаментальных фигур), на основании изменений которых построены основы существующих периодизаций (Schmidt 1932; Пассек 1949; Dumitrescu 1963), немаловажное значение имеет и исследование орнаментальных композиций.

К сожалению, в отечественной историографии типологические исследования орнаментальных схем на керамических сосудах ограничиваются преимущественно работами 20-х — 30-х гг. Так, целью статьи Л.А.Динцеса являлось «изучение систем орнамента на каждой форме сосуда, и выяснение процесса усложнения этих орнаментальных систем». Как считал автор, «из полученных отдельных рядов усложнения можно будет определить общие черты, которые являются показателем формотворческой логики декоративного искусства каждого района, а, исходя из последнего, не только фиксировать взаимоотношения районов, но и определить их преемственность» (Динцес 1929: 16). Однако, его схема типологического развития орнаментов, построенная на материалах раскопок В.В.Хвойки в Поднепровье, оказалась принципиально неверной: основана она была на эволюционистском представлении о развитии форм от простых к сложным — за исходные признавались более простые стилизованные композиции, а не сложные спиральные орнаменты.

В работе Л. Чикаленко рассматриваются, на примере сосудов из Петрен и Бильче Злота, пути стилизации спиральных «змеевидных» орнаментов («гадючкуваті фігурки») и их развитие из более ранних прототипов (Чикаленко 1926). К сожалению, эти наблюдения были проведены на незначительном по количеству материале.

Для О. Кандыбы «критерием для установления схемы развития галицкой крашеной керамики стали... отличия в профилировке и пропорциях отдельных основных форм и степень распада или усложнения основных орнаментальных мотивов. Так можно установить типологические ряды, которые начинаются примитивными формами и исходными орнаментами (бегущая спираль) и заканчиваются развитыми формами и исходящими орнаментами (распад спирали)» (Кандиба 1939: 2). Подобные наблюдения над орнаментами культуры линейно-ленточной керамики представлены в работе Е.Ю.Кричевского (Кричевский 1949).

Типологическое исследование орнаментов в отечественной литературе по сути ограничивается указанными статьями — тема эта осталась практически неразработанной. Значительная по объему серия работ, посвященных орнаментам трипольской керамики, затрагивает в основном вопросы трактовки изображений на отдельных сосудах, без рассмотрения

© Палагута И.В., 1999.

вариаций орнаментов в пределах керамических комплексов и выяснения их развития. Так, спиральные орнаменты рассматривались как изображения змей (Кричевский 1949: 79; Рыбаков 1965; Gimbutas 1987; Цвек 1993; Мельничук 1990; Балабина 1998), небесных драконов (Даниленко 1969: 222-223; Збенович 1991), змея-дракона (Риндюк 1994), змееликих богинь (Телегин 1994) и т. д. Их стилизации — как раковины (Богаевский 1931) или солярные знаки (Маркевич 1981).

Разнобой в трактовках орнамента объясняется тем, что большая часть семантических исследований проведена без детального изучения значительных серий изделий, а также без учета хронологических изменений орнаментов, поэтому и остается на уровне предположений. Решение подобных вопросов осложнено тем, что, как отмечал Л. Леви-Брюль, рисунок в первобытной культуре может «не иметь никакого сходства с изображаемым предметом» (Леви-Брюль 1994: 97-98; там же приведены и соответствующие примеры из этнографии). Возможна и полисемантичность образов, что в большинстве случаев исключает какие-либо четкие трактовки орнаментов. Например, семантический анализ изображений на сосудах североамериканской культуры пуэбло не всегда возможен из-за того, что, по этнографическим данным, там «наблюдаются значительные вариации в осмыслении идентичных орнаментальных фигур даже среди гончаров одного поселка» (Кожин 1967: 145-146).

В основе предлагаемого исследования лежит, прежде всего, типологическое изучение орнаментальных схем. Любое типологическое построение в своей основе идеально и лишь частично отражает реальную последовательность развития типов вещей: необходимо учитывать, что типологически более ранние и более поздние изделия могут сосуществовать одновременно в пределах одного комплекса.[1] Типологические изменения наиболее четко прослеживаются в единой этнической и культурной среде, в пределах которой возможна личностная передача производственного опыта (Кожин 1984: 204-206). Так, в Триполье-Кукутени однонаправленное типологическое развитие орнаментов можно фиксировать в пределах микрогрупп памятников — цепочек последовательно существовавших поселений, входящих в единую территориально-хронологическую группировку. При этом нельзя исключать и сосуществование и взаимовлияние в пределах одного комплекса нескольких самостоятельных производственных и орнаментальных традиций.

Исследование орнаментов Триполья-Кукутени осложнено и тем, что при исследовании керамических комплексов памятников этой культуры мы имеем дело с многофункциональным набором посуды: в их пределах четко выделяются миски, крышки, грушевидные сосуды (использовавшиеся с крышками), кувшины, горшки, кубки, антропоморфные сосуды и т.д. Определенным разновидностям форм соответствуют различные виды орнаментации, композиции которых в значительной мере определяются формой и размерами орнаментального поля (ср.: Кожин 1981: 132). Это единство орнамента и формы может определяться как многокомпонентностью самого комплекса (некоторые типы могут привноситься в комплекс извне в готовом виде), так и неравномерностью развития различных функциональных разновидностей посуды.[2]

Непосредственно влияет на виды и композиции орнаментальных фигур техника исполнения орнаментов, использование при орнаментации различных инструментов, качество заготовки. В Триполье-Кукутени по технике исполнения отличаются врезные или выемчатые (сделанные путем выборки участков поверхности), прочерченные и углубленно-желобчатые, каннелированные (пролощенные или проведенные по сырой глине орудием с плоским концом), а также расписные монохромные и полихромные орнаменты (Nițu 1980; Palaguta 1998).

Основное направление типологического развития орнаментов определено переходом от конструктивной схемы деталей к их изобразительному виду, а также вариантами незакономерного обращения к различным элементам сюжетов, их деконструкции. В качестве конструктивной основы трипольских спиральных орнаментов выступают зооморфные изображения, которые можно считать исходными в развитии всего многообразия трипольских криволинейных спиральных орнаментов. Серии сосудов с такими изображениями происходят из материалов наиболее ранних памятников Прекукутени — Триполья А: Траян-Дялул Вией (рис. 1/6), Извоаре I, Флорешты (рис. 1/1-5), Бернашевка, Окопы (Dumitrescu şi colaboratorii, 1954: pl. III/8, 10, V/2-4; Marinescu-Bîlcu 1974: fig. 28/1,

[1] Так, например, в Друцах I и Старых Куконештах I в пределах одного жилища представлены три-четыре стадии развития орнамента на одной разновидности формы сосуда (Палагута 1995: 57-58, 59-61; Палагута 1997: 55-56).

[2] Такую неравномерность развития орнаментов на различных формах достаточно ярко иллюстрирует пример сохранения углубленной орнаментации на усеченноконических мисках на ряде памятников Пруто-Днестровского междуречья в течение периода Триполье BI — Кукутени A. В наиболее ранних комплексах (Старые Куконешты I, Новая Татаровка III) она идентична декору других сосудов — грушевидных, кувшинов, горшков. На более поздних памятниках Триполья BI и BI-BII, усеченноконические миски сохраняют углубленную орнаментацию со своими стандартными схемами, в отличие от других сосудов, украшенных каннелюрами, бихромной и полихромной росписью.

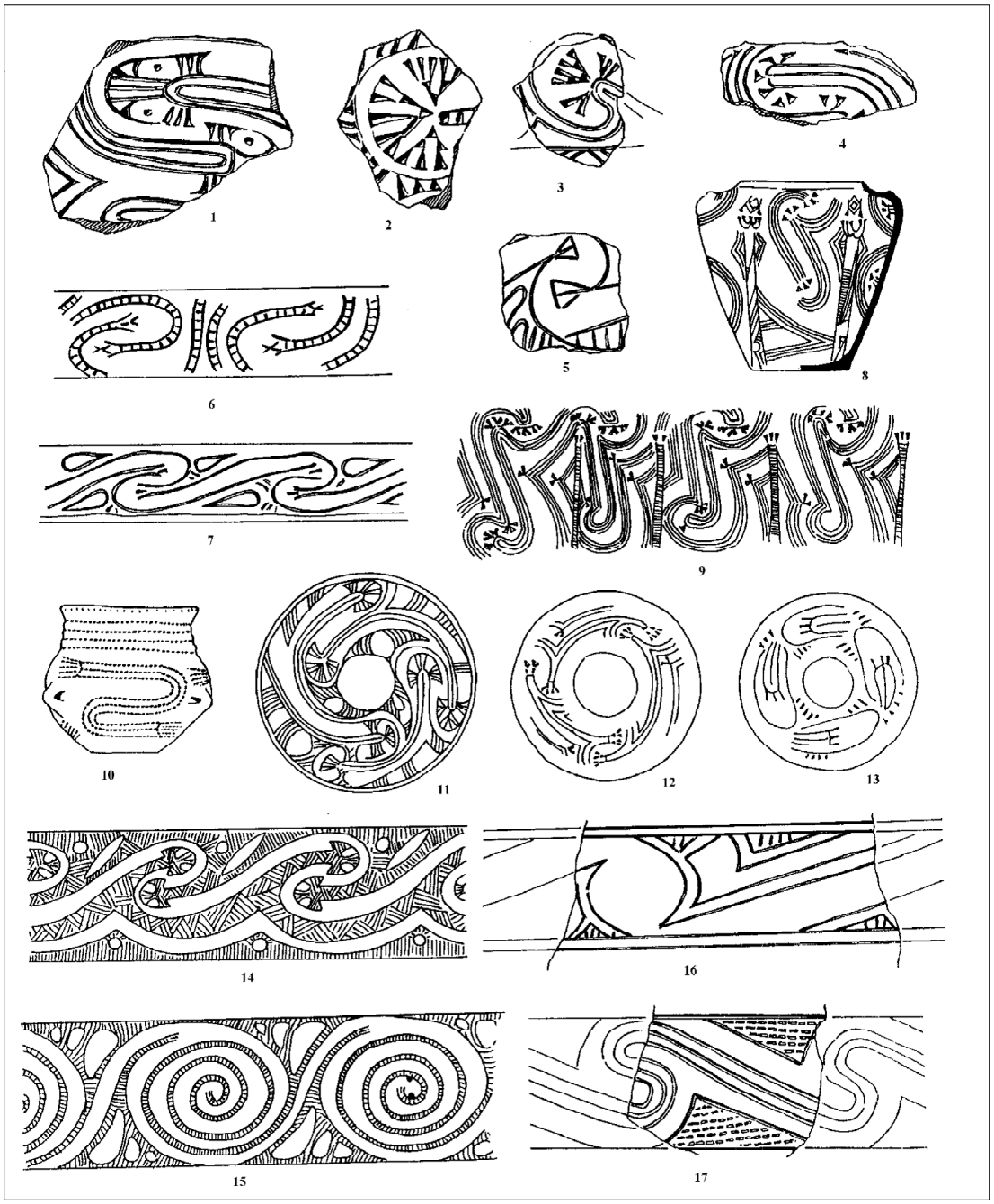


***Рис. 1.*** *Спиральные орнаменты периода Триполье А — Прекукутени.*
*1-5, 13, 16-17 — Флорешты I; 6, 9, 12 — Траян — дялул Вией (по С.Маринеску-Былку); 7 — Извоаре I (по Р.Вулпе); 8 — Слободка-Западная (по Н.Б.Бурдо); 10- Тырпешти II-III; 11 — Гигоешти-Трудешти (по С.Маринеску-Былку); 14 — Березовская ГЭС (по Е.В.Цвек); 15 — Ленковцы.*
*1-17 — рельефные орнаменты.*

34/9, 37/13; Vulpe 1957: fig. 15/2; 35/4; 65; Збенович 1980: рис. 75/2, 5; 76/6; Збенович 1989: рис. 71/5, 10). Исполнены они в характерной для этого времени прочерченной или врезной технике.

Основной мотив этого орнамента — изображение двух закручивающихся навстречу друг другу дуговидных фигур — так называемых «змей». В основу его построения положен принцип поворотной симметрии. Ось симметрии при этом должна располагаться перпендикулярно поверхности сосуда между окончаниями дуговидных фигур. В этой точке часто расположены ручки, игравшие, по-видимому, роль своеобразной разметки.

«Змеи» имеют либо полукруглые прочерченные головы с обозначенными кругами «глазами» (рис. 1/1), либо оканчиваются несколькими наколами-«язычками» (рис. 1/3-4). Ленты, образующие «туловища змей» заштрихова-

ны поперечными или продольными линиями. Эти композиции расположены в горизонтальной зоне орнамента на тулове сосудов, что характерно для так называемого «вращающегося стиля» («Umläufstil»): «стиль этот ... не знает никакого другого разделения, помимо отделения друг от друга орнаментальных мотивов при помощи горизонтальных зон, и мотивы эти никогда не разделяют поверхность на поля иные, чем эти горизонтальные пояса...» (Кричевский 1949: 61).[3] На крышках, соответственно их форме, они искажены и развернуты в горизонтальной плоскости (рис.1/11-13).[4] Керамика с такими орнаментами сравнительно немногочисленна (в основном это грушевидные сосуды-«зерновики» и крышки к ним, иногда кубки), но наряду с этими сложными композициями на тех же памятниках широкое распространение получили более простые, стилизованные варианты их исполнения.

Процесс упрощения «змеевидных» орнаментов определяется способом их размещения в горизонтальной орнаментальной зоне на тулове сосудов: дуговидные фигуры («туловища змей») соединены с верхним и нижним краями зоны, ограниченными линиями-разделителями. Иногда они соединяются с ними перемычкой, в результате чего ограничивается еще один дополнительный каплевидный или в виде круга элемент орнамента (рис.1/7, 14).

Стилизация орнаментов происходит параллельно существованию образцов с полными изображениями. Например, среди материалов Флорешт, где присутствуют и изображения «змей» (рис. 1/1-4), параллельно появляется целый ряд их стилизаций. Упрощаются сами дуговидные фигуры: их окончания теряют изобразительную форму — «головы змей» изображаются схематично в виде треугольников (рис. 1/5) или полностью исчезают, при этом фигуры принимают подтреугольную форму (рис. 1/16). В некоторых случаях между такими треугольниками с одной вогнутой стороной появляются дополнительные разделяющие их волнистые линии (рис. 1/17).

Путем стилизации исходный орнамент в процессе своего развития превращается в фигуры в виде вытянутых овалов, которые возникают в результате соединения вершин подтреугольных фигур (рис.2/3, 1-2, 11-12), параллельных наклонных линий, волны (рис.2/9, показаны обе орнаментальных зоны на горле и тулове одного сосуда), тангентов и кругов (рис.2/6-8, 10), треугольников (рис.2/4, 5). Непосредственно из изображений «змей» возникают волюты, когда лента, образующая туловище второй «змеи», сначала сокращается, как в орнаменте известного «зерновика» из Ленковцев (рис. 1/15) и ряда изделий с памятников александровской группы (Патокова, Петренко, Бурдо, Полищук 1989: рис. 7/10-11), а в типологически более поздних стилизациях и вовсе исчезает (рис. 1/13; 3/2).

Стилизацию орнаментов определяет целый ряд факторов, среди которых отмечу, во-первых, различия в ширине орнаментальных зон, соответствующих конструктивным частям сосудов. Если более широкая зона тулова дает возможность раскрутить «змей» или спирали, то более узкие зоны горла и венчика или придонной части позволяют поместить на них, в большинстве случаев, лишь стилизованные композиции. То же можно сказать и о различиях в степени стилизации орнаментов крупных и мелких сосудов (чем и объясняются крайне стилизованные орнаменты кубков). Во-вторых, нельзя не учитывать при этом и различий в навыках исполнителей, причем более стилизованно исполненные орнаменты могли в дальнейшем послужить прототипами для других мастеров. И если изначально «исходные» изображения еще угадываются и распознаются, то через некоторое время смысл изображений может забываться, и мы наблюдаем уже лишь простое копирование образцов, на которых происходит «возрастание декоративной стороны орнаментации за счет смысловой» (Кричевский 1949: 92). С другой стороны, большая или меньшая стилизация фигуры, отличие ее от образца может не иметь значения для самого исполнителя: смысл ему мог быть понятен, а форма передачи его, хотя и в рамках существующей традиции, могла варьировать.

Происходит и усложнение дополнительных фигур. Каплевидный элемент, например, может включать в себя еще одну «головку змеи» (рис. 2/12, 3/1). Таким образом, помимо основного ряда орнаментальных фигур — доминанты — образуются дополнительные ряды орнамента. Доминанта в данном случае становится для них осью симметрии, относительно которой дополнительные элементы могут быть расположены зеркально или параллельно перенесены.

Этап Кукутени А — Триполье BI по сравне-

[3] Необходимо отметить, что наряду с обычным для всех последующих этапов Триполья-Кукутени размещением орнаментов в горизонтальных зонах, на серии изделий существует деление композиции на вертикальные отделы. Примеры такого не совсем обычного оформления являют сосуды из Траян-Дялул Вией (рис. 1/9), Слободки-Западной и Тимково (Marinescu-Bîlcu 1974: fig. 30/1; Телегин 1994).

[4] Опыты использования «круговой» развертки орнаментов — вида в плане сверху или снизу (Бурдо, Видейко 1984: 98) — представляются не совсем удачными. Вид сверху, приемлемый для изображения ряда крышек и декора внутренних поверхностей мисок, значительно искажает орнаменты на тулове сосудов (в ряде случаев имеющем почти цилиндрическую форму), зачастую разделенные на несколько горизонтальных орнаментальных зон. При подобной развертке из спиральных орнаментов и их стилизаций появляется целый ряд новых изображений типа креста, ромба, свастики, что, соответственно, ведет к появлению иных трактовок орнамента (Бурдо, Видейко 1984: 98-100, 104).

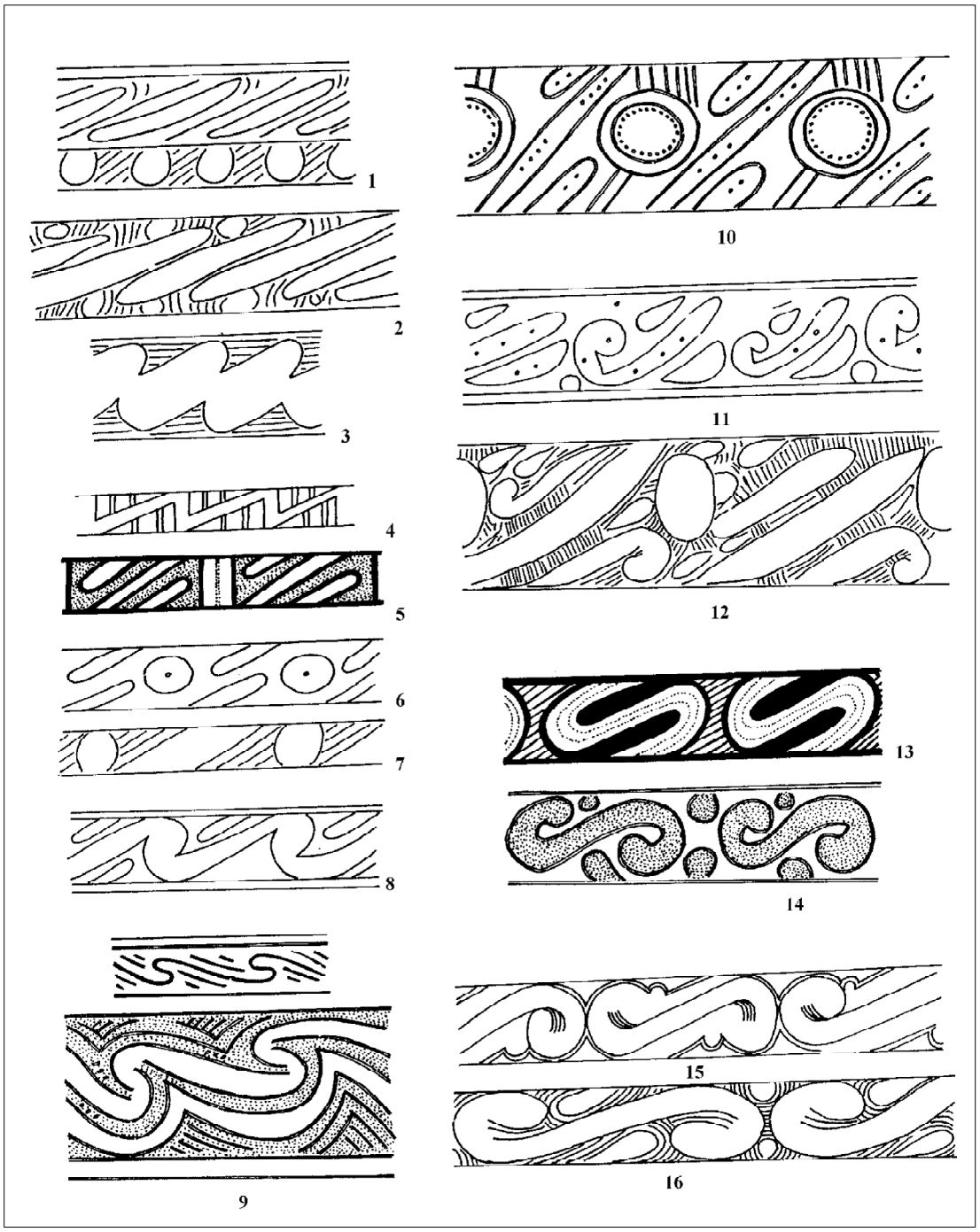



***Рис. 2.*** *Варианты стилизации спиральных орнаментов (Триполье А, BI — Прекукутени, Кукутени А).*
*1, 9-10 — Старые Куконешты I; 2, 6-7 — Тырпешти II-III (по С.Маринеску-Былку); 3 — Гигоешти (по С.Маринеску-Былку); 4, 15-16 — Фрумушика (по С.Матасэ); 5 — Хэбэшешти (по В.Думитреску); 8 — Извоаре I (по Р.Вулпе); 11-12 — Ленковцы; 13 — Траян — Дялул Фынтынилор (по Г.Думитреску); 14 — Извоаре II (по Р.Вулпе).*
*3, 15-17 — бихромная роспись; 5, 13 — полихромная роспись; 9, 14 — углубленный орнамент с покраской; остальное — рельефные орнаменты.*

нию с предшествующим периодом развития культуры характеризуют значительные изменения в технике исполнения орнаментов. Основным новшеством в это время становится появление росписи в одну, две или три краски.

Проблема происхождения самой технологии росписи в Триполье-Кукутени пока не решена окончательно. Предполагают два источника: бихромная роспись, появившаяся еще в раннетрипольское время в сочетании с рельефным декором (так называемая «бихромия раннего типа» — роспись тонкими белыми ли-

ниями по красному фону), возможно, попала сюда под влиянием гумельницкой культуры, развивавшейся параллельно с Трипольем на Балканах и в Нижнем Подунавье (Dumitrescu, Bolomey, Mogoşanu 1983: 114; Сорокин 1993: 88-89). Параллели между этими двумя культурами прослеживаются и в ряде аналогичных керамических форм, и в сходстве орнаментов: как в технике их исполнения, сочетающей прочерченные линии и окраску охрой, так и в ряде композиций (Тодорова 1986; Todorova, Tonceva 1975: taf. 9/16,18, 20/12, abb. 4/13,16; etc.). Происхождение полихромии связывается рядом румынских и молдавских исследователей с трансильванской культурой Петрешти (Ellis 1984: 119-120; Сорокин 1993: 86; и др.). Однако, связи этих культур пока, к сожалению, достаточно полно не изучены.

Ответить на вопрос о происхождении росписи в какой-то степени могут помочь наблюдения над соответствием рельефных и расписных композиций на посуде самих кукутенских памятников: логичнее всего предположить, что копирование прочерченных орнаментов в росписи фиксирует внедрение новых технологий, а не резкую смену или приток иного населения со своими традициями в технологии и орнаментации. Как и раннетрипольские, орнаменты начала развитого периода (BI) строятся на соотношении заштрихованного рисунка (в прототипе — фигур «змей»), и свободных от орнамента зон — фона орнамента. Рисунок мог дополнительно заполняться белой пастой или прокрашиваться красной охрой. Появление такой прокраски отмечено уже на поселениях фазы Прекукутени II (Marinescu-Bîlcu 1974: 67-68), она широко распространена на керамике поселений последующей фазы Прекукутени III — Триполье А (Бурдо 1993: 24, 26). В плане технологии принципиальной разницы между такой прокраской и собственно росписью не наблюдается. Краски в обоих случаях наносились после обжига: в результате исследований лаборатории физико-химических методов ГосНИИРа в красочных слоях трипольской керамики были обнаружены остатки органических связующих, неизбежно выгорающих при высокотемпературном обжиге, а также защитных покрытий росписи — воска или лаков на основе смол (Подвигина, Писарева, Киреева, Левштейн, Малачевская, Травкина 1995; Palaguta 1998).

В периоды Кукутени $A_{1-2}$ и $A_3$ (по В.Думитреску) в материалах таких памятников, как Хэбэшешти, Извоаре, Фрумушика, Трушешти, присутствует значительное количество керамики, роспись которой можно считать производной из раннетрипольских рельефных орнаментов (Dumitrescu VI., Dumitrescu H., Petrescu-Dîmboviţa, Gostar 1954: pl. LXXVI/2-3, LXXXIV/1, XCII/6, etc.; Vulpe, 1957: fig. 153; Matasă 1946: pl. XIII/73, 76, XVII/77, XVIII/82, etc.; Dumitrescu 1968: ill. 34). Такой характерный признак, как нанесение краски в промежутках между негативными S-видными спиралями тонкими штрихами, свидетельствует о копировании штриховки лент, образующих «туловища змей» в рельефных орнаментах-прототипах.

Главным изменением при переходе к использованию красок в орнаментации керамики становится переход фона в орнамент и наоборот: когда области фона начинают играть роль орнаментальных фигур, и, наоборот, производные от змей фигуры становятся фоном. Особенно четко это видно на примерах развития орнаментов в виде S-видных спиралей: представляемые образцы из Извоаре и Фрумушики можно «прочитывать» и как изображения «змеевидных» фигур, и как S-видные спирали (рис. 2/14, 16). Такая «обратимость»[5] орнаментов обусловлена, возможно, появлением многокрасочных композиций и принципиально иной техники нанесения декора — росписи кистью, а не прочерчиванием его по подсушенной поверхности острым твердым орудием. В типологически более «поздних» вариантах (рис. 1/15; 4/1-2) исходные фигуры уже не угадываются.

С другой стороны, ряд орнаментов из «бегущих» спиралей из наиболее ранних памятников Кукутени А — Тырпешт и Фрумушики — не выводимы непосредственно из раннетрипольских «змей» (Marinescu-Bîlcu 1981: fig. 168/1, 174/1, 176 etc.; Matasă 1946: pl. XXIV, 178). Но здесь возможен и иной вариант: некоторые сложные, достаточно стилизованные спиральные орнаменты появляются в Прикарпатской Молдове вместе с росписью в уже сложившемся виде. Расписные орнаменты из «бегущих» спиралей представлены уже в культуре раннего неолита Старчево-Криш (Nica 1987: fig.3, pl.II,1; Dimitrijevic 1974: tab. VII,11,18-23, IX,1-6, XVI,5,9, XIX,7). Во врезной технике выполнены они на керамике культуры Вэдастра (Dumitrescu 1968: ill. 11). Присутствуют они и на линейно-ленточных кубках. Таким образом, спиральные трипольско-кукутенские орнаменты можно рассматривать как в контексте развития отдельной культуры, так и в пределах единого блока культур неолита и энеолита Юго-Восточной Европы, где идея спиральных орнаментов существует достаточно долго и в близких формах воплощается в различных культурных образованиях, распространяясь в пределах родственных культур путем миграций исполнителей и производства подражательных изделий. Подражательные орнаменты могут исполняться в иной культурной среде в технике, свойственной производителям заимствую-

[5] Впервые это явление на трипольской керамике было отмечено М.Я.Рудынским (Рудинський 1930: 244-245). Термин «обратимые» орнаменты был применен В.Н.Чернецовым при исследовании ленточных орнаментов обских угров (Чернецов 1948).

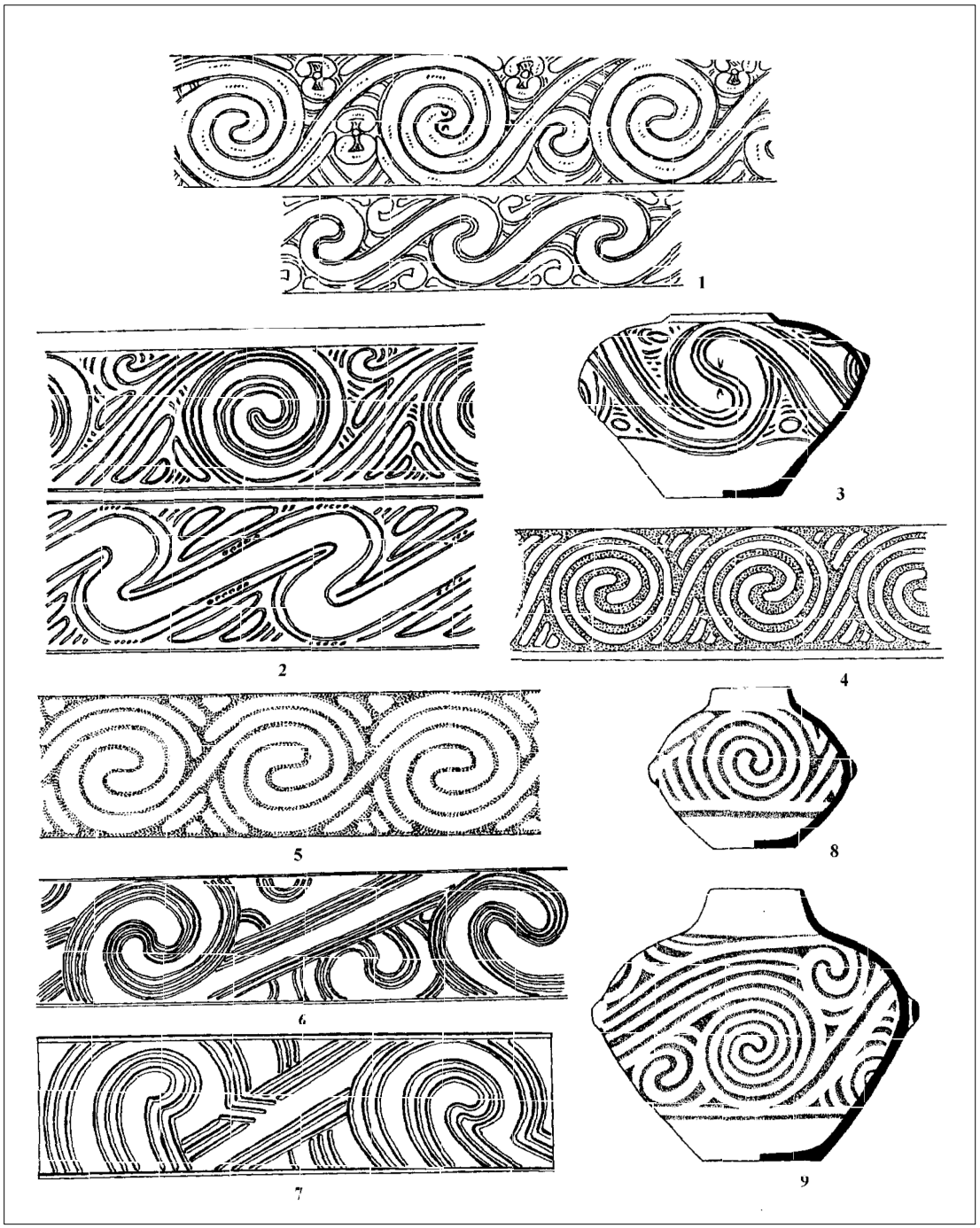



***Рис. 3.*** *Преобразование орнаментов из «бегущей» S-видной спирали (период Триполье BI).*
*1 — Тырпешти (по М.Петреску-Дымбовице); 2 — Старые Куконешты I; 3 — Василевка (по В.Г.Збеновичу); 4 — Друцы I; 5 — Дрэгэнешты — Валя Унгурянулуй; 6-7 — Журы; 8-9 — Старые Дуруиторы I.*
*1-3, 6-7 — углубленный орнамент; 4 — каннелюры с покраской; 5, 8-9 — бихромная роспись.*

щей культуры. Сами криволинейно-спиральные орнаменты, вероятно, связаны изначально с росписью (культура Старчево-Криш), а позднее стилизуются и модифицируются в процессе переходов из росписи в рельефную технику и наоборот.

Таким образом, изменения в технике орнаментации на этапе Кукутени А — Триполье BI дают толчок развитию орнаментальных композиций. Основной линией развития как расписных, так и рельефных (углубленных и каннелированных) орнаментов становится отмеченное уже формирование композиций из «бегущих» спиралей (рис. 3/1, 3, 5), а также спиралей с заходящими друг за друга закрученными концами (рис. 4/8). На этой основе возникают новые варианты стилизаций и упрощения орнаментов: кольца и, возможно, фестоны. Так, в

Хэбэшештах и Фрумушике отмечены сходные стилизации из колец, соединенных перемычками, вполне вероятно, возникшие на базе «бегущих» спиралей (Dumitrescu Vl., Dumitrescu H., Petrescu-Dîmboviţa, Gostar 1954: pl. C/11; Matasă 1946: pl. XXIV/181, XIII/87). Помимо возникновения орнаментов из «бегущих» спиралей, изменения происходят в композициях из последовательных S-видных спиралей, волны.

Меняются и становятся более разнообразными дополнительные элементы, размещаемые в промежутках между спиралями-доминантами: кроме кругов и каплевидных фигур, появившихся еще в раннем Триполье, в качестве дополнений используются S-видные спирали и их отрезки, фестоны, угловые фигуры и т. д. В наиболее поздних модификациях (Журы) дополнительные элементы по размерам не уступают доминанте и образуют еще один ряд орнамента (рис. 4/6-7). Такие сравнительно «поздние» композиции характерны и для аналогичных памятников юга Румынской Молдовы конца Кукутени А: Берешт, Думешт и Скынтэи (Dragomir 1985; Maxim-Alaiba 1984).

На ряде кукутенских памятников (Фрумушика, Трушешти, Кукутени А, Извоаре II и др.) возникает новый прием — умножение рядов доминант орнамента в пределах единой орнаментальной зоны (рис.3/5). За счет этих изменений формируется так называемый «свободный стиль» орнаментации: когда одна орнаментальная зона захватывает всю поверхность сосуда (Кукутени А, Дрэгушении др.) (Schmidt 1932: taf. 3/2; Crosmaru 1977: fig. 22/6, 27/4).

Сходные процессы происходят с рельефными орнаментами и производной из них «бихромией нового типа» (по В.Думитреску). Это отмеченные на керамике памятников финальной фазы Кукутени А — начала Кукутени А-В (Журы, Старые Дуруиторы, Василевка и др.) деконструкция композиций из «бегущих» спиралей (рис. 3/6, 7) и смещение доминанты орнамента в пределах орнаментальной зоны (рис. 3/9), нарушение зональности орнамента (рис. 3/3).

Однако, ряд спиральных орнаментов, исполняемых в углубленной технике, остается практически без изменений с раннетрипольского времени. Это прослеживается в материалах ряда групп памятников восточнотрипольского ареала (Побужье и Буго-Днепровское междуречье), сохраняющего долгое время традиции раннетрипольских рельефных орнаментов. В Клищеве (Побужье, время Кукутени А-В — Триполье BI-BII), например, присутствуют композиции из волют с несколькими наколами на конце — явные реминисценции ранних «змей» с насечками-«язычками» (Заец, Рыжов 1992: рис. 42/2,4). Относительно стабильны орнаменты из вытянутых овалов и волны.

Немаловажную роль в развитии орнаментов трипольской керамики играет и тот факт, что керамика в культуре существует вместе с набором плетеных, деревянных, тканых и других некерамических изделий-емкостей, которые могут являться прототипами керамических как с точки зрения форм, так и с точки зрения орнаментов (ср.: Кожин 1994: 122, 125).[6] Подобный перенос орнаментов на изделия, выполненные из различных материалов, в значительной степени способствует их стилизации. Так, в Триполье-Кукутени вполне возможно наличие аналогичных спиральных узоров на тканях. Исходя из этого предположения можно в какой-то мере объяснить один из широко распространенных принципов построения орнаментальных композиций, а именно, «разрезание» орнаментов, когда в пределах орнаментального поля расположена лишь часть композиции, которую можно продолжить «за кадром». Наиболее ярко он представлен на черпаках и ложках: на рукоятках этих изделий помещены орнаменты, как бы вырезанные из общего поля соответственно их подтреугольной форме. Обширные коллекции ложек собраны в Хэбэшештах и Фрумушике (Dumitrescu Vl., Dumitrescu H., Petrescu-Dîmboviţa, Gostar 1954: pl. CVII; Matasă 1946: pl. XLII- XLVIII). Обрезание частей спиральных композиций, «не вписавшихся» в зону, горизонтальными разделителями представлено на ряде изделий из Друц, Старых Дуруитор и других памятников (рис. 3/4, 8).

В Триполье BI — Кукутени А на основании типологического рассмотрения орнаментальных композиций можно условно выделить два периода развития орнаментов: более ранний, когда доминируют орнаменты, по элементам и композиции близкие к «исходным» раннетрипольским (Извоаре II, Хэбэшешти, Тырпешти, Березовская ГЭС, Сабатиновка I, Трушешти, Новые Русешты I, Старые Бадражи и др.), и более поздний, когда связь с ними утрачивается (Журы, Берешти, северомолдавские памятники типа Друц и Дрэгушен).

Различия между наборами орнаментальных композиций керамических комплексов этого периода отражают и локальные особенности. Сам переход к росписи в Триполье BI — Кукутени А в различных группах памятников протекал по-разному. В Хэбэшештах, в Центральной Молдове, прослежен вариант копирования рельефных прототипов в росписи. Как показали исследования, на северомолдавских памятниках типа Друц I и Дрэгушен расписная посуда выделяется не только видом орнамента и его композициями, но и способом лепки, отличным от характерного для керамики с рельефной орнаментацией. Здесь явное наличие двух

[6] В наибольшей степени это касается меандровых орнаментов, точка зрения об их плетеных или тканых прототипах высказана целым рядом венгерских авторов (Patay 1956: 5-14; Csalog 1955; Kalicz 1970).

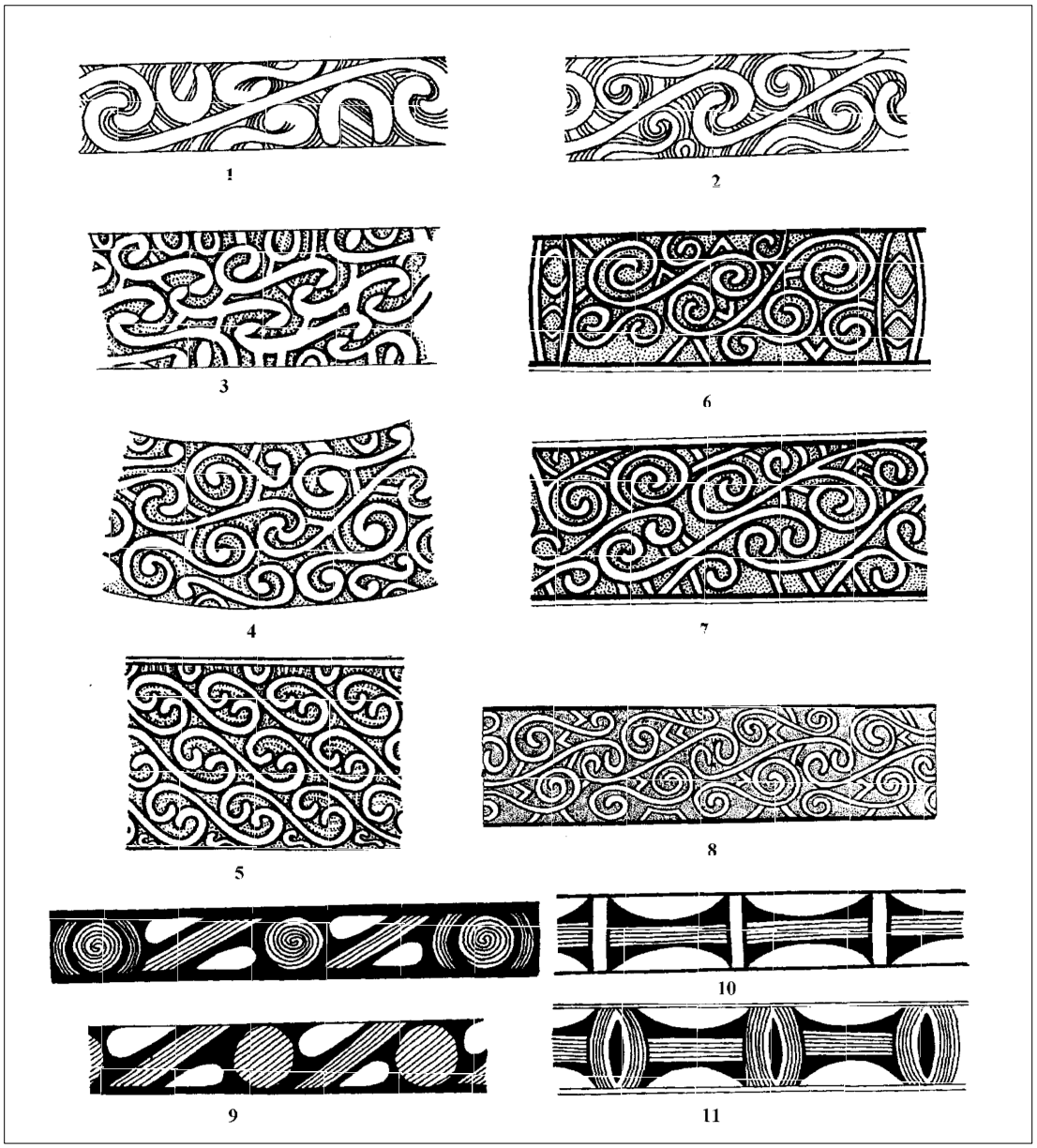



***Рис. 4.*** *Расписные орнаменты периодов Триполье BI, BII — Кукутени А, А-В.*
*1-2 — Фрумушика (по С.Матасэ); 3-4 — Кукутени-Четэцуя (по Г.Шмидту); 5 — Извоаре $II_2$ (по Р.Вулпе); 6-8 — Журы; 9 — Траян — Дялул Фынтынилор (по Г.Думитреску); 11 — Дрэгэнешты — Куртя Боереск; 12 — Дрэгэнешты — Валя Унгурянулуй.*
*1-2 — бихромная роспись; 3-8 — полихромная роспись (стиль Кукутени А, АВа); 9-10 — полихромная роспись (стили группы g); 11 — монохромная роспись (группа d).*

самостоятельных традиций, связанное с появлением в местной среде носителей расписной керамики, а не с заимствованием или совершенствованием технологии. В пределах восточнотрипольского ареала (Побужье и Буго-Днепровское междуречье) керамика с рельефной орнаментацией продолжает раннетрипольские традиции, а расписная керамика представлена в это время группой импортов из Пруто-Днестровского региона (импорты хэбэшештского облика в Березовской ГЭС, северомолдавский импортный кубок в Красноставке). Собственная роспись — преимущественно краска охрой рельефных орнаментов — гораздо более худшего качества. Вполне возможно, что длительное отсутствие росписи в пределах Триполья BI и, далее, BII данного региона можно объяснить как доминированием местной традиции, так и отсутствием каких-либо компонентов для приготовления красок.

Локальные варианты характеризуются и различиями в направлениях развития орнаментальных композиций. Так, для северомолдавских памятников Триполья BI — Кукутени А характерно развитие композиций из «бегущих» спиралей, выполняемых преимущественно в

каннелированной технике. «Бегущая» спираль распространена и на восточнотрипольских памятниках Буго-Днепровского междуречья, несомненно испытывавших влияние северомолдавских групп. Отличительной чертой южных памятников типа Жур-Берешт является наличие орнаментов из последовательно расположенных спиралей и спиралей с заходящими друг за друга концами, осложненных дополнительными элементами из спиралей и их отрезков, выполненных в основном трихромной росписью.

В целом динамику развития орнаментов в начале развитого Триполья (BI) определяют две разнонаправленные тенденции. Одна из них — стилизация основных элементов орнамента и все больший отход от прототипов, причем сами элементы могут и усложняться, как в примере с появлением многовитковых спиралей. Другая — развитие дополнительных элементов орнамента, их усложнение, приводящая к все большей декоративности изображений.

Следствие этого — отмечаемый в последующее время (этап Триполье BI-BII — Кукутени A-B) процесс редуцирования доминант орнамента и замены их охватывающими всю зону элементами, бывшими прежде дополнительными. Такие изменения происходят, например с орнаментами памятников, входящих в микрогруппу поселений в среднем течении р. Солонец (рис. 4/10-11) (Палагута 1997: 115-116, рис. 1/7, 2/8). На основе подобных преобразований, как частный случай, в период Триполье BII — CI происходит появление так называемых «лицевых» изображений (Ткачук 1991). Трактовка последних, как «ликов» антропоморфных существ (Рыбаков 1965: 17, 19), учитывая крайнюю схематичность изображения, более чем сомнительна. Параллельно происходит стилизация орнаментов из «бегущих» спиралей, как, например, отмеченное в Траяне-Дялул Фынтынилор времени Кукутени A-B преобразование их в «тангенты» (рис. 4/9), а также другие изменения, связанные с упрощением композиций. Таким образом, результатом стилизации становится появление ограниченных наборов орнаментальных схем, характерных для различных локально-хронологических групп памятников (Ткачук 1990: 152-153; Рыжов 1990: 85). На стандартность орнаментов керамики Триполья BII-CI указывает и появление на сосудах точек разметки, наносившихся на поверхность сосудов, как показывают наблюдения, прежде основной композиции.

С другой стороны, в это время, особенно в период Триполье CI — Кукутени B, на керамике возникает значительное количество зооморфных, антропоморфных и растительных изображений (Kandyba 1937; Маркевич 1981; Мовша 1991). Эти изображения расположены на различных участках орнаментального поля и не всегда четко вписаны в спиральные схемы. Часто они не симметричны и иногда образуют сюжетные композиции. Параллельно происходит распад спиральных композиций. Все это свидетельствует об изменениях в трактовке спиральных орнаментов, традиционно выступающих в качестве основы, но окончательно теряющих смысловую нагрузку.

Намеченные линии развития орнаментов позволяют утверждать, что орнаментальные схемы трипольской керамики развиваются на основе исходной композиции, которую составляют фигуры так называемых змей. Однако, начиная с периода Триполье BI — Кукутени A происходят значительные изменения основной схемы, постепенно утрачивающей изначальную смысловую нагрузку. Значительную роль в этом сыграли изменения в технологии декора.

«Прочтение» орнаментов затруднено самой спецификой этого вида декоративного искусства. Различная степень стилизации и повторяемость, ритмичность мотивов орнамента изначально открывают широкие возможности для достаточно вольной трактовки изображений в пределах культурообразующей среды.

Наиболее перспективным является типологическое исследование декора, открывающее широкие возможности для изучения относительной хронологии и локальных особенностей памятников Триполья-Кукутени. Например, такие исследования в пределах цепочек генетически связанных между собой поселений позволили бы выявить закономерности изменений орнаментов хронологического порядка, а также определить примерную скорость их изменения в течение жизни нескольких поколений мастеров, работавших в рамках единой традиции.

ЛИТЕРАТУРА

Балабина В.И., 1998. К прочтению змеиных изображений спиралевидного орнамента древних земледельцев Европы // ВДИ. №1.

Богаевский Б.Л., 1931. Раковины в расписной керамике Китая, Крита и Триполья // Изв. ГАИМК. Т. VI, вып. 8-9. Л.

Бурдо Н.Б., 1993. Ранній етап формування трипільської культури // Археологія, № 3.

Бурдо Н.Б., Видейко М.Ю., 1984. Типы раннетрипольской керамики и ее орнаментации в междуречье Днестра и Южного Буга // Северное Причерноморье (материалы по археологии). Киев.

Виноградова Н.М., 1983. Племена Днестровско-Прутского междуречья в период расцвета трипольской культуры. Кишинев.

Даниленко В.Н., 1969. Неолит Украины. Киев.

Динцес Л.А., 1929. Прочерченный трипольский орнамент культуры А // Сборник бюро по делам аспирантов ГАИМК, I. Л.

Заец И.И., Рыжов С.Н., 1992. Поселение трипольс-

кой культуры Клищев на Южном Буге. Киев.
Збенович В.Г., 1980. Поселение Бернашевка на Днестре (к происхождению трипольской культуры). Киев.
Збенович В.Г., 1989. Ранний этап трипольской культуры на территории Украины. Киев.
Збенович В.Г., 1991. Дракон в изобразительной традиции культуры Кукутени-Триполье // Духовная культура древних обществ на территории Украины. Киев.
Кандиба О., 1939. Старша мальована кераміка в Галичині // Збірник Українського Інституту в Америці. Сент Пол, Мінн. — Прага.
Кожин П.М., 1967. Керамика индейцев пуэбло // Культура и быт народов Америки. Сборник МАЭ, XXIV. Л.
Кожин П.М., 1981. Значение орнаментации керамики и бронзовых изделий Северного Китая в эпохи неолита и бронзы для исследований этногенеза // Этническая история народов Восточной и Юго-Восточной Азии в древности и средние века. М.
Кожин П.М., 1984. Типология древней материальной культуры Евразии (Неолит — Железный век) // Типология основных элементов традиционной культуры. М.
Кожин П.М., 1994. Древнейшее производство и археологическая генетическая типология // История и эволюция древних вещей. М.
Кричевский Е.Ю., 1949. Орнаментация глиняных сосудов у земледельческих племен неолитической Европы // Ученые записки ЛГУ. Серия исторических наук. Вып. 13. Л.
Леви-Брюль Л., 1994. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М.
Маркевич В.И., 1981. Позднетрипольские племена Северной Молдавии. Кишинев.
Мельничук И.В., 1990. Изображение змеи в Триполье // Археологические исследования молодых ученых Молдавии. Кишинев.
Мовша Т.Г., 1991. Антропоморфные сюжеты на керамике культур трипольско-кукутенской общности // Духовная культура древних обществ на территории Украины. Киев.
Палагута И.В., 1995. Керамический комплекс трипольского поселения Друцы I в Северной Молдавии // Вестник МГУ. Серия история. №5.
Палагута И.В., 1997а. К проблеме формирования северомолдавских памятников Триполья BI (исследование керамического комплекса поселения Старые Куконешты I) // Древности Евразии. М.
Палагута И.В., 1997б. Поселения развитого Триполья в среднем течении р.Солонец // Вестник МГУ. Серия история. №5.
Пассек Т.С., 1949. Периодизация трипольских поселений // МИА, №10. М.-Л.
Патокова Э.Ф., Петренко В.Г., Бурдо Н.Б., Полищук Л.Ю., 1989. Памятники трипольской культуры в Северо-Западном Причерноморье. К.
Подвигина Н.Л., Писарева С.А., Киреева В.Н., Левштейн А.Б., Малачевская Е.Л., Травкина Н.А., 1995. Технико-технологическое исследование расписной керамики эпохи энеолита (V-III тыс. до н.э.) и разработка способов ее очистки // Государственный научно-исследовательский институт реставрации (ГосНИИР). Итоговый отчет о проделанной работе (рукопись). Москва.
Риндюк Н.В., 1994. Деякі питання ідеології давньоземлеробських племен // Археологія, №1. К.
Рудинський М., 1930. Поповгородський вияв культури мальованої кераміки // Антропологія. Т.III. Київ.
Рыбаков Б.А., 1965а. Космогония и мифология земледельцев энеолита. I // СА, №1.
Рыбаков Б.А., 1965б. Космогония и мифология земледельцев энеолита. II // СА, №2.
Рыжов С.Н., 1990. Микрохронология трипольского поселения у с. Тальянки // Раннеземледельческие поселения-гиганты трипольской культуры на Украине. Тез. докл I полевого семинара. Киев.
Сорокин В.Я., 1993. К проблеме генезиса культуры Кукутень // Revista arheologica. Nr.1.
Телегин Д.Я., 1994. Образ змееликой богини в Триполье // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья. Материалы Международной археологической конференции 10-14 октября 1994 г. Тирасполь.
Ткачук Т.М., 1990. Орнаментация сосудов из трипольских поселений Тальянки и Майданецкое (знаковый аспект проблемы) // Раннеземледельческие поселения-гиганты трипольской культуры на Украине. Тез. докл I полевого семинара. Киев.
Ткачук Т.М., 1991. Личины в росписи керамики Триполье-Кукутени // Духовная культура древних обществ на территории Украины. Киев.
Тодорова Х., 1986. Каменно-медната епоха в България. София.
Цвек О.В., 1993. Релігійні уявлення населення Трипілля // Археологія, №3.
Чернецов В.Н., 1948. Орнамент ленточного типа у обских угров // СЭ, №1.
Чикаленко Л., 1926. Нарис розвитку української неолітичної мальованої кераміки. II. Більче Золоте // ТКУ. Вип. I. К.
Crîsmaru A., 1977. Draguşeni. Contribuţii la o monografie arheologică. Botoşani.
Csalog J., 1970. A tiszai muveltseg viszonya a szomszedos jkkori muveltsegekhez // Folia arheologica. VII. Budapest, 1955; Kalicz N. Clay gods. Budapest.
Dimitrijevic S., 1974. Problem stupnjevanja starcevacke kulture s posebnim obzirom na doprinos južnopanonskih nalazišta rešavanju ovih problema // Poceci ranih zemljoradnickih kultura u Vojvodini i Srpskom Podunavlju. Referati i koreferati odrzani na simpozijumu decembra 1972 godine u Subotici / Arheologia Iugoslavica, X. Beograd.
Dragomir I.T., 1985. Principalele rezultate ale săpăturilor arheologice de la Bereşti «Dealul Bulgarului» (1981), judeţul Galaţi // MA, IX-XI (1977-1979).
Dumitrescu H. şi colăboratorii, 1954. Şantierul arheologic Traian (r. Buhuşi, reg. Bacău) // SCIV, t. V, 1-2.
Dumitrescu Vl., 1968. L'art néolithique en Roumanie. Bucarest.
Dumitrescu Vl., 1963. Originea şi evoluţia culturii Cucuteni-Tripolie // SCIV. T. XIV, 1.
Dumitrescu Vl., Bolomey A., Mogoşanu F., 1983. Esquisse d'une préhistoire de la Roumanie. Bucarest.
Dumitrescu Vl., Dumitrescu H., Petrescu-Dîmboviţa M., Gostar N., 1954. Hăbăşeşti. Monografie arheologică. Bucureşti.
Ellis L., 1984. The Cucuteni-Tripolye Culture: A Study in Technology and the Origins of Complex Society// BAR: International Series. 217. Oxford.
Gimbutas M., 1987. Old European Deities. With an Emphasis on Images from the Cucuteni Culture // La civilisation de Cucuteni en contexte Européen. Session scientifique dédiée au centenaire des premières découvertes de Cucuteni (Iaşi — Piatra Neamţ, 24-28 septembre 1984). Iaşi.

Kandyba O., 1937. Schipenitz Kunst und Geräte eines neolitishen Dorfes. Wien-Leipzig.

Marinescu-Bîlcu S., 1974. Cultura Precucuteni pe teritoriul României. Bucureşti.

Marinescu-Bîlcu S., 1981. Tîrpeşti: from Prehistory to History in Eastern Romania // BAR: International series. 107. Oxford.

Matasă C., 1946. Frumuşica. Bucureşti.

Maxim-Alaiba R., 1984. Locuința nr. 1 din faza Cucuteni $A_3$ de la Dumeşti (Vaslui) // Acta Moldavia Meridionalis. T. V-VI. Vaslui.

Nițu A., 1980. Criterii actuale pentru clasificarea complexelor ceramice şi periodizarea etapelor culturii cucuteniene // Cercetări istorice, NS, IX-X, 1978-1979. Iaşi.

Nica M., 1987. Sur la plus ancienne céramique peinte de l'époque néolithique de Roumanie (les découvertes de Cîrcea et Gradinile) // La civilisation de Cucuteni en contexte Européen. Session scientifique dédiée au centenaire des premieres découvertes de Cucuteni (Iaşi — Piatra Neamț, 24-28 septembre 1984). Iaşi.

Palaguta I., 1998. Some results of study of Cucuteni-Tripolye decoration techniques // 31st International Symposium on Archaeometry. Budapest, 27 April — 1 May 1998. Program and Abstracts. Budapest.

Patay P., 1956. Szottest utánzó díszítések a rézkori kerámián // A Miskolci Herman Ottó múzeum közleményei, 7. Miskolc.

Schmidt H., 1932. Cucuteni in der oberen Moldau, Rumänien. Die befestigte Siedlung mit bemalten Keramik von der Steinkupferzeit in bis die vollentwickelte Bronzezeit. Berlin-Leipzig.

Todorova H., Tonceva G., 1975. Die äneolithische Pfahlbausiedlung bei Ezerovo im Varnasee // Sonderdruck aus Germania, 53. Berlin.

Vulpe R., 1957. Izvoare, săpăturile din 1936-1948. Bucureşti.

*Гаврилов А.В., Тощев Г.Н.*

# КУРГАН У СЕЛА ЖЕЛЯБОВКА В КРЫМУ

**Gavrilov A.V., Toschev G.H. A burial mound near the village of Jeliabovka in the Crimea.**

The article is devoted to the description of the results gotten in the process of archaeological research of the burial mound near the village of Jeliabovka in the Crimea.

The main part of the burial mound was destroyed by agricultural activities. During the excavations there were found out and studied 14 burials: 5 – of Jamnaja Culture; 4 – of Srubnaja Culture; 4 – of Scythian Culture and 1 – of the Late Bronze Age – the beginning of the Early Iron Age.

The burials of the Yamnaya Culture with which the mound is linked, are the main and central subjects of the mound. The rest of the burials were introduced in this artificial mound.

В Нижнегорском районе, расположенном в степной части Крыма, курганные памятники разновременных периодов исследовались на протяжении многих лет. Основной объем работ производился сотрудниками Северо-Крымской экспедиции ИА АН УССР — Раздольное (Колтухов, Кислый, Тощев 1994: 29-39), Емельяновка, Ломоносово-Желябовка (Колтухов, Тощев 1998: 64-82) Акимовка (Копьева 1990: 128-135), Уварово-71 (год раскопок), Приречное-82; Изобильное — 82; Черноземное-85; Буревестник-93; Неженское-72; Червонное-74,84 (рис.1,1). Отдельные насыпи, подвергающиеся разрушению, в разные годы изучали экспедиции и других научных учреждений. Одним из таких объектов стал курган у с.Желябовка Нижнегорского района, в 3,2 км к З от села, рядом со складом средств химзащиты. Здесь при проведении земляных работ была уничтожена основная часть насыпи. Механизаторы остановили работу лишь при появлении значительного количества амфорного боя. Поэтому сотрудники сектора охраны памятников археологии Крымского краеведческого музея поздней осенью 1986 г. произвели доисследование остатков кургана[1]. К моменту раскопок отдельные участки насыпи возвышались над уровнем современной дневной поверхности на 0,4 м. На поверхности и в отвалах находилось значительное количество различных частей гераклейских амфор IV в. до н.э. На поверхности насыпи в центре находилось пятно материковой глины — выброс из основного погребения. Это место принято за условный центр, от которого производились отсчеты. Проходящая через эту точку бровка шириной 1 м вытянута по линии С-Ю (рис.2,1).

В ходе раскопок выявлено 14 погребений: 5 — ЯК (№ 8,10,11,12,13), 4 — СК (№№ 2,5,7,15), 4-скифские (№ 1,3,4,9), одно – РЖВ (№6) и остатки ровика шириной до 1 м, вокруг первичной насыпи.

Погребение 1 — скифское (рис.4,1). В 13 м к ЮЗ на глубине 0,18 м, выявлено по остаткам амфор и древесным угольками. Придонные части 4 амфор были вкопаны вертикально и стояли по линии СЗ-ЮВ, расстояние между крайними из них-1,3 м. Вероятно, они перекрывали вход в погребальную камеру, контуры которой не прослежены. В заполнении обнаружены разрозненные кости и два детских черепа. Очевидно, из этого же погребения происходят и обнаруженные в отвалах обломки гераклейских амфор (рис.4,2-3).

Погребение 2 — СК (рис.3,11). В 2,2 м к ЮВВ на глубине 0,26 м. Яма в плане подовальной формы (1,2х0,72 м), стенки чуть суживаются ко дну. Отмеченная глубина 0,28 м.

Костяк лежал на левом боку головой на ЮВ. Ноги подогнуты под прямым углом. Левая рука уложена вдоль туловища, кисть под костями ног, правая согнута под прямым углом. У лобной части черепа находились кости животного (лопатка и ребра), у локтя правой руки лежали кремневая пластинка (1) и бронзовая спираль (2).

1 — пластинка из серого кремня размерами 2,5х1х0,3 см (рис.3,13).

2 — спираль из бронзовой проволоки в три оборота в виде пирамидки. Ее размеры 0,6х0,6 см (рис. 3,14).

[1] Авторы благодарят И.В.Ачкинази, предоставившего материалы раскопок.

© Гаврилов А.В., Тощев Г.Н., 1999.

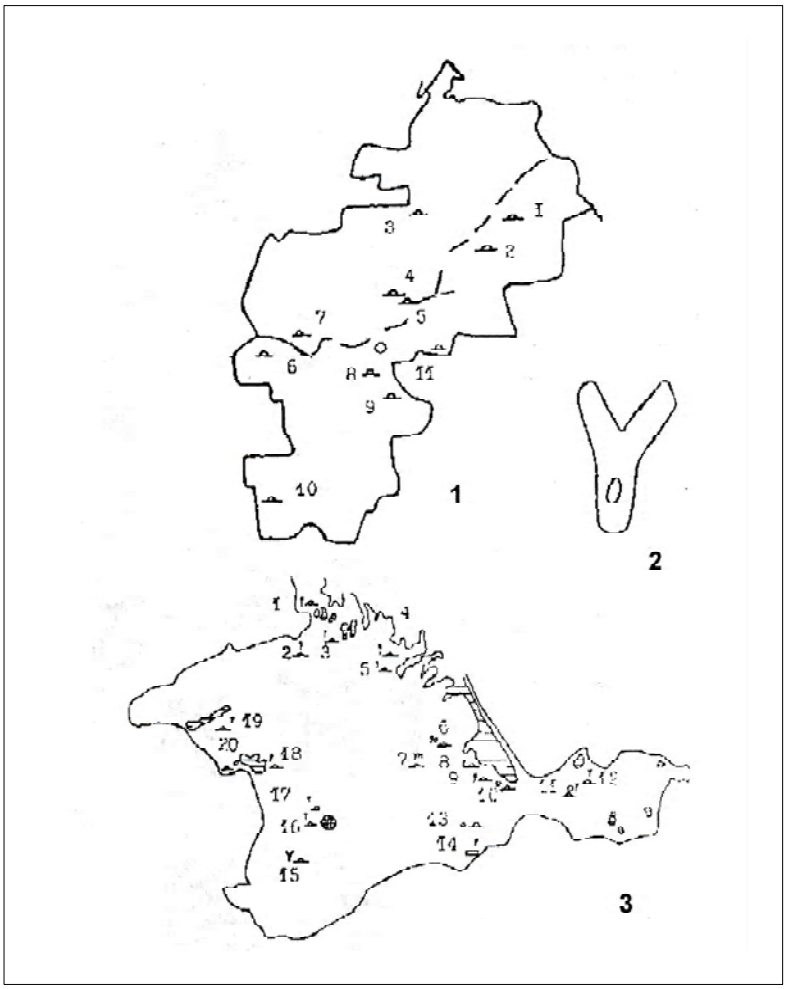



*Рис.1. 1 – Карта исследованных в районе памятников: 1 — Изобильное; 2 — Емельяновка; 3 — Чкалово; 4 — Неженское; 5 — Акимовка; 6 — Буревестник; 7 — Червоное; 8 — Ломоносово, Желябовка; 9 — Раздольное; 10 — Приречное; 11 — Черноземное. 2 – находка у с.Казанки Бахчисарайского района. 3 – Комплексы с молоточковидными булавками (Т), роговыми булавками (Y) и бляшками (о) на территории Крыма. 1 – Рисовое; 2 — Курганное; 3 — Танковое; 4 — Рюмшино; 5 — Мартыновка; 6 — Черноземное; 7 — Желябовка; 8 — Дятловка; 9 — Токарево; 10 — Синицино, с-з "Красновка"; 11 — Уварово; 12 — Астанино; 13 — Планерское; 14 — Первомайское; 15 — Казанки; 16 — пом. Пастак; 17 — пом. Генкель; 18 — Орлянка; 19 — Наташино; 20 — Евпатория.*

Погребение 3 — скифское (рис.4,4). В 5 м к ЮЮВ на глубине 0,56 м. Контуры ямы не прослежены. Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на ЮЗ. Руки вдоль туловища, стопы ног сведены. Слева от черепа находились 5 бронзовых трехлопастных наконечников стрел (1).

1 — четыре наконечника со слегка утопленной втулкой и выступающими концами, их длина 2-3,3 см; один со слегка выступающей втулкой длиной 2,6 см (рис. 4,6).

Погребение 4 — скифское (рис.4,8). В 10 м к ЮЮВ на глубине 0,3 м. Контуры ямы не прослежены. Два костяка лежали почти перпендикулярно друг к другу, под углом 55 градусов. Костяк 1 лежал вытянуто на спине, головой на СВВ, с уложенными вдоль туловища руками. Стопы ног сведены вместе. У левого плеча лежал нож (1) и ребра животного, у запястья левой руки — наконечник стрелы (2).

Второй костяк лежал вытянуто на спине, головой на СЗ. Его череп находился в 0,15 м к ЮЗ от стоп первого погребенного, руки уложены вдоль туловища. У правого плеча найдено 6 наконечников стрел (3).

1 — нож железный с горбатой спинкой, в сечении подтреугольной формы, его размеры 8,2х2,3х0,6 м (рис.4,10).

2 — наконечник стрелы из бронзы, трехлопастный с утопленной втулкой и выступающими концами лопастей, длина 1,8 м (рис.4,5).

3 — три трехлопастных наконечника со слегка выступающей втулкой, их длина 2- 2,7 см, два трехлопастных наконечника с утопленной втулкой и выступающими концами лопастей, их длина 2-2,7 см, один наконечник трехгранный с утопленной втулкой, с двумя плоско срезанными гранями и одной выступающей в виде шипа; его длина 2 см (рис.4,9).

Погребение 5 — ЯК (рис.3,12). В 7,2 м к ЮВ на глубине 1,2 м. Яма в плане прямоугольной формы, отмеченная глубина 0,3 м. Костяк лежал скорченно на правом боку, головой на СВВ. Ноги согнуты под прямым углом. Левая рука вытянута к коленям, правая согнута под прямым углом. На костях посыпка охрой, под скелетом и рядом дно ямы покрыто коричневым тленом.

Погребение 6 — эпохи бронзы — РЖВ (рис.3,18). В 10 м к З на глубине 0,4 м. Контуры ямы не фиксировались. Погребенный лежал скорченно на левом боку, головой на СЗЗ. Руки согнуты под острым углом. Сохранность костей плохая, часть разрушена грызунами.

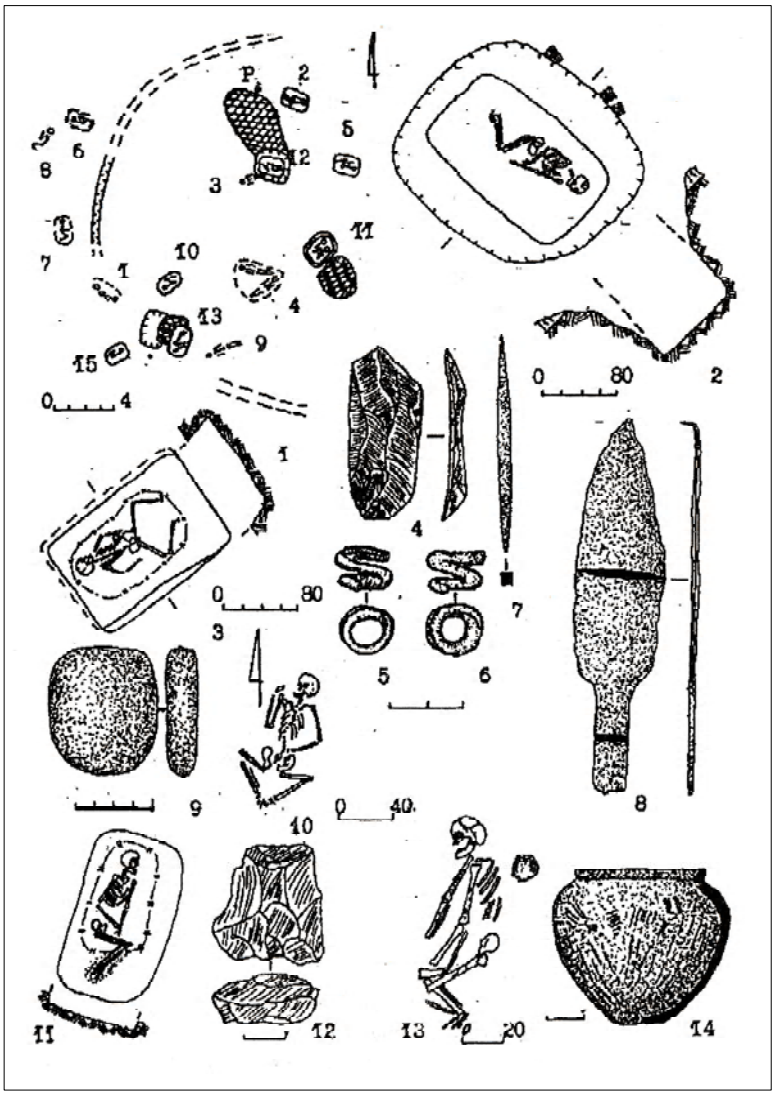


*Рис.2. Планы и материалы кургана. 1-общий план; 2,4-8 – п.12; 3,9 - п.10; 11,12 – п.13; 13-14 – п.7.*

На правой височной кости черепа находилось височное кольцо (1), на костях грудной клетки лежали обломки браслета (2), у запястья правой руки — набор бус (3).

1 — кольцо височное бронзовое, с разомкнутыми концами, изготовлено из расплющенной проволоки шириной 0,5 см. Его размеры-1,6х1,2 см (рис.3,16).

2 — браслет (?) бронзовый, изготовлен из проволоки диаметром 2 мм. Сохранился во фрагментах, деформирован. Один конец заострен; второй завернут крючком. Общая длина 5,8 см (рис.3,17).

3 — бусы, 15 единиц. Из них две изготовлены из бронзы, восемь из кости, четыре из пасты и одна из стекла. Первые из них представляют цилиндрическую трубочку длиной 8 мм и диаметром 4 см, диаметр отверстий 2 мм. На внешней поверхности имеются нарезные кольцевидные канавки. Восемь бусин изготовлены из трубчатой кости птицы (?), их размеры — длина 2-6 мм, диаметр 3-5 мм, диаметр отверстия-2-3 мм, внешняя поверхность заполирована. На одной из них имеются кольцевые канавки. Остальные бусы плоско-цилиндрической формы с закругленными краями, диаметром 3-5 мм при диаметре отверстий 1-3 мм (рис.3,19).

Погребение 7 — ЯК (рис.2,13). В 12,5 м к З на глубине 0,75 м. Контуры ямы не фиксировались. Погребенный лежал в слабоскорченной позе на правом боку, головой на С. Руки вытянуты к коленям. За черепом лежал на боку лепной сосуд горловиной на СЗ (1).

1 — горшок лепной, округлобокий с коротким чуть отогнутым венчиком. Тесто в изломе черного цвета, на грубозаглаженной внешней поверхности следы расчесов. Высота сосуда 12 см, диаметр устья 11,4 см, дна-3,2 см (рис.2,14).

Погребение 8 — ЯК (рис.2,10). В 12 м к З на глубине 0,55 м. Контуры ямы не прослежены. Костяк лежал на спине, ноги распались «ромбом», ориентирован на С. Правая рука согнута в локте, кисть у черепа, левая согнута в локте под тупым углом, кисть на тазе.

Погребение 9 — скифское (рис.4,7). В 14 м к Ю на глубине 0,7 м. Контуры ямы не фиксирова-

лись. Погребенный лежал вытянуто на спине головой на ЮЗЗ. Руки чуть согнуты в локтях.

Погребение 10 — ЯК (рис.2,3). В 9,5 м к ЮЮЗ на глубине 1,2 м. Яма в плане подпрямоугольной формы с округленными углами (1,74х1,15м), перекрыта двумя известняковыми плитами. Погребенный лежал на спине, ноги распались «ромбом». Кисти чуть согнутых в локтях рук на тазе. Ориентирован на ЮЗ. Скелет и дно ямы покрыты охрой. Между костями грудной клетки находился терочник (1).

1 — терочник овальной формы, изготовлен из плотного мелкозернистого песчаника. Размеры изделия: 11,3х13,6 см при толщине 2,7 см (рис.2,9).

Погребение 11 — ЯК (рис.3,1). В 8,5 м к ЮВ на глубине 1,35 м. Яма в верхней части округлая (1,6х1,5м), ко дну приобретает подпрямоугольную форму (1,5х1,2 м), прослеженная глубина 0,65 м. Заполнение состояло из чернозема, в нем обнаружено три отщепа (1-3). Захоронение парное. Первый костяк лежал в центре ямы на левом боку, ориентирован на СВВ, лицевой частью к Ю. Левая рука вытянута, правая слегка согнута в локте, кисть на большой берцовой кости. У затылочной части черепа находилась полая отполированная птичья кость (4). В 0,35 м к ССЗ от костяка лежал комок темно-красной охры.

Второй костяк лежал южнее первого, на левом боку, ориентирован на СВВ, лицевой частью к Ю. Левая рука вытянута вдоль туловища, кости правой не сохранились. У локтя левой руки найдено пять бронзовых бляшек (5) и костяная

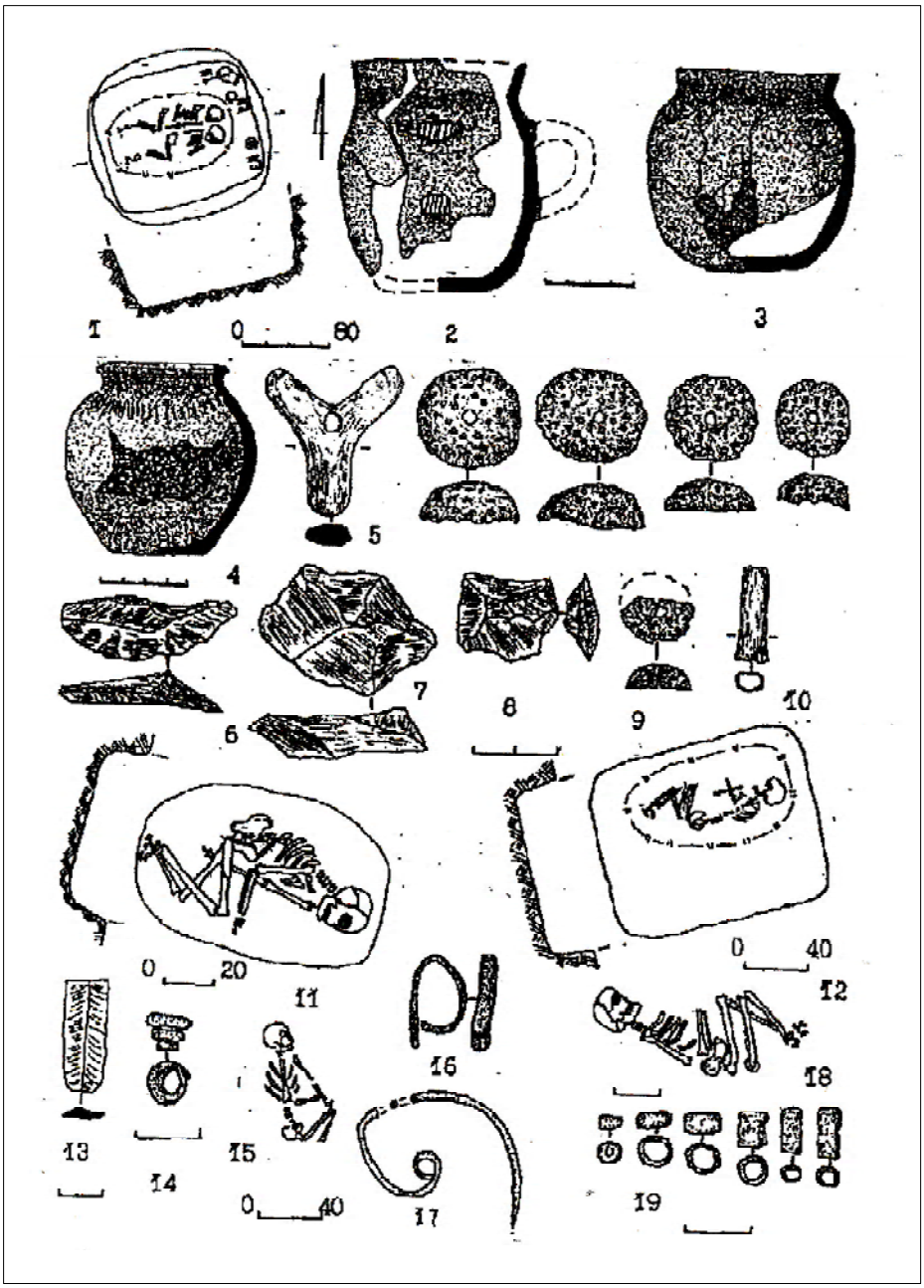



*Рис.3. Планы и материалы. 1-10 – п.11; 11,13-14 – п.2; 12 – п.5; 15 – п.14; 16-19 – п.6.*

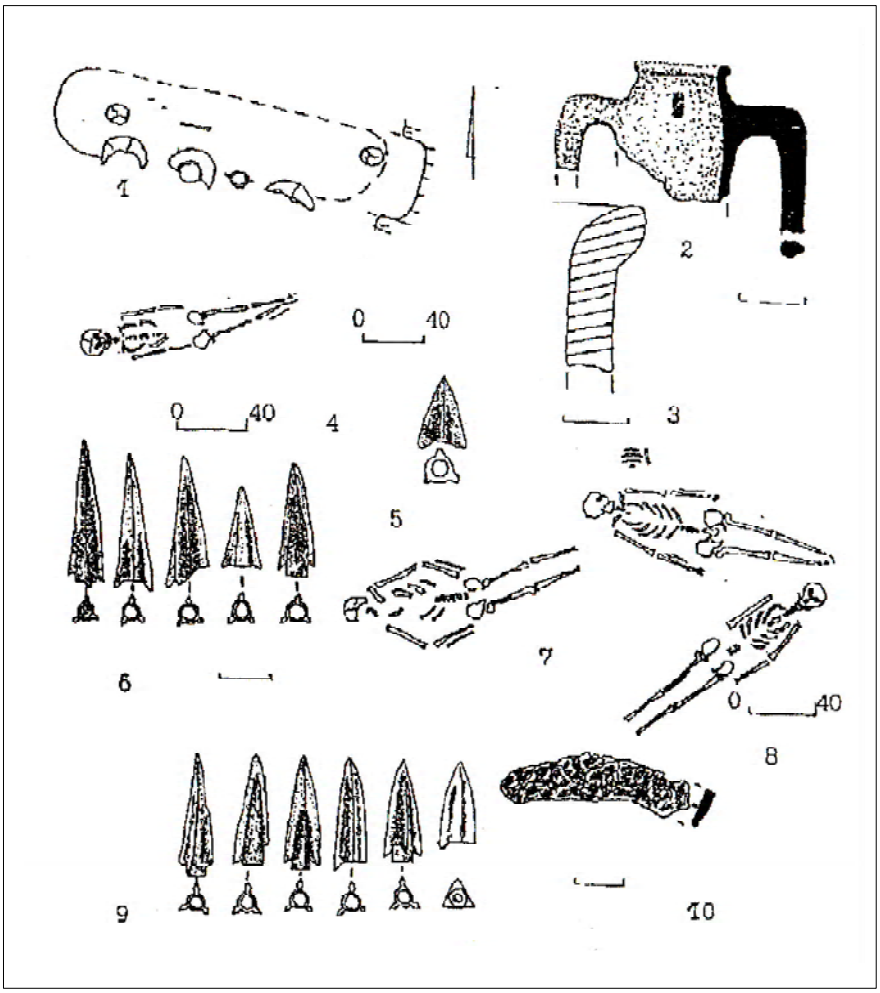



*Рис.4. Планы и материалы. 1-3 – п.1; 4,6 – п.3; 5,8-10 – п.4; 7 – п.9.*

рогатка (6). Над черепами находились три сосуда (7-9). В 0,5 м к ЮВ от Ю стенки зафиксированы следы кострища размерами 2х2,2 м.

1-3 — отщепы кремневые серого цвета, без следов ретуши, их размеры от 0,7х1,8х2,2см до 1х2,8х4,1 см (рис.3,6 — 8).

4 — кость птичья полая, хорошо заполирована, ее размеры — длина 3 см, диаметр 0,6 см (рис.3,10).

5 — бляшки бронзовые полусферические с отверстием в центре. Наружная поверхность украшена выпуклым пуансонным орнаментом в виде концентрических окружностей. Изготовлены из листовой бронзы толщиной 0,8-1 мм, диаметр 1,5-2,4 см, диаметр отверстий 0,2-0,3 мм (рис.3,9).

6 — изделие в виде рогатки, с отверстием в центре. Поверхность хорошо заполирована. На внутренней стороне рожков имеются надпилы, концы закруглены. Кость в разрезе овальной формы. Высота поделки 3,3 см, расстояние между рожками 2,8 см (рис.3,5).

7-9 — лепные сосуды. Первый из них характеризует горшок с обломками петлевидной ручки. В месте верхнего крепления ручки имеются шишковидные выступы, внешняя поверхность хорошо заглажена. Высота 15 см, диаметр устья 12 см, дна-8 см (рис.3,2). Второй горшок с хорошо заглаженной поверхностью, венчик невысокий, скошен наружу. По краю венчика и плечикам орнамент из ногтевых вдавлений. Высота 8,4 см. диаметр устья 5 см, дна — 4 см (рис.3,4). Третий горшок более шаровидной формы, с невысоким, отогнутым наружу венчиком. Высота 13,3 см, диаметр устья 11 см, дна — 4,5 см (рис.3,3).

Погребение 12-ЯК, основное (рис.2,2). В 3,5 м к Ю на глубине 1,08 м. Выброс из могилы фиксировался на поверхности разрушенной насыпи. Яма в плане подпрямоугольной формы (1,8х1,5 м), глубина от уровня древнего горизонта 1,2 м. Перекрывалась поперек плахами, со следами горения.

Костяк лежал на левом боку головой на ЮВВ, лицевой частью к югу. Ноги подогнуты под тупым углом. Левая рука вытянута вдоль туловища, правая согнута под тупым углом. Под костяком тонкий слой тлена. Дно покрыто тонким слоем сажи и угольков. Справа от таза лежали бронзовые нож (1) и шило (2), на височных долях располагались серебряные подвески (3), ниже стоп, под стенкой находился кремневый отщеп (4). У коленных суставов и над черепом находились комки красной охры.

1 — нож бронзовый листовидной формы, обоюдоострый. Длина лезвия 6,8 см, черенка — 2,8 см, ширина лезвия 2,3 см, толщина 0,2 см. Острие согнуто в древности (рис.2,8).

2 — шило бронзовое четырехгранное, в сечении квадратное. Оба конца заострены. Длина 5,5 см, толщина 0,2 см (рис.2,7).

3 – подвески проволоки сечением 0,3 см, один конец спирали уплощен и слегка заострен. Диаметр 1,2 см (рис.2,5-6).

4 — отщеп из серого кремня, размерами 4,4х1,9х0,4 см (рис.2,4).

Погребение 13 — ЯК (рис.2,11). В 13,5 см к ЮЮЗ на глубине 1,4 м. Яма подпрямоугольной формы с округленными углами (1,7х1 м), отмеченная глубина 0,3 м. Заполнение состояло из чернозема. Костяк лежал на спине с разворотом влево, ориентирован на ССВ. Ноги подогнуты под прямым углом, правая рука согнута под тупым углом, левая вытянута. Стопы и малые берцовые кости густо покрыты красной охрой. Под костяком и вокруг него прослежен налет коричневого тлена. В заполнении найдены мелкие отщепы (рис.2,12).

Погребение 14 — СК (рис.3,11). В 17,5 м к ЮЗ на глубине 0,73 м. Погребенный лежал скорченно на левом боку, головой на ССЗ. Левая рука вытянута вдоль туловища, правая согнута под прямым углом.

В 12,5 м к ЮЮЗ на глубине 1 м выявлена яма со следами кострища (2,2х2,4 м), отмеченная глубина 0,2 м. Дно покрыто слоем пепла и древесных угольков, где обнаружены челюсти животного и мелкие фрагменты лепного сосуда. Яма нарушена погребением 13, западнее кострища обнаружена яма (2,5х3 м), подпрямоугольная в плане, с Ю стороны которой найдены отдельные кости лошади. Не исключено, кострище и яма связаны с п.13.

В южной части прослежены остатки рва шириной 0,8-1,5 м, диаметр которого мог составлять около 30 м. Полагаем, что он маркировал границы первоначальной насыпи.

Основным для данного кургана являлось захоронение 12, с которым связывается насыпь диаметром 26-28 м и окружающий ее широкий ров. В эту насыпь впущены остальные ямные захоронения (№ 5,7,8,10,11,13), могилы срубной культуры (№ 2,14), конца эпохи бронзы — начала железа (№ 6). Не исключена досыпка кургана после совершения скифских захоронений (№1,3,4,9), которые датируются, судя по останкам амфор и наконечникам стрел, IV в. до н.э.

Основное захоронение совершено на левом боку, впускные же лежали как на боку (№5,7,11), так и на спине (№8,10,13). Подобная ситуация отмечена как непосредственно в Крыму (Орлянка, к.2,3,5; Суворово, к.17 и др.), так и за его пределами, в степном Причерноморье. В ориентации присутствует обязательно либо С (4), либо Ю (3) направления. Выразительный инвентарь представлен всего в двух погребениях со скорченными на боку костяками — № 12 (основное) и № 11 — с парным захоронением. Находки бронзовых ножей и шильев в целом широко известны в ямных захоронениях Крыма (Колтухов, Тощев 1998: 162), но находки подвесок, по опубликованным данным, единичны. Гораздо меньше известно и ямных захоронений с бляшками. По сводке Л.А.Черных, на полуострове зафиксировано всего 4 таких пункта: Евпатория, Черноземное, Уварово, Синицыно — с-з «Красновка» (Черных 1996: 32) Она же полагает, что слабовыпуклые бляхи могли являться модификацией и увязывает с местным производством. А.Л.Нечитайло указывает, что подобные бляхи в основном происходят из погребений ЯК, реже встречены в РКК в Северном Приазовье и Крыму, и их появление связывает с территорией Северного Кавказа (Нечитайло 1991: 40-43). Наиболее значительное количество бляшек с пуансонным орнаментом выявлено в п.10 к.14 у с.Черноземное — 9 единиц, которые входили в один комплект с двумя молоточковидными булавками и девятью бусинами.

В рассматриваемом случае 5 бляшек составляли набор с рогаткой, флейтой Пана, двумя сосудами. По данным В.Я. Кияшко, в Крыму известно всего два пункта с находками «рогаток» — Уварово,1/5 и Астанино,29/9 (Кияшко 1989: 78), которым сопутствуют и бляшки с пунсоном. Укажем еще на одну находку, происходящую из разрушенного погребения кургана у с.Казанки в Бахчисарайском районе (рис.1,2). В Нижнем Поднепровье захоронения ЯК с подобными находками сопровождали и флейты Пана (Ковалева 1995: 92).

Указанные выше авторы полагают, что бляшки, «рогатки», «флейты Пана», молоточковидные булавки в различных сочетаниях в погребениях ЯК и КК входили в состав ожерелий, своеобразного фетиша (Кияшко 1989, Черняков, Никитин 1988). Г.М.Буров рассматривает молоточковидные булавки как фетиши, связанные с идеей плодородия и плодовитости (Буров 1998: 8). Отметим, что в ямных и катакомбных захоронениях Крыма, как и в причерноморских степях (Черняков, Никитин 1988, Санжаров 1992, Вангородская, Санжаров 1991) известны находки и молоточковидных булавок, и бляшек с пуансонным орнаментом (рис. 1,2), но они явно преобладают в более ранних (ямных) памятниках. Возможны различные редкие сочетания, из которых назовем следующие: рогатка + бляшки (2 случая), булавка + бляшки (1 случай). Они выявлены как в захоронениях взрослых, так и детей. Но преобладают находки отдельных изделий, среди которых доминируют молоточковидные булавки (рис.1,3).

Не исключено, что в отдельности каждая часть фетиша обладала такими же свойствами, как и он сам, по принципу pars pro toto. Возможно также, что каждый элемент нес определенную нагрузку, в соответствии со статусом

погребенного он и помещался в могилу. Новые материалы позволят сделать более определенное заключение.

Интересные материалы погребения 6 имеют сопоставления как в белозерских, так и в кизил-кобинских памятниках.

Скифские погребения представляется возможным датировать IV в. до н.э. По крайней мере, на такую датировку указывает двустрочное энглифическое в прямоугольной рамке клеймо на горле гераклейской амфоры из погребения 1, а также бронзовые наконечники стрел.

Находки именно гераклейских амфор встречались и ранее в курганах крымского Присивашья (Махнева, Баранов 1967, Махнева 1969: 257). Довольно частая встречаемость амфор этого центра объясняется его интенсивной торговой деятельностью в Восточном и Юго-Восточном Крыму в IV в. до н.э. (Кругликова 1975: 223, рис.92,93, Гаврилов 1998: 112, табл.1). Наличие скифских захоронений в юго-западном секторе кургана, возможно, свидетельствует о наличии здесь грунтового могильника этого времени. Аналогичный скифский могильник был исследован при раскопках кургана у села Приречное Нижнегорского района (Колотухин 1982: 83), рядом с которым находилось и поселение IV в. до н.э. Поэтому не исключено, что и в данном случае где-то недалеко может находиться поселение, ведь о наличии последних в данной местности свидетельствуют разведки А.А.Щепинского (Щепинский 1972: 326, Храпунов, Храпунова, Таратухина 1994: 277). Протекающая неподалеку речка Виюк Кара Су, черноземные почвы и пастбища создавали благоприятные условия для оседания в конце V — начале IV вв. до н.э скифов в этой местности.

В целом же, имеющиеся известные материалы отражают процесс седентеризации скифов и появление у них большой семейно-родовой общины, что было связано с переходом к новым хозяйственно-культурным формам деятельности (Бессонова, Бунатян, Гаврилюк 1988: 73, Масленников 1995: 64).

ЛИТЕРАТУРА


Бессонова С.С., Бунатян Е.П., Гаврилюк Н.А. 1988. Акташский могильник скифского времени в Восточном Крыму. Киев.

Буров Г.М. 1998. Молоточковидные булавки как фетиш сельскохозяйственных культов. // Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности (ККИО) и культурно-исторической общности многоваликовой керамики (КИОМК). Запорожье.

Вангородская О.Г., Санжаров С.Н. 1991. Погребения донецкой катакомбной культуры Николаевского могильника с украшениями // ККСП. Киев.

Гаврилов О.В. 1998. Нові дані про сільську округу античної Феодосії // Археологія. № 1.

Кияшко В.Я. 1989. Роговые амулеты раннего бронзового века // Изв. РОМК. Вып.6.

Ковалева И.Ф. 1995. Антропо-зооморфные фетиши в погребениях ямной культуры Поднепровья // ПАП. Днепропетровск.

Колотухин В.А. 1982. Отчет о раскопках курганов в зоне строительства второй очереди Северо – Крымского канала в 1982 году // НА ИА НАН Украины. 1982/5«Б».

Кругликова И.Т. 1975. Сельское хозяйство Боспора. М.

Масленников А.А. 1995. Каменные ящики Восточного Крыма (к истории сельского населения Европейского Боспора в VI — I вв. до н.э.) // БС. Вып.8. М.

Махнева О.А. 1969. Находка гераклейских амфор в Крыму // СА. № 4.

Махнева О.А., Баранов И.А. 1968.Гераклейские амфоры из южного Присивашья // АИУ 1967 г. К.

Нечитайло А.Л. 1991. Связи населения степной Украины и Северного Кавказа в эпоху бронзы. Киев.

Санжаров С.Н. 1992. Северскодонецкие раннекатакомбные погребения с орнаментированными бляхами. Каталог археологических коллекций. Вып.1. Луганск.

Храпунов И.Н., Храпунова Л.Н., Таратухина Е.Е. 1994. Археологические коллекции Крымского краеведческого музея // Проблемы истории и археологии Крыма. Симферополь.

Черных Л.А. К 1996. К вопросу о происхождении кованых слабовыпуклых круглых блях в комплексах ранней бронзы Украины // Доно-Донецкий регион в системе древностей эпохи бронзы восточноевропейской лесостепи. Ч.2. Воронеж.

Черняков И.Т., Никитин В.И. 1988. Металлические украшения с пуансонным орнаментом ямной и катакомбной культур // СА. №4.

Щепинский А.А. 1972. Исследования в степном Крыму // АО-1971 г. М.

*Ляшко С.Н.*

# О НАХОДКЕ В Р. ДНЕПР ДЕРЕВЯННОГО КОЛЕСА ЭПОХИ БРОНЗЫ

**Liashko S.N. About finding a wooden wheel of the Late Bronze Age in the river Dnieper.**

A find, a wooden wheel, is brought into scientific use. It has been found in a sand-pit on the right bank of the Old Dnieper. The wheel consists of two parts made of an oak bar. Wheels of the same construction are well known in monuments of Jamnaja and Catakomb Cultures. The wheel is kept in the storage of Zaporodje District museum of local lore, history and economy.

В 1990 г. в песчаном карьере, расположенном на правом берегу Старого Днепра в 20 м выше разрушенного моста, с глубины 7 м экспедицией ЭПАР было поднято деревянное колесо (Шаповалов, Нефедов, Олейник 1990). Находка представляет половину колеса, выполненного из цельного дубового бруса. Колесо двухсоставное, о чем свидетельствует хорошо сохранившийся профиль половины диска длиной 63-65 см, что соответствует его диаметру. Ступица вырезана вместе с диском. Диаметр ступицы у основания 20 см, в верхней части — 15 см. Выступающие части имеют высоту в обе стороны по 4 см. Диаметр осевого отверстия 8 см. Отверстие выполнено в технике сверления. Толщина диска от 6 см у ступицы до 2,5-3 см у обода. Скос обода 1,5 см. В 3,5 см от края диска имеется сквозное сверленое отверстие диаметром 1,5-2 см. Этим колесо отличается от аналогичных находок (рис.1,1).Вертикальные отверстия у краев диска чрезвычайно редки. Очевидно, в силу того, что края дисков сохраняются хуже. В практике они могли использоваться для фиксации кожаных шин на ободе колеса. Нам известна находка трехсоставного колеса с двумя вертикальными отверстиями в средней части: катакомбное погребение 6 из кургана 15 у с.Заможное Запорожской области (Рассамакин, Отрощенко, Пустовалов и др. 1985: 33-35). Шинами могли быть полосы сырой кожи, которые при высыхании затвердевали и надежно предохраняли обод от быстрого разрушения. Аналогичный способ крепления шин приводится на реконструкции колеса, найденного в Раппендеме (Der Moorfund 1970: 53,56. Taf.6) (рис.1,2).

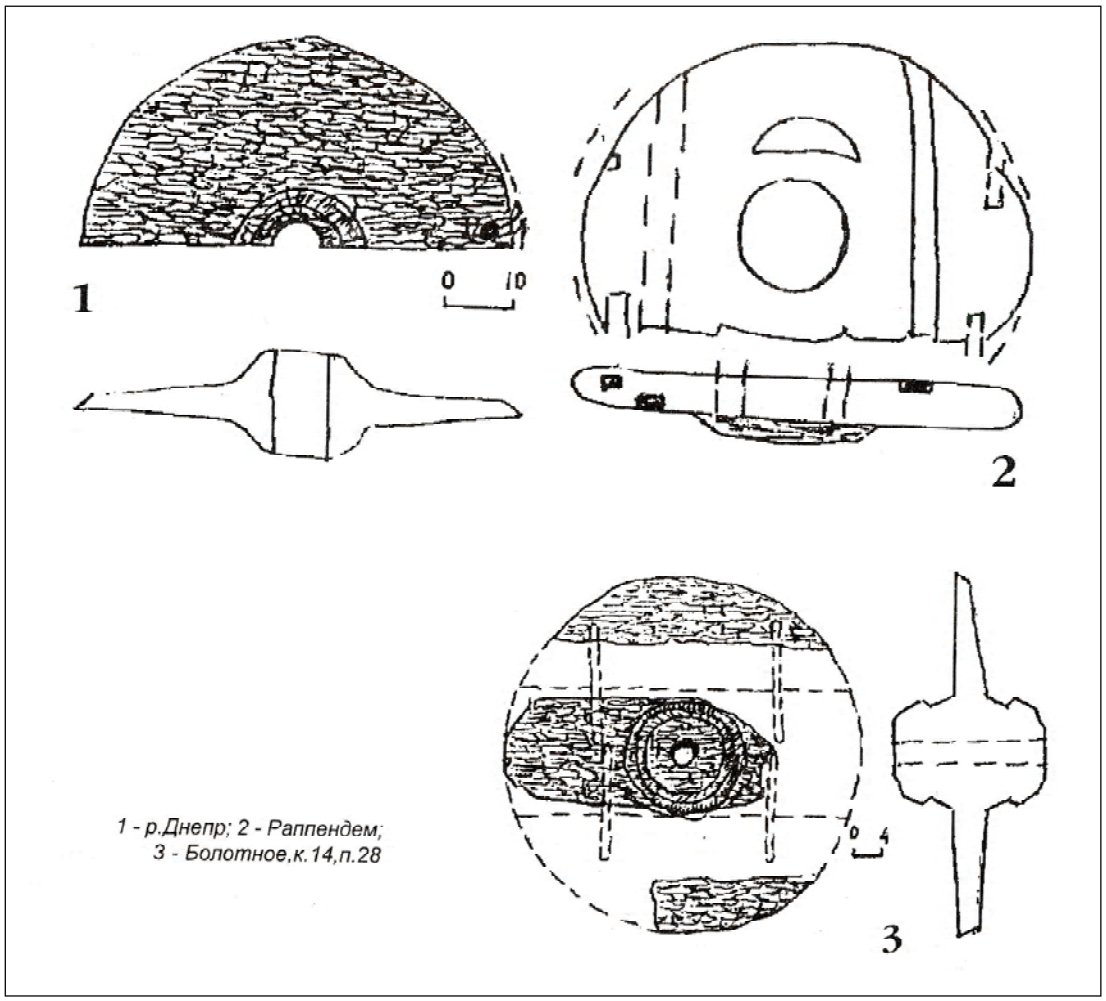
Подобным образом могли скрепляться и обе половины колеса: после склеивания частей ступица фиксировалась ремнями из сыромятной кожи. Такой способ соединения известен в более позднее время в Древней Греции (Лурье 1957: 332-333).

Обратим внимание на обод колеса. Как уже отмечалось, он имеет четко выраженный скос в 1,5 см. Колеса со скосом по ободу известны в археологической практике, например, колеса из погребения катакомбной культуры 14 кургана 28 у с.Болотное (Корпусова, Ляшко: 1990) (рис.3). Четкие углы при переходе от скоса к диску свидетельствуют о его преднамеренном изготовлении. По мнению доцента Киевского автомобильно-дорожного Института кандидата технических наук Н.Е.Основенко, его, предположительно, можно связывать с так называемым “развалом колеса”. Он специально закладывался в конструкцию и требовал соответствующих узлов, связанных непосредственно с управлением передком повозки: крепления продольной оси к передку, особого крепления колес на оси и др. Изначально колесо по отношению к оси повозки устанавливались так, что скос оказывался с наружной стороны. При этом колеса занимали наклонное положение в сторону от центральной продольной оси повозки. При нагрузке ось прогибалась, и колеса принимали перпендикулярное положение по отношению к дороге. Этим уменьшался коэффициент сопротивления качению. Такая конструкция способствовала также равномерному изнашиванию поверхности шин и повышению срока службы колеса.

Относительно датировки и культурной принадлежности колеса можно сказать следующее. Колеса аналогичной конструкции на территории Северного Причерноморья хорошо известны в памятниках ямной и катакомбной культур.

Колесо хранится в фондах Запорожского областного краеведческого музея. Автор благодарит Г.И.Шаповалова за возможность опубликовать находку.

© Ляшко С.Н., 1999.




*1 - р.Днепр; 2 - Раппендем; 3 - Болотное,к.14,п.28*

ЛИТЕРАТУРА

Лурье С.Я. 1957. Язык и культура микенской Греции. М.-Л.

Корпусова В.Н., Ляшко С.Н. 1990. Катакомбное погребение с пшеницей в Крыму. // СА. №3.

Рассамакин Ю.Я., Отрощенко В.В., Пустовалов С.Ж. и др. Отчет ЗПЭ за 1985 г. // НА ИА НАН Украины. – 1985/4

Шаповалов Г.И., Нефедов В.В., Олейник А.Л. Отчет о работе ЭПАР в р.Днепр у о.Хортица и в р.Орель у с.Нехвороща в 1990 г. // НА ИА НАН Украины. – 1990/200.

Der Moorfund im Rappendem auf Seeland von G.Kunwald // Prähistorische Zeitschrift.-1970.-B.45.-H.1

## МИГРАЦИИ В АРХЕОЛОГИИ

*Дергачев В.А.*

# ОСОБЕННОСТИ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ КАРПАТО-ПОДНЕСТРОВЬЯ

### К проблеме взаимодействия древних обществ Средней, Юго-Восточной и Восточной Европы*

**Dergachev V.A. The particularities of the cultural-historical development of the region between the Carpathians and Dniestr. To the problem of interaction of ancient communities of Middle, South-Eastern and Eastern Europe.**

The present article first appeared in the volume edited by B.Hansel and Ja.Machnik under the title "Das Karpatenbecken und die osteuropaische Steppe", published in the series "Südosteuropa-Schiften. B.20/ Prähistorische Archaeologie in Südosteuropa. B.12. "München-Rahden/Wistf. 1998. (p.27-64). Unfortunately, the article was published under a not quite exact title and it was completely devoid of the section dedicated to the Neolithic. As a result all the logical sequence and the essence of the problem were violated.

The article is dedicated to revealing of common cultural-historical peculiarities of the development of the region between the Carpathians and Nistru as a relatively independent region. A consecutive consideration of cultural situations, that were being changed in the course of the Neolithic, Eneolithic and the age of bronze in the region between the Carpathians and Dniestr and adjoining regions allows the author to come to the following conclusion.

The peculiarities of the cultural-historical development of the region between the Carpathians and Dniestr spring from the geographical situation of the region that is situated at the junction of three large, relatively independent, objectively formed economic-cultural types (economic patterns) peculiar to the communities of South-Eastern, Eastern and Middle Europe. A determining role in the originality of the cultural-historical development of the region in the course of discussed and the following epochs is connected with direct and mediated influence, in the first turn, of the communities of the Balkan-Danube region (the bearers of mostly agricultural traditions), and starting with the Eneolithic — with the influence of the communities mostly of the steppe Eastern Europe (the bearers of mostly cattle-breeding traditions) and their interaction. The influence of the Middle-European cultural communities were more considerable but at the same time more sporadic.

Проблема взаимодействия древних обществ Средней, Юго-Восточной и Восточной Европы составляет одну из наиболее сложных, а вместе с тем, принципиально важных научных задач, от решения которой целиком зависит определение истоков, механизма сложения и особенностей исторического развития как этнокультурных общностей прошлого, так и народов, населяющих ныне большую часть Европейского континента и не только его. Для решения этой проблемы, на наш взгляд, чрезвычайно важное значение имеют исследования в первую очередь тех регионов или областей, развитие которых наиболее полно попадает под понятие «контактная зона».

Основные познавательные аспекты понятия «контактная зана» были нами рассмотрены в специально опубликованной работе (Дергачев 1990). Поэтому здесь напомним лишь, что под контактной зоной мы понимаем поле пространственно-временного соприкосновения и концентрированного взаимодействия двух или более качественно различных культурных явлений.

Важность исследования контактных зон проистекает, главным образом, из того обстоятельства, что они зачастую выступают лишь в качестве исходного плацдарма культурного взаимодействия, полная или конечная реализация которого может быть существенно отдале-

* Настоящая статья была подготовлена и увидела свет в томе,подготовленном под редакцией B.Hänsel и Ja. Machnik под названием "Das Karpatenbecken und die osteuropäische Steppe", изданном в серии "Südosteuropa-Schiften. B.20 / Prähistorische Archäeologie in Südosteuropa. B. 12." München-Rahden/Wistf. 1998. (Стр. 27-64). К сожалению , статья была опубликована под не совсем точным названием, из представленной рукописи был полностью изъят раздел, посвященный неолиту. В результате этого была нарушена вся логика, да и сама суть изложенной проблемы.

Именно поэтому считаю целесообразным заново переопубликовать этот материал в первоначально подготовленном мною варианте.

© Дергачев В.А., 1999.

на как во времени, так и в пространстве от момента и места первичного соприкосновения контактирующих общностей. Именно поэтому, анализ археологических материалов в рамках контактных зон позволяет выявить специфичность культурной ситуации и особенности культурно-исторического развития отдельно взятого конкретного региона или области. Рассмотренные же в контексте предшествующих и последующих связей, те же материалы дают возможность обнаружить отдельные общие, иногда весьма существенные, обстоятельства, предопределившие в большей или меньшей степени особенности развития различных отдаленных друга от друга культурных областей, не имевших, на первый взгляд, ничего общего между собой.

Применительно к обозначенной выше проблеме одним из основных и ключевых регионов соприкосновения и интенсивного взаимодействия древних обществ Европейского континента вне сомнения было Карпато-Поднестровье (Дергачев 1989: 26 и след.; Дергачев 1990: 81) . Объясняется это как характеризующими его природно-географическими факторами, так и специфичностью культурно-исторического развития соприкасающихся с ним культурных зон.

## Природно-географические факторы

Карпато-Поднестровье составляет относительно самостоятельный природно-географический регион, соответствующий крайне юго-западной оконечности Восточно-Европейской равнины. На западе он ограничен Восточными Карпатами, на юге — северо-западным побережьем Черного моря и с северо-востока — Подольской возвышенностью. Он полностью включает бассейны рек Днестр, Прут и Сирет и в административном отношении соответствует территории румынской Молдовы, республики Молдова и Приднестровским районам Украины.

Благодаря своему расположению Карпато-Поднестровье полностью открыто перед бескрайними просторами лесостепной и степной зон юга Восточной Европы и, несмотря на упомянутые естественные преграды, выступает как своего рода связующее звено между последней и близлежащими областями Юго-Восточной и Средней Европы. На юге и юго-западе, через коридор, образованный побережьем Черного моря и Южными Карпатами — вверх по нижнему Дунаю, Карпато-Поднестровье соединяется со Средним Подунавьем, Балканами и далее вплоть до Восточного Средиземноморья. Целая сеть межгорных путей связывает Карпато-Поднестровье с различными областями Внутрикарпатской котловины. Наиболее значительные из них были межгорные пути, известные в средневековой традиции как нижняя и верхняя дороги (Spinei 1985: 23). Первая из них пролегала по речке Тротуш (правый приток Сирета), вверх по речке Ойтуз, через Брецкий перевал, вниз по Черной речке и далее по долине Олта. Эта дорога соединяла районы среднего и нижнего течения Сирета и Прута с Юго-Восточной Трансильванией. Второй путь — верхняя или Сучавская дорога — шел вверх по речкам Молдова и / или Бистрице, Дорнинскую впадину, через Биказский или выше — Прислопский перевал и далее по речке Вишеу до ее впадения в Тису. Этот путь соединял районы среднего и верхнего междуречья Сирета и Прута с одной стороны (через Биказский перевал) с центральными районами Трансильвании, а с другой (через Прислопский перевал) — с ее северо-восточными районами. Сеть межгорных дорог (через Яблоницкий, Торунский, Воловецкий и др. перевалы), соединяющих Потисье и Среднее Подунавье с районами Верховьев Прута и Днестра, действовала на северной оконечности Восточных Карпат. Наконец, через верховья Днестра Карпато-Поднестровье соединяется и с восточными областями Средней Европы.

В силу своего географического положения Карпато-Поднестровье, не считая горно-лесной массив Восточного Прикарпатья, разделяется на две природно-ландшафтные зоны: лесостепную и степную. Разделенные незначительным по высоте Центральным Молдавским плато, степная зона — на юге — является естественным продолжением Евразийских степей, простиравшихся узкой полосой от Алтая до Дуная и далее вплоть до Венгерской низменности. Лесостепная зона — в среднем междуречье Прута, Днестра и Поднепровья — составляет своего рода переходную зону между западной оконечностью степей Восточной Европы и лесными в прошлом массивами Восточной и Средней Европы (Мильков 1977).

И последнее, важное обстоятельство. Восточные Карпаты и Прикарпатье исключительно богаты полиметаллическими, и в частности — меднорудными, а также залежами поваренной соли, имевшими жизненно важное значение в особенности в преисторическое время. Достаточно отметить такие крупные, разрабатываемые и в настоящее время, полиметаллические местонахождения с высоким содержанием медной руды, как Фунду Молдовей у истоков речки Молдова, Лешу Урсулуй в верховьях речки Бистрица, Бэлан у истоков Олта (Rădulescu, Dumitrescu 1966: 119 и след., Danila P., Danila M. 1982: 106 и след.). Что касается повареной соли, то о многочисленности ее залежей и ее широкой добыче в районах среднего и верхнего течения Сирета достаточно убедительно засвидетельствовано в работе начала 18 в. Дмитрия Кантемира (Кантемир 1973: 32-33).

Отмеченное географическое положение Карпато-Поднестровья открывало перед населяв-

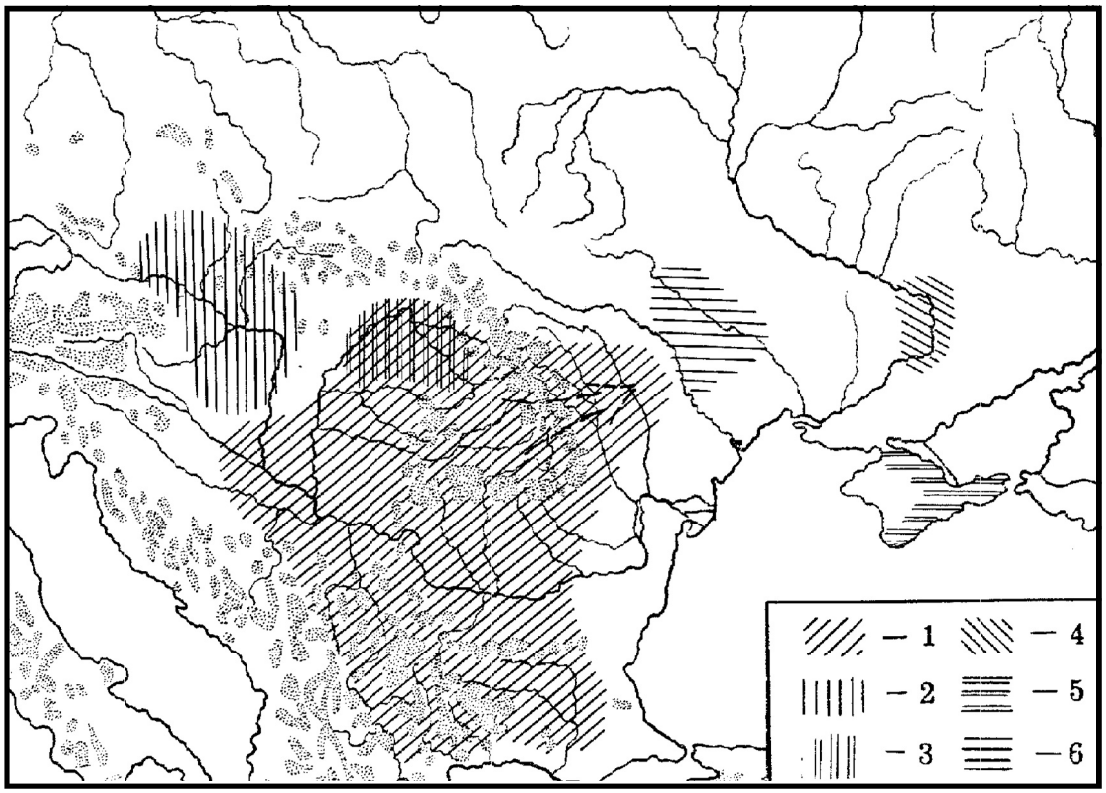



*Рис. 1. Культурные общности раннего неолита: 1- общность Пресексло — Старчево — Кремиковцы 1 — Караново 1-2 — Крии; 2- культура Линейно-Ленточной керамики (старшая фаза); 3- культура Саттмар; 4- Сурско-Днепровская культура; 5- Крымская культура; 6- Буго-Днестровская культура.*

шими его в прошлом обществами широкие возможности для взаимного переселения, взаимодействия и обмена культурными достижениями, выработанными в каждой из названных областей самостоятельно. Наличие природных преград отчасти ограничивали, но одновременно предопределяли возможные пути расселения и контакта древних обществ, приурочивая эти пути к существующим естественным «коридорам» или межгорным дорогам. При общих благоприятных природно-климатических условиях обитания, лесостепная зона Карпато-Поднестровья с ее плодородными почвами была более эффективной для развития земледельческого хозяйства, а степная с ее богатым разнотравьем — для развития скотоводства. Реализация этих возможностей с необходимостью предопределяли непосредственное соседство и потребность в контактах между обществами с принципиально различным укладом хозяйства, различными исходными культурными традициями. Важное значение имело также богатство края залежами меди и повареной соли. Их добыча и переработка стимулировали развитие обмена и торговли с весьма отдаленными областями. Но, с другой стороны, для отдаленных обществ, лишенных этих жизненно важных богатств, источники металла и повареной соли всегда оставались объектами завоеваний и военных походов.

Таковы в самых общих чертах основные природно-географические факторы, которые в перспективе открывали неисчерпаемые возможности для развития культурного взаимодействия древних обществ Карпато-Поднестровья и контактировавших в этом регионе обществ Восточной, Юго-Восточной и Средней Европы.

Историческая реализация обозначенных перспектив и возможностей с методической точки зрения раскрывается путем анализа пространственного соотношения синхронных, последовательно сменявшихся во времени культурных или шире — культурно-исторических общностей. При этом, мы будем учитывать как возможные пути проникновения и передвижения культурных групп и их влияний, так и, по мере возможности, последствия их культурного взаимодействия. Следует четко осознавать, что наша задача в данном случае состоит не столько в раскрытии содержания особенностей развития каждой из рассматриваемых нами культурных общностей, сколько в выявлении наиболее типичных ситуаций, последовательное повторение которых на протяжении значительного промежутка времени обнаруживает тенденцию к общей культурно-исторической закономерности. Как и естественно, при подобного рода исследованиях, автор будет опираться на предпочтительные с его точки зрения положения, не вдаваясь в подробности многочисленных, существующих по затронутым вопросам, дискуссий.

## Культурная ситуация в эпоху неолита

Как известно, особенности природной среды обитания охотников и собирателей каменного века Европы способствовали достаточно раннему появлению более или менее заметных культурных различий, в которых многие исследователи усматривают процесс зарождения различных культурных или этнокультурных общностей (Формозов 1977). Между тем, культурная дифференциация в полном объеме реализовалась лишь с переходом к производящим формам хозяйства, когда в результате специализации хозяйства и развития общественного разделения труда в разных ландшафтно-климатических зонах появляются четко очерчиваемые хозяйственно-культурные общности (Чеснов 1970: 25; Арутюнов 1982: 67; Шнирельман 1986: 457). По общепринятому мнению, зарождение производящего хозяйства в Европе связано с южными районами Балканского полуострова (Фессалия), где под влиянием передовых ближневосточных цивилизаций первые навыки земледелия и животноводства появились еще в период докерамического неолита (Miloycic 1960 ). В дальнейшем этот процесс развивался с юга на север, охватив сначала области Юго-Восточной Европы, а затем и Среднюю и в конечном счете и Восточную Европу[1].

Самой древней и значительной, как известно, была этнокультурная общность раннего неолита, объединявшая сходные в основе культуры Пресескло — Старчево — Кремиковцы I — Караново I-II — Криш. С этой общностью связано становление хозяйственно-культурного типа мотыжного земледелия, характерного для аллювиальных равнин и сухих предгорий Восточного Средиземноморья и Балкан (Чебоксаров, Чебоксарова 1971: 172; Решетов 1980: 40). Общность сложилась во второй половине 6 тыс. до н.э.[2] и на протяжении первой половины 5 тыс. до н.э. распространилась на огромную территорию от Восточной Югославии до Восточных Карпат, и от Северной Фессалии и Юга Болгарии до Северо-Восточной Венгрии (Рис. 1). Причем, в последнем случае, уже на финальных этапах культуры, на северной периферии ареала — в Верхнем Потисье — складывается весьма специфичный ее локальный вариант, представленный памятниками группы

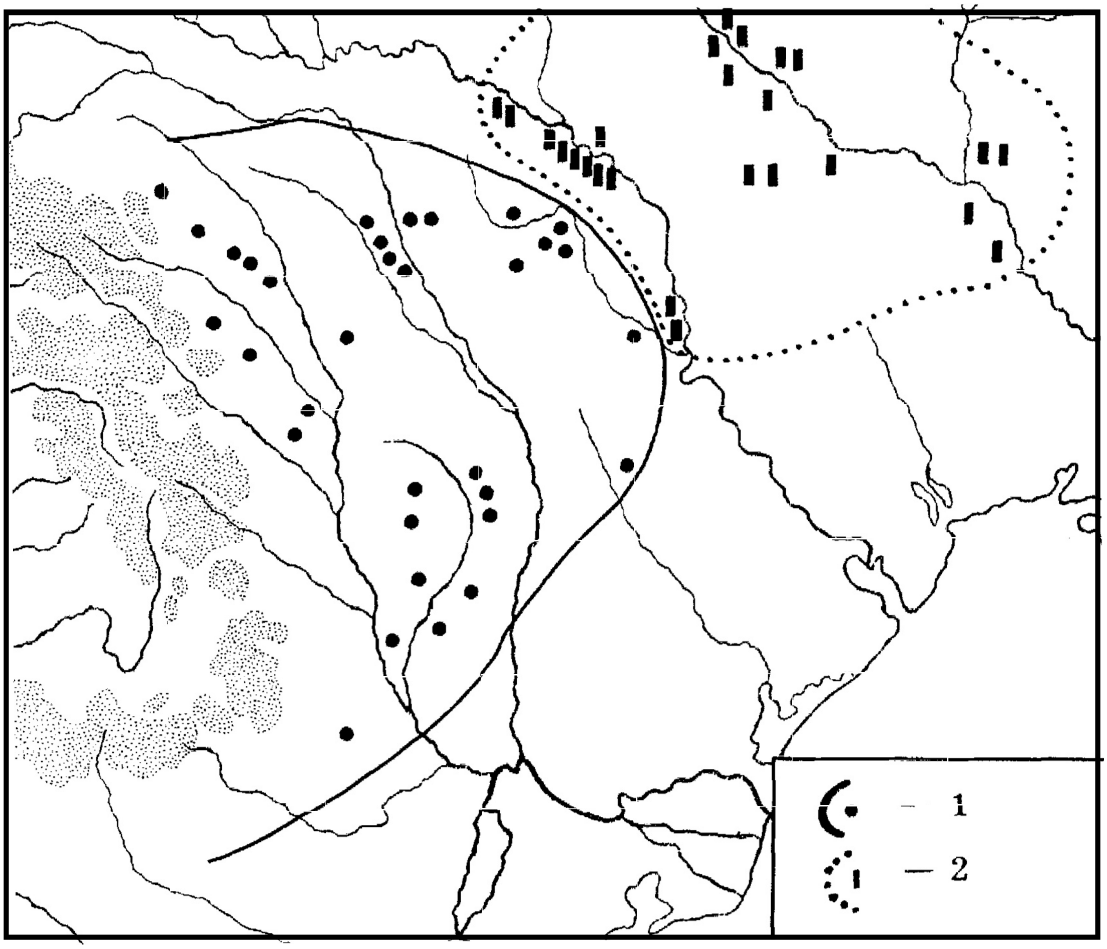



*Рис. 2. Основные памятники и границы культур раннего неолита Карпато-Поднестровья. 1- культура Старчево-Криш; 2- Буго-Днестровская культура.*

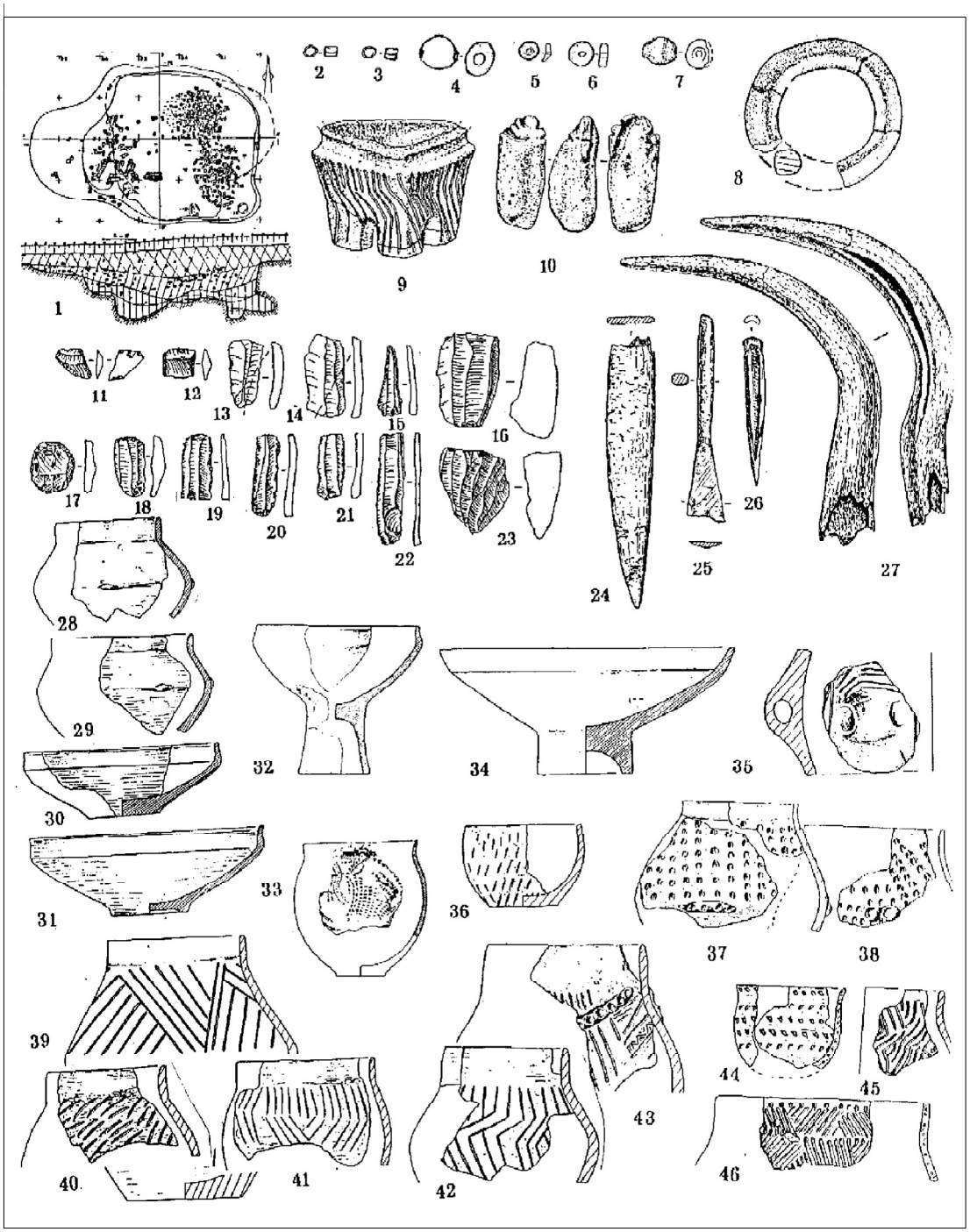


*Рис. 3. Материалы культуры Криш Молдовы. 2-4 -медь, 5-10,28-46 — глина, 11-23 — кремень, 24-27 — кость (32-33 по В.И.Маркевичу). Масштабы разные.*

Сатмар или культура древнейшей Альфельдской линейно-ленточной керамики, а несколько западнее — в Среднем Подунавье — формируются древнейшие горизонты культуры Линейно-Ленточной керамики.

С распространением культуры Старчево-Криш связано проникновение производящих форм хозяйствования и к востоку от Карпат, в Попрутье и Поднестровье (Рис. 2). Применительно к территории румынской Молдовы памятники этой культуры известны давно и исследованы достаточно полно. Открыты более полусотни памятников. Многие из них подвергнуты стационарным раскопкам (Валя Лупулуй, Сучава, Трестияна и др.). Различные аспекты этой культуры освещены в ряде обобщающих работ (Comşa 1978; 1987; Ursulescu 1984). Менее известна эта культура для междуречья Прута и Днестра, т.е. территории республики Молдова, которая долгое время рассматривалась как входящая в ареал исключительно Буго-Днестровской культуры (Маркевич 1974: 13).

Между тем, как сейчас установлено, территория Молдовы также входила в ареал культурной общности Старчево-Криш, составляя крайне восточную периферию распространения последней (Dergachev, Sheratt, Larina 1991). Благодаря исследованиям последних лет, ныне здесь известно более 10 памятников этой культуры (Larina 1994: 47; 1994a; Ларина и др. 1997). Они занимают лесостепные районы, главным образом, междуречья Среднего Прута и Реута — правого притока Днестра. Раскопки проведены на поселениях Селиште, Биличений Ной 1, Виишоара 1 и особеннозначительные на поселении Сакаровка 1, где исследовано более 10 тыс. кв.м. площади с многочисленными сооружениями и богатой коллекцией различных материалов (Рис. 3).

Поселения обычно занимают склоны высоких плато с тонким слоем ранее образовавшегося чернозема. Они имеют небольшие размеры (1-2 га) и включают до 15-20 жилищ. Это остатки долговременных, углубленных в грунт землянок (Рис.3: 1) или полуземлянок с глинобитными сводчатыми печками или недолговременные легкие наземные конструкции с открытыми очагами. Кремневый инвентарь (Рис. 3: 11-23) из местного сырья включает небольшие призматические или конусовидные нуклеусы, которые часто использовались вторично как отбойники или ретушеры. Среди заготовок преобладают малые и мелкие отщепы. Они применялись в качестве вкладышей к режущим орудиям или же шли на изготовление концевых, округлых или боковых скребков. Пластин относительно меньше, но они чаще подвергались вторичной обработке. Изготавливали вкладыши серпов «карановского» типа, концевые скребки, проколки, сверла, резцы. Изредка встречаются геометрические формы: трапециевидные, ромбовидные с крутой ретушью со стороны спинки. Из сланца изготовлены трапециевидные или подпрямоугольные тесла, из песчаника — зернотерки, краскотерки и абразивы. Разнообразны изделия из кости (Рис. 3: 24-27): лопаточки-шпатулы, лощила, проколки и иглы, ножи. Клыки кабанов использовали в качестве ножей, а рог благородного оленя — на изготовление молотков, мотыг и оправ для составных серпов. Керамика (Рис. 3: 28-43) плоскодонная с примесью растительности, реже — шамота, с ангобированной поверхностью. Среди кухонной посуды преобладают горшки с более или менее округлым туловом с суживающейся к устью воронковидной горловиной. Имеются двуручные амфоры, сковородки с высоким бортиком, массивные котлы. Для большинства этих форм характерен углубленный орнамент (резной, продавленный или процарапанный острым орудием, ногтевые вдавления или защипы), иногда сочетающийся с рельефными налепными валиками. Столовая посуда отличается мелкоструктурностью глиняной массы и обычно тщательно пролощенной поверхностью. Она лишена орнамента и лишь на отдельных формах имеются слабо выступающие налепные ручки-упоры. Характерные формы: реберчатые миски с прямым или профилированным венчиком, приземистые чаши с округло-реберчатым туловом и коротким вертикальным венчиком. Они плоскодонны или же снабжены невысоким кольцевидным поддоном. Сполна представлены обломки «фруктовниц» с высокой полой ножкой. Изредка встречаются черепки с явными следами росписи в виде широких красновато-коричневых полос. И на поселении Сакаровка 1, и, в меньшей степени, на поселении Виишоара 1 обнаружено незначительное число обломков керамики, характерной для Буго-Днестровской культуры (Рис.3: 44-46). Это фрагменты плоскодонных, в одном случае, возможно, круглодонного, горшков, отличающихся примесью толченной ракушки в тесте, а также своеобразным, покрывающим всю поверхность сосудов, орнаментом. Из иных изделий можно отметить частые находки обломков глиняных браслетов, глиняные бусы разных форм, подвески из кости. Обращают внимание древнейшие для нашей территории находки медных кованных бус с поселения Селиште (Рис.3: 2-4), а также происходящие с поселения Сакаровка треугольный в плане глиняный алтарик (Рис. 3: 9) и две несколько аморфные, по видимому, антропоморфные глиняные фигурки, насквозь пронизанные в нескольких местах тонкой иглой (Рис.3: 10). Палеоботаническими определениями З.В.Янушевич и Н.Н.Кузьминовой отпечатков злаковых и в особенности, благодаря большой коллекции обугленных материалов с поселения Сакаровка I (Кузьминова, Дергачев, Ларина 1998), для этой культуры засвидетельствованы несколько видов пшеницы (*Triticum monococcum, T. dicoccum, T. spelta, T. compectum*) , ячменя (*Hordeum vulg. vulg,hulled, H. vulg. vulg. nked.*), просо, овес, а также горох. Представительна коллекция косточковых: слива, алыча, вишня-черешня, виноград с явными, по мнению Н.Н. Кузьминовой, признаками окультуривания. Среди фаунистических остатков преобладают кости домашних животных (85% костей или 77,7% особей). Это: крупный рогатый скот, свинья и мелкий рогатый скот. По данным А.И. Давида, как будто бы имеются и кости одомашненной лошади. Дикие животные: благородный олень, косуля, свинья, реже — тур, лось, медведь, лиса и др. По совокупности данных первые проникновения носителей рассматриваемой культуры на территорию Молдовы, по видимому, относятся еще к 3 фазе культуры Криш (Виишоара 1). Но большинство памятников, как и поселение Сакаровка, вне сомнения соотносятся с финальной — 4 фазой этой культуры. Об этом, в частности, свидетельствуют многочисленные параллели с материалами группы Сатмар, а также единственная пока что, извес-

тная для поселения Сакаровка 1, дата по $C_{14}$ — Bln 2425 = 4700 ± 50 до н. э.

По мнению румынских специалистов, проникновение носителей культуры Старчево-Криш в Восточном Прикарпатье происходило двумя путями из двух разных районов (Comşa 1978: 33; 1987: 26; Ursulescu 1984: 31, 35-36). Часть населения, носители старчевских традиций, передвигались из Юго-Восточной Трансильвании через южный — Брецкий перевал и из Мунтении, в обход южной оконечности Восточных Карпат, оседая в низовьях Сирета и Прута. Другая же группа, с кереш-кришскими традициями, шла по верхней — Сучавской дороге из Центральной Трансильвании и верховьев Тисы в районы среднего и верхнего течения Сирета и Прута. С последней группой определенно связывается и происхождение памятников Молдовы.

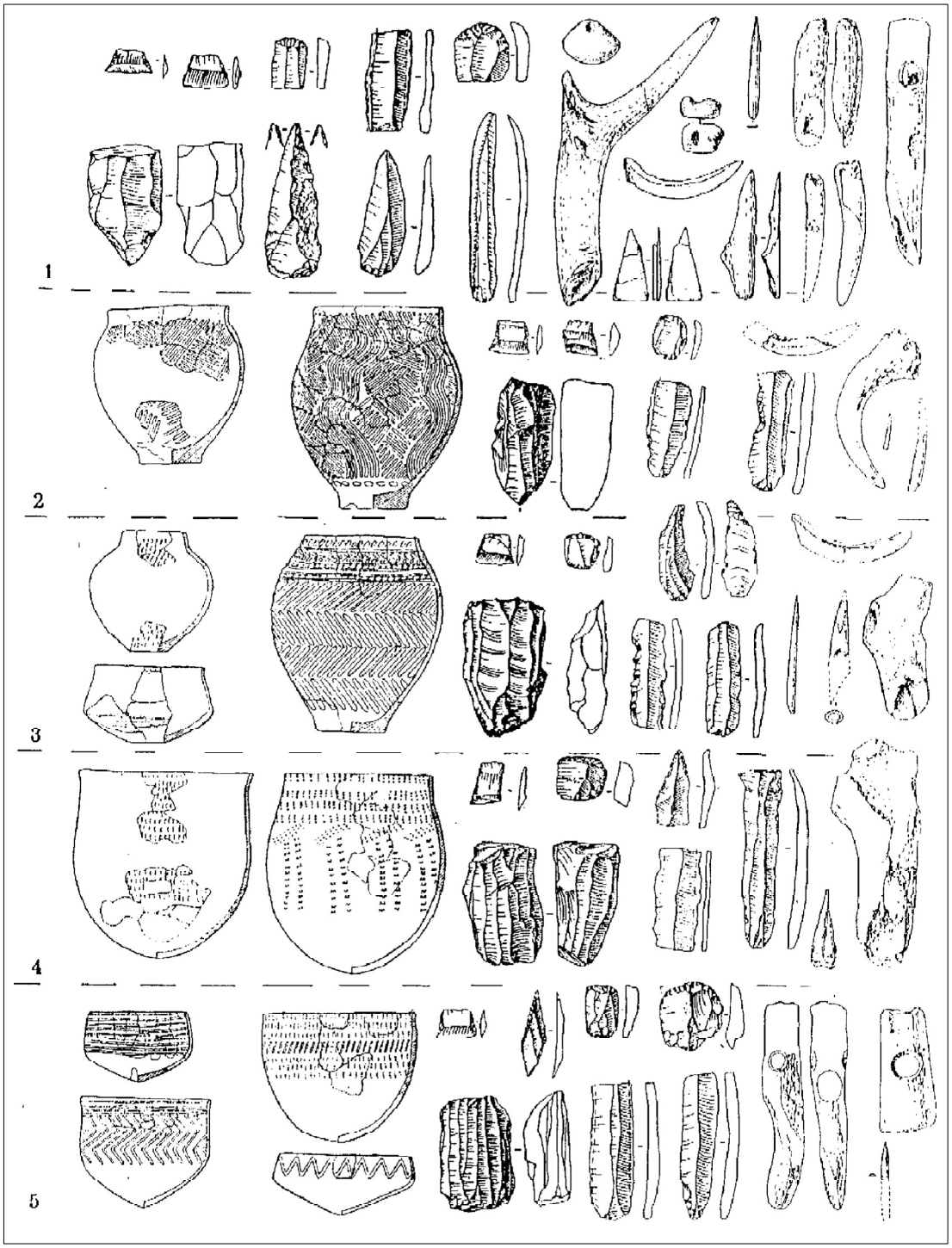



*Рис. 4. Материалы Буго-Днестровской культуры. Сорокская группа памятников. Фазы 1 — 5 (по В.И. Маркевичу). Масштабы разные.*

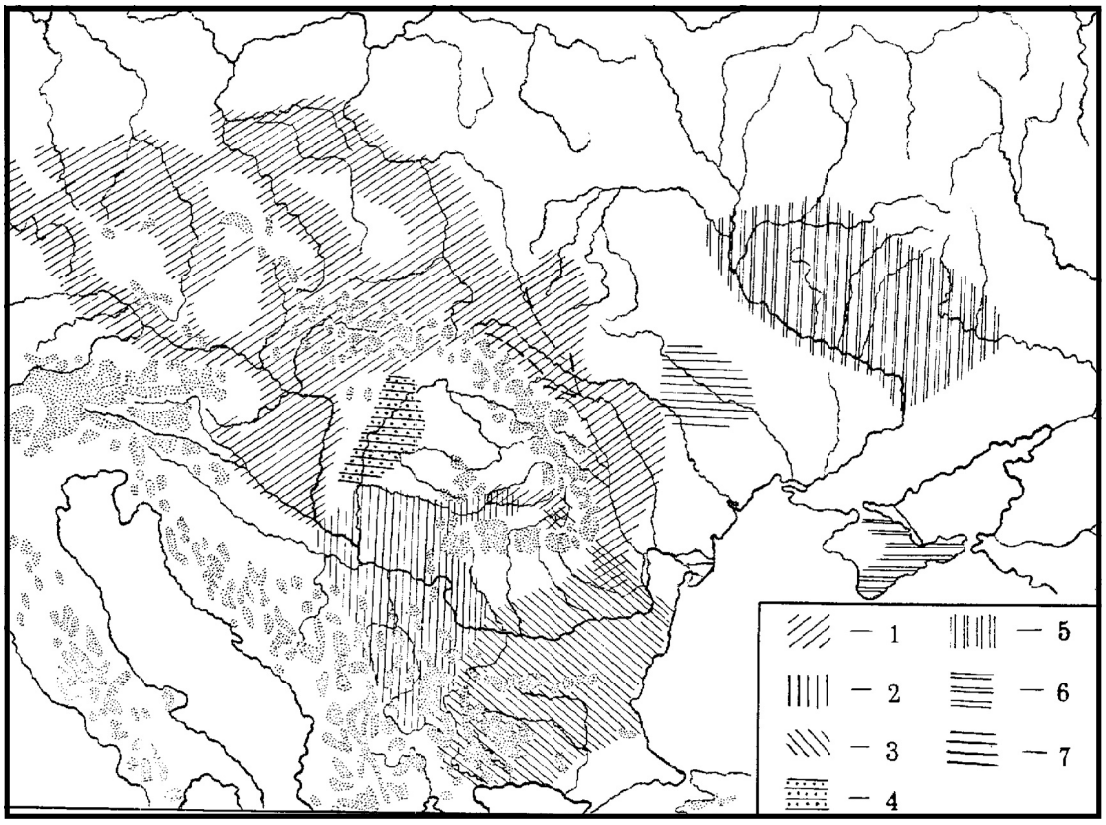



*Рис. 5. Культурные общности позднего неолита: 1 — общность Линейно-Ленточной керамики (младшая фаза); 2 — культура Винча-Турдаш; 3 — общность раннего энеолита Фракии ( по Х. Тодоровой); 4 — культура Сакалхат-Бюкк; 5 — Днепро-Донецкая культура; 6 — Крымская культура; 7 — Буго-Днестровская культура.*

Проникновение и расселение носителей культуры Старчево-Криш в Карпато-Поднестровье, приведшее к установлению здесь новых прогрессивных форм хозяйствования, сопровождалось оформлением на ее северо-восточной периферии широкой полосы интенсивного взаимодействия с местными позднемезолитическими племенами Поднестровья и Побужья и с культурными импульсами, исходящими из более отдаленных восточных областей Поднепровья и Приазовья. Результатом этого процесса было возникновение новой оригинальной — Буго-Днестровской культуры.

Буго-Днестровская культура (Даниленко 1969: 46; 1985; Маркевич 1974; 1987: 41) занимала междуречье среднего течения Южного Буга и Днестра. Согласно В.И.Маркевичу, она распространялась на всю лесостепь Молдовы до Прута, однако, как сейчас установлено, ее ареал включал лишь Приднестровские районы Правобережья, не заходя вглубь междуречья (Рис. 2: 2). Культура включает два локальных варианта: днестровский и южнобугский. Каждый из них представляет по пять последовательно сменявшихся, синхронных между собой, хронологических фаз. Главная особенность Буго-Днестровской культуры — это ее синкретичность, что обусловлено участием в ее генезисе трех различных компонентов: местного — мезолитического, юго-западного — старчево-кришского и восточного — лесостепного. Для разных этапов и вариантов культуры значение этих компонентов было неодинаковым. Исследованиями В.И.Маркевича в Поднестровье засвидетельствовано, что поселения этой культуры были недолговременными и имели небольшие размеры. Они располагались в пойменных отложениях на узких речных террасах. Жилища были наземными или с незначительным углублением в грунт, с кострищами или очажными ямами. Первая фаза культуры отличается сильно выраженными мезолитическими чертами, проявившимися в кремневом инвентаре, и отсутствием керамики (Рис. 4: 1). Хозяйство на этом этапе имело традиционный присваивающий характер (рыболовство, охота, собирательство), хотя появляются и первые признаки разведения домашней свиньи и крупного рогатого скота. Датируется эта фаза второй половиной 6 тыс. до н.э. На последующих фазах Буго-Днестровская культура существенно обогащается, главным образом, за счет юго-западных кришских влияний. Неуклонно возрастает значение земледелия и животноводства. Обновляется инвентарь (Рис. 4: 2-5) поселений: возрастает число вкладышевых орудий, появляются шлифованные каменные топоры и тесла, увеличивается число каменных зернотерок, роговых мотыг, по-

являются мотыги с поперечным лезвием. Среди костей животных возрастает удельный вес домашних видов. Важным обстоятельством было появление керамической посуды. На 2 и 3 фазах доминирует плоскодонная посуда из массы с примесью растительности. По формам она подражает кришским традициям. Орнаментирована она прямолинейными или волнистыми углубленными полосами, ногтевыми вдавлениями. Имеются и типично кришские реберчатые чаши. На поздних фазах эта керамика уступает место остро- или круглодонной с примесью растительности, толченной ракушки, реже — песка или графита, появившейся под влиянием Днепро-Донецкой культуры. Практикуется орнамент, выполненный зубчатым штампом, гребенкой. Судя по взаимным керамическим импортам и по радиоуглеродным определениям, 2-3 фазы этой культуры совпадают по времени с развитием культуры Криш в Среднем Попрутье и датируются первой половиной 5 тыс. до н.э. Финальные фазы ее развития, по видимому, одновременны культуре Линейно-Ленточной керамики и соответствуют второй половине указанного тысячелетия. Судя по материалам поселения Пугач, содержащего раннетрипольскую импортную керамику (Шапошникова, Товкайло 1989: 93), развитие Буго-Днестровской культуры на Южном Буге продолжалось вплоть до финальных этапов раннего Триполья.

Периферийное развитие культуры Старчево-Криш в Карпато-Поднестровье совпало по времени с началом распада некогда относительно единой общности раннего неолита Юго-Восточной Европы (Рис. 5). В начале 5 тыс. до н.э. Старчевская культура сменяется общностью Винча-Турдаш, распространившейся в Югославии, Банате, низовьях Тисы и Центральной Трансильвании (Garasanin 1958; Brukner 1968; Lazarovici 1979 ). Чуть позже, пройдя ряд

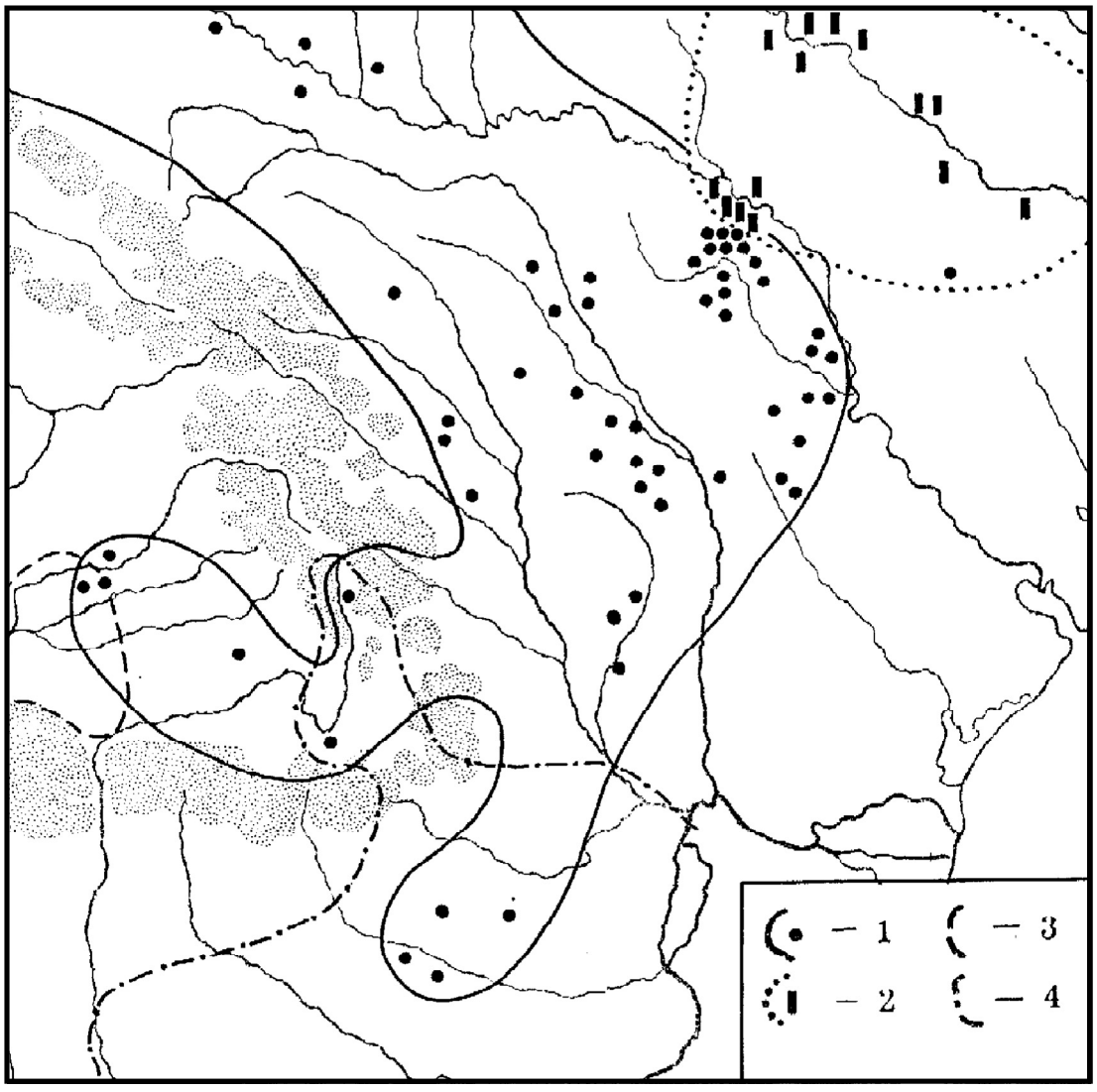



*Рис. 6. Основные памятники и границы культур позднего неолита Карпато-Поднестровья. 1 — культура Линейно-Ленточной керамики; 2 — Буго-Днестровская культура; 3 — культура Турдаш; 4 — культура Боян-Джулешть.*

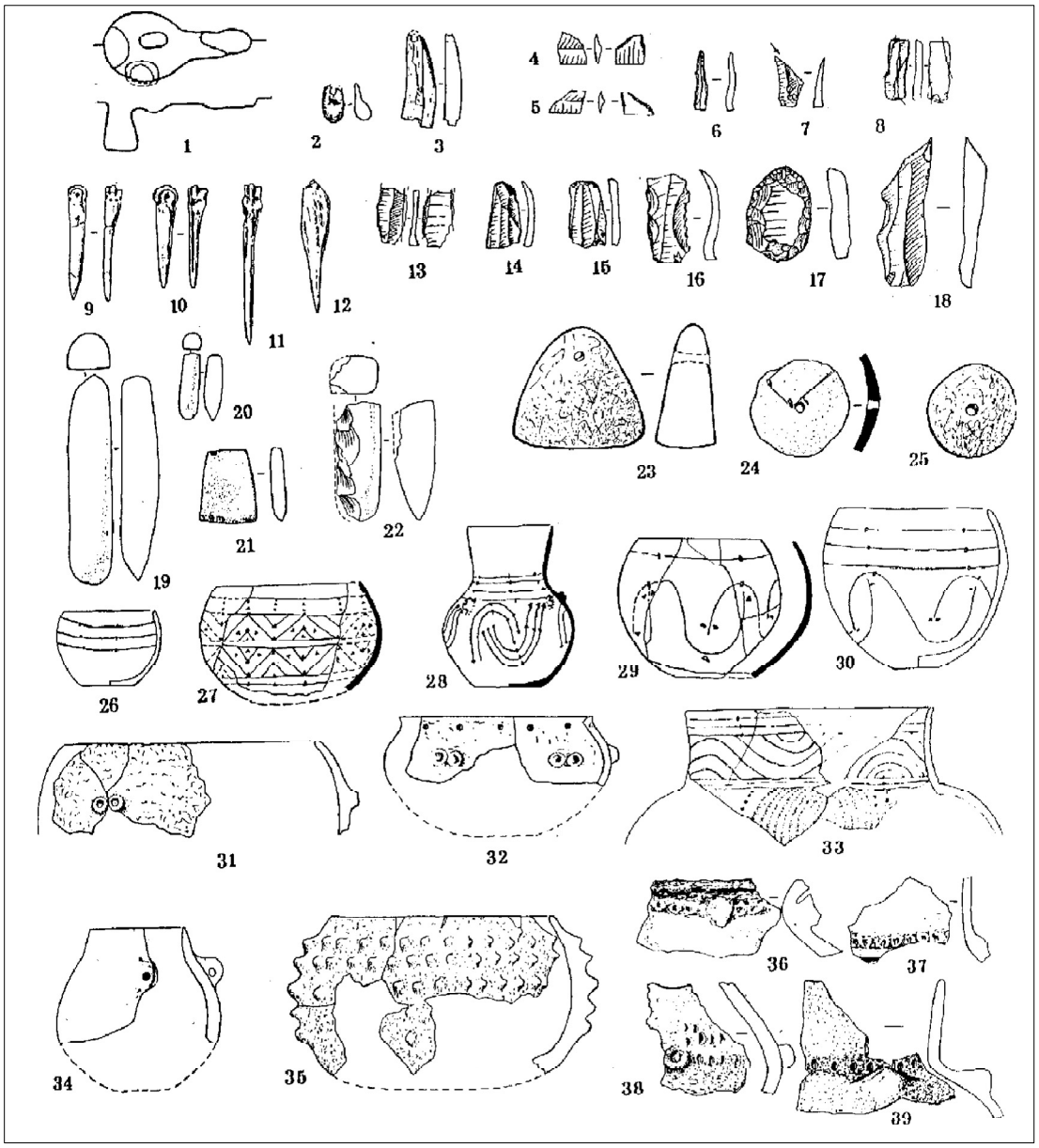


*Рис. 7. Материалы культуры Линейно-Ленточной керамики Молдовы. 2-3,9-12 — кость, 4-8,13-18 — кремень, 19-22 -сланец, 23-39 — глина (по О.В. Лариной). Масштабы разные.*

промежуточных звеньев, на нижнем Дунае и в Болгарии формируется общность раннего энеолита Фракии (по периодизации Х. Тодоровой), включающая культуры Боян, Поляница, Сава и др. (Comşa 1974; Тодорова 1986: 18, 97). Еще более значительной по протяженности была общность культуры Линейно-Ленточной керамики. С этой общностью связывается зарождение и распространение хозяйственно-культурного типа мотыжных земледельцев, специфичного для условий умеренной зоны Средней Европы (Чебоксаров, Чебоксарова 1971: 193; Решетов 1980: 40). Возникнув в середине 5 тыс. до н.э. в Среднем Подунавье, на поздней — младшей фазе развития — эта культурная общность распространилась на всю Среднюю Европу (Müller-Karpe 1968, 115), распавшись на две большие территориальные группы: западную и восточную. Первая из них охватила Восточную Францию, Нидерланды, Германию, Чехию и часть Моравии. Вторая распространилась в Юго-Западной Словакии, Западной Венгрии, Восточной Австрии, части Моравии, Малопольше и Юго-Западных областях Восточной Европы.

Одной из зон проникновения культуры Линейно-Ленточной керамики было Карпато-Поднестровье (Рис. 6). Сейчас здесь известно порядка 200 памятников этой культуры. Большие группы памятников открыты на Верхнем Днестре на Украине, в Молдове (Пассек, Черныш 1963; Захарук, Телегин 1985; Ларина 1988; Larina 1994: 51) и в восточных областях Румынии (Comşa 1959; 1987: 37; Vlassa 1959; Teodorescu 1966). В Карпато-Поднестровье ком-

плексы этой культуры полностью перекрывают ареал ранее бытовавшей культуры Криш. Они распространяются на всю лесостепную зону и, как установлено О. Лариной (Larina 1994: 52) , они обычно гнездятся группами, расположенными на низких речных террасах и приурочены к наиболее плодородным пойменно-луговым почвам. Площадь поселений колеблется от 1 до 4-5 га. Содержат остатки углубленных в почву жилищ (Рис. 7: 1 ) и только изредка — наземные с глинобитными печками или открытыми очагами или кострищами. Кремневый инвентарь (Рис.7: 4-8, 13-18) в целом мало чем отличается от инвентаря культуры Старчево-Криш, хотя он более разнообразен (Коробкова 1987: 165). Встречаются изделия из обсидиана. Чаще чем в ранненеолитических культурах обнаруживают каменные зернотерки. Появляются глиняные прясла и грузила (Рис.7: 23-25). Среди каменных орудий специфичны колодкообразные долота и тесла (Рис. 7: 19-20). Своеобразна керамика (Рис. 7: 26-39). Столовая посуда из плотной массы с примесью растительности тщательно заглажена или залощена. Орнаментирована прочерченными линиями в сочетании с округлыми или овальными наколами — нотным орнаментом. Кухонная посуда из грубой массы в основном повторяет формы столовой посуды. Характерен орнамент в виде насечек, ногтевых вдавлений, налепные рельефные валики. Хозяйство носителей этой культуры носило комплексный характер с возросшим, по сравнению с предшествующим периодом, значением животноводства и земледелия (Larina, Kuzminova 1994). На основании серии элементов, характерных для керамики групп Желиз и Шарка, а также радиоуглеродных определений, памятники Карпато-Поднестровья рассматриваются как позднейшие в системе культуры Линейно-Ленточной керамики с нотным орнаментом, и время их бытования определяется последней четвертью 5 тыс. до н.э.

Согласно мнению большинства специалистов (Dumitrescu V, Balomei, Mogoşanu 1983: 66, 95; Comşa 1987: 38; Ursulescu 1990: 9; Larina 1994: 51, 57), переселение носителей этой культуры с территории современной Словакии шло через Моравские ворота, в обход северной оконечности Восточных Карпат, через территорию Малопольши, в Верхнее Поднестровье и далее на юг — в Посиретье, Попрутье и, в конечном счете, в среднем Поднестровье. Кроме того, небольшие группы носителей этой культуры с низовьев Сирета и Прута, через нижний Брецкий перевал, проникли в Юго-Восточную Трансильванию, а отчасти, в обход южной оконечности Восточных гор — в Мунтению. Вопрос о соотношении пришлого населения со своими предшественниками — носителями культуры Старчево-Криш пока что остается открытым. Хотя, как отмечает Н.Урсулеску, присутствие на памятниках культуры Линейно-Ленточной керамики большого процента кухонной керамики может быть объяснено лишь за счет влияний последней (Ursulescu 1984: 40). Гораздо лучше документированы взаимодействия этой культуры с носителями Буго-Днестровской культуры. Об этом свидетельствует взаимная импортная керамика — фрагменты линейно-ленточной керамики на поселениях Буго-Днестровской культуры Сороки V, Базьков Остров, и наоборот — фрагменты буго-днестровской керамики, обнаруженные на поселении культуры Линейно-Ленточной керамики у Новых Русешт (Маркевич 1974: 130). Об интенсивном взаимодействии этих культур говорят, в частности, и материалы поселения культуры Линейно-Ленточной керамики Майнова Балка, открытого в глубинных районах ареала Буго-Днестровской культуры (Дворянинов 1982). То ли в результате этих взаимодействий, то ли в силу адаптации к местным условиям или периферийности региона, культура Линейно-Ленточной керамики Карпато-Поднестровья обретает ряд локальных особенностей, резко отличающих ее от культурных групп на ее исходной территории. Главные из них: отсутствие крупных наземных домов со сложной столбовой конструкцией и отсутствие погребальных комплексов. Одновременно с частичным проникновением носителей этой культуры в Юго-Восточную Трансильванию и Мунтению устанавливаются контакты как с племенами культуры Винча и Чумешты, так и с носителями культуры Дудешты. Эти взаимодействия сопровождаются распространением взаимных импортов, в особенности винчанской керамики, известной вплоть до Днестра на поселениях Флорешты, Цыра, Торское (Пассек, Черныш 1963: табл. 13,18-19; табл. 15,6; табл.25,13-15). В Мунтении, где контакты имели более устойчивый характер, процесс взаимодействия сопровождается появлением памятников типа Судиць и, в конечном счете, содействовал сложению культуры Боян (Teodorescu 1966; Comşa 1974: 228; Dumitrescu V., Balomei, Mogoşanu 1983: 94).

Культура Боян представляет крайне северную периферийную группу большой, уже упомянутой, фракийской этнокультурной общности (Тодорова 1986: 97). Эта культура сложилась в низовьях Дуная и на ранней фазе занимала главным образом лишь центральные районы Мунтении. Но уже на второй фазе — Джулешты ее ареал резко расширяется, охватывая территорию от Олта до устья Сирета включительно Юго-Восточную Трансильванию (Comşa 1974: 32, fig. 10). Проникнув в верховья Олта, а оттуда, через Брецкий перевал, в низовья Сирета, пришлое население взаимодействует с местными племенами культуры Линейно-Ленточной керамики. Процесс этот завершается появлением в указанных районах памятников типа Прекукутень 1, фиксирующих, с одной сторо-

ны, конец культуры Линейно-Ленточной керамики, а, с другой — начало формирования культуры Прекукутень-Кукутень-Триполье, развитие которой знаменует переход к эпохе энеолита.

Как следует из изложенного, уже с эпохи неолита Карпато-Поднестровье отчетливо выступает зоной соприкосновения и взаимодействия между тремя крупными, различными по происхождению, культурно-историческими общностями. С Балканами и Карпато-Подунавьем связано происхождение общности Старчево-Криш, распространившейся в раннем неолите на лесостепные районы от Восточных гор до р.Реут. А несколько позже, в позднем неолите, вся эта территория включается в ареал центральноевропейской по происхождению общности культуры Линейно-Ленточной керамики. Проникновение и развитие этих общностей в крайне западных областях Восточной Европы ознаменовали собой установление и закрепление здесь ранних форм производящего хозяйства. Вместе с тем, они обусловили передачу этих навыков местному позднемезолитическому населению, предопределив формирование и развитие Буго-Днестровской культуры.

Составляя обширную контактную зону между отмеченными общностями, Карпато-Поднестровье уже с эпохи неолита, обнаруживает более дробные контактные области или районы, приуроченные обычно к периферии культурных ареалов, и изменяющиеся по мере эволюции последних или с их сменностью. На момент проникновения носителей культуры Старчево-Криш область их взаимодействия очевидно распространялась на всю лесостепную часть Среднего Прута, Днестра и, возможно, вплоть до Южного Буга. С неолитизацией же Буго-Днестровской культуры (2-3 фазы) область их контакта сужается, охватывая, главным образом, лишь междуречье Реута и среднего Днестра. Ничего определенного нельзя сказать о ситуации на северной периферии ареала культуры Криш, ибо неолитические памятники Верховьев Прута и Днестра практически еще не исследованы. То же самое относится и к юго-восточной периферии Карпато-Поднестровья, где, несмотря на хорошую обследованность степных районов Молдовы и Одесской области, неолитические памятники совершенно не известны. Но в этом случае сам факт соответствия границ культуры границам лесостепного ареала, явно выдает значимость природного фактора как в формировании ареала культуры, так и в образовании межконтактных культурных территорий.

В позднем неолите, с распространением культуры Линейно-Ленточной керамики, сохраняет контактный характер область Среднего Поднестровья и Побужья. Неизменной остается ситуация на стыке со степными районами юга Молдовы и Украины. Но новые контактные районы формируются в Мунтении и в Юго-Восточной Трансильвании, где носители культуры Линейно-Ленточной керамики взаимодействуют в первом случае с носителями культуры Дудешть, а во втором — с общностями Карпатского бассейна. На финальных этапах неолита, с проникновением в верховья Олта носителей культуры Боян-Джулешты, сложившийся здесь ранее контактный район модифицируется и охватывает как крайне юго-восточные районы Трансильвании, так и крайне западные районы румынской Молдовы.

Заслуживает внимание то обстоятельство, что практически все новые культурные образования, возникшие в результате взаимодействий основных крупных культурно-исторических общностей этого периода, как правило, приурочены к контактным областям или районам. Это касается и Буго-Днестровской культуры и культуры Боян и, в конечном счете, культуры Прекукутень.

И последнее. Уже в эпоху неолита явственно определились основные пути передвижения населения и передачи культурных импульсов из Юго-Восточной и Центральной Европы в Карпато-Поднестровье или шире — Восточную Европу, и наоборот. Это дорога в обход южной оконечности Восточных Карпат и межгорный путь через Брецкий перевал. Этими путями воспользовались и носители Старчевских традиции при их проникновении в Посиретье и Попрутье, и носители культуры Линейно-Ленточной керамики, проникшие отчасти в Мунтению и Юго-Восточную Трансильванию. Верхней — Сучавской межгорной дорогой — воспользовались носители культуры Криш при их переселении из Центральной Трансильвании и Верхнего Потисья в районы Среднего Попрутья. Наконец, в обход северной оконечности Восточных Карпат и далее вниз по Пруту шло передвижение носителей культуры Линейно-Ленточной керамики при их переселении в Карпато-Поднестровье.

## Культурная ситуация в эпоху энеолита

В широком культурно-историческом плане энеолит ознаменовал собой дальнейшее расширение ареала производящего хозяйства (Рис. 8). Для Восточной Европы это время окончательного оформления Кавказского (Мунчаев 1982) и Юго-Западного (Черныш, Массон 1982) центров древнего земледелия. Одновременно под их влиянием, сообразно природным условиям, на обширных просторах степной и отчасти лесостепной зон от Волго-Каспия до Днепра складывается хозяйственно-культурный тип полуподвижных скотоводов (Мерперт 1961; 1974; 1982). Зарождение скотоводческого хозяйства означало не только освоение ранее полуобжи-

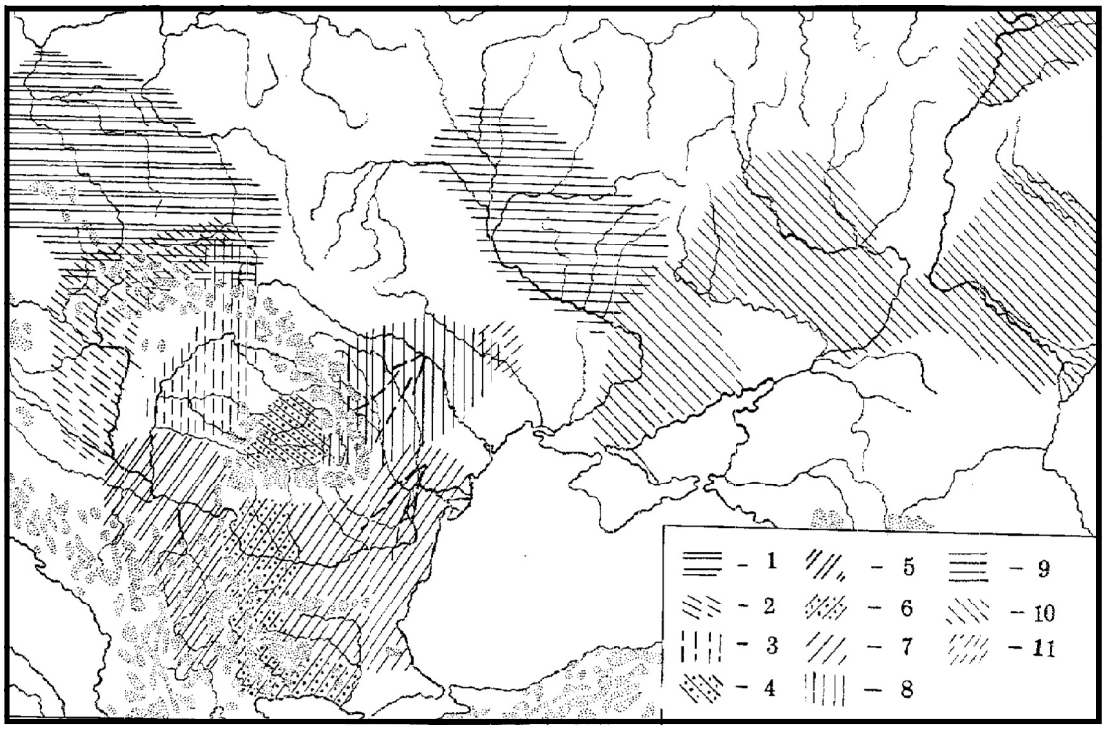



*Рис. 8. Культурные общности раннего энеолита: 1 — общность Линейно-Накольчатой керамики; 2 — культура Лендель 1-2; 3 — культура Тисса; 4 — культура Петрешть; 5 — культура Винча-Плочник; 6 — культура Криводол-Сэлкуца; 7 — общность среднего энеолита Фракии (по Х. Тодоровой); 8 — культура Прекукутень-Триполье А; 9 — Днепро-Донецкая культура; 10 — Мариупольская общность; 11 — Буго-Днестровская культура.*

тых степных просторов Евразии. Оно привело к дальнейшему усилению общественного разделения труда между земледельческими и скотоводческими общинами; вызвало к жизни целый комплекс качественно новых социальных, экономических и культурных факторов, обусловивших последующую специфику развития степного ареала, а в значительной степени и особенности развития соприкасающихся с ними земледельцев.

В Карпато-Поднестровье энеолит соответствует развитию, главным образом, культуры Прекукутень-Триполье. Культура органически связана с общностями неолита Карпато-Подунавья и составляет крайне северо-восточную периферию единого в культурно-хозяйственном отношении древнеземледельческого ареала Юго-Восточной Европы. Вместе с тем, благодаря внутреннему развитию, длительному существованию и широкому территориальному распространению, она выступает в качестве самостоятельной культурно-исторической общности, развивавшейся под большим или меньшим воздействием и южных, и западных, и восточных влияний. Эта общность просуществовала с конца 5-начала 4 тыс. до начала второй половины 3 тыс. до н.э., пройдя три основных периода развития, соответствующих: раннему — Прекукутень-Триполье А; среднему и позднему энеолиту — Кукутень А, АВ, В — Триполье Б, СУ 1 и периоду перехода от энеолита к эпохе бронзы — Хородиште-Фолтешть — Триполье СУ 2. Каждый из этих периодов отличается заметными культурными изменениями, в общих чертах совпадающими по времени с культурными преобразованиями окружающих Кукутень-Триполье общностей. Поэтому культурная и контактная ситуация, сложившаяся в интересующих нас областях, будет рассматриваться по трем хронологическим срезам: раннему, среднему-позднему энеолиту и периоду перехода от энеолита к эпохе бронзы.

### Период раннего энеолита

Как уже отмечалось, культура Кукутень-Триполье возникла в результате взаимодействия носителей культуры Боян-Джулешты с племенами культуры Линейно-Ленточной керамики. Сформировалась она в районах, приуроченных к Брецкому горному перевалу, включающих верховья Олта в Юго-Восточной Трансильвании и среднее течение Сирета в румынской Молдове, где сконцентрированы еще немногочисленные памятники типа Прекукутень 1.

Ранний период культуры (Marinescu-Bîlcu 1974; Черныш, Массон 1982; Збенович 1989) охватывает время с конца 5 — начала 4 до, приблизительно, второй четверти 4 тыс. до н.э. За это время носители этой культуры распространились от Карпат до левобережья среднего те-

чения Южного Буга (Рис. 9). Поселения (Dergacev 1993: 102) обычно имеют небольшие размеры (1—1,5 га), включают остатки 10-15 жилищ, занимают низкие или высокие, как правило, открытые места без искусственных фортификационных сооружений. Практиковались жилища-землянки, полуземлянки или наземные дома, стены которых сооружались из плетня, обмазанного глиняным раствором. В конце периода появляются жилища с полом, выложенным глиняными валиками или раствором, нанесенным непосредственно на землю или на плетень. Они включали по несколько комнат, которые отапливались открытыми очагами или сводчатыми печами. Жилища спланированы по кругу, рядами или группами.

Поселения характеризуются разнообразными кремневыми, каменными и костяными изделиями, которые на первых порах имеют еще сильно выраженный неолитический облик. К концу периода намечается увеличение размеров кремневого инвентаря. Появляются единичные экземпляры наконечников стрел и дротиков. Из твердых пород камня или сланцев изготавливались топоры, тесла и долотца. Важным для этого периода было появление и относительно широкое распространение изделий из меди (Рындина 1971: 47; 1998: 126 и след.; Черных 1966: 53). Первоначально металлические изделия, очевидно, импортировались в готовом виде из Балкано-Подунавья. Однако уже к концу периода, как показывает самостоятельный анализ источников, в ареале этой культуры возникают два самостоятельных очага металлообработки, действовавших, по видимому, на базе местного сырья, в бассейне среднего течения Сирета и в междуречье верховьев Прута и Днестра. Металлический комплекс этой поры (Рис. 10: 4-8) имел, главным образом, престижный характер и включал преимущественно предметы культа и украшения. Среди орудий труда преобладают мелкие изделия, но к концу периода все чаще встречаются топоры-молоты типа Плочник, топоры-тесла типа Котяна. Наиболее полное представление о металле этого периода дает клад из Карбуны, содержавший более 400 медных изделий (Сергеев 1963; Дергачев 1998).

Керамика раннего периода (Рис. 10: 9-28) на первых порах содержит многие черты, унаследованные от предшествующих ей неолитических культур. Постепенно эти черты вытесняются, перерабатываются, сменяясь относительно специфичным по технико-технологическим, морфологическим и стилистическим признакам комплексом. Он включает столовую посуду из тонкоотмученной массы с примесью песка с ангобированной пролощенной поверхностью, орнаментированную каннелюрами в сочетании с накольчатым узором (банки, чаши,

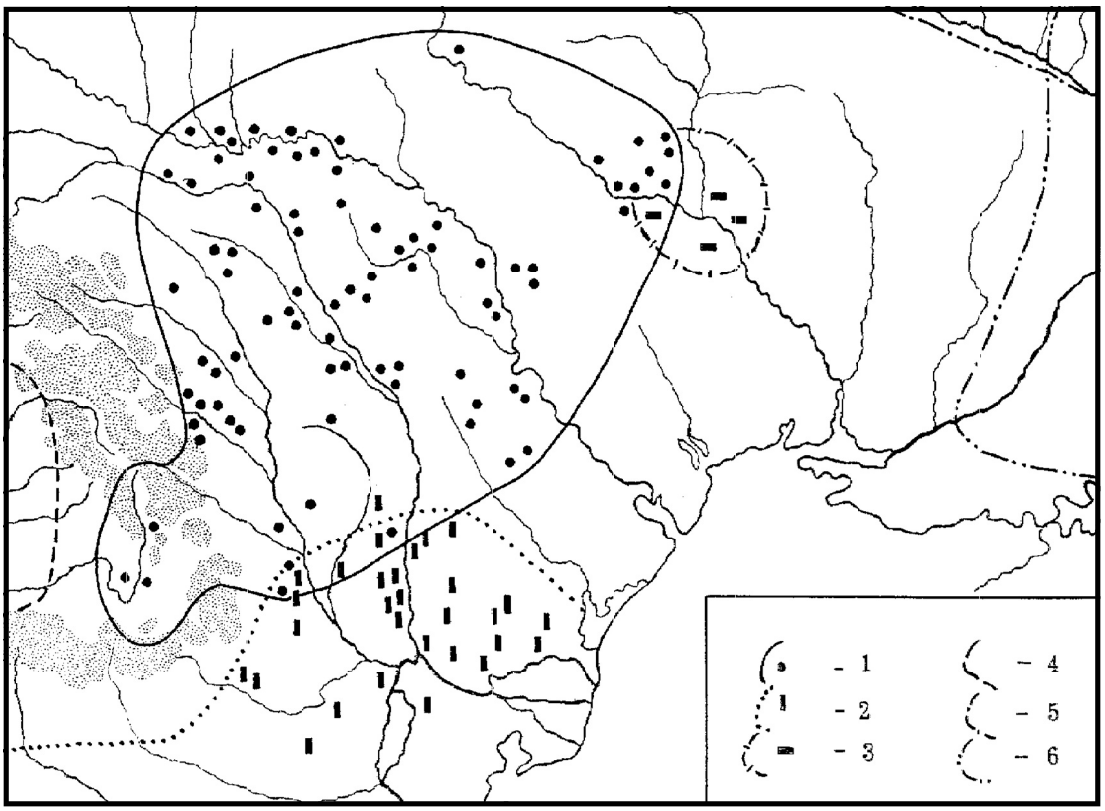



*Рис. 9. Основные памятники и границы культур раннего энеолита Карпато-Поднестровья. 1 — культура Прекукутень-Триполье А; 2 — общность Гумельница-Караново с памятниками группа Алдень 2-Болград; 3 — Буго-Днестровская культура; 4 — культура Петрешть; 5 — Днепро-Донецкая культура; 6 — Азово-Днепровская культура.*




*Рис. 10. Материалы культуры Прекукутень-Триполье А. 1-2, 9-28 — глина, 3 — кость, 4-8 — медь (по В.И.Маркевичу) . Масштабы разные.*

черпаки). Вторая группа — посуда из массы с примесью шамота и песка с более или менее тщательно обработанной поверхностью с углубленным орнаментом, образующим вычурные угловые или спиралевидные композиции (фруктовницы, чаше- и мискообразные сосуды). Углубленный орнамент часто инкрустирован белой пастой. Унаследованная от культуры Боян, эта система орнамента к концу периода исчезает. Кухонная посуда на раннем этапе изготавливалась из массы с примесью половы, позже она сменяется примесью шамота и песка. Обжиг сосудов неравномерный, поверхность грубая. Орнамент встречается редко: налепы, защипы, углубления. Керамика с белой и красной росписью, нанесенной до обжига сосудов, появляется лишь в самом конце периода. Характерна также антропо- и зооморфная пластика. Первая включает преимущественно женские, сильно схематизированные фигурки с сильно подчеркнутой стеатопигией (Рис.10: 1-2). Основой хозяйства ранних трипольцев было мотыжное земледелие и животноводство. Обе отрасли имели устойчивый характер, варьируя от памятника к памятнику. Охота, рыболовство и собирательство играли подсобную роль (Янушевич 1976; 1986; Цалкин 1970; Черныш, Массон 1982: 232; Коробкова 1987: 151).

Формирование и развитие культуры раннего Триполья совпало по времени со значительными культурными изменениями, охватившими Среднюю, Юго-Восточную и Восточную Европу (Рис. 8). В конце 5 — начале 4 тыс. до н.э. в Средней Европе культура Линейно-Лен-

точной керамики сменяется общностью культуры Линейно-Накольчатой керамики. Хотя эта культура (Kulczycka-Leciejiwiczowa 1979: 40, 95) распространилась в восточном направлении вплоть до Западного Буга (Рис. 8: 1), из-за слабой изученности полосы, разделяющей ареал культуры Линейно-Накольчатой керамики и культуры раннего Триполья, говорить что-либо о возможных контактах и взаимодействии этих культур не приходится. К отмеченному промежутку времени относится формирование в среднем Подунавье и развитие ранних этапов культуры Лендель, а в Потисье культуры Тиса (Bognar-Kutzian 1972), влияние которых уже на ранних этапах сказалось на развитии областей к северу от Дуная, а на поздних этапах определило культурную ситуацию большей части Средней Европы.

Преобразованиями были охвачены и районы Центральной Трансильвании, где культурный вариант Винча-Турдаш сменяется культурой Петрешть. Согласно ведущим специалистам, эта культура сложилась в начале 4 тыс. до н.э. на базе предшествующих ей неолитических культур (Старчево-Криш, Винча-Турдаш) и сильным южным эгейско-анатолийским влияниям (Dumitrescu V., Balomei, Mogoşanu 1983: 118; Comşa 1987: 58; Paul 1992: 117). Она занимала центральные, юго-западные и отчасти восточные районы Трансильвании. В последнем случае ее ареал непосредственно соприкасался с прекукутенскими памятниками верховьев Олта. Культура характеризуется небольшими неукрепленными поселениями, расположенными на низких речных террасах. Кремневый и каменный инвентарь обычен для раннего энеолита. Изредка встречаются медные изделия. Многочисленны женские, в редких случаях — мужские статуэтки. Среди отличительных черт этой культуры обращают на себя внимание остатки наземных домов на глиняных платформах, выложенных на бревенчатом настиле или непосредственно на земле, а также расписная моно-, би- или полихромная керамика. Интенсивные контакты и взаимодействия носителей культуры Петрешть с прекукутенским населением сполна документированы многочисленными взаимными импортами. Более того, именно с культурой Петрешть связывается восприятие ранним кукутень-трипольским населением традиций по изготовлению расписной керамики и сооружение наземных глинобитных домов на платформе. Оба этих культурных элемента, как известно, получили впоследствии широкое самостоятельное развитие на этапах среднего и позднего Триполья. Влияниями, главным образом, культуры Петрешть было вызвано также возникновение Ариушдского локального варианта общности Кукутень-Триполье в Юго-Восточной Трансильвании, т.е. в зоне наиболее активного взаимодействия рассматриваемых культур (Dumitrescu V., Balomei, Mogoşanu 1983: 114; Comşa 1987: 59; Paul 1992: 117ff).

Не менее значительными были культурные преобразования на нижнем Дунае и во Фракии, где в период раннего энеолита формируется общность Гумельница—Коджадермен—Караново 6—Варна. Как и в большинстве иных случаев, эта общность вобрала в себя многие элементы, восходящие к неолитическим культурам Марица, Хаманжия, Караново 3-Веселиново и др. Возникла эта общность к началу 4 тыс. до н.э. и, пройдя ряд этапов, развивалась одновременно с периодами Прекукутень 3 — Кукутень А (Berciu 1961: 415; 1966: 112; Dumitrescu V., Balomei, Mogoşanu 1983: 104; Comşa 1987: 50; Тодорова 1986: 38 и след.). Опосредованно единые по происхождению, благодаря близкому территориальному расположению, носители культуры Гумельница уже на ранних этапах вступают во взаимодействие с прекукутенскими племенами, в результате чего в зоне их контакта складывается своеобразный культурный комплекс, получивший название Гумельница-Алдень, Алдень 2 или Стоикань-Алдень (Comşa 1963; 1987: 51; Berciu 1966: 112; Dragomir 1983: 13) .

Возникнув в северо-восточной Мунтении, носители этого комплекса вскоре распространились на левобережье Прута (Рис. 9, 2), заняв юго-западные районы Пруто-Днестровского междуречья (Бейлекчи 1978; Субботин 1983), для которого они получили название Болград-Алдень (Черныш, Массон 1982: 253). По всем категориям источников памятники этой группы демонстрируют смешанный характер. Они сочетают в себе как собственно гумельницкие, так и черты, свойственные для культуры Прекукутень-Кукутень-Триполье. Причем, как справедливо отмечает Е. Комша, чем севернее памятник, тем сильнее в нем кукутенские черты, и наоборот. В южных памятниках преобладают собственно гумельницкие традиции (Comşa 1987, 52). Поселения этой группы расположены на пологих склонах или возвышенных террасах берего в рек и пресноводных озер. Они имеют обычный характер, хотя в юго-западных районах ареала известны и теллеобразные памятники (Larga, Liscoteanca I-II). Поселения обычно открытого типа, но зафиксированы и поселения с искусственными оборонительными сооружениями (Draguşani-Tecuci, Suceveni). Характерны землянки и полуземлянки, а также наземные жилища. Последние бывают легкой конструкции или сооружены на прочной столбовой конструкции, оплетенной ветками, и обмазанные глиняным раствором. Выделяются жилища с полом из утрамбованной глины, нанесенной на грунт или же на бревенчатом настиле. Согласно И.Драгомиру, жилища-землянки свойственны раннему этапу, а жилища с глиняными платфомами-площадками бытуют преимущественно на позднем этапе культуры, и их

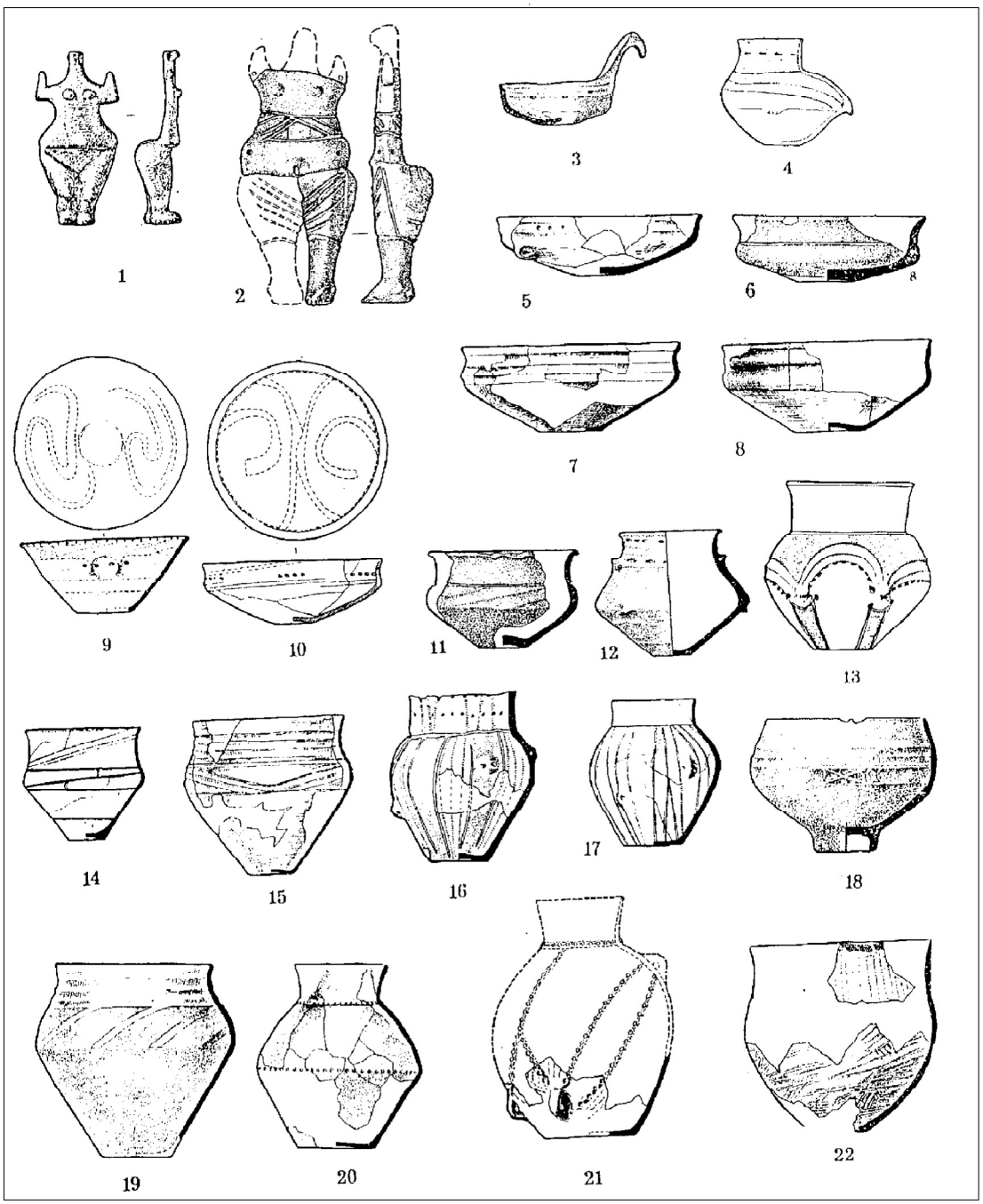



*Рис. 11. Материалы культурной группы Болград. 1-22 — глина ( по В.С. Бейлекчи, И.В. Манзура). Масштабы разные.*

распространение объясняется влияниями культуры Ариушд-Кукутень (Dragomir 1983: 22). Инвентарь поселений (Рис. 11) в целом обычен для раннеэнеолитических комплексов. Обращает на себя внимание то, что большинство кремневых изделий, в частности и на памятниках левобережья Прута, изготовлено не столько из местного, сколько из привозного — добруджанского сырья. И.Драгомир, разработавший дробную классификацию, выделяет три основных категории керамики. Керамика с примесью шамота, половы и песка, с грубой шероховатой поверхностью, орнаментированная налепными валиками, каннелюрами, различного рода углубленными линиями. Это кувшины, баночные или шаровидные сосуды, сосуды усеченно-биконических форм. По совокупности признаков она восходит к раннегумельницким и прекукутенским традициям и обнаруживает вместе с тем многие элементы, характерные для культуры Боян. То же самое относится и к керамике второй категории, отличающейся более тонкой структурой и лучшим качеством. Третья категория — условно, столовая посуда — представлена сосудами из тщательно отмученной, тонкостенной керамики хорошего обжига. Их повер-

хность залощена до металлического блеска и орнаментирована резными линиями, углублениями, каннелюрами, часто сочетающимися с полосами белой или розоватой росписи. Это кубки, чашки и чаши, кратерообразные сосуды. Как и две предыдущие категории, она обнаруживает свои истоки в раннегумельницкой керамике, в комплексах Прекукутень-Кукутень А или же специфична лишь для группы Болград-Алдень. Как и иные раннеэнеолитические культуры Карпато-Подунавья памятники группы Болград-Алдень демонстрируют устойчивый характер производящего хозяйства, основанный преимущественно на возделывании разных сортов пшеницы и разведении крупного и мелкого рогатого скота. Помимо общих, отмеченных элементов, обусловленных культурными взаимодействиями носителей группы Болград-Алдень и общностей культуры Прекукутень-Кукутень-Триполье А, В1, их интенсивные связи документированы многочисленными импортными изделиями. Достаточно отметить, что на поселениях Ханска, Кэрбуна, Новые Русешты, расположенных в приграничной к ареалу группы Болград-Алдень зоне, импортированная керамика представлена сотнями фрагментов. Носители этой культурной группы, очевидно, выполняли также роль посредников в распространении в ареал культуры Кукутень-Триполье балканских или банатских металлических изделий, равно как и изделий из добружского кремня, известных вплоть до среднего Поднестровья (Исаково 2, Солончень, Лука-Врублевецкая). Наконец, определенные связи существовали и с отдаленными обществами Северо-Понтийской зоны, на что указывает находка обломков сосуда из массы с примесью толченой ракушки с поселения Тараклия (Рис. 11: 22).

Такова была вкратце культурная ситуация в зонах соприкосновения носителей культуры Прекукутень-Триполье А с отчасти родственными и во многом едиными по хозяйственному укладу общностями Юго-Восточной и Средней Европы. Иной была картина на северо-восточной периферии ареала Триполья — в Поднепровье, занятом в пору раннего энеолита носителями Днепро-Донецкой и Мариупольской общностями[3].

Общность Днепро-Донецкой культуры (Телегин 1968; 1985) возникла в конце 5 и развивалась до середины 3 тыс. до н.э. Она сформировалась на местной мезолитической основе в зоне взаимодействия охотничье-рыболовческих племен лесной полосы с более развитыми, вступившими уже на путь производящего хозяйства, неолитическими племенами Буго-Днестровской и Сурско-Днепровской культур лесостепи. Культура прошла три периода развития, первый из которых соответствует эпохе неолита, а второй и третий — энеолиту. Расцвет культуры падает на второй период, когда она получила максимальное распространение, объединяя несколько локальных вариантов. Культура характеризуется недолговременными поселениями и грунтовыми могильниками с коллективными захоронениями в вытянутом положении. Ей свойственна плоскодонная и, преимущественно, остродонная посуда горшковидных форм, обычно сплошь покрытая геометрической системой орнамента из сочетаний отпечатков гребенки, наколов и прочерченных линий. В хозяйственном отношении носители этой культуры демонстрируют преобладание традиционной охоты и рыболовства. Но, вместе с тем, обнаруживают знакомство с культурными злаками и навыками по разведению домашних животных.

Еще более значительными для понимания культурной ситуации интересующих нас областей были события, происходившие в лесостепной и степной зонах междуречья Днепра и Волги. Следует отметить, что своеобразие культурного и социально-экономического развития обществ этих зон было осознано ведущими специалистами еще в 50-60-х годах (Мерперт 1961; 1974; 1982). Но, из-за недостаточной изученности памятников нео-энеолита, вопрос об исходных этапах становления здесь производящего, в частности, специфического скотоводческого хозяйства и конкретных археологических общностей, носителей этого процесса, долгое время оставался открытым (Мерперт 1980). Их решение наметилось лишь в связи с выделением так называемой Мариупольской культурно-исторической общности (области). Это понятие сформулировано недавно, и многие его аспекты нуждаются в новых дополнительных уточнениях (Васильев 1981: 18; Васильев, Синюк 1985: 9 и след.). Согласно этим авторам, Мариупольская общность охватывала всю лесостепную и степную зоны от Урала до Днепра (Рис. 8: 10). Она представляла сложное образование, включающее четыре самостоятельные культуры: Самарскую, Нижнедонскую, Азоводнепровскую и, по видимому, Каспийскую. Каждая из этих культур имела свою территорию, самостоятельное происхождение и своеобразный комплекс культурных признаков. Но, вместе с тем, все эти культуры обнаруживают некий общий субстрат, прослеживающийся в комплексе керамики и орудий труда, в специфическом наборе украшений, погребальном обряде и иных проявлениях духовной культуры (Васильев, Синюк 1985: 31). Отмеченное сходство, позволяет рассматривать Мариупольскую общность как отражающую качественно новое культурное явление, содержание которого можно свести к следующим основным положениям: 1 — относительно полное освоение обширных просторов лесостепной и степной зон Восточной Европы; 2 — повсеместное распространение, сообразно природно-географическим условиям, изначально специфического — коневодческого хозяйства; 3 — культурную и, очевидно, эт-

ническую интеграцию относительно разобщенных общинно-родовых коллективов со сходным социально-экономическим укладом и едиными верованиями. Если данные И.Б. Васильева получат в дальнейшем новые археологические подтверждения, то Мариупольскую общность можно оценивать в качестве исходного звена начавшегося в пору раннего энеолита процесса культурного, социального и экономического единения общностей юга Восточной Европы, окончательно вызревшего лишь к эпохе бронзы.

Формирование в период раннего энеолита и последующее развитие в пределах юга Восточной Европы двух качественно различных по культурному и социально-экономическому укладу общностей, представленных, с одной стороны, скотоводческим населением Урало-Поднепровья, а, с другой, древними земледельцами Правобережной Украины и Карпато-Поднестровья, ознаменовало собой поистине новую эпоху — эпоху непрекращающегося вплоть до позднего средневековья культурно-исторического взаимодействия земледельческого и преимущественно скотоводческого населения этих областей. Одновременно с этим, уже в пору энеолита, соответственно расселению и локализации западных древнеземледельческих и восточных скотоводческих общностей, в Поднепровье, от Припяти до Черного моря, складывается обширная контактная зона, которая, в зависимости от исторических событий то суживаясь, то расширяясь, выступала полем интерференции различного по культурным традициям, этническому составу и социально-экономическому ук-

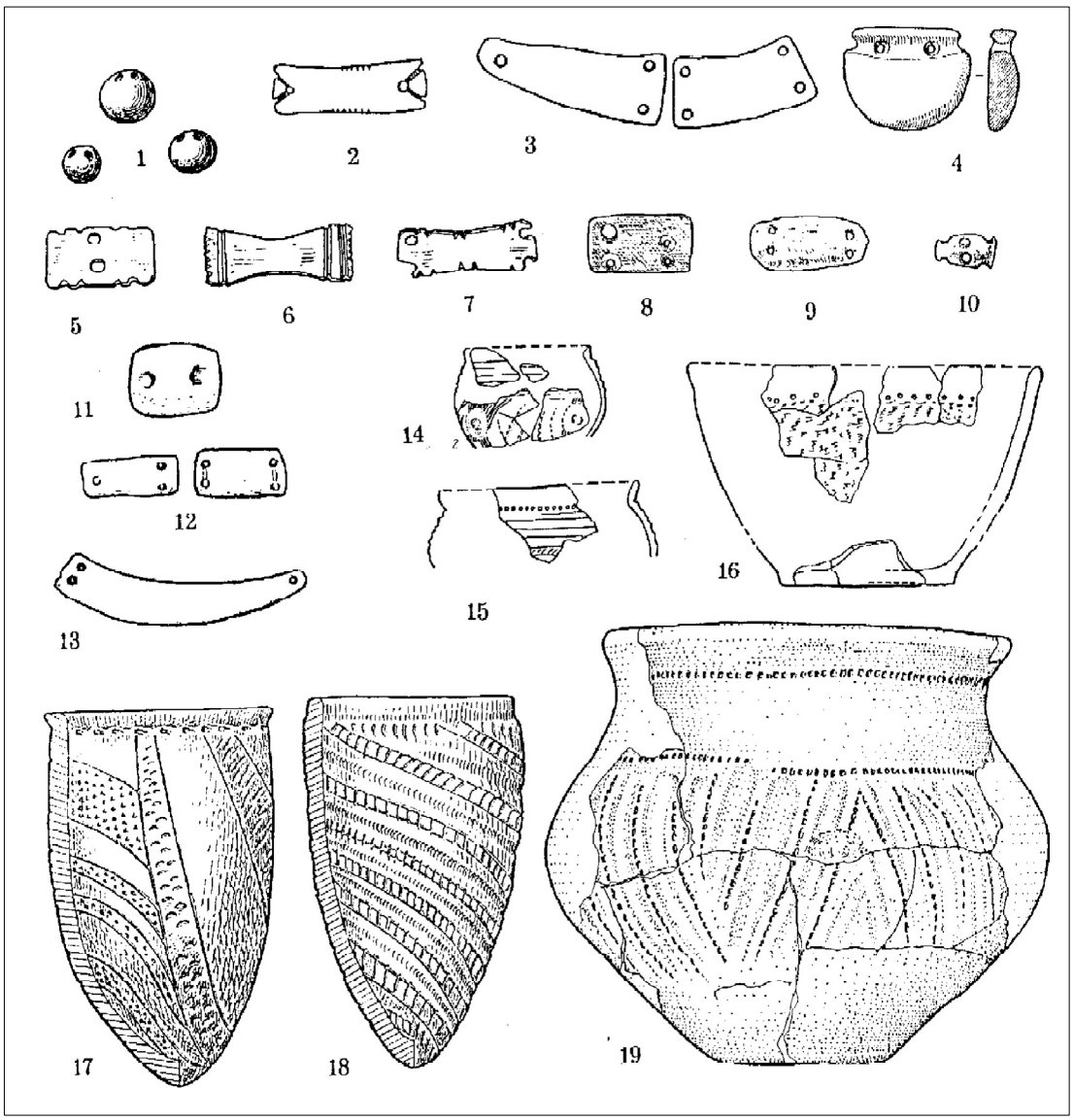



*Рис. 12. Материалы, свидетельствующие о взаимосвязях и взаимовлияниях земледельческих и восточных культур раннего энеолита. 1-4 — Мариуполь (по Н. Макаренко); 5-7, 19 — Никольское (по Д.Я. Телегину); 8 — Бернашовка и 9 — Лука Врублевецкая (по В.Г. Збеновичу); 10 — Путинешть (по В.И. Маркевичу); 11-12 — Кэрбуна; 14-16 — Пугач (по О.Г. Шапошниковой и Н.Т. Товкайло); 17-18 — Траян-Дялул Вией (по H. Dumitrescu). 1-3,5-8,10,13 — кость; 4 — парфирит; 9,11-12 — раковины; 14-19 — глина. Масштабы разные.*

ладу населения.

Вопреки устоявшемуся в литературе мнению (Мовша 1981: 61; 1993; Черныш 1982: 204), первые контакты трипольских общин с восточными обществами восходят еще к самым ранним фазам развития Триполья[4]. Они документированы остро- или круглодонной керамикой восточного происхождения или выполненной по восточным образцам (Рис. 12: 17-18), обнаруженной в слоях раннего периода на поселениях Траян-Деалул Вией (Dumitrescu H. 1976), Флорешты (Пассек 1958: 28, рис. 6,8), Новые Русешты (Маркевич 1970: 68). А с другой стороны — раннетрипольской керамикой (Рис.12, 14-16,19), встреченной на позднейших памятниках Буго-Днестровской культуры Побужья (Шапошникова, Товкайло 1989: 93 и след.), так и на памятниках Азоводнепровской (Днепро-Донецкой по Д.Я.Телегину) культуры (Телегин 1968: 192; 1985: 170). О контактах и глубинных влияниях раннеземледельческих обществ на скотоводов степной и лесостепной полосы свидетельствуют: подпрямоугольные пластины из раковин или клыков кабана с отверстиями от составных подвесок (Рис. 12: 2-3, 5-10,12-13), «пуговицы» с V-образным отверстием (Рис. 12: 1, 11), схематическая, по видимому, антропоморфная подвеска из парфирита (Рис. 12: 4), в большей или меньшей степени представленные на памятниках Самарской (Васильев 1981: табл. 7,10-18), Азоводнепровской или Днепро-Донецкой (Макаренко 1933: Табл. 11, 50-51; 12, 69; 18; 29; 39; 51, 376 и др.; Телегин 1991: рис. 23, 6-8, 18-25; 32,4-6) культур. Все эти специфические украшения, в различных материалах, широко известны для древнеземледельческих культур Юго-Восточной Европы, включительно и для раннего Триполья (вспомним клад из Кэрбуна), и их распространение в восточном ареале может быть объяснено за счет их импорта или как результат подражания западным образцам.

### Период среднего и позднего энеолита

Средний и поздний периоды энеолита отмечались дальнейшими культурными преобразованиями во всех интересующих нас областях и регионах (Рис. 13). В одних случаях они проявились в обновлении культур раннего периода, в других — их сменой новыми культурными общностями.

В Карпато-Поднестровье и на Правобережье Украины (Рис. 14) эти периоды связаны с расцветом культуры Кукутень-Триполье, прошедшей целый ряд этапов развития, а именно: Триполье В1, В2 и СУ 1 или, по номенклатуре румынских специалистов, — Кукутень А, АВ и В. Все эти этапы охватывают около тысячи лет,

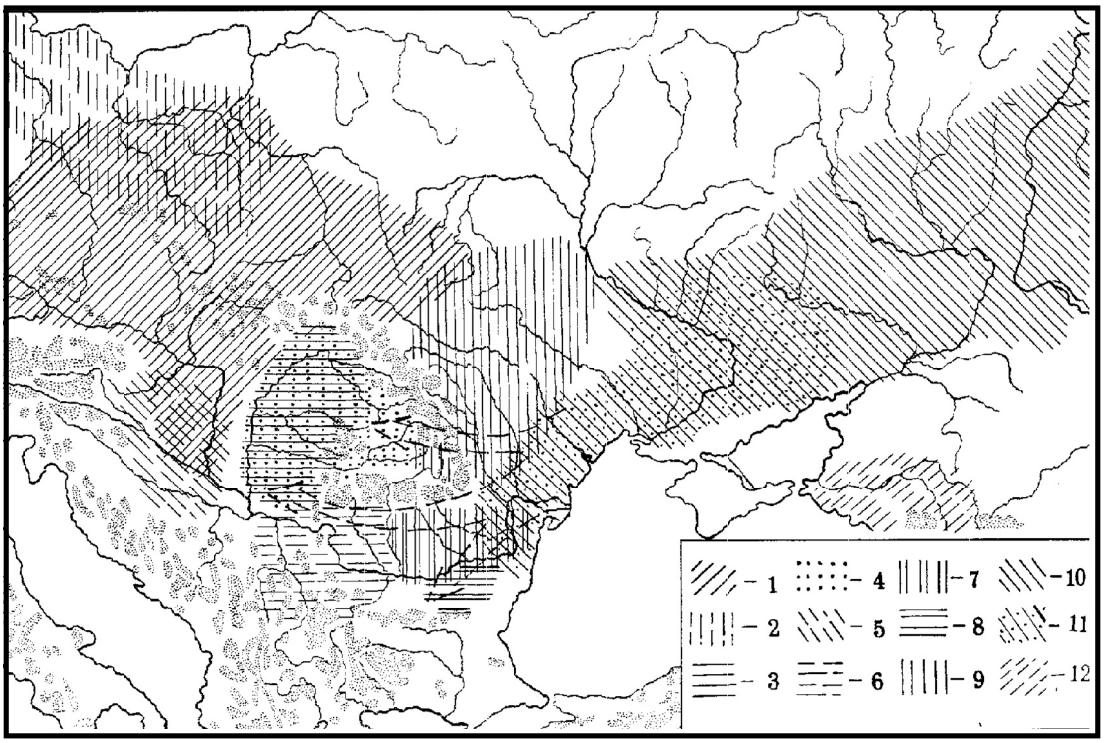



*Рис. 13. Культурные общности среднего и позднего энеолита: 1 — общность Лендель 3-4; 2 — культура Воронковидных сосудов; 3 — культура Тисапольгар; 4 — культура Бодрогкерестур; 5 — культура Балатон-Ласинья; 6 — культура Сэлкуца-Бубани Хум 1-2; 7 — культура Чернавода 1; 8 — культура Певец; 9 — культура Кукутень-Триполье В, С 1; 10 — Хвалынско-Среднестоговская общность; 11 — культура Суворово-Новоданиловка; 12 — культура Майкоп (ранняя).*

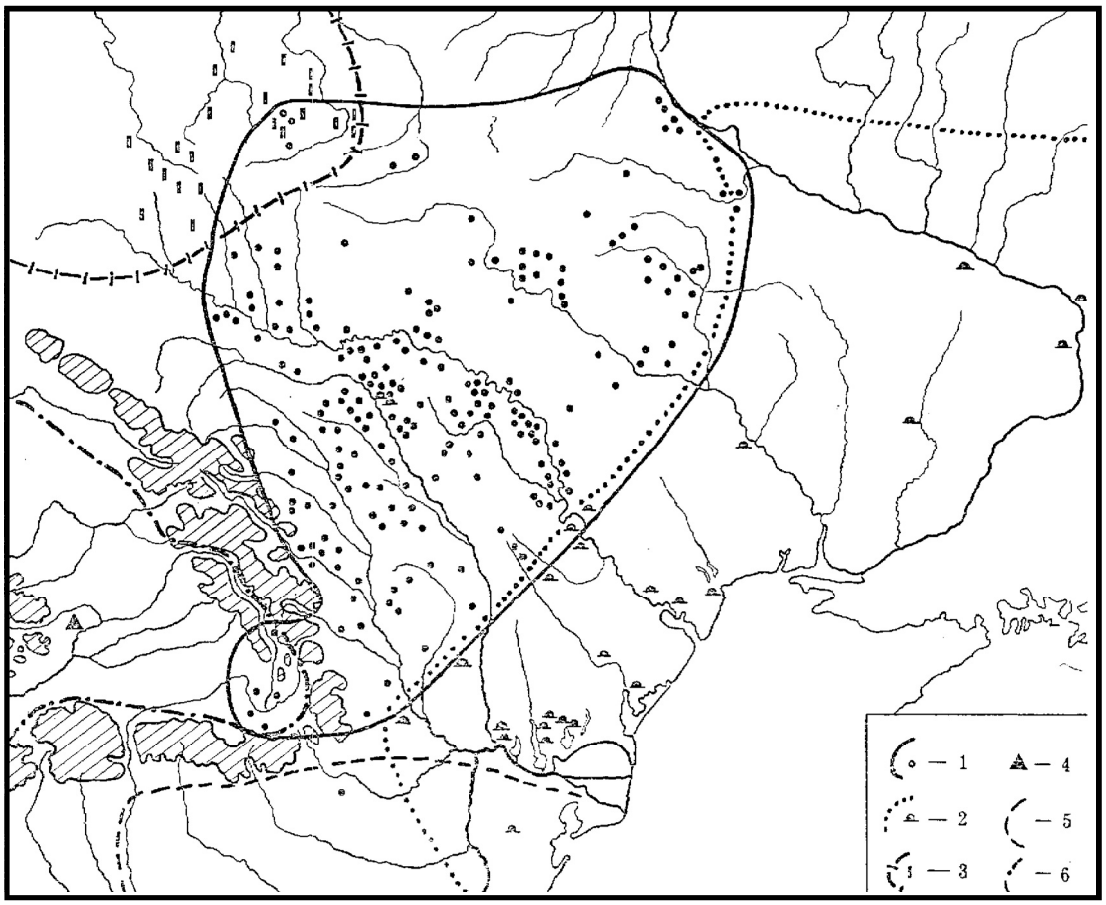



*Рис. 14. Основные памятники и границы культур среднего и позднего энеолита Карпато-Поднестровья. 1 — культура Кукутень-Триполье В, С 1; 2 — Среднестоговская-Хвалынская общность с памятниками культуры Суворово-Новоданиловка; 3 — общность Лендель 3-4; 4 — Decea Muresului; 5 — культура Чернавода 1; 6 — культура Бодрогкерестур.*

приблизительно со второй четверти 4 — до начала второй четверти 3 тыс. до н.э. Мощное внутреннее развитие этой общности сопровождалось неуклонным ростом населения, его плотности и дальнейшим расширением ареала. К концу среднего периода она занимала всю лесостепную зону от киевского Поднепровья и верховьев Горыни до Восточных Карпат, включая Юго-Восточную Трансильванию

Поселения среднего Триполья по-прежнему приурочены к разным топографическим условиям (Dergacev 1993). Но высотное положение поселений временно преобладает. Так, для территории Румынии доминантное положение занимало более 70% поселений этой культуры (Monah, Cucoş 1985: 42). Они расположены на естественно укрепленных мысах и останцах, окруженных труднодоступными склонами и водными преградами, а с напольной стороны защищены рвами и валами. Но, как показывает анализ, естественно и искусственно укрепленные поселения характерны преимущественно для периода Кукутень А. Так, из 14 поселений Румынии с достоверными фортификационными сооружениями лишь два относятся к периоду АВ, одно к периоду В, а остальные — к периоду Кукутень А. К периоду Триполье В 1 относится и подавляющее большинство укрепленных поселений, известных для территории Молдовы и Украины (Маркевич 1981: 72; Черныш, Массон 1982: 194 и след.). То, что полученные в результате раскопок данные, отражают истинное соотношение разновременных поселений с оборонительными сооружениями, подтверждается статистической обработкой топонимов кукутень-трипольских поселений, приведенных в ряде сводных работ (Маркевич 1973; 1981; Monah, Cucoş 1985). Анализом установлено, что из порядка 100 поселений, расположенных в труднодоступных местах, с топонимами «Четэцуе», «Городиште», «Замка», «Остров» и др., обозначающими в славянских или румынском языках искусственно защищенные поселения, около 65% приходятся на период Кукутень А — Триполье В 1, менее 10% — на период Кукутень АВ — Триполье В 2, а остальные — на период Кукутень В — Триполье СУ 1. Таким образом, можно заключить, что естественно и искусственно укрепленные поселения составляют отличительную черту периода Кукутень А — Триполье Б 1. На последующих этапах культуры эти поселения сохраняются, но характер-

ными становятся открытые памятники.

На протяжении среднего Триполья наблюдается неуклонный рост размеров поселений. Увеличивается число средних, крупных и очень крупных поселений. В Поднестровье и особенно в Буго-Днепровском междуречье распространяются поселения-гиганты (Майданецкое, Тальянки и др.). Характерны три системы планировки жилищ: рядами, группами и круговая, а на очень крупных поселениях — концентрическими кругами. Другая яркая черта — сооружение наземных жилищ-площадок с устойчивой планировкой камер, заимствованной от культуры Петрешть. Их развитие обнаруживает двоякую тенденцию. В пространственном отношении они распространяются с запада на восток, а во времени — от ранних к поздним этапам культуры. Жилища — полуземлянки встречаются лишь изредка.

Интенсивно развивается комплекс орудий труда. Изживается микролитоидность, совершенствуется техника обработки. Широко внедряются изделия из сланца, а на поздних этапах — топоры и тесла из кремня. Особенность периода — массовое внедрение оружия: треугольных наконечников стрел для лука, наконечников дротиков (Рис. 15: 5-6), крупных ножевидных пластин-кинжалов. Важно обратить внимание, что наконечники стрел и дротиков, как и укрепленные поселения, преобладают, главным образом, на памятниках периода Кукутень А — Триполье В 1. Так, на поселении Трушешты они составляют 7,32% от комплекса обработанных кремневых изделий, в Хэбэшешть — 6%, Траян-Дялул Вией — 5,19%, Поливанов Яр — 6%. Одновременно с ними появляются каменные и кремневые булавы, зооморфные навершия-скипетры (Păunescu 1970; Черныш, Массон 1982: 197; Дергачев 1986а). Значительно расширилось в период среднего Триполья использование металлических — медных изделий (Рындина 1971; 1998). Помимо двух уже традиционных для этой культуры центров металлопроизводства, действовавших в Попрутье и Поднестровье, новый самостоятельный очаг складывается в эту пору в Среднем Поднепровье. Причем, если комплекс металлических изделий раннего периода носит в основном престижный характер (украшения, предметы культа), то на среднем периоде больше внимания уделяется изготовлению крупных орудий труда (Рис. 15: 8-9) и отчасти оружия[5].

Изменения претерпевает керамика (Рис. 15: 10-25). Кухонная посуда из массы с примесью шамота и песка сменяется посудой из массы с примесью толченной ракушки, заимствованной у носителей Среднестоговской культуры. Первоначально она появляется на памятниках Побужья (Мовша 1981), а затем распространяется вплоть до западных рубежей культуры (Dodd-Oprițescu 1981; Dragomir 1982). На этапе Кукутень А 1-2 эта керамика составляла доли процентов, а к концу среднего Триполья — до 30%. К концу первой половины периода Триполье В 1 — Кукутень А исчезает каннелированная керамика. Преобладает посуда с углубленным орнаментом, которая затем сменяется расписной. Она сохраняется лишь в восточной части ареала, составляя особенность памятников Буго-Днепровской зоны. Главной отличительной чертой среднего Триполья является посуда без видимых примесей, расписанная до обжига сосудов. Ее распространение связано с влиянием культур Петрешть и Гумельница. Она зафиксирована с этапа Кукутень А 1 и демонстрирует многообразное стилистическое развитие вплоть до позднего периода. Впервые появившись в западных районах ареала на памятниках типа Ариушд, расписная керамика к началу периода Триполье В 2 входит в обиход населения всего Карпато-Поднестровья, а затем и Поднепровья. Искусство росписи, поражающее своей цветовой гаммой, достигает расцвета на этапах периода Кукутень АВ, затем упрощается. Изменения претерпела на протяжении среднего периода и антропоморфная пластика (Рис. 15: 1-3).

Длительное развитие среднего Триполья, его широкое территориальное распространение, влияния со стороны родственных и инокультурных образований содействовали возникновению множества локальных особенностей, отражающих различные линии генетического развития некогда единой культуры. К сожалению, проблема локальных особенностей среднего Триполья еще слабо разработана, хотя в последние десятилетия здесь наметились серьезные успехи. Установлено, что среднее Триполье объединяет две культурные зоны: западную, включающую Карпато-Поднестровье, и восточную, соответствующую междуречью Южного Буга и Днепра. Памятники западной зоны представляют основную линию развития Кукутень-Триполья. Центр ее, очевидно, находился в лесостепном междуречье среднего течения Сирета, Прута и Днестра. Здесь вырабатывались специфические для этой культуры черты, которые потом путем расселения племен, контактами передавались на север, юг и на восток — в Побужье и Поднепровье. Своеобразие зоны — ее подверженность сильным влияниям южных — нижнедунайских и западных — трансильванских культур. В первом случае имеется в виду культура Гумельница и, в частности, группа Алдень 2-Болград, влияния которых особенно ощутимы на этапах Кукутень А-Триполье В 1 в памятниках низовьев Сирета и Прута. Во втором случае подразумевается культура Петрешть, влияниями которой обусловлено возникновение Ариушдского локального варианта, распространение наземных жилищ-площадок, расписной керамики. С конца периода Кукутень А-Триполье В 1 южные влияния, с проникновением первой волны степных скотоводческих

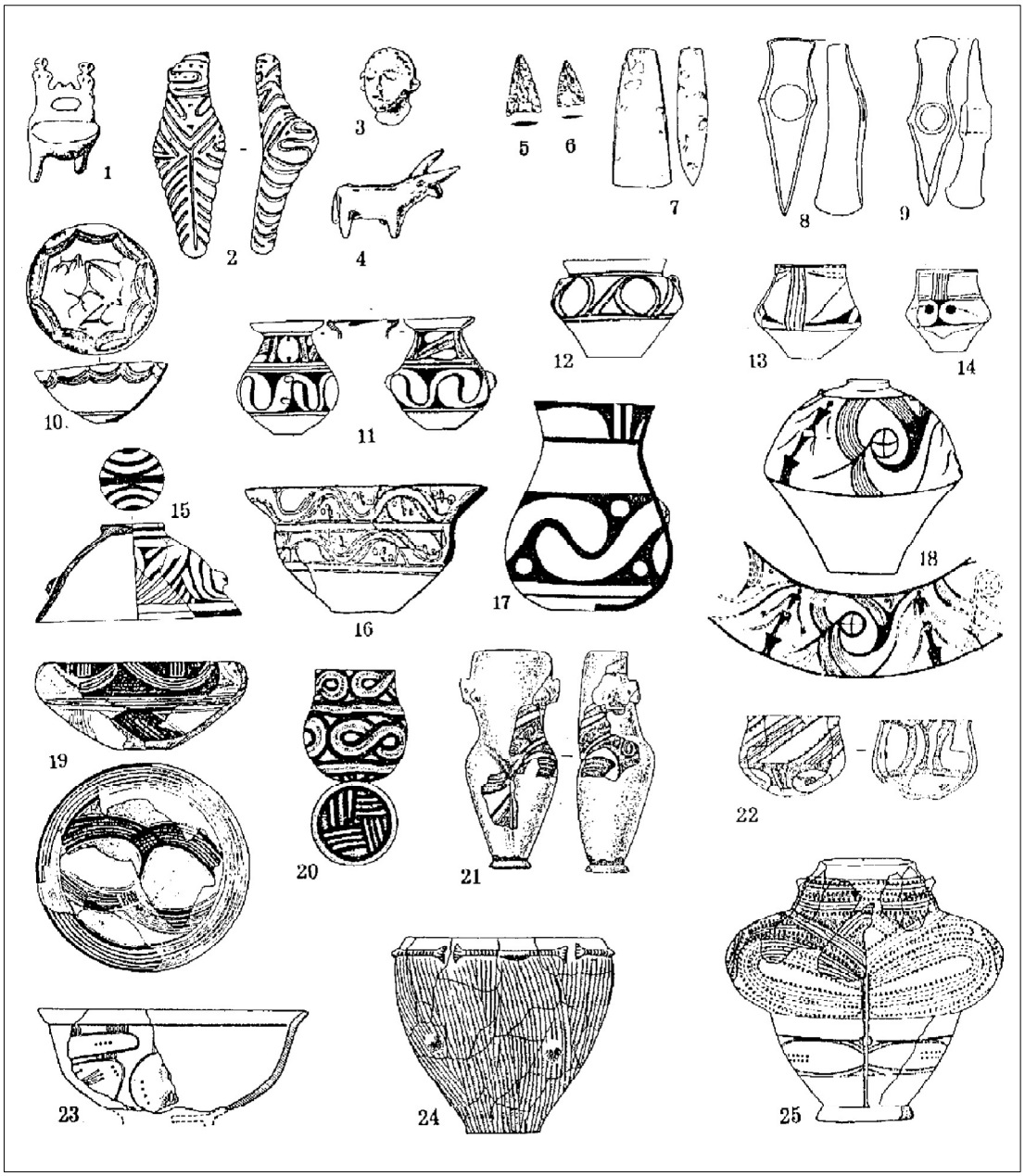


*Рис. 15. Материалы культуры Кукутень-Триполье В, С 1. 1-4, 10-25 — глина; 5-7 — кремень; 8-9 — медь. ( по В.И. Маркевичу, С. И. Попову, В.М. Бикбаеву, В.Я. Сорокину, Н.Т.Виноградовой, Н.В. Рындиной). Масштабы разные.*

племен в Нижнее Подунавье, практически прекращаются. Сохраняются западные влияния, но они связаны, главным образом, с культурами Потисья и выразились преимущественно в распространении металлических изделий в зоне Верхнего Попрутья и Поднестровья. Более того, по нашим данным, именно с влияниями Верхнетисского металлургического центра связано сложение в эту пору нового для ареала общности Кукутень-Триполье — Днепровского очага металлообработки. В остальном же, развитие Кукутень-Триполья в западной зоне шло за счет внутренней эволюции и усилившихся к этому времени восточных — степных импульсов.

В отличие от западной, восточная культурная зона Триполья представляла второстепенную периферийную линию развития. Центр ее, очевидно, находился на левобережье среднего течения Южного Буга, куда трипольское население проникло еще на раннем периоде. Испытывая периодические влияния со стороны Поднестровья, культура здесь получила относительно самостоятельное, как бы запаздывающее развитие, распространяясь далее на север вплоть до среднего Поднепровья. Помимо периферийности, основные особенности развития культуры в этой зоне были вызваны тем, что ее носители первыми соприкоснулись с ино-

культурными племенами лесостепных и степных районов Поднепровья и первыми испытали на себе влияние последних. Описание конкретных особенностей каждой из отмеченных культурных зон, равно как и выделенных или намеченных для них локальных вариантов, изложено в ряде специальных работ (Dumitrescu V., Balomei, Mogoşanu 1974; Мовша 1972; 1975; 1985; Виноградова 1983; Черныш 1981; Черныш, Массон 1982; Цвек 1980; 1985; 1989), и повторения излишни.

На всем протяжении среднего периода культура Кукутень-Триполье демонстрирует неуклонный прогресс в развитии земледельческо-скотоводческого хозяйства, носящего многоукладный характер. Развиваются ремесла, усложняется социальная структура и идеологические представления (Бибиков 1965; Черныш, Массон 1982: 232; Мовша 1985: 255; Коробкова 1987: 151).

Продолжительное развитие среднего периода культуры Кукутень-Триполье совпало по времени с изменениями, порой неоднократными, культурной ситуации во всех окружающих ее областях и регионах (Рис. 13).

В Средней Европе это время окончательного оформления Лендельско-Польгарской культурной общности. Возникнув в результате взаимодействия культуры Лендель 1-2 среднего Подунавья с носителями местной — культуры Линейно-Накольчатой керамики, Лендельско-Польгарская культурная общность включала множество своеобразных культурных групп и занимала территорию от бассейна Дравы и австрийского Подунавья до низовьев Вислы и Одера, и от Рейна до верховьев Днестра и Горыни (Kulczycka-Leciejewiczowa 1979: 40). На восточной периферии эта общность представлена памятниками типа Зимно-Злота и Вербковцы-Костянец (Пелешищин 1985). К сожалению, вопрос о взаимодействии Лендельской и культуры Триполье практически не разработан. Их контакты в верховьях Днестра документированы расписным лендельским сосудом, найденным на поселении Городница (Захарук 1962: 49). В остальном же вопрос решается на общих сопоставлениях (Черныш, Массон 1982: 257). Между тем, находка лендельского сосуда в подкурганном погребении у с.Орлик на левом берегу Днепра (Лугова, Рассамакин 1985), а также влияния этой культуры, прослеженные в керамике памятников междуречья Буга и Днепра (Цвек 1989: 112), явно указывают на то, что их взаимодействие было достаточно активным, и что лендельские влияния достигали до отдаленных внутренних районов трипольской общности.

Изменения произошли и в Карпатском бассейне, где в начале периода культура Тиса перерастает в культуру Тисапольгар. Она распространилась на всю Восточную Словакию, Северо-Восточную Венгрию (Bognar-Kutzian 1972) и Северо-Западную Румынию, где она известна под названием культуры Романешть (Comşa 1987: 60). Однако уже во второй половине среднего энеолита эта культура сменяется культурой Бодрогкерестер-Горнешть, занявшей почти всю Трансильванию (Dumitrescu V., Balomei, Mogoşanu 1983: 124; Comşa 1987: 60). Взаимодействие этих культур с культурой Кукутень-Триполье особенно хорошо прослеживается по импортируемым из Трансильвании металлическим (медным и золотым) изделиям. Кроме того, как отмечалось, трансильванскими влияниями объясняется и сложение местного для среднего Триполья Поднепровья очага металлообработки.

Культурные изменения коснулись и Нижнего Подунавья и Балкан (Рис. 13). На Нижнем Дунае, от его устья до бассейна Олта, приблизительно на этапе Кукутень АВ сформировалась культура Чернавода 1 (Morintz, Roman 1968; Roman 1981), сменившая группу Алдень 2 и частично вытеснившая культуру Гумельница, которая какое-то время еще продолжает развиваться к югу от Дуная — памятники типа Певец (Тодорова 1986: 103). К западу от них на протяжении среднего энеолита развивается культура Сэлкуца-Криводол (Garasanin 1958; Berciu 1961; Lazarovici 1979).

Все перечисленные выше культуры обнаруживают отдельные контакты с общностью Кукутень-Триполье, но в целом значение их в развитии Карпато-Поднестровья незначительно. Изменение в соотношении роли западного и восточного фактора в развитии не только Трипольской общности, но и всего Карпато-Подунавья составляет главную отличительную черту культурного развития среднего энеолита, и в особенности его второй половины. Эти изменения были вызваны резкой активизацией восточного — степного населения, которое в это время начинает играть главную роль в судьбах земледельческих обществ Юго-Запада Восточной Европы и всего Карпато-Подунавья.

В среднем Поднепровье, т.е. на северной периферии Трипольской общности, ее развитие шло параллельно с концом среднего и поздним периодами Днепро-Донецкой культуры. Почти что соприкасаясь, носители этих культур находились во взаимных контактах, которые документированы относительно немногочисленными трипольскими импортами (Телегин 1968: 192; 1985: 170).

Существенные изменения произошли на этапе перехода от раннего к среднему энеолиту на юге Восточной Европы. Они охватили все степные и лесостепные районы и выразились в смене ранее бытовавших культур Мариупольской общности культурами Хвалынско-Среднестоговской общности (Васильев 1981: 31;Васильев, Синюк 1985: 40). Как и предшествующая Мариупольская, становление и развитие Хвалынско-Среднестоговской общности носит

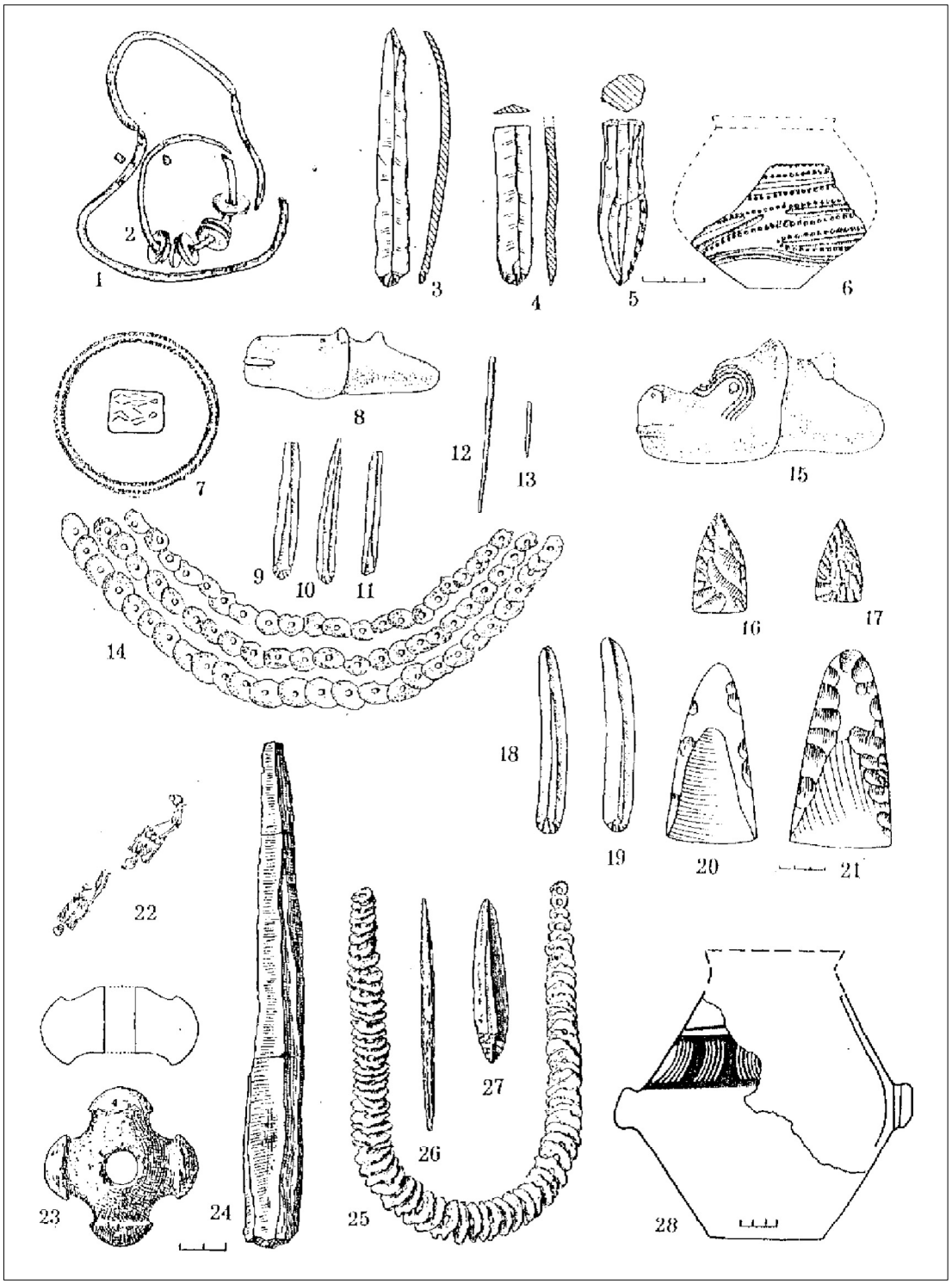



*Рис. 16. Восточные комплексы Карпато-Подунавья. 1-6 — Кэинарь ( по Т.Г Мовша и Г.Ф. Чеботаренко); 7-14 — Суворово (по И.Л.Алексеевой); 15-21 — Касимча ( по D. Popescu ); 22- 27 — Decea Mureşului (nach I. Kovacs); 28 — Старые Куконешть (по В.А. Сафронову). 1-2,12-13, 26 — медь; 3-5, 9-11,16-21, 24 27 — кремень; 14,25 — раковина; 6,28 — глина; 8, 15, 23 — камень.*

в себе еще много неясностей. Она включает три самостоятельные культуры: Хвалынскую, Среднестоговскую и Репинскую. Эти культуры, обладая собственной территорией, своеобразными чертами, характеризуются поселениями и грунтовыми могильниками, материалы которых свидетельствуют об относительной оседлости населения и окончательно утвердившемся скотоводческо-коневодческом хозяйстве. Но, помимо этих культур, в пределах Хвалынско-Среднестоговской общности имеется еще ряд своеобразных памятников, представленных

лишь подкурганными или небольшими грунтовыми могильниками с единичными захоронениями. Речь идет о памятниках, известных в литературе под различными названиями: Новоданиловская (Телегин 1985а: 311), Суворовская (Дергачев 1986: 65), Постмариупольская (Ковалева 1980) и Бережневская / Ямно-Бережневская (Дремов, Юдин 1992) группы или типы. Не вдаваясь во все сложности проблемы этих памятников (Rassamakin 1994), совершенно очевидно, что они составляют единый культурно-хронологический горизонт, следующий во времени культурам Средний Стог 2, Хвалынск, но предшествующий древним горизонтам Ямной культуры, и что все они вместе и отражают те новые социально-экономичес-

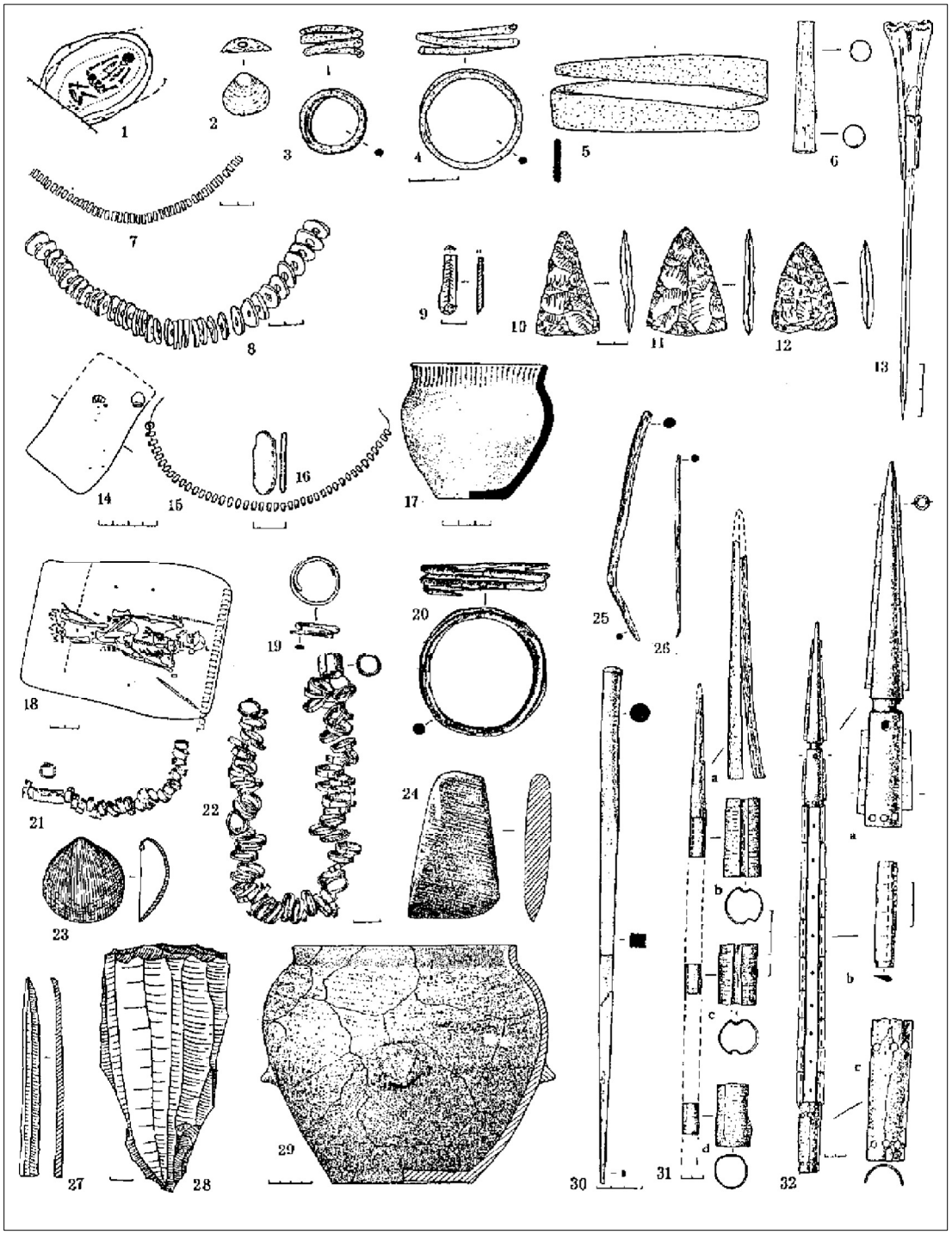


*Рис. 17. Восточные комплексы Карпато-Подунавья. 1-13 — Кривой Рог ( по Ю.Я.Рассамакину и А.Б.Будникову); 14-17 — Рошканы; 18-32 — Gurgiuleşti (nach V. Haheu und S. Kurciatov) . 2,8, 23 — раковина; 3-5,7, 13, 16, 19-22, 25-26, 30 — медь; 6, 31 b-d — золото; 13, 15, 31a, 32 a,c — кость; 9-12, 27-28 — кремень; 17,29 — глина; 24 — камень.*

кие и культурные явления, которые вызвали обособление отдельных скотоводческих общин, развитие всадничества и переход к полукочевому образу жизни (Даниленко, Шмаглий 1972; Мерперт 1980).

Как бы то ни было, формирование Хвалынск-Среднестоговской общности уже на ранних этапах среднего энеолита сопровождалось расширением скотоводческого ареала. Восточные племена проникают в ранее необжитые районы степного Днестровско-Дунайского междуречья. Разделенные до этого широкой нейтральной полосой, они приходят в непосредственное соприкосновение с земледельческим населением среднего Триполья, а в Попрутье и Подунавье — с носителями культуры Алдень-Болград-Гумельница. Возникшие между ними контактные отношения на разных этапах энеолита имели разный характер. Различными были и последствия этого процесса.

### К проблеме взаимодействия скотоводческих и земледельческих общностей среднего и позднего энеолита

Проблема взаимодействия скотоводческого и земледельческого населения эпохи энеолита широко дискутировалась и в зарубежной и в бывшей советской литературе (Gimbutas 1956; 1965; 1977; Мерперт 1980а; 1984). Она хорошо известна специалистам, поэтому остановлюсь лишь на некоторых общих моментах, вытекающих из самостоятельного анализа источников.

Начало проникновения восточных скотоводческих племен в Карпато-Поднестровье и Подунавье и их активное взаимодействие с земледельческими обществами четко определяется с конца первой половины 4 тыс. до н.э. или — по относительной периодизации — начальными этапами периода Триполье В 1 — Кукутень А. Процесс этот надежно документируется **тремя самостоятельными,** но, что принципиально важно, **взаимокоррелирующими разновидностями источников**. К первой из них относятся прямые свидетельства, фиксирующие присутствие восточного населения на юго-восточной границе и внутри самого земледельческого ареала. Они представлены подкурганными или грунтовыми захоронениями Новоданиловско-Суворовской культурной группы, большинство памятников которой локализуются в степной зоне Поднепровья и Днестровско-Дунайского междуречья, т.е. в непосредственном соприкосновении с восточными рубежами культуры Триполье и северо-восточными границами культурной общности Болград-Алдень 2 — Гумельница (Рис.14: 2). Помимо ранее открытых, хорошо известных комплексов (Телегин 1985а: 311; Дергачев 1986: 65) из Кэинарь, Суворово, Касимчи (Рис. 16: 1-21), Рошкан (Рис. 17: 14-17), Красное (Рис. 18: 53-62), новые замечательные памятники Суворовской группы в последние годы открыты у Кривого Рога (Рис.17: 1-13), на Ингульце (Рассамакин, Будников 1993), Джурджулешть (Haheu, Kurciatov 1993) и многих других местах (Патокова и др. 1989: 114, Рис.40; Яровой 1993) (Рис.18: 46-52). К прямым свидетельствам относятся также целая серия погребальных комплексов явно степного происхождения, открытые в периферийных или глубинных районах древнеземледельческих ареалов. Они известны в северных районах Молдовы (Дергачев 1986: 65 и след.) в ареале культуры Триполья у сс. Старые Куконешты, Варатик, Костешты (Рис.16: 28; Рис.18: 1-45); в Трансильвании и Потисье в ареале культур Тисапольгар и Бодрогкерестур по могильнику Деча Мурешелуй (Kovacs 1932) (Рис. 16: 22-27) и погребению из Чонград (Ecsedy 1979: 11); в низовьях Дуная в ареале общности Гумельница-Варна по комплексам из Река Девня (Lichardus, Lichardus-Itten 1993), Фундень и др.

Вторая самостоятельная разновидность источников включает специфические разнофункциональные находки и материалы, встречающиеся и в ареале степных — скотоводческих, и в ареале земледельческих культур и, которые независимо от их происхождения, свидетельствуют о контактах, взаимных или односторонних влияниях этих общностей. Среди наиболее выразительных находок можно назвать: хорошо известные зооморфные скипетры (Дергачев, Сорокин 1986), на наш взгляд, возникшие в степном ареале, но сполна представленные и в ареале культуры Кукутень-Триполье (схематические), и в ареале земледельческих культур Подунавья (реалистические) (Рис. 19: 1-6, Карта), роговые подвески с ушком или «псалии» (Рис. 19: 10-12, Карта), известные в восточном ареале, на трипольских и гумельницких памятниках (Dietz 1992: 32 и след.). С восточной степной традицией вне сомнения следует связывать распространение в ареале культуры Кукутень-Триполье и в ареале земледельческих культур Подунавья и Трансильвании кольцевидных подвесок из раковин Unio (подобно изображенным на Рис. 16: 14,25), своеобразных костяных «палочек» (типа — Рис.18: 39), а также целого ряда типов оружия: большие кремневые ножевидные пластины (типа — Рис.16: 9-11,18-19,24), треугольные наконечники стрел и дротиков с прямым основанием (типа — Рис. 15: 5-6; Рис.16: 16-17) или так называемые флажковидные наконечники стрел майкопского типа (Рис. 18: 2-33; 54-58), крестовидные булавы мариупольского типа (Рис.16: 23; Рис.19: 7-9, Карта) и др. Наконец, с этой разновидностью источников связана и керамика. С одной стороны, импортная трипольская посуда обнаружена на поселениях и могильниках Днепро-Донецкой и Сред-

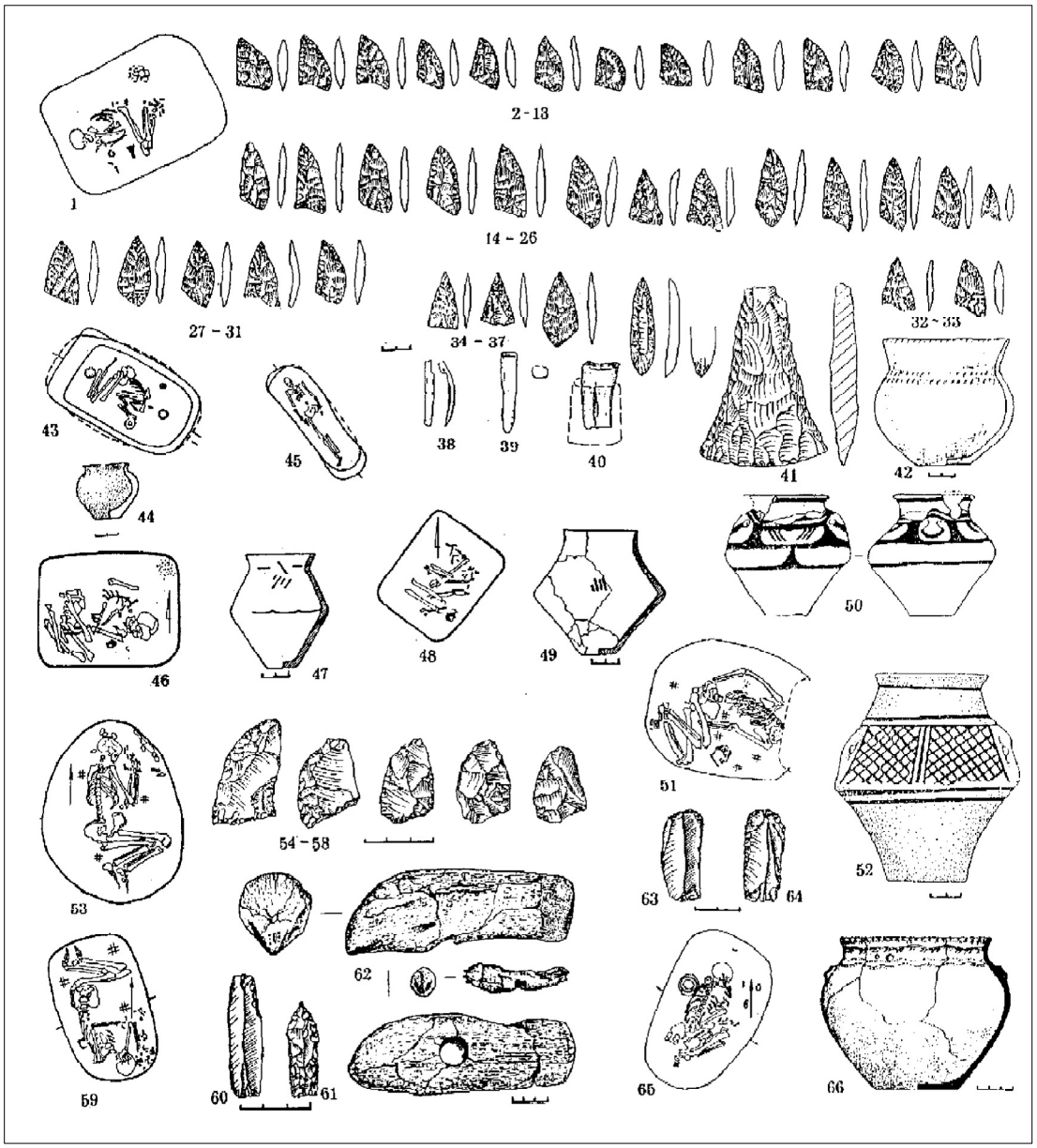



*Рис. 18. Восточные комплексы Карпато-Подунавья. 1-42 — Костешть; 43-45 — Вэратик ( по О.В.Лариной); 46-47 — Кошары, 48-49 — Хаджилар, 50 — Рени (по В.Г.Петренко); 51-52 — Ново Котовск ( по С.М.Агульникову); 53-65 — Красное ( по Н.Л.Серовой и Е.В.Яровому). 2-37, 41, 54-58, 60-61, 63-64 — кремень; 38-40,62 — кость; 42, 44, 47, 49, 50, 52, 66 — глина.*

нестоговской культур (Телегин 1968: 192; 1973, 48.125; 1985, 170; 1985а, 309; Мовша 1981: 64) или в комплексах Суворовской группы (Рис. 16, 6,28; Рис.18, 47,49-50,52,66). Кроме того, в одном из погребений могильника Джурджулешть содержался сосуд культуры Гумельница (Рис. 17,29). С другой же стороны, это восточная импортная или выполненная по восточным образцам посуда с примесью толченой ракушки (Рис. 20), встречающаяся на кукутень-трипольских и изредка на гумельницких поселениях (Рис. 11, 22), о чем говорилось ранее.

Последнюю разновидность источников представляют косвенные свидетельства, возникшие как результат реакции местного населения на проникновение восточных степных скотоводов. Это, в первую очередь, повсеместное распространение искусственно укрепленных поселений, характерных как для культуры Кукутень-Триполье, о которых уже говорилось выше, так и для культуры Алдень-Болград-Гумельница (Comşa 1963; Dragomir 1983: 18), а также зафиксированные на многих поселениях следы пожарищ и разрушений. Косвенным показателем является и резкое увеличение количества и разновидностей оружия, ранее не характерных для земледельческих культур Карпато-Подунавья.

Перечисленные разновидности источников имеют различную по степени проявления ин-

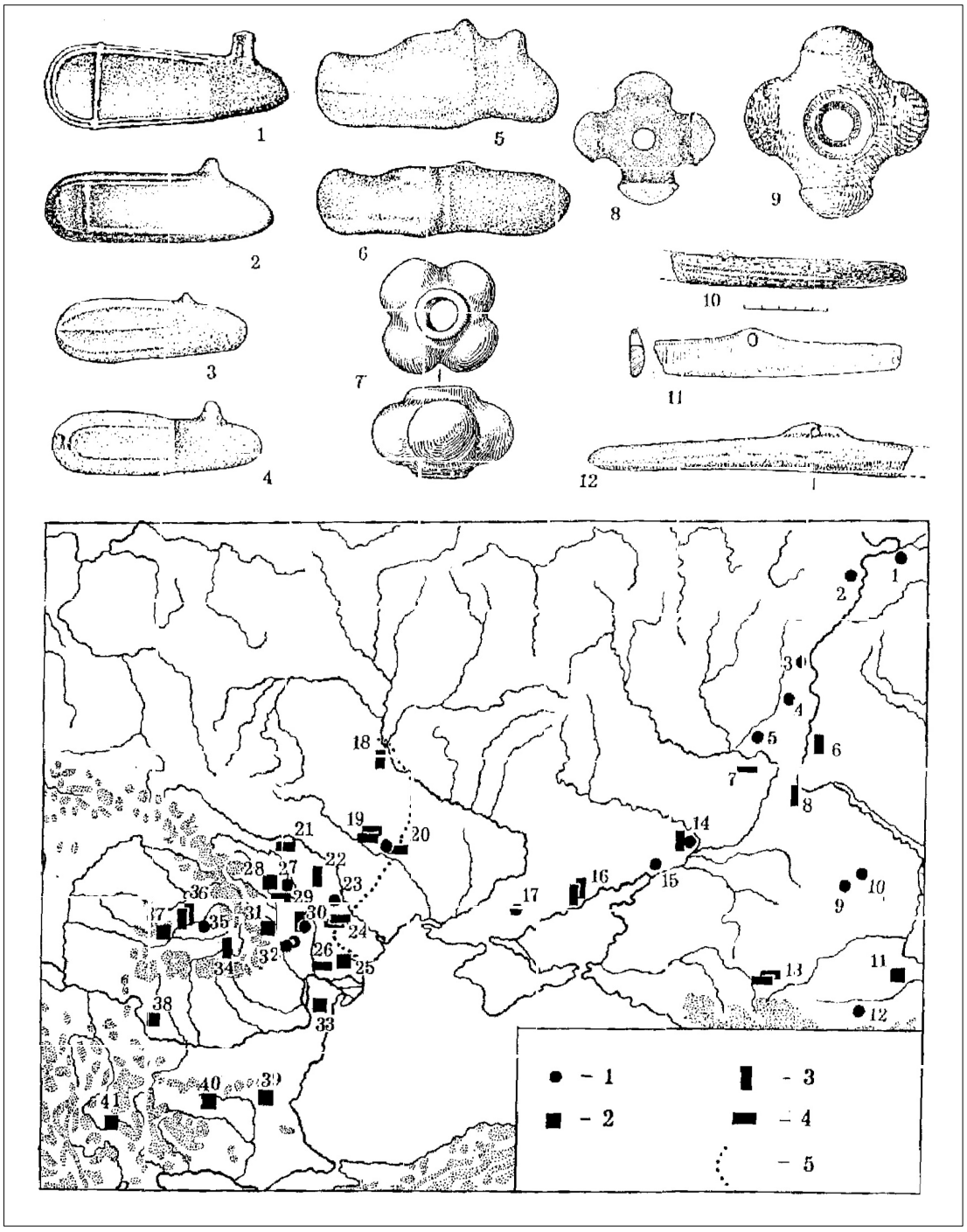



*Рис. 19. Специфические восточные изделия и карта их распространения. 1 — Шляховское ( по В.М. Клепникову); 2 — Хлопково ( по Н.М.Малову); 3 — Обыршень, 4 — Важа ( по М. Брудиу); 5 — Драма (по Л. Гетову); 6 — Фитионешть (nach N. Harţuche); 7 — Мариуполь ( по Н. Макаренко); 8 — Бырлэлешть (nach G. Coman); 9 — Окна Сибиулуй (nach M. Roşka); 10 — Русештий Ной ( по В.И.Маркевичу); 11 — Хэбэшешть (nach H. Dumitrescu); 12 — Александровск ( по С.Н.Братченко и Л.Ф.Константинеску). Масштабы разные.*

*Карта. Условные обозначения: 1 — схематические и 2 — реалистические зооморфные скипетры; 3 — крестовидные булавы; 4 — «псалии»; 5 — восточная граница земледельческого ареала.*

*Местонахлждения на карте: 1 — Куйбышев; 2 — Хвалынск; 3 — Хлопково; 4 — Даниловка; 5 — Шляховское; 6 — Степан Разин; 7 — Александровск; 8 — Волгоград; 9 — Архара; 10 — Джагра; 11 — Терекли Меклеб; 12 — Орджоникидзе; 13 — Замок; 14 — Константиновка; 15 — Ростов на Дону; 16 — Мариуполь; 17 — река Молочная; 18 — Веремье; 19 — Сабатиновка; 20 — Березовское ГЭС; 21 — Ленковцы; 22 — Рэдоая; 23 — Верхняя Жура; 24 — Русештий Ной; 25 — Суворово; 26 — Озерное; 27 — Mogoşeşti; 28 — Fedeleseni; 29 — Habaşeşti; 30 — Bîrlaleşti; 31 — Fitioneşti; 32 — Obirseni; 33 — Casimcea; 34 — Ocna Sibiului; 35 — Vaja; 36 — Decea Mureşului; 37 — Vîntul de Jos; 38 — Sălcuţa; 39 — Драма; 40 — Ржево; 41 — Суводол*

тенсивность и сходный или различный территориальный и хронологический диапазон. Однако, за редким исключением, все они взаимокоррелируют на уровне нижнего хронологического рубежа, соответствующего времени Кукутень А 2,3 — Триполье В 1, что и фиксирует начало массового проникновения восточных степных племен в среду древнеземледельческого населения. Более того, они не только доказывают сам факт интенсивного взаимодействия этих качественно различных общностей, но, рассмотренные в развитии, раскрывают многообразные аспекты характера их отношений.

На основании известных сейчас данных определенно можно говорить о двух качественно различных этапах во взаимоотношении скотоводческих и земледельческих обществ.

Первый этап соответствует первой половине среднего Триполья — Кукутень А-Триполье В 1 и характеризуется военной ситуацией, вызванной появлением и проникновением скотоводческих племен в глубинные районы земледельческого ареала. О военной ситуации свидетельствует: преобладающее расположение поселений этой поры в естественно-укрепленных местах, повсеместное распространение искусственных фортификационных сооружений, многочисленные зафиксированные случаи гибели поселений от пожаров, а также чрезвычайно высокий процент наконечников стрел, дротиков и иных видов оружия среди инвентаря поселений. На всем протяжении этапа восточные изделия — импорты выступают в «чистом» виде как механические вкрапления в культуры земледельческих обществ. Это касается и редких еще керамических изделий, и зооморфных скипетров или псевдопсалиев, и отдельных типов украшений.

Исходящая с Севера и Востока экспансия скотоводческого населения охватила весь ареал культуры Кукутень-Триполье, но главными были два направления. Одно направление — области нижнего Подунавья, занятые общностями культур Болград-Алдень-Гумельница и Криводол-Сэлкуца. Проникновение восточных племен в ареал этих культур, их путь, пролегающий через коридор, образованный южной оконечностью Восточных Карпат и западным побережьем Черного моря, отмечен серией погребальных комплексов (Касимча, Река-Девня, Чонград), находками реалистических зооморфных скипетров (Касимча, Сэлкуца, Суводол), распространением на памятниках этой зоны треугольных наконечников стрел восточных типов (Lichardus, Lichardus-Itten 1993: 39. Abb. 13). Второе направление экспансии — западные районы ареала Кукутень-Триполье, т.е. лесостепное среднее Поднестровье и Попрутье и далее на запад в области Внутрикарпатской котловины. Присутствие скотоводческого населения в западном регионе ареала Кукутень-Триполье документировано подкурганными комплексами (Старые Куконешты, Варатик, Костешть и др.), находками схематических зооморфных скипетров (Могошешть, Феделешень, Фитионешть и др.), крестовидных булав (Веремье, Рэдоая, Бырлэнешть), псевдопсалиев сабатиновского типа (Ленковцы, Хэбэшешть) и пр. Проникновение же отдельных групп восточного населения в Трансильванию, по-видимому, через Брецкий или Биказский перевалы, засвидетельствовано погребениями могильника Деча Мурешулуй, находками схематических и реалистических скипетров (Важа, Вынтул де Жос) и крестовидных булав мариупольского типа (Деча Мурешулуй, Окна Сибиулуй).

Применительно к рассматриваемому времени можно говорить о нескольких общих и частных последствиях процесса взаимодействия пришлого скотоводческого и местного земледельческого населения. К общим последствиям я отношу те основные обстоятельства, которые предопределили культурно-историческую и, возможно, этническую ситуацию на рассматриваемом и непосредственно следующем за ним этапах Триполья, равно как и иных обществ Восточной и Юго-Восточной Европы. К ним относятся: во-первых, отток, очевидно, в силу спонтанного характера движения, скотоводческого населения из степного Северного и Северо-Западного Причерноморья. Об этом как будто свидетельствует то, что, несмотря на значительную территориальную экспансию и чрезвычайно высокую степень исследованности зоны, она дает крайне малое число погребальных комплексов восточного типа, как на первом, так и на втором этапах среднего Триполья. Следствием убывающего давления степного населения явилось, по-видимому, снятие военной ситуации и установление на поздних этапах среднего Триполья — Триполье В 2, СУ 1 — мирного взаимодействия между скотоводческими и земледельческими обществами.

Второе важное обстоятельство. Распространение скотоводческого населения и его проникновение в глубинные районы земледельческого ареала Юго-Восточной Европы привело к блокировке и соответственно переориентации традиционных культурных влияний и связей. Именно с конца первой половины среднего Триполья почти полностью сходят на нет прежде мощные импульсы, идущие со стороны обществ нижнего Подунавья и Центральной Трансильвании. Определенное исключение составляют лишь верхнетисские культурные влияния, хорошо прослеживающиеся по металлическим изделиям верхнего Поднестровья и на среднем Днепре. Осуществлялись эти влияния, вероятнее всего, через верхний — Сучавский межгорный путь Восточных Карпат. В остальном же эволюция культуры Кукутень-Триполье с этой поры шла, главным образом, за счет его внутреннего развития и отчасти под влиянием не столько западных и южных, сколько восточ-

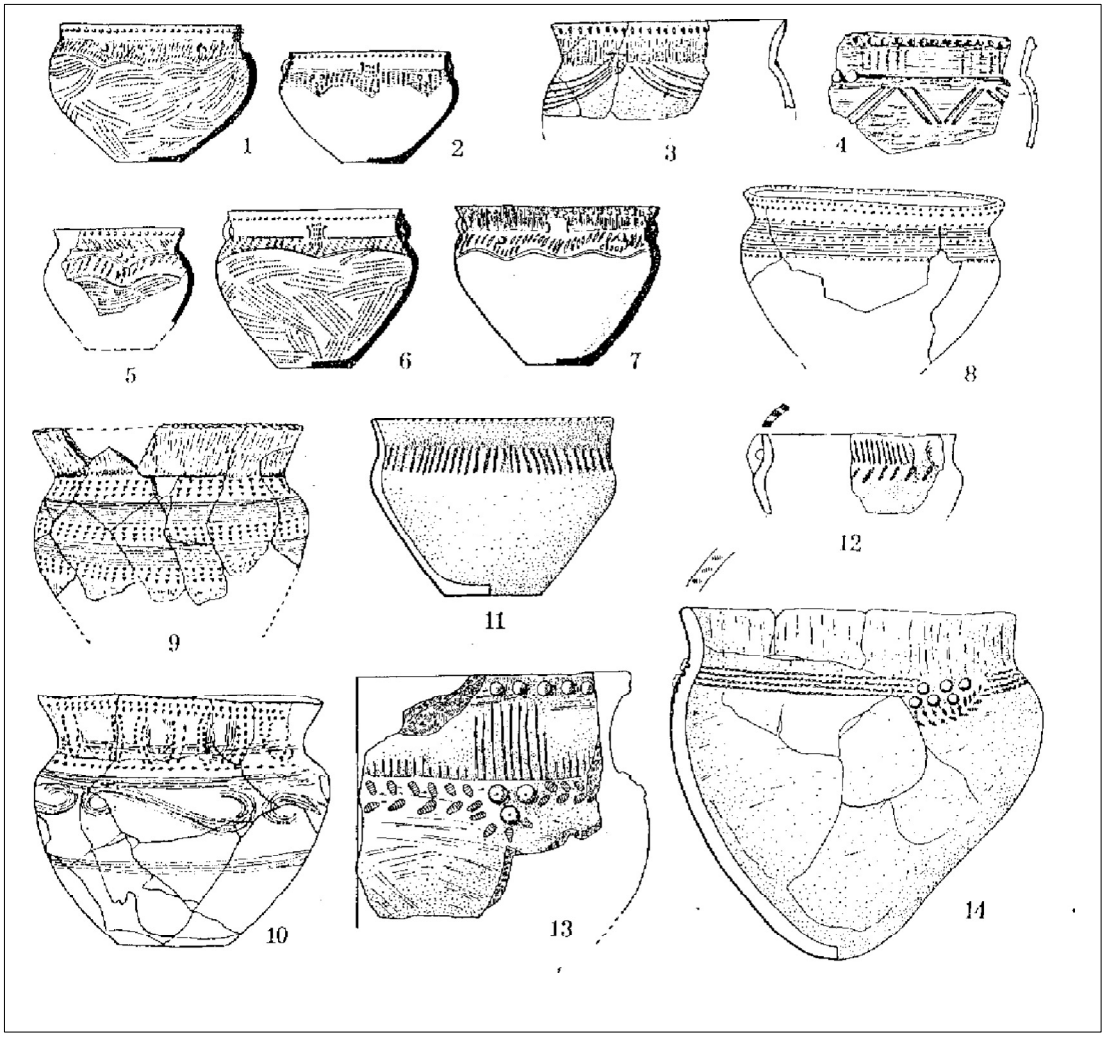



*Рис. 20. Керамика с приместью толченной ракушки восточных традиций с памятников культуры Кукутень-Триполье. 1-2,5-7 — Клищев (по И.И.Заец и С.Н.Рыжову); 3-4 -Ворошиловка (по С.О.Гусеву); 8 — Сабатиновка 1 (по Т.Г.Мовша); 9-10 — Дрэгушень (nach A. Crismaru).; 11 — Вэлень ; 12 — Кукутень-Четэцуя; 13-14 - Фрумушика ( nach A. Dodd-Opritescu). Масштабы разные.*

ных влияний. Важно обратить внимание, что с восточной стороны в этом процессе прямо или опосредованно участвовали и весьма отдаленные от ареала культуры Триполья общности Подонья, Предкавказья и нижнего Поволжья. На это указывает карта распространения тех же зооморфных скипетров или роговых псевдопсалиев. Достоверно фиксируются в частности контакты Трипольской культуры с носителями культуры Майкоп: флажковидные наконечники стрел майкопского типа из курганных погребений у Костешть и Красное, топор-клевец также майкопского типа с поселения Веремье. С проникновением степных племен на Северные Балканы влияние последних на культуры Северного и Северо-Западного Причерноморья первое время сохраняются. Они выражаются в относительно массовом экспорте металлических изделий, которые, однако, адресованы не носителям культуры Кукутень-Триполье, а, в первую очередь, населению Суворовско-Новоданиловской культурной группы. И об этом наглядно свидетельствуют тысячи медных и золотых изделий в погребениях могильников у Джурджулешть, Кривого Рога, Фундень и др. Существенно обратить внимание, что, вопреки бытующим мнениям, это по сути — первая и древнейшая металлоносная культура степной зоны юга Восточной Европы.

И последнее. Миграция скотоводческого населения на юг и запад привела к более или менее существенному смешиванию разнокультурного и разноэтнического населения, что сопровождалось интенсификацией этно- и культурогенетических процессов, приведших к полному или частичному обновлению или переоформлению участвовавших в этом процессе общностей. Для трипольской общности можно говорить о двух наиболее явных последствиях. Первое — восприятие земледельческим населением традиции по изготовлению керамики с примесью ракушки и ряда перечисленных выше

типов оружия, которые получили впоследствии самостоятельное развитие и распространились по всему ареалу культуры. Второе последствие — окончательное оформление под влиянием восточных племен четко выраженного восточного зонального варианта среднего Триполья.

Иными были последствия проникновения степного населения в Трансильванию и Подунавье. В Трансильвании и Потисье (Деча Мурешулуй, Чонград) пришлое степное население, очевидно втянутое в процесс переоформления культуры Тисапольгар и зарождения культуры Бодрогкерестур-Горнешть (Roman 1981: 21 ff; 1981a: 242 и след.; Comşa 1987: 56), по видимому, вскоре было ассимилировано, не оставив сколько-нибудь заметных следов в развитии этого региона. Иначе сложились обстоятельства в низовьях Дуная. Давление степного населения здесь привело к частичному вытеснению местного населения на юг и запад. А в зоне их наиболее интенсивного взаимодействия вскоре формируется новая культура — культура Чернавода 1. Она занимала низовья Дуная от его устья до речки Олт. Главная отличительная черта культуры — органическое сочетание местных гумельницких и восточных степных культурных элементов (Roman 1981; 1981a; Dumitrescu V., Balomei, Mogoşanu 1983: 126; Comşa 1987: 67).

В отличие от первого, второй этап во взаимодействии пришлого скотоводческого и местного земледельческого населения приходится на вторую половину среднего — конец энеолита — Кукутень АВ-Триполье В 2,СУ 1 и характеризуется снятием военной ситуации. Присутствие скотоводческих племен в Северо-Западном Причерноморье по-прежнему засвидетельствовано подкурганными погребениями Суворовской группы позднего горизонта (Прибужаны, Ново-Котовск, Хаджимус, Рени и др.). Но они уже лишены прежней пышности и богатства в металлических изделиях, что, по видимому, свидетельствует об утраченных связях с Северобалканскими металлургическими центрами. «Чисто» восточных комплексов в глубинных районах трипольского или ареала иных земледельческих культур Карпато-Подунавья для этого времени не известно. О смене военной ситуации свидетельствует постепенное исчезновение в эту пору искусственно укрепленных поселений. Зафиксированные на отдельных поселениях культуры Кукутень этой поры (Monah, Cucoş 1985: 45) и культуры Чернавода 1 (Чернавода «Дялул Фынтынилор») укрепления забрасываются и застраиваются жилищами. Как уже отмечалось при характеристике культуры Кукутень-Триполье, это время повсеместного распространения больших, и в том числе гигантских открытых поселений. Вместе с исчезновением фортификационных сооружений, резко падает численность оружия, в особенности наконечников стрел и дротиков, исчезают зооморфные скипетры и крестовидные булавы. Воспринятые в первой половине среднего Триполья от восточных племен элементы культуры (керамика с примесью ракушки, отдельные виды оружия), получают самостоятельное внутрикультурное развитие как у кукутень-трипольских, так и у чернаводских племен. О сколько-нибудь заметных восточных импульсах для этого времени можно говорить лишь применительно к распространению шнуровой керамики, и, очевидно, отдельных элементов погребальной обрядности (Roman 1981: 28; 1992). Но эти влияния имеют уже иной характер и иной механизм передачи. Никаких веских оснований для признания глубинного проникновения восточного населения во внутренние районы ареала земледельческих культур для этого времени нет.

### Ситуация в период перехода от энеолита к эпохе бронзы

Период перехода от энеолита к эпохе бронзы приходится ориентировочно на вторую-третью четверти 3 тыс. до н.э. и знаменуется очередными культурными изменениями, охватившими Среднюю, Юго-Восточную и Восточную Европу (Рис. 21).

На Среднем и Нижнем Дунае, на Балканах окончательно сходят с исторической арены ранее бытовавшие здесь земледельческие общности эпохи энеолита. Под сильными анатолийскими влияниями здесь складывается обширная культурная общность со своеобразной каннелированной керамикой, включающая ряд относительно самостоятельных культур: Баден на среднем Дунае и Потисье (Banner 1956; Roman, Nemeti 1978; Simposium Baden...), Чернавода 3 в низовьях Дуная (Roman, Nemeti 1978: 60; 1981: 31), Коцофень в Олтении и Центральной Трансильвании (Roman 1976). Одновременно, во Фракии формируется культура Езеро (Езеро 1979).

Изменения произошли и в Средней Европе. Возникнув еще во второй половине — конце 4 тыс. до н.э. в низовьях Эльбы и Одера, культура воронковидных сосудов (Bakker 1979; Wisławski 1979; Пелишищин 1985a) к середине 3 тыс. до н.э., распавшись на множество региональных и узколокальных вариантов, распространяется от юга Скандинавии и Ютландии до среднего Подунавья, и от восточных рубежей Нидерланд до верховьев Днестра и Стыри, где она приходит в непосредственное соприкосновение с ареалом культуры позднего Триполья.

Культурные преобразования охватили и юг Восточной Европы, где на базе ранее бытовавшей Хвалынско-Среднестоговской общности складывается раннеямная культурно-историческая общность (Мерперт 1974; 1980). Одновременно или чуть раньше в Крыму формируется Кемиобинская культура (Щепинский 1985), а в низовьях Днепра культура типа нижнего слоя Михаиловки (Шапошникова 1985), отделявшая

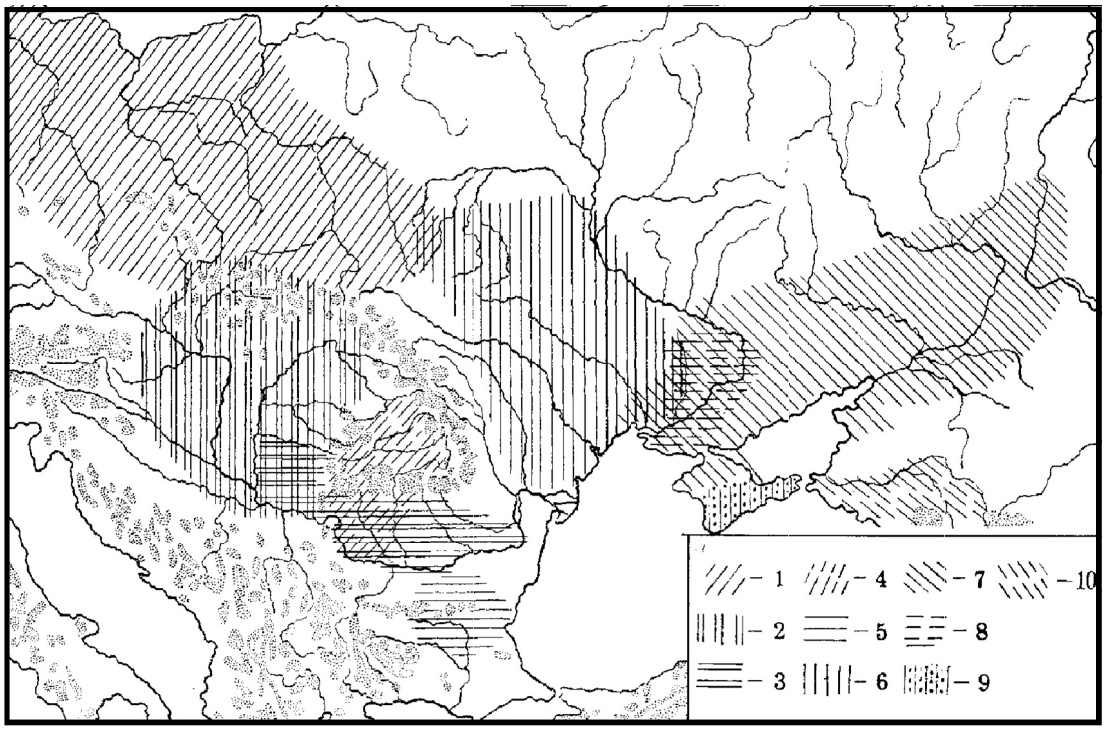



*Рис. 21. Культурные общности периода перехода от энеолита к эпохе бронзы:1 -культура воронковидных сосудов (поздняя); 2 -культура Баден (ранняя); 3 -культура Чернавода 3; 4 -культура Коцофень; 5 -культура Езеро; 6 -культура Триполье СУ 2; 7 — общность ранней ямной культуры; 8 -Нижнемихайловская культура; 9 -Кемиобинская культура; 10 -культура Майкоп (поздняя).*

на первых порах ареал позднего Триполья от племен раннеямной культуры.

На всем протяжении переходного периода пространство от Восточных Карпат до Днепра было занято носителями культуры Триполье, вступившей в поздний период своего развития — Триполье СУ 2 — и получившей предельное территориальное распространение (Рис. 22). Наличие на сегодняшний день целой серии обобщающих статей и монографий (Збенович 1974; Круц 1977; Дергачев 1980; Маркевич 1981; Черныш, Массон 1982: 219) позволяют лишь вкратце напомнить основные положения, имеющие отношение к рассматриваемому кругу вопросов.

Предопределенная предшествующим многовековым развитием, культура позднего Триполья включает несколько генетических линий развития или региональных образований, каждая из которых объединяет по две или более разнотипные группы памятников, представляющие самостоятельные локально-хронологические варианты (Дергачев 1980: 94). Одну из таких линий составляют памятники среднего Поднепровья — типа Лукашей и Софиевки (Рис. 23,1), вместе восходящие к памятникам типа Чапаевки. На Волыни это памятники типа Трояново (Рис. 23, 2) и Городска, (Рис. 23, 3), восходящие к традициям Колодяжного. Более сложную ситуацию дает лесостепь междуречья Днестра и Попрутья, как и прежде, составляющая основной центр культуры. Уже для начала позднего Триполья здесь выявляются две разнотипные группы памятников: Выхватинская (Рис. 23, 6) — на среднем Днестре и Брынзенская (Рис. 23, 5) — в верховьях Прута и Днестра. Они, по-видимому, восходят к памятникам типа Варваровки 15 и в дальнейшем получили различное развитие. Брынзенские памятники раннего этапа легли в основу формирования Гординештских (Рис. 23, 4), характеризующих финальный этап культуры в верховьях Сирета, Прута, Днестра и Южного Буга. Выхватинская группы развивается на протяжении всего периода, но, в результате переселения части населения раннего этапа на юг — в нижнее Поднестровье, на ее основе формируется Усатовская группа (Рис. 23, 7). Последняя же, в свою очередь, легла в основу формирования Серезлиевской группы в низовьях Южного Буга (Збенович 1974: 151; Dergacev 1991: 17)

Относительно различные по происхождению, разбросанные на огромной территории в виде небольших компактных групп с четко очерчиваемыми ареалами, локальные образования обнаруживают более или менее интенсивные взаимные или односторонние связи, осуществлявшиеся через объединяющие их внутриареальные (в рамках позднетрипольской общности) контактные территории. Такие связи существовали между днестровско-прутским и волыно-днепровским зональными вариантами и документируются наличием так называемого общепозднетрипольского комплекса форм керамики. Связи зафиксированы и между днепровскими и волынскими, и между последними и

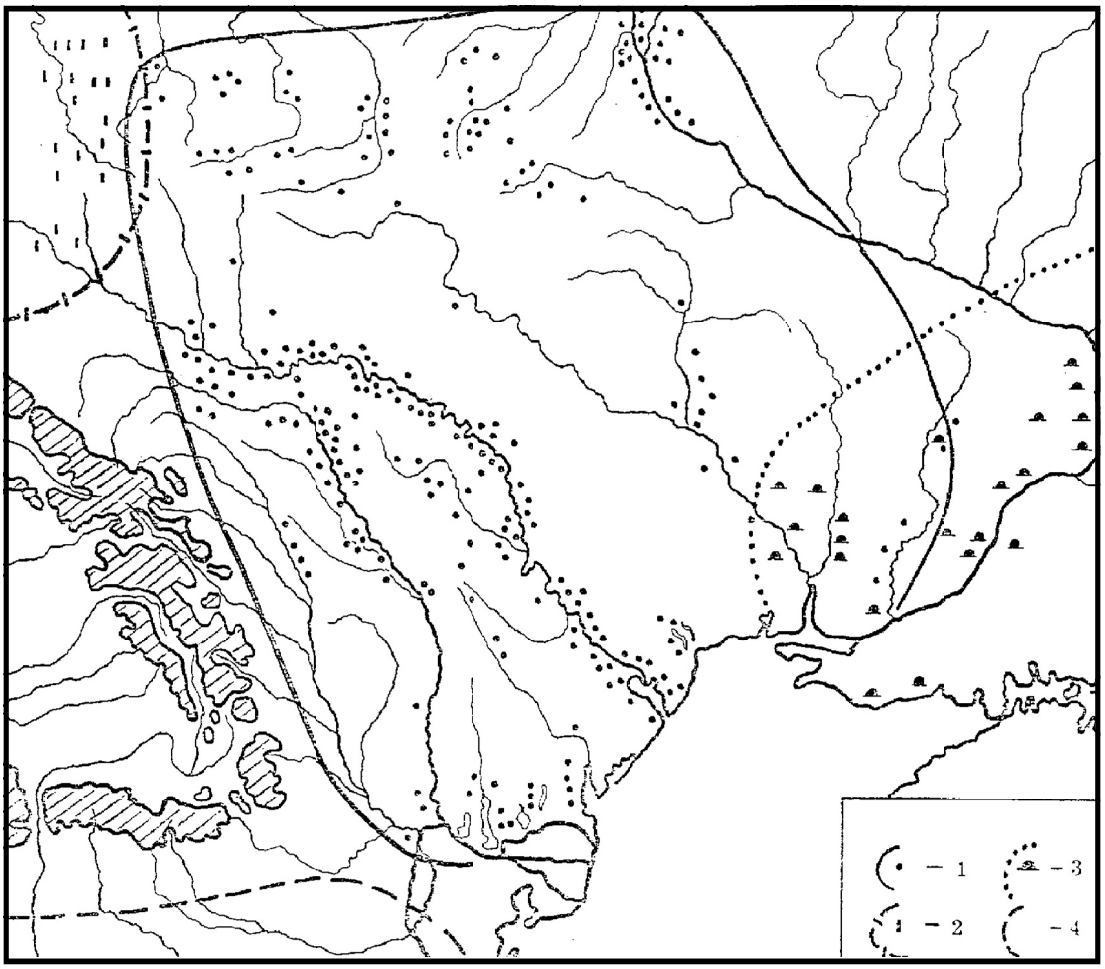



*Рис. 22. Основные памятники и границы культур периода перехода от энеолита к эпохи бронзы Карпато-Поднестровья. 1 — культура позднего Триполья; 2 — культура воронковидных сосудов; 3 — культура Чернавода 3; 4 — ранняя ямная культура.*

верхнеднестровскими региональными образованиями. Наконец, они обнаруживаются и между локальными вариантами одной и той же генетической линии: например, между Выхватинскими и Усатовскими, между последними и Гординештскими и пр.

На всем протяжении развития позднего Триполья мы обнаруживаем в основном те же межкультурные контактные территории, что и в предшествующих периодах. Одну из таких контактных зон составляла территория верховьев Днестра, Стыри и Западного Буга, т. е. в области соприкосновения ареалов раннего этапа позднего Триполья и культуры воронковидных сосудов. Межкультурные связи этих племен, зафиксированные вплоть до глубинных районов их ареалов (Рис. 24, 1-17), рассмотрены в работах Т.Г.Мовши (Мовша 1985а) и С.Ястржембского (Jastrzębski 1985). Контактность территории в этих районах сохраняется и на финальном этапе Триполья, культура воронковидных сосудов сменяется культурой шаровидных амфор (Мовша 1985а). Однако отношения эти были недолгими, ибо носители культуры шаровидных амфор, то ли вытеснив, то ли ассимилировав позднетрипольское население, вскоре заняли всю территорию, ранее принадлежавшую последним, от верховьев Сирета и Днестра до среднего Поднепровья.

Другой, также традиционный для трипольской общности контактный район прослеживается в низовьях Прута и Дуная, в зоне соприкосновения носителей Усатовского локального варианта с культурой Чернавода 2. Взаимодействие этих племен и влияния последней на усатовский локальный вариант наглядно прослеживается по комплексу своеобразной плотной чернолощеной керамики иногда с каннелированной орнаментацией, появившейся в памятниках финального Усатово (Маяки). С другой стороны, это отдельные фрагменты расписной керамики[6] и два погребения (№№ 982, 985), явно принадлежавших представителям усатовской группы на поселении и могильнике Дуранкулак в Северо-Восточной Болгарии (Vajsov 1993: 115). Применительно к рассматриваемому периоду, почти полностью отсутствуют данные о взаимосвязях трипольцев с общностями Внутрикарпатской котловины. Исключение, пожалуй, составляют лишь отдельные на-

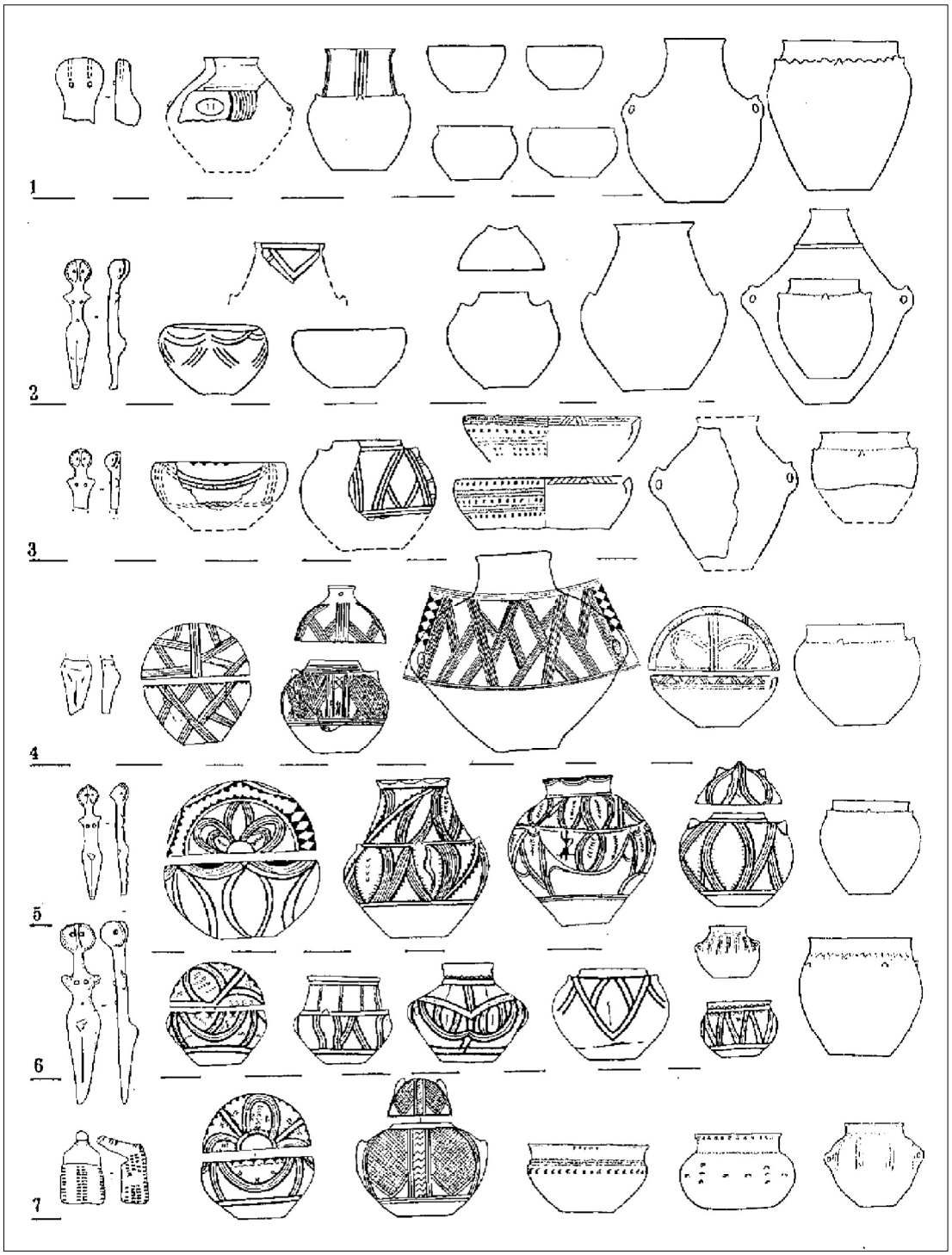


*Рис. 23. Материалы, характерные для различных локально-хронологических групп позднего Триполья. 1 — Софиевская, 2 -Трояновская, 3 — Городская , 4 -Гординештская, 5 — Брынзенская, 6 — Выхватинская, 7 — Усатовская группы*

ходки плоских топоров-мотыг типа Сакалхат, известных на севере Молдовы (Брынзены, Сороки) и на среднем Днепре (Биевцы), то ли импортированные, то ли отлитые на месте по верхнетисским образцам. Создается впечатление, что с переходом к позднему Триполью контакты с Трансильванией заметно ослабевают. И вообще, в силу каких-то неизвестных обстоятельств, резко сокрашается число позднекукутенских памятников в бассейне Сирета.

Совершенно иной была ситуация на восточной периферии ареала позднего Триполья. Культурное взаимодействие носителей трипольской культуры с восточными степными племенами имели уже многовековую традицию, отличались особой интенсивностью и охватыва-

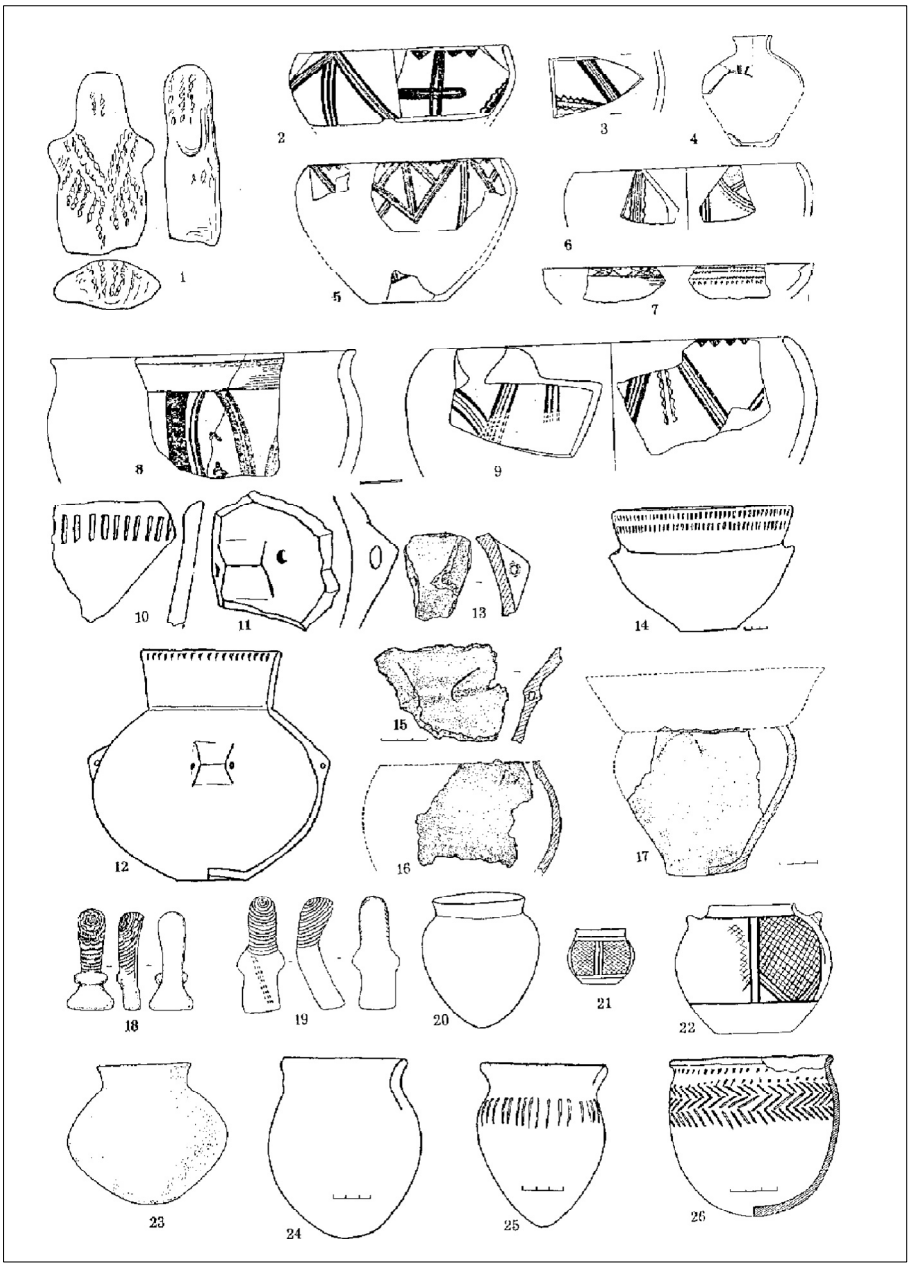


*Рис. 24. Материалы, свидетельствующие о культурных связях позднетрипольских племен с иными общностями.*

*1-9 — позднетрипольские материалы с памятников культуры воронковидных сосудов: 1 - Lasinsk ( nach R. Kirkowski); 2-4 — Зимно (по Ю.Н.Захаруку); 5-8 — Grodek Nadbuïny und 9 — Leznica (nach S. Jastrzębski).*

*10- 17 — керамика культуры воронковидных сосудов с поселений позднего триполья: 10-12 — Брынзень; 13 — 17 — Жванец (по Т.Г.Мовша).*

*18-19,21-23 — позднетрипольские материалы из комплексов восточного ареала: 18 - Новоалексеевка (по В.Г.Збеновичу); 19-20 -Широкое (по Л.П.Крыловой); 21 -Любимовка (по А.М.Лескову); 22 -Белозерка; 23 -Орджоникидзе ( по А.В.Николовой и Ю.Я.Рассамакину).*

*24-26 — сосуды ранней ямной культуры из погребений в ареале позднего Триполья: 24 — Градиште; 25 - Дольник ( по И.Л. Алексеевой); 26 — Куконештий Векь (по В.А.Сафронову).*

ли широкую зону всего Северо-Западного Причерноморья от среднего течения Днестра и Южного Буга до Поднепровья. Одним из результатов этого взаимодействия было зарождение самого Усатовского культурного варианта, весь комплекс признаков которого носит синкретический характер и сочетает в себе, с одной стороны, трипольские традиции среднего Поднестровья (исходный комплекс керамики), а, с другой, — элементы культуры явно степного происхождения (погребальный обряд). Особенно показательна в этом отношении Серезлиевская группа памятников. Она, почти целиком, носит степной облик (представлена курганными комплексами без поселений), и лишь отдельные категории инвентаря указывают на ее связь с различными (усатовскими, гординештскими, софиевскими) трипольскими традициями. Процесс взаимодействия трипольских и восточных степных племен относительно хорошо документирован и для финальных этапов этой культуры. Причем, как и прежде, в этом процессе участвовали как соприкасающиеся, так и весьма отдаленные друг от друга общности, что отчасти предопределило мобильность и аморфность границ контактных районов в этой зоне. О влияниях и отдельных проникновениях восточных племен в среду позднетрипольского населения,

в частности, свидетельствуют: ряд элементов погребального обряда Выхватинского могильника; ряд погребений ранней ямной культуры с круглодонными сосудами (Рис. 24, 24-26) в Поднестровье и Попрутье (Старые Куконешты, Градиште, Нерушай). Особенно ощутимами становятся майкопские влияния (Нечитайло 1991). В рассматриваемом регионе майкопские влияния засвидетельствованы специфическими сосудами из погребений усатовских эпонимных могильников (Дергачев 1980: 109), равно как типологическим составом и химизмом (мышьяковистая бронза) металлических изделий усатовской и иных культурных группп (Черных 1966; 1978). Сполна представлены и доказательства обратного процесса, т.е. влияния и проникновения представителей трипольской культуры в восточные районы степного ареала. Здесь можно сослаться на выявленные Т.Г.Мовшей трипольские — в частности, гординештские — влияния в керамике культуры типа нижней Михайловки (Мовша 1993: 45). Но, нагляднее всего отмеченный процес обнаруживается в целой серии подкурганных погребений, выполненных по усатовским канонам и содержащих усатовскую керамику или антропоморфную пластику (Рис. 24, 18-19,21-23) . Они открыты по всему левобережью Днепра от его порожистой части до Причерноморья и Приазовья (Dergacev 1991: 79 и след.). Стратиграфически они чередуются то с раннеямными, то с с комплексами типа нижней Михаиловки. Помимо условно «чистых» в культурном отношении комплексов, отдельные сосуды или подражания антропоморфным усатовским статуэткам обнаружены в Крыму и еще восточнее, вплоть до Предкавказья .

## Контактная ситуация в эпоху бронзы

Контактность Карпато-Поднестровья, непрерывно прослеживаемая на протяжении неолита и энеолита, в равнной степени характерна и для эпохи бронзы. Она отчетливо обнаруживается из анализа соотношения культурных общностей как ранней, средней, так и поздней бронзы. Культурные общности каждого из этих периодов были подробно рассмотрены в опубликованной ранее монографии (Дергачев 1986), поэтому ограничусь напоминанием лишь главных моментов.

Развитие Карпато-Поднестровья в период ранней бронзы (Рис. 25; Рис. 26) связано с расселением и бытованием здесь носителей степной ямной культуры. Миграция этих племен на запад началась еще в пору бытования здесь культуры позднего Триполья. Как и в эпоху энеолита, этот процесс вызвал военную ситуацию, что подтверждается повсеместным распространением в культуре финального Триполья искусственно укрепленных поселений (Дергачев 1980: 149; Dergacev 1993: 107). Приблизительно к концу 24 — началу 23 вв. до н.э. ямные племена расселяются по всему Карпато-Под-

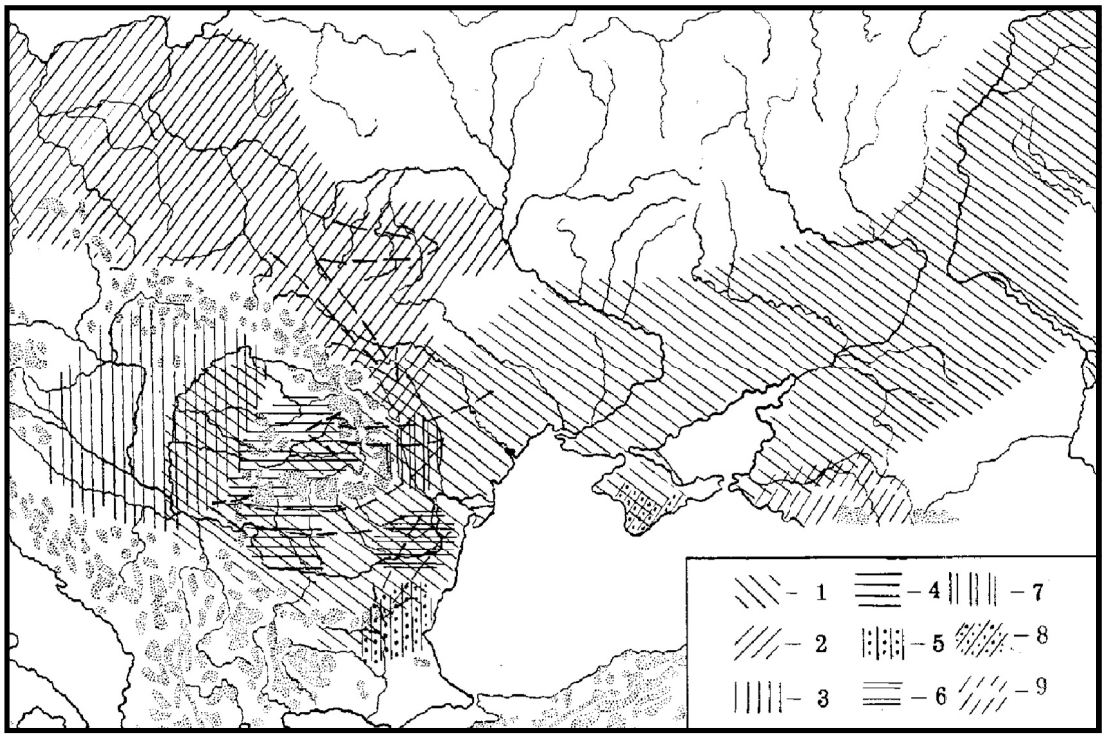



*Рис. 25. Культурная ситуация начального периода ранней бронзы: 1 — ямная культура; 2 — культура шаровидных амфор; 3 -культура Баден (поздняя); 4 -культура Коцофень; 5 — культура Езеро; 6 -культура Черновода 2; 7 -культура Фолтешть 2; 8 -Кемиобинская культура; 9 -Культура Майкоп (поздняя).*

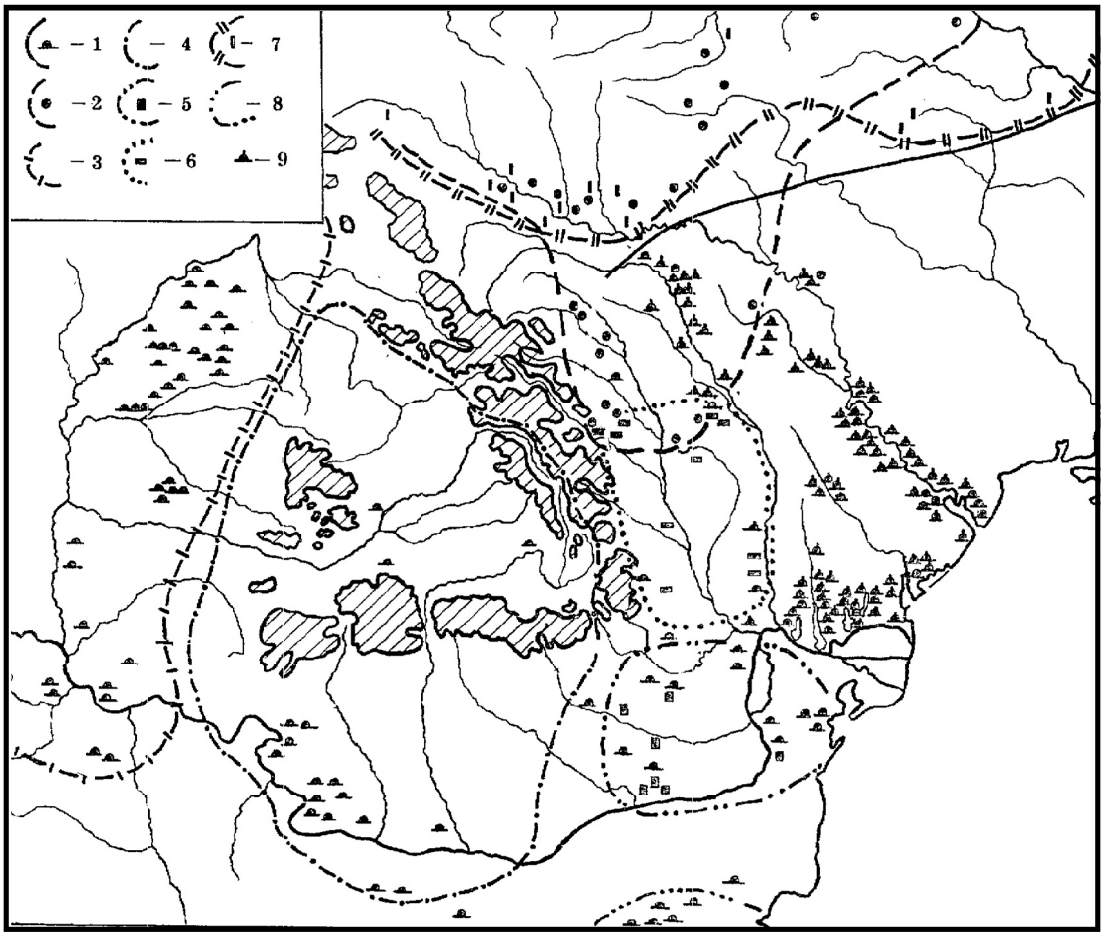



*Рис. 26. Основные памятники и границы культур начального периода ранней бронзы Карпато-Поднестровья. 1 — ямная культура; 2 -культура шаровидных амфор; 3 -культура Баден; 4 -культура Коцофень; 5 -культура Чернавода 2; 6 -культура Фолтешть 2; 7 -культура шнуровой керамики (ранняя); 8 -культура Езеро; 9 -памятники Днестровско варианта ямной культуры.*

нестровью вплоть до южных районов современной Черновицкой области Украины. Более того, следуя вверх по Дунаю и отчасти, по видимому, через межгорные дороги в Восточных Карпатах, ямные племена проникают в Трансильванию и Фракию и далее до югославского Подунавья и Потисья (Ecsedi 1979; Тасић 1983; Панайотов 1989).

Одновременно с расселением ямных племен, северо-западная часть позднетрипольского ареала была занята носителями культуры шаровидных амфор, продвинувшихся вплоть до среднего Прута (Дину 1960; Свешников 1983). Между тем бытование этой культуры в верховьях Днестра и Прута было недолговременным. Вскоре она сменяется культурой шнуровой керамики (Свешников 1974).

Расселение ямных племен в Карпато-Поднестровье привело к перегруппировке ранее обуславливавших развитие этого региона факторов. Если в предшествующие эпохи эти земли составляли северо-восточную периферию культур, традиционно связанных с Карпато-Подунавьем, то в период ранней бронзы территория эта полностью включается в ареал восточных степных племен, образуя ее крайне западную периферию. Прежде, выступая в роли внешнего фактора, эта культура теперь обретает статус местной. Соответственно меняется и контактная ситуация. Испытав на себе миграцию степного скотоводческого населения, полностью прекращаются влияния на Карпато-Поднестровье культур Подунавья и Трансильвании. Главными для этого времени становятся контакты и взаимодействия с периферийными обществами культур среднеевропейского происхождения и, в первую очередь, с культурой шаровидных амфор. Эти контакты очевидно восходят ко времени проникновения ямных племен в районы верхнего Попрутья и Поднестровья и сполна документированы уже многочисленными находками классических сосудов культуры шаровидных амфор в погребениях ямной культуры, открытых в курганах севера Молдовы (Рис. 27, 4-9). Гораздо более существенными представляются результаты взаимодействия местных ямных племен с носителями культуры шнуровой керамики, сменивших культуру шаровидных амфор. На данном этапе трудно судить о влиянии ямной культуры

на культуру шнуровой керамики. Возможно, этот процесс имел лишь односторонний характер. Но он был исключительно эффективным и выразился в восприятии ямными племенами Карпато-Поднестровья двух ведущих для общности шнуровой керамики форм сосудов: сосудов шаровидных и кубковидных форм (Рис.28, 18 — 20, 23). Распространение этих форм керамики, сочетающихся с традиционными чертами погребальной обрядности, фиксируют стабилизацию культурной ситуации в этом регионе и формирование относительно самостоятельного — Днестровского локального варианта (Рис. 28, 13-23) ямной культуры (Дергачев 1986: 74 ). Одновременно с этим, на правобережье нижнего Прута формируется группа памятников типа Фолтешть 2 (Roman 1969), комплекс керамики которой очень схож с материалами Днестровского варианта ямной культуры. К этому же времени относится активизация временно прерванных взаимных контактов скотоводческого населения Пруто-Днестровского междуречья с культурными общностями нижнего Подунавья. Они документированы отдельными специфичными для культур Подунавья сосудами, найденными в курганных погребениях у Тараклии, Глубокого (Рис. 27, 2-3), а с другой стороны сосудами днестровской группы, найденными в погребениях нижнего Подунавья у Брэилицы, Тырнава. Очевидно, к этому же времени относятся и первые проникновения в Поднестровье отдельных групп очередной восточной волны скотоводческого населения катакомбной культуры.

Сложной остается ситуация и на позднем этапе ранней бронзы (Рис. 29; Рис.30), когда на базе Днестровского варианта, под продолжающимися интенсивными влияниями позднешнуровых культур, формируется Буджакский вариант (Дергачев 1986: 82) ямной культуры (Рис. 28, 1-12). Усиливается приток восточных племен позднекатакомбной культуры (Рис. 31,1-13). Проникая в среду буджакского населения, они распространяются до Прута и севера Молдовы. К концу раннего периода относится и проникновение на левобережье среднего

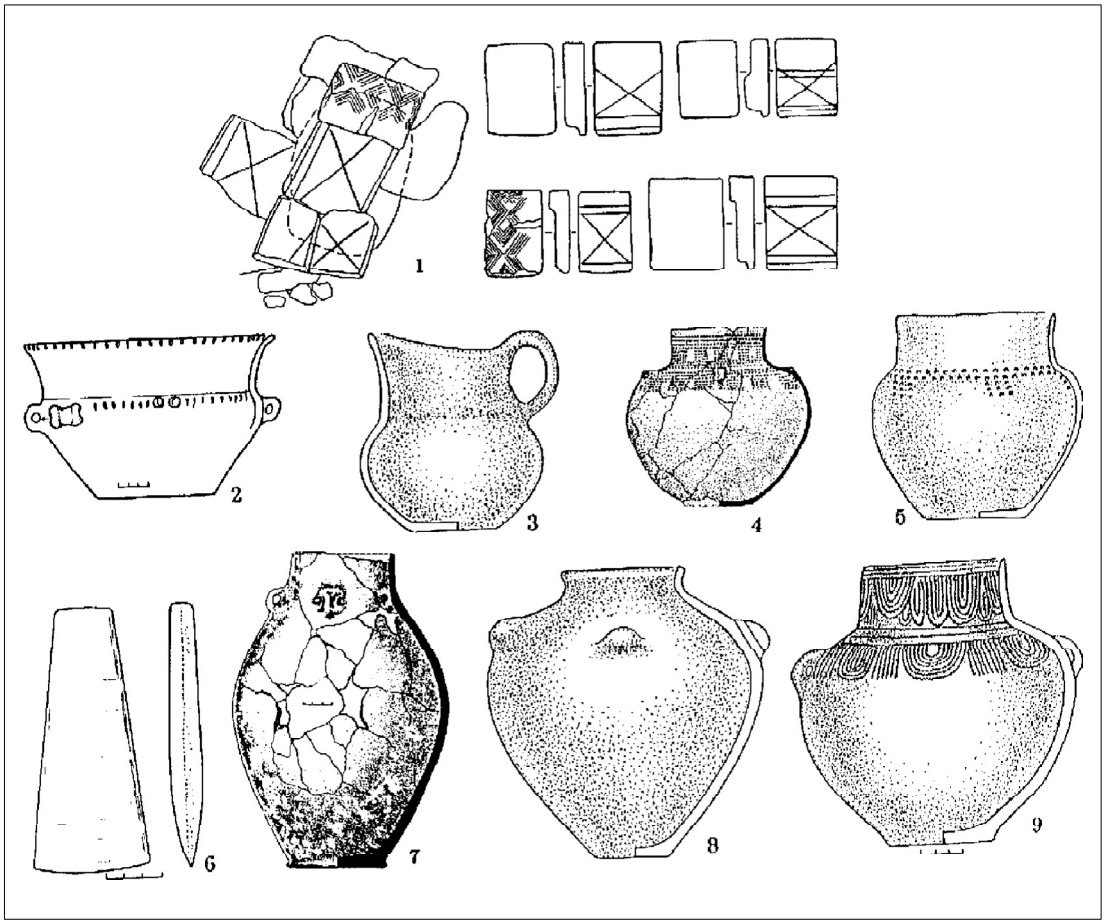



*Рис.27.Материалы, свидетельствующие о культурных контактах ямных племен Пруто-Днестровья с иными общностями. 1 — Каменная гробница кемиобинского типа из Великодолинское (по А.В.Субботину). 2-3 — Сосуды нижнедунайских культур из погребений ямной культуры: 2 — Тараклия 2 (по С.М.Агульникову), 3 — Глубокое (по Н.М.Шмаглию и И.Т.Чернякову). 4-9 — материалы культуры шаровидных амфор из погребений ямной культуры: 4 — Окница (по И.В.Манзуре); 5-6 — Каменка; 7 — Маркулешть (по В.С.Бейлекчи); 8-9 — Корпач.*

Прута небольшой группы западного населения. Имеется в виду Единецкая культура (Рис. 31,14-24), генетически восходящая к культуре Хатван северо-восточной Венгрии (Дергачев 1986: 111). Переселение носителей этой культуры могло осуществиться через верхнюю — Сучавскую межгорную дорогу. К концу периода относится и начало формирования культуры Монтеору, сложившейся в Мунтении на местной основе под сильными южными влияниями (Morintz 1978: 85).

Дальнейшее развитие получает контактная ситуация в Карпато-Поднестровье в период средней и поздней бронзы. Период средней бронзы (Рис. 32; Рис. 33), как известно, характеризуется расцветом культуры Монтеору в Мунтении и на юге румынской Молдовы (Morintz 1978: 85). Междуречье же Прута и Днестра включается в ареал многоваликовой культуры (Рис. 34, 1-13), известной до Днепра и отчасти восточнее (Савва 1992; Березанская и др. 1986: 5). Одновременно, на верхнем Днестре позднешнуровые культуры сменяются культурой Комарово (Свешников 1974) (Рис. 34, 14-22). Сложной остается ситуация (Рис.35; Рис.36) и в период поздней бронзы (Дергачев 1986: 153; Березанская 1986: 83), когда перечисленные выше культуры сменяются культурами Ноуа (Рис. 37,11-23) и Сабатиновской (Рис. 37, 1-10), а в верховьях Днестра памятники культуры Комарово перемежаются с памятниками культуры Ноуа. Одновременно с ними в низовьях Дуная бытует культура Косложень (Morintz 1978: 121).

Суммируя основные аспекты контактной ситуации, развивавшейся на протяжении эпохи бронзы, можно отметить, что, как и в предшествующие эпохи, Карпато-Поднестровье остается территорией соприкосновения и взаимодействия качественно различных общностей, традиционно связанных с областями Восточной (ямная, катакомбная, культура многоваликовой

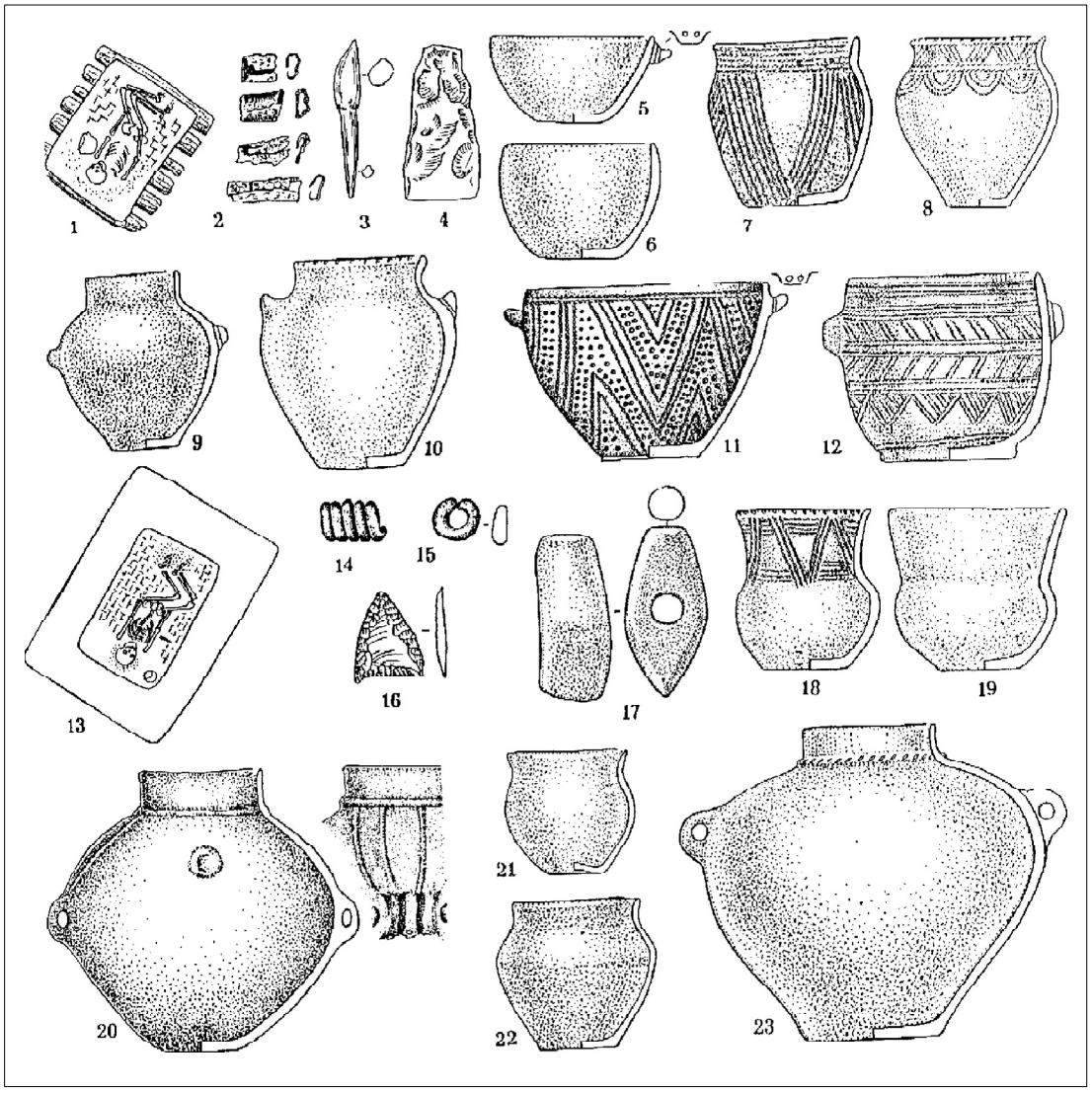


*Рис. 28. Материалы, характерные для: 1-12 Буджакского (поздний) и 13-23 Днестровского (ранний) хронологических вариантов ямной культуры Пруто-Днестровья. Масштабы разные.*

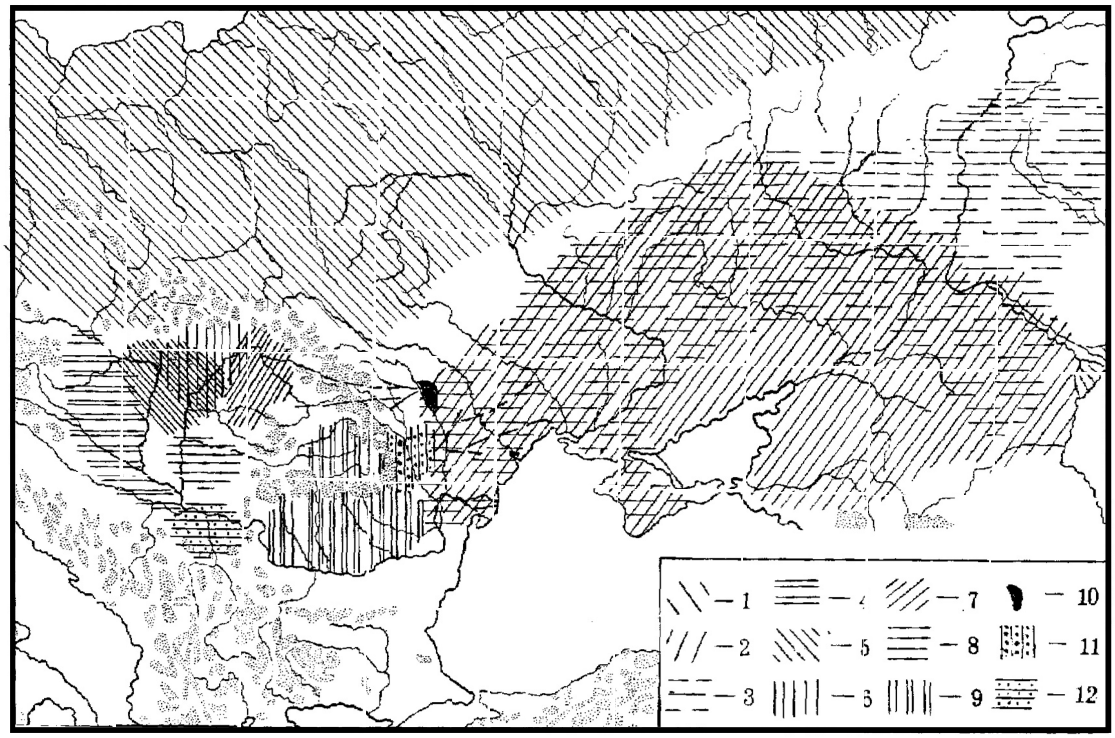



*Рис.29. Культурная ситуация на позднем периоде ранней бронзы: 1 — общность культур шнуровой керамики; 2 — катакомбная общность; 3 — ямная культура позднего периода; 4 — культура Шомогивар-Винковцы; 5 — культура Ниршег; 6 — культура Хатван; 7 — культура Нагирев; 8 — культура Мурещ; 9 — культура Глина 3-Шнекенберг; 10 — культура Единец; 11 — культура Монтеору $IC_4$; 12 — культура Белотич -Бела Цркза.*

керамики, Сабатиновская), Средней (культура шаровидных амфор, культура шнуровой керамики, тщенецко-комаровская общность) или Юго-Восточной (культуры Единецкая, Монтеору, Ноуа) Европы. Вместе с тем, обладая относительно четко выраженными ареалами, все эти культуры обнаруживают на своей периферии более или менее обширные контактные области или районы, изменявшиеся в соответствии с изменением ареалов культур. Как уже отмечалось, в период ранней бронзы область соприкосновения восточноевропейских и среднеевропейских культур приходилась на районы лесостепного междуречья среднего Прута и Днестра, хотя влияния последних сказались на все Карпато-Поднестровье. Контактные районы действовали в эту пору в низовьях Прута и устье Дуная, т.е. на соприкосновении ямной и катакомбной культур с обществами Нижнего Подунавья; в междуречье Днестра и Буга — в зоне взаимодействия носителей Днестровского и Буджакского культурных вариантов с родственными в прошлом обществами степного Поднепровья. С переходом к среднему периоду бронзы и распространением культуры многоваликовой керамики снимается контактность междуречья Днестра и Буга, отчасти видоизменившись, сохраняется контактность низовьев Прута на соприкосновении культуры многоваликовой керамики с культурой Монтеору, а также контактность северных районов Молдовы, где проходила граница соприкосновения культуры многоваликовой керамики с культурой Комарово. Последовавшие в период поздней бронзы культурные преобразования сопровождаются возрождением контактности территории Юго-Восточной Трансильвании, ставшей зоной взаимодействия культур Ноуа и культуры Витенберг. Одновременно расширившись, интенсифицируется контактность территории Верхнего Поднестровья, где, как хорошо известно, проникшие сюда носители культуры Ноуа практически жили бок о бок с носителями поздней комаровской культуры. Возобновляется контактность пограничных районов степи и лесостепи, разделявших и одновременно объединявших ареалы культуры Ноуа и Сабатиновка. По прежнему активно развивается контактность территории низовьев Дуная, составляющей поле взаимодействия сабатиновских, ноуавских и косложенских племен с носителями культуры Зимнича-Пловдив.

Обращает на себя внимание то, что все основные культурногенетические процессы, сопровождавшиеся зарождением новых культур или их вариантов, как и в предшествующие эпохи, обычно приурочены к контактным зонам, областям или районам. Контактностью зоны обусловлено возникновение Днестровского, а позже Буджакского вариантов ямной культуры, качественно отличавшихся от всех остальных вариантов этой общности. Контактностью ре-

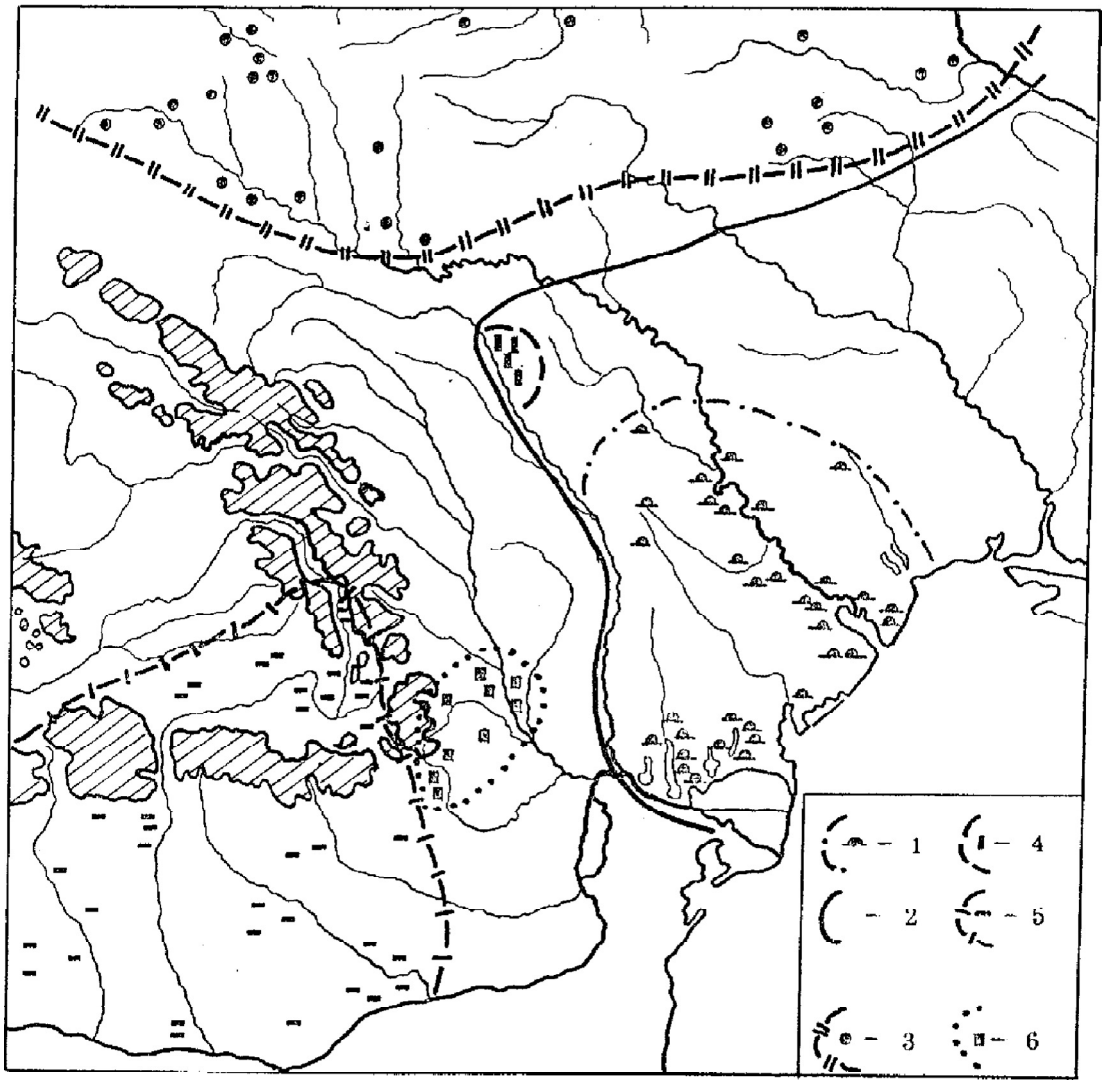



*Рис.30. Основные памятники и границы культур позднего периода ранней бронзы Карпато-Поднестровья. 1 — Буджакский вариант ямной культуры; 2 — Катакомбная культура; 3 — культуры позднешнуровой керамики; 4 — культура Единец; 5 — культура Глина 3-Шнекенберг; 6 — культура Монтеору $IC_4$.*

гиона объясняется зарождение культурной группы Фолтешть 2, культуры Монтеору и Ноуа. Показательны в этом плане формирование и развитие характерных для культуры Ноуа локальных вариантов: трансильванского, обусловленного влияниями культуры Витенберг; верхнеднестровского, несущего в себе многие черты местной культуры Комарово и молдавского, предопределенного в большей степени восточными степными влияниями. Контактностью территории вызван, в частности, синкретический характер культуры Косложень.

И последнее. Несмотря на неоднократные изменения культурной ситуации, как и прежде, в эпоху бронзы в Карпато-Поднестровье мы обнаруживаем те же исторические пути-дороги, связывавшие местные общности с племенами сопредельных областей. Это нижнедунайский коридор, через который реализовывались взаимодействия (проникновения или влияния), с одной стороны, ямных отчасти катакомбных и племен многоваликовой и сабатиновской культур, а, с другой стороны, культур разных периодов бронзового века Южного Прикарпатья и Северных Балкан. С различной степенью активности действовали на разных периодах эпохи межгорные пути в Восточных Карпатах. Ими воспользовались при переселении племена ямной культуры, носители хатванских культурных традиций или носители культуры Ноуа. Этими же дорогами шло поступление металлических изделий из Юго-Восточной, Центральной Трансильвании и верхнего Потисья в Попрутье и далее на восток. Интенсивно действовал на протяжении эпохи бронзы северный путь, пролегающий вдоль верховьев Прута и Днестра. Наконец, не менее активно функционировали пути, соединяющие Карпато-Поднестровье с восточными областями лесостепного и степного Поднепровья и более отдаленными районами.

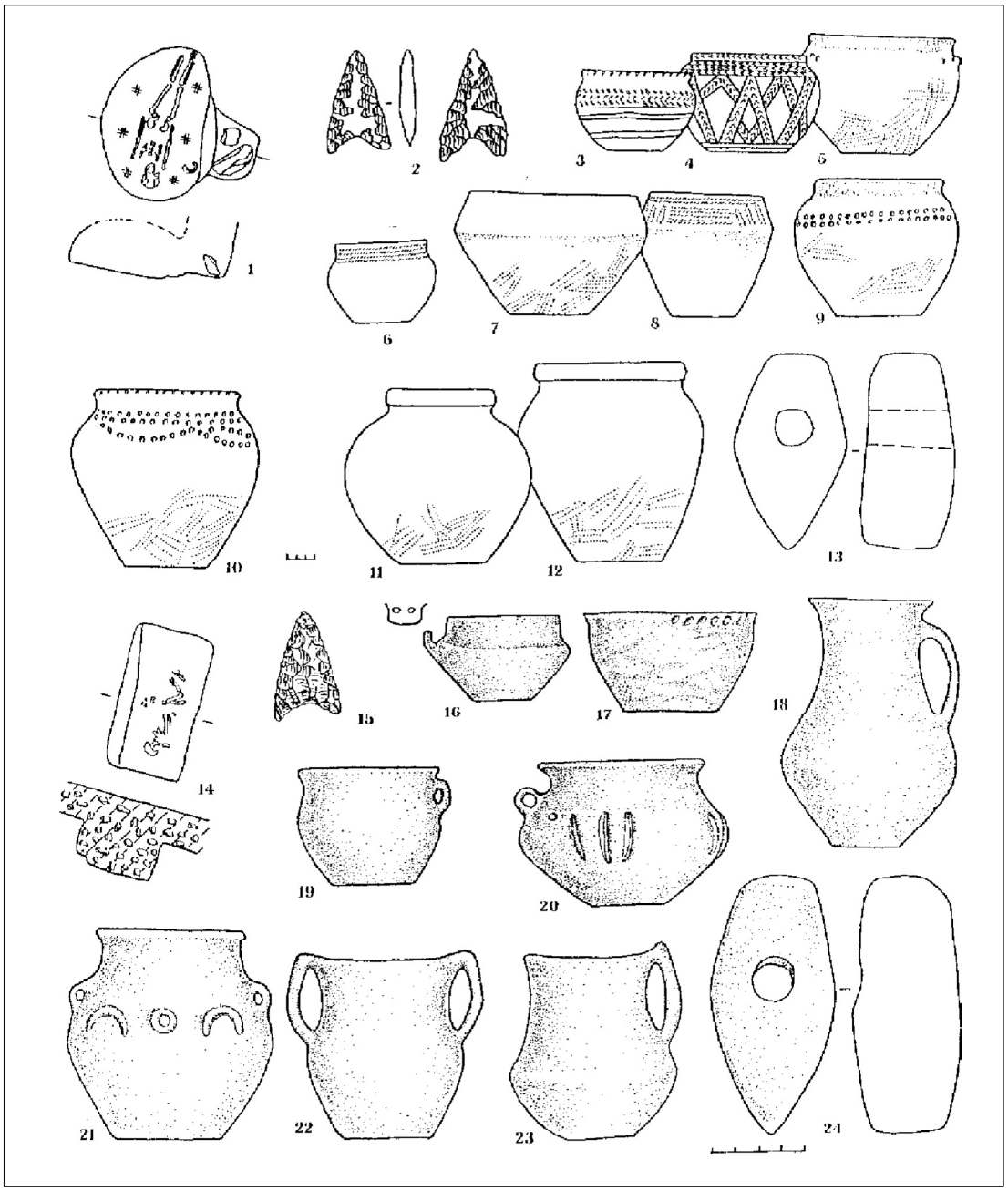


*Рис.31. Материалы, характерные для культур финального этапа ранней бронзы: 1-13 — катакомбная культура; 14-24 — культура Единец.*

## Контактность Карпато-Поднестровья. Факторы развития

Выше мы рассмотрели культурную ситуацию, развивавшуюся в Карпато-Поднестровье на протяжении трех крупных исторических эпох: неолита, энеолита и эпохи бронзы. Каждая из этих эпох была представлена различными культурами или культурно-историческими общностями целиком, частично или лишь периферийно локализировавшихся на территории изучаемого региона. Каждая из культур имела пришлый или местный характер, сходную или различавшуюся основу хозяйства, постоянный или изменявшийся во времени ареал. Но, что принципиально важно, в каждом конкретно взятом историческом промежутке времени мы застаем в Карпато-Поднестровье две или более одновременно сосуществовавших, прямо или опосредованно соприкасавшихся и взаимодействовавших культурных общностей, восходивших, как правило, к качественно различным по происхождению культурным традициям. Эта черта характерна практически для каждого из рассмотренных нами периодов эпох неолита, энеолита и брон-

зы. Более того, если продолжить анализ культурного развития региона, эта черта выявляется и для последующих периодов эпохи раннего железа, раннего и позднего средневековья, что хорошо известно всем специалистам и неизменно ими отмечается.

Следуя предложенной нами дефиниции, поле соприкосновения и взаимодействия различных по происхождению культурных общностей является исходным качеством, определяющим понятие «контактная зона». Поскольку эти качества присущи рассматриваемой нами территории, непрерывно повторяются от эпохи к эпохе, а внутри них — от периода к периоду, вполне определенно можно утверждать, что Карпато-Поднестровье обладает контактностью и что это свойство имеет общеисторическое значение, составляя отличительную черту культурно-исторического развития этого региона.

Резюмируя все выше изложенное, можно отметить, что своеобразие Карпато-Поднестровья предопределено его географическим положением, о чем сказано в начале работы, и проявляется как зона постоянного взаимодействия **трех главных культурно-исторических факторов: юго-восточноевропейского, восточноевропейского и среднеевропейского.** Действие каждого из этих факторов было обусловленно совокупностью конкретных исторических обстоятельств, которые, однако, чаще всего не поддаются выявлению по археологическим источникам. Каждый из них, представленный носителями определенных культурных, социальных и хозяйственно-экономических традиций, на разных этапах истории играл разную роль как с точки зрения содержания культурно-исторического процесса, так и с точки зрения его пространственно-временного охвата, выступая то в качестве внешнего, то в качестве внутреннего — местного импульса развития. А соответственно этому, действие каждого из факторов имеет двоякое значение. С одной стороны, они раскрывают специфику собственного развития, выражающуюся обычно в формировании на территории Карпато-Поднестровья производных, периферийных для каждого из них культурных вариантов. С другой стороны, в совокупности и взаимосвязи они характеризуют своеобразие культурно-исторического развития Карпато-Поднестровья в целом как относительно самостоятельного историко-географического региона. Это своеобразие заключается в од-

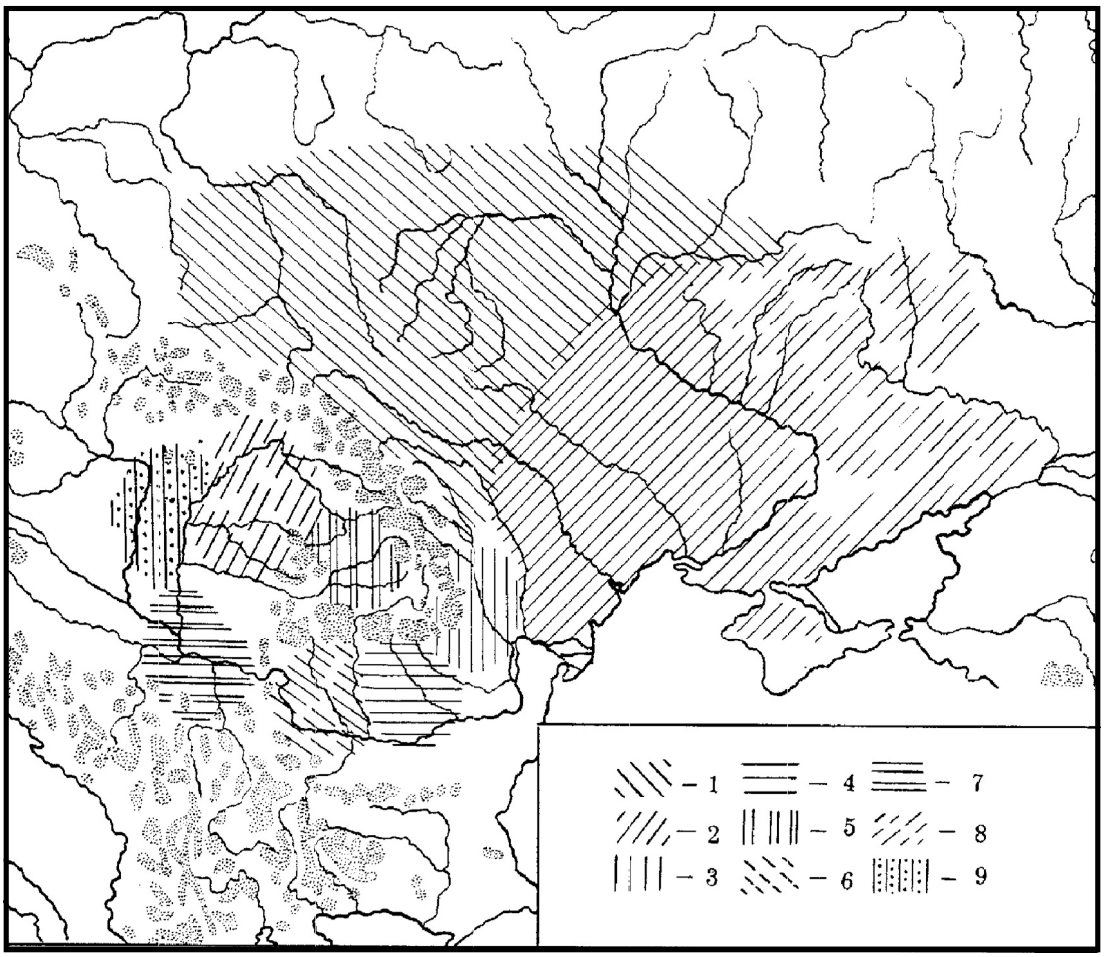



*Рис.32. Культурная ситуация в эпоху средней бронзы: 1 — Тщенецко-комаровская общность; 2 — культура многоваликовой керамики: 3 — культура Монтеору; 4 — культура Тей; 5 — культура Витенберг; 6 — культура Вербичиоара; 7 — культура Ватин; 8 — культура Отомань; 9 — культура Ватия.*

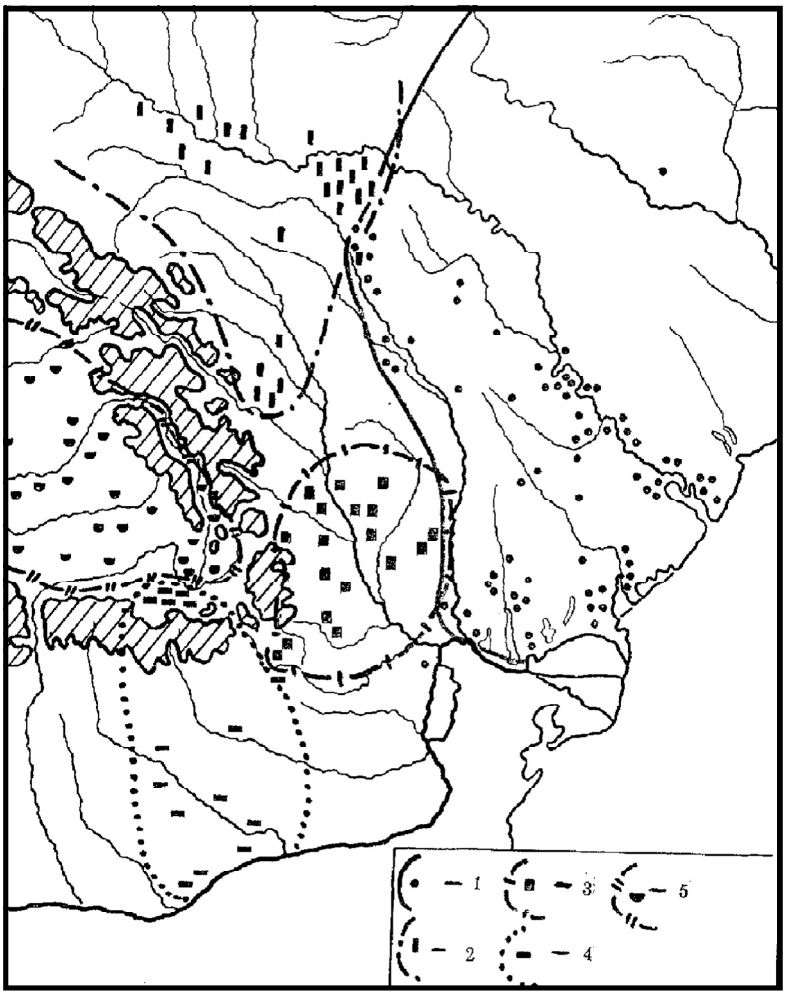



*Рис.33. Основные памятники и границы культур средней бронзы Карпато-Поднестровья. 1- культура многоваликовой керамики; 2 — культура Комарово-Костиша; 3 — культура Монтеору; 4 — культура Тей; 5 — культура Витенберг.*

новременном сосуществовании в различных его районах различных периферийных для окружающих его областей образований, или в формировании в результате их взаимодействия качественно новых самостоятельных, но, как правило, синкретичных по содержанию, культурных явлений.

Приоритетное значение в культурно-историческом развитии Карпато-Поднестровья бесспорно принадлежит **юго-восточноевропейскому фактору.** Он включает два, относительно единых в основе, но исторически самостоятельно действовавших, компонента, представленных культурными общностями и влияниями, исходившими непосредственно из Балкано-Подунавья или опосредованно из районов Внутрикарпатского бассейна. Каждый из этих компонентов оказывал самостоятельное или взаимообусловленные влияния преимущественно на западные районы Карпато-Поднестровья. Доминантное значение юго-восточноевропейского фактора объясняется его подверженностью сильным импульсам со стороны передовых культурных центров Передней Азии и Средиземноморья, предопределивших опережающие темпы развития Балкан и Карпато-Подунавья и, в большей или меньшей степени, передавшихся в Карпато-Поднестровье. Именно с областями Юго-Восточной Европы связано проникновение в Карпато-Поднестровье первых элементов производящего хозяйства, а затем и носителей древнейшей земледельческой культуры Старчево-Криш, которая, распространившись в Карпато-Поднестровье, обрела статус местной культуры. Преимущественно с юго-восточноевропейскими культурными традициями и влияниями связано формирование, а затем в определенной степени и развитие общности Прекукутень-Кукутень-Триполье. Она демонстрирует окончательное утверждение и расцвет ранних форм земледельческого хозяйства и составляет главное содержание эпохи энеолита Карпато-Поднестровья и Правобережной Украины. Наконец, непосредственно с Фракией связана распространившаяся частично и в Карпато-Поднестровье раннеземледельческая культура, представленная здесь памятниками типа Алдень-Болград. Значение юго-восточноевропейских общностей и их влияний в культурно-историческом развитии Карпато-Поднестровья резко ослабевает, начиная со второй половины энеолита, в связи с активизацией степного восточноевропейского фактора. Это состояние сохранилось на протяжении перио-

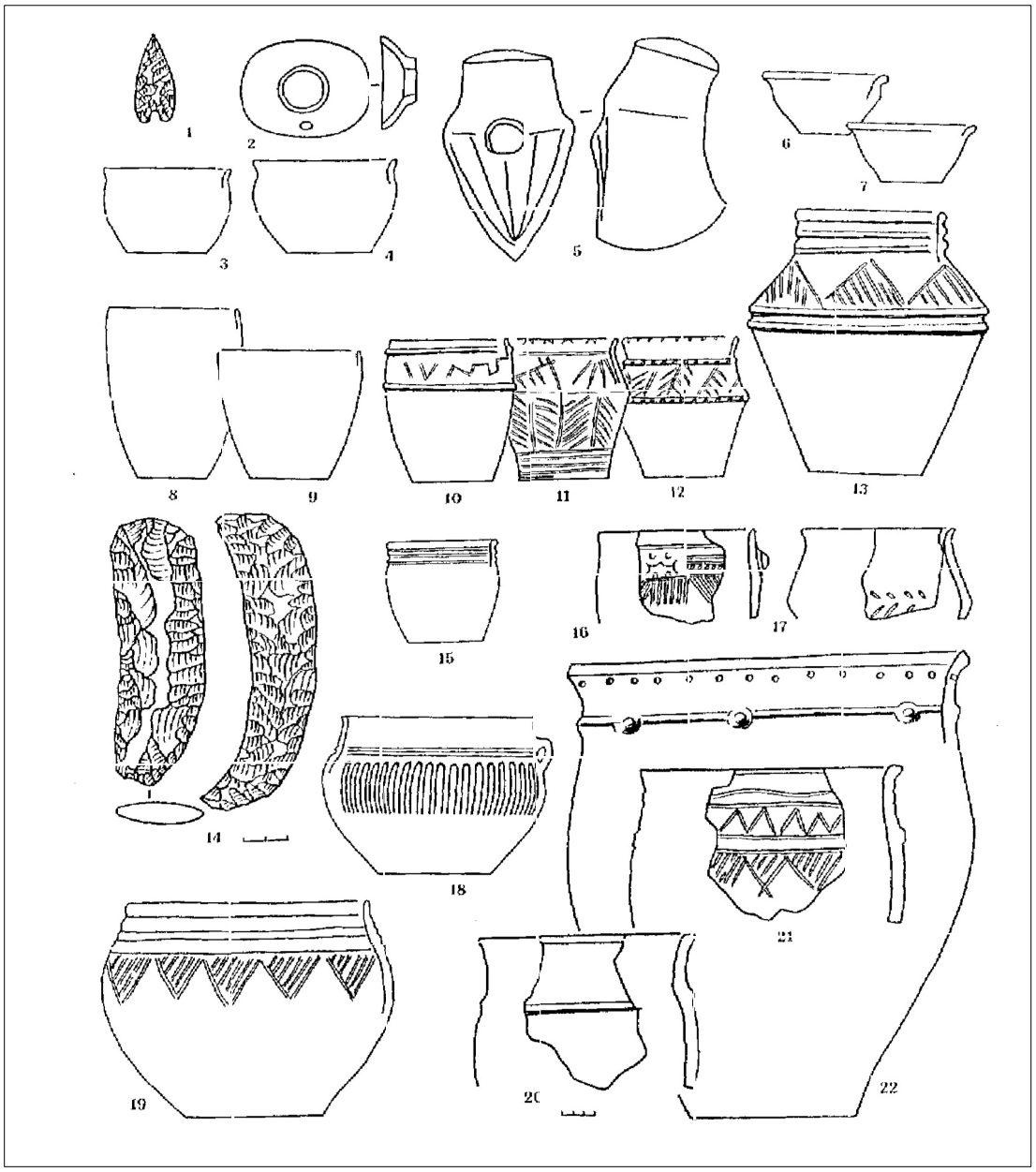


*Рис.34. Материалы, характерные для культур средней бронзы. 1-13 — культура многоваликовой керамики; 14-22 — культура Комарово.*

да перехода от энеолита к эпохе бронзы, и на разных этапах последней. Ситуация несколько изменилась с конца ранней — начала средней бронзы, когда в предгорьях юга Восточных Карпат формируется генетически связанная с карпато-дунайскими традициями культура Монтеору, легшая впоследствии в основу зарождения культуры Ноуа. Исключение составляет также единецкая культурная группа, возникшая в результате миграции небольшой группы трансильванского населения с хатванскими культурными традициями. О возвращении прежнего культурно-исторического значения юго-восточноевропейского фактора можно говорить, начиная с периода перехода от эпохи бронзы к раннему железному веку, когда Карпато-Поднестровье постепенно почти полностью включается в ареал фракийских культурных общностей, развивавшихся здесь вплоть до позднеантичного времени.

Особо следует оговорить роль юго-восточноевропейского фактора в распространении в Карпато-Поднестровье и далее на восток навыков по обработке металла, металлического сырья и готовых металлических изделий, которые отчасти производились на месте, а отчасти поступали из северобалканского и трансильванских центров и очагов металлообработки. Примечательно отметить, что развитие этого культурного процесса демонстрирует прямую зави-

симость от конкретных культурно-исторических событий, изменяющихся от периода к периоду или от одного региона Карпато-Поднестровья к другому.

Важно обратить внимание, что влияния юго-восточноевропейского фактора распространялись в первую очередь и главным образом на предгорные и лесостепные районы Карпато-Поднестровья, поскольку они наиболее подходят для развития традиционного земледелия и придомного скотоводства, а вместе с тем наиболее полно соответствовали прежним условиям обитания. Это обстоятельство характерно и для расселявшихся в лесостепных районах среднего Попрутья носителей старчевокришских традиций; и для носителей культурного феномена Алдень-Болград, традиционно связанных с припойменными и приозерными районами Дунайской низменности; и для носителей культуры Кукутень-Типолье, которая также обнаруживает тяготение к традиционным для ее исходных этапов природно-географическим условиям лесостепной зоны. Правда, на поздних этапах развития носители трипольской культуры распространились и на отдельные, не традиционные для них, природные районы киевского Полесья и степного Северо-Западного Причерноморья. Но их освоению предшествовал длительный период адаптации и взаимодействия с инокультурными общностями — процесс, который сопровождался постепенным изменением самих основ исходных форм хозяйства и культуры. Тяготение к предгорным и лесостепным районам Карпато-Поднестровья характерно и для последующих, развивающихся на основе юго-восточноевропейских традиций, культурных общностей: Монтеору, Единецкая, Ноуа, ранне- и позднефракийских культур.

И два последних, важных, на наш взглдяд, обстоятельства. Практически все культурные общности, восходящие к юго-восточноевропейским традициям, имеют в своей основе преимущественно земледельческий уклад хозяйства. И второе — почти все эти культуры развивались в пространстве путем диффузии — т.е. путем постепенного осваивания и приращения новых районов к исходному ареалу. Эта закономерность отчетливо прослеживается из про-

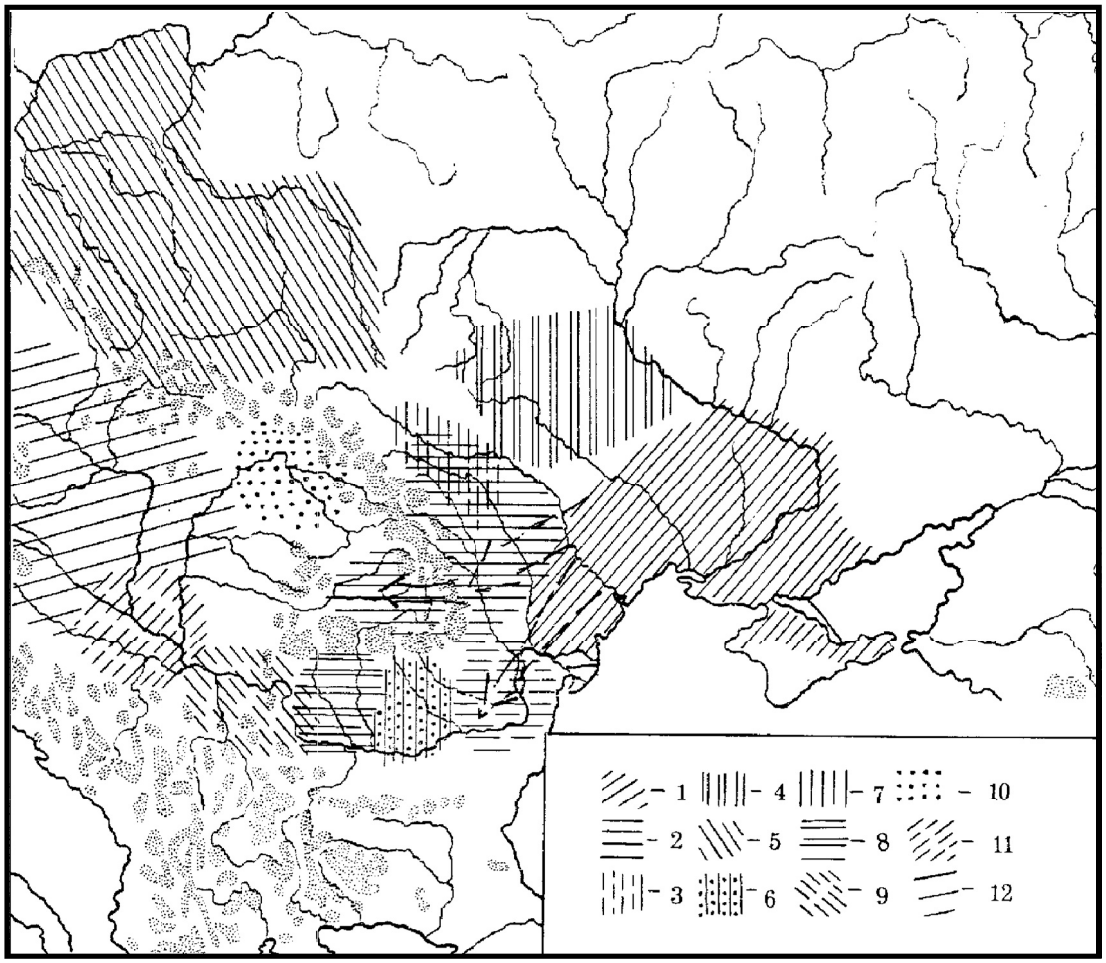



*Рис.35. Культурная ситуация в период поздней бронзы: 1 — культура Сабатиновка; 2 — культура Ноуа; 3 — культура Комарово; 4 — Белогрудовская культура; 5 — Лужицкая культура; 6 — культура Тей; 7 — культура Витенберг; 8 — культура Вербичиоара; 9 — культура Жуто-Брдо-Кырла Маре; 10 — культура Сучиу де Сус; 11 — культура Кручень-Белечиш; 12 — культура курганных погребений.*

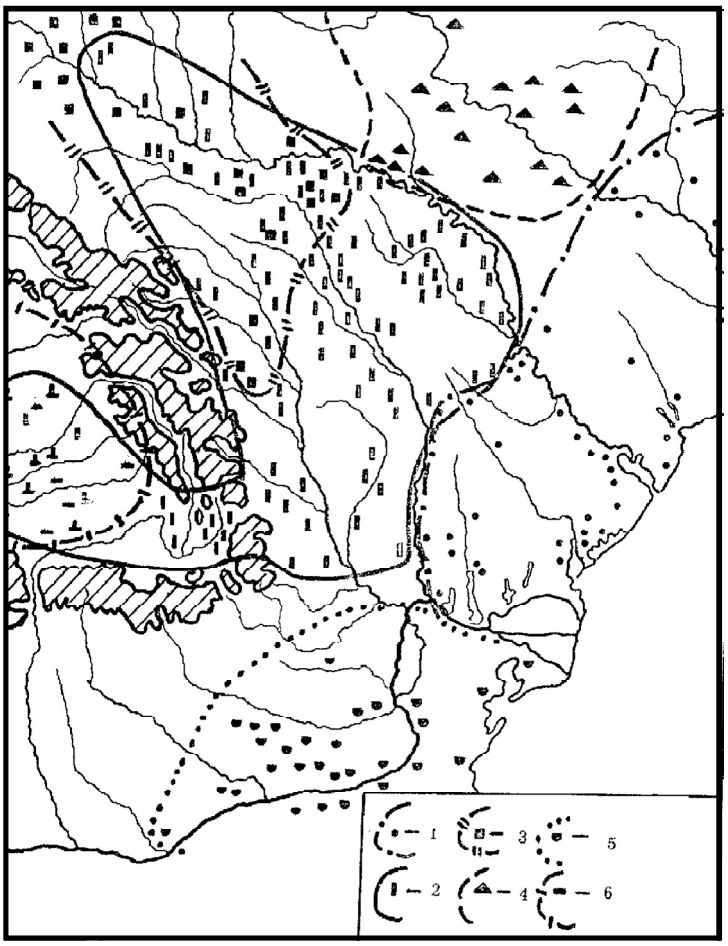



*Рис.36. Основные памятники и границы культур поздней бронзы Карпато-Поднестровья. 1 — культура Сабатиновка; 2 — культура Ноуа; 3 — культура Комарово; 4 — культура Белогрудовка; 5 — культура Косложень; 6 — культура Витенберг.*

странственного развития культурных общностей Старчево-Криш, Прекукутень-Кукутень-Триполье, Караново 6 — Гумельница — Алдень — Болград, культуры Ноуа, культур северофракийской культурной общности. Исключение, пожалуй, составляют лишь культурные группы Единецкая и, по-видимому, Сахарна-Солончены, составляющие своеобразные культурные изоляты.

Вторым по значимости для культурно-исторического развития Карпато-Поднестровья был **восточноевропейский фактор**. Он также включает два компонента, но главный из них связан с общностями не лесостепных, а степных районов Восточной Европы. В отличие от юго-восточноевропейских, общности Восточной Европы несколько позже перешли к производящим формам хозяйства. Причем в развитии этого процесса, наряду с среднеазиатскими и кавказскими, определенную роль сыграли и юго-восточноевропейские импульсы, опосредованно влиявшие через общности Карпато-Поднестровья. Однако, сообразно природным условиям степной зоны, уже на ранних этапах производящее хозяйство обретает здесь характер специфичного полуподвижного, а позже и подвижного — кочевого скотоводства. Полуподвижный образ жизни степного населения отчетливо прослеживается, уже начиная с ранних этапов среднего энеолита, индикатором чего является появление подкурганного обряда погребения. С этого момента мобильные скотоводческие племена, в силу экстенсивности хозяйства и под давлением демографических процессов, начинают расселяться на запад, в Карпато-Поднестровье и в более отдаленные районы Юго-Восточной Европы. Этот процесс, начавшийся в середине энеолита, связан с носителями конкретных культурных общностей, и то активизируясь, то затухая, развивался вплоть до позднего средневековья. Действием восточного фактора вызвано распространение в Карпато-Поднестровье, а отчасти и в примыкающих к нему с запада и юга областях, преимущественно скотоводческого хозяйства, новых форм социальной жизни, комплекса специфично степных элементов культуры: коневодства, овцеводства, верховой езды, колесного транспорта и в особенности новых эффективных видов оружия и символов власти, и пр. Кроме того, как показывает анализ, именно действием восточного фактора вызваны периодически возникавшие в Карпато-Поднестровье военные ситуации, сопровождавшиеся резким увеличением количества и разновидностей оружия, распространением фортификационных сооружений.

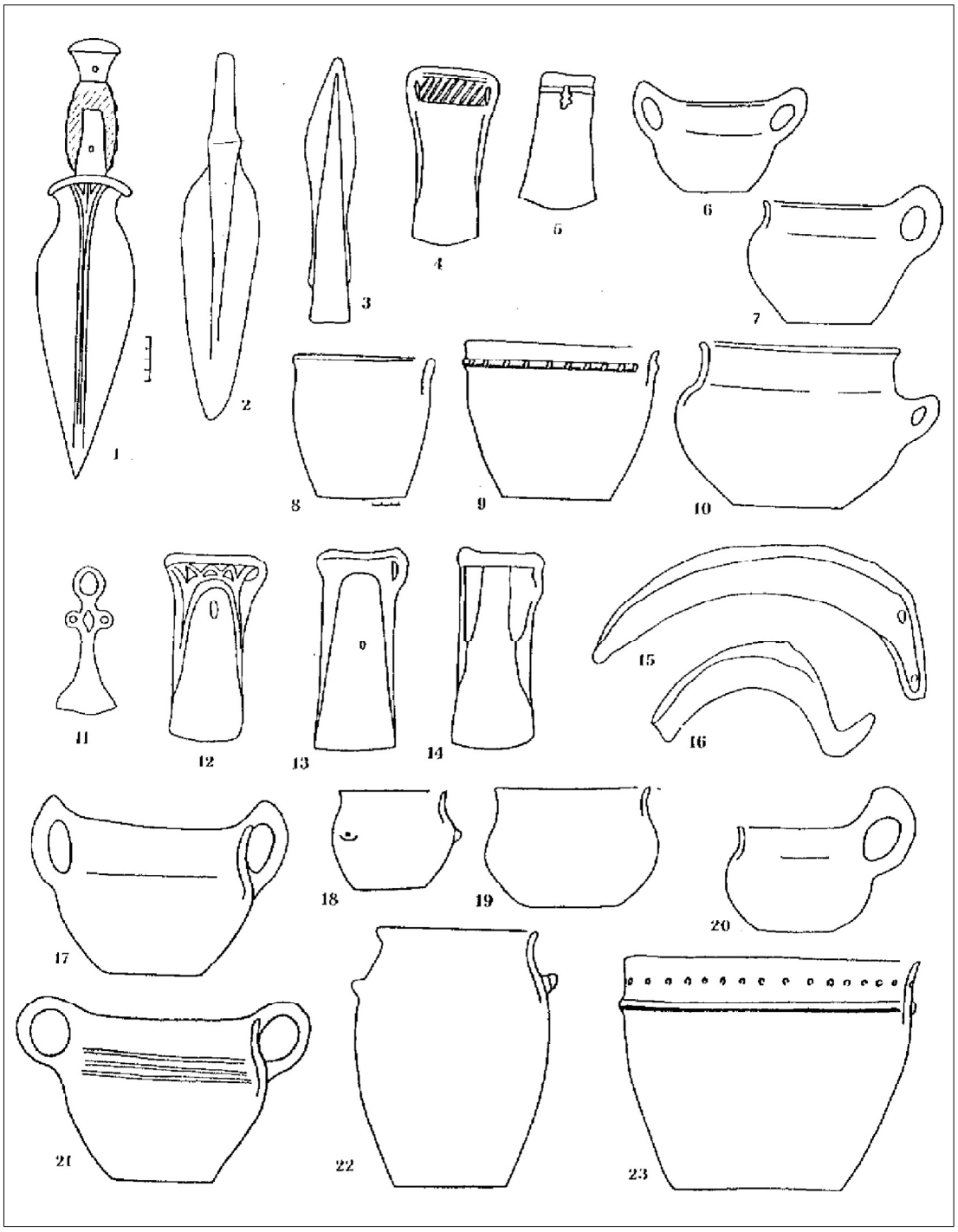



*Рис.37. Материалы, характерные для культур поздней бронзы. 1 -10 — культура Сабатиновка; 11-23 — культура Ноуа.*

Конкретным проявлением действенности восточноевропейского фактора было расселение энеолитических скотоводческих племен в степном Северо-Западном Причерноморье, документированное памятниками Суворовской культурной группы, которые, отчасти модифицируясь, бытуют здесь до конца энеолита. Одновременно, скотоводческие племена проникают в глубинные районы древнеземледельческих культур, обуславливая сложение локальных и хронологических особенностей культуры Кукутень-Триполье, формирование культуры Чернавода 1, памятников типа Певец, возникновение культурных изолянтов с памятниками типа Дечеа Мурешулуй и Чонград. Важно обратить внимание, что одним из следствий проникновения скотоводческих племен в Карпато-Подунавье была почти полная блокировка влияний юго-восточноевропейского фактора на южные районы Восточной Европы. Эта ситуация полностью повторяется на этапе перехода от энеолита к эпохе бронзы, когда оче-

редная — вторая волна скотоводческого населения ямной культуры распространяется на все Карпато-Поднестровье, сменив ранее бытовавшие здесь общности финального Триполья. Кроме того, они проникают также в глубинные районы Юго-Восточной Европы вплоть до Фракии и Среднего Подунавья. С этого момента основная часть территории Карпато-Поднестровья надолго включается в ареал преимущественно скотоводческих восточноевропейских культурных общностей. Их своеобразное развитие сопровождалось возникновением относительно самостоятельных периферийных культурных вариантов (Днестровский, Буджакский), возникших на основе «классической» ямной культуры, но в силу местной спецификации обретших своеобразный культурный облик. Оба эти локальных варианта распространились и на лесостепную, и на степную части Днестровско-Прутского междуречья, но их культурные эпицентры и в первом, и во втором случае размещались в степной, традиционной для ямной культуры, природно-ландшафтной зоне. Очевидно, сходной была ситуация и в расселении носителей катакомбной культуры, представляющей очередную волну восточного степного населения. Значение восточного фактора в культурно-историческом развитии Карпато-Поднестровья сохраняется и в период средней, и в период поздней бронзы. В первом случае его действенность документируется материалами культуры многоваликовой керамики, занимавшей все междуречье Днестра и Прута, во втором — памятниками сабатиновской культуры, локализованной в южных районах междуречья. Роль восточного фактора сохраняется и в последующие периоды железного века, о чем наглядно свидетельствуют известные для Карпато-Поднестровья памятники культур Белозерка, киммерийской, а затем комплексы скифской, сарматской и других восточноевропейских культур.

Заканчивая характеристику восточноевропейского фактора, следует оговорить, что, как и в первом случае, его влияние и развитие ориентированы в первую очередь и главным образом на традиционные для них природно-ландшафтные зоны, т.е. на степные районы. Именно со степными районами связана локализация восточноевропейских по происхождению культур Карпато-Поднестровья или их культурные центры. «Степной характер» носят Нижне- и Среднедунайская низменности, ставшие ареной неоднократного проникновения, начиная с эпохи энеолита до позднего средневековья, восточноевропейских степных племен. И второе, важное обстоятельство: в отличие от юго-восточноевропейских земледельческих обществ, расселение степных скотоводов осуществлялось не столько путем постепенного приращения ареала, сколько за счет кратковременных глубинных экспансий в инокультурные ареалы. Поэтому этот процесс чаще сопровождался возникновением военной ситуации, приводил к дестабилизации культурно-исторической обстановки, порождал культурные изолянты.

Третьим, определившим культурно-историческое развитие Карпато-Поднестровья, был **среднеевропейский фактор**. В сравнении с двумя предыдущими, роль этого фактора была второстепенной и, за редким исключением, сводилась к более или менее интенсивным влияниям, оказанным на общности Карпато-Поднестровья независимо от их основы: юго-восточноевропейской или восточноевропейской. Исключение составляют культура линейно-ленточной керамики, носители которой в эпоху неолита распространились на все лесостепное Карпато-Поднестровье, и культура шаровидных амфор, носители которой проникли вплоть до среднего Попрутья. Во всех остальных случаях, если среднеевропейские общности и оказывали влияние на развитие культур Карпато-Поднестровья, то они распространялись только на периферийные, и лишь изредка на глубинные внутренние районы этого региона. Примером тому могут служить влияния культур шнуровой керамики, сильно сказавшиеся на формировании Днестровского, а позднее и буджакского варианта ямной культуры Карпато-Поднестровья. Определенные влияния оказали на культуру Ноуа носители комаровских памятников, но они не были принципиальными и охватывали лишь районы их непосредственного контакта. Второстепенное значение среднеевропейского фактора в развитии Карпато-Поднестровья вполне отчетливо сохраняется и для последующих периодов раннего железного века.

Таковы вкратце основные культурно-исторические факторы, обусловившие контактность и своеобразие развития Карпато-Поднестровья. В широком историческим плане, по крайней мере от неолита до античного времени, главными из них, бесспорно были юго-восточноевропейский и восточноевропейский. Роль же среднеевропейского была второстепенной. Однако, несмотря на это, учет каждого и всех вместе взятых культурных факторов имеет принципиальное познавательное значение, ибо во взаимосвязи они образуют единый культурно-исторический контекст, характеризующий специфику и особенности развития Карпато-Поднестровья как относительно самостоятельного историко-географического региона, так и специфику развития периферийных районов собственно юго-восточноевропейских, восточноевропейских и среднеевропейских общностей. Другим важным обстоятельством является то, что взаимодействие перечисленных факторов наглядно демонстрирует обусловленность узколокальных, региональных процессов, их соподчиненность процессам, протекавшим в более крупных в таксономическом отношении культурно-исторических областях, каковыми на протяжении истории были области Юго-Восточной, Восточной и Средней Европы.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Современные проблемы неолитизации Европы и конкретные носители этого процесса получили полное освещение в материалах ряда международных Симпозиумов, что освобождает нас от необходимости приведения полного списка литературы. См.: Evolution...; Neolithisation...; Neolithic...; Neolit konferencien...

2 Все абсолютные даты даются в системе некалиброванных определений С14.

3 . Следует отметить, что, как показывают материалы ряда новых неолитических поселений (Шапошникова, Товкайло 1989: 91 и след.), к моменту проникновения общин раннего Триполья в районы Южного Буга, последние были отчасти еще заняты остатками носителей Буго-Днестровской культуры, вскоре, однако, исчезнувшей с исторической сцены.

4 Блестящим подтверждением этого обстоятельства служит могильник, недавно открытый на территории поселения Сакаровка 1, с коллективными захоронениями мариупольского типа. Раскопки В.А Дергачева и О.В.Ларионой 1987 г. Материалы не опубликованы.

5 Выводы о металлическом комплексе культуры Прекукутень-Кукутень- Триполье разработаны автором недавно и еще не опубликованы.

ЛИТЕРАТУРА


Арутюнов С.А. 1982. Этнические общности доклассовой эпохи. // Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. М.

Бейлекчи В.С. 1978. Ранний энеолит низовьев Прута и Дуная. Кишинев.

Березанская и др. 1986 — С.С.Березанская, В.В.Отрощенко, Н.Н.Чередниченко, И.Н.Шарафутдинова, Культуры эпохи бронзы на территории Украины. Киев.

Бибиков С.Н. 1965. Хозяйственно-экономический комплекс развитого Триполья. // СА. 1. 1965.

Васильев И.Б. 1981. Энеолит Поволжья. Куйбышев.

Васильев И.Б., Синюк А.Т. 1985. Энеолит Восточно-Европейской лесостепи. Куйбышев.

Виноградова Н.М. 1983. Племена Днестровско-Прутского междуречья в период расцвета трипольской культуры. Кишинев.

Даниленко В.Н. 1969. Неолит Украины. Киев.

Даниленко В.Н. 1985. Буго-Днестровская культура. //Археология УССР. 1. Киев.

Даниленко В.М., Шмаглій М.М. 1972 Про один поворотний момент в історії енеолітичного населення Південної Європи. // Археологія. 6. Київ.

Дворянинов С.О. 1982. Поселение культуры линейно-ленточной керамики Майнова Балка на Одесчине. // Археологія.38. Київ.

Дергачев В.А. 1980. Памятники позднего Триполья. Кишинев.

Дергачев В.А. 1986. Молдавия и соседние территории в эпоху бронзы. Кишинев.

Дергачев В.А. 1989. Молдавия и соседние территории в эпоху энеолита-бронзы. Автореферат дисс. докт. ист. наук. Ленинград.

ДергачевВ.А. 1990. О понятии «контактная зона». // Археологические культуры и культурная трансфоомация. Ленинград.

Дергачев В.А. 1998. Кэрбунский клад. Кишинев.

Дергачев В.А., Сорокин В.Я. 1986. О зооморфном скипетре из Молдавии и проникновении степных энеолитических племен в Карпато-Дунайские земли. // Известия Академии наук Молдавской ССР. 1. Кишинев.

Дину М.1960. К вопросу о культуре шаровидных амфор на территории Румынии. // Dacia N.S. 4. 89.

Дремов И.И., Юдин А.И. 1992. Древнейшие подкурганные захоронения степного Заволжья. // РА. 4.

Езеро 1979 — Езеро раннобронзовото селище. София.

Захарук Ю.Н. 1962. Вопросы хронологии культур энеолита и ранней бронзы Прикарпатья и Волыни. // КСИА. 12. Киев.

Захарук Ю.Н., Телегин Д.Я. 1985. Культура линейно-ленточной керамики. Археология УССР. 1. Киев.

Збенович В.Г. 1974. Позднетрипольские племена Северного Причерноморья. Киев.

Збенович В.Г. 1989. Ранний этап трипольской культуры на территории Украины. Киев.

Кантемир Д. 1973. Описание Молдавии. Кишинев.

Ковалева И.Ф. 1980. К вопросу о культурной принадлежности вытянутых подкурганных энеолитических погребений. // Курганы степного Поднепровья. Днепропетровск.

Коробкова Г.Ф. 1987. Хозяйственные комплексы ранних земледельческо-скотоводческих обществ юга СССР. Ленинград.

Круц В.А. 1977. Позднетрипольские племена Среднего Поднепровья. Киев.

Кузьминова Н.Н., Дергачев В.А., Ларина О.В. 1998. Палеоботанические исследования на поселении Сакаровка 1. // Revista Arheologică. 2. Chişinău.

Ларина О.В. 1988. Культура линейно-ленточной керамики Юго-Запада СССР (молдавская группа). Автореферат дисс. канд. ист. наук. Ленинград.

Ларина и др. 1997 — О.В.Ларина, К.-П. Вехлер, В.А.-Дергачев, С.И.Коваленко, В.М.Бикбаев, Новые полевые исследоваия памятников мезолита и неолита Молдовы. // Vestigii arheologice din Moldova. Chişinău.

Левин М.Г., Чебоксаров Н.Н. 1955 — М.Г.Левин, Н.Н.Чебоксаров, Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области. // СЭ. № 4.

Лугова Л.М., Рассамакин Ю.А. 1985. Енеолітичне поховання в кургані поблизу с. Орлик Полтавськоі области. // Археологія. 49. Київ.

Макаренко М. 1933. Маріупільский могильник. Київ.

Маркевич В.И. 1970. Многослойное поселение Новые Русешты 1. // КСИА. 123. М.

Маркевич В.И. 1973. Памятники эпох неолита и энеолита. Археологическая карта Молдавской ССР. 2. Кишинев.

Маркевич В.И. 1974. Буго-Днестровская культура на территории Молдавии. Кишинев.

Маркевич В.И. 1981. Позднетрипольские племена Северной Молдавии. Кишинев.

Маркевич В.И. 1987 — В.И. Маркевич, В.А.Дергачев, Неолит и энеолит. История МССР. 1. Кишинев.

Мерперт Н.Я. 1961. Энеолит степной полосы европейской части СССР. // L'Europe à la fin de l'âge de la pierre. Praha. 1961. 161

Мерперт Н.Я. 1974. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М.

Мерперт Н.Я. 1980. Проблемы энеолита степи и лесостепи Восточной Европы. // Энеолит Восточной Европы. Куйбышев.

Мерперт Н.Я. 1980а. Ранние скотоводы Восточной Европы и судьбы древнейших цивилизаций. S.P. 3. 65

Мерперт Н.Я. 1982. Энеолит Юга СССР и Евразийские степи. Энеолит СССР. М.
Мерперт Н.Я. 1984. Этнокультурные изменения на Балканах на рубеже энеолита и раннего бронзового века. // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. М.
Мильков Ф.Н. 1977. Природные зоны СССР. М.
Мовша Т.Г. 1972. Періодизація і хронологія середнього та пізнього Трипілля. // Археологія. 5. Київ.
Мовша Т.Г. 1975. Две параллельные линии в развитии трипольской этнокультурной области (этапы В 1-С 1). // Новейшие открытия советских археологов. Киев.
Мовша Т.Г. 1981 Проблемы связей Триполья-Кукутены с племенами культур степного ареала. S.P. 5-6.
Мовша Т.Г. 1984. Хронология Триполья-Кукутени и степные культуры эпохи раннего металла в ее системе. // Проблемы археологии Поднепровья. Днепропетровск.
Мовша Т.Г. 1985. Средний этап трипольской культуры. Археология УССР. Т.1. Киев.
Мовша Т.Г. 1985а. Взаємовідносини Трипілля-Кукутені з синхронними культурами Центральної Европи. // Археологія. 51. Київ.
Мовша Т.Г. 1993. Взаимоотношения степных и земледельческих культур в эпоху энеолита — раннего бронзового века. // Археологія. 3. Київ.
Мунчаев Р.М. 1982. Энеолит Кавказа. Энеолит СССР. М.
Нечитайло А.Л. 1991. Связи населения степной Украины и Северного Кавказа в эпоху бронзы. Киев.
Панайотов И. 1989. Ямната култура в Българските земи. // Разкопки и проучвания. 21. София.
Пассек Т.С. 1958. Новые открытия на территории СССР и вопросы позднеенеолитических культур Дунайско-Днестровского междуречья. С. 1.
Пассек Т.С., Черныш Е.К. 1963. Памятники культуры линейно-ленточной керамики на территории СССР. САИ. Б 1-11.
Патокова и др. 1989 — Э.Ф.Патокова, В.Г.Петренко, Н.Б.Бурдо, Л.Ю.Полищук, Памятники трипольской культуры в Северо-Западном Причерноморье. Киев.
Пелешищин Н.А. 1985. Лендельская культура. // Археология УССР. Т.1. Киев.
Пелешищин Н.А. 1985а. Культура воронковидных сосудов. // Археология УССР. Т.1. Киев.
Рассамакин Ю.Я., Будников А.Б. 1993. Проблемы раннего степного энеолита в свете изучения новых памятников. // Археологія. 3. Київ.
Решетов А.М. 1980. Основные хозяйственно-культурные типы ранних земледельцев. // Ранние земледельцы. Ленинград.
Рындина Н.В. 1971. Древнейшее металлообрабатывающее производство Восточной Европы. МГУ. 1971
Рындина Н.В. 1998. Древнейшее металлообрабатывающее производство Юго-Восточной Европы. МГУ.
Савва Е.Н. 1992. Культура многоваликовой керамики Днестровско-Прутского междуречья. Кишинев.
Сергеев Г.П. 1963. Раннетрипольский клад у села Карбуна. // СА. 1.
Свешніков І.К. 1974. Історія населення Передкарпаття, Поділля і Волині в кінці III — на початку II тисячоліття до нашої ери. Київ.
Свешников И.К. 1983. Культура шаровидных амфор. САИ. В1-27.
Субботин Л.В. 1983. Памятники культуры Гумельница Юго-Запада Украины. Киев.
Тасић Н. 1983. Југословенско Подунавље од индоевропске сеобе до продора скита. Нови Сад — Београд.
Телегин Д.Я. 1968. Дніпро-донецька культура. Київ.
Телегин Д.Я. 1973. Средньостогівська культура епохи міді. Київ.
Телегин Д.Я. 1985. Днепро-Донецкая культура. Археология УССР. Т.1. Киев.
Телегин Д.Я. 1985а. Среднестоговская культура и памятники новоданиловского типа в Поднепровье и степном Левобережье Украины. Археология УССР. Т.1. Киев.
Телегин Д.Я. 1991. Неолитические памятники мариупольского типа. Киев.
Тодорова Х. 1986. Каменно-меднота епоха в България. София.
Формозов А.А. 1977. Проблемы этнокультурной истории каменного века на территориии европейской части СССР. М.
Цалкин В.И. 1970. Древнейшие домашние животные Восточной Европы. М.
Цвек Е.В. 1980. Трипольские поселения Буго-Днепровского междуречья. // Первобытная археология- поиски и находки. Киев.
Цвек Е.В. 1985. Особливості формування східного регіону трипільсько-кукутенської спільності. // Археологія. 51. Київ.
Цвек Е.В. 1989. Буго-Днепровский вариант восточнотрипольской культуры. // Первобытная археология. Киев.
Чебоксаров Н.Н., Чебоксарова И.А. 1971. Народы, расы, культуры. М.
Чеснов Я.В. 1970. О социально-экономических и природных условиях возникновения хозяйственно-культурных типов. // СЭ. № 6.
Черных Е.Н. 1966. История древнейшей металлургии Восточной Европы. М.
Черных Е.Н. 1979. Горное дело и металлургия в древнейшей Болгарии. София.
Черныш Е.К. 1981. Формирование трипольско-кукутенской культурной общности. S.P. 1981. 5
Черныш Е.К., Массон В.М. 1982. Энеолит Правобережной Украины и Молдавии. Энеолит СССР. М.
Шапошникова О.Г. 1985. Ямная культурно-историческая общность. Археология УССР. 1.
Шапошникова О.Г., Товкайло Н.Т. 1989. Некоторые итоги исследования многослойного поселения Пугач на Южном Буге. // Первобытная археология. Киев.
Шнирельман В.А. 1986. Демографические и этнокультурные процессы эпохи первобытно-родовой общины. // История первобытного общества. М.
Щепинский А.А. 1985. Кеми-Обинская культура. Археология УССР. 1. Киев.
Янушевич З.В. 1976. Культурные растения Юго-Запада СССР по палеоботаническим исследованиям. Кишинев.
Янушевич З.В. 1986. Культурные растения Северного Причерноморья. // Палеоботанические исследования. Кишинев.
Яровой Е.В. 1993. Новые энеолитические подкурганные захоронения Пруто-Днестровского междуречья. // Древнее Причерноморье. Одесса.
Bakker J. 1979. The TRB West Grup. Amsterdam.
Banner I. 1956. Die Peceler Kultur. // Arh. Hung. 35. 1956.
Berciu D. 1961. Contribuţii la problemele neoliticului in România în lumina noilor cercetări. Bucureşti.
Berciu D. 1966. Zorile istoriei în Carpaţi şi la Dunăre. Bucureşti.
Bognar-Kutzian I. 1972. The Early Copper Age Tiszapolgar Culture in the Carpathian Basin. // Arch. Hung. 48.
Brukner B. 1968. Neolit u Vojvodini. Beograd-Novi Sad.
Comşa E. 1959. Betrachtungen über Linearbandkeramik auf dem Gebiet der Romänischen Volksrepublik und der angrenzenden Gebiete. // Dacia. N.S. 3. 35

Comşa E. 1963 Unele probleme ale aspectului cultural Aldeni II. // SCI V. 14: 1. 7
Comşa E. 1974. Istoria comunităţilor culturii Boian. Bucureşti.
Comşa E. 1978. Contribution a l'étude de la culture Criş en Moldavie. // Dacia N.S .22. 9
Comşa E. 1987. Neoliticul pe teritoriul României. Bucureşti.
Danila P., Danila M. 1982. Cuprul. Bucureşti.
Dergacev V. 1991. Bestattungskomplexe der späten Tripolie-Kultur. // AVA Materialen. 45.
Dergacev V. 1993. Modeles d'établissements de la culture de Tripolie. // Préhist. Europ. 5. 101.
Dergachev V., Sheratt A., Larina O. 1991. Recent results of neolithic research in Moldavia (USSR). // OJA 10 N 1. 1.
Dietz U. 1992. Zur Frage vorbronzezeitlicher Trensenbelege in Europa. // Germania. 70. 17.
Dodd-Opritescu A. 1981. Ceramica ornamentată cu şnurul din aria culturilor Cucuteni şi Cernavoda I. // SCIVA. 32: 4. 511.
Dragomir I. 1982. Elemente stepice «Cucuteni C», descoperite la Bereşti (jud. Galaţi). SCIVA. 33 :4. 422
Dragomir I. 1983. Eneoliticul din sud-estul României. Aspectul cultural Stoicani-Aldeni. Bucureşti.
Dumitrescu H. 1976. Două vase de forma deosebită descoperite în aşezarea de la Traian-Dealul Viei. // Mem. Antiq. IV-V. 47
Dumitrescu V. 1974. Aspecte regionale în aria de răspindire a culturii Cucuteni în cursul primei faze de dezvoltare. SCIVA 4. 545
Dumitrescu V., Balomei A., Mogoşanu F. 1983. Esquisse d'une préhistoire de la Roumanie. Bucureşti.
Ecsedy I. 1979. The people of the pit-grave kurgans in Eastern Hungary. Budapest.
Evolution... — Evolution und Revolution im Alten Orient und Europa. 1971. Berlin.
Garasanin M. 1958. Neolithikum und Bronzezeit in Serbien und Makedonien. // BRGK. 39. 1
Gimbutas M. 1956. Prehistory of Eastern Europe. Cambridge.
Gimbutas M. 1965. Bronze Age Cultures of Central and Eastern Europe. Haga, Mouton.
Gimbutas M. 1977. The First Wave of Eurasian Steppe Pastoral ists into Copper Age Europe. // JIES. 5:4. 277
Haheu V., Kurciatov S. 1993. Cimitirul plan eneolitic de lîngă satul Giurgiuleşti. // Revista Arheologică. 1.Chişinău.
Jastrzębski S. 1985. Imports of the Tripolie Culture Pottery in the South-Eastern Group of the Beaker Culture. // Memoires Archéologiques. Lublin. 71
Kovacs St. 1932. Cimitirul eneolitic de la Decia Mureşului. Publicaţiile Institutului de studii clasice 1 (1928-1932). Cluj. 89
Kulczycka-Leciejewiczowa A. 1979. Pierwsze spoleczeństwa rolnicze na ziemiach Polskich. Kultury kręgu naddunajskiego. PZP. 2. 19
Larina O. 1994. Neoliticul pe teritoriul Republicii Moldova. // Thraco-Dacica 15. 1-2.
Larina O. 1994a. Culturi din epoca neolitică. Chişinău.
Larina O., Kuzminova N. 1994. The Late neolithic farming on the territory of the Prut-Dnestr interfluve. // Prehist. Europ. 7.
Lazarovici G. 1979. Neoliticul Banatului. Cluj-Napoca.
Lichardus J., Lichardus-Itten M. 1993. Das Grab von Reka Devnja. (Nordostbulgarien). // SASTUMA. 2.
Marinescu-Bîlcu S. 1974. Cultura Precucuteni pe teritoriul României. Bucureşti.
Milojcic V. 1960. Präkeramisches Neolithikum auf der Balkanhalbinsel. Germania 38. N 3-4. 320
Monah D., Cucoş St. 1985. Aşezările culturii Cucuteni din România. Iaşi.
Morintz S., Roman P. 1968. Aspekte des Ausganges des Äneolithikums und der Übergangsstufe zur Bronzezeit im Raum der Niederdonau. // Dacia N.S. 12.
Morintz S. 1978. Contibuţii arheologice la istoria tracilor timpurii. Bucureşti.
Müller-Karpe H. 1968. Handbuch der Vorgeschichte. II. Jungsteinzeit. München.
Neolithic... — Neolithic of Southeastern Europe and its near eastern connections. 1987 (1989). Szolnok-Szeged.
Neolithisation... — Les problèmes de la néolithisation dans certaines regions de l'Europe. 1979 (1980). Kraków.
Neolit konferencien... — A kotet a Josa Andres Museum alapitasanak 125 evforduloja alkalmabol rendezett nemzetkozi neolit konferencien elhangzott eloadasokat tataralmazza. Josa Andras Muzeum evkonyve. 36. 1994. Nyiregyhaza.
Paul I. 1992. Cultura Petreşti. Bucureşti.
Păunescu A. 1970. Evoluţia uneltelor şi armelor de piatra cioplită descoperite pe teritoriul României. Bucureşti.
Rădulescu D., Dumitrescu R. 1966. Mineralogia topografică a României. Bucureşti.
Rassamakin Y. 1994. The main directions of the development of early pastoral societies of the Northern Pontic zone:4500-2450 (Preyamnaya cultures and yamnaya culture). // Baltic-Pontic Studies. 2. Poznań.
Roman P. 1969. Conceptul Folteşti II şi problema începuturilor epocii bronzului în Moldova. // Carpica. 2. Bacău.
Roman P. 1976. Cultura Coţofeni. Bucureşti.
Roman P. 1981. Forme de manifestare culturală din eneoliticul tîrziu şi perioada de tranziţie spre epoca bronzului. // SCIVA 32: 1.
Roman P. 1981a. Modificări în structura etno-culturală a Europei de sud-est în eneoliticul tîrziu. // SCIVA 32: 2.
Roman P., Nemeti I. 1978. Cultura Baden în România. Bucureşti.
Symposium Baden... — Symposium über Entstehung und Chronologie der Badener Kultur. Bratislava.
Spinei V. 1985. Realităţi etnice şi politice în Moldova Meridională în secolele X — XIII. Iaşi.
Teodorescu V. 1966. Date preliminare privind cultura cu ceramica liniară din teritoriul de sud de Carpaţi al României. // SCIV. 17. 2.
Ursulescu N. 1984. Evolutia culturii Starcevo-Criş pe teritoriul Moldovei. Suceava.
Ursulescu N. 1990. Contribuţii privind evoluţia culturii ceramicii liniare pe teritoriul Moldovei. // Arh. Moldovei. 13. 1990. 9
Vajsov I. 1993. Die frühesten Metalldolche Sudost- und Mitteleuropas. // Praehistorische Zeitschrift. 68.
Vlassa N. 1959. Cultura ceramicii liniare în Transilvania. // SCIV. 10. 2.
Wisławski T. 1979. Plemiona Kultury puharów lejkowatych. PZP. 2.

## ЭКО-СОЦИАЛЬНЫЕ РЕКОНСТРУКЦИИ

*Пустовалов С.Ж.*

# МОДЕЛИРОВАНИЕ ЛИЦА ПО ЧЕРЕПУ У НАСЕЛЕНИЯ ИНГУЛЬСКОЙ КАТАКОМБНОЙ КУЛЬТУРЫ

**Pustovalov S.Z. Modeling of the face according to the skull among the population of Ingul Catacomb Culture.**

The article deals with an extremely vivid and specific phenomenon – modeling of the face according to the skull - proper to Ingul Catacomb Culture of the Bronze Age. The article offers one of the most complete lists of interments of the named culture with the modeled facial part of the skull. The questions of cultural – territorial localization of this phenomenon are being made more precise, different aspects of their possible social and cult interpretation are under discussion.

Выделенная О.Г.Шапошниковой (Шапошникова 1978:7) ингульская катакомбная культура представляет собой яркое самобытное явление на фоне культур восточно-европейской степи эпохи бронзы. Эта культура привлекает пристальное внимание исследователей. Одной из своеобразных черт этой культуры является обряд моделирования лица по черепу с помощью нанесения специальной массы.

Катакомбные погребения с моделированными черепами впервые были научно описаны в тридцатые годы (Миллер 1935:162-168). Их массовые находки начались с конца 70 гг. в новостроечных степных экспедициях Института археологии АН Украины.

В основном находки были сделаны в бассейне реки Молочной (правый берег) и между лиманом р. Молочной и реками Большой и Малый Утлюк.

Первая развернутая попытка проанализировать это неординарное явление была предпринята в начале 90-х гг. (Археологічні пам'ятки 1960). Однако за прошедшие годы появились новые находки, публикации, исследования, посвященные этому феномену, что делает необходимым провести более подробный, с учетом новых данных, анализ этого ритуала. Например, очень интересное погребение с моделировкой черепа было исследовано в 1984 г. А.А.Мельником. В печати без указания места находки приводился один топор из этой катакомбы (Березанская 1994:26,рис.7). Поэтому целесообразно привести его характеристики (см. Таблицу 1, рис. 16, 2 — 5).

Особенно много погребений с моделированными черепами было обнаружено Запорожской экспедицией Института археологии Украины, в работе которой принимал участие автор. В ряде публикаций уже приводились некоторые из этих погребений. Но полной публикации могил с моделированными черепами из крупного уникального Молочанского могильника еще не было. Этот компактный могильник расположен вдоль правого берега р. Молочной возле сел Жовтневое, Заможное, Виноградное Токмакского района и Старобогдановка Михайловского района Запорожской области. Раскопки проводились в 1980-1985 гг. Все приведенные ниже описания погребений даны по отчетам Запорожской экспедиции 1980 — 1985 гг.

Могильник представлял собой вытянутую с севера на юг цепочку курганов эпохи энеолита-бронзы с впускными погребениями более поздних эпох. Максимальная зафиксированная высота раскопанного кургана составляла 8,05 м (Молочанское святилище). Ряд курганов в могильнике достигает высоты 6 -11 м. Катакомбные погребения в молочанских курганах существенно преобладают (152) (Отрощенко 1987:104-106). Значительная их часть (110 погребений) составляют ингульские. В пойменных курганах из 87 катакомбных погребений лишь 21 может быть отнесено к ингульским.

Запорожской экспедицией 1980 — 1985 гг. исследовано 37 погребений ингульской культуры с 46 черепами, имеющими признаки моделировки, из 23 курганов. Одиннадцать курганов были возведены над ингульскими погребениями. В остальных случаях ингульские погребения были впущены в курганы более раннего времени (ямные, энеолитические). Основная часть моделированных черепов раскопана в курганах, расположенных вокруг балки Гаковой, которая с севера замыкает долину р. Молочной.

Рассмотрим тридцать семь погребений Молочанского могильника, раскопанных Запорожской экспедицией. Данные о размерах погребального сооружения, досыпках и насыпях, поле и возрасте погребенных даны в таблице

© Пустовалов С.Ж., 1999.

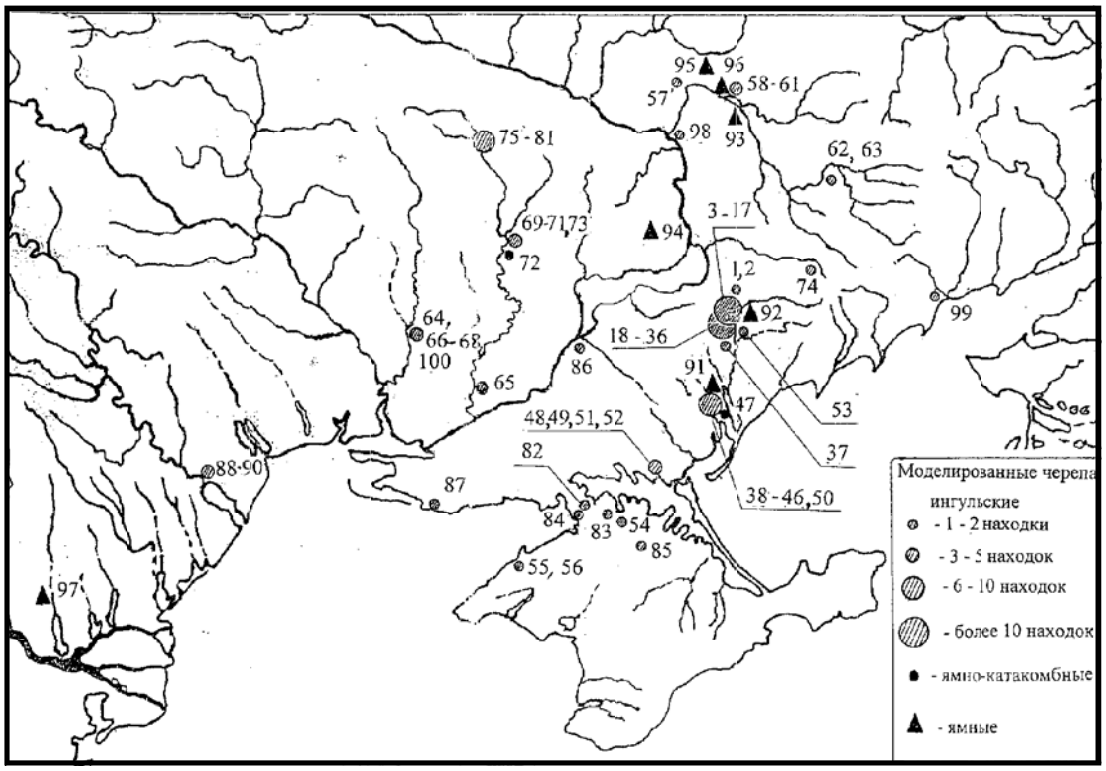



*Рис.1. Карта находок погребений с моделированными черепами. 1-2 — с.Жовтневое. 3 — 17 — с. Заможное. 18 — 36 — с. Виноградное. 37 — с. Старобогдановка. 38 — 40 — с. Родионовка. 41- 46 — с. Волчанск. 47,50 — с. Давыдовка. 48,49,51-52 — с. Сивашовка. 53 — с-з Аккермень 1. 54 — с. Целинное. 55-56 — с. Славное. 57 — с. Губиниха. 58-61 — с. Благодатное. 62-63 — с. Бурлацкое. 64 — с. Добрая Криница. 65 - с. Лиманцы. 66-67 — с. Марьяновка. 68 — с. Христофоровка. 69 — Кривой Рог. Лукьяновка. 70 — Кривой Рог. Приворотная балка. 71 — Кривой Рог. Ремонтирская могила. 72-73 — Кривой Рог. Рыбаково. 74 — с. Конские Раздоры. 75-76 — с. Войновка. 77-8- — с. Звенигородка. 81 — с. Головковка. 82 — с. Филатовка. 83 — с. Богачевка. 84 — с. Танковое. 85 — с. Рюмшино. 86 — с. Первомаевка. 87 — г. Железный Порт. 88 — 90 — с. Яськи. 91 — с. Волчанск. 92 — с. Виноградное. 93 — с. Богуслав. 94 — с. Григорьевка. 95 — с. Новошандровка. 96 — с. Вербки. 97 — с. Виноградовка. 98 — Игрень-8. 99 — г. Мариуполь. 100 — Кривой Рог. Радионовка.*

1. Форма погребального сооружения, ориентировки, положение умерших, общая форма и орнаментация сосудов представлены на рисунках №№ 1 — 16. Поэтому все перечисленные показатели в описаниях не приводятся.

1.С. Жовтневое. Курган 2. Высота кургана — 0,5 м, диаметр — 17-19 м. Погребение 1. Находилось в 4 м на восток от «О». (рис.2, 1). Череп имел полную моделировку. Масса серого цвета. На месте рта и глаз были прочерчены неглубокие линии. Линия рта немного загибалась по краям вверх. Перед моделировкой череп был отделен от туловища и освобожден от мягких тканей. Нос массивный с отбитым концом (рис. 19,9). За черепом на боку лежала необожженная чаша. Вся поверхность чаши покрыта следами сглаживания. Сохранность плохая. Правая сторона скелета покрыта охрой. Левая сторона скелета и пространство вдоль левой руки были покрыты тонким слоем мела. На локтевой кости правой руки лежал деревянный предмет в виде тонкой палочки. На дне шахты и камеры имелись два пятна охры.

2. С. Жовтневое. Курган 3. Высота — 2,25м, диаметр — 40-46 м. Погребение 3. Находилось на расстоянии 4,2 м на север от «0». На своде сохранились следы орудий труда шириной 2,2 см. Вход в камеру закрыт известняковой плитой с обработанными краями размерами 0,5 х 0,2 х 0,35 м. На костяке прослежены следы охры. Глазные впадины были заполнены глиной. В 0,2 м от правой руки на север лежало бронзовое острие. Это место было густо посыпано охрой. На дне камеры сохранился тлен от подстилки, поверх которой имелся слой какой-то тальковой смеси (рис. 2, 2).

Описание находок.

1. Острие бронзовое, из четырехгранного прута с остатками рукоятки. Длина — 6,5 см, толщина — 0,5 см. (рис.2, 3).

Группа Чингульского кургана состояла из четырех насыпей . Курган № 5 замыкал группу с востока. Высота кургана эпохи бронзы была 1,5 м, диаметр — 55 м.

3. Погребения 4-5. Шахта находилась в 5,5 м к северу и 6,5 м к востоку от «0». Погребения 4-5 были впущены с древней поверхности за пределами второй насыпи. Череп лежал отдельно, у правого плеча на правом виске. На лицевой части черепа отмечена глиняная обмазка,

часть которой развалом лежала на дне камеры. Ближе к стенке камеры, на боку лежала глубокая чаша на поддоне, а рядом с ней — круглое пятно, насыщенное углями и золой, диаметр пятна — 0,2 м. За спиной, у локтя левой руки, найден каменный предмет, имитирующий топорик. Рядом с ним круглое пятно охры диаметром 10 см. Охрой было посыпано дно в районе черепа и вдоль правой руки, слой камки лежал у черепа. По дну четко прослежены границы подстилки и меловой подсыпки. Размеры подстилки: 2,3 х 1,3 м. В заполнении, у входа, на глубине 1,7 м от уровня впуска, был обнаружен фрагмент деревянной заслонки, имеющей полукруглую форму шириной 8 см, длиной 18 см. Вероятно, это фрагмент колеса (рис. 2, 4).

Описание находок.

1. Глиняная обкладка черепа розового цвета плохой сохранности. In situ находились только конусовидные глазные вставки с прорезями, имитирующими закрытые веки. Остальные части массы лежали у черепа. Обнаружены детали носа и пластин, закрывавших рот.

2. Глубокая чаша на низком поддоне. Поверхность чаши оранжевого цвета, украшена пышным орнаментом. Тулово орнаментировано меандром. Высота чаши — 14,5 см, диаметр венчика — 19,5 см, поддона- 11 см.(рис. 2, 7).

3. Модель каменного топора в виде небольшого продолговатого камня. Поверхность заглажена, длина — 7,6 см, ширина — 2,5 см, диаметр обуха — 1,9 см (рис. 2, 8).

Камера погребения 5 была расположена к юго-востоку от шахты. Череп взрослого несколько отделен от шейных позвонков, немного изогнутых, лежал на правом боку. Лицевую часть черепа закрывала глиняная моделировка плохой сохранности с выделенными носом и глазами.

Слева вдоль скелета мужчины острием на северо-северо-восток лежало длинное древко дротика — стрекала с бронзовым наконечником. У таза и кисти левой руки отмечен пучок стрел, от которых сохранилась кучка кремневых наконечников, направленных острием в противоположную дротику сторону. У древка дротика выявлено прямоугольное пятно красной охры размерами 0,3 х 0,15 м, а у острия —

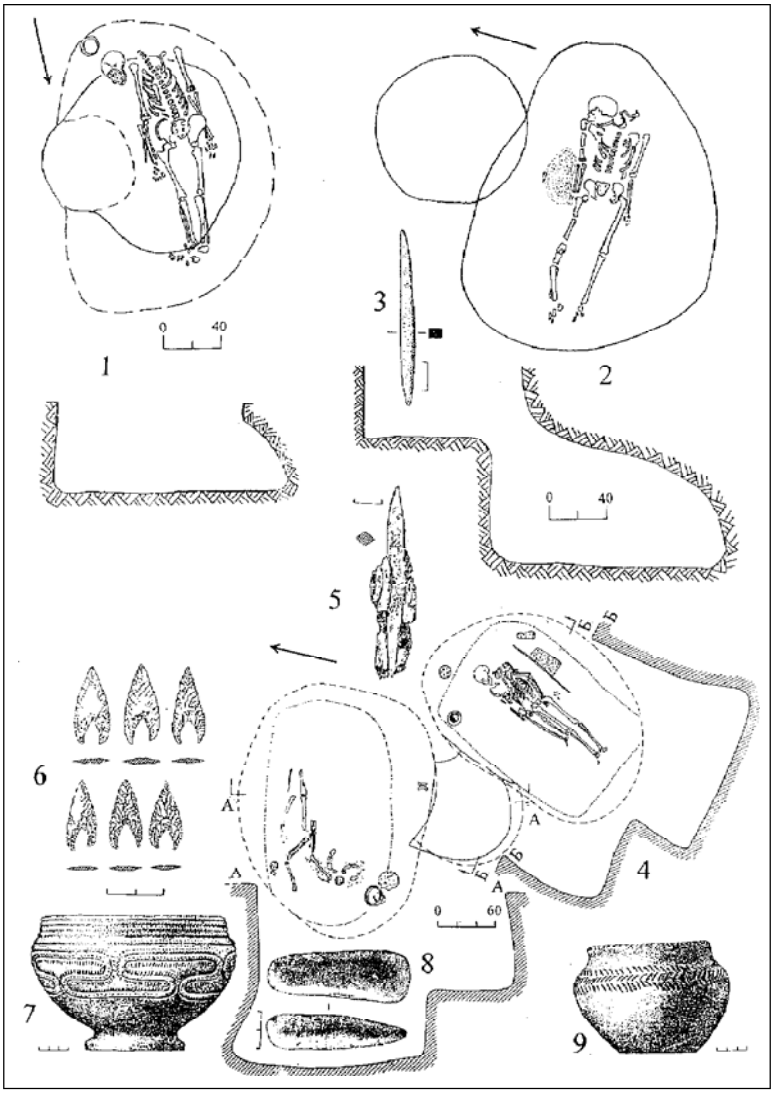



*Рис.2. 1 — план и разрез п.1, к.2, с. Жовтневое; 2 — п. 3, к.3; 3-к.3, п; 4-9 — к.5, п.4-5, с. Заможное.*

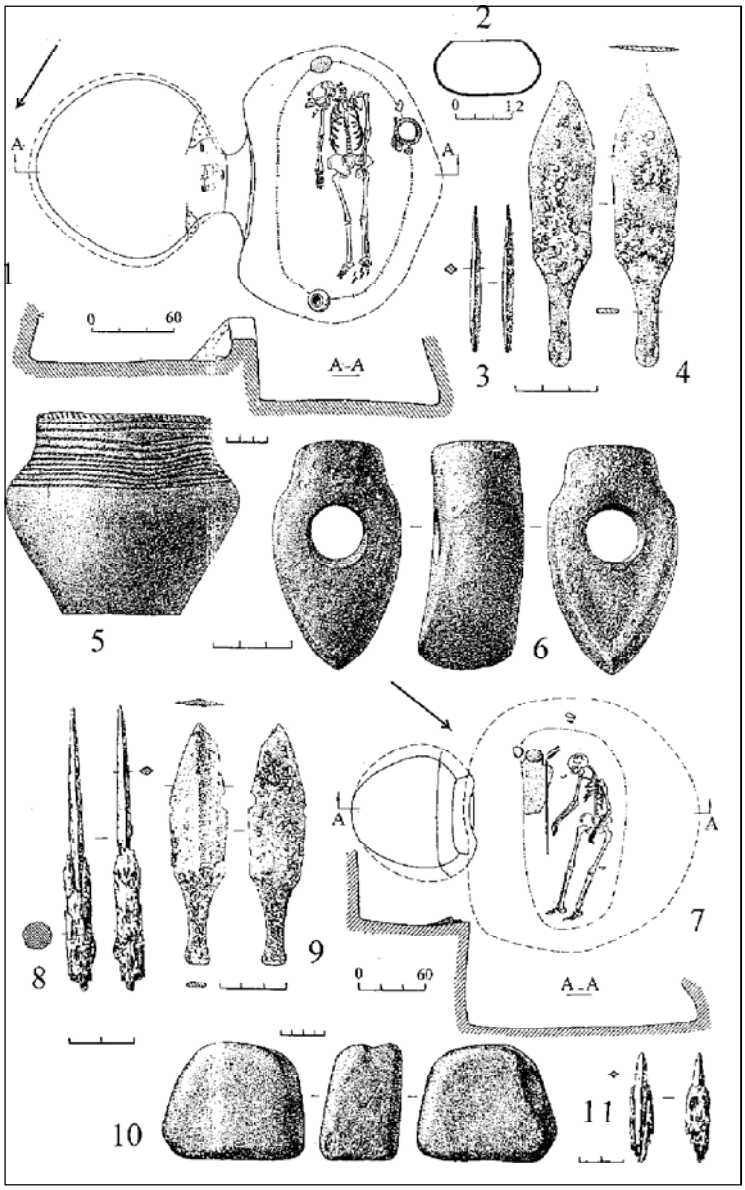



*Рис. 3. 1-6 — к.5, п.7, с.Заможное; 7-11 — к. 6, п.3, с.Заможное*

комок такой же охры и пучок камки. За черепом взрослого, у стенки, стояла деревянная чаша очень плохой сохранности. У входа находился глиняный сосуд. По дну камеры четко прослеживались границы растительной подстилки прямоугольной формы и меловой подсыпки размерами 1,4 х 1,35 м. (рис. 2, 4).

Описание находок.

1. Дротик-стрекало: деревянное, круглое в сечении древко длиной около 0,7 м и диаметром 1,5 см. В конец древка вставлен бронзовый наконечник в виде шила, ромбического в сечении и с утолщением на 1/3 его длины, длина его — 6,5 см, ширина — 0,5 см, выступает из древка на 2 см (рис. 2, 5)

2. Кремневые наконечники стрел (6 штук) тонко обработаны мелкой ретушью с пильчатым краем, у основания — выемки. Длина наконечников — 2 см, ширина основания — 1 см.(рис. 2, 6).

3. Сосуд плоскодонный, лепной, поверхность черного цвета. По плечикам и венчику орнаментирован, высота — 11 см, диаметр венчика — 12,5 см, дна — 9 см. (рис. 2, 9).

4. Погребение 7. Шахта находилась в 5 м к северу от «0». Вход в камеру был заставлен деревянным колесом, следы которого прослеживались на дне шахты в виде остатков основы диска. Заслонка-колесо была обмазана (как и в погребении № 2) плотной глиной, остатки которой сохранились у стенок шахты по обеим сторонам входа в камеру. Лицевую часть черепа закрывала моделировка очень плохой сохранности: моделированы нос и глаза (рис. 17,6). Перед черепом, вплотную, лежал каменный топор, в ногах, у стенки, стоял глиняный сосуд, а слева от скелета, у стенки, на уровне локтя, стояла деревянная чаша, возле которой находилось бронзовое шило, нож и каменный терочник. Здесь же найдены два кусочка охры.

Пятно охры обнаружено за черепом (15 х 18 см). Скелет лежал на подстилке с меловой подсыпкой, контуры которой хорошо фиксировались, размеры ее — 2 х 1,1 м. ( рис. 3 , 1).

Описание находок.

1. Каменный топор, прямой, с сильно расширенной проушной частью, круглым обухом. Поверхность хорошо заглажена, но в отдельных местах отслоились отдельные кусочки. Длина топора — 8,5 см, диаметр обуха — 3 см, отверстия — 2 см, ширина лезвия — 3,5 см (рис.3, 6).

2. Сосуд плоскодонный, лепной. По плечикам и горлу сосуд украшен орнаментом. Высота — 15 см, диаметр венчика — 13 см, дна — 9 см.

3. Деревянная чаша, высота — 11 см, диаметр венчика — 14 см, тулова — 22 см. (рис. 3, 2).

4. Бронзовое шило с деревянной ручкой четырехгранное в сечении с утолщением посередине. Длина — 5,5 см, по сечению размеры: 0,3 х 0,4 см. (рис.3, 3).

5. Бронзовый нож листовидной формы с чуть загнутым острием. Черенок слегка расплюснут на конце. Длина ножа — 10,5 см, ширина — 2,5 см. Длина черенка — 3,5 см, ширина — 0,7 см (рис. 3, 4).

6. Каменный терочник, зашлифованный, из гранита. Форма неправильная, размеры: длина — 10 см, ширина — 6 см, толщина — 5 см.

Курган № 6 располагался в 65 м к юго-западу от кургана № 5.(высота — 0,85 м, диаметр — 40 м).

5. Погребение № 3, находилось на расстоянии 9,5 м к северо-востоку от «0». Заслон, представляющий собой среднюю часть сплошного колеса, обмазанного с наружной стороны глиной. Само колесо не сохранилось. Диаметр его — 0,72 м, толщина — 0,07 м. В глине заслона прослежены отпечатки шипов, соединяющих отдельные части колеса. Их диаметр 3 — 3,5 см, длина — 10 см. Центральная часть колеса прослежена на высоту 0,27 м. На одном из кусков обмазки сохранились следы еще какого-то паза, находившегося на стыке двух плах. Паз округлой формы диаметром 3 см. При разборке заслона и обвалившегося входа обнаружен еще один кусок глины, находившийся, по всей видимости, в отверстии ступицы. (рис. 3, 7). На черепе погребенного было обнаружено частичное моделирование. Глазницы были забиты темно-охристыми конусами. На нижней челюсти обнаружена полоска из темного вещества. Хорошо вылеплены сомкнутые веки. Глаза обведены полосками алой краски. Следы раскраски обнаружены также на полоске, закрывавшей зубы (рис. 17, 1). В черепной коробке находились небольшие кусочки печины. Под головой погребенного прослежена подушка из травы. По дну камеры отмечены остатки органической подстилки, на которой лежал умерший. Размеры ее: 1,9 х 1 м. Под ребрами и в области таза умершего встречены остатки кожи. На подстилке, на светлом фоне в трех местах зафиксированы прямые и изогнутые линии, нанесенные алой краской. В области бедер отмечались еще неясные изображения, нанесенные темно-красной краской. Между скелетом и входом в камеру находилось большое пятно охры, нанесенной на подстилку в жидком виде. В юго-западной стороне пятна находился комок охры размером 0,16 х 0,13 м. Вдоль туловища погребенного лежал дротик-стрекало с бронзовым наконечником. Перед лицом покойного находились бронзовые нож и шило. К югу от них располагалась наковаленка. За головой обнаружены остатки круглой плоскодонной деревянной баночки типа пиксиды, наполненной охрой; рядом остатки кожи, дерева. Под баночкой — слой мела. За ней комок темно-малиновой охры и распавшийся кусок мела (рис. 3, 7).

Описание находок.

1. Дротик-стрекало. Длина рабочей части бронзового наконечника — 1,5 см. Общая длина наконечника — 5 см (рис. 3, 11). Сечение древка круглое, диаметр — 1,5 см, длина дротика составляла 0,93 м.

2. Бронзовый нож листовидной формы с раскованным лезвием и пяткой черенка. По лезвию намечено ребро. Общая длина — 11,2 см, длина рабочей части — 7,2 см, ширина лезвия — 2,6 см, ширина черенка — 0,7 см, толщина — 0,3 см (рис. 3, 9).

3. Бронзовое шило . Закреплено в деревянной ручке. Общая длина — около 14 см, длина острия — 8,5 см, сечение квадратное — 0,8 см, рукоять диаметром — 1,4 см, сечение круглое (рис. 3, 8).

4. Каменная наковаленка трапециевидной формы размерами 10 х 8,5 х 5,4 см. Материал — кварцит. На поверхности следы охры (рис. 3, 10).

Курган № 7 располагался в 300 м к юго-западу — западу от кургана № 5 — основного в группе. Высота кургана — 1,2 м, диаметр — около 45 м.

6. Погребение № 2 находилось в 10 м к северу от «0». За головой погребенного, в норе, был обнаружен бронзовый наконечник стрекала-дротика (длина — 3,3 см, сечение квадратное — 0,5 см). У головы, ближе ко входу, стояли остатки деревянной чаши диаметром около 12 см. Скелет лежал на подстилке. На коленях и у сустава правой руки — пятна охры. За головой рассыпавшийся кусок охры и мела. На лице погребенного обнаружена полная моделировка, выполненная из сероватого вещества. Глаза прикрыты, нижние веки припухлые, нос орлиный, губы выражены нечетко, видимо, поджаты. На носу и на правой щеке — остатки красной краски. На лбу — две поперечных красных полосы. На скуловых костях также следы раскраски (рис. 4, 2 ; 19, 8).

7. Погребение № 3 располагалось в 8 м к юго-востоку от «0». Заслон — наклонно положенные плашки дерева, вероятно, поддерживали растительную заслонку, которая сверху

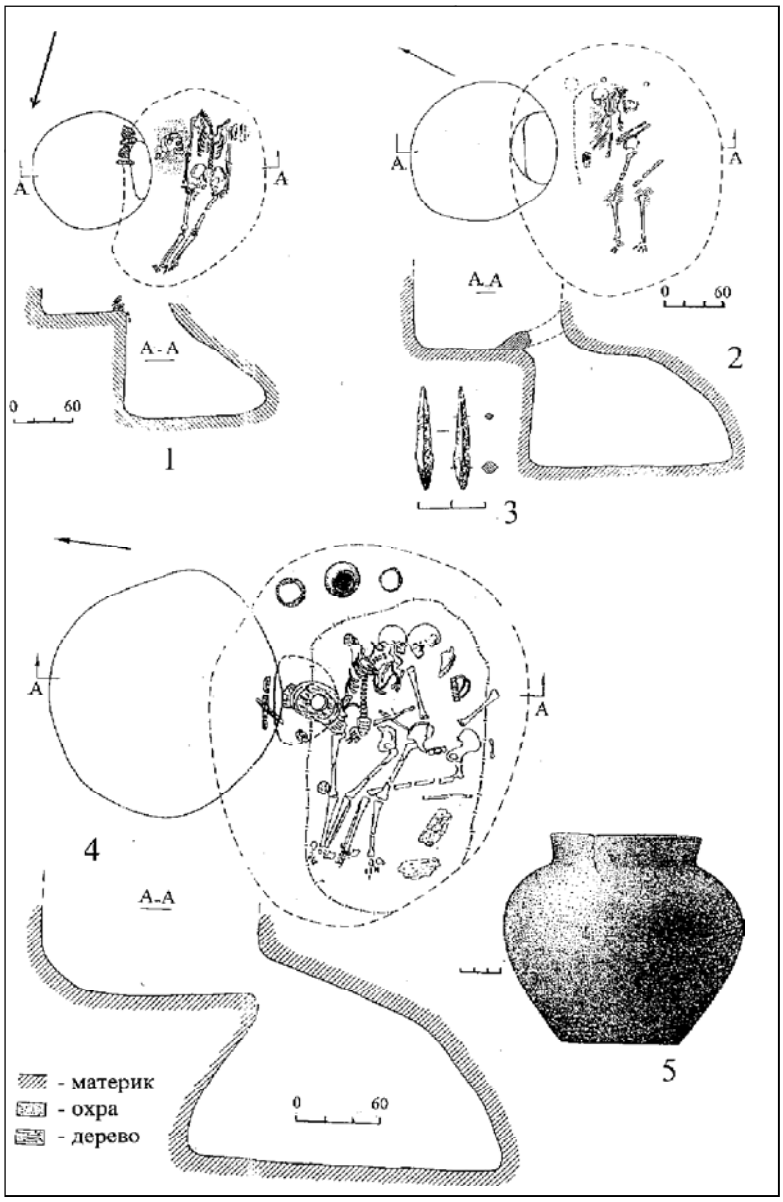



*Рис. 4. 1 — к.7, п.3, с.Заможное; 2 — 5 — к.7, п.4, с. Заможное.*

была промазана глиной. Вход овальный. У правой руки лежала голова погребенного со следами моделировки. В глазницы вставлены конусы охристой массы, в ушах находились кусочки такой же массы. У левого плеча находилась деревянная чаша диаметром 0,16 м, высота чаши — 2,5 -3 см, венчик сильно отогнут наружу. Сохранность очень плохая (рис. 4, 1).

8. Погребение № 4 располагалось в 8,2 м к востоку от «0». Вход в камеру был закрыт средней частью деревянного колеса, провалившегося затем в камеру. Диаметр ступицы — 0,32 м, отверстия — 0,12 м. За головами погребенных находились две деревянные чаши и глиняный горшок (рис. 4, 4). Черепа погребенных имели частичную моделировку. Женский череп сильно кальцинирован. Нос аккуратный с небольшой горбинкой. Ноздри крупные, хорошо моделированы, цвет охристый, глаза закрыты (рис. 19,7) из сероватой массы имелась полоска, закрывавшая рот, однако она отвалилась на пол камеры. На черепной коробке имелись остатки росписи фиолетового цвета. На мужском черепе в глазницах были конусы из серой массы, нос охристый, фрагментированный. Имелись также фрагменты полоски, закрывавшей зубы. Роспись ярко-алая, ею покрыты глаза, скуловые кости, через всю черепную коробку полосы идут к затылку (рис. 19, 2).

Описание находок.

1. Чаша деревянная, наибольший диаметр — 0,2 м

2. Чаша деревянная, наибольший диаметр — 0,16 м.

3. Горшок глиняный. Внешняя поверхность хорошо выглажена, на внутренней имеются следы заглаживания гребенчатым штампом. Высота сосуда — 17 см, диаметр венчика — 13,8 см, тулова — 21,5 см, дна — 11 см (рис. 4, 5).

Курган № 8 располагался в 60 м к юго-за-

паду от кургана № 7, замыкал группу. Диаметр кургана — 18 м, высота насыпи — 0,35 м.

9. Погребение № 1 находилось в 4,15 м к юго-востоку от «0». Глиняный заклад: толщина — 0,3 м, высота — 0,47 м. (рис. 5, 4). На черепе скелета, в области лба, прослежена правильная полоска из красной краски шириной 2,5 см, которая закруглялась вокруг глазных отверстий. При его расчистке отмечена глиняная масса, окрашенная красной охрой. Хорошо сохранились только глазные конусы и часть носа. Глаза закрыты. Остальные части моделировки осыпались и были найдены возле черепа (рис. 17,4). Перед скелетом была обнаружена керамическая чаша. К востоку от чаши находилась створка раковины Unio. Под правым виском черепа лежал каменный топор. Камера была покрыта мелом. В центре ее находилась растительная подстилка (1,8 х 1,2 м). От нее сохранился только белый с серым оттенком тлен. На этой подстилке лежал скелет погребенного (без черепа). Скелет был посыпан бурой охрой, следы которой попадались также и на подстилке. Подстилка, скелет, а также почти вся камера были засыпаны слоем земли, толщина которого достигала 2 см. Поверх земляной засыпки также прослеживались следы охры. Череп находился на слое земли и был посыпан красной охрой. Под череп и вокруг него была положена камка.

Описание находок.

1. Чаша лепная, грубого обжига, светло-коричневого цвета. От венчика до наибольшего диаметра прослеживаются следы сажи. Имеется прочерченный орнамент. Высота чаши — 17,5 см, диаметр венчика — 25 см, тулова — 28 см, дна — 11 см ( рис. 5, 1).

2. Шлифованный топор из черного камня ромбической формы. Высота его от обуха до лезвия — 12,5 см, ширина — 5,5 см, толщина — 2,5 см, ширина лезвия — 3,5 см. Отверстие просверлено с двух сторон, его диаметр — 3,5 см (рис. 5,3).

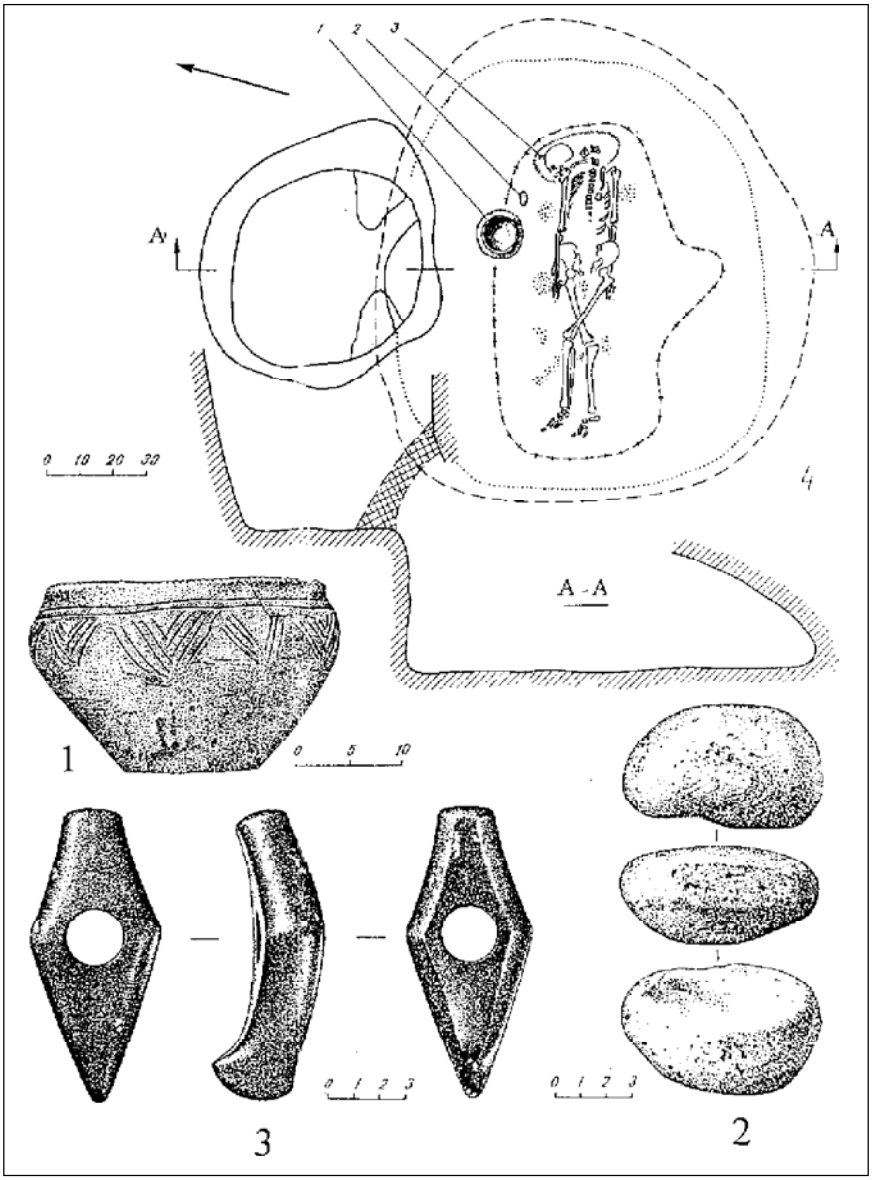



*Рис. 5. 1-4 -к.8, п.1, с. Заможное.*

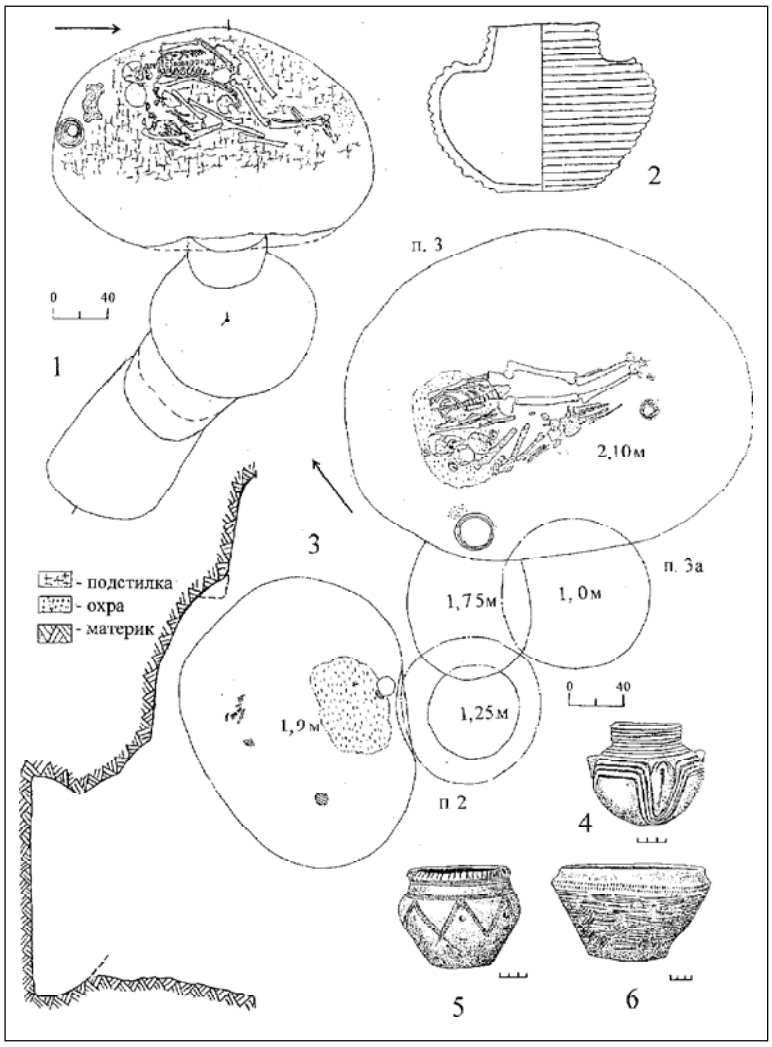



*Рис. 6. 1-2 — к.12, п.4, с. Заможное; 3-6 — к.13, п. 2, 3, с. Заможное.*

3. Терочник овальной формы (рис. 5, 2)

Курганная группа Заможное -3. Курган № 12. Высота — 1,3 м, диаметр — 35 м.

10. Погребение № 4 основное, находилось в 9 м к востоку от «0». На черепе моделировка: два глиняных конуса, соответствующие форме глазниц, с углублениями, имитирующими закрытые глаза. Были изготовлены из плотной светло-серой глины, которая с наружной стороны конусов имеет красноватый оттенок. Отмечена слабая окраска охрой отдельных участков черепа, грудной клетки, правой плечевой кости. Скелет №1 находился справа от скелета № 2. Он был расчленен. Весь скелет обильно окрашен охрой. По дну камеры отмечены следы подстилки — коричнево-бурый тлен. Такое же по составу вещество находилось на тазе и грудной клетке скелета № 2 (остатки покрывала, обмазка скелета?). Под костяком по дну тлен отсутствует. У стоп скелета № 2 участок дна слабо посыпан охрой. У южной стенки камеры за головами погребенных находился необожженный сосуд. Справа от него жидкой охрой алого цвета нарисовано пятно вытянутой формы с пятью круглыми выступами (стопа). Размеры пятна: 0,32 х 0,15 м (рис. 6, 1).

Описание находок.

1. Амфоровидный сосуд из светло-серой крошащейся массы. Украшен по шейке и тулову рельефными валиками, углубления между которыми инкрустированы охрой. Реконструируемые размеры: высота — 15 см; диаметр венчика — 10,5 см; диаметр тулова — 21 см (рис. 6, 2).

11. Погребение 5 примыкало с юго-востока к шахте погребения № 4, частично перекрывая ее. Камера прорезала шахту погребения №4. Через нее было произведено подзахоронение (скелет № 2). Сооружение камеры погребения № 5 было прекращено.

Курган № 13. Высота — 1,1 м, диаметр — 30 м.

12. Погребение № 2, основное. Находилось в 7,5 м к востоку и в 1,5 м к югу от «0». Перед входом на дне камеры лежал толстый слой камки, на котором у самого входа найден сосуд, лежавший на боку (рис. 6, 3).

Описание находок.

1. Сосуд плоскодонный лепной. По шейке и тулову украшен оттисками тесьмы. Высота —

10,2 см, диаметр венчика — 10 см, диаметр тулова — 12,5 см, дна — 6,9 см (рис. 6, 5).

Погребение 3. Впускное. Являлось подзахоронением к погребению № 2. Вероятно, в эту камеру и были перенесены останки умершего из камеры погребения №2. В камере обнаружены останки четырех человек: взрослый (1) (рис. 6, 3). Череп его отделен и положен к правому плечу. На черепе зафиксированы остатки моделировки. Обнаружены глазницы-конусы, пластины лицевой части, фрагменты носа плохой сохранности.

Череп этого скелета также моделирован. Сохранность моделировки плохая (рис. 18, 3). Рядом с черепом скелета №2 лежал отдельный череп (№3), также моделированный. Фрагменты еще одного, детского, черепа (№4) найдены на костях скелета № 2. Кости скелета № 2, а также моделированный череп были окрашены красной охрой. Верхняя часть скелета № 1 и черепа №№ 2 и 3 лежали на толстом слое камки.

У входа в камеру стоял сосуд, а в ногах — небольшая амфора. Возле сосуда — пятно охры на дне камеры. В остальных местах по дну камеры прослежен белый тлен (рис. 6, 3).

Описание находок.

1. Сосуд — лепная миска. По тулову идут крупные расчесы, имеется орнамент. Высота миски -7,9 см, диаметр венчика — 14,4 см, диаметр дна — 6 см (рис. 6, 6).

2. Амфора. На плечиках четыре налепа с вертикальными отверстиями. Верхняя часть сосуда украшена параллельными рядами прочерченных линий, заполненных белой пастой и охрой. Высота — 13,2, диаметр венчика — 8,8 см, диаметр тулова — 16,4 см, диаметр дна — 7,8 см (Рис. 6, 4).

13.Погребение 3А — подзахоронение к погребению № 3. Шахта была вырыта впритык с востока к шахте погребений № 2 и № 3, северной частью нависала над камерой погребения № 3. Вероятно, через эту шахту и было совершено подзахоронение черепов или другие действия (рис. 6, 3).

14.Погребение № 4. Впущено во вторую насыпь. Находилось в 5,5 м к северу от «0».

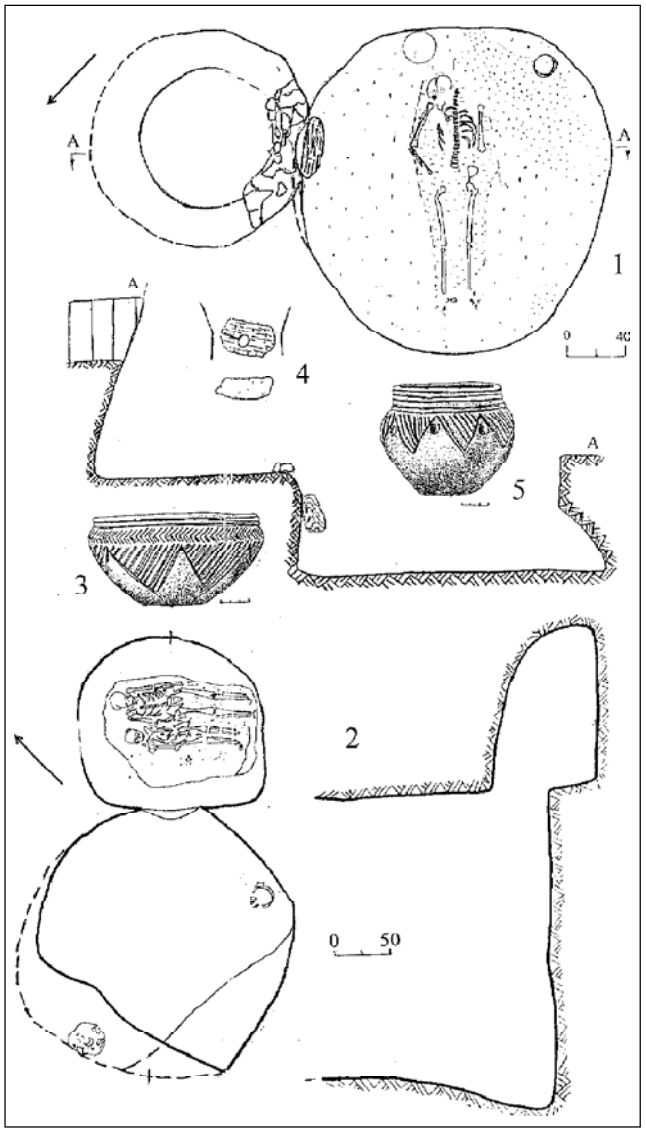



*Рис. 7. 1, 3-5 — к.13, п.4, с. Заможное; 2- к.25, п. 7 , с. Головковка (по С.В.Полину, Н.П.Тупчиенко, А.В.Николовой — 1994: 55).*

Вход в камеру был заставлен средней частью трехчастного деревянного колеса, от которой на дне камеры сохранилась одна половинка без ступицы. В этой части было сделано отверстие диаметром 3 см. Сверху колесо заслона было обмазано вязкой глиной. Череп моделирован. Сохранились глиняные глазницы-конусы с имитацией закрытых глаз. За черепом у стенки стоял сосуд. Второй сосуд находился против левого плеча, также у стенки. Скелет лежал на подстилке, от которой сохранился коричневый тлен. По всему дну камеры отмечены отпечатки волокон белого цвета. Дно слева от скелета окрашено охрой. Пятно охры зафиксировано у стенки, слева от стоп. (рис. 7, 1).

Описание находок.

1.Сосуд лепной. По ребру — два ряда насечек. Высота сосуда — 7,9 см, диаметр венчика — 14,4 см, диаметр дна — 6 см (рис. 7, 3).

2.Сосуд лепной, орнаментирован. Высота сосуда — 7,5 см, диаметр венчика — 7,5 см, диаметр тулова — 9,4 см, дна — 4,1 см (рис. 7, 5).

С. Заможное , курган № 15. Диаметр — 30 м, высота — 0,65 м.

15. Погребение № 4. Находилось в 9,5 м к востоку от «0». Перед входом сохранилась глиняная обмазка на высоту 0,3 м. Толщина обмазки у дна — 0,35 м, вверху — 0,18 м. Внутри глиняной обмазки и выше нее находились остатки сегмента деревянного колеса с небольшим отверстием в центре. Высота сегмента — 0,45 м, длина основания — 0,7 м. Диаметр отверстия -0,1 м. Толщина — 7 см. (рис. 8, 1, 3). Глазницы черепа заполнены массой темно-серого цвета. Кусочки того же вещества обнаружены и в районе носа. Длинные кости конечностей скелета, кисть правой руки и две фаланги левой — красные от охры (рис. 8, 1). Маленький комок охры лежал у основания черепа. Под левой лопаткой лежал отщеп кремня. В районе крестца лежал круглый кусочек мела диаметром 1,5см. Перед входом в 20 см от стенки камеры находился раздавленный керамический сосуд. Под верхней частью скелета — под черепом, плечом и грудной клеткой — тонкий слой камки. На ней перед лицом овальное пятно охры. Рядом еще одно. Пятна охры на дне под скелетом в нижней части таза, между бедренными костями и под пяточными. По всей поверхности дна камеры сохранились следы от растительной подстилки в виде белого тлена с отпечатками волокон.

Описание находок.

1.Кремневый отщеп без следов обработки. Размеры: 3 х 1,6 см (рис. 8, 5).

2.Лепная чаша. Внешняя и внутренняя поверхность черного цвета с редкими желтыми пятнами. Имеются следы расчесов. Диаметр венчика — 24 см, диаметр дна — 9 см, высота — 10,3 см (рис. 8, 2).

16. Погребение 5. Впускное, находилось в 6,5 м к востоку и в 1,5 м к северу от «0». Перед входом сохранились остатки глиняной обмазки на высоту 0,22 м. Толщина обмазки у дна — около 0,3 м, вверху — 0,04—0,05 м. В слое обмазки сохранились остатки сегмента деревянного колеса. Сохранившаяся высота сегмента — 0,24 м, длина основания — 0,76 м, толщина — 0,05 м. В заполнении камеры в юго-восточной ее части на глубине 1,50 м находились сложенные кости скелета взрослого человека. В западной части камеры на той же глубине в заполнении находились кремневый отщеп и древесные угольки. У южной стенки камеры обнаружены небольшие кусочки дерева.

Глазницы черепа были заполнены веществом темно-серого цвета. Из этой же массы был вылеплен и нос. В затылочной части черепа имелись два круглых отверстия. Внутри череп заполнен сыпучим веществом светло-серого цвета. Такое же вещество находилось чуть ниже грудной клетки в области желудка погребенного, а также заполняло полости тазовых костей. Все кости скелета обволакивал слой красно-коричневой массы толщиной около 4-5 мм. В погребении находилось два керамических сосуда. Один стоял справа от черепа, второй — справа от плеча. Кремневый отщеп без следов обработки (рис. 8, 4).

Описание находок.

1.Лепной сосуд — чаша, орнаментирована. С одной стороны под верхним краем находилась пара сосцевидных налепов. Внешняя поверхность покрыта черными и желтыми пятнами, внутренняя — черного цвета. На внутренней и внешней поверхности — следы расчесов. Диаметр венчика — 18,3 см, диаметр дна — 9 см, высота — 13 см (рис. 8, 7).

2.Лепной горшок. По венчику и плечикам орнаментирован. Обжиг неровный. Внутри и снаружи — расчесы. Диаметр венчика — 17,7 см, диаметр тулова — 27 см, диаметр дна — 8,4 см, высота — 13,8 см (рис.8,8).

17. Погребение 6. Основное. Находилось в 2 м к северо-востоку от «0». Заслон — средняя часть деревянного колеса, промазанная снаружи глиной. Длина — 0,65 м, толщина обода — 0,08 м. Ступица массивная полусферической формы, уплощенная. В ней — отверстие диаметром 0,08 м. По бокам от ступицы дополнительные отверстия для крепления боковых сегментов. С торцов к этим отверстиям идут круглые отверстия для штифтов (рис. 8, 10-11). На дне камеры находились следующие предметы: в центре камеры два кремневых отщепа, кремневый скребок, мелкие человеческие кости и зуб. Последние лежали возле пятна красной охры. Охра находилась поверх слоя камки, покрывавшего всю поверхность камеры. В центре камеры под камкой обнаружен слой охры толщиной 0,3 см в виде пятна подтреугольной формы. Под слоем охры непосредственно на дне находился тлен желтого цвета. Под западной стенкой камеры с двух сторон от входа на дне прослежены четкие

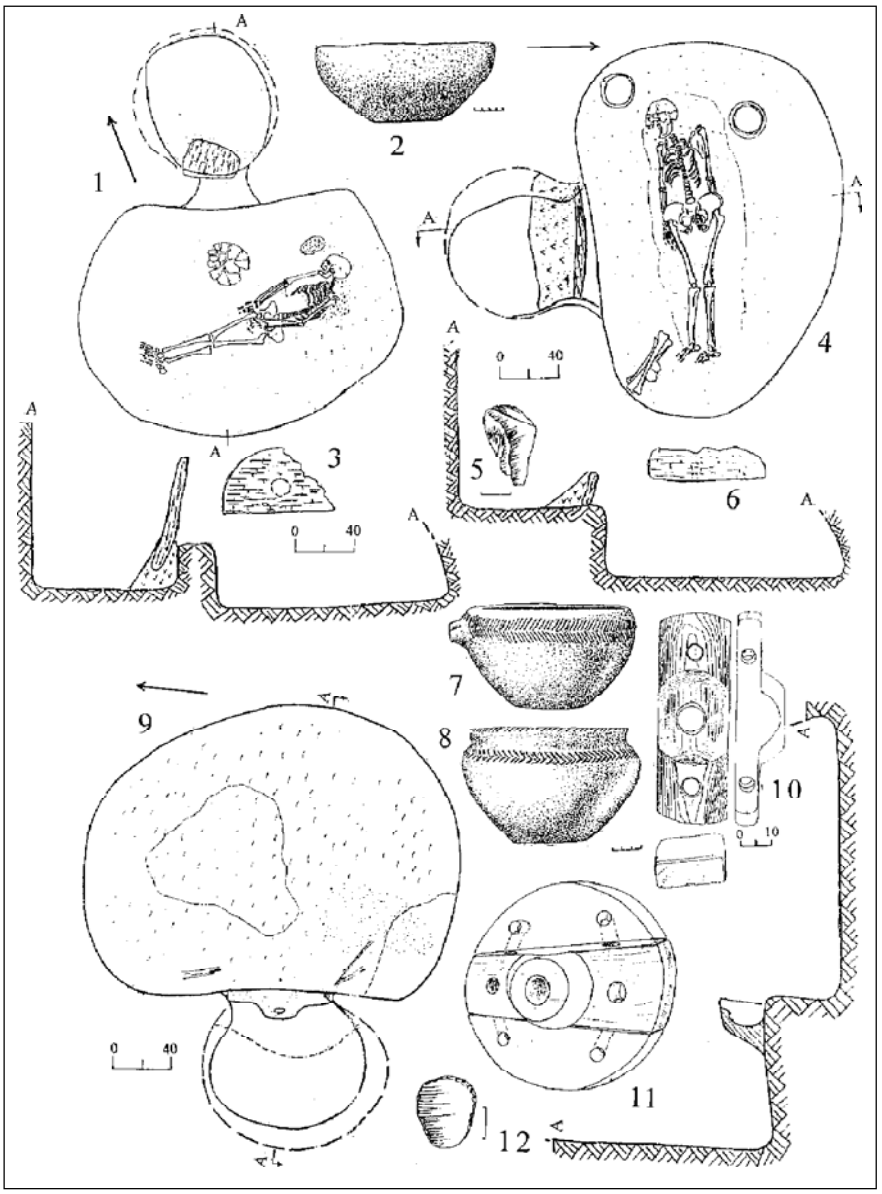



*Рис. 8. 1-3 к.15, п.4, с. Заможное; 4-6 — к.15, п. 5, с. Заможное; 7-10 — к.15, п. 6, с. Заможное. 11 — колесо из п.6. (реконструкция С.Ж.Пустовалова).*

следы-отпечатки от пучков тонких прутьев в виде продольных бороздок. С северной стороны от входа длина отпечатка — 0,27 м, ширина — 0,05 м. С южной стороны от входа — отпечатки двух пучков прутьев, положенных под углом другу к другу (рис. 8, 9).

Описание находок.

1.Фрагменты лепного керамического сосуда. Судя по остаткам, он имел отогнутый наружу венчик, короткую шейку с плавным перегибом к округлому тулову. Дно плоское. Орнаментирован по венчику «елочкой». Плечики опоясывает также «елочка», под которой 6 горизонтальных рядов прочерченных линий, промежуток между 4 и 5 линиями заполнены вертикальными штрихами. Очевидно, от этих линий вниз до дна спускались вертикально несколько рядов прочерченных двойных линий. Промежуток между ними был заполнен орнаментом в виде «елочки». Край дна сосуда опоясывает также «елочка». На внутренней поверхности сосуда — следы расчесов.

2.Два фрагмента верхней части лепного сосуда, имеющего прямосрезанный венчик, прямую шейку, плавно переходящую в плечико. Венчик орнаментирован «елочкой», шейку опоясывают 7 рядов горизонтальных рядов прочерченных линий, под которыми поясок — «елочки».

3.Кремневый скребок округлой формы с высокой крутой ретушью по краю. Размеры: 2,2 х 2,0 см (рис. 8, 12).

С. Виноградное, курган № 34. Длина кургана — 78 м, ширина — 48 м, высота — 1,6 м.

18. Погребение № 9 находилось в 2,9 м к востоку и в 11, 8 м к югу от второго «0». На дне камеры находились останки 5 погребенных: взрослого, подростка и трех детей. На черепе взрослого было овальное отверстие (трепанация). Полость тазовых костей была засыпана

сыпучим веществом серо-дымчатого цвета. Оно же обнаружено выше тазовых костей между позвонками до ребер — примерно в области желудка. Кости скелета интенсивно окрашены красной охрой. Вдоль нижней части корпуса скелета до стенки камеры были рассеяны разрозненные кости двух детских скелетов. Скелет подростка располагался вдоль восточной стенки. Глазницы его черепа были заполнены веществом темно-серого цвета со следами охры на их поверхности. В височной части черепа — отверстие. В 17 см к западу от бедренных костей скелета 2 лежал фрагментированный череп погребенного 5 (ребенка?). Дно камеры на 3-5 см было покрыто слоем очень плотного черного ила. Можно предположить, что погребения не были одновременными. В камере находилось 5 сосудов. Один из них (1 — чаша) стоял вверх дном под южной стенкой в 30 см к востоку от входа. Второй — лежал на боку между бедренными костями скелета 2 и стенкой камеры. Третий лежал на боку под западной стенкой в «изголовье» скелета 1. Рядом с ним к югу стоял пятый, внутрь которого был вставлен четвертый сосуд (рис. 10, 7).

Описание находок.

1.Лепная чаша. Под верхним краем с одной стороны пара налепов с горизонтальным отверстием внутри каждого. Между налепами двумя рядами прочерченных линий выполнена У-образная фигура. Чаша орнаментирована по всей площади внешней поверхности кроме дна. Диаметр венчика — 18 см, диаметр дна — 7 см, высота чаши — 10,5 см (рис. 10, 11).

2.Небольшой лепной горшок. Орнаментирован по венчику и по плечикам. Поверхность черного цвета. Диаметр венчика — 12,5 см, дна — 8 см, высота — 13,8 см (рис. 10, 8).

3.Лепной широкогорлый горшок. Верхняя половина сосуда орнаментирована прочерченными глубокими линиями. На внешней и внутренней поверхности — следы расчесов. Поверхность черного цвета. Диаметр венчика — 13,3 см, диаметр тулова — 16,3 см, высота шейки — 4 см, высота сосуда — 17 см (рис.10,12).

4.Маленький лепной широкогорлый горшочек. Орнаментирован почти по всей поверхности прочерченными линиями. Поверхность черного цвета с расчесами с обеих сторон. Диаметр венчика — 11,5 см, дна — 6 см, высота

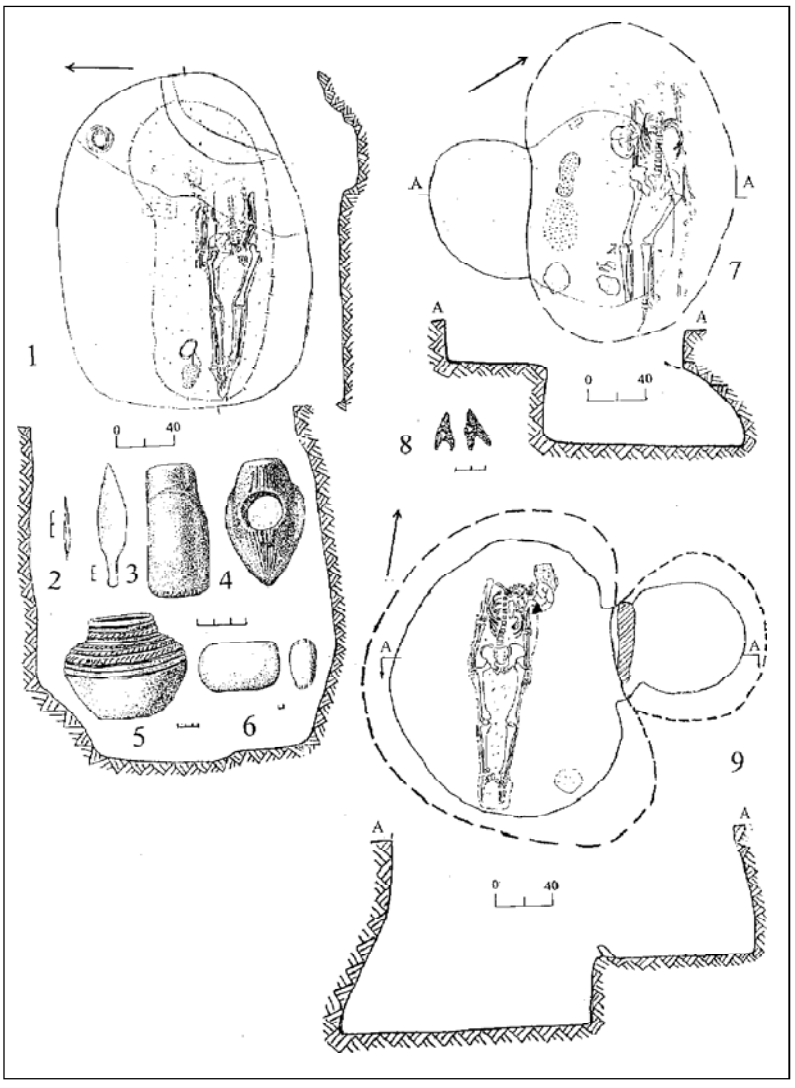



*Рис. 9. 1-6 — к. 31, п.3, с.Виноградное; 7-8 — к.32, п. 10; с. Виноградное . 9 — к.33, п. 3, с. Виноградное.*

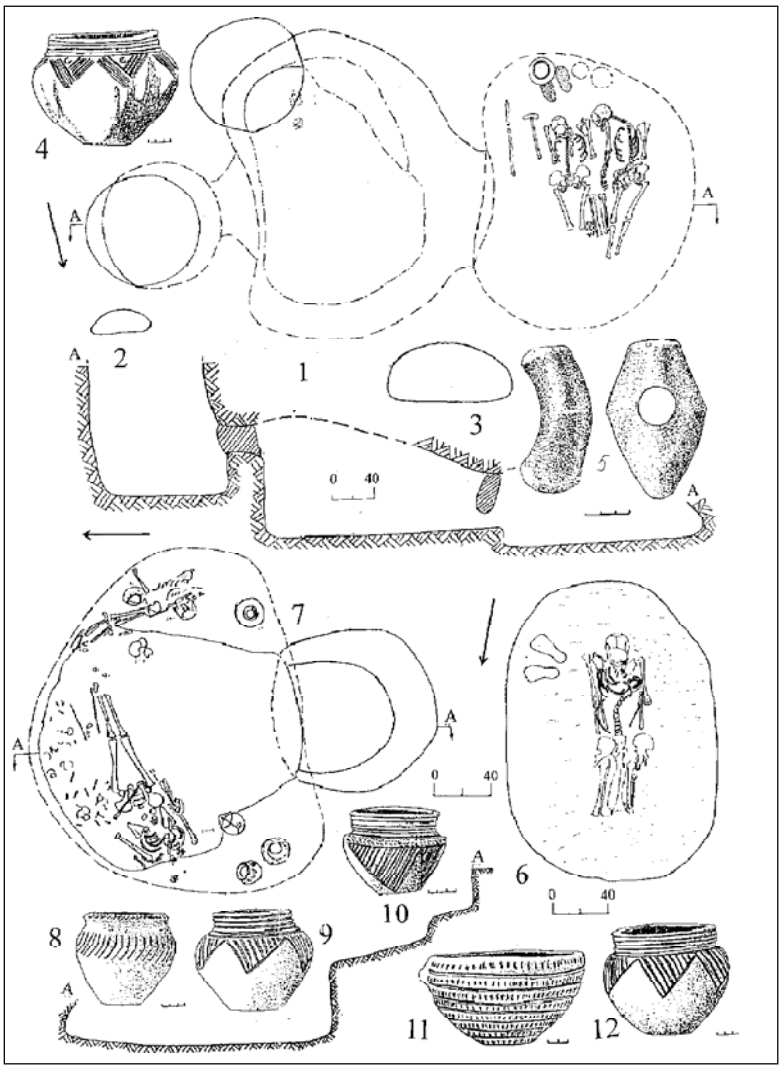



*Рис. 10. 1 — к. 33, п. 4, с.Виноградное; 2-3 — Форма входа п.4, к. 33; 6 — к. 34, п.12; с. Виноградное.*

сосуда -10 см (рис. 10, 10).

5.Лепной широкогорлый горшок. Шейка и плечики сосуда украшены орнаментом. Высота сосуда — 14,5 см, диаметр венчика — 12,5 см, дна — 9,5 см (рис. 10, 9).

19. Погребение № 12. Находилось в 4,2 м к северу и в 10 м к востоку от второго «0». Скелет был расчленен. Череп стоял на основании, теменем вверх. Глазницы и ушные отверстия заполнены темно-серым, почти синим, веществом. Под черепом и левым плечом скелета, а также на дне слева от костяка — пятна охры. Такое же пятно под костями ног и вокруг них. Под слоем охры сохранился белый тлен от растительной подстилки, следы которого прослеживались по всей площади камеры. На дне нанесены охрой две ступни (рис. 10, 6).

С. Виноградное, курган № 33, диаметр — 25 м, высота — 0,4 м.

20.Погребение 3, располагалось в 12,2 м к северо- востоку от «0». Вход закрыт глиняным заслоном. Можно предположить, что умерший был обернут саваном. На черепной коробке имеются 4-5 вмятин от ударов, а также заросшее трепанационное отверстие. Имеются следы болезненных нарушений на нижней челюсти и правой скуле (определение Е.А.Шепель). Череп моделирован. Масса изготовлена из пористого серо-голубого вещества. В левой глазнице — конус с прорезью, имитирующей сомкнутые веки. Конус окрашен охрой. С другой стороны серой массой была заполнена не только глазница, но и область отсутствующей правой верхнечелюстной кости. Здесь состав окрашен в желто-коричневый и красный цвета. Рельефно показаны сомкнутые веки. Был вставлен в грушевидное отверстие нос и вставка в ушную впадину. На черепе следы окраски охрой (на носовых костях и левой скуловой кости). Внутри черепной коробки обнаружены угли. За и под головой погребенного находилось пятно алой охры. Под костяком прослежен темный тлен. В ногах, слева от погребенного, обнаружен тлен от деревянной чаши (рис. 9, 9).

21. Погребение № 4 находилось в 11,4 м к юго-востоку от «0». В северной части камеры отмечены отдельные следы красной краски от росписи и следы темной краски. В южной части

камеры находились три пятна красной охры. В заполнении камеры встречены отдельные мелкие кости человека. Были найдены мелкие кусочки вещества, используемого для изготовления моделированных черепов. В западной части камеры в 0,25 м от дна камеры обнаружен глиняный заклад во вторую камеру. Вход имел форму круглой арки шириной 1,3 м, высотой 0,6 м (рис. 10,3). Череп скелета 1 был поставлен на верхнюю часть грудной клетки и был моделирован. Сохранились конусы в глазницах и полость носа, заполненная серой массой. Череп скелета 2 был моделирован аналогично скелету 1. Под погребенными была прослежена сложная подстилка. По дну шел слой мела, поверх которого был тлен, вероятно, от циновки. Поверх него зафиксирован тлен от какой-то органической подстилки. Рядом с 1 погребенным справа был обнаружен каменный полированный топор с древком. Рядом лежало деревянное древко (стрекало?), длина сохранившейся части — 0,8 м. За головой погребенного были обнаружены глиняный орнаментированный горшок и две стопы, нарисованные по дну красной краской. Дальше к западу находились остатки деревянной чаши и необожженного сосуда (рис. 10, 1).

Описание находок.

1.Топор каменный полированный. Размерами 10 х 7 х 3,4 см . Диаметр отверстия — 2,4 см (рис. 10, 5).

2.Сосуд лепной. Поверхность орнаментирована геометрическим орнаментом. Обжиг неровный. Высота сосуда — 17 см, высота шейки — 2,5 см, диаметр венчика — 18 см, тулова — 24 см, дна — 9 см (рис.10, 4).

С. Виноградное, курган № 32. Диаметр — 22 м, высота — 0,4 м.

22.Погребение № 10, находилось в 4,5 м к югу от «0». На черепе остатки моделирования — глиняные конусы. В районе левой кисти — два комка охры. Между ног и у левого коленного сустава — два кремневых наконечника стрел. Вдоль костяка слева прослежены остатки длинного деревянного древка диаметром 1,1 см. У входа в камеру на дне — пятно охры округлой формы и пятно в виде стопы. Под верхней частью скелета до таза прослежен слой камки и ракушек (подстилка). В ногах справа — два пятна массы, из которой изготовлялись необожженные сосуды (рис. 9, 7).

Описание находок.

1.Кремневые наконечники стрел с выемкой в основании — 2 штуки. Размеры: 2,2 х 1,4 см и 1,8 х 1,2 см (рис. 9, 8).

С. Виноградное, курган № 31, диаметр — 40 м, высота — 1,2 м.

23. Погребение № 3, основное, находилось в 8,5 м к северу от «0». Зафиксированы фрагменты моделированного черепа, в том числе конусы глаз из глиняной массы с горизонтальными линиями, имитирующими сомкнутые веки, а также кусочки носа и обмазка лицевой части черепа. На сохранившихся костях скелета (исключая череп и, видимо, кости рук) зафиксирована обмазка. Вещество обмазки имело серый цвет и легко крошилось. Оно заполняло грудную клетку, покрывало позвоночник и ребра, таз и кости ног, включая стопы. Толщина слоя обмазки различна, максимальная — на бедренных костях, где достигает 2,5—3 см. Вещество обмазки плотно прилегает к костям. Видимо, оно было положено непосредственно на кости, что предполагает предварительное очищение последних от мягких тканей (мацерацию). На отдельных костях заметны следы воздействия огня(?). Поверхность обмазки не окрашена, лишь в районе лобка охрой нанесена полоса в виде тонкого полумесяца. На подстилке справа от локтевого сустава правой руки заметен отпечаток обожженного дерева. В северо-восточном углу камеры на дне канавки находился сосуд. Топор с деревянной рукоятью был размещен возле правого предплечья погребенного. Между коленными суставами ног найден небольшой кремневый отщеп. В ногах погребенного, справа от скелета, находились точильный камень, бронзовый нож и шило с деревянной рукояткой, а также компактная кучка малиновой охры, находившейся, видимо, в мешочке из ткани (рис. 9, 1).

Описание находок.

1.Сосуд лепной, типа амфорки. По шейке, плечикам и верхней трети тулова сосуд орнаментирован. Обжиг неровный, отмечены участки охристого ангоба. Размеры: высота -15 см, диаметр венчика — 10,5 см, тулова — 21 см, дна — 11 см (рис. 9, 5).

2.Топор каменный полированный подромбической в плане формы. На верхней грани украшен продольными, рельефно выступающими полосками, сходящимися от отверстия к лезвию и от отверстия к обуху. Отверстие выделено на верхней грани нешироким ободком, диаметр в верхней части — 2,5 см, в нижней — 2,4 см. Рукоять топора сохранилась в виде тонкого деревянного стрежня длиной 43 см (рис. 9, 4).

3.Кремневый отщеп подтреугольной формы из светлого кремня без следов обработки. Размеры: 1,5 х 1 см.

4.Массивный точильный камень подпрямоугольной формы. Размеры: 14 х 8 х 4,5 см (рис. 9, 6).

5.Нож бронзовый с коротким черешком. Длина — 16,4 см, длина лезвия — 12 см, ширина — 4 см, ширина черешка — 1,2 см, ширина пятки — 1,5 см, максимальная толщина — 0,3 см (рис. 9, 3).

6.Шило бронзовое четырехгранное без упора с деревянной ручкой. Ромбическое в сечении. Длина — 5,3 см, в поперечнике — 0,4 см (рис. 9, 2).

С. Виноградное, курган № 23, высота — 0,3 м, диаметр — 26-27 м.

24. Погребение № 3, находилось в 4,7 м к западу-юго-западу от «0». У погребенного стопы ног были связаны. Череп отчленен от туловища и уложен у правого плеча. На черепе обнаружена полная моделировка. Моделированы прорези глаз, рот показан валиком дугой вниз, окрашенной в ярко-красный цвет. Затылочная кость черепа трепанирована. Моделировка носа отсутствует, возможно, не сохранилась (рис.17,2). Рядом с черепом лежала каменная булава. Дно камеры покрыто тонким белесым тленом. Под черепом и булавой прослежен слой красной охры (рис. 11, 2).

Описание находок.

1.Каменная, хорошо отполированная булава сферической формы с выступом в нижней части. Отверстие булавы сужается вниз от 2 см до 1,6 см в диаметре. Диаметр булавы — 6,3 см, высота — 5,7 см (рис. 11, 3).

25. Погребение № 6, находилось в 8,2 м к юго-юго-востоку от «0». Скелет взрослого человека расчленен, интенсивно окрашен охрой. На лицевой части черепа обнаружена плохо сохранившаяся моделировка: конусы в глазницах и нос. Инвентаря нет (рис. 11, 1).

С. Виноградное, курган № 19, высота — 1,33 м, диаметр — 40-44 м.

26. Погребение № 3, располагалось в 7,5 м к юго-востоку от «0». Череп погребенного моделирован: глазницы и носовые отверстия залеплены серой глиной. Снаружи глазницы покрыты охрой. В затылочной кости трепанация. Перед лицом погребенного находилась посыпка охрой. Дно всей камеры покрыто белым растительным тленом (рис. 11, 4).

С. Виноградное, курган № 14, высота — 0,55м, диаметр — 20 м.

27. Погребение № 5, располагалось в 2 м к северу от «0». Череп погребенного моделирован. Глазницы залеплены глиной с примесью порошка охры. В нижней челюсти лежала металлическая (свинцовая?) подвеска в один оборот с сомкнутыми концами, уплощенная. Перед погребенным у ног стоял сосуд. Слева от него

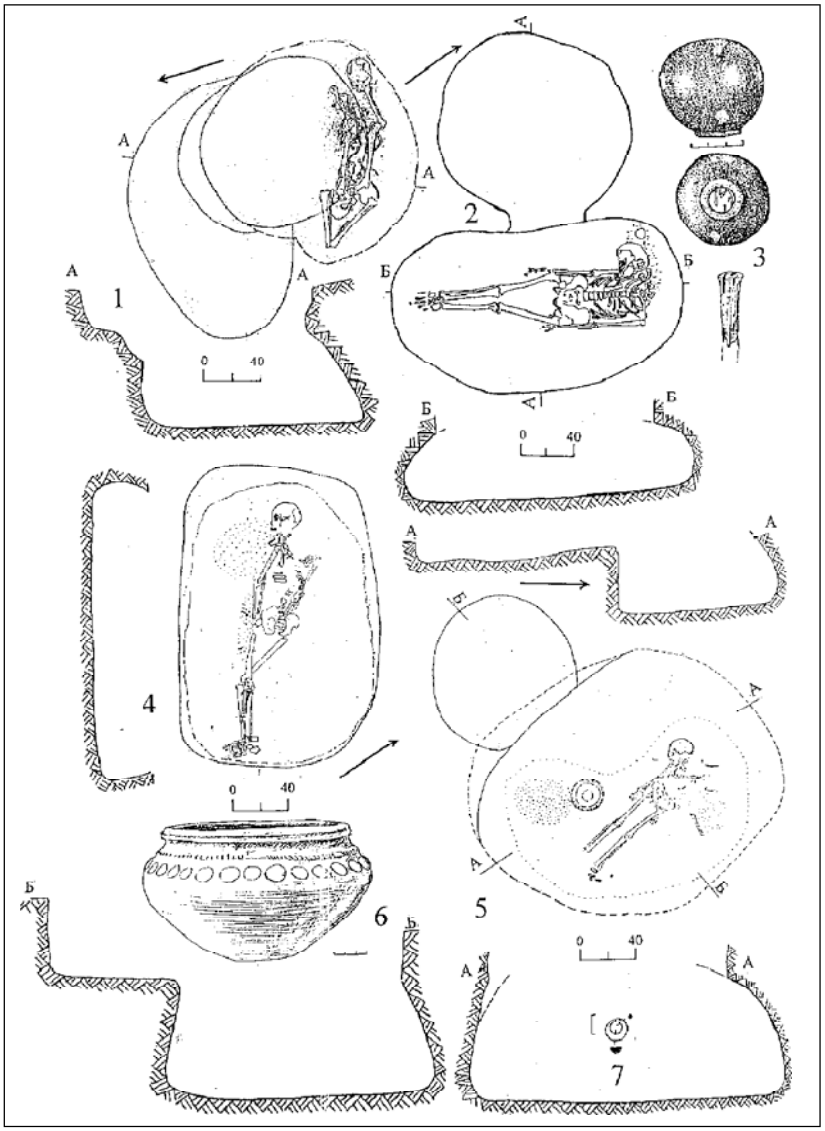



*Рис. 11. 1 — к. 23, п. 6 , с. Виноградное; 2-3 — к. 23, п. 3, с. Виноградное. 4 — к. 19, п. 3, с. Виноградное; 5-7 — к. 14, п. 5, с. Виноградное.*

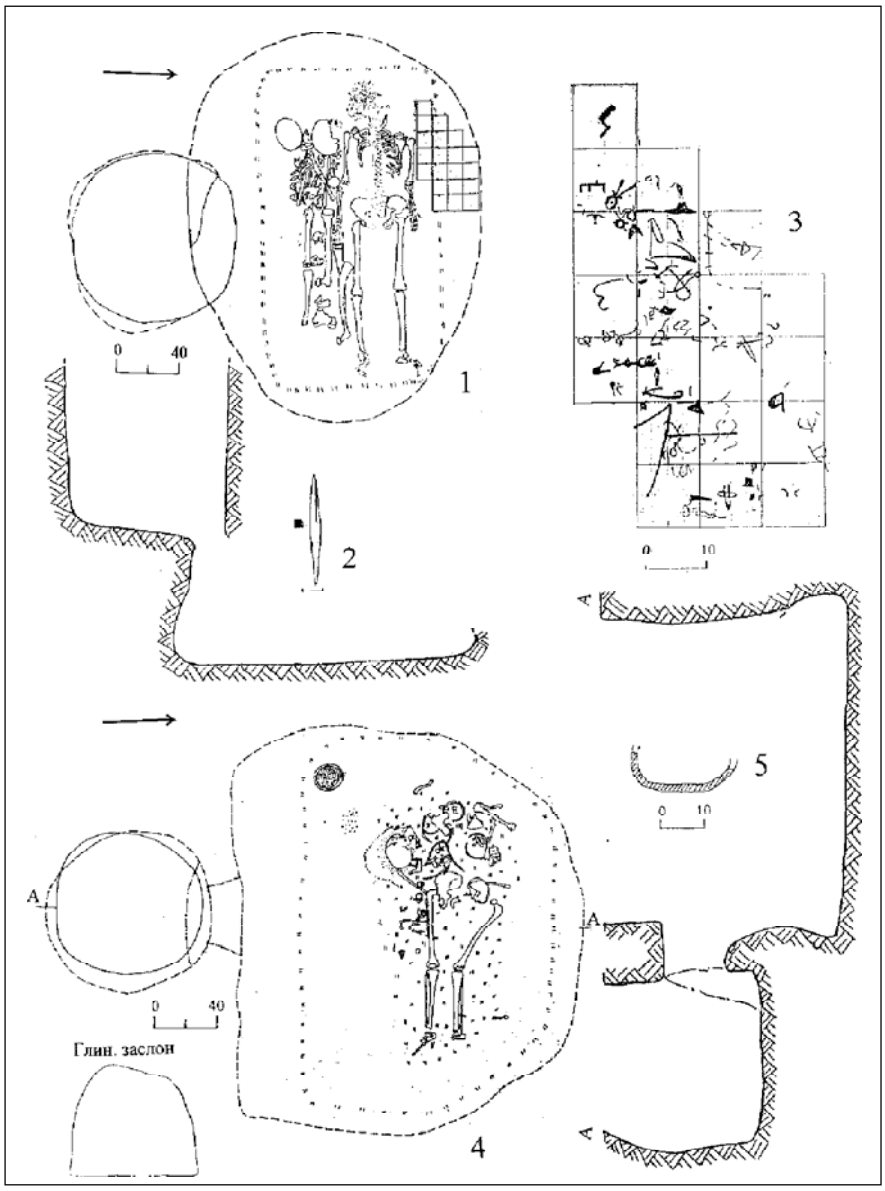



*Рис. 12. 1-3 — к. 13, п.2, с.Виноградное; 4-5 к.12, п.1, с.Виноградное.*

на дне — толстый слой охры (3 см), образующий горку. Более слабая посыпка охрой — у левого плеча, у правой руки и стопы. Под скелетом — охра и коричневый тлен. В центре камеры — слой белого растительного тлена. (рис. 11,5).

Описание находок.

1.Сосуд лепной. По венчику и плечикам украшен. Поверхность сосуда покрыта охристым ангобом. Высота сосуда — 12,5 см, диаметр венчика — 18,5 см, диаметр тулова — 23 см, диаметр дна — 10,5 см (рис. 11, 6).

С. Виноградное, курган № 13, высота — 0,22 м, диаметр — 8 м.

28. Погребение № 2, основное, располагалось в 4,5 м к северо-западу от»0».На дне находилось три костяка. В анатомическом порядке лежал только скелет № 1. Остальные были сдвинуты в сторону. Между скелетом №1 и северной стенкой прослежен расписанный алой охрой тонкий войлок(?), возможно, сложенный вдвое. Рисунок плохой сохранности состоит из петель, геометрических фигур. В отчете за 1983 г. (авторы В.Отрощенко, Ю.Рассамакин и др.) указывалось, что это элементы растительного орнамента, но специальное исследование показало, что данный рисунок содержал абстрактные символы (Пустовалов 1996б; 1997а; 1998) (рис.12, 3). Толщина линий рисунка от 0,2 до 0,5 см. Основа, на которую нанесена роспись, темно-желтого цвета. Справа у черепа находилась кучка темно-красной охры, в которой находилось бронзовое четырехгранное шило длиной 5,3 см (рис. 12, 2).

Скелет № 2. Череп моделирован. Глазницы, нос были залеплены глиной, замешанной на охре с добавлением толченого камня (рис. 17, 5).

Скелет № 3 принадлежал ребенку. Кости погребенных №№ 2,3 аккуратно сложены вме-

сте. Под ними прослеживается темно-коричневая подстилка, расписанная по краям алой охрой. Роспись почти не сохранилась. Сверху подстилка посыпана мелом. Скелет № 1 — подзахоронение. С ним, возможно, связаны фрагменты моделировки в заполнении шахты (рис. 12, 1).

Курган № 12. Замыкал группу с северо-востока. Он имел правильную круглую форму, диаметр — 20 м, высоту — 0,6 м.

29. Погребение № 1, основное, находилось в 3 м к северо-востоку от «0». Вход в камеру был закрыт глиняной обмазкой высотой 0,7 м, шириной у дна 0,83 м. Обмазка закрывала деревянную заслонку, отпечатки и фрагменты которой сохранились в глине. Заслонка представляла собой неширокую доску, стоявшую вертикально и неплотно прикрывавшую вход. Высота доски — около 0,5 м, ширина — 0,3 м. Костяк частично расчленен. Череп моделирован. Фрагменты моделировки найдены на дне камеры Лоб широкой полосой окрашен красной охрой (рис. 18, 1). Слева от входа в камеру стояла деревянная чаша. На дне, между чашей и черепом, пятно охры. Справа от колена правой ноги — остатки деревянного предмета, похожего на посох. Дно камеры слегка посыпано охрой. Под скелетом прослежен толстый слой пеплистого тлена. Под черепом — меловая подсыпка. На дне прослеживался коричневый тлен. В области черепа были обнаружены мелкие фрагменты росписи в виде коротких тонких охристых линий. (рис. 12, 4).

Описание находок.

1.Глиняная моделировка плохой сохранности. Судя по многочисленным фрагментам, она закрывала глазницы, нос и рот. Цвет глины серый с черными вкраплениями, поверх нее нанесен слой розовой глины (на глазницы). Глаза отмечены горизонтальными прорезями, инкрустированы охристой глиной. Моделировка окрашена в ярко-красный цвет.

2.Деревянная чаша полусферической формы, диаметром 18 см, высотой не менее 7 см

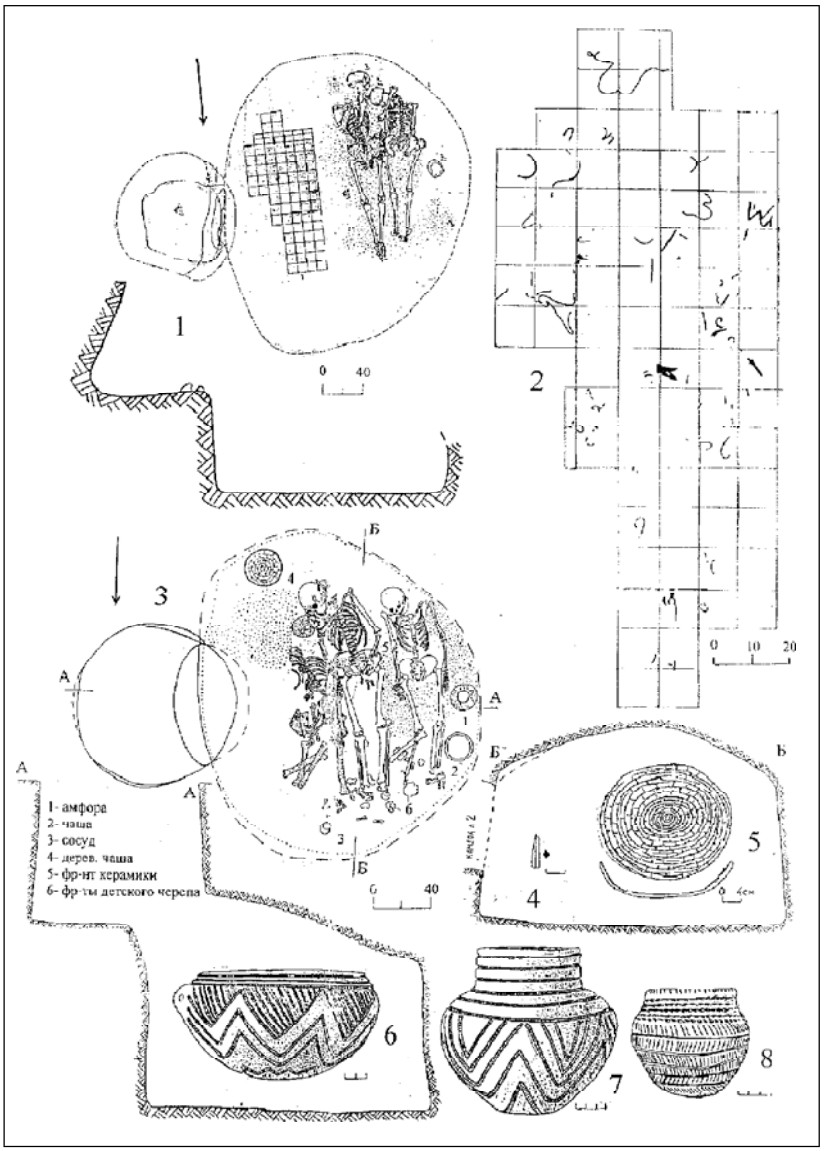



*Рис. 13. 1-2 — к.9, п. 2, с.Виноградное; 3-8 — к.8, п. 1, с.Виноградное.*

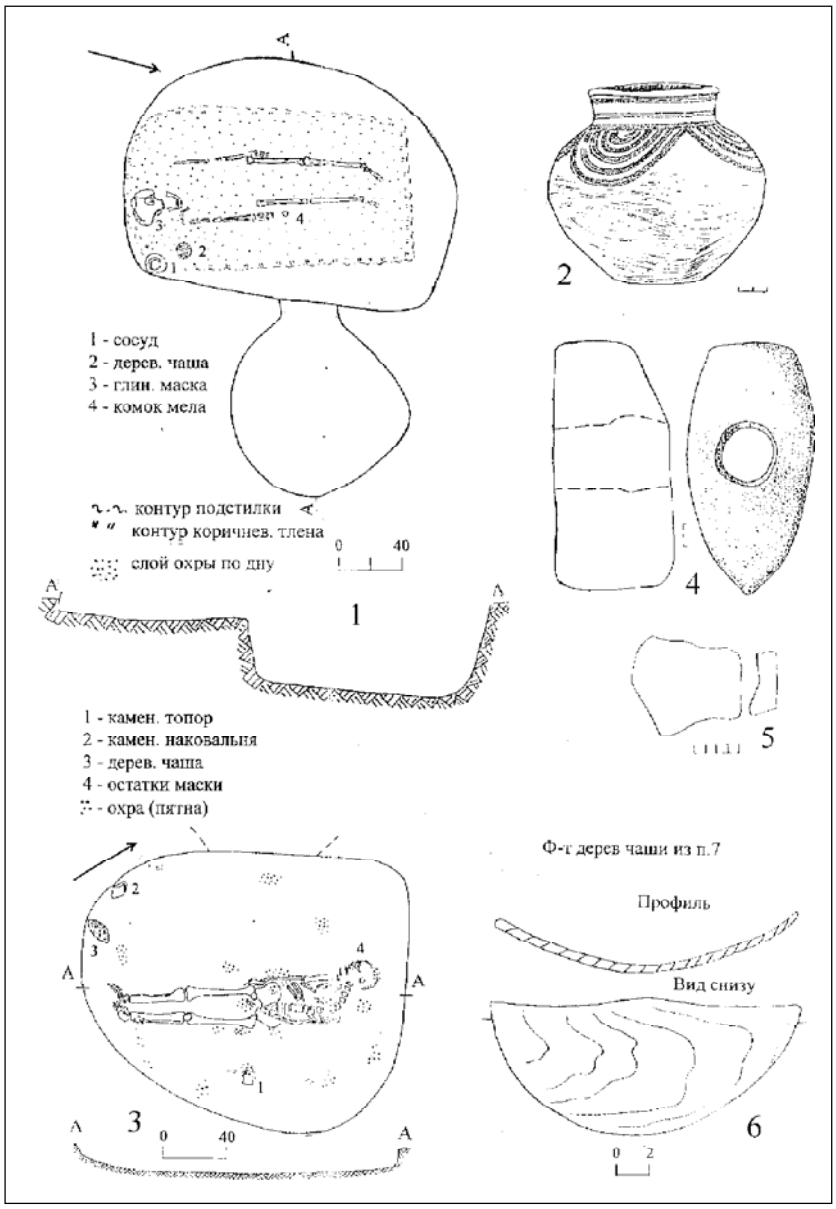



*Рис. 14. 1-2 — к.4, п.8, с.Виноградное; 3-6 — к.8, п.7, с.Виноградное.*

(рис. 12, 5).

С. Виноградное, курган № 9, высота — 0,6 м, диаметр — 23 м.

30. Погребение № 2, основное, находилось в 8,3 м к востоку-северо-востоку от «0». Вход был закрыт частью колеса, снизу обмазанного глиной. Само колесо не сохранилось. (рис. 13, 1).

Скелет № 1. Череп повернут вправо, от лба до затылка алой охрой по нему проведена красная полоса шириной 9 см. На лбу полоса шириной 3 см. Скулы также окрашены. Глазницы черепа забиты глиной, смешанной с охрой. Моделировка имеет розовый цвет. В нее же добавлен мелко толченый камень. Носовые и левое ушное отверстия забиты такой же по составу глиняной массой. На рот положена глиняная масса серого цвета. Поверх глины вся лицевая часть моделировки покрыта алой охрой. Череп скелета № 2 моделирован подобно черепу скелета № 1. Только глазницы и носовые отверстия забиты серой глиной. Поверх глины положен слой алой охры. По лбу проведена горизонтальная полоса шириной 3 см, от которой к затылку такой же охрой сделана более широкая полоса. Под левым бедром скелета № 2 находилась часть детского скелета 3. Умершие были положены на кожаную (?) подстилку и обильно посыпаны красной охрой и мелом. В головах и ногах отмечены места, где толщина слоя охры достигала 1 см. Головы умерших лежали на войлочной (?) подстилке. Пространство между скелетом № 1 и восточной стенкой камеры было расписано той же алой охрой, что и черепа. Рисунок состоит из волнистых линий и завитков. ( Как показало специальное исследование, данный рисунок содержал остатки и целые изображения абстрактных символов) (рис. 13, 2) (Пустовалов 1996б; 1997а; 1998).

С. Виноградное, курган № 8, высота — 0,65 м, диаметр — 20 м.

31. Погребение № 1, основное, располагалось в 6,5 м к юго-западу от «0». Скелет № 1. Череп моделирован — глазницы и нос были залеплены глиной. На глазных конусах прочерчены горизонтальные линии, имитирующие закрытые глаза. В затылочной кости имеется трепанационое отверстие. Череп обильно окрашен охрой. Слева от погребенного № 1 в заполнении найден обломок бронзового четырехгранного шила. Там же найдены кусочки деревянной палочки (возможно, древка?). На дне, слева от скелета №1, под восточной стенкой стояли два сосуда. Под ребрами погребенного лежал фрагмент лепного сосуда.

Скелет № 2. Череп моделирован. Глазницы залеплены глиной темного цвета с примесью охры. Глаза имитированы прочерченными горизонтальными линиями. Сверху все покрыто охрой. На затылке — трепанационное отверстие. По лбу отмечена посыпка охрой. Такая же посыпка прослежена на тазе, позвонках и ступнях. У ног скелетов №№ 1 и 2 лежали фрагменты детского черепа.

Скелет № 3. Череп имел трепанационное отверстие на затылке и моделировку. Сильно окрашен охрой. В головах скелетов №№ 2 и 3, под стенкой стояла деревянная чаша с остатками желтой растительной массы. В ногах у скелета № 3 стоял маленький сосуд. Скелет сильно окрашен охрой. Дно камеры по всей поверхности покрыто слоями белого растительного тлена и охры. Особенно обильная посыпка прослежена у входа в камеру перед скелетом № 3, а перед его черепом — холмик из охры. Такой же слой краски и за черепом скелета № 1 (Рис. 13, 3)

Описание находок.

1.Амфора. Украшена по горлу, плечикам и тулову орнаментом. Поверхность сосуда покрыта слоем толстого ангоба. Высота — 16,7 см, диаметр венчика — 10,5 см, диаметр тулова — 18 см, диаметр дна — 6,5 см (рис. 13, 7).

2.Чаша. На боку два круглых выступа со сквозными отверстиями. Украшена орнаментом. Орнамент выполнен перевитой веревкой или шнуром. Поверхность сосуда ангобирована. Высота — 11,4 см, диаметр венчика — 16,5 см, тулова — 19,2 см (рис. 13, 6).

3.Деревянная чаша размером 26 х 22 см, толщина стенок — 0,6 см (рис. 13, 5).

4.Маленький сосуд. Венчик и тулово украшены орнаментом, косыми насечками, шейка — 5 горизонтальными линиями. Орнамент выполнен оттисками шнура. На боках — следы нагара. Высота сосуда — 8,8 см, диаметр венчика — 7,6 см, диаметр дна — 5 см (рис. 13, 8).

С. Виноградное, курган № 4, высота — 2,3 м, диаметр — 42 м.

32. Погребение № 7, находилось в 7 м к западу и 5,5 м к северу от «0». На лицевых костях черепа — плохо сохранившаяся моделировка. Найдены конусы-вставки в глазницы, а также фрагменты носа. Сохранность костей плохая. Слева от скелета на уровне таза лежал каменный топор, в ногах — каменная наковальня и деревянная чаша, лежавшая вверх дном. Дно камеры окрашено во многих местах охрой. Глубина камеры — 2,9 м от «0» и 2,4 м от поверхности (рис. 14, 3).

Описание находок.

1. Каменный топор, проушной, массивный, с хорошо обработанной поверхностью. Диаметр отверстия снизу — 2,6 см, вверху — 2,8 см. Длина топора — 11 см, высота — 5 см. Диаметр обуха — 3,5 см (рис. 14, 4)

2. Каменная наковальня прямоугольной формы. Размеры: 9,5 х 6 см. Длина выступа — 2,5 см, толщина — 3,5-4 см (рис. 14, 5).

3. Деревянная чаша полусферической формы, диаметр — около 20 см, высота не восстанавливается (рис.14, 6).

33. Погребение № 8, располагалось в 13 м к западу и 7 м к северу от «0». На черепе прослежена моделировка. На костях — следы охры. Справа от черепа стоял сосуд и деревянная чаша, от которой остался тлен. По дну камеры прослежена подстилка прямоугольной формы в виде тлена коричневого и черного цвета, засыпанного сверху слоем красной охры. Под черепом слой охры достигал 3-5 мм. (рис. 14, 1).

Описание находок.

1. Моделировка представлена двумя конусами с прорезями, имитирующими закрытые глаза. Диаметр конусов — 3,5 см, длина — 3,5 см. Найдена часть моделировки уха. Цвет глины серый. Поверхность покрыта охрой.

2. Сосуд лепной. Верхняя часть сосуда орнаментирована. Корпус покрыт расчесами. Высота сосуда — 16,5 см, диаметр венчика — 10,5 см, дна — 6 см (рис.14,2).

С. Виноградное, курган № 3, диаметр — 100 м, высота — 8,05 м.

34. Погребение № 18, располагалось в 21 м к северо-востоку от «0». На дне на слое мела, поверх которого была сделана обмазка охрой, лежал расчлененный скелет. На черепе — моделировка: в глазницах конусы с закрытыми глазами. (рис. 15, 12).

35. Погребение № 35. Располагалось в 13,5 м к юго-западу от «0». На дне на меловой подсыпке, на растительном тлене с подушкой из травы в кожаной оболочке лежал скелет взрослого человека. Череп моделирован: в глазницах — конусы с прочерченными веками, нос и рот закрыты слоем серой глины. Изображение разрушено. За головой стояли остатки деревянной чаши. Под левой рукой находились остатки деревянного стержня с костяным мундштуком и кожаного мешочка — музыкальный инструмент типа волынки (?). Перед лицом погребенного находилось большое пятно охры с участком войлока и деревянный футляр размерами

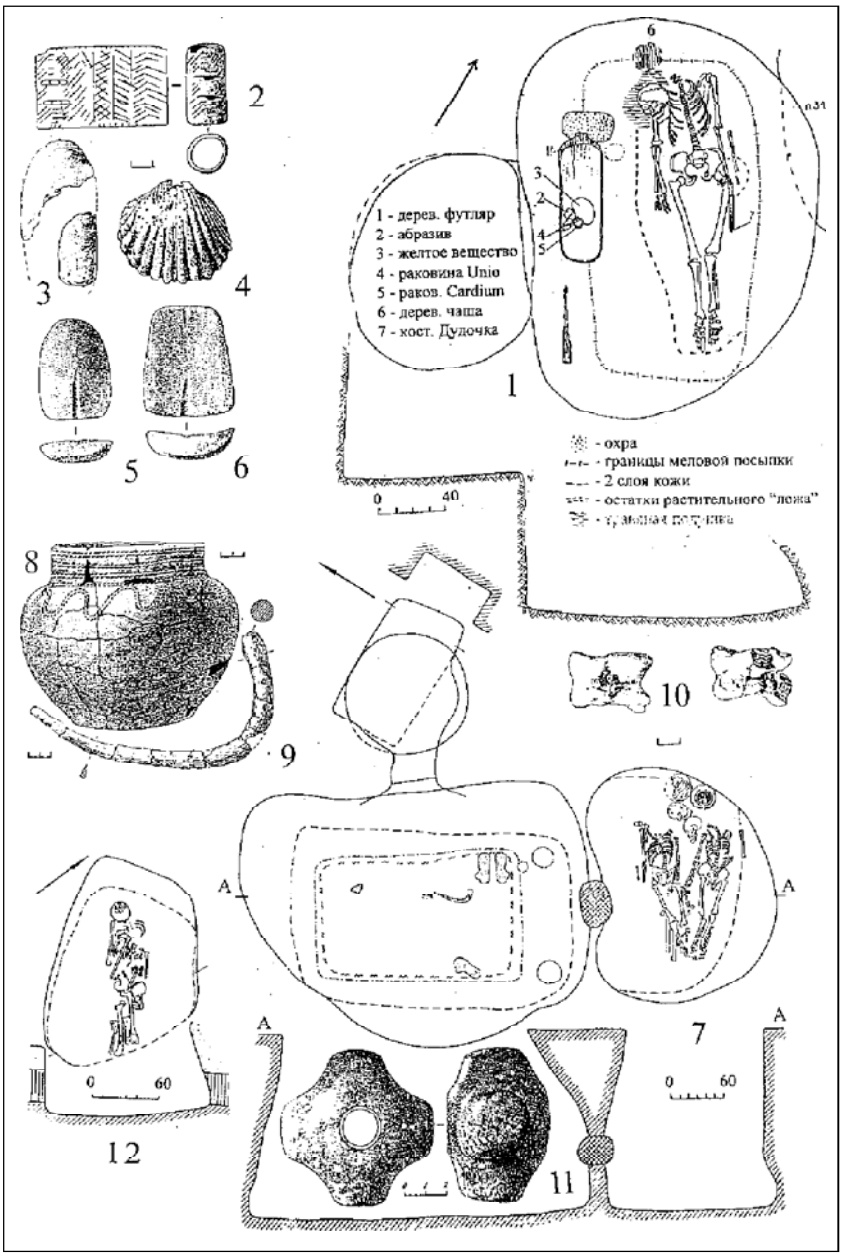



*Рис. 15. 1-6 — к.3, п. 35, с.Виноградное; 7-11 — к.3, п.36, с.Виноградное. 12 — к. 3, п. 18 , с. Виноградное.*

0,75 х 0,25 м овальной формы. В футляре раковины Cardium (рис. 15, 4), 2 створки раковины Unio (рис. 15, 3), 2 фрагмента абразива, кучка желтого вещества с крупинками охры. Возможно, имелись еще 2 деревянные палочки типа цикли — инструменты для работы с глиной. Высота футляра — около 6 см (рис. 15, 1).

Описание находок.

1. Костяной предмет из трубчатой кости животного. Орнаментирован насечкой в виде «елочки», имеются две поперечные прорези размерами 0,2 см. Общие размеры: 3,7 х 1,7 см (рис. 15, 2).

2. Абразивы песчаниковые полуовальной формы со стершимися выемками. Размеры: 5 х 4,2 х 1,5 см; 4,7 х 2,5 х 1,0 см (рис. 15, 5,6).

36. Погребение 36, находилось в 42,7 м к северо-востоку от «0». На дне 1 камеры — подстилка из травы или циновка. На ней — посыпка мелом, поверх которой кора или войлок. На ней лежала правая кисть человека. В южном углу подстилки нарисованы две ступни, в юго-западном углу — еще одна ступня, все три нарисованы охрой. На ложе рядом с кистью — изогнутый посох (рис. 15, 9). В изголовье — два пятна от необожженных сосудов, рядом — остатки деревянной чашечки. В северной части камеры найден зуб человека в пятне охры. В южной стенке камеры — отверстие, забитое глиной. В камере двое погребенных. Череп скелета 1 — моделирован. Сохранились остатки полной моделировки. Череп скелета 2 — моделирован: в глазницах — конусы с прочерченными веками. У правого плеча скелета № 1 находилась пальчатая булава из камня. За головами погребенных находилась деревянная чаша ди-

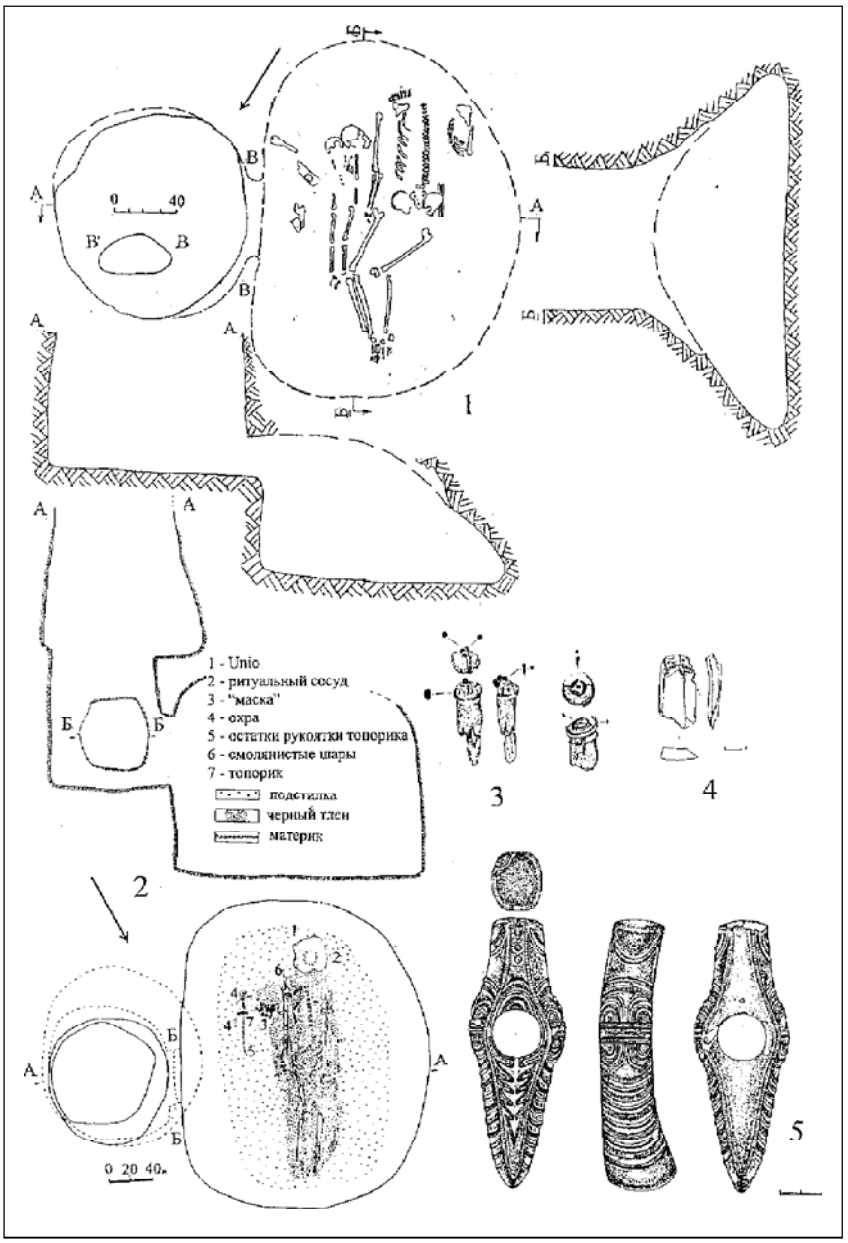



*Рис. 16. 1- к.1, п. 8, с. Старобогдановка; 2-5 — к. Гр. Рядовые могилы, к. 7, п. 9 ( по Мельнику А.А.).*

аметром 0,3 м и горшок. Оба скелета лежали на травяной подстилке и посыпке мелом. Охры нет (рис. 15, 7). У левого бедра скелета № 1 — два астрагала (рис. 15, 10).

Описание находок.

1.Крестовидная булава из порфиритовой породы серого с зелеными вкраплениями цвета. Отверстие просверлено с двух сторон. Диаметр отверстия — 1,8 -1,5 см. Общие размеры: 7,0 х 7,7 х 4,2 см (рис. 15, 11).

2.Горшок лепной. Обжиг неровный. На внутренней и внешней поверхности — расчесы. Орнамент по шейке. Размеры: диаметр венчика — 15 см, тулова — 21 см, дна -12 см, высота — 17 см (рис. 15, 8).

С. Старобогдановка, курган № 1, высота — 0,2 м, диаметр — 25-31 м.

37. Погребение № 8, находилось в 13 м к северо-востоку от «0». Заслон из остатков деревянных плашек и темного тлена. В камере лежали три скелета. На черепе скелета № 2 обнаружена глиняная моделировка. Глазницы заполнены глиной. На одной (правой) сделано круглое отверстие, имитирующее глаз. Нос также закрыт глиной без профилировки. На зубах налеплена глиняная пластина, которая имела прорезь. Так был обозначен рот. Ушные раковины также закрыты глиной. Цвет глины — розовый. Скелет № 3. Расчленен. Череп окрашен охрой, и на нем прослежена моделировка. Глазницы заполнены глиной, на левой была сделана прорезь, имитирующая глаз. Сохранились остатки глиняной вставки в носовую полость, вероятно, нос был моделирован. На челюстях находилась глиняная пластина, с внутренней стороны которой ясные отпечатки зубов. Ушные

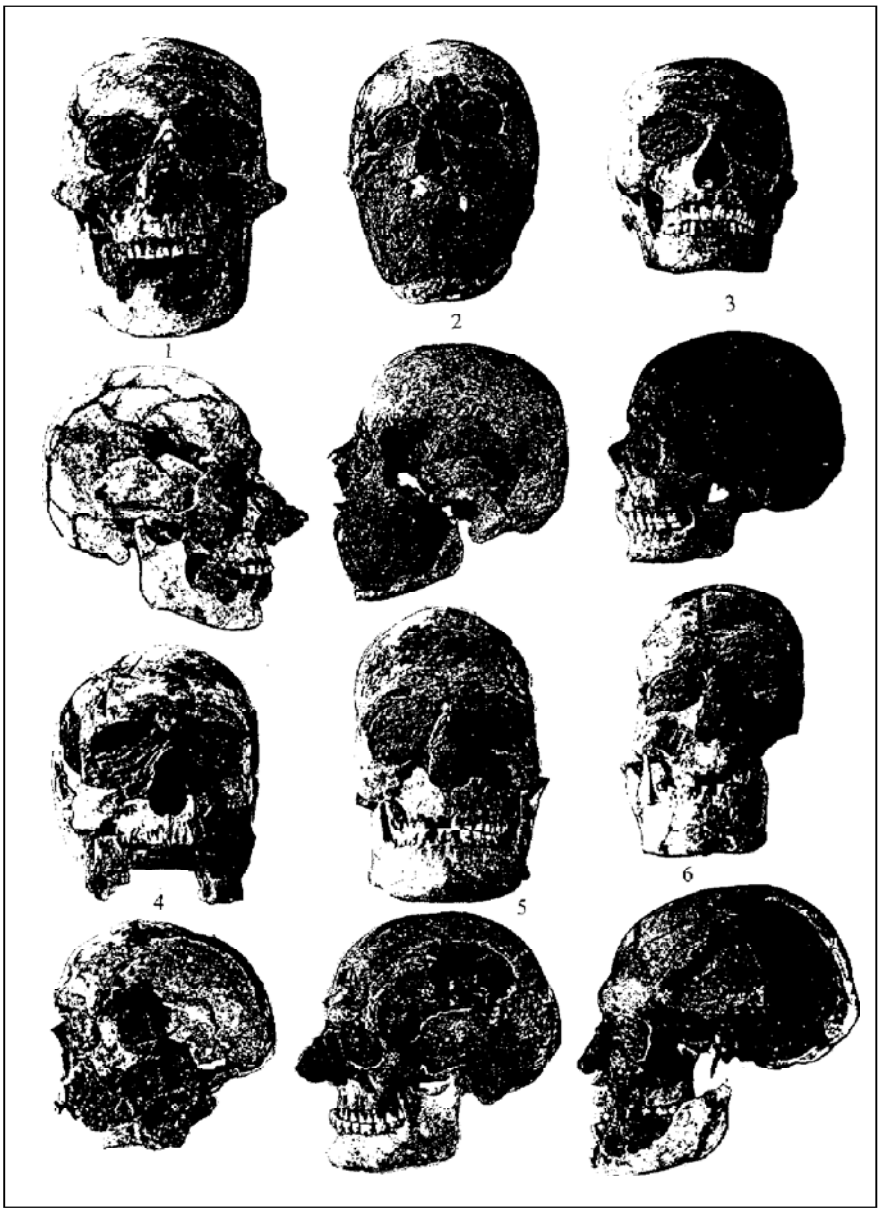



*Рис. 17. 1- к.6, п.3, с. Заможное; 2 — к.23, п. 3, с. Виноградное; 3 — к.8, п. 1, с.Виноградное; 4 — к. 8, п. 1, с. Заможное; 5 — к. 13, п. 2, с.Виноградное; 6 — к. 5, п. 7, с.Заможное.*

раковины также заполнены глиняными пробками. Сам череп по черепной коробке был окрашен широкой полосой красной краски (рис. 19,4). Под черепом — мелкий фрагмент керамики. У ступеньки перед входом найдены куски дерева с прорезанными пазами. По дну шел коричневый тлен, под ним — меловая посыпка, ниже — бурый тлен (рис.16,1).

Для удобства сравнения и для наглядности характеристики ингульских погребений с моделированными черепами сведены в таблицу (табл. 1). Помимо погребений, публикуемых в данной статье, в таблице учтены основные характеристики аналогичных погребений, раскопанных и опубликованных Л.А.Новиковой и Ю.А.Шиловым, Е.И.Даниловой и В.Н.Корпусовой, Г.Н.Тощевым, И.Ф.Ковалевой, З.П.Мариной, В.Н.Ромашко, Е.Л.Фещенко, С.Н.Санжаровым, Н.Д.Довженко, О.Б.Солтысом, А.Г.Плешивенко, С.В.Полиным, Н.П.Тупчиенко, А.В.Николовой (Новикова, Шилов 1989: 127 – 135; Данилова, Корпусова 1981:163-171; Тощев 1990:122; Колтухов, Тощев 1998:100-106; Марина, Ромашко, Фещенко 1986:26,28-29,Рис.4; Ковалева 1988:23 – 24; Она же 1989: 44; Санжаров 1991:235 – 253; Довженко, Солтыс 1991:117 – 127; Плешивенко 1995:143 – 158; Полин, Тупчиенко, Николова 1992 – 1994). В таблице использованы материалы отчетов Херсонской экспедиции (1980, 1981, 1982, 1983 гг.), руководимой А.И.Кубышевым, Николаевской экспедиции, руководимой О.Г.Шапошниковой и экспедиции Криворожского историко-краеведческого музея (1981, 1984, 1988), руководимой А.А.Мельником. Автор выражает большую благодарность О.Г.Шапошниковой, А.И.Кубышеву, А.А.Мельнику за разрешение использовать в данной работе материалы отчетов. Данные о поле и возрасте приведены

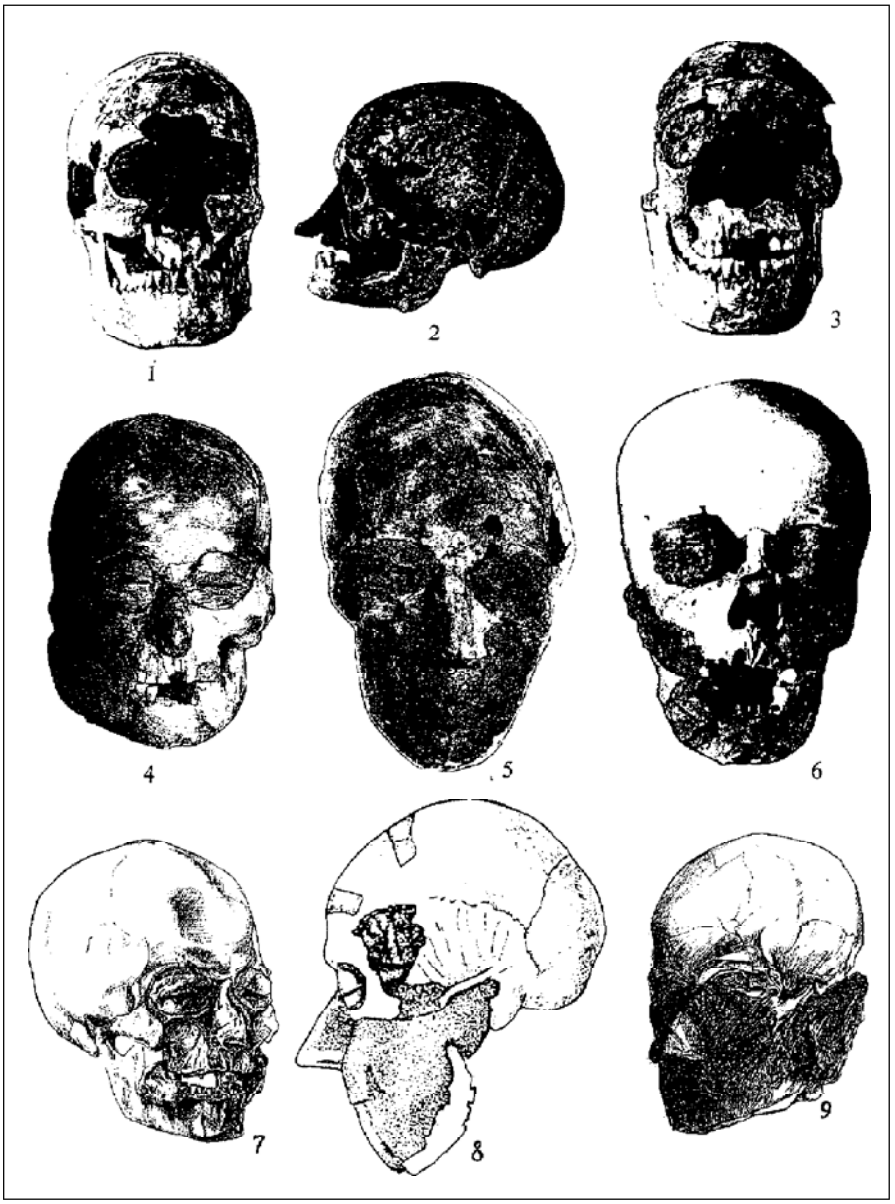



*Рис. 18 . 1 — к. 12, п. 1, с. Виноградное; 2 — к. 7, п. 4, с. Заможное. Скелет 2; 3 — к. 13, п. 2, с. Заможное (предположительно; описание моделированного черепа совпадает с имеющимися остатками. Шифр на остатках, по-видимому, ошибочен, т.к. п.2, к.12 у с. Виноградное не содержало моделировки.); 4 — к. 1, п. 8, с.Старобогдановка. 5 — череп из погребения на Нижнем течении р. Молочной; 6 — к.1, п. 6, с.Христофоровка. 7 — к. 7, п. 4, с. Заможное (скелет 1); 8 — к.7, п. 2, с. Заможное. 9 — к. 2, п. 1, с. Жовтневое. Нос частично реконструирован.*

по определениям С.И.Круц, Л.В.Литвиновой, Е.А.Шепель.

Обратимся к анализу данной таблицы. Прежде всего, необходимо отметить, что основные оценки этого феномена, высказанные ранее, сохраняют свое значение и в целом выдержали испытание временем (Отрощенко, Пустовалов 1982:20-23; Они же 1987:146-149; Они же 1991:59 – 84; Круц, Кубышев, Отрощенко, Пустовалов 1991:51-53; Ковалева 1989: 44-46). Вместе с тем, новые материалы, полученные при раскопках, новые публикации и исследования, иные толкования данного ритуала делают необходимым корректировку, дополнительную аргументацию некоторых положений и дальнейшее развитие взглядов, высказанных в прежние годы.

Так, предложенная ранее классификация моделированных черепов излишне дробна. Разделять полную моделировку на детализированную и недетализированную, видимо, не стоит, т.к. сохранность моделировок различная и с уверенностью нельзя утверждать, что недетализированная пластина на лице не является продуктом деформации объемной скульптуры. То же самое можно сказать и о моделировке облегченного типа. Более внимательное изучение черепов показало, что в этих единичных случаях речь может также идти о полной моделировке, и лишь разрушение глинистой массы за время, прошедшее с момента изготовления модели, привело к обнажению отдельных костей лицевого отдела. Поэтому классификацию моделировок можно свести к полной моделировке (1 тип), моделировке глаз, носа и полосы на рот (2 тип), моделировке глаз и носа (3 тип) и моделировке глаз (4 тип). Все эти типы могут иметь заложенные кусочками массы ушные от-

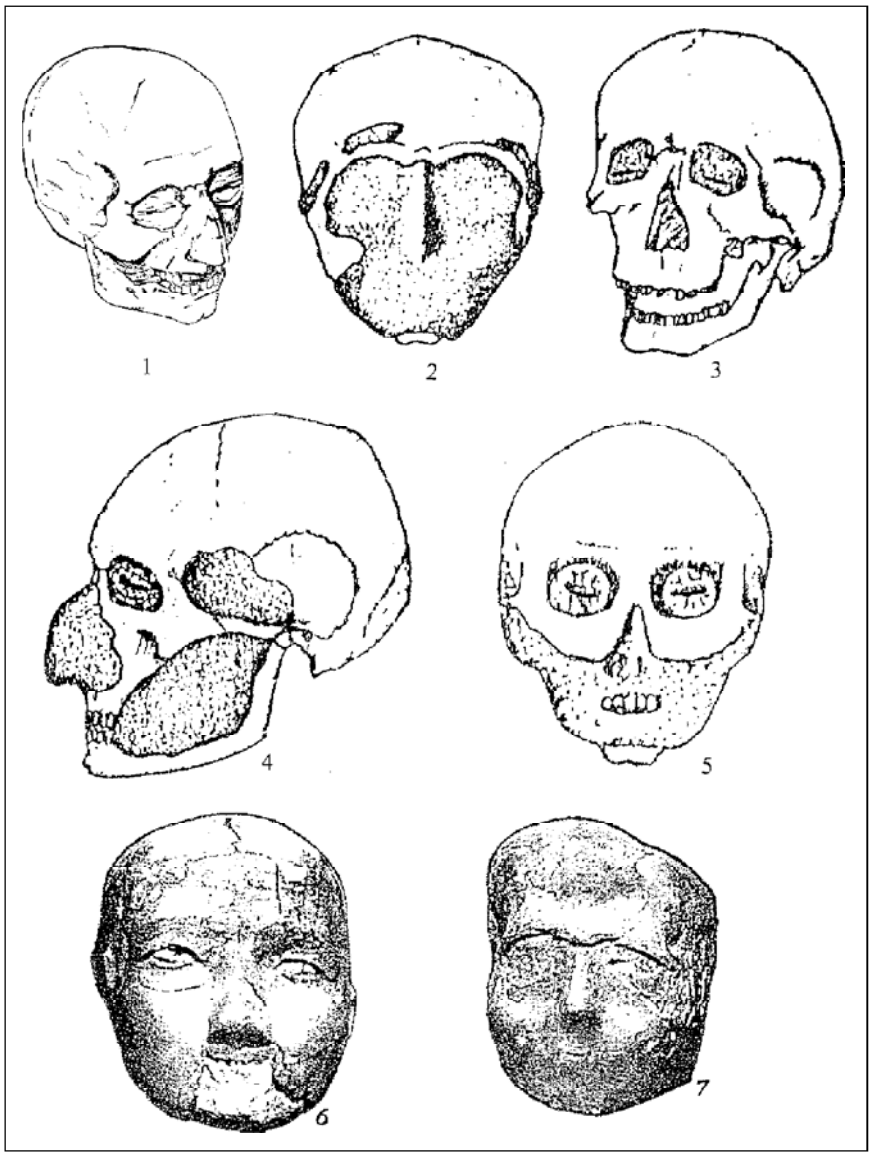



*Рис. 19. 1 — к. 1, п. 2, с. Славное (по Г.Н.Тощеву); 2 — 5 — Моделированные черепа из Орель-Самарского междуречья (по И.Ф.Ковалевой, З.П.Мариной, В.Н.Ромашко, Е.Л.Фещенко); 6-7 — Иерихон В. моделированные черепа (по Б.Брентьесу).*

верстия (вариант А).

1. Материал, из которого изготавливались лица людей, оказался более разнообразным, чем представлялось ранее. Так, кроме упомянутой глины желтого, синеватого, зеленоватого и серого цвета, иногда смешанной с охрой или с углями для вставок в грушевидное отверстие носа и глазницы, использовалась сажа, охра, керамика, смолистое вещество, илистое вещество черного цвета, кожа, пропитанная смолистыми веществами (Новикова, Шилов 1989; Алексеева 1989: 4-5; Ковалева 1983; Марина 1990:83-84; Она же 1995:69–71; Евдокимов 1990:18-20). Следует отметить, что использование смолистых веществ, илистой массы и т.д. в основном характерны не для погребений ингульской культуры, а для других этно-культурных групп. Подавляющее большинство известных моделированных черепов относится к ингульской культуре. Находки моделировки или подражания ей в позднеямных или иных катакомбных погребениях единичны и, как правило, происходят из тех районов, где широко представлены моделировки ингульского населения (р. Молочная, Орель-Самарское междуречье) (рис. 1). Поэтому можно предполагать, что в тех местах, где сосредоточены ингульские моделированные черепа, и где ямное население долгое время сосуществует с катакомбным (Нижнее Поднепровье), возможны новые находки моделированных черепов или их имитации в ямных погребениях. Эти подражания моделированным черепам ингульской культуры лишний раз свидетельствуют о сосуществовании позднеямной, ямно-катакомбной и ингульской культур и являются заимствованием из последней, поскольку ингульская символика и обрядность являлись престижными в Причерноморском ямно-катакомбном обществе, основой которого выступала сословно-кастовая система (Пустовалов 1990а:78 – 81; Он же 1991а:104 – 122; Он же 1992а:46;. Он же 1995:21-32; Он же 1996:24 – 25). Именно благодаря престижности ингульского и в целом ка-

## Таблица 1. Характеристика погребений с моделированными черепами по признакам погребального обряда

**(Полные названия пунктов в таблице даны в легенде к рис. 1).**

| № п/п | адрес | длина шахты | ширина шахты | длина камеры | ширина камеры | глубина камеры | погребальное ложе | роспись | колесо | чаша | металл | досыпка | оружие | модка | возраст | пол | примечания |
|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|
| 1 | 2 | 3 | 4 | 5 | 6 | 7 | 8 | 9 | 10 | 11 | 12 | 13 | 14 | 15 | 16 | 17 | 18 |
| 1 | Жовт. 2\1 | - | - | 2 | 1,5 | 1, 5 (0) | | | | + | | | | 1 | 45-55 | м | Отрощенко,Пустовалов, 1991 |
| 2 | Жовт 3\3 | 1,05 | 1,05 | 2,2 | 1,7 | | сложное | | | | + | | | 4 | 30-40 | ж | Отрощенко,Пустовалов, 1991 |
| 3 | Зам. 5\4.5 | 1,2 | 1,2 | 2,6 | 2 | 2,15 | сложное | | + | + | | + | топор | 1 | р.8 лет | | Отрощенко,Пустовалов, 1991 |
| | | | | 2,5 | 1,7 | 2,15 | сложное | | | + | + | + | 6 стрел | 3 | 30-40 | м | Отрощенко,Пустовалов, 1991 |
| | | | | | | | | | | | | | | | р.6-7 лет | | Отрощенко,Пустовалов, |
| 1991 | | | | | | | | | | | | | | | | | |
| 4 | Зам. 5\7 | 1 | 1 | 2,3 | 1,55 | 1,6 | простое | | + | + | + | + | топор | 1 | бол. 50 | м | Отрощенко,Пустовалов, 1991 |
| 5 | Зам.6\3 | 1,3 | 1,3 | 2,6 | 2,4 | 3,85 | сложное | + | + | + | + | + | | 2 | 40-50 | м | Отрощенко,Пустовалов, 1991в черепе печина |
| 6 | Зам.7\2 | 1,3 | 1,2 | 2,25 | 1,9 | 3,20 (0) | простое | | | + | + | + | | 1 | 60-70 | ж | Отрощенко,Пустовалов, 1991 |
| 7 | Зам. 7\3 | 1,05 | 1,05 | 1,7 | 1,25 | 1,8 | простое | | | + | | + | | 4 | 15-17 | | Отрощенко,Пустовалов, 1991 |
| 8 | Зам. 7\4 | 1,65 | 1,55 | 2,5 | 2,15 | 2,35 | простое | | + | + | | + | | 1 | 40-50 | м | Отрощенко,Пустовалов, 1991 |
| | | | | | | | | | | | | | | 2 | 60-65 | ж | Отрощенко,Пустовалов, 1991 |
| 9 | Зам. 8\1 | 1,1 | 1,05 | 2,65 | 2,4 | 3,45 | сложное | | | + | | + | топор | 1 | бол.30 | м | Отрощенко,Пустовалов, 1991 |
| 10 | Зам. 12\4 | 1,2 | 1,1 | 2,35 | 1,65 | 2,1 | сложное | | | | | + | | 4 | 30-40 | ? | |
| 11 | Зам. 12\5 | 1 | 1 | | | | | | | | | | | 4 | 30-40 | ж | |
| 12 | Зам.13\2 | 1,1 | 1,1 | 2,1 | 1,5 | 1,9 | простое | | | | | + | | 4 | | | скелет в п. 3 |
| | Зам. 13\3 | | | 3 | 2,4 | 2,1 | простое | | | + | | + | | 1 | 3 взрл+реб. | | |
| | | | | | | | | | | | | | | 4 | | | |
| 13 | Зам.13\3а | 1,1 | 1,1 | | | | | | | | | | | | | | |
| 14 | Зам. 13\4 | 1,5 | 1,5 | 2,2 | 2,2 | 2,05 | простое | | + | + | | + | | 4 | 30-40 | ж | |
| 15 | Зам. 15\4 | 1 | 1 | 2,2 | 1,55 | 2,6 (0) | сложное | | + | + | | + | | 3 | 45-55 | м | |
| 16 | Зам. 15\5 | 1 | 0,9 | 2,5 | 1,65 | 2,65(0) | простое | | + | + | | + | | 3 | 30-40 | м | |
| 17 | Зам. 15\6 | 1,25 | 0,85 | 2,5 | 1,9 | 3,1 (0) | простое | | + | | | + | | 4 | ? | ? | |
| 18 | Вин. 34\9 | 1,15 | 1,15 | 2,45 | 2 | 2,25 | | | | + | | + | | 4 | 9-10 лет | | серое вещество в черепе |
| | | | | | | | | | | | | | | | 25-30 | м | |
| | | | | | | | | | | | | | | | реб. 1-4 | | |
| | | | | | | | | | | | | | | | реб. 1-4 | | |
| | | | | | | | | | | | | | | | реб. 1-4 | | |
| 19 | Вин. 34\12 | | | 2,1 | 1,4 | 2,3 | простое | + | | | | + | | 4а | взр. | | |
| 20 | Вин. 33\3 | 1,25 | 1,25 | 2,4 | 1,8 | 2,1 | | | | + | | + | | 3а | 25-35 | м | угли в черепе |
| 21 | Вин. 33\4 | 1,15 | 1,15 | 3,1 | 2,3 | 2,4 | сложное | + | | | | + | | 3 | 30-40 | м | |
| | | 1,15 | 1,15 | 2,7 | 2,05 | 2,6 | сложное | + | | + | | + | топор | 3 | 40-50 | ж | |
| 22 | Вин.32\10 | 0,95 | 0,95 | 2,25 | 1,45 | 2,3(0) | сложное | + | | | | | 2 стрел | 4 | 25-30 | м | |
| 23 | Вин.31\3 | | | 2,4 | 1,8 | 2,55 | сложное | + | | | + | + | топор | 1 | 25-35 | м | |
| 24 | Вин. 23\3 | 1,3 | 1,3 | 1,95 | 1,05 | 1,4(0) | простое | | | | | | булава | 1 | 18-22 | м | стопы связаны |
| 25 | Вин. 23\6 | | | 1,55 | 1,05 | 2,25(0) | | | | | | | | 3 | 25-30 | м | |
| 26 | Вин. 19\3 | | | 2 | 1,35 | | простое | | | | | | | 3 | 35-45 | м | |
| 27 | Вин. 14\5 | 1 | 1 | 2,2 | 1,8 | 2,3(0) | сложное | | | + | + | | | 4 | реб. | | |
| 28 | Вин. 13\2 | 1,1 | 1,05 | 2,45 | 1,9 | 2,7 | сложное | + | | | + | + | | 3 | 25-35 | м | ф-ты моделиров. в шахте |
| | | | | | | | | | | | | | | | взр. | | |
| | | | | | | | | | | | | | | | реб. | | |

| № п/п | адрес | длина шахты | ширина шахты | длина камеры | ширина камеры | глубина камеры | погребальное ложе | роспись | колесо | чаша | металл | досыпка | оружие | модка | возраст | пол | примечания |
|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|
| 1 | 2 | 3 | 4 | 5 | 6 | 7 | 8 | 9 | 10 | 11 | 12 | 13 | 14 | 15 | 16 | 17 | 18 |
| 29 | Вин. 12\1 | 1 | 1,1 | 2,5 | 2,1 | 2,2 | сложное | + | + | + | | + | | 2 | 22-25 | м | посох |
| 30 | Вин. 9\2 | 0,7 | 0,8 | 2,85 | 2,5 | 3,05 | сложное | + | + | | | + | | 3а | 50-60 | м | |
| | | | | | | | | | | | | | | 2 | 50 | м | |
| | | | | | | | | | | | | | | | реб. | | |
| 31 | Вин. 8\1 | 1,15 | 1,15 | 2,2 | 2 | 2,45 | простое | | | + | + | + | | 3 | 22 | ж | |
| | | | | | | | | | | | | | | 4 | 50-55 | м | |
| | | | | | | | | | | | | | | 4 | 20-25 | ж | |
| | | | | | | | | | | | | | | | реб. | | ф-ты черепа |
| 32 | Вин. 4\7 | | | 2,1 | 1,75 | 2,1 | | | | + | | | топор | 3 | 25-35 | | |
| 33 | Вин. 4\8 | 1 | 1 | 2,1 | 1,5 | 2,4 | сложное | | | + | | | | 4 | 60-70 | м | |
| 34 | Вин. 3\18 | | | 1,8 | 1,3 | 6,65(0) | сложное | | | | | | | 4 | взр. | | |
| 35 | Вин. 3\35 | 1,3 | 1,1 | 2,45 | 1,8 | 3,25 | сложное | | | + | | | | 2 | 25-25 | м | |
| 36 | Вин.3\36 | 1,3 | 1,3 | 3,6 | 2,65 | 1,9 | сложное | + | | + | | | | | | | |
| | | | | 2,5 | 1,85 | 2,3 | простое | | | + | | | булава | 1 | 60-70 | м | |
| | | | | | | | | | | | | | | 4 | взр. | | |
| 37 | Ст.Б.1\8 | 1,3 | 1,2 | 2,25 | 1,6 | 2,3(0) | | | | | | | | 1 | 44-55 | м | |
| | | 1,5 | | | | | | | | | | | | 2а | реб.6-7 | | |
| 38 | Род. 2\2 | 1,5 | 1,1 | 2,1 | 1,6 | 3,25 | | | | | | + | | 3 | взр. | | Раскопки А.И.Кубышева |
| | | | | | | | | | | | | | | | реб. | | |
| | | | | | | | | | | | | | | | реб. | | |
| 39 | Род. 2\8 | 1,2 | 1,2 | 1,9 | 2,25 | 3,3 | простое | | | | | + | | 3 | взр. | | Раскопки А.И.Кубышева |
| 40 | Род.9\11 | 1 | 1 | 1,65 | 1,5 | 3,1 (0) | | | | | | | | | | | |
| | | | | 2,15 | 1,4 | | сложное | + | | | + | + | топор | 1 | взр. | | Раскопки А.И.Кубышева |
| 41 | Волч.1\37 | | | 2,4 | 1,9 | 5,05(0) | простое | | | + | | | | 3 | взр. | | Раскопки А.И.Кубышева |
| 42 | Волч.1\38 | 0,5 | 0,5 | 1,2 | 0,9 | 4,15(0) | простое | | | | | | | | реб. | | |
| | | | | | | | | | | | | | | | реб. | | |
| 43 | Волч.1\44 | 0,7 | 0,8 | ? | ? | 5?15(0) | | | | | | | | 1 | ? | | Раскопки А.И.Кубышева |
| 44 | Волч.2\3 | | | 1,75 | 1,15 | 3,85(0) | сложное | | | | | | | 1 | взр. | | Раскопки А.И.Кубышева расчлене |
| 45 | Волч.2\5 | 1,3 | 1,3 | 2,3 | 1,85 | 3,95(0) | сложное | | | | | | | 1 | взр. | | Раскопки А.И.Кубышева |
| | | | | | | | | | | | | | | | реб. | | Раскопки А.И.Кубышева |
| 46 | Волч.5\9 | 0,5 | 0,65 | 2,15 | 1,5 | 2,9 | сложное | | | | | | | 1 | взр. | | Раскопки А.И.Кубышева |
| | | | | | | | | | | | | | | | реб. | | Раскопки А.И.Кубышева расчлене |
| 47 | Дав. 1\21 | 1,2 | 1,2 | 2,1 | 1,4 | 4,55(0) | простое | | | | | | | 2 | мол. | м | Раскопки А.И.Кубышева ямно-кат |
| 48 | Сив.3\11 | 1,35 | 1,2 | 2,65 | 1,95 | 3,8(0) | | | | + | + | | | 3 | зрелый | м | Раскопки А.И.Кубышева |
| 49 | Сив.3\15 | 1,3 | 1,3 | 2,5 | 1,65 | 5,05(0) | сложное | | + | | | | | | реб. | | Раскопки А.И.Кубышева |
| | | | | | | | | | | | | | | 2 | мол. | ж | Раскопки А.И.Кубышева |
| 50 | Дав.11\5 | 1,6 | 1,4 | 2,2 | 2 | ? | | | | | | + | булава | 1 | взр. | | Раскопки А.И.Кубышева |
| 51 | Сив.2\25 | | | 2 | 1,5 | 3,05(0) | | | | | | | | 2 | взр. | | Раскопки А.И.Кубышева |
| 52 | Сив. 6\3 | 1,3 | 1 | 2,8 | 2,2 | 3,1 | | | | + | | | | 1 | взр. | | Раскопки А.И.Кубышева |
| 53 | Акк.1.1\4 | | | 2 | 1,6 | 1,9 | | | | | | | | 4 | взр. | ж | АП 8 |
| 54 | Цел.1\25 | | | 2,5 | 2,5 | 3,8 | простое | | | + | | | стрела | 1 | взр. | | Данилова , Корпусова, 1981. |
| 55 | Слав. 1\2 | 1,2 | 1,2 | 2 | 1,3 | 2 | | | | | | | стрелы | 3 | взр. | | Колтухов, Тощев, 1998 |
| 56 | Слав. 1\8 | 1,1 | 1,1 | 2,4 | 2 | 1,4 | | | | | | | | 4 | взр. | | Колтухов, Тощев, 1998 |
| 57 | Губ.2.3\9 | 1,2 | 1,2 | 2,4 | 1,4 | ? | | | | | | | стрела | 1а | взр. | | Ковалева, 1989 |
| 58 | Благ.13\6 | 1 | 1 | 2,2 | 1,6 | 2,05 | простое | | | | | + | | 1 | взр. | | Марина,Ромашко, Фещенко, 1986 |
| 59 | Благ.13\7 | | | 1,5 | 1,1 | 2 | | | | | | + | | 4 | | | Марина,Ромашко, Фещенко, 1986 |

| № п/п | адрес | длина шахты | ширина шахты | длина камеры | ширина камеры | глубина камеры | погребальное ложе | роспись | колесо | чаша | металл | досыпка | оружие | модка | возраст | пол | примечания |
|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|
| 1 | 2 | 3 | 4 | 5 | 6 | 7 | 8 | 9 | 10 | 11 | 12 | 13 | 14 | 15 | 16 | 17 | 18 |
| 60 | Благ.13\14-15 | 0,85 | 0,85 | 1,9 | 1,4 | | | | | | | | | | | | |
| | -15 | | | 2,4 | 1,6 | 2,05 | простое | | + | + | | + | | 1а | взр. | | Марина, Ромашко, Фещенко. 1986 |
| 61 | Благ.13\16 | 1,15 | 1,15 | 2,25 | 1,65 | 2,5 | простое | | | | | + | | 4 | взр. | | Марина, Ромашко, Фещенко. 1986 |
| 62 | Бур. 3\3 | 1,1 | 0,95 | 2,35 | 1,7 | 2,5 | сложное | + | | + | | + | | 3а | подр. | | Санжаров, 1991 |
| 63 | Бур.3\4 | 1,3 | 1,1 | 2,6 | 1,8 | 3,2 | сложное | + | | + | | + | топор стрелы | 3а | взр. | | Санжаров, 1991 |
| 64 | Д.Кр. 9\2 | | | 2,35 | 1,75 | | | + | | + | | | | 4 | | | Раскопки О.Г.Шапошни ковой |
| 65 | Лим. 1\19 | 1,2 | 1,3 | 2,7 | 1,8 | | | | | | | | | 1 | | | Раскопки О.Г.Шапошниковой |
| 66 | Мар. 7\7 | | | 1,8 | 1,3 | | | | | | | | | 4 | | | Раскопки О.Г.Шапошниковой |
| 67 | Мар. 7\4 | 1,3 | 1,3 | 2,7 | 1,7 | 4,85 | простое | + | | + | | | | 3 | 22-25 | ж | Довженко, Солтыс, 1991 |
| 68 | Хрис. 1\6 | | | | | | | | | | | | | 1 | | | Раскопки О.Г.Шапошниковой |
| 69 | Лук. п.10 | 1,3 | 1,1 | 2,85 | 2,05 | 1,8 | простое | | | + | | | стрела | 1 | взр. | | Раскопки А.А.Мельника, 1981 |
| 70 | Пр.Б.4\25 | 0,95 | 0,95 | 2,45 | 2,05 | 2,35(0) | простое | + | | | | | топор | 1 | взр. | | Раскопки А.А.Мельника, 1981 |
| 71 | Р.Мог.п.5 | 1,5 | 1,55 | 2,6 | 1,8 | 6,45(0) | простое | | | + | | | | 4 | взр. | | Раскопки А.А.Мельника, 1988 |
| 72 | Рыб.2\2 | 2,4 | 2,1 | 3,6 | 2,4 | 3,65 | простое | | | | | | | 4 | взр. | | Раскопки А.А.Мельника, 1984 ямно-кат |
| 73 | Рыб.2\5 | 1,35 | 1,35 | 3 | 1,8 | ? | | | | | | | | 4 | взр. | | Раскопки А.А.Мельника, 1984 |
| 74 | К.Раз.3\7 | 1,1 | 1,1 | 1,6 | 0,95 | | сложное | | | | | + | | 3 | | | Плешивенко, 1995 |
| 75 | Вой.14\3 | | | 2,25 | 1,8 | 1,5 | простое | | | | | | | 1 | взр. | | Раскопки Н.П.Тупчиенко, 1992 |
| 76 | Вой.16\9 | 1 | 1,25 | 2,5 | 2,2 | 1,9 | простое | | | | | | | | реб. | | Раскопки Н.П.Тупчиенко, 1992 |
| | | | | | | | | | | | | | | | взр. | | |
| | | | | | | | | | | | | | | 1а | взр. | | |
| 77 | Звен. 2\2 | 1,3 | 1,3 | 2,5 | 1,85 | 2,45 | простое | | | + | | | | 4 | взр. | | Полин,Тупчиенко, Николова,1993. |
| | -3 | | | 1,6 | 1,35 | 2,65 | простое | | | | | | | | реб. | | |
| 78 | Звен. 5\4 | 1 | 1 | 2,6 | 1,85 | 2,8 | простое | | | + | + | | топор | 3 | взр. | | Полин,Тупчиенко, Николова, 1993 |
| 79 | Звен.7\4 | | | 2,85 | 1,8 | | простое | | | | | | | 3 | взр. | | Полин,Тупчиенко, Николова, 1993 |
| 80 | Звен.10\3 | 1,2 | 1,2 | 2,15 | 1,75 | 2,6 | сложное | | | | | | топор | 4 | взр. | | Полин,Тупчиенко, Николова, 1993 |
| 81 | Голо.25\7 | | | 3 | 2,9 | 5,35 | | | | | | | стрелы | | | | |
| | | | | 2,2 | 2 | 5,35 | сложное | | | | + | | | 3 | взр. | ж | Полин,Тупчиенко, Николова, 1993 |
| | | | | | | | | | | | | | | 3 | взр. | м | Полин,Тупчиенко,Николова, 1993 |

**Таблица 2. Распределение показателей социальной значимости в погребениях с моделированными черепами**

| *Показатели знатности* | *Замож-ное, Ви-ноград-ное* | *Нижняя Молоч-ная* | *Другие районы* | *Показа-тель исчис-ления* |
|---|---|---|---|---|
| | Количество | | | |
| камера свыше 240 см | 18 | 3 | 14 | 35 |
| сложное ложе | 20 | 5 | 5 | 30 |
| роспись | 10 | 1 | 5 | 16 |
| колесо | 10 | 1 | 1 | 12 |
| чаша | 24 | 3 | 10 | 37 |
| металл | 9 | 2 | 2 | 13 |
| досыпка | 24 | 4 | 8 | 36 |
| оружие | 10 | 2 | 9 | 21 |
| моделировка | 46 | 16 | 29 | 91 |
| | Процент | | | |
| камера свыше 240 см | 51,4 | 8,6 | 40,0 | 100 |
| сложное ложе | 66,7 | 16,7 | 16,7 | 100 |
| роспись | 62,5 | 6,3 | 31,3 | 100 |
| колесо | 83,3 | 8,3 | 8,3 | 100 |
| чаша | 64,9 | 8,1 | 27,0 | 100 |
| металл | 69,2 | 15,4 | 15,4 | 100 |
| досыпка | 66,7 | 11,1 | 22,2 | 100 |
| оружие | 47,6 | 9,5 | 42,9 | 100 |
| моделировка | 50,5 | 17,6 | 31,9 | 100 |

такомбного обряда ямное население начинает хоронить своих умерших в катакомбах (Пустовалов 1990а). В ямно-катакомбных или так называемых раннекатакомбных комплексах более 80 % керамики имеют яркие ямные черты (Пустовалов 1982:87-108).

Для интерпретации смысла ритуалов, связанных с использованием моделированных черепов, кроме ближневосточной обрядности предлагаются индо-европейская мифология, славяно-финно-угорская (Новикова,Шилов 1989; Шилов 1995:160-167; Алексеева 1989). Значительное место моделированным черепам ингульской культуры уделено в работе Л.А.Новиковой, посвященной проблеме маски в культуре и богатой фактическим материалом (Новикова 1991:11-44). Следует отметить, что упомянутые трактовки базируются не на основном массиве (ингульском) моделированных черепов, а на элементах, характерных для идеологии местного населения.

2. Обращение к индо-иранской мифологии, различным культам славяно-финно-угорского населения или древних греков не столько вскрывает суть ингульских ритуалов, связанных с моделировкой черепов, сколько говорит о их судьбе в инокультурной иноэтничной среде в последующие эпохи. Своим происхождением ингульская культура тесно связана с Древним Востоком (Пустовалов 1993:24-34; Он же 1996а: 260-279), и поэтому суть обрядов этого населения следует раскрывать, используя ближневосточные аналоги. В названных работах этому моменту должного внимания не уделяется. Появляясь в Северо-причерноморских степях в результате миграции, сопровождавшейся, надо полагать, завоеванием (многочисленные случаи находок в позднеямных погребениях одиночных, часто фрагментированных наконечников стрел прямо указывают на это), носители ингульской катакомбной культуры приносят и свою идеологию. Смысл ритуалов, связанных с моделировкой, этого населения связан, вероятно, с процедурой передачи власти от покойного вождя к наследнику. Этот обряд надежно зафиксирован для многих народов Африки (Кощевская 1975:14-17). Поэтому вывод о том, что почитание черепов, и в том числе моделированных, распространено у народов, находящихся на уровне разложения первобытнообщинных отношений и формирования раннеклассовых (Отрощенко, Пустовалов 1991:77), сохраняет свое значение. Отрицание же связи моделировки черепов с высоким социальным статусом погребенного не согласуется с археологическим материалом (Пустовалов 1989:186 – 187; Он же. 1990а; Он же 1991:48-

**Таблица 3. Распределение выборок погребений с моделированными черепами, характеризуемых разным числом показателей социальной значимости.**

| *Территория* | *Показатель исчисления* | *Замож-ное — Виног-радное* | *Ниж. Молоч-ная* | *Другие районы* |
|---|---|---|---|---|
| | Количество | | | |
| 9 показателей | 1 | 1 | - | - |
| 8 показателей | 4 | 3 | - | 1 |
| 7 показателей | 4 | 3 | 1 | - |
| 6 показателей | 10 | 7 | - | 3 |
| 5 показателей | 11 | 7 | 1 | 3 |
| 4 показателя | 11 | 5 | 2 | 4 |
| 3 показателя | 10 | 4 | 2 | 4 |
| 2 показателя | 17 | 4 | 5 | 8 |
| 1 показатель | 14 | 4 | 5 | 5 |
| Всего | 82 | 38 | 16 | 28 |
| | Процент | | | |
| 9 показателей | 100 | 100 | - | - |
| 8 показателей | 100 | 75 | - | 25 |
| 7 показателей | 100 | 75 | 25 | - |
| 6 показателей | 100 | 70 | - | 30 |
| 5 показателей | 100 | 63,6 | 9,1 | 27,3 |
| 4 показателя | 100 | 45,5 | 18,2 | 36,4 |
| 3 показателя | 100 | 40 | 20 | 40 |
| 2 показателя | 100 | 23,5 | 29,4 | 47,1 |
| 1 показатель | 100 | 28,6 | 35,7 | 35,7 |
| норма распред. | | 57,2 | 15,3 | 26,8 |
| | Тенденция | | | |
| 9 показателей | | 1,7 | - | - |
| 8 показателей | | 1,3 | - | 0,9 |
| 7 показателей | | 1,3 | 1,6 | - |
| 6 показателей | | 1,2 | - | 1,1 |
| 5 показателей | | 1,1 | 0,6 | 1,0 |
| 4 показателя | | 0,8 | 1,2 | 1,4 |
| 3 показателя | | 0,7 | 1,3 | 1,5 |
| 2 показателя | | 0,4 | 1,9 | 1,8 |
| 1 показатель | | 0,5 | 2,3 | 1,3 |

**Таблица 4. Характеристика погребенных с различными типами моделировки по признакам погребального обряда**

| *Тип моделировки* | *Количество* | *Длина камеры 161—200 см* | *Длина камеры 201—240 см* | *Длина камеры свыше 240 см* | *Ложе простое* | *Ложе сложное* | *Наличие росписи* | *Наличие колеса* | *Наличие чаши* |
|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|
| 1 | 2 | 3 | 4 | 5 | 6 | 7 | 8 | 9 | 10 |
| | Количество | | | | | | | | |
| 1 тип | 28 | 3 | 13 | 10 | 12 | 7 | 2 | 3 | 12 |
| 2 тип | 11 | 1 | 1 | 9 | 2 | 6 | 4 | 6 | 4 |
| 3 тип | 24 | 4 | 8 | 12 | 7 | 10 | 6 | 2 | 13 |
| 4 тип | 28 | 5 | 16 | 7 | 12 | 9 | 4 | 2 | 12 |
| Всего: | 91 | 13 | 38 | 38 | 34 | 32 | 16 | 13 | 41 |
| | Процент | | | | | | | | |
| 1 тип | 100 | 11,5 | 50 | 38,5 | 42,9 | 25 | 7,1 | 10,7 | 42,9 |
| 2 тип | 100 | 9,1 | 9,1 | 81,8 | 18,2 | 54,5 | 36,4 | 54,5 | 36,4 |
| 3 тип | 100 | 16,7 | 33,3 | 50 | 29,2 | 41,7 | 25 | 8,3 | 54,2 |
| 4 тип | 100 | 17,9 | 57,1 | 25 | 42,9 | 32,1 | 14,3 | 7,1 | 42,9 |
| Норма распред | | 13,8 | 37,4 | 48,8 | 33,3 | 38,3 | 20,7 | 20,2 | 44,1 |
| | Тенденция | | | | | | | | |
| 1 тип | | 0,8 | 1,3 | 0,8 | 1,3 | 0,7 | 0,3 | 0,5 | 1,0 |
| 2 тип | | 0,7 | 0,2 | 1,7 | 0,5 | 1,4 | 1,8 | 2,7 | 0,8 |
| 3 тип | | 1,2 | 0,9 | 1,0 | 0,9 | 1,1 | 1,2 | 0,4 | 1,2 |
| 4 тип | | 1,3 | 1,5 | 0,5 | 1,3 | 0,8 | 0,7 | 0,4 | 1,0 |

*Таблица 4. Продолжение.*

| *Тип моделировки* | *Наличие металла* | *Наличие досыпки, насыпи* | *Наличие оружия* | *Ребенок* | *Подросток* | *Взрослый* | *Старческий* | *Мужской* | *Женский* |
|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|
| 1 | 11 | 12 | 13 | 14 | 15 | 16 | 17 | 18 | 19 |
| | Количество | | | | | | | | |
| 1 тип | 4 | 11 | 12 | 4 | - | 21 | 3 | 8 | 1 |
| 2 тип | 4 | 5 | - | 1 | - | 9 | 1 | 6 | 2 |
| 3 тип | 6 | 11 | 5 | - | 1 | 23 | - | 10 | 4 |
| 4 тип | 4 | 13 | 4 | - | 3 | 24 | 1 | 4 | 5 |
| Всего: | 18 | 40 | 21 | 5 | 4 | 78 | 5 | 28 | 12 |
| | Процент | | | | | | | | |
| 1 тип | 14,3 | 39,3 | 42,9 | 14,3 | - | 75 | 10,7 | 88,9 | 11,1 |
| 2 тип | 36,4 | 45,5 | - | 9,1 | - | 81,8 | 9,1 | 75 | 25 |
| 3 тип | 25 | 45,8 | 20,8 | - | 4,2 | 95,8 | - | 71,4 | 28,6 |
| 4 тип | 14,3 | 46,4 | 14,3 | - | 10,7 | 85,7 | 3,6 | 44,4 | 55,6 |
| Норма распред | 22,5 | 44,3 | 19,5 | 5,9 | 3,7 | 84,6 | 5,9 | 69,9 | 30,1 |
| | Тенденция | | | | | | | | |
| 1 тип | 0,6 | 0,9 | 2,2 | 2,4 | - | 0,9 | 1,8 | 1,3 | 0,4 |
| 2 тип | 1,6 | 1,0 | - | 1,6 | - | 1,0 | 1,5 | 1,1 | 0.8 |
| 3 тип | 1,1 | 1,0 | 1,1 | - | 1,1 | 1,1 | - | 1,0 | 1,0 |
| 4 тип | 0,6 | 1,1 | 0,7 | - | 2,9 | 1,0 | 0,6 | 0,6 | 1,8 |

52; Он же 1992а). Моделированные черепа четко коррелируются с иными показателями высокого статуса погребенного.

Согласно социальной градации, разработанной по материалам погребений, показателями социальной значимости являются: длина камер свыше 2,40 м, сложное ложе, роспись дна катакомб (обычно в виде стоп, иногда в виде абстрактных символов, идентичных или сходных со знаковыми системами Средиземноморья) (Пустовалов 1996б: 44-46; Он же 1997а:123-136; Он же 1998: 58 – 67), наличие колеса или части транспортного средства, металл, досыпка или насыпь, оружие и моделировка. К этим показателям следует добавить и чашу, как принадлежность служителей культа. Как видно из таблицы 2, частота встречаемости показателей социальной значимости в могилах с моделированными черепами намного выше в пределах публикуемого могильника (47,6 — 83,4%). С учетом погребений в низовьях Молочной этот процент значительно возрастает (57,1 — 91,7 %). Практически только на р. Молочной в погребениях с моделировкой встречены колеса в закладах. То же самое можно сказать и в отношении других показателей, кроме больших размеров камер, чаш и самой моделировки. Последние показатели встречаются повсеместно.

Анализируя выделенные три региона (табл. 3), видно, что погребения с 8 — 5 показателями

социальной значимости сильно преобладают на р. Молочной в заможненско-виноградненских курганах. Погребения с 1 — 4 показателями либо равномерно распределены по всему ареалу, либо даже не характерны для Молочанского центра.

Степень полноты моделировки (как и наличие самой моделировки) прямо зависит от указанных социальных показателей. Для 1 и 2 типов характерны большие размеры камер, особенно для типа 2, сложное ложе, роспись, колесо, оружие. Интересно, что для полной моделировки характерно оружие, а для типа 2 оно не встречено. В среднем, почти 85% погребений с умершими, имевшими отмеченный ритуал, принадлежали взрослым людям. Только 5,9% были детьми, 3,7% — подростками. Среди взрослых почти 70% принадлежали мужчинам и лишь немногим более 30% женщинам (табл. 4).

3. Как показывает картографирование находок моделированных черепов (рис. 1), они встречены не по всей территории распространения ингульской культуры, а в центре ареала. Причем преимущественно в восточной и северной части центральных районов. Подавляющая часть находок сделана на р. Молочной и Молочном лимане. Территориально к ним примыкает и Присивашье, являвшееся, вероятно, продолжением русла р. Молочной. В этих районах раскопаны 66% погребений с моделированными черепами. Вторым по значимости районом распространения моделировки является среднее и верхнее течение р. Ингулец, где обнаружены, как и на р. Молочной, многокамерные погребения (Звенигородка, к. 2, п.2-3; Головковка, к. 25, п. 7). В последнем случае (рис. 7 , 2) первая камера была принята авторами раскопок и публикации за шахту данного погребения (Полин, Тупчиенко, Николова 1994:12-13,55). Однако, фасолевидная форма, значительные размеры (3,0 х 2,9 м), наличие охры и необожженных сосудов в обычных для камеры местах не оставляют сомнений в том, что это не шахта, а камера с обвалившимся сводом. Шахта, видимо, или полностью, или частично нависала над 1 камерой с юга. Приведенный в публикации разрез данного погребения по масштабу и деталям формы не соответствует плану погребения. Аналогичные по устройству многокамерные катакомбы были ранее специально рассмотрены автором (Пустовалов 1989а:94-96; Он же 1990) (Подобные погребения представлены на рис. 10, 1; 15,7 ).

Многие погребения с моделировкой ничем иным кроме самой моделировки не отличаются от рядовых могил. Но это лишь доказывает, что в среде людей, подвергавшихся этому обряду, тоже существовала значительная социальная дифференциация. Ю.А.Шилов прав, считая «маски» принадлежностью брахманов (Шилов 1995:166), другими словами — жрецов. Иногда ошибочно полагают, что погребальный обряд позднепервобытных и раннеклассовых обществ должен быть жестко стандартизирован (Ольховский 1995: 85-98). Характеризуя эту эпоху, Н.А. Бутинов писал: «Среди высших сословий племени не было людей, равных друг другу по рангу» (Бутинов 1985: 51). Другими словами, для этих обществ характерна социальная стратифицированность, дробность, индивидуализация социального статуса членов общества.

Это, несомненно, должно было находить свое отражение и в погребальном обряде. Поэтому выделение таких социальных групп может быть осуществлено только в ходе выявления статистических закономерностей. Процесс классообразования, который активно проходил в скотоводческих обществах, характеризуется не только выделением знати и зависимых категорий населения из среды рядовых скотоводов, но и дифференциацией функций знати на три ветви: светскую, военную и сакральную (Хазанов 1979:125-177; Куббель 1988:140-169). Если сопоставить с этими тремя ветвями власти признаки, которые характеризуют высший слой ингульского общества, то со светской знатью могут быть соотнесены погребенные в могилах с досыпками или насыпями, наличием металла, сложного погребального ложа и «другого инвентаря» (Пустовалов 1992:151). С военной властью можно сопоставить погребения с оружием (от парадных топоров, являвшихся символами власти военной, до стрел и пращных камней). Сакральную ветвь власти могут характеризовать моделированные черепа и росписи на дне катакомб, в том числе те, что включают абстрактные знаковые символы. Точка зрения авторов отчета В.В.Отрощенко, Ю.Я.Рассамакина и др. о том, что изображения этого рода являются остатками растительного орнамента, убедительно опровергаются материалами культовой посуды ингульской культуры, изображениями на каменных парадных топорах и петроглифами Каменной Могилы (Пустовалов 1996б; Он же 1997а). Вместо того, чтобы вдумчиво искать истоки срубной пиктографии в ближайших предшествующих культурах, В.В.Отрощенко ревниво отстаивает уникальность срубной протописьменности (Отрощенко, Рассамакин и др. 1983:49,51).

Возвращаясь к отражению профессиональной дифференциации знати, обратимся к анализу выделенных трех групп ингульской знати. Среди нижней группы (3) более чем у 50% погребений присутствует оружие, показатели светской власти — более чем у 30%, а культовая нагрузка (моделировка черепов) встречена у 15%. У знати 2 ранга происходит удвоение функций. Так, оружие сочетается с имущественными показателями у более чем 50% знати 2 ранга, имущественные показатели вместе с культовыми — более чем в 20% погребений. Менее всего связаны показатели власти военной и

культовой (около 15% знати 2 ранга). На высшем уровне все три показателя соединяются в одних погребениях. Причем, в более чем 60% могил знаки власти одного направления имеют не один, а несколько показателей. При этом появляются присущие только этой группе показатели, а именно: колеса в закладах катакомб.

Из приведенных в настоящей статье таблиц (2,4) следует, что наиболее тесно коррелируют с моделированными черепами чаши, очень часто деревянные. И лишь у группы высшей знати встречаются росписи со знаками — т.е. это также специфический признак знати высшего ранга.

4. Несомненна связь моделированных черепов с культом предков (Отрощенко, Пустовалов 1982; Они же 1987; Они же 1991). Почитание черепов наиболее часто встречается у народов, находящихся на уровне трансформации первобытного строя в раннеклассовые системы. То, что моделировке подвергались черепа детей, свидетельствует о наследственном характере жреческого статуса. Дело в том, что коллективные погребения детей (по традиционному катакомбному обряду хоронилось меньше половины детей — Пустовалов 1995а:6-7; Он же 1997:40-49) тяготеют к социальным центрам (коллективные детские погребения встречены в социальных центрах). При этом среди них присутствуют погребения, не уступающие могилам высшей знати (Пустовалов 1990:58). Однако, какой же культ предков перед нами: семейный, родовой, племенной или же надплеменной? Если бы моделировка была атрибутом родового или семейного культа, то погребения с ней должны были бы приблизительно равномерно распределяться по всему ареалу ингульской культуры. Однако, как показала карта (рис. 1), этого нет. Наблюдается иная картина. Спорадически моделировка встречается на значительной территории, но при этом основная масса находок сосредоточена практически в одном месте — на р. Молочной. Именно на р. Молочной в окрестностях г. Молочанска, где находился наиболее значительный потестарный и религиозный центр ингульского населения (Пустовалов 1990; Он же1991; Он же 1992; Он же 1995). Так, здесь сосредоточено 70% высшей знати и открыто Молочанское святилище, находится святилище Каменная Могила (Рудинський 1961; Даниленко 1986; Михайлов 1994). Связь подавляющего числа моделировок с Молочанским социальным центром выводит этот обряд за рамки семейного или родового культа и позволяет считать его не только племенным, но и межплеменным — одним из главных культов сложного этно-потестарного образования, возглавлявшегося ингульским этносом. Рассмотрим основания для такого суждения.

5. По мнению О.Г.Шапошниковой, древнейшие памятники носителей ингульской культуры сосредоточены в Бугско-Ингулецком междуречье (Шапошникова, Фоменко 1999). Между тем, обряд моделировки обнаружен здесь всего в 5 погребениях. Из этого района, по мнению О.Г.-Шапошниковой, ингульское население распространялось на восток вплоть до Северного Приазовья, на юго-восток, на северо-восток в Орель-Самарское междуречье и на север и т.д. Экспансия ингульского общества на восток вплоть до Донбасса, очевидно, объясняется стремлением получить непосредственный доступ к меднорудным месторождениям этого региона. Как считает А.Д.Пряхин: «Несмотря на некоторую нечеткость имеющихся производственных свидетельств катакомбного времени в районах рудных разработок Донецкого кряжа, сама возможность их разработки в это время подтверждается и обнаружением на территории донецкого региона погребений литейщиков прежде всего погребений донецкой катакомбной культуры» (Пряхин 1996:133). Экспансия же в северном направлении, видимо, была следствием климатических изменений в степи в это время (Pustovalov 1994:117-119). .

Как видим, данный культ представлен наиболее полно во вновь освоенных районах. Изменяется во времени и половозрастная структура людей, подвергавшихся моделировке. Если в Ингулецко-Бугском междуречье из 5 погребенных в трех моделировка встречена у детей и подростков, то на р. Молочной и в других районах почти исключительно представлены погребения взрослых, а моделировка детских черепов встречена в коллективных погребениях (в двух случаях) и в двух случаях она делалась для подростков. В остальных — это погребения взрослых. Аналогичная картина и в других районах. Поэтому можно связать культ моделировки черепов с экспансией населения ингульской культуры. То, что моделировка в ряде погребений сочетается с оружием (около 25%), позволяет предположить связь культа моделировки черепов с войной.

Согласно развиваемой автором гипотезе, основой катакомбного общества Северного Причерноморья служила сословно-кастовая система, базировавшаяся на сосуществовании ингульского, восточнокатакомбного и позднеямного этносов. Мои оппоненты почему-то всегда ссылаются на мою работу 1982 г., посвященную методике периодизации погребального обряда катакомбной культуры. Однако, взгляды автора на эту проблему не оставались с 1982 г. неизменными. В диссертации, а затем и в монографии они получили дальнейшее развитие и корректировку (Пустовалов 1982; Он же 1987; Он же 1992). Появление шестого этнического типа в западной и переходной группе территориальных массивов синхронизируется с 1-2 этническим типами, хотя расцвет и преобладание 6-7 этнического типа приходится на более позднее время, чем 1-2 (Пустовалов 1992:90,рис.4).

Косвенным подтверждением сосуществования ямного и катакомбного, в том числе и ингульского, населения служит несовпадение в пространстве концентрации находок ямных и катакомбных транспортных средств (Пустовалов 1998а:50-55), маркирующих социальные центры. Е.В.Избицер, собравшая выборку погребений с транспортными средствами эпохи бронзы (Избицер 1993), не обратила внимание на этот важный момент. Находки ямной посуды в ингульских погребениях и, наоборот, ингульской керамики в ямных могилах, ямная поза в ингульских катакомбах свидетельствуют о раннем появлении ингульской культуры и о длительном сосуществовании позднеямной, «раннекатакомбной» и, собственно, ингульской культур (Пустовалов 1990а; Он же 1995:24-25; Он же 1998б:63-64). Большое значение в решении проблемы сосуществования ямного и всех групп катакомбного населения на определенном этапе их развития должен внести радиокарбонный анализ. Результаты такого анализа серии образцов, полученные в Германии и на Украине (Киев), подтверждающие точку зрения автора о длительном сосуществовании названных групп населения, ждут публикации.

Моделировка встречена не только у ингульского населения, но и у позднеямного и «раннекатакомбного» или ямно-катакомбного. Однако, в значительно меньшей мере. Характерно, что в ямной культуре этому обряду, как считает З.П.Марина, подвергались умершие высокого социального статуса. Это подтверждает предположение о межплеменном, межэтническом характере культа моделированных черепов, и о господствующем положении ингульского населения.

Именно сосуществованием можно объяснить появление у ямного населения обряда раскраски черепов. Д.Л.Тесленко приводит данные о 20 таких погребениях. Среди ингульского населения и среди знати восточнокатакомбного населения встречены такие проявления культа черепов, как обезглавливание скелетов, захоронения отдельных черепов, снятых с посткраниального скелета. Названные проявления в ингульском этносе превалируют у рядового населения. У восточнокатакомбного — они являются признаком знати. То же самое можно сказать и о раскраске черепов. Это еще одно свидетельство сосуществования и одновременно — свидетельство единой социальной градации всех трех этносов — этносоциальной дифференциации данного общества (кастовая система).

Сложный кастовый характер катакомбного общества Северного Причерноморья, как можно предполагать, выдвинул на первый план необходимость создания культов, удовлетворявших население всех из объединенных в этносоциальном организме этносов. Возможно, это была одна из первых попыток создания религии надэтнического типа.

Культ моделированных черепов становится «популярным» или же в силу жесткой регламентации кастовых обществ **обязательным** в период наивысшего расцвета ингульского общества, когда под контролем последнего оказались значительные территории степной зоны Украины и в т.ч. медномышьяковистые рудники Донбасса.

Чем объяснить выбор верховьев р.Молочной в качестве главного социального и идеологического центра этого мощного образования? Одной из главных причин этого мог быть географический фактор. Участок, выбранный в качестве социального центра, лежит в самом узком месте водораздела между системами Днепра и Азовского моря. Именно по этому водоразделу проходила еще в средневековье дорога из Крыма на север (так называемый Муравский шлях. Здесь же берет свое начало Кальмиусская Сакма) (Болтрик 1990:36). Недалеко от р. Молочной находились и переправы через Днепр (в районе о.Хортицы и Никополя). Таким образом, в этой местности сходились коммуникации, шедшие с юга на север и с запада на восток. Это согласуется и с общей пространственной моделью социального организма. Впервые развернутая аргументация пространственной географической модели социального организма и его отражения на материалах эпохи бронзы Северного Причерноморья была предложена автором в начале девяностых гг. (1990б:97-99; Он же 1991а). Позднее была предпринята попытка подобного анализа на материалах ямной культуры (Рычков 1994:89-91).

6. Все сказанное подводит к мысли, что обряд моделировки черепов у населения ингульской катакомбной культуры является отражением процесса трансформации родового или семейного культа в межплеменной, т.е. свидетельствует о процессе формирования государства (именно процессе, а не его окончании). Подобные точки зрения на уровень развития обществ эпохи бронзы Восточноевропейских степей высказывались и обосновывались Е.Н.Черныхом, В.М.Массоном, Н.А.Чмыховым, А.Т.Синюком и другими исследователями (Черных 1989:29; Чмыхов 1990:91, 370; Он же 1992; Синюк 1996:314-318). Однако отсутствие ближневосточного размаха, многочисленных вещей из драгоценных металлов вызывает у ряда специалистов в отношении предклассового характера ямно-катакомбных обществ степей Восточной Европы возражения. Но критерии социальной дифференциации у различных этносов зависели от общего уровня благосостояния общества и были различны у разных народов. В данном вопросе важно, чтобы они образовывали четкую разветвленную иерархическую пирамиду. Размышляя по этому поводу, А.Т.Синюк писал, «... что в основу характера социальной престижности ритуалов разными этносами вкладыва-

лись свои ценностные ориентиры, а поэтому трудно согласиться и с мнением известного американиста Ю.Е.Березкина об универсальном характере золотых изделий как критерия для опознавания захоронений высокого социального ранга (Березкин 1995). Как известно, у многих скотоводческих народов, включая и древних ариев, мерилом богатства и социальной престижности был скот, а в ритуалах последних особую роль играли жертвенные костры и исполнение гимнов» (Синюк 1996:20).

Сказанное позволяет более осторожно подходить к оценке универсальности моделей перехода к классовому обществу, разработанных на основе земледельческих обществ, расположенных в наиболее благоприятных для жизни человека районах планеты.

Итак, моделирование лица по черепу в ингульской катакомбной культуре отражает стремление отразить или обновить утраченный облик умершего (Новикова 1991:30). Данный обряд четко может быть отнесен к культу предков в одной из его специфических форм — культу черепов. В процессе развития этого обряда у ингульского населения его смысловая нагрузка изменялась и, в конечном счете, оказалась связанной с военной деятельностью. Возможно, расшифровке его значения помогут данные кельтской мифологии. Так, по представлениям кельтов, голова предка обладает необычайным могуществом. Она даже может защитить страну от вторжения (Mac-Kulloch 1913:532-536). Моделировке подвергались служители культа, в том числе очень высокого социального ранга. Со временем обряд моделировки приобретает черты, характерные для межплеменных религий. Это, наряду с другими данными, позволяет говорить о развитии раннеклассовых тенденций у населения Северного Причерноморья в ямно-катакомбную эпоху.

ЛИТЕРАТУРА


Алексеева И.Л. 1989. К вопросу о некоторых особенностях катакомбного погребального обряда // Проблеми історії та археології давнього населення Української РСР. К.

Археологічні пам'ятки Української РСР. 1960.К., № 8.

Бутинов Н.А. 1985. Социальная организация полинезийцев. М.

Березанская С.С. 1994.Камнедобывающее и камнеобрабатывающее производство // Ремесло эпохи бронзы энеолита-бронзы на Украине. К.

Березкин Ю.Е. 1995. Аркаим как церемониальный центр: взгляд американиста // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита-бронзы Средней и Восточной Европы. СПб.

Болтрик Ю.В. 1990. Сухопутные коммуникации Скифии // СА, № 4.

Даниленко В.М. 1986. Кам'яна Могила. — К.

Данилова Е.И., Корпусова В.Н. 1981.Катакомбное погребение с трепанированным черепом в Крыму // СА, №1.С. 163-171.

Довженко Н.Д., Солтыс О.Б. 1991.О традиции изображения стоп в погребальном обряде катакомбных культур Северного Причерноморья // Катакомбные культуры Северного Причерноморья. К., С. 117 — 127.

Евдокимов Г.Л. 1990. К вопросу о черепах-масках из погребений эпохи ранней и средней бронзы степной зоны Украины // Проблемы изучения катакомбной КИО. Тез. докл. Запорожье, С. 18-20.

Избицер Е.В. 1993. Погребения с повозками степной полосы Восточной Европы и Северного Кавказа III — II тыс. до н.э. — Автореф. дисс. канд . ист. наук. СПб.

Ковалева И.Ф. 1983. Погребальный обряд и идеология ранних скотоводов (По материалам культур бронзового века Левобережной Украины). Днепропетровск.

Ковалева И.Ф. 1988.Культурные комплексы так называемых длинных курганов эпохи бронзы // Археологические памятники Поднепровья в системе древностей Восточной Европы. Днепропетровск.

Ковалева И.Ф. 1989. Социальная и духовная культура населения бронзового века. Днепропетровск.

Колтухов С.Г., Тощев Г.Н. 1998.Курганные древности Крыма. Запорожье, Вып. 2.

Кощевская Н.Н. 1975. Скульптура Ифе. М.

Круц С.И., Кубышев А.И., Отрощенко В.В., Пустовалов С.Ж. 1991.Обличчя людини доби бронзи // Золото Степу. Археологія України. Шлезвиг.

Куббель Е.Л. 1988. Возникновение частной собственности, классов и государства // Первобытное общество. Эпоха классообразования. М.

Марина З.П. 1990. Погребения ямной культуры с «масками» // Проблемы исследования памятников археологии Северского Донца. Тез. докл. конф. Луганск, С. 83-84.

Марина З.П. 1995.Ямные погребения Левобережья Днепра с производственным инвентарем // Проблемы археологии Поднепровья. Днепропетровск.

Марина З.П., Ромашко В.Н., Фещенко Е.Л. 1986.Курганы эпохи бронзы Среднего Присамарья // Проблемы археологии Поднепровья. Днепропетровск.

Миллер М. 1935.Памятники родового общества на Игренском полуострове // ПИДО, № 9-10. С.162-168.

Михайлов Б.Д. 1994. Петроглифы Каменной Могилы. Запорожье.

Новикова Л.А. 1991. Маска в культуре // Реконструкция древних верований: источники, метод, цель. Санкт-Петербург, С. 11-44.

Новикова Л.А., Шилов Ю.А. 1989.Погребения с лицевыми накладками эпохи бронзы (Херсонская область) // СА, № 2. С. 127 — 135.

Ольховский В.С. 1995. Погребальная обрядность и социологические реконструкции // СА, № 2.С. 85 — 98.

Отрощенко В.В. 1987.Охранные раскопки в бассейне р.Молочной // Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе. Тез. докл. конф. Донецк, 1987. С. 104 — 106.

Отрощенко В.В., Пустовалов С.Ж.1982. Портреты прошлого // Знание – Сила, № 10.

Отрощенко В.В., Пустовалов С.Ж.1987. Моделирование лица по черепу у племен катакомбной общности // Религиозные представления в первобытном обществе. — Тез. докл. конф. М., С. 146 — 149.

Отрощенко В.В., Пустовалов С.Ж. 1991. Обряд моделировки лица по черепу у племен катакомбной общности // Духовная культура древних обществ на территории Украины. К., С. 59 — 84.

Отрощенко В.В., Рассамакин Ю.Я. и др. 1983. Отчет о

работе Запорожской экспедиции ИА АН УССР в 1983 г. // НА ИА НАНУ. Ф.е. 1983\1.

Плешивенко А.Г. 1995.Курганный могильник у с. Конские Раздоры // Древности Степного Причерноморья и Крыма. Запорожье , T.V. С. 143 — 158.

Полин С.В., Тупчиенко Н.П., Николова А.В. 1992-1994.Курганы верховьев Ингульца. Вып. 2 — 4 . Кировоград.

Полин С.В., Тупчиенко Н.Г., Николова А.В. 1994. Курганы верховьев Ингульца. Вып. 3. Кировоград.

Пряхин А.Д. 1996. Мосоловское поселение металлургов-литейщиков эпохи поздней бронзы. Книга 2. Воронеж.

Пустовалов С.Ж. 1982. К методике периодизации катакомбной культуры по данным погребального обряда // Новые методы археологических исследований. — К., С. 87 — 108.

Пустовалов С.Ж. 1987. Этнотипология катакомбной культуры Северного Причерноморья: Автореф. дисс. канд. ист. наук. К.

Пустовалов С.Ж. 1989. Социальная дифференциация и половозрастные характеристики «позднекатакомбного» населения Северного Причерноморья // Проблеми історії та археології давнього населення Української РСР. К.

Пустовалов С.Ж. 1989а. Многокамерные катакомбные погребения Северного Причерноморья и Приазовья // Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе. Тез. докл. конф. Донецк, С. 94-96.

Пустовалов С.Ж. 1990. Багатокамерні катакомби та деякі питання соціальної структури катакомбного населення Північного Причорномор'я // Археологія. № 1.

Пустовалов С.Ж.1990а. О формах политогенеза в катакомбном обществе Северного Причерноморья // Проблемы изучения катакомбной КИО. Тез. докл. конф. Запорожье, С. 78 — 81.

Пустовалов С.Ж. 1990б. Об общественном положении катакомбных мастеров-ремесленников // Проблемы исследования памятников археологии Северского Донца. — Тез. докл. конф. Луганск, С. 97-99.

Пустовалов С.Ж. 1991. Некоторые проблемы реконструкции социального строя «катакомбного общества» Северного Причерноморья // Проблемы археологии Северного Причерноморья. Херсон.

Пустовалов С.Ж. 1991а. До реконструкції соціального організму за матеріалами катакомбних пам'яток Північного Причорномор'я // Поховальний обряд давнього населення України. К.

Пустовалов С.Ж. 1992. Этническая структура катакомбного населения Северного Причерноморья. К.

Пустовалов С.Ж. 1992а. Возрастная, половая и социальная характеристика катакомбного населения Северного Причерноморья. — К.

Пустовалов С.Ж. 1993. Деякі близькосхідні елементи в ідеології катакомбного населення Північного Причорномор'я // Археологія, № 1. С. 24 — 34.

Пустовалов С.Ж. 1995. О возможности реконструкции сословно-кастовой системы по археологическим материалам // Древности Степного Причерноморья и Крыма. — Запорожье, T.V. С. 21-32.

Пустовалов С.Ж. 1995а.До реконструкції динаміки чисельності степового населення України за матеріалами курганних могильників // Україна: людина, суспільство, природа. Тези доп. Конф. НА УКМА. К., С. 6 — 7.

Пустовалов С.Ж 1996. Соціальна система катакомбного суспільства Північного Причорномор'я // Україна: людина, суспільство, природа. Тези доп. Конф. НА УКМА. К., С. 24 — 25.

Пустовалов С.Ж. 1996а. До розв'язання проблеми появи у Північному Причорномор'ї катакомбної спільності// Культурологічні студії. К., Віп. 1. С. 260 — 279.

Пустовалов С.Ж. 1996б. К вопросу о наличии знаковой системы у населения катакомбной общности Северного Причерноморья // Северо-восточное Приазовье в системе Евразийских древностей (энеолит — бронзовый век). Тез. докл. конф. Донецк, Часть 1. С. 44-46.

Пустовалов С.Ж. 1997. Реконструкція чисельності катакомбного населення за курганними похованнями Північного Причорномор'я // Археологія. № 3.

Пустовалов С.Ж 1997а.Чи була писемність у катакомбного населення Північного Причорномор'я // Наукові записки НА УКМА К., Том. 2. Культура. С. 123 — 136.

Пустовалов С.Ж 1998. Мовна приналежність носіїв інгульської катакомбної культури у світлі паралелей з ранньосемітськими абетками Близького Сходу // Матеріали 1 всеукраїнської науково-практичної сходознавчої конференції. К., С. 58 — 67.

Пустовалов С.Ж. 1998а. Некоторые проблемы изучения колесного транспорта эпохи бронзы // Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности (ККИО) и культурно-исторической общности многоваликовой керамики (КИОМК). Запорожье.

Пустовалов С.Ж. 1998б. К вопросу о ямно-катакомбной эпохе // Проблемы археологии Юго-Восточной Европы. Тез. докл. конф. Ростов-на-Дону, С. 63-64.

Рудинський М.Я. 1961. Кам'яна Могила. К.

Рычков Н.А. 1994. Пространственная структура ямной культуры // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э. — V в.н.э.). Тирасполь.

Санжаров С.Н. 1991.Позднекатакомбные погребения из Северо-Восточного Приазовья// Катакомбные культуры Северного Причерноморья. — К., С. 235 — 253.

Синюк А.Т. 1996. Бронзовый век бассейна Дона. Воронеж.

Тощев Г.Н. 1990. Катакомбные памятники Крыма // Древности Степного Причерноморья и Крыма. Запорожье, T.I.

Хазанов А.М. 1979. Классообразование: факторы и механизмы // Исследования по общей этнографии. М.

Черных Е.Н. 1989. О государственных образованиях, стоящих на дописьменном уровне // Исследования курганных обществ бронзового века на территории Кавказа и Северного Причерноморья. — М.

Чмыхов Н.А. 1990. Истоки язычества Руси. Киев.

Чмыхов Н.А. 1992. Первые государства в Степи-Лесостепи: предпосылки возникновения // Теория и методика исследований археологических памятников. Тез. докл. конф. Липецк.

Шапошникова О.Г. 1978. Ингульская культура // Тез. докл. XVII конференции Института археологии АН УССР. Ужгород.

Шапошникова О.Г., Фоменко В.М. 1999. Інгульська культура — К., (в печати).

Шилов Ю.А. 1995. Прародина ариев. История, обряды, мифы. — К., 742 с.

Mac-Kulloch J.A 1913. / Head // Encyclopedie of Religion and Ethics/ V. VI. Edinburgh, P. 532-536.

Pustovalov S. Z. 1994. Economy and Social organization of Northern Pontic Steppe-Forest-Steppe Pastoral Populations 2750-2000 B.C. (Catacomb Culture) // Nomadizm and Pastoralizm in the circle of Baltic-Pontic Early Agrarian Cultures. Poznac. V.2. P.117-119.

*Секерская Е.П.*

# СКОТОВОДЧЕСКО-ОХОТНИЧЬЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ НА ТЕРРИТОРИИ ЮГА УКРАИНЫ

**Sekerskaya E.P. Cattle breeding and hunting activity of the Late Bronze Age population in the South Ukrainian region.**

The article is devoted to the research of archaeozoological materials which are one of the main sources of palaeoeconomic reconstruction the steppe Ukrainian regions at the Late Bronze Age. Hunting and fishing were not of great importance in the economy. The tendency to decrease hunting is evident in the economy of the population of the Bronze Age in comparison with the previous ones. Cattle breeding was based on cattle cultivation, the remains of article prevailing on all monuments without reservation. The author points out some differences in a herd of domestic animals already in the middle and late stages of Sabatinovka Culture which are linked to landscape peculiarities of monument's location and certain cultural influences.

Благодаря археологическим раскопкам памятников эпохи поздней бронзы степной части Украины, в последние годы были получены новые археозоологические материалы, являющиеся одним из главных источников реконструкции палеоэкономики.

В настоящей работе обобщаются археозоологические данные из ряда памятников. Изучены остатки животных, найденные на поселениях Вороновка II, Дремайловка, Николаевка, Ак-Таш и частично — Ялпуг IV. Менее значительные выборки получены из памятников Приозерное I, Довжанка IV, Старое Бугово и Свердлово I. Кроме того, используются данные О.П.Журавлева по Ташлыку I и Виноградному Саду, В.И.Цалкина по Анатольевке, Леонидовке, Красному 2, Пересадовскому и Чингульскому поселениям, В.И.Бибиковой по Ушкалке, Новорозановскому и Кировскому поселениям, А.В.Буракова по Змиевскому поселению, а также А.С.Тугунова по Ялпугу IV. Привлекаются сведения по поселениям — Большие Копани I и Сухая Балка (Журавлев 1991:127; Цалкин 1960:107; Смирнов 1960:176; Березанская, Отрощенко, Чередниченко, Шарафутдинова 1986:145; Шапошникова, Неприна 1977:63; Бибикова 1970:97; Бураков 1961:3; Ванчугов 1990:150; Оленковский 1989:105; Никитин 1971:66). В целом, перечисленные выше памятники расположены на территории степной части современных Одесской, Николаевской, Херсонской, Запорожской областей и части Крыма (рис. 1).

В связи с тем, что часть материалов опубликована, в том числе и археозоологическая коллекция из Вороновки II (Секерская 1991:67), ниже приводятся списки фауны, определенной на поселениях Приозерное I, Свердлово I, Старое Бугово, Довжанка IV, Дремайловка, Николаевка и Ак-Таш (таблица 1)* .

Большинство костей на всех без исключения поселениях принадлежит крупному рогатому скоту. Краниологических остатков мало. Находки фрагментов рогов или черепов с основанием роговых стержней отмечены только в Вороновке II, Старом Бугово и Николаевке. В.И.Цалкин сообщает также о наличии костных стержней рогов в Анатольевке, Пересадово и Леонидовке (Цалкин 1972:50).

Возрастной анализ нижних челюстей крупного рогатого скота показал, что не достигшие половой зрелости особи составили в Вороновке II — 35*,1%,* в Дремайловке — 29,0%, в Николаевке — 41,2% и в Ак-Таше — 31,3%. Количество взрослых животных варьирует, таким образом, от 58,8% (Николаевка) до 71,0% (Дремайловка). Эти данные отличаются от результатов, полученных В.И.Цалкиным при исследовании остатков крупного рогатого скота из памятников срубной культуры в Северном Причерноморье, Среднем Поволжье, а также поселений срубной и абашевс-

* Выражаю искреннюю признательность Г.Н.Тощеву, В.А.Самару, И.В.Сапожникову и В.В.Бейлекчи за предоставленную возможность ознакомиться с археозоологическими материалами.

© Секерская Е.П., 1999.

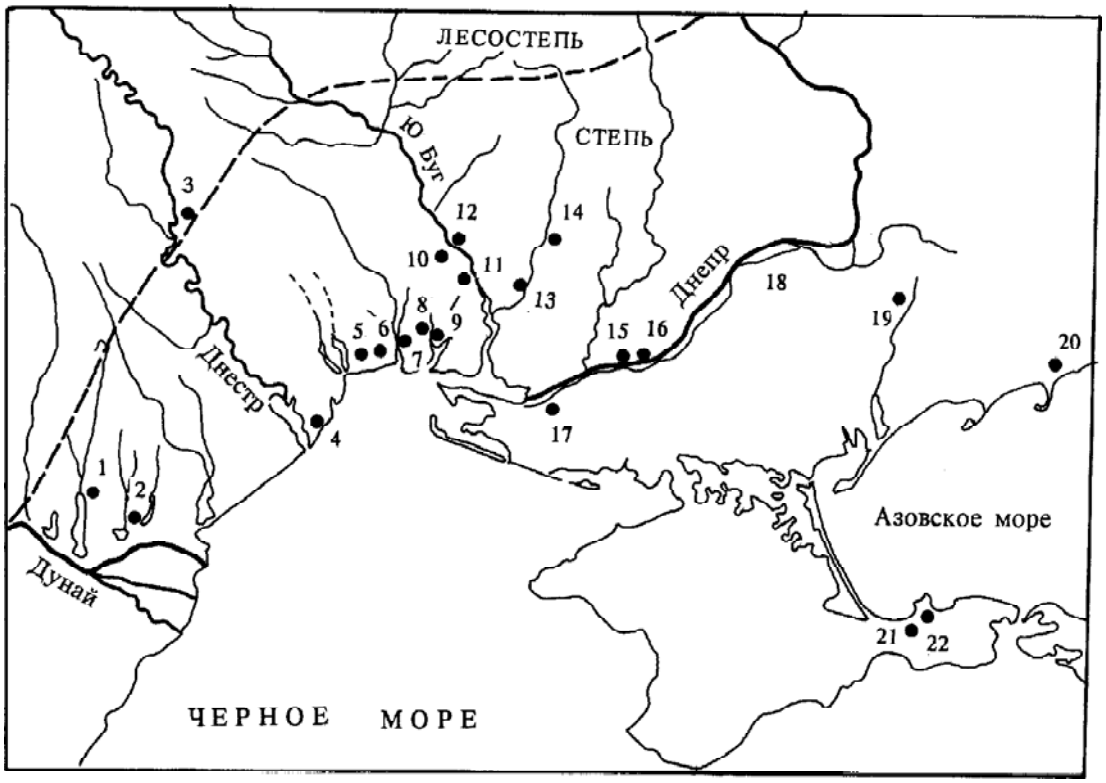



*Рис. 1. Расположение сабатиновских и белозерских памятников:*
*1 — Ялпуг IV; 2 — Приозерное I; 3 — Довжанка IV; 4 — Старое Бугово; 5 — Свердлово 1; 6 — Вороновка II; 7 — Анатольевка; 8 — Леонидовка; 9 — Красное II; 10 — Виноградный Сад; 11 — Сухая Балка; 12 — Ташлык I; 13 — Пересадовское; 14 — Новорезановка; 15 — Дремайловка; 16 — Змиевка; 17 — Большие Копани I; 18 — Ушкаловка; 19 — Чингульское; 20 — Николаевка; 21 — Кирово; 22 — Ак-Таш.*
— *граница степи и лесостепи.*

**Таблица 1**

**Костные остатки животных из поселений сабатиновской и белозерской культур***

| Вид животного | Приозерное I | Ялпуг IV | Свердлово I | Ст. Бугово | Довжанка IV | Дремайловка | Николаевка | Ак-Таш |
|---|---|---|---|---|---|---|---|---|
| Лошадь | 16/3 | 12/2 | 7/2 | 17/5 | 12/1 | 822/25 | 255/8 | 282/11 |
| Крупный рогатый скот | 6/1 | 3/3 | 19/1 | 127/10 | 5/1 | 738/42 | 259/14 | 102/11 |
| Мелкий рогатый скот | 6/1 | 3/3 | 19/1 | 127/10 | 5/1 | 738/42 | 259/14 | 102/11 |
| Свинья | 2/1 | — | — | 4/2 | 2/1 | 55/11 | 25/2 | 14/5 |
| Собака | 11/2 | — | — | — | — | 168/9 | 5/2 | 3/2 |
| Благородный олень | — | — | — | — | — | 4/2 | 2/1 | — |
| Лисица | — | — | — | — | — | 1/1 | — | — |
| Крупные копытные, ближе не определимые | — | — | 74/— | — | — | 3 856/— | 1 334/— | — |
| Мелкие копытные, ближе не определимые | — | — | — | — | — | 140/— | 350/— | — |
| Птицы | — | — | — | — | — | 10/— | 1/1 | 1/1 |
| Рыбы | — | — | — | — | — | 27/— | — | — |
| **Всего** | **184/17** | **43/7** | **121/5** | **219/28** | **47/5** | **8 845/156** | **3 223/45** | **774/46** |

*** В числителе — количество костей, в знаменателе — минимальное количество особей.**

кой культур в Среднем Подонье (Цалкин 1972:48,табл.2). Число половозрелых особей составляет там соответственно 44,5; 51,8 и 48,2%. На памятниках культуры Ноуа, напротив, количество половозрелых животных равно 50,0%. Это отличие, возможно, вызвано более интенсивным использованием вторичной продукции, прежде всего молока. Разведение крупного рогатого скота в Вороновке II, Дремайловке и Ак-Таше имело, скорее, мясомолочное направление, тогда как в Николаевке можно предположить молочно-мясное направление. При определении направленности скотоводства следует учитывать, что при молочном скотоводстве животных реализуют в более раннем возрасте. Следовательно, большой процент молодняка, забитого в течение первых месяцев жизни, будет свидетельствовать в пользу последнего. При этом необходимо отметить, что общее количество животных, забитых до достижения половой зрелости (т.е. до 2,5-3 лет), не будет показателем молочной направленности. Таким образом, следует более подробно дифференцировать возраст забитого скота. В.И.Цалкин указывает следующее количество животных, забитых в течение первых шести месяцев жизни: 11,1% в памятниках срубной культуры Северного Причерноморья, 9,2% — в памятниках срубной культуры Среднего Поволжья, 24,0% — в памятниках срубной и абашевской культур Среднего Подонья. В памятниках культуры Ноуа животные этой возрастной группы отсутствуют (Цалкин 1972:48). В материалах рассмотренных нами поселений особи крупного рогатого скота в возрасте до полугода составляют 15,5% в Дремайловке, 23,1% — в Николаевке, 6,7% — в Ак-Таше и отсутствуют в Вороновке II. В целом, эти данные подтверждают предположение о мясомолочной направленности скотоводства в Вороновке II, Ак-Таше и Дремайловке и молочно-мясной — в Николаевке.

Исследование размеров и строения целых пястных и плюсневых костей по методике З.Л.Цалкина (Цалкин 1965:121) дало следующие результаты. В Вороновке II из 7 пястных костей 4 принадлежат коровам, 2 — быкам и 1 — волу; 3 плюсневых — коровам. В Дремайловке из 6 пястных костей 3 отнесены к коровам, I — к быкам и 2 — к волам; из 7 плюсневых костей 5 принадлежит коровам, 1 — быку и 1 — волу. Таким образом, в Вороновке П было около 70% коров, 20% быков и 10% волов, в Дремайловке — около 62% коров, 15% быков и 23% волов. По одной плюсневой кости из Приозерного I и Николаевки принадлежат коровам. В целом, из 25 исследованных метаподий коровам принадлежит 17, быкам и волам — по 4. Количество коров в стаде, таким образом, оказывается вполне достаточным для воспроизводства поголовья. Следует также упомянуть о находках костей волов в материалах из Анатольевки и Кирово (Цалкин 1972:60; Бибикова 1970:100).

Высота крупного рогатого скота в холке (таблица 2) на всех памятниках практически полностью укладывается в пределы изменчивости, установленные З.И.Цалкиным (Цалкин 1972:61) для этого вида в эпоху поздней бронзы на территории юго-восточной Европы.

**Таблица 2**

**Высота в холке крупного рогатого скота из памятников эпохи поздней бронзы юга Украины**

| Памятник | коровы | | быки | | волы | |
|---|---|---|---|---|---|---|
| | Lim | M | Lim | M | Lim | M |
| Вороновка II | 112,5—128,7 | 122,1 | 123,5—125,4 | 124,5 | 133,4 | — |
| Дремайловка | 116,0—126,0 | 119,9 | 133,2—134,5 | 133,9 | 126,9—136,8 | 132,5 |
| Николаевка | 118,7 | — | — | — | — | — |
| Приозерное I | 120,2 | — | — | — | — | — |
| Юго-Восточной Европы | 106,0—131,0 | 117,5 | 120,0—131,0 | 125,6 | 130,0—137,0 | 133,3 |

Исключения составляют значения этого параметра у быков из Дремайловки — они выше данных, приведенных В.И.Цалкиным. Вероятно, крупный рогатый скот из исследованных поселений позднесабатиновской культуры (Вороновка II, Дремайловка) был немного крупнее, чем у населения памятников срубной культуры юго-восточной Европы.

Среди остатков мелкого рогатого скота преобладают кости овец — 94,9% в Вороновке II, 98,4% — в Дремайловке, 98,5% — в Николаевке и 89,2% — в Ак-Таше, что характерно для всех поселений эпохи поздней бронзы. Несколько большее, чем обычно, количество коз в Ак-Таше связано, вероятно, с ландшафтными особенностями расположения памятника. Краниологических остатков мало, среди них имеются фрагменты черепов комолых особей овец (Вороновка II) и роговых стержней баранов (Дремайловка). Результаты возрастного анализа нижних челюстей овец приведены в таблице 3. Очевидно, что большинство овец забивали по достижении 2 и более лет. Число животных, забитых в течение первых месяцев жизни, невелико и только в Николаевке достигает 23,1%. Овец, разводившихся для получения шерсти и молока, содержали

**Таблица 3**
**Распределение нижних челюстей овец по возрастным группам**

| Состояние зубной системы | Возраст | Вороновка II | | Дремайловка | | Николаевка | | Ак-Таш | |
|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|
| | | колич. | % | колич. | % | колич. | % | колич. | % |
| $P^d$1–3 | до 3 мес. | – | – | – | – | – | – | – | – |
| $P^d_{1-3}M_1$ | 3–9 мес. | 1 | 3,6 | 3 | 5,6 | 3 | 23,1 | – | – |
| $P^d_{1-3}M_{1-2}$ | 9–18 мес. | 4 | 14,3 | 6 | 11,1 | – | – | 2 | 28,8 |
| Pd1–3M1-3 | 18–24 мес. | 7 | 25,0 | 10 | 18,5 | 2 | 15,4 | 1 | 14,3 |
| Pm1–3M1–3 | более 2 лет | 16 | 57,1 | 35 | 64,8 | 8 | 61,5 | 4 | 57,1 |
| Всего | | 28 | 100 | 54 | 100 | 13 | 100 | 7 | 100 |

обычно более 2 лет.

Целых костей конечностей овец мало. Плюсневая кость обнаружена на поселении Ак-Таш. Высота в холке особи, которой она принадлежала, рассчитанная по коэффициенту Цалкина (Цалкин 1961:124), равна 69,1 см. Индекс ширины диафиза — 10,7%. Наибольшая длина двух пястных костей из Вороновки II равна 134,0 и 145,0 мм, плюсневой — 157,0 мм. Высота этих особей овец в холке, определенная по коэффициентам Цалкина, составляет соответственно 65,1; 70,5 и 73,5 см. Индексы ширины диафиза пястей — 11,2 и 10,3%, плюсны — 8,6%. Размеры таранных костей и рост в холке, определенный на основании коэффициентов Тайхерта (Teichert 1975:51-69), приведены в таблице 4 и позволяют отнести овец, остатки которых исследованы, к довольно крупным породам.

Распределение забитых особей овец на поселениях Вороновка II и Дремайловка по временам года показывает, что убой животных производился практически круглогодично (рис. 2). Незначительную тенденцию к увеличению числа забитых животных можно отметить для начала осени и, в меньшей степени, зимы и в первые месяцы весны.

**Таблица 4**
**Размеры таранных костей и высота в холке овец***

| Памятник | Количество | Наибольшая длина, мм | | Высота в холке, см | |
|---|---|---|---|---|---|
| | | Lim | M | Lim | M |
| Вороновка II | 10 | 29,0–34,5 | 31,6 | 65,8–78,2 | 71,6 |
| Дремайловка | 21 | 29,5–36,0 | 33,0 | 66,9–81,6 | 74,8 |
| Николаевка | 2 | 31,8; 34,0 | 32,9 | 71,2–77,1 | 74,6 |
| Ак-Таш | 4 | 29,8–34,1 | 32,6 | 67,6–77,3 | 73,9 |
| Кирово | 18 | 25,0–33,5 | 30,4 | 56,7–76,0 | – |

* Для Кирово использованы данные В.И.Бибиковой (Бибикова 1970:106,табл.7).

Как показал возрастной анализ остатков крупного рогатого скота и овец, на поселениях Вороновка II, Дремайловка и Ак-Таш большая часть их забивалась во взрослом состоянии. Таким образом, полученная картина может свидетельствовать о достаточно хорошей кормовой базе животноводства. Последняя же находится в определенной связи с развитием земледелия и эффективностью орудий труда, в частности, бронзовых серпов (Черняков 1985:155). О развитии земледелия свидетельствуют находки зерен проса в Змиевке (Березанская и др.1986:145), ячменя и пшеницы в Виноградном Саду, проса и пленчатого ячменя в Ташлыке I (Шарафутдинова 1989:168-179), эммера, пшеницы-однозернянки, мягкого проса, пленчатого ячменя в Вороновке II (Кузьминова, Петренко 1989:120).

Поголовье лошадей насчитывает от 16,2 (Дремайловка) до 30,1% (Вороновка II) особей всех домашних животных. Данные возрастного анализа показывают, что половозрелые животные составляют 53,2% в Вороновке II, 54,5% в Ак-Таше, 56,0% в Дремайловке и 62,5% в Николаевке. Можно допустить, что мясо лошадей использовали в пищу. Вероятно, в некоторых случаях могли употреблять и молоко. Количество животных, забитых в течение первого года жизни, составляет от 12,5 до 18,2% (таблица 5).

Целые кости конечностей позволяют охарактеризовать физический тип лошадей, остатки которых обнаружены. В Вороновке II найдены 3 пястных, 2 плюсневых и 2 лучевых кости, в Дремайловке — 2 пястных, плюсневая, плечевая и большая берцовая, в Ак-Таше — пястная и в Николаевке — лучевая кости. Пястные и плюс-

**Таблица 5**
**Распределение особей лошадей по возрастным группам**

| Памятник | Вороновка II | | Дремайловка | | Николаевка | | Ак-Таш | |
|---|---|---|---|---|---|---|---|---|
| Возраст | кол-во | % | кол-во | % | кол-во | % | кол-во | % |
| Молодые | 6 | 12,8 | 4 | 16,0 | 1 | 12,5 | 2 | 18,8 |
| Полувзрослые | 16 | 34,0 | 7 | 28,0 | 2 | 25,0 | 3 | 27,3 |
| Взрослые | 25 | 53,2 | 14 | 56,0 | 5 | 62,5 | 6 | 54,5 |

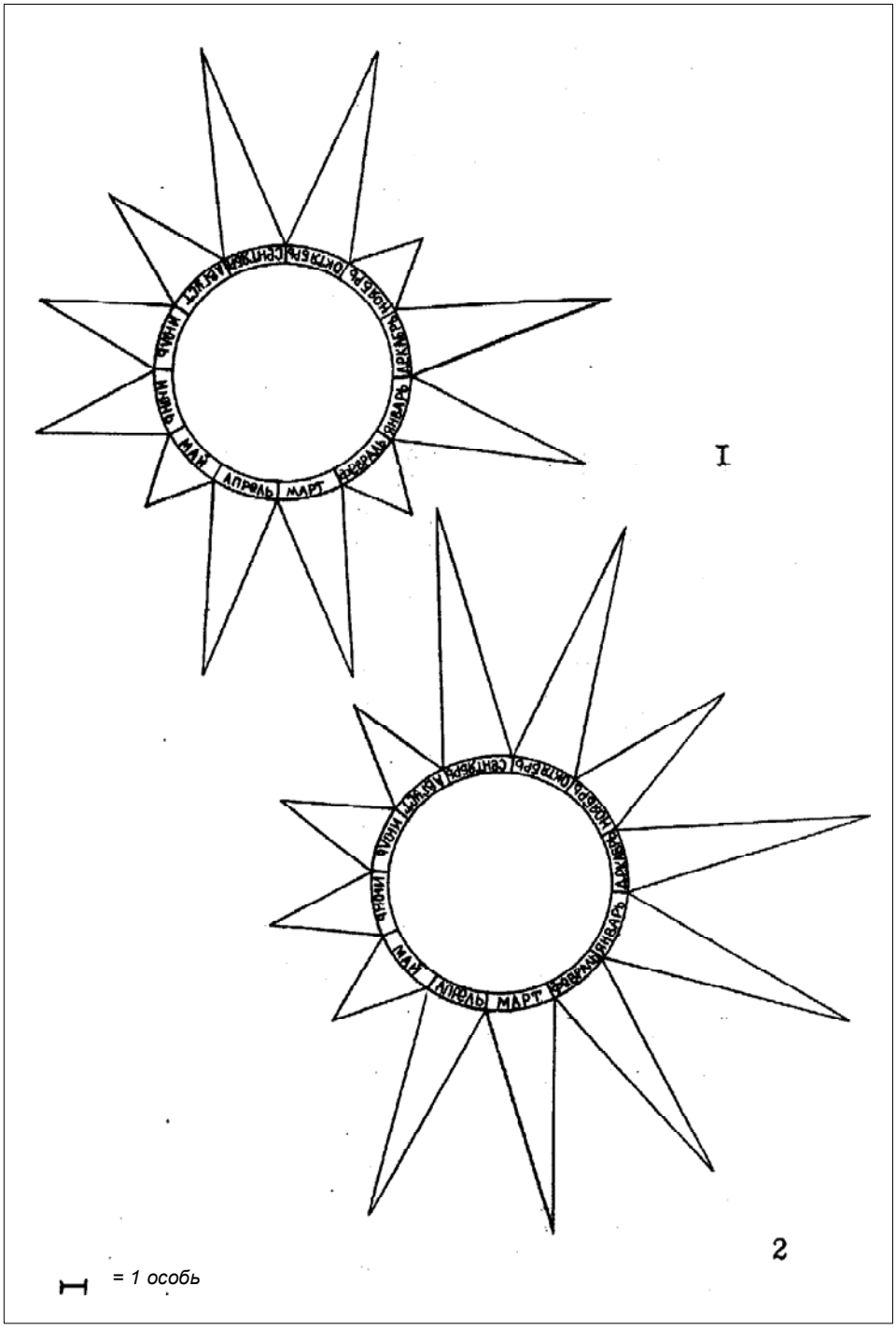



*Рис.2. Распределение забитых особей овец по месяцам года: 1 — Дремайловка; 2 — Вороновка II.*

невые кости лошадей из Вороновки II принадлежат, по классификации А.А.Браунера (Браунер 1916:106), тонконогим и полутонконогим особям. Высота их в холке, рассчитанная по коэффициентам В.О.Витта (Витт 1952:172-173), находится в диапазоне 130,5 — 143,8 см и составляет в среднем 138,1 см. Лошади из Дремайловки были тонконогими и средненогими, высотой в холке 138,2 — 147,4 см, в среднем — 141,0 см. По классификации В.О.Витта, эти данные соответствуют средним по росту и рослым лошадям. Пястная кость из Ак-Таша принадлежала средней по росту полутонконогой лошади, высотой в холке 136,7 см, а лучевая из Николаевки — рослой лошади, высотой 151,5 см. В целом, можно констатировать, что исследованные остатки лошадей принадлежали довольно высоким животным: из 14 целых костей конечностей 11 происходят от средних по росту, 2 — от рослых и 1 — от малорослой.

Свинья малочисленна повсюду. В северо-причерноморских памятниках эпохи бронзы, по данным А.В.Таттар, свинья составляет всего 0,2% костей и 1,4% особей (Таттар 1974:260-261). Ее остатки обнаружены в небольшом количестве в Приозерном I, Ялпуге IV, Старом Бугово, Довжанке IV, Дремайловке, Николаевке и Ак-Таше. Кости свиньи присутствуют также в материалах из Ташлыка I и Виноградного Сада, Кирово, Анатольевки, Леонидовки и Пересадовского. В Вороновке II остатки этого вида не зафиксированы, несмотря на значительное количество исследованного материала. Интересно, что в территориально и хронологически близкой Анатольевке число свиней довольно значительно. Как видно из таблицы 6, наибольшее количество костей и особей свиньи обнаружено в Ак-Таше, минимальное — в Николаевке.

Отмеченные различия связаны, скорее всего, с локальными особенностями расположения памятников. Свинья в археозоологических материалах из Крыма всегда была представлена более значительным количеством остатков.

**Таблица 6**
**Относительное количество остатков домашней свиньи***

| Памятник | Количество костей, % | Количество особей, % |
|---|---|---|
| Приозерное I | 1,1 | 5,9 |
| Ялпуг IV | – | 6,3 |
| Старое Бугово | 1,8 | 7,1 |
| Анатольевка | 1,3 | 10,5 |
| Пересадовское | 1,6 | 6,2 |
| Дремайловка | 1,1 | 7,2 |
| Николаевка | 1,6 | 4,7 |
| Ак-Таш | 1,8 | 11,1 |

* Расчеты для Анатольевки и Пересадовского поселения сделаны по данным В.И.Цалкина (Цалкин 1960:107), для Ялпуга IV — по данным А.С.Тугунова (Ванчугов 1990:150).

Кости собак встречаются редко и принадлежат, большей частью, взрослым животным. В Вороновке II найден фрагмент черепа с нижней челюстью, параметры которой позволяют говорить о сравнительно небольшом размере особи (Секерская 1991:69). В Дремайловке обнаружены целые кости конечностей от 2 особей собак — плечевая, лучевая и две больших берцовых. Высота в холке, рассчитанная по наибольшей длине этих костей с помощью коэффициентов Кудельки (Чемыртан 1986:20), равна 51 и 57,2 см. Данная разница связана, скорее всего, с половым диморфизмом одной породы, приближающейся по размерам к современным лайкам или небольшим колли.

Охота и рыболовство не играли сколько-нибудь значительной роли в хозяйстве. Число особей диких животных невелико на всех изученных памятниках — 1,9% в Дремайловке, 2,2% *в* Николаевке, 1,9% в Вороновке II. В материалах других исследованных поселений костей диких видов не обнаружено. По данным 0.П.Журавлева (Журавлев 1991:138), в Ташлыке I и Виноградном Саду дикие млекопитающие составляли около 5% от общего числа особей. В Кировском поселении число диких животных достигает 9% (Бибикова 1970:97), в Пересадовском — около 3% (Цалкин 1960:107), *в* Анатольевке — 3,6% (Цалкин 1972:61). По данным Л.В.Таттар (Таттар 1974:260-261), в среднем число особей, диких видов в северо-причерноморских памятниках эпохи бронзы равно 1,4%. По данным В.И.-Цалкина (Цалкин 1972:61), в материалах некоторых памятников срубной культуры Северного Причерноморья остатки диких животных вообще отсутствуют, в других же составляют от 2,8 до 8,3%. Таким образом, имеется, очевидно, общая тенденция к уменьшению доли охотничьего промысла в хозяйственной деятельности древнего населения в эпоху поздней бронзы по сравнению с предшествующими.

Кости рыб найдены в достаточно большом количестве только в Виноградном Саду. Здесь же обнаружен костяной гарпун для ловли крупных рыб (Шарафутдинова 1988:349). Небольшое число костей рыб, среди которых определены фрагменты лучей грудных плавников севрюги и сома, найдено в Дремайловке. В Вороновке II кости рыб не обнаружены.

При сравнении относительного количества различных видов домашних животных очевидно, что имеющиеся материалы разделяются на две группы. Животноводство базировалось на разведении крупного рогатого скота, остатки которого преобладают на всех без исключения памятниках. Другие же виды домашних животных представлены неодинаковым количеством особей. Так, в первой группе, включающей поселения Старое Бутово, Красное 2, Пересадовское, Сухая Балка, Новорозановка, Ташлык I, Виноградный Сад, Дремайловка, Николаевка и

сабатиновский слой Ушкалки следующее место после крупного рогатого скота принадлежит мелкому рогатому скоту. Лошадь — на третьем месте, а свинья — на четвертом. Все перечисленные памятники, за исключением Старого Бутово и Красного 2, определенных как поселения, относящиеся к эпохе поздней бронзы, датируются в пределах среднего и позднего этапов сабатиновской культуры.

Во второй группе, включающей поселения Приозерное II, Ялпуг IV, Вороновка II, Леонидовка, Анатольевка, Змиевка, белозерский слой Ушкалки и Чингульское, непосредственно за крупным рогатым скотом следует лошадь. Третье место, как правило, занимает мелкий рогатый скот. При небольшом объеме коллекции мелкий рогатый скот находится вместе со свиньей на третьей позиции (Приозерное I), либо остатки овец и коз отсутствуют (Леонидовка). К этой же группе примыкает Свердлово I, где крупный рогатый скот и лошадь делят между собой первое место. Ряд поселений второй группы принадлежит сабатиновской культуре, ряд — белозерской. Если на некоторых памятниках сабатиновской культуры, отнесенных ко второй группе — Чингульском, Леонидовке и Свердлово I, — выборка костных остатков невелика и может дать некоторую погрешность в определении состава стада домашних животных, то материалы Анатольевки и Вороновки II представляют вполне достоверные данные. Большинство поселений сабатиновской культуры, отнесенных ко второй группе (за исключением Чингульского) – Вороновка II, Анатольевка, Леонидовка, Свердлово I — расположено на локально ограниченной территории в Буго-Днестровском междуречье.

Ак-Таш занимает промежуточное положение между этими двумя группами памятников: лошадь и мелкий рогатый скот делят здесь второе место. Наименее определенную картину дает Довжанка IV, однако лидирующая роль крупного рогатого скота здесь также не вызывает сомнения. Отличается от других памятников поселение белозерской культуры Большие Копани I, где археозоологические материалы представлены, главным образом, костями лошади и мелкого рогатого скота (Оленковский 1989:105). К сожалению, не указаны количество остатков и соотношение различных видов животных.

Существующая точка зрения о переориентировке скотоводства в белозерское время на разведение приспособленных для перегона на большие расстояния животных подкрепляется в настоящее время следующими обобщающими данными. Относительное количество крупного рогатого скота в ряде памятников белозерской культуры составляет 42,2%, лошади — 26,3%, мелкого рогатого скота — 21,8%, свиньи и собаки — по 4,6% (Отрощенко 1991:127). Кроме того, В.В.Отрощенко, ссылаясь на данные Ю.Я.Кожевниковой, констатирует мясное направление скотоводства, при котором 3/4 всего поголовья забивалось в возрасте 2 лет (Отрощенко 1991:127).

Большинство рассмотренных в настоящей статье памятников по возрастным показателям забитых особей крупного и мелкого рогатого скота оказывается близким к поселениям культуры Ноуа, изученных В.И.Цалкиным. Только Николаевка по соотношению неполовозрелых и половозрелых особей крупного рогатого скота ближе к срубным поселениям Среднего Поволжья. Таким образом, можно констатировать некоторые отличия в составе стада домашних животных уже на средней и поздней стадиях сабатиновской культуры, связанные, очевидно, как с

**Таблица 7**
**Соотношение домашних копытных по числу особей**

| Вид животного | Крупный рогатый скот | | Мелкий рогатый скот | | Лошадь | | Свинья | | Всего | |
|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|
| Количество | абсол. | % | абсол. | % | абсол. | % | абсол. | % | абсол. | % |
| сабатиновские | | | | | | | | | | |
| Ушкалка | 102 | 44,7 | 64 | 28,1 | 56 | 24,6 | 6 | 2,6 | 228 | 100 |
| Пересадовское | 29 | 45,3 | 22 | 34,4 | 9 | 14,1 | 4 | 6,2 | 64 | 100 |
| Дремайловка | 65 | 45,5 | 42, | 29,4 | 25 | 17,5 | 11 | 7,7 | 143 | 100 |
| Николаевка | 17 | 41,5 | 14 | 34,1 | 8 | 19,5 | 2 | 4,9 | 41 | 100 |
| Вороновка II | 70 | 46,4 | 34 | 22,5 | 47 | 31,1 | – | – | 151 | 100 |
| Анатольевка | 23 | 39,7 | 10 | 17,2 | 22 | 37,9 | 3 | 5,2 | 58 | 100 |
| Кировское (штыки 3—7) | 70 | 39,5 | 50 | 28,2 | 44 | 24,8 | 13 | 7,3 | 177 | 100 |
| белозерские | | | | | | | | | | |
| Ушкалка | 7 | 41,2 | 3 | 17,6 | 4 | 23,6 | 3 | 17,6 | 17 | 100 |
| Змиевка | — | 45,0 | — | 18,0 | — | 26,0 | — | 5,0 | — | 100 |
| Ялпуг IV | 25 | 41,7 | 14 | 23,3 | 17 | 28,3 | 4 | 6,7 | 60 | 100 |
| Приозерное I | 10 | 66,6 | 1 | 6,7 | 3 | 20,0 | 1 | 6,7 | 15 | 100 |
| Кировское (штыки 1—2) | 28 | 36,6 | 23 | 30,3 | 19 | 25,0 | 6 | 7,9 | 76 | 100 |

ландшафтными особенностями расположения памятников, так и с определенными культурными влияниями.

На большинстве изученных памятников позднего этапа сабатиновской культуры допустимо предположить мясомолочное направление скотоводства. Археозоологических материалов белозерского времени, к сожалению, оказывается недостаточным для окончательных выводов. Что же касается соотношения отдельных видов животных в стаде, то, как показывают расчеты (таблица 7), наибольшей стабильностью и в сабатиновское, и в белозерское время отличается число крупного рогатого скота. Количество мелкого рогатого скота и лошадей значительно варьирует, хотя можно отметить некоторую, весьма слабо выраженную тенденцию к увеличению поголовья лошадей и уменьшению поголовья овец в белозерское время. Однако уже на некоторых позднесабатиновских памятниках (Анатольевка, Вороновка II) тенденция эта выражена более ярко. Если придерживаться распределения археозоологических материалов Кировского поселения по штыкам (Березанская и др.1986:145), очевидно, что в белозерское время здесь сохраняется та же последовательность животных в стаде, что и в сабатиновское. Некоторые колебания наблюдаются в численности отдельных животных и составляют от нескольких десятых процента (свинья, лошадь) до нескольких процентов (крупный и мелкий рогатый скот), не изменяя общего соотношения видов в стаде. Учитывая изложенное выше, а также стратиграфическую неразделенность материалов сабатиновского и белозерского времени из Кировского поселения (Березанская и др.1986:123), целесообразно будет, на наш взгляд, настаивать на рассмотрении коллекции из 1-7 штыков целиком.

Интересно, что материалы раннебелозерского поселения Тудорово (район Штефан-Водэ Молдовы, определения В.И.Цалкина) отличаются от других памятников белозерской культуры по соотношению домашних животных: за крупным рогатым скотом идет мелкий, а лошадь занимает третье место.

Таким образом, можно констатировать следующее. Изученные археозоологические колхи поздней бронзы.

лекции свидетельствуют о хорошей кормовой базе животноводства, развитом мясомолочном (Вороновка II, Дремайловка, Ак-Таш) и молочно-мясном (Николаевка) скотоводстве, незначительной роли охоты и редко практиковавшемся рыболовстве. По составу стада домашних животных материалы из поселений белозерской культуры демонстрируют большую однородность, чем сабатиновские. Внутри поселений сабатиновской культуры (на средней и поздней ее стадиях) наблюдаются значительные колебания количества различных домашних копытных. Очевидно, можно ожидать варьирования состава стада, при сохранении обшей тенденции к увеличению числа лошадей, и на белозерских памятниках. В связи с этим целесообразно было бы проследить локальные особенности скотоводства на отдельных поселениях или их группах, не полагаясь только на усредненные данные. Можно предположить связь между отмеченными различиями состава стада, ландшафтными особенностями расположения памятников и влиянием соседних культур.

Полученных в результате изучения коллекций из памятников степной части юга Украины данных, на наш взгляд, недостаточно для признания переориентировки скотоводства в белозерское время на разведение животных, приспособленных к перегонам на большие расстояния. Так, остается достаточно стабильным число крупного рогатого скота и свиней. В то же время в Тудорово, например, количество лошадей меньше, чем в среднем для белозерских памятников. То же можно сказать и о Приозерном I, учитывая, однако, небольшой объем коллекции.

Пожалуй, только для Змиевки и Ялпуга IV характерно увеличение поголовья лошадей (тем не менее оно ниже, чем в сабатиновских — Вороновке II и Анатольевке). Количество же мелкого рогатого скота на этих поселениях несколько меньше, чем в среднем для сабатиновских памятников. Наконец, следует отметить, что исследованные коллекции неравноценны по объему — как для отдельных памятников, так и по культурно-хронологической принадлежности, что подразумевает предварительный характер полученных результатов и требует дальнейшего изучения археозоологических материалов эпо-

ЛИТЕРАТУРА

Березанская и др. 1986. – Березанская С.С., Отрощенко В.В., Чередниченко Н.Н., Шарафутдинова И.Н.1986. Культуры эпохи бронзы на территории Украины. Киев.

Бибикова В.И.1970. Фауна из поселения у с. Кирово // Древности Восточного Крыма. Киев.

Браунер А.А.1916.Материалы к познанию домашних животных России. Лошадь курганных погребений Тираспольского уезда Херсонской губернии // Записки общества сельского хозяйства Южной России. Херсон,Т.86,Вып.I.

Бураков А.В.1961.Поселения епохи бронзи біля с. Зміівки // АП УРСР. Т.Х.

Ванчугов В.П.1990.Белозерские памятники в Северо-Западном Причерноморье (проблема формирования белозерской культуры).Киев.

Витт З.0.1952.Лошади Пазырыкских курганов // СА,Т.16.

Журавлев О.П. 1991. Животноводство и охота у племен эпохи бронзы на территории Северного Причерноморья и Приазовья //Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э. — V в.н.э.), Киев.

Кузьминова Н.Н., Петренко З.Г.1989.Культурные рас-

тения на западе степного Причерноморья в середине III-II тыс. до н.э. // Проблемы древней истории и археологии Украинской ССР.Киев.

Никитин В.И.1971. Поселение эпохи бронзы у с. Сухая Балка // АИУ. Вып.3.

Оленковский Н.П.1989.Поселение белозерской культуры Большие Копани I на Нижнем Днепре // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Запорожье.

Отрощенко В.В.1991.К вопросу о хозяйстве племен белозерской культуры // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э. – V в.н.э.) Киев.

Секерская Е.П.1991.Скотоводство и охота в хозяйстве позднебронзового поселения Вороновка II // Вороновка II. Поселение позднего бронзового века в Северо-Западном Причерноморье. Киев.

Смирнов К.Ф.1960. Кургани біля м. Великого Токмака (розкопки 1952 р.) // АП УРСР. Т.VIII.

Таттар В.А.1974.Фауна эпохи поздней бронзы лесостепной и степной зон Европейской части СССР // Первобытный человек, его материальная культура и природная среда в плейстоцене и голоцене. М.

Цалкин В.И.1960. Домашние и дикие животные Северного Причерноморья в эпоху раннего железа // МИА. №53.

Цалкин В.И.1961.Изменчивость метаподий у овец // / Бюллетень МОИП. Т.66. Вып.5.

Цалкин В.И.1965.Серый степной скот и первобытный бык // Бюллетень МОИП. Т.70. Вып. 5.

Цалкин В.И.1972. Домашние животные Восточной Европы в эпоху поздней бронзы. Сообщение 1;4 // Бюллетень МОИП. Т.77. Вып.1;4.

Чемыртан Г.Д.1986. Собаки энеолита. Молдавии // Плиоцен — антропогеновая фауна Днестровско-Прутского междуречья. Кишинев.

Черняков И.Т.1985. Северо-Западное Причерноморье во второй половине II тыс. до н.э. Киев.

Шапошникова О.Г., Неприна В.И.1977. Новорозановское многослойное поселение // Древности Поингулья. Киев.

Шарафутдинова И.Н.1988. Раскопки поселения у с. Виноградный Сад, на Южном Буге // АО – 1986. М.

Шарафутдинова И.Н.1989.Хозяйство племен сабатиновской культуры // Первобытная археология. Материалы и исследования. Киев.

Teichert M. 1975. Osteometrische Untersuchungen zur Berechnung der Widderristhohe bei schaffen // Archaeozoological Studies. Amsterdam.

# ИНДО-ИРАНСКАЯ ПРОБЛЕМА И АРХЕОЛОГИЯ БРОНЗОВОГО ВЕКА ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ

*Массон В.М.*

## ДРЕВНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ ВОСТОКА И СТЕПНЫЕ ПЛЕМЕНА В СВЕТЕ ДАННЫХ АРХЕОЛОГИИ*

**Masson V.M. Bronze age civilizations of Central Asia and archaeology of the Eurasian steppes.**

The archaeological discoveries of the last decades present the new data for study the interactions between the Central Asian urban civilizations and the pastoral societies of the Eurasian steppes. From the archaeological reconstruction we seen some phenomena. The first this is the intensive activity in the first half of II mill. B. C. in the region of Southern Ural and the Middle Volga in many aspects: the technology, cultural progress and social life. Oval forteresses like Arkaim (fig. 1) in the Soutern Ural attest both to the military conflicts and to a centrelised organisation of the society. Burials of noblemen (chariotry) are beeng found (Sintashta, Utevca and others — fig. 2, 3). Political development takes a miliyery-aristocratic course.

The second phenomenon this is the movement of the steppe tribes southwards where they replaced the local hunters-fichers population and come in active contacts with urban civilizations in South Turcmenistan (Namazga VI, Margiana sities) and Middle AmuDarya (Sappaly, Dashly). The burial with horse bits of Sintashta type have been founded in Samarkand region (fig. 4) also as the settelments with typical steppe bronze age pottery (fig. 6). This movement has been continued during the whole second millenium B. C., most active in the second last half of this millenium.

The third phenomenon this is the cultural syntesis traits typical for the local urban civilizations and the traditins of the steppe pastoral tribes. We seen the gradual migration of the steppe tribes who mixed with local population (sybiosis cultures like the Bishkent culture in the western Tadjicistan). As the results of the such interactions we found in the Central Asian sites swastic motifs (fig. 5) and the horse representations (fig. 7, 8). It was by new ethnic unities came into being linked for the most parts with Indo-Iranian lingvistic

Взаимодействие разноуровневых и разнокультурных обществ является одной из характерных особенностей исторического процесса, сохраняющей свое значение до наших дней. В древнюю эпоху важную роль играли взаимодействия древневосточных цивилизаций урбанистического облика с обществами обширной зоны евразийских степей. Значимость таких взаимодействий возросла с развитием в степной зоне пастушеской, а затем и кочевой системы ведения хозяйства и, соответственно, с формированием достаточно активных и подвижных местных обществ. Здесь наиболее известными событиями являются киммеро-скифское проникновение в Переднюю Азию, а затем сложение при активном участии кочевых обществ парфянской и кушанской держав.

Одним из наиболее ранних событий этого круга является распространение племен индоиранской языковой группы, фиксируемой письменными источниками и литературной традицией на двух концах возможного ареала таких взаимодействий — в Северной Месопотамии и в Индостане. Анализ понятийного набора терминов свидетельствует, что первоначально индо-иранские племена были пастушеско-земледельческим населением. Их передвижение в южном направлении получило отражение в этих свидетельствах.

В свое время установление наличия среди богов, упоминаемых в перечне митаннийских правителей XIV в. до н.э., Индры, Варуны, Митры и Насатьи, а в трактате о коневодстве, составленном приблизительно в это же время митаннийцем Киккули, — индоиранских числительных и коневодческих терминов, связанных с тренингом лошадей, вызвало настоящую сенсацию. Начались поиски других свидетельств, указывающих на присутствие и активную значимость индо-иранцев в зоне древневосточных цивилизаций. Знатные воины на запряженных лошадьми колесницах стали считаться активнейшей силой политических событий в Передней Азии II тыс. до н.э., и в именах многих правителей этого времени стремились найти индоиранскую этимологию. Более тщательный анализ, итогом которого стала книга А. Камменхюбер (Kammenhuber 1968), а у нас — статья И.М. Дьяконова, во многом дополнившая и развившая основные положения немецкой исследовательницы (Дьяконов 1970), показал, что прямолинейные построения не всегда самые пра-

* Работа выполнена по программе РГНФ "Древние цивилизации Центральной Азии" (98-01-00309).

© Массон В.М., 1999.

вильные. Целый ряд этимологий оказался сомнительными или допускающими поливариантные трактовки, а бесспорные свидетельства стали получать взвешенную оценку. Было отмечено, что коневодческие термины и имена божеств выступают уже в хурризированном языковом облике. Это позволило заключить, что, по крайней мере, в XV в. до н.э. на земле Митанни живого «арийского» языка уже не было. Как пишет И.М. Дьяконов: «Арийские имена собственные и глоссы, идущие из Митанни XV–XIV веков, указывают на наличие некоего индо-иранского этнического компонента, однако, он тогда уже был, видимо, мертв» (Дьяконов 1970: 47). Имена божеств индо-иранского происхождения были включены в обширный список 200 божеств, призванных придать авторитет составленному договору, и они занимают в этом списке отнюдь не первое место. Причем это божества из двух различных групп: Митра и Варуна — боги-асуры, а Индра и Насатьи — девы. Это свидетельствует, что заимствование произошло еще до разделения ираноязычных и индоираноязычных племен на две ветви со своими религиозными традициями и сонмами божеств. Все это позволило исследователям заключить, что речь, видимо, должна идти о группе индоиранских племен, оторвавшейся от общего движения, происходившего путем просачивания, скорее всего еще с начала II тыс. до н.э.

Наряду с лингвистическими оценками исследователи обратились к вещественным свидетельствам, прежде всего, к распространению на Древнем Востоке лошадей и колесниц. Вывод в этом отношении как бы следовал за их общим негативным настроением по отношению к «арийской проблеме». Соответственно, лошадь и колесницы определялись как местные явления, не связанные с какими-то вторжениями и переселениями племен. Открытие за последние годы в евразийских степях целой серии элитных гробниц с остатками легких двухколесных экипажей, на чем мы остановимся в дальнейшем, расширяет соответствующую информационную базу. Тем более, что удревнение этих степных комплексов до XX–XVIII вв. до н.э. позволяет вернуться к вопросу об изобретательских приоритетах. Разумеется, достаточно сложная конструкция легких колесниц, особенно их поворотных устройств, требовала развитой технологической традиции, в том числе и столярной. Особенно, если вспомнить достаточно тяжелые телеги с массивными сплошными колесами, которыми издревле пользовались степные племена. Однако наличие специфической терминологии в трактате о коневодстве — непреложный факт, и И.М. Дьяконов, сторонник изобретения колесниц на Древнем Востоке, полагает, что именно индо-иранцы выработали свою, высоко эффективную систему тренировки запряженных в колесницу коней, которая и была, по крайней мере частично, заимствована вместе с соответствующей терминологией (Дьяконов 1970: 53).

На другом конце древневосточной ойкумены, в Индостане основным источником, используемым при изучении индоарийской проблематики, является Ригведа, формирование которой началось, скорее всего, еще до XIII–XI вв. до н.э. (Бонгард-Левин, Ильин 1985: 133). Появлению создателей Ригведы предшествовало распространение своего рода «протоариев» (Burro W.: 1973), носителей группы дардо-кафирских языков, сохраняющихся как своего рода реликты в горных районах. В таком случае речь должна идти о времени до середины II тыс. до н.э., причем кафирская языковая группа являлась наиболее ранней (Harmatta 1992: 357). О характере передвижений свидетельствуют первоначальные значения терминов, применяемых для стран света. Так, пурва-восток первоначально означало «передний», дашина-юг — «правый», а пашчима-запад — «задний». Это свидетельствовало о том, что длительное время продвижение шло с запада на восток, имея юг по правую руку. Топонимика и гидронимика Афганистана свидетельствует о наличии здесь индо-арийского пласта, видимо, оставшегося в этой стране, ныне занятой народами иранской языковой группы, со времени продвижения индо-ариев в Индостан.

Индоиранские заимствования в языках финно-угорской группы свидетельствуют о соседстве индо-иранцев с лесными и лесостепными массивами Евразии, традиционно являвшимися зоной расселения народов этой языковой семьи. Естественно, что эти свидетельства наряду с реконструируемым обликом индоиранцев как пастухов-земледельцев, издавна позволяли считать зоной их первоначального обитания восточноевропейские степи. Отсюда вполне естественно протекало стремление прямого сопоставления с племенами индоиранской языковой группы носителей тех или иных культур, обитавших в этой зоне и далее в казахстанских степях. А.Н. Бернштам, открывший в горах Тянь-Шаня могильник степных племен бронзового века (Бернштам 1952), едва ли не первым высказал мнение, что ариев можно отождествлять с носителями андроновской культуры. Много внимания подобным сопоставлениям уделила Е.Е. Кузьмина, многочисленные публикации которой на эту тему были обобщены в специальной книге (Кузьмина 1994). Новые археологические открытия на Южном Урале и в Поволжье, прежде всего таких памятников, как Синташта (Генинг и др. 1992) и Аркаим (Аркаим 1995), вызвали вполне понятный энтузиазм исследователей, несколько прямолинейно распространившийся и на этнические отождествления в чрезмерно детализированной форме (Григорьев 1996). По существу, здесь как бы повторяется ситуация с «первооткрытием» арийцев на Ближнем Востоке. Следует иметь в виду, что инфор-

мационные возможности археологии велики, но отнюдь не безграничны. Прямолинейная этническая атрибуция древних культур также, добавим, и антропологических типов, часто бывает весьма поспешной. Основной блок познавательных возможностей археологии лежит в сфере культуры, материальную выборку которой и составляет предмет ее исследований. Разумеется, культурогенетические реконструкции в определенной мере приближают к познанию этногенетических процессов, которые зачастую и являются движущей силой процессов, происходящих в сфере культурогенеза. В настоящем сборнике приводятся некоторые археологические материалы, имеющие отношение к индоиранской проблеме, но рассматриваются, в первую очередь, культурогенетические аспекты возможных заключений. Таких блоков вопросов намечается три. Первый — это культурологическая и историческая значимость новейших открытий степной археологии, особо ощутимо проявившихся в Поволжско-Южноуральском регионе. Второй блок — это свидетельства, теперь довольно многочисленные, распространения степных памятников на юг, вплоть до границ южносреднеазиатских цивилизаций бронзового века. И, наконец, третий блок — это компоненты степных традиций, наблюдаемые в культурных комплексах южных цивилизаций.

Итак, первое, на чем следует остановиться, это необычайно яркая картина общества степных племен, обитавших на Среднем Поволжье и Южном Урале в бронзовом веке. Это была пора инновационного взрыва в сфере культурогенеза, и недаром В.С. Бочкарев ставит вопрос о существовании особого волго-уральского очага культурогенеза (Бочкарев 1991). Два открытия были особенно важными — обнаружение круглопланных укрепленных поселений типа Аркаим (Аркаим 1995; Виноградов 1995) и гробниц вооруженной знати с колесницами типа Синташты (Генинг и др. 1992; Васильев и др. 1994).

Аркаим имеет двойное кольцо обводных стен с диаметром внутреннего кольца в 85 м и внешнего — в 143–145 метров (рис. 1). Вдоль стен идет обводной коридор, из которого ведут проходы в жилища, располагавшиеся также по кругу. Исследователи насчитывают во внешнем обводе 39–40 жилищ, во внутреннем — 27. Поселения типа Аркаима были далеко не одиночными. В принципе такими же оказались структура и параметры поселения в Синташте, располагавшегося около знаменитого некрополя и исследованного уже после основных раскопок могильника (Генинг и др. 1992: 17 и сл.). Тщательные разведки и аэрофотосъемка установили, что подобные поселения широко распространены вдоль восточных склонов Урала, охватывая территорию размером 400 х 120 х 150 км. Здесь отмечено пять или шесть поселений, овальных в плане. Имеются и памятники прямоугольной планировки со скошенными углами. Иногда поселения перестраивались, меняя свои очертания, но неизменно следовали четкому плану, исключающему неорганизованную

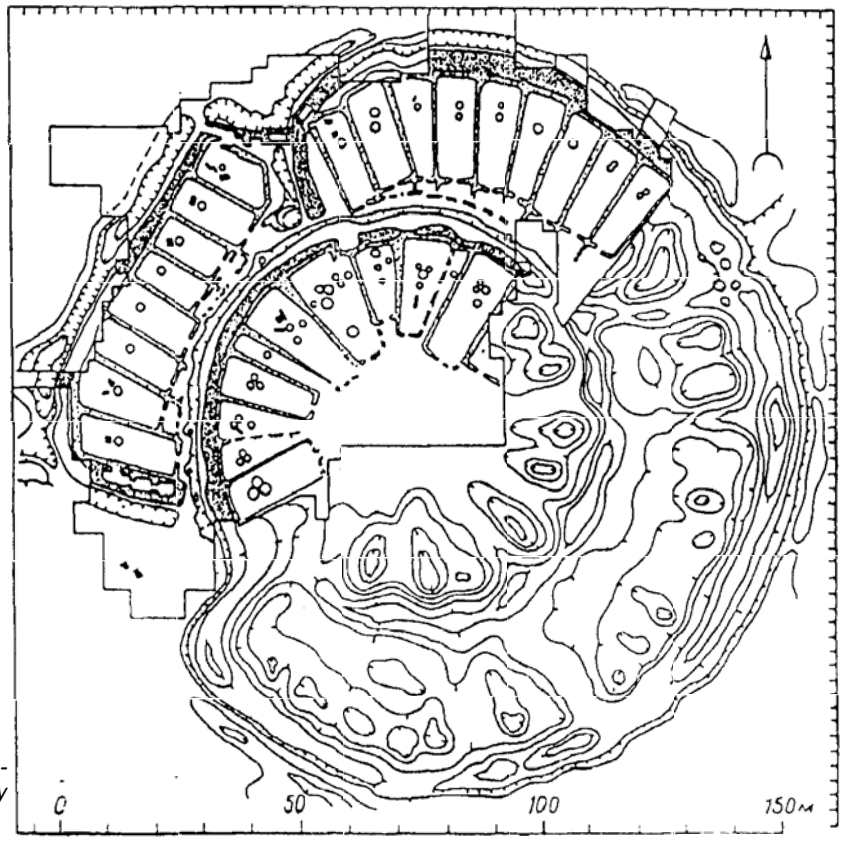



*Рис. 1. Аркаим. План поселения по Г.Б. Здановичу*

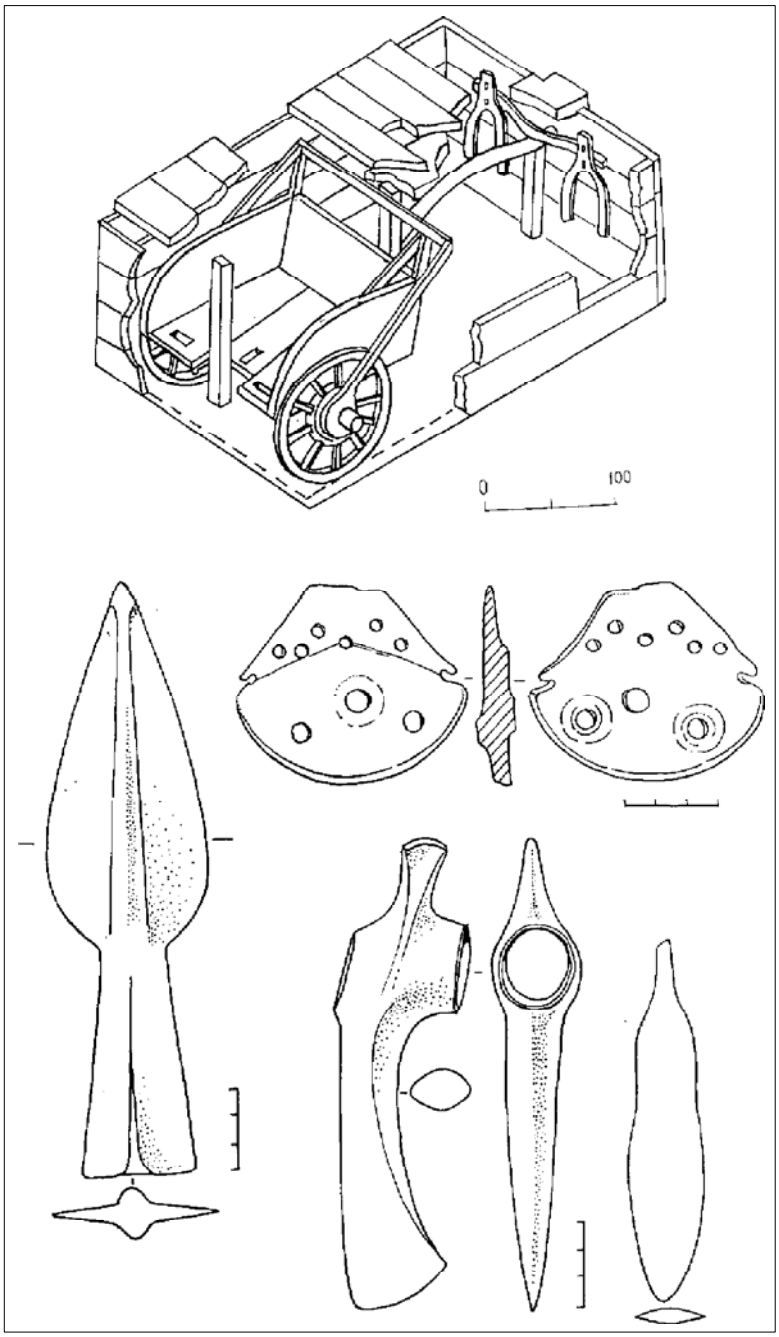



*Рис. 2. Синташта. Реконструкция колесницы, псалии и предметы вооружения из элитных гробниц.*

хаотичность. Ряд памятников этого типа был исследован экспедицией Педагогического института Челябинска. Они, как правило, сооружались по заранее разработанному плану и были достаточно укреплены. Например, на поселении Устье I каркас оборонительной стены составляли бревна, врытые вертикально через равные расстояния. Имелся здесь и обводной ров.

В памятниках этого типа прежде всего обращает на себя внимание заданная организованность. Совершенно ясно, что это заранее спланированные центры, сооружение которых требовало четко организованного и достаточно масштабного труда. Открытие памятников такого типа в зоне, которая для эпохи бронзы считалась относящейся к безбрежным просторам степных скотоводов, вызвало у исследователей естественный энтузиазм. Они обратились к тем возможностям понятийной сетки, которые представлял мало трансформированный к тому времени формационный эволюционизм. Была использована модель протогородской цивилизации, и область наибольшей концентрации памятников в Зауралье даже стала условно именоваться «страной городов». Однако мало оснований видеть в этих памятниках какие-либо урбанистические начала. Небольшие поселки равномерно разбросаны по всей зоне обитания, и нет особых признаков концентрации населе-

ния. Функционально эти поселки немногим отличаются от обычных селищ степной бронзы. Это были места обитания скотоводов и земледельцев, занимавшихся также изготовлением орудий и предметов быта, в том числе и металлообработкой. Следы такой деятельности носят делокализованный характер. Обращает на себя внимание подчеркнутая функция убежища. Видимо, военно-политическая ситуация стимулировала подобную организацию мест обитания, а лидеры общества взяли на себя организационно-управленческую деятельность, выработав тип поселков-крепостей, наиболее отвечающих данным условиям.

Имеются и прямые свидетельства наличия такой лидирующей группы. Первой ласточкой стали раскопки могильника Синташта, что было одним из важнейших открытий свердловской школы В.Ф. Генинга. Синташта представляет собой целый археологический комплекс, состоящий из памятников разного характера. Здесь имеется поселение, овальное в плане, явно следующее стандартам, проявившимся в Аркаиме. Расположен здесь и большой курган сложной конструкции и, видимо, столь же сложных функций. Имеются два грунтовых могильника — большой и малый и смешанный некрополь, в который входили и грунтовые могилы, и столь типичные для степняков курганы. Погребения, имеющие достаточно высокий показатель состоятельности, объединяют две важных черты. Таковы свидетельства культа коня и распространение вооружения, хотя крупные бронзовые изделия, вроде наконечников копий, обычно попадали в руки грабителей, орудовавших, судя по всему, почти сразу же после совершения погребального обряда (Д. Зданович 1995: 48).

В грунтовом могильнике широко представлены большие гробницы, обычно оформлявшиеся как срубы с бревенчатым перекрытием. Военную функцию представляет достаточно устойчивый набор инвентаря: кремневые наконечники стрел, боевые бронзовые топоры и бронзовые втульчатые наконечники копий (рис. 2). Принципиально новым становится способ передвижения этих воинов — в семи гробницах обнаружены остатки легких двухколесных колесниц. Многочисленны находки как псалий, так и самих коней. Имеются полные скелеты лошадей и их части. Нередко скелеты коней числом от 2 до 6 располагались над бревенчатым перекрытием основной могилы (рис. 3). Судя по всему, предпочтение отдавалось парным запряжкам, причем по принципу часть вместо целого в могилы могли быть помещены и головы двух коней, и даже их челюсти.

Как сейчас выясняется, это был типичный обряд, характерный для новой эпохи, наступившей в зоне евразийских степей. Гробницы такого типа открыты в ряде мест в урало-казахстанских степях (Зданович 1988), в Поволжье (Васильев и др. 1994) и даже на среднем Дону (Пряхин и др. 1989; Синюк 1996: 199–203).

Социологическая значимость этих гробниц достаточно ясна. В них погребены лица, занимавшие высокое положение в структуре общества, связанное, прежде всего, с выполнением ими воинских функций. Центральное положение в некрополях и специфические отличия погребального инвентаря по сравнению с рядовыми могилами позволяют видеть в них представителей страты лидеров, вооруженных модным бронзовым оружием и передвигавшихся на колесницах, имевших, скорее всего, парную запряжку. Возможно, их сопровождали колесничие, как это, например, изображено на одном бронзовом поясе из Армении (Массон 1987: 131, рис. 21). В принципе, это был, видимо, устойчивый набор оружия воинов, передвигавшихся на ко-

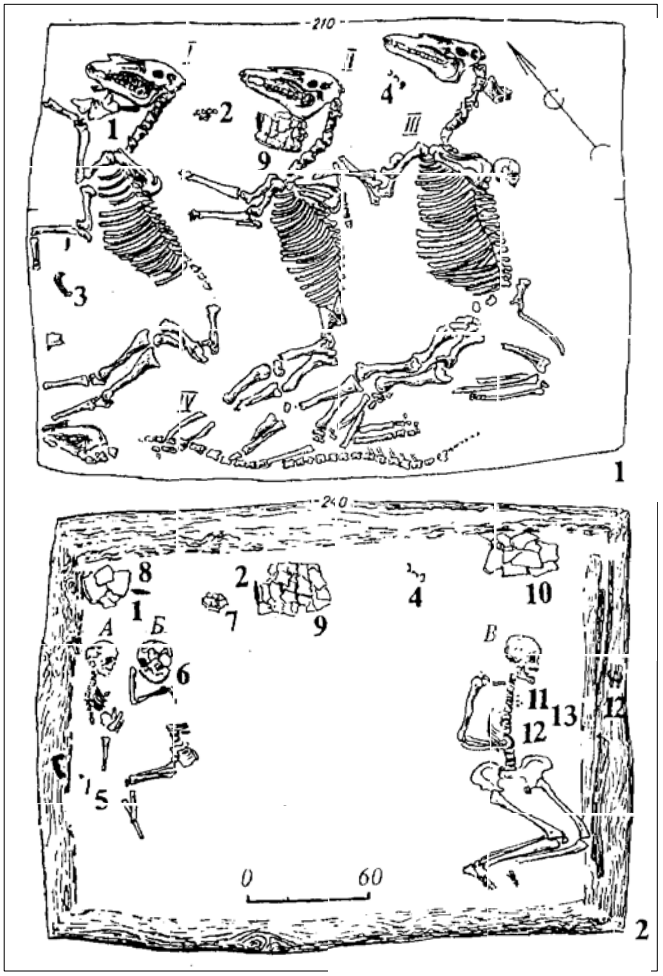



*Рис. 3. План элитной гробницы и план костяков лошадей, расположенных на перекрытии сруба.*

лесницах. В одном из древневосточных текстов приводится перечень вооружения такого воина, где упомянуты два колчана стрел, копья и кинжал (Zaccagnini 1978). Правда, на Южном Урале и в Поволжье, видимо, отдавали предпочтение не кинжалу, а боевому топору.

Находки в гробницах степных лидеров объектов, связанных с металлургией и, в частности, сопел от горнов, скорее всего, подчеркивают полифункциональность власти этой элиты, стремившихся взять под контроль наиболее передовое производство того времени — бронзолитейное дело.

Показательно, что эти социологически однозначные черты проявляются как эпохальные в обществах разных культурных традиций, что видно, прежде всего, в керамических наборах. Этот вопрос подробно рассмотрен в публикуемой в настоящем журнале статье Ю.В. Гончаровой.

Автором было предложено трактовать общество, оставившее памятники этого типа, как раннее комплексное общество, видимо, с олигархической структурой правящей элиты (Массон 1998). Таким образом, новые открытия в зоне евразийских степей свидетельствуют, что здесь в пределах XX–XVIII вв. до н.э., как показывают данные серии радиокарбоновых датировок (например, Кузнецов 1996), наблюдается всплеск социальной активности, скачок в сфере культурогенеза. Общество воинов, передвигавшихся на колесницах, стало играть определяющую роль в этом макрорегионе. Вместе с тем, интересно, что на следующем этапе развития племен степной зоны гробницы этого типа исчезают, признаки социальной иерархии как бы трансформируются, становятся не столь броско выразительными. Имея в виду отсутствие ярких данных о процветающей элите, А.Т. Синюк осторожно пишет: «...археологическая информация в этом плане заметно приглушается» (Синюк 1966: 320). В.С. Бочкарев прямо говорит о социальной деэволюции (Бочкарев 1995). Исчезают лидеры, разъезжающие на колесницах и руководившие возведением круглых поселений-крепостей и явно доминирующие в этой зоне культурно, интеллектуально и, видимо, политически. Упрощением было бы говорить только об уходе активного компонента руководящей элиты за пределы евразийских степей, хотя, как будет показано ниже, такие данные начинают появляться. Скорее всего, это могло быть одним из факторов достаточно обычного для ранних комплексных обществ процесса замедления и стагнации. Но как бы то ни было, культурный и, видимо, политический взлет степных обществ, ярко демонстрируемый на определенном этапе их развития памятниками типа Синташты и Аркаима, несомненен.

Второй блок вопросов культурогенеза связан со свидетельствами распространения комплексов степного типа в Средней Азии. Такие свидетельства в настоящее время весьма многочисленны. Им уделяли особое внимание многие исследователи, особенно многочисленны публикации Е.Е. Кузьминой, обобщившей свои обзоры в книге, увидевшей свет в 1994 г. (Кузьмина 1994). Ряд статей, посвященных этой тематике, приводится и в настоящем журнале.

Следует отметить, что, обнаруживая комплексы степного облика в пределах среднеазиатского региона, исследователи привычно следуют их организации в комплексы и хронологические этапы по разработкам, осуществляемым в нуклеарной зоне евразийских степей, хотя и отмечают то и дело местное своеобразие. Относительная хронология соответствующего археологического материала разрабатывается достаточно успешно со всей большей детализацией и заменой неких глобальных схем конкретной локальной спецификой. Вместе с тем весьма существенно, что происходит в результате серий радиокарбонового анализа удревнение традиционных дат абсолютной хронологии. Так, яркие комплексы типа Синташты, охарактеризованные выше, следует относить к XX–XVIII вв. до н.э. Соответственно должна сдвигаться вся колонка более поздних памятников восточного региона с отнесением (до дальнейших уточнений) Алакуля к XVII–XVI вв. до н.э., Федорово — к XV в. до н.э. и памятников круга Саргара–Алексеевка — к XIV–XIII вв. до н.э.[1] Поскольку основным аргументом в пользу такой длинной хронологии стали результаты радиокарбонового анализа, в литературе прозвучал определенный скепсис в отношении них в связи с определенным разбросом получаемых датировок (Епимахов 1977). Однако как будто эти заглубляющие датировки подтверждаются и типологическими сопоставлениями с более западными европейскими комплексами, датирование которых производилось по независимым линиям, а не только на основании одних результатов радиокарбоновых определений. Разумеется, предстоит большая работа по стыковке с хронологическими схемами, принятыми для урбанизированных культур юга Средней Азии (которые традиционно продолжают схему, предложенную автором этих строк тридцать лет назад), приходящими в противоречие с хронологическими построениями ученых, разрабатывающих вопросы хронологии культур Индостана. Возможно, эти традиционные датировки оседлых культур юга придется несколько углубить, возвращаясь к длинной хронологии Д. Макакуна, которой автор предпочел в свое время схему, выдвигавшуюся Г. Чайлдом (ср.: Массон 1981: 94–95). Пока характеристика степных комплексов среднеазиатской зоны будет даваться на основе схемы археологической систематики, которая в плане относительной хронологии остается вполне надежной (рис. 4).

[1] Автор выражает признательность В.С. Бочкареву за соответствующую консультацию.

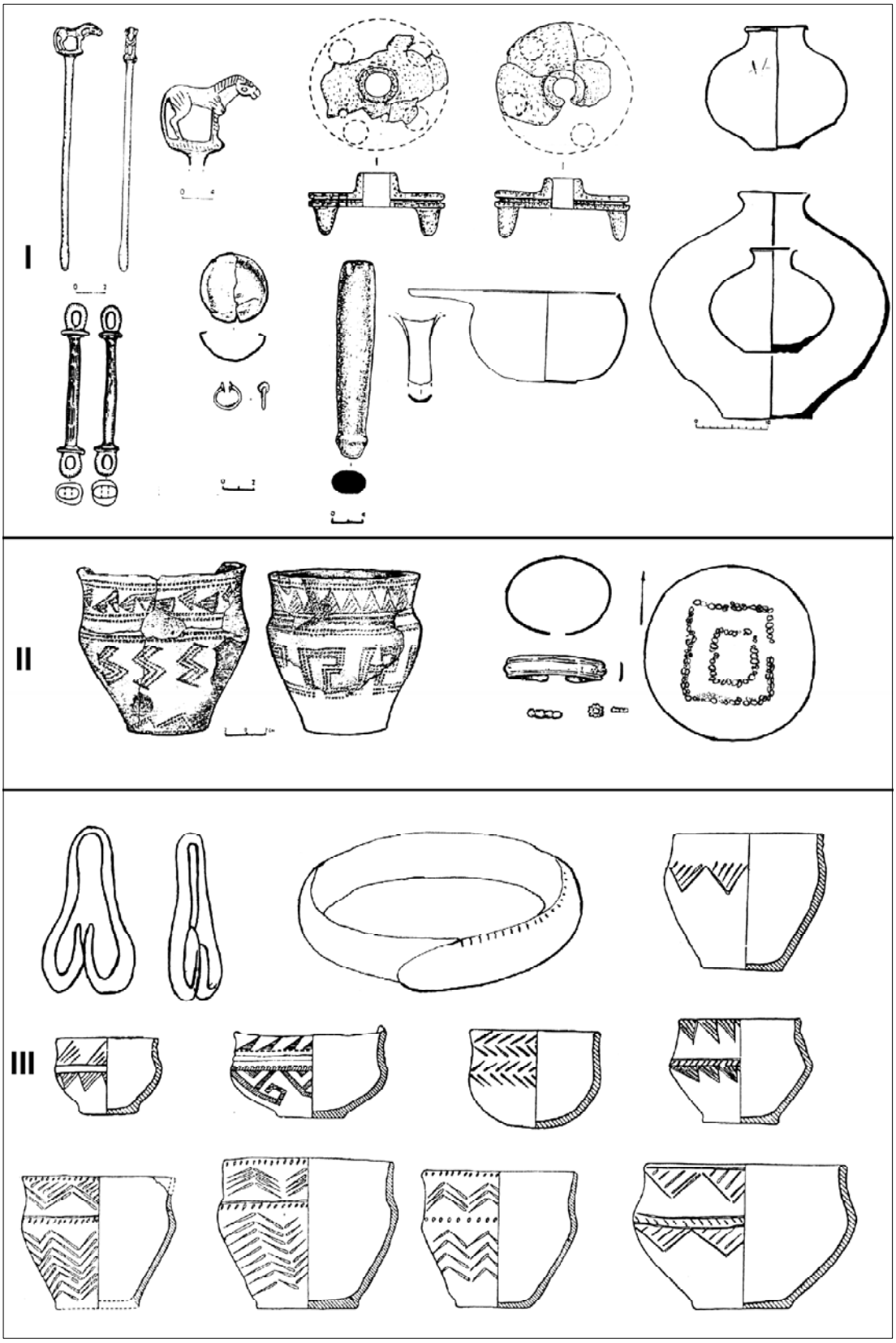



*Рис. 4. Комплексы степного типа в Средней Азии: I — Шардчахалифа; II — Арпа; III — Тазабагьяб.*

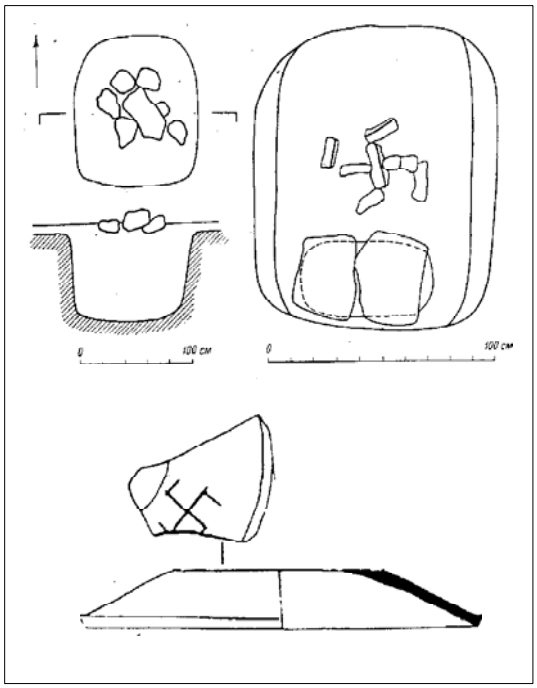



*Рис. 5. Каменная выкладка в форме свастики в Тулхарском могильнике и изображение свастики на гончарной керамике из Джаркутана.*

Наиболее ранним памятником является гробница Зардчахалифа на верхнем Зеравшане, которой в настоящем журнале посвящена статья С. Бобомуллоева (первая публикация см.: Бобомуллоев 1993). Она обнаружена в ходе хозяйственных работ, и можно лишь говорить, что это была крупная могильная яма, возможно, имевшая частичную каменную обкладку. Рядом со скорченным костяком усопшего располагался скелет барана. В состав погребального инвентаря, располагавшего в стороне от погребенного, входили 32 предмета, в том числе три сосуда, сделанных на гончарном круге, золотые и бронзовые украшения, включая булавку с навершием в виде фигуры лошади. Последний тип изделий достаточно типичен для ареала высокоразвитых культур юга, но изображение именно лошади является уникальным и указывает на степные связи. Это полностью подтверждается находкой шести костяных псалий, идентичных аналогичным изделиям из комплекса круга Синташты. Они указывают на сравнительно раннюю датировку в пределах XX–XVIII вв. до н.э., может быть, с учетом запаздывания на время распространения из приуральских областей, на конец этого этапа. Керамические сосуды, по справедливому заключению С. Бобомуллоева, принадлежат к числу предметов сапаллинской культуры, как он полагает, к ее джаркутанскому или второму этапу. Отметим, что более близкие аналогии один из этих сосудов имеет в комплексе раннего Сапалли. Во всяком случае, это одно из свидетельств весьма ранних контактов со степным миром. В этой связи можно вспомнить, что Н.А. Аванесова сообщала о находке в Саразме, находящемся в том же районе, что и Зардчахалифа, керамики петровского типа с шагающей гребенкой (Аванесова 1987: 55). Она появляется на местной посуде лишь в пору развития культурного синкретизма степных и урбанистических традиций (рис. 5). Затем ею было открыто и частично раскопано поселение Тугай, расположенное на первой террасе Зеравшана, в 18 км к востоку от Самарканда (Avanessova 1996). Здесь, помимо остатков двух углубленных в землю жилищ прямоугольного плана, были отмечены и следы металлургического производства. Керамика петровского типа при некотором местном своеобразии не оставляет сомнений в ее идентичности североказахстанским комплексам (рис. 6).

К числу ранних находок можно отнести черепок лепного сосуда степного облика, найденный в Шортугае в верхних слоях хараппского периода (см. Кузьмина 1994: 234), тогда как основные находки керамики этого облика на данном памятнике сосредоточены в слоях, связанных уже с культурой Сапалли, а выше — с Вахшской культурой (Frankfort 1989).

Возможно, сравнительно ранними окажутся и погребальные памятники, открытые на юге Таджикистана и выделенные А.М. Мандельштамом в Бишкентскую культуру (Мандельштам 1966). Она была отнесена к XIV–XIII вв. до н.э. Здесь две особенности резко выбиваются из устойчивой традиции раннеземледельческих погребальных обрядов юга Средней Азии и всего соответствующего макрорегиона. Это трупосожжение и выкладка из камней фигуры в виде свастики. Это элементы, чуждые всем местным традициям. При всем орнаментальном богатстве культур расписной керамики юга там нет прямых изображений свастики. Правда, трудно найти прямые аналогии раннетулхарским погребениям и в степном мире, хотя кремация в той же андроновской культурной общности представлена в Центральном Казахстане, начиная с раннего, нуринского этапа и позднее сохраняет свое значение, несмотря на распространение обряда трупоположения.

Позднее свидетельства наличия в Средней Азии комплексов степного типа или их компонентов становятся все более многочисленными, и они захватывают практически всю территорию региона от Каспия до Памира.

При этом в более западных областях налицо свидетельства связей, да и прямого проникновения племен Поволжья. Таковы прежде всего открытые А.М. Мандельштамом в Юго-Западной Туркмении погребения, срубные по обряду, но, правда, с маловыразительной и трудно культурно диагностируемой керамикой (Мандельштам 1966). Одним из первых культурных проявлений зоны степей, открытых в среднеазиатской археологии, была тазабагьябская культура, первоначально выделенная С.П. Толсто-

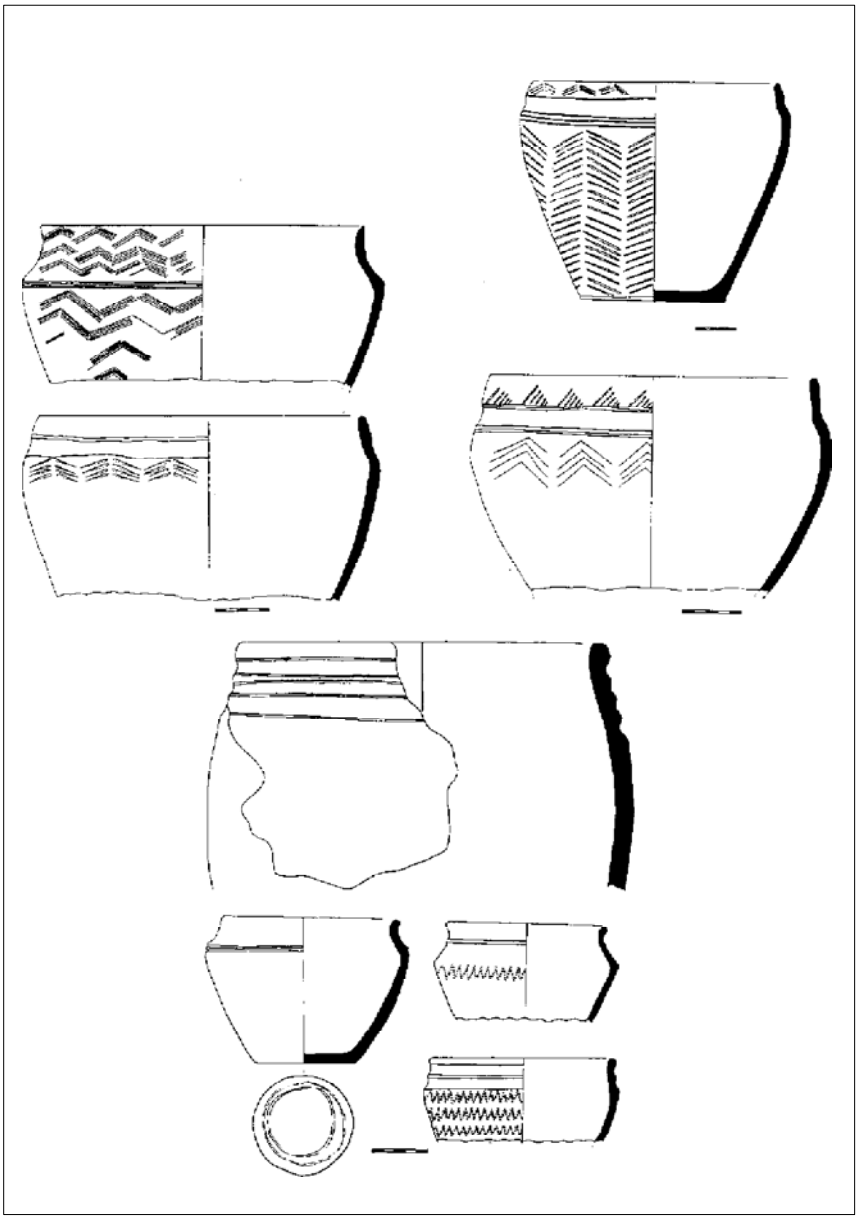


*Рис. 6. Степная керамика из верхнезеравшанского поселения Тугай (по Н.А. Авенесовой).*

вым по весьма ограниченному подъемному материалу (Толстов 1948: 66 сл.). Интуиция не подвела исследователя, и вскоре его экспедиция открыла и полностью раскопала целый могильник Кокча 3 (Итина 1961), а затем и большую серию весьма примечательных поселений (Толстов 1962: 47 сл.; Итина 1977). Подробно рассмотревшая материал могильника Кокча 3 М.А. Итина не без оснований пишет, что при общих андроновско-срубных связях наиболее активную роль играли срубные компоненты, и это хорошо видно на примере бронзовых височных подвесок достаточно специфического облика (Итина 1963: 89). Поразительным фактом стало установление основ хозяйственной деятельности тазабагьябцев. Бывшие степняки, они стали заниматься в первую очередь поливным земледелием. Их каналы стали провозвестником будущей развитой ирригации древнего Хорезма. При этом сам облик материальной культуры Тазабагьяба в полной мере оставался степным. Позднее, возвращаясь к этой проблематике, М.А. Итина подчеркнула, что чисто срубных комплексов в низовьях Амударьи нет и что тазабагьябские памятники можно включать в смешанный срубно-алакульский культурный ареал (Виноградов и др. 1986: 148, 151).

Тазабагьябское население освоило область низовьев Амударьи, ранее занятую неолитическими племенами охотников и рыболовов кельтеминарской культуры. Более южные пункты соответствующих находок связаны уже с окраинными районами оседлых урбанистических цивилизаций, а иногда и прямо включены в культурные слои соответствующих памятников. Более полный обзор этих материалов представ-

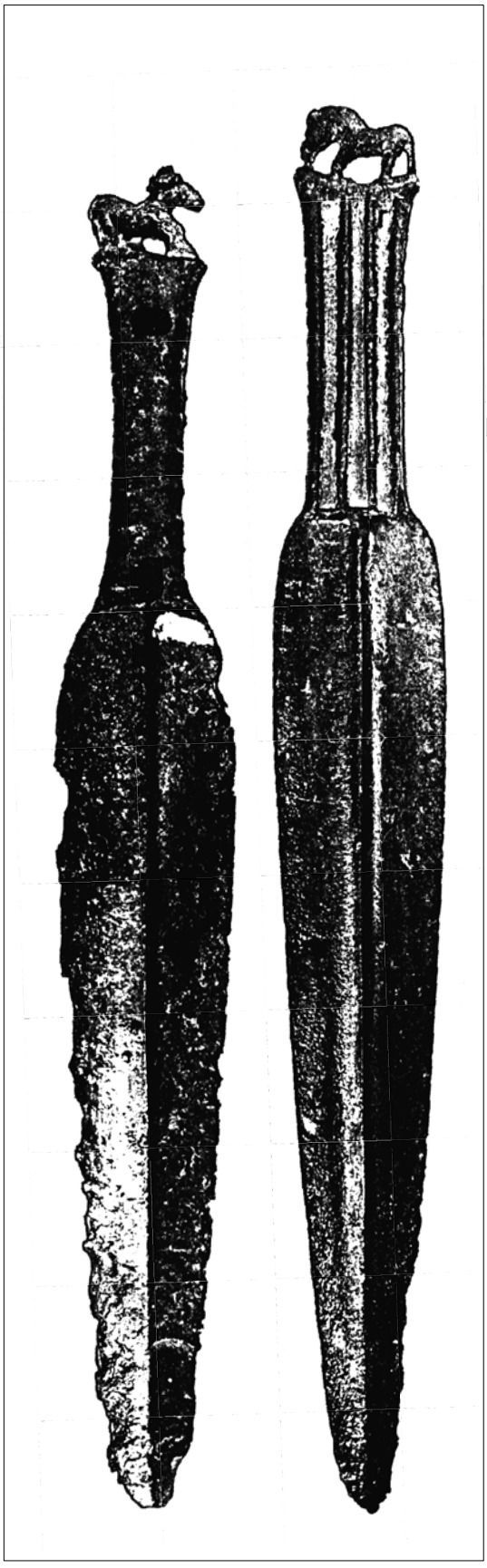


*Рис. 7. Кинжалы с навершиями в виде фигур лошадей из Северной Киргизии.*

лен статьей Ю.Г. Кутимова. Находки здесь сосредоточены в двух районах — в подгорной полосе и в дельте Мургаба, области, которая у античных авторов известна как Маргиана. Самые ранние разрозненные находки в Анау и в дельте Мургаба как будто могут быть отнесены к алакульскому времени. Наиболее позднюю, весьма многочисленную группу Ю.Г. Кутимов считает возможным относить по систематике степной зоны к саргари-алексеевскому типу, что частично близко заключению Е.Е. Кузьминой (Кузьмина 1944: 232), хотя она в целом предпочитает срубные аналогии. Особенно многочисленны находки соответствующей керамики в дельте Мургаба, где она представлена как в культурном слое оседлых поселений с культурой урбанистического характера (Массон 1959; Сарианиди 1975), так и вне их, на местах расположения временных стоянок. Скорее всего, появление нового населения с культурой степного облика было связано с продвижением его из Хорезма, где тазабагьябские общины образовывали устойчивую культурную группу с достаточно развитой экономикой, связанной с поливным земледелием. Вместе с тем на поселениях подгорной полосы находки лепной посуды степного облика порой столь многочисленны, что позволяют предполагать наличие в числе его обитателей определенной части лиц, пользующихся этим видом керамических изделий. В восточных областях среднеазиатского региона аналогии степным материалам уходят в значительной мере в северном направлении, в области Казахстана.

Соответствующие материалы, происходящие из Северной Киргизии, Е.Е. Кузьмина даже предлагала выделить в особый вариант андроновской культуры — семиреченский (Кузьмина 1970; см. также Кузьмина 1994: 229 сл.). Одно поселение здесь относится к алакульскому времени, но основная масса материалов сопоставляется уже со стадией Федорово, что, в частности, видно по широкому распространению обряда кремации и характерной керамики от высокогорного Арпа (Бернштам 1952: 19–22) до равнинных некрополей. Здесь весьма многочисленны различного вида бронзовые изделия как из случайных находок, так и целых кладов. Примечательны относительно редкие находки кинжалов с навершиями, оформленными как фигуры лошадей (рис. 7), что достаточно четко вписывается в сеймино-турбинскую традицию (см., например, Кузьмина 1994: 55, 4).

Н.А. Аванесовой был поставлен вопрос о выделении особого, зеравшанского варианта степной бронзы (Аванесова 1985). В территориальном отношении это достаточно логично, но в культурном плане сами памятники пока единичны и достаточно разнообразны. Так, несколько погребений Муминабада дают степной обряд, керамику степного круга и такие зеркала

и украшения, в том числе височные кольца, обтянутые золотой пластиной (Аскаров 1966). На верхнем Зеравшане в районе Пенджикента, где была открыта гробница Зардчахалифа, раскапывался целый могильник Дашты-Козы, где представлена лепная керамика степного круга, относимая исследователями ко времени Тазабагьяба, и украшения степного круга, в том числе золотые серьги с раструбом. Погребения совершены по обряду ингумации, но сам обряд весьма отличен от степных традиций. Здесь были распространены подбойно-катакомбные захоронения, типичные для оседлой культуры Сапалли. Вместе с тем, налицо и культ огня, который совершенно не характерен для культовой практики оседлых культур юга. Во всех могилах есть следы кострищ, а на площади некрополя выявлены большие ямы со следами неоднократного разведения огня.

Несколько отличаются от Дашты-Козы и Муминабада погребения и развеянные стоянки степного круга, обнаруженные в низовьях Зеравшана (Гулямов и др. 1966: 187 сл.). Орнаментированная лепная керамика здесь близка тазабагьябской посуде и так же как и в Кокче 3 представлены бронзовые височные подвески, близкие материалам из могильников Поволжья (Гулямов и др. 1966: табл. XXIII, I). Возможно, низовья Зеравшана, так же как и низовья соседнего Мургаба, осваивались тазабагьябскими племенами, расселявшимися из районов древней дельты Амударьи, где, перейдя к ирригационному земледелию, они обеспечили заметный рост численности популяции.

Достаточно отчетливы свидетельства культурного синтеза в юго-западном Таджикистане, где имеются и четкие свидетельства прямой инфильтрации степных комплексов. В Северном Афганистане, соответствующем Южной Бактрии античных историков, фрагменты лепной керамики степного облика происходят из развеянных стоянок, теснящихся, как и в Маргиане, по периферии оседлых оазисов (Сариниди 1977: 141, рис. 66). В керамических материалах налицо федоровские традиции, доживающие почти до времен раннего железа. Но наиболее примечательна здесь Вахшская культура, как бы синтезировавшая традиции степей и оседлых цивилизаций юга. Рассмотрение проявлений такого синтеза будет осуществлено в дальнейшем изложении. Если суммировать обзор свидетельств распространения степных культур и их компонентов в Средней Азии, то прежде всего обращает на себя внимание их пришлый характер. Повсюду они не имеют местных истоков, а как бы перекрывают зоны, освоенные неолитическими охотниками и рыболовами — кельтеминарской культурной общности и племенами Центральной Ферганы, образующими специфическую в культурном отношении локальную группировку. Какие-либо генетические связи с предшественниками, чьи территории были заняты носителями культуры степного круга, практически не обнаруживаются. Показательна концентрация памятников степного круга в южном Таджикистане, где, как справедливо это подчеркивает Л.Т. Пьянкова, природные условия благоприятствовали круглогодичному выпасу скота. Особое значение именно горных пастбищ подчеркивает и авестийская традиция. В гимне Михар-Яшт описывается, как Митра, достигнув вершин гор, откуда бегут многочисленные реки к основным оседлым областям от Согда до Маргианы, взирает на «весь арийский край». Показательна и следующая характеристика района местопребывания этого воинственного божества: «где на горах высоких, укромных полных пастбищ пасется скот привольно» (Авеста 1990: 67). В тех случаях, когда эти условия не были столь благоприятными, наблюдается поразительное смещение хозяйственных акцентов: степные пастухи и земледельцы ориентируются, в первую очередь, на поливное земледелие (Тазабагьяб). Поскольку пришлые комплексы в зоне евразийских степей имеют достаточно сложную, но, в принципе, бесспорную линию генетического развития, следует заключить, что имело место передвижение из этой зоны населения, принесшего в Среднюю Азию свои традиции в обрядовой практике и в сфере материальной культуры. Формируются оригинальные двухкомпонентные культурные комплексы. Их характеристика и составляет третий блок вопросов, связанных с рассмотрением процесса культурогенеза.

Это проблема формирования сложных, двухкомпонентных комплексов, объединяющих степные и урбанистические традиции, и вопросы интеграции степных компонентов в саму культуру и культурные традиции урбанистических цивилизаций юга. Смена в обширной северной зоне Средней Азии архаических обществ охотников и рыболовов степными группировками скотоводов и земледельцев с более высоким культурным статусом безусловно меняла ситуацию взаимодействия высокоразвитых центров южных цивилизаций и их ближайших северных соседей. Большую роль безусловно играла и инерция продвижения степняков на юг, оказывавшая воздействие и на оседлые оазисы и урбанистические центры. Свидетельства определенного взаимодействия этих двух историко-культурных зон можно обнаружить и в евразийских степях — таковыми считаются находки бирюзовых бус уже в памятниках петровского времени, то есть синхронных Синташте (Аванесова 1987). Обнаружена в степных памятниках и гончарная керамика южного производства, видимо, ставшая там предметом экзотического импорта.

Бесспорным свидетельством северных воздействий можно считать появление в Средней Азии домашней лошади и распространение культа коня (рис. 8). Н.М. Ермолова установила

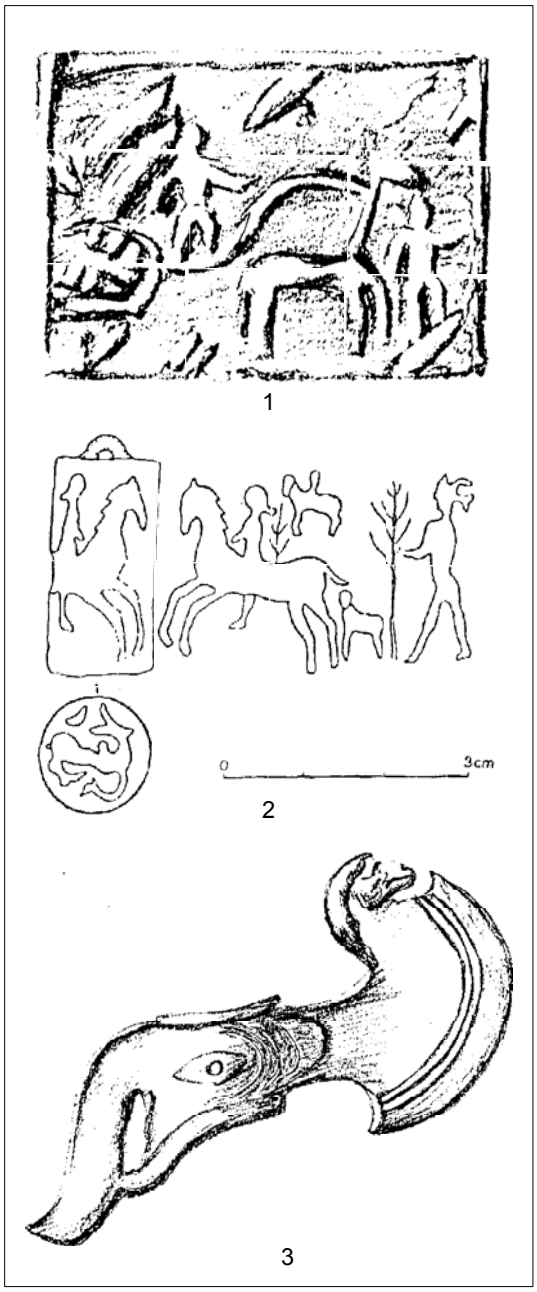



*Рис. 8. Изображение лошадей в комплексах урбанистических цивилизаций: изображение колесницы на цилиндрической печати из Гисара III B; сцена с лошадью на цилиндрической печати из Гонура (Маргиана); парадный топор с изображением лошади из Северного Афганистана (Бактрия).*

наличие костей домашней лошади на маргианском поселении Келлели, которое является одним из наиболее ранних в этой области и относится ко времени позднего Намазга V (Ермолова 1986: 116–117). Видимо, по крайней мере с 2000 г. до н.э. лошадь прочно входит в жизнь и быт древних цивилизаций юга. Цилиндрическая печать с воспроизведением колесницы с конной запряжкой происходит из погребения Гисар IIIB (Schmidt 1937: fig. 118, 4892). Изображение коней мы видим на другом цилиндре, найденном в Маргиане. Сама форма цилиндрической печати безусловно восходит к традициям месопотамской глиптики, но в данном случае на торцовой стороне цилиндра выгравировано изображение животного, что, как отмечает В.Н. Сарианиди, является специфическим приемом маргианской школы глиптики (Сарианиди 1986: 44). О распространении на территории Киргизии кинжальных клинков с навершиями в виде фигур коней уже говорилось выше. Исключительное значение для характеристики процессов культурного синтеза имеет булавка с зооморфным навершием из Зардчахалифа. Сам тип такого изделия весьма обычен для южных цивилизаций и абсолютно не известен в евразийских степях. В равной мере на юге абсолютно неизвестно использование образа коня для подобного навершия. Там преобладают козлы, бараны, джейраны, а иногда и целые сцены вроде доения коровы с подпуском теленка. Совершенно ясно, что именно северные связи, а, скорее всего, и само проникновение степного населения со своими идеологическими концепциями и представлениями сформировали своего рода социальный заказ мастерам, изготовившим это изделие. В Южной Бактрии найден церемониальный топор, навершие которого воспроизводит голову коня (Amiet 1986: fig. 167).

Об активно идущем процессе культурного синтеза и взаимной ассимиляции свидетельствует появление как бы двухкомпонентных комплексов, наиболее ранним среди которых является то же погребение в Зардчахалифа. Усопший был захоронен в сопровождении предметов, отражающих две культурные традиции — местную, оседлую и пришлую степную. К последней относятся характерные костяные псалии, упомянутый образ коня, использованный местными ремесленниками, и, возможно, каменная обкладка гробницы, хотя она в значительной мере оказалась разрушенной хозяйственными работами. Традиции оседлой цивилизации круга Сапалли представляют керамические и бронзовые сосуды, а, возможно, также и золотые, хотя последние пока не известны в некрополях сапаллинского круга, где к настоящему времени не обнаружено погребений столь высокого элитного положения усопшего. Показательна находка шести костяных псалий, видимо, подразумевающих использование трех взнузданных коней, и отсутствие такого характерного для гробниц синташтинского круга оружия, как копья и стрелы с кремневыми наконечниками. Видимо, это свидетельствует о том, что помещаемые в гробницу псалии, указывающие, скорее всего, на использование коней в запряжке колесниц, необязательно связаны с воинским статусом. Это могло в более общем плане подчеркивать особое положение погребенного, который мог применять такой способ передвижения в повседневной жизни.

Позднее в том же верхнезеравшанском рай-

оне мы видим дальнейшее взаимопроникающее сочетание традиций, дающих новое и достаточно устойчивое культурное явление. Это могильник Дашты-Козы, достаточно тщательно исследованный Т.М. Потемкиной (Исаков, Потемкина 1989). Захоронения совершались в ямах с катакомбами или подбоями, то есть по типичному обряду носителей культуры Сапалли. Вместе с тем, налицо и устойчивые свидетельства значительной роли огня в заупокойных церемониях. Во всех погребениях есть следы кострищ, а на площади некрополя выявлены большие ямы со следами неоднократного разведения огня. Это совершенно не характерно для Сапалли и одновременных ему центров южных цивилизаций и явно указывает на практику, обычную для евразийских степей. В погребальном инвентаре Дашти-Козы сочетаются гончарные сосуды южной традиции и лепная керамика, в орнаментации которой исследователи усматривают воздействие позднеалакульских и алексеевских традиций. Смешанным оказалось и население, оставившее этот могильник — здесь налицо особи средиземноморского типа, к которому принадлежали все южные племена, и особи андроновского антропологического типа.

На основе симбиоза этих двух культурных традиций формировались и целые культуры, как это можно видеть на примере Вахшской культуры юго-западного Таджикистана (Пьянкова 1989). Синтез здесь еще более выразителен. Погребения следуют сапаллинской традиции и совершаются в катакомбах и подбоях. Вместе с тем налицо и такая чисто степная черта, как курганные насыпи и кольцевые каменные обкладки. О степных чертах в погребальном инвентаре уже не приходится говорить. Вместе с тем достаточно интересен керамический комплекс. Он, в основном, представлен сосудами, следующими по форме сапаллинским прототипам, но в отличие от них изготовленными без помощи гончарного круга. В сосудах степного типа налицо воздействие традиций федоровского этапа.

Судя по всему, формы культурной ассимиляции, отражаемой в культурном обряде, были достаточно подвижны и разнообразны. В том же юго-западном Таджикистане, но уже в районе Гисарской долины, ближе к основным центрам сапаллинского общества исследован могильник Куйсай (Виноградова, Пьянкова 1990). Погребения здесь подбойно-катакомбного типа, но нет каменных обкладок и курганных насыпей. Вместе с тем по типам керамики исследователи относят его скорее к кругу выделяемого Н.А. Аванесовой зеравшанского варианта андроновской культуры, чем к собственно к культуре Сапалли (Виноградова, Пьянкова 1990: 110). Однако в отличие от Дашли-Козы андроновский антропологический тип здесь не представлен, все погребенные принадлежат к восточносредиземноморскому типу. Видимо, здесь местное население было достаточно полно охвачено культурной ассимиляцией.

Весьма показательны и черты такой ассимиляции в памятниках самой сапаллинской культуры, расположенных в северной Бактрии вне зоны прямых контактов со скотоводческим населением степного облика, осваивавшего горные массивы с круглогодичным выпасом. Неоднократно обращавшийся к этим вопросам А. Аскаров отмечает целый ряд степных компонентов, изучавшихся им сапаллинских памятников (Аскаров 1987; 1990). Таковы, прежде всего, инновации в погребальном обряде, где в общих некрополях появляются могилы со следами трупосожжения (Аскаров, Абдуллаев 1983: 49) и в каменных ящиках. Они относительно немногочисленны, но могут свидетельствовать о вхождении в состав местного населения инокультурного компонента, придерживающегося традиционных обрядов даже на общих с аборигенами некрополях. Имеются в комплексе оседлоземледельческой культуры бронзовые изделия и глиняные сосуды степного типа. По крайней мере на определенном этапе развития культуры Сапалли вырабатывается сложный заупокойный ритуал с использованием огня, как об этом свидетельствуют раскопки могильника Бустан IV, тщательно проведенные Н.А. Аванесовой (Аванесова 1995). Захоронения совершались в подбоях или катакомбах, а также в овальных или подпрямоугольных ямах. Все могилы на поверхности отмечены каменными выкладками, в чем следует видеть использование степных традиций. Представлены обряды как ингумации, так и кремации. С последней был связан особый сакральный центр, включавший камеры для кремации, кострища многократного использования и алтари. Последние исследовательница по тонким полевым наблюдениям считает возможным функционально подразделить на алтарь для возлияний, алтарь для ритуальных трапез и алтарь-жертвенник. В принципе ничего подобного неизвестно ни на юге, ни в евразийских степях, и совершенно ясно, что с использованием разных традиций, прежде всего, особой роли огня в погребальных культах, создается новый и достаточно четкий ритуал. Показательна находка фрагмента сосуда, опять-таки степного круга — дандыбай-бегазинского типа с пастовой инкрустацией. Видимо, контакты со степной зоной, а, возможно, и прямое проникновение из нее отдельных групп населения продолжалось едва ли не все второе тысячелетие до н.э., поскольку соответствующие памятники в Казахстане датируются X–VIII вв. до н.э.

Таким образом намечаются общие контуры процесса культурогенеза, связанного со взаимодействием степных культур и южных цивилизаций. Бесспорно продвижение нового населения из зоны евразийских степей, происходившее, видимо, на протяжении всего II тыс. до н.э.

и ставшее особенно широким во второй его половине. Это было не массовое переселение или вторжение, а постепенное перемещение отдельных групп, своего рода просачивание, хотя и не исключены периоды концентрированных и руководимых передвижений. По периферийным областям южных цивилизаций, а также, видимо, и в самой их среде активно развиваются процессы культурного синтеза, которые в самих периферийных областях ведут к формированию комплексов и культур двухкомпонентных в своей основе, включая даже такой консервативный ко всяким инновациям компонент, как погребальный обряд. Это формирование хорошо представлено на верхнем Зеравшане могильником Дашти-Козы, где двухкомпонентен даже антропологический состав населения. Классическим примером симбиоза являются памятники Вахшской культуры, в могильниках которых подбойно-катакомбный обряд, принятый в соседней местной цивилизации Сапалли, сочетается со степными традициями создания надмогильной курганной насыпи с каменной кольцевой оградой. А.А. Аскаров даже полагал, что речь должно идти о прямом освоении сапаллинцами новых мест обитания, где они в своей хозяйственной деятельности стали отдавать предпочтение скотоводству (Аскаров 1973: 128–129). Но, скорее всего, имел место культурный и, видимо, этнический синтез, тем более что носители Вахшской культуры наряду с прямым использованием гончарной керамики, видимо, импортированной из сапаллинских центров, в основном изготовляли глиняную посуду, следующую этим формам, но сделанную уже без помощи гончарного круга.

Все это позволяет в самом общем плане сопоставлять продвижение населения из евразийских степей на юг, восстанавливаемое на основании данных археологии, с реконструируемым по другим источникам расселением племен индо-иранской языковой группы.

Разумеется, речь не должна идти о каких-то прямых сопоставлениях, которыми зачастую склонны увлекаться археологи, удручаемые молчаливым характером своего основного источника — памятников материальной культуры. Уже сами археологические материалы указывают, насколько сложна была реальная картина этих событий, когда передвижения могли происходить из разных центров, осуществляться носителями культурных традиций, имеющими локальное своеобразие и создающими на новых местах обитания культурные комплексы, внимательное изучение которых свидетельствует об их значительном разнообразии. Разумеется, количество таких свидетельств будет увеличиваться по мере нахождения новых материалов и их более тщательного изучения. Да и данные лингвистики далеки от представлений о некоем монолитном единстве носителей этих языков. Так, в районы Индостана одними из первых продвигались племена кафирской языковой группы (Harmatta 1992), а затем — лардской. Могли быть и другие лингвистические группировки, как в индо-арийской, так и в ираноязычной среде.

Показательно сближение итоговых формулировок, которые можно предложить на основании данных археологии и выводов историков и лингвистов, которым большинство этих данных было абсолютно неизвестно. Так, И.М. Дьяконов писал, что речь должна идти не о внезапном индоарийском нашествии, а «об отдельных передвижках, разделенных между собой поколениями» (Дьяконов 1989: 384). Я.Харматта также говорит, что, скорее всего, можно говорить о слабой инфильтрации отдельных групп, а не о массовой миграции, которая, возможно, могла иметь место к концу этого процесса (Harmatta 1981: 82). Показательно, что И.М. Дьяконов, исходя из общих историко-лингвистических реконструкций, давно высказывал мнение, что носители оседлых культур типа Намазга VI и им подобных «почти наверняка были индоираноязычными» (Дьяконов 1971: 31; см. также Дьяконов 1960).

Особенно важным является вопрос о взаимодействии продвигающихся степняков и цивилизаций юга Средней Азии и северного Афганистана, открытие которых было одним из ярких событий восточной археологии второй половины XX века. Целый ряд общих черт этих археологических комплексов, характеризующий высокий уровень местных культур урбанистического облика, позволил предложить объединять их в группу или блок цивилизаций протобактрийского типа по имени древней Бактрии, одного из ведущих центров древневосточной ойкумены (Masson 1988). В рамках этого блока речь может идти и о локальных формопроявлениях начиная с наиболее древней, развивающейся на основе местных раннеземледельческих обществ цивилизации Алтын-депе (Массон 1981). Такими же путями на основе пласта местного раннеземледельческого общества формируется и цивилизация Тепе Гисара, объединяющая памятники, расположенные в долине р. Гюрген, древней Гиркании. Советским исследователям принадлежит честь открытия и более восточных центров этого блока, в том числе и на территории Бактрии. Это было осуществлено узбекистанской экспедицией под руководством А.А. Аскарова (Аскаров 1973; 1977) на правом берегу Амударьи (Северная Бактрия) и отрядом Советско-афганской археологической экспедиции под руководством В.И. Сарианиди на левом берегу, в Бактрии Южной (Сарианиди 1977). В.И. Сарианиди даже предложил объединить эти памятники в бактриано-маргианский археологический комплекс. Видимо, речь должна идти отдельно о цивилизации Бактрии бронзового века с двумя локальными группировками: Дашлы на левом правобережье Амударьи

и Сапалли на правом берегу (Массон 1986). А.А. Аскаровым разработана и схема археологического членения комплексов типа Сапалли на четыре этапа — сапаллинский, муллалинский, джаркутанский и бустанский, приближающий нас уже к эпохе раннего железа. Первые поселения бронзового века Маргианы были обнаружены в 1955–1956 годах, и среди них были выделены две хронологические группировки — ранняя, типа Аучин, и поздняя, типа Тахирбай 3 (Массон 1959: 12–28). В принципе такое деление подтвердилось, и В.И. Сарианиди именует ранние памятники типом Гонур и более поздние — типом Тоголок (Sarianidi 1981). Затем И.Масимовым была открыта группа поселений Келлели, оказавшаяся наиболее ранней в дельте Мургаба и имеющая прямые аналогии в материале верхних слоев Алтын-депе или позднего Намазга V по южнотуркменистанской археологической систематике (Масимов 1979). Имеются и иные терминологические предложения. Известный американский исследователь К. Ламбер-Карловский и его ученики предпочитают говорить о «цивилизации Окса» (Lamberg-Karlovsky 1994, 1996) по античному названию Амударьи, по берегам которой расположена Бактрия, но в стороне находится Маргиана.

И в Бактрии, и в Маргиане соответствующие археологические комплексы не имеют, в отличие от Алтына и Гисара, генетических предшественников и являются, судя по всему, результатом экспансии носителей культуры типа Намазга V, постепенно осваивающих восточные области с формированием там естественных локальных формопроявлений. Этот вопрос подробно рассмотрен А.А. Аскаровым (Аскаров 1973: 118 сл.). В.И. Сарианиди, исходя от отдельных аналогий экстраординарным типам артефактов, предпочитает видеть источником происхождения маргианских и бактрийских комплексов центральноиранские оазисы (Сарианиди 1987). Вместе с тем, нельзя не признать, что по основным показателям массовой обыденной культуры от керамики до сырцового кирпича налицо развитие местных традиций. К. Ламбер-Карловский в своей последней сводной книге с полным основанием пишет, что в основе материальная культура Маргианы полностью местная (Lamberg-Karlovsky 1996: 208).

Ряд общих черт, характерных именно для всего блока цивилизаций протобактрийского типа, особенно заметен на группах артефактов, связанных с элитарной субкультурой в ее как светском, так и духовном проявлении. Это касается, например, каменных колонок с поперечным желобком, являющимся явным обязательным компонентом определенных культовых установлений. Именно в этой зоне распространены сосуды, выточенные из мраморовидного известняка достаточно характерных форм, причем истоки этой традиции уходят в пору энеолита. При естественных локальных вариациях общие черты можно проследить и в глиптике. Здесь наряду с традиционными для раннего Алтына и Гисара перегородчатыми печатями распространяются цилиндрические печати месопотамского образца с сюжетами, либо использованными на селективной основе, либо полностью местными. Полностью местное явление в глиптике это плоские квадратные каменные печати с яркими выразительными изображениями. Расцвет этого блока вторичных цивилизаций, располагавшихся между Месопотамией и Индостаном, характеризует формирование целой школы торевтики, которая впервые стала известна по т. н. Астрабадского кладу из долины Гюргена (Rostovtzeff 1920), а затем по фулолскому кладу из Северного Афганистана (Duprai and all. 1971; Tozi and all. 1972). Сюда же примыкает целый ряд первоклассных изделий из случайных находок в той же Южной Бактрии и предметы из клада в Кветте. Общую характеристику этого нового явления в древневосточной культуре хорошо дал П. Амье (Amiet 1986: 186, 201 и сл.). Местные корни ярко представлены в фулолском кладе геометрическими орнаментами, прямо следующими орнаментальным схемам энеолитической керамики карадепинского и геоксюрского стиля. Вместе с тем налицо и прямое стилистическое и сюжетное влияние шумерской торевтики, правда, уже в переработанном виде, но отчетливо проявляющей свою архаическую основу, что порой смущало исследователей при определении датировки соответствующих находок.

Именно с этими высокоразвитыми для своего времени культурами пришли в соприкосновение продвигавшиеся с севера племена степных скотоводов. Видимо, с первых контактов и началось их проникновение в оседлую среду, свидетельством чего являются погребения степняков, осуществленные на общем кладбище, но по иным, степным обрядам. Автором этих строк было выдвинуто предположение, что имел место двусторонний процесс: культурная ассимиляция пришельцев и параллельно — лингвистическая ассимиляция аборигенов (Массон, 1982; Masson 1985), особенно, если воинственным воинам на колесницах удалось утвердить политические приоритеты. Лингвистическая ассимиляция сначала могла идти на элитарном уровне с сохранением на определенное время двуязычия. Разумеется, в условиях городского образа жизни, обеспечиваемого продукцией ремесленников-профессионалов, не было необходимости в массовом использовании архаической глиняной посуды, которая могла сохраняться для кухонных нужд или как чистые раритеты. В других областях культуры уже в среде населения оседлых оазисов можно усмотреть свидетельства культурного синтеза, которые на земледельческой периферии столь ярко проступают в материалах той же Вахшской культуры. Могли иметь место и смешанные браки.

В Дашти-Козы в одну могилу были помещены особи двух разных антропологических типов — восточносредиземноморского и андроновского.

В принципе, если исходить из общего сопоставления мира степных племен с индо-иранской лингвистической группой, можно предположить, что со времени финальных этапов Намазга V, когда отмечаются для южных цивилизаций первые отчетливые свидетельства контактов с миром евразийских степей, началась индоиранизация аборигенов. Если исходить из того, что первыми продвигались носители протоарийских и арийских языков, их воздействие могло предшествовать последующему утверждению иранских языков, которые здесь застают как в топонимике, так и в других свидетельствах источники с середины I тыс. до н.э.

Нами высказывалось предположение о принадлежности создателей цивилизации Алтын-депе кругу протодравидских языков, что могло объяснить и находку на Алтын-депе печати с одной только протоиндийской надписью без каких-либо сопровождающих изображений (Массон 1977). Исходя из этого и учитывая наличие в дравидских языках свидетельств контактов с финно-угорским лингвистическим миром, можно было сделать заключение о принадлежности к последнему северных соседей цивилизации Алтын-депе — кельтеминарцев. В принципе, такое заключение поддерживается многими авторами, например, Я. Харматтой, который добавляет, что носители архаического горного неолита, представленного гисарской культурой, могли принадлежать к языковой группе бурушков (Harmatta 1992: 371). Именно этот исходный лингвистический пласт должны были перекрывать индо-ираноязычные скотоводы.

Археологические материалы доставляют определенные свидетельства культурного синкретизма в среде цивилизаций юга Средней Азии. Здесь появляется значительное число инноваций, которые не могут быть генетически выведены не из предшествующих традиций, не из месопотамо-эламских связей и которые для элитарной субкультуры этого времени довольно отчетливы. Такова, в первую очередь, интеллектуальная деятельность, важным проявлением которой являются ритуальная практика и сфера искусства в его образно-стилистических восприятиях.

В сфере идеологии особенно важно появление крупных монументальных культовых комплексов, которые есть все основания именовать храмами (Sarianidi 1994). В Маргиане таким крупным общерегиональным центром был комплекс, раскопанный на поселении Гонур-депе. На позднем этапе развития маргианской цивилизации его сменил храм Тоголок-депе. Оба сооружения укреплены обводными стенами квадратной планировки подобно квадратным обводам поселений, которые в Маргиане появляются уже в пору раннего Намазга V. О культе огня свидетельствует не просто наличие алтарей для его возжигания, а особое отношение к продуктам горения в виде специальных хранилищ «священной золы». Это известно и по более поздним памятникам, например, по храмам зороастрийского культа в античном Хорезме (Джанбас-кала), согдийском Пенджикенте предарабской эпохи. Отмечен и ритуал возлияний, причем налицо следы эфедры — растения, из которого приготовляли священный напиток — хаома. Подобная культовая практика была распространена достаточно широко. Как отмечалось выше, в церемониальном комплексе могильника Бустан VI специально были выделены алтарь для возжигания огня и алтарь для возлияний. И сами храмы, и особенно отношение к культу огня являются новшеством по сравнению с раннеземледельческими традициями, на которых зиждилась цивилизация Алтын-депе. Вполне вероятно, что появление таких культовых центров сформировалось не без воздействия особого отношения к священным функциям огня, известным по обрядовой практике степных племен. Вместе с тем, нет оснований видеть здесь буквально зороастрийские церемонии, что вызвало справедливые сомнения у Ламбера-Карловски, подчеркивавшего большой хронологический разрыв времени существования маргианских храмовых комплексов и самой ранней датировки проповеди Зороастра (Lamberg-Karlovsky 1996: 208). Разумеется, нет особых оснований для прямолинейных сопоставлений. Ясно, что в среде протобактрийских цивилизаций на основе соединения двух мощных культурных и интеллектуальных традиций формировалось новое идеологическое поле, которое могло быть использовано и последующими религиозными системами. Поэтому, когда Потье видит в бактрийской иконографии бронзового века сюжеты, перекликающиеся с ведической или авестийской традициями (Potier 1984), то речь должна идти не о прямом отождествлении, а о традициях самого общего характера.

Многокомпонентный характер культурного комплекса Маргианы II тыс. до н.э. хорошо иллюстрируется типами печатей. Первая группа этих изделий четко продолжает традиции, существовавшие еще в пору Алтын-депе. Это плоские перегородчатые печати с ушком для подвешивания на тыльной стороне, в основном изготовленные из металла: бронзы и, реже, серебра. Вторая группа типологически не вызывает сомнений в месопотамских связях — это цилиндрические печати. Наконец, третья группа, названная В.И. Сарианиди печатями-амулетами, весьма своеобразна: это обычно подквадратной формы каменные изделия с просверленным сквозным отверстием для шнура. Форма этих изделий, численно доминирующих, явно своеобразна и является инновационным изобретением цивилизаций протобактрийского круга. Идентичные изделия в изобилии известны и в Бактрии, особенно на левом берегу Аму-

дарьи. Изображения на всех этих видах печатей, особенно целые сцены, развертывающиеся на цилиндрах, представляют исключительный интерес с точки зрения иконографии (см. сводку Сарианиди 1986) и особенно с позиции реконструкции сложных идеологических и культовых систем, практиковавшихся в этих цивилизациях во II тыс. до н.э.

Разумеется, здесь представлены традиционные культы и мифологические сюжеты местных обществ предшествующего периода. Налицо и месопотамские, и особенно эламские воздействия. Но в целом, особенно в сочетании всех компонентов, это весьма яркая и оригинальная система, отражающая интеллектуальный взлет, имевший место в Бактрии и Маргиане рассматриваемой эпохи. Разумеется, прямые поиски в этих сценах и сюжетах истоков зороастрийских сюжетов и представлений едва ли будут результативными. Но едва ли приходится сомневаться, что именно здесь формировался тот богатейший потенциал мифологических сюжетов и идеологических концепций, который мог быть использован создателями одной из великих мировых религий. Существенные разработки по маргианским идеологическим системам осуществлены А.П. Франкфортом, который, кстати, прямо отмечает возможные зороастрийские реминисценции отдельных сюжетов и образов (Frankfort 1994). Его основные усилия вместе с тем были направлены на выявление блока ритуалов, связанных с шаманистическими традициями, которые, как и использование растений наркотического действия, скорее всего связаны с северной зоной и такими культурами, как Афанасьево, Окунево и Андрон (Francfort 1994: 416). Это вполне могло осуществиться в ходе этнической метисации, которую позволяют предполагать памятники материальной культуры.

Показательно, что храмовые монументальные комплексы стали характерной чертой и в бактрийской цивилизации бронзового века. В Северной Бактрии был открыт монументальный комплекс Джаркутана, а в Южной Бактрии — на памятнике Дашлы 3. Автор раскопок В.И. Сарианиди предполагал, что одно из вскрытых строений является культовым центром, а другое — дворцовым зданием. Но скорее всего, это два храма, посвященные двум божествам, возможно, священным супругам (Массон 1986: 125). Весьма примечательно, что одно из сооружений, круглое в плане, почти полностью повторяет планировку круглой крепости Аркаим, одного из ярких памятников степных племен на Южном Урале, на что уже обращали внимание многие исследователи. Прямая архитектурная планировочная аналогия здесь налицо с разницей в строительном деле — сырцовая кладка в Бактрии и глиняно-деревянные конструкции на Южном Урале. Учитывая факты инфильтрации в среду городского населения южных цивилизаций степняков, такая аналогия едва ли является случайной. Надо сказать, что к признанию индо-ираноязычности цивилизаций бронзового века юга Средней Азии давно склонялся И.М. Дьяконов (Дьяконов 1960). В одной из последних работ он останавливается в этой связи еще на одном аспекте — делении общества индо-ариев на страты знатных жрецов и рядовых общинников.

В этой связи он пишет: «видимо, на самом деле речь идет о чертах, выработанных при совместном сосуществовании индоарийцев и определенной группы ираноязычных племен в условиях достаточно высоко развитой цивилизации на начальной стадии имущественной и сословно-классовой дифференциации. Подобную цивилизацию по пути продвижения индоиранских племен с их прародины до Индостана можно искать только среди древних культур юга Средней Азии и востока Ирана» (Дьяконов 1989: 385). Действительно, такой средой мог стать блок протобактрийских цивилизаций, постепенную индианизацию, а затем, видимо, и иранизацию которых по языку мы предполагаем. Обращение к считающемуся привычным в индоиранской традиции трехчленному сословному членению общества часто упоминается, а порой и используется в археологической, да и в околонаучной литературе. Стремясь обращаться к первоисточнику, автор пользовался при этом консультацией видных отечественных востоковедов В.А. Лившица и Я.В. Василькова. Сословное деление общества в ведийской традиции включает кшатриев — воинскую знать или царские роды, брахманов-жрецов и рядовых сородичей вашья — полноправных общинников-ариев, занимавшихся земледелием и скотоводством. В поздних гимнах появляются и шудры — не-арии, не принадлежащие к трем высшим рангам, бывшие, видимо, в основном аборигенами. Понятийные соответствия трехчленному делению (без упоминания, в отличие от Ригведы, в единой, взаимосвязанной цепочке) можно найти и в древнеиранской традиции. Таковы жрецы-атрваны, воинская знать райташатры — знатные воины-колесничие и рядовые сородичи. Примечательна цветовая связь определенных рангов: жрецов с белым цветом, знатных воинов — с красным. Одно из почитаемых божеств Митра (известное еще по Гатам, гимнам, восходящим к поре еще до Зороастра) описывается как мчащееся на колеснице, запряженной конями, и вооруженное копьем с серебряным наконечником.

Лидерство военной знати на колесницах хорошо представлено в материалах степных культур в самой евразийской степной среде, и гробница в Зардчахалифа, судя по всему, фиксирует ее продвижение в среднеазиатское междуречье. Нет оснований идеализировать политическую ситуацию на юге Средней Азии во II тыс. до н.э., где существовали оазисы со своими центрами (типа городов-государств) и разные племенные группы, сочетавшие в различной

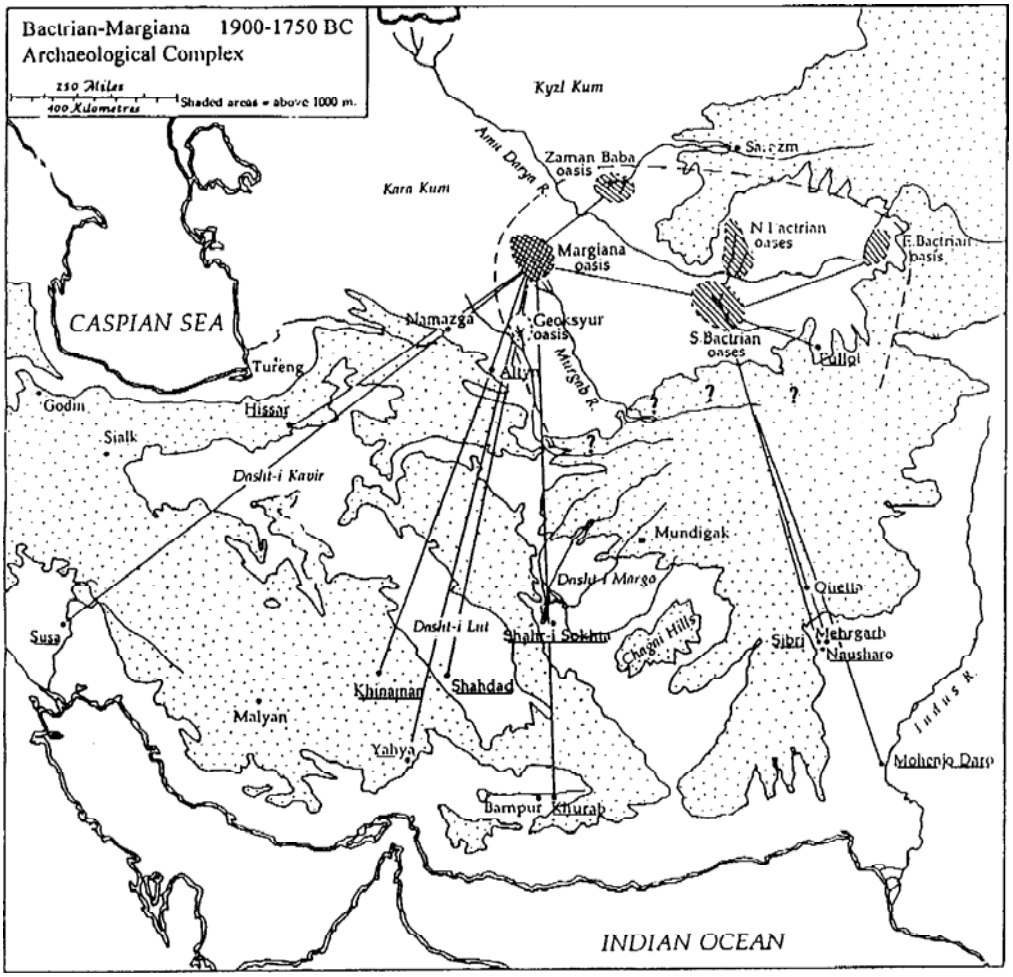



*Рис. 9. Распространение объектов «культуры Окса» в южном направлении (по Л.К. Лаберг-Карловскому).*

степени в культуре степные и оседлогородские компоненты. Об этом свидетельствуют не только находки оружия, в том числе церемониальных парадных топоров, украшавшихся, в частности, скульптурами коня. Резко возрастает на некрополях число кенотафов, отражая, видимо, усиливающиеся столкновения, сопровождаемые гибелью людей на стороне. Так, Л.Т. Пьянкова отмечает необычно большое число кенотафов в могильниках Вахшской культуры. На могильнике Джаркутан, представляющему оседлую культуру Сапалли, соседствующую с Вахшской, процент кенотафов постепенно возрастает с 2 до 12%.

Хотя наличие служителей культа в среде степных племен вполне вероятно, на материалах евразийских степей эта социальная страта несмотря на предпринимавшиеся усилия (Синюк 1996: 299 и сл.), пока во всяком случае, четко не выделяется. В зоне же Бактрии Маргианы необходимость обслуживать такие крупные культовые комплексы, как Гонур и Тоголок, несомненно стимулировала выделение жреческого сословия. Примечательна приверженность к белому цвету при оформлении интерьеров сакральных помещений храмовых комплексов Маргианы. В раннеземледельческую эпоху на юге Средней Азии стены святилищ оформлялись многоцветной, в том числе сюжетной росписью, как ясно показали раскопки Илгынлыдепе. Судя по всему, в эпоху бронзы на юге Средней Азии складывается традиция особого отношения к белому цвету в культовых действиях и церемониях. Обрядовая практика особого отношения к этому цвету в зороастрийской традиции могла использовать этот обычай, который, разумеется, мог соответствовать и особому отношению к белому цвету в среде евразийских степняков, чему, однако, пока нет конкретных свидетельств.

Показателен еще один аспект культурных процессов, происходивших на юге Средней Азии и в прилегающих областях Ирана и Индостана. Уже на материалах А. Стейна было высказано предположение о проникновении на юго-восток Ирана в провинцию Бемпур населения с керамикой типа Намазга V и VI (Массон 1964: 226). В свете новых исследований в среднеазиатской археологии становится ясно, что раскопанная А. Стейном гробница с большим числом нерасписных сосудов практически идентична погребениям Сапалли. Явно к кругу изделий, представленных в Тепе Гисаре, да и в Бактрии, принадлежит бронзовое навершие из Кураба, увен-

чанное фигурой верблюда (Maxwell Hylsop 1955). В Северном Белуджистане обнаружены печати бактрийско-маргианского типа, а, судя по комплексу Сибри, там вполне мог развиться локальный центр цивилизаций протобактрийского круга. Торевтика клада из Кветти также входит в круг изделий художественного металла, представленного кладами Астрабада и Фулола. Поэтому американскими исследователями, в первую очередь К. Ламберг-Карловским, был поставлен вопрос о продвижении создателей «цивилизации Окса» на юг (рис. 9), в районы Бемпура и Северного Белуджистана и чуть ли не до долины Инда (Lamberg-Karlovsky 1996: 228–243). Правда, в отношении городов долины Инда едва ли об этом можно говорить с уверенностью, столь единичны находки там соответствующих артефактов. Эти инновационные культурные комплексы группируются как бы по границам хараппской цивилизации. Примечательно, что аналогии в значительной части касаются блока элитарной субкультуры. Это может свидетельствовать о продвижении на юг именно групп лидеров, опирающихся, в частности, на военную силу. В принципе, было бы допустимо сопоставление этого явления с продвижением первых групп индоарийских группировок, своего рода предариев. Более массовое продвижение, если опираться на предлагаемую лингвистикой ведийскую хронологию, могло уже совпадать со временем широкого проникновения в Среднюю Азию носителей федоровских традиций степной зоны. Следует подчеркнуть, что подобные продвижения на юг происходили через своего рода барьер южных цивилизаций, культурно ассимилировавший пришельцев и поэтому мало перспективно искать в Индостане лепную посуду степного облика.

Вместе с тем необходимо еще раз отметить, что все эти сопоставления проводятся в самом общем плане, упрощая и идеализируя безусловно сложную и многоликую картину реальной исторической действительности. Сложна была и картина культурогенеза, которую мы познаем пока лишь в первом приближении. Уже сейчас достаточно многообразна картина локальных вариантов и сложных процессов культурных влияний и взаимодействий. Такова же, видимо, была и ситуация этнического и лингвистического многообразия.

В ретроспективном плане достаточно вспомнить существование группы памирских или припамирских языков как реликтовых свидетельств лингвистического богатства и разнообразия восточноиранского языкового мира. Здесь насчитывается пять различных языков и два диалекта (Оранский 1960: 335 и сл.). Ландшафтная расчлененность горного региона способствовала этой мозаичности и многообразию. Такова же, в принципе, могла быть картина и в древности, в том числе в горных районах на севере Пакистана, где выявляются культурные комплексы, имеющие определенные среднеазиатские и, шире, степные аналогии (Кузьмина 1972) и не без основания сопоставляемые с народами индоарийской языковой группы, являющимися, скорее всего, лишь одиночными свидетельствами былого лингвистического и этнокультурного многообразия (Dani 1967; Tucci 1977). Новые находки, сделанные в этом регионе, публикует в настоящем журнале проф. А.Х. Дани.

Вторая оговорка должна быть сделана в связи с вопросами хронологии, которые в настоящей статье упоминаются лишь в самом общем плане. Безусловно, предстоит большая работа по выработке системы археологической хронологии, учитывающей и удревнение волго-уральских степных комплексов, и необходимость более строгой корреляции с хронологическими системами, предлагаемыми зарубежными исследователями для областей северного Индостана. Предлагаемая в настоящем журнале сводка радиокарбоновых определений по памятникам Средней Азии, подготовленная Л.Б. Кирчо, может послужить началом такой работы, которая будет иметь немаловажное значение и для собственно археологии, и для исторической интерпретации получаемых этой наукой данных, включая и проблему распространения носителей индо-иранских языковых групп.

ЛИТЕРАТУРА


Аванесова Н.А. 1985. Новые памятники андроновской культурно-исторической общности Узбекистана // Достижения советской археологии в XI пятилетке. Тезисы докладов. Баку.

Аванесова Н.А. 1987. Степи севера и оазисы юга: проблема культурных взаимодействий в эпоху бронзы // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Тезисы докладов. Алма-Ата.

Аванесова Н.А. 1995. Новое в погребальных обрядах сапаллинской культуры // АВ. № 5.

Авеста. 1990. Избранные главы. Перевод и комментарий Н.М. Стеблин-Каменского. Душанбе.

Аркаим. 1995. Исследования, поиски, открытия. Челябинск.

Аскаров А.А. 1962. Памятники андроновской культуры в низовьях Зеравшана // ИМКУ. Вып. 3.

Аскаров А.А. 1969. Раскопки могильника эпохи бронзы в Муминабаде // ИМКУ. Вып. 8.

Аскаров А.А. 1973. Сапаллитепа. Ташкент.

Аскаров А.А. 1977. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент.

Аскаров А.А. 1987. Степной компонент в оседлых комплексах Бактрии и вопросы его интерпретации // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Тезисы докладов. Алма-Ата.

Аскаров А.А. 1980. Степные компоненты в комплексах оседлых культур эпохи бронзы в Северной Бактрии // Проблемы древней истории Северного Причерноморья и Средней Азии. Л.

Аскаров А.А. Абдуллаев Б.Н. 1983. Джаркутан. Таш-

кент.
Бернштам А.Н. 1952. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая // МИА СССР. № 26.
Бобомуллоев С. 1993. Раскопки погребального сооружения из Зардчахамра // Изв. АН Республики Таджикистан. Серия востоковедения, истории, философии. № 3.
Бочкарев В.С. 1991. Волго-Уральский очерк культурогенеза эпохи поздней бронзы // Социогенез и культурогенез с исторической перспективе. Л.
Бочкарев В.С. 1995. Карпато-дунайский и волго-уральский очаги культурогенеза эпохи бронзы // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита–бронзы Средней и Восточной Европы. СПб.
Винник Д.Ф., Кузьмина Е.Е. Второй Каракольский клад Киргизии // КСИА. Вып. 167.
Виноградов А.В., Итина М.А., Яблонский Л.Т. 1986. Древнейшее население низовьев Амударьи. М.
Виноградова В., Пьянкова Л.Т. 1990. Могильник Кумсай в Южном Таджикистане // Инф. бюллетень МАИКЦА. Вып. 17.
Виноградова Н.М., Кузьмина Е.Е. 1986. Контакты степных и земледельческих племен Средней Азии в эпоху бронзы // Восточный Туркестан и Средняя Азия в системе культур древнего и средневекового Востока. М.
Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В. 1992. Синташта. Челябинск.
Григорьев С.А. 1996. Синташта и арийские миграции во II тыс. до н.э. // Новое в археологии Южного Урала. Челябинск.
Гулямов Я.Г., Исламов У., Аскаров А.А. 1966. Первобытная культура и возникновение орошаемого земледелия в низовьях Зеравшана. Ташкент.
Дьяконов И.М. 1960. Рец.: В.М. Массон. Дренеземледельческие культуры Маргианы // ВДИ. № 3.
Дьяконов И.М. 1970. Арийцы на Ближнем Востоке: конец мифа // ВДИ. № 4.
Дьяконов И.М. 1971. Восточный Иран до Кира // История иранского государства и культуры. М.
Ермолова Н.М. 1986. Материалы к изучению скотоводства и охоты в Центральной Азии в эпоху энеолита–бронзы // Древние цивилизации Востока. Ташкент.
Зданович Г.Б. 1988. Бронзовый век урало-казахстанских степей. Свердловск.
Зданович Д.Г. 1995. Могильник Большекараганский (Аркаим) и мир древних индоевропейцев урало-казахстанских степей.
Ильин Г.Ф., Дьяконов И.М. 1989. Индия, Средняя Азия и Иран в первой половине I тысячелетия до н.э. // История древнего мира. Ранняя древность. М.
Исаков А.И., Потемкина Т.М. 1988. Могильник эпохи бронзы в Таджикистане // СА. № 2.
История Афганистана. 1982. М.
Итина М.А. 1961. Раскопки могильника тазабагьябской культуры Кокча 3 // Материалы Хорезмской экспедиции. Вып. 3.
Итина М.А. 1977. История степных племен Южного Приаралья. М.
Кузнецов П.Ф. 1996. Новые радиоуглеродные даты для хронологии культур энеолита–бронзового века юга лесостепного Поволжья // Археология и радиоуглерод. Вып. 1. СПб.
Кузьмина Е.Е. 1970. Семиреченский вариант культуры эпохи поздней бронзы // КСИА. Вып. 122.
Кузьмина Е.Е. 1972. Культура Свата и ее связи с Северной Бактрией // КСИА. Вып. 132.
Кузьмина Е.Е. 1994. Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. М.
Лев Д.Н. 1966.Погребение бронзовой эпохи близ г. Самарканда // КСИА. Вып. 108.
Мандельштам А.М. 1966. Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане // МИА СССР. № 145.
Мандельштам А.М. 1966. Погребения срубной культуры в Южной Туркмении // КСИА. Вып. 108.
Масимов И. 1979. Изучение памятников эпохи бронзы низовьев Мургаба // СА. № 1
Массон В.М. 1959. Древнеземледельческая культура Маргианы // МИА СССР. № 73.
Массон В.М. 1964. Средняя Азия и Древний Восток. М.;Л.
Массон В.М. Печати протоиндийского типа из Алтын-депе // ВДИ. № 4.
Массон В.М. 1981. Алтын-депе. Л.
Массон В.М. 1982. Диалектика традиций и инноваций и исторический процесс в древней Бактрии. Душанбе.
Массон В.М. 1986. Древние культуры Афганистана // Археология зарубежной Азии. М.
Массон В.М. 1998. Эпоха древнейших великих степных обществ // АВ. № 5.
Оранский Н.М. 1960. Введение в иранскую филологию. М.
Пряхин А.Д., Беседин И.В., Левых Г.А. 1989. Кондрашинский курган. Воронеж.
Пьянкова Л.Т. 1989. Древние скотоводы Южного Таджикистана. Душанбе.
Сарианиди В.И. 1975. Степные племена эпохи бронзы в Маргиане // СА. № 2
Сарианиди В.И. 1977. Древние земледельцы Афганистана. М.
Сарианиди В.И. 1986. Месопотамия и Бактрия во II тыс. до н.э. // СА. № 2.
Сарианиди В.И. 1986а. Бактрийский пантеон // ИБ МАИКЦА. Вып. 10.
Сарианиди В.И. 1988. Юго-западная Азия: миграции, арии и зороастрийцы // ИБ МАИКЦА. Вып. 13.
Синюк А.Г. 1996. Бронзовый век бассейна Дона. Воронеж.
Толстов С.П. 1948. Древний Хорезм. М.
Толстов С.П. 1963. По древним дельтам Окса и Яксарта. М.
Трифонов В.А. 1996. К абсолютному датированию микенского орнамента эпохи развитой бронзы Евразии // Радиоуглерод и археология. Вып. 1. СПб.
Amiet P. 1986. L'âge des échanges inter-iranien. Paris.
Avanessova N.A. 1996. Pasteurs et agricultures la vallée de Zeravshan (Ouzbékistan) au debut de l'àge du bronze relations et influences mutuelles // Lyonne B. Sarazm (Tadjikistan) céramiques. Paris.
Burrow T. 1973. The Proto-Indo-Arians // Journal of the Royal Asiatc Society of Great Britain and Ireland. No 2.
Dani A.H. 1967., Tiwargerha and bandhara grave culture // Ancient Pakistan. V. III.
Duprai P., Gouin P., Omar N. 1971. The Khosh Tepe hoard from North Afganistan // Archaeology. 24.
Francfort H.-P. 1989. Fouilles de Shortughai. Récherches sur l'Asie Central protohistorique. Paris.
Francfort H.-P. 1994. The Central Asian dimension of symbolic system in Bactria and Margiana // Antiquity. V. 68, n. 259.
Harmatta J. 1981/ Proto-Iranians and Proto-Indians in Central Asia in 2nd millnium B. C. (linguistic evidence) // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности. М.
Harmatta J. 1992. Emergence of Indo-Iranians: the Indo-Iranian longeages // History of civilizations of Central

Asia. Paris.
Hiebert F. 1994. Origins of the Oxus civilization // Antiquity. V. 68. n. 259.
Kammenhuber A. 1968. Die Aries in Vorderen Orient. Heidelberg.
Lamberg-Karlovsky C.C. 1994. The Oxus civilization: the Bronze Age of Central Asia // Antiguity. V. 68, n. 259.
Lamberg-Karlovsky C.C. 1996. Beyond the Tigrus and Ephrates: Bronze age civilizations. Jerusalem.
Masimov I.S. 1981. The study of bronze age sites in the Lower Murghab // Ph. Kohl. Bronze age civilizations of Central Asia. New York.
Masson V.M. 1985. La dialectique les traditions et les innovations dans la development cultural de la Bactriana // L'Archeologie de la Bactriane ancienne. Paris.
Masson V.M. 1988. Proto-Bactrian group of civilizations in the Ancient East // Antiquity. V. 62, n. 236.
Maxwell-Hylsop. 1955. Note on the saft-hole axe-pick from Khurab, Makran // Iran. V. XVII.
Rostovtzeff M. 1920. The sumerian treagure of Astrabad // Journal of Egyptian archaology. VI.
Pottier M.-H. 1984. Matérial funéraire de la Bactriane méridional à l'âge du Bronze. Paris.
Parpola A. 1986. The coming of the Aryans to Iran and India and the cultural and ethnic identity of the Dosas // Studia Orientalia. 64.
Sarianidi V.I. 1981. Margiana in bronzi age // Ph. Kohl. Bronze age civilizations of Central Asia. New-York.
Stein A. 1937. Archaeological reconnaissances in North-Western India and South-Eastern Iran. London.
Schmidt E. 1937. Excavations at Tepe Hissar, Damghan. Philadelphia.
Tozi M., Wardak R. 1972. Fullod Hoard: a new find from bronze age Afghanistan // East and West. V. 22.
Tucci G. 1977. On Swat. The Dards and connected problems // East and West. V. 27
Zaccagnini C. 1978. Pferde und Streitwagen in Nuzi // Yahrberieh Institute fur Vorgeschichte. Frankfurt am Main.

*Пьянкова Л.Т.*

# СТЕПНЫЕ КОМПОНЕНТЫ В КОМПЛЕКСАХ БРОНЗОВОГО ВЕКА ЮГО-ЗАПАДНОГО ТАДЖИКИСТАНА

**Pjankova L.T. The stepped components in the complexes of Bronze Age in Southern-Western Tajikistan.**

The original syncretic complexses in economy of which the cattle-breeding played the leading part and arose as results of active contacts of the settled-agricultural and stepped tribes on Bronze Epoch on territory of Southern-Western Tajikastan. Perhaps, the tribes of Bronze Age assimilated with population of neolithic culture of Hissar which lived here befor. It was also reglected on forming of economic structure and some traits of material culture of forming ethnos on this region on Late Bronze Age.

The building techniques and types of dwellins found on settlements of Bronze Age of Southern-Western Tajikistan are not characteristics to setled-agricaltural monuments of Ancient Bactria. They testify more about influence of steppe traditions and, perhaps, about local neolithic culture.

The complexity of passing here athnoculture processes is visually reflected on variety of funeral ceremonies.

The gradual attenuation of ceramic traditions of steppe tribes and the predominance of methods of pottery of agricalturral centres can be observed in material calture However. This process was accompanied by considerable stirring up of manual method of making of dishes. On the contrary, the increase of role of steppe hearths is noted in metallurgical production. It is revealed not only in implements and adorns as well.

Multycomponent of complexes of Bronze Age of Southern-Western Tajikistan give the possibility of correlation of Dating with materials from different culture and neighboring regions.

Являясь частью древней Бактрии, юго-запад современного Таджикистана именно с ней был наиболее связан в своём культурно-историческом развитии. Однако, как свидетельствуют имеющиеся на сегодняшний день археологические данные, широкое освоение этой территории племенами бронзового века произошло позже, чем других древнебактрийских регионов. Возможно, в значительной степени это объясняется отсутствием здесь традиционных условий для формирования ирригационных оазисов, основанных на использовании водотоков затухающих речных пойм, ручьев и саев. Юго-западный Таджикистан рассечен долинами многоводных правых притоков Пянджа – Амударьи с впадающими в них реками, а также простирающимися параллельно речным руслам невысокими горными хребтами и кряжами. На крайнем юге, где горные хребты затухают, а речные долины достигают максимальной ширины, климатические условия характеризуются наиболее высокой среднегодовой температурой и малым количеством осадков. Земледелие без искусственного орошения здесь невозможно, но, хотя в соседнем регионе, на северо-востоке Афганистана, обнаружен относящийся к бронзовому веку, технически сложный канал, выведенный из Кокчи (Gentelle 1978: 72–75, 99–101), на юге Таджикистана сооружение ирригационных систем, связанных с крупными реками, отмечено лишь для последующих исторических эпох (Зеймаль 1969: 8–16). Предгорья более северной части региона, наклонно спускающиеся к узким речным долинам и имеющие приподнятый и сильно расчленённый глубокими оврагами и промоинами рельеф, являются зоной обеспеченной и хорошо обеспеченной осадками богары и высокопродуктивного богарного земледелия. Юго-Западный Таджикистан является регионом, изобилующим богатыми пастбищами. Здесь имеются возможности для выпаса крупного и мелкого рогатого скота и круглогодичного содержания стад.

В комплексах бронзового века Юго-Западного Таджикистана присутствуют, составляя важнейший компонент, материалы, наиболее характерные для молалинской и бустанской фаз культуры Сапалли, постхараппской фазы Шортугая, а также некоторых могильников Северо-Западного Афганистана, в особенности Дашлы 17 и 19.

Освоение древнебактрийскими племенами территории юго-запада Таджикистана по времени совпало с наиболее мощной волной продвижения степных племен в оседлоземледельческие оазисы юга Средней Азии. Постепенная

© Пьянкова Л.Т., 1999.

инфильтрация пришлого населения в местную среду и ассимиляция разнокультурных элементов привели к появлению новых черт в традиционной культуре древнебактрийских племен (например, Аскаров 1987; Аванесова 1995), а также к формированию некоторых комплексов синкретического характера, как это имело место на юго-западе Таджикистана. Можно полагать, что появление степных племен вызвало активизацию скотоводческой отрасли в хозяйстве древнебактрийского населения и дальнейшее развитие подвижных форм скотоводства, в частности отгонно-пастбищного, для чего на территории Юго-Западного Таджикистана имеются соответствующие благоприятные условия. Соотношение компонентов земледельческих и степных культур в археологических комплексах эпохи бронзы этого региона различно.

На современном уровне исследований также выдвинута гипотеза о доживании гиссарской неолитической культуры лёссовых предгорий Южного Таджикистана вплоть до прихода сюда племен позднебронзового века (Ранов 1982: 20–21; 1988: 42). Характер хозяйства гиссарцев дискутируется, однако, согласно одной из концепций (Коробкова 1973: 209–210; 1987: 117–118), основную роль в нём играло скотоводство, вероятно, отгонного типа, основанное на разведении овец и коз. Ассимиляция гиссарских племён пришедшими на их территорию племенами эпохи бронзы также могла найти отражение в формировании экономического уклада и некоторых черт материальной культуры этноса, складывающегося в это время в древней Бактрии.

Расположение памятников эпохи бронзы на территории Юго-Западного Таджикистана и общий облик их культуры позволяют утверждать, что скотоводство было ведущей отраслью экономики большей части обитавших здесь племен. Могильники таких племен наиболее компактно расположены на крайнем юге региона. Однотипные комплексы объединены в бешкентскую (Мандельштам 1968) и вахшскую (Литвинский 1964: 158, Пьянкова 1989) культуры. К бешкентской культуре отнесена часть погребений могильника Ранний Тулхар в низовьях Кафирнигана (рис. 1, *16*). Что касается вахшской культуры, то сейчас накоплено большое количество данных о ее широком территориальном распространении на юге Таджикистана, по сравнению с первоначально известными в низовь-

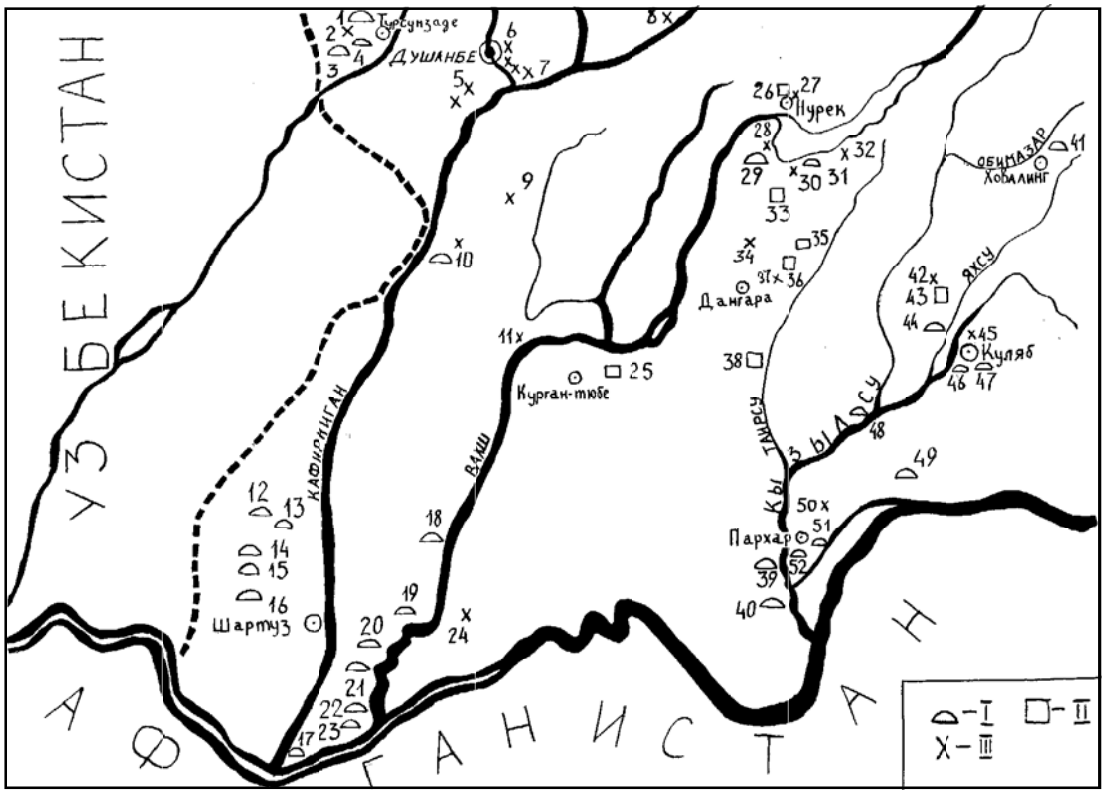



*Рис. 1. Схематическая карта памятников эпохи бронзы Юго-Западного Таджикистана. Условные обозначения: I — могильники, II — поселения, III — единичные погребения и случайные находки. Основные памятники:* 1 — *Кумсай,* 3 — *Заркамар;* 4 — *Тандырйул;* 10 — *Исанбай;* 12 — *Бешкент II;* 13 — *Ранний Аруктау;* 14 — *Бешкент I;* 15 — *Бешкент III;* 16 — *Ранний Тулхар, 17 — Кызлар-кала, 18 — Вахш 1, 19 — Тигровая Балка;* 20 — *Ойкуль;* 21 — *Джаркуль;* 22 — *Амударьинский могильник;* 23 *и* 39 — *безымянные могильники вахшской культуры;* 25 — *стоянка степной бронзы;* 26 — *Дахана;* 29 *и* 31 — *Нурекские могильники;* 33 — *Тегузак;* 35 — *Баракикурук;* 36 — *Кангурттут;* 38 — *Ташгузор;* 40 — *Маконимор;* 41 — *Туюн;* 43 — *Каримберды;* 44 — *Гелот;* 46 — *Мохали Сино;* 47 — *Ходжа Гоиб;* 48 — *Гулистон;* 49 — *Обкух;* 51 — *безымянный могильник;* 52 — *Иттифок.*

ях Вахша и Кызылсу (рис. 1, *18–21, 40*), а также в Бешкентской долине низовий Кафирнигана (рис. 1, *14, 16*) памятниками. Новые могильники вахшской культуры открыты на левобережье среднего течения р. Кафирниган (рис. 1, *10*), на правобережье Вахша, вблизи его слияний с Пянджем (рис. 1, *22, 23*), в долине Кызылсу (рис. 1, *39, 48, 52*), в бассейне Яхсу (рис. 1, *44–47*), в междуречье Пянджа и Кызылсу (рис. 1, *49*).

Природные условия низовий Кафирнигана, Вахша и Кызылсу наиболее благоприятны для выпаса овец и коз, части туш которых часто сопровождали погребения в качестве заупокойной или жертвенной пищи. Количественный состав древних стад нам не известен. В настоящее время крайний юг Таджикистана используется преимущественно для зимнего содержания мелкого рогатого скота. Здесь есть возможности и для круглогодичного содержания стад. Однако эти возможности сильно ограничены в жаркие летние месяцы, когда скот перегоняют в предгорья и горы, охватывающие Юго-Западный Таджикистан с севера и востока (Гафаров, Рахманов 1968). Возможно, в каких-то масштабах такой перегон осуществлялся и древними скотоводами, о чём могут свидетельствовать, например, единичные погребения вахшской культуры, обнаруженные в разных пунктах Юго-Западного Таджикистана, расположенных на современных путях перегона мелкого рогатого скота с одних пастбищ на другие (рис. 1, *5, 6, 9, 37, 42*). Для летней перекочевки было возможным и противоположное направление — на юг, в предгорья и горы современного Северного Афганистана, однако, несмотря на наличие значительного количества бродов через Пяндж, особенно ранней весной и поздней осенью, переправа через реку, конечно, была сопряжена с большими трудностями. Можно предположить и наличие у скотоводов небольших полей на легко обрабатываемых лессовых почвах предгорий. Например, единственное известное к настоящему времени поселение вахшской культуры Ташгузор на среднем течении Таирсу (рис.1, *38*) расположено в местности, где возможно богарное земледелие. Остеологический материал, найденный на поселении, содержит кости мелкого и крупного рогатого скота, а также некоторых диких животных, являвшихся предметом охоты.

Племена, обитавшие в предгорьях, оконтуривающих Юго-Западный Таджикистан с севера и востока, вели комплексное хозяйство, включающее богарное земледелие, но также при значительной роли скотоводства. Остеологический материал, найденный на поселениях, представлен костями мелкого и крупного рогатого скота, лошади, осла и собаки. На всех поселениях найдены зернотёрки, а в одном случае — отпечаток зерна ячменя. В Гиссарской долине открыты три могильника эпохи бронзы (рис. 1, *1, 3, 4*); ранее здесь существовало и поселение, уничтоженное при выравнивании хлопкового поля (Антонова, Виноградова 1979: 94). В предгорьях северо-восточной части региона наибольшее количество памятников сосредоточено в междуречье Вахша и верхнего течения Таирсу (рис. 1, *26, 29, 31, 33, 35, 36*). Они по времени синхронны комплексам Молали и, в большей степени, Бустан культуры Сапалли. Более позднее поселение, времени Кучук Iб–II, расположено в междуречье Кызылсу и Яхсу.

Памятники степной бронзы в наиболее чистом виде представлены стоянкой на среднем течении Вахша (рис. 1, *25*) и могильником Туюн в предгорьях левобережья р. Обимазар, притока Кызылсу (рис. 1, *41*)[1]. Одно погребение с сосудом степной бронзы вскрыто на территории античного могильника Ксиров вблизи Дангары (рис. 1, *34*). Кроме того, в разных местах найдена керамика степной бронзы (рис.1, *2, 24, 28, 30, 32*). В двух случаях (рис. 1, *11, 50*) сосуд степной бронзы найден вместе с керамикой вахшской культуры.

Почти все могильники Бешкентской долины (рис.1, *12, 13, 15, 16*) характеризуются значительным влиянием степных погребальных обрядов.

Другие пункты (рис. 1, *7, 8, 17, 27, 51*) представлены единичными погребениями и случайными находками металлических предметов, среди которых есть и изделия степных типов.

Все наиболее полно раскопанные памятники, как и коллекция случайных находок, разнокомпонентны, однако, объём статьи не позволяет сделать их полное описание, поэтому их характеристика будет дана в самом общем виде, с более детальным представлением степных компонентов.

## 1. Поселения и жилища

Типы поселений и приемы строительства жилищ, характерные для рассматриваемого региона в эпоху бронзы, уникальны для древней Бактрии.

Строительные остатки большинства открытых к настоящему времени поселений (Кангурттут, Тегузак, Дахана, Каримберды, Бараки-курук) представлены каменными кладками, имеющими вид фундаментов стен. Все эти поселения расположены на лёссовых склонах предгорий, поэтому перед закладкой фундаментов поверхность склона выравнивалась, в результате чего получался более или менее глубокий котлован с разновысокими стенами, плоская площадка которого в наиболее пониженной части выклинивалась на поверхность склона. Наиболее глубокий котлован прослежен в Кангурттуте, где его самая высокая задняя стена дос-

[1] Раскопки этого могильника только начаты Н.М. Виноградовой, и материал пока не опубликован.

тигала высоты более 2 м, а обычно эта величина была в пределах 30–60 см. Фундаменты по отношению к площадке выкладывались по-разному: 1) на её поверхности; 2) с заглублением в материк; 3) по наружному краю котлована, и тогда основание фундамента возвышалось над полом площадки (и постройки) соответственно рельефу склона.

При выполненном объеме работ можно утверждать, что сырцовый кирпич, характерный для оседлоземледельческих памятников Бактрии, здесь при устройстве жилищ не использовался, фундаменты скорее всего надстраивались пахсой плохого качества, которая со временем была целиком размыта и выветрена.

На поселениях также вскрыты фундаменты из камней, вкопанных в грунт ребром. По-видимому, они укрепляли основание каких-то построек лёгкого типа, например, из прутьев, веток или прямых толстых стеблей растения ферула, что и сейчас практикуется жителями близлежащих кишлаков для устройства заборов и загонов для скота. На Тегузаке вскрыты остатки округлой в плане постройки, обложенной по основанию кучками камней в виде прерывистой цепочки, при этом некоторые камни также вкопаны в грунт ребром (рис. 2, *В*).

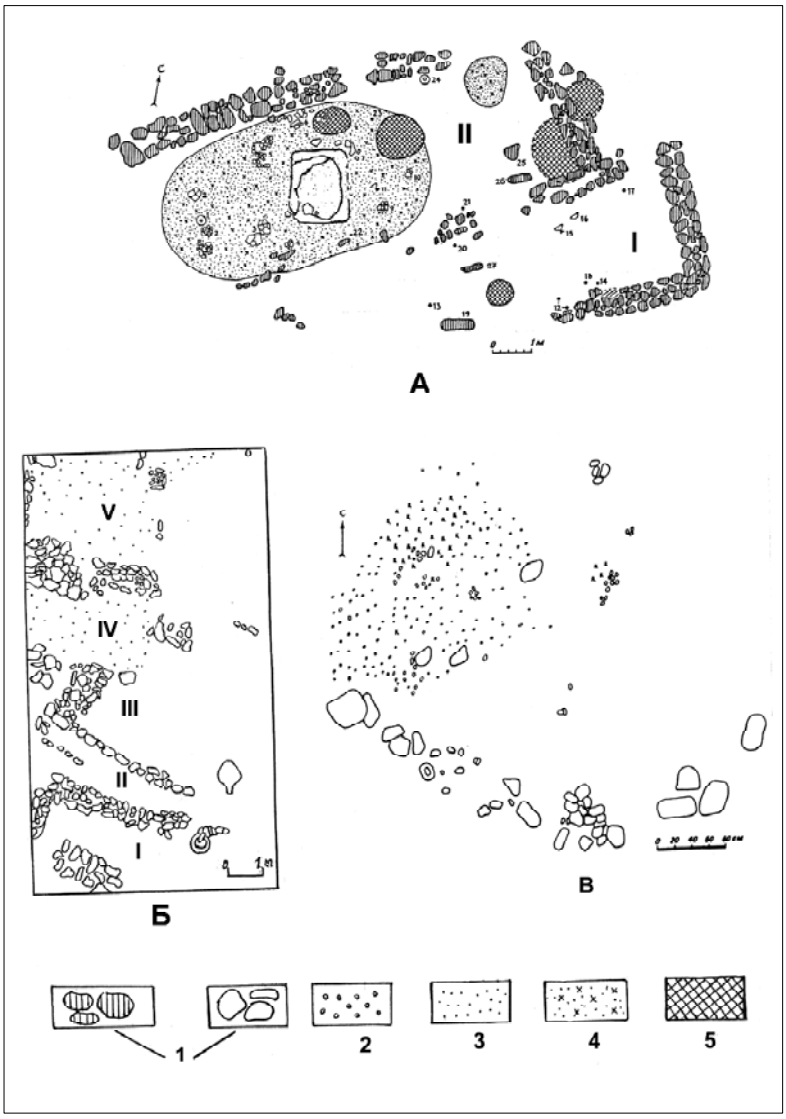



*Рис. 2. Поселения. Планы построек:* А, В — *Тегузак;* Б — *Дахана. Условные обозначения: 1 — камни, 2 — выкладка из колотых галек, 3— гравий, 4 — кострище, 5 — ямы.*

Полы в помещениях были грунтовыми или засыпанными слоем гравия (мелкого окатанного галечника) толщиной в 15–35 см (рис. 2, *Б*, пом. IV и V), иногда гравий подстилался снизу крупными камнями, аналогичными камням фундамента, а в некоторых случаях (рис. 2, *В*) на полах были выкладки из колотого галечника.

Постройки были жилыми, хозяйственными и культовыми. Наиболее крупный жилой комплекс, состоящий из большого прямоугольного (18 Ч 6,7 м) дома и примыкающего к нему двора, вскрыт в Кангурттуте в упомянутом выше глубоком котловане-врезке (Виноградова, Кузьмина 1986: рис. 7).

В целом прямоугольная (14 Ч 8 м), но открытая на запад и юг постройка раскопана и в Тегузаке (рис. 2, *А*). Большую её часть занимало кострище толщиной в 20–30 см, состоявшее из прокалённой земли, золы и углистых вкраплений. Судя по характеру остатков, здесь сжигали сухую траву или солому и мелкие ветки. Этот слой на всём протяжении чрезвычайно насыщен фрагментами керамики, из которых в большинстве случаев собираются целые сосуды. Таких сосудов здесь обнаружено 9. Представлена керамика, выполненная как в оседлоземледельческих, так и в степных традициях. Почти в центре площадки расчищен плотный, жжёный спекшийся грунт густо-оранжевого цвета, над которым воздвигнуто прямоугольное сооружение (1,9 Ч 1,5 м) высотой в 55 см, по внешнему виду напоминающее алтарь. Его поверхность со всех сторон обмазана глиной и подвергалась неоднократному ремонту. Ориентация «алтаря» (север–юг) не совпадает с общей направленностью горелого пятна. Культовый характер комплекса

не вызывает сомнений. Здесь была совершена ритуальная церемония возжигания огня, в который были брошены целые сосуды, возможно, содержавшие жертвенную пищу или питье, а спекшийся грунт в центре кострища, вероятно, позволяет говорить о свершении здесь какого-то возлияния (масла?). По-видимому, этот комплекс можно интерпретировать как святилище.

Широкое использование камня — характерная черта сельского домостроения таджиков предгорных и горных районов, где такой материал имеется в изобилии, и природный фактор, безусловно, сыграл значительную роль в формировании в этом регионе строительных традиций, возникших здесь в эпоху бронзы, а, возможно, и неолита (Ранов 1985: 20; 1988: 43) и существующих вплоть до наших дней.

Однако для бактрийских земледельцев, культурные традиции которых в отдельных категориях материалов рассматриваемых поселений, в частности керамическом производстве, решительно преобладают, не были характерны не только строительные приёмы, но и планировка жилищ, вскрытых в предгорной зоне Юго-Западного Таджикистана. Напротив, каменные конструкции играли ведущую роль в строительном деле некоторых племён степной зоны, в особенности в безлесных районах Западного и Центрального Казахстана, где архитектура из камня достигла уровня подлинного искусства (Маргулан 1979: 299–306). Конечно, строительные приёмы, прослеженные на предгорных поселениях Юго-Западного Таджикистана, значительно более просты и примитивны, однако, в генетическом отношении большой пучок культурных связей степных племён, пришедших в Бактрию (керамика, металл) восходит именно к культурам Казахстана. Большое жилище Кангурттута с использованием каменной кладки Е.Е. Кузьмина считает элементом андроновской культурной общности (Виноградова, Кузьмина 1986: 147). В Центральном Казахстане известны и языческие святилища, ранними формами которых были большие открытые костры и сложенные из камня очаги (Маргулан 1979: 189–192). Округлая постройка лёгкого типа на Тегузаке (рис. 2, *В*) также имеет аналогии в степных культурах, где подобные, слегка заглублённые жилища с вкопанными по периметру и в центре кольями или на лёгких опорных столбах и с песчаной обваловкой рассматриваются как прообраз юрты (Итина 1977: 105–106, 208; Кузьмина, Лившиц 1987). Не исключено, что, за некоторыми исключениями, остатками построек лёгкого типа были и «жертвенные круги» в Бешкентской долине (Литвинский, Зеймаль, Медведская 1977: 77, 86–87, 90–92). Они расположены либо возле могильников (Бешкент I и II), либо вообще вне связи с ними, как, например, Бешкент III.

К сказанному можно добавить, что с использованием камня были хорошо знакомы и носители гиссарской культуры, важным структурным элементом строительных конструкций которых являлись каменные выкладки. Последние на поселениях эпохи бронзы в этом регионе открыты не только на полах помещений, но и на незастроенных участках.

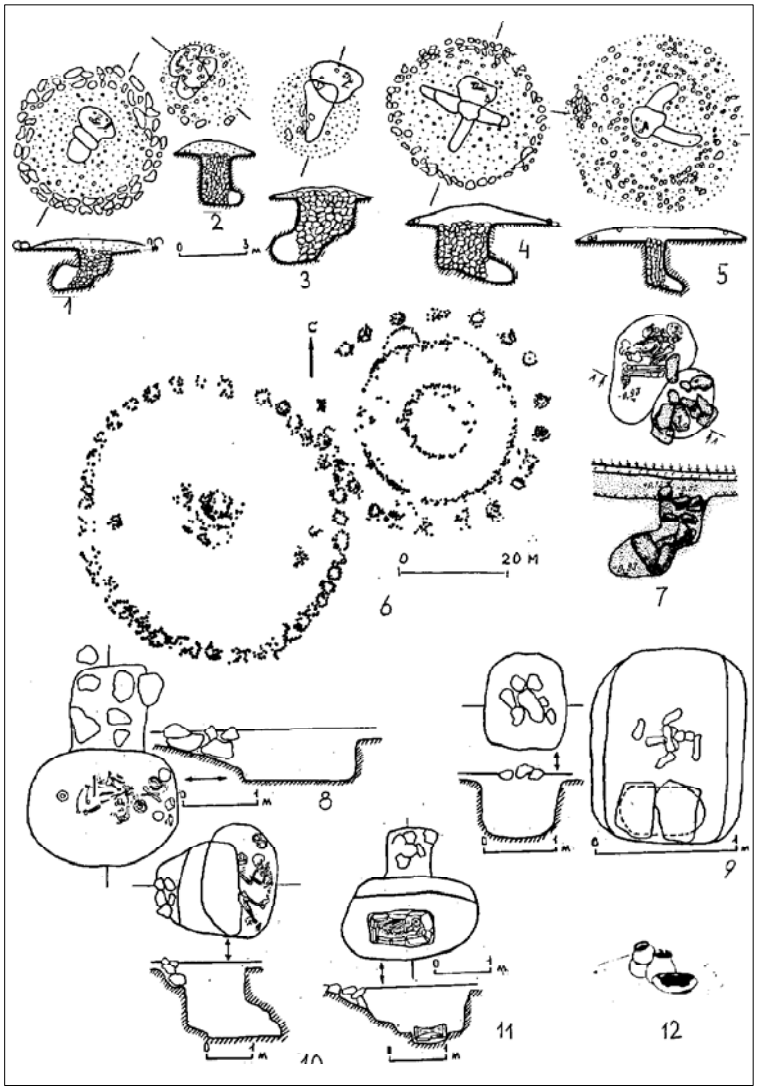



*Рис. 3. Погребальные сооружения. Планы и разрезы:* 1–6 — *Тигровая Балка;* 7 — *Кумсай;* 8–11 — *Ранний Тулхар;* 12 — *Нурекский могильник.*

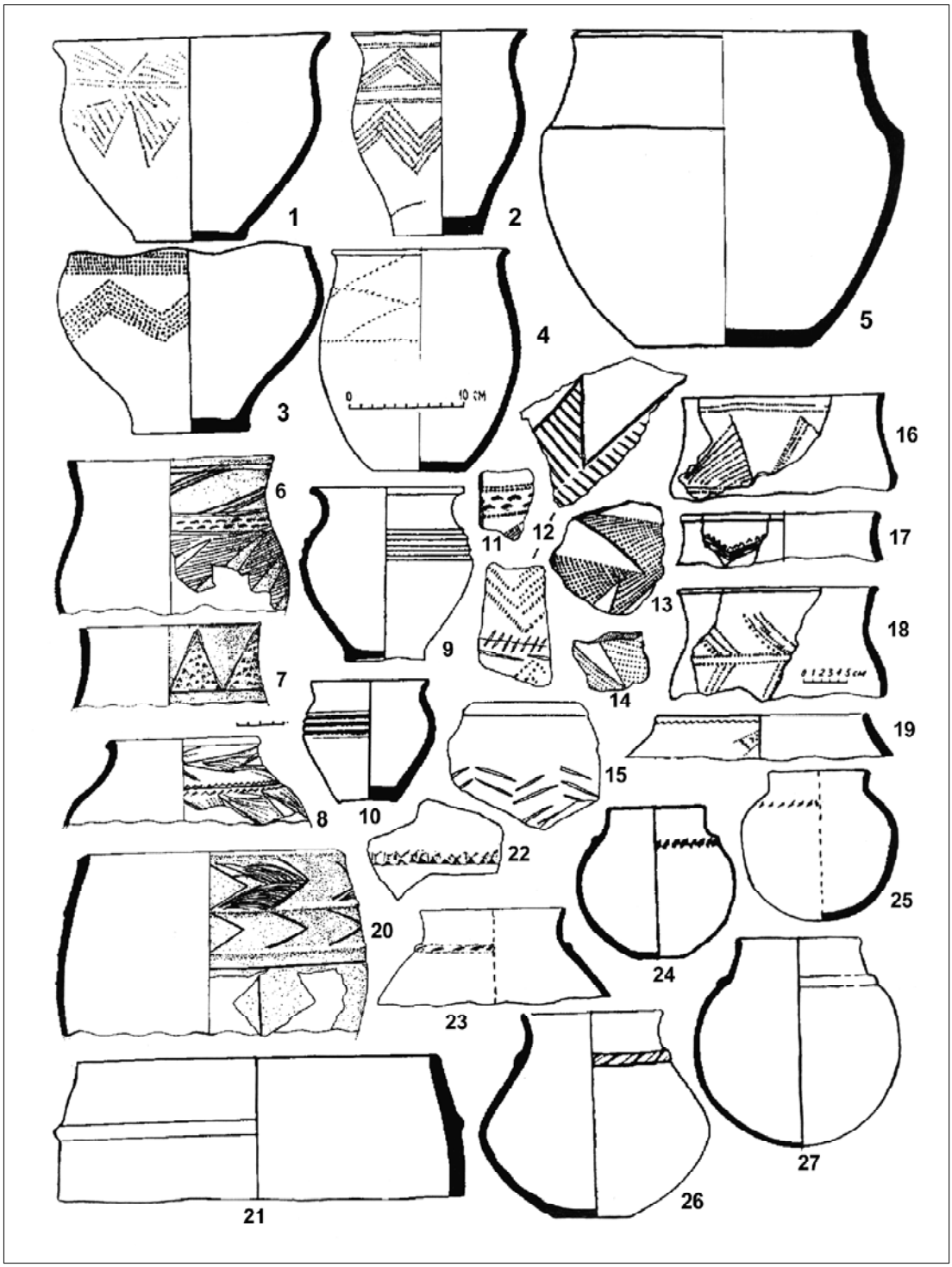



*Рис. 4. Керамика:* 1–3, 10 — *Кумсай;* 4 — *Ксиров;* 5, 16–19 — *Тегузак;* 6–8, 11, 13, 14, 20 — *стоянка степной бронзы на Вахше;* 9 — *Тандырйул;* 12, 15 — *Кангурттут;* 21 — *Ташгузор;* 22 — *Каримберды;* 23–26 — *Тигровая Балка;* 27 — *Ойкуль. Масштабы разные.*

На поселении вахшской культуры Ташгузор раскопаны остатки двух полуземлянок: одна из них имела столбовую конструкцию (материалы сданы в печать), а строительные остатки на стоянке степной бронзы на Вахше представлены лишь очагами, в большинстве случаев имеющими вид каменного кольца (Литвинский, Соловьев 1972). Полуземлянка — один из наиболее распространённых типов жилища степных племён. Возможно, полуземлянки существовали и у гиссарцев (Ранов 1985: 19). Очаги являются менее выразительной конструкцией для сравнений, но камни при их устройстве использовались и степными, и гиссарскими племенами.

## 2. Могильники и погребальные обряды

Наиболее распространённым типом погребальных сооружений у племён, обитавших на юго-западе Таджикистана в эпоху бронзы, были могилы подбойно-катакомбного устройства. Такие сооружения известны во многих регионах Евразии как у земледельческих, так и у степных племён. Что касается Южного Таджикистана, то здесь для этого типа могил (катакомбы известны и у бактрийских земледельцев) влияние степных погребальных обрядов наиболее прослеживается в наземных конструкциях — насыпях, в большинстве случаев с каменными оградами-кольцами у основания, по склону, а иногда и за пределами насыпи. Такие надмогильные сооружения характерны почти для всех погребальных сооружений вахшской культуры (рис. 3, *1–6*). Глубокие входные ямы этих сооружений плотно забиты крупными камнями. Некоторые из входных ям имеют имеют уникальную форму, например, Т-образного креста или дуги (рис. 3, *4, 5*), которые, возможно, символизируют небесные светила. В 25% могил вахшской культуры засвидетельствован культ огня в виде небольших костров, углей, очажков. Курганы вождей или жрецов (рис. 3, *6*) окружены кольцами диаметром 40 и 50 м, состоящими из небольших насыпей, под которыми погребены ритуальные очаги со следами жертвоприношений в виде частей туш мелкого рогатого скота и возлияний (масла?). Как можно заметить, этот обряд в значительной степени сходен с тем, который был прослежен в святилище Тегузака. Для последующих эпох близкие смысловые параллели для обряда погребения вахшских вождей можно видеть при свершении захоронений в величественных сакских усыпальницах.

Наиболее разнообразные погребальные обряды прослеживаются на территории небольшой Бешкентской долины в низовьях Кафирнигана (Мандельштам 1968, Литвинский, Зеймаль, Медведская 1977). Погребальные сооружения самой бешкентской культуры в могильнике Ранний Тулхар в виде ямы со спуском являются вариантом одного из типов могил культуры Сапалли — ям со ступенчатым спуском. Такие ямы известны на всех этапах могильника Джаркутан. Разница лишь в том, что спуск в Раннем Тулхаре — наклонный и на нём лежат камни (рис. 3, *8*), тогда как на ступеньки в могилах земледельцев Джаркутана положены кирпичи (например, Аскаров, Абдуллаев 1983: табл. XVII, *2*). На поверхности могилы бешкентской культуры обозначены выкладкой из камней, являющихся верхней частью заполнения входной ямы. Так в большинстве случаев обозначены в Раннем Тулхаре и могилы других типов, в том числе и катакомбы вахшской культуры (рис. 3, *10*). И для ям со спуском, и для катакомб обязательным и стандартным, хотя и разнотипным, является проявление культа огня.

Так же, как и в Раннем Тулхаре, обозначены на поверхности могилы в Гиссарской долине: ямы и ямы с неглубоким подбоем в Тандырйуле, катакомбы в Кумсае (рис. 3, *7*).

В Раннем Тулхаре также имеются захоронения в ямах, перекрытых снаружи каменной оградой. Захоронения в оградах под каменной насыпью, иногда спаренные, на поверхности древнего горизонта, наиболее характерны для близко расположенного могильника Ранний Арук-тау. Здесь зафиксировано и захоронение в яме под каменным курганом. Бешкент I — типичный могильник вахшской культуры, в Бешкент II вскрыты захоронения в каменных ящиках, сложенных из крупных плоских каменных плит. Эти сооружения, как и спаренные ограды, являются наиболее чистыми признаками андроновской погребальной обрядности.

Для всех рассмотренных типов могил характерна ингумация. Особым её проявлением является захоронение костей расчленённого скелета в миниатюрных каменных ящичках в могильнике Ранний Тулхар (рис. 3, *11*). Ящики имеют каменное дно, а сверху были перекрыты камышом, т.е. кости полностью лишены соприкосновения с землёй, что уже имеет прямое соответствие с зороастрийским погребальным обрядом. В одном случае в миниатюрной ограде из удлинённых камней захоронен только череп женщины.

В том же Раннем Тулхаре есть и могилы, где захоронение совершено по обряду кремации (рис. 3, *9*), что характерно для некоторых степных племён, в особенности федоровских. Особенностью бешкентских погребений этого типа являются каменные выкладки в виде свастики или разделённого на секторы кольца на дне могильной ямы.

Наконец, в могильниках, примыкающих к рассмотренным выше предгорным поселениям, фиксируется ещё один погребальный обряд, сущность которого пока ещё не ясна: целые большие могильники состоят, за единичными исключениями, только из кенотафов. Такой обряд характерен для некрополя Кангурттута, для Нурекских могильников, один такой кенотаф вскрыт и возле Тегузака. Верхние части нурекских погребальных сооружений не сохранились, но на дне могильных ям обнаруживаются аккуратно поставленные сосуды, но без костяков (рис. 3, *12*). Кангурттутский комплекс (Vinogradova 1996) состоит из катакомб и ям, никак не выраженных на поверхности и не имеющих каменного заклада, в каждой могиле содержится богатый погребальный инвентарь. Тегузакский кенотаф является катакомбой с плотно забитым камнями дромосом и обозначен на поверхности большой земляной насыпью без камней (Пьянкова 1993: 232–237).

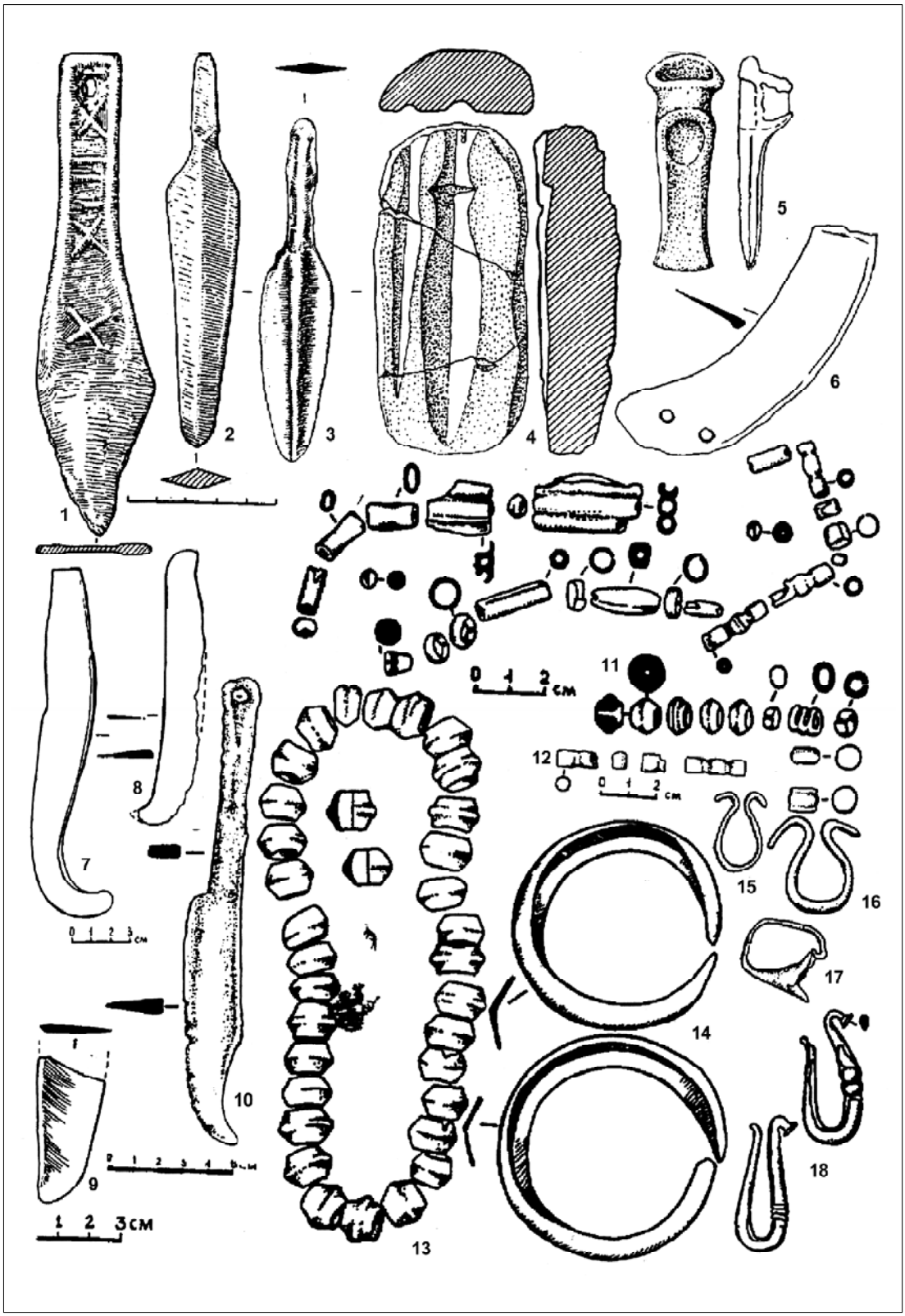



*Рис. 5. Бронзовые предметы:* 1, 2 — *Ранний Тулхар,* 3, 4, 6–*8* — *Кангурттут;* 5 — *Каримберды;* 9 — *Нурекский могильник;* 10 — *Бешкент II;* 11, 13, 14, 16, 18 — *Кумсай;* 12, 15, 17 — *Тандырйул.*

Как в данном случае поступали с умершими? Сжигали где-то на стороне, а кенотаф сооружали для души покойника, без перемещения останков кремации в могилу? Сложные обряды, связанные с сожжением трупов, прослежены недавно в могильнике Бустон VI культуры Сапалли (Аванесова 1995), который по времени синхронен Кангурттуту и Нурекским комплексам. Однако пока никаких свидетельств кремации для последних не обнаружено, к тому же они расположены на крутых склонах. На территории Нурекских могильников и Кангурттутского некрополя при достаточно масштабных работах не обнаружено и никаких тризн или других культовых церемоний. В этом случае нельзя полностью исключить и гипотезу о какой-то связи южнотаджикистанских ритуалов с обрядом «выставления трупов». Также можно заметить, что и в могильниках вахшской культуры кенотафы составляют свыше 30 % всех погребальных сооружений.

Чрезвычайное разнообразие погребальных сооружений и погребальных обрядов в зоне активных контактов земледельческих и степных племён наиболее наглядно свидетельствует о сложности проходивших здесь этнокультурных процессов, ассимиляции различных культурно-хозяйственных типов, изменениях в материальной и духовной сферах жизни.

## 3. Материальная культура

В керамическом производстве памятников эпохи бронзы на территории Юго-Западного Таджикистана в целом преобладает керамическая традиция оседлоземледельческих центров древней Бактрии, однако, в новых условиях она видоизменяется, и значительное развитие получает ручной способ изготовления сосудов. Это особенно характерно для скотоводческих культур — вахшской и бешкентской, где лепная керамика составляет до 70 % всей посуды, при этом во многих случаях лепные экземпляры по форме и даже размерам копируют свои гончарные образцы. Особенно наглядно это прослеживается в комплексах вахшской культуры в отношении некоторых специфических форм, гончарные эталоны которых имеют распространение на памятниках эпохи бронзы Южной Бактрии (Пьянкова 1989: 57–77). По-видимому, скотоводы получали гончарную керамику из оседлоземледельческих центров, а лепную изготовляли на месте по её образцам. На поселении вахшской культуры Ташгузор вся керамика лепная.

На предгорных поселениях Кангурттут и Дахана гончарная керамика значительно преобладает (лепная составляет по 10–13% общего количества фрагментов). Здесь открыты и гончарные печи. В Тегузаке, напротив, лепные сосуды составляют более половины керамической коллекции. В некоторых могильниках Гиссарской долины (Тандырйул, Нурекские могильники, некрополь Кангурттута) лепная керамика редка, а в Кумсае половину коллекции составляют гончарные сосуды времени Молали и половину — сосуды степной бронзы.

В рамках статьи нет возможности для характеристики всего разнообразия керамических комплексов рассматриваемого региона, можно лишь заметить, что формы гончарной посуды в Гиссарской и Бешкентской долинах, а также в северо-восточных предгорьях свидетельствуют о большем влиянии северобактрийских оседлоземледельческих центров культуры Сапалли, а керамика вахшской культуры наиболее сопоставима с комплексами Южной Бактрии.

Керамика степной бронзы, помимо стоянки на Вахше и случайных находок, в наибольшем количестве представлена в уже упомянутом могильнике Кумсай и на поселениях Кангурттут и Тегузак. В могильниках вахшской культуры единичные сосуды имеют на шейке очень скупую орнаментацию или налепной валик. На поселении Ташгузор налепные валики на горле характерны для крупных хумов и хумча. Кроме того, на всех поселениях, кроме Даханы, представлены лепные котлы без выделенного горла с налепными валиками в верхней части тулова.

Орнаментированная степная керамика памятников Юго-Западного Таджикистана украшена преимущественно оттисками гребенчатого штампа, но также встречаются и гладкий штамп, и резные линии. Основными элементами декора являются горизонтальный зигзаг, горизонтальная и вертикальная ёлочка, углы, горизонтальные полосы, пучки наклонных линий (иногда с «росточками»), равнобедренные и косоугольные треугольники (последние сильно вытянуты, иногда из треугольников образованы сложные композиции), часты оттиски «уголков», в могильниках Гиссарской долины найдены сосуды с каннелюрами.(рис. 4, *1–4, 6–20*; см. также Литвинский, Соловьев 1972: рис. 19, 20; Виноградова, Кузьмина 1986: рис. 10; Vinogradova 1994: fig. 5).

Котлы с налепными валиками (иногда такие сосуды имеют носик) появляются в Тегузаке и Кангурттуте в поздний период их существования и продолжают бытовать на более позднем поселении Каримберды. В Ташгузоре фрагмент такого сосуда (рис. 4, *21*) найден в верхнем горизонте, вместе с керамикой времени Яз II. Валики на сосудах памятников эпохи бронзы Юго-Западного Таджикистана либо гладкие, либо украшены насечками или пальцевыми вдавлениями (рис. 4, *22–24, 26, 27*).

Описание многочисленных аналогий для вышерассмотренной керамики заняло бы слишком много места. В целом можно сказать, что она наиболее сопоставима с теми комплекса-

ми, которые в степях предшествуют появлению валиковой керамики, и последняя, в свою очередь, также представлена на памятниках Юго-Западного Таджикистана. Среди орнаментированных сосудов отчётливо прослеживается влияние Федоровской керамической традиции, что в своё время было отмечено и для стоянки степной бронзы на Вахше (Литвинский, Соловьев 1972). Е.Е. Кузьмина относит южнотаджикистанскую орнаментированную керамику к выделяемому ею позднефёдоровскому типу андроновскои культурной общности, датируемому XIII–XII в.в. до н.э. (Виноградова, Кузьмина 1986: 147; Кузьмина 1994: 116). Среди форм орнаментированных сосудов преобладают типичные для федоровских комплексов горшки с округлыми плечиками и узким дном, вытянутым в виде поддона. В тегузакском кострище также были найдены два крупных лепных серо-глиняных сосуда без орнамента, но с плечевым уступом (рис. 4, *5*), что свидетельствует о влиянии алакульской традиции андроновского гончарства, а некоторые формы с коротким горлом и раздутым туловом (рис. 4, *19*) могут быть сопоставлены и с керамикой тазабагъябской культуры. Керамика с валиками из рассматриваемых нами комплексов ни по форме, ни по характеру теста ничем не отличается от найденных вместе с ней сосудов аналогичных типов, но без валика. Е.Е. Кузьмина (Кузьмина 1994: 124) рассматривает появление декора в виде налепного валика на широкой территории в XII (XIII?) в.в. до н..э. как определённую моду, но при сохранении локальных особенностей и технологии изготовления сосудов.

Таким образом, комплексы с керамикой, выполненной в традициях степной бронзы на юго-западе Таджикистана, при её сопоставлении с данными хронологической шкалы степных культур, датируются в пределах XIII–IX в.в. до н.э. Мы привели здесь точку зрения Е.Е. Кузьминой, придерживающейся мнения о параллельном развитии алакульской и федоровской традиций. Другие исследователи считают их последовательными, но и в этом случае (Зданович 1988: табл. 9; Аванесова 1991: рис. XVII) абсолютные даты для южнотаджикистанских материалов будут соответствовать тем же хронологическим пределам.

Аналогичными рамками датируются и найденные на памятниках рассматриваемого нами региона металлические изделия (рис. 5). Особо следует отметить близость украшений из могильника Кумсай и одного из погребений могильника Тандырйул (рис. 5, *11–18*) с аналогичными изделиями комплекса Дашти-Козы в верховьях Зеравшана (Исаков, Потемкина 1989).

Основные территориальные аналогии как для керамики, так и для бронзовых предметов степных типов, найденных на юге Таджикистана, охватывают широкий ареал, включающий Казахстан, Приаралье, долину Зеравшана.

Среди каменных изделий также представлены предметы, бытующие как у оседлых земледельцев, так и у носителей степных культур. Большой интерес представляет использование в эпоху бронзы каменных орудий, выполненных в технике гиссарского неолита. Среди них — скребки, скобели, тёрочники. В Ташгузоре собрана большая коллекция скрёбел, выполненных на первичном отщепе удлинённой формы, с обработанной затупленными сколами верхней частью, острой нижней и выемками на узких концах. Такие скрёбла также широко известны в Шортугае (Francfort 1989: pl. 67, *5–18*, 68, *1–15*), одно такое орудие опубликовано в материалах могильника Ранний Тулхар (Мандельштам 1968: табл. IX, *9*).

Хронологические рамки комплексов эпохи бронзы на юго-западе Таджикистана, определённые по аналогиям со степными культурами, в целом совпадают с датами, предлагаемыми в настоящее время и для тех периодов оседлоземледельческих памятников Бактрии, материалы которых представлены в рассматриваемом нами регионе. Исключение составляет Шортугай, в постхараппской фазе которого находят параллели многие формы сосудов вахшской культуры (P'jankova 1994: fig. 9). В настоящее время это поселение датируется (по радиокарбону) 2200–1700 гг. до н.э. (Francfort 1989: 241). В более ранних работах А.-П. Франкфора, посвященных Шортугаю, хронология постхараппской фазы несколько раз менялась, и она датировалась второй четвертью II тыс. до н.э. или 1800–1600 гг., а конец поселения — 1600 или 1300 гг. до н.э.

Ещё большие проблемы хронологии вахшской культуры возникли в связи с открытием поселения Ташгузор, где слой с лепной керамикой вахшской культуры перекрыт отложениями с гончарной керамикой времени Яз II, которая составляет здесь чуть менее половины всех фрагментов, а преобладает лепная посуда, наиболее сопоставимая с керамикой комплексов Кызыл I и II. Некоторые из этих форм в небольшом количестве встречаются и в нижнем горизонте вместе с керамикой вахшской культуры, которая, в свою очередь, частично сохраняется и в верхнем горизонте.

Комплексы типа Яз II сейчас датируются преимущественно VII–VI вв. до н.э., хотя для некоторых памятников принята более дробная периодизация. Датировка вахшской культуры, привязанная к среднеазиатской хронологической шкале, до сих пор определялась в пределах последней четверти II тыс. до н.э. Значительное омоложение этой культуры вызвало бы хронологические несоответствия с комплексами эпохи бронзы, и ещё большая, чем в настоящее время, лакуна возникла бы между датами вахшской культуры и постхараппской фазы Шортугая. Также пока нет и достаточных оснований для удлинения почти вдвое времени су-

ществования вахшской культуры.

Если считать, что цилиндроконическая керамика типа Яз II появилась одновременно в разных комплексах юга Средней Азии, то вахшская культура (пусть даже на её позднем этапе) представляет собой ещё один локальный вариант комплексов времени Яз I.

В традиционной среднеазиатской хронологической шкале период Яз I чаще всего датируется X–VIII (или IX-VIII) вв. до н.э. Ещё в 1984 г. Ф. Кол отнёс начало этого периода к XV в. до н.э., и его точка зрения поддерживается рядом европейских и американских учёных Более осторожно по этому поводу высказывается А.-П. Франкфор (Francfort 1989: 242), предлагая в качестве возможных дат появления комплексов времени Яз I 1400–1200 гг. до н.э. Для самого Яз I сейчас получена и радиокарбонная дата 1512–1309 гг. до н.э. (Hiebert 1993: fig. 3).

Представляется, что возникла необходимость сближения традиционной и новой точек зрения на хронологию комплексов времени Яз I (и соответственно Яз II и III). Суть имеющей сейчас место хронологической дискуссии об абсолютных датах памятников эпохи бронзы Маргианы и Бактрии заключается преимущественно в том, какая из двух эпох — бактрийско-маргианский археологический комплекс или Яз I–III — была более продолжительной. В настоящее время среди исследователей нет больших разногласий относительно начальной даты бактрийско--маргианского комплекса (это конец III – начало II тыс. до н.э.), однако, продолжительность всех фаз его существования рассматривается затем разными авторами в рамках более длинной или более короткой хронологии. В свою очередь конечной датой комплексов типа Яз III считается IV в. до н.э. — время Греческого завоевания Средней Азии, когда керамическая традиция претерпевает здесь существенные изменения. Конечно, изменение хронологии не должно являться простым математическим делением этих полутора тысячелетий пополам. Необходима корреляция с датами культур сопредельных территорий, например, что касается степных компонентов, то в первую очередь — с валиковой керамикой, которая найдена и на памятниках вахшской культуры, и в некоторых комплексах времени Яз I. Что касается металлических изделий, характерных для памятников времени Яз I и II, то хронологические рамки бытования большинства из них не противоречат некоторому удревнению этих комплексов. Более того, отдельные бронзовые предметы, например, серпы, обычно датируемые XII–VIII вв. до н.э., на памятниках юга Средней Азии, соответственно стратиграфии, часто оказываются в слоях, отнесённых к VII–VI вв. до н.э. Некоторое удревнение хронологии комплексов времени Яз I и II также приблизило бы к общепринятой и дату появления железных изделий в Средней Азии.

ЛИТЕРАТУРА


Аванесова Н.А. 1991. Культура пастушеских племён эпохи бронзы азиатской части СССР. Ташкент: Фан.

Аванесова Н.А. 1995. Новое в погребальном обряде сапаллинской культуры // Российские вести. 4: 63–70.

Антонова Е.В., Н.М. Виноградова. 1979. О летних и осенних разведках в Регарском районе в 1974 г. // Археологические работы в Таджикистане. XIV. Душанбе: Дониш. 93–109.

Аскаров А.А. 1987. Степной компонент в оседлых комплексах Бактрии и вопросы его интерпретации // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Тезисы докладов советско-французского симпозиума по археологии Центральной Азии и соседних регионов. Алма-Ата: Наука. 57–58.

Аскаров А.А., Б.Н. Абдуллаев. 1983. Джаркутан. Ташкент: Фан.

Виноградова Н.М., Е.Е. Кузьмина. 1986. Контакты степных и земледельческих племён Средней Азии в эпоху бронзы // Восточный Туркестан и Средняя Азия в системе культур древнего и средневекового Востока. Москва: Наука. 126–151.

Гафаров Ш.Г., Ю.Т. Рахманов. 1968. Овцы и козы. Летнее содержание. Зимнее содержание // Атлас Таджикской ССР. Душанбе;Москва: Главное управление геодезии и картографии при Совете министров СССР. 161.

Зданович Г.Б. 1988. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей. Свердловск: издательство Уральского университета.

Зеймаль Т.И. 1969. Вахшская долина в древности и раннем средневековье. Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата исторических наук. Ленинград.

Исаков А.И., Т.М.Потемкина. 1989. Могильник племён эпохи бронзы в Таджикистане // СА. 1: 145-169.

Итина М.А. 1977. История степных племён Южного Приаралья. Москва: Наука.

Коробкова Г.Ф. 1973. К проблеме неолитических скотоводов Средней Азии // Тезисы докладов сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 года в СССР. Ташкент: Фан. 207-210

Коробкова Г.Ф. 1987. Хозяйственные комплексы ранних земледельческо-скотоводческих обществ юга СССР. Ленинград: Наука.

Кузьмина Е.Е. 1994. Откуда пришли индоарии? Москва.

Кузьмина Е.Е., В.А. Лившиц. 1987. Еще раз о происхождении юрты // Прошлое Средней Азии. Душанбе: Дониш. 243–250.

Литвинский Б.А. 1964. Таджикистан и Индия (примеры древних связей и контактов // Индия в древности. Москва: Наука.

Литвинский Б.А., Т.И.Зеймаль, И.Н.Медведская. 1977. Отчёт о работах Южно-Таджикистанской археологической экспедиции в 1973 г. // Археологические работы в Таджикистане. XIII. Душанбе: Дониш. 65–103.

Литвинский Б.А., В.С.Соловьев. 1972. Стоянка степной бронзы в Южном Таджикистане // Успехи среднеазиатской археологии. 1. Ленинград: Наука. 41–47.

Мандельштам А.М. 1968. Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане. МИА СССР. № 145. Ленинград: Наука.

Маргулан А.Х. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука.

Пьянкова Л.Т. 1982. Древние скотоводы Бактрии // Куль-

тура первобытной эпохи Таджикистана. Душанбе: Дониш. 41–64.

Пьянкова Л.Т. 1989. Древние скотоводы Южного Таджикистана. Душанбе: Дониш.

Пьянкова Л.Т. 1993. Отчёт о работах Вахшского археологического отряда в 1984 г. // Археологические работы в Таджикистане. XXIV. Душанбе: Дониш. 227–241.

Ранов В.А. 1962. Истоки, внешние влияния и внутреннее развитие гиссарской культуры // Древнейшие культуры Бактрии. Тезисы первого советско-французского симпозиума «Археология древнейшей Бактрии». Душанбе: Дониш. 19–21.

Ранов В.А. 1985. Гиссарская культура — неолит горных областей Средней Азии (происхождение, распространение, особенности) // Каменный век Северной, Средней и Восточной Азии. Новосибирск: Наука. 10-35.

Ранов В.А. 1988. Каменный век Южного Таджикистана и Памира. Автореферат диссертации на соискание учёной степени доктора исторических наук. Новосибирск.

Francfort H.-P. 1989. Fouilles de Shortughaï. Recherches sur l'Asie Centrale protohistorique. Paris: Diffusion de Boccard.

Gentelle P. 1978. Etude géographique de la plaine d'Aï Khanoum et de son irrigation depuis les temps antiques. Paris: CNRS

Hiebert F. 1993. Chronology of Margiana and Radiocarbon Dates // Information Bulletin of International Association for the Study of the Cultures of Central Asia. N 19. Moscow: Nauka. 136–148

Kohl Ph. L. 1984. Central Asia Palaeolithic Beginnings to the Iron Age. Paris: Editions Récherche sur les Civilisations

P'yankova L. 1994. Central Asia in the Bronze Age: sedentary and nomadic cultures // Antiquity 68, 259: 355–372

Vinogradova N.M. 1994. The Farming Settlement of Kangurttut (South Tadjikistan) in the Late Bronze Age // Archaeologishe Mitteilungen aus Iran. 27: 29–47.

Vinogradova N.M. 1996. Kangurttut: The Ancient Agricultural Burial Ground in Southern Tadjikistan // Information Bulletin of International Assosiation for the Study of the Central Asia. 20. Moscow: 171–194

*Бехтер А.В.*

# СЕЙМИНСКОЕ И АНДРОНОВСКОЕ КЛИНКОВОЕ ОРУЖИЕ: К ПРОБЛЕМЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ТРАДИЦИЙ

**Behter A.V. Seyminskaya and Andronovskaya blade weapon: to the problem of interaction of traditions.**

The article is devoted to the Late Bronze Age daggers of a special type which originate from the Irtysh and adjacent regions. This type was singled out by V. Iv. Molodin in 1993. It's characteristic features are long leaf-shaped blade, absent crossing, grooved hilt with winding or its imitation with a hilt-head formed in a shape of extended trapezium.

Following V. Iv. Molodin, Al. V. Bekhter attributes to the same type another group of daggers from the Karakol II treasure. Their distinguished feature is the zoomorphic hilt-head of Seima style. The type is named 'Irtysh.'

The author traces development of Andronovo and Seima daggers and knives and finds features of these metal-working traditions in 'Irtysh' daggers. The type had been formed in the Eastern Kazakhstan in the late Andronovo time, before Sargary and Karasuk.

Кинжалы эпохи поздней бронзы всегда считались категорией источников чрезвычайно интересной, но трудной для анализа. Находки последних лет на территории Прииртышья и Семиречья новых бронзовых кинжалов, относящихся к недостаточно понятому еще типу, побудили исследователей вновь обратиться к этой теме (Винник, Кузьмина 1981; Молодин 1993; Samašev, Zumabekova 1996). Речь идет о кинжалах, наиболее полно охарактеризованных в статье В. И. Молодина (1993). Для них характерен удлиненно-листовидный (пламевидный) клинок, отсутствие перекрестья, рукоять желобчатая, с обмоткой или ее имитацией, навершие в виде трапециевидного расширения. К ним примыкают кинжалы с зооморфным навершием в сейминском стиле из II Каракольского клада. В этих орудиях исследователи видят следы влияния сейминской, андроновской, «карасукской» традиций металлообработки, но их культурная принадлежность, равно как и хронология, остается предметом дискуссии.



*1. Карта распространения кинжалов эпохи поздней бронзы.*

*○ — кинжалы сейминского типа; ● — ножи сейминского типа; △ — кинжалы петровско—синташтинского времени; ▲ — алакульский тип; ■ — федоровский тип; v — переходный тип; + — иртышский тип.*

© Бехтер А.В., 1999.

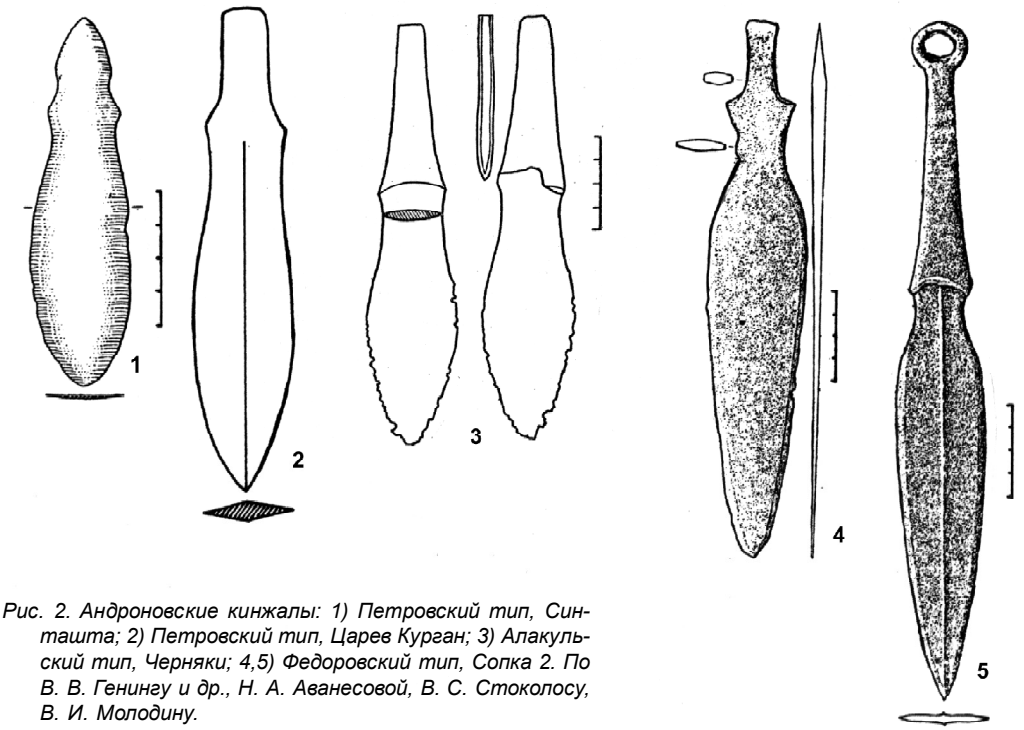



*Рис. 2. Андроновские кинжалы: 1) Петровский тип, Синташта; 2) Петровский тип, Царев Курган; 3) Алакульский тип, Черняки; 4,5) Федоровский тип, Сопка 2. По В. В. Генингу и др., Н. А. Аванесовой, В. С. Стоколосу, В. И. Молодину.*

Я вслед за В. И. Молодиным полагаю, что правомерно выделить особый тип кинжалов позднего бронзового века, который характеризуется вышеперечисленными признаками. Поскольку основные находки (Сопка 2, Шемонаиха, Курчум, Семипалатинск – 7 экземпляров) сосредоточены в Прииртышье или в сравнительно близких регионах (Алтай, Иссык-Куль, Енисей – 8 экземпляров), я буду называть тип иртышским (см. рис.1). Все кинжалы этого типа собраны в публикации В. И. Молодина (Молодин 1993: рис.1-3; 8, 1-3,6-12), кроме двух, недавно опубликованных З. Самашевым и Г. Жумабековой (Samašev, Zumabekova 1996: Abb.1, 3,4).

В свое время о прииртышских кинжалах писал С. С. Черников. В 1960 г. он разработал классификацию бронз Восточного Казахстана. К теме статьи относятся орудия 2-й группы («восточно-казахстанских форм») и 3-й («карасукских форм»). В первую входят кинжалы «с обособленной рукояткой», которые еще М. П. Грязнов отметил в числе орудий, характерных для Казахстана (Грязнов 1930: 157, фиг.3, 17-19). Они имеют плоский клинок без перекрестья и массивную рукоять, расширяющуюся кверху. По предположению С. С. Черникова, «они являются упрощенной формой карасукского кинжала «с шипом»» (Черников 1960: 83, табл.LXIV, 2-4). К орудиям «карасукских форм» автор отнес кинжалы «с шипом», или «выемчатоэфесовые», характеризующиеся желобчатой рукоятью с грибовидным навершием и перекрестьем, образованным небольшими вырезами у основания клинка. С. С. Черников на основании данных спектрального анализа этих кинжалов считает, что они изготовлены в Казахстане по «енисейским образцам» (Черников 1960: 84, табл.X, 1; LXVI, 5,10).

С. С. Черников обосновал существование в Восточном Казахстане крупного центра металлургии и металлообработки (подтверждая тем самым выводы М. П. Грязнова), характеризующегося особыми типами бронзовых изделий, которые сформировались, по его мнению, на базе западных, срубно-андроновских форм под значительным карасукским воздействием.

Представляется, что для анализа происхождения иртышского типа кинжалов необходимо рассмотреть развитие предшествующих форм – в первую очередь андроновских и сейминских. Для этого следует работать в единой системе относительной хронологии, что опять же вызывает сложности из-за неувязанности между собой локальных периодизаций. Поэтому в первую очередь придется обратиться именно к хронологическому вопросу.

Эпоху бронзы в степях между Уралом и Енисеем исследователи разделяют на периоды поразному. Так, Г.Б.Зданович разбивает андроновскую КИО на два этапа — развитую (среднюю) и позднюю бронзу (Зданович 1988: 7). Г.А.Максименков относит к энеолиту и афанасьевскую, и окуневскую культуры (Максименков 1975: 48). В. С. Бочкарев считает, что с формированием срубно-андроновского блока культур начинается эпоха поздней бронзы (Бочкарев 1994). М. Ф. Косарев выделяет для Западной Сибири два периода развитой бронзы, а постандроновские

культуры относит к эпохе поздней бронзы (Косарев 1981). Налицо определенное противоречие, связанное, с одной стороны, с технологическим подходом (в таком случае, скажем, тагарскую культуру почти целиком следовало бы зачислить в бронзовый век), с другой стороны, с узкой локальностью создававшихся периодизаций, без учета сопредельных территорий.

Необходимость единой периодизации, единой системы относительной хронологии возрастает еще и в силу значительных расхождений в абсолютных датировках, к которым так привязаны отечественные исследователи, что уже отмечено Л. С. Клейном (Клейн 1993: 58) и М. Б. Щукиным (Щукин 1994: 46). Приведу лишь один широко известный пример: абсолютная хронология памятников типа Сейма – Турбино, даты которых расходятся от XVII до VIII вв. до Р. Х. (Черных, Кузьминых 1989: 256-261; Членова 1972: 135-138). Периодизационная схема позволит в какой-то мере устранить эти противоречия.

Концепция «блоков культур» (В. С. Бочкарев, М. Б. Щукин) дает возможность увязывать воедино локальные периодизации. Этому способствуют и широкие миграционные процессы, происходившие в степях. В эпоху поздней бронзы территория степи и лесостепи занята родственными образованиями — сначала срубно-андроновским блоком, затем «Общностью культур валиковой керамики» (Черных 1983) и культурами карасукского круга. Один из объединяющих факторов — единство металлообработки и типов металлических изделий на всей территории.

Наиболее детально сейчас разработана периодизация андроновской КИО, увязанная с относительной хронологией восточноевропейских степных древностей (Аванесова 1991: 84-95; Зданович 1988: 127-154). Поэтому я буду отталкиваться прежде всего от нее.

Начало эпохи поздней бронзы связывается с формированием срубно-андроновского блока культур. Это время значительных технологических и хозяйственных инноваций, таких как литье слепой втулки, применение оловянистых бронз, изобретение легкой колесницы. Археологически это прослеживается в уральской абашевской (баланбашской) культуре, памятниках типа Синташта, Покровск, петровской культуре и памятниках типа Сейма, Турбино. По-видимому, баланбашскую культуру, явившуюся одним из компонентов сложения срубно-андроновского блока, следует относить к предыдущему этапу (финал средней бронзы или же переходный период) на основании стратиграфического перекрывания баланбашской керамики петровско-синташтинской на поселениях Южного Приуралья (Горбунов 1985: 7,15,17). В. С. Бочкарев же на основании типологии металлических изделий синхронизировал с баланбашской культурой Турбинский могильник (рассматривая его как единый комплекс) (Бочкарев 1986).

Собственно в андроновскую КИО сейчас принято включать четыре культуры: петровскую, алакульскую, федоровскую и саргаринскую (которую также называют алексеевской, саргаринско-алексеевской, замараевской), образующие хронологическую и генетическую последовательность. Петровская культура образует определенное единство с памятниками типа Синташта – и в той и в другой есть укрепленные поселения, погребения с конями и колесницами, сходная керамика, бронза, другой инвентарь. Очевидно, что петровские и синташтинские памятники относятся к одной культурно-хронологической стадии. С этим этапом В. С. Бочкарев синхронизировал Сейминский могильник (Бочкарев 1986).

Развитие андроновской КИО и ее экспансия продолжаются на протяжении двух следующих этапов: алакульского и федоровского, между которыми по особой керамике переходного облика выделяются памятники типа Кожумберды, Амангельды. На протяжении этого времени андроновцы распространяются практически по всей территории Казахстана, продвигаются в Среднюю Азию, Западную Сибирь и Минусинскую котловину. Начинается формирование так называемых «андроноидных» культур: сузгунской, черкаскульской, еловской на северной периферии андроновской КИО, тазабагьябской в Южном Приаралье. В основном эти культуры синхронизируются с федоровской – по керамике и металлическим изделиям (Аванесова 1991: 99; Зданович 1988: 144). Впоследствии, уже после исчезновения чисто федоровских памятников в Сибири, эти культуры продолжают некоторое время существовать.

В этой связи стоит обратиться к датировкам других сибирских культур андроновского времени. Восточные памятники сейминского типа (Ростовка, Елунино, Цыганкова Сопка) мы пока можем датировать лишь на основании типологических соображений более поздним временем, чем западные, что и сделал в отношении Ростовки В. С. Бочкарев в той же статье (Бочкарев 1986), отнеся этот могильник к алакульскому времени. В настоящее время В. С. Бочкарев больше склоняется к тому, что Ростовка в целом синхронна Сейме и Синташте[1].

Для датировки поселения Самусь IV, которое М. Ф. Косарев считает эталонным памятником выделяемой им культурной общности, мы пока имеем большей частью типологические основания. «Самусьско-кижировские» кельты и наконечники копий являются дальнейшим типологическим развитием сейминских и ростовкинских (Черных, Кузьминых 1989: 144-161). Уже это обстоятельство отодвигает дату самусьских бронз в алакульское время. Но на Самусьском поселении найдена литейная форма для отливки вислообушного топора типа Б3 по Н. А. Аванесовой, которая датируется федоровским вре-

[1] *Устное сообщение В. С. Бочкарева.*

менем[2] (Аванесова 1991).

По всей вероятности, самусьской культуре синхронна кротовская, распространенная в лесостепном Обь-Иртышье, южнее самусьской (Косарев 1981: 106-110). Говоря о датировке кротовской культуры, ее основной исследователь В. И. Молодин отмечает как факты предшествования ее федоровской, так и взаимодействия кротовцев с пришлыми федоровцами (Молодин 1985: 86-87). В целом же самусьско-кротовский культурный пласт полностью перекрывается федоровскими памятниками на юге Западной Сибири и еловскими на ее северной периферии.

В своем распространении на восток носители федоровской культуры доходят до Минусинской котловины, где их памятники не заходят южнее р. Абакан. Впоследствии федоровская культура в этом регионе сменяется карасукской. По поводу того, кто не пустил андроновцев на юг, окуневцы или карасукцы, до сих пор ведутся споры. Мне представляется более аргументированной та точка зрения, что сосуществование федоровской и карасукской культур в Минусе если и имело место, то было кратковременным, а в целом же карасукская культура представляет собой новый этап бронзового века (Максименков 1975: 49-52; Вадецкая 1986: 60-62).

Федоровское время было последним периодом единства андроновской КИО. На следующем этапе происходит его распад, что связано, вероятно, отчасти с утратой связей на огромной территории распространения, отчасти с формированием новой культуры на базе федоровской – саргаринской, входящей в «общность культур валиковой керамики», ОКВК. В это время продолжают свое существование андроноидные культуры: черкаскульская, еловская, на юге Западной Сибири складывается ирменская культура.

Данный культурно-хронологический обзор можно, как мне кажется, представить в виде рабочей периодизационной таблицы с буквенно-цифровыми обозначениями этапов и периодов для удобства последующего обращения к ней. Эпоха поздней бронзы здесь разбита на два периода: собственно позднюю (ПБ) и финальную (ФБ). Период ПБ – время существования андроновской КИО – разделен на три этапа, соответствующих трем последовательным культурам: петровской, алакульской и федоровской. Время существования ОКВК и карасукской культуры выделено в период ФБ. Завершает таблицу переходный этап между эпохами финальной бронзы и раннего железа – аржано-черногоровская стадия (ФБ/РЖ).

| | | | | |
|---|---|---|---|---|
| ПБ1 | Синташта, Петровка | | | Окунево |
| ПБ2 | Алакуль | Кротово | Самусь | Окунево |
| ПБ3а | Федорово | Кротово | Самусь | Окунево |
| ПБ3б | | Федорово | Еловка | Фёдорово |
| ФБ | Саргары, Бегазы | Ирмень | Еловка | Карасук, Каменный Лог |
| ФБ/ЖВ | Тасмола | Ирмень | | Баиново |

Хочу подчеркнуть, что горизонтальные линии в таблице отнюдь не жестко разделяют и синхронизируют этапы. Конечно же, на периферии имело место определенное запаздывание, ради которого, собственно этап ПБ3 и разделен на две ступени. Но сложность в самом определении центра и периферии, которые в процессе развития культуры могли меняться местами. И тогда шло взаимопересечение разных импульсов: затухающего и набирающего силу. Поэтому построение четкой, дробной относительной хронологии поздней бронзы Азиатской степи – дело будущего. Данная же схема будет употребляться в статье в качестве рабочего варианта, дабы избежать еще более спорных попыток абсолютного датирования.

### «Кинжалы с выемками»

Обычно так называют кинжалы с выемками у основания клинка, широко распространенные в памятниках андроновской и срубной КИО, которые Б. Г. Тихонов назвал «ножами срубного типа» (это название также широко используется). Они были проанализированы Н. А. Аванесовой, которая, путем вычисления соотношений между шириной перекрестья и длиной выемки, длиной лезвия и общей длиной кинжала выявила кинжалы, характерные для петровского, алакульского и федоровского времени (типы А1, А2, А5), что подтверждается их находками в закрытых комплексах названных культур (Аванесова 1991: 22-24, рис.22, 1-9,15-18).

Качественный анализ кинжалов с выемка-

*2 В публикации поселения Самусь IV этот топор отнесен к «узковислообушным», (аналогичным топорам типа А1 по Н. А. Аванесовой) [Матющенко 1973: 51, рис.9, 1,2], однако, на мой взгляд, его реконструкция не вполне точно выполнена. На рисунке в книге Е. Н. Черных, С. В. Кузьминых ясно видны валики, опоясывающие втулку [Черных, Кузьминых 1989: рис.83], что позволяет датировать его более поздним временем.*

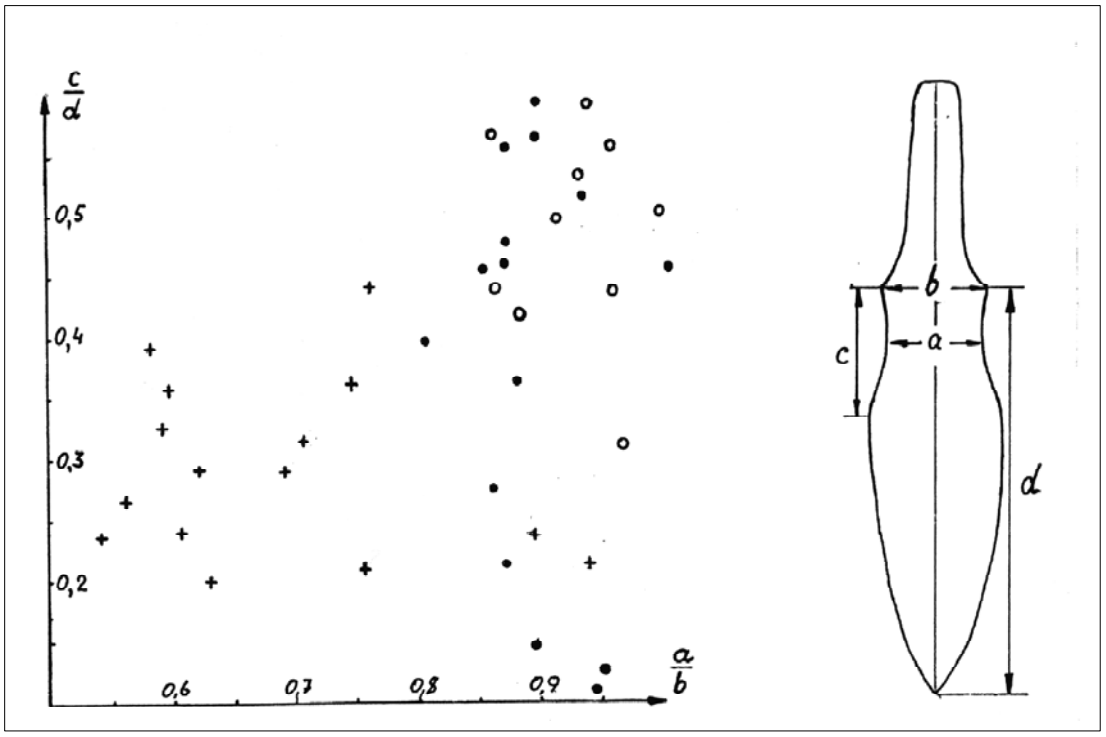



*Рис. 3. График взаимозависимости основных параметров андроновских кинжалов.*
*● — петровские кинжалы, ○ — алакульские, + — федоровские. Параметры кинжала: a – ширина перехвата, b – ширина перекрестья, c – длина выемки, d – длина клинка.*

ми показывает, что в той или иной степени им присущи общие признаки: листовидный клинок, отковка лезвий, наличие/отсутствие нервюры, ромбическое, пластинчатое или линзовидное сечение клинка, прилитая или приклепанная рукоять овального сечения. Кроме ранней, петровской группы: их отличает не всегда выраженное перекрестье (Кенес, СМ – м.39) и унаследованное с абашевского времени ромбическое завершение черешка. Что касается федоровских кинжалов, то на них чаще присутствует нервюра, которая иногда заходит и на черешок, и отковка лезвий. Впрочем, эти признаки встречаются и на более ранних экземплярах (рис. 2).

Для параметрического анализа наиболее показательным оказалось сопоставление двух отношений: ширины перехвата относительно ширины перекрестья и длины выемки относительно длины клинка. На корреляционном поле достаточно четко разделились кластеры кинжалов датированных этапами ПБ2 и ПБ3. Первые заняли правую верхнюю часть поля, т. е., их выемки относительно неглубокие (ширина перехвата составляет в среднем 0,85...0,90 ширины перекрестья), и достаточно длинные (0,4...0,6 длины клинка). Кинжалы этапа ПБ3 имеют выемки короткие и глубокие (0,15...0,30 длины клинка и 0,4...0,7 ширины перекрестья), и их значения занимают, таким образом, левую нижнюю часть поля. Интересно распределение значений для кинжалов этапа ПБ1: все они рассредоточились по правой половине поля, захватывая и алакульский кластер (рис. 3). Их отличительная черта – слабая в большинстве случаев выраженность выемок, а наибольшее расширение приходится в основном на нижнюю часть клинка. Замечу, однако, что значения, сближающие петровские кинжалы с федоровскими (наибольшее расширение в верхней части клинка), могут быть связаны со значительной сточенностью этих кинжалов, что не всегда удается установить по рисунку. С другой стороны, мы имеем примеры обратного свойства. Это кинжал из могильника Турбино I (Бадер 1964: рис.80А), который не был обработан после отливки. Форма его несколько асимметрична, и наибольшее расширение клинка в верхней части. Другой пример – из могильника покровского типа Песочное. Два кинжала из него имеют неглубокие хорошо выраженные выемки длиной примерно в 1/3 клинка. (Зудина, Скарбовенко 1985: 53,57, рис.5, 9; 6, 3).

### Сейминские кинжалы

На мой взгляд, диагностическими сейминскими являются всего два типа клинка: двулезвийный (кинжал) и однолезвийный (нож); к которым крепилась деревянная или металлическая рукоять.

Кинжальный клинок сейминского типа пластинчатый, с широким черешком, лезвия, как правило, хорошо прокованы, наибольшее расширение приходится обычно на верхнюю часть и никогда – на нижнюю. Размеры до 270,50 мм. Рукоять могла быть деревянная или металлическая,

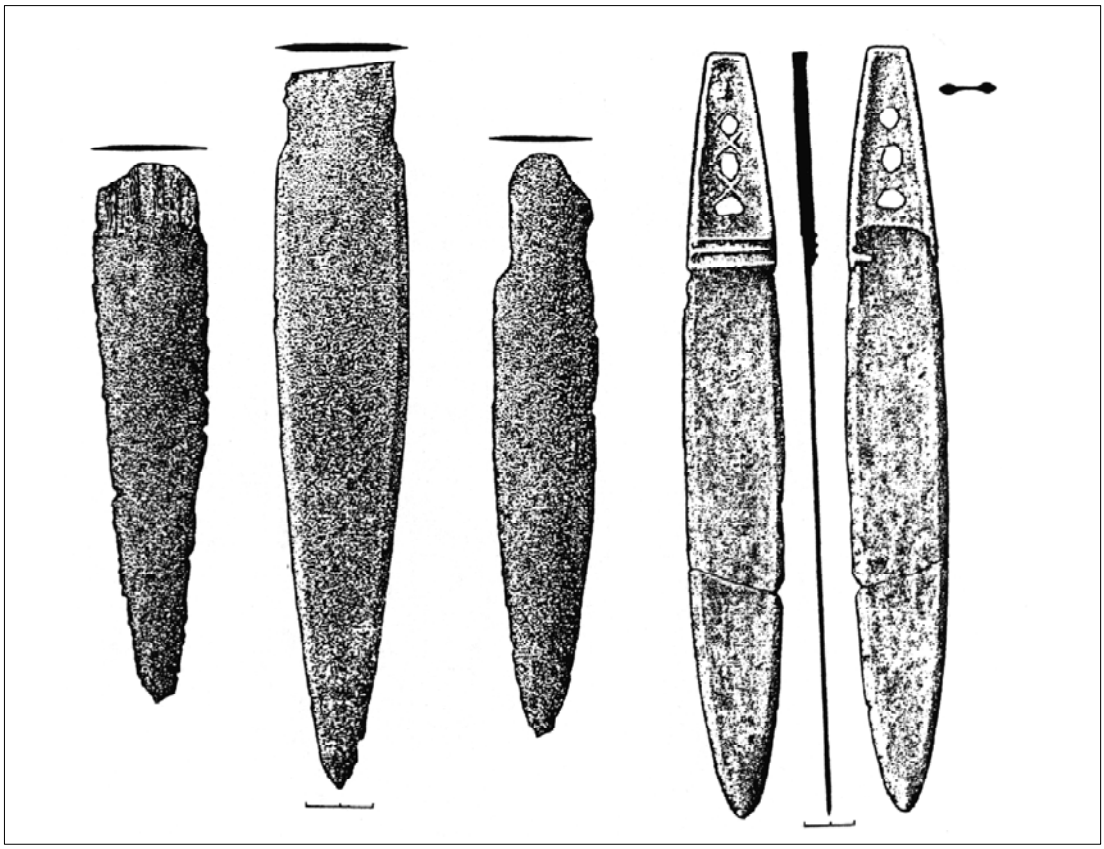


*Рис. 4. Кинжалы с клинками сейминского типа. Сейминский могильник. По О. Н. Бадеру.*

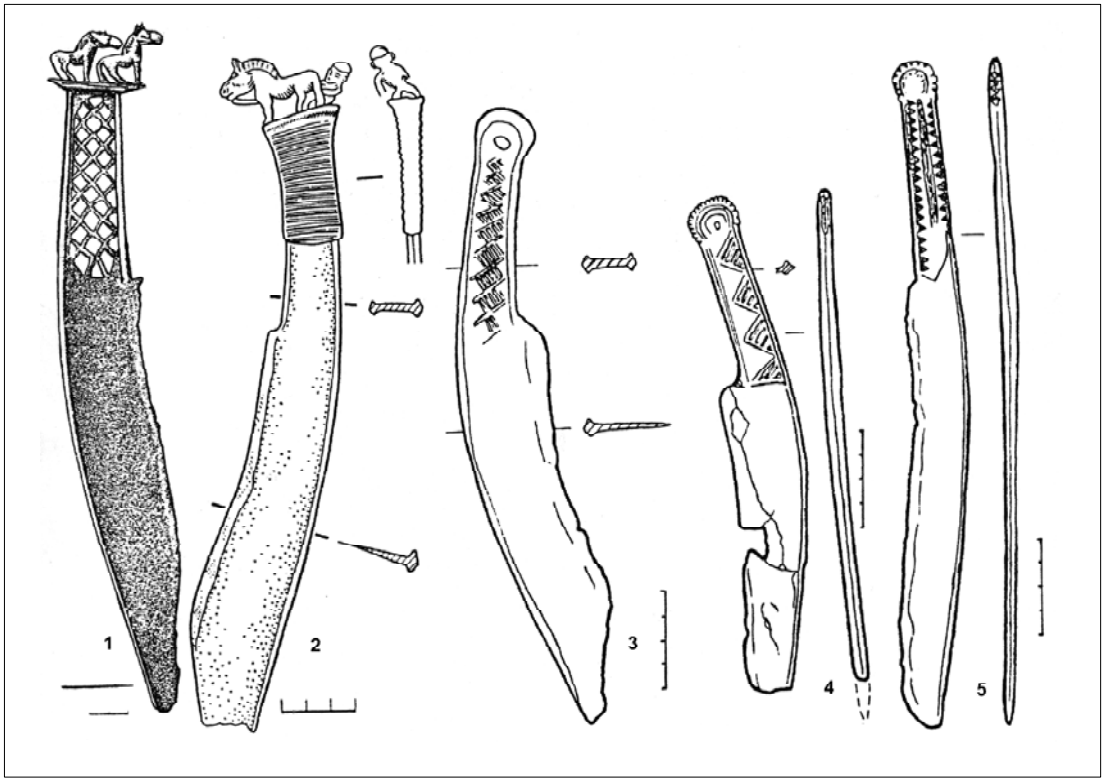



*Рис. 5. Эволюция сейминских ножей. 1) Сейма; 2, 3) Ростовка; 4, 5) Цыганкова Сопка. По О. Н. Бадеру, Е. Н. Черных, С. В. Кузьминых.*

прилитая. Эта характеристика практически соответствует определению ножа турбинского типа по Б. Г. Тихонову (Тихонов 1960: 73, табл.XX,2; XXV,37).. Такие клинки встречаются исключительно в сейминских комплексах (рис. 4).

Клинок сейминского ножа характеризуют следующие признаки: массивный дугообразный обушок, вогнутое, хорошо прокованное лезвие, уступчатый переход к рукояти/черешку, сечение треугольное или, что чаще, тавровидное с выделенным обушком. Острие, судя по литейной форме из Ростовки, оттягивалось вверх ковкой. Рукоять металлическая, в 3 случаях из 11 прилитая, в остальных – ножи цельнолитые; последние, на мой взгляд, типологически более поздние (рис. 5).

Именно восточные сейминские ножи по ряду признаков (кольцевидное навершие, дугообразность, вертикальный орнамент из треугольников вдоль образующих, треугольное сечение клинка) приближаются к более поздним минусинским ножам. Район их нахождения – Алтай – также соседствует с Минусинской котловиной. Однако вряд ли алтайские находки датируются позднее этапа ПБ2. Хотя сейчас наиболее восточный сейминский комплекс известен на р. Кизир (правобережье Енисея) (Леонтьев 1997), он также должен датироваться не позднее ПБ2. Таким образом, несмотря на сравнительную полноту типологического ряда, остается большая хронологическая лакуна.

### Кинжалы переходных форм

Другую хронологическую группу составляют находки с широкой территории от Прикамья до Иртыша. Основанием для их объединения послужила в первую очередь форма клинка. Дело в том, что клинок кинжала федоровского типа имеет достаточно стандартную вытянуто-листовидную (пламевидную) форму и короткие глубокие выемки у основания (см. выше). Опорный комплекс в этом случае – клад Тимофеевское, включающий в себя вислообушный топор типа Б2 по Н. А. Аванесовой и цельнолитой кинжал с прорезной рукоятью (Аванесова 1991: рис. 15В). Комплекс датируется по топору этапом ПБ3, самое позднее ПБ3а (рис. 6:1,2). С кинжалом из Тимофеевского сопоставляются следующие экземпляры:

·Пермская губерния (ГЭ 78-4) – по грибовидному навершию, прорезной рукояти, выемками и выкружками у основания клинка (рис. 6:2);

·Масловка (Тихонов 1960: табл.XVI:9) – по грибовидному навершию, прорезной рукояти, параметрам клинка; у основания клинка – насечки, имитирующие выкружки (рис.6:3);

·Таскина (ГЭ 5531-240) – по прорезной рукояти и треугольному клинку ромбического сечения (ср. кинжал из Пермской губ.). Рельефная гофрировка его рукояти говорит, на мой взгляд, о том, что типологически этот кинжал следует сразу за кинжалами с обмоткой рукояти. Гофрированное же кольцевидное навершие сближает его с позднесейминскими ножами (см. выше) (рис. 6:4).

Именно к этой группе, на мой взгляд, примыкают кинжалы иртышского типа, также имеющие клинки федоровских пропорций с выкружками у основания, но сечение их чаще с нервюрой. В этой группе мы имеем комплексы клада Каракол II (Винник, Кузьмина 1981) и Могильника Сопка 2 (Молодин 1993). Навершия на каракольских кинжалах, выполненные в сейминском стиле, аналогичны фигуркам лошадей на федоровском височном кольце из могильника Мыншункур (Пяткин, Миклашевич 1990; Кузьмина 1994: 5, 260). Гофрированные рукояти сопо-

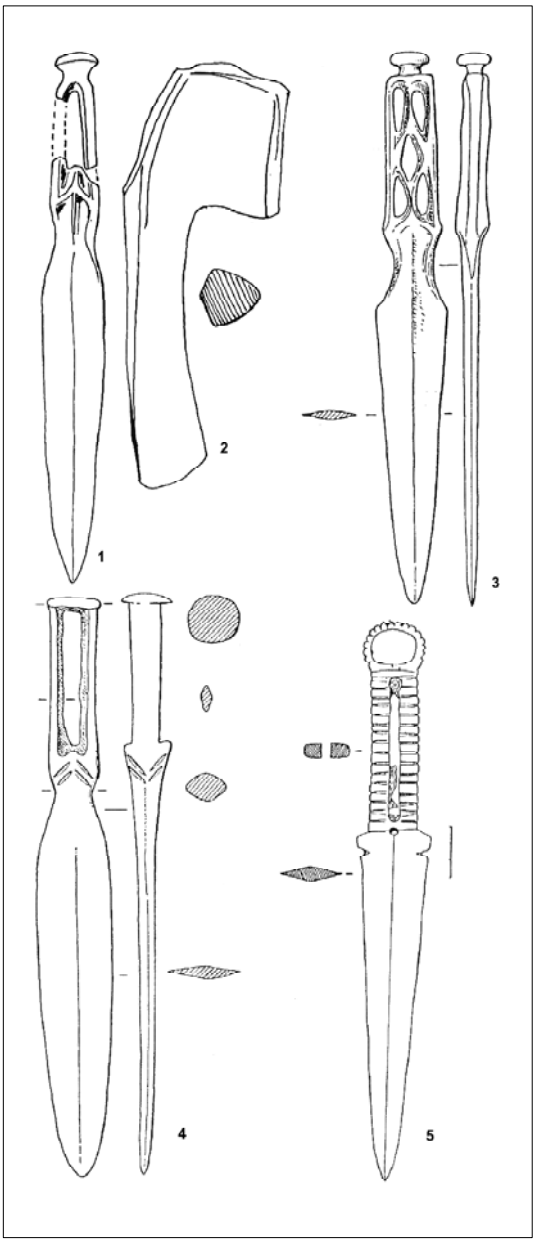



*Рис. 6. Кинжалы переходных форм. 1,2) Тимофеевское; 3) Пермская губерния; 4) Масловка; 5) Таскина. По Н. А. Аванесовой, Е. Н. Черных, С. В. Кузьминых.*

ставляются с рукоятью эрмитажного экземпляра. Погребения в Сопке 2 с кинжалами этой группы являются кротовскими и датируются этапом ПБ3, возможно, что и ПБ3а. Таким образом, вышеперечисленные кинжалы можно датировать в основном периодом ПБ3.

В кинжалах иртышского типа прослеживаются две традиции: андроновская и сейминская. Первая проявляется в форме клинка, а также в выкружках, которые, на мой взгляд, восходят к раннеандроновским рукоятям с арочным нижним торцом. Н. Л. Членова определила технологические предпосылки формирования желобчатой рукояти, как бы насаженной на клинок, но за отсутствием территориально близких ранних датированных комплексов обратилась к далеким ближневосточным аналогиям (Членова 1976). Сейминские черты – это, прежде всего, скульптурные зооморфные навершия и полые рукояти. Кинжалы из Каракольского клада и с р. Курчум напоминают постсейминские копья с ромбическим стержнем и раструбообразной слепой втулкой – КД — 32 (Черных, Кузьминых 1989: рис.45, 3,5-7).

Судя по данным картографирования (рис. 1), типологическое и, вероятно, хронологическое развитие сейминских ножей проходило с запада на восток. Сейминские памятники располагаются вдоль северной границы срубной и андроновской КИО, и лишь на позднем этапе андроновской экспансии их ареалы смешиваются в степном и лесостепном Обь – Иртышье. Рискну предположить, что распространение сейминцев и носителей культур срубно-андроновского блока шло параллельными путями, с Урала на восток – юго-восток и запад – юго-запад.

Вероятно, Восточный Казахстан был тем районом, где сейминская и андроновская традиции металлообработки пришли в прямое соприкосновение, в результате чего появились новые типы металлических изделий, получившие дальнейшее развитие в эпоху финальной бронзы.

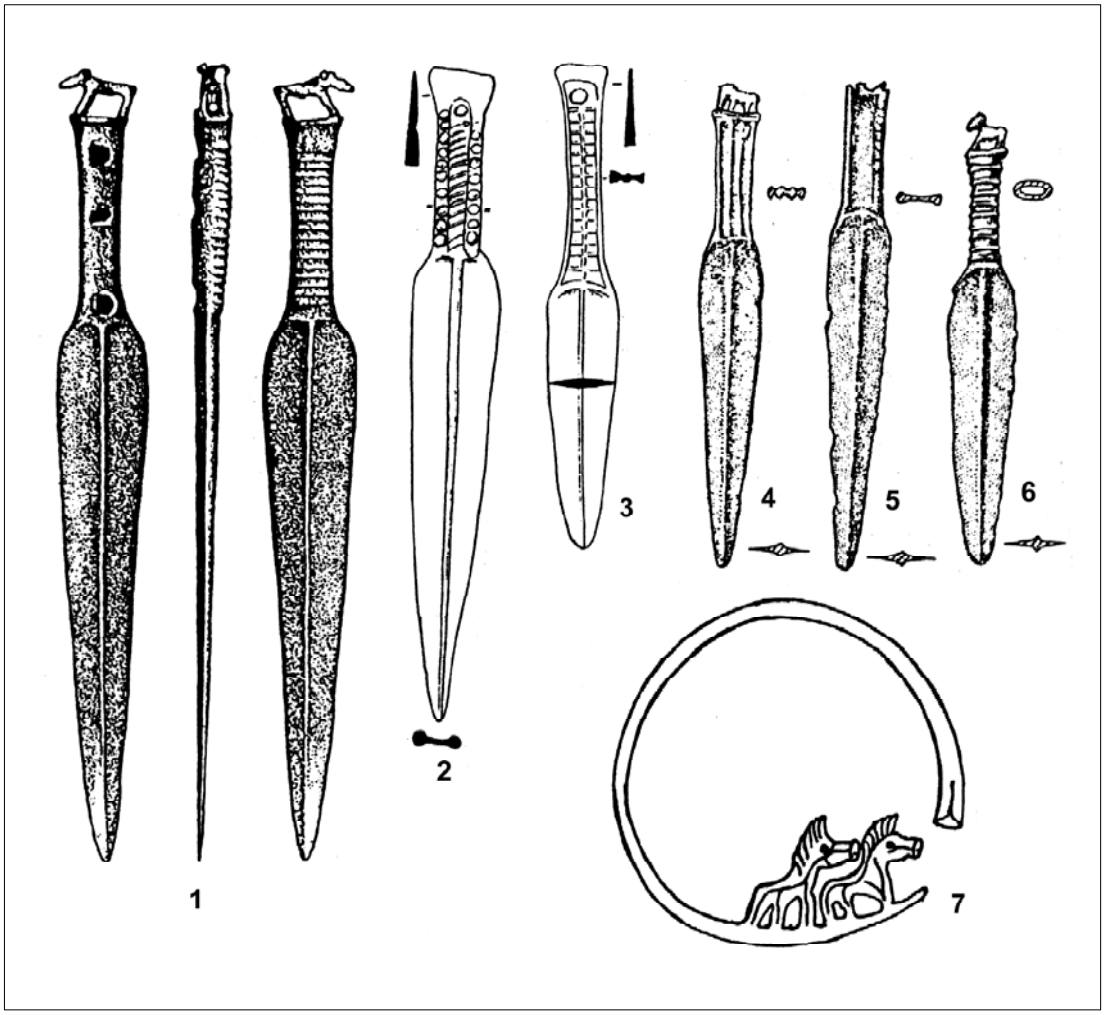



*Рис. 7. Кинжалы Иртышского типа. 1) Курчум; 2) Урожайный; 3) Енисейская губерния; 4-6) Каракол II; 7) золотая серьга из могильника Мыншункур. По З. Самашеву, Г. Жумабековой, Н. Л. Членовой, Е. Е. Кузьминой, Д. Ф. Виннику, Б. Н. Пяткину, Е. А. Миклашевич.*

ЛИТЕРАТУРА

Аванесова Н.А. 1991. Культура пастушеских племен эпохи бронзы Азиатской части СССР (по металлическим изделиям). Ташкент.

Бадер О.Н. 1964. Древнейшие металлурги Приуралья. М.

Бочкарев В.С. 1986. К вопросу о хронологическом соотношении Сейминского и Турбинского могильников // Проблемы археологии Поднепровья. Днепропетровск.

Бочкарев В.С. 1994. Культурогенез и развитие металлопроизводства (по материалам южной половины Восточной Европы) // Культурные трансляции и исторический процесс (палеолит – средневековье). СПб.

Вадецкая Э.Б. 1986. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л.

Винник Д.Ф., Кузьмина Е.Е. 1981. Второй Каракольский клад // КСИА. вып. 167.

Горбунов В.С. 1985. Некоторые проблемы эпохи бронзы лесостепной полосы Приуралья // Бронзовый век Южного Приуралья. Уфа.

Грязнов М.П. 1930. Казакстанский очаг бронзовой культуры // Казаки. Вып. 15.

Зданович Г.Б. 1988. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей. Свердловск.

Зудина В.Н., Скарбовенко В.А. 1985. Раннесрубный могильник у с. Песочное // Древности Среднего Поволжья. Куйбышев.

Клейн Л.С. 1993. Феномен советской археологии. СПб.

Косарев М.Ф. 1981. Бронзовый век Западной Сибири. М.

Кузьмина Е.Е. 1994. Откуда пришли индоарии? М.

Леонтьев С. Н. 1997. Бронзы сейминско-турбинского типа с р. Верхней Мульги // 275 лет сибирской археологии. // Материалы XXXVII Региональной археолого-этнографической студенческой конференции вузов Сибири и Дальнего Востока. Красноярск.

Максименков Г.А. 1975. Современное состояние вопроса о периодизации эпохи бронзы Минусинской котловины // Первобытная археология Сибири. Л.

Матющенко В.И. 1973. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). Часть 2: Самусьская культура. // Из истории Сибири. Вып. 10. Томск.

Молодин В.И. 1985. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск.

Молодин В.И. 1993. Новый вид бронзовых кинжалов в погребениях кротовской культуры // Военное дело населения Юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск.

Пяткин Б.Н., Миклашевич Е.А. 1990. Сейминско-турбинская изобразительная традиция: пластика и петроглифы // Проблемы изучения наскальных изображений в СССР. М.

Тихонов Б.Г. 1960. Металлические изделия эпохи бронзы на Среднем Урале и в Приуралье // МИА, № 90.

Черников С.С. 1960. Восточный Казахстан в эпоху бронзы // МИА. № 88.

Черных Е.Н. 1983. Проблема общности культур валиковой керамики в степях Евразии // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск.

Черных Е.Н., Кузьминых С.В. 1989. Древняя металлургия Северной Евразии. М.

Членова Н.Л. 1972. Хронология памятников карасукской эпохи. М.

Членова Н.Л. 1976. Карасукские кинжалы. М.

Щукин М.Б. 1994. На рубеже Эр. СПб.

Samašev Z., Zumabekova G. 1996. Spätbronzezeitliche Waffen aus Kazachstan // Eurasia Antiqua. Band 2.

*Бобомуллоев С.*

# РАСКОПКИ ГРОБНИЦЫ БРОНЗОВОГО ВЕКА НА ВЕРХНЕМ ЗЕРАВШАНЕ

**Bobomulloev S. Discovery the tomb of the Bronze age on the Upper Zerafshan.**

The tomb was found on the left side of Zerafshan river near Penjikent as result of building work and partly destroyed. The burial contains the human body placed on the left side and the skeleton of pet (ram). Among the burial goods were three bronze vessels, three wheel – made pottery vessels, bronze dagger and knife and some ornaments. The bone horse bits are identical with material from some monuments of South Ural (Sintashta and others). The unique object is the bronze pin headed by horse figurine. Wheel – made vessels belong to Jarkutan stage of Sappaly culture in South Uzbekistan and dated 1700 – 1500 B.C. The artefacts from this tomb present the combination of objects from south urban culture and cultural traditions of steppe

В 30-е – 40-е годы нашего века группа археологов под руководством А.Ю.Якубовского и В.А.Шишкина производила археологические разведки в Зеравшанской долине, в результате которых было выявлено значительное число археологических памятников античного, раннесредневекового и средневекового периодов (Якубовский 1950: 13 – 55; Шишкин 1945: 51; Смирнова 1953). До революции в местности Сон Ери был найден в виде случайной находки топор – тесло, который долго оставался единственным доказательством наличия культуры эпохи бронзы в долине Зеравшана. Открытие таких археологических комплексов, как Варахша и древний Пенджикент, отвлекли внимание исследователей от проблемы бронзового века.

Археологическое изучение древнейших этапов обитания человека на территории Зеравшанской долины начались лишь с 50 - х годов нашего века. Группа археологов под руководством Я.Г.Гулямова с участием А.А.Аскарова и У.И.Исломова произвела в низовьях долины широкомасштабные исследования памятников неолита и эпохи бронзы. В течении более десяти лет экспедиция обнаружила около 40 поселений и стоянок культуры степной бронзы, наиболее яркими из которых являются могильник и поселение Заман – баба. Впоследствии итоги работ экспедиции, характеризующие развитие культуры степной бронзы в низовьях Зеравшана, были обобщены в специальной монографии указанных исследователей и в кандидатской диссертации А.А.Аскарова. Культура эпохи бронзы в низовьях долины Зеравшана была определена ими как скотоводческая (Гулямов, Исломов, Аскаров 1966; Аскаров 1962).

В верховьях Зеравшана, начиная с 1975 – 1977 гг., также стали известны единичные находки и погребения, которые можно было отнести к эпохе бронзы. Ввиду того, что эти находки лежали вне основных тем научного интереса А.М. Беленицкого, Б.И.Маршака, В.И.Распоповой, А.И.Исакова и Ю.Якубова, в публикациях о них сообщалось лишь попутно и кратко (Беленицкий, Маршак, Распопова, Исаков 1981; Якубов 1982: 169 – 171).

В соседних с Зеравшанской долиной областях были открыты памятники древнеземледельческих культур в Фергане, Маргиане, Южном Узбекистане, Северном Афганистане и памятники скотоводческо – земледельческой культуры в Южном Таджикистане. Исследователи осветили некоторые аспекты зарождения этих культур в южных областях Средней Азии (Спришевский 1954, 1957; Заднепровский 1962, 1978; Массон 1959; Аскаров 1977; Сарианиди 1977; Мандельштам 1968; Пьянкова 1989). В свою очередь, отсутствие аналогичных культур в верховьях Зеравшана, где имелся энеолитический пласт, ставило новую задачу, в которую входило установить характер культуры в верховьях долины после прекращения жизни на поселении Саразм. Именно к этой эпохе и относится обнаруженное в 1986 г. одиночное погребение с чрезвычайно богатым археологическим комплексом в местности Зардчахалифа, расположенной недалеко от современного города Пенджикент, в 13 км к востоку от поселения Саразм.

Могильная яма данного погребения до уровня костяка оказалась полностью уничтоженной при прокладке подземных конструкций очист-

© Бобомуллоев С., 1999.

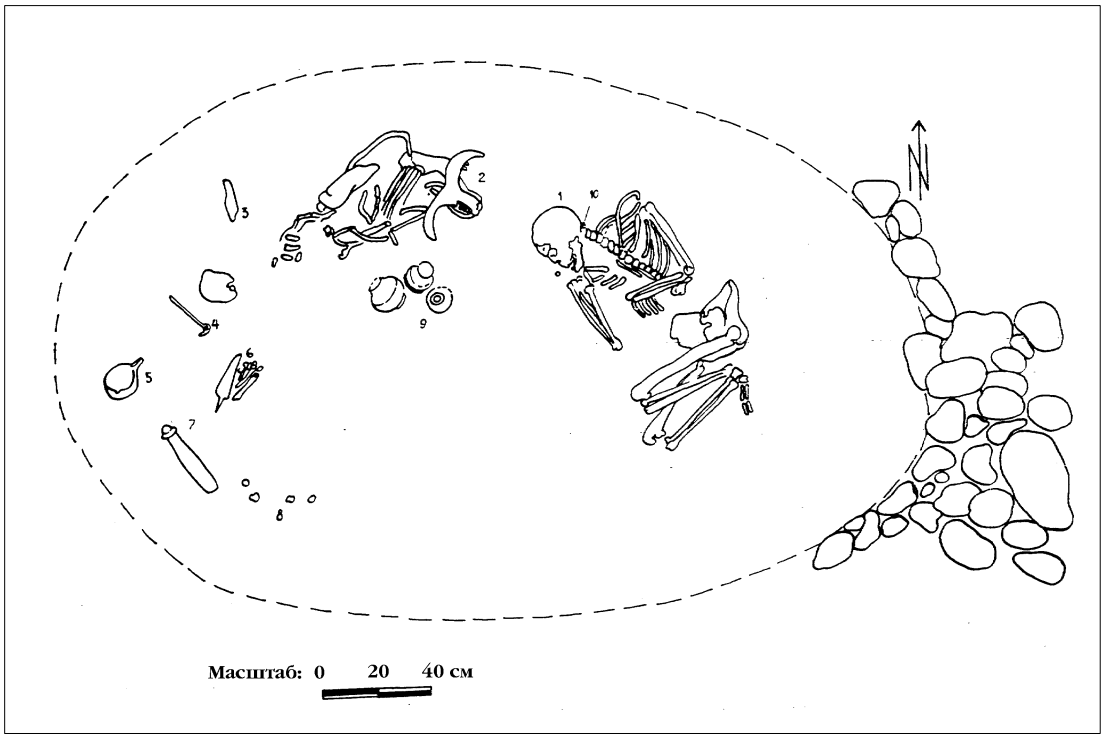



*Рис. 1. План погребения Зардчахалифа.*
*Цифровые обозначения: 1 – костяк погребенного, 2 – скелет барана, 3 – бронзовый нож, 4 – булавка с зооморфной головкой, 5 – бронзовый сосуд с носиком – сливом, 6 – бронзовый кинжал, 7 – каменный пест, 8 – костяные псалии, 9 – керамические сосуды, 10 – золотое височное кольцо.*

ного сооружения. Костяк и некоторые предметы были потревожены. По ходу расчистки удалось определить характер материка поблизости от могилы. Шурфами, заложенными в северо-западном углу раскопа и к югу от уцелевшей части могильной ямы, установлено, что покойник и сопровождавшие его вещи уложены на галечном конгломерате.

Дополнительные сведения были получены во время зачистки стенки траншеи, срезанной бульдозером. Разрез показал, что данная местность дважды являлась руслом древнего речного протока. Зачистка стенки показала, что под слоем дерна толщиной 10 – 15 см с корнями различных травяных растений лежит лессовый слой толщиной 100 – 120 см, ниже которого расположена прослойка гравия толщиной 60 – 70 см. Третий слой из лесса толщиной 50 – 60 см отличается от верхнего лессового слоя тем, что здесь встречаются линзы натека. Четвертый слой толщиной 50 – 70 см опять гравийный, он прикрывает лессовую прослойку. Последняя прослойка из галечника на глубине 3,5 м. Дно захоронения находится на глубине 3,5 м над гравийным наслоением. Наблюдения показывают, что, по всей видимости, могила была грунтовой. Несколько необычна небольшая каменная дуга и кучи прочих камней, обнаруженных к югу-востоку от края могилы. Возможно, они появились здесь в результате попыток создания какого-то погребального сооружения. Общая площадь могилы около 6 кв. м. Для одиночного захоронения эта площадь выглядит слишком обширной. Это, очевидно, связано с тем, что вместе с покойником был захоронен горный баран и положено значительное количество вещей. Любопытным является тот факт, что большая часть предметов погребального инвентаря в могиле собрана в группы.

Могильная яма, овальная в плане, вытянута с запада на восток, размером 3,10 м. (рис. 1). Скелет скорченный, ориентирован головой на северо-запад. Положение черепа и других костей указывает, что усопший лежит на правом боку. Кисть правой руки находится у подбородка, а левой в области живота. Ноги сильно прижаты к тазу (рис. 1: 1). На расстоянии 20 см к западу от черепа погребенного расположен скелет барана, лежащего на левом боку. У него короткие, но весьма толстые дугообразные рога. Установлено, что животное было захоронено целиком, без каких – либо расчленений (рис. 1: 2).

Весьма любопытен факт расположения сопровождающих усопшего вещей. При скелете был найден единственный предмет – это золотое височное кольцо, лежавшее вблизи от уха (рис. 1: 10). Другие предметы располагались группами на значительном расстоянии от костей скелета. В пределах могильной ямы было найдено 24 предмета: 18 металлических, из которых 16 бронзовых и 2 золотых, 3 каменных и

3 керамических.

Набор бронзовых изделий представлен тремя видами сосудиков, четырьмя застежками, четырьмя заклепками, двумя удилами, ножом, кинжалом и навершием булавки с зооморфной головкой. Особый интерес представляют два золотых изделия – упомянутое височное кольцо и бисер. Интересен также набор костяных предметов, куда входят псалии, фрагмент костяной трубки неизвестного назначения и заготовка под пуговицу или застежку с зубчатым краем. Среди находок имеются три каменных изделия: бисеринки бирюзы, фаллического вида пест и заготовка под пряслице. Археологический комплекс дополняют 3 целых керамических сосуда.

К этим находкам следует добавить миниатюрный золотой сосудик. Он был найден на расстоянии более 10 м к востоку от погребения в отвале, сделанном бульдозером. Эта случайная находка свидетельствует о том, что на этом месте было не одно погребение. Однако вся территория новостроек на площади около 2 гектаров разрыта траншеями под очистные сооружения, и, тем самым, другие погребения уничтожены.

**Керамика.** Как было отмечено, в погребении обнаружено три сосуда. Первый представляет собой шаровидный кувшин с узкой (10 см) невысокой горловиной и отогнутым краем венчика. Придонная часть слегка скошена. Донце не устойчивое, его ширина равна примерно 13 см (рис. 2: 11). Второй сосуд полностью шаровидный, с высокой горловиной. Этот сосуд по размеру уступает первому, и его придонная часть не имеет подкошенности (рис. 2: 10). Третий сосуд по форме похож на первый сосуд, подкошенная придонная часть сближает их. Отличительной его чертой является устройство венчика, который имеет треугольное сечение. Кроме того, на плечике сосуда прочерчен знак, состоящий из двух вертикальных и одной горизонтальной линии, придающих знаку вид буквы Н (рис. 2: 9).

**Бронзовые сосудики.** Их всего три экземпляра различных форм, из которых лишь один целый. Это полусферический сосуд со слабо выраженным желобком под венчиком и горизонтально вытянутым от линии венчика носиком – сливом (рис. 2: 7). Второй сосудик имеет гофрированный цилиндрический корпус. Излом по придонной части не позволяет представить его в целом виде (рис. 2: 6). Третий – это лишь фрагмент стенки сферической формы, также от небольшого сосудика.

**Застёжки и заклепки.** Их 8 экземпляров. Все они изготовлены из тонкого листа бронзы и до нас дошли во фрагментах.

**Удила.** В комплексе найдено два экземпляра удил. Они изготовлены из бронзы, видимо, литейным способом. С двух сторон на них имеются великолепные муфты и кольца для соединения с псалиями (рис. 2: 2).

**Булавка.** Имеет зооморфную головку и утолщенный конец. По внешнему виду навершие булавки напоминает лошадку с гривой и длинным хвостом. По всей видимости, изготовлена она способом литья. Длина булавки вместе с навершием составляет 18 см (рис. 2: 1).

**Оружие.** В комплексе бронзовых изделий имеются нож и кинжал. Первый из них однолезвийный, с длинной и массивной ручкой. В отличие от традиционных ножей, по форме он более близок к бритве. Вторая находка представляет собой стандартный кинжал. Он снабжен вытянутым, плоским черешком. Плечики при переходе от черешка к лезвию имеют прямоугольный перегиб. Лезвие с утолщением посередине сломано. Длина его сохранившейся части равна 19 см.

**Предметы из золота.** В данном комплексе их 3 штуки. Первый из них – это миниатюрное височное кольцо. Оно изготовлено из золотой, круглой в сечении (2 мм) проволоки и имеет вид несомкнутого кольца, с плоским буферообразным навершием (рис. 2: 3). Второй предмет – круглой формы бисер со сквозным отверстием. Третий – накладка сферической формы с вогнутыми вовнутрь краями. Она изготовлена путем ковки из тонкого листа золота (рис. 2: 4).

**Костяные изделия.** При зачистке погребения было найдено несколько предметов, изготовленных из кости животных. Из этих находок выделяются псалии, которые представляют собой диски диаметром около 8 см с четко выступающей с одной стороны плоскости муфтой, и шипами, выступающими с обратной стороны (рис. 2: 5). Псалии найдены в сильно фрагментированном виде, что затрудняет определение их точного количества. Однако присутствие в данном комплексе пары удил позволяет сделать предположение, что всего здесь было четыре псалия, по паре на каждое из удил. Кроме этого, в погребении найдены костяная трубочка, назначение которой неизвестно, а также заготовка под пуговицу или застежку с зубчатым краем.

**Предметы из камня.** Их всего два. Это бисер из бирюзы со сквозным отверстием и массивный фаллической формы пест (рис. 2: 8). Длина песта 26,5 см, сечение 4,5 см, изготовлен из цельного песчаного камня. Тщательно отшлифованная его поверхность свидетельствует о долговременном использовании в быту.

Характер погребения и инвентарь указывает на то, что погребенный, несомненно, имел высокий социальный статус. Касаясь вопросов аналогий и хронологии погребения, следует отметить, что погребальный обряд Зардчахалифа близок к погребениям раннеземледельческих памятников Северной и Южной Бактрии, таких как Сапаллитепе и Дашлы – 1 (Аскаров 1977; Аскаров, Абдуллоев 1983; Сарианиди 1977). В одном из погребений поселения Дашлы – 1 вместе с многочисленными керамическими сосудами был захоронен целый баран.

Захоронение двух баранов было обнаружено в погребении № 60 на поселении Сапаллитепе. Здесь также найдено значительное количество керамики. В отдельных погребениях Сапаллитепе, Дашлы - 1 – 3, Сумбара и Памира рядом со склепом усопшего встречались лишь расчлененные части животного, лопатки, ребра или задние ноги, причем преимущественно — барана или козы.

Для характеристики погребения Зардчахалифа интерес представляют аналогии традиций захоронения с погребениями № 7, № 44 и № 90 на поселении Сапаллитепе. В погребениях № 7 и № 44 было обнаружено по одному ягненку, а в погребении № 90 – два животных. Причем в могиле № 90 скелет первого животного лежал на левом боку, а второго – на правом. А.А. Аскаров объясняет это тем, что “если в первом случае (погр. № 44) животное заменило мужчину, то во втором (погр. № 90) животные заменяли людей обоих полов (Аскаров 1977: 138). Думается, этот аргумент приемлем и для погребения Зардчахалифа, где скелет мужчины лежит на правом боку, а барана на левом боку.

Керамический комплекс типологически идентичен кувшинам джаркутанского этапа поселения Сапаллитепе и могильника Джаркутан. Некоторое сходство керамики погребения Зардчахалифа имеется в керамике поселения Дашлы – 3. Третий сосуд с раздутым туловом и высоко вытянутой шейкой без подкоса на придонной части аналогичен керамике 11 типа могильника Джаркутан. Отметим, что все три сосуда изготовлены из тщательно отмученной глины розового цвета на гончарном круге. После обжига поверхность сосуда приобрела желто – розовый цвет.

Среди комплекса металлических изделий наибольший интерес вызывает бронзовый полусферический сосуд с вытянутым носиком – сливом. В комплексе джаркутанского этапа поселения Сапаллитепе почти аналогичный сосудик был найден в погребении № 113. Но хотя по типу сапаллинский сосуд близок к нашему, однако в расположении сливов мы видим некоторое различие. Во - первых, слив сосудика из Зардчахалифы расположен у самого венчика, как бы являясь его продолжением, во-вторых, этот же слив по отношению к венчику горизонтален. Что касается сапаллинского сосудика, то здесь слив расположен несколько ниже венчика, к тому же его кончик опускается вниз к корпусу сосуда. Тем не менее, несмотря на эти различия в деталях, мы считаем, что сосуды упомянутых памятников относятся к одному хронологическому периоду и культурному комплексу. Что касается миниатюрных сосудиков со сливом, отметим, что экземпляр керамического сосуда со сливом был найден в раскопе 25 поселения Саразм (этап В) и датирован концом III тысячелетия до н. э. (Isakov, Lyonnet 1988). В связи с этим целесообразно считать, что прототипом этих сосудов были керамические формы.

Металлический вариант сосудов со сливами заимствован из керамических форм и начал развиваться со II тысячелетия до н. э., судя по раннеземледельческим памятникам Среднего и Ближнего Востока. Так, идентичные формы аналогичных сосудов из бронзы, кроме Сапаллитепе, были найдены в слое поселения Тепе – Гиссар (Schmidt 1937). На этом же памятнике найдены сосуды из серебра, свинца и алебастра. Что касается двух других сосудиков, которые представлены во фрагментах, то о них очень трудно что-либо сказать. Первый из них гофрированный, цилиндрической формы, возможно предназначался для хранения благоуханной жидкости, второй фрагмент принадлежал сосудику со специальным, неизвестным нам назначением.

Из группы бронзовых предметов интерес представляют два экземпляра удил, с кольцами на концах. Двухколечные удила в Средней Азии найдены на поселении 9 в Кайрак-Кумах, однако по форме они принципиально отличаются от удил Зардчахалифы, которые не имеют валикообразных муфт, что отличает их от удил Кайрак-Кума (Литвинский, Окладников, Ранов 1962: табл. 58: 1).

В комплексе бронзовых изделий имеется булавка с зооморфным навершием. Булавки с зооморфными навершиями были широко распространены на территории Средней Азии. Они найдены на поселении Алтындепе (Массон 1970: 16), в комплексе хакского клада (Кузьмина 1966: табл. XVI), в разграбленных погребениях Бактрии и на поселении Дашлы – 3 (Сарианиди 1977: рис. 43: 8 – 12, рис. 44: 2). Три экземпляра встречены на поселении Сапаллитепе и в погребениях № 45 и № 24 Джаркутанского могильника. Навершия указанных булавок имеют изображение козы (Алтындепе), барана, козы и коровы (Южная Бактрия), барана (Сапаллитепе и Джаркутан). Булавка хакского клада имеет целую композицию, изображающую процесс доения коровы. На булавке Зардчахалифы мы видим изображение лошади, что является уникальным случаем. За пределами Средней Азии булавки с зооморфными навершиями встречаются в Месопотамии, Юго – Западном Иране, Микенах и Малой Азии (Khan 1964: 37). Вопросами их типологии и картографии из зарубежных ученых в 40 – е годы нашего века занимался С. Пигот (Pigott 1947: 33 – 38). По представленным аналогиям можно констатировать, что булавки с зооморфными навершиями датируются двумя этапами. Начало появления этих булавок относится к ранней бронзе, то есть к началу III тысячелетия до н. э. По мере развития производства металлических изделий и эстетических воззрений они развиваются и получают широкое распространение во II тысячелетии до н. э.

Определенное художественное значение име-

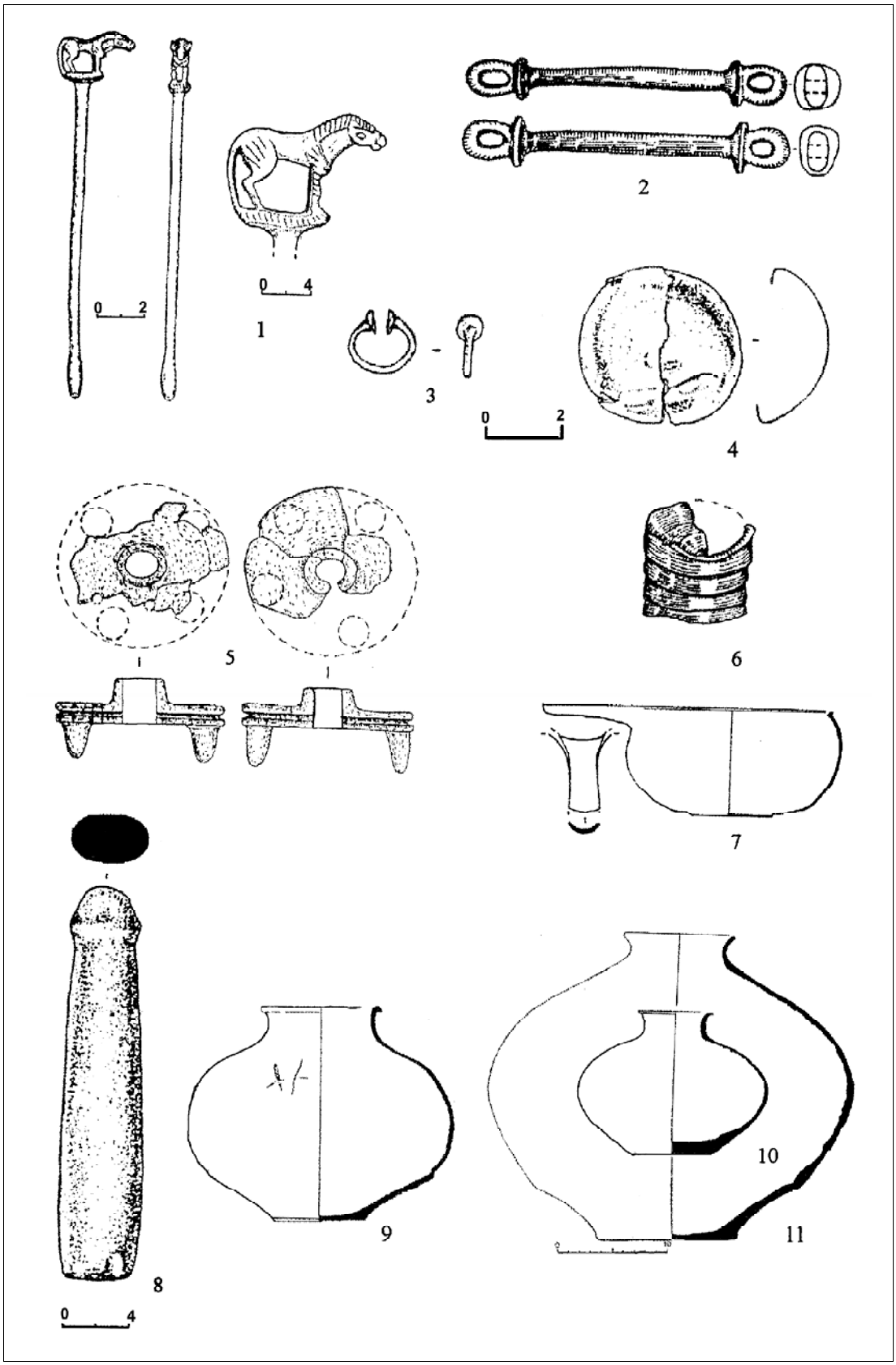



*Рис. 2. Погребальный инвентарь.*

*1 – бронзовая булавка с зооморфной головкой, 2 – бронзовые удила, 3 – золотое височное кольцо, 4 – золотая накладка сферической формы, 5 – костяные псалии, 6 – бронзовый гофрированный сосудик, 7 – бронзовый сосудик с носиком – сливом, 8 – каменный пест, 9, 10, 11 – керамические сосуды*

ют изделия из золота. Первое из них – несомкнутое височное кольцо с двумя буферообразными валиками. Три экземпляра аналогичных колец были найдены в погребениях № 57 и № 29 на поселении Сапаллитепе (Аскаров 1977, табл. XXXIX: 17 – 19). По утверждению А.А.Аскарова, два из них — серебряные. В целом ареал височных колец из тонкой проволоки очень широк. Помимо указанных памятников, кольца различных разновидностей были найдены в Южном Туркменистане (Ганялин 1956: 377 – 379, рис. 3), Маргиане (Массон 1959: 8 - 10, табл. XVI), долине Сумбара и Иране (Shaffer 1948). Некоторые из экземпляров были встречены на поселении Дашлы – 3 (Сарианиди 1977: 86), а также в могильниках эпохи бронзы Южного Таджикистана (Мандельштам 1968). Эти параллели указывают на то, что кольца с буферообразным несомкнутым концом из бронзы, серебра (Сапаллитепе) и золота (Верхний Зеравшан) характерны для II тысячелетия до н. э.

Кроме отмеченного кольца не меньший интерес представляет упомянутый выше сферический миниатюрный сосудик, найденный в 10 м от погребения. Его диаметр 4 см, высота 2 см. Этот предмет мог служить украшением уздечки, но отсутствие какого-либо крепления, характерного для таких предметов, затрудняет его определение.

Последний предмет комплекса Зардчахалифа – это фаллической формы пест. Аналогичные предметы с древнейших времен, конкретно с эпохи неолита, являются необходимым производственным орудием. Различные варианты пестов были найдены практически на всех древнеземледельческих памятниках. Пест из Зарчахалифы имеет прямую аналогию с фаллическими пестами Чуйской долины, найденными А. Н. Бернштамом в 1941 году (Бернштам 1950: 84 – 149). География распространения фаллических пестов настолько обширна, что простирается на восточные склоны Урала (Дмитриев 1951: 47, рис. 2) и даже на Африканский континент (Petrulla 1932: pl. XIX).

Анализ археологических артефактов погребения позволяет установить их синхронность со многими известными памятниками Средней Азии и Ближнего Востока. Синхронизируя археологический комплекс Зардчахалифа, мы видим, что хронологически он соответствует таким памятникам, как Тюронч – тепе ШС, Шах – Тепе II и Тепе – Гиссар III, раположенные недалеко друг от друга на территории Северо – Восточного Ирана. Все эти памятники датированы исследователями второй четвертью II тысячелетия до н. э. (1800 – 1600 гг. до н. э.). Из памятников Южной Туркмении синхронными с нашими комплексами являются Аучиндепе, памятники Мургабского оазиса и могильники долины Сумбар. Хронологический диапазон памятников этого региона, так же как и памятников Ирана, укладывается в период раннего Намазга VI, который датируется 1800 – 1500 гг. до н. э. (Массон М.Е. 1953: 22)

Комплекс Зардчахалифа, на наш взгляд, близок к культурным комплексам джаркутанского этапа поселения Сапаллитепе и Джаркутанского могильника. Керамика, бронзовый сосудик со сливом, булавка с зооморфным навершием, буферообразное кольцо из Зардчахалифы настолько близки к южноузбекским комплексам, что могли принадлежать к одной культурной группе. Исследователи этих памятников А.А.Аскаров и Б.Е.Абдуллаев датируют джаркутанский этап 1700 – 1500 гг. до н. э., или 1650 – 60 гг. до н.э. по радиокарбону (Аскаров, Абдуллоев 1983: 39).

В Афганистане наш комплекс находит параллели в комплексе Дашлы – 1 и Дашлы – 3. Они особенно заметны в керамике и ряде металлических изделий – в сосуде со сливом, булавках с зооморфным навершием и кинжалах ромбической формы. Исследователь памятников дашлинского комплекса В.И.Сарианиди датирует их по радиокарбоновым данным в пределах второй четверти II тысячелетия до н.э. (Сарианиди 1977: 74)

Что касается аналогий культуры эпохи бронзы Верхнего Зеравшана с более южными древнеземледельческими центрами – Мундигака и, частично, харапской культуры, то в последних мы видим лишь минимальное сходство отдельных категорий вещей (например, бронзового кинжала – с Мундигаком, несомкнутых колец и навершия булав – с харапской культурой). Поэтому нам кажется наиболее реальным видеть близость культурного комплекса Верхнего Зерафшана лишь с памятниками Южного Туркменистана и Южного Узбекистана.

Таким образом, анализируя характер погребения Зардчахалифы, мы считаем приемлемым датировать его второй четвертью II тысячелетия до н. э. (1700 – 1500 гг. до н.э.), что хронологически соответствует периоду раннего Намазга VI земледельческих памятников подгорной полосы Южного Туркменистана и джаркутанскому этапу культуры Сапалли юга Узбекистана (Массон В.М. 1959: 23; Аскаров, Абдуллоев 1983: 39).

Если считать, что появление на Верхнем Зеравшане погребального комплекса Зардчахалифа связано с пришлыми племенами, то скорее всего он был принесен сюда населением, мигрировавшим из Южного Туркменистана или Северной Бактрии. Возможно также и такое объяснение, что данное погребение оставлено населением культуры Саразма, последней фазы ее развития, конец которой приходится на пору раннего Намазга VI – первой четверти II тысячелетия до н.э. (Исаков 1984: 480). Носителями комплекса Зардчахалифа могли быть те же саразмийцы.

В свете открытия нового памятника в верховьях Зеравшана есть основания развивать

мысль В. И. Сарианиди, который предполагал существование во II тысячелетии до н.э. “общего бактрийско-маргианского археологического комплекса” (Сарианиди 1977: 57).

Возможно, в бактрийско-маргианский комплекс входила и Зеравшанская долина. Надеемся, что последующее археологическое изучение долины даст возможность внести дальнейшие коррективы в изложенные здесь выводы.

Во всяком случае, можно сделать вывод, что районы верховий Зеравшана являлись зоной культурных контактов различных групп древнего населения. С юга сюда проникали оседло-земледельческие племена типа культуры Сапалли, а с севера – племена степной бронзы, оставившие могильник Даштикози.

ЛИТЕРАТУРА


Аскаров А. 1977. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана, Ташкент

Аскаров А. 1962. Низовья Зеравшана в эпоху бронзы. – Автореф. дисс. канд. ист. наук, Л.

Аскаров А., Абдуллоев Б.Н. 1983. Джаркутан, Ташкент

Беленицкий А.М., Маршак Б.И., Распопова В.И., Исаков А.И. 1981. Раскопки древнего Пенджикента в 1976 г. // АРТ, вып. XIV, Душанбе

Бернштам А.Н. 1950. Археологическая разведка в подгорной части Чуйской долины // МИА, № 13, М.- Л.

Ганялин А.Ф. 1956. Погребение эпохи бронзы у селения Янги-Кала // Труды ЮТАКЭ, т. VII, Ашхабад

Гулямов Я.Г., Исломов У., Аскаров А. 1966. Первобытная культура и возникновение орошаемого земледелия в низовьях Зеравшана. Ташкент

Дмитриев П.А. 1951. Шигирская культура на восточном склоне Урала // МИА, № 21. М.

Заднепровский Ю.А. 1962. Древнеземледельческая культура Ферганы // МИА, № 118. М. – Л.

Заднепровский Ю.А. 1978. Чустская культура Ферганы и памятники раннежелезного века Средней Азии. – автореф. дис. докт. ист. наук. М.

Исаков А.И. 1985. Раскопки в Саразме // Археологические открытия 1984. М.

Кузьмина Е.Е. 1966. Металлические изделия энеолита и бронзового века Средней Азии // САИ, вып. 14-9. М.

Литвинский Б.А., Окладников А.П., Ранов В.А. 1962. Древности Кайрак–Кумов. Душанбе

Мандельштам А.М. 1968. Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане // МИА, № 145. М. – Л.

Массон В.М. 1959. Древнеземледельческая культура Маргианы // МИА, № 73. М. – Л.

Массон В.М. 1959а. О культе женского божества у анаусских племен // КСИИМК, № 73. М.

Массон В.М. 1970. Раскопки на Алтын-депе в 1969 г. Ашхабад

Массон М.Е. 1953. Южно – Туркменская археологическая комплексная экспедиция // Труды ЮТАКЭ, т. II. Ашхабад

Пьянкова Л.Т. 1989. Древние скотоводы Южного Таджикистана. Душанбе

Сарианиди В.И. 1977. Древние земледельцы Афганистана. М.

Смирнова О.И. 1953. Археологические разведки в верховьях Зеравшана в 1948 г. // МИА, № 37. М.- Л.

Спришевский В.И. 1957. Изучение Чустского поселения в 1954 г. // КСИИМК, вып.69. М.

Спришевский В.И. 1954. Чустская стоянка эпохи бронзы // СЭ, № 3. М.

Шишкин В.А. 1945. Археологические работы 1937 г. в западной части Бухарского оазиса. Ташкент

Якубов Ю. 1982. Работы Зеравшанского отряда в 1975 г. // АРТ, вып. XV. Душанбе

Якубовский А.Ю. 1950. Итоги работ Согдийско – Таджикской археологической экспедиции в 1946 – 1947 гг. // МИА, № 15. М.- Л.

Isakov A., Lyonnet B. 1988. Céramiques de Sarasm (Tajikistan, URSS): Problémes de changes et de peuplement a la fin du chalcolithique et au debut de l’āge du Bronze // Paliorient, vol. 14. Paris

Khan F.A. 1964. The Indus Valley and Early Iran, Karachie

Petrulla V.M. 1932. Primitive peaples of Matto Grosso Brazil // The museum journal, vol. XXIII, 2. Philadelphia

Piggot S. 1947. Notes on certain Pins and Macehead from Harappa // Ancient India. 4

Schmidt E.F. 1937. Excavation at Tepe – Hissar. Damghan. Philadelphia

Shaffer E.A. 1948. Stratigraphie comparée et chronologie de l`Asie Occidentale (III et II millénaire). London.

*Кутимов Ю.Г.*

# КУЛЬТУРНАЯ АТРИБУЦИЯ КЕРАМИКИ СТЕПНОГО ОБЛИКА ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ ЮЖНЫХ РАЙОНОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ (ТУРКМЕНИСТАНА)

**Kutimov Yu. G. (S. Petersburg, Russia). Cultural attribute the Late Bronze age's steppe pottery of southern regions of the Middle Asia (Turkmenistan).**

For the first time the steppe type pottery was found in Turkmenia in 1904 owing to archaeological explorations of american expedition under direction of R.Pumpelly in the time of excavations of Anau settlement (Pumpelly, 1908, p. 143, pl.. XV: 7 – 9). It were done much discoveries since then, and at present the finds of steppe pottery are widely known on the many monuments of diverse districts of Turkmenistan.

The investigators, leaning upon a scientific ideas about cultural communities of the steppe zone of Eurasia, usually related that pottery with one of archaeological cultures of the Late Bronze age – Andronovo, Srubnaya (Timber – Frame) or Tazabagyab. Such definition of cultural bonds in the past years' researches had not enough distinct explanation for it was without precise demarcation of andronovo, srubnaya and tazabagyab traditions of making clay pottery. Thereby the steppe type pottery of Turkmenistan haven't in the scientific publications defenite and intelligible typical status, more, the investigators often incorrectly used combinative cultural terms: srubnaya – andronovo, andronovo – tazabagyab, or even srubnaya – andronovo – tasabagyab. That's why a majority preceding research conclusions are requred now considerable correction.

At present we are possesed of a rich archaeological material about of the Late Bronze age's steppe communities of Eurasia that gives archaeologists the possibility essentially to revise the order their development. Andronovo culture isn't already the indivisible whole, it is divided into the several chronological stages and each of them has definite cultural traits; the chronology of Srubnaya culture was seriously reconsidered; thanks to working of archaeologists were distinguished the new post – srubnaya and post – andronovo complexes. All given scientific achievements allowed to approach to the analysis of the Late Bronze age's steppe type pottery of Turkmenistan with new positions and to correct existent ideas about its cultural attribute.

The results of fulfilled comparative analysis of steppe type pottery of Turkmenistan allowed to draw following conclusions:

1) There are two various regions of spreading of the steppe pottery in Turkmenia: a) north – western and southern Turkmenia (including foothill zone of Kopet Dagh), where principal part of steppe type pottery applies to sargarino – alekseevo cultural tradition (XII – XI centuries B.C.); and b) south – eastern Turkmenia (district of the Murgab delta), where was found pottery of srubnaya, alakul and tazabagyab cultures (common date is XVII – XIV centuries B.C.).

2) The Late Bronze age's steppe pottery of Turkmenistan dosn't represent a uniform composition: srubnaya, andronovo or tazabagyab. It is possible to localize here a different cultural complexes: srubnaya, alakul, tazabagyab and sargarino – alekseevo. The appearance of these complexes in the southern regions of the Middle Asia applies to the diverse chronological stage of existence of steppe communities of Eurasia.

Археологический материал, свидетельствующий о проникновении степных племен в южные районы Средней Азии, впервые был обнаружен в начале нашего века при раскопках древнеземледельческого поселения Анау на юге Туркмении, где найдены орнаментированные черепки глиняных лепных сосудов. Декор этой керамики имеет сходство с орнаментацией посуды степных культур эпохи поздней бронзы Евразии (Pumpelly 1908: 143, табл. XV: 7-9). Начиная с 50-х годов XX века, благодаря успешным работам ЮТАКЭ, керамика степного облика была найдена и на других памятниках Туркменистана. Исследователи, опираясь на существующие научные представления о степных скотоводческих обществах Евразии, относили ее обычно к уже известным к тому времени археологическим культурам, занимавшим в эпоху поздней бронзы различные зоны евразийских степей — андроновской, срубной или тазабагъябской, подразумевая, впрочем, иногда под последней особую разновидность той же андроновской либо срубно – андроновской культуры. Однако определение культурной атрибуции степной керамики Туркменистана носило в исследованиях прошлых лет мало дифференцированный характер, без чёткого диагностического разграничения срубных, андроновских и тазабагъябских керамических традиций. Достаточно часто керамика степного облика, найденная на территории Туркмении, не имеет в научных публикациях понятного типологического

© Кутимов Ю.Г., 1999.

статуса, при этом безосновательно употребляются смешанные культурные термины, такие как срубно-андроновская, андроновско – тазабагъябская, или даже срубно – андроновско – тазабагъябская. Поэтому все предыдущие выводы исследователей о ее культурной атрибуции требуют сейчас определенной коррекции.

За последнее время археологами накоплен большой источниковедческий материал по степным обществам Евразии эпохи поздней бронзы, который дал возможность существенным образом пересмотреть картину их культурного развития. Андроновская культура уже не представляется единым целым – в ней выделен целый ряд хронологических этапов, где каждый этап имеет своеобразие культурных признаков материальной среды; пересмотрена в сторону удревнения хронология срубной культуры; выделены новые постсрубные и постандроновские комплексы. Все это, в свою очередь, позволяет подойти к анализу степной керамики эпохи поздней бронзы Туркмении с новых позиций и откорректировать устоявшиеся в науке взгляды на ее культурную атрибуцию.

К настоящему времени находки керамики степного облика известны во многих географических областях Туркменистана. Данный керамический материал можно разделить на две условные группы: а) подъёмный – это черепки сосудов, собранные с различных, большей частью развеянных временных стоянок, расположенных вдоль древних русел рек, в песках, у заброшенных колодцев и т.д.; б) комплексный – это фрагменты глиняной посуды, найденные в культурных слоях древнеземледельческих поселений времени Намазга VI.

Материал первой группы в основном происходит из северо – западных районов Туркмении, где он был собран у села Кызыл-Арват, на среднем и нижнем течении Узбоя и далее на ряде стоянок, протянувшихся цепочкой вплоть до Красноводского полуострова. Отдельные находки степной керамики сделаны в южных и юго – восточных районах Туркменистана: в песках к северу от Ашхабада, в 20 км к северо-западу от села Каахка и др., а также в долине Мургаба, где основная масса находок керамики степного облика происходит, в основном, с поверхности такыров, окружающих древнеземледельческие оазисы.

Ко второй группе материала относится степная керамика, обнаруженная в культурных слоях древнеземледельческих поселений подгорной полосы Копет – Дага — Анау, Елькен-депе, Серманча-депе, Намазга-депе, Теккем-депе и некоторых земледельческих поселений дельты Мургаба. Наиболее полной сводкой по локализации находок степной керамики на территории Туркменистана является работа Е.Е.Кузьминой: (Кузьмина 1964).

В свое время Е.Е.Кузьмина высказала мнение, что вся, найденная на территории Туркмении, степная керамика составляет единый типологический комплекс (Кузьмина 1964: 146). Однако сейчас, благодаря постепенному накоплению и введению в научный оборот нового фактического материала, можно проследить существенные отличия между отдельными комплексами различных районов Туркменистана. Картографирование местонахождений данной керамики с учетом таких ее типологических признаков как форма сосуда и его орнамент позволяет выделить две области распространения посуды степного облика на территории Туркмении.

Первая область включает в себя керамические комплексы северо-западного Туркменистана, в основном это подъемный материал с развеянных стоянок Красноводского п-ова, Узбоя, верховий Актама и пр. В эту же область входит группа памятников южных районов Туркмении — это керамика, найденная в культурных слоях земледельческих поселений эпохи Намазга VI и случайные сборы с различных стоянок, расположенных вдоль северной подгорной полосы Копет – Дага. Ко второй области распространения керамики степного облика относятся археологические комплексы юго – восточного Туркменистана, а именно памятники низовий Мургаба. Сравнительный анализ степной керамики каждого из этих локальных регионов позволяет говорить о различном типологическом облике данной посуды и, стало быть, о разных культурных и хронологических этапах ее существования на территории Туркмении.

1. Основная масса степной керамики северо-западного и южного Туркменистана имеет достаточно единообразный типологический облик по всему местному ареалу распространения. Это фрагменты лепных сосудов с прямым, либо отогнутым наружу венчиком, невысокой шейкой, умеренно раздутым, слабопрофилированным туловом и плоским дном. Глиняное тесто, из которого вылеплена посуда, содержит большое количество примесей — дресвы, песка и шамота. Орнаментальные мотивы на сосудах весьма незатейливые, это различного рода линии, насечки, «ёлочка» и жемчужины. На сосудах орнамент занимает верхние зоны – шейку и плечики – и довольно часто состоит из одного повторяющегося простого элемента. Характерной особенностью данной керамики являются косые насечки, нанесенные по верхнему краю венчика. Нередко на сосудах встречается налепной валик, в большинстве случаев украшенный орнаментом в виде косых насечек. Основные способы нанесения орнамента: гладкий штамп и нарезка (рис. 1, 2) (Ганялин 1956: 84, 86, рис. 9: 1—4; Марущенко 1959: 60, табл. V; Кузьмина 1964: 142 — 144, рис. 2, 3; Кузьмина 1994: 231, рис. 49, 50, 52; Хлопина 1972: 60, 61, рис. 1, 3; Hlopina 1972: 211, рис. 9). Найденная при раскопках керамика данного типа определялась исследователями как андроновская, при этом отмечались близкие параллели с тазабагъябской (Массон 1956: 251; Ганялин 1956: 86), как таза-

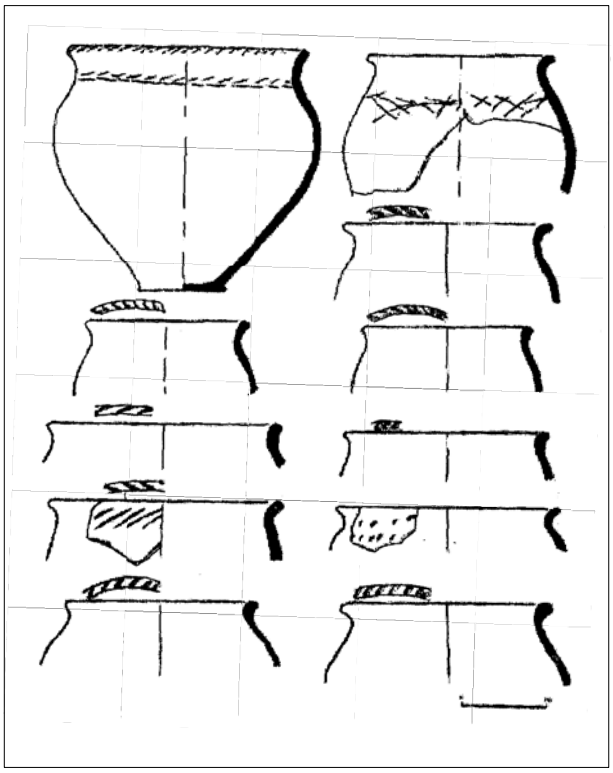


*Рис. 1. Степная керамика поселения Намазга-депе (по Л.И.Хлопиной).*

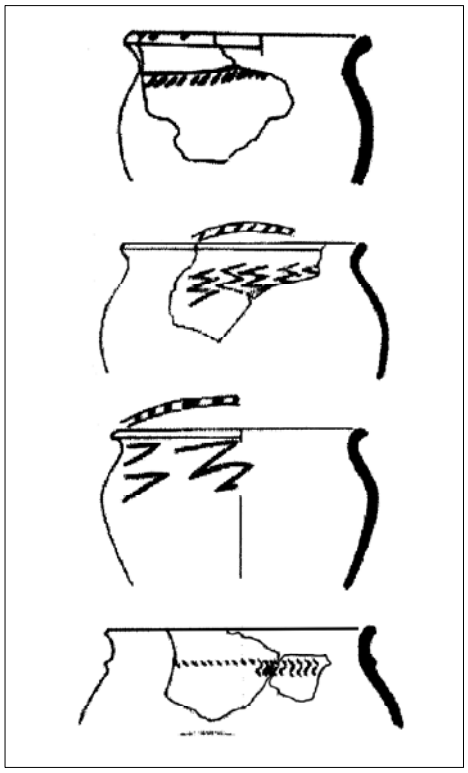


*Рис. 2. Степная керамика поселения Теккем-депе (по А.Я.Щетенко).*

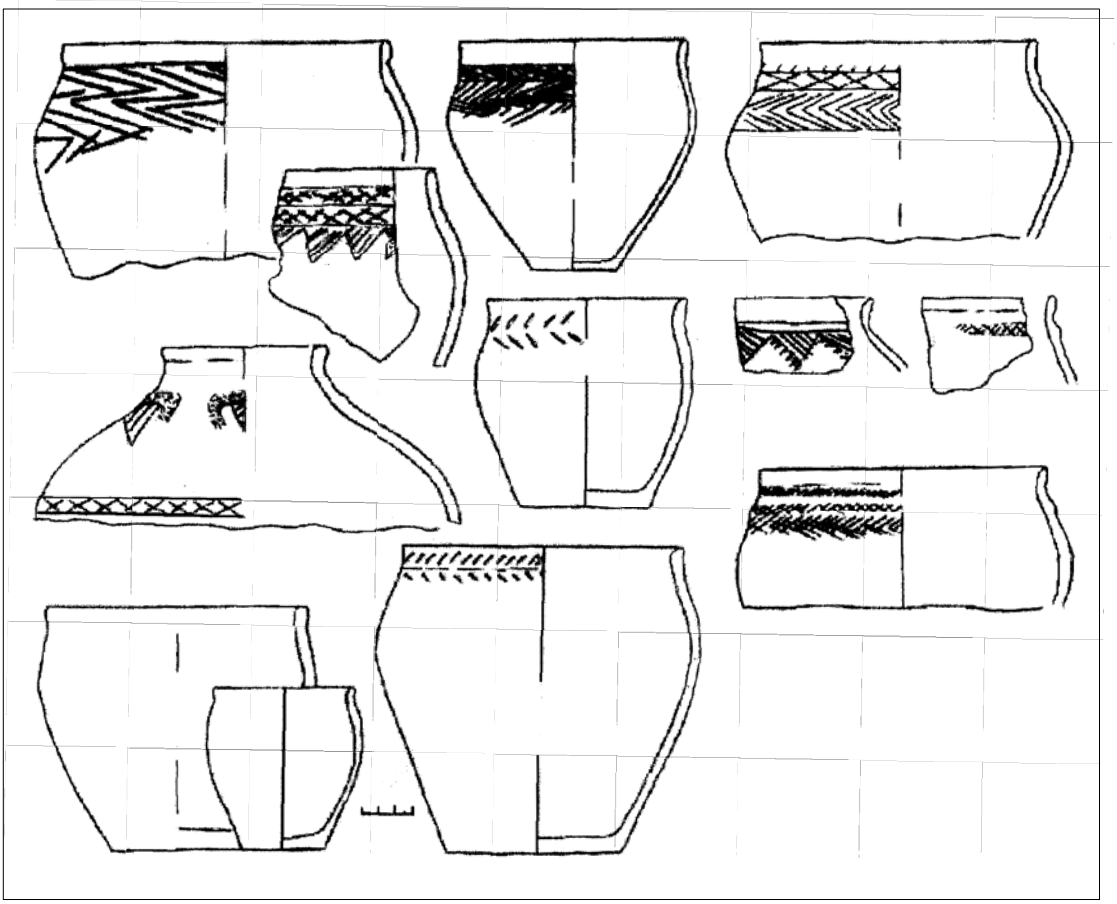


*Рис. 3. Керамика саргаринско-алексеевской культуры поселенческих комплексов Северного Казахстана (по Г.Б.Здановичу).*

багъябская (Итина 1959: 53; Итина 1961: 73; Гулямов, Исламов, Аскаров 1966: 218), либо же как срубно–андроновская (Марущенко 1956: 9). Границы хронологических рамок относились к концу II тыс. до н.э.

Наиболее детально проблема проникновения степных племен на территорию Туркмении была рассмотрена в работах Е.Е.Кузьминой, которая неоднократно обращалась к вопросу культурной атрибуции степных комплексов эпохи поздней бронзы Средней Азии (полный список работ автора по данной тематике см.: Кузьмина 1994: 310 — 314). Анализируя керамику степного облика, найденную на древнеземледельческих поселениях подгорной полосы Копет-Дага, Е.Е.Кузьмина первоначально определила данную керамику в качестве срубно – андроновской и датировала её концом II тыс.до н.э., опираясь на стратиграфическую колонку залегания культурных слоев на поселениях Анау и Елькен-депе. Степная керамика на этих поселениях найдена в самой верхней части слоя времени Намазга VI, который, в свою очередь, был перекрыт культурными слоями эпохи Яз I и Яз II. Учитывая нижнюю хронологическую границу существования культуры типа Яз I — X в. до н.э., Е.Е.Кузьмина, таким образом, датировала время появления срубно – андроновского, по её мнению, компонента на данной территории последней четвертью II тыс. до н.э. (Кузьмина 1964: 152, 154). В последующих работах Е.Е.Кузьмина уточняет свои взгляды на степные комплексы Туркменистана. Автор развивает идею проникновения сюда в эпоху поздней бронзы племён срубной культуры, мигрировавших из традиционных районов обитания – Среднего и Нижнего Поволжья, а также Северного Прикаспия. Вдоль северного и восточного побережья Каспийского моря и далее через Каракумы срубное население постепенно продвигается по данной территории на юго – восток, достигнув в процессе миграций земледельческих поселений подгорной полосы Копет – Дага (Виноградова, Кузьмина 1986: 129; Кузьмина 1988: 49, 53; Кузьмина 1994: 231, карта IX). Степная керамика, найденная на этих поселениях, по заключению Е.Е.Кузьминой, соответствует посуде ивановского (XII — X в.в. до н.э.) и нурского (IX в. до н.э.) этапов срубной культуры (Кузьмина 1988: 49; Кузьмина 1994: 231).

Одним из главных доказательств продвижения срубных племен в южные районы Средней Азии Е.Е.Кузьмина считает появление здесь курганных погребений – могильников Патма – Сай и Каралемата – Сай у северных склонов Больших Балхан, а также Гызылгы – Кум и Парау в западной части подгорной полосы Копет–Дага. В погребальном обряде названных комплексов действительно присутствуют некоторые черты срубной традиции захоронения. Костяки лежат в скорченной позе, на левом боку, головой на восток и северо – восток. В единственном случае (Гызылгы–Кум) захоронение совершено по обряду трупосожжения. В этих погребениях были найдены сосуды баночного типа, на одном из которых имеется орнамент в виде ряда подтреугольных вдавлений под венчиком, и миска с пояском зигзагов на шейке (рис.7) (Мандельштам 1966; 1967). Е.Е.Кузьмина рассматривает данные погребальные комплексы в одном хронологическом ряду со степной керамикой, найденной на древнеземледельческих поселениях эпохи Намазга VI (Виноградова, Кузьмина 1986: 129; Кузьмина 1988: 49; Кузьмина 1994: 232). Идея о проникновении в конце бронзового века носителей срубной культуры в южные районы Средней Азии была поддержана, также, А.М.Мандельштамом, который считал, что на позднем этапе существования срубной культуры ее отдельные племенные группы проникли с территории Волго – Уральского междуречья на юг Туркмении (Мандельштам 1972: 7) и В.А.Алёкшиным, связавшим передвижения степного срубного населения с кризисом земледельческих поселений Южной Туркмении в конце эпохи Намазга VI (Алёкшин 1989: 155).

В свое время срубная культура была разделена Н.К.Качаловой на четыре хронологических периода: а) XVII – XV вв. до н.э., б) XV – XIV вв. до н.э., в) XIII в. до н.э., г) рубеж XII в. до н.э. (Качалова 1985). Недавние исследования начала 90-х годов показали, что две последние даты в данной хронологической схеме не отвечают действительности, так как с рубежа XV – XIV вв. до н.э. на исконной территории обитания срубных племен появляются памятники инокультурного типа. Например, в лесостепных районах Среднего Поволжья обнаружены сусканские комплексы, которые складывались на основе синкретизации федорово–бишкульских и черкаскульских культурных элементов и имеют лишь незначительные срубные включения в материальную среду. Вследствии этого, их принадлежность к срубной культурной традиции может быть только косвенная (Колев 1991: 171). Аналогичные процессы смены населения происходили в северо – восточной области расселения срубных племен – в Заволжье и Приуралье, где начиная с XIV в. до н. э. срубную культуру сменяют приказанская и черкаскульско–межовская, в среде которых срубный элемент постепенно растворяется (Обыденнов, Обыденнова 1992: 142). Таким образом, конец классической срубной эпохи относится ко времени появления на исконной территории обитания срубного населения племен иного культурного облика — андроновского (федоровского), черкаскульского, межовского и др., а дату финальной стадии развития срубной культуры следует определять не позднее конца XIV в. до н.э., хотя возможно и более ранним периодом.

Вслед за сусканско-федоровским временем на Среднем и Нижнем Поволжье, а также в Северо-Восточном Прикаспии, заселенными неког-

да срубными племенами, появляется ивановское (хвалынское) население, культурные традиции которого имеют широкие аналогии со следующим андроновским (постфедоровским) культурно – хронологическим пластом – с саргаринско – алексеевскими комплексами. Сравнительно – типологический анализ хвалынской керамики показал, что ее нельзя генетически выводить из срубной керамики, так как это совершенно различные в культурном отношении комплексы (Изотова, Малов 1992: 110, 111).

Последней в ряду постсрубных культур, обитавших в степных районах Нижнего Поволжья и северо-восточного Прикаспия была выделена нурская культурная группа, керамические комплексы которой на некоторых памятниках перекрывают ивановско-хвалынские слои. По заключению исследователей, нурская керамика не имеет генетической связи ни с ивановско – хвалынской, ни тем более со срубной традициями, а относится к начальным периодам железного века, так как весьма близка раннесавроматской керамике (Качалова 1989: 43; Дьяченко 1992: 125).

Из всего этого следует, что вопреки мнению Е.Е.Кузьминой, мы не можем отождествлять степную керамику южных и северо – западных районов Туркмении с керамикой срубной культуры. Поскольку ивановская (хвалынская) группа памятников не имеет явных культурных связей со срубными традициями, а комплексы нурской культурной группы хронологически относятся к более позднему кругу культур раннежелезного века, мы не имеем оснований говорить о проникновении в конце бронзового века срубных племен в данный регион Средней Азии.

Если проводить сравнительную характеристику степной керамики северо-западных и южных районов Туркмении с ивановской (хвалынской) керамикой, можно увидеть, что эти две группы посуды имеют ряд существенных типологических различий. Одним из основных отличительных признаков ивановской (хвалынской) керамики является наличие большого числа (около 30 %) сосудов с венчиком в виде «воротничка», верхняя часть которого чаще всего приострена, либо овальная и очень редко имеет плоскую форму. При этом, плоские воротничковые венчики встречаются на сосудах только одной группы — на так называемых сосудах со сглаженным ребром. Срез верхнего края венчика на ивановской (хвалынской) посуде орнаментировался лишь в тех случаях, когда он сочетался с «воротничком». Внешняя же поверхность сосудов весьма тщательно обрабатывалась и не содержит видимых следов заглаживания. Кроме этого, в ивановско – хвалынской керамике преобладают сосуды с формовочными валиками, которые в сечении имеют ровный овальный профиль (2/3 от общего количества посуды) (Изотова, Малов 1992: 98 — 107, рис. 1 — 5). Сравнительный анализ керамики степного облика из раскопок древнеземледельческого поселения Теккем – депе показал, что данная группа посуды не имеет ни приостренных «воротничков» (есть только плоские), ни формовочных валиков (есть только налепные), а характерной чертой этой керамики является орнаментация косыми насечками верхнего края венчика сосуда вне зависимости от наличия «воротничка». К этому следует добавить, что почти вся степная керамика, найденная в верхних культурных слоях поселения Теккем – депе, имеет четко выраженные следы равномерного заглаживания внешней и внутренней сторон сосудов (Щетенко, Кутимов 1999).

Финальная стадия бронзового века в зоне степей Казахстана (данная территория была активным очагом культурного развития степных племен на всем протяжении эпохи поздней бронзы) представлена саргаринско – алексеевскими памятниками, которые относятся к заключительному периоду существования андроновской культурной общности. Основной территорией обитания саргаринско – алексеевского населения являлись степные районы Северного и Центрального Казахстана, а также лесостепное Притоболье. Вокруг главного территориального ядра саргаринско – алексеевских племен существовало большое число культур родственного облика: ивановско – хвалынская, белозерская, большеложская и др. Близость основных категорий материальной культуры данных групп степного и лесостепного населения позволила выделить эти комплексы в единую общность «культур валиковой керамики» конца II тыс. до н.э., где главным критерием сходства является валиковая посуда, близкая по форме и орнаментации, распространенная по всей территории расселения данных племен (Зданович С. 1979; Черных 1983; Потемкина 1985; Зданович Г. 1988).

Саргаринская керамика характеризуется устойчивым набором типологических признаков. В большинстве случаев, эта посуда представлена горшкообразными сосудами, имеющими высокие пропорции, широкое горло, небольшую шейку, слабопрофилированное, умеренно раздутое тулово и плоское днище. В тесте присутствует значительная примесь шамота, песка и дресвы. Тщательное лощение всего сосуда встречается весьма редко, в основном обрабатывалась только его нижняя часть. Орнамент сосудов очень прост и в основном занимает узкую полоску в верхней части сосуда. Наиболее распространенными элементами орнаментации являются различного рода насечки, «елочка», прочерченные линии, ямочные вдавления. Нередко орнамент наносился по верхнему краю венчика. Ведущими элементами саргаринской керамики является валик, расположенный на месте перехода от шейки к тулову, а также своеобразный тип венчика — «воротничек» плоской формы, который часто встречается на со-

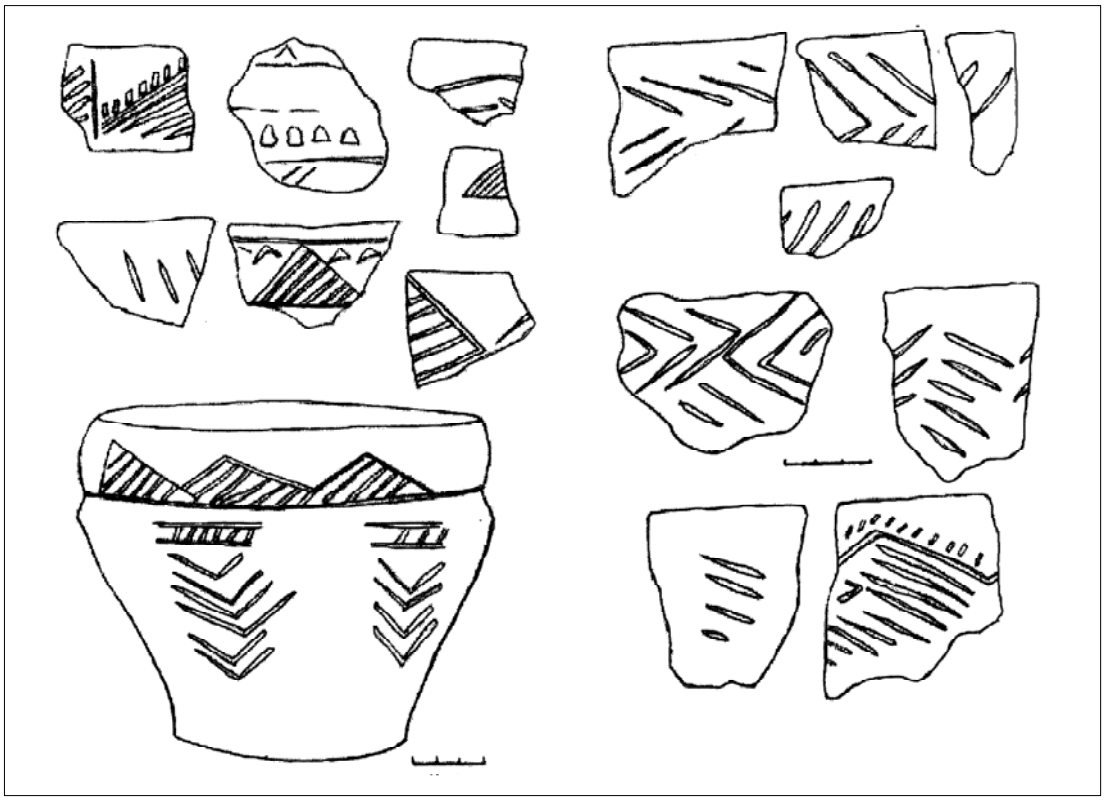


*Рис. 4. Степная керамика поселений Аучин 1, Тахирбай 3 и 15 (по В.И.Сарианиди).*

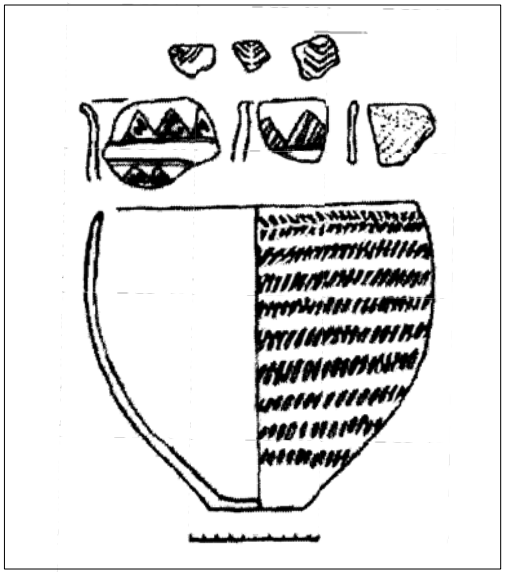


*Рис. 5. Степная керамика поселения Таш-депе 1 (по И.С.Масимову).*

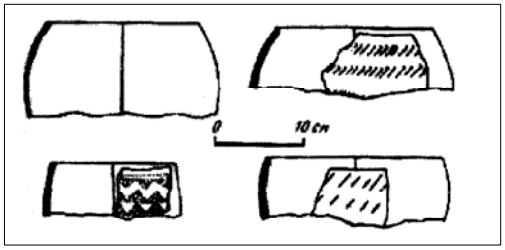



*Рис. 6. Степная керамика поселения Тоголок 1 (по Л.Т.Пьянковой).*

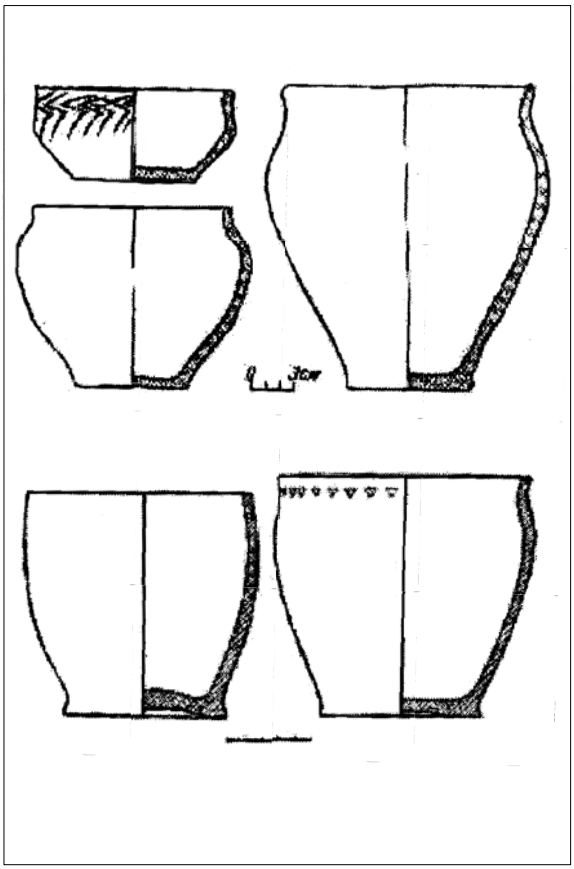


*Рис. 7. Степная керамика срубных погребений Юго-Западной Туркмении (по А.М.Мандельштаму).*

судах этой группы. Основной технический прием нанесения орнамента – нарезка и плоский штамп (рис. 3) (Зданович С. 1984: 79-96; Зданович Г. 1988: 114).

Степная керамика северо – западных и южных районов Туркмении по своему внешнему облику находит наибольшее количество сходных признаков именно в керамических традициях саргаринско-алексеевской культуры. Высокие пропорции сосудов, слабая профилировка тулова, сходство орнаментальных элементов, невыразительных в композиционном решении и, главным образом, такой признак, как наличие валиков и воротничковых венчиков плоской формы показывают, что данная посуда имеет наиболее полные типологические соответствия с саргаринской керамикой.

Появление керамики саргаринско-алексеевской культурной традиции в южных районах Средней Азии, по всей видимости, произошло вследствие проникновения сюда саргаринских племен из Северного или Центрального Казахстана. Датировать степную керамику северо-западных и южных районов Туркменистана следует по шкале абсолютной хронологии, выработанной для степных культур Евразии, где основное время существования саргаринско-алексеевской культуры определяется в рамках второй половины XII – XI вв. до н.э. (Аванесова 1991: 94 ; Зданович Г. 1988: 148).

Таким образом, сравнительный анализ степной керамики северо-западных и южных районов Туркменистана показывает, что у нас нет веских оснований генетически связывать ее со срубными, ивановскими (хвалынскими) и нурскими керамическими традициями. Несмотря на общую культурную близость керамических комплексов ивановско-хвалынского и саргаринско – алексеевского населения, керамика степного облика северо – западных и южных районов Туркмении имеет определенный набор признаков, которые типологически отличают ее от ивановской (хвалынской) керамики и одновременно сближают ее с керамикой саргаринско – алексеевской культуры. Что касается присутствия срубного компонента на данной территории, то к чисто срубным комплексам следует относить только керамику из курганных погребений, открытых А.М.Мандельштамом в юго – западных районах Туркмении, где погребальный обряд действительно весьма напоминает срубный. Однако связывать керамический материал данных погребений в один культурно – хронологический ряд со степной керамикой всей остальной территории Туркменистана (как это делает Е.Е.Кузьмина) будет неправильно, так как эти комплексы принадлежат совершенно различным культурным традициям.

Кроме этого, на территории северо-западной и южной Туркмении известны два местонахождения степной керамики иного типологического облика, нежели саргаринский или срубный, а именно посуды алакульского типа. В первом случае, это несколько фрагментов лепных сосудов, найденные американской экспедицией Р.Пампелли при раскопках южного холма Анау (Pumpelly 1908, табл. XV: 7 — 9). Во втором случае, это два черепка алакульского вида, обнаруженные в нижней свите слоев древнеземледельческого поселения Теккем-депе (Щетенко, Кутимов 1999). Данные находки демонстрируют нам лишь незначительный коэффициент присутствия алакульского элемента на территории Южного Туркменистана. По причине малого количества материала, высказать более полные соображения в отношении их диагноза не представляется возможным.

2. Керамика степного облика юго-восточной части Туркменистана представлена, главным образом, подъемными сборами с поверхности такыров вблизи древнеземледельческих поселений, расположенных вдоль рек, составляющих дельту Мургаба, а также находками на самих поселениях. В ряде случаев степная керамика была обнаружена в песках на развеянных стоянках у древних колодцев.

Наибольшую часть мургабской керамики степного облика занимают лепные сосуды баночной формы, со слабо выделенными венчиками, округлым туловом и плоским дном. Эти сосуды сделаны из глины темного цвета. В керамическом тесте присутствует значительная примесь шамота. Иногда встречаются сосуды с уступом на месте плечика. Орнаментальные композиции состоят из насечек, «елочки», треугольных вдавлений, равнобедренных треугольников, заштрихованных внутри и поперечно заштрихованных полос. Техника нанесения орнамента – нарезка, а также гладкий и зубчатый штамп. Керамика подобного типа найдена на поселениях Гонур, Таип-депе 1, Аучин 1, 11, 12, 13, Тахирбай 3, 13, 14, 15 и др., а также на некоторых стоянках около древних колодцев, расположенных вдоль дельты Мургаба (рис. 4) (Массон 1959: 27, табл. IX; Сарианиди 1975: 21 — 25, рис. 1 — 4; Сарианиди 1990: 12 и след., табл. XII, XIV, XV; Масимов 1979: 121, рис. 6: 30, 31, 33-36; Кузьмина 1964: 144, 146, 150; Кузьмина, Ляпин 1984: 6 — 14, рис. 1, 2; Кузьмина 1994: 231, рис. 50).

Наряду с этими находками, на некоторых древнеземледельческих поселениях эпохи бронзы обнаружена степная керамика иного типа. Наибольший интерес вызывает материал, найденный на поселении Таип-депе 1, где в одном комплексе с земледельческой керамикой, среди прочего материала степного облика, был найден археологически целый сосуд. Он имеет вытянутую горшечную форму, широко открытое горло, умеренно раздутое тулово, переходящее в узкое, плоское днище. Венчик не выделен, верхний край сосуда загнут внутрь. По внешней поверхности сосуда, от венчика до основания

нанесен штампованный орнамент, составленный из рядов косых вдавлений (рис. 5) (Масимов 1979: 121, рис. 6: 32).

Комплекс керамики степного вида, по типологическому облику идентичной сосуду с поселения Таип-депе 1, происходит из раскопок другого земледельческого поселения эпохи бронзы – Тоголок 1. Здесь обнаружены фрагменты шести горшков со слегка выпуклыми стенками и широко открытым устьем, верхние края которого загнуты внутрь. Из них четыре фрагмента имеют декор в виде небольших овалообразных вдавлений, расположенных рядами, а один фрагмент верхней части сосуда украшен равнобедренными треугольниками, нанесенными мелко-зубчатым штампом (рис. 6) (P'iankova 1993: 115, 116, рис. 5).

В целом, данная керамика характеризовалась исследователями как андроновская (Массон 1959: 116; Сарианиди 1975: 25; Сарианиди 1990: 63), как тазабагъябская (Гулямов, Исламов, Аскаров 1966: 218, 219; Итина 1959: 53; Итина 1961: 73), или же как срубная (Виноградова, Кузьмина 1986: 131; Кузьмина 1988: 49, 54; Кузьмина 1994: 231). Степная керамика поселения Тоголок 1 была определена Л.Т.Пьянковой в качестве срубной и датирована общим для срубной культуры хронологическим периодом: XVIII – XIV вв. до н.э. (P'iankova 1993: 116).

При проведении сравнительного анализа керамики Юго-Восточного Туркменистана следует однако учитывать, что в дельте Мургаба мы имеем с одной стороны – практически не стратифицированный, а с другой – абсолютно не однородный по своим типологическим критериям материал. Поэтому трудно, опираясь только на публикации, сделать конкретные выводы о типологическом соотношении отдельных степных керамических комплексов между собой, а также их стратиграфическом соотношении с земледельческой керамикой. Ограничимся лишь некоторыми замечаниями.

В настоящее время выделяются три основных периода обживания земледельческих оазисов в дельте Мургаба : 1) келлелийский – начало II тыс. до н.э. , 2) гонурский – середина II тыс. до н.э. , 3) тоголокский – вторая половина II тыс. – начало I тыс. до н.э. (Сарианиди 1990: 5). Присутствие степной керамики отмечено почти во всех оазисах, кроме Келлелийского и Егри-Богазского, которые относятся к раннему (келлелийскому) периоду освоения земледельцами дельты Мургаба (Сарианиди 1990: 62).

На поселении Таип-депе 1 было выделено два комплекса земледельческой керамики, имеющей хронологические различия. Посуда степного облика здесь найдена вместе с земледельческой керамикой второго комплекса, который по аналогиям с сосудами древних поселений земледельцев Сапалли (Южный Узбекистан) и Дашлы (Северный Афганистан) датируется серединой II тыс. до н.э. (Масимов 1979: 126 — 130).

На поселении Тахирбай 3 среди фрагментов керамики степного облика обнаружен археологически целый сосуд. Он имеет баночную форму, верхний край его устья немного загнут внутрь. На месте плечика находится четко выраженный уступ, выше которого по верхней части сосуда идет ряд косых заштрихованных треугольников, а снизу уступ подчеркнут узкой лентой с вертикальными насечками. Тулово сосуда до дна опоясано «елочным» орнаментом (рис.4) (Сарианиди 1975: 24, рис. 4: 8). По всей видимости, технологические и орнаментальные традиции изготовления этого сосуда различные: если уступ и косые заштрихованные треугольники относятся к алакульской традиции, то елочный орнамент, нанесенный по тулову, имеет более ранние петровские корни. В соответствии с абсолютной хронологией андроновской культуры, разработанной Н.А.Аванесовой на основе типологического анализа металлических изделий, петровский этап датируется XVII – XVI вв. до н.э., а алакульский XV – XIV вв.до н.э. (Аванесова 1991: 92, 94). Следовательно, первое появление степного населения в дельте Мургаба происходит в пределах второй четверти II тыс. до н.э., что также подтверждается находками срубной керамики на поселении Тоголок 1 (P'iankova 1993: 116).

Отдельные элементы орнаментации наиболее значительной части мургабской керамики степного облика имеют близкие аналогии в керамике тазабагъябской культуры. Главным образом, это заштрихованные треугольники с ровным рядом маленьких вертикальных насечек над верхнем краем, или, как их называют, треугольники с «ресничками» (рис.4) (Сарианиди 1975: 21, рис. 1: 8; 4:1). Треугольники с «ресничками», а также равнобедренные треугольники, заштрихованные внутри, «ёлочка», различного рода треугольные вдавления имеют прямые аналогии в керамике тазабагъябской культуры Южного Приаралья стоянки Базар 2 (Итина 1959: 41, рис. 12: 4) и могильника Кокча 3 (Итина 1961: 32, рис. 9: 4, 5, 6).

Кроме этого, следует особо подчеркнуть, что в мургабских памятниках нет сосудов с валиками и сосудов, украшенных косыми насечками по верхнему краю венчика, за исключением незначительных подъемных сборов со стоянки Имам-Баба (Кузьмина, Ляпин 1984: 14–15). Другими словами, здесь практически отсутствует посуда того типа, которая составляет основной (саргаринско – алексеевский) комплекс керамики северо – западной и южной прикопетдагской части Туркменистана.

Надо полагать, первое появление степного населения в долине Мургаба связано с приходом сюда небольших подвижных групп ранних алакульских и срубных племен, чья керамика здесь представлена лишь отдельными незначительными находками. Позднее сюда проникли

племена тазабагъябской культуры, керамические комплексы которых в дельте Мургаба более многочисленны по сравнению с предшествующими. В целом, исходя из представленной здесь керамики степного вида, время проникновения степного населения в дельту Мургаба следует определять в границах второй – третьей четверти II тыс. до н.э., или же XVII — XIV вв. до н.э.

Таким образом, результаты сравнительного анализа керамических комплексов степного облика, найденных в различных районах Туркменистана, позволяют сделать следующие выводы:

1) На территории Туркмении имеются две области распространения керамики степного облика: а) северо-западная и южная (подгорная) часть Туркмении, где основная масса степной керамики относится к саргаринско-алексеевской культурной традиции; и б) юго-восточная Туркмения (дельта Мургаба), где найдены срубные, алакульские и тазабагъябские керамические комплексы.

2) Типологически степная керамика Туркменистана не представляет однородный состав (срубный, андроновский или тазабагъябский). Локально здесь выделяются различные культурные комплексы – срубные, алакульские, тазабагъябские и саргаринско-алексеевские, появление которых в южных районах Средней Азии относится к различным хронологическим этапам существования северных степных племен.

ЛИТЕРАТУРА


Аванесова Н.А. 1991. Культура пастушеских племен эпохи бронзы азиатской части СССР (по металлическим изделиям). Ташкент

Алёкшин В.А. 1989. Культурные контакты древних племен Средней Азии // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций, Алма – Ата

Виноградова Н.М., Кузьмина Е.Е. 1986. Контакты степных и земледельческих племен Средней Азии в эпоху бронзы // Восточный Туркестан и Средняя Азия в системе культур древнего и средневекового Востока. М.

Ганялин А.Ф. 1956. Теккем – депе // Труды ИИАЭ АН ТССР, т.2. Ашхабад

Гулямов Я.Г., Исламов У., Аскаров А. 1966. Первобытная культура и возникновение орошаемого земледелия в низовьях Заравшана. Ташкент

Дьяченко А.Н. 1992. Поселение Ерзовка I и некоторые проблемы финальной бронзы Нижнего Поволжья // Археология восточно – европейской степи, вып.3. Саратов

Зданович Г.Б. 1988. Бронзовый век Урало – Казахстанских степей. Свердловск

Зданович С.Я. 1979. Саргаринская культура – заключительный этап бронзового века в Северном Казахстане. – Автореф. дис. канд. ист. наук. М.

Зданович С.Я. 1984. Керамика саргаринской культуры // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск

Изотова М.А., Малов Н.М. 1992. Хвалынская керамика эпохи поздней бронзы Танавского городища // Археология восточно-европейской степи, вып.3. Саратов

Итина М.А. 1959. Первобытная керамика Хорезма // Труды ХЭ, IV. М.

Итина М.А. 1961. Могильник бронзового века Кокча 3 // Материалы ХЭ. вып.5, М.

Качалова Н.К. 1985. Периодизация срубных памятников Нижнего Поволжья // Срубная культурно-историческая общность. Куйбышев.

Качалова Н.К. 1989. О заключительном периоде бронзового века на территории Нижнего Поволжья // СА, №1

Колев Ю.И. 1991. Новый тип памятников конца эпохи бронзы в лесостепном Поволжья // Древности восточно – европейской лесостепи. Самара

Кузьмина Е.Е. 1964. О южных пределах распространения степных культур эпохи бронзы в Средней Азии // Памятники каменного и бронзового века Евразии. М.

Кузьмина Е.Е. 1988. Культурная и этническая атрибуция пастушеских племен Казахстана и Средней Азии эпохи бронзы // ВДИ, №2

Кузьмина Е.Е. 1994. Откуда пришли индоарии? М.

Кузьмина Е.Е., Ляпин А.А. 1984. Новые находки степной керамики на Мургабе // Проблемы археологии Туркменистана. Ашхабад

Мандельштам А.М. 1966. Погребения срубной культуры в Южной Туркмении // КСИА, №108

Мандельштам А.М. 1967. Новые погребения срубного типа в Южной Туркмении // КСИА, №112

Мандельштам А.М. 1972. История скотоводческих племен и ранних кочевников на юге Средней Азии. – Автореф. дис. докт. ист. наук. М-Л.

Марущенко А.А. 1956. Итоги полевых археологических работ 1953 г. // Труды ИИАЭ АН ТССР, т.II, Ашхабад

Марущенко А.А. 1959. Елькен – депе // Труды ИИАЭ АН ТССР, т.V. Ашхабад

Масимов И.С. 1979. Изучение памятников эпохи бронзы низовий Мургаба // СА, №1

Массон В.М. 1956. Первобытно – общинный строй на территории Туркмении // Труды ЮТАКЭ, т.VII. Ашхабад

Массон В.М. 1959. Древнеземледельческая культура Маргианы // МИА, №73

Обыдённов М.Ф., Обыдённова Г.Т. 1992. Северо – восточная периферия срубной культурно-исторической общности. Самара

Потемкина Т.М. 1985. Бронзовый век лесостепного Притоболья. М.

Сарианиди В.И. 1975. Степные племена эпохи бронзы в Маргиане // СА, №1

Сарианиди В.И. 1990. Древности страны Маргуш. Ашхабад

Хлопина Л.И. 1972. Кухонная керамика времени Намазга VI (по материалам «вышки» Намазга-депе) // КСИА, № 132

Черных Е.Н. 1983. Проблема общности культур валиковой керамики в степях Евразии // Бронзовый век степной полосы Урало–Иртышского междуречья. Челябинск

Щетенко А.Я., Кутимов Ю.Г. 1999. Керамика степного облика эпохи поздней бронзы Теккем–депе (Южный Туркменистан) // Археологические вести, № 6. СПб.

Hlopina L.I. 1972. Southern Turkmenia in the Late Bronze Age // East and West, New Series,Vol. 22 — Nos. 3-4. Roma

P'iankova L. 1993. Pottery of Margiana and Bactria in the Bronze Age // Информационный бюллетень МАИКЦА, № 19. М.

Pumpelly R. 1908. Exploration in Turkestan. Expedition of 1904, v.1. Washington

*Щетенко А.Я.*

# О КОНТАКТАХ КУЛЬТУР СТЕПНОЙ БРОНЗЫ С ЗЕМЛЕДЕЛЬЦАМИ ЮЖНОГО ТУРКМЕНИСТАНА В ЭПОХУ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПОСЕЛЕНИЙ ТЕККЕМ-ДЕПЕ И НАМАЗГА-ДЕПЕ)

**Shchetenko A.Ya. On the contacts of steep bronze cultures with farmers of Southern Turkmenistan (according to materials of Tekkem-depe and Namazga-depe).**

The settlement of «Vyshka» («Watch-Tower») Namazga-depe and settlement of Tekkem-depe are situated in southern Turkmenistan, 117 and 119 km southeast of Ashgabat (Fig. 1.1). Materials of the upper levels (5.5-6 m) of «Vyshka» Namazga-depe (fig. 1. 2,3) and the same levels Tekkem-depe (fig. 1. 4,5) are attributed to the Late Bronze Age and the Early Iron Age. Here there are the convincing proofs (pottery, metal and stone implements) of the contacts of farmers of Southern Turkmenistan with steep culture tribes of Eurasia. Pottery comprise several types of pots having flat bottom and various dimensions (fig. 2. 1,2; fig. 3. 5,6). Ornamentation is limited with the six simplest elements (incisions, herring-bone pattern, zigzags, crosses, relief ledges, zigzags, triangles) which are by zones in the upper part of vessels: on the rims, on the shoulders sometimes on the necks (fig. 2. 3,3; fig. 3. 1-4, 7-10). Metal implements known on stone casting forms (fig. 5. 1,3,5-8) comprise double-edged knifes with ring stop on the handle, pins with cross-like pommel, round buttons with buttonhole. Stone objects: anvils, mortars, mullers, grinders, pestles, hammers (fig. 5) together with the copper slag and four furnaces testify to the local metal treatment on both the settlements.

A set of these objects together with pottery have analogies in materials of the cultures of Andronovo archaeological unity as well as in monuments of the final stage of the Late Bronze Age of Southern Urals, Northern and Eastern Kazakhstan. One may suppose the presence of several stage of cultural interactions of the farmers of Southern Turkmenistan with cattle-breading tribes: the early stage - epoch of the Late Namazga VI (the Alackul- Fjedorovo complexes) and the late stage - period of Anau IV/Yaz I (Sargary- Aleckseevo pottery).

Древние культуры земледельцев юга Средней Азии, первоначально лучше изученные в подгорной полосе Копет-Дага (Pumpelly 1908; Куфтин 1956; Массон 1964, 1981), в настоящее время представлены цивилизациями долин Заравшана (Исаков 1991) и Амударьи, занимающих часть областей Туркмении, некоторые районы Таджикистана, Узбекистана и Северного Афганистана (Аскаров 1977; Сарианиди 1990). Их материальная культура отлична от современников-соседей на Иранском плато, в Сеистане и Белуджистане (Lamberg-Karlovsky 1994), и одной из причин этого, возможно, являются их тесные контакты со степным скотоводческим миром первобытных общин (Исаков, Потемкина 1989; P'yankova 1994; Бобомуллоев 1998; Anthony 1998; Ke Peng 1998).

Степной мир — северные соседи земледельцев, племена андроновской культурной общности, занимают огромные степные пространства от Волго-Уральского Междуречья на западе, до Енисея на востоке и до горных долин Северного Тянь-Шаня (Кузьмина 1992). Это культуры эпохи поздней бронзы, имеющие свои географические и хронологические рамки, различные у разных авторов, но в целом датируемые второй половиной II тыс. до н.э. (Аванесова 1991: рис. XVI и XVII).

В это время кардинальные процессы происходят и на подгорной равнине Копет-Дага: население покидает крупные поселения Намазга-депе, Алтын-деле, Улуг-депе. На их месте появляются небольшие поселки, отличные по облику материальной культуры от своих предшественников. Этот переходный период в истории древних племен Южного Туркменистана лучше всего представлен материалами «вышки» Намазга-депе и Теккем-депе.

Оба памятника в течение ряда лет изучались Каахкинской экспедицией ЛОИА АН СССР и XIV отрядом ЮТАКЭ (Щетенко 1971; 1972; 1973), в результате чего получены новые материалы, свидетельствующие о контактах земледельцев Южного Туркменистана с населением евразийских степей.

Намазга-депе и Теккем-депе находится соответственно в 117 и 119 км к юго-востоку от Ашхабада, и в 6 и 4 км к юго-западу от станции Каахка Среднеазиатской железной дороги. Они расположены на подгорной равнине Копет-Дага

© Щетенко А.Я., 1999.

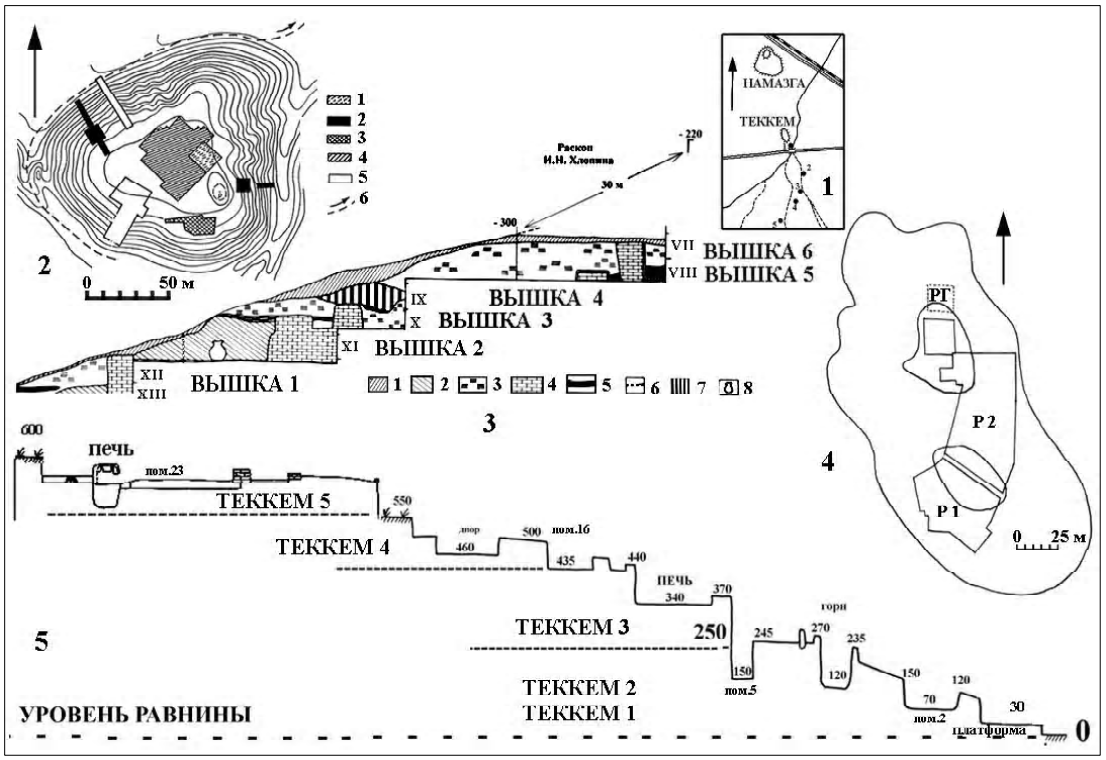



*Рис. 1.1. Схема местонахождения Намазга-депе и Теккем-депе. Масштаб 1: 50000. 1-5 - поселения эпохи бронзы. Пунктирные линии - древние русла речки Лоинсу (сплошная линия - современное русло).*

*Рис. 1.2. Намазга-депе. План «Вышки». Раскопы: 1 - Б.А. Куфтина, 2 - А.А. Марущенко, 3- А.Ф. Ганялина, 4 - И.Н. Хлопина, 5 - А.Я. Щетенко. 6 - дорого в Каахка.*

*Рис. 1.3. Намазга-депе. «Вышка». Стратиграфия верхней части юго-западной бровки раскопа. 1968 г. 1 - натечно-надувные слои, 2 - плотная глина, 3 - мусорные слои, 4 - сырцовый кирпич, 5 - промазка пола, 6 - угольный слой, 7 - обожженные слои, уголь и зола, 8 - сосуд; VII-XIII - яруса.*

*Рис. 1.4. Теккем-депе. План расположения раскопов: РГ - раскоп А.Ф. Ганялина, Р.1 - раскоп 1, Р.2 - раскоп 2.*

*Рис.1 5. Теккем-депе. Раскоп 1. Верхняя часть разреза (С - Ю) юго-западного склона поселения.*

в 10-12 км от гор, между двух крупных горных речек: Казганчай на западе и Лоинсу на востоке (Рис. 1.1).

Намазга-депе представляет собой ряд холмов разной высоты (от 5-6 до 10-15 м), образующих единый массив площадью около 50 га, подтреугольной формы, вытянутый с севера на юг. «Вышка» — северная часть поселения (высота 17 м над окружающей равниной) — напоминает усеченный конус (он на 7 м выше других частей поселения), верхняя площадка которого занимает площадь около 0.5 га (Рис. 1.2).

Здесь вскрыты остатки планировки верхних строительных горизонтов: на 100 кв.м раскопа Б.А. Куфтина (1956: 277) и на 1800 кв.м раскопа И.Н. Хлопина (Хлопина 1978: 3). В 25м к юго-западу них расположен стратиграфический раскоп (25 х 8 м), заложенный у основания «вышки» (Щетенко 1972: 52) и выявивший на основании строительных горизонтов (полы и стены построек из сырцового кирпича) последовательную смену археологических комплексов культур Намазга (далее — НМЗ) IV, НМЗ V и НМЗ VI по терминологии Б.А. Куфтина (1956: 266). Строительные остатки отсутствуют в XVI и XVII ярусах, как и в соответствующих напластованиях стратиграфической траншеи 1975 г на северо-западном склоне «вышки», что, вероятно, свидетельствует о временном разрыве между культурами НМЗ V и НМЗ VI.

Верхняя часть стратиграфического раскопа, значительно пострадавшая от позднего строительства (гончарная печь и постройки средневековой эпохи), является одним из ранних этапов (разница в уровне полов — 1.3-1.5 м) планировки раскопа И.Н. Хлопина (улицы, дворы, помещения 9, 10, 18 с прямоугольными очагами), который с северо-востока примыкал к раскопу Б.А. Куфтина. А последний вскрывал планировку «на уровне пола второго жилого комплекса в составе двух больших параллельно вытянутых комнат и двора с прямоугольным двухярусным гончарным горном в 5 кв.м площадью» (Куфтин 1956: 277). Следовательно, это самые верхние строительные горизонты культуры НМЗ VI (их условное обозначение — Вышка 7), которые перекрывают более ранний горизонт (двор и помещения 1, 3, 4 с прямоугольными очагами) — Вышка 6. На полу помещения 1 зафиксирован черный слой обгорелых остатков (0.15-0.5 м). Еще более мощный (0.5-1.1 м) горелый слой (Вышка 4, ярус IX) лежит под полом

пом.1 и перекрывает помещение 2 (Вышка 3, ярус X). В углу последнего находились три целых сосуда (красноглиняная и сероглиняная миски, и лепной горшок с «воротничком» и четко выраженными плечиками), а рядом, во дворе, обнаружены целый сероглиняный кувшин с высоким горлом, с сетчатым лощением на плечиках, а также каменная многосторонняя литейная форма для отливки булавок с крестовидным перекрестием, двулезвийных ножей с листовидным клинком и черенком с кольцевым упором. Эти верхние строительные горизонты (Вышка 5-7) представляют собой поздний этап культуры НМЗ VI, в которых фиксируются материалы, свидетельствующие о контактах с племенами степной бронзы.

Ранние этапы культуры НМЗ VI (Вышка 1-3) представлены свитой культурных напластований (яруса XIV-XI) многокомнатного здания, два помещения которого с последующими трехкратными перестройками и забутовками, вскрыты на ограниченной площади (Щетенко 1973). Материалы этих этапов раскопаны на соседнем поселении Теккем-депе.

Теккем-депе расположено в 1.5 км к югу от Намазга-депе и в 100 м к северу от моста на шоссе Каахка — Арабкала через речку Лоинсу, на ее западном берегу (рис.1.1). Это — овальной формы холм (площадью около 2 га), вытянутый в меридиональном направлении (Рис. 1. 4). Его южная более высокая вершина (5.5 — 6 м над окружающей равниной) соединяется с северной частью хорошо выраженной седловиной, в 40 м к северу от которой находится раскоп 1952-1953 гг. (Ганялин 1956а: 68).

Ранний комплекс культуры НМЗ VI раскопан в южной части холма, где стратиграфический раскоп 1 (площадь 1200 кв.м) дал одиннадцатиметровую колонку напластований (пять метров — ниже уровня равнины). Из них восемь метров связано с первым периодом существования поселения. Здесь раскопана часть единого, демонстрирующего несколько этапов перестроек основного комплекса, состоящего из 15 комнат (с лежанками и угловыми каминами, с круглыми очагами и квадратными столиками в центре). Комплекс был сооружен на платформе за массивной стеной (высота 3.8-4 м) с круглой башней, вписанной в нее. Периодическое возобновление полов (9-11 раз) и забутовка ряда помещений (33 и 36) сохранили до наших дней первоначальную высоту стен строений от 1.9 до 3 м, фиксируя два основных строительных периода этого комплекса — Теккем 1 и 2 (рис. 1.5). Они соотносятся со строительными этапами Вышка 1-3 Намазга-депе.

На Теккем-депе, как и на Намазга-депе, верхнему горизонту с прямоугольными домами с прямоугольными или квадратными глинобитными очагами предшествует этап запустения поселения (мешанные слои, насыщенные углем и золой), отмеченные в южной и в центральной частях поселения.

В южной части холма особый интерес представляет хозяйственная яма в западном углу помещения 43, также перекрываемая слоями этапа запустения и постройками с прямоугольными очагами позднего НМЗ VI. Она имеет коническую форму (диаметр устья 1 м, глубина 1.2 м), ровные, покрытые глиняной обмазкой стены и дно. Мусорные слои наполовину заполняют ее, а в верхней части находится комплекс предметов, связанный с металлургическим производством. Это — три каменные многосторонние литейные формы (для отливки 5 предметов), одна каменная прямоугольная заготовка формы, шесть каменных и две глиняные крышки со следами нагара, изделия из бронзы: браслет, круглая пуговица с литой петелькой, фрагмент ножа, а также каменный шлифованный топор, кусок руды бурого железняка. Рядом с ямой на том же уровне найдены развалы двух горнов (еще четыре расчищены на раскопе 2), две каменные литейные формы, несколько каменных крышек для них со следами нагара, бронзовые изделия, их фрагменты и каменные инструменты: наковальни, ступки, песты, молоты для дробления руды, молоточки для пикетажа и холодной проковки металла[1]. Все это — убедительные свидетельства высокого уровня местной металлургии и металлообработки.

Верхние строительные горизонты (Теккем 5) представлены разновременными архитектурными остатками в нескольких местах: в северной части поселения к югу от раскопа А.Ф. Ганялина, в центральной части холма, в седловине, на раскопе 2, в кроющих слоях на южной вершине Теккем-депе. В двух последних местах средневековые могилы и поздние постройки нарушили культурный слой эпохи поздней бронзы. Именно из верхних строительных горизонтов Теккема 5 и происходит керамика, металлические и каменные изделия, свидетельствующие о контактах земледельцев подгорной равнины Копет-Дага с культурами степных племен Евразии.

Глиняная посуда позднего НМЗ VI с «вышки» Намазга-депе и из верхней свиты слоев Теккем-депе по функциональному признаку образует три основные группы: столовую, хозяйственную (в том числе — тарную: хумы, хумчи и вспомогательную: подставки, крышки) и кухонную. Среди последней по технологическим признакам выделяется керамика степного облика.

Посуда первых двух групп изготовлена (за исключением мелких сосудов) на гончарном круге из хорошо отмученного теста с примесью органики и мелкого кварца, равномерно обожжена и имеют красную, желтую, зеленовато-белую и серую поверхность, покрытую ангобом и укра-

[1] Это орудия металлообработки и ювелирного ремесла по заключению экспериментально-трасологической лаборатории ИИМК РАН.

шенную четырьмя видами лощения: горизонтальным, вертикальным, комбинацией того и другого, и сетчатым. Кухонная посуда, в том числе и керамика степного облика, изготовлялись способом ручной лепки из глиняной массы, содержащей примеси в основном дробленого камня или толченой керамики. Незначительные другие компоненты (гипс, песок, слюда) в комбинации с первой четверкой увеличивают количество примесей до девятнадцати, но главный технологический прием сохраняется: в тесте посуды, соприкасающаяся с огнем, присутствуют размельченные камень или керамика, а в тесте столовой — органика и кварц[2].

Исследуемый комплекс позднего НМЗ VI вскрыт на Теккем-депе в центральной части поселения на раскопе 2 и в верхних слоях на южной возвышенности в стратиграфическом раскопе 1 работы 1972 и 1974 гг.). Всего учтено 2073 фрагмента (венчики, донца, стенки с орнаментом) и археологически целые формы. Целиком сохранились хозяйственные сосуды, вкопанные в полы помещений, и несколько кольцевых подставок последнего строительного периода поселения. Столовая посуда (включая редкие формы) составила 1164 экземпляра (56.1%), хозяйственная (и подставки) — 466 (22.5%), кухонная посуда — 443 (21.4%). Среди лепной керамики были отобраны для сравнительного анализа 215 фрагментов посуды степного облика (Щетенко, Кутимов 1998), что составляет 10% от общего числа всей керамики двух полевых сезонов.

На раскопе 1 керамика степного облика найдена в кроющих слоях, выше отложений этапа запустения поселения и построек с прямоугольными очагами позднего периода НМЗ VI. На раскопе 2, расположенном в центральной части холма в седловине, уровень которого ниже северного и южных участков поселения, керамика этого типа найдена в различных условиях: на полах заброшенных жилищ с прямоугольными очагами, во дворах и в более поздних ямах, впущенных в нижележащие постройки. Треть исследуемой керамики (77 фрагментов из них 31 с орнаментом) найдена вне помещений, главным образом в кроющем слое — дерне.

При анализе керамики степного облика учитывались основные характеристики глиняной посуды: способ формовки, состав теста, обработка поверхности, цвет, обжиг, форма и орнамент. Вся исследуемая керамика лепная, изготовленная методом ленточного налепа. На внутренней стороне одного фрагмента стенки сосуда и одного донышка присутствуют следы отпечатка материи, что свидетельствует о применении техники матерчатого шаблона при изготовлении посуды. Этот прием характерен для керамики самого позднего кроющего горизонта и впускных ям (№ 1 и № 2 на раскопе 2), не учтенных при исследовании нашей выборки. В качестве отощителей отмечены дресва (толченый мергель), кварциты (песок), шамот и органические примеси. Часто в тесте одного сосуда присутствует сочетание нескольких добавочных компонентов: органика и кварц, дресва и кварц, шамот и органика. Цветовая гамма поверхности сосудов разнообразна, но в основном преобладают темные тона, иногда до черного цвета из-за сильной закопченности. Доминируют светло-коричневый и кремовые цвета, но есть светло-оранжевые и желтые оттенки. Обжиг сосудов неравномерный — в изломе черепок трехслойный, с чернотой посередине. Обработка поверхности производилась достаточно равномерно: большая часть фрагментов имеют следы заглаживания как внешней, так и внутренней сторон. Заглаживание (иногда только снаружи) производилось по влажной основе пальцами рук, вытянутыми вдоль линии поворота сосуда. Более грубо выглядят черепки без следов обработки внешней поверхности. Лощение отсутствует.

Основной формой посуды являлись горшки с мягко выгнутым, слабо выраженным профилем и плоским дном. Судя по целым экземплярам, они имеют различные пропорции: 1) при-

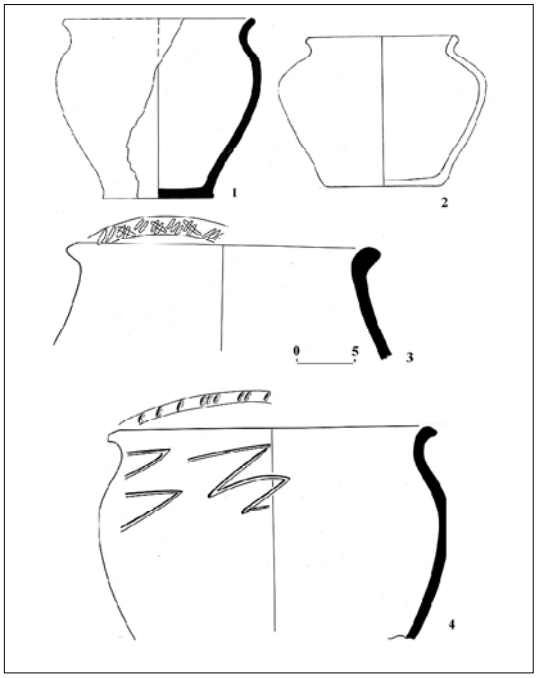



*Рис. 2. Формы и орнаментация степной керамики. 1, 3, 4 - Теккем-депе, 2 - Намазга-депе.*

[2] Анализ примесей в тесте 834 фрагментов керамики из позднего комплекса НМЗ VI Теккем-депе (раскоп 2 1972 и 1974 гг.) показал, что органика присутствовала в 534 гончарных (64%) и лишь в 9 лепных (1%) сосудах, а дробленный камень и толченая керамика в 119 случаях в тесте лепных сосудов (14.3%), тогда как в гончарных лишь в 12 черепках обнаружена примесь дробленного камня (1.4%). Остальные 17 комбинаций примесей дали менее 19%. Я благодарю сотрудницу Отдела Центральной Азии и Кавказа археолога В.Я. Стеганцеву, проделавшую эту кропотливую и трудоемкую работу.

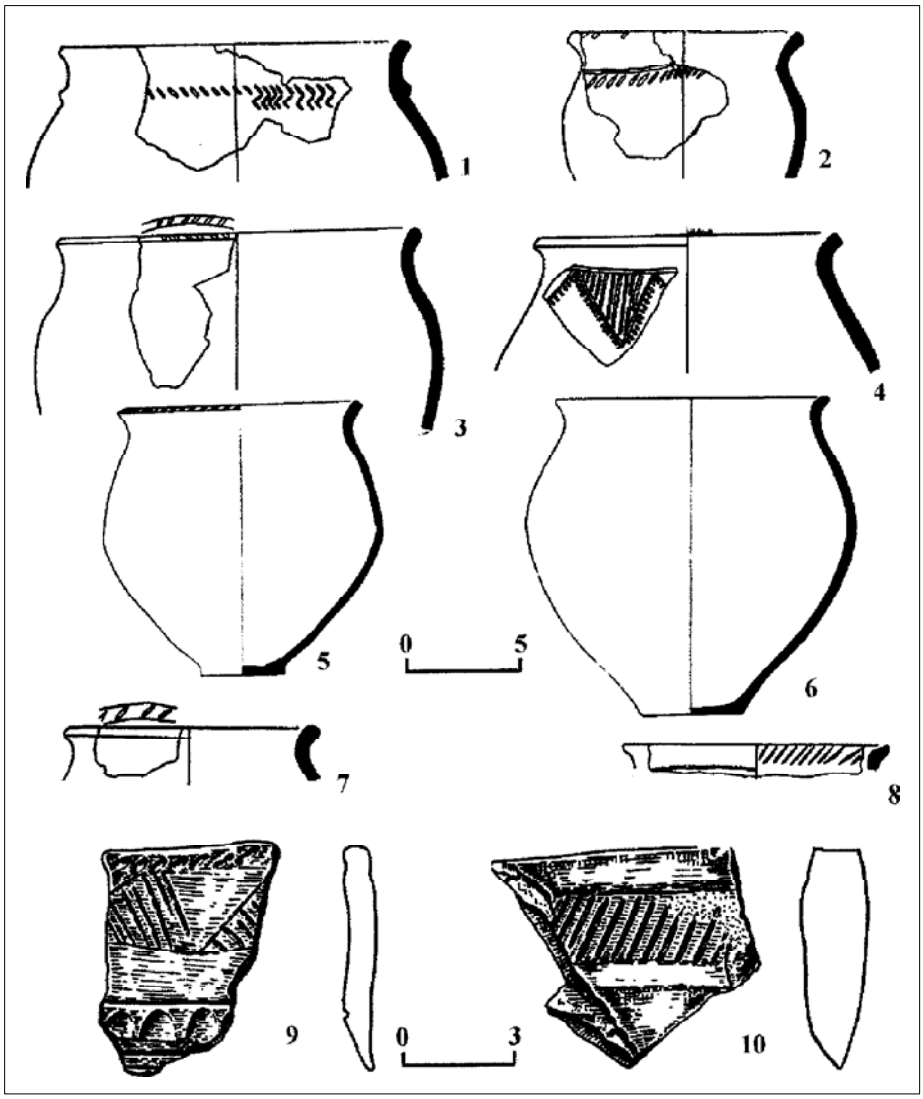



*Рис. 3. Теккем-депе. Формы и орнаментация степной керамики. Теккем-депе.*

земистые с хорошо выраженными плечиками (рис. 2.2), 2) несколько вытянутые в высоту, диаметры их горловин по отношению к донцам соотносятся как 3: 1 (рис.3. 6). У некоторых выделяется кольцевой поддон (рис 3. 5). Остальная, фрагментированная часть коллекции дает некоторые варианты этих форм. Шейка у большинства экземпляров — небольшая, маловыраженная. Венчик либо прямой, либо отогнутый наружу и имеет округлый, плоский или заостренный край. Три венчика демонстрируют профиль в виде отогнутого «воротничка». По диаметрам венчиков намечается четыре группы: 1) горшочки — диаметр 8-16 см (24,5 % от общего числа); 2) малые горшки — диаметр 18-22 см (33,1%); 3) средние горшки — диаметр 24-28 см (25,8 %); 4) крупные горшки или котлы (30-36 см (16,6%).

Из 215 исследованных фрагментов 82 (37.9 %) имеют орнамент. Отмечено шесть его основных элементов. 1) Насечки (67 случаев) — в виде линзовидных с заостренными краями овалов — нанесены, вероятно, гладким заостренным штампом (рис. 2. 4; рис. 3. 2,3,5,7). Семь раз они покрывают валики, опоясывающие сосуд под венчиком (рис. 3. 1). 2) Елочки (6 раз) — те же насечки, но расположенные под прямым углом друг к другу и образующие своего рода горизонтальную стрелку. 3) Жемчужины (8 случаев) — небольшие круглые или овальные вдавления (вмятины) на венчиках и шейках сосудов. 4) Прочерченные линии (6 черепков) — нанесены заостренным предметом (щепкой?) по влажной глине (рис. 3. 8). Они разной длины и направлений, редко образуют смысловые композиции. 5) Крестики из пересекающихся овальных насечек, чередующиеся с группами из двух и трех таких же насечек, лишь в одном случае покрывают верхний край венчика (рис. 2. 3). 6) Валики (7 экземпляров), в виде рельефно выступающих утолщений с полукруглым сечением, проходят по верхней границе плечиков сосудов. Все они выполнены из жгутов (ширина 9-12 мм), прилепленных по влажной глине и украшенных косым рядом резных насечек или вертикальных зигзагов (рис. 3. 1).

Итак, керамика степного облика, найденная в верхних слоях Теккем-депе, представлена единообразной формой — лепным плоскодонным горшком со слабо изогнутой линией тулова, небольшой шейкой и отогнутым наружу венчиком. Глиняное тесто содержит отощители минерального происхождения. Шесть элементов орнамента не отличаются большим разнообразием и покрывают лишь верхние части сосуда: венчики, плечики и очень редко шейку. В большинстве случаев наносился один элемент, повторяющийся неоднократно, в пределах одной зональной линии. Сочетание различных узоров присутствует только на незначительном числе фрагментов. Преобладающий мотив орнаментации — косые насечки — расположены в основном по верхним краям венчиков. Способ нанесения узора — нарезка и плоский штамп. Некоторая часть сосудов украшена налепными валиками, другая — имеет венчики в виде отогнутого «воротничка».

Аналогичная группа керамики из верхнего строительного горизонта (Вышка 7) на Намазга-депе, опубликована под названием кухонная керамика (Хлопина 1972): те же формы сосудов, та же технология изготовления, те же примеси. Но в более ранний период — Вышка 6 и 5 — эта керамика отсутствует. На небольшой площади в 30 кв.м (работы 1968 и 1973 гг.) собрано 208 фрагментов посуды трех типов: столовая, хозяйственная и кухонная. Последняя представлена 13 фрагментами (8 лепных и 5 гончарных) с примесью в тесте дресвы. Лишь один фрагмент горшка (из 11) имеет насечки по венчику, котел и корчага не имели орнамента. Следовательно, лишь в последний период заселения «вышки» Намазга-депе, здесь появились племена степного круга, о пребывании которых свидетельствуют также каменные орудия и металлические изделия, о чем будет сказано ниже.

Керамика степного облика Теккем-депе и Намазга-депе находит аналогии в археологических комплексах степных районов Евразии заключительной стадии позднебронзового века. В первую очередь это относится к глиняной посуде саргаринско-алексеевской культуры, для которой характерны удлиненные в высоту пропорции сосудов с широко открытой горловиной, небольшой слабовыраженной шейкой и асимметричным слабопрофилированным туловом. Примеси в тесте — шамот, песок и дресва; обжиг — неравномерный, в изломе — черепок черного цвета. Мотивы орнамента невыразительны: различного рода прочерченные линии, насечки, елочки, ямочные вдавления. Геометрические узоры в композициях встречаются крайне редко. Способ нанесения орнамента — плоский штамп и нарезка. Характерной деталью саргаринской керамики являются валик, размещенный у основания шейки и почти всегда украшенный орнаментацией, а также своеобразный тип венчика в виде «воротничка» (Зданович С. 1984).

Из коллекции керамики степного облика Теккем-депе выделяется фрагмент сосуда с треугольным орнаментом (рис. 3. 4). Он найден на раскопе 1 на южной вершине холма в 80 см от современной поверхности (Щетенко 1972: 530), в заполнении двора около двухярусной гончарной печи. Этот черепок по фактуре и технологии изготовления отличен от остальной лепной посуды Теккем-депе: тесто грубой структуры с большой примесью крупных зерен дробленого камня, обжиг — хороший, равномерный, в изломе цвет черепка — темно-оранжевый. Внутреннюю и внешнюю поверхность фрагмента покрывает хорошо сохранившийся ангоб, наносившийся дважды: первоначально сосуд (внутри и снаружи) имел темно-оранжевый цвет, а затем его внешняя поверхность еще раз была покрыта ангобом светло-оранжевого (беловатого) оттенка. Дополнительно эту поверхность загладили пальцами рук — прием, отмеченный и на других черепках керамики степного облика. Орнамент на фрагменте состоит из ряда треугольников (сохранились три), внутреннее пространство которых заполняют десять прочерченных линий, нанесенных от основания треугольников к их вершинам. Художественной особенностью этих треугольников, опущенных вершинами вниз, является «бахрома» — маленькие каплевидные углубления, расположенные вдоль их внешних сторон. Узор занимает верхнюю часть плечика горшка, а основания треугольников составляют одну прочерченную линию, опоясывающую нижнюю часть шейки сосуда. Венчик под углом 45 градусов скошен наружу и покрыт четкими наклонными насечками (сохранилось 18) через одинаковые (1 см) интервалы.

Похожий орнамент (отличие — цепочка косых насечек между двумя прочерченными линиями над рядом треугольников под венчиком) есть на одном из лепных черепков, собранных А. А. Марущенко в котлованах выдувания у Овадана (Кузьмина 1964: 145, рис.3,1). Значительно шире треугольники с «бахромой» (четыре типа этого мотива) встречаются на стоянках тазабагъбской культуры (Итина 1977: рис.63, вид орнамента — 12, 14, 20, 48). Отмечены они и на посуде некоторых поселений (Новоникольское I, Петровка II) саргаринско-алексеевской культуры Северного Казахстана (Зданович 1988: рис. 10, 5; 20, 6). В Восточном Казахстане этот узор вместе с шестью другими мотивами керамики степного облика Теккем-депе, широко представлен в глиняной посуде поселения Канай (Черников 1960: табл. XVII-XIX) и в керамике верхнего горизонта поселения Усть-Нарым (Черников 1960: табл. XXVIII-XXXI).

Еще один фрагмент с орнаментом в виде ряда треугольников с «бахромой», именуемой «ресничками», вместе с иными узорами (елочка, заштрихованные внутри треугольники) найден в древней Маргиане на поселении с развеянным слоем Аучин 16 (Сарианиди 1975: 23, рис.4, 1). Он наиболее близок фрагменту из Тек-

кем-депе не только по оформлению, но и по технологическим параметрам: по составу глиняного теста, характеру обжига, цветовой гамме и наличие светлого ангоба. Последний признак — светлый ангоб (часто и двусторонний) встречен и на других неорнаментированных черепках Теккем-депе из верхних слоев обоих раскопов, но не обнаружен в керамике «вышки» Намазга-депе.

Это сочетание различных технологических традиций изготовления керамической посуды свидетельствует о непосредственных контактах степного и земледельческого населения на юге Средней Азии. Форма, способ выделки и орнаментация сосудов говорят о традициях изготовления глиняной посуды мастерами племен степных скотоводов, а покрытие сосуда ангобом и качественный обжиг в печи характерны для технологических приемов гончарного производства ремесленников земледельческих общин.

Особого внимания заслуживают два черепка из более ранних напластований Теккем-депе (рис. 3. 9,10). Они обнаружены на раскопе 1 в помещении 43 (пол 2) и стратиграфически предшествуют верхнему кроющему слою Теккем-депе, где найден основной массив керамики степного облика. Первый экземпляр представляет собой фрагмент верхней части лепного темно-серого (внутри — светло-коричневого) горшка, среднего обжига, о чем свидетельствует темный цвет излома черепка. В тесте присутствует примесь дресвы. Внешняя поверхность черепка залощена, внутренняя имеет следы заглаживания. Реконструируемая форма — горшок с невыделенным венчиком и прямой шейкой, в нижней части которой четко выраженный уступчик. Орнамент располагается под верхним краем венчика: линия неглубоких овальных вдавлений, ниже которых идут ряды косых треугольников, заполненных внутри прочерченными линиями. На уступчике, между двумя прочерченными горизонтальными линиями, нанесены ряды полукруглых вдавлений. Треугольники и линии выполнены в технике нарезки, вдавления — плоским штампом. Второй черепок аналогичен первому, но сохранился хуже. Форма, технология изготовления и орнамент черепков характерны для алакульской керамики андроновской культурно-исторической общности. Н.А. Аванесова и Е.Е. Кузьмина единодушно отнесли их к продукции гончаров алакульской культуры.

Анализ металлических изделий также подтверждает тесные связи земледельцев и скотоводов. Это относится к некоторым типам орудий, в первую очередь к ножам, и некоторым формам украшений.

Первый изогнутый однолезвийный пластинчатый нож без выделенной рукояти (длина 19 см) с Намазга-депе (Вышка 7) опубликован под названием серп (Куфтин 1956: 279, рис. 25 и рис. 42). Второй однолезвийный пластинчатый нож с выделенной рукоятью (длина 17.3, рукоять 3 см) найден в том же горизонте (Хлопина 1978: 4). Аналогии первому типу дают два ножа (более короткие — по 11 см) из Чуста (Кузьмина 1966: табл. X, 16, 17), второму — нож более удлиненных пропорций (25 см, рукоять 8 см) из нижнего слоя комплекса Яз I одноименного поселения в дельте Мургаба (Массон 1959: XXXIII, 11). Здесь в раскопе II в едином комплексе (яруса III-IV) вместе с ножом найдены круглая пуговица с литой петелькой, два двуперых черешковых и один лавролистный с выступающей втулкой наконечники стрел (Массон 1959: табл. XXXIII, 3-5,11).

Оба тина ножей не характерны для культур земледельцев Южного Туркменистана и связываются с кругом северных скотоводческих племен, где их прототипы вполне реальны (Кузьмина 1966: 45, 47). Полагают, что однолезвийные ножи являются изобретением андроновцев, где они известны от петровского этапа до эпохи поздней бронзы (Аванесова 1991: 26); их нет в соседних культурах: абашевской, срубной, приказанской, турбино-сейминской, хотя другие формы ножей схожи. Возможно, в памятниках подгорной равнины Копет-Дага они оказались вместе с носителями алакульской керамики.

Другой тип орудия — двулезвийный нож листовидной формы (плоского трапециевидного сечения) с нервюрой посередине лезвия с черенком (круглого сечения) с кольцевым упором — определен по каменной матрице (рис. 4. 1). В ней одновременно отливалось два ножа: длина одного — 9 см (черенок 2, упор 1.2 см), второго — 8.2 см (черенок 2.2 упор 0.9 см). Максимальная ширина клинков у обоих ножей приходится на середину изделия. С «вышки» Намазга-депе (период Вышка 7) происходит нож (реконструируемая длина его 8.2 см, черенок 1.8 см) с обломанным кончиком (Кузьмина 1966: табл. VI, 14), вероятно отлитый в аналогичной форме. Похожие предметы найдены в погребениях № 19 и № 6 могильника Пархай I долины Сумбара, где они названы дротиком и стрелой (Хлопин 1983: табл. LXI, 5, 11). Оба орудия подтреугольной формы (максимальное расширение клинка находится ближе к кольцевому упору) более вытянутых пропорций (длина первого 12, черенок 2.5, упор 1 см, второго — 15, черенок 3, упор 1 см) по сравнению с ножами Теккем-депе. Отлична и форма лезвий этих изделий: они более вытянутых треугольных форм и больше напоминают наконечники, отливаемые в каменной форме с «вышки» Намазга.

Ножи с кольцевым упором так называемого «киммерийского типа» (часто их именуют кинжалами) широко представлены в культурах эпохи бронзы от Трансильвании на западе до Средней Азии на востоке (Дергачев 1975: 54-56). Наиболее яркие аналогии публикуемым изделиям можно найти в красномаяцском (Черняков 1965: 90, рис. 1, 1-2) и Кобаковском (Тереножкин 1965: рис.1, 24) кладах, а также в молдавских кладах Березки, Мындрешты, Соколены и

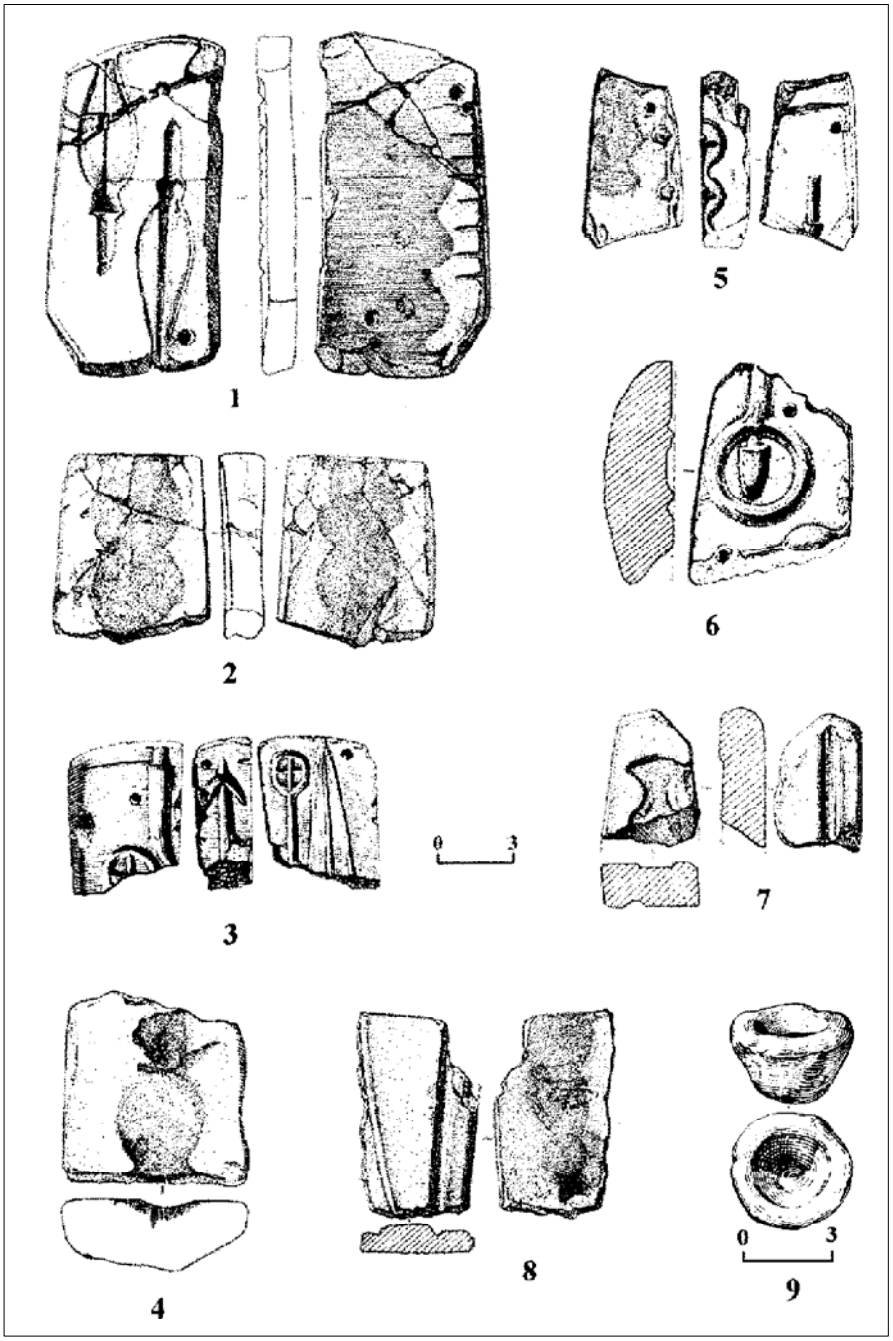



*Рис. 4. Каменные литейные формы (1, 3, 5-8), крышки для них (2, 4) и глиняный тигель (9). 3 - Намазга-депе, остальные - Теккем-депе.*

Гояны (Дергачев 1975: рис. 2, 13; рис.3, 22; рис. 7, 5; рис. 9, 18). Полагают, что расположение максимального расширения клинка у ножей с кольцевым упором является хронологическим признаком (Лесков 1967: 165; Дергачев 1975: 55). Таким образом, двулезвийные ножи с кольцевым упором Теккем-депе могут служить хронологическим эталоном для эпохи поздней бронзы Средней Азии, учитывая их нахождение в закрытом стратиграфическом комплексе вместе с пуговицами с литой петелькой, кольцевыми подвесками и комплексом керамики.

На «вышке» Намазга-депе (период Вышка 4) найдена литейная форма для изготовления булавок с крестовидным кольцевидным навершием (рис. 4. 3). Эта же форма имела матрицы для отливки булавок с серповидным навершием и двулезвийных ножей, вероятно, с кольцевым упором (конец формы утрачен). Булавки с крестовидным кольцевидным навершием представлены двумя вариантами: 1) длинный, сужиающийся к одному концу, стержень с крестообразным гладким кольцевым навершием и 2) короткий стержень той же формы с крестообразным кольцевым навершием с 5 выступами. Первый вариант известен только по литейной форме с «вышки» Намазга-депе, второй — по двум булавкам в погребении № 7 могильника Янги-кала (Ганялин 1956 б: 379, рис. 3). Оба вида булавок представлены в могильниках Сум-

барской долины. Две булавки первого варианта найдены в погребении № 6 могильника Сумбар II (Хлопин 1983: табл. L, 10, 11), а две булавки второго варианта — в погребении № 14 могильника Пархай I (Хлопин 1983: табл. LIII, 3, 4)).

Точная копия первому варианту булавок происходит из клада эпохи поздней бронзы в Восточной Румынии, на границе с Молдовой. В нем найдено четыре каменные литейные многосторонние формы для отливки двулезвийных ножей, плоских топоров, пуговиц с петелькой, булавок с крестовидным навершием (Petrescu-Dîmboviţa 1977: 60, рис.49, 1-5). Весь набор металлических изделий клада, за исключением топора, соответствует предметам, изготовляемым в это же время на поселениях Теккем-депе и Намазга-депе. Если же рассматривать оба варианта булавок Южной Туркмении, как разновидности всего класса булавок с кольцевым навершием, то к нашим аналогиям можно добавить и булавки аналогичной формы (с круглым дополнительным ушком на верхней части навершия) культуры курганных погребений Центральной Европы, датируемой XIV-XIII вв. до н.э. (Монгайт 1974: 60, рис. 13).

Пуговицы круглой формы с литой петелькой на внутренней слегка вогнутой стороне отливались в каменной матрице вместе с ножом с кольцевым уступом (рис. 4. 5). По рядам круглых пятен нагара на литейных каменных крышках видно, что пуговицы и круглые бляшки изготовлялись целыми сериями: от трех и более — пуговицы (форма обломана) и до пяти и более — бляшки. Одна целая бронзовая пуговица (диаметр 2.2 см) найдена вместе с формой для ее отливки среди других вещей в яме литейщика на Теккем-депе.

В стратиграфических комплексах юга Средней Азии такие пуговицы найдены всего в двух местах. На поселении Яз-депе в уже упоминавшемся комплексе Яз-I (Массон 1959: табл. XXXIII) и в культуре III южного кургана Анау (Schmidt H. 1908: fig. 259). В Дальверзине наличие такой пуговицы указано ошибочно (Кузьмина 1966: 69)[3].

Серебряная пуговица с петелькой найдена на северном холме в комплексе Гиссара III С (Schmidt E. 1937: pl. LV, H 2631). Бронзовый экземпляр вместе с булавкой с серповидным навершием происходит из слоев поздней бронзы Шах-Тепе II (Arne 1945: 64). Из бронзовых пуговиц конской упряжи некрополя «Б» Сиалка (могила № 15 — 7 штук, № 123 — 13 (Ghirshman 1939: pl. LV, № 592 a; pl. LXXIX, № 994) лишь одна из погребения № 15 типологически близка теккемовским образцам, но более крупного (диаметр 4.5 см) размера (там же: pl. LVI, № 819 a). В Гияне (слой I) в погребении № 3 вместе с железным кинжалом и бронзовыми удилами и трехдырчатыми псалиями оказалось 26 бронзовых пуговиц: 2 крупные, 3 мелкие и 21 среднего размера (Contenau, Ghirshman 1935: pl. V, 6; pl. 8, могила 3, рис.12). Последние, как и одна из трех пуговиц из другого погребения (там же, табл. 18, могила 52, рис. 5) типологически сопоставимы с находками Теккем-депе.

С другой стороны, литые бляшки-пуговицы с петелькой встречены только в федоровских памятниках (Черноземье I, Еловка II, Сухое озеро I, Орак) и одна каменная литейная форма для отливки таких пуговиц найдена на поселение Явленка I (Аванесова 1991: б5, рис. 55, 12). Вероятно, с кругом степных культур связаны и находки этого типа изделий на юге Средней Азии.

Особый интерес представляет продукция каменной литейной формы (рис. 4. 7), в которой изготовлялись небольшие плоские предметы в форме противостоящих треугольников с закругленными краями, напоминающие вотивные топорики из могил джаркутанского этапа сапалинской культуры (Ионесов 1990: 9, рис. 1). Кроме того, серии миниатюрных бронзовых изделий, изготовленных специально для похорон, найдены в могилах пилинской культуры (наследнице курганной культуры) финальной бронзы Восточной Венгрии (Монгайт 1974: 87).

Каменные предметы только в верхних слоя Теккем-депе насчитывают несколько сотен. Не столь многочисленны, но также выразительны орудия с «вышки» Намазга-депе. Аналогии в каменной индустрии скотоводческих культур степного мира находят несколько категорий каменных предметов: булавы, песты, каменные топоры, ткацкие грузила.

Четыре прекрасно отшлифованные каменные навершия булав найдены только на Теккем-депе: одна из них — шаровидной формы с кольцеобразным резко выступающем валиком на одном конце — опубликована (Ганялин 1956 б: 73, рис. 3), три других — в виде круглых шаров — происходят из поздних наслоений позднего НМЗ VI. Две оказались в помещении 10 раскопа 1 и одна в помещении 29 — позднего этапа застройки помещения 43, выше ямы 1 (рис. 5.1). Во всех случаях здесь же найдена и керамика степного облика.

Каменные булавы известны на южном холме Анау в культуре IV (Schmidt H. 1908: fig. 390, pl. 44, 13; pl. 48, 6), в слоях раннежелезного века Улуг-депе (Сарианиди 1971: 434), в погребениях Сумбарских могильников (Хлопин 1983: рис. 6, 1, 11, 12), В Дальверзине (Заднепровский 1962: рис. 14), в Северном Афганистане (Сарианиди 1977: рис.51). Еще более широко представлены они в комплексах степной бронзы от Волго-Уральского междуречья (Археология России 1993: табл. 2, 4, 9; табл. 3, 20; табл. 17, 6; Шилов 1975: рис. 5, 7; рис. 45, 5-8) до Восточ-

[3] Литая петелька не упоминается в тексте (Заднепровский 1962: 31) и не прослеживается на фотографии (там же: табл. XXI, 1). В личной беседе 12.07.1996 г. Ю.А. Заднепровский объяснил, что на фото изображены остатки бляшки без петельки.

ного Казахстана Черников 1960: табл. XXXIIIVII, 1). На Кавказе они найдены в памятниках второй половины II тыс. до н.э. (Крупнов 1951: 44), в Северном Причерноморье в памятниках поздних этапов эпохи бронзы (Черняков 1985: 128).

Песты (27 штук с Теккем-депе и 6 с «вышки» Намазга-депе) представлены несколькими типами, которые различаются размерами, сечением (прямоугольное или круглое), наличием плечиков, оформлением одного или двух рабочих концов (рис. 5. 2-5,8). Кроме простейших типов — вытянутых цилиндров с двумя рабочими концами — (рис. 5. 2,3), есть более сложные с округлой головкой с четырьмя хорошо смоделированными выступами-шишечками (рис. 5. 4). Оба типа отмечены в материалах южного холма Анау в культуре IV (Schmidt H. 1908: vol. I: pl. 48: 1, 3, 5, 8; vol. II: fig. 517-524), простейшие образцы найдены на Улуг-депе (Археология СССР 1985: 355, табл. LXVII, 14), в Дальверзине (Заднепровский 1962: табл. XXIX, 18) на поселениях Восточного Казахстана (Черников 1960: табл. XV, 4; XXVI, 2), в культурах степной бронзы Узбекистана (Пугаченкова 1972: 87) и Таджикистана (Пьянкова 1982: 50). И часто эти песты сопровождаются находками литейных форм и керамикой алакульско-федоровского типа (Литвинский, Соловьев 1972: 45-46).

Типология пестов разработана на материалах Северного Причерноморья для сабатиновской культуры с привлечением аналогий из культур эпохи поздней бронзы Молдовы и Румынии (Савва 1987). Более ранними типами исследователь считает песты с гладким корпусом, происхождение которых он связывает с ранними этапами андроновской культуры, и постулирует последующее их продвижение в западные области, вплоть до Нижнего Подунавья (Савва

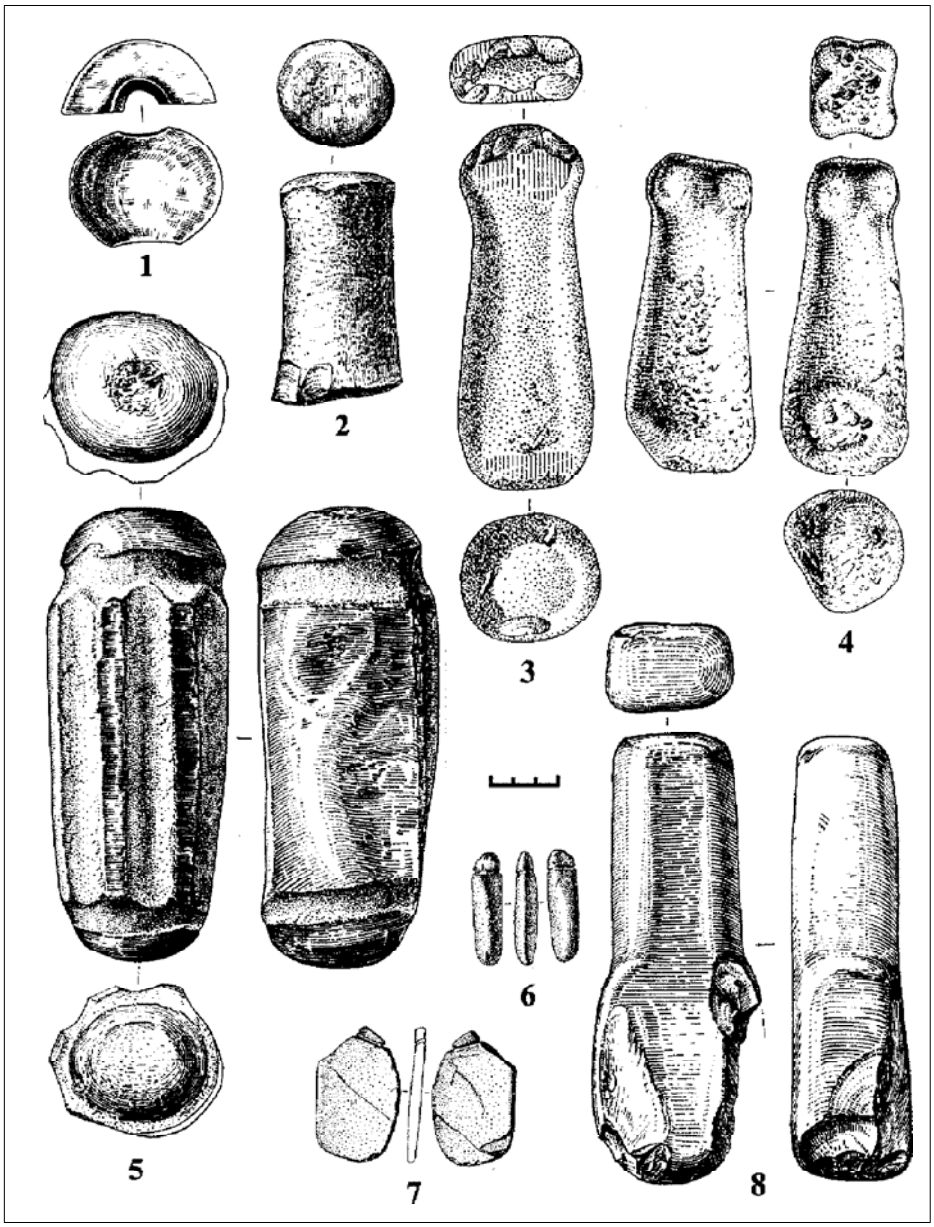



*Рис.5. Каменные изделия: 1 - навершие булавы, 2-5, 8 - песты (молоты), 6 и 7 - грузила ткацкого станка.*

1987: 69). Песты с грибовидным навершием и с выступами-шишечками (бутончиками по терминологии Е.Н. Саввы) типичны для Северного Причерноморья и находки их в Южной Туркмении, вместе с другими западными вещами, демонстрируют обратное движение (или влияние) в восточном и южном направлениях.

Каменные топоры подтреугольной формы с прямоугольным сечением представлены двумя экземплярами, причем один из них (шлифованный) оказался в кузнечной яме Теккем-депе. Похожие типы изделий найдены на поселениях Восточного Казахстана (Черников 1960: табл. XXXVIII, 4; XLVII, 13; LI, 6, 8). Второй топор тех же очертаний и сечения, из кроющего слоя раскопа 2, обработан грубыми сколами, и вероятно, является заготовкой шлифованного изделия.

Каменные грузила для ткацкого станка, один из которых имеет продолговато-вытянутую форму с головкой, выделенной желобком для крепления шнура (рис. 5. 6,7) опять же имеет аналогии в материалах Казахстана (Черников 1960: табл. XXVII, 1), в Дальверзине (Заднепровский 1962: табл. XXIX, 11) и на юго-западе Туркменистане в Мадау (Массон 1956: рис. 38). Такие грузила впервые найдены в культурном слое Теккем-депе вместе с черепками алакульской керамики.

Итак, материалы «вышки» Намазга-депе и верхних напластований Теккем-депе демонстрируют наличие культурных контактов с племенами степных скотоводов. Для определения времени этих контактов следует принимать во внимание весь комплекс находок, отдавая приоритет керамике и металлическим изделиям, типология которых достаточно подробно разработана для западного региона Евразийских степей.

В литературе по степной бронзе особое значение придается появлению на глиняной посуде налепных валиков, которые рассматриваются как один из признаков керамики финального этапа эпохи поздней бронзы. «В первой половине XП в. до н.э. произошло перерастание федоровских комплексов и ряда андроноидных культур в культуры валиковой керамики» (Зданович 1988: 148). В то же время изучение металла культур валиковой керамики в глобальном масштабе также указывает на сложение общности культур валиковой керамики на востоке в ряде комплексов саргаринской культуры «в весьма короткий отрезок времени — преимущественно в XIII/XII вв. до н.э.» (Черных 1983: 95). Время существования саргаринско-алексеевской культуры определяется серединой XII - XI вв. до н.э. (Зданович 1988: 148; Аванесова 1991: 92, 94), а ее ранний этап — XIII в. до н. э. (Варфоломеев 1991: 18).Учитывая весь комплекс проблем, связанных с существованием культур валиковой керамики, вероятно, этим же временем (или чуть раньше) можно датировать и керамический комплекс кроющего слоя Намазга-депе (Вышка 7) и часть керамики степного облика Теккем-депе (центральная часть поселения в раскопе 2). Здесь же, в месте наибольшей концентрации керамики этого типа, зафиксированы и следы деревянной постройки (нижние части ряда ямок для столбов вдоль восточной стены помещения 14), вероятно, сооруженной на натечно-надувных слоях по верху пола заброшенного жилища. Постройки с деревянными столбовыми конструкциями широко представлены у племен степного пояса Евразии и не характерны для земледельцев юга Средней Азии.

С другой стороны, многочисленные аналогии южно-туркменским материалам, отмеченные в памятниках Восточного Казахстана (поселения Канай, Усть-Нарым), находят объяснение. Оба этих комплекса, по современным представлениям, хорошо соотносятся «с поселенческими керамическими комплексами федоровской культуры Зауралья, Северного и Центрального Казахстана» (Зданович Б. 1988: 146).

Итак, керамика степного облика, каменные и металлические изделия верхних слоев стратиграфических колонок Теккем-депе и Намазга-депе отражают несколько этапов культурных взаимодействий земледельцев Южного Туркменистана с северными племенами скотоводов: ранние — в эпоху позднего Намазга VI — алакульский и федоровский этапы, поздние — в пору Анау IV (Яз I) — саргарино-алексеевский. Аналогичная картина отмечена и в Северной Бактрии на земледельческих поселениях молалинского и бустанского этапов сапаллинской культуры, где степная керамика имеет преобладающее сходство с федоровской керамикой Казахстана (особенно в зоне, прилегающей к Аралу) и в погребениях долины Заравшана, отражая ранний этап контактов со степняками-скотоводами. Поздний этап (саргаринско-алексеевский) — отмечен появлением налепных рельефных валиков на гончарной культовой посуде Джаркутана и наличием горшков с валиками в погребениях вахшской культуры. Следовательно, подгорная равнина Копет-Дага могла быть одним из возможных путей неоднократного движения на юго-восток племен андроновской культурно-исторической общности.

Наличие западных аналогий указывает на возможные направления культурно-исторических связей и на сложность исторической обстановки в финальную пору эпохи поздней бронзы, когда в течение нескольких столетий (вторая половина II — рубеж II-I тыс. до н. э.) на огромных пространствах Евразии произошли скачкообразные изменения, выразившиеся в образовании новых культур и культурно-исторических общностей. Выяснение причин этого явления и конкретных механизмов исторического развития в каждом регионе зависит от дальнейшего изучения конкретных археологических культур и накопления источниковедческого материала, в том числе и в Южном Туркменистане.

ЛИТЕРАТУРА

Аванесова, Н.А. 1991. Культура пастушеских племен эпохи бронзы Азиатской части СССР. Ташкент.

Археология России. 1993. Свод археологических источников. Выпуск 1-10. Т.I. Памятники срубной культуры. Волго-Уральское междуречье. Саратов: Саратовский университет.

Археология СССР. 1985. Древние государства Кавказа и Средней Азии. Москва: Наука.

Аскаров А. 1977. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы Юга Узбекистана. Ташкент: Фан.

Бобомуллоев, С.Б. 1998. Верховья Заравшана во II тысячелетии до н.э. Душанбе.

Варфоломеев, В.В. 1991. Сарыарка в конце бронзовой эпохи. Автореферат диссертации кандидата исторических наук. Алма-Ата.

Ганялин, А.Ф. 1956 а. Теккем-депе // Труды Института Истории, Археологии и Этнографии II. Ашхабад: Академия Наук ТССР: 67-86.

1956 б. Погребения эпохи бронзы у селения Янги-кала // Труды Южно-Туркменистанской Археологической Комплексной Экспедиции VII. Ашхабад: Академия Наук ТССР: 374-384.

Дергачев, В.А. 1975. Бронзовые предметы XIII-VIII вв. до н. э. из Днестровско-Прутского междуречья. Кишинев: Штиинца.

Заднепровский, Ю.А. 1962. Древнеземледельческая культура Ферганы // Материалы и исследования по археологии СССР 118. Москва-Ленинград: Академия наук СССР: 7-200.

Зданович, Г.Б. 1988. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей. Свердловск: Уральский университет.

Зданович, С.Я. 1984. Керамика саргаринской культуры // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск: 79-96.

Ионесов, В.И. 1990. Некоторые данные о могильнике Джаркутан-4В // История материальной культуры Узбекистана 24. Ташкент: Фан: 8-18.

Исаков, А. 1991. Саразм. К вопросу становления раннеземледельческой культуры Зеравшанской долины (раскопки 1977-1983 гг.). Душанбе: Дониш.

Исаков, А.И., Т.М. Потемкина. 1989. Могильник племен эпохи бронзы в Таджикистане // Советская археология 1: 145-167.

Итина, М. А. 1977. История степных племен Приаралья. Труды Хорезмийской Экспедиции 10. Москва: Академия наук СССР.

Крупнов, Е.И. 1951. Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода // Материалы и исследования по археологии СССР 23. Москва-Ленинград: Академия наук СССР: 17-74.

Кузьмина, Е.Е. 1964. О южных пределах распространения степных культур эпохи бронзы в Средней Азии // Памятники каменного и бронзового веков Евразии. Москва: Наука: 141-158.

1966. Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии. Археология СССР. Свод археологических источников. В 4-9. Москва: Наука.

1992. Три направления культурных связей андроновских племен и хронология андроновской культурной общности // Северная Евразия. От древности до средневековья. Археологические изыскания 2. Санкт-Петербург: 43-45.

Куфтин, Б.А. 1956. Полевой отчет о работах XIV отряда ЮТАКЭ по изучению культур первобытнообщинных оседло-земледельческих поселений эпохи меди и бронзы в 1952 г. // Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции VII. Ашхабад: Академия наук Туркменской ССР: 260-290.

Лесков, А.М. 1967. О северопричерноморском очаге металлообработки в эпоху поздней бронзы // Памятники эпохи бронзы юга Европейской части СССР. Киев: Наукова думка: 143-178.

Литвинский, Б.А., В.С. Соловьев. 1972. Стоянка степной бронзы в Южном Таджикистане // Успехи среднеазиатской археологии 1. Ленинград: Наука: 41-47.

Массон, В.М. 1956. Памятники культуры архаического Дахистана в Юго-Западной Туркмении // Труды Южно-Туркменистанской Археологической Комплексной Экспедиции VII. Ашхабад: Академия наук Туркменской ССР: 385-457.

1959. Древнеземледельческая культура Маргианы // Материалы и Исследования по Археологии СССР 73. Москва-Ленинград: Академия Наук СССР.

1964. Средняя Азия и Древний Восток. М.-Л.

1981. Алтын-депе // Труды Южно-Туркменистанской Археологической Комплексной Экспедиции XVIII. Ашхабад: Академия наук Туркменской ССР.

Монгайт, А. Л. 1974. Археология Западной Европы. Москва: Наука.

Пугаченкова, Г.А. 1972. Новый памятник древнебактрийской культуры // Успехи среднеазиатской археологии 1. Ленинград: Наука: 47-49.

Пьянкова, Л.Т. 1982. Древние скотоводы Бактрии (о вахшской и бешкентской культурах) // Культура первобытной эпохи Таджикистана (от мезолита до бронзы). Душанбе: Дониш: 41-64.

Савва, Е.Н. 1987. К вопросу о пестах-скипетрах эпохи поздней бронзы из Северного Причерноморья // Известия Академии наук Молдавской ССР. Серия общественных наук. Кишинев: Штиинца: 62-71.

Сарианиди, В.И. 1971. Исследование слоев раннежелезного века на Улуг-депе // Археологические открытия 1970 года. Москва: Наука: 433-434.

1975. Степные племена эпохи бронзы в Маргиане //Советская археология 2: 20-29.

1977. Древние земледельцы Афганистана // Материалы Советско-Афганской археологической экспедиции 1969-1977 гг. 2. Москва: Наука.

1990. Древности страны Маргуш, Ашхабад: Ылым.

Тереножкин, А.И. 1965. Основы хронологии предскифского периода // Советская археология 1: 63-85.

Хлопин, И.Н. 1983. Юго-Западная Туркмения в эпоху поздней бронзы. Ленинград: Наука.

Хлопина, Л.И. 1972. Кухонная керамика времени Намазга VI //Краткие сообщения Института археологии АН СССР 132: 59-64.

1978. Намазга-депе в эпоху поздней бронзы Южной Туркмении. Автореферат диссертации кандидата исторических наук. Ленинград.

Черников, С.С. 1960. Восточный Казахстан в эпоху поздней бронзы // Материалы и исследования по археологии СССР 83. Москва-Ленинград: Академия наук СССР.

Черных, Е.Н. 1983. Проблема общности культур валиковой керамики в степях Евразии // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск: Башкирский университет: 81-99.

Черняков, И.Т. 1965. Красномаяцкий клад литейщика // Краткие сообщения Одесского Государственно-

го археологического музея. //КС ОГАМ// за 1963 год. Одесса: 87-123.

1985. Северо-Западное Причерноморье во второй половине II тыс. до н. э. Киев: Наукова думка.

Шилов, В.П. 1975. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Ленинград: Наука.

Щетенко, А.Я. 1971. Раскопки Намазга-депе и Теккем-депе // Археологические открытия 1970 года. Москва: Наука: 430-432.

1972 Раскопки «Вышки» Намазга-депе // Успехи среднеазиатской археологии 1. Ленинград: Наука: 52-53.

1973. Теккем-депе — поселение эпохи поздней бронзы // Тезисы докладов сессии, посвященной итогам археологических исследований 1972 года в СССР. Ташкент: Фан: 234-236.

Щетенко, А.Я., Кутимов, Г.Ю. 1999. Керамика степного облика поселения эпохи поздней бронзы Теккем-депе (Южный Туркменистан) // Археологические Вести 6. Санкт-Петербург. (В печати).

Anthony, D.W. 1998. The opening of the Eurasian Steppe at 2000 BCE // Mair V.H. (ed.) The Bronze Age and Early Iron Age Peoples of Eastern Central Asia. Volume One. Philadelphia: Institute for the Study of Man Inc.

Arne T.J. 1945. Excavations at Shah Tepe, Iran. Stockholm.

Contenau, G., Ghirshman, R. 1935. Fouilles du Tépé-Giyan près de Nehavend 1931 et 1932. Musée du Louvre — Departement des antiquités orientales. Serie archéologique. Tom III. Paris: Librairie orientaliste Paul Geuthner.

Ghirshman, R. 1939. Fouilles de Sialk près de Kashan 1933, 1934, 1937. Vol. II. Musée du Louvre — Departement des antiquités orientales. Serie archéologique. Tom V. Paris: Librairie orientaliste Paul Geuthner.

Ke Peng, 1998. The Andronovo bronze artefacts discovered in Toquztara county in Ili, Xinjiang // Mair V.H. (ed.) The Bronze Age and Early Iron Age Peoples of Eastern Central Asia. Volume Two. Philadelphia: Institute for the Study of Man Inc.: 573-580.

Lamberg-Karlovsky, C.C. 1994. The Oxus civilization: the Bronze Age of Central Asia // Antiquity 68 No 259: 353-353.

Petrescu-Dîmboviţa, M. 1977. Depozitele de Bronzuri din România. Bucureşti.

Pumpelly, R. (ed.). 1908. Explorations in Turkestan. Expedition of 1904. Prehistoric civilizations of Anau. Origins, growth and influence of environment. I, II. Washington: Carnegie Institution of Washington.

P'yankova, L. 1994. Central Asia in the Bronze Age: sedentary and nomadic cultures // Antiquity 68 No 259: 355-372.

Schmidt, E. F. 1937. Excavations at Tepe-Hissàr, Damgan. Philadelphia.

Schmidt, H. 1908. Archaeological Excavations in Anau and Old Merv // Pumpelly, R. (ed.). Explorations in Turkestan I. Washington: 81-186.

*Гончарова Ю.В.*

# НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПОГРЕБЕНИЙ С ДИСКОВИДНЫМИ ПСАЛИЯМИ В СТЕПНОЙ И ЛЕСОСТЕПНОЙ ЗОНАХ ЕВРАЗИИ

**Goncharova J.V. Some aspects of the interpretation of the burials with disk cheek-pieces on the steppe and forrest-steppe territory of Eurasia.**

On the case of discoveries of monuments of the middle – beginning of the late Bronze Age on the territory of the South Urals, Norhtern Khazakhstan and of the region between rivers Volga and Don (for example, Sintashta, Arkaim, Potapovsky cemetery etc) there are many vast discussions among scientists. One of the main topics of these discussions is meaning of the so called institute of «chariot's aristocracy». This institution is usually connected with elitarian burials with traces of chariots and finds of disk cheek-pieces.

Up to now it's not clear what was the motive for appearance of such monuments. Was this motive the system of mass migrations or it was the revolutionary birth of a new society on the basis of preceding cultures with united system of the elite? This article is devoted to decision of this problem. The investigation is based on the analysis of these burials under three parameter's: ceramics, disk cheek-pieces and burial customs.

After the analysis of the material the author comes to some conclusions. At first, there are two traditions in production of ceramics and of making the disk cheek-pieces (with monolithic and insert thorns) in the Sintashta and Pokrovka cultural types.

In the second place, both these traditions are joining up by one temporal phenomenon. This phenomenon is expressed in total system of burial customs. May be, it was originated from the total world outlook, which appeared on this territory at the end of the Middle Bronze Age.

The author notes, that we haven't enough data to find the most earliest monuments, from which this tradition begins. But on the basis of different indications of the ritual (accompanying burials of horses, finds of chariots and cheek-pieces etc) the author concludes that the most integrity burial customs we find in monuments of Sintashta and Petrovka cultural types. This tradition spread during the short time period to the neighboring western territories from these cultural types. Here this tradition simplifies and became more votive traits (for example, instead of the whole horse skeletons – only skin of animal, instead of chariots with harness – the harness only, etc.), and absorb the local traditions, which affected on the most territorial mobile indication – ceramics. But it doesn't mean the change of bearers of this tradition, which was in that case the military elite.

За последние несколько десятков лет на территории степи и лесостепи Евразии был открыт ряд ярких памятников, относящихся к периоду средней и начала поздней бронзы. В связи с ними были выделены новые культурные типы (синташтинская, потаповская, покровская и др.), которые помогли упорядочить культурно-хронологическую систему указанного региона. Безусловно это породило и ряд новых вопросов, решение которых вызывает сейчас обширную дискуссию.

Одна из наиболее значительных тем этой дискуссии – институт так называемой «колесничной аристократии», который связывают с социально ранжированными погребениями со следами колесниц, распространенными на территории Южного Зауралья, Северного Казахстана и Доно-Волжской лесостепи (Синташта, могильник Берлик, Кенес и др.) и находками дисковидных псалий с шипами. Наиболее полный анализ этого материала провел В.С. Бочкарев в своем докладе на Эрмитажных чтениях, посвященных памяти Б.Б.Пиотровского в 1998). Далее мы будем обращаться к данным как этого доклада, так и к некоторым другим работам этого автора.

Кроме того, достаточно остро сейчас стоит вопрос о культурно-хронологическом и географическом соотношении выделенных типов археологических культур. Так как их типологические признаки достаточно близки, то остается неясным, стали ли причиной возникновения этих памятников массовые миграции (Синюк 1996: 209; Отрощенко 1998; Пряхин и др. 1998; Кузнецов 1996), или же это было отражение формирования нового общества на базе прежних культур (катокомбной культуры, полтавкинской культуры и т.д.) с системой единой элитарной общности, что хорошо, во всяком случае визуально, прослеживается на примере социально значимых погребений.

Насколько это визуальное сходство, основывающееся в основном на предметах конской

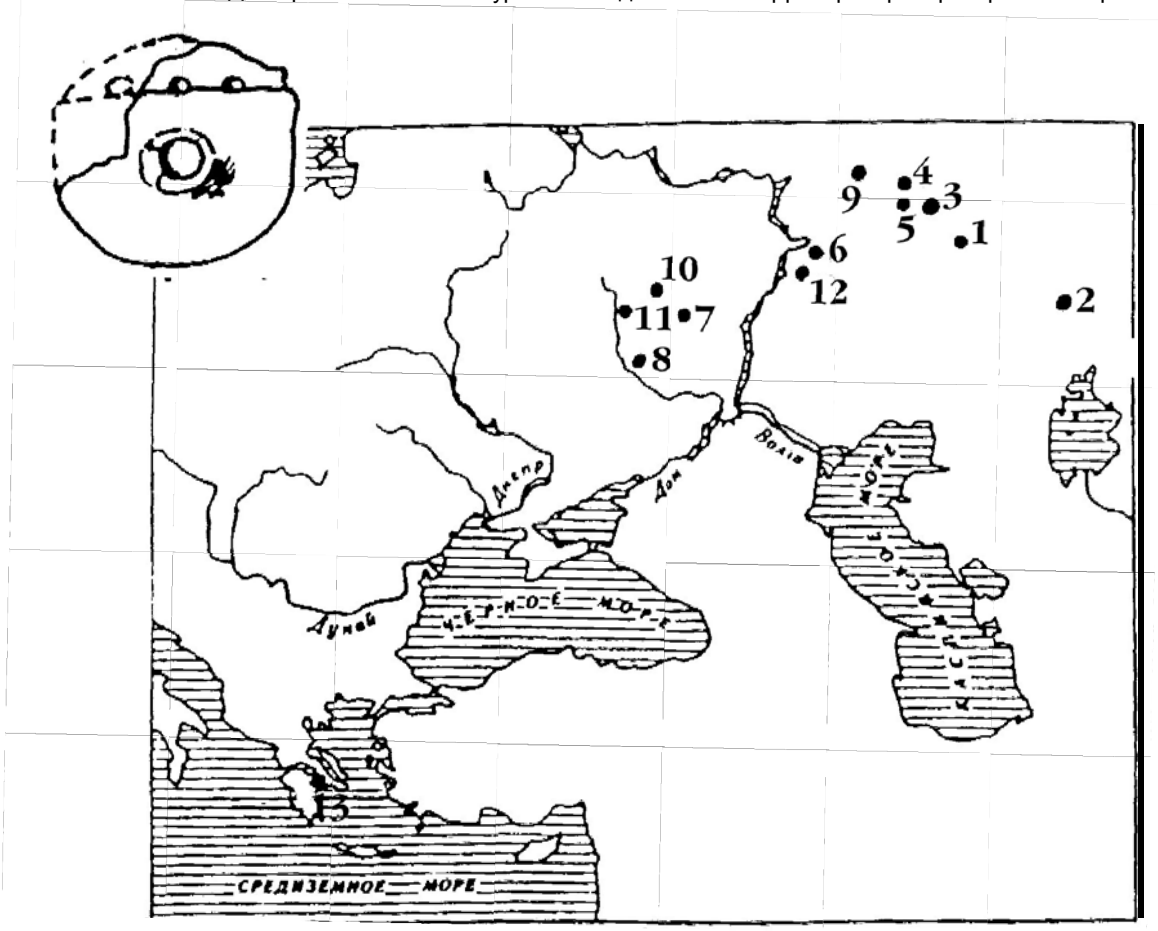
© Гончарова Ю.В., 1999.

упряжи (дисковидных псалиях), существенно? После выхода в свет полных публикаций ряда памятников – комплекса Синташта, Потаповского курганного могильника, могильников Селезни 1 и Селезни 2 и др., появилась возможность еще раз обратиться к этому материалу. Важным значением при этом обладает тот факт, что погребение, как законченный закрытый археологический комплекс, дает яркое представление как о мировоззренческих стандартах общества, так и частично о его материальной культуре. То есть, используя данные погребального обряда, можно очертить круг духовно-значимых материальных ценностей той или иной культуры или конгломерата культур, разделенных между собой зачастую довольно большой территорией, но, как правило, имеющих единую прародину.

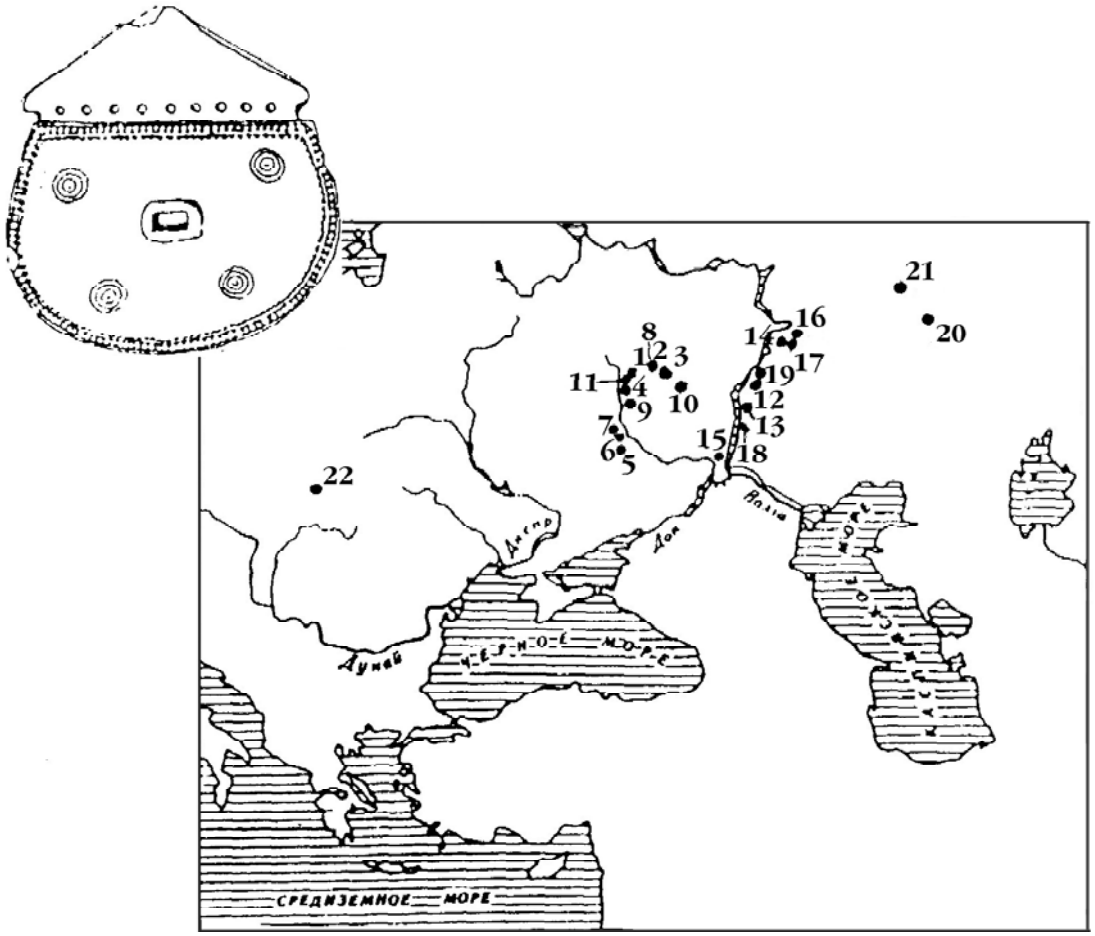
В ранее предложенной автором классификации дисковидных псалий с шипами (Гончарова Ю.В. 1996) уже говорилось об основном признаке, который делит весь известный нам материал на два основных типа: 1. Псалии с монолитными шипами; 2. Псалии со вставными шипами. Первый тип предметов распространен на всей территории от Южного Зауралья до Румынии и Греции (карта 1), тогда как концентрация второго типа наблюдается в основном на территории Волго-Донского междуречья (карта 2) (единичные находки происходят с территории Румынии).Следует отметить, что псалии со вставными шипами, как правило, орнаментированы и больших размеров. Они считаются парадным эквивалентом псалиев с монолитными шипами (Пряхин и др. 1998; Кузьмина 1994: 171 — 180).

Отталкиваясь от этой географической схемы, мы и попытаемся проследить соотношение самого факта использования этого вида упряжи с культурным фоном, в основном, на примере двух параметров: обряда и керамики, обнаруженной в погребениях с дисковидными псалиями.

Сейчас уже известно, что интересующие нас предметы встречаются в подкурганных, реже – грунтовых центральных захоронениях, выделяющихся своими крупными размерами, богатым инвентарем с обязательным наличием оружия и значительным количеством жертвоприношений животных – особенно шкур коней (черепа и конечности животных). Основные находки были сделаны на территории распространения трех




***Карта 1.*** *Погребения с дисковидными псалиями с монолитными шипами (I тип):*
*1. Синташта; 2. Берлик; 3. могильник Каменный Амбар 5; 4. Большекараганский могильник; 5. могильник Солнце II; 6. VI Утевский могильник; 7. Большедмитриевский; 8. Софьино; 9. IV Тавлыкаевский могильник; 10. Селезни-2; 11. Филатово; 12. Потапово; 13. Микены.*




***Карта 2.*** *Погребения с дисковидными псалиями со вставными шипами (II тип): 1. Старо-Юрьево; 2. Селезни-1; 3. Селезни-2; 4. Введенка; 5. Кондрашовка; 6. Кондрашкинский; 7. Богоявленский; 8. Пичаевский; 9. I Власовский могильник; 10. Большедмитриевский; 11. Филатово; 12. Старицкое; 13. Березовский могильник; 14. Красноселка; 15. могильник Бараново; 16. VI Утевский могильник; 17. Потапово; 18. Краснопольский могильник; 19. могильник Бородаевка II («Калмыцкая гора»); 20. Синташта; 21. могильник Каменный Амбар 5; 22.Oarta de Sus.*

культурных типов: 1. синташтинский и петровский; 2. потаповский; 3. покровский. Кратко остановимся на характеристике материалов по этим трем группировкам.

**I.** Здесь было исследовано 14 погребений на могильниках: Берлик (Зданович 1988: 71-78), Синташта – Большой грунтовый могильник, Малый грунтовый могильник, Комплекс грунтовых и курганных захоронений (Генинг и др. 1992: 111-242, 302, 268), Большекараганский могильник близ городища Аркаим (Боталов и др. 1996), могильник Солнце II (Епимахов 1996), могильник Каменный Амбар 5 (Костюков и др. 1995). Для характеристики керамики из интересующих нас погребений мы решили воспользоваться типологией, созданной на основе находок с городища Аркаим (Зданович 1997; Петров 1996). Авторы выделяют четыре основных типа, характерных для этого городища, и, хотя они и отмечают, что, по видимому, одинаковых наборов керамической посуды даже на близко расположенных и однокультурных объектах не существовало (Зданович 1997), общие черты выделенных ими типов присущи практически всем встреченным в рассматриваемых погребениях сосудам. Типы эти следующие:

1.Горшки с широкой горловиной, относительно узким днищем, с короткой шейкой, оттянутой наружу и образующей внутреннее ребро на месте перехода к плечику. Переход резкий, часто с внешней стороны подчеркнут ребром, реже – имеет сглаженную плавную форму. Орнамент покрывает весь сосуд или большую его часть и обязательно подчеркивает горловину и зоны изгиба плечо-тулово (широкие желобки, заштрихованные наклонными оттисками гребенчатого штампа; горизонтальные каннелюры, иногда образуют волнообразный рисунок; геометрические знаки – треугольники, ромбы, меандры; по линии излома плечо-тулово встречаются парные и одиночные налепы).

2.Сосуды яйцевидной формы с плоским дном и с высокой прямой или отогнутой шейкой, на которой выделен дугообразный прогиб изнутри и внутреннее ребро при переходе к плечику. Орнамент бедный, либо совсем отсутству-

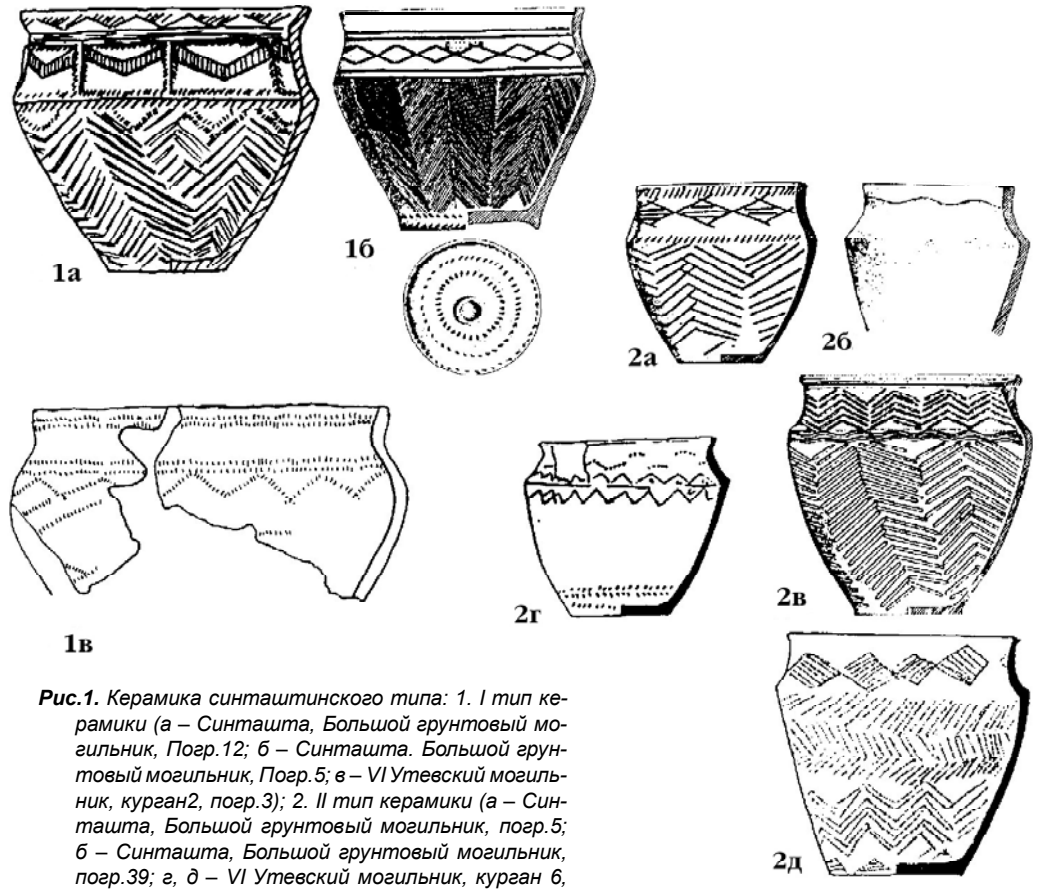



***Рис.1.*** *Керамика синташтинского типа: 1. I тип керамики (а – Синташта, Большой грунтовый могильник, Погр.12; б – Синташта. Большой грунтовый могильник, Погр.5; в – VI Утевский могильник, курган2, погр.3); 2. II тип керамики (а – Синташта, Большой грунтовый могильник, погр.5; б – Синташта, Большой грунтовый могильник, погр.39; г, д – VI Утевский могильник, курган 6, погр.5).*

ет, нанесен штампом или грубой гребенкой, изредка используется желобчатая техника, достаточно небрежная (линии наклонных насечек, защипы по краю венчика, рисунок в виде прямоугольной решетки и длинных вертикальных полос, геометрические знаки – равнобедренные треугольники, с небрежной штриховкой, образующие одиночные пояски на плече сосуда).

3.Горшки с высокими прямыми шейками и коротким плечом, переходящим в тулово через уступ. Орнамент в основном покрывает верхнюю часть сосуда (гребенчатый штамп, отпечатки веревки, горизонтальные линии, зигзаг, треугольники, редко – меандр).

4.Банки со стянутым устьем крупной яйцевидной формы и плоским дном. У горловины стенки сосудов имеют утолщения. Орнаментированным бывает как все тулово, так и только верхняя часть сосуда (желобки, налепные валики, гребенчатый штамп, на тулове – вертикальный зигзаг или волна).

В погребениях с дисковидными псалиями встречаются в основном только первые два типа сосудов. Причем первый тип преобладает[1] (рис.1). Практически все они имеют богатую орнаментацию по всей поверхности сосуда. Исключение составляют лишь несколько предметов из погребения 8 кургана 2 могильника Каменный Амбар 5 и Большекараганского могильника, курган 24 погр.2. Здесь наряду с керамикой с ярко выраженными синташтинскими особенностями присутствуют сосуды с чертами орнамента характерного для петровского типа культуры, которые в свою очередь представлены на керамике из центрального погребения кургана 10 могильника Берлик. Это достаточно бедная орнаментация по сравнению с описанной выше, по линии плечика и горла идет мелкозубчатый и крупнозубчатый штамп,образующий строгие геометрические фигуры – параллельные линии, равнобедренные треугольники, волны и т.п.; широкие и узкие желобки, оттеняющие переходы горло-шейка, шейка-тулово, тулово-дно. Один из сосудов из могильника Бер-

[1] В связи с этим примечательно замечание Петрова Ф.Н. (1996) о том, что 2 тип керамики встречается только во внутреннем круге жилищ городища Аркаим, а 3 – только во внешнем, тогда как 1 и 4 типы распространены на всей территории памятника. Это несомненно свидетельствует о существовании определенного ранжирования керамики. Но говорить подробнее об этом будет возможно только после подобного разбора материалов остальных памятников.

лик имеет кубковидную форму и небольшой поддон, что ни разу не встречается в рассматриваемых погребениях синташтинского типа, и является нередкой находкой на памятниках Волго-Донского междуречья. Особо следует отметить и небольшой остроребериый сосудик, обнаруженный в погр.2 кургана 24 Большекараганского могильника, который авторы характеризуют как петровский компонент в данной погребении (Боталов и др. 1996). Но здесь нужно вспомнить о подобных сосудиках как с пышной орнаментацией (Нижнее Поволжье) так и вовсе без нее (как в данном случае), которые так же являются характерным признаком покровского типа культуры (Беседин 1996; Пряхин и др. 1998). На ранней стадии культуры они встречаются на поселениях, позже их находки происходят только из погребений.

Подобные аналогии на основе формы и орнамента керамики, в частности на примере материалов городища Аркаим, проводит и Г.Б.Зданович (1997). Он отмечает сходство отдельных типов посуды в керамике культуры многоваликовой керамики, в катакомбных и полтавкинских древностях, абашевских и раннесрубных культурах. Значительное сходство материала в целом дают находки баланбашской (абашевской) культуры Приуралья, петровской и раннеалакульских культур. В свою очередь, нельзя не отметить значительное сходство керамики из погребений с дисковидными псалиями территории распространения потаповского типа памятников.

II. Два погребения Потаповского курганного могильника (курган 3 погр.4, курган 5 погр.8) (Васильев и др. 1994: 22-25, 32-34) и три VI Утевского могильника (курган 6 погр.5, 4, курган 2 погр.3) (Васильев и др. 1995). Керамика здесь представлена горшками с трехчленным делением тулова и ребром-уступом, расположенным в верхней трети сосуда (иногда оно сглажено) (рис.1). Орнамент – мелко зубчатый и крупнозубчатый штамп, образующий либо елочку, либо равнобедренные треугольники или ромбы с небрежной штриховкой внутри по линии шейка-тулова или на самой шейке (курган 6 погр.5 VI, Утевский могильник: рис.1, 2 г, д), прочерченный орнамент, образующий рисунок елочки на тулове и линии зигзага на шейке (синташтинские черты). Поразительное сходство орнамента демонстрируют сосуды из кургана 6 погр.4 VI Утевского могильника и погребения 5 Большого грунтового могильника Синташтинского комплекса. Вся поверхность сосудов покрыта широкими желобками, заштрихованными наклонными оттисками гребенчатого штампа, которые образуют визуально горизонтальную елочку (рис.2). Но форма этих сосудов различна. Кроме того, в этом погребении на одной из стенок погребальной камеры обнаружен отпечаток округлого предмета. Исследователи могильника считают его отпечатком колеса колесницы, и в этом случае это единственная находка остатков колесницы в погребениях на территории Волго-Дона (Васильев И.Б. и др. 1995).

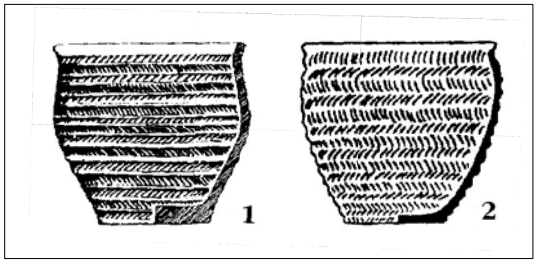



***Рис.2.*** *1. Синташта. Большой грунтовый могильник погр.5; 2. VI Утевский могильник, курган 6 погр.4.*

На явное присутствие уральского компонента в керамике потаповского типа указывает сходство сосуда из кургана 2 погр.3 VI Утевского могильника с первым типом по приведенной выше классификации материала из городища Аркаим (рис.1, 1в). А, в свою очередь, о волгодонских или покровско-абашевских чертах говорит присутствие у этого же сосуда, как и у некоторых других, примеси раковины в тесте. В целом же исследователи выделяют распространение здесь типа сосудов горшковидной формы, которые выполнены по зауральским образцам на месте, с заменой примеси талька в тесте (характерно для синташтинской традиции) на толченую раковину, что говорит о слиянии местной и привнесенной традиций изготовления керамики (Отрощенко В.В. 1998). Чисто зауральские экземпляры здесь встречаются достаточно редко.

Примечательным является и тот факт, что в памятниках этого типа в основном распространены дисковидные псалии с монолитными шипами (из 14 предметов – 10). При этом круглая форма щитка без выделенной планки встречается только среди материала Потаповского могильника, тогда как для псалиев из VI Утевского могильника характерна овальная форма щитка с выделенной планкой (очень интересное различие, но пока нельзя говорить о его хронологической или культурной особенности).

Псалии со вставными шипами представлены четырьмя экземплярами, причем два из них нельзя безоговорочно отнести к этому типу предметов. Так, у псалия из кургана 3 погр.4 Потаповского могильника вставным является только один из шипов, который был сделан, по-видимому, позже и является примером ремонта предмета (рис.5, 5,6). Он составляет пару с псалием с круглым щитком и монолитными шипами. На псалии из кургана 6 погр.5 VI Утевского могильника один из шипов также вставной, но сам псалий орнаментирован врезными линиями по краю щитка, что характерно для этого материала, распространенного на территории покровского культурного типа. Подобный экземпляр с круглым щитком и выделенной планкой происходит из кургана 2 погр.8 могильника Каменный Амбар 5. Он так же имеет один встав-

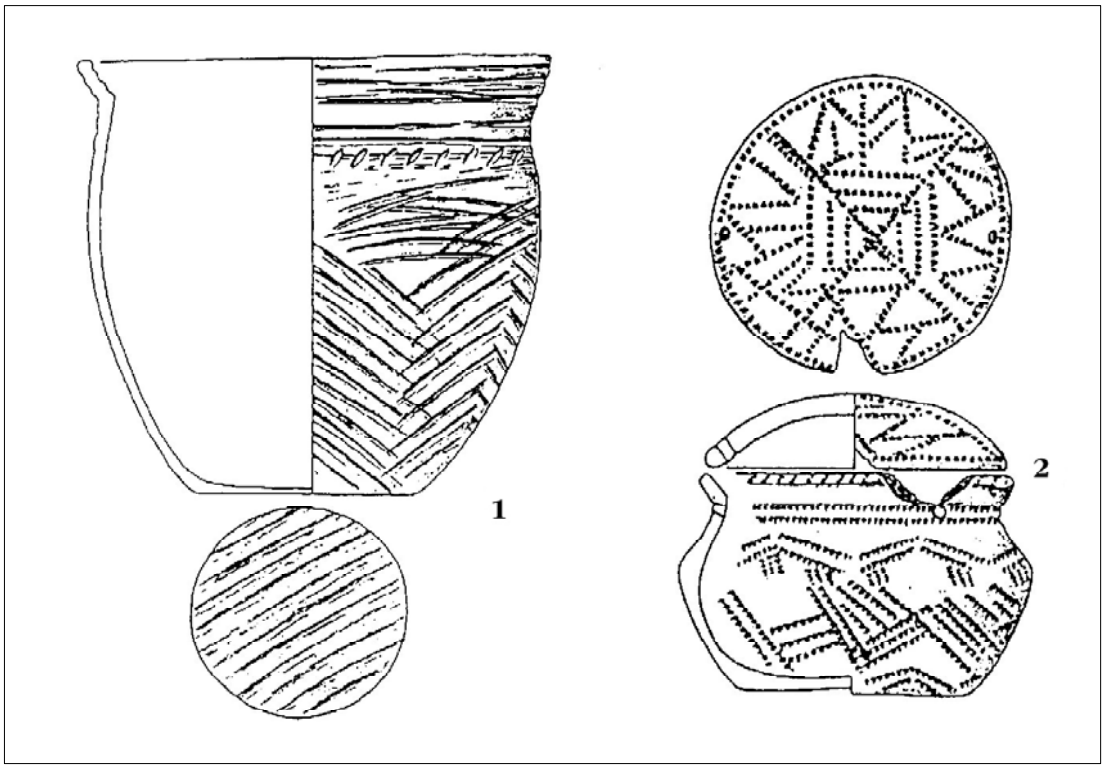



***Рис.3.*** *1. Колоколовидный сосуд (Селезни – 2 курган 1 погр.4); 2. Остроребериый сосудик (Селезни – 2 курган 1 погр.2).*

ной шип и орнамент на хорде выделенной планки – зигзаг, выполненный с помощью врезных треугольников. Этот орнамент распространен как на псалиях, так и вообще на предметах из кости на покровских памятниках – например, курган Березовка (Дремов 1997) (рис.5,4). Кроме того, на некоторых экземплярах из Синташтинского комплекса так же присутствуют отдельные вставные шипы (комплекс грунтовых и курганных захоронений погр.14, Большой грунтовые могильник погр.30). Всего из 26 предметов 4. Только одна пара псалиев из кургана 5 погр.8 Потаповского могильника является явным аналогом так называемому «Староюрьевскому» типу псалиев, распространенному, как уже отмечалось, в волго-донской или покровско-абашевской культурной общности. По принятой нами классификации это второй тип псалиев.

Многие исследователи отмечают принципиальное сходство потаповских и синташтинских памятников как на основе обряда, так и типов артефактов обеих культур. В.В. Отрощенко (1996) объединяет их в единую синташтинскую культуру. Более конкретно, на основании подробного разбора стратиграфических данных Потаповского могильника, он подразделяет этот тип памятников на несколько культурно-хронологических групп погребений. Самую позднюю из них автор определяет как потаповский локальный вариант памятников синташтинской культуры. Кроме того, он приходит к выводу о «генетическом характере связей» между потаповскими и покровскими памятниками, предлагая видеть в этом факте отражение миграции с востока на запад (Отрощенко 1998). Другой точки зрения придерживаются П.Ф. Кузнецов (1996) и А.Д. Пряхин (1996, 1998). Основываясь на стратиграфических данных поселений, они говорят о миграции прямо противоположного направления с запада на восток. В.В. Цимиданов (1996), опираясь на сходство формы щитка псалиев из VI Утевского могильника, некоторых псалиев Синташты, Каменный Амбар 5, Берлик и др. и нескольких экземплярах со вставными шипами из этих памятников, также склонен считать это проявлением западного влияния на востоке. Кроме того, он приходит к выводу об автохтонном формировании военной элиты на данной территории. Но нам кажется, что основываться на типологических признаках псалиев как на хронологическом индикаторе, как уже упоминалось выше, пока нельзя. Правда, даже на основе приведенного описания встречающихся типов дисковидных псалиев, можно сделать вывод о значительной близости двух рассматриваемых типов культур. Но нельзя отрицать, правда, незначительное влияние и покровского компонента на материалы рассматриваемых памятников Среднего Поволжья, что вполне может объясняться культурными контактами, а не миграцией племен с запада на восток.

Попытаемся это проследить на материалах погребений с дисковидными псалиями покровской или, по определению А.Д.Пряхина

и А.Т. Синюка, волго-донской или покровско-абашевской культурной общности.

**III.** Всего на этой территории было обнаружено 42 псалия в 18 погребениях. Это Филатовский курган погр.1,3; I Власовский могильник, (Синюк, Козмирчук 1995); Софьинская курганная группа курган 4 (Пряхин, Матвеев 1988:114); Березовский могильник, Курган 3 погр.2 (Дремов 1997); IV Тавлыкаевский могильник, Курган 3 погр.2 (Васюткин и др. 1985); Пичаевский курган погр.1 (Моисеев, Ефимов 1995); курган Красноселка (Пряхин, Беседин 1992); Староюрьевский могильник, Курган 2 (Пряхин 1972); Селезневский 1 могильник, Курган 1 (Моисеев 1996); Селезневский 2 могильник, Курган 1 (Пряхин и др. 1998); курган Кондрашовка (Латынин 1965); Краснопольский могильник, курган 2 погр.4 (Малов 1983); Кондрашкинский курган погр.1 (Пряхин и др. 1989: 17); Богоявленский курган (Пряхин, Беседин 1992); Большедмитриевский могильник, курган 1 погр.4, курган 4 погр.1 (Матюхин 1994); курган Старицкое (Дремов 1991); Введенский курган (Синюк, Килейников 1976). Керамический материал в них так же представлен достаточно ярко. В основном, это горшки различных форм, в меньшей степени остроребериые сосудики.

На основе материала из поселений исследователями были выделены следующие основные типы керамики (Пряхин и др. 1998, Синюк 1996: 191, Васильев и др. 1996):

1.Подколоколовидные сосуды с овальным туловом и резко отогнутым венчиком, образующим на внутренней поверхности ребро;

2.Подколоколовидные горшки с невысоким прямо расположенным венчиком;

3.Горшки со сложным венчиком.

В целом для сосудов этой культуры характерны следующие черты: колоколовидность, сочетающаяся с вытянутостью пропорций; большой процент примеси толченой раковины и органических материалов в тесте; обработка поверхности широкими расчесами; простая орнаментация. Широко представлен орнамент из горизонтальных прочерченных линий, которые часто оконтуриваются боковыми вдавлениями палочкой или крупным зубчатым штампом. При помощи этой же техники создавались узоры в виде елочки, треугольников, волнистых поясков и зигзагов, волнистых линий. Изредка присутствует и желобчатая техника наравне с налепами небольших валиков. Кроме того, довольно часто встречаются насечки, идущие по краю венчика. Орнамент из геометрических фигур, как правило, расположен в верхней части сосудов, на шейке и линии плеча, часто бывает украшено и дно сосудов.

В интересующих нас погребениях весь керамический материал представлен в основном первым типом сосудов с характерной орнаментацией (рис.3). Особый интерес представляет сосуд, обнаруженный в погребении 4 кургана 2

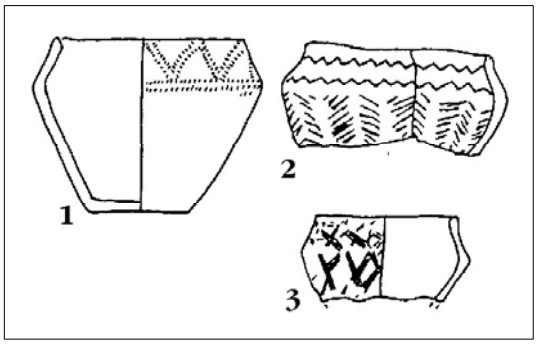



***Рис.4.*** *1. Краснопольский могильник, курган 2 погр.4; 2. Потаповский могильник, курган 5 погр.8; 3. Каменный Амбар 5, курган 2 погр.8.*

Краснопольского могильника, аналогии форме которого можно найти в Потаповском могильнике (курган 5 погр.8) и могильнике Каменный Амбар 5 (курган 2 погр.8). Своеобразие двух последних погребений уже отмечалось выше. Напомним, что именно здесь были обнаружены псалии со вставными шипами и орнаментацией, распространенной на характерных для покровского круга памятников псалиях. Указанный сосуд — баночной формы со стянутым краем венчика и выделенным острым ребром при переходе плечо-тулово. У сосуда из Краснопольского могильника орнамент расположен по линии шейки, а в тесте присутствует примесь раковины. Два других украшены в традиции синташтинской культуры, но у одного из них (Потаповский могильник) орнамент при этом прочерченный (рис.4). Сосуды подобной формы встречаются в полтавкинских погребениях, распространенных в низовьях Волги и Дона (Кияшко 1998). И хотя между этими культурами существует значительный хронологический разрыв, некоторые авторы отмечают определенное сходство древностей, в частности, полтавкинской и потаповской культур Среднего Поволжья (Кузнецов 1996), которое, по-видимому, обусловлено общей генетической преемственностью культур позднего бронзового века.

Довольно часто в погребениях встречаются остроребериые сосудики, у которых ребро расположено на середине или ниже середины общей высоты. На многих из них довольно часты отверстия, расположенные у венчика, служившие, как сейчас считается, для крепления крышки[2]. Они, как правило, пышно орнаментированы прочерченными линиями, оттисками тонкого шнура и мелкозубчатого или крупнозубчатого штампа, что образует замысловатый геометрический рисунок по всей поверхности сосуда, в том числе часто и на его дне. У одного из экземпляров из могильника Селезни 2 (курган 1 погребение 2) присутствует крышка, которая так же, как и сам сосудик, покрыта оттисками крупнозубчатого штампа, что образует сложную

[2] Благодарю Э.С. Шарафудинову за консультацию как по этому, так и по многим другим вопросам.

асимметрическую композицию (рис.3,2). Здесь следует особо выделить несколько находок из погребений Филатовского кургана, где у остроребериых сосудиков нет примеси раковины в тесте. Форма, как отмечают исследователи, аналогична древностям КМК, а орнамент присущ развитой срубной культуре (Синюк, Козмирчук 1995). В этой связи интересна находка из Софьинской группы – погребения из кургана 4, где, как отмечают авторы раскопок, подобный предмет имеет как по форме, так и по орнаментации уменьшенный срубный облик (Пряхин, Матвеев 1988: 114). Нельзя не упомянуть и о некотором восточном влиянии, которое прослеживается лишь на ряде рассматриваемых памятников. Это два погребения из Филатовского кургана (погр.1, 2) и I Власовского могильника Курган 16 погр.4. Здесь, наряду с чисто абашоидной керамикой, наблюдается смешение различных гончарных традиций. Так на сосудах с формой, присущей керамике покровского типа, присутствует раннеалакульский орнамент, причем в тесте этих предметов из двух указанных погребений нет примеси раковины.

Керамика из погребения 1 Филатовского кургана характеризует, по мнению авторов раскопок, своеобразный центр, в котором смешались различные традиции. Наряду с рассмотренным примером, здесь были найдены сосуды, которые исследователи считают примером смешения восточных и западных традиций и разных хронологических групп. К первым можно отнести горшки с раннеалакульским орнаментом (определение исследователей кургана) и формой (особенно выделенный поддон) наряду с примесью раковины в тесте – покровскими признаками. Такова же петровская форма сосуда с покровским орнаментом. О разновременных сочетаниях свидетельствует сосуд срубной формы с покровским декором. На этом фоне существуют уже описанные выше сосудики с формой, характерной для КМК, и орнаментом, который станет распространенным в срубной культуре, без раковины в тесте.

Здесь же наблюдается сосуществование и двух типов псалий. В погребении было обнаружено две пары псалиев. Одна из них со вставными шипами и характерным орнаментом, тогда как у предметов второй выделяется круглый щиток и по три монолитных шипа. Исследователи отмечают, что один из шипов у каждого – вставной, хотя на рисунке это заметно только у одного из предметов (Синюк 1996: 200). Судя по всему, это так же является следствием ремонтирования их в древности, как в описанных выше случаях (рис.5,1,2).

В погребении 3 этого же кургана наряду с парой псалиев второго типа, присутствует дисковидный псалий с монолитными шипами. Но у одного из них есть вставная шпенька, которая явно служила в качестве эквивалента сношенного или обломанного кончика монолитного шипа (рис.5,3). Такое же сосуществование двух типов псалий наблюдается в Селезневс-

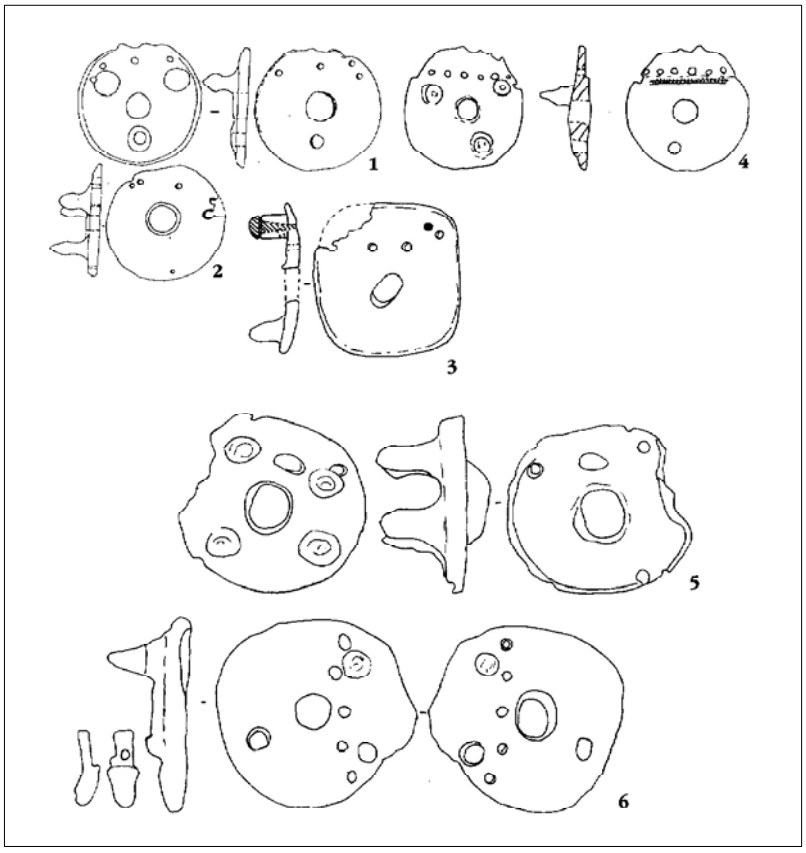



***Рис.5.*** *Дисковидные псалии смешанных типов: 1,2. Филатовский курган погр.1; 3. Филатовский курган погр.3; 4. Каменный Амбар 5 курган 2 погр.8; 5, 6. Потаповский могильник, курган 3 погр.4.*

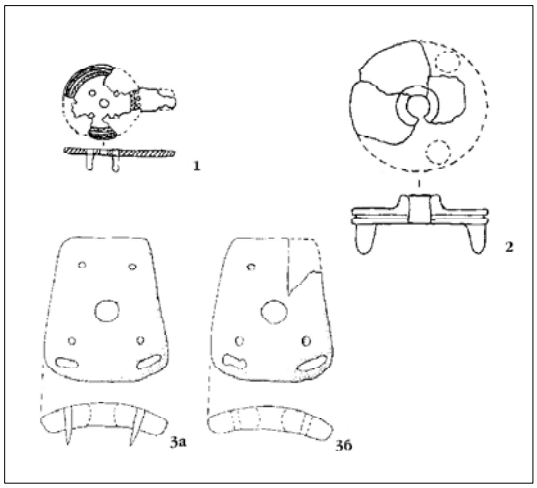



***Рис.6:*** *1. Могильник Бородаевка II («Калмыцкая гора») курган 1 погр.21; 2. Зардчахалифа; 3, а, б. Oarta de Sus.*

ком 2 могильнике (курган 1 погр.4). Здесь наряду с двумя парами дисковидных псалий со вставными шипами, характерным орнаментом и дополнительным отверстием в боковой плоскости, обнаружен обломок псалия с монолитными шипами. В этом же кургане в погр.1 был найден сосуд горшковидной формы с четкими признаками колоколовидности, с небольшой примесью раковины и органики. Внешняя поверхность его заглажена, на внутренней есть следы расчесов. А.Д. Пряхин (1998) отмечает своеобразие техники изготовления этого сосуда. Она заключается в дополнительной подмазке из глины с примесью мелкого песка, по которому сделаны ногтевые защепы. Эта техника свойственна для позднекатакомбной и многоваликовой керамики. Кроме того, в трех погребениях, относящихся к этой культурной общности, обнаружены дисковидные псалии только первого типа (с монолитными шипами) – Большедмитриевский могильник, IV Тавлыкаевский могильник и Софьинская курганная группа памятников. Последнее погребение исследователи относят к позднему этапу доно-волжской абашевской культуры (Пряхин, Матвеев 1988: 114). В этом же погребении был найден сосуд с яркими покровскими чертами и орнаментированный рядами параллельных линий, выполненных в желобчатой технике, идущих по шейке сосуда, что достаточно часто встречается на керамике синташтинского культурного типа.

Всего же находок псалиев первого типа, происходящих с данной территории, известно немного. Если исключить из общего списка два описанных выше экземпляра, которые вызывают определенное сомнение, то это 6 из 40. Но это значительно больше числа находок псалиев II типа на синташтинских и потаповских памятниках (т.к. на последних практически все предметы относятся к смешанному типу).

Особо нужно выделить находку псалия в кургане 1 погр.21 могильника Бородаевка II («Калмыцкая гора») (САИ В 1-10 1993: табл.9, 12). Здесь наряду с типичным покровским сосудом был обнаружен псалий с вставными шипами и характерным орнаментом. Но форма его близка уже следующему, так называемому алакульскому бесшипному типу псалиев. Для него характерно наличие выделенной вытянутой планки. Пока это единственная подобная находка, которая представляет собой переходный этап, от одного типа предметов к другому, бытовавшему в более позднее время (рис.6, 1).

Таким образом на примере керамического материала мы, по-видимому, имеем две культурные традиции. Они несут в себе черты различия, но довольно значительны и элементы их сходства, что особенно заметно на фоне общности системы погребального обряда, распространенного в период конца средней – начала поздней бронзы на рассматриваемой территории. Выше мы уже отмечали общие характерные для него черты. Хотелось бы остановиться на этом явлении подробнее.

Все рассматриваемые комплексы относят либо к погребениям военной элиты, либо непосредственно к захоронениям воинов-колесничих, основываясь на находках в них колесниц или дисковидных псалиев в качестве замены первых. Но здесь нельзя не согласиться с мнением А.Д. Пряхина (1998) и И.М. Малова (1991) о том, что в настоящее время вполне оправдана тенденция к дифференциации социально-престижных захоронений, связанных с наличием престижной или культовой атрибутики вещей. Ранг погребенного связывают с частотой встречаемости соответствующих предметов в погребении (наконечников копий, каменные топоры, навершия булав, псалии, украшения и т.д.). Мы присоединяемся к мнению этих исследователей в том, что такой подход является упрощенным. Как нам кажется, подобная дифференциация существует и внутри самих погребений с дисковидными псалиями. Мы попытаемся продемонстрировать это на примере погребений, происходящих из одного и того же комплекса. Предметы, взятые из одного погребального комплекса, уже представляют собой типологически завершенную картину.

Самыми распространенными предметами инвентаря в захоронениях являются каменные наконечники стрел, бронзовые ножи (часто в паре с шилом) и тесла. Если исключить этот материал из рассмотрения и свести в таблицу только те вещи, которые достаточно редко встречаются в погребениях этого времени, то мы получим следующую картину:

Табл. **Погребения с дисковидными псалиями.**

| | Копьё | Булава | Топор | Кост. наконечник стрелы | Костяная лопаточка | Бр. обкладка сосуда | Пряжка | Серп | Бр. навершия стрекал |
|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|
| **Синташта. Большой грунтовый мог. Погр. 5.** | | | | | | | | | |
| **Погр. 11** | | | | | | | | + | |
| **Погр. 12** | | | | | | | | | |
| **Погр. 30** | + | | | + | | | | | |
| **Погр. 39** | | + | + | | | | | | |
| **Филатово Погр. 1** | | | | + | + | | + | | |
| **Погр. 3** | | | | | | | | | |
| **Большекараганский К.24, Погр. 1** | + | | | | | + | | | |
| **Погр. 2** | | | | | | + | | | |
| **Каменный Амбар 5 К.2, Погр. 5** | | | | | | | | | |
| **Погр. 6** | + | | | | | | | | |
| **Погр. 8** | | + | | | | + | | | |
| **Селезни - 2 К.1, Погр. 1** | | + | | | | | | | + |
| **Погр. 2** | | | | | | | | | + |
| **Погр. 3** | + | | | | | | + | | |
| **Погр. 4** | | | | | | | + | | |

Из таблицы видно, что предметы, которые традиционно относят к инсигниям власти, никогда не повторяются в погребениях одного и того же комплекса. Мы намеренно поместили в таблицу погребения, в которых отсутствуют какие-либо неординарные вещи. Это, как нам кажется, может наглядно продемонстрировать существование неких сопроводительных захоронений (Селезни – 2, Филатово, Большекараганский). Некоторым доказательством этому может служить и зафиксированная последовательность совершения захоронений в кургане Селезни – 2. В начале были сделаны погребения 3 и 4, позже 1 и 2, что прослеживается стратиграфически на выкидах из этих комплексов. После этого все захоронения были перекрыты единой насыпью (Пряхин и др. 1998). По-видимому, о их временной связи говорит и наличие одинаковых предметов в инвентаре, что так же отражено в таблице. Это в первом случае – пряжки, во втором — бронзовые навершия стрекал. При этом предметы-инсигнии власти встречаются только в одном погребении из каждой пары. На основе этих данных подобный вывод можно сделать и в отношении погребений из кургана 24 Большекараганского могильника. В обоих захоронениях присутствуют бронзовые обкладки сосудов и только в одном из них есть копье. Но, как уже говорилось выше, разработка этой проблемы зависит от дальнейших исследований.

Общее же сходство погребального ритуала, принятого для захоронений с дисковидными псалиями, видимо, является показателем и определенной идеологической общности, о чем говорит в своей статье И.И. Дремов (1997). В поддержку своего мнения он ссылается на доклад В.С. Бочкарева на I Рыковских чтениях (Саратов, 1984), где автор доклада высказал мысль о том, что «распространение унифицированного погребального обряда на такой огромной территории может свидетельствовать о распространении здесь новых религиозных представлений». На примере памятников Нижнего Поволжья И.И. Дремов выстраивает схему перехода от магического культа к религиозным представлениям, который происходит здесь на рубеже средней и поздней бронзы. Это, по его мнению, повлекло за собой быстрое формирование новых культурных традиций, которые, в свою очередь, способствовали формированию срубной культуры. Причем, наиболее значимые из рассматриваемых им погребений покровского времени, содержащие в своем инвентаре предметы-инсигнии власти, такие как копья, деревянные чаши с бронзовыми накладками и др., яв-

ляются, по его мнению, захоронениями сакральных правителей, сочетающих военную и жреческую власть. Но пока прямых доказательств для этих утверждений у нас нет.

Тем не менее, указанное явление распространяется на всей рассматриваемой территории. Его основные признаки – крупные (одно или несколько) центральные захоронения в кургане или отдельном его секторе (например, могильник Каменный Амбар 5), с богатым инвентарем и инсигниями власти, колесницами (синташтинская традиция) или псалиями (покровская традиция, частное как замена целого); круговая планировка остальных погребений вокруг описанных; большая концентрация жертвоприношений целых особей (синташтинская традиция) или шкур животных (покровская традиция) вокруг центральных захоронений. Все это характерно для погребальных комплексов петровского, синташтинского, потаповского и покровского культурных типов. Причем, как отмечает В.В. Отрощенко (1998), наблюдается и постепенное изменение состава памятников на всей территории: в Зауралье – это городища и могильники; на Среднем Поволжье – курганные могильники; на Среднем Подонье – отдельные курганы; на Нижнем Поволжье – отдельные погребения, которые рассматриваются уже в контексте срубной культуры. Следует отметить, что основываясь на такой цепочке, он и приходит к выводу о миграции с востока на запад носителей синташтинского культурного типа.

В связи с последним заключением особенно интересны проведенные в 1997 году раскопки погребения в Зардчахалифе близ Саразма в Таджикистане. Здесь были обнаружены две пары костяных дисковидных псалий первого типа (с монолитными шипами и круглым щитком без выделенной планки) совместно с бронзовыми удилами (Бобомуллоев 1993) (рис.6,2). Кроме того, из этого же погребения происходит находка булавки с навершием в виде лошадки, выполненной в сейменско-турбинском стиле. Описываемый же комплекс представлен в сочетании с керамикой периода Намазга VI, связи с которым так же отмечались неоднократно как на памятниках Средней Азии (см.статью Кутимова Ю.Г. в этом журнале), так и, например, в I Утевском могильнике, где обнаружен приземистый сосуд с овальным туловом и специфическим уступом (выкруткой) у дна. На основе этих и некоторых других характерных признаков О.Д. Мочалов (1996) выдвигает предположение о миграции из Передней Азии на территорию степи и лесостепи Евразии и образовании здесь на этой основе памятников типа Синташты и Абашево. Сейчас же можно утверждать только то, что датировать данное погребение можно XVIII – XVII вв. до н.э., и что это захоронение, по-видимому, является отражением того же единого погребального обряда, в основе которого лежат иные культурные составляющие.

К такому же выводу можно прийти еще в одном случае. Все рассматриваемые погребения, в первую очередь на основании находок в них дисковидных псалий, часто сопоставляются в культурно-хронологическом плане с известным захоронением в IV шахтной гробнице могильного круга А в Микенах. Эта связь настолько разительна, что практически все исследователи пытались привести их к общей исходной точке на основании тех или иных конкретных признаков. Таким признаком, в частности, является орнамент, присутствующий на псалиях и некоторых других предметах из кости и металла. На общей его характеристике последний раз останавливался В.А. Трифонов (1996) в статье, опубликованной в первом выпуске журнала, посвященного методу углеродного датирования – $^{14}$C. В этой статье мы не будет обращаться к этому сложному вопросу.

Более частный разбор, касающийся уже конкретного рассматриваемого материала, проводила в свое время Е.Е. Кузьмина (1978). Она пыталась проследить связь этого комплекса с памятниками восточной Европы на основании аналогий материалов сопроводительного инвентаря. Нам же кажется, что основным критерием здесь должна служить сама общая схема обряда в сочетании с характерным для него предметным набором. IV шахтная гробница расположена в одном из секторов могильного круга А, который обнесен дополнительным каменным кромлехом (Karo 1930). Она отличается от остальных своими большими размерами и, конечно же, наличием двух пар костяных дисковидных псалий первого типа, обнаруженных в ней. В захоронении широко представлено оружие – мечи, наконечники копий, кинжалы, накладки на шлем из клыков кабана и др. Отсюда же происходит находка кольца с изображением охоты на оленя с использованием колесницы. Особый интерес вызывает полный колчанный набор наконечников стрел из обсидиана, который обнаружен только в этом погребении и не является характерной находкой в погребениях Эгейского мира. Форма наконечников близка форме аналогичных предметов КМК. Пара подобных стрел была обнаружена на поселении Саратэ-Монтеору в Румынии, которые, по устному сообщению исследователя памятника, не принадлежат к культуре Монтеору[3]. Примечателен и факт обнаружения набора доспехов в III шахтной гробнице, расположенной в одном секторе с IV погребением, которая имеет меньшие размеры. В одном из центральных захоронений (погр.1) 2 кургана могильника Каменный Амбар 5 были найдены костяные пластины, которые авторы интерпретируют как панцирные по отверстиям небольшого диаметра, расположенным вдоль длинных сторон предметов (Костюков и др. 1995). Подобные находки никогда

[3] Благодарю Захарию Е. за предоставленный материал.

не встречаются в погребениях с дисковидными псалиями.

На основе приведенных фактов можно говорить о существовании неких общих традиций, прослеживающихся в обряде описанного погребения, уникальном для Эгейского мира, и в обрядовой практике погребальных комплексов лесостепи Евразии. Интерпретация появления такого комплекса на микенском памятнике, как нам кажется, должна прояснить дальнейшие исследования с учетом предложенных здесь признаков.

Находки дисковидных псалий в погребениях этого периода на Карпато-Балканской территории нам не известны. Хотя эти предметы встречаются в жертвенных захоронениях коней близ городищ (например поселение Оаэрте де Сус культуры Витенберг (Boroffka N.G.O. 1994) (рис.6, 3 а б). Сходное погребение с парой ослов, на одном из которых была обнаружена пара бронзовых дисковидных псалий с удилами, относящимися к известному типу псалий из Газы, было раскопано в центре храма среднего бронзового века на телле Харор в Ханаане. Исследователи относят его к ранней фазе строительства храма К-5 (Oren 1997). Аналогии этому захоронению в круглой яме, в свою очередь, автор находит в погребениях с ослами из теля эль Аджул, которые встречены там совместно с человеческими захоронениями, расположенными в отдельных нишах вокруг круглой центральной камеры с полными костяками животных. Конечно, можно сравнить эти жертвенные захоронения с подобными жертвенными комплексами коней, которые широко распространены, как уже упоминалось, на памятниках степи и лесостепи Евразии. Но, как нам кажется, безоговорочное их сопоставление было бы поспешным, хотя, по-видимому, можно предположить существование некоего общего исходного канона, который претерпевает определенные изменения во времени и пространстве.

Таким образом, очевидно, что мы имеем в Евразийской степи две традиции как в керамическом материале, так и в традиции изготовления самих дисковидных псалий в синташтинском и покровском культурных типах. Они, в свою очередь, объединены одним эпохальным явлением, вызванным, по-видимому, общими идеологическим представлениями, сложившимися к концу среднего бронзового века. Это явление, как мы уже отмечали, — уникально для данного времени. До этого, как на рассматриваемой территории, так и на какой-либо другой, ничего подобного не наблюдается. В более позднее время подобная традиция в несколько измененном виде и уже на более обширной территории вновь проявляется на памятниках кочевнического мира – например, в скифской культуре (курган Аржан и т.д.), что так же неоднократно отмечалось исследователями (например, Савинов 1996).

Что лежит в основе различий двух выделенных традиций – либо этнокультурные компоненты, либо межкультурные взаимодействия, пока что остается не совсем ясным. Помимо теорий различных миграций внутри самих рассматриваемых комплексов. Существенными являются и такие признаки, как например, парадный тип псалиев для предметов со вставными шипами и характерным орнаментом. Основным критерием для них, по-видимому, являлся орнамент и часто вычурная форма щитка, а вставные шипы служили способом для их сохранения. Можно предположить на основе того же самого материала, что территория синташтинской и петровской культуры являлась своеобразным форпостом для внутренней относительно спокойной территории Нижнего Поволжья и Среднего Подонья. Это объяснило бы и большой процент погребений-кенотафов на этой территории (напр.Селезневка-2). А керамические и иные различия являются в данном случае всего лишь отражением взаимодействия различных культурных компонентов, которые, по мнению В.С. Бочкарева (1995), являются начальной фазой волго-уральского культурогенеза в период конца средней — начала поздней бронзы. Во всяком случае, как нам кажется, нельзя отказываться и от такого решения проблемы. Хотя какие-либо общие выводы подобного характера возможны только при привлечении всех культурных признаков.

Тем не менее, мы склонны утверждать, что именно на примере погребений синташтинского и петровского культурных типов мы сталкиваемся с наиболее полным составом всего комплекса рассматриваемого погребального обряда. Практически во всех захоронениях присутствуют предметы вооружения, колесницы, целые костяки двух полностью взнузданных коней, богатые сопроводительные жертвоприношения целых особей животных. И чем дальше на запад, тем более размытыми выглядят эти четкие признаки. Они приобретают более вотивный характер. Территориально первыми из погребений исчезают дорогостоящие колесницы, которые заменяются простым присутствием предметов упряжи. Следующей заменой становятся шкуры коней (черепа и конечности животных) вместо целых особей. Жертвоприношения животных по направлению к Подонью так же выглядят гораздо беднее. Кроме того, как уже неоднократно отмечалось многими исследователями, на этой территории пока не найдено и следов крупных надмогильных сооружений, подобных, например, конструкции Большого кургана Синташты. Нельзя так же оставить в стороне и тот факт, что дисковидные псалии с монолитными шипами достаточно плавно распространяются по всей территории степи и лесостепи Евразии от Южного Зауралья до Греции, как на погребальных памятниках так и на поселениях. В то же время псалии со вставны-

ми шипами большей частью концентрируются в Волго-Донском междуречье, и отдельные их экземпляры обнаружены на территории Румынии. Причем, как уже отмечалось, количество предметов I типа на памятниках Волго-Донского междуречья больше, чем количество находок II типа среди древностей синташтинского и потаповского культурных типов. Это так же может означать возможную первичность предметов с монолитными шипами, хотя, как уже оговаривалось, у нас пока что нет четких хронологических данных для доказательства этого предположения. Определенным подтверждением этого могут служить находки этого типа предметов в уже описанных неординарных погребениях в Микенах и Средней Азии. Эти находки могут являться своего рода материальным признаком распространения инокультурной традиции на этих памятниках. В упомянутом в начале данной статьи докладе В.С. Бочкарев говорит, что, «исходя из общих принципов ареальных распространений культурных явлений и общего характера культурной направленности с северо-востока на юго-запад Восточной Европы» можно предположить «типологически более ранний возраст псалиев с монолитными шипами».

Таким образом, можно утверждать, что наиболее целостный вид погребального обряда возникшего в период конца средней — начала поздней бронзы, мы встречаем на памятниках именно синташтинского и петровского культурных типов. На основе разобранного материала можно заключить, что описанная традиция, включая псалии I типа, в достаточно короткий срок распространяется на соседних западных территориях. Здесь она упрощается, приобретает более вотивный характер и, что вполне естественно, впитывает в себя характерные местные черты, что в первую очередь и отражается на наиболее территориально подвижном признаке – керамике. Это, в свою очередь, вовсе не означает и соответствующую смену носителей этой традиции, коими в данном случае, по-видимому, являлась военная элита.

В целом же, исходным положением для дальнейшего исследования двух выделенных культурных традиций, как нам кажется, должны будут служить именно их составляющие в комплексе с общей существующей в это время мировоззренческой системой, что способствовало возникновению двух новых феноменов– срубной и алакульской культур, которые распространяются на данной территории в период позднего бронзового века.

ЛИТЕРАТУРА.


Беседин В.И. 1996. Керамика доно-волжской абашевской культуры в системе древностей абашевской общности // Абашевская культурно-историческая общность в системе древностей эпохи бронзы степи и лесостепи Евразии. Тамбов: 11 — 13.

Бобомуллоев С. 1993. Раскопки погребального сооружения из Зардчахалифы // Известия Академии Наук Республики Таджикистан. Сер.: Востоковедение, история, филология. № 3 (27): 56 – 63.

Боталов С.Г., Григорьев С.А., Зданович Г.Б. 1996. Погребальные комплексы эпохи бронзы Большекараганского могильника (публикация результатов археологических раскопок 1988 г.) // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала. Труды музея-заповедника Аркаим. Челябинск: 64 – 88.

Бочкарев В.С. 1995. Карпато-дунайский и волго-уральский очаги культурогенеза эпохи бронзы (опыт сравнительной характеристики) // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита – бронзы средней и восточной Европы. СПб: 18 – 29.

Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П. 1994. Потаповский курганный могильник индоиранских племен на Волге. — Самара.

Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П. 1995. Памятники потаповского типа в лесостепном Поволжье (краткое изложение концепции) // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н.э.). Самара: 5 – 36.

Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П. 1996. Доно-Волго-Уральская лесостепь на рубеже среднего и позднего бронзового века // Древности Волго-Донских степей в системе восточноевропейского бронзового века. Волгоград: 36 – 40.

Васюткин С.М., Горбунов Н.С., Пшеничнюк А.Х. 1985. Курганные могильники Южной Башкирии эпохи бронзы // Бронзовый век Южного Приуралья. Уфа: 67 – 88.

Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В. 1992. Синташта. Т.1. – Челябинск.

Гончарова Ю.В. 1996. К вопросу о классификации дисковидных псалий с шипами эпохи поздней бронзы на территории Восточной Европы // Древние культуры и технологии. Новые исследования молодых археологов Санкт-Петербурга. СПб: 34 – 43.

Дремов И.И. 1991. Погребение из села Старицкое // КСИА, вып.135, 101 – 105.

Дремов И.И. 1997. Материалы из курганов у с.Березовка Энгельского района и некоторые вопросы социокультурных реконструкций эпохи поздней бронзы // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования. Вып.2. Саратов: 146 – 165.

Епимахов А.В. 1996. Курганный могильник Солнце II — некрополь укрепленного поселения Устье эпохи средней бронзы // Материалы по археологии и этнографии южного Урала. Труды музея-заповедника Аркаим. Челябинск: 22 – 42.

Зданович Г.Б. 1988. Бронзовый век Урало-Казахских степей. — Новосибирск.

Зданович Г.Б. 1997. Аркаим – культурный комплекс эпохи средней бронзы Южного Зауралья // РА. № 2: 47 – 62.

Кияшко А.В. 1998. Полтавкинские подбойные погребения низовий Волги и Дона // Нижневолжский археологический вестник. Вып.1: 17 – 28.

Костюков В.П., Епимахов А.В., Нелин Д.В. 1995. Новый памятник средней бронзы в Южном Зауралье // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н.э.). Самара: 156 – 207.

Кузнецов П.Ф. 1996. Проблемы миграции в развитии бронзового века Волго-Уралья // Древности Волго-Донских степей в системе восточноевропейского бронзового века. Волгоград: 40 – 43.

Кузнецов П.Ф. 1996. Еще раз об особенностях Потаповского курганного могильника // Древности Вол-

го-Донских степей в системе восточноевропейского бронзового века. Волгоград: 122 – 126.

Кузьмина Е.Е. 1978. Связи Евразийских степей и Средиземноморья во второй четверти II тыс. до н.э. // Древние культуры Поволжья и Приуралья. Куйбышев: 21 – 23.

Кузьмина Е.Е. 1994. Откуда пришли индоарии? — Москва.

Латынин Б.А. 1965. Архаические круглые псалии с шипами // МИА СССР. Вып.130. М: 201 – 204.

Малов Н.М. 1983. Конструктивные особенности псалия из Краснополья // СА. Вып.4: 204 – 209.

Малов Н.М. 1991. Погребения с булавами и втоками из Натальинского могильника // Археология восточноевропейской степи. Вып.2. Саратов: 34 – 37.

Матюхин А.Д. 1994. Из истории исследования Большедмитриевского курганного могильника // Материалы научно-практической конференции по проблемам сохранения археологического наследия. Саратов: 88 – 93.

Мачалов О.Д. 1996. Юго-западные связи Волго-Уралья и Зауралья в эпоху средней бронзы по данным изучения керамики // Абашевская культурно-историческая общность в системе древностей эпохи бронзы степи и лесостепи Евразии. Тамбов: 36 – 39.

Моисеев И.Б. 1996. Дисковидные псалии из Селезневской парной курганной группы // Абашевская культурно-историческая общность в системе древностей эпохи бронзы степи и лесостепи Евразии. Тамбов: 24 – 26.

Моисеев Н.Б., Ефимов К.Ю. 1995. Пичаевский курган // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н.э.). Самара: 71 – 81.

Отрощенко В.В. 1996. Культурная принадлежность погребений Потаповского могильника в Заволжье // Древности Волго-Донских степей в системе восточноевропейского бронзового века. Воронеж: 33 – 36.

Отрощенко В.В. 1998. О культурно-хронологических группах погребений потаповского могильника // РА. № 1: 43 – 53.

Памятники срубной культуры. Волго-Уральское междуречье. (САИ, В 1 – 10). Саратов, 1993.

Петров Ф.Н. 1996. Опыт создания типологии керамики городища Аркаим // Абашевская культурно-историческая общность в системе древностей эпохи бронзы степи и лесостепи Евразии. Тамбов: 57 – 59.

Пряхин А.Д. 1972. Курганы поздней бронзы у с.Староюрьево // СА. Вып.3: 233 – 243.

Пряхин А.Д. 1996. Некоторые проблемы изучения абашевской культурно-исторической общности на современном этапе // Абашевская культурно-историческая общность в системе древностей эпохи бронзы степи и лесостепи Евразии. Тамбов: 4 – 6.

Пряхин А.Д., Беседин В.И., Левых Г.А., Матвеев Ю.П. 1989. Кондрашкинский курган. – Воронеж.

Пряхин А.Д., Беседин В.Н. 1992. Щитковые (дисковидные) псалии со вставными шипами с территории Восточной Европы // Sbornik Praci Filosoficke fakulty. Brnenske University. N.37: 51 – 60.

Пряхин А.Д., Матвеев Ю.П. 1988. Курганы эпохи бронзы Побитюжья.-Воронеж.

Пряхин А.Д., Моисеев Н.Б., Беседин В.И. 1998. Селезни – 2. Курган доно-волжской абашевской культуры // Археологические памятники Донского бассейна. Вып.3. Воронеж: 3 – 30.

Савинов Д.Г. 1996. Об обряде погребения Больших Пазырыкских курганов // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху. СПб: 107-111.

Синюк А.Т. 1996. Бронзовые век бассейна Дона.- Воронеж.

Синюк А.Т., Килейников В.В. 1976. Курган у села Введенка на Дону // СА. № 1: 159 – 169.

Синюк А.Т., Козмирчук И.А. 1995. Некоторые аспекты изучения абашевской культуры в бассейне Дона (по материалам погребений) // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс.до н.э.). Самара: 37 – 72.

Трифонов В.А. 1996. К абсолютному датированию «микенского» орнамента эпохи развитой бронзы Евразии // Радиоуглерод и археология. Вып.1. СПб: 60 – 64.

Цимиданов В.В. 1996. Воинские погребения эпохи поздней бронзы Нижнего Поволжья // Древности Волго-Донских степей в системе восточноевропейского бронзового века. Волгоград: 78 – 82.

Boroffka N.G.O. 1994. Die Wietenberg-Kultur. Ein Beitrag zur Erforschung der Bronzezeit in Sьdosteuropa. – Bonn.

Karo G. 1930. Die Schachtgrдber von Mykenai. – Mьnchen.

Oren E.D. 1997. The «Tingdon of Sharuhen» and the Hyksos kingdom // The Hyksos. Philadelphia: 253 – 283.

*Кирчо Л.Б., Попов С.Г.*

# К ВОПРОСУ О РАДИОУГЛЕРОДНОЙ ХРОНОЛОГИИ ДРЕВНЕЙШИХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ СРЕДНЕЙ АЗИИ

**Kirtcho L.D., Popov S.G. To the problem of radiocarbon chronology of early civilization of Central Asia**

This paper is the first publication in Russian of all radiocarbon analyses results from Central Asia Bronze Age early civilization monuments (tab. 1). It show that there are a lot of problems, depends on the different system of calibration, sometimes not corrected cultural and geological position of specimens or even mistakes in publications. The special investigation of the largest series of 14C dates from Altyn-depe, which was done by S. Popov in IIMK radiocarbon Laboratory, show, that the radiocarbon chronology of this site sequence is close to the traditional chronology system. The problem of early dates from Middle and Late Bronze Age civilizations of ancient Margiana and Bactria and the radiocarbon chronology of Central Asia Bronze age in general is the future large work for archaeologists and specialists of radiocarbon laboratories.

Настоящая работа представляет собой обзор некоторых проблем, связанных с использованием датировок по методу $^{14}C$, при построении системы абсолютной хронологии древнейших цивилизаций эпохи бронзы Средней Азии III–II тыс. до н. э. В результате исследований 50–90-х гг. на территории Средней Азии были открыты и изучены несколько региональных древнеземледельческих образований, которые на основе ряда признаков – ремесленная организация производства, наличие крупных населенных центров, монументальная архитектура, использование зачатков знаковой системы и т. д. были определены как вторичные протоцивилизации древневосточного типа. Это памятники эпохи ранней – поздней бронзы подгорной полосы Копет-Дага (многослойные тепе типа Намазга IV–VI), по наиболее исследованному поселению именуемые цивилизацией Алтын-депе; генетически связанные с ними древнеземледельческие центры Мургабского оазиса и сапаллинской культуры (в широком смысле) эпохи средней и поздней бронзы, памятники Северного Афганистана типа Дашлы и поселение Саразм в верховьях Зерафшана.

В основе общей системы датирования перечисленных памятников лежит относительная периодизация, построенная на базе стратиграфии Намазга-депе в 50-е годы. Тогда же были предложены и абсолютные даты этапов развития культуры подгорной полосы Копет-Дага, на основе культурно-типологического соответствия с которыми в значительной степени основывались абсолютные датировки всех вышеперечисленных групп памятников.

Разумеется в процессе открытия и исследования новых памятников и целых культурных регионов эти даты претерпевали некоторые изменения, однако основные рамки их оставались в целом прежними: период позднего энеолита (время Намазга III) – конец IV – начало III тыс. до н. э.; период ранней бронзы (время Намазга IV) – первая половина – середина III тыс. до н. э.; период средней бронзы (время Намазга V) – конец III – начало II тыс. до н. э.; период поздней бронзы (время Намазга VI) – вторая – третья четверть II тыс. до н. э. В то же время необходимо подчеркнуть, что работы последних десятилетий XX века значительно усложнили историческую картину Средней Азии эпохи энеолита и бронзы. Так, ныне совершенно ясно, что освоение древней дельты Мургаба относится как минимум к периоду позднего энеолита и появление блестящих памятников так называемого бактрийско-маргианского комплекса – это результат длительного развития культуры в природных условиях, отличающихся от ситуации в подгорной полосе. Постоянная миграция водных ресурсов породила другой тип расселения (сравнительно коротко живущие одно-, двухслойные поселения), а отсутствие минеральных ресурсов и, возможно, дерева, приводили к интенсификации межрегиональных связей, в том числе, видимо, и с подгорной зоной. Поселение Саразм вообще, скорее всего, являлось центром добычи и обработки минерального (в первую очередь, рудного) сырья.

Разнообразие археологических культур и многокомпонентность культурных связей эпохи бронзы, а также общая тенденция к удревнению датирования памятников Древнего Востока, к которым в конечном счете привязаны датировки среднеазиатских культур, привели к

© Кирчо Л.Б., Попов С.Г., 1999.

попыткам пересмотра хронологических рамок основных этапов развития древних цивилизаций Средней Азии. Как правило, в основе таких попыток лежит использование радиоуглеродных дат с различными корректировочными поправками.

За последние 30 лет на памятниках Средней Азии получено большое количество радиоуглеродных датировок, значительная часть которых опубликована. В то же время следует отметить, что в обобщающих работах по археологии Средней Азии и радиоуглеродному датированию Старого Света, в том числе и последних лет издания (Kohl 1992)[1], сводные таблицы дат далеко не полны. Особенно усложняет возможности использования опубликованных датировок то, что: во-первых, не всегда указаны все имеющиеся даты[2]; во-вторых, в ряде случаев не указаны программы калибровки (а как видно из приведенной ниже таблицы 1, калиброванные разными программами даты отличаются иногда весьма значительно); в-третьих, опубликованные даты откалиброваны с разной степенью вероятности (1 б или 2 б) и обычно даны с суммарным интервалом и, наконец, в-четвертых, в изданиях имеются неточности или откровенные ошибки[3] как в самих датах, так и в лабораторных или полевых шифрах. В данной работе впервые собраны практически все радиоуглеродные даты для эпохи бронзы Средней Азии и мы по возможности постарались показать имеющиеся расхождения в их калибровке.

Однако, сложности в построении общей радиоуглеродной хронологии древнейших цивилизаций Средней Азии не исчерпываются техническими проблемами пересчета и единой калибровки. Во-первых, в русскоязычной литературе после изданной в 1966 г. книги «Средняя Азия в эпоху камня и бронзы» отсутствуют обобщающие работы, а в публикациях конкретных памятников и материалов $^{14}C$ датам отведено вспомогательное значение; более того, значительное несоответствие ряда радиоуглеродных датировок типологическим вообще породил скептическое отношение к первым. Во-вторых, многие из датированных $^{14}C$ методом образцов нуждаются в уточнении стратиграфического или культурного контекста (см. например описание места взятия образцов Теккем-депе или поселения Саразм). В третьих, необходимо максимально уточнить геологический характер напластований и глубину залегания образцов, то есть прояснить природный контекст.

Важно учесть и то, что за последние три десятилетия методика радиоуглеродного датирования претерпела определенные изменения. Отрабатывалась химическая подготовка проб, методика отбора образцов, модернизировалась измерительная электронная аппаратура. После открытия годичных вариаций радиоуглерода в атмосфере, и, соответственно, установления, факта отличия радиоуглеродного возраста от календарного, в практику датирования стала внедряться калибровка радиоуглеродных датировок. Одна из последних компьютерных калибровочных программ Cal 20 (Groningen 1.20, 1995 г.), учитывая неоднозначность связи между радиоуглеродным и календарным возрастом в зависимости от временного интервала и статистической ошибки измерений, позволяет перейти от конвенционального возраста (BP) к календарным интервалам (Cal BC или Cal AD).

Интересующий нас временной интервал (IV–II тыс. до н. э.), как видно из калибровочной кривой, усугубляет неоднозначность соответствия между календарным и радиоуглеродным возрастом. Иной дате, даже с небольшой статистической ошибкой в ±40 лет (1б), может соответствовать до 5 календарных интервалов. Полученные после калибровки результаты дают 68.3 % (1б) вероятность того, что датированное событие относилось к какому-либо из этих календарных (или к календарному) интервалам. Не все результаты калибровки (календарные интервалы) для одной датировки равнозначны, каждый из них имеет свою вероятность. Как правило, суммарный анализ серии датировок, относящихся к одному комплексу, горизонту или слою, позволяет сузить конечный интервал их образования или функционирования. Упомянутая калибровочная программа позволяет строить гистограммы по ряду датировок. А потом уже по полученным на графиках функциям распределения вероятности удается получить суммарные календарные интервалы.

Естественно-научные хронологические исследования среднеазиатских материалов эпохи бронзы на примере Алтын-депе в целом, обобщенно, подтверждают этапность развития памятника, определенную археологическими методами (таблица 2).

Заметный «разброс» датировок для некоторых горизонтов Алтын-депе имеет свое объяснение. Во-первых, радиоуглеродные измерения определяют лишь концентрацию $^{14}C$ в образце. Она может отличаться от истинной

[1] С сожалением должны отметить, что это последнее издание Chronologies of Old Word Archaeology отсутствует в библиотеках России; авторы располагают только ксерокопией самих таблиц дат.

[2] Ряд авторов не публикует даты, которые сильно отличаются от ожидаемых как в сторону удревнения, так и в сторону омоложения.

[3] См., например, опубликованные Ф. Хибертом и Ф. Колом даты по Гонур-тепе или даты Саразма.

[4] Ф. Кол не указывает, какой могильник в долине Сумбара он имеет в виду – Сумбар I или Пархзай II, судя по дате, более вероятно, что последний.

[5] Даты с шифрами Hel даны по: Salvatori 1995: 46.

вследствие загрязнения образца современным (омоложение) или пассивным (удревнение) углеродом. Во-вторых, сложность формирования культурных напластований азиатских поселений-депе не исключает попадания органики из верхних слоев в нижние и наоборот. В-третьих, несмотря на доказанную универсальность механизма обмена радиоуглеродом между атмосферой и биосферой в пределах одного полушария, региональные специфические особенности (в частности, климат) могут наложить свои поправки на процесс калибровки. В-четвертых, датировка зависит и от характера материала. Для азиатских памятников, как правило, это уголь – основа, на которой приготавливается бензол для датирования. Он мог представлять собой или остатки мелкослоистых (типа арчи) деревьев, содержащие много годичных колец, или остатки веток, прутьев, образовавшихся за считанные годы. Датирование образцов с большим количеством колец дает дату с удревнением относительно порубочной. Калибровка же по усредненным калибровочным кривым датировок, полученных по образцам 1–3-годичного формирования, некорректна. Она может дать «сдвиг» на несколько десятилетий в ту или иную сторону. В-пятых, отдельные датировки на ранних этапах развития методики датирования, могут заключать в себе погрешность, превышающую статистическую ошибку.

Следует заметить, что радиоуглеродный метод наиболее уверенно работает при серийном и целенаправленном датировании, дающем возможность отбраковывать случайные датировки и вести исследование по определенной программе.

Археологическая хронология верхних 10 строительных горизонтов Алтын-депе. укладывается в интервал 3000–2000 гг. до н. э., что соответствует НМЗ III – НМЗ V. Таким образом, время функционирования каждого горизонта можно условно соотнести с интервалом в 100 лет.

С помощью подпрограммы CALHIS программы Groningen 1.20, практически для всех горизонтов были построены гистограммы, базирующиеся на 2–11 датировках. Лишь для горизонтов 6 и 7 имеется по одной датировке, а горизонт 4 вообще не был подвергнут радиоуглеродному датированию. При построении гистограмм не учитывались датировки, явно не соответствующие исследуемому горизонту. На основании гистограмм определены суммарные календарные интервалы, приведенные в табл. 2. В таблице наиболее вероятные календарные интервалы, укладывающиеся в общую канву развития памятника, выделены жирным шрифтом.

Суммарный анализ радиоуглеродных датировок в целом подтверждает общие представления о хронологии культурных напластований Алтын-депе, лишь датировки 2 и 8 горизонтов выходят за пределы понимания, датировки 11/12 горизонта весьма разнородны. Безусловно, календарные рамки каждого горизонта не следует воспринимать как абсолютные и незыблемые. Каждая новая датировка могла бы в той или иной степени повлиять на границы этого интервала (интервалов). Итак, по данным радиоуглеродного анализа, развитие Алтын-депе с 1 по 11 горизонт происходило наиболее вероятно в пределах 1825–2915 гг. до н. э.

Таким образом, результаты обработки наиболее представительной серии 14С дат из памятников эпохи бронзы Средней Азии в целом близки к традиционной хронологии и заставляют с осторожностью относиться к предпринимаемым рядом западных исследователей попыткам удревнения (на 300–400 лет) хронологии комплексов эпохи позднего энеолита – средней бронзы Южного Туркменистана (Kohl 1984; 1992: 155).

Однако, как следует из вышесказанного и из приводимых в табл. 1 имеющихся результатов датирования по методу $^{14}C$, создание систематической радиоуглеродной хронологии древнейших цивилизаций Средней Азии потребует значительных систематических усилий как специалистов-археологов, так и исследователей естественных наук.

ЛИТЕРАТУРА

Аскаров А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент. 1977.

Долуханов П. М., Щетенко А. Я., Тоси М. 1985. Серия радиоуглеродных датировок наслоений эпохи бронза на Намазга-депе // СА. № 4: 118–123.

Исаков А. И. 1991. Верховья Зеравшана в эпоху энеолита и бронзы (к проблеме многоочагового развития Средней Азии в раннеземледельческую эпоху). Автореф. дисс. докт. ист. наук. Л.

Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М. – Л. 1966.

Besenval R., Isakov A. 1989. Sarazm et les débuts du peuplement agricole dans la région de Samarkand // Arts Asiatiques. Paris. T. XLIV: 5–20.

Hiebert F. T. 1993. Chronology of Margiana and Radiocarbon Dates // Information Bulletin of IASCCA. Moscow. Issue19: 136–148

Hiebert F. T. 1994. Origins of the Bronze Age Oasis Civilization in Central Asia // American School of Prehistoric Research Bulletin. N 42. Cambridge (MA).

Kohl Ph. L. 1984. Central Asia. Palaeolithic Beginnings to Early Iron Age. Paris

Kohl Ph. L. 1992. Central Asia (Western Turkestan): Neolithic to the Early Iron Age // Chronologies in Old World Archaeology. Ed. by Ehrich R. W. Chicago. Vol. I: 179–195; Vol. II: 154–162.

Salvatori S. 1995. Protohistoric Margiana: on a Recent Contribution (Review of: «IASCCA (International Association for the Study of the Cultures of Central Asia) Information Bulletin» 19, Moscow 1993) // Rivista di Archeologia. Venice. Anno XIX: 38–54.

## Таблица 1
## РАДИОУГЛЕРОДНЫЕ ДАТЫ ПАМЯТНИКОВ ЭПОХИ БРОНЗЫ СРЕДНЕЙ АЗИИ

### Подгорная полоса Копет Дага и Маргиана, Южный Туркменистан

| № п/п | Номер образца | Памятник, объект датирования | Первоначальная датировка автора раскопок | 14С — возраст (BP) | Калибр. дата по прогр. Groningen I. 20 (1995); 1б, cal BC | Калибр. дата по: Kohl 1984; 1992; CRD 1б BC | Калибр. дата по: Hiebert 1994; CRD 2б BC |
|---|---|---|---|---|---|---|---|
| 1. | ЛЕ-767 | Раскоп 7, к В от пом. 7 и 10, у наружной стены | НМЗ V, руб. III–II тыс. до н.э. | 3140±50 | 1502–1488, 1448–1380, 1348–1316 | 1555–1365 | 1519–1261 |
| 2. | ЛЕ-769<br><br>BLN 716<br>BLN 717 | Раскоп 7, стена<br><br>Раскоп 7<br>Раскоп 7 | НМЗ V<br><br>НМЗ V раннее<br>НМЗ V раннее | 3260±60<br><br>4120±100<br>4025±100 | 1608–1558, 1534–1442 | 1555–1365<br><br>2900–2615<br>2680–2515 | 1678–1408<br><br>2913–2409<br>2879–2208 |
| 3. | ЛЕ-1048 | Раскоп 8, горизонт 1, пом. 10 | НМЗ V | 3770±50 | 2270–2228, 2206–2132, 2078–2048 | 2335–2135 | 2330–1988 |
| 4. | ЛЕ-1525 | Раскоп 8, горизонт 2 | НМЗ V | 4920±40 | 3760–3742, 3714–3652 | | |
| 5. | ЛЕ-1097 | Раскоп 9, горизонт 1, пом. 26, очаг | НМЗ V | 3540±80 | 1950–1746 | 1995–1765 | 2122–1676 |
| 6. пом. | ЛЕ-1527 52 | Раскоп 9, горизонт 1, | НМЗ V | 5320±40 | 4228–4214, 4204–4182, 4168–4136, 4128–4082, 4060–4046 | | |
| 7. | ЛЕ-2442 | Раскоп 9, горизонт 2, нижн. пол пом. 314 | НМЗ V | 3410±40 | 1744–1672, 1654–1634 | | |
| 8. | ЛЕ-4118 | Раскоп 9, горизонт 2, очаги на 2 полу помещения 360 | НМЗ V, 24–22 вв. до н. э. | 4150±90 | 2874–2800, 2780–2612 | | |
| 9. | ЛЕ-4119 | Раскоп 9, горизонт 2, пом. 368, перекрытие ниши | НМЗ V, 24–22 | 4060±210 вв. до н. э. | 2890–2320 | | |
| 10. | ЛЕ-1049 | Раскоп 10, горизонт 2, пом. 26 | | НМЗ V | 5110±50 3876–3808 | 3970–3928, | |
| 11. | ЛЕ-1125 | Раскоп 10, горизонт 2, пом. 1 (10) | НМЗ V | 2480±60 | 764–618, 606–516, 430–424 | | |
| 12. | ЛЕ-1519 | Раскоп 13, печь | НМЗ V раннее | 3670±40 | 2126–2082, 2042–1974 | | |
| 13. | ЛЕ-664 | Холм стены, обводная стена | НМЗ IV, III тыс. до н. э | | 4070±50 2624–2556, 2660–2640, | 2854–2820, | 2805–2445 |
| 14. | ЛЕ-770 | Раскоп 5, горизонт 1, пом. 29, очаг | НМЗ V | 4660±50 | 3506–3412, 3384–3364 | 3545–3360 | 3620–3342 |
| 15. | ЛЕ-1522 | Раскоп 5, горизонт 3, пом. 26 | НМЗ V раннее | 4680±40 | 3508–3488, 3478–3408, 3386–3370 | | |
| 16. | ЛЕ-2132 | Раскоп 5, горизонт 4, пом. 58, яма (из верхнего горизонта) | НМЗ IV–V, конец III тыс. до н. э. | 7730±80 | 6598–6572, 6566–6460 | | |
| 17. | ЛЕ-1521 | Раскоп 5, горизонт 5, пом. 27, очаг | НМЗ IV середнее, середина III тыс. до н. э. | | 5120±40 | 3972–3938, 3866–3814 | |
| 18. | ЛЕ-2185 | Раскоп 5, горизонт 5, пом. 59 | НМЗ IV среднее | | 4010±50 2508–2454 | 2574–2514, | 2660–2525 |
| 19. | Ле-2186 | Раскоп 5, горизонт 5, пом. 41, яма с золой | НМЗ IV среднее | | 4230±40 2808–2768, 2722–2700 | 2892–2868, | 2970–2795 |
| 20. | ЛЕ-2187 | Раскоп 5, горизонт 5, пом. 41, зольник | НМЗ IV среднее | | 4240±50 2808–2766, 2724–2700 | 2910–2868, | 3000–2855 |
| 21. | ЛЕ-1524 | Раскоп 5, горизонт 6, пол | НМЗ IV среднее | | 2890±40 | 1118–1002 | |

| № п/п | Номер образца | Памятник, объект датирования | Первоначальная датировка автора раскопок | 14C — возраст (BP) | Калибр. дата по прогр. Groningen I. 20 (1995); 1б, cal BC | Калибр. дата по: Kohl 1984; 1992; CRD 1б BC | Калибр. дата по: Hiebert 1994; CRD 2б BC |
|---|---|---|---|---|---|---|---|
| 22. | ЛЕ-2188 | Раскоп 5, горизонт 6, пом. 22 | НМЗ IV среднее | | 3980±50 2504–2454, 2426–2406 | 2570–2520, | |
| 23. | ЛЕ-2184 | Раскоп 5, горизонт 7, двор А, Ю угол | НМЗ IV раннее, 2-я четверть III тыс. до н. э. | 4070±40 | 2850–2824, 2656–2646, 2620–2562, 2530–2496 | 2805–2545 | |
| 24. | ЛЕ-2175 | Раскоп 5, горизонт 8, пом. 22 | НМЗ IV раннее | 4690±50 | 3614–3600, 3514–3490, 3476–3398, 3390–3372 | 3645–3365 | |
| 25. | ЛЕ-2176 | Раскоп 5, горизонт 8, пом. 24 и 25 | НМЗ IV раннее | 4840±50 | 3692–3626, 3570–3538 | 3785–3545 | |
| 26. | ЛЕ-2177 + ЛЕ-2178 | Раскоп 5, горизонт 8, пом. 4 + пом. 14 | НМЗ IV раннее | 5490±60 | 4448–4424, 4392–4386, 4364–4316, 4296–4252 | 4430–4335 | |
| 27. | ЛЕ-2179 | Раскоп 5, горизонт 8, пом. 3 | НМЗ IV раннее | 4670±50 | 3508–3408, 3386–3366 | 3555–3360 | |
| 28. | ЛЕ-2181 | Раскоп 5, горизонт 8, пом. 5 | НМЗ IV раннее | 4750±50 | 3630–3564, 3544–3506, 3412–3384 | 3660–3485 | |
| 29. | ЛЕ-2436 | Раскоп 5, горизонт 8, пом. 6, очаг | НМЗ IV раннее | 3010±40 | 1310–1198, 1186–1166, 1142–1132 | | |
| 30. | ЛЕ-2437 | Раскоп 5, горизонт 8, пом. 33 | НМЗ IV раннее | 3780±40 | 2278–2226, 2206–2136, 2064–2062 | | |
| 31. | ЛЕ-2438 | Раскоп 5, горизонт 8, пом. 25 | НМЗ IV раннее | 3970±40 | 2564–2528, 2498–2454, 2424–2408 | | |
| 32. | ЛЕ-2182 | Раскоп 5, горизонт 8, двор А, СЗ часть | НМЗ IV раннее | 4300±50 | 3020–2994, 2926–2876, 2794–2788 | 3055–2895 | |
| 33. | ЛЕ-2183 | Раскоп 5, горизонт 8, двор А | НМЗ IV раннее | 3850±40 | 2444–2440, 2398–2378, 2348–2274, 2254–2202 | 2420–2190 | |
| 34. | ЛЕ-2439 | Раскоп 5, горизонт 8, двор А, Ю угол | НМЗ IV раннее | 3550±40 | 1928–1872, 1840–1812, 1808–1780 | | |
| 35. | ЛЕ-2440 | Раскоп 5, горизонт 8, двор А, ЮЗ часть | НМЗ IV раннее | 3810±40 | 2290–2188, 2164–2142 | | |
| 36. | ЛЕ-2180 | Раскоп 5, горизонт 9, пом. 9 | НМЗ III позднее | 4210±50 | 2886–2862, 2814–2740, 2730–2694 | | |
| 37. | ЛЕ-2705 | Раскоп 5, горизонт 9, пом. 1 и 6 (под полом) | НМЗ III позднее | 3920±40 | 2464–2396, | 2382–2342 | |
| 38. | ЛЕ-2706 | Раскоп 5, горизонт 9, пом. 2 | НМЗ III позднее | 4110±40 | 2860–2816, 2694–2676, 2668–2580 | | |
| 39. | ЛЕ-2707 | Раскоп 5, горизонт 9, пом. 7 и 8 | НМЗ III позднее | 5440±60 | 4344–4238 | | |
| 40. | ЛЕ-2708 | Раскоп 5, горизонт 9, пом. 4, яма (во дворе) | НМЗ III позднее | 4480±40 | 3328–3320, 3188–3158, 3128–3088, 3064–3040 | 3310–3228, | |
| 41. | ЛЕ-2709 | Раскоп 5, горизонт 9, пом. 14, 15, 19 | НМЗ III позднее | 5160±60 | 4038–4016, 4000–3938, 3868–3814 | | |
| 42. | ЛЕ-2974 | Раскоп 5, горизонт 9, пом. 15/17, яма | НМЗ III позднее | 2490±60 | 766–748, 740–524 | | |

| № п/п | Номер образца | Памятник, объект датирования | Первоначальная датировка автора раскопок | 14С — возраст (BP) | Калибр. дата по прогр. Groningen I. 20 (1995); 1б, cal BC | Калибр. дата по: Kohl 1984; 1992; CRD 1б BC | Калибр. дата по: Hiebert 1994; CRD 2б BC |
|---|---|---|---|---|---|---|---|
| 43. | ЛЕ-2976 | Раскоп 5, горизонт 9, очаг под контрфорсом № 3 | НМЗ III позднее | 4210±40 | 2884–2866, 2724–2698 | 2810–2750, | |
| 44. | ЛЕ-2980 | Раскоп 5, горизонт 9, очаг под контрфорсом № 3 | НМЗ III позднее | 4480±50 | 3332–3226, 3132–3086, 3066–3040 | 3190–3156, | |
| 45. | ЛЕ-4386 | Раскоп 5, горизонт 9, очаг под контрфорсом № 3 | НМЗ III позднее | 4145±40 | 2868–2848, 2768–2722, 2700–2654, 2646–2618 | 2826–2808, | |
| 46. | ЛЕ-2978 | Раскоп 5, горизонт 9, зачистка В части основания горизонта 9 | НМЗ III позднее | 4200±80 | 3030–2976, 2812–2744, 2728–2696 | 2930–2864, | |
| 47. | ЛЕ-2703 | Раскоп 5, горизонт 9, двор А | НМЗ III позднее | 2790±40 | 990–954, 942–898, 874–852 | | |
| 48. | ЛЕ-2704 | Раскоп 5, горизонт 9, двор А, З угол | НМЗ III позднее | 6030±50 | 4984–4982, 4972–4894, 4886–4840 | | |
| 49. | ЛЕ-2972 | Раскоп 5, горизонт 9, двор А, В часть | НМЗ III позднее | 4090±40 | 2858–2818, 2662–2636, 2626–2570, 2522–2504 | | |
| 50. | ЛЕ-2973 | Раскоп 5, горизонт 9, двор А, ЮВ часть, 2 штык | НМЗ III позднее | 2980±40 | 1262–1230, 1224–1156, 1150–1126 | | |
| 51. | ЛЕ-2977 | Раскоп 5, горизонт 9, двор А, ЮВ часть, 2 штык | НМЗ III позднее | 4040±40 | 2584–2480 | | |
| 52. | ЛЕ-2975 | Раскоп 5, горизонт 9, двор А, Ю угол | НМЗ III позднее | 4470±50 | 3328–3318, 3312–3228, 3188–3158, 3128–3034 | | |
| 53. | ЛЕ-2979 | Раскоп 5, горизонт 9, двор А, Ю угол | НМЗ III позднее | 3940±40 | 2474–2396, 2380–2346 | | |
| 54. | ЛЕ-4382 | Раскоп 5, горизонт 10, пом. 11, святилище | НМЗ III позднее | | 2736–2732, 2694–2672, 2670–2580 | 4110±45 | 2862–2814, |
| 55. | ЛЕ-4383 | Раскоп 5, горизонт 10, на полу пом. 10 | НМЗ III позднее | | | 4035±40 | 2580–2482 |
| 56. | ЛЕ-4384 | Раскоп 5, горизонт 10, очаг под пом. 28 горизонта 9 | НМЗ III позднее | | 2500–2462 | 3990±40 | 2556–2526, |
| 57. | ЛЕ-4385 | Раскоп 5, горизонт 10, двор Б, 2 штык | НМЗ III позднее | | 2692–2678, 2666–2560, 2532–2496 | 4080±60 | 2860–2816, |
| 58. | ЛЕ-4387 | Раскоп 5, горизонт 10, двор Б | НМЗ III позднее | | 2826–2808, 2768–2722, 2700–2654, 2646–2618 | 4140±50 | 2868–2848, |
| 59. | ЛЕ-4762 | Раскоп 5, горизонт 10, двор А, СЗ часть, | НМЗ III позднее | | 2772–2720, | 4120±90 | 2870–2806, |

| № п/п | Номер образца | Памятник, объект датирования | Первоначальная датировка автора раскопок | 14C — возраст (BP) | Калибр. дата по прогр. Groningen I. 20 (1995); 1б, cal BC | Калибр. дата по: Kohl 1984; 1992; CRD 1б BC | Калибр. дата по: Hiebert 1994; CRD 2б BC |
|---|---|---|---|---|---|---|---|
| | | 1 и 2 штыки | | | 2704–2574, 2514–2508 | | |
| 60. | ЛЕ-4761 | Раскоп 5, горизонт 10а, пом. 17 | НМЗ III позднее | 4290±60 | 3024–2988, 2926–2874, 2804–2776, 2716–2706 | | |
| 61. | ЛЕ-4763а | Раскоп 5, горизонт 11, | НМЗ III позднее | | | 4090±60 | 2862–2814, |
| | | СВ часть | | | 2736–2732, 2694–2674, 2670–2566, 2526–2500 | | |
| 62. | ЛЕ-4764 | Раскоп 5, горизонт 11, | НМЗ III позднее | | | 4250±80 | 2922–2860, |
| | | пом. 11 | | | 2816–2692, 2680–2666, 2634–2628 | | |
| 63. | ЛЕ-1526 | Раскоп 1, горизонт 11/12, очаг | НМЗ II–III | 5630±40 | 4508–4450, 4422–4396, 4378–4368 | | |
| 64. | ЛЕ-1528 | Раскоп 1, горизонт 11/12 | НМЗ II–III | 4620±40 | 3500–3456, 3434–3432, 3378–3342 | | |
| 65. | ЛЕ-2501 | Раскоп 11, шурф, ярус VII | НМЗ II–III | 5160±60 | 4038–4016, 4000–3938, 3868–3814 | | |
| 66. | ЛЕ-2131 | Раскоп 14, под стеной | НМЗ II ?, энеолит | | | 6210±70 | 5228–5066 |
| | | | **Улуг-депе** | | | | |
| 67. | ЛЕ-980 | Раскоп 2, № 4 | НМЗ VI, II тыс. до н. э. | 3280±95 | 1672...–1656, 1634...–1440 | | 1749–1324 |
| 68. | ЛЕ-1053 | Ю склон, горелое пом. | | ? | 2270±70 312–204 | 392–350, | |
| 69. | ЛЕ-1096 | Раскоп 6, слой 5, пол помещения | РЖВ, II–I тыс. до н. э. | 3500±50 | 1880–1832, 1824–1748 | 1960–1725 | 1938–1682 |
| 70. | ЛЕ-1098 | Раскоп 3, слой Улуг-3 | НМЗ VI | 3910±50 | | 2462–2326 | 2545–2315 |
| 2554–2203 | | | | | | | |
| 71. | BLN 714 | Слой 2 | НМЗ IV | 4095±100 | | 2890–2540 | |
| 72. | BLN 715 | Слой 3 | НМЗ IV | 4120±100 | | 2900–2615 | |
| | | | **Намазга-депе** | | | | |
| 73. | ЛЕ-665 | печь 3 | НМЗ VI позднее | 2980±60 | 1306–1284, 1268–1115, 1090–1076 | | |
| 74. | R 1297 | 0.4 м | НМЗ VI | 2870±50 | | 1125–1015 | 1199–905 |
| 75. | R 1298 | 1.3 м | НМЗ VI | 3220±40 | | 1665–1415 | 1498–1269 |
| 76. | R 1299 | 1.5 м | НМЗ VI | 3240±50 | | 1675–1430 | 1621–1408 |
| 77. | R 1300 | 2.0 м | НМЗ VI | 3050±50 | | 1410–1245 | 1416–1128 |
| 78. | R 1300a | 2.0 м | НМЗ VI | 2880±60 | | 1130–1020 | 1257–901 |
| 79. | R 1301 | 2.2 м | НМЗ VI | 2960±50 | | 1345–1100 | 1372–1003 |
| 80. | R 1302 | 2.8 м | НМЗ VI | 3220±9- | | 1680–1395 | 1684–1267 |
| 81. | R 1303 | 3.3 м | НМЗ VI | 2680±50 | | 905–780 | 1010–546 |
| 82. | R 1304 | 3.8 м | НМЗ VI | 3350±50 | | 2005–1770 | 2021–1742 |
| 83. | R 1305 | 4.4 м | НМЗ V | 3380±140 | | 1900–1550 | 2026–1328 |
| 84. | R 1306 | 4.6 м | НМЗ V | 4080±50 | | 2870–2545 | 2319–1984 |
| 85. | R 1306a | 4.7 м | НМЗ V | 3760±50 | | 2330–2125 | 2869–2468 |
| 86. | R 1307 | 5.1 м | НМЗ V | 3860±40 | | 2420–2290 | 2460–2147 |
| 87. | R 1308 | 5.3 м | НМЗ V | 3770±40 | | 2335–2135 | 2296–2037 |
| 88. | R 1309 | 5.7 м | НМЗ V | 3550±40 | | 2005–1770 | 1974–1747 |
| 89. | R 1310 | 7.9 м | НМЗ IV | 3280±100 | | 1720–1430 | |
| 90. | R 13011 | 8.8 | НМЗ IV | 3830±40 | | 2415–2175 | |

| № п/п | Номер образца | Памятник, объект датирования | Первоначальная датировка автора раскопок | 14С — возраст (BP) | Калибр. дата по прогр. Groningen I. 20 (1995); 1б, cal BC | Калибр. дата по: Kohl 1984; 1992; CRD 1б BC | Калибр. дата по: Hiebert 1994; CRD 2б BC |
|---|---|---|---|---|---|---|---|
| | | | **Теккем-депе** | | | | |
| 91. | ЛЕ-1095 | раскоп 2, пом. В, пол | НМЗ VI, II тыс. | 2460±60 | 760–678, 658–634, 552–468, 462–412 | | |
| 92. | ЛЕ-1603 | пом. 11, низ | НМЗ VI | 4310±40 | 3012–3004, 2924–2882 | | |
| 93. | ЛЕ-1604 | пом. 6 | НМЗ VI | 4950±50 | 3784–3692, 3672–3666 | | |
| 94. | ЛЕ-1605 | к Ю от пом. 8 и с уровня пола плиток | НМЗ VI | 4520±60 | 3342–3292, 3284–3266, 3240–3104 | | |
| 95. | ЛЕ-1638 | Раскоп 1, пом. 3, у внешнего З угла, под полом пом.2 | НМЗ VI | 3620±50 | 2030–1994, 1988–1892 | | |
| 96. | ЛЕ-1639 | пом. 1 | НМЗ VI | 3640±50 | 2116–2088, 2038–1928 | | |
| 97. | ЛЕ-1640 | пом. 8 (9) | НМЗ VI | 4330±50 | 3028–2980, 2930–2884 | | |
| 98. | ЛЕ-1641 | шурф | НМЗ VI | 2450±40 | 756–688, 538–412 | | |
| 99. | ЛЕ-1642 | пом. 10, нижн. слой | НМЗ VI | 4630±50 | 3502–3420, 3380–3346 | | |
| 100. | ЛЕ-1643 | пом. 10, верхний слой | | НМЗ VI | 4280±50 | 2922–2872, | |
| | | | | | 2802–2778, 2714–2708 | | |
| 101. | ЛЕ-1854 | платформа под полом “К” | НМЗ VI | 5030±60 | 3944–3846, 3820–3768, 3726–3724 | | |
| 102. | ЛЕ-1856 | мусорный слой над полом “К”, к ЮВ от платформы | НМЗ VI | 3110±40 | 1418–1372, 1354–1314 | | |
| 103. | ЛЕ-1857 | из пом. над платформой | НМЗ VI | 5540±60 | 4454–4416, 4402–4342 | | |
| 104. | ЛЕ-1858 | очаг под арыком | НМЗ VI | 3660±40 | 2124–2084, 2042–1968 | | |
| 105. | ЛЕ-1860 | самое верхнее помещение | НМЗ VI | 4280±50 | 2922–2872, 2802–2778, 2714–2708 | | |
| 106. | ЛЕ-1861 | очаг | НМЗ VI | 4130±50 | 2866–2810, 2760–2724, 2700–2612 | | |
| 107. | ЛЕ-2355 | 13 штык, площадка контрфорса | НМЗ VI | 4310±60 | 3030–2972, 2932–2876, 2796–2784 | | |
| | | | **Могильник Сумбар** | | | | |
| 108 | Р-3079 | | | 4860± | 3790–3555 | | |
| | | | **Келлели 3** | | | | |
| 109. | ЛЕ-2427 | Поселение | НМЗ V, рубеж III–II тыс. до н. э. | 3470±40 | 1874–1840, | 1814–1806, | |
| | | | | | 1780–1738 | | |
| 110. | ЛЕ-2429 | Вост. фас, коридор, пол | НМЗ V | 4050±50 | 2838–2834, 2616–2478 | | |

| № п/п | Номер образца | Памятник, объект датирования | Первоначальная датировка автора раскопок | 14C — возраст (BP) | Калибр. дата по прогр. Groningen I. 20 (1995); 1б, cal BC | Калибр. дата по: Kohl 1984; 1992; CRD 1б BC | Калибр. дата по: Hiebert 1994; CRD 2б BC |
|---|---|---|---|---|---|---|---|
| | | | **Гонур 1 (северный)** | | | | |
| 111. | ЛЕ-1207 | Шурф 1, 1 ярус, ямка | НМЗ VI, II тыс. до н. э. | | 3560±70 1848–1770 | 1974–1864, | 2009–1744 |
| 112. | ЛЕ-2407 | 2-й период, пом. 16, очаг | НМЗ V позднее | 2180±40 | 356–288, 250–226, 210–166 | | |
| 113. | ЛЕ-2408 | Пом. 5, слой золы и мусора | НМЗ V позднее | 3510±40 | 1880–1862, 1850–1762 | | |
| 114. | ЛЕ-2409 | Дворец, пом. 1, обв. кор., 2 период. | НМЗ V позднее | 4290±40 | 2918–2880 | | |
| 115. | ЛЕ-2411 | Пом. 1, 2 пол, бревно | | НМЗ V позднее | 2812–2744, 2728–2696 | 4200±40 | 2880–2864, |
| 116. | Beta-35125 | Под полом пом. 2 | НМЗ V | 3630±90 | | | 2138–1888 |
| 117. | Beta-33560 | шурф 2, на глубине 2.6 м | НМЗ V | 3580±60 | | 2032–1883 | 2032–1883 |
| 118. | Beta-33561 | Шурф 4, слой 6, на глубине 1.2 м | НМЗ VI | 3520±60 | | 2030–1694 | 2030–1694 |
| 119. | Hel-2964[2] | Пом. 65 | НМЗ V | 3750±80 | | 2278–1979 | |
| | | | **Гонур 1 (южный)** | | | | |
| 120. | Beta-33562 | Пом. 48, яма | НМЗ V | 3700±60 | | 2290–1930 | 2290–1930 |
| 121. | Hel-2963 | Пом. 200 | | 3540± | | 2009–1694 | |
| 122. | Hel-2965 | Пом. 226а | | 3550±80 | | 2009–1740 | |
| 123. | Hel-2966 | Пом. 226б | | 3410±80 | | 1855–1534 | |
| 124. | Hel-2967 | Пом. 178 | | 3380±110 | | 1770–1509 | |
| 125. | Hel-2968 | Пом. 134 | | 3600±80 | | 2031—1776 | |
| 126. | Hel-2969 | Пом. 208 | | 3480±90 | | 1916–1639 | |
| 127. | Hel-2970 | Пом. 266 | | 3380± | | 1766–1524 | |
| | | | **Тоголок-21** | | | | |
| 128. | ЛЕ-2678 | пом. 60 | НМЗ VI | 3270±40 | 1608–1556, 1534–1506, 1482–1456 | | |
| 129. | ЛЕ-2679 | внутренний очаг | НМЗ VI | 4620±40 | 3500–3456, 3434–3432, 3378–3342 | | |
| 130. | ЛЕ-2681 | пом. 44 | НМЗ VI | 4610±50 | 3502–3450, 3444–3424, 3380–3334, 3220–3200, 3154–3136 | | |
| 131. | ЛЕ-2682 | пом. 61 | НМЗ VI | 5060±40 | 3942–3896, 3888–3848, 3820–3796 | | |
| 132. | ЛЕ-2683 | пом. 64 | НМЗ VI | 3540±40 | 1914–1904, 1902–1870, 1844–1776 | | |
| 133. | ЛЕ-2684 | пом. 57 | НМЗ VI | 4270±40 | 2914–2876, 2796–2784 | | |
| 134. | ЛЕ-2685 | пом. 47 | НМЗ VI | 3540±40 | 1914–1904, 1902–1870, 1844–1776 | | |
| 135. | Beta-33564 | Большой алтарь | НМЗ VI | 3470± | 1920–1680 | | 1920–1680 |

[6] К сожалению, в публикациях и в первичных лабораторных записях имеются расхождения о месте сбора образцов из Саразма. Первыми мы приводим опубликованные данные, а в скобках – данные первичного лабораторного учета.

| № п/п | Номер образца | Объект датирования[6] (место взятия образца) | Первоначальная датировка автора раскопок | 14С — возраст (BP) | Калибр. дата по программе Groningen I. 20 (1995); 1б, cal BC | Калибр. дата по: Kohl 1984; 1992; CRD 1б BC | Калибр. дата по: Besenval, Isacov 1989; Исаков 1991 CRD 2б BC |
|---|---|---|---|---|---|---|---|
| | | **Поселение Саразм, Таджикистан** | | | | | |
| 1. | ЛЕ-2172 | Раскоп IV, слой А1, период I (период Г, яма, нижний слой) | конец IV тыс. до н. э. | 5050±60 | 3946–3842, 3824–3786 | 3905–3775 | |
| 2. | ЛЕ-2173 | Раскоп IV, слой А1, период I (период Г, яма) | конец IV тыс. до н. э. | 4880±90 | 3778–3624, 3576–3536 | 3790–3645 | |
| 3. | ЛЕ-2174 | Раскоп II, слой 1, период I (период В над материком) | конец IV тыс. до н. э. | 4940±50 | 3774–3692, 3678–3662 | 3870–3660 | |
| 4. | ЛЕ-1806 | Раскоп III, слой 1, период II (раскоп 2, верхний жилой горизонт) | конец III – начало II тыс. до н. э. | | 4460±50 3184–23162, 3114–3030, 2970–2932 | 3306–3232, | 3365–3020 |
| 5. | ЛЕ-1808 | Раскоп III, слой 2, период II (очаг, верхн. гор.) | III – нач. II тыс. до н. э. | 4230±40 | 2892–2868, 2808–2768, 2722–2700 | 2970–2795 | |
| 6. | ЛЕ-1807 | Раскоп II, слой 3, период III (раскоп 3, двор 3, слой 4, мусор) | III – нач. II тыс. до н. э. | 3840±40 | 2394–2384, 2336–2266, | 2415–2185 2264–2200 | |
| 7. | ЛЕ-1420 | Раскоп III, слой 2, период III (пом. 2, пол) | III – нач. II тыс. до н. э. | 3790±80 | 2390–2386, 2082–2044 | 2410–2115 2334–2128, | |
| 8. | ЛЕ-2475 | Раскоп V, слой 3 (верхний) | II тыс. до н. э. | 3120±40 | 1424–1376, 1350–1316 | | |
| 9. | ЛЕ-2476 | Раскоп VI, слой 4 (слой 2, верхний) | II тыс. до н. э. | 3120±40 | 1424–1376, 1350–1316 | | |
| 10. | ЛЕ-2477 | Раскоп VI, слой 2 (слой 1, ранний) | II тыс. до н. э. | 3670±40 | 2126–2082, 2042–1974 | | |
| 11. | ЛЕ-2478 | Раскоп VI, слой 4 (первый пол, верх) | II тыс. до н. э. | 3190±40 | 1508–1476, 1460–1418 | | |
| 12. | ЛЕ-3262 | Раскоп VI, (пом. 6, хоз. яма) | II тыс. до н. э. (?) | | 4120±100 2780–2720, 2710–2570, 2520–2510 | 2870–2800, | |
| 13. | ЛЕ-3124 | Раскоп VII (Е72) | 2–2,5 тыс. до н.э. | | 4320±130 3270–3240, 3100–2860, 2820–2690 | 3290–3280, | |
| 14. | Р-7560 (?) [4] | Раскоп VII, слой 1/1 (начало) | | 4450±60 | | | 3350–1937 (3360–2895) |
| 15. | Р-7561 (?) | Раскоп VII, слой 1/1 (конец) | | 4380±70 | | | 3330–2890 (3370–2925) |
| 16. | Р-7202 | Раскоп VII, слой 2/1 | | 4130±70 | | | 2910–2494 (2910–2435) |
| 17. | Р-7201 | Раскоп VII, слой 3/3 | | 3990±70 | | | 2863–2330 (2780–2325) |
| 18. | Р-7397 (?) | Раскоп VII, слой 4/1 (пом. 402) | | 3850±90 | | | 2580–2044 (2650–2165) |
| 19. | Р-7398 (?) | Раскоп VII, слой 4/1 (пом. 404) | | 3800±70 | | | 2470–2040 (2525–2105) |
| 20. | Р-7203 | Раскоп II, слой 1/? | | | | | (3155–2670) |

[7] Результаты радиоуглеродных анализов образцов из Саразма, выполненных в Парижской лаборатории, опубликованы в: Besenval, Isakov 1989 без лабораторных номеров и без указания использованной программы калибровки; в автореферате дисс. на соискание степени докт. ист. наук А. И. Исакова (1991) эти же результаты приведены с номерами, но их калиброванные значения, также без указания программы калибровки, несколько отличаются (даны в скобках).

[8] Две радиоуглеродные даты опубликованы А. Аскаровым (Аскаров 1977: 101) без указания лабораторного номера и интервала – одна дата из Сапалли и одна – из Джаркутана.

| № п/п | Номер образца | Памятник, объект датирования | Первоначальная датировка автора раскопок | 14C — возраст (BP) | Калибр. дата по прогр. Groningen I. 20 (1995); 1б, cal BC | Калибр. дата по: Kohl 1984; 1992; CRD 1б BC | Калибр. дата по: Hiebert 1989 |
|---|---|---|---|---|---|---|---|
| **Бактрия, Узбекистан и Северный Афганистан** | | | | | | | |
| **Сапалли-депе** | | | | | | | |
| 1. | ЛЕ-916 | Раскоп 3 | НМЗ V позднее | 3640±90 | | 2190–1880 | 2277–1745 |
| 2. | ЛЕ-1078 | Раскоп 3 | НМЗ V позднее | 3450±50 | | 1895–1690 | 1885–1624 |
| 3. | ? | ? | | 1560 BC [5] | | | |
| **Бустон VI (могильник)** | | | | | | | |
| 4. | ЛЕ-4994 | Крематорий 1 | II тыс. до н. э. | 3580±70 | 2024–2004, 1980–1872 1842–1776 | | |
| 5. | ЛЕ-4995 | Крематорий 2 | II тыс. до н. э. | 3620±40 | 2028–2000, 1984–1912, 1906–1900 | | |
| 6. | ЛЕ-4991 | Крематорий 3 | II тыс. до н. э. | 3540±70 | 1936–1858, 1854–1752 | | |
| **Джаркутан** | | | | | | | |
| 7. | ? | Нижний слой | | 1650 BC | | | |
| 8. | Beta-33557 | Храм, большой алтарь | II тыс. до н. э. | 3540±70 | | | 2125–1695 2042–1734 |
| **Дашлы 1** | | | | | | | |
| 9. | ЛЕ-976 | Пом. 18 | II тыс. до н. э | 3200±45 | | 1655–1405 | 1526–1395 |
| 10. | ЛЕ-975 | Пом. 24 | II тыс. до н. э. | 3520±45 | | 1975–1750 | 1946–1695 |
| **Дашлы 2** | | | | | | | |
| 11. | Ле-977 | Яма | II тыс. до н. э | 3340±40 | | 1750–1575 | 1735–1517 |
| **Дашлы 3** | | | | | | | |
| 12. | Ле-978 | Погребение | II тыс. до н. э. | 3440±50 | | 1890–1685 | 1882–1617 |
| 13. | ЛЕ-1175 | Круглый храм, пом. 2 | II тыс. до н. э. | 3066±70 | | 1425–1255 | |
| 14. | ЛЕ-1252 | “Дворец” | II тыс. до н. э. | 3670±50 | | 2185–1950 | 2191–1889 |
| 15. | ЛЕ-1254 | “Дворец” | II тыс. до н. э. | 4230±70 | | 2970–2795 | |
| 16. | ЛЕ-1253 | “Дворец”, пом. 50 | II тыс. до н. э. | 4060±70 | | 2685–2540 | |
| 17. | ЛЕ-1251 | “Дворец”, пом. 50 | II тыс. до н. э. | 3250±40 | | 1680–1435 | |

| № п/п | Номер образца | Памятник, объект датирования | Первоначальная датировка автора раскопок | 14C — возраст (BP) | Калибр. дата по прогр. Groningen I. 20 (1995); 1б, cal BC | Калибр. дата по: Kohl 1984; 1992; CRD 1б BC | Калибр. дата по: Hiebert 1989 |
|---|---|---|---|---|---|---|---|
| | | | **Шортугай** | | | | |
| 18. | MC 2447 | Холм A, пом. P1 C59, над материком, период 1 | | | 3725±80 | 2325–1965 | 2395–1988 |
| 19. | MC 2446 | Холм A, слой 6, пом. P1, период 1 | | | 3890±80 | | 2555–2285 2573–2058 |
| 20. | MC 1726 | Холм A, пом. P2, под полом 9, период 1 | | 3875±95 | | 2440–2160 | 2580–2036 |
| 21. | MC 1727 | Период 1 (4?) | | 3570±95 | | 2145–1760 | |
| 22. | NY 425 | Холм A, пом. P2, очаг 2 на полу 9, период 1 или 2 | | 4040±100 | | 2865–2525 | 2882–2284 |
| 23. | NY 430 | Холм A, пом. P2, пол 8 (AI), период 1 | | | 4075±95 | | 2880–2555 2887–2341 |
| 24. | MC 2445 | Холм A, слой 3, пом. 1, период 2 | | 3890±80 | | 2555–2285 | 2573–2058 |
| 25. | MC 1728 | Период 2 | | 3975±90 | | 2655–2325 | |
| 26. | NY 429 | Период 2 (1?) | | 4395–160 | | 3365–2890 | |
| 27. | MC 1729 | Холм B, слой 3, под пом. 17, период 3 | | 3620±105 | | 2180–1870 | 2281–1686 |
| 28. | NY 422 | Период 3 | | 3050±250 | | 1585–1040 | |
| 29. | NY 424 | Период 3 | | 3180±335 | | 1885–1035 | |
| 30. | NY 427 | Период 3 | | 3710±100 | | 2320–1955 | |
| 31. | NY 428 | Холм A, пом. 2–3, пол 6, период 2 (3?) | | 4190±125 | | 2950–2650 | 3086–2459 |
| 32. | MC 1730 | Холм B, слой 1, очаг №2 P5, период 4 | | | 3640±95 | | 2190–1880 2281–1742 |
| 33. | NY 421 | Холм B, слой 4, пом 14, период 4 | | 3535±165 | | 2145–1690 | 2322–1446 |

## Таблица 2
## РЕЗУЛЬТАТЫ СУММАРНОГО АНАЛИЗА РАДИОУГЛЕРОДНЫХ ДАТИРОВОК АЛТЫН-ДЕПЕ

| Горизонт | №№ учтенных датировок | Количество датировок | Археологическая датировка | Суммарная калиброванная датировка по программе Calhis Groningen 1.20 (1995), 1б, cal BC |
|---|---|---|---|---|
| 1 | ЛЕ-767, ЛЕ-769, ЛЕ-1097 | 3 | НМЗ V, рубеж III–II тыс. до н. э. | **1900–1825**, 1595–1350 |
| 2 | ЛЕ-2442, ЛЕ-4118, ЛЕ-4119 | 3 | НМЗ V, 24–22 вв. до н. э. | 2870–2580, 1750–1645 |
| 3 | ЛЕ-664, ЛЕ-1519 | 2 | НМЗ V раннее, конец III тыс. до н. э. | 2625–2530, **2100–1955** |
| 5 | ЛЕ-2185 - ЛЕ-2187 | 3 | НМЗ IV среднее, 2500–2400 гг. до н. э. | 2905–2745, **2550–2484** |
| 6 | ЛЕ-2188 | 1 | НМЗ IV среднее, 2600–2500 гг. до н. э. | **2570–2520, 2504–2454,** 2426–2406 |
| 7 | ЛЕ-2184 | 1 | НМЗ IV раннее, 2700–2600 гг. до н. э. | 2850–2824, **2656–2646, 2620–2562,** 2530..2496 |
| 8 | ЛЕ-2175, ЛЕ-2176, ЛЕ-2179, ЛЕ-2181 - ЛЕ-2183, ЛЕ-2437 - ЛЕ-2440 | 9 | НМЗ IV раннее, 2800–2700 гг. до н. э. | 3650–3360, **2930–2885**, 2470–2445, 2330–2160 |
| 9 | ЛЕ-2100, ЛЕ-2705, ЛЕ-2706, ЛЕ-2708, ЛЕ-2972, ЛЕ-2975 - ЛЕ-2978, ЛЕ-2980, ЛЕ-4386 | 11 | НМЗ III позднее, 2900–2800 гг. до н. э. | 3130–3075, **2880–2530** |
| 10 | ЛЕ-4382 - ЛЕ-4385, ЛЕ-4387, ЛЕ-4761, ЛЕ-4762 | 7 | НМЗ III позднее, 3000–2900 гг. до н. э. | **2827–2795**, 2730–2475 |
| 11 | ЛЕ-4763а, ЛЕ-4764 | 2 | НМЗ III, конец IV – начало III тыс. до н. э. | **2915–2825**, 2800–2730, 2660–2570 |
| 11/12 | ЛЕ-1526, ЛЕ-1528, ЛЕ-2501, ЛЕ-2131 | 4 | НМЗ II-III, вторая половина IV тыс. до н. э. | 5225–5075, 4505–4410, 4010–3920, **3420–3330** |

*Ахмад Хасан Дани*

# НОВЫЕ ОКРЫТИЯ В СЕВЕРНОМ ПАКИСТАНЕ И ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ ДАРДСКОЙ КУЛЬТУРЫ

**A.H.Dani (Islamabad, Pakistan). The new discoveries in the North areas of Pakistan and origin of Dardic culture.** At present time we have some new archaeological materials from the North Pakistan with specific traits of the artifact's groups. Some objects have been acquired from different places excavated by local people illegaly. The graves usually have the circular form. Each circle is formed with stone boulders. The groups of artefacts include hand made pottery for example the globular urns containing burnt bones and ashes. No grey pottery has so far been reported. Also present the animal representations – the bronze figurines of ibex, heads of hair pins shows two birds, etc. Ornaments include the handled bronze mirrors, bronze finger rings, the varieties of conch – shells and numerous small beads. We have the number of bronze knife blades, shaft hole axe, iron long sperheads. The new discovery conducted by Nazir Ahmad Khan has produced an entirely different picture from Gandhara Grave Culture. We think that they present a specific group of Aryans – speaking people, the ancestors of the modern Dardic people.

В начале 60-х годов нашего века на территории Северного Пакистана в долинах Свата, Дира, Баджаура и Пешавара были открыты погребальные и поселенческие памятники, хронологически относящиеся ко времени второй половины II – первой половины I тыс. до н.э. Несколько позднее аналогичные комплексы были обнаружены в Читрале и Свате – Кохистане. Так как их географическое положение простиралось в восточном направлении горных районов, ныне покойный профессор Дж.Туччи высказал предположение о возможной принадлежности данных памятников дардскому населению — народу, говорящему на языке, относящемся к числу арийских, и проживающему в северной части Пакистана (Tucci 1977).

Несмотря на тот факт, что отдельные материалы из погребений известны уже более ста лет, систематически они изучались достаточно слабо и поэтому мнения исследователей в вопросе их культурной принадлежности существенно различаются. Г.Т.Вигн был первый, кто в 1842 г. записал информацию о древних погребениях, расположенных в долине Астора. Позднее, в 1880 г. Джон Бидульф сообщил об «удивительных каменных плитах глубокой древности», обнаруженных им в долинах Вуршигума и Кхо, а также Чаши и Ясина. В некоторых местах Бидульф обследовал сложенные из каменных валунов круги и назвал их мегалитами – термином, которым в то время пользовались весьма часто. Научный интерес исследователей, таких как Аурел Стейн и профессор Карл Йеттмар, собиравших бронзовые, железные, а также золотые и серебряные изделия, охватывал широкую географическую область от долины Кандия на западе до Ясина и Ишкумана на востоке. Профессор Карл Йеттмар опубликовал прекрасную бронзовую фигурку горного козла — ибикса, хорошо известного в данной местности (Jettmar 1961). Аурел Стейн в одной из своих работ поместил иллюстрации двух бронзовых находок (Stein 1944). Одну из них он назвал «ритон кентавра» — это чаша с наклонными сторонами на подставке в виде кентавра, схватывающего горного козла. Вторая находка — маленький сосуд, отлитый из бронзы, с цельными круглыми ручками по краям и зооморфным носиком (рис. 1: 1). Обе находки происходят из Имита, расположенного в долине Ишкумана. Ф.Х.Эндрюс отметил: «Верхняя часть кентавра напоминает некоторые из хотанских терракот, где также делались гротескные головы и шеи животных, выступающих сбоку странных маленьких сосудов». Аурел Стейн неверно определил их хронологические рамки, утверждая, что, «в целом, данная композиция, несомненно, отражает эллинистическое влияние». Позднее он высказал следующее соображение: «Трудно допустить, что данные вещи могли быть найденными в далеком Гиндукуше только благодаря древней торговле с западом или с эллинистическим Ближним Востоком. Скорее всего, их делали на нижнем течении Инда, где, как известно, найдены греко-буддийские скульптуры из Гандхары и модели эллинистического исскуства были уже доступны в то время» (Stein 1944). Такие идеи не соответствовали действительности, так как мы никогда не находили подобные изделия в Гандхаре.

Кроме этого, Аурел Стейн опубликовал несколько ювелирных украшений — случайных находок из Ясина, но неудачно связал их с бронзовой фигурой Бодисаттвы, которая была най-

© Дани А.Х., 1999.

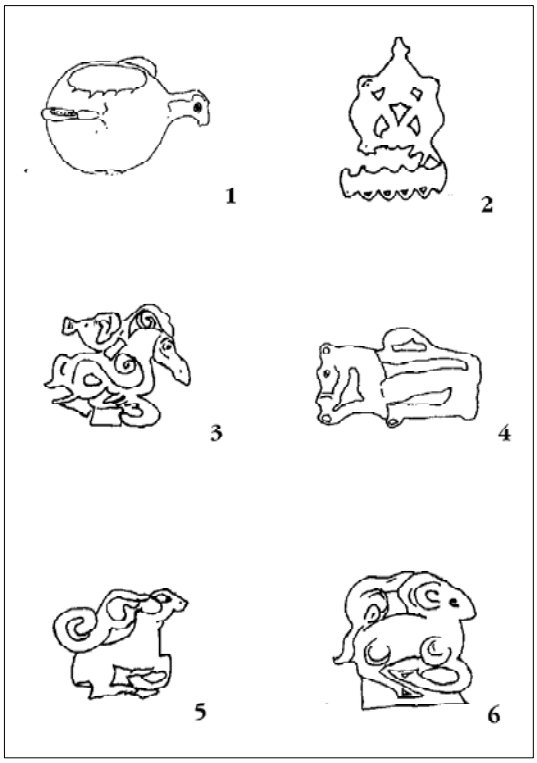



*Рис. 1. Изображения животных.*

дена здесь же и, таким образом, датировал эти украшения ранними веками нашей эры. В число украшений из Ясина входили кольца, серьги, заколки для волос, а также несколько круглых и квадратных предметов с узорчатыми мотивами. Заколки из коллекции Стейна представляют тот же тип, что и недавно обнаруженные в Северном Пакистане. Сэр Аурел Стейн сопоставил их с материалом из погребений, раскопанных в долине Дарела, опубликованном им в книге «Сокровенная Азия» (Stein 1928).

Впоследствии круг случайных находок был дополнен профессором Карлом Йеттмаром, проведшим профессиональное изучение некоторых медных и бронзовых топоров, а также предметов утвари и жезлов, найденных у Маникаяла и Шумари в долине Дарела. Среди этих находок есть два весьма интересных предмета – это проушной топор (рис. 3: 2) и узкий проушной топор с плечом и округленной вершиной. Наибольшую ценность для нас представляет цапфовый топор западного типа из Дарела, который по своей внешней форме напоминает топор, найденный в районе Халозана долины Куррама (рис. 3: 3). Распространение топоров данного типа, по мнению различных исследователей, следует связывать с миграционными передвижениями арийских племен. Профессор Карл Йеттмар отметил, что «распространение топоров западного типа с цапфами в Северном Пакистане указывает на проникновение кавказских элементов в степь, на Памир, и далее в Гиндукуш и Каракорум». Все эти находки являются случайными и в хронологическом плане относятся ко II тыс. до н.э. Следует однако особо подчеркнуть, что население, в культурной среде которого бытовали эти предметы, отличалось от древних жителей данной местности, делавших наскальные изображения и обитавших здесь в течении долгого времени. Это древнее население, появившееся на территории Северного Пакистана задолго до арийцев и этнически отличное от них, продолжало свою жизнь здесь даже после прихода последних.

Осенью 1980 г. итальянская археологическая экспедиция проводила обследования в долине Дарела, где производился осмотр древних укрепленных крепостей в Гаяле, Фугуше, Гомери и Маникаяле (Sebastian 1985). В ходе работ в некоторых районах были обнаружены погребальные комплексы. В Маникаял Паяне, прямо на территории старого городища, возвышающегося на холме, открыт древний могильник, в погребениях которого найдены сосуды внушительных размеров. В одной из могил размещалась большая погребальная урна, закрытая плоской каменной крышкой, внутри которой заключались обоженные кости и пепел. Урна представляет собой сосуд сферической формы, с широким и плоским верхним краем. На ее внешней поверхности нанесены штампованные отпечатки звезд и другие изображения. Основание урны не имеет определенной формы и очень маленькое. Следует отметить, что данный тип погребальных урн не известен в Гандхаре. В той же могиле найдены сосуды меньших размеров с веревочным орнаментом, нанесенным по внешней стороне тулова.

При определении культурной атрибуции данных археологических комплексов существовало мнение, что они принадлежат древнеарийскому населению, известному нам как «культура погребений Гандхары». Однако новые окрытия, сделанные Назир Ахмад Ханом из Отдела археологии при правительстве Пакистана показали, что данные погребения принадлежат иной группе арийцев, которые, по всей видимости, являются не кем иным, как древними предками современных дардов.

В 1994 – 95 годах Назир Ахмад Хан проводил археологическое обследование в долине Тангира. В местечке Шомари он исследовал три погребения, каждое из которых было обложено огромными валунами. В 1996 – 97 годах он раскопал еще три аналогичных погребения в Дуран Соре, расположенном в полукилометре от Даена, близ Чатурканда в долине Ишкумана. Погребения подобного типа были обнаружены по всей территории Северного Пакистана, начиная от долины Кандия, через Тангир, Дарел и Газ до восточной части Чиласа близ Гаухарабада, около Наупура в Гилгите и далее близ Султанабада за Даниером, выходящего к Номалу. Данные погребения открыты на берегу реки Гилгит возле Широта, на северной ок-

раине поселения Бубур и далее в нескольких километрах вверх по течению у Гуруңджара. В верхнем Гакуче обнаружены погребения с большим количеством бус. Около Хатуна погребения расположены к северу от надписи, в свое время открытой Аурелем Стейном. Кроме этого, они были найдены на пути к Даену и Чатуркандy. На верхних террасах реки, в местечке Дуран Сор, погребения располагаются в два ряда. Здесь были проведены новые раскопки.

Таким образом, в настоящее время перед нами достаточно широкая территория, где имеются погребальные комплексы бронзового и железного веков. Данная территория охватывает практически весь Северный Пакистан, в наши дни заселенный дардским населением. Мы практически не сомневаемся в том, что эти погребения оставили после себя древние предки современных дардов. Однако данная группа арийцев этнически отличается с одной стороны, от древнего местного населения — изготовителей наскальных рисунков, а с другой, от тех арийцев, которые проникли в Сват, Дир, Баджаур, Пешавар, Таксилу и даже за реку Джелам.

В Дуран Соре погребения располагаются двойным рядом на склоне холма. Каждое захоронение представляет собой круглую в плане могилу, сложенную из каменных валунов. Вход находится с юго – западной стороны погребения. В средней части могильной ямы лежит скелет с погребальным инвентарем, в состав которого входят топоры с цапфами, браслеты, кольца, заколки, лопаточки для сурьмы, раковины, бусы, а также лепная керамика.

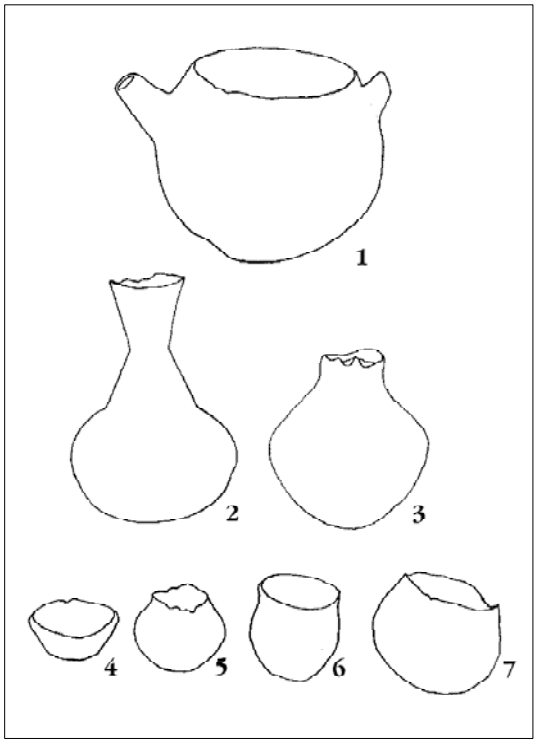



*Рис. 2. Керамика.*

Особое место среди находок занимает материал, нелегально раскопанный местным населением. Подобного рода нелегальные раскопки проводятся в большом масштабе без какого-либо контроля со стороны правительства. Вещи, добытые из раскопанных погребений, распродаются иностранцам, поэтому нам в ходе работ приходилось скупать их у местного населения, чтобы обладать хорошим материалом. Следует сказать, что весь материал, приобретенный нами таким образом, также полностью отличается от материальных комплексов «культуры погребений Гандхары» и, стало быть, относится к отличной группе арийских племен. Уникальными находками являются найденные в погребениях раковины, которые можно сопоставить с раковинами – каури, используемых в качестве украшений женщинами Калаша в Читрале. Таким образом, материал из погребений информирует нас о своеобразной культуре древнего дардского населения в Гилгите – предках народа, живущего в наши дни в северных районах Пакистана, в том числе в Читрале.

Важным открытием является серия лепной посуды нового типа. В одном из погребений Маникаял Пайяна мы обнаружили большую шарообразную урну, внутри которой находились пережженные кости и пепел. В том же погребении размещалась еще одна урна меньших размеров. Внешняя поверхность урн красного цвета. Из другого захоронения происходят два сосуда с длинными отогнутыми горловинами (рис. 2: 2, 3). Горловина одного из сосудов отбита. Интересной находкой является плоскодонный сосуд с ручкой и носиком – сливом (рис. 2: 1). Еще одну группу посуды составляют четыре сосуда различных форм. Все они круглодонные, кроме одного, который имеет плоское дно (рис. 2: 4 – 7). Кроме этого, были найдены два круглодонных сосуда и плоскодонная ваза с узким горлом. Внешняя поверхность всех сосудов имеет красноватый оттенок. Серой посуды нет совсем.

Помимо керамической посуды имеется один бронзовый сосуд — ваза больших размеров с ручкой, найденная в Пуньяле.

Кроме всего, для данного археологического комплекса характерны изображения животных. В большинстве случаев, образы животных представлены стилизованными изображениями горного козла — ибикса, но известны и изображения других животных. На рисунке 1 показан вылитый из бронзы горный козел, найденный в долине Кандия, расположенной в индийском Кохистане (рис. 1: 3). Ниже показаны два изображения горных козлов, найденных на Памире (рис. 1: 5, 6). Профессор Карл Йеттмар отнес эти изображения к скифскому стилю, но в целом, их можно сопоставить с изображениями горных козлов, найденых нами в ходе недавних археологических работ. Замечательными находками являются навершия бронзовых заколок

для волос. Одно из наверший сделано в виде двух птиц, расположенных в профиль по бокам от стоящего человека (рис. 1: 2). Прекрасной находкой представляется бронзовое комбинированное изображение сидящего животного (возможно, льва с головой коня) с загнутым хвостом, найденное в Даене (рис. 1: 4). В число изделий из бронзы входят несколько ножей без рукояток, один из которых имеет зазубренное лезвие.

Наряду с бронзовыми предметами было найдено небольшое число изделий из золота — две ушные подвески, четыре бусины, два кольца и четыре обкладки. Среди золотых и серебряных украшений, найденных Аурелем Стейном в Ясине, есть кольца, булавки для волос и отдельные их навершия, ушные подвески, подвеска в форме сердца и прочее. На рис. 4: 1 показаны семь разнообразных по форме бронзовых пряжек, обнаруженных в ходе недавних археологических работ в Северном Пакистане. Для убранства местное население использовало круглые бронзовые зеркала с ручками (рис. 4: 2).

Браслеты имеют несколько разновидностей – одни с головами животных, другие с изгибом в одну сторону, но большинство простой формы. Наряду с целыми браслетами, мы нашли несколько сотен фрагментов сломанных. В некоторых местах найдены бронзовые кольца различных размеров. Важно подчеркнуть, что в погребениях были обнаружены все без исключения типы украшений. Среди прочих находок присутствуют разнообразные заколки для волос с зооморфными и декорированными навершиями, в том числе и навершия в виде горных козлов. Простые заколки для волос венчают плоские, вытянутые или круглообразные навершия. Почти все они с кольцевыми ободками под шляпками.

В погребениях также найдены лопаточки для сурьмы, имеющие острые концы для лучшего нанесения раствора на глаза. Некоторые лопаточки сделаны в форме гантелей, часть из них с отверстиями, назначение которых остается непонятным. Данный тип лопаточек хорошо известен в транс – памирском регионе. Кроме этого, нами были обнаружены разнообразные бронзовые стержни с навершиями в виде стрелок с треугольными либо изогнутыми краями. Каждый стержень имеет отверстие на одной из своих сторон, что свидетельствует о том, что их использовали в качестве украшения, вероятно, в виде подвески. Также есть стержни с навершиями в виде наконечника стрелы, большинство из которых были найдены в сломанном виде. Вполне возможно, что их тоже использовали в качестве украшений.

Среди всего количества украшений особый интерес для нас представляют найденные в погребениях разнообразные раковины и многочисленные маленькие бусы, сделанные из раковин. Хотя они отличаются от раковин — каури, которые в настоящее время используются в виде украшений женщинами Калаша в Читрале, они говорят нам о том, что в данной местности женщины пользовались раковинами еще во времена бронзового века. Многочисленность находок маленьких бус создает впечатление, что они были популярны не только у женщин, но и у мужчин. Раковины имеют форму блюдца и, по всей видимости, такая форма придавалась им специально для того, что бы использовать их в качестве украшения.

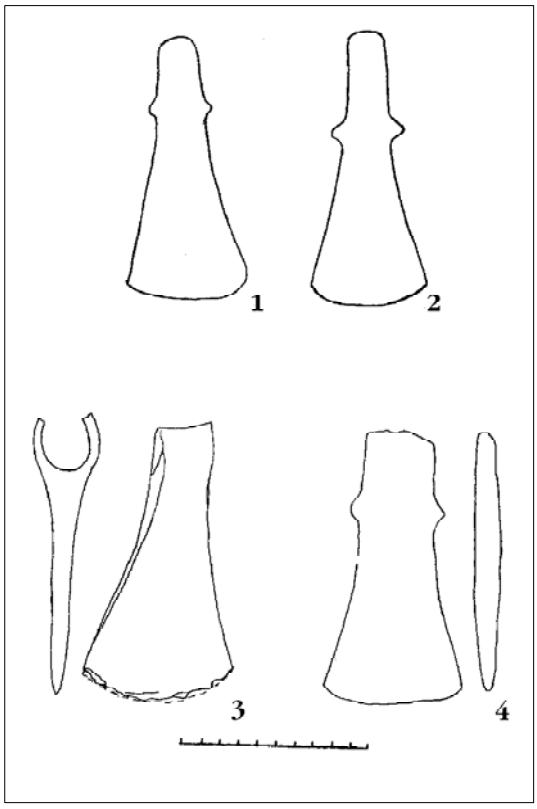



*Рис. 3. Топоры.*

Особую серию находок составляют разбитые маленькие сосуды, один из которых имеет два отверстия в середине, и четыре терракотовых колесика с одним отверстием в центре. Данные находки показывают, что местному населению вероятно был известен гончарный круг, хотя нам и не удалось обнаружить здесь гончарной керамики. Кроме этого, мы нашли один хрустальный и два бронзовых маленьких диска с отверстиями в центре и несколько ожерелий из бус. Большей частью бусины сделаны из раковин. Известны несколько бус круглой формы из камня. Некоторые из них очень маленькие, типа бисера, а некоторые немного побольше. На одно ожерелье нанизаны бочонкообразные бусы из сердолика вместе с бусами меднокрасного цвета. Очевидно, что бусы из сердолика являются привозными. Данная разновидность бус имела весьма широкое распространение, начиная со времени появления

древнеиндийской цивилизации. По всей видимости, северные районы Пакистана играли важную роль в торговом импорте сердолика из Бадахшана в более южные области.

Наличие большого числа блюдцеобразных раковин, из которых местное население делало украшения, говорит нам о том факте, что существовал особый спрос на раковины данной формы. По всей видимости, их собирали на берегах местных рек или получали с помощью обмена. Обработка производилась, вероятнее всего, здесь же. Как уже было сказано выше, данный тип раковин отличается от раковин — каури, используемых в настоящее время женщинами Калаша. Раковины — каури очень маленькие, сейчас их добывают со дна моря. Предки же современного дардского населения, как мы могли убедиться, делали ожерелья из раковин другой разновидности. Кроме того, в качестве украшений они использовали предметы вооружения, таких например, как наконечники стрел и дротиков. Данные типы вещей ни разу не были найдены в сотнях погребений, раскопанных нами в Свате, Дире, Баджауре и Пешаваре. Следовательно, производители этих предметов отличаются от арийцев, обитавших в данных регионах. Их изготовляли, скорее всего, предки населения, заселяющего в настоящее время северные районы Пакистана. Так как многие из предметов, найденные здесь, имеют параллели на Памире, есть основания полагать, что древние обитатели здешних мест были культурно связаны с населением Памира, а возможно и мигрировали оттуда. Быть может, они имели родственные связи с древними жителями Тохаристана.

Наиболее информативными находками из числа бронзовых изделий являются топоры и различные виды орудий труда, найденные в погребениях. Часть из них относится к эпохе бронзы, другая к более поздним периодам железного века. Проушной топор с немного изогнутым лезвием найден у Маникайала в долине Дарела (рис. 3: 4). Топоры такого типа присутствуют в самом верхнем слое поселения Мохенджо — Даро, однако в нижних слоях поселений древнеиндийской цивилизации они не известны. Доктор Рафик Мугхал комментирует: «Проушные топоры, аналогичные найденным в Дареле, имеют связь с позднехарапской цивилизацией, например, времени Джукар поселения Чанху Даро в южной Индии. Сопоставимые с ними типы топоров, которые датируются концом II – началом I тыс. до н.э., встречаются также в персидском Макране и около Шахи Тампа в южном Белуджистане» (Mughal 1985). Кроме этого, в местечке Шалозан в долине Курамма был найден топор с цапфами (рис. 3: 4), который имеет типологические связи с топорами, известными в Средиземноморье, Европе, Кавказе и Северном Иране. Профессор Хейне – Гелдерн связал данный тип топора с миграционными процессами арийских племен. Обычно этот тип топоров датируется с 2000 г. по 900 г. до н.э. Не так давно один экземпляр такого топора мы получили из Дарела. Второй экземпляр был найден при раскопках в Дуран Соре (рис. 3: 2), а третий нам удалось приобрести у одного из местных торговцев (рис. 3: 1). Все эти топоры имеют немного изогнутое лезвие и вытянутую ручку с цапфами на каждой стороне. Разновидность таких топоров известна в Синьцзяне и других областях Китая.

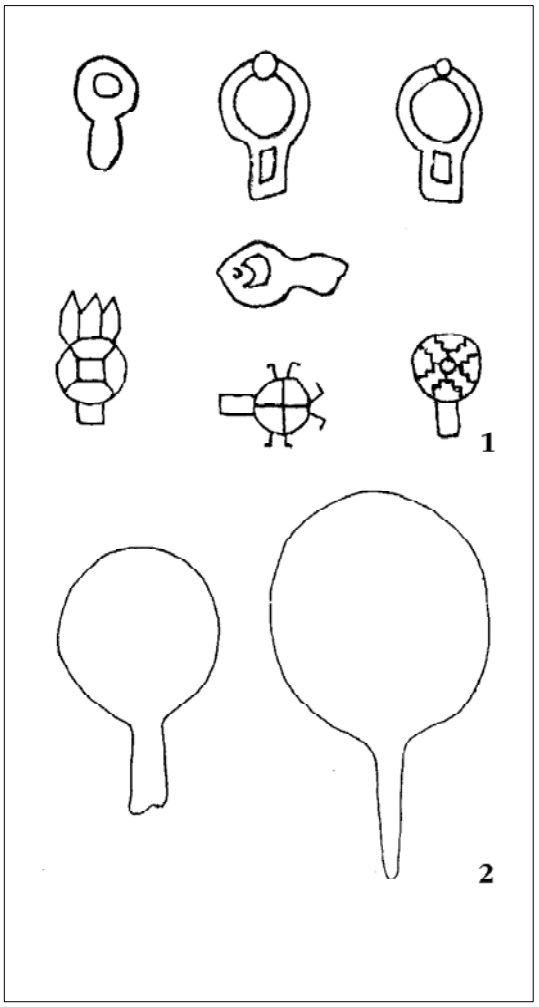



*Рис. 4. Пряжки и зеркала.*

Изделия из железа были собраны в долине Газа близ Гаухарабада на пути из Чиласа в Гилгит. В их число входят один длинный наконечник дротика с резко выраженным средним ребром и длинной втулкой для насаживания на древко; треугольные, а также изогнутые наконечники стрел с длинными хвостовиками; чеканы различных размеров с прямыми или изогнутыми лезвиями и плоскими навершиями; большое число втульчатых наконечников дротиков; различные типы ножей, куда входят ножи с длинными ручки; сломанные браслеты всех размеров; заколки с различными видами наверший. Кроме этого, имеются многочисленные

обломки железных предметов, проржавевших настолько, что определить их первоначальный облик затруднительно. Как видно, изделия из железа включают в себя орудия труда, оружие и украшения. Данные находки могут быть датированы I тыс. до н.э.

Погребальный инвентарь из северных районов Пакистана, как и сами типы погребений, обнаруженные здесь, можно выделить в разряд уникальных. Погребения, имеющие каменные круглые выкладки вокруг могильных ям или выстроенные из огромных каменных глыб, нельзя назвать мегалитами в том смысле, в котором мы понимаем этот термин. Данные памятники, по нашему мнению, являются погребениями древних арийцев, которые пришли сюда во II тыс. до н.э. Изделия из металла, а также украшения из раковин, найденные в погребениях, позволяют нам отличать это население от арийцев, которые сооружали свои погребения в Свате, Дире, Баджауре и Пешаваре. Блюдцеобразные раковины являются наиболее отличительной категорией материальных комплексов и локализуют это население в северной части Пакистана. Многие признаки указывают на культурные связи с населением транс – памирского региона. Присутствие в материальной среде изображений горного козла – ибикса и животного с туловищем льва и головой коня указывает на культурные связи с транс – гималайским регионом. Хотя научное изучение данных комплексов большей частью основано на случайных находках, они весьма информативны и позволяют нам сделать заключение, что строители этих погребений являются ни кем иным, как предками современного дардского населения, проживающего в северных областях Пакистана. Однако, их следует отличать от местного древнего населения, чьи наскальные рисунки известны здесь в большом числе. Пришлые арийцы были оседлым народом и весьма хорошо знали способы возделывания почвы и строительство. По всей видимости, они мигрировали сюда из транс – памирского региона и, следовательно, состояли в культурном родстве с арийскими племенами севера. Возможно даже, что они имели некоторую связь с древним тохарским населением.

ЛИТЕРАТУРА

Dani A.H., 1983, Chilas. The sity of Naga Parvat, Islamabad

Dani A.H., 1989, History of the northern areas of Pakistan, Islamabad

Jettmar K., 1961, Bronze axes from the Karakorum: Results of the 1958 expedition in Azad Kashmir, Proceedings of the American Philosophical Society, vol.105

Mughal M.R., 1985, The significance of some pre- and protohistoric discoveries in the Karakorum region, Jornal of Central Asia, vol.VIII, no.2, Islamabad

Sebastian, 1985, An archaeological survey in Darel, Jornal of Central Asia, vol.VIII, no.1, Islamabad

Stein A., 1928, Innermost Asia, Oxford

Stein A., 1932, Note on a find of ancient jewellery in Yasin, Indian Antiquary, no.61

Stein A., 1944, Archaeological notes from the Hindukush region: Hellenistic bronze vessel from Ishkuman, Jornal of Royal Asiatic Society, London

Tucci G., 1977, Dh. Swat. The Dards and connected problems, East and West, v. 27, № 1 – 4

## РЕЦЕНЗИИ

*Клейн Л.С.*

# ФИЛОСОФИЯ КЛАССИФИКАЦИИ И АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА В КНИГЕ АДАМСОВ

**Теория и практика.** Книга братьев Адамсов, археолога Уильяма и философа Эрнеста, «Археологическая типология и практическая реальность» (Adams and Adams 1991) вышла одновременно с полным русским изданием моей книги «Археологическая типология» (Клейн 1991), так что они не могли его прочесть, если бы даже и владели русским языком. Но более краткое (и скверное) английское издание, вышедшее десятью годами раньше (Klejn 1982), они читали и оценили положительно. В их книге много позитивных ссылок на страницы моего труда, ссылок в подтверждение их идей. Я благодарен авторам за высокую оценку моего труда. Тем не менее, читая их труд, я ощущал чаще несогласие, чем согласие, и дивился тому, как умело были выбраны из моей книги только те места, в которых я говорил нечто подходящее Адамсам, и обойдены все основные положения, в которых мы кардинально расходимся. Впрочем, это их общий подход к предшествующей литературе – везде отмечено только то, что «предуготовляет» Адамсов.

Из братьев Адамсов Уильям получил специальное образование не археолога, а этнолога, но затем 30 лет участвовал в спасательных раскопках разнородных памятников и приобрел обширную практику. Другой брат, философ Эрнест, пройдя увлечение логическим позитивизмом и постпозитивизмом, а затем «историзмом» Т. Куна, пришел к взглядам герменевтического толка. Философу принадлежат в книге всего 3 главы (12, 21 и 26), расположенные в конце каждой из трех последних частей книги. В них он дает философское обоснование археологическим выкладкам брата. Да еще главу 1 братья писали вместе. Остальное сделал археолог Уильям Адамс, который много лет занимался классификацией керамики и других археологических объектов. Он пришел к основным выводам по классификации еще до той встречи с братом, на которой решено было написать книгу совместно, поскольку взгляды на проблему классификации совпали. Так что создателем концепции археологической классификации Адамсов мы вправе считать У. Адамса, а философ Э. Адамс лишь придал ей философское обоснование (а своему брату-археологу – смелость).

26 глав книги распределены по 5 частям. Первая часть – вводная. В ее двух главах излагаются отправные позиции и формулируются те 24 тезиса, которые затем развернуты в остальных главах. Во второй части (гл. 3 – 8) описываются параметры и элементы типичности, рассматриваются основные понятия и раскрываются термины «классификация» и «типология». Третья часть посвящена типологии в действии – здесь в главах 9 – 11 археолог У. Адамс рассказывает о том, как на практике создавалась его классификационная схема, а в гл. 12 его брат обосновывает с точки зрения философии науки правильность этого пути. Часть четвертая («прагматика археологической типологии») трактует некоторые технические вопросы построения классификаций, а в завершающей эту часть гл. 21 эти трактовки получают философское обоснование. Часть пятая озаглавлена «Классификация, объяснение и теория» и носит историографический характер. Здесь с достигнутых позиций излагается «типологическая дискуссия» (Typological Debate), шедшая в англоязычной литературе, и в конце этой части опять же подведен философский итог в гл. 26.

Братья всё время подчеркивают, что концепция их выросла из практики, нацелена на обслуживание практики и мало задается теоретическими проблемами, обычно далекими от практики. Дж. Бру считал, что в археологическом классифицировании практика не соответствует теории, Адамсы видят беду в другом: теория не отвечает задачам практики (с. 305).

По мнению Адамсов, литература по археологической классификации слишком теоретизирована. Все эти теории поданы как программы действий, изложены доктринерски и крайне удалены от практических занятий археологов. Они стремятся изобразить, какой должна быть классификация вместо того, чтобы изображать, какова она есть (Вводн.). Называя свою книгу «этнографией археологической классификации» (с. XVII – XVIII), авторы, очевидно, хотят

© Клейн Л.С., 1999.

представить ее как картину научной действительности – констатацию того, как археологи на деле классифицируют материал. Но ни одной конкретной классификации, кроме собственных классификаций У. Адамса, в книге не разобрано. Вся книга выглядит как описание, анализ и обоснование классификационной практики одного полевого археолога, очень опытного и способного, но одного. Это не «этнография археологической классификации», а биография методы У. Адамса.

Вопреки филиппикам Адамсов против теории, на деле книга их сугубо теоретична, даже скорее философична, пропитана одной умозрительной доктриной и поэтому очень трудна для понимания и усвоения практиками.

Трудность восприятия в значительной мере усиливается чрезвычайно своеобразной терминологией. Исходя из полного игнорирования теорий, построенных до них, Адамсы не считают себя связанными принятой терминологией и освобождают себя от обязанности как-то с ней считаться. Авторы не пытаются установить, какие термины наиболее прижились в обиходе, не выясняют, которые из них соответствуют употребительным понятиям, а смело вводят собственную терминологию. Но при этом они не изобретают новых терминов для новых понятий, а используют старые термины – «классификация», «типология», «таксон», «диалектика», – придавая им новые значения. Это совершенно недопустимая операция, способная внести только путаницу.

**Объективность и условность.** В первой же главе Адамсы решительно отвергают требования, чтобы типология была объективной, то есть соответствовала исчезнувшей реальности. По их мнению, она неизбежно *субъективна*, поскольку исчезнувшую реальность возродить нельзя, да и современная реальность лишь содержит связи, а границы всё-таки нарезает исследователь (4 – 16, 76 – 88). Они не доказывают этот взгляд, как и многие свои постулаты (или доказывают их далекими аналогиями и философскими рассуждениями). Субъективность типологии кажется им наглядно очевидной.

Состоятельность же ее обеспечивается с их точки зрения *интерсубъективностью*, то есть хорошими совпадениями с другими субъективными типологиями. Некоторые исследователи принимают такие совпадения за доказательство реальности типов. Но, по Адамсам, и эти совпадения не доказывают «естественность» типов и «реальность» выделенных ячеек. В пояснение они приводят анекдот о рефери бейсбола. Возмущенный нападками на свое судейство боковой судья сказал: я сужу голы, как я их вижу. Другой, постарше, возразил: а я сужу, как они есть. На это старый и авторитетный главный судья ответствовал: все они ничто, пока я их не определю (с. 201).

Симпатии Адамсов явно на стороне главного судьи, но выбор их слишком ограничен. Не будем упоминать массу публики, которая всё видит и по-своему судит об объективности главного судьи. Можно и публику признать пристрастной. Но есть фото- и кинофиксация голов, есть замеры, сделанные приборами. Аналогично в археологии есть разные проекции одних и тех же данных, есть их фиксация разными средствами. Если они совпадают, то трудно отделаться от убеждения, что мы имеем дело с реальностью.

У Адамсов этого убеждения нет, и они не считают его правомерным. По их мнению, археологи просто трактуют свои типы как реальность, чтобы придать им легитимность (с. 86), а в этом нет надобности. Это и вообще не проблема, достойная внимания. Есть ли естественные типы в материале или нет, но «открывать» их, считают Адамсы, невозможно. Смысл типологии – не в них. Важно, чтобы наши типы служили каким-то целям – хронологии, картографии, или хотя бы конденсированию информации. И чтобы цель эта была у каждой данной типологии одна. Типология – это наш инструмент познания. Как инструмент она должна соответствовать цели исследования, ведь для разных целей необходимы разные инструменты. Следовательно, она релятивна – значима лишь относительно цели, а не относительно какой-либо теории. Сами по себе классификационные понятия – не теория, а только орудия, инструмент, алфавит (с. 312 – 313).

Вопрос, однако, в том, какие типы могут служить исследовательским целям, каким именно целям и почему. Распределить во времени и на карте можно и условно нарезанные ячейки, хотя ячейки, совпадающие с реальными границами, дадут более четкие ареалы на карте и хронологию. Но для исследования социальных организмов, этносов, миграций, влияний, торгово-обменных связей нужны ячейки, как можно более близкие к реальности.

Вообще Адамсы не выдвинули аргументов, более сильных и полных, чем Бру, Форд и Мальмер, а те уже были критически рассмотрены мною. Философская концепция Адамсов в археологическом выражении повторительна и более декларативна. Ее центр тяжести лежит не в археологии, а в философии.

**Классификация и типология.** Авторы признают очень важным различение классификации и типологии. Я тоже это признаю. Но дальше наши пути расходятся. Я стараюсь выявить в реальной исследовательской практике основания для такого деления, увидеть их в особенностях материала, а затем проследить, как в истории нашей науки на протяжении около двух веков формировались два вида группирования, к которым и прилипли эти два термина и которым в силу ряда связей и ассоциаций они сейчас подходят более всего (хотя есть и другие их употребления). Адамсы же поступили ина-

че. Они провозгласили свое понимание, наиболее удобное им для реализации их концепции.

В полном соответствии с положением об условности и инструментальности классификации они исходят не из реальных свойств материала, а из характеристики мышления исследователя. Их исходный пункт – логическая абстракция «*категория*», т. е. понятие, которое обобщает впечатления об отдельных схожих вещах или явлениях и сводит их воедино под одним языковым ярлычком. Иерархически упорядоченная сеть категорий и является *классификацией*. *Классы* – это категории с дополнительными чертами членства в формальном ряду.

*Типология*, по Адамсам, есть разновидность классификации. Это классификация, предназначенная не только для организованной категоризации явлений, но и для сортировки реальных вещей, артефактов, для разбивки их на дискретные группы. Категории в ней становятся ячейками для *сортировки* вещей (с. 39 – 49), образуя *типы*. Классификация – это создание категорий, а типология – сортирование по ним вещей. Первое связано с *дефинициями* типов, второе – с *атрибуцией* вещей по типам и, следовательно, с *дифференциацией* вещей. Классификация может и не иметь цели, типология всегда имеет какую-то цель. Чтобы сортирование было возможным, к типологии предъявляются дополнительные требования по сравнению с классификацией: система ячеек должна быть всеохватывающей, а сами ячейки – взаимоисключающими. (с. 47 – 49).

Итак, классификация, по Адамсам, это систематизированная категоризация, то есть чисто логическая и языковая операция, а типология – это реальное упорядочение вещей, т. е. *классификация в обычном смысле*. Иными словами, реальные явления, достойные по традиции именоваться этими терминами («классификация», «типология»), у Адамсов не выявляются, а термины используются произвольно для наименования уровней процедуры группирования: более общий назван классификацией, частный – типологией. Зачем понадобилось такое переименование? Зачем столь важный статус придан делению на эти два уровня, остается лишь догадываться. Возможно, чтобы отнести строгие критерии, необходимость дефиниции и т. п. к более общему уровню и освободить частный для реальных неувязок «нубийской типологии» Адамса – для отсутствия строгих дефиниций, невозможности определить, что есть тип... А слово «типология» использовано именно в таком значении скорее всего вот почему. Археологи чаще говорят о типах, чем о классах. Не разбирая причин этого, У. Адамс решил, что свои группировки лучше назвать «типами», а избранную модель классификации – «типологией». Оба Адамса совершенно не задавались целью выяснить, что исторически ассоциировалось со словами «тип», «типический».

Из своей раскладки классификации и типологии Адамсы извлекли возможность утверждать, что типы никогда не дефинируются («парадокс дефиниции»: с. 64 – 66), что практически *дефиниции* для них заменяются *описаниями*. Они считают, что в отличие от классов типы обычно генерируются дифференциацией, а не дефиницией. И невозможно указать, что есть тип: критерии типического не унифицированы.

Однако в реальной практике археологи неизбежно сталкиваются с проблемами, которым я-то и отвел наименование типологии. Адамсы не могут игнорировать эти реальные проблемы. Они пишут и о *политетической классификации*, и о *размытых множествах*, и о *взаимоналожениях границ* типов. Но как они решают эти проблемы, оставленные у них без специального обобщения и обозначения?

Если для типологии нечто надо классифицировать, то надо классифицировать всё, – неоднократно повторяют они. Но, продолжают они, *критерии* дифференциации сдвигаются в процессе работы. Когда уровень за уровнем сортируешь вещи, то на каждой стадии непременно остается осадок, который не поддается распределению по ячейкам. Он требует новых критериев (с. 66). Еще Гексли говорил: «У вида нет одного-единственного критерия». По Адамсам, политетизм – следствие постепенности хода дифференциации при создании типологии (то есть Адамсы относят его не к свойствам материала, а к особенностям исследовательской процедуры). И они вполне логично сетуют: все эти вещи нарушают формальную логику, но мы не можем без них обойтись. Однако, резонно замечают они, это не отвечает на фундаментальный вопрос: почему необходимо политетическое группирование? (с. 70).

Ответ Адамсов – всеохватность и инструментальность типологии – сведен к тавтологии: осадок остается, потому что классификация всеохватна, то есть включает и осадок; границы прошли так, потому что мы их так провели... По сути, у Адамсов нет ответа, и они стараются растворить вопрос в общих рассуждениях о сложностях гуманитарного понимания.

Ведь типы в трактовке Адамсов – идеализированные ячейки с *резкими* границами. По определению, нормы типов должны *взаимоисключаться*. Но в реальности наблюдается нечто другое – размытые множества и взаимоналожение ячеек. Самые четко ограниченные типы, по неожиданному признанию авторов, оказываются самыми искусственными (с. 280). Но это значит, что самые размытые должны быть, наоборот, самыми естественными. Аттрибутирование, подведение под тип – самое трудное во всей классификации, признают Адамсы, ибо практически типы формируются по своим ядрам, а не границам, по целым сосудам, а не

черепкам (с. 200). И Адамсы принимают, что определение типа должно перечислять не только нормы, но и отклонения. Однако, сетуют они, эта теория дала мало археологу-практику: трудно находить меру связи вещей (трудно не значит невозможно). Любая процедура не годится, уверяют они. Археолог хочет трактовать типы как обычные множества, даже если знает, что они размытые! (с. 73).

Да, это реальная проблема – необходимость перехода от реальных и диффузных типологий, с которыми почти невозможно работать (разве что построить типологический ряд), к жестким, но искусственным классификациям, по которым легко составлять таблицы сопряженности и карты («типологии» и «классификации» здесь не в том смысле, что у Адамсов). Для этого я и вводил различие между классификацией и типологией (Клейн 1987; 1991: 245 – 246), соответствующее их традиционному именованию. У Адамсов эта проблема повисла в воздухе.

Единственное, что они могут тут предложить, это отказ от строгой логики: «обычно логические типы непрактичны и на деле приходится пользоваться *обиходной логикой (logic-in-use)»*. Ее правила Адамсы разумно предпочли не формулировать. «Мы часто знаем, – завершают они, – что наши типы работают, не зная, почему они работают... Но ошибочно считать, что мы должны быть способны дать теоретическое обоснование для наших типов» (с. 74). В оправдание приведены ссылки на то, что и в физике законы не совсем ясны, но это не мешает нам ими пользоваться.

Оправдание никуда не годное. В физике не вполне ясна природа законов, но ясно, что это законы, их регулярность установлена и описана. Поэтому мы можем их спокойно применять, не взирая на неясности. А если классификация непонятно почему удачна, то мы не можем с гарантией повторить ее столь же удачно в новых условиях, с другим материалом, не можем уверенно сделать другую классификацию столь же удачной.

**Прозрение против доктрины.** У. Адамс – не только отличный археолог-полевик, но и очень проницательный теоретик. Его статьи по вопросам теории содержат блестящие идеи и остроумные наблюдения (например, о родстве работы археолога с деятельностью детектива). В книге не могли не пробиться сквозь умозрительную доктрину ростки рациональных мыслей. Правда, это совсем не те идеи, по которым авторы ищут поддержки у меня (там скорее критика нынешнего состояния типологической проблематики).

В частности, в книге не раз повторяется известный девиз классификаторов: сперва дели, потом собирай (split first, then lump). Эту мудрость нелишне напоминать археологам снова и снова, потому что lumpers весьма распространены среди них, и обе тенденции считаются в общем равноправными. Мне уже доводилось писать, что это неверно (Клейн 1991: 200 – 201).

Справедливо и рассуждение об увязке морфологического типа с внешними данными. Создаваемые нами типы, сказано в книге, надо сначала разграничивать по морфологическим основаниям, а лишь потом – по их значениям (с. 183). Это нужно для того, чтобы наши типы не только существовали, но и применялись, работали. Чтобы мы находили в них не только being, но и doing. Тип, регулярно появляется в сочетании с чем-то внешним. Он не может быть основан только на внутренних чертах. И авторы делают знаменательное признание: мера естественности есть степень, в которой типология работает для данной цели (гл. 6, с. 68). Если даже они и не имели в виду действительную естественность, реальность типов и хотели только поставить на ее место условность, целенаправленность типологии, то регулярная связь морфологической основы типа с внешними данными, будучи признана, придает этой констатации совсем другое звучание.

Авторы трезво и довольно скептически относятся к участию компьютеров в классификации. «С внедрением компьютеров, – пишут они, – целое поколение археологов тотчас было обращено в статистиков, понимали они статистику или нет. Они спешили применить новые машины на поприще классификации в надежде решить извечные классификационные проблемы и прежде всего проблему субъективности... Новейшая типологическая литература создает впечатление, что компьютеры стали просто хвостом, который виляет собакой классификации артефактов» (с. 293). Эта тирада направлена особенно против аналитической археологии с ее нумерической классификацией. «Сказать, что артефакт типа А разделяет больше черт с артефактом типа В, чем артефакт типа С – это утверждение, редко пригодное к какой-либо содержательной интерпретации, если вообще пригодное, но археологам потребовалось десятилетие экспериментов, чтобы это установить" (с. 294). Впрочем, компьютеры сейчас в самом начале своего развития, и не стоит оценивать перспективы применения по самым первым шагам.

Очень высоко я ценю редкостное в теоретических книгах высказывание о важности предварительного знания для построения удачной типологии. Предварительное знание, устанавливающее какие-то связи между реальными вещами и нашими понятиями, образует основу для правильного выбора критериев (с. 51 – 53). Если нет *предзнания*, то не помогут и цели, провозглашают авторы (с. 184). Идея предварительного знания была основной во всей моей «Археологической типологии». В опоре на него я видел секрет удачности некоторых практических типологий. Разработку новой стратегии построения типологий я и строил на основе поис-

ка дополнительных источников предварительного знания о реальных типах в материале. При группировании артефактов я видел этот источник в целостном знании о более высоких уровнях типологии – уровнях культур. Жаль, что авторы не развили свою плодотворную идею.

Авторы дали своей книге подзаголовок «Диалектический подход к классификации и сортированию артефактов». Под диалектикой они подразумевают обратную связь между создаваемыми понятиями и обогащающимся знанием о материале. Обратная связь относится скорее к области кибернетики, чем диалектики. Диалектика же в общепринятом понимании больше связана с внутренними противоречиями. В этом смысле их подход к группированию артефактов действительно диалектичен, но в данном варианте это не достоинство.

Достоинства книги я вижу в другом – в стремлении найти теоретическое обоснование собственной археологической практике, в попытке увязать свою теорию с определенной философией, в осознании необходимости обзаведения четкой понятийной системой и в множестве здравых мыслей умудренного опытом практика, разбросанных по всей книге.

ЛИТЕРАТУРА

Клейн Л. С. 1987. Классификация и типология. – Исторические чтения памяти М. П. Грязнова. Тезисы докладов... Часть I. Омск, изд. Омского университета: 33 – 35.

Клейн Л. С. 1991. Археологическая типология. Л, АН СССР.

Adams W. Y. and Adams E. W. 1991. Archaeological typology and practical reality: A dialectical approach to artifact classification and sorting. Cambridge University Press, Cambridge.

Klejn L. S. 1982. Archaeological typology. Oxford, BAR.

## Список сокращений

АВ — Археологические вести. СПб.
АИМ — Археологические исследования в Молдавии. Кишинев.
АИУ — Археологические исследования на Украине. Киев.
АКМ — Археологическая карта Молдавской ССР. Кишинев.
АО — Археологические открытия. Москва.
АП УРСР — Археологічні пам`ятки. Київ.
БС — Боспорский сборник-
ВДИ — Вестник древней истории. М.
ДСПК — Древности степного Причерноморья и Крыма.
ЗПЭ — Запорожская полевая экспедиция.
ИБ МАИКЦА — Информационный бюллетень Международной ассоциации по изучению культур Центральной Азии.
ИМКУ — История материальной культуры Узбекистана.
Изв. АН МССР — Известия Академии Наук Молдавской ССР, Кишинев.
Изв. ГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры. М.-Л.
ККСП — Катакомбные культуры Северного Причерноморья.
КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР. Москва.
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры.
КСОГАМ — Краткие сообщения Одесского государственного археологического музея. Одесса.
МАЭ АН МССР — Музей археологии и этнографии АН МССР. Кишинев.
МДАВП — Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині. Київ.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. Москва.
МИА Ю-З СССР и РНР — Материалы и исследования по археологии Юго-Запада СССР и Румынской Народной Республики. Кишинев.
РА. — Российская Археология. М.
РОМК — Ростовский областной музей краеведения.
СА — Советская Археология. М.
САИ. — Свод археологических источников по археологии СССР. М.-Л.
СЭ. — Советская этнография.
ТКУ — Трипільска культура на Україні. Київ.
Труды ХЭ — Труды Хорезмийской экспедиции. М.
ЮТАКЭ — Южно-Туркменская Археологическая Комплексная Экспедиция.
AAC — Acta Arheologica Carpatica. Kraków.
AAH — Acta Archaeologica Hungarica. Budapest.
AR — Archeologičke rozhledy. Praha.
Alba Regia — Szekesfehervar
Arch.Hung. — Archeologia Hungarica. Budapest
AM, Arh. Moldovei — Arheologia Moldovei. Iaşi
Atlas — Atlas du Néolithique Européen. L'Europe Orientale. Vol.I. Liège, 1993-
BAR — British Archaeological International Seriens. — Oxford.
Bylany — Bylany Seminar 1987, Praha.
IASCCA — International Association for the Study of the Cultures of Central Asia)
JAM — Jósa Andras Muszeum Evkonyve XXXV: Nyiregyhaza, 1994.
Materiale — Materiale şi cercetări arheologice. Bucureşti.
Mem. Antiqvi. — Memoria Antiquitatis. Piatra Neamţ.
OJA. — Oxford Journal of Archaeology. Oxford
PA — Pamatky Archeologicke. Praha.
PZ — Prähistorische Leitschrift. Berlin.
PZP. — Praehistoria ziem Polskich. Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk.
Préhist. Europ. — Préhistoire Européenne. Liège
S.P. — Studia Praehistorica. София
SASTUMA — Saarbrücker Studien und Materialien zur Altertumskunde. Bonn.
SCIV (şi Arh.), SCIVA — Studii şi cercetări de Istorie Veche (şi Arheologie). Bucureşti.
SFA — Leitschrift für Archeologie. Berlin.
SLA — Slovenska archeologia. Bratislava.
Vincea culture — The Vinca Culture, ist Role and Cultural connections. Timişoara,

## C O N T E N T S

**Veteran of Euro-Asia Archaeology V.M.Masson is seventy. The view from Moldova** ..... 7

## MONOGRAPHY IN THE JOURNAL

**Larina O.V.** *(Kishinev, Moldavia).* **The Linear Pottery Culture of the area between rivers Prut and Dniester** ..... 10

## INVESTIGATIONS AND PUBLICATIONS

**Covalenco S., Bodean S.** *(Kishinev, Moldavia).* **Tsarigrad II – settlement of the Early Neolithic Age on the river Reut in Moldova** ..... 141

**Palaguta I.V.** *(Moscow, Russia).* **Problems of studying spiral ornaments of the Tripolye ceramics** ..... 148

**Gavrilov A.V., Toschev G.H.** *(Simferopol, Zaporojie, Ukraine).* **A burial mound near the village of Jeliabovka in the Crimea** ..... 160

**Liashko S.N.** *(Kiev, Ukraine).* **About finding a wooden wheel of the Late Bronze Age in the river Dnieper** ..... 167

## MIGRATIONS IN THE ARCHAEOLOGY

**Dergachev V.A.** *(Kishinev, Moldavia).* **The particularities of the cultural-historical development of the region between the Carpathians and Dniestr. To the problem of interaction of ancient communities of Middle, South-Eastern and Eastern Europe** ..... 169

## ECO-SOCIAL RECONSTRUCTIONS

**Pustovalov S.Z.** *(Kiev, Ukraine).* **Modeling of the face according to the skull among the population of Ingul Catacomb Culture** ..... 222

**Sekerskaya E.P.** *(Odessa, Ukraine).* **Cattle breeding and hunting activity of the Late Bronze Age population in the South Ukrainian region** ..... 256

## INDO-IRAN PROBLEM AND ARCHAEOLOGY OF BRONZE AGE IN EURO-ASIAN STEPPES

**Masson V.M.** *(S.Petersburg, Russia).* **Bronze age civilizations of Central Asia and archaeology of the Eurasian steppes** ..... **265**

**Pjankova L.T.** *(Dushanbe, Tadjikistan).* **The stepped components in the complexes of Bronze Age in Southern-Western Tadjikistan** ..... **286**

**Behter A.V.** *(S.Petersburg, Russia).* **Seyminskaya and Andronovskaya blade weapon: to the problem of interaction of traditions** ..... **298**

**Bobomulloev S.** *(Dushanbe, Tadjikistan).* **Discovery the tomb of the Bronze age on the Upper Zerafshan** ..... **307**

**Kutimov Yu. G.** *(S.Petersburg, Russia).* **Cultural attribute the Late Bronze age's steppe pottery of southern regions of the Middle Asia (Turkmenistan)** ..... **314**

**Shchetenko A.Ya.** *(S.Petersburg, Russia).* **On the contacts of steep bronze cultures with farmers of Southern Turkmenistan (according to materials of Tekkem-depe and Namazga-depe)** ..... **323**

**Goncharova J.V.** *(S.Petersburg, Russia).* **Some aspects of the interpretation of the burials with disk cheek-pieces on the steppe and forrest-steppe territory of Eurasia** ..... **336**

**Kirtcho L.D., Popov S.G.** *(S.Petersburg, Russia).* **To the problem of radiocarbon chronology of early civilization of Central Asia** ..... **350**

**Dani A.H.** *(Islamabad, Pakistan).* **The new discoveries in the North areas of Pakistan and origin of Dardic culture** ..... **362**

## REVIEWS

**Klein L.S.** *(S.Petersburg, Russia).* **Philosophy of classification and archaeological practice in the book of Adams** ..... **368**

**LIST OF ABBREVIATIONS** ..... **373**

Stratum plus. ВАШ археологический журнал.
Кишинев. Высшая Антропологическая школа. 1999. — 376 стр.

Высшая Антропологическая школа.
MD 2024, Республика Молдова, г. Кишинев, ул. Зимбрулуй 10а.
Подписано к печати 24.04.1999. Формат 60×84 1/8. Бумага офсет №1. Печать офсетная.
Гарнитура «гельветика». Усл. печ. л. 38. Тираж 750 экз. Заказ 194.
Отпечатано АО «Бизнес-Элита». Кишинев, ул. Щусева 106, оф. 23.